

**ШЕМАХА. Март-Июль 1918 г.
Азербайджанские
погромы в документах.
Том I. Город Шемаха**

**Составитель:
Доктор исторических наук, проф.
Солмаз РУСТАМОВА-ТОГИДИ**

Баку- 2013

Главный консультант: **Эльдар Махмудов**
*Председатель Государственной Комиссии по
делам военнопленных, заложников и пропавших
без вести граждан Азербайджанской Республики*

Рустамова-Тогида Солмаз Али кызы.
**«ШЕМАХА. Март-июль 1918 г. Азербайджанские погромы в докумен-
тах». Том I. Город Шемаха. Баку, 2013, 880 стр. с фотографиями.**

Настоящая книга является I томом 2-х томного сборника документов «Шемаха. Март-Июль 1918 г. Азербайджанские погромы в документах», четвертым изданием из серии «Документы Чрезвычайной Следственной Комиссии». Документы, вошедшие в сборник были собраны и составлены ЧСК, созданной Азербайджанским Правительством в июле 1918 г., для расследования фактов насилия, погромов и мародерства, произведенных в отношении мусульманского населения и их имущества в пределах всего Закавказья с начала первой мировой войны. В I том вошли материалы ЧСК по следственному делу разгрома города Шемахи, которые позволяют рассмотреть трагические события в марте-апреле 1918 г. в Шемахе, когда в результате двух нападений с перерывом в 10 дней были зверски убиты более 8 тысяч мирных жителей, в том числе женщин, детей и стариков, полностью разрушен и сожжен до основания город Шемаха, со всеми жилыми кварталами и 13 мечетями. Были также разрушены и сожжены все гражданские объекты, разграблено и уничтожено имущество принадлежащее всему азербайджанскому населению. В двух разделах сборника собраны свидетельские показания жителей г. Шемахи, создающие хронологию начала и развития азербайджанских погромов, документы ЧСК, фиксирующие разрушение города Шемахи, а также судебно-следственные материалы по делу «О разгроме гор. Шемахи», состоящие из прошений и жалоб отдельных граждан, представленных в следственные органы по отдельным фактам убийств и ограблений во время Шемахинских событий, переписку следственных органов по поиску лиц, подозреваемых в тех или иных преступлениях, допросы обвиняемых, постановления следственных органов и т.д. Раскрывая в деталях преступные деяния армянских формирований, среди которых были и молоканские жители уезда, документы сборника свидетельствуют о том, что Шемахинские события были составной частью более масштабных операций и планов армянских националистов, стремящихся к максимальному уменьшению численности мусульманского населения во всех азербайджанских регионах, которые они рассматривали как потенциальные территории для своего будущего государства.

В сборник также включены научный очерк, посвященный истории вопроса, информационно-вспомогательный аппарат и исторические фотографии, снятые ЧСК. Приложена карта города Шемахи 1918 г. со специальным содержанием.

ISBN 978-9952-8223-0-4

© Солмаз РУСТАМОВА-ТОГИДИ

Содержание книги

От издателя	7
События 1918 г. в Шемахе – начало реализации планов массового уничтожения мусульманского населения в уездах Азербайджана	11
1. Исторический Ширван	12
2. Население Ширвана (в пределах Шемахинского уезда)	66
3. Армяне в Шемахинских событиях 1918 г.	95
4. Молокане в Шемахинских событиях 1918 г.	143
5. Большевики в Шемахинских событиях 1918 г.	170
6. Деятельность Чрезвычайной Следственной Комиссии в гор. Шемахе и Шемахинском уезде	211
Постановления Азербайджанского Правительства об организации Чрезвычайной Следственной Комиссии.....	273
Раздел I	
Документы Чрезвычайной Следственной Комиссии «О разгроме гор. Шемахи»	275
<i>Глава 1</i>	
Свидетельства жителей города Шемахи	275
<i>Глава 2</i>	
Документы о разрушении города Шемахи.....	478
Раздел II	
Судебно-Следственные документы по делу «О разгроме гор. Шемахи»	493
<i>Глава 1.</i>	
Переписка Чрезвычайной Следственной Комиссии о разгроме города Шемахи	493

Глава 2.

Следственные дела «О разгроме гор. Шемахи», возникшие в производстве Шемахинского Следственного участка.....	516
& 1. Дело «Об убийстве жителей гор. Шемахи Теймур-бека Худавердиева и Абдул-Салама Азимбекова»	517
& 2. Дело «О разбойном нападении на Халаф бека Меликбекова и об убийстве последнего»	530
& 3. Дело «Об ограблении квартиры и имущества Насрулла бека Алиева».....	568
& 4. Дело «Об убийстве жит. гор. Шемахи Мешади Али Кулия, Мешади Забуты и Расула Мешади Али Кули оглы с целью ограбления».....	597
& 5. Дело «О краже у жителя гор. Шемахи Мамед бека Алиева разных драгоценных и др. вещей во время мартовских событий в гор. Шемахе в 1918 года»	625
& 6. Дело «О похищении у жителя гор. Шемахи Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы во время мартовских событий фургона».....	633
& 7. Документы об ограблении Замана Гусейн Кули оглы и др. жителей гор. Шемахи во время мартовских событий.....	650

Глава 3.

Следственное дело «О разгроме гор. Шемахи», возникшее в производстве члена Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Ф. Новацкого.....	658
& 1. По обвинению М.Л.Гюльбандова, М.П.Арзуманянца, Е.А.Иванянца	662
& 2. По обвинению Агабека Лалаева	689
& 3. По обвинению Якова Безроднова	712
& 4. По обвинению Сетрака Шабанова и Агабека Магакелова	717
& 5. По обвинению Джумибека Авшарова.....	722
& 6. По обвинению Григория Аванесова (Ованесова)	732

Глава 4.

Следственные дела по обвинению Степана Лалаева	736
& 1. Следственные дела по обвинению Степана Лалаева в производстве следователей по наиболее важным делам Тумбия, Ко- маровского, Рожанского и Викторова.....	737
& 2. Следственное дело по обвинению Степана Лалаева в производстве члена Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Ф.Новацкого.....	807

Глава 5.

Документы судебно-следственных органов Азербайджанской Советской Социалистической Республики по делу «О разгроме гор. Шемахи»	823
---	-----

Примечания	830
-------------------------	-----

**Приложение о национально-религиозном составе населения
г. Шемахи и Шемахинского уезда к 1-му января 1916 г.**

**Фото-документы Чрезвычайной Следственной Комиссии
по Шемахинским событиям 1918 г**

Карта г. Шемахи 1918 г. со специальным содержанием

От издателя

К вниманию читателей представляется новое издание – сборники документов из серии «Документы Чрезвычайной Следственной Комиссии», раскрывающие еще одну страницу кровавых событий 1918 года. Читатель, уже знакомый с предыдущими книгами из этой серии, достаточно осведомлен как с содержанием и характером материалов, входящих в эти сборники документов, так и самим назначением этой Комиссии. Напомним, что в середине июля 1918 г., через полтора месяца с начала своей деятельности и переезда из Тифлиса в Гянджу, Азербайджанское Правительство сочло необходимым выразить свое отношение к происходящим в республике событиям, в частности к фактам насилия и неслыханных зверств, творимых против мирного азербайджанского населения вооруженными армянскими частями, действующими порою под большевистскими лозунгами, продвигая при этом свои националистические цели и стремления. Для расследования именно этих фактов, причем немедленно, «ибо многое, что легко можно установить теперь, по горячим следам, в смысле опроса лиц, фотографирования и удержаний других вещественных доказательств, позднее делается затруднительным, а может быть совершенно невозможным», было и создана Чрезвычайная Следственная Комиссия (ЧСК).

К чести Комиссии, возглавляемой известным азербайджанским юристом Алекпер беком Хасмамедовым и состоящей из профессиональных юристов, в большинстве своем не-азербайджанцев, в течении чуть более одного года было подготовлено документов в 36 томах, без учета документов отдельных судебно-следственных производств, также исчисляющихся несколькими десятков дел. Отдельную часть этих документов составляли фото-материалы - более 100 фото-снимков, отснятых и собранных членами ЧСК, в которых отображались последствия азербайджанских погромов: разрушенные города и села, жилые кварталы, дома, мечети, торговые ряды, принадлежащие мусульманам, останки убитых армянскими бандами людей, разорванные и оскверненные книги Корана и т.д.

Учитывая чрезвычайную важность и актуальность этих документов в деле информирования как азербайджанской, так и мировой общественности о подлинных масштабах и характере неслыханного террора, приведшего к истреблению в течение марта-июля 1918 г. более пятидесяти тысяч невинных людей в городах Баку, Кубе, Шемахе, а также в населенных пунктах почти всех уездов Азербайджана, Министерство Национальной Безопасности Азербайджанской Республики приняло решение издать эти документальные мате-

риалы, подготовленные к изданию доктором исторических наук, проф. Солмаз Рустамовой-Тогиди, в виде отдельных сборников документов, объединенных в серии «Документы Чрезвычайной Следственной Комиссии».

Так, в 2009 г. вниманию читателей была предоставлена первая книга из серии, в которую вошли все материалы Комиссии по мартовским событиям 1918 г. в Баку: «Март 1918 г. Баку. Азербайджанские погромы в документах».

В 2010 г. был издан второй сборник документов, куда вошли все документы следственного дела «О разгроме гор. Кубы и селений Кубинского уезда», под названием «Куба. Апрель-май 1918 г. Мусульманские погромы в документах».

В 2011 г. С.А.Рустамовой-Тогиди были обнаружены в зарубежных архивах 102 фотографии, сделанные и собранные ЧСК, но не сохранившиеся в республике. Отправленные в 1919 г. во Францию Азербайджанской делегации на Парижской Мирной Конференции во главе с Али Мардан беком Топчибашевым, и хранившиеся в его архиве в течение долгих лет, эти фотографии вместе с соответствующими документами ЧСК, подтверждающими факт их снятия Комиссией, были изданы в 2012 г. в виде книги-альбома на трех языках – русском, английском, турецком, под названием: «1918. Азербайджанские погромы в фотографиях и документах». В книгу-альбом были включены также доклады членов ЧСК, в которых описывались трагические события в уездах Азербайджана.

И вот серия «Документы Чрезвычайной Следственной Комиссии» дополнилась новыми изданиями. вниманию читателей представляются два тома сборника документов- «Шемаха. Март-Июль 1918г. Азербайджанские погромы в документах». «Шемахинский материал», объединяющий следственные дела о разгроме города Шемахи и селений Шемахинского уезда в марте-июле 1918 г., занимает особое место среди документов ЧСК как по объему – 35 томов вместе с отдельными следственными производствами, так и по открывшейся правде об истинных масштабах и последствиях трагических событий, развернувшихся в течение марта-июля 1918 г. в этом древнейшем крае Азербайджана. Так, документы ЧСК, входящие в первый том сборников, позволяют впервые создать хронологию мартовских событий 1918 г. в городе Шемахе в самых мельчайших деталях, указать приблизительное число погибших жителей Шемахи – более 8 тысяч горожан-азербайджанцев. Практически все остальное население города, как и многих селений уезда, стало в следствии этих погромов беженцами. Город Шемаха был разрушен и сожжен дотла, т.е. полностью уничтожен, что подтверждалось документами ЧСК, в том числе фото - снимками. Из 95 фотографий, отснятых самими членами Комиссии, 45 были сделаны в городе Шемахе и 17 в селениях Шемахинского уезда . О масштабах Шемахинских трагедий 1918 г. говорит такой факт, что в некогда процветающем городе Шемахе, в котором к началу 1916 г. проживало 27.752 человека, 21.127 из которых составляли мусульмане, в 1921 году, насчитывалось населения всего в 1700 человек.

Не менее трагически обстояли дела в азербайджанских селениях Шемахинского уезда, документы расследования которых вошли во второй том сборника. Материалы ЧСК свидетельствуют, что население 110 из 184 мусульманских селений, (не считая кочевья и отсеки) пострадали от погромов, а 95 из них подверглись разгрому и сожжению. Они же позволяют назвать точное число убитых в селениях Шемахинского уезда - 10341 человек, из них 4359 – женщины и дети. Материальный урон причиненный азербайджанскому населению всего уезда исчислялся более полутора миллиардами рублей.

Судебно-следственные материалы по разгрому города Шемахи и селений Шемахинского уезда, включенные в оба тома сборника, являются также ярким показателем того, какую огромную, тяжелую и скрупулезную работу провели члены Шемахинской группы ЧСК в течении относительно небольшого времени - всего в несколько месяцев, подготовив столь большой объем материалов.

«Шемахинский материал» ЧСК примечателен также и тем, что следователям удалось выявить и привлечь к ответственности наибольшее число виновных из числа обнаруженных следствием обвиняемых в азербайджанских погромах во всех уездах республики, в том числе в гор. Баку. Еще одной особенностью Шемахинских событий 1918 г. стало участие в них местного русского – сектантского (молоканского) населения, выступившего союзниками армян, что стало предметом особого расследования следователями ЧСК.

Следует отметить, что в первый том сборника включено обстоятельное исследование Шемахинских событий 1918 г., в основном на основании материалов ЧСК, выполненное составителем этой серии, д.и.н., проф. Солмаз Рустамовой-Тогида. Первые 2 главы из 6 глав этого исследования посвящены истории Древнего Ширвана и его населения (в пределах Шемахинского уезда), которые полностью опровергают измышления армянских авторов, включающих этот край в т.н. территорию «Восточной Армении». Целью же внедрения на протяжении длительного времени в сознание читателей и исследователей термина «Восточная Армения» являлось и продолжает оставаться создание иллюзии об армянском присутствии на исконных азербайджанских землях, которые должны были стать территориальным фундаментом будущего армянского государства.

О том, как пытались осуществить эту цель и свидетельствуют материалы, входящие в сборник «Шемаха. Март-Июль 1918г. Азербайджанские погромы в документах» в двух томах, которые не только подтверждают преступную сущность армянского национализма, разрушительная деятельность которого обусловила трагедию азербайджанского народа в одном из регионов страны – Шемахинском уезде Бакинской губернии. В совокупности с материалами следственных дел ЧСК по разгрому в Бакинском, Кубинском, Геокчайском, Шушинском, Зангезурском, Джебраилском и др. уездах и регионах в 1918 г., документы данного сборника еще раз указывают на наличие четко выработанных и тщательно исполненных армянским национализмом планов по це-

ленаправленному массовому уничтожению мирного мусульманского населения Азербайджана.

К сожалению, армянские националисты и в наши дни продолжают эту свою деятельность. Развязав в начале 1988 года сепаратистское движение в Нагорном Карабахе, которое превратившись в Армяно-Азербайджанский, Нагорно-Карабахский конфликт, вот уже 25 лет сохраняет свою актуальность, сегодня они ведут планомерную подстрекательскую работу в направлении поддержания и признания так называемой «Нагорно-Карабахской Республики». В своей деятельности армянство не отказывается от своей традиционной политики фальсификации истории, в том числе трагических событий 1918 г., развязанных ими во всех регионах Азербайджана. В этом отношении издания, входящие в серию «Документы Чрезвычайной Следственной Комиссии», состоящие из официальных документов, поскольку их сбор и хранение было осуществлено со стороны государственных органов, представляют огромную ценность не только с юридически-правовой точки зрения, но и имеют неопределимое историко-политическое и дипломатическое значение.

*Научно-исследовательский Центр
Министерства Национальной Безопасности
Азербайджанской Республики.*

События 1918 г. в Шемахе – начало реализации планов массового уничтожения мусульманского населения в уездах Азербайджана

«Граждане мусульмане, спасите погибающий исторический Ширван!»

Этот клич-обращение полный горечи и отчаяния, был напечатан в газете «Азербайджан» от 30 марта 1919 г., т.е. ровно через год после событий, послуживших причиной его появления в «Воззвании Чрезвычайной Следственной Комиссии». Подписал «Воззвание» известный юрист- правовед, видный общественный и государственный деятель Азербайджанской Республики, один из представителей знатного рода Хасмамедовых, Алекпер бек Хасмамедов, в то время председатель названной Комиссии. Пожалуй, это первый и единственный случай, когда Чрезвычайная Следственная Комиссия, созданная Азербайджанским Правительством 18 июля 1918 г. для расследования фактов насилия, совершенных в течении последних несколько лет над мусульманским населением Закавказья, выходила за рамки своих полномочий, публично обращаясь к гражданам Азербайджана и призывая их помнить о своих гражданских обязанностях и нравственном долге. Чем же было вызвано это обстоятельство, притом призыв о помощи именно «погибающему Ширвану», под которым подразумевалось население г. Шемахи и Шемахинского уезда? Ведь к марту 1919 г. Чрезвычайная Следственная Комиссия (ЧСК) почти завершила свою основную работу – собрание материалов по мартовским событиям 1918 г. в городах Баку и Шемахе, а также по погромам и насилиям, учиненным армянскими вооруженными частями с марта по сентябрь 1918 г., в уездах Азербайджана – Бакинском, Шемахинском, Кубинском, Арешском, Геокчайском, Джевадском, Нухинском, Ленкоранском, в Карабахе и Зангезуре. Были частично собраны материалы о разгроме мусульманских селений Новобаязидского, Шаруро-Даралагезского, Ленкоранского уездов, Эриванской губернии, а также в окрестностях Гянджи. Для ЧСК к этому времени уже были очевидны вопиющие факты массовых убийств, репрессий, изгнания из своих исконных земель и родных очагов азербайджанцев, поджогов целых селений, городских кварталов и домов, мечетей и др. культовых, общественных и гражданских объектов, принадлежащих мусульманам, разграбления их многочисленного имущества, начиная с домашних вещей, вплоть до скота и сельскохозяйственных орудий. Города и селения Азербайджана в это время были заполнены десятками тысяч беженцев-мусульман, оставшихся без крова и хлеба, среди которых к тому же свирепствовала эпидемия, уносящая ежедневно сотни жизней.

Однако, судьба населения, как и самого города Шемахи и селений Шемахинского уезда в целом, вновь оказалась наиболее трагической.

* * *

1. Исторический Ширван

Возможно, не случайно А.б.Хасмамедов в своем «Воззвании» употреблял слово «Исторический Ширван», который в течение веков неоднократно подвергался сложным военно-политическим испытаниям, а также природным катаклизмам, и все же находил силы вновь восстанавливаться.

Ширван представляет собой историко-территориальное понятие, возникшее в результате длительного исторического процесса и, как свидетельствуют источники, Ширваном в Азербайджане именовалась область, страна и город. Историческая область в Северном Азербайджане - на западном берегу Каспийского моря, к востоку от реки Кура - известна под названием "Ширван" ("Шарван") с эпохи государства Сасанидов (226-651 гг.) и обозначена как часть древней Кавказской Албании, а позднее Аррана. (1)

Границы области Ширвана в период средневековья в связи с политическими событиями и с изменением административного деления страны в результате завоеваний, нередко менялись. В некоторые периоды часть Ширвана входила в состав Атропатены, часто северная граница Ширвана простиралась до городов и поселений Южного Дагестана. Известно, что во время нашествия на Азербайджан войск хазарского кагана (VII в.), Ширваном именовался также достаточно укрепленный город. Хотя точное месторасположение города Ширван неизвестно, однако установлено, что к городам Шабран и Шемахи он не имел отношения, будучи отдельным населенным пунктом. (2)

От «Ширван» получило свое название и небольшое образование, возникшее в результате развития феодализма и центробежных стремлений военной знати на северо-восточных окраинах Сасанидского государства в первой половине VI в., именуемое «государством Ширваншахов». «Историческая традиция приписывает основание государства сасанидскому царю Ардаширу I (224-241), а по другой версии Хосрову I Ануширвану (531-579 гг.) в связи с его реформами в империи, способствовавшими процессу феодализации в Иране и Азербайджане и в связи с назначением правителей из числа его родичей, которым он доверял охрану северных провинций. ...Титул шах, который носили правители пограничных областей, свидетельствует о значительной самостоятельности этих феодалов, владевших крупной земельной собственностью и находившихся в вассальной зависимости от сасанидского царя.» (3)

По утверждению основоположника Азербайджанской научной историографии Аббас Кули Ага Бакиханова «После Ануширвана о Ширване ничего особенного неизвестно, кроме того, что пользуясь беспорядками в Персии, хазары производили частые набеги и опустошения до тех пор, пока не появились арабские войска и постоянными победами подчинили своей власти этот край». (4)

Хазары, как и другие родственные тюркские племена начиная с IV – первой половины VII вв., стали вторгаться в пределы Азербайджана, Албании, в

том числе Ширвана, вели здесь войны, временами властвовали над местным населением, и уже в эти века часть этих тюркоязычных племен оседала в этих краях. (5)

Имена ранних Ширваншахов не известны, однако согласно источникам, титул их происходил от названия области – Ширван или Шарван, и в ранний период завоевания Ширвана Халифатом (VII в.) арабы оставили их у власти в качестве васалов халифа. Так, по утверждению А.К.Бакиханова, «когда в Ширван первый раз пришли арабские войска, они нашли здесь Шахрияра из династии ширваншахов, учрежденной Ануширваном Сасанидским. Предводители арабов Сурака ибн Амр и потом Абд ар-Рахман ибн Рабаи, по воле халифа Умара I утвердили Шахрияра в его власти на условия покорности им, как военачальником арабов». (6) Но позже, после укрепления арабами своей власти в Закавказье в VIII в., Ширваншахи были смещены и, Ширваном стали править арабские хакимы (правители). Здесь же были оставлены арабские гарнизоны, которые через каждые четыре года пополнялись шестью тысячами воинов. (7) Такое переселение продолжалось почти полтора века, и только при Халифе Харун-ар-Рашиде приток арабских переселенцев в Азербайджан, в том числе в Ширван, резко сократился. (8) Именно с этого времени началась исламизация и арабизация страны. Основную часть переселенцев-арабов в Ширване составляли кочевники, которые нанесли большой урон городам и на длительное время затормозили их развитие. (9) Одновременно при арабских наместниках продолжалось усиление тюркского этнического элемента в области, куда перемещались на несение военной службы тюркские гвардейцы Халифата.

Как указывает видный азербайджанский ученый, исследователь истории государства Ширваншахов, Сара-ханум Ашурбейли, одним из первых арабских «маликов» (владыкой) Ширвана был аш-Шамах ибн Шуджа, правивший в 797-798 гг. После него правителем Ширвана, Азербайджана (имеются ввиду территории современного Южного Азербайджана) и Баб ал-Аббаба (Дербент) в 799 г. был назначен Йазид ибн-Мазйад аш Шайбани, который умер в Барде в 801 г. В 861 г. Воспользовавшись беспорядками после смерти халифа Мутаваккила, сын Халида ибн Йазид - Хайсам, правитель Ширвана, объявил себя независимым, приняв титул Ширваншаха, и положил основание династии Ширваншахов Мазйадидов. Последующие Ширваншахи, именуемые в научной литературе Кесранидами и Дербенди, были арабского происхождения и прямыми наследниками и продолжателями рода Мазйадидов. Постепенно Ширваншахи Мазйадиды ассимилировались с местной родовой знатью, породнившись с нею путем браков и игнорируя свое происхождение от арабов. Со второй четверти XI в. под влиянием сасанидских традиций, у представителей династии Ширваншахов появляются персидские имена. Эта тенденция продолжалась до конца XIV в. «Иранизация Ширваншахов в XI в. проникла во все области их политической, социальной и духовной жизни. Можно полагать, что уже с XII в., периода большого развития Азербайджанской культуры, династия Ширваншахов уже полностью ассимилировалась с

местным населением, и это были уже местные ширванские правители, со своими традициями и бытом». (10)

Весьма своеобразно охарактеризовал ширваншахов другой видный азербайджанский ученый-востоковед Зия Буниятов: «Сами ширваншахи, в основном, как представляется, консервативные правители, были довольны своей судьбой, которая как бы предназначила им обособленное независимое или полузависимое положение, и если бы не вмешательство извне, то они вероятно, довольствовались бы своей жизнью владельцев окраинных земель, вассалов, плативших дань своим сюзеренам, откупившихся от них большими суммами денег, различными товарами и скотом, воевавших с ближайшими соседями – Грузией и дагестанскими правителями, с которыми ширваншахи мирились, роднились и снова сражались. Удивительным представляется и то, что ширваншахи, будучи мусульманскими владыками, признавая верховную власть халифов и светскую – сюзеренов, ни разу не покидали своих столиц для выполнения главной заповеди мусульманина – паломничества в Мекку и Медину». (11)

Однако Ширваншахи вели феодальные междоусобные и захватнические войны не только со своими соседями, нередко вынужденные защитить свои владения. После того как арабы завоевали Азербайджан до Дербента и старались преградить путь дальнейшего проникновения хазар и других тюркоязычных племен в Азербайджан с севера, начались длительные войны между хазарами (образовавшими в 651 г. свое царство) и арабами, во время которых Азербайджан, в том числе и Ширван становился главной ареной этих войн со всеми их опустошительными и истребительными последствиями. В последующие периоды Ширваншахи вели также борьбу за свою независимость с иноверными завоевателями - арабами, сельджуками (XI-XII в. в.), хорезмшахом (XIII в.), монголами (XIII в.) и др. Территории Ширваншахов становились ареной бесчисленных сражений между монголо-татарскими государствами - Хулагуидов, Золотой Ордой и Тимуридов в течении почти двух столетий (с начала XIII в. до начала XV в.). Вместе с тем, в течение XI-XIV вв. благодаря дипломатическим способностям ряда представителей династии Ширваншахов даже во время захвата территории Ширвана Сельджуками и позже монголами, они фактически сохраняли свою независимость, чеканили от своего имени монету, несмотря на признание вассальной зависимости от того или иного государя. Хотя зависимость от монгольских государей была более сильной и при Хулагуидах Ширваншахи потеряли чеканить монету от своего имени, тем не менее, чеканили ее от имени сюзерена.

С начала XV в. и до начала XVI в., - около ста лет - Ширван оставался независимым государством, правители которого при Тимуридах начали титуловать себя султанами. В этот период Ширваншахи расширили свои владения. Дербенд с его округой и часть Муганской степи входили в состав владений Ширваншаха. Однако уже в конце XV г. у них появился новый грозный противник — суфийский орден Сефевийе, весьма сложные, и по сути непримиримые

отношения с которым завершились для Ширваншахов трагически. Период мирного строительства в Ширване в 1460 г. был прерван набегом на Ширван для завоевания страны и захвата престола Ширваншахов Джунейда- третьего потомка известного шейха Сефи Ардебии, изгнанного из Азербайджана его правителем Джаханшахом Кара-Коюнлу. Ширваншах Халилуллах при поддержке Джаханшаха Кара-Коюнлу во время битвы на левом берегу реки Самур у сел. Кыпчах разбил войска Джунейда, а сам он был убит. Начиная с 1483 г. попытки завоевания Ширвана предпринимал сын Джунейда, шейх Хейдар, желавший одновременно отомстить Ширваншаху за смерть своего отца. Под предлогом борьбы против «неверных» черкезов он несколько раз отправлялся в поход через Дербенд, относившийся к владениям Ширвана и, производя опустошения и взяв пленных, возвращался в Ардебил. Во время одного из таких набегов он напал на столицу Ширваншахов Шемаху, истребил жителей города, и занялся длинной осадой крепости Гюлистан, где укрывался Ширваншах Фаррух Йасар. В июле 1488 г. объединенные войска Ширваншахов и эмиров государства Ак-Коюнлу разгромили войско шейха Хейдара, который во время сражений был смертельно ранен и убит. Таким образом, попытки Шейха Хейдара, как и его отца Джунейда, завоевать Ширван и Дагестан не имели успеха и закончились для них весьма плачевно. Но уже к концу 1499 г. в Арзинджане под знаменем юного сына шейха Гейдара Исмаила собралось 7 тысяч газиев (борцов за веру) из кызылбашских племен устаджлу, шамлу, румлу, такалю, зулькадар, афшар, каджар, варсак и суфии Караджадага, и на одном из совещаний кызылбашских эмиров было принято решение начать войну с Ширваншахом Фаррух Йасаром, наследственным врагом Сефевидов. Осенью 1500 г. Исмаил вступил в Шемаху, где узнал, что все жители покинули город и укрылись в горах, а сам Ширваншах со своими войсками расположился лагерем близ крепости Бугурд. Настигнув Ширваншаха по дороге в крепость Гюлистан, куда собирался перебраться Фаррух Йасар, на местности Джабани Исмаил затеял одну из кровопролитнейших битв, которая закончилась для Ширваншаха и ширванцев катастрофой. Войско Ширваншаха были разбиты, сам Фаррух Йасар был захвачен в плен и казнен. (12)

С гибелью Фаррух Йасара закончился период расцвета и могущества государства Ширваншахов. Однако, несмотря на завоевание Ширвана Исмаилом, провозгласившим в 1501 г. себя «шахиншахом Азербайджана», последний признавал власть ширваншахов, оставив их правителями. Так, Сын Фарруха Йасара I Ширваншах Газибек признав себя вассалом Исмаила I, стал управлять своим сильно ослабевшим государством, правда, всего несколько месяцев. Правление последующих правителей Ширвана продолжалось также недолго, за исключением Шейх-Ибрагима II (Шейхшаха), правившим 22 года (1502-1524 гг.) и не раз предпринимавшим попытки независимого управления своим государством. В результате этого, в 1509 г. Исмаил (к тому времени уже ставший шахом Ирана) вновь направил свою армию в Ширван, занял Шемаху и Баку, а затем после упорной осады принял капитуляцию Дербента.

После этого похода отношения между Исмаилом I и ширваншахами наладились и даже закрепились родственными узами: В 1521 г. Шах Исмаил выдал свою дочь Перихан-ханум за сына ширваншаха Султан Халила (Халилуллах II), а в 1523 г. сам женился на дочери ширваншаха Шейхшаха. Однако после смерти Шах Исмаила (май 1524 г.), его сын и наследник, молодой шах Тахмасп I изменил свое отношение к Ширваншаху Халилуллаху, несмотря на то, что тот являлся его зятем (мужем сестры). После смерти Халилуллаха II в 1535 г, не оставившего наследника, феодальная знать Ширвана срочно доставила из Дагестана пятнадцатилетнего Шахруха, сына Фаррух Йасара II и внука Шейхшаха и возвела его на трон Ширваншахов. В это время власть дербендской династии ширваншахов пришла в полный упадок, в 1537 г. в Ширване началось восстание народных масс. Шах Тахмасп, давно задумавшись о присоединении Ширвана в Сефеваидскому государству, решил воспользоваться тяжелым внутренним положением Ширвана. Весною 1538 г. 20-тысячное войско Сефевидов, состоящее в основном из воинов племени каджар, а также талышей, двинулось в Ширван и быстро овладело крепостями Кале-и Гюджи, Сурхаб и гор. Шемахой, а после длительной осады также крепостями Гюлистан и Кале-и Бугурт. Несмотря на сопротивление ширванцев и героизм осажденных в крепости Бугурд, Шаху Тахмаспу не только силой оружия и своих войск, но и обманом удалось обезвредить как защитников, так и знатных и высокопоставленных жителей Шемахи. Получив ключи города и кладовых крепости Бигурд, которая еще с XIII в. служила казнохранилищем ширваншахов, Тахмасп завладел всеми богатствами Ширвана, приказал казнить большую часть Шемахинской знати, а последнего ширваншаха Шахруха взял с собой в Тебриз, где держал его «в цепях как раба в заключении и в 1539 г. тайно казнил». (13)

После завоевания Ширвана Тахмасп объявил династию Ширваншахов низложенной и присоединил его к Сефевидскому государству. Страна была обращена в вилайет, где беглербеком был назначен брат шаха Алкас-Мирза. В начале 1546 г. Алкас-Мирза поднял мятеж против своего брата шаха Тахмаспа, объявив себя независимым государем. Хотя, в начале он при посредничестве матери помирился со своим братом, но затем вновь поднял мятеж. Возвращаясь из похода в Дагестан, Северный Кавказ и Грузию Тахмасп ввел свои войска в Ширван. Алкас-Мирза и его сторонники потерпели полное поражение. Крепость Гюлистан была снесена. Так Ширван был во второй раз завоеван Тахмаспом. Новым беглярбеком Ширвана был назначен его сын Исмаил-Мирза (будущий Шах Исмаил II). (14)

Однако даже после подчинения Ширваншахов, Сефевидам пришлось подавить целый ряд восстаний в Ширване, которые продолжались до 1578 г., и возглавлялись отдельными представителями Ширванской знати, недовольной ликвидацией независимости своего государства. Однако попытки последующих представителей династии Ширваншахов Бурхан Али Султана и др. восстановить утерянную власть в Ширване успеха не имели.

Государство Ширваншахов безусловно, занимает огромное и важное место, как в истории Ширвана, так и Азербайджана в целом. Возникнув в III веке как небольшое феодальное владение, находящееся в вассальной зависимости от Иранских Сасанидов, оно к XI в. стало одним из крупных средневековых феодальных государств Закавказья и Ближнего Востока и на всем протяжении своего существования сыграло важную роль в судьбах своих соседей и других восточных стран. Хотя политическая история этого государства, как и других государств средневековья, насыщена бесчисленными войнами и сражениями, однако она же позволяет увидеть главные особенности, отличающие Ширваншахов от некоторых других феодальных образований на территории Азербайджана и Аррана. Как отмечает С.Ашурбейли, ширваншахи еще с времен Фарибурза I и в последующие времена придерживались традиционной политики ориентации на более сильного врага и политического выжидания перед опасностью. Ширваншахи оказались очень гибкими правителями, сумев пережить сельджукское, монгольское и тимуридское господство. Будучи в вассальных отношениях с сельджукскими султанами и затем сефевидскими шахами, чеканя монету от их имени и выплачивая им дань, Ширваншахи правили независимо или часто их зависимость была формальной. Ряд представителей Ширваншахов – Фарибурз I, Минучихр III, его сын Ахистан I, Шейх-Ибрахим I, Халилуллах были выдающимися дипломатами и государственными деятелями. Некоторые из них – Фарибурз III, Кавус, Шейх Ибрахим I, Фаррух Йасар были к тому же способными военачальниками, которые воевали с иноземными захватчиками и мужественно боролись за независимость Ширванского государства. Ширваншахи имели собственное войско. Так, например, источники называют 20 тысяч кавалерии и 6 тысяч пехоты войск ширваншаха, которые участвовали в битве при Джабани между Фаррух Йасаром и шахом Исмаилом.

Ширваншахи были суннитами, однако Шейх Ибрагим II, по мнению С.Ашурбейли, под влиянием Сефевидов и в угоду шаху Исмаилу принял шиизм. Ширваншахи покровительствовали наукам, искусству и литературе. При их дворе в XII в. расцвели поэзия и литература, образовалась так называемая азербайджанская литературная школа, из среды которой вышли блестящие поэты – Низами, Хагани, Фалеки и многие другие, творения которых вошли в золотой фонд мировой литературы. Официальным литературным языком был персидский, арабский употреблялся в богословии и религии, разговорным языком был тюркский- азербайджанский. Научные труды писались как на персидском, так и на арабском языках. При Ширваншахах в XII – первой четверти XIII в. были возведены оборонительные сооружения в городах Ширвана – цитадели, крепости, крепостные стены, башни. Они занимались строительством мечетей и ханак, поддерживали культ «святых шейхов». Это было время большого подъема сельского хозяйства, экономического развития городов, расцвета ремесел и торговли, усиления торгово-денежных отношений.

Область Ширван славилась своими климатическими и природными условиями, богатством недр, ценными сортами рыб, которыми изобиловала р. Кура, большим количеством скота. В связи с этим зажиточность населения являлось фактором, положительно влиявшим на развитие производительных сил страны. Это развитие периодически прерывалось иноземными завоеваниями, а также многочисленными набегами соседей и межфеодальными войнами, которые (особенно монгольское завоевание) ознаменовались большими человеческими жертвами, разрушением городов и селений, материальных ценностей, памятников архитектуры Ширвана. Однако, созидательные силы народа, несмотря на феодальную эксплуатацию, антинародную внутреннюю политику отдельных правителей, быстро восстанавливали экономику и хозяйственную жизнь государства.

Ширваншахи уделяли большое внимание государственному управлению. В Ширване существовали сильный государственный бюрократический аппарат, основанный на твердых государственных законах управления, и сложная система административного управления, налогового обложения со своим аппаратом фиска. (15)

Вся история государства Ширваншахов, особенно период XI- начала XIII вв. и весь XV в. может ознаменоваться большим экономическим развитием городов и городской культуры. Наиболее крупными городами Ширвана со времен возникновения этого исторического образования и в последующие периоды были Кабала, Шемаха, Баку, Дербент, Ширван, Шабаран и др. Однако учитывая объект наших исследований, остановимся на одном из них – Шемахе, долгие годы бывшей столицей государства Ширваншахов, а в последующие годы одним из главных историко-политических и культурных центров этого края.

Город Шемаха, расположен на юго-восточных склонах Большого Кавказа, в благоприятных для жизни естественных географических условиях, что и обусловило заселение этой земли с древнейших времен. В источниках имеются различные сведения о топонимике и об основании этого города. А.К.Бакиханов и ряд современных исследователей возводят это имя «Шемахи» к античному имени албанского города Камахи, или Ксамахея, отмечанному Птоломеем. (16) Существуют и другие версии.

Возможно, в топонимике Шемаха отложилось название кочевого племени ижмахов, в первой половине IV в. обитавших в Дагестане и на территории Ширвана. Существует версия, также связанная с именем другого племени – кимаки, относящихся к этническим общностям тюркского типа и проникнувших в Ширван через Дербент. (17) Арабские источники (ал-Балазури) утверждают, что будто бы город Шамахийя- Аш, что в области Ширвана, получила свое название от аш-Шаммаха ибн Шубджа – «малика Ширвана» в 796 г. или 798 г. Согласно другому арабскому источнику (Йакут) название Шамахийя, соответствовала городу «Йазидийя». О существовании города Йазидийя, как столицы Ширваншахов, свидетельствуют и другие источники, где

сообщается, что он был построен ширваншахом Абу-Тахир Йазидом в 918 г. Однако монеты, с чеканом «аль-Йезидийа» от 757\758 г и 766\767 гг. относятся ко времени правления другого арабского наместника - Йазиди ибн Усайна ас Сулами, известного своей борьбой с хазарами, и свидетельствуют о существовании уже города Йазидийа, где жил этот арабский правитель. Ряд других сведений также позволяет ученым предположить, что древний город Шемахийа в период правления Йазиди стал называться его именем, возможно, что он и отстроил город. Название Йазидийа как столицы Ширвана встречается в источниках до 1072 г. Однако, многие арабские источники IX, X, XI вв. также называют город Шемахийу, что позволяет говорить, что наряду с Йазидийа этот город назывался также древним именем Шамахийа, а после XI в. оно вытеснило название Йазидийа, которое в дальнейшем уже не встречается. (18) Представляет интерес суждение В.Минорского, по которому Шемах ибн Шуджа и Абу Тахир Йазид, вероятно только восстановили имеющиеся очень древнее поселение, которое было названо одним из них Шемахия, в другом – Йазидийа. (19) Персидские авторы связывают основание Шемахи с именем Ануширвана - сасанидского правителя (531-579 гг.), который якобы восстановил имеющееся в IV-III вв. до н. э. в окрестностях Шемахи поселение, получившее его имя. (20)

Несмотря на наличие других, менее значимых версий и разноречивость суждений как об этимологии топонима и об основании города Шемахи, многочисленные упоминания и сведения свидетельствуют о действительно древней истории этого города, местное звучание которого со временем получило форму Шамахи.

Существует ряд мнений также относительно месторасположения Шемахи в средние века. Следы древнейшей жизни на этой территории были выявлены на западной окраине современного города, у сел. Хыныслы. Археологические раскопки середины XX в., выявившие многослойное древнее поселение в местности Хыныслы, позволили утверждать, что в течение почти тысячелетнего периода это поселение несколько раз разрушалось, снова восстанавливалось, и прекратило свое существование к VII-VIII вв. н. э. в связи с нашествием арабов, или же из-за разрушительного землетрясения. отождествляя поселение Хыныслы с древней Шемахой, азербайджанские ученые полагают, что жители, покинув его, переселились на другую территорию, в крепость Гюлистан и на северо-запад от нее, где находятся развалины Пине-Ширван. (21)

Согласно проводимым археологическим работам, Азербайджанский историк Г.Джидди полагает, что в период раннего средневековья город занимал территорию между северо-западной окраиной нынешней Шемахи и горой Пирдиреки и в VII-VIII вв. жизнь города переместилась в сторону современной его территории, что было связано с общественно-политическими событиями данного периода, и в первую очередь завоеванием Азербайджана арабами. (22)

О разрушительном характере арабских завоевателей и переселенцев арабов-кочевников свидетельствуют многие источники, отмечающие огромный ущерб, нанесенных ими оседлому населению Ширвана, его экономике и особенно городской жизни. Среди исследователей существует общее мнение, что в связи с завоеваниями арабами некоторые города Востока «либо хирели, либо совсем замирали, после долгого перерыва возникали на новом месте». (23) Эта характеристика, по утверждению Г. Джидди, вполне соответствует судьбе города Шемахи, особенно после разрушительных набегов хазар и почти непрерывных войн халифата с Византией. Поэтому с VIII- IX вв. – времени возрождения древних и возникновения новых городов на Кавказе – Шемаха также на основе новых социально-экономических отношений и мусульманской феодальной культуры возродилась уже на современной территории.

Как известно, в VIII- IX вв. халифат Аббасидов, объединявший огромные территории, начал терять свое государственно-политическое единство и правящий в то время Ширваном выходец из династии Мазьядидов Гайсам ибн Халид, используя обстановку в халифате, «стал независимым в делах Ширвана... как ширваншах». (24) О резиденции ширваншахских правителей в этот период нет сведений, и только в начале XI в. в источниках город Йезидийя описывается как центр ширваншахов, а крепость Кастан (Гюлистан, близ Шемахи) как ее оборонительное укрепление. Выше уже говорилось об идентичности Шемахи и Йезидийя, и, что вероятно город стал называться в честь Йезидидов (Йезид Ибн Усейн или Абу Тахир Йезид) после проведения в Шемахе ими каких-либо градостроительных работ. Существование в VIII в. в Йезидийе моненого двора, также говорит о том, что в IX в. резиденция ширваншахских правителей находилась именно в этом городе - Шемахе-Йезидийе. В IX- XI вв. в связи с образованием феодального государства в Ширване, роль Йезидийи как административного и политического центра еще более усиливается. Об этом свидетельствует и автор XI в., говоривший о Йезидийи как о «дар аль-мульк» («дом государя»), резиденция) ширваншахов. (25)

С развитием феодальных государств, усилением военных столкновений между ними как в Закавказье, так и в странах Передней Азии, продолжают вторжения в Ширван с юга и севера. В связи с этим возникает необходимость в строительстве оборонительных сооружений как в городе, так и в его окрестностях. В источниках имеются сведения о строительстве ширваншахом Кубадамом (1043-1049) вокруг Йезидийи крепостной стены из тесаных камней, строительство которой исследователи связывают с нападением огузов на столицу ширваншахов. Возведение оборонительных стен вокруг Йезидийи-Шемахи и построение крепости Гюлистан действительно были обусловлены в первую очередь целью предотвращения и набегов и защиты независимости Ширванского государства. Крепость Гюлистан, (точная дата сооружения не известна) возвышалась к северо-западу от города Шемахи на вершине крутой горы, которая была одной из труднодоступных и величественных крепостей Ширвана, защищавших Шемаху. В определенные исторические периоды

крепость Гюлистан служила не только местом убежища, но и была второй после Шемахи резиденцией правителей Ширвана.(26) Весьма примечательно, что, согласно выводам археологических раскопок, в качестве основного строительного материала для этих оборонительных сооружений использовался местный камень, запасы которого до настоящего времени расположены близ города на горе Гюлистан, и около сел. Бекля, Келакана, Чилдаш, Мараза, Сюнди и др. Сюнди́нский камень шел в основном на изготовление колонн, а келакани́нский и бекли́нский применялся для кладки стен жилищ. Шемаха и ее окрестности, как в прошлом, так и в наши дни, богаты высококачественной глиной для изготовления кирпича, что, безусловно, служило развитию градостроительных работ в Шемахе в средневековья.

Как правило, города Ширвана в XI-начале XIII в. представляли собой сильно укрепленные крепости, обнесенные стенами и рвом, и состояли из цитадели (нарынкала), шахристана (внутренний город) и рабада (ремесленно-торгового предместья). Археологические раскопки средневековой Шемахи выявили остатки цитадели города с башней и примыкавшими к ней крепостными стенами, толщина которых достигает 2,5 м., облицованными хорошо тесанными крупными камнями. Самый же богатый, насыщенный культурными остатками слой в Шахристане Шемахи относится к XII- XIII вв. (27) Археологические и нумизматические материалы XI- XIII вв., выявленные в Шемахе, большое количество монет с чеканом Шемахи, целый ряд архитектурных памятников, остатки керамики – все это свидетельствует об интенсивности жизни развитого средневекового феодального города, центра шелковой промышленности Ширвана, о развитии различных отраслей ремесла, торговли, об экономическом и культурном подъеме города Шемахи в это время.

В начале XII в. усиливалась политическая независимость феодальных правителей Кавказа, особенно Ширвана и Грузии, которые в этот период были заинтересованы в борьбе против сельджуков. Однако, через некоторое время царь Грузии с помощью кыпчаков, пытался подчинить себе соседние территории, включая земли Ширвана. Начало их походов совпадает с годом правления ширваншаха Афридина (1106-1120), продолжались они и во времена правления ширваншаха Манучехра III (1120-1164), в результате которых сельджуки и войска грузинского царя Давида IV попеременно овладевали Шемахой и ее оборонными сооружениями. Однако грузины не могли долго оставаться в Ширване, так как их союзники – кыпчаки внезапно напали на них и после длительной борьбы, как грузины, так и кыпчаки ушли из Ширвана. Шемаха осталась под игом сельджуков. Следует отметить, что ходе этих событий центром Ширвана в источниках называется не Йезидийа, а Шемаха, что было связано с ослаблением традиции, насаждавшейся династиями арабского происхождения.

Вторая половина XII в. характеризуется ослаблением сельджукской феодальной империи, что также ослабляло внешнеполитическую угрозу Ширвана с юга. Меняется и положение в Грузии после смерти Давида IV. Ширваншах находит пути успешной защиты своих границ от кыпчаков. Во второй половине правле-

ния Манучехра III Ширван становится одним из наиболее значительных государств Кавказа, что отражается на развитии его столицы Шемахи, превратившейся в один из самых значительных в ремесленно-торговом отношении городов региона, расположенных на больших караванных дорогах.

К концу правления ширваншаха Ахситана (1164-1196) Ширван начинают постигать неудачи – он терпит большие бедствия от нападения с юга и от воздействия разрушительных сил природы. Так, Ширван захватывает Кызыл-Арслан Ильдегиз, из династии Атабеков, и Шемаха остается в руках Ильдегизов до конца его правления. В это же время Ширваншах переносит свою столицу в Баку. (28)

В конце XII в. (1192 г.) в Шемахе произошло сильное землетрясение - природное бедствие, сопровождавшее этот город в течение веков, о чем будет сказано в отдельности. Город и оборонительные сооружения были основательно разрушены, что крайне осложнило положение в Ширване. Для сохранения независимости ширваншаху приходилось уступать сильным соседям. Так, во время вторжения Ильдегиза Абубекра в Ширван в 1194 г. ширваншах Ахситан смог изгнать его только с помощью грузинской царицы (1184-1213) и ее полководца Давида Самсона. А в 1208-1209 гг. Грузия сама покорила некоторые города Ширвана, в том числе Шемаху, и это положение оставалось почти до нашествия войск Чингисхана.

Как уже отмечалось выше, XIII-XV века отмечены в истории Азербайджана, в том числе и Ширвана, вторжениями войск Чингисхана, сопровождавшимися разрушением городов и сел, походом Джалал ад-Дина, образованием государства Ильханидов и превращением Ширвана в арену военного соперничества двух монгольских феодальных династий, набегами войск Чобанидов, Джелаиридов, нашествием Тимура и его преемников, феодальных правителей Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, а также шейхов Сефевидов. Шемаха была одним из городов, который испытал на себе все разрушительные последствия этих событий.

Тяжелому удару подверглась Шемаха со стороны войск Чингисхана в 1221-1222 г. Если население некоторых азербайджанских городов тогда спасло себя и свои города, выполнив грабительские требования захватчиков, то шемахинцы, боевые силы которых, количественно уступали врагу, все же оказали им решительное вооруженное сопротивление. Описание этих боев в источнике, где монголы именуются татарами, составляет как славную, так и трагическую страницу истории Шемахи и его героических жителей: «...татары (монголы) осадили Шемаху...шемахинцы некоторое время выдержали осаду. Изготовив лестницы, татары взобрались на стены города. Некоторые сообщают, что, они набросали возвышение из трупов верблюдов, крупного рогатого скота, воинов сражавшихся, в том числе татарских, и прочего. С высоты этого возвышения, поднимавшегося над городом, они обстреливали население Шемахи. Но оно продолжало защиту. Три дня шли напряженные бои... Шемахинцы говорили: «Все равно от меча не спасемся. Так лучше будем твердо стоять, пусть хоть со славой погибнем...Сражение продолжалось и в ночное время. Наваленные, как возвышение, трупы и падаль

начали смердеть, разлагаясь и опали, то татары уже не господствовали над городом и не могли воевать» Однако монголы снова приступили к штурму города, жители которого сильно ослабли и устали. Шемаха была взята и разграблена, а большинство жителей уничтожено. (29)

Не останавливаясь на других событиях, когда Шемаха, города и селения Ширвана в течение трех веков с некоторыми перерывами, подвергались разгрому и опустошению, а мирное население грабежу и уничтожению в результате нашествия войск отдельных династий, ведущих борьбу за власть и могущество, отметим лишь то, что все эти феодальные войны, привели к тяжелым последствиям, нанеся большой ущерб экономической и культурной жизни Шемахи. Вместе с тем, и в это время жизнь в городе не прекращалась, а с начала XIV в. стало оживляться строительство, развивались разные виды ремесел, вновь восстанавливались торговые отношения, что находит свое подтверждение в источниках, сообщающих о торговых путях того периода, где Шемаха упоминается неоднократно.

Здесь следует отметить, что значение торговых дорог Ширвана не уменьшалось даже во второй половине XIV – XV вв., когда на территории страны шли бесконечные войны и сражения. Шелк был основным предметом международной торговли и Шемаха вывозила шелк в Европу и страны Востока – Малую Азию, Сирию, Иран. Из шемахинского шелка-сырца в Дамаске, Кашане, и в некоторых странах Европы выделывали ткани высокого качества. За высококачественным шелком приезжали в Шемаху купцы Генуи и Венеции. (30) В XV в. Ширван устанавливает дипломатические связи с Россией. Представитель ширваншаха Фарруха Ясара Хасанбек отправляется в Москву ко двору Ивана III, которому русский царь оказывает почести и в ответ на его визит посылает в Ширван своего представителя- Василия Папина. Основными предпосылками сближения России с Ширваном исследователи считают как совместную борьбу с Золотой Ордой, так и торговлю. (31)

В указанный период в Шемахе постоянно чеканились медные и серебряные монеты с именами тех или других правителей династий, которые одержали в это время победу. Встречались также медные монеты, чеканенные именем ширваншаха Ибрагима, вероятно предназначенные для местного обращения. С конца XV в. широко распространяется чеканка серебряных монет с именами ширванских правителей, которые были чеканены в Шемахе, что свидетельствует о том, что Шемаха конца XV и начала XVI в. оставалась важным экономическим центром.

XVI-XVII века в истории Ширвана характеризуется неоднократным нападением Сефевидов и ирано-турецких войск с целью захвата этой территории и Шемаха вновь становится основным местом этих сражений. Как уже говорилось выше, если в конце XV в. ширванские правители в борьбе против Сефевидов имели ряд успехов, то в войнах начала XVI в. они терпят поражение, а с 1538 г. государство Ширваншахов полностью входит в состав государства Сефевидов. Превращение Ширвана в Сефевидскую провинцию вызывает

большое недовольство, как местных феодалов, так и турецкого султана, что, прежде всего, объясняли тем, что Шемаха занимала важное место в международной торговле шелком. (32)

Однако, были и более глубокие корни этого неприятия. Приверженность к суннизму и просуннитские тенденции Ширваншахов и ширванской знати являлись как бы оппозицией против кызылбашей и правителей Сефевидов, придерживающихся шиизма. Вскоре после упразднения независимости Ширвана, его население встало под знамя отдельных лиц из рода Ширваншахов, которые укрывались в Южном Дагестане, выжидая удобного случая для выступления на стороне османской Турции, использовавшей в свою очередь их для своих захватнических целей в Азербайджане. Стремление к независимости было сильным среди большей части ширванской знати, относящейся к суннитам, а жители Ширвана, страдающие от непосильных податей и гнета кызылбашских феодалов, надеялись с приходом Османов на восстановление былой независимости Ширваншахов, при которых положение оседлого населения страны было более благоприятным. Османские султаны, стремясь уменьшить влияние Сефевидов на Ширван использовали дагестанских шамхалов при нападении на Ширван. Так начались изнуряющие османосефевидские войны, в ходе которых город Шемаха неоднократно переходила из рук в руки, а экономике и хозяйству города наносился большой ущерб.

Как отмечает С.Ашурбейли, хотя идеологической основой этих войн были религиозные мотивы, однако в действительности Османская Турция была заинтересована в захвате богатых стран Закавказья и торгово-караванных транзитных путей, пролегавших через Азербайджан. Кроме того, с завоеванием порта Баку Турция стремилась получить выход к Каспийскому морю. Богатства Ширвана – нефть, соль, шелк, хлопок и т.д. – также являлись фактором, побудившим турецких султанов начать экспансию в Азербайджан. (33) Внешним поводом для захвата Ширвана явилось обращение некоторых представителей династии Ширваншахов в Стамбул, апеллирующих к турецким султанам с целью возглавить антисефевидские выступления суннитов Ширвана для восстановления своей былой власти. Однако, «даже в том случае, когда города и местности Ширвана попадали под власть османов, восстановление формального управления страной потомками Ширваншахов была весьма кратковременным и неустойчивым» (34). После размещения османских гарнизонов в городах Ширвана и Азербайджана, а также укрепления крепостей в Шемахе, Баку, Ареше и др. городах, османская армия была отправлена обратно в Эрзерум. Воспользовавшись этим обстоятельством, Сефевиды в 1580 г. возобновили военные действия и одержали ряд побед над османами. Но вскоре их успехи были остановлены внутренней борьбой и беспорядками в Сефевидском государстве. В 1854 г. Османские и Крымские войска (вассалы Османов) вторглись в Азербайджан, разграбили Карабахскую область и Ширван. Во время этих боев Шемаха вновь была занята османскими и крымскими войсками. Крымские татары, жестоко ограбив насе-

ление Ширвана и захватив большое количество пленных, с приближением зимы вернулись в Крым. Воспользовавшись уходом крымских войск, сефевиды отправили свои войска в Ширван для борьбы с турками и осадили Баку, однако вскоре были разбиты Осман пашой. Перевес вновь оказался на стороне турок. В период между 1585 и 1588 гг. они захватили северные и южные области Азербайджана, которые были разорены войной, неурожаем и внутренней борьбой между эмирами и шахом. Ширван снова оказался под властью турок.

После кровопролитных и разорительных войн, длившихся более десяти лет (1578-1588 гг.) в 1590 г. в Стамбуле был заключен мир между Сефевидским и Османским государствами. В основу, как это требовали османы, легло «право владения». Это означало, что за каждой из воюющих сторон должны быть закреплены районы, которыми они завладели к дате заключения мирного договора. Оспаривающее это право Сефевидское государство в конце концов было вынуждено принять. Мирный договор разделил Азербайджан между Османским и Сефевидским государствами, оставив большую часть страны, в том числе Ширван, в распоряжении османских феодалов.

Турки провели свое административное деление в занятых азербайджанских городах, разделяя страну на пашалыки и санджаки, назначили новых правителей, дислоцировали свои военные гарнизоны в наиболее важных пунктах страны, произвели перепись населения в городах и местностях, определили виды и размеры налогов и повинностей, введя османскую налоговую систему. Монета стала чеканиться от имени султана. Хутба в мечетях стала читаться от имени Мурада III. Ширван был разделен на два беглярбекства – Шемахинское и Дербендское. Шемахинская область состояла из 15 санджаков: Лахидж (Хавз-и Лахидж), Акташ, Кабала, Салйане, Дердав (Зердав), Шеки, Бадку (Баку вместе с Апшероном), Се'дару, Караулус, и Ихир, Дику, Сирийан (Сирхан), Османи, Худаверд (Худадерд) Махмудабад, Ареш. Беглярбеком Ширвана был назначен Осман паша.

Экономическое положение страны при османах конца XVI и начала XVII в. было весьма тяжелым: расстроилась торговля, были закрыты почти все караванные пути, ведущие на восток – в Иран и на север - в Россию. Многие города и села были разрушены, хозяйственная жизнь замерла. Ширван был в числе наиболее пострадавших областей Азербайджана за десятилетний период осmano-сефевидских войн. «Хотя разрушения, причиненные Шемахе, не входили ни в какое сравнение с тем, что пережито было Тебризом, все же неоднократный переход Ширвана из рук в руки, сопровождавшийся каждый раз резней и грабежом, крайне отрицательно сказался на хозяйственной и культурной жизни народа, вызывал резко отрицательное отношение к османам. От осман отходила суннитская часть ширванского населения, которая также оказалась объектом беззастенчивой эксплуатации турецких феодалов» (35).

К этому времени Закавказье постигли и иные бедствия. В 1579 г. «внезапно начался ужасный великий мор...», к чему прибавился «ужасный и невыноси-

мый голод...».(36) Некогда цветущий край с благоустроенными, густонаселенными городами и торговыми центрами, в число которых входила и Шемаха, при турецкой и последующей иранской оккупации пришел в крайний упадок, сравнимый лишь с положением во время монгольского нашествия.

Начало XVII в. было ознаменовано новым витком ирано-османских войн. Инициатором первой из них в 1603 г. стал тот же сефевидский Шах Аббас I, закончивший войну с Османами в 1590 г. Одной из причин, подтолкнувших шаха к вторжению в Азербайджан, Армению и Грузию, источники называют распространение движения джелалиев в пограничных с сефевидскими владениями районах Османской Империи и в пределах Азербайджана. Происходившие в конце XVI и начале XVII в. при участии низовых слоев населения антифеодальные крестьянские выступления и военные мятежи, получившие название «джелали» (от имени алевитского шейха Джалала, возглавившего первый мятеж в районе Токата в Малой Азии в 1518-1519 гг.), хотя и считались явлением «турецким», тем не менее, быстро перекинулись на территорию Азербайджан и Армении, напугав «азербайджанскую и курдскую феодальную знать и армянское высшее духовенство». (37). Основными причинами этих восстаний были дискриминация полукочевников со стороны администрации, независимость вождей кланов и резкий рост налогов. Вероятно, такие выступления имели место и в Ширване. Так, летописец, Искендер Мунши напрямую связывает новый поход Шах Аббаса I с этим движением, вкладывая в уста шаха слова: «Оставить наследственные нашей августейшей особе страны Азербайджан и Ширван во власти незначительного числа джелалиев, которые находятся в противоборстве со своим падишахом (т.е. турецким султаном) и упустить благоприятный момент (для завоевания) – это не образ действия благоразумных людей». (38)

Нашествие иранских войск на Азербайджан и сопредельные страны не прекратило движение джелалиев, а напротив, создало условия для его дальнейшего расширения. (В Азербайджане в 1508-1510 гг. это движение с особой силой развернулось в районе Нахичевана, и наиболее популярным вожаком среди разноплеменных представителей отрядов джелалиев считается Кероглы, впоследствии ставший, по всей вероятности, прототипом главного героя одноименного эпоса). Вместе с тем, оно послужило поводом для возобновления в начале XVII в. новой войны между Сефевидским и Османским государствами. К этому времени Османская империя переживала период экономического упадка и политических смут. В Иране же напротив, происходил противоположный процесс. Сефевидское государство развивалось, набирая силы во главе с молодым и энергичным шахом Аббасом I, который первые пятнадцать лет своего правления посвятил упорядочению внутренних дел Ирана, укреплению центральной власти.

Свой военный поход в 1603 г. Шах Аббас I начал с Тебриза, где городское население и кызылбашские отряды также подняли восстание. Разбив здесь османские гарнизоны, Шах Аббас I затем решил судьбу южных областей

Азербайджана – Маранда, Хоя, Салмаса, почти без боя были взяты Джулфа и Нахичеван, за Орубад шли ожесточенные бои. Нелегкой задачей стало взятие укрепленной крепости Эривань, осада которой началась в ноябре 1603 г., куда было мобилизовано все трудоспособное население Джульфы и Нахичевана, большая часть которого погибла от непосильного труда, холода, голода и ружейного огня. Военные операции шахских войск продолжались всю зиму 1603-1604 гг., и только в июне 1604 г. удалось взять крепость Эривань. Вопрос Восточной Грузии был решен дипломатическим путем. Оставались еще Карабах и Ширван. Однако, со взятием этих областей Аббас I вынужден был повременить, так как предстояло генеральное сражение с основными силами османов, исход которого должен был решить судьбу всего региона.

Здесь стоит отметить, что в войнах против османов Аббас I применял традиционную тактику сефевидов «выжженной земли», от которой не отказался и на этой войне. Как только стало известно о приближении османских войск, последовал шахский указ: «Опустошить и обезлюдить весь левобережный район Аракса; выселить все население азербайджанцев и армян, забрать все, что можно из продовольствия и фуража, а остальную часть уничтожить и предать огню». (39) Этим указом было положено начало принудительной эвакуации огромного количества людей - азербайджанцев, армян, грузин, курдов, проживающих в Закавказье против их воли, получившей название «Великий сургун» (высылка). Каждый правитель был уполномочен выселить жителей своей области, и вскоре цветущие города Нахчеван, Джулфа, Эривань и др. были превращены в выжженную и безлюдную землю. Существует мнение, что помимо военно-стратегической цели, Аббас I, выселяя народы из родных мест, преследовал цель перенести центр торговли, особенно шелком, из Джульфы в Исфаган.

Опустошение края шахскими войсками возымело действие, среди османских войск возникло замешательство, и главная битва была отсрочена. Войска обеих держав отправились на зимовку. В это время в Ширване уже шли бои. Десятитысячные отряды персидских и грузинских войск вначале завоевали большую часть Ширвана, кроме крепостей Шемахи, Баку и Дербента. Однако закрепить победу в Ширване на этот раз не удалось.

Шах Аббас I намеревался завершить как можно скорее весенние операции в Закавказье захватом Ширвана и Дербента и решил воспользоваться моментом, когда турецкие гарнизоны Ширвана не могли получить подкреплений, и принудить их к капитуляции. Когда предложение шаха о мирной сдаче крепости Шемахи было отклонено, шахские войска вошли в Ширван. Однако прибыв в январе 1607 г. в окрестность Шемахи, они в течение трех месяцев не смогли приступить к военным операциям в силу ряда причин: недостатка провианта, отсутствия фуража, частных проливных дождей, затруднявших всякое передвижение войск и т.д.

Пока Аббас I готовился взять Шемаху, против турок восстали население Баку и Дербента. Бакинцы сами очистили город от османов, и установили

связь с шахской ставкой. Знатные лица Дербента также явились в ставку шаха и совместными усилиями шахских войск и местного населения одержали победу над турками. Город перешел во владения шахских войск.

Тем временем осада Шемахи продолжалась. Были пробиты значительные бреши в стенах и башнях крепости, но взять город и крепость штурмом шах не решался. 20 июня 1607 г. истощенная войной стража одной из крепостных башен сдалась иранцам, передав пост в их руки. Это послужило сигналом к началу штурма крепости. «Мгновенно было перебито 2000-3000 человек и город Шемаха весь был стерт метлой происшествия». (40).

Османские военачальники, покинув южную часть крепости, собрались в городскую цитадель на северной стороне и оказывали сопротивление войскам шаха. Ожесточенные схватки продолжались целую неделю, пока турецкий гарнизон не сложил оружие. Аббас I расправился с остатками османского гарнизона и примкнувшими к ним ширванцами. Шемаха была сильно разорена. Иезуиты, побывавшие в Шемахе в 1607-1608 гг. писали, что весь город был в руинах. Другие источники также свидетельствовали «что город не велик», «город вследствие войны с турками, значительно уменьшился», «до взятия города Аббасом I в 1607 г. в Шемахе было 5 тысяч домов, т.е. до 25 тыс. жителей, но после аббасова погрома город не мог вполне оправиться», «в южной, большей половине города, было всего 900 домов». (41)

Шемахинскими сражениями завершился первый этап персидско-турецкой войны начала XVII в., продолжавшийся около 4 лет и окончился полной победой Ирана. Весь Азербайджан, включая Ширван, Восточный Курдистан, Армения, Грузия и отчасти Дагестан надолго попали под владычества шаха Аббаса I.

В последующие годы сефевидские и османские войска не раз вступали в военные сражения, нарушая ими же заключенные мирные договоры 1612 и 1618 гг., сражаясь в основном пределах Азербайджана и Грузии. На этот раз Ширван оставался вне поля военных действий. Наконец, 17 мая 1639 г. между иранцами и турками был заключен еще один мирный договор, не внесший изменения в государственную границу между владениями сефевидов и османов в Азербайджане и вообще в Закавказье. Договор 1639 г. заложил основу для длительного, хотя и не очень прочного мира между двумя государствами, сохранив свою силу почти до конца первой четверти XVIII в. После заключения этого договора Азербайджан XVII в. провел в сравнительном спокойствии, постепенно были заселены области, обезлюдившие в предыдущих десятилетиях, экономические центры и города Азербайджана, в том числе Шемаха, со временем стали восстанавливаться. Сефевидами были приняты меры также к восстановлению разрушенной крепости и города.

Сменявшие в течение более 80 лет (1639-1722) друг друга на исфahanском престоле правители Сефевидской династии, по меткому выражению А.С.Сумбатзаде, ничем не напоминали своих знаменитых и сильных предков – шаха Исмаила I и шаха Аббаса I. (42). В этот период уже появляются первые

признаки хозяйственного и политического упадка Ирана. Хотя все это время Азербайджан оставался под властью Ирана, составляя его северо-западную окрану, однако в административном отношении он представлял единое целое, включая не только территорию всего Азербайджана от пределов верховья реки Кызылузен до Главного Кавказского хребта, но и часть Восточной Армении. В пределы понятия Азербайджан все это время входили четыре беглярбекства: Тебриз, охватывающий помимо всех территорий Азербайджана к югу от р. Аракс, также Талыш и Муган; Ширван с центром в Шемахе с охватом всей территории к северу от р. Куры до Дербента включительно; Карабах с центром в Гяндже с охватом всей территории междуречья Куры и Аракса до Акстафы и Ордубада; Чухурсаад восточная часть Армении, большинство населения которого к этому времени составляли азербайджанцы. (43)

Область Ширван занимала особое место в управленческой системе Сефевидского государства, в первую очередь благодаря своему стратегическому значению: на севере она граничила с Дагестаном, через который совершали набеги крымские татары. Здесь же она соприкасалась с территорией Российского государства, роль которого на международной арене возрастала. Огромное значение имели экономические факторы, ширванский шелк, которым был богат почти весь край, завоевав иностранные рынки приносил огромные доходы казне. Не случайно Сефевидские шахи всегда заботились о том, чтобы Ширваном правила «сильная рука». Это было тем более необходимо, поскольку не было гарантии в том, что ширванцы вновь не начнут борьбу за былую независимость. Существенным моментом являлось и отмеченное И.П.Петрушевским положение о том, что «в Ширване не было больших и сильных кочевых племен, знать которых могла бы претендовать на управление областью». (44) Этим и объясняется многочисленные назначения беглярбеком Ширвана лиц, в основном выходцев из гуламов шаха, происходящих из незнатного рода. Среди этих беглярбеков, носящих титул хана, были как «храбрые воины и справедливые» правители, так и люди «дурного поведения», славившиеся склонностью «к пышной жизни», вымогательством и притеснением местного населения. Следует отметить, что некоторые из Ширванских беглярбеков позже были казнены шахом «за измену», некоторые были сняты с должностей и заключены в тюрьмы за «злонамеренные действия», вызвавшие большое недовольство ширванцев. Коррупция шахских чиновников и их ненасытная жажда к наживе за счет ограбления в первую очередь народа нередко вызывали протест населения, с чем не мог не считаться исфahanский двор. В отличие от других беглярбекств Азербайджана, где местные власти всегда стремились обеспечить, и небезуспешно, наследственную преемственность в управлении вверенной им области, в Ширване власть беглярбека не наследовалась.

Беглярбеки Ширвана, как и беглярбеки Тебриза и Карабаха, должны были держать в боевой готовности строго определенное количество войск и наладить административный аппарат. Как правила, беглярбекства, как и другие

владения Сефевидов, помимо известной части налогов были обязаны в отдельных случаях (при праздновании победы шахских войск, ежегодных различных праздниках и пр.) отправлять в шахский двор различные драгоценности, образцы лучших сельскохозяйственных продуктов, кустарных и иных изделий, иноземных товаров и т.д. Однако большая часть дохода оставалась на расточительную и праздную жизнь беглярбеков, хакимов (правители мелких административных единиц - вилайетов или олке), шейх-уль-исламов и пр.

Как уже отмечалось выше, с конца XVIII в. с ослаблением центральной власти в Исфахане начался упадок экономики Ирана, в результате чего «последний потерял связи с окраинами». (45) Это еще больше способствовало усилению тенденции центробежных сил и образованию фактически независимых от исфаханских административно-политических властей, особенно на окраинах. Подтверждением сказанному является факт образования в начале XVIII в. Кубинского ханства с центром сперва в Худате, а затем в Кубе. Почти самостоятельно вел себя в это время и ширванский беглярбек Кейхосров, характерным примером чему может быть его поведение по отношению шаха Гусейна, о чем говорится в сообщении русского посланника в Иране (1717-1719 гг.) А.П.Волынского. Он сообщал, что шах Гусейн, собираясь в поход на Казвин, «направил письмо к ширваншахскому беглярбеку в Кабалу, чтобы тот тоже двинулся со своим отрядом в Казвин. Однако ширванский беглярбек пренебрег этим требованием шаха и отправил к нему своего курьера с векселем на две тысячи туманов, чтобы шах его больше не беспокоил». (46) И.Г.Гербер, посетивший Ширван, несколько позже писал: «..владельцы в Ширване... в шахову казну столько послали сколько сами захотели» (47). Следует отметить, что А.П.Волынский уже отличал «Ширванскую страну» от Персии. (48)

7 августа 1721 г. 6-тысячный отряд горцев лезгин и казыкумыков, под главенством своих владельцев Хаджи Давуда и Сурхай-хана, восстав якобы против шаха Ирана напали на Ширван, захватили Шемаху, и подвергли его страшному погрому, убив много его жителей, включая самого правителя - Саркар-хана. Шемахой сначала владел Давуд-бек, потом Сурхай-хан, которым покровительствовала Османская Турция. Во время этих событий горцы напали также на оказавшихся в Шемахе около 300 русских купцов, большинство из которых убили, и нанесли им огромный ущерб на сумму более чем 3 млн. руб. Этот инцидент стал предлогом для развязывания Петром I, стремящимся вывести Россию к морям, боевых действий в прикаспийских землях.

К началу XVIII века Россия владела лишь северным берегом Каспийского моря, имея здесь город-крепость Астрахань, на протяжении от реки Терек до реки Яик (Урала). Утверждение же России на Каспии выводило ее к богатствам прикаспийских земель: к золотым россыпям рек Сыр-Дарья и Амударья, месторождениям меди, мрамора, залежам свинцовой руды и серебра в горах Кавказа, к нефтеносным источникам Азербайджана; Кавказ, Иран и Средняя Азия поставляли бы на российский рынок шелк-сырец, хлопок, шерсть, шел-

ковые и хлопчатобумажные ткани, краски, драгоценные украшения, фрукты, вина, пряности и т.д.

15 июня 1722 года, когда русские войска уже плыли на судах вниз по Волге к Астрахани, Петр I послал манифест в Астрахань, Шемаху, Баку и Дербент с призывом к жителям не покидать своих домов при приближении русского войска. Манифест, и словом не обмолвившийся об объявлении войны Персии, указывал лишь на то, что “подданные шаха — лезгинский владелец Давуд-бек и казыкумский владелец Сурхай — восстали против своего государя, взяли приступом город Шемаху и совершили грабительское нападение на русских купцов. Ввиду отказа Давуд-бека дать удовлетворение, заявлял Петр, “принуждены мы... против предреченных бунтовщиков и все злобных разбойников войско привести”. “Войско привести” имело, однако, не тактический, а стратегический размах. Стратегическая цель русского похода в сефевидские владения заключалась в том, чтобы овладеть Шемахой и не допустить в нее, да и вообще на западный и южный берега Каспия турецкие войска. Конкретно замысел выражался в том, чтобы в качестве ближайшей стратегической задачи (в кампании 1722 г.) овладеть Дербентом, Баку и Шемахой, причем главным делом объявлялось занятие Шемахи. Это обстоятельство и дало название походу Петра, который в то время обозначали “шемахинской экспедицией”.

Далее через Шемаху Петр замышлял вести действия в западном направлении (Гянджа, Тифлис, Еривань), то есть в глубь Закавказья, по западному берегу Каспия и долине Куры, обходя горы Большого Кавказа, но перед этим создать линию операционных баз, которая бы включала Астрахань — остров Четырех бугров — крепость Святого Креста — Дербент — Баку — устье Куры. Это нужно было сделать для обеспечения армии провиантом, людьми и вооружением, боеприпасами. Действия в западном направлении, таким образом, включали поход в Армению и Грузию. Петр рассчитывал, что в то время как русская армия будет продвигаться к Дербенту, его союзник царь Картли Вахтанг VI откроет военные действия против Давуд-бека, присоединив к себе армянские войска, займет Шемаху и пробьется к берегу Каспийского моря на соединение с русской армией. По предположению Петра соединение могло бы состояться на пути между Дербентом и Баку. План этот был согласован с как грузинской, так и армянской сторонами.

23 августа 1722 г. русские войска заняли Дербент. Как только Вахтанг VI об этом узнал, он с 30-тысячным отрядом вступил в Карабах и овладел Гянджей. К этому городу подошло и 8-тысячное армянское войско под командованием гандзасарского католикоса Исаяи. Здесь грузинским и армянским войскам предстояло встретиться с русской армией и, взаимодействуя, брать далее Шемаху. Хаджи Давуд и Сурхай-хан овладевшие к тому времени гор. Шемахой, признали над собой власть турецкого султана. На Баку и Шемаху хотел было сразу идти и Петр.

Однако непредвиденные обстоятельства изменили весь ход событий. Шторм, начавшийся 27 августа, разбил 12 ластовых русских судов, груженных мукой, при устье реки Миликент вблизи Дербента. Другую эскадру, в составе 17 ластовых судов, груженных мукой и артиллерией, шторм застиг в начале сентября близ Аграханского полуострова: одни суда разбил, другие выбросил на мель. Крушение двух эскадр означало потерю провианта и чуть ли не всей артиллерии. Все это заставило Петра, скрепя сердце, отказаться от продолжения похода. Он оставил гарнизоны в Дербенте и возвратился в октябре в Астрахань. А в ноябре уехал в Санкт-Петербург, поручив командование армией генералу М.А.Матюшкину.

Грузинско-армянское войско, стоявшее под Гянджей в ожидании русской армии, узнало, что она ушла от Дербента. Вахтанг и Исая, простояли еще два месяца, затем возвратились с войсками в свои владения. Таким образом, «Шемахинская экспедиция» Петра летом 1722 г. не удалась. (49)

В это время в Иране происходили другие события. В 1721 г. здесь восстало племя афганцев-гильзаев под предводительством Махмуд-хана. После поражения шахских войск, а также осады Исфахана, продолжавшейся семь месяцев, и «неудачной попытки бегства из столицы, шах Гусейн со своими эмирами 22 октября 1722 г. отправился в лагерь Махмуда и передал ему город, свою власть и знаки шахского достоинства». (50) Однако три северные провинции Ирана – Гилян, Мазендаран и Южный Азербайджан, не покорившиеся афганцам, номинально признали шахом сына Гусейна Тахмаспа II, который обосновался в г. Ардебиле. 27 сентября 1723 г. Тахмасп II заключил договор с Россией, по которому за обещанную ему помощь в борьбе против афганцев уступил России земли Каспийского побережья от Дербента до Астрабада.

Обеспокоенная успехами Российского государства в прикаспийских областях султанская Турция начала войну против Ирана, направив свои войска в Закавказье. В 1724 г. турки взяли Эривань, затем гор. Хамадан. 23 апреля 1724 г. между Турцией и Россией был заключен Константинопольский договор, согласно которому Турция признала за Россией Прикаспийские земли, а Россия дала свое согласие на захват Турцией западного Ирана. В августе 1725 г. турки заняли Гянджу, затем Тебриз, а осенью Ардебиль и Казвин. 1727 г. турки заключили договор с Ашрафом, захватившим престол в Исфагане, согласно которому Турция получила не только все земли, предусмотренные Константинопольским договором с Россией, но и еще Зенджан, Казвин, Султанийе, Тегеран и даже Хузистан. Таким образом, в руках султанской Турции вновь оказалась почти вся территория Азербайджана, за исключением его прикаспийских земель.

В этих, совершенно неблагоприятных для Ирана условиях, на его исторической арене появилась новая фигура – энергичный и талантливый полководец Надир Кули, будущий Надир-шах Афшар, «несколько задержавший процесс возникновения и формирования ханств в Азербайджане, начавшийся при Сефевидах. (51)

Надир Кули происходил из тюркско-кызылбашского племени Кырклу из туркменских афшар, переселившихся во время монголов из Туркестана в Азербайджан, и при шахе Исмаиле I перебравшихся из Азербайджана в Хорасан. (52) В 1726 г. Надир, уже сплотивший значительное ополчение из авшаров и курдов Хорасана, поступил на службу к шаху Тахмаспу II. После десятилетних сражений Надиру удалось вернуть все захваченные Россией и Турцией земли. В 1732 и 1735 гг. Надир заключил мир с Россией, по которому последняя окончательно вывела свои войска из прикаспийских земель Азербайджана. В 1732 г. Надир свергнул шаха Тахмаспа, мешавшего его военным распоряжениям, возвел его малолетнего сына Аббаса III на престол и под его именем стал неограниченно управлять государством.

В 1734 г. Надир предпринял поход в Ширван с целью усмирить Сурхай-хана Казыкумыкского, в то время правителя Ширвана, который воспринимался иранцами как наместник турок. Сурхай-хан в жесткой форме отвергнул требования Надира выполнить условия мирного договора, заключенного с Османской империей и передать земли Закавказья Ирану, заявив что «он овладел Ширваном силою меча лезгинских львов». При этом был убит посланник Надира, принесший письмо. Взбешенный подобным обращением «Надир решил, что необходимо прежде всего идти на Ширван и усмирить дерзкую надменность его правителя. И едва он появился на берегу Куры, как Сурхай-хан, оставив Шемаху, удалился в горы» (53)

Несмотря на отсутствие Сурхай-хана, город два месяца держал оборону. Разъярённый этим Надир в конце августа 1734 года захватив Шамаху, разрушил ее до основания, большинство жителей перебил, остальных приказал переселить. В конце мая 1735 года Надир издал приказ о строительстве нового города на берегу реки Ахсу. А.К.Бакиханов указывает, что решение Надира о постройке нового города было обусловлено неудобным в военном отношении положением города Шемахи. (54) Все эти мероприятия преследовали в первую очередь политическую цель, состоявшую в том, чтобы устрасить население и сделать его покорным власти завоевателя. Не случайно во время этих сражений «крепостные стены Шемахи были срыты, дабы город в дальнейшем не мог оказать сопротивления. Из-за этих же соображений население города было переселено на новое место к реке Ахсу. Здесь на плоскости, примерно в 30 км. к северу от р. Куры был построен новый город». (55)

Как бы то ни было, после завершения строительных работ все население Шемахи вынужденно был переселен в новый город - Ахсу, взявшим свое название от одноименной реки. Однако, за ним сразу укрепилось название «Новая Шемаха», а исторический город Шемаха стал назывался «Старая Шемаха». В новую Шемаху была перенесена и резиденция Ширванских правителей. Новым правителем был назначен иранский чиновник Гаджи Мухамед-Али Хан. (56)

Здесь же, на азербайджанских землях произошло еще одно историческое событие. Надир ясно видел, что династия Сефевидов утратила не только ре-

альную власть, но и авторитет среди части феодальной знати и решил использовать свои военные успехи и свою славу «освободителя Ирана» для захвата шахского престола. Для этого ему нужна была поддержка феодалов и видимость признания и одобрения со стороны народа. С этой целью в январе 1736 года Надир созвал в своем военном лагере на Мугане большой курултай. В голой степи из подручных средств (камыша, глины, войлока и частично дерева) был построен целый город — более 12 тысяч временных построек, в их числе мечети, бани и базары. Для самого Надир-хана из тех же материалов соорудили большой дворец, отличавшийся красотой и изяществом. Стены его были обиты дорогими индийскими шальями и шелком. Кроме того, поблизости размещался огромный шатер, специально привезенный из Казвина. Курултай состоял не только из военной, чиновной и духовной знати и глав кочевых племен, но и из городских старшин и даже части сельских старост. Всего собралось до 20 000 человек, а вместе с их челядью даже до 100 000 человек. Руководящую роль на курултае играли 54 хана. (57)

Надир-хан предложил курултаю избрать из своей среды нового шаха, поскольку Аббас III - ребенок и шах только по имени, а сам полководец утомился от дел и хотел удалиться на покой. Как и следовало ожидать, подавляющее большинство собравшихся высказались за то, чтобы шахом сделался сам Надир-хан. Против избрания Надира было настроено шиитское духовенство, прочно связанное интересами и традицией с династией Сефевидов, и немногие кызылбашские эмиры. Однако, после тайного умерщвления главы духовного сословия, едва высказавшегося за сохранение династии Сефевидов, курултай не осмелился избрать шахом никого иного, кроме Надира. Сначала он отказывался, заставляя себя долго упрашивать, но потом принял власть, с условием, что ему не станут противодействовать в соединении враждовавших суннитов и шиитов. В частности, шиизм имамитского толка должен был быть заменен государственным исповеданием компромиссного характера, которое объединило бы и шиитов и суннитов. Бывшие на курултае шиитские духовные лица не осмелились возражать. Курултай продолжался более месяца, и наконец, 26 февраля (указывается также дата 8 марта) 1736 г. состоялась церемония коронации Надира шахом Ирана. Низложенный 4-летний Аббас III был отослан к отцу в Хорасан, где оба они позднее по приказу Надир-шаха были умерщвлены. Династия Сефевидов пала. Новой столицей Ирана был объявлен Мешхед. Надир шахом были сделаны новые назначения и во владениях Закавказья. Правителем Ширвана был назначен Мехти-бек юзбаша с титулом хана, который в следующий год был убит в Дербенте Мурад Али Султаном Устаджлу. Казнив последнего Надир назначил правителем Ширвана Сардар-бека Кырклу с титулом хана. Сардар хан переселил в город Ахсу несколько дербендских семей, а вместо них перевел из Ширвана племя Цорцор (Сурсур). (58)

Все последующие годы территория Азербайджана, в том числе Ширвана превратилась в проходное поле для карательных экспедиций, направляемых

Надиром в Дагестан для борьбы с непокорными горцами, а также в арену сражений против повстанцев, возглавляемых так называемыми Сам Мирзой и Сам Мирзой II в самом Ширване.

Зимой 1741 г. была направлена первая карательная экспедиция против восставших жителей Джаро-Белокан. Карателям удалось захватить все три пункта обороны повстанцев – Джары, Кавыхе, Агзебир и разгромить последний. (59)

Весною 1741 г. Надир сосредоточил в Ширване почти 100-тысячную армию. Из них 10 тыс. чел. вновь направил против непокорных джарцев. С основными же силами вторгся в Дагестан, во владение Сурхай-хана казикумыкского, однако потерпев поражение, отступил в Дербент. Здесь, перезимовав, он вторгся в горный Дагестан, но снова безуспешно. В марте месяце он вынужден был отвести свои войска в Муган. В следующем году после успешных походов в Афганистан и Среднюю Азию, Надир в январе 1743 г. вновь прибыл в Ширван и стал готовиться к походу против горцев. Выиграв ряд сражений, Надир сделал ряд новых распоряжений, назначив Гейдар-бека Афшара правителем Ширвана с титулом хана. Отсюда он отправился на границу с Турцией против которого в середине 1743 г. открыл военные действия. Но несмотря на частичные успехи, военные действия пришлось свернуть, ибо в Ширване и Дагестане началось широкое народное восстание, связанное с именем Сам-Мирзы. (60)

В 1743-44 гг. территория Ширвана была охвачена крупными народными выступлениями против шахского Ирана. Во главе первого из них стоял прибывший из Аварии Сам Мирза I, выдававший себя за сына последнего сефевидского шаха Гусейна. К нему примкнул и Сурхай-хан казикумыкский. Они овладели городом Новая Шемаха – Ахсу и превратили его в центр восстаний. Измученное под гнётом Надир-шаха население встало на сторону Сам Мирзы, который освободил народ от налогов, установленных Надир шахом. Ширванский беглярбек Гейдар-хан, получив от Надира приказ подавить мятеж, выступил в поход, но между Шемахой и Шабраном был захвачен местными жителями и убит. Вскоре к гор. Ахсу подошли регулярные части иранской армии, под командованием сына Надир-шаха Насруллы Мирза, которые разбили повстанцев, овладели городом Ахсу, захватили и казнили Сам Мирзу. (61)

К концу 1743 г. в Ширване появился новый самозванец Сам Мирза II. Этот претендент на шахский престол Ирана призывал к борьбе за права законной династии сефевидов против похитителя власти Надира, еще в 1735-1737 гг. бродил в одежде дервиша по городам и селам Азербайджана, распространяя слух о том, что является сыном шаха Гусейна и называл себя Сефи Мирзой, т. е. принцем (из рода сефевидов). По повелению брата Надир-шаха Ибрагим-хана, бывшего в то время правителем Азербайджана, Сефи Мирза был пойман, за его речи ему отрезали кончик носа, затем выпустили на волю, после чего он получил кличку «бени-бориде» (человек с отрезанным носом). Сефи Мирза бежал в Турцию, где жил до тех пор, пока турки, желая ослабить

Надир-шаха путем организации и поддержки восстаний на территориях, подвластных ему, решили, что настало подходящее время для его использования. (62).

Называвший Сам Мирзу I своим сбежавшим рабом, Сам Мирза II (Сефи-Мирза) добрался до Ширвана, где соединился с сыном Сурхай-хана казикумькского Мухаммед-ханом, и они обосновались в гор. Ахсу при полном сочувствии и поддержке местных жителей. Силы их быстро росли. Повстанцам Сам Мирзы II удалось дважды разбить части иранской армии. Будучи в Ахсу, Сам Мирза II решил короноваться только не в шахи Ирана и не по иранским традициям, а «...на свою голову вместо короны по обычаю персидских шахов надел перо, и уже весь Ширван и Карабахскую обширную провинцию... даже до Гянджи охватил и рукам присвоил, повсюду от себя отправил правителей и командиров, одним словом владычествовать в тех краях стал, рассылая всюду указы». (63)

Надир-шаху пришлось организовать и направить против Сам Мирзы II довольно крупные силы, которые окружили гор. Ахсу. Мухаммед-хан и Сам Мирза II с лезгинским и ширванским ополчением завязали сражение с иранцами в окрестностях города Ахсу. Мухаммед-хан, потеряв около 1000 человек убитыми и пленными, был ранен и бежал в Дагестан. (64) Хотя Сам Мирзу II также удалось спастись бегством и направиться в Грузию, однако по дороге его схватили люди правителя Кахетии Теймураза II, выдавшего затем его Надир-шаху. Измученный пытками он вскоре умер. Теймураз II за оказанную «услугу» Надир-шаху получил от последнего Казах и Борчалу из состава Гянджинского ханства. Так, нынешние районы Грузии Болниси и Дманиси оказались в составе Восточно-Грузинского царства. (65) Касаясь истории печального конца Сам Мирзы II следует обратить внимание еще на одно весьма примечательное сообщение, приведенное английским путешественником Ханвайом, из чего следует, что после его поимки Надир шах велел своему сыну вырезать один глаз у этого бунтовщика, а затем послать его к османскому двору со следующим известием: «Надир не пожелал отнять жизнь у такого отъявленного негодяя, хотя султан и взял его под свою защиту, как потомка семьи Сефи».

Разбив войска Сам Мирзы II в окрестностях Ахсу, иранцы осадили город, где заперлось малое число лезгин, и удалось взять его через несколько дней лишь благодаря применению артиллерии. Город был разграблен начисто. Подавление восстания в Ширване удалось ценой больших усилий и огромных потерь. Надир-шах понял, какой угрозой для господства Ирана в Азербайджане являлись подобные выступления народных масс. Не случайно, как пишет А.К.Бакиханов, он отозвался об этих событиях словами «Аллах дад», т.е. «Боже упаси». (66)

По свидетельству А.К.Бакиханова в 1744 г. «в Ширване произошел «Тулидад», т.е. «Упаси от разбоя». Под этим понятием народ подразумевал величайший беспорядок. «В самом деле, по всему краю скитались шайки беглецов

и разбойников, грабили и убивали проезжающих, нападали даже на деревни, и начальники никак не могли усмирить их. Турецкий султан еще больше поддерживал и питал эти беспорядки. (67) Будучи суннитом, как и дагестанцы и часть жителей Ширвана, султан беспрестанно подстрекал их против персидского владычества». (68)

Ценой огромных потерь Надир-шаху удалось подавить восстание также в Шеки, Грузии и других местах Кавказа, при этом иранские войска проявляли необычайную жестокость. В 1741–1743 годах Надир предпринял трудную экспедицию с целью покорения ханств и «вольных обществ» нагорного Дагестана, но потерпел полную неудачу, ибо сопротивление дагестанцев вылилось в настоящую народную войну.

С 1744 года были увеличены размеры податей во всех Иранских владениях. Взыскание податей с обедневших райятов сопровождалось пытками, истязаниями и ограблением. Политика Надир-шаха вызывала недовольство не только крестьян и горожан, но и части феодалов, особенно военной кызылбашской и духовной знати. Налоговая политика Надира была непосредственной причиной ряда восстаний горожан, крестьян и кочевников как в завоеванных странах, так и в самом Иране. При общем недовольстве и ослаблении экономических и других связей между частями империи, ее единство Надир мог поддерживать только при помощи жестокого террористического режима — массовыми казнями.

Не утихали и придворные распри. Надир становился болезненно подозрителен и крайне жесток. Массовые казни следовали одна за другой. Сказывались годы постоянной борьбы, ставшей для шаха, прозванного Завоевателем Мира, основным делом жизни. Именно при нем к Ирану отошли земли Закавказья Средней Азии и Индии.

В 1746 году началось восстание в Систане (в котором участвовали и местные феодалы), вызванное невозможностью выплатить огромный налог в 500 000 туманов, оно распространилось и на Белуджистан. Посланный на его подавление родственник Надира Али Кулихан перешел на сторону мятежников. Надир сам отправился в поход, во время которого (9 мая 1747 г.) был убит в своем шатре. «Государство, созданное Надир-шахом, им же самим было ослаблено и разрушено.... Вслед за смертью Надир-шаха началось общее смятение и анархия, вследствие коих Ширван навсегда отошел от Персии». (69)

Процесс распада обширного государства началось еще при жизни Надира, «от него отложилось из-за тяжести хараджа и Гянджа, и Самух и Эриван и другие города и подданные Аррана». (70) Таким образом закладывались основы будущих независимых от Ирана азербайджанских ханств. После смерти Надира в середине XVIII в. в пределах исторических земель Азербайджана от границ собственно Ирана до Главного Кавказского хребта на севере и до границ султанской Турции и Восточной Грузии на западе, до западных берегов Каспия было создано более двадцати ханств и султанатов, не больших, но фактически независимых от центральной власти в Иране государственных

образований. К северным ханствам Азербайджана, находящимся севернее реки Араз относились: Бакинское, Ширванское (Шамахинское), Кубинское, Дербендское, Джавадское, Талышское (Ленкоранское), Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Нахичеванское, Эриванское и владение Сальянское; Кроме того, на территории Северного Азербайджана существовали султаны: Казахский, Шамшадильский, Арешский, Габалинский и Илисуйский. Здесь же существовало одно джамаатство (свободная община) – Джаро-Балаканское.

К южным ханствам, находящимся южнее реки Араз относились: Тебризское, Урмийское, Хойское, Макинское, Гарадагское, Сарабское, Ардебильское, Марагинское.

Ширванское ханство возникло в 1747-1748 гг. на территории Ширвана, и хотя называлось оно Ширванским, однако не охватывало всей территории этого региона, на которой к этому времени существовали еще несколько таких же образований – Кубинское, Бакинское, Шекинское, Сальянское ханства. Поэтому одновременно с Ширванским, появилось и другое название ханства - Шамахинское, что более соответствовало обозначению территорий, охваченных этим ханством. Новообразованное ханство отличался от других ханств еще одним свойством: «Благодаря» так называемой «переселенческой» политике Надир-шаха в Шамахинском ханстве с первых же дней его образования появилось двоевластие. «Шамахинцы избрали себе в ханы Гаджи Мухаммад-Али, сына Софи-Неби-Зарнавай, заведовавшего при Надир-шахе сбором провианта в Ширване. Сыновья Аскер-бека, сына Аллахверди-бека Саркара, из племени Ханчобаны подчинили своей власти кочующие племена Ширвана.» (71) Из вышеуказанного свидетельства А.К.Бакиханова на первый взгляд может сложиться впечатление, что претенденты на власть в ханстве разделили между собой отдельные группы населения Ширвана. Однако, в действительности к образованию двух центров власти в ханстве послужило существование двух городов – Старой Шемахи и Новой Шемахи-Ахсу, которые и стали резиденцией представителей двух разных племен. В 1747 г. тогдашний правитель Новой Шемахи - Ахсу Гаджи Мухаммед Али основал ханство, на подвластных ему владениях. Через год, в 1748 г. представители знатного рода Саркаров – братья Мухаммед-Сеид и Агаси также основали ханство уже в Старой Шемахе. Мухаммед Сеид, наследовавший владения своего отца Аллахверди-бека по завещанию, после его смерти переехал и поселился в своих 15 имениях, оставшихся полу невредимыми в Старой Шемахе. Власть в Шемахе он делил со своим братом Агаси-беком, другой же брат - Агарази бек был храбрым военачальником, не раз защищавшим Шемаху во время разных сражений.

Вместе с тем Азербайджанским ханствам приходилось все время отстаивать свою независимость, и это им удавалось только при объединении своих сил.

В том же - 1747 г. – на исторической сцене Азербайджана появился Сам-Мирза III, претендующий на сефевидский престол и возглавивший крупное антииранское восстание, развернувшееся в Южном Азербайджане с центром в Тебризе. В Иране, где царил смута после убийства Надир-шаха, его племянник Али Кули Афшар был объявлен шахом Ирана, получив при коронации имя Адиль шах (справедливый шах). Узнав о появлении серьезного конкурента на шахский престол он отправил против Сам Мирзы III войска. Одновременно против Сам Мирзы III выступил и двоюродный брат Надир-шаха- Амир Аслан хан, военачальник Ереванской крепости, решивший сделаться самостоятельным правителем. Нуждаясь в поддержке союзников, Сам Мирза решил встретиться с главами Карабахского, Гянджинского и Шемахинского ханств, враждовавшими между собой и предложил некоторым правителям Северных азербайджанских ханств, в том числе Шемахинскому, союз под своим руководством. Ханы отвергли это предложение и в этих условиях даже забыв о распрях, объединили свои действия против Сам Мирзы, которого разбили и прогнали за Аракс. Враждебное отношение азербайджанских ханов к Сам Мирзе объяснялось тем, что «менее всего они были заинтересованы в возрождении власти сефевидских шахов, деятельность и ожесточенная борьба против которых не была забыта. Достигнутая ханствами независимость от Ирана была завоевана слишком дорогой ценой». (72)

Восстание Сам Мирзы III было подавлено через четыре месяца войсками Амир Аслан хана, а сам он был казнен.

Однако, вскоре появился новый претендент на власть, но уже не на иранский, а на азербайджанский престол. Тот же Амир Аслан хан решил создать независимое от Ирана Азербайджанское государство, с центром в Тебризе. Будучи хорошим политиком, Амир Аслан хан, хотя и не называл себя шахом, но благодаря энергичным действиям за короткое время успел подчинить своей власти огромную территорию: Тебриз, Ардебил, Карадаг, Халхал, Гянджу и ряд провинций на юге Азербайджана. Однако, северные ханства, особенно весь регион Ширвана с городами Шемаха, Баку, Шеки и Дербент категорически отказались признать его власть. В итоге попытки Амир Аслан хана не увенчались успехом, хотя он уже считал себя правителем почти всего Азербайджана, за исключением Ширвана и Шеки. Феодалы этих ханств, собрав свои ополчения, преградили путь войскам Амир Аслан хана, во время его похода в сторону Ширвана и Шеки, и, не дав возможности переправиться через р. Куру, заставили его вернуться обратно. (73)

Одновременно правители Ширвана и Шеки решили гарантировать себя от вероломных нападений войск самого Адиль шаха. Шемахинский, Бакинский, Дербентский и Шабранский правители отправили к Адиль шаху представителей, чтобы тот объявил их «первыми вольностями..., в противном же случае, принуждены будут так себя содержать как при шахе Надире». (74) Адиль шах, будучи не в состоянии наказать представителей Северо-Восточного Азербайджана за дерзкий ультиматум, согласился на предложенное условие.

В то же время не успокоившийся Амир Аслан хан, убедившись в бесполезности применения оружия против правителей Ширвана и Шеки, решил вести с ними переговоры о добровольном их подчинении, но вновь не добился желаемого. Тогда он решил не распылять свои войска и первоначально овладеть Новой Шемахой. Весть о приближении неприятельских войск привела в панику шемахинских правителей, которые будучи не в состоянии отразить атаку противника без помощи союзных феодалов, поспешили покинуть пределы крепости, оставив население на произвол судьбы. С ханской семьей из города удалились также многие семейства городской знати. В городе оставались «самые бедные», которым нечего было терять.

Заняв без сопротивления Шемаху, Амир Аслан хан назначил правителем города Ахмед хана, оставив при нем триста воинов и быстро возвратился в Гянджу. В это время жители окрестных деревень, соединившись в отряды с покинувшими город шемахинцами, стали преследовать противника, причиняя ему численный урон, а также отбирая вьючных животных. Затем они отравились в Шемаху и истребили весь гарнизон во главе с Ахмед ханом. (75).

Действия Амир Аслан-хана, и особенно правителей Северо-восточных ханств, означающее полное освобождение их из-под зависимости от Ирана, всерьез беспокоили Адиль шаха, которому, однако, не оставалось ничего иного, как отправлять им подарки (халаты), желая привлечь их на свою сторону. Ханы отказались принять подарки от Адиль хана, положение которого в Иране с каждым днем становилось более шатким. В конце 1748 г. шах был свергнут и ослеплен родным братом Ибрагим-мирзой, который объявил себя шахом Ирана. Прежде всего, новоявленный шах решил ликвидировать Амир-Аслан хана, что ему удалось при первом же столкновении. Затем он, как и его предшественники, стал искать поддержки ханов Азербайджана, также послал им подарки, и известив их о своей коронации, в свою очередь просил у них военной помощи. Азербайджанские ханы отказались признать над собой власть Ибрагим шаха. И здесь, как говорится, «отличился» Шемахинский хан, за что на долгие годы обрек себя чуть ли не на положение изгоя.

Из ханов Северного Азербайджана только шемахинский Гаджи Мухаммед Али хан признал Ибрагим шаха правителем, что вызвало негодование других - в частности Гусейн Али хана кубинского, Гаджи Челеби шекинского, Сафарали хана сальянского, Мирзы Мухаммед хана бакинского, которые решили наказать шемахинского хана. К ним примкнул и Шамсаддин Шамет, военачальник Ибрагим хана, перешедший на сторону азербайджанских феодалов. Названные ханы со своими войсками осадили Шемаху, однако между ними возникли разногласия, чем воспользовался Ибрагим шах, отправив на выручку шемахинского хана свои войска. На помощь Мухаммед Али хану также пришли войска дербентского хана, в то время враждовавшего с кубинским ханом. Азербайджанские ханы, не ожидавшие помощи иранских войск с юга и дербентских с севера, естественно не могли вести бой на трех фронтах и вынуждены были отступить.

Несмотря на первую неудачу, союз азербайджанских феодалов против иранского государства, заключенный в 1748, хотя и не был долговечным из-за непрерывных междоусобных войн, свидетельствовал о полной их решимости отстоять завоеванные позиции. Вынашивающие в это время планы даже на военный поход в города Ирана, они, прежде всего, предпочли свести счеты с шемахинским ханом и, собрав на этот раз сравнительно большую силу, одновременно стянули свои войска в сторону Новой Шемахи. В этом походе под началом Панах хана карабахского было 3500 человек, Гусейн Али хана кубинского- 600, бакинского Мирзы Мухаммед хана – 400, сальянского Сафар Али хана- 500 и кабалинского султана Аги Мовлана- 1000 человек. К ним с 5000-ным войском присоединился Ахмед хан шахсеванский, который до этого находился на службе у Ибрагим шаха.

Осада крепости Ахсу продолжалась недолго - всего восемь дней. Встретив упорное сопротивление, союзные войска решили изменить русло реки, снабжавшей осажденных водой. В результате, чтобы не погибнуть от жажды, шемахинский Гаджи Мухаммед Али хан был вынужден сдаться. Победители потребовали от шемахинцев контрибуции, и получили их в виде денег. Весьма примечательно, что деньги были, правда, «тайно», отданы и шекинскому Гаджи Челеби, который не участвовал в этом походе. Из этого следует, что Шекинский хан к этому времени своим прочным положением выделялся среди союзных ханов, почему и шемахинская знать предпочитала опереться именно на него. (76)

Победители получили присягу от шемахинцев, чтобы «персидскому шаху Ибрагиму не служить и в подданстве у него не быть...». (77) После этого ханы разошлись по своим владениям. Ахмед хан шахсеванский, отходя от Новой Шемахи, остановился у Старой Шемахи и решил до основания разорить город. Однако, ему помешали вооруженные отряды братьев Мухаммеда Саид хана и Агаси хана, которые ворвались в Старую Шемаху и «подчинили своей власти кочующие племена Ширвана». Третий из братьев – Ага-Рази бек, собственноручно убил в сражении Мухаммед Риза-хана, брата Ахмед-хана, который решив заступиться за брата был тяжело ранен и унесенный из поля сражения, скончался на дороге. (78)

В Шемахе продолжало действовать двоевластие, которое сильно ослабляло позиции Шемахинского ханства в регионе, где в это время не прекращалась борьба между местными феодалами за господство. Так, в 1755 г. Шекинский хан Гаджи Челеби, собрав многочисленное войско, осадил Ахсу. Гаджи Мухаммед Али-хан обратился за помощью к Кубинскому хану – Гусейн-Али-хану. Последний собрав 3000 отпорных войск-кубинцев, и взяв с собою эмира Гамзу – кайтакского уцмيا с имевшими при нем 500 всадников, пришел под Ахсу, намереваясь примирить врагов. Гаджи Челеби с угрозами потребовал, чтобы Гусейн-Али хан не вмешивался в это дело. «За оскорблением последовала битва. Разбитый Гаджи Челеби отступил с большим уроном. Гаджи Мухаммед-Али-хан преподнес победителю ключи от городских ворот, но Гу-

сейн-Али-хан не принял их и после трехдневного угощения возвратился в свое ханство». (79)

Правитель Ахсу - Гаджи Мухаммед Али, человек преклонного возраста, «любивший пышную и спокойную жизнь» (80), по всей видимости, не очень-то «правил» в своих владениях, где разнузданность и беспредел его чиновников вызывали недовольство всего населения. Так, в 1761 г. прибывшая в Старую Шемаху группа городской знати Ахсу, описав невыносимое беззаконие, царящее в Новой Шемахе, заявили о своем нежелании в дальнейшем подчиниться Гаджи Мухаммед Али и предложили Мухаммед Саид хану взять всю власть в ханстве свои руки. В 1763 г. Мухаммед Сеид хану и Агаси Хану удалось захватить Новую-Шемаху-Ахсу и, наконец то, покончить с двоевластием в Шемахинском ханстве. Пленный Гаджи Мухаммед Али переправляется в Старую Шемаху, где он через год умирает в 80-летнем возрасте. Столица переносится из Ахсу в Старую Шемаху, а в Ахсу назначается управляющий.

В результате слияния Новой и Старой Шемахи в одно ханство военно-политические силы Шемахи возросли. Шемахинское ханство было одним из крупнейших ханств Азербайджана. С севера оно граничило с Кубинским ханством, с юга с Карабахским, Джавадским ханствами и владением Сальянским. На востоке Шемахинское ханство граничило с Бакинским ханством, а также границы проходили по Каспийскому морю. На западе же оно граничило с Шекинским ханством.

Столица ханства город Шемаха, в 1760-х годах, по словам члена Российской Академии, известного путешественника С. Г. Гмелина, проезжавшего через нее летом 1770 г. была «презnamenитым купечественным местом». Своей славой и богатством Шемаха обязана была, главным образом, шелку, большое количество которого производилось во всей области. В Шемахе в многочисленных шелкоткацких заведениях, имевших в сумме гораздо более 1500 станков, выдвельвались разнообразные шелковые ткани. Шемахинский шелк и ткани вывозились в Россию, Турцию, Иран. При Мухаммед Сеид хане, т. е. в 50-х и первой половине 60-х годов, Шемахинская торговля и производство шелковых материй находились «в весьма цветущем состоянии». Говоря о природных богатствах Шемахинского края С. Гмелин называл «Шемахинскую страну» «земляным раем». (81)

Не случайно, что соседние ханы неоднократно пытались завладеть Шемахой и среди них более упорным стремлением отличался Кубинский хан - Фатали-хан, возвышение которого в начале второй половины XVIII в. явилось наиболее значительным моментом в политической истории Азербайджана. Будучи человеком умным, образованным, храбрым, Фатали-хан упорно вел очень сложную политику, направленную на подчинение всех ханств Азербайджана его власти. К началу 60-х годов Фатали-хан объединил под своей властью владение Сальянское, ханства Дербентское и Бакинское, имел связь и значительное влияние на шамхала Тарковского и некоторые общества Да-

гестана. С середины 1760-х годов по 1789 гг. история Шемахинского ханства неразрывно связано с именем этого человека и ханством им возглавляемым.

В течение четырех лет, начиная с 1765 г шла острая борьба между Шемахинским и Кубинским ханствами, в ходе которых Шемахинские правители, периодически принуждались разными средствами платить дань Кубинскому хану, и периодически нарушив свои обязательства, не платили. Неоднократные попытки Фатали хана использовать этот фактор и путем военного вмешательства осуществить свои намерения относительно этого ханства не завершались успехом, поскольку, к шемахинским Мухаммед-Сеид-хану и Агаси-хану каждый раз приходил на помощь шекинский Гусейн-хан. Наконец, Фатали-хану, воспользовавшемуся возникшей между Мухаммед-Сеид-ханом и Гусейн-ханом ссорой, удалось в 1766 г. заключить с последним союз.

В 1767 г. Фатали-хан двинул свои войска на Шемаху. Против Шемахи кроме старых союзников Кубы, выступили войска из Казыкумыка и Каракайтага. Объединенные войска без труда и урона захватили крепость Муджи, лежащую над Шемахой, хотя она считалась неприступной. Управляющие шемахинским ханством братья Мухаммед Сеид хан и Агаси- хан, вынуждены были начать переговоры с Фатали-ханом и заключить очередное соглашение об уплате дани для покрытия военных расходов, которое, однако, вновь не было выполнено. Попытки в начале 1768 г. заключить новый договор и урегулировать спорные вопросы без кровопролития, хотя и привели к взаимному соглашению, однако, тоже были нарушены, и возникла угроза новой войны.

В мае 1768 г. Фатали-хан направил в Шемаху 12-тысячное войско из Дербента, Баку и Сальян. С запада в это время в Шемахинское ханство вторглись войска шекинского Гусейн-хана. Не выдержав длительной осады превосходящих сил противника Старая Шемаха сдалась без боя в июне 1768 г. Эта дата считается временем присоединения Шемахинского ханства к Кубе.

Считая Кубинские власти главным своим врагом, шемахинские ханы со свитой предпочли сдаться Гусейн-хану Шекинскому, который не оправдал их надежды на спасение. С Агаси ханом он расправился со средневековой жестокостью – выколол ему глаза. Мухаммед Сеид хан был взят под стражу, но затем освобожден. Причина этого объяснялась во многом тем, что Мухаммед Сеид-хан был пожилым (60 лет), считался неспособным военачальником, поэтому казался менее опасным. Молодой, энергичный Агаси, как непримиримый враг Кубинского ханства и весьма опасный противник политики Кубы, по мнению кубинских властей, должен был быть обезврежен. (82)

После этой победы Шемахинское ханство было поделено между союзниками. Отдав незначительную ее часть - два западных магала - Сердерин и Гасан, вместе с Новой Шемахой - Ахсу своему союзнику Гусейн-хану шекинскому, Фатали-хан присоединил к своему государству всю остальную часть Шемахинского ханства с резиденцией хана Старой Шемахой. Оба хана назначили для управления городами своих наместников-наибов: в Старой Шемахе был назначен Абдулла-бек, брат Фатали -хана, позднее его сменил Эль-

дар бек казыкумыкский, глубоко преданный политике Кубинского ханства. В отошедших к Шекинскому хану владениях с городом Ахсу правителем был определен Манаф-бек, сын бывшего шемахинского Гаджи Мамед Али- хана.

Вскоре, в августе того же года в Новой Шемахе был раскрыт заговор, составленный Манаф-беком и согласованный с Гусейн-ханом Шекинским, цель которого сводилась тому, чтобы вытеснить кубинскую власть и овладеть Шемахинским ханством. Однако заговор не был осуществлен, сторонники шекинского ханства не получили поддержки в Шемахе, а шекинские войска не успели поддержать Манаф бека, который вместе со своими приверженцами был взят в плен Кубинскими властями и отправлен в Дербент. Фатали-хан присоединил к своему государству также Ахсу и два магала, принадлежащие шекинскому ханству. Победа, одержанная в процессе ликвидации заговора, завершила объединение Северо-восточного Азербайджана под властью Кубинского ханства и имела большое значение для его укрепления. Одновременно эта победа вызвала новые трудности, поскольку влияние Кубинского ханства в Шемахе не успело окрепнуть, пограничное же с Шемахой Шекинское ханство превратилось из союзника в открытого врага. Существовала и сильная внутренняя оппозиция в лице сторонников династии серкеров, права и привилегии которых были сильно ограничены Фатали ханом, которые имели тесные связи с противниками Кубинского ханства. Желая локализовать сферы влияние этих сил на первых порах предложил Мухаммед Сеид-хану править Новой Шемахой в качестве наиба Кубинского ханства, однако, оскорбленный таким предложением бывший Шемахинский хан его не принял. Видя упорство, как бывшего хана, так и крупных ширванских феодалов, Фатали хан отказался от прежнего компромиссного намерения, и все управление передал своим наибам, в том числе своему брату – Абдулла-беку.

Продолжительная вооруженная борьба между Шемахинским и Кубинским ханствами дала повод кубинским властям рассматривать Шемаху как ханство, доставшееся силой оружия, поэтому Куба взимала с Шемахи налоги и подати в любых размерах. К тому же, Абдулла бек, правивший бывшим Шемахинским ханством, злоупотреблял своим положением, допускал произвол, разврат, накладывал на жильцов непомерные налоги, вызывая в Шемахе недовольство. Хотя за эти действия он впоследствии был отстранен от должности, но все же успел настроить шемахинцев против Кубы, что в свою очередь умело использовалось Шемахинскими феодалами, как средство для усиления антикубинских настроений среди населения. В этих целях использовалось еще одно испытанное средство – разжигание религиозной нетерпимости между шиитами и суннитами. Владетельные беки натравливали шемахинцев, исповедующих суннизм, против кубинцев-шиитов.

При сильной власти шемахинские феодалы, сторонники восстановления господства династии серкеров, вели себя смиренно, хотя считали Кубинское ханство потенциальным врагом. Однако, с создавшимся положением никак не хотели примириться свергнутые шемахинские ханы, наиболее ярые про-

тивники объединения Шемахи с Кубой. Оставаясь на свободе, они в 1769 г. совместно с представителями крупного купечества гор. Шемахи организовали тайный заговор против Фатали-хана и вошли в соглашение с шекинским Гусейн-ханом, который вновь двинулся с войсками на Шемаху. Узнав об этом, Фатали-хан кубинский действовал быстро и решительно. Он арестовал главарей заговорщиков, а войска его неожиданно вышли на встречу войскам Гусейн-хана шекинского, который видя неожиданный поворот событий, не решился вступить в бой с войсками Фатали-хана и капитулировал перед ним. Фатали-хан заключил новое соглашение с Гусейн ханом, в котором присягой обязал последнего в случае возможной военной ситуации доставить в помощь ему вспомогательный военный отряд, а также не вмешиваться в дела Шемахи и воздерживаться от «неприятельских набегов, охранять целостность Шемахинских границ». (83)

Кубинские власти сурово расправились с организаторами и участниками заговора - владельческими шемахинскими беками и крупными купцами, связанными в прошлом с династией саркаров. Он устранил от власти в Ширване крупных феодалов, а также обложил тяжелым налогом тех купцов гор. Шемахи, которые принимали участие в заговоре против него. После столь значительной победы Фатали хан предпринял весьма важное действие. Он переселил жителей Новой Шемахи в Старую Шемаху, положив тем самым конец разделению Шемахинского ханства на две части, и неоднократно переносам его столицы. При этом Новая Шемаха была сильно разрушена. Это было третье по счету разрушение Новой Шемахи и четвертое насильственное переселение ее жителей. (84) Русский академик Гмелин, будучи в этих местах в 1770 г., и увидевший развалины города, пытался объяснить причину разрушения Новой Шемахи, под влиянием услышанных рассказов, которые сводились к тому, что в городе, якобы, существовали нездоровые климатические условия, ощущался недостаток воды и, наконец, к необходимости обеспечить безопасность его жителей. Однако отмечались и другие причины- Кубинские власти опасались частных восстаний, не редко вызванных, кроме иных причин, также угнетением населения от чрезмерных налогов и поборов.

Начиная с этого времени Фатали-хан стал именоваться уже «высокостепенным, высокопочтенным, дербентским, кубинским и шемахинским ханом». (85)

На рубеже 70-х годов в XVIII в. Кубинское ханство, под властью которого находилась почти половина Северного Азербайджана с богатейшими Прикаспийскими районами, достигло своих наивысших успехов и Фатали хан решил превратить в центр этого государства Шемаху. Кроме нескольких тактических причин, это намерение имело под собой, наверняка, желание возродить бывшее азербайджанское государство Ширваншахов, установив с ним преемственную связь. Шемаха находилась в географическом центре Азербайджана, соединяя его южную и северную части, она была экономическим и культурным центром Ширвана и важным пунктом международной транзит-

ной торговли. В это время политико-административным центром объединенного Северо-восточного Азербайджана являлась Куба, но в хозяйственно-экономическом отношении она уступала Шемахе и Баку. Кроме окончательного усмирения шемахинских феодалов, это намерение соответствовало более широким политическим планам Кубинского хана. Шемаха имела важное стратегическое значение в борьбе за овладение Шекинским и Карабахским ханствами. Однако попытки укрепиться в Шемахе и превратить ее в столицу были связаны не только с планами образования будущего государства, но и с дальнейшими завоевательными планами феодального государства Северо-восточного Азербайджана, в частности относительно продвижения уже в Южный Азербайджан. О существовании этих намерений есть множество свидетельств в источниках. (86)

Подобное чрезмерное усиление власти и расширение сферы влияния Фатали-хана кубинского естественно не устраивало оставшихся вне созданного им объединения шекинского Гусейн-хана, Карабахского Ибрагим-хана, а также царя Картли-Кахетии Ираклия II. В начале 1770-х годов против Фатали-хана возникла коалиция в составе упомянутых ханов.

Гусейн-хан, особенно не соглашаясь с потерей приобретенных владений, и опасаясь усиления Фатали-хана у самых границ шекинского ханства, примирился с ослепленным им Агаси-ханом, который, живя на берегу реки Куры в шекинском ханстве, готовился поднять против Фатали-хана своих сторонников - беков, находившихся в Шемахе. Для того, чтобы собрать больше сил, Гусейн-хан заключил также союз с аварским ханом Нуцалом, который выслал ему на помощь войско под начальством своих двух сыновей.

В конце 1773 г. объединенные силы шекинского, карабахского ханов при участии претендента на Шемахинское ханство Агаси-хана и поддержке Ираклия II подступили к Шемахе. Хотя союзники и потерпели поражение, были обескровлены и войска Фатали-хана. В такой неблагоприятной обстановке против Фатали-хана выступила другая, еще более воинственная и грозная сила – коалиция южнодагестанских феодалов во главе уцмием каракайтакским Амиром Гамзой. На Шемахинской территории развернулись ожесточенные бои. Нападение объединенных феодалов было внезапным и город не смог дать отпор. Шемаха перешла в руки нападавших, при равнодушном отношении самих шемахинцев к этим событиям.

Кубинцы не примирились со своим поражением, в Шемаху были стянуты со всего Северо-восточного Азербайджана значительные войска. Начались сильные сражения, переходившие в рукопашные бои. Войска феодальной коалиции потерпели поражение, особенно большой урон понесли аварцы-погибли двое сыновей аварского хана- Пулач Мирзы и Мухаммед Мирза.

В начале следующего 1774 г. борьба возобновилась с участием свежих сил противников. Основную ударную силу антикубинского блока составляли многочисленные и воинственные аварцы, переполненные чувством кровной мести. Однако и на этот раз союзники не имели успеха, к тому же в этих боях

погиб уже сам аварский Нуцал хан. Это кровопролитие, в частности убийство аварского хана и двух его сыновей, привело к тяжелым последствиям, послужив одной из причин длительной кровавой борьбы между дагестанскими ханствами и государством Фатали-хана.

В июле 1774 г., когда силы Северо-восточного Азербайджана оказались скованными обороной Шемахи, второй блок южно-дагестанских феодалов во главе с уцмием каракайтагским Амир Хамзой - давним врагом Кубинского хана, выступили в тылу. Объединенные вооруженные силы дагестанских правителей устремились на Кубу – военно-политический центр Северо-Восточного Азербайджана. Силы этой коалиции нанесли кубинским войскам тяжелое поражение в известной Гавдушанской битве. Фатали-хан потерял все приобретенное им в течение полутора десятка лет. Феодалам удалось на время расчленить собранные вокруг единого политического центра земли Северо-восточного Азербайджана и прервать нити, связывавшие те территории, которые предполагалось в будущем превратить в ядро объединенного Азербайджана. Шемаха перешла в руки Агаси-хана, Куба была занята Магомед-ханом казыкумыкским, Дербент был осажден войсками Амира Хамзы. Устояли только Баку и Сальян, где нашел убежище Фатали-хан.

Однако вскоре, собрав некоторые силы и при сложившихся удачных обстоятельствах, а также с помощью русских войск, Фатали-хану уже в 1775 г. удалось одержать победу над объединенными силами южнодагестанских феодалов, и вернуть принадлежащие ему до 1774 г. владения. К этому времени Фатали-хан примирился и с некоторыми своими противниками, с усмием и кадием табасаранским, казыкумыкским владельцем.

В это же время он восстановил свою власть в Шемахе, куда назначил правителями бывших ханов Шемахинских - Мухаммед-Сеид-хана и Агаси-хана, которые нашли способ примириться с Фатали-ханом. Вследствие этого Мухаммад Саид-хан, содержавшийся семь лет в Дербенте, был освобожден и как прежде стал править городом Ахсу, а брат его Агаси-хан – провинцией.

В 1781 г. военные отряды Шемахинское ханства совместно с отрядами Кубинского, Карабахского, Дербентского Бакинского, Джевадского, Шекинского, Талышского и Ардебильского ханств, участвовали в организованном Фатали ханом Гилянском походе, который был примечателен тем, что впервые в войне против претендента на шахский престол Каджара объединились военные силы со всех концов Азербайджана. В походе принимали участие также войска шамхала тарковского и уцмива каракайтагского. «Такой представительный состав участников похода на Гилян убедительно продемонстрировал степень зрелости сознания и чувство единства азербайджанцев в борьбе против шахского Ирана». (87)

Однако это событие не ослабило напряженность во внутренних отношениях, выражавшееся в борьбе феодалов за власть, за владение землями и крепостями.

В Шемахинском ханстве также продолжались как внутренние распри, так и противостояние с их главным врагом - с Фатали-ханом Кубинским. Положение не спасло даже то, что Мухаммед-Сеид-хан породнился с Кубинским ханом, женив своего сына – Мухаммед-Риза-бека на его сестре, что привело к раздору между братьями. Агаси хан периодически устраивал военные стычки с кубинскими войсками, вступая в союз с теми или иными противниками Фатали хана, которые как правило, заканчивались неудачей. После очередного такого столкновения в 1785 г., когда во время сражения Фатали хана с войсками Агаси бека, сыном последнего был убит брат Ибрагим хана Карабахского, Меграли бек, бывший при Фатали хане. Воспользовавшись этим случаем, Фатали хан уже с помощью своего врага- Ибрагим хана победил Агаси и сослал его вместе с сыновьями в Кубу. Испугавшись этого случая, его брат Мухаммед Саид хан, правивший в это время Шемахой, решил выступить против кубинцев, правда, безуспешно, после чего убежал в Шекинское ханство. Фатали хан назначил правителем Шемахи его сына Мухаммед-Рзу бека. Однако продолжающиеся постоянные измены и подозрения, неоднократные выступления против Фатали-хана и последующие за ним покорения, в конце привели к тому, что Фатали-хан, вначале сослал обоих братьев с сыновьями в Сальян и в Баку, а затем жестоко расправился с обоими Шемахинскими ханами и их отпрысками: в 1788 г. были умерщвлены в Сальянах Мухаммед-Сеид-хан с сыновьями Махмуд беком и Искендер беком, а в Баку Агаси-хан с двумя сыновьями Ахмед беком и Мухаммед-беком. Такая же участь постигла, но уже в Кубе, и старшего сына Мухаммед-Сеид хана – Мухаммед Рза-хана, женатого на сестре Фатали-хана, также заподозренного в измене. Оставшиеся на свободе сыновья Мухаммед-Сеид хана Аскер-бек и Касим-бек и сын Агаси-хана Мустафа бек бежали в Карабах, но были арестованы Арешским султаном и отправлены к Фатали-хану. Однако по стечению обстоятельств, по дороге были освобождены и убежали в Джар, оттуда в Аварию, и после несостоявшейся попытки осадить и освободить Ахсу с помощью Умма-хана Аварского, отправились в Турцию. (88)

Через год – в 1789 г. от болезни скоропостижно, на 53 году жизни умер Фатали хан. С его смертью завершился целый этап в истории Шемахинского ханства, существенно отразившись на его политической судьбе. Около 22-лет Шемахинское ханство входило в орбиту управления Кубинского ханства – позже в объединенных земель Северо-восточного Азербайджана, хотя управление это было не достаточно твердым. Шемахинская династия серкеров то отстранялись от власти, то привлекались к управлению. С 1768 по 1774 г. ханская власть в считалась упраздненной и Шемаха управлялась наместником Кубинского ханства. Затем, в течение почти десяти лет правителем Шемахи являлся Мухаммад Саид, носивший титул хана, на правах вассальной зависимости. Затем его Мухаммед Саида сменил его сын – Мохаммед Рза бек. Брат Мухаммед Сеид хана- Агаси бек, самый воинственный и ярый враг Кубинского ханства, периодически находился или в изгнании, или в бегах.

Другой их брат – Ага Рази бек, еще в 1758 г., был убит во время сражения недалеко от Старой Шемахи Кубинским ханом, который решил наказать брата Шемахинского хана, нападавшего на кубинские владения и ограбившего и уведшего оттуда 200 семейств. Наконец, в 1789 г. большинство представителей династии серкеров было уничтожено Кубинскими властями. Следовательно, Шемахинское ханство в 1760-1780-гг. XVIII в. однозначно не являлось самостоятельным политическим образованием, а бывшие шемахинские ханы Мухаммед Саид и Агаси – полновластными правителями Шемахи.

Вместе с тем, Шемахинское ханство даже в это время занимало важное место в системе азербайджанских ханств и обладало значительными военными силами. Оно могло выставить в среднем до 8-10 тысяч воинов, что позволило ему в течение 8 лет (с перерывами) вести борьбу с сильным Кубинским ханством. Даже после поражения Шемахинского ханства в нем продолжали существовать значительные очаги сопротивления. Упомянутое количество войск соответствует и численности населения Шемахинского ханства, которое по сведениям 1796 г. состояло из 144 тыс. человек и было значительным для ханства того периода. Шемаха продолжала оставаться одним из важных экономических центров Азербайджана, обладала значительными материальными ресурсами и характеризовалась как «главнейший... во всей провинции Ширванской». (89)

В числе причин, не позволивших Шемахинскому ханству, при имеющихся экономических и военных ресурсах и других преимуществах, отстоять свою независимость, подобно Карабахскому или Шекинскому ханствам, не говоря уже о Кубинском, безусловно, можно назвать отсутствие среди Шемахинской знати и феодалов крупных, сильных и умных политиков и военачальников, подобных Кубинскому или Карабахскому ханам. Пришедшие во власть или претендующие на нее представители серкеров – Мухаммед Саид хан и Агаси бек, также как и правитель Нового Ширвана Гаджи Мухаммед Али, при определенных своих достоинствах, тем не менее, уступали по многим качествам правителям соседних ханств, с которыми находились то во вражеских, то в союзнических отношениях, но никогда на равных. Во многом этому способствовало и изначальное разделение власти в Шемахинском ханстве, существенно ослабляющее ее позиции.

Это же положение едва не повторилось после смерти Фатали хана кубинского. Вступивший на его место Ахмед хан, старший сын Фатали-хана, «предавшись страстям юности и не имея достоинства отца, не мог удержать в страхе зависящих от него владетелей и следовать благоразумной политике отца». (90) Воспользовавшись созданным благоприятным положением Шекинский Мухаммед Гасан хан собрал войска, и совместно с сыновьями бывших шемахинских ханов – Аскер-беком, Касим беком и Мустафа беком, возвратившимися из Турции в Карабах, а также Манаф-беком, сыном Гаджи Мухаммед Али хана Шемахинского пошел на Шемаху. Ахмед-хан не был в состоянии противостоять этим силам и удалился в Кубу. В 1789 г. Мухаммед Гасан хан назначил ханами провинции сыновей Мухаммед Саид хана, а

управление городом Ахсу передал Манаф хану. Мустафа бек, сын Агаси хана переселился в укрепление Катран в Альвенде, где неоднократно находил убежище его отец.

Однако двоевластие в ханстве продолжалось недолго. Спустя всего неделю Аскер хан напал на Ахсу, убил Манаф-бека, и объединив все территории Шемахинского ханства под своей властью стал самостоятельным правителем. Это вызвало недовольство Мухаммед-Гасан хана шекинского, который не хотел терять своего влияния на Шемахинское ханство, к тому же разозленный убийством Манаф-хана, предложил Ахмед-хану Кубинскому прогнать из Шемахи серкерев и овладеть этим краем, как своим наследственным владением. Совместные войска Кубинского и Шекинского ханов подошли к городу Ахсу с двух сторон и осадили его. Однако, получив выкуп от Аскер хана, лезгины, бывшие в лагере Шекинского хана, отказались от дальнейшей осады, сославшись на несносную жару. Ханам также пришлось отступить.

1789-1792 г.г характеризуются непримиримой борьбой потомков серкерев за власть. В 90-е годы XVIII в. в Шемахинском ханстве сложилась состоящая из влиятельных феодалов сильная группировка, во главе с Юзбаши беком аузским и Омар султаном саадаринским. Именно при их содействии в Шемахе за короткий срок были свергнуты с ханского престола несколько правителей из династии серкерев. Так, Аскер хан, правивший всего полтора года, был сменен Касум ханом, также продержавшимся у власти недолго.

На Шемахинское ханство претендовал и Мустафа бек, сын Агаси хана. Чувствуя опасность Касим хан собрав войско пошел в Альванд, однако, потерпев поражение, вернулся в Шемаху. Вскоре своим жестоким поведением восстановил против себя его жителей и феодальной знати. Видя недовольство населения и, опасаясь участи своего старшего брата, он пригласил к себе сына шамхала Магомеда с лезгинами, чтобы обезопасить свое положение и держать народ в страхе и повиновении. Несмотря на помощь наемных войск, разозленное их присутствием в Шемахе население призвало к власти Мустафа-бека, - сына Агаси хана, который в начале 1792 г. собрав трехтысячное войско и получив подмогу от упомянутого шекинского хана — 4000 чел., подошел близко к Шемахе. Заранее подкупленные караульные открыли ворота города и беспрепятственно впустили Мустафа бека в город. Потерпев поражение, Касум хан со своими приближенными бежал в Кубинское ханство. (91)

Мустафа хан Шемахинский, которому предстояло еще более 25 лет править и войти в историю как последнему Шемахинскому хану, сумел отстоять свое ханство от неоднократных посягательств соседей, при этом даже пытался расширить территории своего ханства, обеспечить населению более-менее стабильную жизнь, одновременно вести довольно независимую внешнюю политику, насколько это позволяла сложившаяся крайне сложная международная обстановка вокруг всех азербайджанских ханств.

В начале 1795 г. Шейх-Али хан кубинский, пришедший к власти после смерти Ахмед-хана, и Мухаммед-Гасан хан шекинский с двух сторон напали

на Новую Шемаху. Осажденные оказали им упорное сопротивление. В течение 25 дней союзники держали город в осаде, но безуспешно. Тогда они решили перекрытием воды в город вынудить их сдаться. В это время пошел сильный дождь, расстроивший ряды войск союзников и оказавший большую помощь осажденным. Как говорится в источнике, используя такую благоприятную возможность и «быв томимы жаждою», шемахинцы сделали вылазку и напали на лагерь войск Мухаммед-Гасан хана. Внезапная вылазка завершилась успешно. Шемахинцы разбили шекинские войска и взяли 400 чел. в плен. После этого они разбили и войска Шейх-Али хана. Несмотря на одержанную победу, по заключенному договору Мустафа хан должен был платить ежегодно дань Шейх-Али хану в размере 10 тыс. р. Соглашаясь на это условие, Мустафа хан, видимо, знал, что Кубинское ханство еще сильно и поэтому хотел застраховать себя от последующих нападений Шейх-Али хана. Кроме того, Мустафа хан взял на себя обязанность помирить Шейх-Али хана с Гусейн-Кули ханом бакинским. Осенью 1795 г. при его посредничестве кубинский владетель помирился с Гусейн-Кули ханом.

Османская империя, переживавшая период глубокого кризиса, пыталась найти выход из него путем подчинения себе Азербайджана и других районов Закавказья. Эти попытки особенно усилились в годы второй русско-турецкой войны (1787—1791 гг.). Турецкое правительство через своих эмиссаров старалось побудить азербайджанских и дагестанских правителей к вооруженному выступлению против России. В 1789 г. турецкие эмиссары передали письма султана и великого везира Турции шекинскому, шемахинскому, карабахскому ханам и дагестанским владетелям, в которых им предлагалось во время нападения турецких войск на Анапу принять участие соединенными силами в походе на Кизляр. Однако азербайджанские ханы и дагестанские правители отвергли эти требования, что свидетельствовало о том, что ханы не намерены были выступать против России. Турецкие войска во главе с Батал-паша потерпели поражение под Анапой. К середине 90-х годов XVIII в. влияние Турции на Кавказе и Азербайджане сильно ослабло.

В конце XVIII в. особую опасность для Азербайджана представлял уже Иран. С приходом после смерти Керим хана Зенда в Иране развернулась ожесточенная борьба за центральную власть между Зендами и Каджарами, во главе которых стоял Ага-Мухаммед хан Каджар. Честолюбивый, энергичный и в то же время жестокий Ага-Мухаммед хан, мечтавший восстановить границы прежней Сефевидской державы, к середине 90-х годов XVIII в., уничтожив всех своих соперников, и подчинив себе весь Иран и Южный Азербайджан, стал готовиться к вторжению в Закавказье.

Другим претендентом на Закавказье являлась царская Россия, которая проводила здесь более умеренную и довольно разумную политику. Она старалась привлечь на свою сторону закавказских правителей путем переговоров с ними и поощрений. Чаще всего русский царизм скрывал свою колониальную политику под лозунгом защиты закавказских народов от иранской и турецкой аг-

рессии. В борьбе за Закавказье русское правительство опиралось на местных феодалов, признавая их владельцами, чего не делали иранские правители.

Ага-Мухаммед хану были известны переговоры азербайджанских ханов с Россией о покровительстве последней. Встревоженный распространением русской ориентации в Закавказье Ага-Мухаммед хан еще в 1793 г. отправил в Тебриз Сулейман хана Каджара, задачей которого являлось призвание к повиновению северо-азербайджанских ханств. Однако, большинство азербайджанских ханов не проявило никакого желания вести с ним переговоры. Ибрагим хан карабахский не только не принял предложения посланника иранского правителя, но даже не пожелал признать Ага-Мухаммед хана иранским правителем. Примеру Ибрагим хана последовали Мустафа хан шемахинский и Мир-Мустафа хан талышский. Это еще более восстановило Ага-Мухаммед хана против азербайджанских владельцев.

В 1794 г. Ага-Мухамед хан принял титул шаха. В 1794 г. иранские войска через Худаферинский мост вступили в Карабах. На помощь карабахцам пришли грузинские вооруженные отряды под предводительством царевича

Александра. Войско Ага-Мухаммед хана было разбито в теснинах Карабахских гор и оттеснено за Аракс. Несмотря на эти неудачи, Ага Мухаммед шах продолжал интенсивно готовиться к вооруженному походу в Закавказье. Тебриз и Ардебиль, были объявлены сборными пунктами иранских войск. Здесь находились склады с продовольствием.

В мае и июне 1795 г. требования о подчинении были повторены. Иранский шах требовал аманатов, угрожал разорением и смертью. В конце июля его войска в количестве около 85 тыс. чел. вторглись в Азербайджан. После неудачной осады Шушинской крепости и разгрома Тифлиса Ага-Мухаммед хан остановился на зимовку в Муганской степи, и отправил под начальством Сулейман-хана карательный отряд для покорения Шемахи. Этот отряд сопровождал Мухаммаед Гасан хан шекинский, решив таким образом отомстить своему врагу. Узнав о намерениях Ага-Мухаммед шаха Мустафа хан, забрав свои ценности, перешел в свое укрепление на недоступной горе к северу от Шемахи Фитадаге, куда переселил своих приближенных и большинство подданных, а также племя Хан-чобаны из гор. Ахсу. Население также покинуло Шемаху, и иранским войскам пришлось удовольствоваться тем, что они заняли опустевший город. (92) За несколько месяцев пребывания в своем убежище на Фит-даге, представляющем собой крепость-городок, окруженный каменной стеной, Мустафа хан занялся его укреплением и благоустройством, и укрывался здесь до февраля 1796 г, т.е. до ухода Ага-Мухаммед хана из Шемахи.

В начале 1796 г. по просьбе закавказских владельцев, а также, исходя из стремления не допустить утверждения Ирана в Закавказье, был организован поход русских войск в Закавказье. Вести о продвижении русских войск и начавшиеся волнения в Иране заставили Ага-Мухаммед хана поспешно покинуть Азербайджан.

После занятия Кубинского и Бакинского ханства в начале июля 1796 г. передовые отряды русских войск вступили на территорию Шемахинского ханства и расположились в Куртбулакском урочище. 7 июля 1796 г. Мустафа хан в сопровождении своих знатных вельмож прибыл в лагерь русских войск и встретился с главнокомандующим похода В. А. Зубовым. Мустафа хан выразил свою благодарность за принятие его под русское покровительство и просил передать Екатерине II свои заверения о верноподданническом отношении к России. После этого Мустафа хан неоднократно бывал в лагере русских войск и приглашал Зубова в свои владения. (93)

Вместе с тем, отношение Мустафа хана, также как и других ханов к походу русских войск в Азербайджан не было однозначным. И если в начале приверженность Шемахинского хана русской ориентации, когда он был сторонником прихода в ханство русских войск, не вызывало сомнений, то очень скоро появились заметные колебания, причиной чему стали слухи о планах Зубова отстранить его от управления ханством. Хотя присланный специально к Мустафа хану подполковник Акличеев смог убедить его, что «распространяемый Гусейн-Кули ханом бакинским слух» о намерении России лишать ханов власти необоснованны, однако, к этому времени уже появился повод для появления недоверия к русским, как у Мустафа хана, так и у других Азербайджанских ханов.

Поводом для этого послужило обращение армянского архиепископа Иосифа Аргутинского, назначенного русским правительством советником В. А. Зубова, который без позволения командующего обратился с посланием к карабахским меликам, уверяя их в том, что, якобы, русская армия выступила в поход с главным намерением освободить армян от ига мусульман». Эта весть произвела большое замешательство среди мусульманских владетелей Закавказья. Узнав об этом раньше всех, Гусейн-Кули хан бакинский осведомил других азербайджанских ханов. (94)

Несмотря на внешнее спокойствие ханов, русскому главнокомандующему также было ясно, что доверие к нему сопредельных правителей уже потеряно. Это было невыгодно для развертывающихся военных действий, так как в ближайшем будущем предполагалось совершить поход в Иран, а недовольство азербайджанских ханов могло бы создавать опасность в тылу русских войск. Поэтому В. А. Зубов старался во что бы ни стало усмирить и успокоить вышеупомянутых правителей, доказать необоснованность их подозрений. 30 сентября 1796 г. В. А. Зубов отправил письмо Мустафа хану, в котором благодарил его за сведения о намерениях Ага-Мухаммед хана и намекал на необоснованность его опасений за свою власть. Стараясь восстановить прежние дружественные отношения, В. А. Зубов предлагал шемахинскому хану присоединить свои войска к русским и совместно продвигаться против Ага-Мухаммед хана. Однако Мустафа хан не отреагировал на письмо В. А. Зубова и отклонил его предложение. Тогда В. А. Зубов с целью обеспечения безопасности своего тыла во время предстоящего похода решил отстранить Мус-

тафа хана от управления ханством и заменить его другим, более преданным интересам России человеком.

В конце октября лагерь русских войск был перенесен к городу Новой Шемахе. Эти движение испугало Мустафу хана, и, не желая покориться Зубову, он покинул Шемаху и ушел в город Фит. Претендент на шемахинский престол имелся. Прежний правитель ханства, двоюродный брат Мустафа хана, Касим хан пребывавший в изгнании на владениях шекинского Селим-хана, и ожидающий благоприятного случая, вернулся в Шемаху и сразу был приглашен в лагерь русских войск, к главнокомандующему Забову. Здесь он принес присягу на верность России, после чего 2 ноября был объявлен шемахинским ханом.

После ухода Мустафа хана в горы, в Шемахе и в провинции начались беспорядки, очень скоро перешедшие в кровопролитное межэтническое противостояние. Азербайджанскому населению Шемахи были известны тайные сношения армян с русскими войсками, и чем дальше усиливались эти отношения, тем больше они вызывали тревогу и недоверие к христианскому-армянскому населению края, которое обвиняли в предательстве и в пособничестве русским войскам. В свою очередь появился предводитель «христиан» - старшина армянского селения Кирк некто Оган. Ему противостоял шемахи-нец Мехти бек, возглавлявший вооруженный отряд азербайджанцев. Шемаха и окрестные селения, как азербайджанские, так и армянские, стали подвергаться разрушению и разорению, пролилась кровь, население, оставляя свои дома и целые селения, убегало. Большая их часть, в том числе и армяне, переселилась в город Фит, к Мустафа хану. В одном из таких сражений Оган был убит Мехти бек. С прибытием в Шемаху вновь назначенного Касим-хана в сопровождении русских войск межэтнические столкновения прекратились. (95) В сложившихся условиях Мустафа хан, убедившись в опасности дальнейшего пребывания в Ширване, со своими приверженцами перебрался в Карабах. Несмотря на негодование Ибрагим-хана карабахского, его сын Мухаммед Гасан-ага дал ему убежище. (96)

Вскоре - 6 ноября 1796 г. умерла императрица Екатерина II. Вступивший на престол новый император Павел I приказал остановить действия русских войск в Закавказье и вернуться на Кавказскую линию. Русскому военному командованию экспедиционной армией не удалось осуществить свои планы ни по закреплению за собой занятых провинций Азербайджана, ни тем более поход в Иран, а также другие проекты.

Узнав о возвращении русских войск, Ага-Мухаммед хан, уже объявивший себя иранским шахом, стал готовиться к вторжению в пределы Азербайджана. Он вновь разослал своих гонцов к правителям Закавказья с требованием безусловной покорности.

В начале весны 1797 г. передовые отряды иранских войск через Нахичевань напали на Ереванское ханство. Нахичеванский Келб-Али хан подвергся жестокой пытке. Ереванское ханство было разорено, его население ограблено

и большинство переселено в Иран. Как и в первом походе, основные силы иранских войск под личным командованием Ага-Мухаммед шаха готовились к вторжению в Азербайджан через Карабахское ханство. Этот маршрут был выбран Ага-Мухаммед шахом не случайно. В 1795 г. ему не удалось покорить Шушинскую крепость, и он решил отомстить за это Ибрагим-хану.

В мае 1797 г. войска Ага-Мухаммед шаха приблизились к Шушинской крепости и с помощью предателей овладели ею. Ибрагим хан покинул Шушу и со своим семейством отправился в Дагестан к своему родственнику Умма хану. Вооруженному отряду, посланному вслед за ним, не удалось захватить Ибрагим хана. Войска Ага-Мухаммед шаха расположились в окрестностях города.

Ширван занял один из военачальников Иранского шаха- сардар Али-Кули хан. Ставленник русских Касим хан ширванский изъявил внешне покорность шаху. К нему же прибыл и Мустафа хан, из укрепления Катран, куда он переехал из Карабаха. Касим хану оставалось только бежать в Шеки. Мустафа хан вновь овладел своим ханством, и помог Мухаммед Гасан хану занять Шеки, из которой Селим хан бежал в Карабах.

Ага Мухаммед Шах, захватив Шушу, начал жестокую расправу со своими противниками. Тысячи людей были казнены или брошены в тюрьму. В лагерь иранских войск прибыл Джават хан гянджинский. Под стражей был доставлен Гусейн-Кули хан бакинский. Ага-Мухаммед шах угрожал им смертью за то, что они не оказали сопротивления русским войскам. И все же Ага-Мухаммед шаху не удалось долго господствовать в Шуше. В результате заговора, который был организован спустя четыре дня после его вступления в Шушинскую крепость, т. е. 5 июня 1797 г., он был убит. Иранские войска, оставшись без военачальника, в панике покинули Карабахское ханство и удалились в Иран. Все ханы вернулись в свои владения.

Таким образом, в 90-е годы XVIII в. попытка иранского шаха завоевать Азербайджан потерпела провал, разрозненные азербайджанские ханства продолжали существовать самостоятельно.

К концу XVIII в. международное положение осложнилось, но в Азербайджане набирали силу междоусобицы. В это время среди азербайджанских ханств особо выделился своими военными действиями Мустафа хан Шемахинский, который развернул активную борьбу за расширение своей территории. Первым делом он привел в зависимое положение Шекинское ханство, использовав при этом отстраненного от власти и ослепленного Ага-Мухаммед шахом шекинского Мухаммед Гасан хана. Собрав многочисленное войско, шемахинский хан вторгся в пределы Шекинского ханства. Не имея возможности сопротивляться, Селим хан шекинский бежал в Карабах к своему родственнику Ибрагим хану, а шекинским правителем вновь стал Мухаммед Гасан, попавший в зависимое положение от Мустафа хана. В начале XIX в. отношения Мустафа хана с Мухаммед-Гасан ханом ухудшились, в связи с чем шемахинский хан намеревался заменить его Селим ханом. Уз-

нав об этом, Мухаммед-Гасан хан покинул Шеки, распустил свои войска и сдался на милость Мустафа хана. В это же время с помощью местных феодалов в Шеки была установлена власть другого брата Мухаммед-Гасан хана — слепого Фатали хана, который правил всего 3 месяца и был смещен Селим ханом.

В 1799 г. Мустафа хан завладел Сальяном, который долгое время находился во владении кубинских ханов, перенес город на четыре фарсаха (более 20 км.) выше по течению реки, на то место, где он ныне находится и передал его в управление Али-хану, сыну Ибрагим-хана. (97)

Одновременно с Сальяном в зависимость от Шемахинского ханства попало и Бакинское ханство, где по-прежнему шла острая борьба за ханскую власть. В 1797 г. после долгих переговоров власть вновь была разделена между Гусейн-Кули ханом и Мирза Мухаммед ханом. Разделенное на две части Бакинское ханство легко попало под влияние Мустафа хана шемахинского. Бакинский Гусейн-Кули хан обязался выплачивать ему ежегодно «товарами и деньгами до ста двадцати тысяч рублей».

Для покорения или хотя бы ослабления власти Мустафа хана решили выступить Шейх-али хан кубинский, поддержанный казыкумыкскими владельцами и внутренней оппозицией в Шемахе. Однако Мустафа хану удалось предотвратить угрожавшую ему опасность.

В описываемый период обострились политические неурядицы также между Шемахинским и Карабахским ханствами.

В результате, в начале XIX в. среди северных ханств Азербайджана ясно выделились две враждующие группировки, одна из которых сложилась вокруг Шемахинского ханства и в которую вошли Бакинское и Шекинское ханства. Другую группировку возглавил Ибрагим хан карабахский, к которому, кроме лишеного власти Селим хана шекинского, примыкали иногда Шейх-Али хан кубинский и Мир Мустафа хан талышский. (98)

Таким образом, на рубеже XVIII—XIX вв. на территории Северного Азербайджана не было военно-политического единства. Постоянная вражда между отдельными ханствами ослабляла их и создавала благоприятные условия для происков внешних врагов.

После смерти Ага-Мухаммед шаха на шахском престоле в Иране утвердился его племянник Баба-хан-Фатали шах (1797—1834), с приходом которого к власти в Иране вновь началась феодальная смута. Новый правитель Ирана в первые годы своего правления в основном был занят усмирением непокорных ему феодалов и не проявлял особой активности в покорении Закавказья, в том числе и Азербайджана. Не имея возможности

прибегнуть к военной силе, он вынужден был довольствоваться лишь формальным признанием его шахом со стороны некоторых феодальных правителей Азербайджана. Мустафа хана шемахинского среди этих ханов не было, и он категорически отказывался признавать власть Фатали шаха над Ширваном. (99)

На исходе XVIII в. укрепившись на престоле, он тут же «обратил внимание свое на край Азербайджанский, где ханы областные, не все и не совсем еще его власть над собой признавали». (100) В это время Фатали шах принял ряд мер для покорения Закавказья. Иранские войска захватили Ереванскую крепость и угрожали самостоятельности Карабахского ханства. В такой довольно сложной обстановке Мустафа хан шемахинский, а также шекинский и нахичеванский ханы, обратились к Русскому государству с просьбой о покровительстве, ведя интенсивные переговоры с разными должностными лицами царского правительства на Кавказе. Россия в свою очередь поощряла их прошения и обнадеживала всех, ищущих высокого покровительства и защиты».

В январе 1801 г. Восточная Грузия, вместе с Казахским и Шамшадильским магалами, населенными азербайджанцами, была включена в состав России, что положило начало новой полосе исторических событий, завершившихся присоединением ханств северного Азербайджана к России.

В марте того же года скончался император Павел и на русский престол вступил его сын Александр I, который очень скоро нарушил заповедь отца, изложенный в рескрипте на имя генерал-лейтенанта Кнорринга, назначенного губернатором Грузии: «Не ищите иных приобретений делать, как те, которые добровольно будут искать моего покровительства? Лучше иметь союзников заинтересованных в союзе, нежели подданных ненадежных». (101)

«Интересованные в союзе союзники» действительно были. В 1801 г. ко двору Александра I прибыли послы Тальшского, Бакинского и Кубинского ханств, которые вели переговоры об условиях присоединения этих ханств к России. Несколько позднее в Северном Кавказе состоялись переговоры между русским командованием и некоторыми феодальными владельцами Азербайджана и Дагестана, завершившиеся заключением 26 декабря 1801 г. подписанием Георгиевского договора. Однако по ряду причин этот договор так и остался на бумаге.

В 1803 г. Бакинское ханство подписало договор о своем подчинении России, который предусматривал ввод русских войск в Баку. Однако Бакинский хан не торопился выполнять договор.

С 1803 г., после того как главнокомандующим на Кавказе был назначен ген. П. Д. Цицианов, началось продвижение русских войск в Восточное Закавказье. Стремление России любыми средствами – где угрозами, где угрозами, а где и открытой войной - прочно утвердиться на Кавказе и распространить свое влияние на Азербайджан и Дагестан, впервые открыто проявилось во время покорения Ганджинского ханства. В конце 1803 г. русские войска осадили Гянджу, где встретили яростное сопротивление всего населения Гянджинского ханства, в том числе женщин, во главе с Джавад ханом, потомком рода Каджаров, ярким врагом русских и приверженцем Ирана. После продолжительных боев, в начале 1804 г. Джавад хан Гянджинский погиб во время сражений вместе со своим сыном, после чего Русское правительство

объявило о ликвидации ханства и присоединении его территорий к России. Город Гянджа был переименован в Елизаветполь.

В это же время начались переговоры Цицианова с Карабахским и Шекинским ханами, с которыми 14 и 21 мая были подписаны соглашения о переходе их в российское подданство.

Иран, сильно обеспокоенный происходящими в Закавказье событиями, не без подстрекательства Англии, 23 мая 1804 г. в ультимативной форме потребовал немедленного вывода русских войск из Закавказья, и когда ультиматум не был принят, 10 июня произошел разрыв дипломатических отношений, а вслед за этим началась война.

Все дальнейшие события происходили уже на фоне русско-иранской войны, особенно обострившейся после выхода на политическую арену наследника престола Аббас Мирзы, молодого, но талантливого главнокомандующего иранских войск.

В начале 1805 г. князь Цицианов двинулся в Ширван, чтобы подчинить одно из важнейших ханств Азербайджана. Все это время Цицианов предпринимал попытки подействовать на этого мощного и упрямого хана через Селим-хана шекинского, который ведя свою игру, должен был склонить шемахинского хана последовать их примеру и присоединиться к России на тех же условиях. Мустафа хан не поддавался.

При приближении Цицианова, Мустафа хан, избегая открытого противостояния, опять удалился в крепость в Фит-даге. Начались переговоры через посредников. Мустафа хан требовал признания его власти почти над всем восточным Закавказьем, которым некогда правили его предки с титулом ширваншахов. В течение всего лета 1805 г. продолжались переговоры и Мустафа хан принужден был принять условия Цицианова, но не соглашался приехать для свидания с ним в лагерь на Курек-чае. После неоднократных и безуспешных попыток заставить Мустафа хана спуститься с гор, Цицианов, двинулся к Шемахе и 11 декабря остановился в пяти верстах от Новой Шемахи. После очередного отказа Мустафа хана прибыть к нему в лагерь, потерявший терпение Цицианов оповестил хана о решении самому подняться в Фит-даг, но уже с войсками и намерением воевать. После долгих колебаний Мустафа хан 25 декабря 1805 г. подписал трактат и принял присягу на верность. (102)

Покончив таким образом дело с шемахинским ханом, главнокомандующий направился в Баку, где 8 февраля 1806 г. был убит при свидании с бакинским ханом Гусейн-кули.

Все последующие поступки Мустафа хана свидетельствовали о его стремлении любыми средствами сохранить свою независимость, хотя он прекрасно понимал сложившуюся вокруг азербайджанских ханств, в том числе Шемахинским, обстановку. Но, тем не менее, неприязненное отношение не только к русским, но и к иранским властям, при отсутствии необходимой военной

силы, выражалось в его отчаянных попытках удалиться и защититься в укрепленной крепости Фит-даг.

То же самое повторилось при наступлении главнокомандующего иранскими войсками Аббас Мирзы в 1806 г. в пределы Шемахинского ханства. Мустафа хан и на этот раз переселился с городскими жителями а Фит-даг и стал готовиться к обороне. Не сумев овладеть крепостью, Аббас Мирза, оставив Сардара Пир-Кули хана Каджар в Муганской степи для наблюдения за действиями ханов, вернулся в Азербайджан. (там же, с. 129-130).

Все последующие годы поведение Мустафы хана как с русскими, так и с другими ханами характеризуются выжидательной и осторожной позицией и искусной политикой не обострять отношения, но и не уступать свои позиции. В 1808-1809 гг. ему даже удается освободиться от русского влияния, войти в союз с дагестанскими ханами против России, разрешить некоторые спорные вопросы с соседними ханами, рассмотреть предложения турецкого султана о сотрудничестве. Все это время он занимался укреплением города на Фит-даге, превратив его в недоступную крепость, окруженную высокой каменной стеной, во всех башнях которого были установлены пушки, увеличивал число его жителей, обеспечивал жизненно важные условия для долгой обороны. Действия Мустафа хана не оставались незамеченными русскими командирами, которые неоднократно предлагали ему покинуть Фит-даг. Но он каждый раз находил предлог для оправдания, выставляя своим врагом то дагестанцев, то иранцев, с кем он периодически вел тайные переговоры против русских войск.

По ходу ирано-русской войны отношение не только Мустафа хана ширванского, но и других ханов, к воюющим сторонам неоднократно менялось, и все больше склонялось к иранской стороне. Не очень доверяя русским, особенно их заверениям о неприкосновенности их власти, в 1811 г. многие ханы уже готовились для выступления против русских. Но военные успехи последних заставляли их воздержаться от интриг и восстаний, что было оправдано. 12 октября 1913 г. между Россией и Ираном был заключен Гюлистанский мирный трактат, по которому 8 азербайджанских ханств, в том числе Шемахинское, и весь Дагестан были присоединены к России. Не воевавшие против русских ханы, в том числе Мустафа хан Шемахинский оставались правителями в своих владениях.

Однако, этот договор, несмотря на наступивший перерыв от постоянных военных столкновений между русскими и иранцами, не успокоил ханов.

Не доверяя русским, которые устанавливали свои порядки в управлении на приобретенных территориях, все больше ограничивая право местных владетелей, Мустафа хан чувствовал неустойчивость своего положения. Несмотря на то, что столицей ханства был исторический и издавна торговый город Шемаха, подозрительный Мустафа хан, видя волнения как со стороны русских, так и дагестанских горцев, предпочел бросить навсегда этот город, и тем более не желая перебраться в Новую Шемаху-Ахсу, окончательно пере-

нес свою резиденцию на Фит-даг. Он также перевел сюда большинство шемахинцев, часть ахсуинцев и жителей соседних сел, возобновив крепость и дворец, и объявил Фит столицей Ширвана.

Тем временем русские генералы, управляющие краем, также не скрывали свои намерения окончательно подчинить Шемахинское ханство русскому управлению, что стало очевидным во время встречи Мустафа хана с ген. Ермоловым 4 декабря 1816 г. Хотя Шемахинское ханство было на хорошем счету, сравнительно богатое, аккуратно платившее в казну, и там был все-таки порядок, однако оно уже не удовлетворяло русских. Убедившись в сущности русской политики, Мустафа хан, уже опасавшийся русских, усилил свои связи как с Дагестаном, так и с Ираном. Эти опасения еще больше усилились, когда в августе 1818 г. русские войска ген. Вельяминова стянулись к Шемахинскому ханству, занимая переправы через Куру, тем самым желая воспрепятствовать побегу хана. Мустафа хана приводили в полную растерянность ироничные письма Ермолова, где он с тонкой иронией сообщал, что ему известен каждый шаг Хана, с одной стороны успокаивал и вместе с тем напоминал о верноподданстве хана. В 1819 г. пало Шекинское ханство, что окончательно подорвало доверие Мустафы хана к русским. Все свои надежды он возлагал на дагестанских горцев, с которыми он поддерживал тесные связи и считал, что русским их не удастся покорить. Окончательно испортило отношение Мустафа хана к России бегство Сурхая Казикумыхского, который бежал через его же владения и с помощью его нукеров. В это же время Ермолов захватил одного из самых близких к хану людей, который выдал все его связи с дагестанцами. Когда Мустафа хан узнал об этом, он, ожидая наказания, стал готовиться к побегу в Иран. На Муганской степи по ту сторону Куры стояло 800 Шахсеванских наездников и с ними сам Ата хан, готовый принять Мустафу хана под свою защиту. Зная обо всем, что делалось в Ширване, в частности в Фит-даге, ген. Ермолов двинул на ханство внушительное число войско, рассчитывая, что Мустафа хан будет защищаться. Однако, предупрежденный хан, 19 августа 1829 года оставив свое укрепление, крепость и дворец, без всякой защиты и надзора убежал в Иран. (103)

За побег в Иран Мустафа хан ширванский, по распоряжению Ермолова, навсегда был лишен ханского достоинства, а ханство его присоединилось к России. Оставленный им край принял в свое ведение ген.-майор Вреде, прибывший из Кубы, учредив русское управление, и приведя к присяге всех жителей, как города, так и провинции.

Официальным днем присоединения Ширванского (Шемахинского) ханства к России стало 30 августа 1820 г. 3 сентября 1820 г. в Фит-даге были устроены праздничные мероприятия в честь именин Императора Александра I, сопровождаемые пушечной пальбой и фейерверками. Это было последним призраком городской жизни Фит-дага. По неудобству своего гористого местоположения, оторванный от центра и лишенный путей сообщения, город не выполнял свои функции, что и послужило тому, что он по приказу русских

властей тотчас же был упразднен, все городские управленческие места были переведены в Старую Шемаху, а Фит-Даг превратился в простое селение.

Так завершилась история одного из крупнейших и сильнейших ханств Азербайджана. Наибольшего могущества, славы и расцвета Шемахинское ханство достигло именно в период правления Мустафы хана, которое с небольшими перерывами длилось около 30 лет.

Правда, отношения с родиной и русским правительством у Мустафы хана на этом не оборвались. Принц Аббас Мирза, высланый на границу Ирана, навстречу Мустафа хану своего дядю, пригласил его в Тебриз, затем дал ему два соседние с Россией магала, где разместились многочисленная свита бывшего хана, состоящая из его семьи и близких родственников, а также убежавших с ним 35-ти бекских семей. К тому же, после его бегства ген. Ермолов, отправил в Иран к Мустафе хану часть оставшегося населения Фит-дага, в которых подозревал потенциальных шпионов хана. (104) При Мустафе хане содержался также почетный конвой из 500 конных, который периодически врывался в ставшие уже русскими соседние владения. Войска Мустафы хана все чаще стали появляться на границе Муганской степи с середины 1820 годов, накануне начала новой ирано-русской войны. В июле 1726 г. иранская армия во главе с Аббас Мирзой двинулась в Карабах, где почти все бывшие местные власти – ханы и беки встретили его с радостью, оказав поддержку. Вначале успех был на иранской стороне, русские несли значительное поражение и после взятия Гянджи все ханы вернулись в свои прежние владения. Мустафа хан шемахинский также вошел в Шемаху, где попытался восстановить свою власть, и поддержать военные операции Аббас Мирзы. Однако, после известных Шамхорской и Гянджинской битв, Аббас Мирза был вынужден отступить, Шеки и Ширван также были взяты русскими войсками, и концу 1726 г. весь Северный Азербайджан был усмирен, а ханы изгнаны. После удачного похода 1828 г., а затем взятием Ардебиля русские заставили иранскую сторону согласиться на Туркменчайский мир, подписанный 10 февраля 1828 г., который окончательно решил судьбу уже 13 бывших азербайджанских ханств, отошедших к России, также и их правителей.

Ирано-русские войны в XIX в. каждый раз сопровождались массовым переселением местного азербайджанского населения вместе с их правителями на территорию Иранского Азербайджана, нередко из-за притеснений со стороны русских властей, не доверяющих мусульманскому населению, а также в связи с многочисленными арестами, расстрелами и ссылками представителей бекского и ханского сословья. С начала 30-х годов с согласия русских властей стало возможным возвращение определенной части мусульманского населения к своим родным очагам. После неоднократных обращений к Русскому правительству о принятии его в российское подданство и разрешении вернуться, в октябре 1731 г. Мустафа хану также было позволено возвратиться на родину. Он был тепло встречен в Тифлисе, после чего ему, вместе с

400-ным семейством, прибывшим с ним, было отведено поселение в местечке Йеддибулак. (105)

Присоединение азербайджанских ханств к России и ликвидация ханств, хотя являлось по характеру завоеванием азербайджанских территорий, однако, имело и прогрессивное значение. Оно положило конец политической раздробленности и экономической разобщенности Азербайджана, что отвечало интересам его последующего исторического развития.

По новому административному делению ханства были заменены провинциями, территории которых совпали с землями, входившими в прежние ханства. Северный Азербайджан состоял из 6 провинций – Бакинской, Кубинской, Ширванской, Шекинской, Карабахской и Талышской, Елизаветпольского и Джаро-Белоканского округов, казахской и Шамшадильской дистанций. На территориях же Эриванского и Нахичеванского ханств была образована Армянская область. Провинции Азербайджана объединялись в два округа. Первый, так называемый мусульманский округ, включал Ширванскую, Шекинскую, Карабахскую и Талышскую, а второй – Дагестанский округ – Бакинскую, Кубинскую и Дербентскую провинцию. Округа возглавлялись военно-окружными начальниками. Должность военно-окружного начальника мусульманского округа была учреждена в 1824 г. с резиденцией в г. Шуше. Резиденцией дагестанского военно-окружного начальника был г. Дербент.

В провинциях было сохранено старое административное деление на магалы во главе с наибам, назначаемыми из местных беков, агаларов, меликов. Сельская администрация состояла из юзбаши (старшины), кентхуды и дарги. Во главе провинции или округа стоял комендант, назначаемый главнокомандующим на Кавказе, из офицеров русской армии, откуда и получила эта система управления свое название – комендантская. Комендантское управление включало в себя хозяйственную, судебную, полицейскую и секретную части. Коменданты обладали широкими полномочиями. Они обеспечивали сбор денежных податей и других казенных доходов, назначали магальных наибов и других чиновников, отвечали за состояние дорог и мостов, занимались раскладкой государственных налогов и их сбором, отдачей на откуп нефтяных колодцев, соляных, рыбных и др. промыслов. Они заведовали также секретной частью, с помощью агентов, вербуемых из местных жителей, должны были следить за настроением населения, его отношением к российским властям. (106)

Бекам, отличившимся на военной и гражданской службе и проявившим преданность царизму, коменданты раздавали отобранные у ханов земли, населенные райятами и ранджбарами. Раздача деревень угодным царизму феодалам производилась не только комендантами, но и вышестоящими царскими властями, вплоть до императора. Так, по представлению генерала Ермолова, доказавшему свою приверженность русским властям, бывшему шемахинскому Касым хану лично Александром I было пожаловано 16 деревень с 329 крестьянскими дворами. (107)

В каждой провинции под председательством коменданта был создан суд (диванхана), в состав которого входили два диван-бека (от местных феодалов), два заседателя (от горожан) и один мулла (в качестве знатока шариата). Кроме диванов существовали в провинциях шариаты или духовные управления, занимающиеся не только религиозными делами, но и разбиравшие гражданские споры и тяжбы. В то же время в Азербайджане возникали и новые суды, создававшиеся царскими властями и отправляющие правосудие на основе российского законодательства, на незнакомом населению языке, с очень сложной бюрократической процедурой, что делало суд крайне непопулярным. В связи с чрезвычайно редким обращением жителей к этому суду, со временем в судебной системе были произведены некоторые реформы, созданы городские и провинциальные суды. Первый такой суд в Ширванской провинции был образован 12 сентября 1820 г.

Территория Шемахинского (Ширванского) ханства также превратилась в одноименную провинцию, с существующими ранее магалами: Сальян, Мугань, Рудбар, Ханчобаны, Лагич, Карабаглар, Кошун, Наваи, Гасан, Карасубазар, Хозаурт, Гоуз, Кабристан, Екерет, Сардари, Болукет, Элат. (108) Внутреннее управление сельской общиной не подверглось существенным изменениям. Как и в ханские времена, ее высшим органом считался сход, на котором участвовали все домовладельцы и большинство решений должно было приниматься единогласно. Главенствующую роль на сходах играли старшины, общинные векили и другие сельские должностные лица.

Ликвидация междоусобиц, осуществление мероприятий, направленных на преодоление феодальной раздробленности, способствовали развитию ремесла и торговли, что приводило к развитию городов, управление которыми возлагалось наряду с другими функциями на городскую полицию. В 1824 г. на месте Старой Шемахи был почти заново стал обустраиваться город Шемаха. Городская полиция в Шемахе состояла из полицмейстера (калабека) и двух частных приставов (юзбашей) из местных жителей.

К концу 1830-х годов система комендантского управления изжила себя. Назначавшиеся из числа строевых офицеров коменданты неспособны были одновременно выполнять обязанности военного начальника, судьи, правителя и распорядителя доходов казны. К тому же она не отвечала задачам укрепления политических позиций царизма в Азербайджане. 10 апреля 1840 года царское правительство издало закон об административной реформе в Закавказье, вступивший в силу 1 января 1841 г. В крае ликвидировалось комендантское управление и вводилась общероссийская система администрации, включающая три звена – губернию (область), уезд (округ) и участок. Закавказский край был разделен на Грузино-Имеретинскую губернию из 11 уездов с центром в Тифлисе и Каспийскую область из 7 уездов с центром в Шемахе. Большая часть территории Азербайджана вошла в Каспийскую область, в составе которой были образованы уезды: Бакинский, Шемахинский (Ширванская провинция и Сальяны), Шушинский (бывшая Карабахская провинция),

Нухинский (Шекинская провинция), Ленкоранский (Тальшская провинция). Кубинский (Кубинская провинция с Самурским округом) и Дербентский (Дербентская, Табасаранская и Каракайтаская провинции) уезды, граничившие с Дагестаном, народы которого боролись против царских колонизаторов за свою независимость, были выделены в особый военный округ.

Уезды подразделялись на участки, большинство из которых соответствовало границам бывших магалов. Шемахинский уезд, где несколько магалов были объединены, был разделен на 6 участков: Баргушетский, Сальянский, Кабристанский, Лагичский, Ханчобанский и Кошунский.

Города Закавказского края, в зависимости от численности населения, подразделялись на 4 разряда: многолюдные, средние, малолюдные и заштатные. В городах Азербайджана не было введено никакого общественного управления, и городское хозяйство по-прежнему продолжало оставаться в ведении полиции. Только Елизаветполь и Шемаха, как «многолюдные города» имели особые городские полиции. (109) Шемаха стала областным центром, где были открыты палаты казенная и государственных имуществ.

Административная реформа 1846 г. хотя и установила в целом более устойчивую систему управления и суда, однако привела к дальнейшему усилению национально-колониального гнета царизма в Азербайджане. Во всех органах управления и суда делопроизводство стало вестись только на русском языке, служащие из коренных национальностей края повсеместно заменялись русскими чиновниками. Содержание громадного чиновничье-бюрократического аппарата ложилось на плечи трудового населения. В такой обстановке в разных областях Закавказья, в том числе в ряде уездов Азербайджана усилились антиколониальные выступления, действовало много вооруженных отрядов, нападавших на царских чиновников и офицеров, на небольшие команды войск. Встревоженное всеми этими событиями царское правительство, в начале 1842 г. направило в Закавказье комиссию для выяснения причин усиливавшегося в Закавказье недовольства. В ходе ревизий, проведенных в ряде уездов края, раскрылись вопиющие факты произвола, взяточничества и насилия должностных лиц новой администрации. Так, в результате ревизии полиции города Шемахи признавалось, что «Поступающие в полицию просьбы остаются без просмотра по несколько месяцев, предписания, данные частным приставам, остаются по году и более почти без всякого движения и исполнения». (110)

Становилась очевидной необходимость внесения серьезных изменений в проведенную в 1840 г. реформу. В 1844 г. царское правительство упразднило должность главноначальствующего на Кавказе, и учредило кавказское наместничество, расширив полномочия главы российской администрации на Кавказе. Первым наместником на Кавказе был назначен новороссийский генерал-губернатор граф М.С.Воронцов.

По представлению Воронцова, указом от 14 декабря 1846 г. административно-территориальная организация Закавказья была разукрупнена. Весь

край был разделен на 4 губернии: Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую и Дербентскую. Шемаха стала губернским центром. Позднее, в 1849 г. была образована также Эриванская губерния.

Шемаха стала губернским центром, однако в 1859 г. в связи с сильным землетрясением в Шемахе, приведшим к огромным разрушениям в городе, губернский центр был перенесен в Баку и Шемахинская губерния переименована в Бакинскую, после чего Шемаха стала административным центром Шемахинского уезда в составе Бакинской губернии.

Несмотря на ряд новых положений, эта административно-территориальная организация также не учитывала национального состава населения. Она не только не объединила в пределах соответствующих губерний азербайджанские, грузинские и армянские земли, но напротив, еще более раздробила их. Территория Азербайджана оказалась включенной во все губернии Закавказья, кроме Кутаисской. Так, Елизаветпольский уезд (с Казахом и Шамшадилем) вошел в Тифлисскую губернию, Нахичеванский уезд (с Ордубадам) - в Эриванскую губернию, Кубинский уезд - в Дербендскую губернию, Джаро-Белоканские земли вместе с бывшим Елисуйским султанством были выделены в отдельный – Джаро-Белоканский округ.

Во второй половине XIX в. Россия вступила на путь капиталистического развития и 19 февраля 1861 г. манифестом Александра II было отменено крепостное право, являющееся серьезным тормозом на этом пути. Однако, крестьянская реформа, как и другие буржуазные реформы, проводились в Азербайджане намного позднее чем в России, и даже Грузии, и в более урезанном виде. В конце 1867 г. в административно-территориальном делении Закавказья вновь произошли изменения. Указом от 9 декабря 1867 г. за счет в основном азербайджанских земель была создана Елизаветпольская губерния. От Бакинской губернии к ней отошли Шушинский и Нухинский уезды, от Тифлисской губернии – Елизаветпольский уезд, от Эриванской губернии – часть упразднявшегося Ордубадского уезда с включением остальной его части в состав Нахичеванского уезда Эриванской губернии. Но и после образования Елизаветпольской губернии ряд азербайджанских земель продолжал находиться в раздробленном состоянии в различных губерниях Закавказья. Это обстоятельство не было случайным и отражало политический курс царизма на намеренное насаждение и разжигание межнациональной распри и вражды.

С начала 1830-х годов русские власти приступили к активному и целенаправленному осуществлению переселенческой политики, которая со временем определенно изменила этническую картину Азербайджанских уездов, в том числе Шемахинского уезда, а через несколько десятилетий привело к трагическим событиям.

2. Население Ширвана (в пределах Шемахинского уезда)

На протяжении ряда тысячелетий территория Ширвана была ареной разнообразнейших контактов между сменявшими друг друга кавказскими, ирано- и тюркоязычными племенами, -оседлыми и кочевыми, автохтонными и проникавшими с севера (через Дербендский и Дарьяляльский проходы), а также с востока и юга (через Иран), о чем свидетельствуют не только письменные источники, но и археологические и топонимические данные.

Не останавливаясь на многочисленных племенах, населявших Ширван с древнейших времен (1), отметим, что лишь немногие из них оставили свой след в топониме Ширвана, в том числе, в той области, которая является предметом нашего внимания – на территориях, входящих в состав Шемахинского уезда. Среди них можно назвать имена трех племен, о которых уже говорилось выше, – ижмахи, камаки и шарваны. Учитывая существование топонимов Шемахакала, Шамахи, и наименований тюркоязычных племен камак, шамак, шамаке в Средней Азии, Г.Гейбуллаев допускает, что ижмахи, так же как и камаки, были первыми тюркоязычными племенами, проживающими в Азербайджане в первой половине первого тысячелетия н. э., к которым, возможно, восходит топоним Шемаха. С.Ашурбейли указывает более конкретное время проживания ижмахов в районе Шамахи – IV в. (2)

Таким образом, до появления в раннем средневековье кочевых тюркоязычных племен (суваров, хазаров, болгаров, кипчаков) с севера, среди автохтонного населения Албании, в том числе Ширвана, жили и **тюркоязычные племена**.

Наиболее глубокие следы на Ширванской земле оставили уже последующие кочевые тюркоязычные племена, в отдельные периоды завоевывавшие Азербайджан. Так, селения Баят и Джабани Шемахинского уезда получили свое название от сельджуков, одной из ветвей тюркских кочевых племен огузов, сел. Текелу, Каджар, Алпаут, Джагирли, Падар – от огузских племен, получившие общее прозвание кызылбаши и т.д. Селение Калей-Бугурт получило свое название от одноименной крепости, построенной на неприступной горе для оборонительных целей тюркским племенем Бугур или Быгыр. (3) Другую версию происхождения названия Бугурт выдвигает Э.М.Мурзаев, также подчеркивая его тюркские корни: «Описка от Бигурд (крепости Гелле-Бигурд) — в Шемахинском районе, восходит к тюркскому бугур, букур - горбатый, кривой, склон, скат горы». (4)

Название нескольких селений было связано с тюркскими племенными общностями, напр.: Джеваншир, Муганлы, Полатлы, Каракашлы, Алпаут.

Особый след оставила на топонимике Ширвана племенная общность шахсеван. Напр., имена некоторых из шахсеванских поколений Текля отложились в названиях ряда селений Шемахинского уезда – Текля, Текля Гаджи Мамед Гусейн, Текля Мирза Баба, Текля-бекская. (5)

Таким образом, от названий ряда тюркских племенных общностей, сохранивших до конца XIX века в пережиточных формах родовое деление, были заимствованы наименования многих населенных пунктов в Шемахинском уезде. В этот же список можно добавить и другие селения, названия которых состоят из имени собственного с добавлением окончания «лы»: Агабекли, Джамджамлы, Гаджи Кадырлы, Каравелли-Вагит бек, Багирли, Османбекли, Рагимли, Рагим-Агалы, Кубалы Балоглан и т.д. Большинство этих общностей восходили к сельджукским огузам и основная их часть проникла на территорию Ширвана, как и на другие территории Азербайджана после XIV—XV вв. (6)

Название селения «Мараза» Г.Гейбуллаев также связывает с именем тюркского племени марзили, которое раньше жило в Ширване и было поданным Мустафа-хана Ширванского, но затем было переселено в Кара-бах. Однако, сам же выдвигает и другую версию: название это происходит от персидского слова – марз (граница), т.е. пограничная область. (7)

Многочисленность иранских топонимов в Ширване объясняется ,в первую очередь, общей исторической судьбой и соседством Азербайджана и Ирана, а также влиянием в течении тысячелетий персидского языка. Правда, не во всех населенных пунктах, названия которых были образованы на почве персидского языка, жило персо-язычное население. Это, в первую очередь, относится к селениям, в названиях которых одним из компонентов являются иранские географические термины (хана, абад, кенд, вар, дize, гала, пуз и др.), такие как Екахана Талыб, Екахана Ибрагим, Сурахана, Ханкенди, Мирикенд, Ленгебиз с азербайджанским населением.

Общеизвестно, что многие персо-язычные племена, в первую очередь **таты**, являются одной из древних этнических групп, поселившихся на территории Ширвана. Как уже указывалось выше, сасаниды в V - VI вв. для защиты и охраны своих северных границ от набегов тюркских кочевников построили ряд заграждений и Дербендскую стену и переселили в северо-восточный Азербайджан, т.е. в зону Ширван, ряд ираноязычных племен- выходцев из Лахиджана, Табаристана, Гиляна и т.д. Татское население и дало название своим селениям – Лахидж, Сардагар (*сар* вершина и *дахар* (дагар) скала), Дуварян (*от дувар* склон и *суффикса ан*), Кевлюдж (*от кевил* подземное помещение и *суффикса идж*), Биджо, (*от будж* зловонная и *о вода*); Нюйди (*от ной* новое и *ди село*), Заргова (*от зар* посев, *га* равнина и *суффикса ва*) (8), а также Зарат, Аган, Нуран, Конах-кент, Мальгам, Чарган, Медре-се, Намазгах, Нанындж, Мушкамур, Кенияка и т. д. Многие из этих селений со временем стали тюрко-язычными. (9)

Следует отметить, что кроме указанных татских селений с мусульманским населением, в Шемахинском уезде существовали и селения с населением татов-армян и татов-евреев, о которых будет сказано ниже.

Другой ирано-язычной группой населения Шемахинского уезда были **талыши**. Участвующие среди тюрко-язычных кызылбашских племен в военных походах в XV—XVI вв., они получили от сефевидских шахов земли в разных зонах Азербайджана, в том числе и в Ширване. Со временем эта племенная общность постепенно осела, образовав одноименные селения. В Шемахинском уезде таких селений было несколько: Талыш, Талыш 2-е, Талыш-Мелик-Умуд, Талыш-Нури.

В Ширване с раннего средневековья существовали и **курдские** поселения, о чем говорит упоминающийся в источнике X в. топоним Кюрдиван. Возникновение ряда курдских поселений также связано с участием отдельных курдских племен в политической жизни Сефевидского государства. Например, среди кызылбашских племен числилось курдское племя геруг. Один из округов в Ширване еще в период ханства (XVIII в.) назывался Герус и охватывал, по сведениям 1831 г., территорию селений Сулут, Нуран и Заргова. Курдские топонимы в Азербайджане в основном отражали курдские названия племенных подразделений. Так, в Шемахинском уезде они отражались в названиях селений Кюрдиван, Гярус-Чапарлы, Коланы и др. (По И.Шопену, коланы были смешанным курдско-тюркским племенем, тогда как Г.Гейбуллаев объясняет происхождение этого этнонима от тюркского «колан» - «подгруппа»). (10)

Как уже отмечалось выше, в VII- IX вв. и позднее в Ширване жили и арабские племена-переселенцы, которые вели в основном кочевой образ жизни. Со временем они полностью ассимилировались с местным населением, язык их не сохранился, оставив след лишь в топонимике и местной лексике. В Шемахинском уезде были несколько селений с арабской топонимией: Арабкадим, Араб-Шахверди, Арабшалбаш, Араб-Шамлы.

Следует отметить, что население всех этих селений обозначалось русскими властями под общим названием «мусульманское», редко «татарское», а в переписках иногда разделялось на «суннитское» и «шиитское». Говорило это население на азербайджанском языке. Татский же был языком внутривременного общения среди этой этнической группы. Всего к этому времени в Шемахинском уезде было 184 мусульманских селений, не считая кочевья и отсеки. (11)

Кроме коренного мусульманского населения в Шемахинском уезде проживало христианское население – **армяне** и русские, а также евреи.

Отсутствие армяноязычных топонимов на территории Шемахинского уезда говорит о том, что они были здесь поздними переселенцами и появились в разные времена, в связи с различными историческими событиями. Известно, что переселение армян на Южный Кавказ было связано с падением Армянского царства в IV веке и разделом его территории между христианской Византией и зороастрийской Сасанидской империей. (12) Частичное переселение армян на Южный Кавказ началось в VII-VIII веках в результате сасанидско-византийских и арабо-византийских войн. Тогда в Азербайджан «переселилось большое количество армян, смешавшихся с местным населением, они

оказали большую помощь григорианской церкви». (13) Процесс этот был многоступенчатым и растянулся на многие столетия. «В XVII в. при шахе Аббасе I Сефевиде, в Северный Азербайджан – в Ширванскую область была переселена еще одна часть армян; в конце XVIII века, в период ханств - примерно 1.500 чел., т.е. 300 семей обосновались в этой области». (14)

Участие русских правителей в процессе переселения армян началось со времен Петра I. Завоевав Каспийское побережье, Петр I, спешивший заселить его христианским элементом, поручил подпоручику Н.Толстому, отправленному в 1722 году в Картли, разузнать, «есть ли там жители, склонные к переселению в окрестности Дербенда и Шамахи». (15) Однако император, считавший армян «лучшим средством» для закрепления за Россией приобретенных на Кавказе территорий, тогда не успел осуществить этот план, поскольку поход его не был доведен до конца. Тем не менее, Петр I дал указание посланному 24 сентября 1724 года в Стамбул А.Румянцеву уговорить армян переселиться в Прикаспийские земли при условии, что местные жители «будут высланы, а им, армянам, отдадут их земли». (16) Политику Петра I в «армянском вопросе» целенаправленно продолжила Екатерина II, а успешно осуществил уже Александр I.

Таким образом, замысел переселить армян на Кавказ возник у российский государственных деятелей еще до завоевания Северного Азербайджана и задолго до заключения Гюлистанского мирного договора 1813 г. Российская империя приступила к его осуществлению. Так напр., только в 1805 г. в Елизаветпольский уезд перебравшись 1.300 армян. (17) Итоги русско-иранской войны 1804-1813 годов не дали России возможности собрать на Южном Кавказе рассеянных по свету армян. С успешным же окончанием русско-иранской (1826-1828) и русско-османской (1828-1829) войн открылся путь к переселению в российские пределы армян, находящиеся под иранским и османским владычеством. Переселенные в Азербайджан в течение всего XIX в. армяне были заселены в основном на территориях бывших Нахичеванского, Эриванского и Карабахского ханств, часть из них поселилась и на землях Ширванского ханства.

К изучаемому периоду в Шемахинском уезде было 21 селение с армянским населением и тюрко-персоязычными названиями: Алпаут, Баглиян, Би-листан, Гирда, Гурдживан, Гурджи-кенд, Ингар*, Керкенч, Дара Керкенч, Дувар-кенд, Каджар, Келахана, Кейвенды, Ковлюч*, Матрасы, Мейсары, Сагиан, Енгикент, Заргеран, Зарху, Ханкенди.

«Существует топонимическая закономерность, гласящая, что если в регионе есть населенные пункты, население которых говорит на ином языке, а наименования этих пунктов объясняются на языке преобладающего народа, это говорит о том, что население этих пунктов является пришлым». (18)

Так, о происхождении топонимов Алпаут, Каджар, Кевлюдж уже говорилось выше. От имени тюркских кочевых племен керки и энджа взяли свое название селения Керкенч и Дара-Керкенч (от тюрк. дара- долина). Одна из

групп войск сефевидской армии называлась Мейсары, (*перс.* «левый фланг»), что и отложилось на названии населенного пункта в Ширване. Названия многих армянских селений - ойконимов имели татские корни: Баглиян (от *багли* – черешня и суффикса *ан*- черешневое место), Билистан (от *бил* - осадина и суффикса *стан* – осевшее место), Гирда (от *круглый*- названия одноименной горы, имевшей округленную форму), Дувар-кенд (от *дувар* – склон- геогр. кенд); Келакханы (от *арабского кела* –гробница, мавзолей – и *перс. хана*), Сагьян (от *тюрк. сага* –устья реки- и *перс. ян* – берег реки). Селение Кейвенди (от *Кейвен* – название местности и *ди*- село) когда-то было образовано семьями, переселившимися сюда из одноименного селения на юге Дагестана, а село Заргеран (от *перс. заргер*- ювелир – суффикса-*ан*) – было основано выходцами из Лагиджа, известными ремесленниками и умельцами. (19)

Определенный интерес среди армянских селений представляет Матрасы (от персидского *мадрасе* - школа), наиболее крупный населенный пункт с армяно-татским населением. Не останавливаясь подробно на истории происхождения этой этнической группы, отметим только то, что образ жизни и характер поведения жителей этого Шемахинского селения в отдельные переломные моменты истории позволяют согласиться с одной из многочисленных версий по этому вопросу. А именно, что «армяно-таты были и остаются армянами, которые, сохранив свою христианскую религию, приняли персидский язык в силу господствующего положения этого языка и оторванности от основных центров армянской культуры. И, несмотря на утрату языка, эта группа армян сохранила национальную идентичность, важным аспектом которой являлась чёткая дихотомия «Мы — Они» с противопоставлением себя («най») — мусульманам («тачик») (то есть татам и азербайджанцам)». (20)

Армянский автор исторического очерка о гор. Шемахе А.П.Фитуни отмечал, что язык матрасинских армян-татов сильно отличался от языка татов-армян армянских селений Кубинского уезда Кильвар и Хачмас. «Матрасинцы говорят более грубо, и у них язык больше заполнен армянскими и тюркскими словами... Матрасинцы постепенно вытесняют татский язык и родным языком уже считают армянский». (21)

Б. Миллер в своем небольшом труде, посвященном татам, кроме Матрасы, «бывшим обарменившимся татским» селением в Шемахинском уезде называет «Хынгар»(?), отмечая также существование в окрестностях Шемахи несколько армяноязычных селений: Керкендж, Дерекеркендж, Келоханы, Мейсари, Сагьян. (22)

Заселение татов-армян компактными массами на территории Азербайджана, в том числе Ширвана, происходило в результате переселенческой политики иранских властей в разные исторические периоды, о которых уже говорилось выше. Б.Миллер приписывает появление армян и армян-татов в районе Прикаспия, в том числе и в Шемахе, «той значительной роли, которую издревле играли армяне в качестве торговых посредников (особенно в торговле шелком) между южным побережьем Каспия (Персией) и Восточной Европой.

Путь этот, как известно, шел с юга через Шемаху вдоль западного берега Каспия на Волгу и ее притоки». (23)

Кроме «торговых колоний», армянские селения в Ширване образовались в результате поселения армян из Карабаха и Ирана. В начале XIX века, писал Н. А. Абелов, «во время управления Ширваном последним ханом Мустафою, произошло значительное переселение армян из Карабаха в пределы описываемой местности. Переселенцы водворены были, главным образом, в Геокчайском уезде и только незначительная часть их утвердилась в Шемахинском уезде». И далее указывалось, что «В 30-х годах XIX века армянами переселенцами из Персии были основаны селения Гермехана в Геокчайском уезде и Зарху в Шемахинском». (24)

Таким образом, с окончательным присоединением азербайджанских ханств к России в конце 1820-х годов, и началом массового переселения армян из Ирана и Турции на Азербайджанские земли, в окрестностях Шемахи также стали появляться армянские селения. Однако, армяне не всегда размещались на свободных урочищах, не редко местом жительства новых переселенцев оказывались веками существующие селения местного - мусульманского населения, которое заблаговременно выселялось русскими властями. Ярким примером тому может служить селение Келакана, в котором имелся и сохранился мемориальный комплекс ХУП в., состоящий из 8 каменных мавзолеев, 8-гранных, покрытых пирамидальными шатрами. На одном из мавзолеев были указаны дата строительства и имя мастера – 1663/64, Абдул Азим, а также имя человека, в честь кого был сооружен этот комплекс – Шейх Ибрагим.

О поселении армян в сел. Келаканы Шемахинского уезда «только лет 200-250 тому назад» писал и В.М.Сысоев в 1925 г.(25)

Нередко армянские селения образовывались на землях, принадлежащих тем или иным азербайджанским селениям, и тогда появлялись приставки к названиям, с обозначением национальности проживающего там населения, напр., Алпаут-татарский или Алпаут-армянский. Существовали две селения в разных полицейских участках, под названием Енги-кенд, с азербайджанским и армянским населением. Имелись также селения с перемешанным т.н. мусульманско-армянским населением, напр., Мири-кент, Тальш-Мелик-Умуд.

Об особенностях переселенческой политики русского правительства более подробно будет сказано ниже. Здесь же отметим еще раз, что о размещении переселенных армян на территориях, где либо жило местное население, либо владело этими землями, говорят и наименования этих пунктов, которые были по происхождению тюрко- и персоязычными.

Немногочисленность армян, поселенных в Шемахинском районе, сказалась в том, что в отличие от Карабаха и Эриванской губернии, здесь не произошел процесс перевода наименований сел на армянский язык. Еще одним подтверждением сказанному являются армянские селения с названием «Гюрдживан» и «Гюрджи-кент». По мнению В. Ф. Минорского этот кавказский топоним указывает на существование старого грузинского поселения в Ширване. (26)

Г.Гейбуллаев же указывает, что село Гурдживан образовалось пришельцами из Гурджаани в восточной Грузии, и, следовательно, «топоним Гурдживан является перенесенным пришельцами из Грузии в готовом виде. А этими пришельцами были армянскими семьями». Что же касается самого топонима, то он также образовался не на почве грузинского или армянского языков, поскольку в нем отразился персидско-азербайджанский этноним гурджи (курчу) - грузин. «Согласно этнотопонимическим закономерностям, этноним гурджи мог отразиться в топонимии Грузии только там, где жила этническая общность, в языке которой существовал этноним гурджи для обозначения грузин». Следовательно, название этому селению дали либо азербайджанцы, либо иранцы, потому, что только они называют грузин этнонимом «гурджи». (27) Подтверждением последнего мнения может служить и топоним «Гюрджи-кент», а также название одной из древнейших улиц города Шемахи – Гюрджибазарная.

Таким образом, не останавливаясь далее на других источниках, свидетельствующих о поселении армян на территорию Шемахинского уезда, отметим, что независимо от этнической принадлежности и языка, население как Матрасы, так и других армянских селений Шемахинского уезда к началу XX в. представляло собой сформировавшееся национальное меньшинство, говорило оно на армянском языке, вторым языком общения был азербайджанский, и частично русский.

Появление **русского населения** в Шемахинском уезде также напрямую связано с переселенческой политикой российского правительства, начавшееся вскоре после заключения Туркменчайского договора 1928 г.

Политика заселения русскими в начале XIX в. завоёванных земель прошла через определённые этапы. Освоение новых земель первоначально предполагалось путём создания собственных хозяйств при военных лагерях, а также основания военных поселений. Затем началось поселение сектантов и еретиков и, наконец, с целью укрепления колониальных устремлений царизма широкий размах приняла крестьянская колонизация из внутренних губерний России. Попытка создания хозяйств вблизи воинских лагерей не увенчалась успехом, ибо русские солдаты по окончании воинской службы оставляли эти лагеря. Тем не менее, созданные еще в 20-е годы XIX в. поселения из отставных солдат положили начало для появления условий, необходимых для водворения в Северном Азербайджане сектантов русской православной церкви или раскольников – старообрядцев. Среди раскольников были представители различных сект: молокане, скопцы, субботники, старообрядцы, баптисты, духоборы и т.д. Однако, как верно отмечает Х.Ю.Вердиева, в любом случае речь шла о русских переселенцах в Северный Азербайджан. «Иными словами, официальные власти заселили эту страну «своими», то есть, независимо от религиозных склонностей, русскими, которые должны были помочь в колонизации и русификации Северного Азербайджана». (28)

Один из проводников и исследователей колонизационной политики в Закавказье царский чиновник Н.Н.Шавров, вместе с тем, также отмечал, что «Первые русские поселения возникли в силу необходимости размещения сектантов». Вы-

сылка сектантов и выбор места их водворения носили хаотичный и случайный характер. (29)

Началом переселения русских сектантов в Северный Азербайджан считается 1830 год. (30) В Шемахинском же уезде первые сектанты появились в 1834 г.. Это были высланные правительством из внутренних губерний молокане и субботники. Сюда же Русское правительство переселило в 30-х гг. молокан, высланных из Самарской и Тамбовской губернии, а в 1839 г. – 30 скопческих семейств и около 50 раскольников из Тульской губернии. Молокан обустроили в урочище Алты-агач, где они помимо домов, построили свой скит с кельями. Вскоре часть молокан из Алты-агача, среди которых были потомки Семена Уклеина- видного деятеля, и возможно, основателя религиозного движения и толка молокан в Тамбовском крае, при Екатерине II, также переселились в сел. Астраханка. (Кыз-Мейдан). (31)

В 1840 г. другая часть молокан перебралась из Алты-агача в урочище Хильмили, где основало село. В 1834 г. в урочище Топчи Лагичского участка были обустроены молокане, которые в 1843 частично перебрались также в урочище Хильмили и там основали село. Оба эти урочище, находившиеся в Кошунском участке, впоследствии трансформировались в села.

В 1834 г. в урочище Топчи Лагичского участка переселились молокане из села Кизил-кишлак Варандинского участка Карабахской провинции. Другие перебрались в урочище Чухур-юрт. Еще часть была поселена в 1843 г. при станции Маразы Кабристанского участка. В 1844 году они основали село в урочище Джабани Кошунского участка. В 1842 г. 28 молоканских семей поселили на земельном участке «Югун-арх в Шемахинском уезде. В середине 1850-х годов в Азербайджане появилась еще одна молоканская секта – кроткие, которые были обустроены в селах Хильмили и Астраханке. (32)

Во все последующие годы в Шемахинский уезд продолжали переселяться и оседать как русские-раскольники, так и русские-православные крестьяне и служащие. Так, в 1872 г. последовало распоряжение кавказского наместника, великого князя Михаила Николаевича, о наделении свободной казенной землей оставшихся на жительство в пределах Кавказа отставных чинов Кавказской армии. Так, 19 семьям отставных нижних чинов в 1875 г. была предоставлена земля в наделное использование в Шемахинском уезде, на казенном участке Курт-Тапаси. На участке водворилось лишь 17 семей, образовавших поселок Ново-Дмитриевка. (33)

Известно, что согласно переселенческой политике властей, изначально переселенцы должны были размещаться на казенных землях, т.е. в основном на владениях бывших ханов и беков, отошедших государству. Кроме того к категории земель, предназначенных для водворения русских переселенцев были отнесены и те земли, которые находились в пользовании селений и, которые также были признаны как «земельные излишки». Однако в большинстве вышеназванных урочищ в Шемахинском уезде, где поселялись и образовывали свои села молокане, рядом, или там же располагались азербайджанские селения. В таких случа-

ях появлялись добавление к названию вновь образованного населенного пункта - «русское», «молоканское». Например существовали селения - Мараза (Маразали) и Мараза (молоканское), Джабани мусульманские и Джабани – русские. Последнее также называлось Николаевкой. Селение Хильмили – Козлучай, как правило, обозначали – молоканское. Однако нередко дело заканчивалось обычным переселением местного населения с родных земель, которые почему то считались казенными, и размещением здесь новых поселенцев. Так, появились переименованные молоканские селения – Астраханка (Кыз-Мейдан), Марьевка (Нагарахана), Ново-Дмитриевка (Курт-тапаси).

Насильственное изъятие наделных земель у коренных крестьян для размещения русских переселенцев в Азербайджане, в том числе и в Шемахинском уезде, принимало такие масштабы, что нередко получали общественную огласку через прессу того времени. Так, в 1884-1886 гг. все наделные земли крестьян Маразинского сельского общества были отобраны в пользу переселенцев из внутренних губерний России. Даже усадебные участки, мельницы и дома азербайджанских крестьян отданы были в распоряжение русских. В результате только в Маразинском сельском обществе из 800 семей 700 были полностью разорены и совершенно обнищали, и только 100 – наиболее богатые маразинские семьи поселились на новые, купленные у помещиков земли. (34)

Практикуемая система землеотводных работ для размещения переселенцев особенно сказывались на положении так называемого кочевого крестьянства. Только «при межевании казенной дачи Ширван-Кюринской степи с населенными землями» в Шемахинском, Джевадском и Геокчайском уездах у кочевников царское правительство отобрало около 21 тыс. дес. земли. Таким же незаконным выселением в начале XX в. подвергались в Шемахинском уезде крестьяне Даразаратского, Верхнее-Кушинского и Фунджанского сельских обществ, у которых было отнято в пользу переселенцев около 2500 дес. земли. (35)

К бедственному положению азербайджанских крестьян пытался привлечь внимание властей Азербайджанский депутат 3-й Государственной Думы Халил бек Хас-Мамедов: «Образовались участки с явным нарушением земельных прав и интересов коренных жителей... которые издавна занимаются земледелием, но в настоящее время они не имеют никакой земли и принуждены бывают ехать далеко, за десятки и сотни верст, чтобы арендовать казенную землю, а рядом их собственная земля представляется переселенцам». (36)

Русские власти шли на встречу просьбам и требованиям своих русских – христианских граждан, особенно православным, часто полностью игнорируя интересы и чувства местного населения. Ярким примером тому может служить продажа памятника старины - здания одного из трех исторических караван-сараяев для использования как строительного материала под церковь. Так, в 1854 году «живущие в г. Шемахе греки Мурад Харламов, Дмитрий Ильев и Василий Егоров изъявили желание построить в с. Алты-Агаче временную церковь по предъявленному ими плану и фасаду церкви ...» и просили «чтобы было позволено им разобрать и употребить на эту церковь караван-сарай, находящийся между

СС. Хиль-Мили и Алты-Агачем, под названием Орта-караван-сарай. Его Светлость князь наместник кавказский изволил разрешить постройку в с. Алты-Агач церкви, отдать означенным грекам на предложенных ими условиях, т.е. 1200 руб. серебром, и отдать в их распоряжение названный караван-сарай...» (37)

Царские чиновники не раз подчеркивали, что «русские переселенцы среди мусульманского населения должны быть не беднее, а богаче, чем они». В результате экономическое и правовое положение русских переселенцев действительно было несравненно лучше, чем у коренных крестьян Азербайджана. «Большинство переселенческих поселков представляли собой образцы того достатка, о котором местные крестьяне только мечтали. Когда многие пришлые крестьяне жили очень богато и вели капиталистическое хозяйство, у большинства местных крестьян не было ни земли, ни инвентаря, ни рабочего скота, ни куска хлеба». (38)

Начиная со второй половины 90-х годов XIX в. вопрос о переселении русских возобновился, основной причиной чему было малоземелье во внутренних губерниях России, которое обостряло межклассовые отношения. Несмотря на открытое выражение недовольства переселенческой политикой государства, перешедшее в крестьянское движение с началом революции 1905г., переселение русских крестьян в Северный Азербайджан продолжалось вплоть до 1917 г., о чем говорит образование в Шемахинском уезде в начале XX века еще двух русских селений - Алексеевки и Гавриловки. (39)

Всего же, к 1917 г. в Шемахинском уезде было 11 русских селений, которых местное население объединяло под названием «молоканские»: Алексеевка, Алты-Агач, Астраханка (Кыз-Мейдан), Гавриловка, Джабани- Русские, Дмитриевка (Ново-)(Курт-Тапаси), Маразы Русское, Марьевка (Нагара-хана), Ново-Полтавка, Хильмили (Козлучай, Молоканское), Чухур-Юрт.

В Шемахинском уезде имелось также одно **еврейское** селение – Мюджи, с населением евреев-татов. Это были в основном потомки гилянских евреев, переселившиеся в Ширван после разгрома г. Решта в 1781 г. Ага Мухаммед шахом Каджаром. Поселением своим они были обязаны последнему Шемахинскому хану - Мустафа хану Ширванскому. В конце XVIII в., когда хан перенес свою резиденцию на недоступную гору Фит-даг, вместе со своими подданными поселил на берегу реки Мюджи-чай и евреев, которые образовали здесь свое селение. Название оно получила от реки, которая протекала посередине селения, разделяя его на 2 части: По правому берегу, т.е. западной стороне, у подножья горы Фит-даг жили евреи, а по правому восточному берегу, у подножия горы Ниял, азербайджанцы, которые заселились здесь примерно в это же время, т.е. в конце XVIII в. Население еврейского Мюджи было сборное из разных мест: иранского Гиляна, Кусаров, Кайтага, Залами и Моздока. Небольшое число евреев-татов проживало и в азербайджанском селении Баскал. За неимением земли, шемахинские евреи занимались производством шелковых тканей, работали в построенных ими же мельницах, обслуживая все соседние селения. Но основным заняти-

ем их была торговля, что и послужило причиной постепенного переселения их в гор. Шемахи, и частично в молоканские селения, со второй половины XIX в.

Таким образом, к началу января 1916 года в селениях Шемахинского уезда проживало всего 133.800 человек обоого пола. Из них: мусульмане – азербайджанцы – 96.579; армян – 17.816; русских – 17.656; евреев – 1305. Кроме этих национальностей в селениях уезда проживали также кавказские горцы – 303; группа, обозначенная как азиатские народности-христиане – 139; и остальные европейские народности – 2, однако, все они являлись не «коренным» населением и считались «временно проживающими». Из «коренного» же населения всего 697 человек (362-мусульман, 362- русских, 16 армян и 1 еврей) причислялись к «временно проживающим». (См. Приложение о национально-религиозном составе населения Шемахинского уезда).

Население города Шемахи в начале XX века также состояло в основном из представителей всех перечисленных выше национальностей. Так, к 1 января 1916 г. в городе Шемаха проживало 27.752 жителей обоого пола. Из них: мусульмане – азербайджанцы – 21.127; армян – 4534; русских – 1737; евреев – 136. Кроме этих национальностей в городе проживали также кавказские горцы – 214; и 4 представителя остальных европейских народностей.

Примечательно, что население это было заселено по религиозному признаку. Так, город условно был разделен на 2 части: Верхняя и Нижняя. В Верхней части проживали преимущественно армяне, русские, а также достаточно много богатых мусульман, но называлась она армянской, или русско-армянской частью города. Нижняя же часть города, - расположенная на южном склоне плато горы и равнине по обоим берегам речки Заголова-чай, была заселена исключительно мусульманами и называлась Нижней, или мусульманской частью.

Такое разделение города по национально-религиозному признаку тоже было «наследием» русского колониализма.

Шемаха, названная Дженкинсоном «прекрасным королевским городом» (40), столица многих государств, существующих на обширной территории Ширвана, некогда одна из значительных и благоустроенных городов средневековья, тесно связанная с караванной торговлей и расположенная на великом шелковом пути, по своей структуре отражала, скорее всего, социальное расслоение общества. Комплексы дворцов и административных зданий, расположенные во внутренней крепости, господствовали над жилыми кварталами и, подавляя их своей монументальностью, они имели символическое значение. По свидетельству иностранных путешественников, в XVI- XVII вв. город состоял из двух различных частей – цитадели (Балакала или Ичкала) и шахристана, каждая из которых была окружена оборонительными стенами. Основная часть города - шахристан, состоящая из домов и жилищ райатов (податное городское население) была расположена на склоне южной горы, а дома правителей и знати – на склоне горы с северной стороны, в цитадели, и по сравнению с самим городом были расположены значительно выше. По утверждению историка И.Мюнши, каждая из этих двух частей в начале XVII в. была превращена турками в самостоятельную кре-

пость. Однако, шах Аббаса I, считавший, что крепости, лежащие не у границ или проходов, а посередине страны более вредны, велел снести укрепление – наиболее сильную стену у южной части, после чего город был открыт. По данным Евлия Челеби в середине XVII в. город состоял примерно из 7000 домов и 26 кварталов. Он насчитывал 40 медресе (школ), около 70 мечетей и 7 бань, 44 каравансарая и около 200 торгово-ремесленных лавок. (41)

Среди этих мечетей особо выделялась Джума-мечеть - одна из самой ранней на Кавказе соборной пятничной мечети, построенная в 734 году. Названия других мечетей города совпадали с именами кварталов, в которых они находились. Так, название некоторых мечетей и кварталов были связаны с местными признаками или со служителями культа: Юхарыкала (Верхняя крепость), Ашагыкала (Нижняя крепость), Мейданлы (площадь), Сарыторпаг (желтая земля), Имамлы (Верхняя и Нижняя), Шейхминаз, Шейхсехирли. Несколько кварталов и мечетей города носили название племени, которая когда то обосновала этот квартал: Падарлар, Шапуран, Гурдлар, Кушчулар, Талышлар, Араблар, Ардебилли, Уджарлы, Курдлар, был и квартал с названием Калабазар (Большой базар-рынок) и т.д. (42)

Кроме отдельных базаров в кварталах Шемахи, согласно описанию А.Олиария, в южной ее части имелся большой базар «с несколькими различного вида крытыми улицами, в которых помещаются их лавки с различным товаром: пестрой бумажной тканью, шелком, серебряной и золотой парчой, луками, стрелами, саблями и другой ручной работой... Тут же на рынке 2 пакгауза или гостиных двора с разными ходами и каморками, куда являются чужие купцы и торгуют оптом. Один из них называется Шах-караван-сарай, здесь останавливаются русские, торгующие оловом, медью, нефтью, и соболями. Другой называется Лезги караван-сарай, сюда заходят черкасские татары... лезгины торгуют лошадами, рабами... Евреи продавали персидские ковры». (43)

С древнейших времен Шемаха была не только центром торговли, но и складом экспорта и импорта, где кроме азербайджанцев, и вообще мусульман, вели торговлю различными местными и иностранными товарами представители армянского, грузинского, еврейского, русского и даже индийского купечества.

Как следует из названий городских кварталов, основную часть население города составляли азербайджанцы-мусульмане. В городе жили также и представители других национальностей. Существование городского квартала с названием «Джугудлар» – (евреи), говорило о том, что евреи не только торговали в Шемахе, но и занимали определенное положение в жизни города.

По рассказу Адама Олария в середине XVII в., кроме местного населения (которого он называет персами), в Шемахе жили «армяне, евреи, немного грузин и индусов, а также и несколько других народностей, но в очень малом количестве; каждая нация имеет свой язык, но все они говорят, как вообще жители Ширвана, по турецки». (44) По свидетельству Яна Страйса в Шемахе было много армян, которые в день крещения справляли свой праздник освящения воды в реке,

при этом они должны были заплатить хану, чтобы его солдаты охраняли процессию от оскорбления и постороннего нападения. (45).

О существовании армянской общины в Шемахе, которая к началу XVIII в. уже пыталась принять участие в решении важных политических вопросов, можно узнать из сведений, касающихся злочючений Исраэля Ори, армянина из Сициана, одного из первых деятелей так называемого «армянского освободительного движения». В поисках зарубежной помощи для образования независимого Армянского государства, И.Ори, после не удачных попыток в Европе, в 1701 году отправился в Россию, где встретился с Петром I и предложил ему следующий план: для освобождения Грузии и Армении нужно было послать в Закавказье 25-тысячную русскую армию из 15 тысяч казаков и 10 тысяч пехоты. На месте русские войска должны были получить поддержку вооружённых сил грузин и армян. Пётр пообещал оказать армянам помощь по окончании войны со Швецией. Было решено послать специальную миссию в Иран во главе с Ори, которая бы узнала умонастроения местных жителей, собрала бы информацию о дорогах и крепостях и т. д. Чтобы не вызвать подозрений, Ори должен был говорить, что послан римским папой ко двору Шаха Гусейна, чтобы собрать информацию о жизни христиан в Персидской империи. Французские миссионеры в Иране пытались предотвратить прибытие Ори в Исфаган, донося шаху, что Россия хочет образования независимой Армении, а Ори хочет стать армянским царём. В 1707 г. Ори прибыл в Ширван, где ему пришлось ждать несколько дней дозволения войти в пределы страны. В Шемахе он встретился с местными лидерами армян и грузин, оповестив их о своих планах и получив поддержку в вопросе ориентации на Россию. В 1709 году ему удалось прибыть в Исфахан, где он вёл переговоры с политическими лидерами. Однако, планам Ори «стать армянским царем» не суждено было сбыться. Возвращаясь в Россию из Ирана, в 1711 году Ори неожиданно умер в Астрахани.(46)

Как следует из этого факта, а также из приведенного выше всего исторического обзора, город Шемаха находился в центре того большого караванного пути, где с древнейших времен скрещивались политические интересы сменявших друг друга племен, династий, государств. Бесчисленные нашествия, войны и сражения, происходившие на территории Ширвана и длившиеся десятилетиями, а порой даже столетиями, бывали столь разрушительными и истребительными, что часто влекли за собой массовую гибель сотен тысяч людей, угон оседлого, в первую очередь автохтонного городского населения в другие края, оказывая существенное влияние на число и состав его жителей.

Но не только завоеватели и захватчики разрушали Шемаху. Неоднократно подвергавшаяся сложным военно-политическим испытаниям, Шемаха имела чрезвычайно трагическую историческую судьбу. Расположенная в зоне высокой сейсмичности г. Шемаха из-за частых землетрясений неоднократно оказывалась полностью или частично разрушенной, а тысячи ее жителей погребенными под его развалинами. Так, большой трагедией не только для города Шемахи, но и всего государства Ширваншахов, обернулось сильнейшее землетрясение в 1192

году. Один из придворных грузинского царя так описывал это стихийное бедствие: «...от сотрясения (земли) поколебались и разрушились стены и твердыни города Шемахи, исчезли все бывшие в ней, погибли, между прочим жена и дети Ширванши...». (47)

Во время этого землетрясения, основательно разрушившего Шемаху, погибло очень много народа, в том числе вся семья ширваншаха Ахситана I: его жена, сын и наследник Минучихр, все дочери. Землетрясение осложнило политическое положение в Ширване, и ширваншаху приходилось уступать своим сильным соседям для сохранения своего положения. Из-за гибели наследника после Ахситана I Ширваном стали править его братья. И наконец, именно после разрушения столицы г. Шемахи ширваншах Ахситан I впервые перенес свою резиденцию в Баку, тем самым заложив традицию для дальнейшего переноса столицы в этот хорошо укрепленный город на берегу Каспийского моря.

В XVIII в. Шемаха испытала три сильных землетрясений - в 1607, 1667 и 1669 гг., но наиболее катастрофичным стало землетрясение в ноябре 1667 г. Как писал голландец Ян Стрейс, оно продолжалось 3 месяца и унесло жизни более «80 тысяч мужчин, способных носить оружие, не считая женщин, детей и рабов». Бедствие поразило не только Шемаху, но и ее окрестности. «Непоколебимые горы и твердые скалы разверзлись, и целые местечки и деревни рухнули и провалились в зияющие трещины. Мы видели вершины гор, обрушившиеся в долины, и погребенные под ними деревни с их жителями и скотом. Даже проезжие дороги были настолько разрушены и перевернуты, что караванам часто приходилось идти кружным путем, ибо прямая дорога была испорчена и непроходима».

Весьма примечательными в свидетельствах Яна Стрейса, посетившего Шемаху через некоторое время, являются его впечатления о шемахинцах, стремившихся снова отстроить свои дома, разрушенные и обвалившиеся при землетрясении в 1667 г. «Меня больше всего удивило, что город этот заново отстроен, хотя не прошло и трех лет, как он был опустошен и разрушен до основания. В этой стране часто бывает землетрясение, и в течение года, проведенного там, землетрясение было несколько раз; больше того, его чувствовали три раза на день». (48)

Сведения Стрейса о страшном землетрясении в Шемахе в 1667 г. находившее подтверждение и в других источниках, было занесено в «Каталог землетрясений Российской империи», изданный в Санкт-Петербурге в 1893 г. (49)

Не менее трагически для населения Шемахи и окрестных селений начинался XIX век. В 1806 г. землетрясением была разрушена Шемахинская крепость, о чем поведал великий Шемахинский писатель и путешественник Гаджи Зейналабдин Ширвани в своем произведении «Рияз ас-сияхе» («Луга путешествия»). Более же подробно о бесчисленных разрушениях и страданиях, причиненных этим и последующими землетрясениями городу и населению Шемахи написал русский литератор-публицист Петр Басихин, составивший своеобразный обзор на эту тему:

В 1828 г. 9 и 28 июля в результате очередного землетрясения в Шемахе было разрушено 247 домов и 30 лавок, а в окружающих селениях до 300 домов, около с. Сагиан была образована трещина, из которой поднимался огонь и выбрасывались вулканические извержения.

В 1847 г. 28-29 января и 2 февраля, и в следующем 1848 г. 7 и 12 сентября шемахинцы вновь по несколько раз почувствовали колебания земли, иногда с подземным гулом и последующими повреждениями зданий. Колебание почвы продолжалось до конца года.

В 1859 г. в Шемахе, в то время административном центре Шемахинской губернии было несколько сильных землетрясений, но наиболее разрушительное случилось 30 мая: в 4 часа дня послышался сильный удар, которым было повреждено и разрушено до 3.250 различных зданий, в том числе почти все административные постройки. В разрушившемся до основания городе погибло несколько тысяч людей. Именно после этого землетрясения правитель края фельдмаршал князь Барятинский принял историческое решение о переносе центра губернии из Шемахи в Баку, была образована Бакинская губерния вместо Шемахинской, а Шемаха стала уездным городом. Безусловно, стихийное бедствие, обрушившееся на Шемаху, было не единственной причиной изменения ее административного положения. Развитие нефтедобычи на Апшеронском полуострове, наличие моря и порта и ряд др. факторов выдвинули Баку на ведущее место среди городов Азербайджана.

Однако, продолжающиеся в последующие годы колебания земли и землетрясения, еще раз подтвердили верность принятого властями решения.

В 1872 г. 16-го января, в 10 часов утра сильное землетрясение, продолжавшееся всего 43 секунд, вновь нарушила мирную жизнь шемахинцев. Погибло - 118 человек, 44 – было ранено. У Джума-мечети отпала облицовка, русская церковь дала трещину, армянская церковь обрушилась, а под обрушившейся армяно-лютеранская молельня было задавлено 18 человек, большая часть домов и лавок была повреждена или разрушена. Убытки на недвижимом имуществе составили до 113.700 руб. 6-го февраля того же года, с утра до ночи в городе были небольшие колебания земли, при чем первое, продолжавшееся шесть секунд, было довольно чувствительно.

В 1896 г., 21-го августа в 3 часа пополудни в Шемахе и в окрестных селениях произошло еще одно сильное землетрясение, которое продолжалось около 15 секунд, но произвело большие разрушения: казармы, лазарет, тюрьма, телеграфная станция были разрушены, были повреждены также много жилых домов, в том числе в молоканской и армянской части города. В сел. Джабани разрушено было 15 домов, а в сел. Сунди, находящемся в 15 верстах от Шемахи, все дома были разрушены и ушиблены 2 человека. На другой день и в последующие дни до 27-го августа в городе было замечено тринадцать легких колебаний почвы. (50)

Кроме описанных П.Басихиным событий, землетрясения в Шемахе произошли также в 1824 и 1869 годах.

Несмотря на обрушившиеся на них невзгоды и трудности, жители Шемахи, пережив трагические дни, после каждого землетрясения вновь восстанавливали свой город, свои дома, культовые, гражданские и торговые строения, хозяйства и сады, приводили в порядок кладбища и т.д.

Частые землетрясения в Шемахе не раз становились объектом исследования русских специалистов и инженеров. После землетрясения 1859 г. известный в те годы ученый Абих предсказал, что этот город возможно рано или поздно будет уничтожен полностью: «для Шемахи нет никакого ручательства, чтобы она когда-нибудь не сделалась жертвою катастрофы, которая может в несколько минут разрушить город дотла». (51)

Мрачное пророчество ученого почти сбылось в январе 1902 года. 13 февраля (30 января по юлианскому календарю) 1902 г. в 12 часов 50 минут пополудни в Шемахе под землей послышался зловещий гул, и вслед за ним раздался мощный удар. Последовало несколько толчков, грохот, треск и через несколько секунд город превратился в груды развалин. Это было самым сильным землетрясением за всю историю Шемахи. Был разрушен почти весь город и погребено под его развалинами свыше 3000 жертв. Около 4 000 домов было разрушено.

Поразившее своими масштабами это трагическое событие освещалось прессой не только Баку и Кавказа, но многих городов России, и даже Америки. В телеграммах «Новостей дня» газетах Баку, Тифлиса, Петербурга, Москвы, Ашхабада говорилось о том, что «город совершенно разрушен землетрясением... Очень много человеческих жертв. Разрушены церковь, мечети, казармы и казначейство, повреждены тюрьма и уездное управление. 25 000 человек остались без крова и хлеба»; «В Шемахе землетрясение продолжается и мешает производить раскопки. Под развалинами полагается еще несколько сот человек. Погибло много женщин, находившихся в момент удара более чем в десяти банях города»; "...Кто может и еще имеет силы - в панике покидают фактически уже не существующий город. И уже дает о себе знать зловещее - по городу пополз трупный запах. Мертвые начинают грозить живым, они требуют погребения"; "Сама природа - против злосчастной столицы Ширвана - туман, холод, дожди, снегопад, люди замерзают в палатках..."; "На днях при раскопках бани найдено 5 женских трупов. Несчастные укрылись при катастрофе под сохранившийся свод, и никаких ушибов и повреждений на трупах не обнаружено, Врачами констатировано, что они погибли от голодной смерти... Население высказывает сожаление, что сделано было распоряжение о приостановке раскопок". (52)

«Лишь постепенно достигают Баку подробности произошедшего на прошлой неделе землетрясения в Шемахе, находящейся в 70 милях отсюда; более 2000 человек, в основном женщины и дети, погибли, 4000 домов разрушено. ... Около деревни Маразы, к востоку от Шемахи, началось извержение вулкана, неся еще больше ужаса окрестностям» – сообщала газета "New York Times" от 18 февраля 1902 г.

Землетрясение поразило не только город. В 126 селениях Шемахинского уезда было разрушено более трех тысяч жилых домов, сорок мечетей, двенадцать церквей и множество хозяйственных построек. (53)

Оставшиеся без крова шемахинцы разбрелись по городам и селениям других уездов, большинство из них нашло убежище в Баку, заселив нагорную часть города.

После землетрясения 1902 г. власти приступили к изучению причин и последствий этой катастрофы, первыми на место трагедии выехали по заданию Кавказского горного управления горный инженер Шах-Гули-Мирза и по заданию Бакинского технического общества горный инженер Н. М. Тер-Микелов. Собранные ими материалы были позднее переданы В. Н. Веберу, который проводил наиболее детальные полевые наблюдения. Независимо от этих исследователей в эпицентральной области летом того же года работал известный русский геолог, специалист по землетрясениям К. И. Богданович. Когда были выяснены основные две причины огромных разрушений и жертв – расположение города на рыхлых, обводненных грунтах и ненадежность местного традиционного строительства (использование местного камня на слабом глинистом растворе и тяжелая плоская крыша) встал вопрос: восстанавливать ли город на прежнем месте или перенести на новое, сейсмически более безопасное? И тут шемахинцы- местное мусульманское население решительно воспротивились переносу города.

Уверения властей о нецелесообразности сохранения города на старом месте, кроме прочего, даже по экономическим соображениям - Шемаха после землетрясений 1859 г. потеряла статус губернского города и перекрестка торговых путей – не возымели действия. Привязанность коренного мусульманского населения к родным местам, могилам предков, и вообще вековым традициям хотя и была признана, но не всегда понималось представителями других национальностей. В 1902 году инженер К. И. Хатилов уныло восклицал: "Шемаха опять отстроится, жизнь в ней опять войдет в нормальную колею, ужасы бедствия мало-помалу изгладятся из памяти ее обитателей, и так до нового землетрясения, которое, несомненно, опять посетит Шемаху и опять вызовет ужасы, которые шемахинцы пережили...". (54)

Это мрачное пророчество также сбылось через 16 лет: шемахинцы пережили новые ужасы, но не идущими ни в какое сравнение с 1902 годом, и главное, не из-за землетрясения.

За отпущенные местному мусульманскому населению эти годы город был заново восстановлен, переехавшие в Баку и другие города и селения шемахинцы стали возвращались в родные места. Следует отметить, что восстановлению города помогало как правительство, так и имущие слои общества, особенно азербайджанского. В российской прессе тех лет есть сообщения о том, что Бакинский губернатор, генерал-майор Одинцов, прибыв вскоре в Шемаху, обошел весь разрушенный город, подбадривая каждого горожанина. В это же время в городе работали 5 мусульманский комиссий - для помощи пострада-

давшим, медицинская, по переселению и поиску, строительная и комитет интеллигенции. (55)

Выделенные государством и собранные населением деньги шли в основном на восстановление городских служб, зданий, мостов, водопровода, и т.д., небольшие суммы выделялись также беднейшим слоям общества, не имеющим никаких средств для построения новых жилищ. Горожанам предлагалось построить деревянные дома, более устойчивые и менее опасные во время землетрясения. Однако, после нескольких пожаров, уничтоживших полностью такие жилища из-за нехватки воды и отсутствия водопровода в Нижней части города, от этих построек отказались. (56)

В эти же годы было заново застроено отделение «Пиран-Ширван», занимающее верхний склон мусульманской или Нижней части города, граничащая с армяно-русской – Верхней частью. Отделение это, носящее название древнейшей святыни, состояло из нескольких улиц, с добротной и прочно построенными из белого камня собственными домами богатой азербайджанской шемахинской знати. Были восстановлены разрушенные землетрясением все квартальные мечети, а для капитальной реконструкции Джума-мечети были собраны пожертвования меценатов и был создан специальный комитет. Проект реконструкции был первоначально поручен видному азербайджанскому архитектору того времени Зивербеку Ахмедбекову, уроженцу города Шемаха, затем продолжил работу известный архитектор Иосиф Плошко. 5 июня 1906 г. состоялось торжественная закладка восстановительных работ в «Джума-мечети». Присутствовавшие на церемонии начальник уезда Афанасьев по русской традиции положил одну серебряную монету, а духовные лидеры Шемахинских мусульман – Гаджи Абдуль Меджид Эфенди и Мир Мехти Ага по одному камню на фундамент разрушенной части здания. (57)

Обустроивалась и Верхняя – армяно-русская часть Шемахи, в которой кроме армян и русских, знатные азербайджанцы также восстанавливали или строили свои дома. В этой же части находилось большинство административных зданий города, русская и армянская церкви, реальное училище и т.д.

В эти годы полностью была заселена и Нижняя часть города, состоящая из средних и бедных слоев мусульманского общества. После землетрясения в 1902 году по обеим сторонам шоссе-дороги, ведущей в город был построен поселок, называемый «Новой частью» города, населенный исключительно мусульманами. Выше «Новой части» находился «Военный поселок», состоящий из военной церкви, казарм, лазарета с квартирой для врача, дома, в котором жил начальник местной команды и других построек.

По всему городу открылись новые торговые объекты, склады, фабрики, ремесленные мастерские, большие магазины и т.д. Был восстановлен Большой Базар на Гюрджибазарной улице.

Возрождение новой жизни в городе заметно отразилось и на численности его населения, которое под влиянием множества факторов – политических,

миграционных, природных катаклизмов, вроде землетрясения, эпидемии, голода, и т.д. с начала XIX в. неоднократно менялось.

Здесь необходимо отметить, что значительным изменениям подверглась этнодемографическая ситуация не только г. Шемахи или Шемахинского уезда, но и всего Азербайджана и Закавказья в первой трети XIX в., ознаменовавшаяся несколькими войнами. После заключения Гюлистанского (1813 г.), Туркменчайского (1828 г.) и Адрианопольского (1829 г.) мирных договоров началась массовая эмиграция мусульманского населения (азербайджанцы аджарцы, курды, турки) и иммиграция христианского (армяне и греки). С 30-х годов и далее, как уже говорилось выше, этот процесс продолжался также переселением русского населения в край. Историко-этнографическое и экономико-статистическое изучение Закавказского края русскими властями началось только на рубеже 20-30-х годов XIX в. и достигло значительных результатов уже в 40-50- годах. Так, согласно источникам по истории демографического учета городов Закавказья в Шемахе в 1842 г. проживало 16.273 человек, в 1843 г. – 18.716, 1856 г. – 20.433 человек, таким образом, прирост население с 1842 по 1856 г. составил 4.160 чел. обоого пола, или же 25, 6 %. (58)

Следует отметить, что в 1856 г. Шемаха вместе с Тифлисом сохраняла лидирующее положение в первой пятерке городов, не имевшие себе аналогов на Кавказе. При определении же этнического состава населения, как отмечает Д. И. Исмаилзаде, возникали некоторые затруднения из-за условности ряда понятий, поскольку в основе определения этнической принадлежности иногда лежал признак конфессиональный. Напр., азербайджанцы, как правило, в большинство источников подразумевались под мусульманским или магометанским населением края. Нередко к ним применялся и признак этнический – этноним «татары», «хотя хорошо известно, то татары не населяли края, лишь единицы их проживали в его городах. Очень часто этноним «татары» применительно к азербайджанцам сопровождался дефиницией «азербайджанские татары» или «закавказские татары». Подтверждая, что понятие «мусульмане» и «азербайджанцы» не являются идентичными, автор в то же время отмечает, что численность неазербайджанцев в составе мусульманского населения по городам края была незначительной и потому не могла быть определяющей. «Кроме того, сопоставление цифровых данных статистических источников, отразивших число жителей по вероисповеданию (магометане) и по народности (татары) показало их идентичность». (59)

Так, в Шемахе, как и в других городах Азербайджана, население было преимущественно азербайджанским – 89,8 %. Иной характер носило размещение армян в городах края. В силу сложившихся исторических причин численность их имела тенденцию к повышению, поскольку покидавшее Иран и Турцию армянское население направлялось в соседние страны: Азербайджан и Грузию. Известно, что в Шемахе и Тифлисе армянские купцы и ремесленники пользовались особыми привилегиями. К 30-м годам XIX в. они состав-

ляли 10,2 часть населения гор. Шемахи. Численность русских раскольников и сектантов в городах в это время была весьма незначительной, пока действовал режим, ограничивающий их доступ в города. Однако, в начале 40-х годов положение несколько изменилось.

Так, в 1842-1843 гг. численность жителей гор. Шемахи по вероисповеданию составляла следующую картину: мусульмане – 15.602 чел. – 84,6 %; христиане (армяне) – 2759 чел. – 18,2 %; раскольники – 73 чел. – 0,3 %. – Итого: 18.434 человек. Евреи в это время в городе не проживали.

По данным же начальника Каспийской области за 1843 г. мусульмане составляли 84,7 % жителей г. Шемахи и 3,3 % всех мусульман области; христиане (армяне) – 14,4% жителей г. Шемахи и также 3,3 % всего христианского населения области.

К 1848 г. возросло число русских сектантов в губернском городе Шемахе по сравнению 1842 г. в 4, 5 раза – 328 чел. (60)

Здесь стоит упомянуть еще об одном слое русских жителей в городах – военно-политической администрации. Формирование административно-управленческого аппарата в Закавказье являлось одним из каналов проникновения в города русской национальной группы. С их размещением в центральной части городов – особенно губернских – связано формирование административно-политического центра города. Вместе с этим происходило расселение чиновников военно-административного аппарата посредством вкрапления их в среду местного населения. Как сообщает «Кавказский календарь» на 1852 г., в средней части города Шемахи встречаются много европейский построек, «занимаемых вообще русским населением города и преимущественно чиновниками и военными офицерами». (61)

Так, в начале 50-х годов численность военнослужащих (команды линейных батальонов, артиллерийские и гарнизонные бригады, казачьи посты и т.д.) составляли от 5 до 2 % городских жителей Шемахи. В это же время в Шемахе было 116 русских чиновников. Однако, в отличие от других городов края, они составляли меньшую часть русских жителей Шемахи, поскольку получив возможность перемещаться в город, со временем русские сектанты образовали здесь свою слободу. Расселение русских в городах с преобладающим мусульманским населением носило иной характер, чем в «христианских» городах края. Здесь, в частности в Шемахе, они размещались в тех частях города, которые населялись армянским, т.е. христианским населением. Как уже говорилось выше, в армянской части Шемахи помещалась большая часть правительственных учреждений губернии, затем уезда, и здесь же было сосредоточено все русское население города. Посетивший Шемаху в конце 40-х годов А.М.Фадеев так описывал русскую слободу: «В верхней части находится слобода, состоящая из поселенных при городе молокан и скопцов из разных мест, занимающихся извозничеством и городскими промыслами. Некоторые из них построили себе порядочные дома». (62)

Но само русское население, как впрочем, и все городское население Шемахи, не было однородным, смешение в нем представителей разных сословных категорий придавало своеобразие облику города.

Так, в целом население Шемахи составляли дворяне и чиновники, духовенство, купечество и мелкие торговцы, ремесленники, крестьянство, военные, а также небольшое число городской интеллигенции - учителя, врачи, мелкие служащие и др.

Данные о численности всех этих сословий в Шемахинском обществе свидетельствуют, что в этническом отношении абсолютное большинство среди них, за исключением чиновничества, составляли азербайджанцы. (63)

Такое соотношение этнического состава населения Шемахи, с не существенными изменениями, сохранялось все последующие годы, независимо от роста или уменьшения населения города, которое в 1872 г. составляло 24.503 чел.; 1897 г. - 20.007 чел.; 1904 - 22.206 чел. (64) Последняя цифра свидетельствует, что уже через 2 года после разрушительного землетрясения число жителей Шемахи достигло прежнего уровня.

1903-1917 годы ознаменовались не только возрождением самого города из руин, но и духовной жизни в Шемахе, имеющей глубокие литературно-культурные корни и традиции. На родине величайших представителей поэзии, философии и науки средневекового Востока Хагани Ширвани, Фалаки Ширвани, Насими, известного географа-путешественника, историка, этнографа, просветителя и поэта XIX в. Гаджи Зейналабдина Ширвани в начале XX века жило и творило новое поколение хорошо образованных и современно мыслящих просветителей - поэтов, писателей, публицистов, педагогов: Аббас Саххат, М.А.Сабир, Гаджи Мамед Таррах, Агали бек Эфендиев Насех, А.И.Джафарзаде и др.

Великим наставником этого поколения шемахинцев был талантливый поэт - лирик и сатирик, педагог, публицист, основатель литературной школы «Бейтус-сефа» в Шемахе, автор учебников и научного труда по истории Ширванского ханства Сеид Азим Ширвани, который после возвращения на родину в 1853 г., всю остальную жизнь прожил в Шемахе. Он первым открыл здесь школу для мусульманских детей по новому образцу, преподавал в Шемахинской городской школе, а также в школе «Меджлис», открытой при Шемахинском Духовном Меджлисе по инициативе Саида Эфенди Унсизаде, став после отъезда последнего ее руководителем.

Уроженцы Шемахи братья Сеид и Джелал Унсизаде, уехавшие из города для совершенствования образования в Тифлис, стали впоследствии первыми продолжателями дела Гасан бека Зардаби, основоположника Азербайджанской печати. Так, вскоре после закрытия первой азербайджанской газеты «Экинчи» в 1877 г., С.Унсизаде выпустил 16 января 1879 г. первый номер газеты «Зия». С декабря 1880 г. эта газета стала выходить под названием «Зияйи Гафгасийе», и в том же году в Тифлисе началось издание новой газеты под названием «Кешкюль», которое было предпринято уже Джалалом Унси-

заде. С 1 января 1884 г. «Кешкюль» превратилась в еженедельную газету, которая издавалась по 1892 г.

Еще одним известным шемахинцем был Зивяр бек Ахмедбеков, первый азербайджанский архитектор с высшим образованием, автор проектов двух крупных Бакинских мечетей — Голубая мечеть и мечеть Тезе Пир, а также мечеть Мухтарова в посёлке Амирджан, близ Баку. Не случайно, что именно своему земляку поручили шемахинцы реконструкцию древней «Джума-мечети», разрушенной после землетрясения 1902 г.

Уроженец Шемахи, внук азербайджанского поэта Ага Месиха Ширвани, Султан Меджид Ганиев, окончив школу и реальное училище в Шемахе, затем посвятил 50 лет своей жизни школьному делу в Азербайджане, став также известным просветителем, лингвистом, писателем, драматургом и театральным режиссером, затем политиком и государственным деятелем. Не порвав связи со своим городом, он всячески содействовал развитию школьного образования в родном Шемахе.

Как уже отмечалось выше, после разрушительного землетрясения 1902 г. многие шемахинцы, оставшись без крова и работы, были вынуждены покинуть свой город. Среди них был и прославившийся позже как основатель прогрессивного романтизма в азербайджанской литературе, поэт и публицист Мухаммед Хади Абдулсалим, родившийся в 1879 г. в Шемахе и получивший свое начальное образование в школе моллы Алиаббаса Мехтизаде, отца известного поэта, драматурга и переводчика Аббаскули Мехтизаде – известного под псевдонимом Аббас Саххат.

Сам Аббас Саххат, получив медицинское образование в Иране, вернулся в 1900 г. в родной город и полностью посвятил себя преподавательской и литературной деятельности, разделив при этом своими земляками все невзгоды, выпавшие на долю шемахинцев – землетрясение, межэтнические столкновения, погромы и эпидемии. Он был видным представителем Шемахинской интеллигенции, а дом его – местом ее собрания. Здесь же судьба свела его с другим талантливым шемахинцем, воспитанником Сеид Азима Ширвани, Алекпером Таирзаде, ставшим впоследствии известным под псевдонимом Мирза Алекпер Сабир. Аббас Саххат сыграл существенную роль в самообразовании своего друга - выдающегося азербайджанского поэта-сатирика, яркого представителя школы «Молла Насреддин», образовавшейся вокруг одноименного журнала и подготовил к печати в 1911 в Баку первое посмертное собрание сочинений Сабир.

Усилиями этих личностей, а также других представителей Шемахинской интеллигенции, прогрессивного духовенства и знати, в 1903-1914 гг. в Шемахе были открыты несколько культурно-просветительский заведений, русско-азербайджанская школа и реальное училище, восстановлена библиотека - читальная, впервые появившаяся в Шемахе еще в 1856 г. Было организовано благотворительное общество «Ниджат», проводившее культурно-массовую

работу среди мусульманского населения, ставились театральные постановки по пьесам азербайджанских драматургов. (65)

Заметную роль в жизни своего края и народа играли и другие видные представители Шемахинского мусульманского общества, принадлежащие разным городским сословиям. Выходец из богатой купеческой семьи Мамед-Таги Алиев, возвратившись на родину после долгих лет учебы и работы в России, Франции и Германии, занимался широкой общественной и благотворительной деятельностью, выступал в периодической печати с научными и литературными произведениями. Вершиной его карьеры стало избрание в 1906 г. депутатом 1-й Государственной Думы. Все последующие годы он принимал активное участие в политической и общественной жизни города и уезда.

Представитель знатного ширванского рода Коджаманбековых Азад бек Коджаманбеков, вернувшийся также на родину после ранения в русско-японской войне 1904-1905 гг. и завершения своей военной службы в звании полковника, работал на разных государственных должностях, и став комиссаром Шемахинского уезда, принимал самое активное участие в общественно-политической и культурной жизни города и уезда, поддерживая все начинания городской интеллигенции.

Весьма важная роль в жизни общества принадлежала шемахинской знати – бекскому сословию и носителям ханской фамилии - сохранившей свой статус мусульманского дворянства. Представители многих известных фамилий-Джебраилбековы, Ахмедбековы, Агаларбековы, Саламовы, Вейсовы, Юзбашевы, Атамалибековы, Ибрагимбековы, Алиевы, Халафбековы, Алиярбековы, Гусейнбековы, Фарзалибековы и др., а также богатого купеческого сословия участвовали в решении всех важных вопросов, касающихся тех или иных сторон общественной и культурной жизни общества, выдвигались на выборные должности, входили в число местной администрации.

Значительное место и влияние среди населения Шемахи имело духовенство, особенно мусульманское и армянское. Хотя данные середины 50-х годов XIX в., когда Шемаха была первой среди городов Азербайджана по численности мусульманского духовенства (1047 чел., или 5,3 % жителей города и 39,0 % всего духовенства уезда) (66) к началу XX в. значительно – более 10 раз - снизились, (67) но оно все еще сохраняло свои ведущие позиции. При большинстве городских мечетей, и частично при сельских, существовали медресе-духовные училища, где обучались студенты и мектебы. Число учеников, обучающихся в мектебах-школах при мечети достигало несколько сот человек. (68)

Так же продолжал существовать в уезде институт «шейхов», несмотря на то, что после подавления движения Шамиля, последние сведения о наиболее активной деятельности его сподвижников в Шемахинском уезде приходились на вторую половину 60-х годов XIX в. В 1864-1865 гг. житель г. Шемаха Абдул Рахман Эфенди имел 500 мюридов из Шемахинского и Кубинского уездов, столько же приверженцев имел Шейх Гаджи Махмуд Баба Эфенди из с.

Кюрдамир Шемахинского уезда. (69) По свидетельству известного Азербайджанского просветителя и журналиста О.Ф.Неманзаде, преподававшего в 1900-1902 гг. в одном из Шемахинских медресе и глубоко проникшего в городскую жизнь, несмотря на многочисленность шейхов в Шемахинском уезде, по сравнению с другими городами Азербайджана, истинная суть их деятельности была уже давно утрачена и сводилась к «укоренению и сохранению невежества и мракобесия среди низших слоев населения». (70)

Вместе с тем, среди Шемахинского духовенства было немало высокообразованных и признанных далеко за пределами Закавказья мусульманских духовных лидеров, одинаково хорошо понимающих вызов времени и поддерживающих прогрессивные начинания мусульманской интеллигенции. Беспредельной и заслуженной репутацией в начале века пользовались в Шемахе духовные лидеры как шиитской общины - Ахунд Мир Мехди ага, так и суннитской – Гаджи Меджид Эфенди, последний был также уездным казием (шариатским судьей). Кроме них большое влияние среди своих прихожан имели ахунды и эфенди, возглавлявшие квартальные мечети города Шемахи, а также сельские мечети.

Такое же сильное влияние среди армянского населения г. Шемахи и уезда имело армянское духовенство. В начале XX в. в Шемахе находилось представительство Шемахинской епархии, созданной еще в 1815 г., со своей общиной и предводителем. Имелись церкви - Армянская Апостольская и Армяно-лютеранская в гор. Шемахи и Армянская церковь Св. Богородицы в селении Матрасы.

Среди Шемахинской армянской элиты особо известным считалось семейство Лалаевых, родоначальником которого был Погос-бек Лалаев, крупный богатый купец, еще в 40-х годах XIX в. построивший несколько зданий на улице, получившей впоследствии название Лалаевская. Армяне имели определенное положение в Шемахинском обществе, занимая ряд чиновничьих должностей. Наиболее же известными армянами – уроженцами Шемахи были Александр Минасович Мовсисян, крупный писатель и публицист, известный под именем Александр Ширванзаде и Ованес (Иван) Артемьевич Абелян, известный артист и театральный деятель. Родившиеся в Шемахе в семье ремесленников, они в ранние годы своей жизни уехали в Баку, где и состоялись в своей профессии, так и не вернувшись в родной город.

Русская православная церковь, построенная в Шемахе в конце 1858 г., дважды была разрушена в результате землетрясений 1859 и 1902 гг., и вновь восстанавливалась. При церкви существовала церковно-приходская школа, открытая в 1897 г. Пережившая свои лучшие годы, когда Шемаха была губернским городом, а число прихожан – православных чиновников, молокан, принявших православие, грузин – доходило до 446 душ, не считая военных, Шемахинская православная церковь, в 1904 г. имела всего 240 душ прихожан, состоящих из русских православных чиновников и крестьян сел. Ново-Дмитриевка. Русские военные – 207 чел. имели свою Военную Железнодорожную церковь.

рожную церковь, построенную в 1904 г. после землетрясения. Кроме православных русских в Шемахе проживали молокане, духовные молокане и субботники, которые, как и сектанты, проживающие в селениях, имели свои молитвенные дома, куда собирались на моления. Грузинское епархиальное начальство неоднократно принимало меры и посылало миссионеров для убеждения «отпавших от православия», но безуспешно. «При ознакомлении с сектантами, проживающими в г. Шемахе и его окрестностях, я убедился, что все они невежественны и упорны в своих религиозных убеждениях» – писал православный протоирей Александр Юницкий, подчеркивая порою крайне враждебное отношение сектантов к пастырям церкви. (71)

Самым известным русским уроженцем Шемахи был Алексей Осипович Черняевский, выдающийся русский и азербайджанский педагог. Будучи инспектором азербайджанского отделения Закавказской Учительской (Горийской) Семинарии, самый зрелый отрезок (14 лет) своей недолгой жизни он посвятил подготовке азербайджанских кадров, воспитав целую плеяду известнейших педагогов, ученых, писателей.

Русская православная община Шемахи, будучи значительно малочисленной, вместе с тем, как представляющая власть, занимала главенствующие позиции в жизни г. Шемахи и уезда. Однако во время двух самых кризисных и переломных моментов в истории Российской империи и Закавказского края, она оказалась совершенно несостоятельной не только в управлении, но и в контролировании ситуации.

В 1905 г. воспользовавшись недовольством широких народных масс и либерально настроенной интеллигенции, а также растерянностью царских властей, потерпевших жестокое поражение в русско-японской войне, все революционно настроенные силы России предприняли попытку прямого свержения царизма. Началась революция, на волне которой особо усилилось националистическое армянское движение в Закавказье, набирающее силы еще с конца 1890-х годов и ставившее целью создать свою автономию на территории Турции и Кавказа. Активизировали свою деятельность все армянские национальные очаги - начиная от партии «Дашнакцутюн» кончая Армянской церковью. Развив в течение короткого времени бурную деятельность, они объявили настоящую войну, как российским властям, так и тюркско-мусульманскому населению всего региона. Начавшиеся в феврале 1905 года в Баку вооруженные столкновения между армянским и азербайджанским населением переросли в кровопролитную армяно-азербайджанскую резню, и охватили почти все города и уезды Закавказья – Баку, Тифлис, Нахичевань, Эриван, Гянджу, Шушу, селения Карабаха, Зангезура, Газаха и т.д. Горели и уничтожались целые городские кварталы и села, гибли тысячи людей – мужчин, женщин, стариков и детей как с той, так и с другой стороны. Власти, занимающие неоднозначную позицию по отношению к происходящим событиям, не предпринимали решительных мер, чтобы восстановить порядок.

Вести о кровавых событиях безусловно доходили и до Шемахи, где проживало достаточно активное во всех отношениях армянское население. Однако, отдельные попытки шемахинцев-армян, членов местного комитета партии «Дашнакцутюн», связанных с центральными органами этой партии, развязать межэтнические столкновения и в Шемахе, были пресечены общественно-интеллигентными кругами и духовенством как армянской, и так и азербайджанской стороны. В течение 1905-1907 гг. в Шемахе были предотвращены несколько случаев, которые могли бы провоцировать вооруженное противостояние. Так, напр., некоторые представители Шемахинской армянской знати, в том числе братья Александр и Балабек Лалаевы, имеющие тесные связи с Армянским Национальным Комитетом и партией «Дашнакцутюн» в Баку, были активными участниками и организаторами кровавых столкновений между армянами и азербайджанцами. Однако, учитывая малочисленность армянского населения в Шемахе и уезде, они, вместе со своими единомышленниками пытались расколоть мусульманское общество Шемахи, спровоцировав так называемое шиитско-суннитское противостояние. Для этого использовались распространенные в эти годы слухи о том, что якобы армяне «не имеют ничего против суннитского населения». Эти циничные провокации армян, рассчитанные «на невежество и наивность мусульман, которых они не могли победить смелостью и силою оружия» широко разоблачались в азербайджанской печати тех лет: «Кто говорит, что армянам нет дела до суннитов? Какая ложь! Какое коварство! Разве разгромленные армянами селения Зангезурской и Газахской областей, убитые ими там мученики не были суннитами? Разве убитые в Тифлисе лезгины-лудильщики не были суннитами? Разве хозяева разгромленных и сожженных домов и магазинов Тифлиса не были дагестанскими и шекинскими суннитами? Разве армянин убивая мусульманина, спрашивает суннит он или шиит?» - вопрошал известный азербайджанский публицист Омар Фаик Неманзаде, приводя наглядный пример сказанному: «В ноябре один мусульманин-суннит, чтобы спасти свою жизнь умолял армянина, покушавшего на него, словами: «Сосед, разве вы не говорили, что не трогаете суннитов, так вот знай, я суннит», и получил в ответ: «а что, разве османцы, убивающие на штыках наших детей, не были суннитами... Для нас нет разницы, сунниты вы или шииты... Мы на корню искореним всех мусульман Кавказа». (72)

Духовные лидеры шемахинских мусульман обеих сект - Гаджи Меджид Эфенди и Ахунд Мир Мехти Ага, с помощью городской интеллигенции быстро уладили возникшие недоразумения и не позволили этим провокациям внести раздор среди мусульманского общества. (73) Ими же было предотвращено неминуемое столкновение и возможное истребление армянского населения Шемахи в 1905 г., о чем свидетельствует следующий случай.

В Гяндже начиная с января 1905 г. хорошо вооруженное армянское население, во главе с приставом-армянином Гамсараганом, уже неоднократно вовлекало мусульман в уличные бои, после чего посредничеством генерал-

губернатора заключались мирные договоры, которые тут же нарушались армянами. (74) Наученные опытом Гянджинские азербайджанцы были более организованы и подготовлены для защиты не только своих сограждан-горожан, но и жителей-мусульман окрестных сел и уездов. В конце 1905 г. в Гяндже были получены сведения о происходящих в Шемахе суннитско-шиитско-армянских напряжениях и готовящимся армянами провокации против мирного населения. Вскоре из Гянджи в Шемаху на подмогу местным мусульманам был отправлен большой добровольческий отряд, преимущественно из шахсеванов. Узнав об этом большинство армян покинуло город. Армянские священники обратились к казию Гаджи Меджид Эфенди с просьбой предотвратить ожидаемое противостояние и не допустить войска в город, обещав самим разобраться со своими соотечественниками. Гаджи Меджид Эфенди с небольшой свитой выехал из Шемахи и встретил Гянджинские войска в Кюрдамире, где ему удалось убедить гянджинцев, что сами в состоянии контролировать ситуацию, и не допустят повторения в Шемахе трагедий, происходящих в других азербайджанских уездах. Поверив Шемахинскому казию, войска возвратились в Гянджу.

Готовившееся кровопролитие действительно удалось предотвратить. Однако после этого возникло напряжение в отношениях среди самих армян, в частности, с той активной частью армянского населения, которое поддерживало «Дашнакцутюн». Вскоре в Шемаху тайно прибыл представитель дашнакской партии, для выяснения ситуации и разрешения напряженности. Но осведомленный об этом визите пристав Рустам бек Джебраилбеков задержал «армянского комитетчика», и за неимением соответствующих документов, тотчас же выдворил его из города. Озадаченные и потревоженные этим событием шемахинские дашнаки заподозрили во всем случившемся своего единоверца – Аршака Тер-Саркисова, работающего писарем у городского пристава и по своему наказали его. Не успокоившись избиением последнего, они донесли на него разного рода клеветы и добились его увольнения с должности. (75)

Опубликованное в Бакинской прессе это сообщение свидетельствует о действительно сложной обстановке в Шемахе, где усилиями представителей обоих народов все же удалось избежать кровавых столкновений, хотя несколько армян-шемахинцев, участвующих в разжигании и организации резни мусульманского населения, в том числе Балабек Лалаев, были убиты в Баку.

Большая роль в сохранении спокойствия и мира в городе Шемахе и в уезде принадлежала мусульманскому и армянскому духовенству, которое в эти тревожные годы стремилось на своем примере как можно больше сблизить оба народа. Об этом не раз говорилось в прессе тех лет. Так, когда в феврале 1906 г. в Шемахе скончался известный мусульманский ученый и богослов Шейхали Ага Ширвани, день его похорон стал траурным для всего шемахинского общества. В знак уважения закрыли свои лавки не только мусульмане, но и армяне и евреи, армянские священники – григорианский и лютеранский – выступили с большой речью в мечети, отдав дань памяти «великого стар-

ца». Подчеркивая, что все навалившиеся в последние годы несчастья - «землетрясение и невинно пролитая кровь на Кавказе, есть наказание за грехи, оба священника призывали всех помнить о Боге, которому «всю свою жизнь верно служил досточтимый покойный». (76)

Не менее проникновенно выступили армянские священники и на похоронах казья Гаджи Абдуль Меджида Эфенди, скончавшегося в июле того же 1906 г., не раз упоминая его заслуги в предотвращении братоубийственной войны. Армянами в знак уважения и благодарности была даже внесена определенная сумма во время строительства его гробницы. Матрасинские же армяне в знак уважения памяти Гаджи Меджида Эфенди обязались бесплатно привести 160 плит из каменного карьера близ армянского селения Мейсары для восстановительных работ в Джума-мечети. (77)

Автором двух последних сообщений, опубликованных в Бакинской прессе, был Мирза Алекпер Сабир, который глубоко верил в искренность армянских священников, и вместе с другими представителями шемахинской интеллигенции – А Саххатом, М. Хади и др. часто выступал с резко осуждающими армяно-мусульманскую резню статьями. Разделяя широко распространенное в то время мнение о виновности исключительно русских властей в случившемся, он призывал прекратить спровоцированную самодержавием братоубийственную бойню и восстановить старую дружбу между двумя народами. Однако, главным творением М.А.Сабира, на эту тему стало написанное им 1 июля 1905 г. и опубликованное в газете «Хаят» стихотворение, обращенное «К согражданам мусульманам и армянам»:

Когда идущий век единством осиян,
Когда благая цель не призрак, не обман
И в мыслях нет вражды, нет неотомщенных ран,
Кто родины сынов толкнет во вражий стан?
Откуда ж этот спор армян и мусульман?
Иль не рассеялся тот вековой туман?

Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора поддержку нам друг в друге обрести!
Когда один сосед нуждается в другом
И мощь родной страны в содружестве благом,
Какой же дьявол злой стучится в братский дом?
Всплывет ли косность вновь?
Вот, оглянись кругом:
Резня по городам, убийства и погром...
Довольно! Пощади, аллах! Мы ждем, мы ждем...
Сограждане! Пора! Идем! Нам по пути!
Пора собратьев нам друг в друге обрести! (78)

Увы, призыв великого гражданина и гуманиста М.А.Сабира не был услышан. Также не было услышано предупреждение другого азербайджанского литератора Мамед Саида Ордубади о губительности повторения событий 1905-1907 гг., разыгравшихся между армянами и азербайджанцами для будущего сосуществования этих народов. Известному писателю как никому другому были известны все трагические последствия этого противостояния. В 1911 году по горячим следам, на основе многочисленных показаний, 245 писем корреспондентов и других собранных материалов (более 600 единиц), представленных как с той, так и с другой стороны, им был создан уникальный уже для своего времени документальный труд - книга о бедствиях, обрушившихся на азербайджанский народ по вине армянских националистов под названием «Кровавые годы». В этой книге М.С.Ордубади, не ограничиваясь констатацией фактов и событий, пытался также анализировать причины, приведшие к межнациональным столкновениям. В отличие от расхожего в то время общественного мнения, в особенности среди революционеров, которые обвиняли царские власти не только в намеренном бездействии и попустительстве, но и в активном провоцировании резни, азербайджанский писатель, более глубоко проникал в суть этих событий, указывая четыре основные причины: 1. Армянский комитет Дашнакцутюн установил столь деспотический стиль правления, что вызвал на Кавказе ряд кровавых событий; 2. Правительственные чиновники продемонстрировали полное бессилие в период военных действий (запуганные армянским террором); 3. Невежество и отсталость азербайджанцев, не позволившие им дать адекватный ответ на армянские провокации; и наконец, 4. Мечта армян об автономии. (79)

Указанные причины, так же как и весь документальный материал, собранный М.С.Ордубади, опровергали утверждения русских революционеров, а также ряда зарубежных изданий того времени, будто власть сама натравила лояльное (в силу малой политизированности) мусульманское население на проникнутых революционным духом армян, стремясь запугать последних. За «революционностью» армян полностью игнорировалось уже тогда четко выраженное «националистическое устремление армян к автономии с целью создания «Великой Армении» при активной поддержке Лондона, Парижа и Америки на территориях Турции и Кавказа». (80)

Не в пользу азербайджанцев говорили и данные о последствиях этих кровавых событий: по общим подсчетам в ходе столкновений 1905-1906 гг. было разрушено около 158 азербайджанских и 128 армянских поселений и погибло, по разным оценкам, от 3 до 10 тыс. человек (81)

Однако, несмотря на то, что азербайджанцы «не имели организации, подобной «Дашнакцутюну», и действовали без конкретного плана» (82), плохо вооруженные и без элементарной военной подготовки, все же сумели дать отпор и противостоять хорошо организованным боевым отрядам армян. Не покинув свои исконные земли, они не дали осуществиться главной цели армянских националистов - освобождение территорий для вождя Ар-

мянского государства. Да и власти, остававшиеся практически безучастными к происходящим межнациональным столкновениям на Кавказе в течение 2-х лет, в конце концов, на волне подавления революционного движения, охватившего всю империю, остановили вооруженное противостояние между двумя народами, восстановив порядок и спокойствие в крае.

Как показали дальнейшие события, основной урок, который извлекли армяне из событий 1905-1906 гг. заключался в окончательном их убеждении, что для овладения территориями, населенными азербайджанцами, необходимо иметь над ними власть, подкрепленную хорошо вооруженной армией, или как минимум, иметь действующую власть в своих союзниках, совместно с другим малочисленным христианским населением Азербайджана. Все дальнейшие действия – массовое уничтожение мусульман, иными словами, этнические чистки на территориях будущей «Великой Армении», были уже делом техники.

Азербайджанцы, за исключением передовой интеллигенции, которой предстояло организовываться в политические партии и общественные объединения, и отстаивать права своей нации в предстоящих битвах за самосохранение народа, в большой своей массе последовали советам своих великих поэтов и писателей, призывающих их к гуманизму, миру и добрососедским отношениям.

Трагические события 1918 г., охватившие почти все города и уезды Азербайджана, в том числе город Шемаху и селения Шемахинского уезда, со всей наглядностью подтвердили эту истину.

3. Армяне в Шемахинских событиях 1918 года

Вести о отречении царя, Февральской революции 1917 г. в России и образовании Временного Правительства дошли до Шемахи в первых числах марта и ввергли все общество в смятение, которое очень быстро перешло во всеобщее ликование и радость. «Только некоторые представители власти, русские чиновники, принадлежащие к «черносотенным партиям» сильно растерялись и расстроились»- писал в эти дни Аббас Саххат, объясняя причину, приведшую население «в невероятно возбужденное состояние, ощущением долгожданной свободы и раскрепощения». (1)

2 марта городские власти собрали всех жителей города перед зданием Городской Управы. Населению объявили содержание телеграмм, полученных из Баку и Тифлиса, в которых подтверждалась новость о случившемся и описывались подробности свершения этого события. На следующий день уже само население - представители всех сословий и народов г.Шемахи, в том числе офицеры и солдаты городского гарнизона, собрались на площади перед русской православной церковью, где стихийно начался митинг. Полиция, «до этого не позволяющая собраться пяти лицам вместе, на этот раз безмолвно

стояла на стороне». Первым обратился к народу Имам Шемахи, председатель Мусульманского Меджлиса Бакинской губернии, губернский казий и муфтий Закавказского Духовного Управления Мустафа Эфенди Агазаде, который пояснил суть, цели и значение случившегося, и поздравил народ с обретением свободы. Одновременно Мустафа Эфенди подчеркнул важность и ответственность каждого в сохранении стабильности и спокойствия в обществе. Выступления других ораторов, в частности офицера и солдата военного гарнизона Шемахи, полные революционного содержания, а также невиданное доселе выражение радости и солидарности всего городского населения, ввергли городского голову Жупранского в такое состояние, что он потерял сознание. В тот же день в городе было получено телеграфное сообщение о необходимости образования Исполнительного Комитета. Чтобы оповестить об этом жителей на 3-й день городское население собрали во дворе Джума мечети. Выступивший на этом собрании Мустафа Эфенди озвучил необходимость создания новых структур управления, в частности Исполнительного Комитета и в общих чертах объяснил, каких лиц следует выдвигать в этот Комитет. Вечером того же дня наиболее известные представители городских жителей вновь собрались в здании городской управы для проведения выборов в состав Исполнительного Комитета. Однако пришло столько народу, что пришлось перейти в помещение армянской лютеранской церкви. Таким образом, 6 марта 1917 г. состоялись первые всеобщие выборы в Шемахинском обществе, которые прошли в достаточно бурной и беспокойной обстановке. Представителями в основном христианского населения выдвигались требования избрать ИК по партийному принципу, с чем не соглашались представители мусульманского населения, в основном не представленное в каких-либо политических организациях, а также духовенство. После долгих обсуждений и увещаний, наконец был избран Уездный Исполнительный Комитет из 19 человек, состоящий из 8 духовных лиц, 4 купцов, 3 чиновников, 2 юристов - судебных адвокатов и 2-х членов Городской Думы. Два последних лица были избраны в знак компромисса, вместо предложенных городским начальством 2-х членов городской управы. Собравшиеся потребовали распустить саму управу и провести новые выборы.

В состав Исполнительного Комитета от мусульманского населения вошли: Мустафа Эфенди Агазаде (губернский казий), Ахунд Аббаскули Абдул Гусейнзаде (городской казий), Мамед Таги Ализаде (член городской думы), Азад бек Годжаманбеков (будущий уездный комиссар), Аббас Саххат Мехтизаде (врач-поэт), почетные горожане Теймур бек Худавериев, Ханкиши бек Кафаров, Ширин бек Сафаралибеков, Ага Зейнал Абдин Атакишиев. От армянского населения в состав Исполнительного Комитета вошли представители обеих армянских церквей – архиепископ Баграт Вардазарянц и армяно-лютеранский пастор Караханянц, армянские деятели Сатурян, Атабекян, а также представители русского населения, русский священник Шемахинской местной команды Иоанн Федорович Богомолов, от молоканского населения

Карабанов, представитель военного гарнизона и др. Председателем Исполнительного Комитета был избран бывший член Первой Государственной Думы Мамед Таги Ализаде. Впрочем впоследствии как руководство, так и состав ИК неоднократно менялись, в силу быстро изменяющейся политической обстановки и соответственно, отношений между отдельными национальными группами населения. (2)

Общественно-политическая жизнь Шемахи заметно оживилась. Стали появляться разные комитеты, советы, общества. Почти всеми основными народами уезда были образованы Национальные советы. Так, очень скоро появились Шемахинский Мусульманский Национальный Совет, Армянский Национальный Совет, Комитет Русского общества гор. Шемахи. Вернувшись в Шемаху из других городов России азербайджанскими студентами было образовано «Бюро Ширванских студентов», как отделение общемусульманского студенческого съезда, поставившего своей целью провести просветительскую и агитационно-организаторскую работу среди мусульманского населения уезда, а также активно участвовать в работе Национального, Исполнительного и Продовольственного Комитетов. Активистами Ширванского студенческого бюро были студенты Гаджи Мурад Оруджалиев, Исмаил Хакки Вейсов, Солтан Мурад Алиев, Мохаммед Эмин Эфендизаде, а также Али Гейдар Караев – в будущем известный большевистский и советский деятель. (3)

Из старых городских структур сохранился пост Городской главы, который вскоре возглавил Теймур Ага Худавердиев, продолжала существовать также Шемахинская Городская Дума. Была образована должность уездного комиссара, на которую был назначен полковник в отставке Азад бек Коджаманбеков. Была также попытка образования нечто, вроде двоевластия, подобного в Баку. Так, на базе местного военного гарнизона был создан Совет солдатских и рабочий депутатов, противопоставляющий себя Исполнительному Комитету. Представителями Совета были проведены несколько манифестаций, в которые они пытались привлечь учащихся Шемахинского Реального училища и простых жителей города. Первые манифестации, проведенные под лозунгами свободы и равноправия, действительно получили всенародный характер, шествия по городу с остановками перед городскими общественными зданиями, церквями, Джума мечети, сопровождалось речами и музыкой. В ходе одной такой манифестации народ бросился на полицейских, вспомнив «все те мучения, унижения и несправедливости, которые они натерпелись от последних». Всеобщее настроение радости, царившие первое время в городе было столь высоким, что подействовало даже на заключенных, содержащихся в местной тюрьме, которые устроив беспорядки, требовали их также освободить. Лишь пригласив солдат из гарнизона, а также Мустафу Эфенди, городскому и тюремному начальству удалось успокоить заключенных и уговорить их потерпеть до получения новых указаний. (4)

Однако очень скоро возвышенные и радужные настроения в обществе пошли в убыль в силу стремительно набирающих сил экономических проблем,

выразившихся в первую очередь в нехватке продуктов питания, а затем и во все началом голода. К осени цены на продукты питания, особенно на хлеб и зерна повысились настолько, что среди бедных слоев населения участились смертные случаи от голода. Все это усиливало недовольство и напряженность в обществе. Немалую роль, как оказалось впоследствии, в этом сыграло и действие комиссара Шемахинского Продовольственного Комитета Атабекяна, фактически лишившего Шемахинский уезд той продовольственной помощи, которую он получал из Баку. В ходе расследования данного вопроса представителем Шемахинского Совета рабочих и солдатских депутатов Некрасова, выяснилось, что Атабекян не представил в Губернский Продовольственный Комитет доклад о предоставлении Шемахинскому уезду хлебного зерна в размере 2 миллиона с половиной пуда, о котором он ранее известил местные исполнительные структуры.

Мусульманские деятели, в том числе член Исполнительного Комитета Аббас Саххат считали это действие Атабекяна откровенной провокацией, о чем они открыто заявляли и даже написали в газете. (5) Добившись освобождение Атабекяна с этой должности, тем не менее, городским властям не удалось добиться исправления положения, несмотря на неоднократные обращения в соответствующие структуры в Баку и Тифлисе. История с Атабекяном усилило и без того враждебное отношение активных представителей армянского населения Шемахи против азербайджанцев. Одновременно саботажем мероприятий городских властей, в которой азербайджанцы были достаточно представлены, шла целенаправленная компания по нарастанию антимусульманских настроений в Шемахинском христианском обществе, подогреваемая Армянским Национальным Советом и местной организацией партии «Дашнакцутюн». Распространялись необоснованные слухи о якобы массовом вооружении азербайджанского населения, о том, что они собираются устроить «резню христианского населения», прячут в своих амбарах и складах зерно, чтобы уморить население голодом и т.д. Первыми подались на эти провокации представители Совета солдатских и рабочих депутатов, в основном единичные русские солдаты и отдельные чиновники, избрав объектом своей борьбы мусульманское население. Они стали обвинять мусульман «в реакционности и в национальном шовинизме, угрожали им четырьмя миллионами штыков, которые находились на турецком фронте». Мусульманам ставилось в вину также то, что якобы «они скрывали муку, мануфактуру и другие предметы первой необходимости», объявлялось «что будут обысканы их все сундуки и женские отделения». (6) Дело дошло до того, что на своих заседаниях Совет принимал такие решения, как разделить город на 56 частей, одновременно и неожиданно устроить обыск в целях изъятия оружия и продуктов, или же отправлять в Тифлис своего представителя для получения военной помощи против мусульман. «Бедные мусульмане, - писал Аббас Саххат в эти дни, - Все возвращается в круги своя. Нет ни местной демократической партии, ни активной рабочей партии. Подвергнутые к деспотии в период само-

державия, сейчас они испытывают тоже самое в современной России, поднявшей республиканский флаг». (7)

Не представлявшие сами по себе какую-либо серьезную угрозу, и не подержанные русским населением города в целом, в том числе и молоканами, члены Совета солдатских и рабочих депутатов, однако, имели в лице армян сильных союзников, что вселяло тревогу среди мусульманского населения. Как показали дальнейшие события, тревоги мусульман были не безосновательны. После расформирования местной команды и ухода военных сил из города, Совет солдатских и рабочих депутатов также перестал существовать, но перед тем как покинуть Шемаху, весь оружейный арсенал этого гарнизона был передан армянам. Не поставив в известность ни Уездного Комиссара, ни Исполнительный Комитет, и тем более Мусульманский Национальный Совет, армяне образовали местный гарнизон, состоящий исключительно из армян и молокан. Это событие и послужило к началу открытого противостояния армян с мусульманским населением Шемахи. Однако к этому событию предшествовали уже царившие в это время в Шемахинском обществе враждебное настроения и поведения армянской элиты, что было отмечено многими представителями азербайджанского населения: «С самого начала войны армяне начали проявить к нам, мусульманам ненависть и вражду. При встрече с армянами мусульмане подвергались всякого рода оскорблениям, не щадили армяне и мусульманской веры, понося ее скверными словами»; «С самого начала я заметил, что отношение армян к мусульман изменилось к худшему: они стали по отношению к нам высокомерны, сторонились нас, не приглашали нас на свои собрания и старались не допускать нас в общественные организации...»; «Еще задолго до переворота армяне стали вести себя агрессивно по отношению мусульман и проявить свою вражду к ним. После переворота же выступили открыто. Усиленно стали запасаться оружием, а мусульман отстранять и водворять из общественных учреждений». (8)

Вскоре отношение армян к мусульманскому населению стало проявляться в конкретных действиях. В конце 1917 г. обретающее все более широкие масштабы голод и разруха, привели к тому, что в уезде появились разбойничьи банды, в основном из мусульман, которые грабили и нередко убивали проезжих, независимо от их национальности - мусульман, армян, русских и др. То, что первопричиной увеличения числа таких банд, являлся именно голод, свидетельствовали факты, когда грабители отнимали не только какие-либо ценности, предметы, или скот, но как правило забирали всякую еду и продукты. Об одном таком случае говорилось в корреспонденции в газете «Ачыг соз», когда Шемахинскому уездному комиссару Азад беку Годжаманбекову и его заместителю Ханкиши беку Кафарову удалось найти и арестовать группу грабителей, напавших на фэтон с азербайджанскими женщинами. Арестованными оказались жители сел. Муганлы соседнего Кюрдамирского участка, которые, вместе с разными вещами забрали у женщин небольшой кусок хлеба, которого те взяли себе на дорогу. «Пока не будет устранена сама причина образования этих

банд, отдельными арестами их не искоренить» - говорилось в публикации. (9) Однако, шемахинские армяне и молукане не считались не только с этим важным фактором. Они обвиняли в этих нападениях всех мусульман, выражая свое недовольство представителям азербайджанцев, «не желая считаться с тем, что шайки не различали армянина от мусульманина» и, что «все мусульманское население не могло нести ответственность за выступление отдельных разбойничьих банд». (10) В Шемахинском Исполнительном Комитете, был поставлен вопрос о создании смешанного отряда милиции, который должен был наблюдать за порядком в Шемахе и уезде. Создание совместного милицейского отряда было возложено на гласного Городской Думы Садык бека Агаларова, податного инспектора Соколова, Рачия Сатурянца и прапорщика Кокицари. Группа за два дня составила смету и представила в Исполнительный Комитет. Однако армяне, составляющие уже большинство в Исполнительном Комитете, начали оттягивать создание отряда под разными предложениями, наконец, заявили, что надо создать армянский батальон. Мусульмане протестовали. Тогда армяне согласились допустить в батальон молукан, но не мусульман. Мусульмане через своего представителя выхлопотали в Тифлисе в Закавказском Комиссариате право на участие мусульман в этом батальоне. «Армянам это не понравилось. Их солдаты стали покидать казармы, и батальон так и не был создан». (11)

Тем не менее, при Комиссаре уезда была учреждена должность особо уполномоченного, исполняющего обязанности начальника милиции, на которую был назначен Тарлан бек Алиярбеков. По поручению Губернского Комиссара он набрал около ста милиционеров, с помощью которых вскоре дорога между Кюрдамиром и Шемахой была очищена от разбойников, и в самом городе прекратились грабежи и разбои. (12)

Однако, уже тогда, когда решался вопрос о вооружении отряда милиции, руководство местной Команды, в лице Совета депутатов и армян, отказало выдать оружие, принадлежащие бывшей полицейской страже и хранившиеся в военном арсенале команды. Передача же командой своего склада армянам без ведома городских и уездных властей, как уже выше отмечалось, еще более усугубило положение. Армяне и молукане, овладев складом оружия и военных припасов, решили сформировать вместе ушедшей команды гарнизон с условием, что там могут служить только запасные. Так как мусульмане не служили в войсках, то запасных у них не было, и такое условие лишало мусульман права участвовать в гарнизоне. Представители азербайджанцев во властных структурах Шемахи стали добиваться включения мусульман в состав гарнизона и, не смотря на противодействия армян, получили разрешение от Закавказских властей. Армяне и молукане категорически отвергли требование мусульман, чтобы состав гарнизона был пропорционально численности населения. Однако пришли к согласию, что в гарнизон войдут 125 армян и молукан и 125 мусульман, при этом армяне и молукане содержались на счет казны, а мусульмане на счет общества. Начальником гарнизона стал армян-

ский офицер Гюльбандов, затем прапорщик Артамонов, бывший учитель из сел. Джобаны-русские, активный агитатор против мусульман. «В казармах армяне сторонились от мусульман и даже обижали их. При этом замечалось хищение армянами ружей и патронов из цейхгауза, напр., из двухсот тысяч патронов осталось только сто тридцать тысяч». (13) Усиленное стремление армян к вооружению стало замечаться все больше, что приводило к нарастающему напряжению между армянами и мусульманами. Армяне возвращались с фронта в полном вооружении, и очень часто случалось, что один солдат нес три ружья.

22 декабря 1917 года Шемахинский Уездный Комиссар получил телеграмму из Кюрдамира о похищении из Кюрдамирского цейхгауза оружия. Было выяснено, что оружие похищено армянами и под конвоем армянского отряда, командиром которого являлся прапорщик армянин Иванов, на нескольких фургонах отправлено в Шемаху. Отряд был настигнут в сел. Ахсу. Армяне отказались вернуть оружие. Возбужденные окрестные крестьяне разгромили фургоны и растаскали оружие.

После этого случая городской голова Теймур Ага Худавердиев созвал в помещении городской управы представителей армян и мусульман с целью выяснения создавшегося положения. На этом совещании азербайджанские общественные деятели впервые напомнили армянским представителям события 1905 года, когда «почти везде мусульмане выступили против армян, где было смешанное население, а Шемахинские мусульмане не выступили против них, хотя были тогда хорошо вооружены и превосходили армян численностью так, что могли всех вырезать без потерь с их стороны». Настойчиво подчеркивая, что мусульманское население не желает братоубийственной войны, как не желало ее в 1905 году, лидеры шемахинских мусульман «указали армянам на все их начинания, носившие враждебный характер по отношению к мусульманам». (14)

На упрёки и призывы мусульманских представителей прекратить противостояние и восстановить добрососедские отношения «армяне то отмалчивались, то неудачно оправдывались, или же говорили о братских чувствах к мусульманам. Но в их ответах чувствовалась неискренность». (15) Одновременно азербайджанские общественные деятели: Азад бек Коджаманбеков, Муфтий, Казий, Асаф Шихалибеков, Теймур-бек Худавердиев, Ахунд Джафар-Кули и другие призывали мусульманское население к спокойствию и мирной жизни с армянами и убеждали их, что со стороны армян мусульманскому населению никакая опасность не угрожает. «Армяне пользовались этим». (16) Вместе с тем был создан т.н. Межнациональный Совет, который должен был предотвратить или разрешить какие-либо противодействия и разногласия, возникшие на национальной почве.

В начале января 1918 года известный азербайджанский общественно-политический деятель Исабек Ашурбеков сообщил шемахинцу Мамед Али беку Вейсову, что из Баку отправлено двенадцать фургонов разных снарядов

в Шемаху для раздачи между крестьянами-армянами Шемахинского уезда. В Шемахинском Межнациональном Совете, обсудившем этот вопрос, было постановлено, что два фургона этих снарядов будут переданы мусульманскому населению в лице Мусульманского Комитета. При этом азербайджанские власти Шемахи убедили крестьян окрестных мусульманских селений, в том числе сел. Марази, собирающихся напасть на этот транспорт с оружием, что оно не будет использовано против мусульман, и чтобы они пропустили фургоны с оружием. Население мусульманских селений повиновалось. В конце концов, мусульманам не удалось ни воспрепятствовать перевозке этой партии снарядов и оружия, ни хотя бы получить часть ее, и оружие было доставлено по назначению, т.е. в армянские и молоканские селения. (17)

С началом 1918 года Шемахинские армяне стали усиленно продавать свое движимое и недвижимое имущество и уезжать в разные города или же в укрепленные армянские селения, такие как Матрасы, Сагян и др., что вновь было с тревогой замечено мусульманским населением. Одновременно продолжали поступать все новые и новые сведения о направляющихся в армянские селения многочисленных отрядов вооруженных армянских солдат и партий снарядов и оружия. (18)

В первой половине февраля Шемахинский мусульманский комитет от Бакинского комитета Азербайджанского Национального Совета, а Шемахинский Армянский Комитет от своего совета получили телеграммы о том, что из Баку в Шемаху следует отряд бывших солдат-армян и с просьбой принять меры к недопущению эксцессов. Однако в телеграммах не было указано, в каком количестве и по какой дороге отправляется этот отряд, и только в телеграмме Армянскому Комитету было сказано, что отряд следует с оружием. Вовлечение Азербайджанского Национального Совета в Баку к этому вопросу, без уведомления, что отряд сопровождает большой транспорт с оружием, свидетельствует, что армяне всячески скрывали факты перевозок целых партий оружия в Шемаху, одновременно пытаясь обезопасить передвижение армянских войск. Тем не менее, Азербайджанский Национальный комитет Шемахи предупредил Кюрдамирский Комитет о следовании отряда и о недопущении в отношении его каких-либо выступлений. Был предупрежден также старшина азербайджанского селения Маразы, поскольку не было известно, по какой дороге последует отряд армянских солдат. Шемахинский армянский архиепископ Баграт также отправил телеграммы на имя Кюрдамирского комиссара и Мусульманского Комитета в Кюрдамире с извещением о следовании отряда, и с просьбой о недопущении эксцессов. Телеграммы эти были отправлены от имени Межнационального Совета, без ведома самого Совета, что вызвало подозрение у азербайджанцев, которые потребовали обсудить этот вопрос. Однако Баграт уклонился разными предложениями и совещание Совета не состоялось.

В конце концов, оказалось, что отряд с большим транспортом разного оружия не пошел ни по Шемахинской дороге через Маразы в Шемаху, ни

через Кюрдамир, а, не доезжая до станции Кюрдамир, тайно высадился на подстанции Падар и по степи направился в армянские селения, расположенные в горах. По дороге, которая проходила через сел. Биджов, отряд убил двух случайно встретившихся крестьян-пастухов из сел. Кошад. Когда весть об этом убийстве дошла до сел. Биджов, то сельчане, предположив, что на них собираются нападать кочевые банды шахсеван из Иранской стороны, устроили засаду, послав предварительно на встречу предполагаемой банды шахсеван несколько почетных стариков для переговоров. Старики не вернулись, а армянский отряд приближался к Биджову. Тогда сидевшие в окопах крестьяне произвели несколько выстрелов в воздух. На эти выстрелы отряд дал залп, которым были убиты десять человек биджовцев. Завязалась перестрелка и уже все селение участвовало в бою, в котором обе стороны понесли человеческие потери. Армянскому отряду удалось прорваться. Как выяснялось позже, посланные на встречу отряду биджовские старики были убиты армянами, а сам отряд шел окружным путем и убивал всех мусульман-свидетелей, поскольку нес целый арсенал оружия и снарядов. Телеграммы же из Баку были посланы без указания дороги преследования, чтобы отвлечь внимание жителей окружающих селений. (219)

Биджовские события фактически стали первым вооруженным столкновением между мусульманским населением Шемахи и армянами, которые всколыхнули все азербайджанское общество уезда, требовавшего от своих представителей решительных действий. Для армянских лидеров Шемахи такого рода противостояния также были нежелательны, поскольку подталкивали азербайджанцев к ответным мерам и, главное, сводили на нет фактор неожиданности нападения. Поэтому, серьезно обсудив этот инцидент, обе общины приняли решение, что отныне армянские солдаты, возвращавшиеся, якобы в свои селения, должны были отправляться без оружия. Азербайджанским властям Шемахи и на этот раз удалось успокоить население и сдержать их от каких-либо выступлений.

Однако напряженность в обществе, как в азербайджанском, так и в армянском не спадала, и простые армяне, более осведомленные о планах своих соплеменников, так или иначе проговаривались, а иногда и открыто предупреждали своих знакомых азербайджанцев: «В первых числах марта был я у шемахинца парикмахера Ованеса, во время разговора с ним он мне сказал, что ложась спать он молится Богу, чтобы Он скорее послал землетрясение для Шемахи. Я стал упрекать его за это. Тогда он объяснил мне, что Шемаху ожидает другое, более страшное, чем бывшее землетрясение»; другой армянин, портной по имени Бабаджан открыто заявил Мамед Али беку Вейсову: «что это вы, мусульмане, постоянно призываете к тишине и спокойствию, чтобы не произошел пожар. Рано или поздно, чем скорее, тем лучше»; Старики армяне из сел. Келакханы предупреждали помещиков Шихалибековых о надвигавшихся опасностях, предлагая им переехать из своих имений в более безопасное место; Армянка из сел. Матрасы предупредила жителя Шемахи

Мешади Баги Абас Али оглы, что отряд из 70 солдат-армян, выехавший из Баку и сопровождавший 10 фургонов с военными снарядами «направляется в Шемаху не с доброй целью, что за ним следует из Баку еще больший отряд, и советовала ему и другим мусульманам спастись». (20)

Безусловно, как азербайджанская, так и армянская общины Шемахи подерживали тесную связь с Азербайджанским и Армянским Национальными Советами в Баку и были в курсе сложившегося положения в Баку, где напряженные отношения между различными политическими силами обострялись с каждым днем все больше и больше. (21)

Хронология событий, происходящих в Баку и Шемахе начиная с 1918 г. позволяет утверждать, что существовал единый план и сценарий относительно азербайджанских национальных сил и азербайджанского населения обоих городов и уездов, тщательно подготовленный и целенаправленно осуществляемый большевистско-дашнакским союзом, обосновавшимся в Баку. Понятно, что Азербайджанские деятели, открыто сталкивающиеся с действиями этого союза, по мере своих возможностей старались также предупредить шемахинцев о надвигающейся опасности.

Так, во второй половине марта 1918 г. в Шемахе были получены сведения из Баку, что отряд армянских войск от двух до трех тысяч человек и с 60 фургонами оружия и снарядов, включая пушки и пулеметы, под командованием Артамонова, в полном боевом порядке едет на Шемаху. Сведения эти стали поступать сразу через разные каналы. Так, 12 марта (по старому стилю) один из руководителей мусульманской социал-демократической партии «Гуммет» С.М.Эфендиев, шемахинец, сообщил по прямому проводу о вступлении многотысячного вооруженного отряда из Баку в Шемаху городской главе и председателю Мусульманского Национального Совета Теймур-беку Худавердиеву и его товарищу Гаджи Сафтару Гасанову. Этот же факт подтвердил представитель шемахинцев в Баку Абяль Касум Эмин-Заде. Через день рано утром приехали в Шемаху из Баку представители партий «Мусават» и «Гуммет», которые предъявив свои документы Теймур беку Худавердиеву, сообщили ему, что означенный отряд в тысячу двести человек идет в Шемаху «чтобы ее завоевать и подчинить своей власти, что после завоевания Шемахи он отправится в г. Геокчай, где соединиться с тамошними армянами, оттуда уже через Арешский уезд в г. Нуху, и там укрепиться, и будет в ожидании прибытия из Баку другого отряда с броневиком в Евлах; к этим двум отрядам должен будет присоединиться третий из Шуши, и все три отряда двинутся на Елисаветпол, главный очаг всех мусульманских интриг, причем отряды по пути следования должны разрушать мусульманские села, чтобы обезопасить себе тыл». (22) В эти же дни в Шемаху стали приезжать шемахинцы, проживающие в Баку, а также кюрдамирцы, наслышанные и встревоженные вестью об ожидаемом нападении на Шемаху, с целью «предупредить Шемахинских мусульман и путем переговоров с армянами устранить надвигающуюся беду». (23)

Азербайджанские представители Шемахи сообщили все эти сведения представителям армян, был сделан запрос в Баку для уточнения информации. Член Армянского Национального Совета, шемахинец Атабеков подтвердил отправку вооруженного отряда. На упоминание шемахинцев, что после Биджовских событий было постановлено, чтобы армянские солдаты отправлялись без оружия, Атабеков ответил, что отряд отправлен Советом Солдатских и рабочих депутатов и поэтому сумеет дойти до места назначения. (24)

Тогда было решено составить делегацию из азербайджанских и армянских представителей и отправить ее на встречу к отряду, чтобы выяснить, какие цели он преследует, предложить ему обойти Шемаху и сдать все оружие в Шемахинский гарнизон. В делегацию вошли с азербайджанской стороны - Азад бек Коджаманбеков, казий Абдул Халых Эфенди и Асаф бек Шихалибеков, со стороны армян: архиепископ Баграт, армяно-лютеранский пастор Караханянц и Михаил Арзуманов. Делегация отправилась в селение Маразы-русские, где узнала что, отряд направился уже в молоканское селение Козлу-чай (Хильмили). Из Маразы Азад бек Коджаманбеков отправил в Шемаху стражника с посланием, который прибыв в 5 часов утра в город, сообщил азербайджанским представителям, что в отряде находятся 600 лошадей, восемь орудий и двенадцать пулеметов, и что по пути отряд встретил восемь человек мужчин мусульман, одну женщину и двоих детей, и всех их убил. Коджаманбеков также передал через стражника, что он опасается за судьбу Шемахи, так как отряд едет в полном боевом порядке и предложил немедленно предпринять меры. Сама делегация отправилась в Козлу-чай для встречи с отрядом.

Азербайджанские власти Шемахи немедленно вызвали начальника милиции Тарлан бека Алиярекова из Ахсу, в город стали стекаться крестьяне окрестных деревень. На следующий день делегация вернулась в Шемаху и на совещании, устроенном в доме Муфтия, где собрались члены Азербайджанского Национального Комитета и наиболее видные горожане и представители Азербайджанского общества, сделала сообщение. Вначале выступил армянский архиепископ Баграт, который подтвердил, что отряд шел в Шемаху, где должен был оставить часть солдат, а остальные должны были отправиться в сел. Матрасы. Но по настоянию делегации он изменил свое намерение и, миновав Шемаху, пройдет прямо в Матрасы. Отвечая на вопросы азербайджанцев, он также добавил, что отряд состоит из трехсот молокан Шемахинского уезда, а остальные девятьсот человек армяне разных уездов, как-то: Геокчайского, Шекинского (Нухинского) и даже Эриванского, а также Шемахинского. На вопрос, зачем эти отряды идут в Шемаху, архиепископ ответил, что они направляются домой через Шемаху, поскольку другие дороги закрыты и небезопасны. Далее он сообщил, что оставшиеся в Матрасах армяне восстановят порядок в Шемахинских казармах, обезоружат крестьян окрестных селений, будут оказывать помощь Шемахинскому комиссару, откроют и обезопасят пути сообщения. При этом армянский архиепископ не упомянул в сво-

ей речи о том, армяне встретили делегацию более чем агрессивно, хотели даже взять азербайджанцев в заложники, и ему самому еле удалось отговорить их. Несмотря на определенно успокаивающее изложение ситуации Багратам, собравшийся народ не был удовлетворен услышанным. После стало известно, что руководители отряда – армяне и русские не скрывали своих намерений относительно мусульманского населения Шемахи, заявив мусульманским членам делегации следующее: «что вы думаете, что вы являетесь хозяином этой земли? Нет, хозяином являемся мы, и мы вам покажем, как надо подчиняться власти!»; «через дней десять выйдет из Баку отряд с двумя броневиками, разрушит надежное мусульманское селение Кюрдамир, и мусульмане будут со всех сторон окружены и побеждены»; «мы пришли не для того, чтобы вернуться обратно, а окончательно разорить Шемаху и перебить все мусульманское население. (25)

Шемахинский уездный комиссар Азад бек Каджаманбеков также подтвердил, что хотя в переговорах командиры отряда - Артамонов и армянские офицеры в общем-то заявляли, что не преследует воинственных целей, что отряд намерен водворить в уезде порядок и уничтожить разбойничьи шайки, однако сдать оружие в Шемахинский гарнизон они категорически отказались, и согласились пройти в сел. Матрасы обходя Шемахи лишь после долгих настояний делегации. Из всего увиденного и услышанного Азербайджанские представители сделали вывод, что отряд явно преследует другие задачи, и хотя обещал пройти мимо Шемахи, но может не сдержать слово. В тот же вечер прибывшие в Шемаху наемные солдаты-азербайджанцы подтвердили факт убийства отрядом по пути следования в районе Джанги 11 мирных жителей, в том числе женщин и детей, и что отряд из Козлы-Чая чрез Чухур-Юрт направится в Шемаху. В этот же вечер из ближайшего селения Ангехаран «прискакал верховой и сообщил, что Чухур-Юртские молокане, старики, предупредили их, чтобы они ушли куда-либо в безопасное место, так как отряд при следовании чрез Ангехаран может напасть на них». (26)

Азербайджанские представители, обсудив создавшуюся ситуацию и взвесив соотношение сил, решили в первую очередь послать в Тифлис в Закавказский Комиссариат ходатайство о присылке помощи для защиты мусульманского населения от вооруженного нападения армян и большевиков. Однако события развивались уже с такой нарастающей скоростью, что рассчитывать на какую-либо помощь Закавказских властей вовсе не пришлось.

В этот же день произошел небольшой инцидент в Шемахинском гарнизоне, переросший в открытую перестрелку в городе с печальными последствиями. Так, армянские и русские солдаты, решив, что вызванный срочно в город Тарлан бек Алиярбеков назначен командиром гарнизона, стали грабить склад оружия. Узнав об этом, собравшиеся в городе вооруженные жители из окрестных селений бросились к гарнизону, пытаясь помешать солдатам, грабить. Произошла перестрелка между солдатами гарнизона и местными мусульманами, с обеих сторон были раненые. Прибывшие на место Азад бек

Коджаманбеков и Тарлан бек Алиярбеков успели лишь приостановить разгром последних патронных ящиков, и с трудом успокоить мусульман, после чего прекратили стрелять и армяне, порядок был восстановлен. Однако в это время были получены сведения, что армянский отряд выступил из Козлы-Чая и движется на направлении к Шемахе.

Напряжение и нервозность населения нарастало. «Все ожидали каких-то событий». Азербайджанские власти стали предпринимать конкретные меры для защиты города. Под командованием Тарлана бека Алиярбекова отряды стражников и милиции заняли подступы к городу со стороны сел. Чухур-Юрт, чтобы не пропустить отряд в город. Также был сформирован отряд из мусульман-добровольцев шемахинцев и сельчан, которому приказано было окопаться по дороге между Ангехараном и Шемахой, и в случае, если армянский отряд направится в Шемаху, не допустить его, если же он пойдет мимо Шемахи, то не допускать никаких столкновений. Шемахинское духовенство - Муфтий Мустафа-Эфенди, Гаджи Ших-Габиб и Ахунд Джафар Кули просили крестьян не поддаваться провокации и заклинали их на свои чалмы, чтобы они первые не произвели ни одного выстрела. (27)

На другой день (15 марта по старому стилю) в 5 часов утра было получено сведение, что отряд благополучно преследовал через Ангехаран, и направился в сел. Матрасы через Мейсары. Однако спустя час после этого в городе поднялась тревога, что со стороны Мейсары и Матрасы армяне наступают на Шемаху. Началась стрельба из пушек со стороны Матрасы, на что мусульмане, сидевшие в окопах, тоже открыли огонь. «Благодаря тому, что мусульмане не оставляли своей позиции, армяне в этот день не могли занять город. Бой продолжался до 4 часов вечера, видя, что ничего не могут сделать, армяне стали отступать на Матрасу. Я не пустил дальше стрелять мусульман, успокоил их, что армяне сдадут все привезенное им оружие в местный гарнизон и этим сегодняшней конфликт кончился» - показывал позже Тарлан бек Алиярбеков. (28)

В результате этой перестрелки с обеих сторон были жертвы, однако столкновения на этом не закончились. «При отступлении мусульман армяне, проживающие в верхней части города, из своих домов и дворов открыли по ним стрельбу, полагая, по всей вероятности, что мусульмане будут стрелять в них. На эти выстрелы мусульмане тоже открыли огонь. Когда об этом стало известно в Нижней мусульманской части, то мусульмане избрали почетных людей, которые по двум дорогам отправились наверх, чтобы выяснить недоразумение и прекратить стрельбу. Когда делегация проходила мимо дома врача Сазонова и почтальона, тогда в нее из дворов этих домов была открыта стрельба армянами. Крестьяне-мусульмане из мести подожгли эти два дома, которые и сгорели со всем имуществом». (29) Так объяснял этот единственный случай, когда мусульманское население напало на Верхнюю часть города, где проживало в основном армянское и русское население, и учинила разгром и поджог несколько домов, Мамед Али бек Вейсов человек, бывший в

гуще всех событий, происходящих в эти дни в Шемахе. Это событие, повлекшее за собой гибель людей с обеих сторон, в том числе армянского лютеранского пастора Кахраманянца, глубоко омрачило все городское общество, в том числе мусульманское. Среди подожженных домов оказался и дом глубоко чтимого среди мусульман русского врача Сазонова, которого вместе с семьей приютила азербайджанская семья Саламовых. Хотя представители азербайджанских властей – Азад бек Коджаманбеков, Тарлан бек Алияреков и др., объездив город, быстро восстановили порядок и успокоили бесчинствующие отряды мусульманских крестьян, однако вынуждены были признать, что уже «не были в силах их удержать». (30)

Таким образом, азербайджанским властям Шемахи по многим объективным причинам не удалось ни помешать продвижению вооруженного отряда в укрепленное армянское село Матрасы, ни, тем более, разоружить и обезвредить его. Однако, присутствие в городе несколько сот вооруженных крестьян из окрестных селений, готовых к бою отрядов милиции и решимость мусульман отстоять город с оружием в руках с одной стороны, и возможные при этом случаи расправы над армянским населением с другой, всерьез озадачили армян. Можно предположить, что именно эти обстоятельства вкупе послужили тому, что нападение в этот день армяно-большевистских войск на город Шемаху не состоялось.

В тот же день городской голова Теймур бек Худавердиев получил письмо от архиепископа Баграта с выражением сожаления по поводу печального недоразумения и с предложением собрать Межнациональный Комитет для выяснения положения и примирения. Совещание проходило в доме Лалаева, присутствовали представители всех народов - жителей Шемахи – азербайджанцы, армяне, русские и молokane, грузины. После недолгих разговоров, в ходе которых все участники говорили о необходимости восстановить прежние добрососедские отношения, был заключен мир, который был закреплен в Акте, подписанном духовными лидерами мусульман и армян, а также представителем русского населения. На этом же совещании было решено послать в Матрасы парламентаров для переговоров с представителями отряда. Парламентарями были избраны двое азербайджанцев и один армянин. По дороге их встретили вооруженные люди, завязали им глаза и привели в Матрасы, где разместили в отдельных комнатах. В течение последующих двух дней армяне неоднократно выдвигали разные требования, то по составу парламентаров, то по месту назначения встреч для переговоров, которые каждый раз принимались азербайджанской стороной, но не привели к каким-либо результатам. (31)

На следующий день – 16 марта (по старому стилю) в Шемахе были устроены торжества по случаю заключения мира, состоялось шествие по городу представителей всех наций с музыкой и речами. «Шемахинский армянский епископ Баграт сказал, что «я отдам свою голову на отрез, если с армянской стороны будет какое-либо выступление против мусульман». Примирение бы-

ло скреплено на бумаге представителями трех наций». «Было объявлено, что нарушители мира будут караться смертной казнью. Мусульмане успокоились и радовались. Все вооруженные мусульмане - не шемахинцы, были отпущены по домам». (32)

17 марта в городе состоялись торжественные похороны убитого два дня назад армяно-лютеранского пастора Кахраманянца. «Похоронная процессия шла с белыми флагами. Армяне уверяли всех, что никакого вооруженного выступления больше не будет, что между армянами и мусульманами заключен мир». (33) Мусульмане, поверив, что опасность действительно миновала, окончательно успокоились, почти все оставшиеся в городе вооруженные крестьяне покинули Шемаху и разошлись по своим селениям. Вместе с тем, азербайджанские деятели, так и не дождавшись от Матрасинских армян ответа, обратились к архиепископу Баграту с просьбой разъяснить эту игру. Архиепископ высказал свое удивление и неудовольствие, сказав, что сам отправится в Матрасы и убедит армян и представителей отряда принять заключенный между Шемахинскими мусульманами и армянами мир. 17 марта около 5 час. вечера архиепископ Баграт поехал в Матрасы, откуда уже не вернулся, и никаких сообщений ожидавшему ответа Межнациональному Комитету не прислал.

На следующий день – на рассвете спящий город был разбужен залпами орудий. «18 марта, утром, я услышал со стороны сел. Матрасы один глухой холостой пушечный выстрел, такой же выстрел в ответ на первый я услышал со стороны сел. Джобаны-русские, где живут молукане. Мне показалось, что это условные сигналы. Через час-полтора начался обстрел нижней мусульманской части города из пушек и ружей» - вспоминал позже Князь Леван Георгиевич Вачнадзе, чиновник Министерства Земледелия и Государственных Имуществ. (34)

Оказалось, что город окружен армянами и молуканами, которые открыли пушечную стрельбу по Шемахе, а в самой Шемахе начался обстрел Нижней мусульманской части со стороны Верхней армянской части города. В это же время армяне пошли на наступление из Матрасов. Шемахинские мусульмане с оставшимся в городе небольшим числом крестьян также взяли за оружие. Под командованием Шемахинского уездного комиссара, бывшего полковника царской армии Азад бека Коджаманбекова были созданы отряды, которые пытались задержать наступление армян на подступах Шемахи, тем самым, предоставив мирному населению возможность покинуть город. Приглашенные незадолго до этих событий в Шемаху для обучения азербайджанскую молодежь военному делу два турецких офицера также с небольшими отрядами шемахинцев вели бои против Матрасинских армян в долине вдоль Зогалава-чая, и на несколько часов сдержали натиск наступающих войск. (35) Тарлан бек Алиярбеков пытался организовать защиту мусульманской части города.

«Мусульмане держались до 12 часов дня, пока молокане со стороны сел. Джобаны не ударили им в тыл, открыв при этом стрельбу из пушек. После этого выступления мусульмане растерялись. Когда армяне-горожане заметили растерянность мусульман, они спустились с Верхней части со стороны лютеранской церкви и со стороны «Пиран-Ширвана» в Нижнюю часть и приступили к поджогам домов». (36)

Обстрел Шемахи с двух сторон – армянской Матрасы и молоканской Джобаны продолжался до вечера. К этому времени пожаром была уничтожена самая престижная часть города – «Пиран-Ширван», богатые жилые кварталы принадлежащие мусульманам. Армяне из-за углов убивали всех - покидавших горевшие дома или пытавшихся спасти что-либо из своего имущества. Начались грабежи. К вечеру стрельба из пушек прекратилась, но армяне-шемахинцы продолжали обстреливать Нижнюю часть. Ночью представители мусульман собрались в доме городской головы Теймур бека Худавердиева, где было принято решение сдаваться без всяких условий и послать к армянам парламентаров. Ахунд Джафар-Кули и врач Сазонов отправились в Верхнюю часть к армянам и передали им пакет с решением мусульман. В 4 часа ночи из Матрасов был доставлен ответ, в котором армяне требовали от мусульман выдачи всего оружия к 9 часам утра, а русские к 2 часам дня. Мусульмане согласились и попросили продлить время сдачи оружия до 2 часов дня. На следующий день мусульманское население выдало все свое оружие армянам и молоканам, но и после этого поджоги мусульманских домов, грабежи и убийства продолжались еще несколько дней. Улицы были полны трупами мусульман - мужчин, женщин, стариков и детей. Армяне и молокане толпами врываются в дома мусульман, вымогали деньги под угрозой убийства или поджога дома, грабили все ценности, то, что не могли увозить, громили и сжигали, при этом нередко убивали всех попавшихся им в глаза жителей. Так, уже в первые дни были полностью уничтожены восемь семейств и убиты сотни мирных мусульман. Награбленное имущество на арбах и фургонах увозили в армянские и молоканские селения. «Настали невозможные дни для мусульман. Никто не мог выходить из дома, не рискуя жизнью, да и у дома сидящих под угрозой смерти отнимали деньги; бывали и такие случаи, что вызывали десятками лиц в управление образовавшейся в городе армянской власти и лица эти из управления пропадали неизвестно куда». (37)

Начались поиски, аресты и убийства видных представителей мусульман, которые вынуждены были скрыться или разными путями уйти из города. Хотя после вмешательства «опомнившихся молокан» на третий день погромов наступило «видимое спокойствие», однако бесчинства и насилия не прекращались, пока в Шемаху не вступили азербайджанские войска из Гянджи во главе с Исмаил Ханом Зиадхановым. (38) Слухи о том, что из Гянджи идет вооруженный отряд на выручку Шемахинским мусульманам заставили армян и молокан в спешке покинуть город.

Известный к тому времени русский и азербайджанский политический и общественный деятель, юрист, депутат I Государственной Думы Исмаил Хан Зиадханов лично возглавил вооруженный отряд гянджинцев из нескольких сот всадников, который вошел в сожженную и разгромленную Шемаху, еще не успевшую похоронить своих зверски убитых жителей. Покинувшие город представители мусульманских властей вернулись в Шемаху. Обсудив с ними создавшееся положение, Исмаил Хан вместе со своим отрядом стал преследовать армян и повел наступление на Матрасы. Здесь между азербайджанским отрядом и матрасинскими армянскими войсками завязался бой, в ходе которого армяне оставили Матрасу и отступили в молоканское селение Козлу-чай. Матрасы было взято войсками Исмаила Хана и разгромлено, но не сожжено и не разрушено. (39) Здесь же мусульманские войска обнаружили четыреста пятьдесят мешков муки, двадцать пять бочек соленой рыбы и огромное количество копченого мяса, что говорило о том, что армяне делали большие запасы. (40)

Исмаил Хан вызвал из Козлу-чая представителей молокан, которым предложил выдать армян или же удалить их из селения. Молокане попросили два дня срока, обещав выполнить его условия. Однако через два дня отказались выдавать армян и потребовали, чтобы их пропустили вместе с армянами. Исмаил Хан не согласился и двинулся на Козлу-чай. Вступив с армянами в перестрелку, Исмаил Хан убедился, что армянские и молоканские войска превосходят его отряд численностью в несколько раз. Стало известно, что из Баку прибыли новые армянские войска с большим транспортом оружия, противостоять которым отряд Исмаила Хана был не в состоянии, и гянджинцы отступили в Шемаху. Здесь Исмаил Хан собрал народ и предложил всем немедленно оставить город и выехать, кто куда может, предупредив, что ожидается нападение и, что армяне не пощадят никого. Среди населения началось смятение и паника, особенно после отказа Исмаила Хана задержаться в городе хотя бы на день, чтобы народ успел собраться и захватить с собой что-либо из имущества. В ту же ночь Исмаил Хан с отрядом уехал из Шемахи, и вместе с ним покинуло город большое число населения, оставив на произвол судьбы свои дома и имущество. В Шемахе осталась в основном беднейшая часть населения, много мужчин, которые отправив свои семейства, не пожелали покинуть свои дома и хозяйства, а также больные, старики, женщины и дети, которым некуда было выехать. Покинули город и некоторые известные представители мусульманского общества Шемахи, тем самым спасая свою жизнь, поскольку, как показали дальнейшие события, все оставшиеся в городе общественные деятели мусульман и представители духовенства были зверски замучены и убиты армянами.

Однако ни в этот день, ни в последующие 3 дня ожидаемого наступления армян не последовало, и обманутые наступившим затишьем почти половина горожан - около трех тысяч человек, ушедшие в соседние селения, Кюрдамир и т.д., вернулись в Шемаху. Прожили они в своем городе всего два, как оказалось, по-

следних дня. В десятых числах апреля в 3 часа дня армянские войска во главе с небезызвестными Степаном Лалаевым и Татовосом Амировым окружили Шемаху и затем как смерч пронеслись по городу. Были разгромлены, разрушены и сожжены до основания все без исключения дома, торговые и гражданские объекты, принадлежащие мусульманам. Город был охвачен пожаром и к следующему утру совершенно уничтожен. Оставшееся в Шемахе население было расстреляно, вырезано и перебито с особой жестокостью. Пытавшихся покинуть город горожан ловили на дорогах и расстреливали там же. При этом не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Со списком в руках армянские солдаты ходили по домам наиболее известных, активных и богатых мусульман, поджигая их дома и грабя имущество с особым упоением, а самих хозяев, не покинувших город, убивали на месте, подвергая при этом оскорблениям, пыткам и насилию. Так были убиты городской глава Шемахи Теймур бек Худавервердиев и почетный гражданин города, известный государственный и общественный деятель, член первой Государственной Думы Мамед Таги Алиев, и много других почтенных и уважаемых жителей Шемахи. (41) С невиданной жестокостью был убит всеми уважаемый Ахунд Джафар-Кули, оставшийся в городе ради своих прихожан, не имеющих возможность выехать. Ахунд был особо известен своими прониновенно- примирительными речами, ему не раз удавалось снять напряжение, возникшее между армянами и азербайджанцами в течение нескольких последних лет. Надеясь на безграничное уважение и почет, которым он пользовался не только среди мусульманского, но и армянского населения, Ахунд Джафар-Кули приютил у себя дома, во дворе своего дома, а также в мечети «Юхарыкала», при которой состоял ахундом, несколько сот женщин и детей, рассчитывая таким образом защитить их от насилия. Армяне ворвались как в дом Ахунда, так и в мечеть, где он закрылся вместе с до 400 женщинами с детьми. Все они были убиты, а сам Ахунд Джафар Кули перед смертью был изуверски замучен: ему выдернули бороду, выбили зубы, отрезали язык, уши и нос. (42)

Шемахинские мечети стали намеренной мишенью армянских погромщиков во время их второго нападения на город. По свидетельству Гаджи Ших-Габиба Абасзаде, состоящего ахундом при мечети «Гаджи Касум», до ухода из Шемахи гянджинских войск Исмаил Хана, все мечети и святые места в Шемахе были целы и невредимы. Инициатором уничтожения мечетей, вместе с собравшимися там жителями Шемахи, в основном женщин и детей, был Степан Лалаев. Родившийся и выросший в Шемахе этот отпрыск известного богатого рода Лалаевых хорошо знал обычаи и традиции мусульман, как правила искавших убежище в «Доме Аллаха» во время грозящей опасности – войн, вооруженных столкновений и т.д. Именно его, хорошо известного многим шемахинцам своенравного армянина, с Кораном в руках встречали оставшиеся в городе жители - мусульмане, прося пощады. (43) И по его же приказанию армянские солдаты загнали этих жителей в уже переполненные мечети Шемахи, заперли и предали огню. Окружив мечети, солдаты Лалаева расстреливали всех пытавшихся выбраться и как-то спастись. По мечетям

стреляли также залпами орудий, и Степан Лалаев сам командовал одной из этих акций.

Таким образом, все культовые здания Шемахи, в том числе соборная пятничная «Джума мечеть» и 13 приходских мечетей в мусульманских кварталах Калабазар, Шихминас, Юхарыкала, Имамлы, Шапурлы, Талыш, Мейданлы, Ардабилли, Ахчи и др. были сожжены и разрушены. «Джума-мечеть» была гордостью шемахинцев и особо дорога мусульманам не только как святыня и место молитвы, но также как памятник древности. Построенная в 743- 744 г., она выдержала несколько землетрясений, получая небольшие повреждения, которые каждый раз восстанавливались горожанами. Кроме мечетей были разгромлены святы места: «Имамзада» с гробницей местного Ахунда Мир-Мехти-Аги и святы места при трех мечетях в отделении Юхарыкала с гробницей Ахунда Ага-Сеид-Алия. (44) При этом полностью уцелели Русская Православная и Армянская Апостольская церкви в Шемахе, а также Армянская церковь Св. Богородицы в селении Матрасы, которое было занято войсками Исмаил Хана.

Весть об этой чудовищной расправе над мусульманским населением Шемахи, в результате которой заживо погибли в огне более 2000 человек, в основном женщины и дети, долетела по всем городам и уездам Азербайджана, вызвав ужас и негодование не только среди мусульман, но и всего населения. На следующий день в Шемахе прибыли молокане из соседних селений и увели оставшихся в живых около 500-600 женщин-мусульманок с целью их спасения в молоканское сел. Кыз-мейдан. По настоянию армян все они, как пленные, были отправлены в Баку, половина из них умерла по дороге от голода, холода, страха и перенесенных переживаний. Все плененные шемахинские женщины были освобождены только после взятия Баку в сентябре 1918 г. турецко-азербайджанскими войсками. (45)

Впрочем, Степан Лалаев «щадил» молодых красивых девушек и женщин, запретив своим солдатам их убивать. По приказу Лалаева солдаты уводили молодых мусульманок в его собственный дом, раздевали их, насильно спаивали, заставляли танцевать под звуки зурны, затем насиловали, после чего одних убивали на месте, а других сбрасывали с высокого балкона на улицу, где они и разбивались. Всеми этими оргиями руководил сам Степан Лалаев, который лично насиловал и убивал. Из всех обесчещенных жертв Лалаева удалось спастись лишь семи девушкам. (46)

Степан Лалаев, которому в 1918 году было 27 лет, был сыном шемахинца Балабека Лалаева, ярого дашнакцакана и националиста, активного участника армяно-азербайджанских столкновений 1905 года, убитого вместе с женой во время этих же событий в Баку. Какие бы чувства мести не владели душой будущего чудовища все эти годы, тем не менее, Степан Лалаев преуспевающе жил в своих имениях в Шемахе и Баку. Отслужив небольшое время в Российской армии, он в 1917 г. вернулся в Баку и вел более чем праздную и развратную жизнь, «пьянствовал с Бакинским градоначальником» (47), знал и был

вхож во все элитные семьи разных национальностей Баку и Шемахи, близко дружил с отдельными членами семей мусульманской знати и поддерживал отношения со многими представителями средних сословий. Не случайно, его как лично, так и в лицо знали многие жители этих городов и опознавали во время Бакинских и Шемахинских событий. При своем особом нраве, он вместе с тем активно участвовал в деятельности партии Дашнакцутюн и Армянского Национального Совета, блестяще справившись с той ролью, которая была ему отведена этими организациями в предстоящей резне мусульманского населения этих городов. Во время первого нападения армян и молокан на Шемаху – в конце марта 1918 г. Степан Лалаев был в Баку, где одновременно с Шемахой, происходили невиданные по масштабу азербайджанские погромы. Руководимые С.Лалаевым вооруженные отряды, состоявшие исключительно из армян, являлись основными зачинщиками и участниками неимоверных зверств и ограблений в отношении мусульманского населения Баку, особенно в центральных кварталах города, где проживали знатные и имущие слои мусульман. С. Лалаев не только руководил этими отрядами, но и лично убивал, резал, истреблял людей, нередко своих знакомых.

Однако, как показали последующие события, не насытившись кровью, пролитой в Баку, Степан Лалаев в зверствах и бесчинствах в родной Шемахе превзошел уже сам себя. Во многом «благодаря» именно его невероятной жестокости и извращенной фантазии всего лишь единичным жителям Шемахи удалось как-то выбраться из города и рассказать о происходящих в эти дни трагических событиях. По свидетельству этих людей стали известны, какими криками сопровождал свои деяния в Шемахе Степан Лалаев: «Надо вырезать всех мусульман, оставив для памяти только несколько человек на выставку»; «Я мщу за отца и мать, убитых мусульманами в Баку в предыдущей резне»; «Я слышал своими ушами крик его о том, что он должен еще убивать, ибо за кровь отца своего он еще не отомстил»; «он громко заявлял, что должен убить столько мусульман, сколько было волос на голове его отца»; «Лалаев приказывал своим солдатам доставлять мусульман к нему живыми, говоря, что он собственноручно будет расстреливать их за кровь отца своего»; «Степан Лалаев подсчитал 3000 трупов мусульман и сказал, что эти три тысячи мусульман за убитого отца, а когда подсчитал другие три тысячи, то заявил, что эти трупы за смерть матери его». (48)

Однако в Шемахе свирепствовал не только С.Лалаев со своими солдатами. Здесь следует упомянуть местных предводителей Шемахинских армян, главных организаторов и руководителей как первого, так и второго погромов, учиненных в городе. Большинство шемахинцев хорошо знали о деятельности этих людей и называли их имена: Аршак Гюльбандов - начальник почтово-телеграфной конторы и его сын - офицер, Гавриил Караогланов - бывший помощник Шемахинского уездного начальника, Михаил Арзуманов - владелец аптекарского магазина, Атабеков - бывший уездный комиссар, Хачанов - бывший Пристав в Шемахе, Иванов-Иванянц Енок - владелец галантерейного

магазина и его сын Аршак, Петросянц - владелец бакалейного магазина, Самвел Долиев и Ованес, - парикмахеры, Агамолов - инструктор по виноградарству из Карабаха, братья Владимир и Мамикон Долиевы, Карапет Караманов, жители сел. Матрасы Герасим и Сандрик Агриевы и др.

Примечательно, на этих людей, как главных организаторов избиения мусульманского населения Шемахи и поджога города, которые непосредственно руководили отрядами местных вооруженных армян, а также армянскими войсками, прибывшими из Баку, указывали не только шемахинцы – мусульмане, но и представители других народов, проживающие в Шемахе. Будучи свидетелями, а порою невольными участниками этих трагических событий, русские и грузинские жители Шемахи освещали их как бы с другой стороны, дополняя неизвестными и не менее драматическими картинами. Так, врач Сазонов, согласившийся быть парламентаром мусульман, показывал, что на его упреки о недопустимости насилия, которые армяне совершают над мусульманами, и что «карта может отвернуться, и они, армяне, окажутся в таком положении, в каком находятся мусульмане» армянские офицеры: сын начальника почтово-телеграфной конторы Гюльбандов и бывший пристав Хачанов «начали кричать, что нет пощады мусульманам, что всех их следует уничтожить». (49)

Из свидетельств русских жителей становится также известным, что армяне расстреливали и представителей христианского населения, которые так или иначе поддерживали мусульман, близко общались с ними, или даже за то, что они спускались в мусульманскую часть города за провизией. Так был убит зубной врач Фишман, искавший помощи в мусульманской части города и вышедший навстречу армянам в качестве делегата с письмом к архиепископу Баграту. С трудом удалось спастись бегством в молоканские селения самому Сазонову, а также зубному врачу Пезнеру и провизору Сулаве, которых армяне решили убить за то, что они искали помощи у мусульман. (50)

Не менее беспощадны армяне были к своим соплеменникам, которые пытались помочь своим знакомым или соседям мусульманам. «Мы, русские, при содействии армянина шемахинца Исая Арутюнова спрятали Кишибекова, его мать, брата и племянника, а также Габиба Ахмедова, харчевника Мешади Алия, сына его и мать в подвале дома названного Арутюнова. Армяне уже после сдачи мусульман 18 марта объявили, что будут расстреливать тех армян, которые скрывают мусульман. Около 2 час. пополудни я видел, как Арутюнов бледный и испуганный бежал домой. На вопрос что с ним случилось, он ответил, что армяне хотели заколоть его штыками за то, что у него скрываются мусульмане, и просил меня взять к себе Кишибекова и других. Я не мог исполнить этой просьбы, так как квартира моя была переполнена. Решено было перевести их в пустой дом Еганова, куда вечером мы тайно перевели их. Пищу доставили им тайно в ведре под видом, что ходят за водой. На другой день, 19 марта, я видел, как начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов разговаривал с вооруженными армянами сельчанами, стоявшими

недалеко от дома Еганова, и, махнув рукой, ушел по направлению к своему дому. Я подошел к армянам и спросил их, что им говорил Гюльбандов. Они мне ответили, что он сказал им, что в доме Еганова спрятались его хорошие знакомые мусульмане и просил не трогать их и перевести к нему на квартиру. Через час-полтора после этого явились к дому Еганова настоящие армянские солдаты, вывели всех скрывавшихся там мусульман, двух женщин повели по направлению к мусульманской части города, а всех мужчин повели мимо православного кладбища по направлению сада Ованесова. Я спросил армян, куда они их ведут. Они ответили, что в плен в сел. Матрасы. Часа чрез три мы узнали, что всех несчастных расстреляли возле сада Тер-Ованесова. Это известье принес мальчик Александр Шмаков, который побегал с армянами и видел, как они расстреляют названных мусульман. Трупы убитых видел мой свояк Леон Нестерович Бабкин». (51)

Упомянутый в свидетельстве Пантелеймона Пугачева Агакишибеков, убитый вместе с семьей армянами, был помощником начальника почтово-телеграфной конторы, т.е. того самого Аршака Гюльбандова. Позже будет доказана вина Гюльбандова, специально направившего армянских солдат в дом, где укрывались с помощью русских несколько мусульман, в том числе его хороший знакомый и коллега, которым не удалось избежать смерти из-за предательства человека, которого считали одним из лидеров армянской общины Шемахи.

Особую же роль в Шемахинских событиях, как мусульмане, так и христиане отводили армянскому архиепископу Баграта. Многие шемахинцы, в том числе представители мусульманского духовенства и знати, считали Баграта идейным руководителем шемахинских армян, выступивших против мусульманского населения. Так, Ахунд при мечети «Гаджи Касум» Гаджи Ших Габиб указывал на прямую связь между «вступлением на сцену армянского епископа Баграта» и «стремлением армян к отделению и желанием вести самостоятельную политику», считая его «подстрекателем шемахинских армян» и «нравственным виновником» в шемахинских событиях. (52)

Имя архиепископа Баграта в разных контекстах часто упоминалась шемахинскими мусульманскими деятелями, которые тесно контактировали с армянами, прилагая все усилия, чтобы предотвратить надвигающуюся опасность. Некоторые из них открыто заявляли, что Баграта обманывал мусульман, ведя «двуличную политику» и являлся «главным руководителем выступления армян против мусульман - шемахинцев и всех несчастий, постигших последних». (53) Уход армянского архиепископа в армянское селение Матрасу, где находился главный штаб армянских войск, в ночь перед нападением армян на Шемаху, «откуда он больше не возвратился», вызывал позже очень много вопросов у шемахинцев, хотя некоторые верили в его искренность в отношении к мусульманам: «... в Матрасы живут самые беспокойные армяне: всякие смуты обыкновенно исходят из Матрасов. Матрасинцы настолько ненавидят мусульман, что когда армянский епископ Баграта пытался помирить армян с

мусульманами, они, жители сел. Матрасы потеряли всякое доверие к нему. Когда он приехал в Матрасы, то его впустили в селение лишь после того, как он позволил завязать ему глаза, чтобы по дороге не видеть вырытых матра-синцами укреплений». (54)

Впрочем к отдельным мусульманам армянский архиепископ возможно действительно относился хорошо и даже помогал: «Меня и моего брата спас армянский архиепископ Баграт» - свидетельствовал Насрулла бек Алиев, описывая события уже в период второго нашествия армян на Шемаху, когда в городе свирепствовал Степан Лалаев со своими солдатами. (55)

Здесь следует подчеркнуть, что показания Насрулла бека указывают на то, что Баграт все же вернулся в Шемаху после его вторичного взятия армянами и был свидетелем всех зверств, творимых его же соплеменниками в городе, в том числе поджогов мечетей вместе с заживо сгоревшими в них сотнями мусульман, в основном женщин и детей.

Активная роль армянского архиепископа Баграта в подготовке вооруженного выступления шемахинских армян против мусульман, не говоря уже о его осведомленности обо всех планах армянских войск, не вызывали сомнения даже у представителей христианского населения Шемахи. Ярким примером тому могут служить свидетельства Виссариона Давидовича Сулавы, владельца аптечного магазина в Шемахе: «Один армянин, владелец мельницы, некто Арменак Геогджаев, читал в моем присутствии письмо, которое ему прислал из Александрополя его брат, который спрашивал, справятся ли армяне в Шемахе с мусульманами и, в случае надобности, предлагал выступить из Александрополя со своим отрядом. Затем от того же брата была получена телеграмма о том, чтобы ему телеграфировали, нужна ли его вооруженная помощь. С этой телеграммой Геогджаев ходил к Шемахинскому армянскому архиепископу Баграту, который ему сказал, что пока еще нет необходимости в присылке из Александрополя войск». (56)

Истинное лицо архиепископа Баграта, после этих событий окончательно обосновавшегося в Баку, раскроется очень скоро, когда наступит время все же объяснить причины массового уничтожения мусульманского населения в Баку и Шемахе в марте -апреле 1918 г. И тогда предводитель Шемахинской и Бакинской Армянской епархии епископ Баграт Вардазарянц, по совместительству почетный председатель Армянского Национального совета, совершенно «забыв» о сожженной дотла, уничтоженной и опустошенной Шемахе, станет строчить письма по разным миссиям и адресатам, обвиняя в Бакинских событиях большевиков и мусаватистов, которые боролись за власть, при этом громко заявляя о «спасительной» роли Бакинских армян, якобы спасших в Баку жизнь 20.000 (!) мусульман. Впрочем даже эти объяснения последовали не сразу после мартовских событий в Баку, когда армянское население, почувствовав себя победителем, открыто поздравляло друг друга, армянская знать устраивала балы, а «известная армянская благотворительница из семьи Адамовых, послала в одно благотворительное общество голову сахара, объ-

яснив, что еще раньше обещала пожертвовать эту голову в тот день, когда будут вырезаны мусульмане». (57)

«Отрезвление» пришло после освобождения Баку турецко-азербайджанскими войсками 15 сентября 1918 г., и происходящих в эти дни кровавых событий, когда вновь столкнулись армяно-азербайджанские силы: на этот раз оставленные своим командованием на произвол судьбы тысячи армянских солдат и пережившая мартовские трагедии часть местного мусульманского населения, переполненная чувством гнева и отмщения. В городе воцарился хаос. Существует множество документов о том, что даже после падения «христианского Баку» т.е. 16-18 сентября армянские банды не прекращали грабить, убивать, сжигать, как в окрестных деревнях, так и в мусульманских кварталах Баку. (58)

Одновременно начались нападения на армянские кварталы города. «Со всех уголков города народ – почти исключительно армянское население – бесконечными караванами бежал и накапливался на пристанях. Естественно, что при таких условиях эвакуация была организована очень плохо. И что можно было сделать в несколько часов при недостаточности пароходов, когда кроме десятков тысяч бегущего населения на те же пароходы надо было нагрузить войско, снаряжение и различное государственное имущество насколько это возможно было в эти несколько часов». (59)

Оставим на совести армянского автора, оправдывающего вывоз из Баку в первую очередь различного «имущества» неизвестно какого характера и какого государства, притом вместо живых людей - своих соплеменников. Отметим, что первыми покинули город все т.н. лидеры армян – главы Армянского Национального Совета, военачальники, знать и все имущественные слои армянского населения. Еще до сдачи города его покинуло руководство тогдашнего правительства – «Диктатуры Центрокаспия», наполовину состоящего из армян. При этом следует напомнить, что за 3 недели до этих событий именно Армянским Национальным Советом был отвергнут ультиматум подполковника Германского генерального штаба Паракена и Главкома турецкими войсками Мурсал-бека о сдаче города без боя, взамен на неприкосновенность жизни, имущества и свободы армянского населения города. (60)

Объяснения отказа принять этот ультиматум, как и другие подобного рода предложения турецко-германских войск со стороны Армянского Национального Совета и тем более Диктатуры Центрокаспия, не выдерживали никакой критики. Так, Армянский национальный совет аргументировал это тем, что «настоящую войну ведет

Россия в лице местной российской власти», имея в виду «Диктатуру Центрокаспия», (61) а Диктатура Центрокаспия, кстати, не признающая Советскую Россию, тем, что «войну ведет Российская Федеративная Советская Республика против турок и германцев (!)...А потому, все бессильные попытки коварного врага втянуть в переговоры отдельные слои населения, заранее

обречены на полную неудачу». (62) Однако сами же армяне признавали эти доводы «несомненно слабыми». (63)

Военачальники Турецкого и Германского войск, безусловно, знали кто являлся истинным «хозяином» в городе, и не случайно в ультиматуме особо подчеркивалось, что в случае отказа вся ответственность падет именно на Бакинский Армянский Национальный Совет, как желающему «пролить армянскую и русскую кровь». (64)

К слову ни во время взятия Баку, ни в последующие дни русские, а также другие представители христианского населения города не пострадали. Была пролита кровь только азербайджанского и армянского населения. Последние были предательски брошены своими предводителями на произвол судьбы. Как бы не желали задать себе вопрос почему «расправа грозит именно армянскому населению», лидеры армян, убегавшие в спешке, захватив «государственное имущество», прекрасно знали, что часть азербайджанского населения, пережившее мартовские трагедии, ущемленное и оскорбленное все последующие месяцы, попытается воспользоваться сложившимися условиями полной свободы действий при смене власти и отомстить армянскому населению. При всем «непонимании» и не признании армянскими лидерами и авторами истинных причин сентябрьских событий, даже в приведенных ими документах «о зверствах» азербайджанцев, раскрывалась суть действий погромщиков: Так, например, группа вооруженных азербайджанцев, прибыв в дом С.Тагианосова, управляющего Т.-ва бр. Нобель и одного из лидеров армян, где собрались 35 его родственников, среди них Самсон Амиров, соратник Степана Лалаева в его «Шемахинской карательной экспедиции», приказала бывшим в доме мужчинам выйти, чтобы отправиться в турецкий штаб. Когда, опасаясь за своих близких, находившиеся в доме женщины-армянки стали возражать и плакать, то услышали в ответ: «Наши женщины тоже плакали». (65)

Документы, составленные самими армянами о сентябрьских событиях в Баку, изобилуют многочисленными напоминаниями о зверствах армян во время мартовских событий, что не оставляют сомнений в мотивах поступков азербайджанцев, решивших взять реванш. (66)

Впрочем, о выступлениях «татар в виде реванша» говорили и иностранные наблюдатели, например доктор Цукмайер, начальник информационного бюро Германской Императорской делегации, что вызывало гнев у армян, увидевших в выражении «реванш» оправдание поведению «турецко-азербайджанских отрядов». (67)

Хотя Азербайджанское правительство, прибыв 18 сентября 1918 г. в Баку, предприняло действенные меры, положившие конец грабежам и мародерству в городе, вместе с тем, признало, что предотвратить полностью события «вызывающие лишь огорчение и сожаление», не представлялось возможным, указывая на причины происходящего: «Ведь здесь были истреблены мусуль-

мане, попораны их человеческие права. Город был взят после трехмесячных сражений, и гнев населения достиг апогея». (68)

Здесь для сравнения было бы уместным напомнить слова руководителя Бакинского Совета С.Шаумяна, которого «мало омрачало действительность», т.е. мартовские события, когда «пострадала масса бедных и бездомных мусульман», поскольку «победа настолько велика». (69)

Как бы то не было, освобождение города Баку не обошлось без жертв среди армянского населения. В телеграмме Поверенному в делах Армении в Грузии от 22 сентября 1918 г. указывалось, что «в Баку, при взятии его турками, перебито 28 видных армян и 2000 встречных». (70)

Не останавливаясь подробно над тем, как эти цифры будут стремительно расти, и через месяц достигнут до 30-35 тысяч человек, о чем уже говорилось на предыдущих публикациях, (71) вернемся к Бакинскому армянскому епархиальному начальнику епископу Баграту, как именовался при АДР бывший Шемахинский архиепископ.

За октябрь-декабрь 1918 г. Баграт более десяти раз письменно обращался в разные инстанции и к высокопоставленным лицам, представляющим власть в Баку. И если в обращениях на имя Председателя Совета Министров Азербайджанской Республики, Командующего Кавказкой Исламской Турецкой армией генералу Нуру Паше, Министра внутренних дел Азербайджанского Правительства епископ Баграт пытался привлечь их внимание на аресты среди армянского населения, которые находил незаконными, на отдельные факты и случаи нарушения прав армянского населения, на тяжелое положение армянских солдат-пленных, на действия цензуры, запретившей публикацию воззвания Комитета самопомощи для нужд армян, создание которого было согласовано Правительством, на не достаточно уважительный соответственно его сану тон письма-приглашения его к министру внутренних дел, «написанного на клочке бумаги и переданного околоточным надзирателем» и т.д., (72) то в обращениях к главам иностранных миссий он представлялся уже не просто как высшее духовное лицо, озабоченное положением своей паствы. Так, в приветственном обращении к Командующему Союзными войсками в Баку и Бакинском районе генерал-майору Томсону Почетный Председатель Бакинского Армянского Национального Совета епископ Баграт уже не ограничивался просто описанием «чудовищных подробностей» сентябрьских событий, не жалея при этом всевозможные сравнения и краски, но пытался уже дать свое толкование причин этой «кровавой бойни и жестокой расправы», которые «с сатанинской предусмотрительностью были заранее обдуманы и с бесчеловечным хладнокровием приведены в исполнения». (73)

Впрочем, если заменить во всех описанных Багратом эпизодах слово «армяне» на «мусульман», то все эти «чудовищные подробности кровавой бойни и жестокой расправы», с поразительной точностью можно было бы применить к мартовским событиям в Баку, что позволяет утверждать, что во многом голословные обвинения Баграта были ни чем иным, как перечислением

массовых преступлений самих армян в марте 1918 г. в Баку, не говоря уже о Шемахе. Однако, по утверждению Баграта «кровавое мартовское столкновение, имевшее место между большевистской властью и Мусульманским Национальным Советом» не имело ничего общего с «сентябрьскими ужасами»: «В марте произошла вооруженная борьба за власть в самом городе, выродившаяся в уродливые формы мародерства. В этой борьбе было убито не более 2000 мусульман и около тысячи двух сот русских и армян». (74)

Далее, выдвигая против партии «Мусават», Азербайджанского Правительства и вообще азербайджанцев целую серию нелепых клеветнических обвинений, Багра́т полностью отрицал участие армянского населения в мартовских событиях, за исключением армянских солдат, примкнувших к большевикам, опять таки «по вине» мусаватистов, «закрывшим армянам все дороги».

Здесь следует подчеркнуть, что организаторская роль Бакинского Армянского Национального Совета и партии «Дашнакцутюн» в мартовских трагедиях в Баку, личное участие с оружием в руках представителей армянской интеллигенцией и знати в азербайджанских погромах, не говоря уже о многочисленных представителях «армянской черни», как называла их сама же армянская элита, была доказана неоспоримыми фактами и свидетельствами. Именно на основании этих доказательств и производились Азербайджанскими судебными органами аресты среди армянского населения Баку, вызвавшее негодование у армян, в том числе и у епископа Баграта. Не останавливаясь на этой теме, подробно изложенной в предыдущих публикациях и изданиях (75), обратим внимание на два аргумента, часто используемых Багра́том, а также армянскими деятелями и авторами, как в свое время, так и сегодня, относительно роли Бакинских армян в мартовских событиях 1918 г.

В корне отрицая участие армянского населения в мартовских трагедиях в Баку, когда в течение трех дней было убито 12 000 мирных азербайджанцев, в том числе стариков, женщин и детей, многие армянские деятели, подобно епископу Багра́ту, сокрушались «неблагодарностью азербайджанцев», поскольку в эти дни армяне, оказывается, не то что, никого не убивали и не грабили, а напротив, даже спасли 20.000 мусульман !? (76)

Отдельные случаи, когда представители Азербайджанской знати действительно нашли убежище в домах и квартирах своих армянских друзей во время мартовских событий, также как случаи, когда армянская знать скрывалась на дачах и в домах азербайджанской знати в сентябре 1918 г., были известны многим, и не отрицались ни теми, ни другими. Известны были также случаи, когда простые армяне, а затем азербайджанцы, предупреждали и спасали своих соседей и друзей во время кровавых событий, не говоря уже о бакинцах - представителях других наций, помогавших жертвам как с той, так и иной стороны. Оставим на совести Баграта число 2000 убитых мусульман в марте, против 20.000 (затем 30 000 и 35 000) убитых армян в сентябре 1918 г. Но откуда взялась цифра 20 000 (в некоторых документах указывается число 14 000) «спасенных» армянами мусульман?

При внимательном изучении армянских документов, выясняется, что под 14 000 или 20 000 «спасенных» мусульман, имеются в виду мирные жители-азербайджанцы, которые в дни мартовских погромов в Баку были насильно выдворены из своих домов и загнаны в разные здания города, располагающие большим помещением. Театры, кинотеатры, школы, полицейские участки, дома отдельных богатых армян, здание Городского Дома, помещения вокзала, городского обоза и даже бани служили местом, куда приводили тысячи обездоленных, ограбленных азербайджанцев, в основном женщин, детей, стариков, только что переживших ужасы зверских убийств своих близких. Содержавшиеся взаперти в этих зданиях несколько суток, нередко без пищи и воды, эти люди назывались и считались в эти дни пленными. Это чуть позже, армянские деятели, принимавшие участие в массовых пленениях мусульман, попытаются объяснить данное обстоятельство якобы необходимыми мерами соблюдения безопасности мирных мусульманских граждан, и отсюда появиться «легенда» о «спасенных 14 000 или 20 000 мусульман».

Однако многочисленные показания самих «спасенных» свидетельствовали именно о насильственных пленениях мусульман, сопровождавшихся оскорблениями, издевательствами, угрозами, и нередко убийствами, совершенными вооруженными армянскими бандами. В этих свидетельствах говорилось о том, как армяне снимали чадру с женщин-мусульманок, привязывали их друг к другу косами и с непокрытыми головами, босыми, уводили в плен, по дороге били прикладами, как женщины, «потрясенные гибелью своих близких» скончались в плену от разрыва сердца, сходили с ума, как у них на руках умирали их малолетние дети, как армянские интеллигенты приводили своих жен, чтобы посмотреть на «позор» азербайджанцев и т.д. (77)

За этими хорошо организованными действиями армян, являвшимися частью заранее запланированного акта насилия над мусульманским населением Баку, отчетливо проглядывался и не очень то скрываемый замысел, точно характеризующий нутро и суть армянских борцов «за правое дело». Опустошенные дома и целые кварталы, свободные от жильцов, создавали простор армянским бандам для мародерства, грабежей и захвата имущества мусульман, разгрома и уничтожения всего того, чего невозможно было унести в течение трех-четырех дней в многочисленных автомобилях, повозках, арбах.

Однако, легенда якобы о «спасении мусульман» из «человеколюбивых побуждений» размножалась армянами в разных вариациях. Один из идеологов армянского терроризма Акоп Тер-Акопян, известный под псевдонимом Шаган Натали, даже не скрывал своего сожаления о том, что не «зарезали» тогда всех Бакинских турок: «Мы заявляем и убеждены в том, что - могли и могли своими силами. Потому что знаем: могли сделать это в Баку, где были хозяевами и где мы собрали десятки тысяч турок в казармах и - о преступное джентльменство! - приставили к дверям караульных, чтобы уберечь от справедливого армянского возмездия. И уберегли, сохранили им жизни, а они в благодарность окрасили улицы Баку кровью 25 000 армян». (78)

Ярый дашнак, руководитель и организатор операции «Немезис» по уничтожению видных турецких и азербайджанских деятелей Акоп Тер-Акопян, на чьей совести было тысячи убийств невинных мусульман, в том числе Азербайджанских государственных деятелей Фатали Хана Хойского, Гасан бека Агаева, Бейбуд бека Джеваншира и др., хотя и был прав в том, что именно армяне были в эти дни «хозяевами» положения в Баку, однако безусловно «лукавил» на счет «джентльменства» по отношению к туркам. И если кому-то и должны были быть благодарны азербайджанские пленные за то, что остались живы, то однозначно не армянам, а русским солдатам и морякам. Именно находившиеся в Баку русские войска, к вечеру второго дня погромов понявшие, что были введены в заблуждение и втянуты в большую игру т.н. большевиками–армянами во главе с С.Шаумяном, встали на защиту мусульманского населения с оружием в руках. И азербайджанские погромы были прекращены только на 4-й день не самим Бакинским Советом, а по категорическому требованию двух Туркестанских полков и благодаря угрозам русских моряков-каспийцев, уже разобравшихся в ситуации. «Угроза эта была весьма серьезной, ибо эти два полка боевого состава представляли свыше 8000 человек бойцов». «Моряки пригрозили, что откроют стрельбу из пушек по армянской части, если армяне не прекратят избиения мусульман, и военные пароходы «Ардаган» и «Красноводск» подошли к пристаням, расположенным в восточной части города». (79)

Думается, нет необходимости дальше развивать эту тему.

Вторым аргументом армянских деятелей и авторов, отрицающих армянский фактор в мартовских событиях в Баку, кстати, кочующим из одного документа в другой, и из одной публикации в другую, является телеграмма сомнительного происхождения, отправленная якобы известным азербайджанским нефтепромышленником-миллионером, общественным деятелем и меценатом Гаджи Зейналабдином Тагиевым через неделю после мартовских погромов в Тифлис, на имя Закавказского Правительства, следующего содержания: «В Баку наступило успокоение. В интересах благосостояния края, я, лично, считаю своим долгом заявить всенародно, что бакинские события не носили характера армяно-татарских столкновений. За все время боев татары не трогали живущих в татарских кварталах армян. Армянские же части спасли и дали приют более 14000 мусульманам, которых вернули через посредство персидского консула. Поднимаю свой голос за немедленное прекращение повсеместно всяких расправ и враждебных действий. Полагая, что это соответствует общим интересам, очень прошу вас всячески содействовать поддержанию мира и спокойствия среди населения. Пусть все обратятся к своим мирным занятиям». (80)

Причастность самого Г.З.Тагиева к этой телеграмме вызывает сомнение по нескольким причинам. В дни мартовских трагедий вся семья Тагиевых была в глубоком трауре и в крайне подавленном состоянии. Накануне, из-за неосторожного обращения с оружием трагически погиб его сын, офицер му-

сульманской дивизии, и разоружение именно его сослуживцев, прибывших на похороны из Ленкорани, послужили поводом для начала мартовских событий. При этом командиром этого отряда, оказавшего около суток вооруженное сопротивление большевистско-армянским силам, был его зять, муж его дочери Лейлы ханум, сын другого Бакинского миллионера Шамси Асадуллаева – Али Асадуллаев. Сам Г.З.Тагиев не выходил в эти дни из своего дома и отказал прибывшим за ним сыновьям Амбарсума Меликова (нефтепромышленника, одного из руководителей Армянского Национального Совета и Бакинского Комитета «Дашнакцутюн») – Георгию и Сергею, предлагавшим Гаджи от имени своего отца для безопасности переехать в их дом. В доме Амбарсума Меликова, кстати, в эти дни размещался штаб «Дашнакцутюн» и именно сюда приводили многих, наиболее известных пленных азербайджанцев. Среди последних был и офицер русской армии, принц Мансур Каджар, давший подробные показания о своем спасении от неминуемой смерти от рук армян благодаря друзьям-евреям и условиям содержания в доме Меликова в качестве плена. Само же семейство Меликовых – отец и два его сына – впоследствии были уличены неопровержимыми доказательствами в личном участии в убийстве мусульман в мартовские дни. Меликову-старшему удалось заблаговременно покинуть Баку, а сыновья были арестованы азербайджанскими следственными органами. Старик Тагиев, которому в это время было 80 лет (по другой версии 95), безусловно, не мог тогда знать об этих подробностях. Но, в любом случае он не покинул свой дом, и армяне, уже разгромившие дома многих знатных и состоятельных азербайджанцев, не решились напасть на его богатый дом-дворец. Слишком большой и заметной фигурой был Тагиев. Однако это не помешало предприимчивым и дальновидным армянам использовать имя этого поистине великого азербайджанца в своих целях.

Нет никаких доказательств о том, что телеграмма была отправлена самим Тагиевым, кстати, при всей своей просвещенности, человеком неграмотным. Какой вообще был смысл в отправке телеграммы в Тифлис, в Закавказский Сейм, в которой содержалась просьба о поддержании мира среди населения Баку, когда в городе уже была установлена единоличная власть Бакинского Совета, не признающего никакого Закавказского Правительства. Если допустить, что Тагиев еще «не знал» о новой власти, то откуда и от кого он мог узнать, что творилось в городе, и тем более про «14 000 тысяч спасенных армянами мусульманах»? О каком «успокоении», наступившем в Баку, могла идти речь на 9-й день с начала погромов, когда почти все азербайджанское население, в том числе близкое окружение самого Тагиева, в это время в панике и спешке покидало город, спасая свою жизнь именно от новых властей, укомплектованной преимущественно армянами? Каким образом телеграмма, отправленная 27 марта (по старому стилю) из Баку в Закавказский Сейм, попала в редакцию Тифлисской газеты эсеров «Знамя труда» и была опубликована

уже 29 марта? Кому и как армяне «вернули (!) через посредство персидского консула» якобы спасенных ими 14000 мусульман?

Персидским консулом в Баку в это время был Мохаммед Саед-оль Везаре Марагеи, родом из азербайджанского города Марага, принимавший самое активное участие в предотвращении кровопролитий в мартовские дни, жертвами которых стали также тысячи персидско-подданных, по сути этнические азербайджанцы. В 40-е годы дважды став премьер министром Ирана, этот известный политический и государственный деятель, позже опубликовал свои «Политические воспоминания», в которых уделил внимание и мартовским событиям в Баку в 1918 г. Из этих воспоминаний стало известно, что после прекращения погромов консулом была образована специальная комиссия, которая «собрала с Бакинских улиц и дворов и похоронила по мусульманским обрядам более 5000 трупов мусульман». (81) Фотографии самого консула над телами жертв мартовских событий, были затем изданы в виде почт-картов и обошли весь мир, став достоянием истории. (82) Однако в воспоминаниях бывшего персидского консула не говорится ни слова о его посреднической роли в «возвращении» 14000 мусульман, нашедших приют у армян.

Наконец, не слишком ли торопился «Гаджи Зейналабдин Тагиев» определить характер «бакинских событий», однозначно утверждая, что они «не носили характера армяно-татарских столкновений»? Ведь 27 марта (9 апреля) – в день отправки пресловутой телеграммы - Баку уже был переполнен многотысячными беженцами из сожженной и полностью уничтоженной армянами Шемахи, мусульманское население которой пережило одновременно с бакинцами все те же ужасы мартовских дней. И досточтимый Гаджи, считавшийся отцом нации, столкнувшись с великим горем своего народа и потрясенный плачевным состоянием десятков тысяч своих соотечественников, в эти дни уже оказывал помощь пострадавшему мусульманскому населению Баку и Шемахи, пытаясь обеспечить его продуктами питания и товарами первой необходимости, привезенными из Ирана несколькими пароходами. Мог ли умудренный жизнью Гаджи Зейналабдин Тагиев, после всего увиденного и услышанного заявить, что «Бакинские события» или «Шемахинские события» «не носили характера армяно-татарских столкновений»?

Все сказанное дает полное основание утверждать, что так называемая «телеграмма Тагиева» никому, кроме самих армян, во-первых, предусмотрительно обеспечивших себя «железным аргументом», не была необходима. С другой стороны, именно армяне, и в их лице тот же Бакинский Совет, осведомленные о попытках азербайджанских членов Закавказского Сейма добиться отправления в Баку войск для освобождения города от большевистско-дашнакских сил, были заинтересованы в «немедленном прекращении повсеместно всяких расправ и враждебных действий» и содействии Сейма в «поддержании мира и спокойствия среди населения».

Что же касается характера мартовских трагедий, то одним из неоспоримых аргументов, в корне опровергающим как большевистское, так и армянское оп-

ределения сути этих событий, служат именно Шемахинские погромы 1918 г. Отсутствие каких-либо политических партий, движений и противостояний в Шемахе, как накануне, так и во время погромов, сводило на нет все утверждения большевиков, обозначивших массовое избиение и уничтожение мусульманского населения не только в Баку, но и других городах и уездах Азербайджана как «гражданскую войну». По тем же причинам не выдерживали никакой критики разглагольствования армянских деятелей о «борьбе за власть между большевиками и мусаватистами, при полном нейтралитете армян».

Отсюда и понятно, почему во всех своих многочисленных обращениях в разные инстанции бывший архиепископ Шемахинской и Бакинской Армянской епархии Баграт, став Бакинским армянским епархиальным начальником, обходил полным молчанием события в Шемахе, изредка упоминая о правах шемахинских армянских беженцев, опять же не затрагивая вопросы когда, при каких обстоятельствах и почему армянские жители Шемахинского уезда стали беженцами.

Однако, будучи далеко не глупым и довольно хитрым человеком, Баграт, в отличие от других армянских деятелей знал, что полностью отрицать армянский национальный фактор в происходящих на Кавказе событиях не возможно, и в своих обращениях к главам зарубежных миссий подходил к этому вопросу уже с позиций международной политики, трактуя их в выгодном для армян контексте. Так, в приветственном обращении к Командующему Союзными войсками в Баку и Бакинском районе генерал-майору Томсону от 23 ноября 1918 г. исказив суть мартовских событий в Баку, Баграт писал: «Еще до мартовских событий преобладающая и сознательная часть местных мусульман, за исключением немногих, руководимая турецкими агентами всемерно и активно содействовала политическим видам Турции к завоеванию Кавказа и других мусульманских областей Востока. Армяне, имеющие противоположную ориентацию, и своими слабыми силами боровшиеся на стороне держав Согласия, естественно возбудили против себя их дикий гнев, и, как в Турции, так и на Кавказе, стали жертвой безумной мести и варварского фанатизма. Мартовские и после мартовские события являются лишь удобным поводом для сокрытия истины и отвода глаз от основной главной причины армяно-тюркской вражды и розни». (83)

Получалось, что поскольку азербайджанцы-сторонники турок, значит, они враждебны не только странам Антанты, но и армянам, «союзникам» великих держав. Таким образом армяне становились «жертвой большой политики», приняв «на себя» все удары со стороны «преступного турецко-мусаватского правительства». А вслед за этими заявлениями следовал уже целый список требований: освобождение всех арестованных азербайджанскими властями армян, создание условий для возвращения всего армянского населения покинувшего Баку, возмещение причиненных ему убытков и т.д.

К чести английского генерала Томсона, который довольно скоро разобравшись в ситуации, сложившейся в Баку, выразил полное доверие Азер-

байджанскому правительству, как единственно законной власти в республике, вызвав тем самым недовольство армян. Вместе с тем, стали также предприниматься конкретные шаги для удовлетворения большей части требований, выдвинутых в обращениях епископа Баграта.

Однако, крайне недовольный тем, что Английское командование работало в согласии с Азербайджанским Правительством, не вмешивалось в дела судебно-следственных органов, и даже тем, что наряду сотней армян, получивших компенсацию за убытки в результате сентябрьских событий, оказались 10-15 человек азербайджанцев, епископ Баграт настойчиво обращался к главам других зарубежных миссий, находившихся в Баку, преподнеся свою, армянскую версию событий 1918 г.

Так, Меморандум Бакинского Армянского Национального Совета к главе Американской Миссии в Баку от 9 декабря 1918 г., копия которого была представлена полковнику Барберису, представившись как почетный председатель Совета, епископ Баграт посвятил исключительно мартовским событиям 1918 г. Как следует из первых же предложений этого Меморандума, Армянский Бакинский Епархиальный Начальник явно был озадачен, тем, что «многие из турецких деятелей стараются всеми силами, и словами, и печатно, вызвать в общественном мнении неприязненное отношение к армянам, указывая на мартовские события». (84)

Искажая до неузнаваемости суть мартовских событий в Баку, при этом, естественно, совершенно не упоминая о мартовских событиях в Шемахе, Баграт обвинял партию Мусават, затем «турецко-азербайджанские власти» в немыслимых преступлениях по отношению к армянскому населению всего Азербайджана. В Меморандуме вновь упоминались спасенные армянами «20 тысяч мусульман», на этот раз с уточнением - «около 13 тысяч в разных общественных помещениях и до 7 тысяч в частных квартирах», «циркулярная телеграмма Тагиева», приводились те же надуманные цифры о мартовских жертвах в Баку. Притом цифра «2000 погибших мусульман» уже казалась «слишком преувеличенной»: «В двухдневных кровавых боях погибло, по данным Совета до 300 русских и армян, и 700 мусульман, а по максимальному исчислению других источников, которые считаются слишком преувеличенными, около 1200 русских и армян, и до 2000 мусульман». В Меморандуме неоднократно подчеркивалось, что «мартовские кровавые столкновения в Баку продолжались только два дня», а «жестокие и чудовищные ужасы продолжались в отношении безоружного, беззащитного, мирного армянского населения целых два месяца». При этом оказывается, пожары, возникшие в разных местах города в марте 1918 г., уничтожили опять таки «несколько армянских домов, мусульманское здание «Исмаилие», где помещался мусульманский штаб и часть базара». (85)

Считая лишним дальнейшее рассмотрение откровенно лживых и циничных утверждений армянского высшего духовного лица, обратим внимание на главный его аргумент, якобы объясняющий причину «нейтралитета» армян в

мартовских событиях: «В марте месяце, как известно, произошла в городе Баку борьба за власть между большевистской властью и Мусульманским национальным советом. Армяне, как национальный коллектив, никаких претензий иметь на эту власть не могли, так как они в Бакинской губернии составляют лишь незначительное меньшинство». (86)

«Борьба за власть» - пожалуй, это единственно верное определение сути мартовских событий 1918 г., обозначенное армянским епископом. Однако, все его дальнейшие умозаключения об отсутствии якобы у армян каких-либо претензий на власть в силу их малочисленности, являются ни чем, иным, как жалкой попыткой вывести армян из числа основных «игроков» в этой борьбе за власть. При этом преследовалась определенная цель - внушить общественному мнению, в первую очередь Запада, что единственным желанием армян в это время было по «возможности отстоять свое физическое существование и спасти свое имущество как при анархии и междоусобицах гражданской войны, так и мести и гнева фанатизированных германо-турецкими агентами местных мусульман». (87)

Для «доказательства» своих домыслов, Баграт, не имеющий ничего кроме неоднократно упомянутой «циркулярной телеграммы Тагиева», прибежал уже к совершенно наглой фальсификации всем известных фактов, подобно тому, что «Кавказский Краевой Совет большевиков, сыгравший главную роль в событиях, имел в своем составе 17 членов, в числе которых было 2 татарина и только 2 армянина». (88)

И это при том, что главную роль в мартовских событиях играл «Комитет революционной обороны», образованный как «высший военно-политический орган в г. Баку и его районах» в ночь с 30 на 31 марта 1918 г., непосредственно руководивший истреблением мирных азербайджанцев и состоявший из 6 членов, 4 из которых были армяне: большевики С.Шаумян, К.Корганов (Корганян), лидер правых эсеров С.Саакян и руководитель Бакинской организации партии «Дашнакцутюн» С. Мелик-Еолчян. (89) Накануне этих событий в Баку приехал из Тифлиса один из организаторов партии «Дашнакцутюн» Степан Зорьян (Ростом), для координации действий армянских организаций. В дни мартовских событий командующими объединенными большевистско-армянскими войсками были специально прибывшие из Петербурга генералы Акоп Багратуни, Иван Баграмян, формированием Красной Армии Бакинского Совета занимался Б.Авакян, начальником штаба был полковник З.Аветисян, командирами бригад и сводных отрядов – полковник Казарьян, Амазасп, А.Амирян и др. (90) Армянским солдатам, завербованным в ряды большевистско-дашнакской армии предлагалась высокая оплата - «800 руб. в месяц, плюс по 75 руб. за каждого члена семьи и обеспечение продовольствием». (91)

И наконец, в руководящий состав Бакинской Коммуны входили отнюдь не 2, а как минимум более пятнадцати армянских «борцов» за власть в Азербайджане – С.Г. Шаумян, К.Г.Корганян, С.Г. Осепянц, Б.А.Авакян, Т.М.Амиров, А.М.Амирян, А.М.Костандян, А.А.Борьян, А.И.Микоян, Каринян, Стамбол-

цян, Агамирян, Ионесянц, Тер-Саакянц, Нуриджанян и др. (92) Верховным Командующим вооруженными силами Бакинской Коммуны был Акоп Баградуни, основной командный и более 70 % воинского состава т.н. Красной Армии также составляли армяне.

Все эти факты, также как и сам характер мартовских событий, подтверждались и некоторыми армянскими деятелями, в частности будущим членом Бакинской Коммуны Сааком Тер-Габриэляном, находившимся в те дни в Астрахани. Услышав рассказы русских граждан, покинувших Баку в связи с мартовскими событиями и прибывших в Астрахань, он 28 апреля 1918 г. писал С.Шаумяну: «Ни от одного из русских, которые сейчас массами выезжают из Баку, независимо от их социального положения, не услышишь о советской борьбе в Баку, все в один голос говорят: «в Баку идет армяно-татарская резня, и это резня спровоцирована армянами». (93)

И если в Баку стремление армян к власти было все же замешано «большевистской примесью», то в Шемахе претензии армян на местную власть особенно и не скрывались. Сами жители Шемахи - как азербайджанцы, так и другие национальности, пытаясь объяснить причины Шемахинских погромов, подчеркивали именно «армянский» фактор, как «главный» - определяющий характер этих событий. При этом указывалось на связь местного армянского населения с армянскими центрами Баку, и даже на внешние силы, на которые они опирались:

«В Шемахинском погроме участвовали дашнакцаканы, получившие, несомненно, указание из Баку, из своего главного штаба. Принимали участие и вся местная армянская интеллигенция; ходили по городу и убивали мусульман даже очень старые армяне»;

«Выступление армян против мусульман носило чисто национальный характер. Они, под предлогом захвата власти во имя торжества идей большевизма, решили уничтожить мусульманское население. Доказательством этому служат тысячи трупов мусульманских женщин, детей и стариков, и полный разгром города и селений»;

«Выступление армян против мусульман, в частности против шемахинцев, объясняю, во-первых, враждой к мусульманам и, во вторых, стремлением создать свое царство на мусульманских землях, избиение же мусульман, женщин и детей объясняю желанием армян уменьшить число жителей»;

«Представители армянской партии «Дашнакцутюн», под предлогом того, что мусульмане сторонники старого режима, убедив в г. Баку большевиков, что они в лице мусульманского населения Закавказья имеют бесспорных врагов, не только в проведении идеи большевизма в Закавказье, но вообще революции, создали погром над мусульманами, но к величайшему счастью мусульман погром этот охватил часть мусульман Бакинской губернии, не успев, благодаря прибытию спасителей наших, турок, распространиться на Елиза-

ветпольскую, ныне Гянджинскую, губернию, Закатальский округ и другие населенные мусульманами места»;

«У армян был широкий план погрома всего мусульманского населения Закавказья, но работа на этой почве главного представителя их Шаумяна не увенчалась успехом в Тифлисе, и он успел до прихода турок разгромить мусульман лишь Бакинской губернии».

«Дело в том, что армяне стремились к захвату власти в Шемахинском уезде и подчинения населения большевикам. Под таким флагом они стали выступать и даже склонили на свою сторону молокан. Но все это были предлоги, а главное – это их ненависть и вражда к мусульманам, которых они стремились уничтожить»;

«Все насилия совершены армянами из вражды к мусульманам. Вражда армян к мусульманам имеет начало с 1905 года. Мы, мусульмане отнеслись к армянам сначала безразлично, но потом, когда они под большевистским флагом стремились к подчинению нас своей власти, мусульмане тоже стали относиться к ним враждебно, выступлений со стороны мусульман против армян не было, несмотря на то, что армяне по отношению к мусульманам вели себя агрессивно и усиленно вооружались. Под флагом большевиков они вели свою национальную политику под руководством партии «Дашнакцутюн»;

«18 марта между 9 и 10 часами ночи, во время перестрелки со двора дома Лалаева Самвел Долиев, портной Пападжан и матрасинец Самвел Егоров кричали: «Мы этого дня ждали двадцать лет. Это не 1905 год, когда оказывал вам помощь Николай. Теперь некому вам помогать. Позовите на помощь вашего святого Газрат-Аббаса!»;

«На наши просьбы щадить мусульман и жить в мире, они ответили, что может мириться мусульманское и армянское духовенство, но народ армянский желает войны с мусульманами, и в этом деле его поддержит Англия»;

«Неприятнь армян, даже скажу больше, ненависть их к нам, мусульманам проявлялись давно; еще в начале войны России с Турцией, когда мобилизованные армянские части из Шемахинского и Геокчайского уездов проходили через наши селения и станции Кюрдамир всюду производили бесчинства, наглость их не имела границ – вырывались в лавки, дома, отвечали, что так нужно, ругались нецензурными словами, и даже не щадили религию нашу. Все это мы переносили много, боясь крупных эксцессов, в коих бесспорно правительство тогдашнее обвиняло бы, опять таки, нас, а не защитников отечества, как тогда называли армян, идущих на войну. Все это продолжалось почти 4-4^{1/2} года...»;

«Моя сестра в одном из армянских домов слышала, как армяне говорили, что вырежут всех мусульман и не оставят в их домах камня»;

«Когда я просил их оставить мне шашку, как офицеру, то карабахский армянин ответил мне: «теперь мы здесь, а не вы!» и взял у меня шашку»;

«На мои слова, что они, как люди интеллигентные не должны допускать насилие над мусульманами, которые изъявили им полную покорность, ответили, что это дело Армянского Совета, которому они подчиняются». (94)

Это последнее заявление на замечание шемахинца-азербайджанца было сделано лидером Шемахинских армян Михаилом Арзумановым и самой одиозной фигурой, «прославившейся» своим изуверством во время Бакинских и Шемахинских погромов, Степаном Лалаевым. Оба они вскоре будут привлечены к уголовной ответственности Чрезвычайной Следственной Комиссией Азербайджанского Правительства, и тогда Степан Лалаев вновь признается, что «организацией нападения на гор. Шемаху и вообще на Шемахинский уезд занимался Шемахинский Комитет Землячества в Баку, который собирал на эту цель средства, главным образом деньги. По требованию этого комитета я внес свою «лепту», как и другие, и этим ограничилось мое участие в организации отряда» (95).

К участию Степана Лалаева в Шемахинских событиях мы еще вернемся, здесь же отметим, что Шемахинский Комитет Землячества в Баку подчинялся все тому же Бакинскому Армянскому Национальному Совету, почетным председателем которого был бывший Шемахинский архиепископ, затем Бакинский армянский епархиальный начальник епископ Баграт Вардазарянц.

Остается добавить, что во время двух азербайджанских погромов – в конце марта и середине апреля 1918 г. – в городе Шемахе было убито от 8 до 10 тысяч человек-мусульман. Сами шемахинцы называли приблизительно такие цифры: «В течение пяти дней это продолжалось, и погибло около 2 тысячи мусульман, и было сожжено около 150 домов мусульман. Мертвых и раненных я видел лично в лазарете мусульман, устроенном в нижней части города в здании школы. Затем армяне очистили мусульманскую часть города и ушли в армянскую часть, когда узнали, что к Шемахе приближается Исмаил Хан». (96) Как следует из документа, 2000 горожан были убиты во время первого штурма города, т.е. еще до прихода Гянджинских войск. Эта цифра упоминается и в другом документе: «За эти пять дней они убили около двух тысяч мусульман, и если бы они не узнали, что в Шемаху идет Исмаил Хан из Елизаветпола, то они тогда же перебили бы всех мусульман в Шемахе и уничтожили бы весь город». (97) В свидетельствах шемахинцев приводятся приблизительно такие цифры также об убитых жителях-мусульман города, во время его второго штурма: «Числа 7 апреля армяне вновь ворвались в Шемаху и вырезали население 8 тысяч мусульман и уничтожили все имущество, разграбив предварительно движимое имущество»; (98) «Дней через восемь из Баку прибыл в Шемаху большой отряд армян во главе со Степаном Лалаевым и Амировым, которые совершенно уничтожили весь город и перебили приблизительно до 8000 мусульман; были убиты главным образом женщины, дети и старики, потому, что более сильные мусульмане все убежали из города». (99) А один из жителей Шемахи называет уже более обобщенную цифру: «Я видел в Шемахе разные землетрясения, которые разрушали наш город. Но

разрушение, произведенное в городе армянами, превзошли все виденные мною землетрясения в Шемахе. От 15 тысяч мусульман едва ли осталось 5 тысяч, а все остальные погибли».(100)

В отличие от сельских жителей, точный подсчет убитых-шемахинцев оказался не возможным из-за расселения оставшихся в живых горожан по разным городам и уездам Азербайджана, большинство из которых так и не вернулось в свой разрушенный до основания родной город, за отсутствием возможностей для его скорейшего восстановления. Ярким примером сказанному, служит цифра о численности всего населения города Шемахи в 1921 году – всего 1700 человек.(101)

В результате погромов, гор. Шемаха, состоящая из 4-х тысяч (в других источниках - 5 тысяч) домов, была полностью сожжена и уничтожена. В городе не осталось ни одного целого строения, кроме незначительно поврежденного здания городского реального училища и 3-4 жилых домов на Верхней - армянской части, а также совершенно не пострадавших православного и армянского церквей. Следует отметить, что большинство армянских домов в Шемахе были сожжены самими армянами как во время отступления из города перед наступающими отрядами Исмаил Хана Зиатханова, о чем свидетельствовал сам Степан Лалаев, также перед наступлением турецко-азербайджанских войск, чтобы они не достались «туркам». (102)

Помимо жилых кварталов, в городе были разгромлены и уничтожены все мечети, все общественные здания, все базары, сотни торговых объектов, амбаров, мельниц, шелкопрядильные и красильные фабрики, заводы по изготовлению табака, спичек и другие гражданские объекты. Размер материальных убытков, причиненных мусульманскому населению г. Шемахи, по среднему подсчету, составил более одного миллиарда рублей. (103)

* * *

Трагическая участь, постигшая десятки тысяч жителей городов Баку и Шемахи в марте 1918 г. не обошла стороной и население более ста мусульманских селений Шемахинского уезда. Разбросанные по горам и низменностям десятки азербайджанских деревень, не смотря на редкие и отчаянные попытки их жителей защититься, в целом оказались беспомощными и бессильными перед полчищами знакомых и незнакомых армян, а также, как не прискорбно было им признаться, других соседей - молокан. Об участии Шемахинских молокан в азербайджанских погромах в Шемахе и в селениях уезда будет сказано отдельно. Однако многие факторы – бесперебойное подкрепление хорошо вооруженных Шемахинских армян и молокан новыми отрядами с артиллерией и пулеметами из Баку, внезапность и вероломность нападений, отсутствие реальных возможностей у мусульманского сельского населения оказать действенное сопротивление нападавшим на них бандам и т.д., предопределили исход событий, разыгравшихся с марта по июль 1918 г. в Шемахинском уезде, отнюдь не в пользу мусульманского крестьянства.

К началу 1918 г. в Шемахинском уезде было 229 селений.(104) Из них 196 – азербайджанские, 21 – армянские, 11- русские и молоканские, 1 – еврейское. Среди азербайджанских селений было несколько кочевья, а 2 селения (Мири-кенд и Талыш Мелик-Умуд) было со смешанным – азербайджано-армянским населением. По числу домов и жителей, селения заметно отличались между собой: существовали как крупные, с населением более 2 и 3-х тысяч с лишним человек, так и совсем небольшие – из 15-20 домов с 100-150 жителями. Все они вели свое хозяйство, занимаясь в основном хлебопашеством и животноводством, растили детей, поддерживали добрые отношения со своими соседями, в том числе армянами и молоканами, строго придерживались своей религии, при этом являлись законопослушными гражданами, в общем, жили обычной мирной жизнью.

Погромы в мусульманских селениях Шемахинского уезда начались одновременно с гор. Шемахой и продолжались с конца марта по середине июля 1918 г. За все это время население 110 азербайджанских сел подверглось тотальному насилию со стороны армян и молокан. Остальные мусульманские селения остались вне «внимания» погромщиков во многом из-за своего географического положения – размещения на слишком высокогорной местности. Только 5 селений из 110 избежали разгрома и пожара, население понесло только человеческие и материальные убытки (Калейбугурт, Курузма, Мальгам, Чаган-Верхний, Чаган-Нижний). Более ста селений, в том числе и кочевья, были полностью или же частично сожжены и разгромлены.

Во всех подвергшихся нападению селениях были убиты ни в чем повинные, безоружные и беззащитные люди, в том числе, старики, женщины, дети, больные и немощные. Были селения, потерявшие почти половину или треть своих жителей: Так, в селении Наваги было убито 955, Дильман – 585, Кубалы Бала-оглан- 535, Ахсу – 500, Кельва- 500, Багирли – 370, Маразали – 300, Тирджан - 360 и т.д., мирных жителей.

Число умерших от холода, голода и болезней во время многомесячных скитаний в горах, лесах, степи, и даже среди беженцев, заполнивших города и селения других уездов, намного превышало число убитых во время самих погромов, достигая несколько десятков тысяч. В числе умерших от пережитых ужасов и болезни шемахинских беженцев был также известный Азербайджанский поэт и просветитель Аббас Саххат, о котором говорилось выше. Вне человеческие условия, в которые были загнаны оставшиеся без крыши над головой и куска хлеба десятки тысяч беженцев, привели к вспышке эпидемий сразу нескольких болезней, особенно брюшного тифа, которая свирепствовала среди шемахинцев долгое время, даже после возвращения их в свои родные очаги после освобождения уезда турецко-азербайджанскими войсками, унося ежедневно десятки жизней. Все эти факторы отразились на резком сокращении населения, как самих селений, так и уезда в целом.

Помимо человеческих потерь, население всех 110 селений Шемахинского уезда понесло колоссальные материальные убытки в результате уничтожения

домов, хозяйств и домашних вещей, угона крупного рогатого и мелкого скота, сельхозорудий, а также материальных убытков. Были селения, полностью разгромленные и разрушенные армянскими вооруженными бандами, независимо от количества домов, начиная от Наваги - 1500 домов, и кончая Пир-Абуль-Касум – 90 домов или Чайлы Бахиш-бекли – 36 домов. (105)

В селении Ахсу из 500 домов целыми остались всего 4 дома, в Марзандиге и Таглабиян из 80 домов – 10, в Бекля из 50 - 8. В Набуре из 280 домов были подожжены и разрушены 200, в Араб-Джабирли из 200 – 142, в Сунди из 413 домов – сожжены 198. (106)

Кроме домов и разных построек были разрушены и сожжены более 20-ти сельских приходских мечетей со всем имуществом, в селениях Араб-Джабирли, Араб-Кадым, Ангехаран, Ахсу, Гаджиман, Гамялы, Джагирли, Кельва, Наваги, Ранчбар, Текля-бекская, Текля-Мамед-Гусейн, Хатман, Чалов, Чарган, Чуханлу, Шихляр и др.

В том же Наваги были уничтожены помимо домов, хозяйств и мечети, сельская школа в 12 комнатах, здание сельского правления с заезжим двором, 2-х моторная на 3-х поставах мельница - «все здания на каменном фундаменте основательной постройки. Были сожжены также до 80 лавок, магазинов, 30 складов с товарами и амбаров». (107)

В селении Сунди помимо мечети и училища при ней, было уничтожено здание, где помещалось кредитное товарищество с документами и сельский кооператив, в сел. Ранчбар кроме мечети был до основания разгромлен здание сельского управления, все деревянные и железные части здания оказались расхищенными.

Неожиданному нападению армянских войск подверглись почти все селения, входящие в Абдулянский полицейский участок, расположенные в основном на низменности, близ железной дороги и станций Аджикабул, Пирсаат и Наваги. С этих станций, а также со станции Кюрдамир, начинала свое движение в Шемаху часть армянских войск. Потеряв сотни жителей убитыми во время нападений и бегства, большинство населения этих селений спаслось лишь благодаря возможности переправляться через Куру в соседний Джевадский уезд. Оставленные дома, хозяйства, имущество и скот были частью сожжены и разгромлены, частью угнаны и похищены нападавшими армянами. Погромы селений Абдулянского участка продолжались также с конца марта по июнь 1918 г.

Многие азербайджанские селения подверглись нападению дважды (Мейниман, Биджов, Чайлы-Ага-Киши-бек, Рагимли, Кущи и др.), а некоторые даже трижды и больше (Овджулу, Маразали, Сардагар и др.) Бывали случаи, когда нападали вначале армяне, затем молукане, или наоборот. Некоторые селения, частично пострадавшие от первых погромов, вновь подверглись нападению армян уже во время наступления турецко-азербайджанских войск. Отступая, армянские отряды сжигали и уничтожали все на своем пути, при этом грабили и убивали мирных крестьян с еще большим ожесточением.

Как уже отмечалось, на мусульманские селения нападали, как правило, армяне, или совместные армяно-молоканские отряды, и в отдельных случаях только молокане. Последнее имело место в 4-х селениях, о чем будет сказано отдельно. Мусульманское население 25-ти селений указывало, что на них напали объединенные армяно-молоканские силы, а 81 селение из 110 оказалось жертвой исключительно армян. Обращает внимание, что, крестьяне-азербайджанцы не всегда могли опознать нападавших, (видевшие их близко, как правило, оказывались убитыми), вместе с тем в большинстве случаев они указывали на жителей тех или иных армянских и молоканских селений, нередко называя несколько фамилий. Таким образом, в целом оказались упомянутыми все армянские и большинство молоканских селений Шемахинского уезда. Лишь жители нескольких селений, в основном входящие в Абдулян-ский участок, отмечали, что нападавшими были армянские солдаты, но даже среди армянских войск всегда находились местные жители, служившие проводниками или наводчиками. Участие местных армян и молокан на азербайджанских погромах будет подтверждено следственными материалами, о чем будет сказано ниже.

Погромы селений Шемахинского уезда происходили в разное время и в разных условиях, и, учитывая начало и ход событий, не должны были застать мусульманское население врасплох, как это оказалось на деле. Еще задолго до начала Шемахинских событий крестьяне многих мусульманских селений, особенно расположенных недалеко от армянских сел, или в их окружении, были хорошо осведомлены о настроениях, царящих в соседних деревнях. Транспорты с оружием в сопровождении прибывающих якобы из фронта армянских солдат, в основном не шемахинцев, также не оставались незамеченными. Как уже отмечалось выше, крестьянами мусульманских селений предпринимались отдельные попытки захватить эти «караваны» оружия, чтобы вооружиться самим и быть готовыми к непредвиденным событиям. Сотни вооруженных азербайджанских крестьян были в гор. Шемахе накануне нападения на город, однако, обманутые «заключением мира», спокойно разошлись по своим деревням. Отсюда и, вероломность и неожиданность вступления армян и молокан для тех мусульманских селений, которые в мартовские дни первыми испытали на себе все ужасы и последствия погромов. Такая участь постигла жителей селений, расположенных не далеко от гор. Шемахи – Ангехаран, Маразы-мусульманское, Араб-Кадым, Джамджамлы, Шародил, Джеваншир, Овджулу, Боят, Чарган и др.: «Окружив со всех сторон, молокане и армяне обстреливали нас из ружей, пулеметов и пушек. Бежали мы под градами пуль, массами погибая. В панике мы не только не могли захватить что-либо из имущества своего, но даже не имели возможность увести трупы павших и раненных жен и детей наших. Армяне и молокане преследовали нас, но наступивший вечер спас нас от полного истребления». (108)

Разгром и сожжение города Шемахи и десятков деревень в конце марта – во время первого нашествия армян и молокан - еще не совсем сломили волю

мусульманского населения уезда, которая воспрянула с приходом гянджинских войск во главе с Исмаил Ханом Зиадхановым. Многие жители, успевшие спастись, вернулись в свои селения, которые застали разгромленными и сожженными, похоронили своих погибших близких, искали и нашли трупы уведенных в плен односельчан в армянских деревнях, опустевших перед приходом мусульманских войск. Последние хоть и разгромили несколько армянских деревень, в первую очередь Матрасы, где размещался армянский штаб, однако не сожгли и не разрушили ни одного армянского селения. Остались целыми и невредимыми также армянские церкви и дома молебны.

Однако после ухода Исмаил хана со своими отрядами, и второго нападения на Шемаху, в результате которого город был совершенно уничтожен, а шемахинцы -горожане оказались или убитыми, или беженцами, мусульманское крестьянство попало в совершенно безвыходное и незащитное положение.

Положение это еще более усугубилось тем, что население большинства селений за несколько дней до нападения на них, как правило, обезоруживалось под предлогом «подчинения новым властям». Представителями «новых властей» выступали как армяне, так и молокане, и только в этих случаях азербайджанские крестьяне узнавали о «существовании» якобы какой-либо власти под не известным им доселе названием «большевистской». Однако ни чем другим, кроме как внезапным и вероломным нападением, массовым и безжалостным убийством, уничтожением, грабежом и похищением имущества, новая власть свое отношение к мусульманскому населению не проявляла, о чем будет сказано ниже. Не случайно, что все совершившие эти преступления лица обозначались азербайджанцами просто как «армяне» или «молокане», тем более что во время почти каждого нападения они узнавали, а позже и называли имена конкретных людей – жителей соседних армянских или молоканских селений, которые никак ни ассоциировались у них «властью».

В этом отношении весьма характерно показание жителя селения Наваги, 70-летнего Гаджи Ирзы Зейнал Абдин оглы, грамотного и состоятельного человека, которого армяне в одночасье «сделали нищим». Не ограничиваясь перечислением ущерба, причиненным ему во время погромов, Гаджи Ирза в отличие от многих своих односельчан пытался объяснить причину столь вероломного поведения погромщиков: «Я так думаю, что армяне Бакинские соединились с Александропольскими армянами, хотели всех нас мусульман уничтожить, потому что они убивали даже убежавших, спасавшихся из селения, я не знаю, почему теперь армян называют большевиками. Что такое большевики, я не понимаю, но хорошо знаю, что на наше селение напали исключительно армянские солдаты». (109)

Следует отметить, что были селения, которые пытались оказывать сопротивление нападавшим армянским и молоканским бандам (Муганлы, Геогляр, Наваги, Шорбачи, Кевляр, Сардагар и др.). Так, жители сел. Муганлы 5 дней, начиная с 14 (27) марта, т.е. одновременно с началом Шемахинских событий, противостояли вооруженным армянам из трех соседних селений Мирикенд,

Зархи и Сагиян. «В нападении принимали участие все мужское население армянских селений до 60-ти десятилетнего возраста... За время продолжавшейся перестрелки армяне взяли из наших односельчан в плен и убили пятнадцать или шестнадцать человек». И лишь на пятый день, когда «на помощь армянам пришли молокане соседнего села Новой-Дмитриевки и ударили в тыл», муганлинцы всем селом были вынуждены отступить в селение Кельва, оставив большую часть имущества и скота на месте. Муганлы, как и многие другие селения Шемахинского уезда, было подожжено дотла, а все имущество и скот похищено. Однако в случае с селением Муганлы обращает на себя внимание и такой факт, что еще 14 (27) марта армяне предложили муганлинцам оставить селение добровольно, «объяснив, что оно им нужно по стратегическим соображениям», на что получили отказ. (110)

Все это еще раз подтверждает истину, что нападение на Шемаху и последующие за ним события не были результатом спонтанно сложившихся обстоятельств, а являлись следствием заранее задуманной и планомерно осуществляемой политики, разработанной далеко за пределами самой Шемахи.

Среди сражавшихся с армянами селений следует упомянуть и Геогляр, жителям которых удалось отстоять свое селение во время первого нападения и прогнать нападавших. Однако, предотвратить второе нападение, когда объединенные армяно-молоканские банды, по численности многократно превышали геоглярцев, не удалось и последним пришлось просто бежать из селения, оставив свои дома и имущества на произвол. Селение было разрушено и разгромлено, 200 из имеющихся 400 домов подожжено, а население из 2800 человек, в течение 2-х месяцев сократилось ровно на половину. Кроме погибших вследствие нападения армян и молокан, часть жителей, в том числе женщины и дети, были убиты в плену, а остальные умерли во время бегства и скитаний от холода, голода, болезни и других лишений. Положение скитальцев было настолько критическим, что перед угрозой неминуемой массовой смерти и полного уничтожения, геоглярцы, были вынуждены обратиться к новым «хозяевам»: «Во время сенокоса (в мае месяце) мы изъявили покорность, и нам разрешили было вернуться в свое разоренное селение». (111)

Кстати, «изъявить покорность» и получить «разрешение» на возвращение в свое селение удалось беженцам еще нескольких селений, таких как Кештимаз и Кашад. Им, конечно, не вернули похищенное имущество и скот, но освободили оставшихся в живых пленных, в основном женщин и детей. «Все женщины и девушки, бывшие в плену, были изнасилованы. Многие из них не пережили позора и страданий и умерли». Однако и это «снисхождение» оказалось недолговременным и не безопасным. «Когда армяне и молокане отступали при наступлении турок, они опять напали на нас. Многих убили, остальные бежали». (112)

Вместе с тем, даже подчинившиеся сразу «новым властям» и отдавшие все имеющееся в селении оружия крестьяне не избежали участи жителей других мусульманских селений. Так, в селении Кубалы Бала-оглан погромы нача-

лись немедля, как только население выдало оружие. «Наши жители, старики и женщины бросались на колени и умоляли армянских солдат, хотя бы пощадить нашу жизнь, но они не обращали внимания, армяне ругали нас и нашу веру матерными словами. У нас тогда было убито 250 мужчин, 150 женщин, детей 135, раненных мужчин- 32, женщин 16 и 21 ребенок». Успевшие спастись и покинуть селение жители, вынуждены были скитаться по степи и ждать «милости» новых «хозяев»: «Сельским хозяйством мы не имели возможности заниматься, потому, что были совершенно ограблены, так и потому, что боялись армян. До прибытия турок мы 7 или 8 раз делали попытки возвратиться в селение, но армянские отряды в селение нас не пускали и окончательно водворили нас турки». (113)

Жителям селения Чаган-Верхний после подчинения новым «властям» и сдачи оружия, хоть и позволили остаться в селении, «но армянские вооруженные банды из селения Матрасе, Мейсары и др. стали систематически совершать набеги на наше селение, угонять скот, грабить дома, натравлять посева и т.д. Таких нападений они совершили несколько. Всякий раз при приближении армян мы, будучи безоружными, убегали в лес, а они хозяйничали в селении как хотели. Было даже так, что когда поспели хлеба, они снимали урожай, молотили его у нас же в селении, после чего вывозили его с собой в свои селения». (114)

Все другие попытки, предпринятые азербайджанскими крестьянами, чтобы как-то наладить отношения с новыми хозяевами и обеспечить безопасность своего существования, также потерпели неудачу. «Армяне по дороге за сел. Чарган зарезали несколько сельчан, которые были избраны обществом, как делегация, которая должна была отправиться в Баку для изъявления покорности армянам... Они были из сел. Нюгды и Кошад». (115) «После ухода из Шемахи Исмаил Хана, спустя несколько дней, мы увидели, что на наше селение с горы двигалось большое войско молокан и армян. Мы послали к ним с белым флагом шесть почетных стариков с объявлением, что сдаемся. Они расстреляли наших парламентаров на наших глазах так на расстоянии более полверсты. Увидев это, мы все, как кто стоял, бросились бежать, оставив положительно все свое имущество и скот. Нас начали преследовать и стрелять в нас. Старики, больные, женщины и дети, которые отстали, были убиты». (116)

Бежать... Это стало единственным выходом для спасения. «Нам ничего не оставалось, как бежать, и бежать как можно поскорее. Когда вошли армяне в селение наше, нас уже не было там». (117) Так спасли себе жизнь жители селений Кичатан, Текля Мирза-Баба, Екахана, Тасы, Биджов, Шихзагерли, Чалов, Ших-Мазид, Туран-Коланы, Абдулян, Ленгезиз, Мурты, Ахтаци, Талыш-Мелик-Умуд и др.

Задержавшиеся, или те, которые не хотели покинуть свои селения, как правило, не выживали. «Армяне перебили оставшихся там 14 человек- стари-

ков, женщин и детей, которые, как бедняки думали, что армяне их не тронут и потому не ушли из селения”. (118)

Нередко, не успев убежать далеко, жители становились свидетелями происходящего в их селении: «Когда я сидел на горе я видел, что одним выстрелом был тяжело ранен мой родной брат – 90 летний старик Молла Исмаил Молла Махмуд оглы. Он упал после выстрела, армяне подошли к нему и отрезали ему голову. Уже впоследствии, когда пришли турки, и мы вернулись в селение, то я уже увидел кости своего брата, а голову нашел впоследствии на Баскальской дороге. Мой брат также мог бы убежать, но он с другими почетными жителями селения с белым флагом вышли на встречу армянскому отряду, думая, что армяне пощадят и их, и селение, но армяне перебили решительно всех, оставшихся в селении, не исключая малолетних детей, и селение разгромили»; «Когда армяне громили наше селение я в числе других многих наших односельчан бежал из селения на соседнюю гору, где спрятались в кустах, и оттуда были отлично видны улицы селения. Я видел, как армяне убивали жителей, уничтожали скот, грабили имущество, увозили его из домов. Среди нападавших я хорошо опознал и ранее мне известных знакомых по соседним селениям армян Джангира Рустам оглы, Мкртыча Будагова, Левона Пирвердова и сагиянца Нерсеса, который раньше был лесным объездчиком и я его очень хорошо знал, он с нами и в нашем доме неоднократно ел хлеб-соль и вообще дружил, я не мог никак ошибиться в опознании названных лиц, так как гора и кусты, где мы спрятались, были на близком расстоянии от селения.» (119)

Нападая вероломно на азербайджанские селения, за несколькими исключениями практически не встречая сопротивления, и, как правило, заранее обезоруживая мусульманское население, армяно-молоканские отряды убивали мирных, беззащитных людей, в большинстве своем неграмотных и далеких от политики. Особенно бесчинствовали армяне, как солдаты, так и местные, не уступая друг другу в жестокости и изуверствах по отношению к мусульманскому крестьянству. Расстреливая и преследуя убежавших в панике людей, они не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей.

Причину столь активного и массового участия мужского населения армянских селений Шемахинского уезда в азербайджанских погромах, сами крестьяне-азербайджанцы или вовсе не могли объяснять, или же объясняли национальной враждой армян к мусульманам вообще, не понимая причины такого зверского поведения своих недавних добрых соседей, среди которых многие из них имели своих «кунаков».

Бывали, конечно, случаи, когда армяне предупреждали своих знакомых о надвигающейся опасности, как например, с помещиками Шихалибеками из селения Османбекли. «...один армянин келакханинец, наш хороший знакомый, которого называют «Кохалы» Рафаил, предупредил нас чрез одного человека, чтобы мы ушли из нашего селения куда-нибудь подальше, так как скоро армяне нападут на Шемаху и окрестные мусульманские селения. В

ночь на 18 марта мы все ушли из селения в сел. Ленгебиз, но оставили все свое движимое имущество. В некотором расстоянии от селения на горе мы оставили караульщика, чтобы он наблюдал, когда придут армяне. 18 марта караульщики сообщили нам, что армяне напали на наше селение и подожгли его. Я и несколько человек сели на лошадей и приехали в селение, где нашли горевшими мой дом и дом Шахлар бека Шихалибекова. Мы потушили пожар. Но в то же время увидели, что армяне опять шли на наше селение, и убежали. Один чарганец, имени и отчество, которого не знаю, говорил мне, что нападением и поджогами руководил армянин – келакханинец «слепой» Иосиф. Кроме келакханинцев, участие в нападении принимали керкендцы и матрасинцы, ближайšie наши соседи». (120)

Этот случай, когда одни жители армянского селения предупреждали своих азербайджанских знакомых об ожидаемом нападении, а другие участвовали в этом самом нападении, оказался единственным, по крайней мере, упомянутым в свидетельствах азербайджанцев.

Однако представляет не меньший интерес и поведение армян в селениях со смешанным населением. Как уже было указано выше, таких селений в Шемахинском уезде было всего две, притом не больших. Так, в сел. Мирикенд, который, почему то считался армянским, существовало 18 армянских и 17 азербайджанских домов. И когда даже в это селение было произведено нападение с целью «разобраться» с мусульманским населением, мирикендским армянам удалось отстоять своих односельчан, уверяя нападавших соплеменников в том, что они «добрые соседи и что всегда жили с ними в ладу». «Однако, боясь, что горсть армян мирикендцев едва ли будет в состоянии защитить нас от армян других селений, которые, благодаря общей ненависти армян к мусульманам, уже разгромили много мусульманских селений, ушли из своего селения. Ушли мы ночью, не все сразу, а по несколько домов, и чтобы было это не заметно для матрасинских армян, которые могли по дороге напасть на нас, мы ничего из вещей своих и скота не брали». Но эта история имела свое продолжение. «В селение Сураханы, где мы повели проживание дней 8, пришел односелец наш, Кеворк Петрос оглы, который уговорил несколько домов вернуться в селение Мирикенд. Из вернувшихся никто не остался в живых. Их было мужчин, женщин и детей – человек 19». Этот же Кеворк Петрос оглы затем вместе со своим братом Сатраком «участвовал в резне» вернувшихся мусульман, которую устроили матрасинские армяне. В итоге, все дома мирикендских мусульман все равно были «сожжены и разрушены, скот угнан, а домашние вещи расхищены». (121)

Впрочем, исходя из того, что у армян «дело так поставлено, что убивают того, кто просит за врага» - так ответил «знакомый армянин (кунак) из сел. Келакханы Амбарцум» на просьбу жительницы сел. Чарган Нана-Ханум Бадал кызы о помощи – заступничество мирикендских армян за своих односельчан-мусульман в целом можно было бы и оценить. Хотя этот поступок не поме-

шал тем же армянским жителям Мирикенда участвовать в погромах других азербайджанских селений. (122)

В конце апреля и, особенно в мае началась новая волна нападений на мусульманские селения, притом по одному тому же сценарию: внезапно и ранним утром на рассвете. Нападали в основном армянские отряды, состоящие из жителей соседних армянских селений и солдат, но были и смешанные – армяно-молоканские банды. Жертвами же оказались в большинстве своем селения Кошунского полицейского участка – Сураханы, Тирджан, Заргова, Сардагар, Ханкенди. Шабиян, Мачахи, Келфарадж, Таглибиян, Кюрдиван, Мюджи, Пир-Кара-Чуха, Зейва, Нуран, Гаджиман, Кельва, Хатман и др. Среди опознанных и названных армян из числа нападающих стало фигурировать уже имя Степана Лалаева. «Спустя несколько недель Шемахинского события, человек 100 солдат, состоящих из армян и молокан, во главе с Степаном Лалаевым, ...пришли в наше местечко, нас собрали в одно место. Степан же Лалаев объявил нам, что он теперь является царем нашим и при чем наше имущество, и мы всецело принадлежим ему. Приказал собрать наш скот, имущество и деньги и направили нас в сел. Чухур-Юрт. Но в лесу приказал он солдатам расстрелять нас. Всех начали солдаты расстреливать. Нас спаслось четыре человека бегством.» (123)

Частое упоминание имени Степана Лалаева в свидетельствах Шемахинских крестьян свидетельствует, что «деятельность» этого прославившегося своим изуверством и жестокостью «борца за правое дело армян» не ограничивалась большими городами, будь то Баку или Шемаха. Степан Лалаев появлялся то в одном, то в другом селении Шемахинского уезда, и даже на дорогах. В числе жертв одного из таких разбойничьих нападений стали несколько семейств – шемахинцев, проживающих в Баку, которые решили поехать в Шемаху, в свои родные селения, чтобы «посмотреть, что стало с их домами, а также родными и знакомыми после армянского нашествия». Собралось «довольно многочисленное общество», которое выехало из Баку ранним утром на 12-ти фургонах, «захватив с собой деньги и драгоценности». Через несколько часов весь этот караван фаэтонов был окружен на дороге между селениями Арабшахверди и Мараза армянскими солдатами во главе со Степаном Лалаевым и в течение нескольких часов ограблен начисто. В числе ограбленных оказалась и семья Ханлар бека Джеваншира, из знаменитого Карабахского рода Джеваншир – сам Ханлар бек, его жена Салтанат ханум, их 6 сыновей и 3 дочери. Были обысканы все члены семьи, в том числе дети 8 и 10 лет. Помимо денег в крупных размерах, у женщин отняли все драгоценности, вплоть до золотых цепочек и сережек у девочек. Однако беды пассажиров 12 фаэтонов на этом не закончились. Так показывала Салтанат ханум: «После грабежа нас всех вместе с нашими фаэтонщиками повели в селение Маразу, где мы и пробыли под стражей 18 суток, причем на пятнадцатый день заключения мужчин-пассажиров, за исключением стариков: Касим бека Визирова и Исмаил бека, вместе с фаэтонщиками куда-то отправили, сказав,

что их отправляют в Шемаху для обмена пленными. Из нашей семьи увели: моего мужа и сыновей: Джабара, Сулеймана, Мустафу и Абулфата, какова затем постигла судьба уведенных, я не знаю, наверно, их убили, и с тех пор я ни мужа, ни сыновей более не видела и о тех фазтонщиков ничего не знаю».

Как стало известно позже, все уведенные мужчины были расстреляны близ Шемахи. А до этого события семья Джеваншир потеряла также одну из дочерей: 18 летняя Шамси была изнасилована и умерла через несколько дней, «умерли и еще две Шемахинские девушки, тоже изнасилованные». Как следует из свидетельства другой дочери Ханлар бека, 16-летней Бегим Ханум, за все 18 дней армяне учиняли над азербайджанскими пленными разного рода пытки и насилия: «ежедневно по вечерам, как мужчин, так и женщин подвергали побитью нагайками. Били нас солдаты, бил и сам Лалаев. Били нас без всякой с нашей стороны вины, просто лишь так, потому что мы мусульмане. Некоторых женщин уводили из общего помещения и изнасиловали. Приблизительно на четвертый день нашего задержания была уведена моя сестра Шамси, которая затем вернувшись, нам рассказала, что ее изнасиловал сам Лалаев, были изнасилованы и некоторые другие девушки... Сестра Шамси от страха и горя умерла. Отцу позволили похоронить Шамси, но нас, женщин, на похороны сестры не допустили». На 18-ый день пленения, оставшихся в живых 35 человек, в основном женщин, детей и двух стариков, под конвоем отправили в Баку, так и не позволив им проехать в свои имения. А перед въездом в город, солдаты, получив выкуп, отпустили своих пленных. (124)

Нападения, поджоги, разгромы, разбои и грабежи по отношению мусульманского населения, проживающего в пределах всего Шемахинского уезда, продолжались вплоть до прихода турецко-азербайджанских войск. Так, жители селения Алпаут- мусульманское подверглись нападению, когда уже шли ожесточенные бои между противоборствующими сторонами – турецко-азербайджанскими силами и большевистско-армянскими отрядами. «Когда турки начали наступать от сел. Ахсу, армяне и молокане ночью окружили наше селение и открыли стрельбу. Мы все бежали, оставив все свое имущество. Во время обстрела было убито 20 человек наших односельчан, 15 мужчин и 5 женщин. Все наше движимое имущество и весь скот были похищены. Потом селение было подожжено. Сгорело почти все селение, осталось всего пять домов». (125)

Селения Шемахинского уезда были окончательно освобождены в середине июля 1918 г. Учитывая наличие разрозненных вооруженных армяно-молоканских отрядов, все еще бесчинствующих в мусульманских селениях, отдельным турецким частям, остановившимся в Шемахе и занимающимся наведением порядка, пришлось непосредственно водворять азербайджанских крестьян в их селения.

Таким образом, за март-июль 1918 г. более 100 селений Шемахинского уезда были сожжены и разгромлены, а жители 110 селений пострадали от нападения армяно-молоканских банд. Некоторые из них подверглись неочи-

данному и коварному нападению, и лишь изредка могли оказать сопротивление. Жители отдельных селений, добровольно сдавшие свое оружие армяно-молоканским отрядам и обнадеженные ими, что после этого их не тронут, оказались застигнутыми врасплох и вследствие этого также понесли огромные жертвы и испытали невероятные мучения. Население нескольких селений спасалось бегством при приближении врагов и отступало под обстрелом с далекого расстояния. Население других селений, оставив свои села, уходило заблаговременно до прихода армян или молокан, или тех и других вместе.

Однако, во всех случаях азербайджанское население селений Шемахинского уезда понесло огромные человеческие и материальные потери, не говоря о невероятно тяжелом моральном и психологическом ущербе.

Общее число погибших сельских жителей - только убитых во время нападения и в плену - составляло 10.341 человек, из них 4359 женщины и дети.

Число умерших от холода, голода и болезней во время многомесячных скитаний в горах, лесах, степи, и даже среди беженцев, заполнивших города и селения других уездов, намного превышало число убитых во время самих погромов, достигая до нескольких десятков тысяч.

Общий размер имущественного ущерба, причиненного крестьянам мусульманских селений Шемахинского уезда составлял только по зафиксированным убыткам 607.167.420 рублей.

Степень же морального и психологического ущерба не поддавалась измерению.

4. Молокане в Шемахинских событиях 1918 года

Как уже отмечалось выше, выселенное в 30-х годах XIX в. из глубинных областей России за непризнание православной церкви и обрядов русское население, получившее за свое религиозное учение (которое они сами обозначали как «чистое молоко словесное») название «молокане», было частично расселено и на азербайджанских землях. Переселенцы были размещены в разных областях Азербайджана, разделенных со временем на отдельные административно-территориальные единицы – уезды. К началу января 1917 года в Шемахинском уезде проживало 19.393 русских, большинство из которых составляли сектанты. В самом городе Шемахе проживало 1737 русских, из них 1158 православных, в основном чиновники и служащие, и 579 сектантов. А в 11 русских селениях Шемахинского уезда проживало 17.656 русских, из них 1511 - православные, остальные 16.145 - сектанты. Хотя среди сектантов были представители разных сект: молокане, скопцы, субботники, старообрядцы, баптисты, духоборы и др., однако местное население объединяло их всех под названием «молокане», которые составляли большинство. Образованные русскими сектантами селения также обозначались местным населением как «молоканские».

К 1918 г. из 11 русских селений в Шемахинском уезде 10 были «молоканскими», т.е. населенными сектантами, в основном молоканами. Самыми большими молоканскими селениями считались Хильмили (Козлу-Чай - более 3-х тысяч населения), Астрахановка (Кыз-Мейдан), Чухур-Юрт, Алты-Агач (более 2-х тысяч населения).

Как же жилось русским молоканам вдали от центральных областей России, среди «не враждебного народа, но и не питающего любовь к пришельцам на их землю?» (1) Как известно из существующего и частично рассмотренного выше исторического материала, за весь более чем 80-летний период пребывания молокан на территории Шемахинского уезда не произошло каких-либо случаев противостояния между «коренным народом», т.е. азербайджанцами и «пришельцами» - молоканами. «Текла размеренная мирная жизнь между мусульманскими и молоканскими селениями. Многие обзаводились кунаками, но родство не заводили с учетом строгих мусульманских и молоканских порядков. Ездили и ходили друг к другу в гости. Молокане, как истинные хлеборобы, обрабатывали свои наделы из общественной пахотной земли и арендовали земли под посевы зерновых у мусульман-кочевников. Велась честная торговля необходимыми продуктами. Были в Хильмилях несколько торговых лавок, владельцами которых были мусульмане. Мусульмане привозили размалывать свое зерно на молоканские водяные мельницы, а их было только на реке Козлу-чай двадцать штук и на Пирсагат-чае около десяти. И все мельники молокане чисто владели азербайджанским языком, потому что со всех окрестных азербайджанских сёл зерно привозилось на эти мельницы, и на них в основном преобладала азербайджанская речь». (2)

Что же случилось в марте 1918 г. с Шемахинскими молоканами, этими «богобоязненными» приверженцами «чистого молока словесного», со времен своего переселения проживающими в спокойствии и благополучии в окружении миролюбиво и доброжелательно настроенного к ним местного населения? Каким образом превратившихся вдруг в настоящих зверей они стали разгромить целые селения, беспощадно истребляя при этом своих вчерашних добрых соседей – мусульман, безоружных мужчин, женщин и детей? Почему они приняли сторону армян, объявивших настоящую войну мусульманскому населению и порою не уступали им в жестокости и кровожадности?

Забегая вперед, отметим, что даже после крушения Российской империи в 1917 г. в Шемахинском уезде не было ни одного конфликта между азербайджанским и русским населением, ни одного случая нападения на русские - молоканские селения или притеснения русского населения, что могло бы дать хоть какое-либо объяснение для столь резкого изменения отношения шемахинских молокан к мусульманам. Впрочем, впоследствии молокане полностью отрицали свое участие в азербайджанских погромах, обвиняя в этих трагических событиях армян и большевиков. Поэтому, вначале следует обратиться к фактам, подтверждающим само событие, в первую очередь, к свидетельствам шемахинцев – как мусульман, так и христиан.

Участие молокан, т.е. местного русского населения-сектантов, в первом штурме гор. Шемахи явилось событием, столь очевидным, что оспаривать его не представлялось просто возможным. Правда, с изменением политической ситуации в стране, начиная с 1917 года, некоторые совместные действия представителей армянского и русского населения Шемахи против мусульман (напр., в вопросе создания местного военного гарнизона), не оставались незамеченными представителями азербайджанцев, однако открытое вооруженное выступление молокан вместе с армянами стало полной и крайне неприятной неожиданностью не только для всего мусульманского, но и большей части русского населения всего Азербайджана. В более чем тысячах показаний как видных представителей и почетных лиц мусульман, так и простых шемахинцев, описывающих тревожные дни накануне трагических событий, нет ни одного упоминания или намека на молокан, как на предполагаемых союзников армян. В рассказах же об отдельных случаях вооруженного противостояния, предваряющих азербайджанские погромы, которые, как позже выяснилось, для успокоения мусульманского населения завершились так называемым «примирением», говорилось только об армянах и азербайджанцах. Лишь в одном документе - свидетельстве Абдуль Ахада Искендерова упоминались также молокане: «15 марта между мусульманами и армянами и молоканами состоялось примирение с участием духовенства... Примирение было скреплено на бумаге представителями трех наций». (3)

Вместе с тем, если отдельные представители русского населения, в том числе и молокан, а также русское духовенство, действительно участвовали в процессе перемирия, то однозначно не как конфликтующая сторона, что подтверждается многочисленными свидетельствами. Однако через сутки молокане не только поддержали наступления армян на Шемаху с пушечными обстрелами из своих сел, но и вместе с ними с оружием в руках вошли в город.

Князь Левон Георгиевич Вачнадзе, 65 лет, грузин: «18 марта, утром, я услышал со стороны сел. Матрасы один глухой холостой пушечный выстрел, такой же выстрел в ответ на первый я услышал со стороны сел. Джобаны-русские, где живут молокане. Мне показалось, что это условные сигналы. Через час-полтора начался обстрел нижней мусульманской части города из пушек и ружей. Мусульмане сосредоточились в нижней части города. Обстрел из пушек со стороны сел. Матрасы и сел. Джобаны продолжался почти до 4 час. пополудни». (4)

Пантелеймон Иванович Пугачев, 45 л., православный, русский: «Вдруг 18 марта со стороны сел. Матрасы и со стороны сел. Джобаны-русские начался обстрел нижней части города из пушек и ружей». (5)

Владимир Павлович Сазонов, 53 л., доктор медицины, русский: «Вдруг 18 марта, утром, армяне и молокане окружили город и начали обстрел мусульманской части из орудий и ружей». (6)

Екатерина Борисовна Змойро, 42 года, лютеранка: «Перестрелка велась с одной стороны молоканами и армянами, а с другой мусульманами». (7)

Виссарион Давидович Сулава, 45 лет, провизор, грузин: « Оказывается, в эту ночь армяне, соединившись с молоканами, успели получить из всех ближайших селений вооруженную помощь.... Приблизившись к городу, армяне и молокане начали жечь все мусульманские дома, квартал за кварталом. (8)

Мовсум бек Садыхбеков, 40 лет, мусульманин, «Однако, 18 марта на расвете, из сел. Матрасы открыли по Шемахе пушечный огонь. Вскоре выступили против мусульман и молокане». (9)

Гаджи Ших Габиб Ахунд, мусульманин: «Неожиданно 18 марта утром Шемаха оказалась окруженной армянами и молоканами, которые бомбардировали ее из пушек и обстреливали из ружей. Мусульмане взяли за оружие, засели в доме Лалаева, оставленного армянами, и стали защищаться. Но не могли устоять против пушек, в особенности молоканских, и начали отступать. Армяне и молокане по нескольким улицами ворвались в отделение «Пиран-Ширван», начали поджигать дома, убивать жителей, мужчин, женщин и детей, грабить». (10)

Ага-Салим Гаджи Алиев, 42 лет, мусульманин: «Вдруг 18 марта, рано утром, шемахинцы были разбужены громом орудий и пулеметов. Оказалось, что ночью армяне со стороны сел. Матрасы, и молокане со стороны сел. Джобаны-русские окружили Шемаху и повели наступление. Шемахинские мусульмане взяли было за оружие и начали отстреливаться, но не могли устоять против пушек и отступили... В 6 час. вечера решено было сдаться. Армяне и молокане ворвались в мусульманскую часть города, начали поджигать дома, убивали жителей, мужчин, женщин и детей, расстреливали на улицах и в квартирах, грабили». (11)

Кязым Молла Самад оглы, 30 лет, мусульманин: «Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемаха армяне и молокане (русские) подожгли мой дом и ограбили имущество мое». (12)

Ага Мовсум Бабаев, 35 лет, мусульманин: «во время нападения на Шемаху армян и молокан, в наш дом явились армянские солдаты, среди которых заметил 2-3 молокан, и стали грабить наше имущество. Мы все, за исключением моей матери, старухи 84 л. успели спрятаться по соседству, откуда слышали произведенные в нашем дворе выстрелы. Часов в 10 вечера мы отважились вернуться к себе в дом и застали там мать, убитую, а имущество - разграбленным». (13)

Как следует из приведенных свидетельств, речь идет о первом штурме гор. Шемахи, поджоги, убийства и грабежи, в котором продолжались несколько дней, вплоть до прихода Гянджинских войск во главе с Исмаил Ханом Зиадхановым. Участие молокан в этих событиях не вызывает сомнений. Однако, в оценке конкретных действий молокан по отношению к мусульманскому населению, особенно в случаях убийств мирных граждан, мнения свидетелей различались: «Армяне согласились прекратить насилие после выдачи им мусульманами всего оружия. На другой день оружие было выдано. Однако армяне и молокане продолжали убивать жителей и грабить их. (14) «Они, армя-

не и молукане, убивали на улицах мусульман. Но молукане прекратили убийства, когда мусульмане сдались, армяне же продолжали убивать мусульман и после их сдачи». (15) «Несмотря на то, что мусульмане сдались, что оружие было выдано и мир был заключен, армяне и молукане продолжали убивать жителей и грабить их. В таком ужасном положении мусульмане находились до прихода мусульманских войск из Гянджи». (16)

Были свидетели, отрицающие участие молукан в убийстве мусульман, таким образом, сводя их действия только разгрому и грабежам: «Правда, молукане бомбардировали город и ворвались в него вместе с армянами; но я не видел и не слышал, чтобы они поджигали дома и убивали мусульман. (17) «Молукане окрестных селений выступили против шемахинцев вместе с армянами с первого же дня и действовали с ними до конца. Но они не творили те же бесчинства, которые творили армяне, т.е. не принимали участие в поджогах и убийствах». (18)

В некоторых показаниях молукане вовсе представлялись как невольные защитники мусульман: ««Только на третий день поступило видимо спокойствие, когда молукане опомнились, и не только сами перестали бесчинствовать, но не допускали бесчинствовать и армян. Я слышал, что они будто бы даже расстреляли двух армян за бесчинства. Так продолжалось до прихода мусульманских войск, которые прибыли в Шемаху в конце марта»; (19) «Уже после сдачи (оружия) армяне убивали и вырезали мусульман сотнями. Были случаи, что врываются в дома и вырезывали целые семейства, причем подвергали их терзаниям и мучениям. Эти зверства прекратили молукане своим вмешательством»; (20) «Армяне взяли у меня часы с цепочкой, молуканин, видевший это, отобрал у него часы и вернул их мне.» (21)

Участие молукан и их деяния в Шемахинских событиях, по всей видимости, составляло одно из главных вопросов, интересующих следователей Чрезвычайной Следственной Комиссии, работа которой будет рассмотрена в отдельной главе. Четкие высказывания опрошенных лиц указывают на то, что они отвечали на конкретно поставленный вопрос о возможном участии молукан в убийстве мирных граждан-мусульман: «Молукане действовали заодно с армянами»; (22) «Я не видел, чтобы молукане убивали в городе мусульман»; (23) «Молукане убивали наравне с армянами». (24)

Разноречивость в показаниях свидетелей была вполне объяснима: каждый говорил то, что видел сам или знал со слов других, поскольку в большинстве случаев люди, столкнувшиеся лицом к лицу с вооруженными армянами или молуканами, как правило, не оставались в живых. Вероятно, русское население самой Шемахи не участвовало в азербайджанских погромах, о чем свидетельствует почти отсутствие русских имен среди названных шемахинцами-горожанами погромщиков. Как указывают буквально все свидетели, нападавшие молукане были из селений, которых в Шемахе мало кто знал. Отсюда и всего несколько молукан, в отличие от нескольких десятков армян, опознанных и обвиненных по делу о разгроме города Шемахи.

Свидетелями участия шемахинских молокан во втором нашествии в гор. Шемаху могли выступить уже только армяне, поскольку выбраться живым из полностью сожженного и уничтоженного города удалось лишь нескольким мусульманам. Среди таких документов заслуживает особого внимания показания Аршака Гюльбандова, бывшего начальника Шемахинской почтово-телеграфной конторы, одного из организаторов азербайджанских погромов в Шемахе, привлеченного к следствию в качестве обвиняемого: «В доме Лалаева армянские солдаты, а также русские и молокане оскорбили бывшего члена Государственной Думы Мешади Тагия Алиева». (25) Следует напомнить, что известный азербайджанский общественный деятель Мамед Таги Алиев (Ализаде) был зверски убит во время второго штурма гор. Шемахи.

Впрочем, о равноправных и союзнических отношениях армян и молокан в Шемахинских событиях говорят и некоторые упомянутые выше факты, когда молокане в отдельных случаях выступали защитниками мусульман, и это им позволялось. Ярким примером тому могут служить свидетельства женщин, которым удалось спастись исключительно благодаря заступничеству молокан. Так, когда бесчинствовавшие в Шемахе отряды Степана Лалаева подвергли сожжению все городские мечети вместе с укрывавшимися в них людьми, в основном женщинами и детьми, молокане окрестных селений на следующий день прибыли в Шемаху и «увели около 500-600 женщин для спасения в сел. Кыз-мейдан», (26) хотя им и не удалось отстоять до конца плененных азербайджанок, которых по настоянию армян пришлось отправить в Баку. Половина этих измученных женщин погибла по дороге от холода, голода и испытанных потрясений, однако оставшиеся в живых и освобожденные от плена только по приходу турок женщины дали подробные показания по шемахинским событиям, в том числе о преступлениях Степана Лалаева.

Но, как бы «не опомнились» молокане, и как бы не заступались в отдельных случаях за мусульман, их более чем осознанное и довольно массовое выступление совместно с армянами против мусульманского населения Шемахинского уезда не ограничилось городом Шемахи.

Как уже отмечалось выше, в течение последующих месяцев – с марта по июль 1918 г. - молокане также участвовали в погромах мусульманских селений Шемахинского уезда. По свидетельству крестьян 24 азербайджанских селений на них напали объединенные армяно-молоканские силы, а на 4 селения напали исключительно молокане (См.: Приложение № 2). И тут судьба сыграла с молоканами злую шутку: в отличие от городских жителей Шемахи, мусульмане-сельчане стали узнавать своих «добрых» соседей. Хотя вначале это, кажется, не особо волновало самих молокан, участвовавших в «подчинении мусульманского населения своей власти»: именно так некоторые из них объясняли свои действия мусульманам, убивая их близких, грабя их имущества и сжигая их селения. Однако когда опознанные пострадавшими мусульманами молокане -погромщики стали привлекаться к следствию азербай-

джанскими властями, то ни один из них ни то что не объяснял причины столь жестокого обращения с безоружным мирным населением, готовым и так подчиниться любой власти ради сохранения жизни своей семьи и своего имущества, а вовсе не признавал своего участия в вооруженных «походах» на азербайджанские селения. Участие местных молокан – конкретных лиц в азербайджанских погромах будет подтверждено следственными материалами, о чем будет сказано в следующих главах.

Однако сожженные дотла целые селения, тысячи убитых людей - мужчин, женщин, детей, разграбленное и уничтоженное имущество, угнанные стада, отравленные поля и т.д., зафиксированные в документах и, главное, показания сотни живых свидетелей воссоздают картину гораздо более широкую и трагическую, к которой стали причастны и шемахинские молокане.

Среди 4-х мусульманских селений, на которые вооруженные молоканские отряды напали самостоятельно, т.е. без армянских банд, особо выделяется селение Ангехаран. Выделяется тем, что нападение на это селение было совершено одновременно с первым штурмом гор. Шемахи.

18 (31) марта селение Ангехаран, находящееся в 3-4 верстах от г. Шемахи, на рассвете подверглось обстрелу со стороны молокан сразу четырех русских селений - Чухур-Юрт, Джебани-русские, Марьевки (Нагарахана) и Астраханки (Кыз-Мейдан) Шемахинского уезда. Вероломное и внезапное нападение хорошо подготовленных молокан, засевших в окопах вокруг деревни, оказалось для ангехаранцев полной неожиданностью, поскольку им было известно, что накануне в г. Шемахе представители армян и молокан дали мусульманским представителям клятвенное обещание жить с мусульманами в мире и не нарушать добрососедских отношений. Среди вооруженных мусульманских крестьян, собравшихся в тревожные дни в гор. Шемахе, было немало ангехаранцев, которые, вернувшись домой, сами сложили оружие и успокоили все селение так, что жители не сочли нужным даже поставить дозор на подступах к деревни. Следовательно, в разбуженном ранним утром обстрелами со всех сторон и застигнутым врасплох, как и город Шемаха в эти часы, селении Ангехаран началась страшная паника.

«Мы растерялись и даже не подумали о защите. У кого было ружье, оно оставалось в квартире. Все столпились на улице»; «Мы перепугались так, что даже не думали о защите.» (27) Воспользовавшись смятением, охватившим сельчан, молокане ворвались в деревню одновременно со всех сторон - «по семи дорогам, ведущим в селение», и начали беспощадно убивать всех, кто попадался им на глаза, не щадя женщин, детей и стариков. «Люди не знали, куда бежать, потому что расстреливались со всех сторон. Улицы наполнялись растерявшимися людьми, которые тут же гибли от пуль. Валялись на улицах трупы мужчин, женщин и детей... Молла Ага-Баба Гаджи Молла Каграман оглы вышел к молоканам с Кораном и во имя бога умолял их прекратить избиение мирного населения. Молокане тут же выстрелом в грудь смертельно ранили его так, что через некоторое время он от этого поранения скончался». (28)

Убивая людей молокане одновременно грабили и расхищали движимое и недвижимое имущество ангехаранцев: крупный и мелкий скот, домашнюю обстановку, ковры, постель, посуду и проч. Все награбленное нагружалось на фургоны и арбы и увозилось в ближайшие молоканские селения Чухур-Юрт и Джобани-русские.

По свидетельству сельчан, напрямую столкнувшихся с молоканами, большинство нападавших были молодыми, в основном в военной одежде, однако попадались и старики, «в обычной, штатской». По мнению, жительницы Ангехарана Ирейхан Ага кызы, давшей следствию ценные показания, основной целью нападавших было уничтожение молодых мужчин-мусульман: «...они разделились на группы по 3-4 человека в каждой, ходили от дома до дома и по именам вызывали всех, кого хотели увести. Когда напавшие находили нужного им мусульманина они преимущественно выводили его перед дом и там его убивали... При этом были убиты в селении же две молодые женщины за то, что защищали своего мужа и брата». Семья Ирейхан Ага кызы также не избежала этой участи: «У меня дома были тоже два взрослых сына – Баграм и Али-Нур. Баграму было лет около 30, Али-Нуру – лет 17-18. Ко мне пришли тоже четыре молоканина, из которых один был стар, трое других – молодые. Старший в штатском и был вооружен только дубиной, на конец которой был прикреплен штык винтовочный, которым он добивал тех, в кого уже был пропущен выстрел и кто упал на землю, но не был убит наповал, а еще мучился. Я сама видела как этот старый молоканин таким образом добил сына моей соседки, дом которой находится рядом с моим, Каракишия Гаджи Баба оглы». (29) Совершив убийство в соседнем доме, старый молоканин со своими молодыми спутниками пришли в дом Ирейхан Ага кызы и потребовали выдачи ее старшего сына Баграма. Женщина стала умолять молокан взять все ее имущество, но не трогать сыновей. Согласившись, старый молоканин забрал у женщины все ее ценные вещи - от серебрянных мужских поясов, николаевских денег, вплоть до нескольких покрывал и чадры. «Когда вещи были отданы молоканам, старик сказал, что все же сына моего Баграма, как молодого, он не может оставить дома, потому что имеет приказ убивать молодых мусульман или же брать их в плен. Поэтому то он вывел моего Баграма вместе еще с шестнадцатью молодыми мусульманами за сел. Ангехаран на местность Чильдашлык и там эти несчастные 17 ангехаранцев в числе которых был и Баграм и еще два молодых мусульман из сел. Калей-Бугурт, были окружены молоканами и убиты из винтовок и берданок. Нас – женщин и стариков тоже увели из селения на место расстрела, где мы и присутствовали при смерти своих сыновей и мужей» . (30)

Это событие, подробно описанное Ирейханом Ага кызы, подтверждалось еще тремя свидетелями-очевидцами - ее младшим сыном Али-Нуром и двумя односельчанами, спрятавшимися в соседней конюшне напротив дома Ирейхан. 16 -летний Али-Нур Кадыр оглы лежал в это время тяжело больной тифом, благодаря чему и остался в живых. Тем не менее, его вместе с постелью

выбросили во двор, причем у парня, потерявшего сознание, была поломана нога, в результате чего он стал калекой. (31) Оба других очевидца, наблюдавшие эти сцены из окна соседней конюшни - Герай Бабаш оглы и Мамед-Хан Искендер оглы - опознали в старике, погрузившем отобранное у Ирейхана Ага кызы имущество «в 4-х полных хурджунах» на лошадь, а затем прогнавшего женщину и ее сына Баграма «куда-то», жителя молоканского селения Чухур-Юрт Михаила Юрина. (32)

Другая жительница Ангехарана, 30-летняя Гюлли-Бегум Гюли кызы, случайно опознала среди уже задержанных молокан убийцу своих близких, жителя сел. Чухур-Юрт Ефима Черкасова и так описала происходившее: «В марте месяце 1918 года, когда банды молокан напали на наше селение я и много других мужчин, женщин и детей спрятались в доме Бахшалия Юсуф оглы и заперлись изнутри. К дому подошел вооруженный ружьем один молоканин и потребовал, чтобы мы открыли дверь. Мы отказались открыть дверь. Тогда молоканин начал стрелять в комнату чрез окно и таким образом убил из находившихся в комнате следующих лиц: 1) Дост Мамеда Гюли оглы, 2) его жену Гюль-Санам Азиз кызы, 3) Саттару Гюли кызы, 4) ее дочь Гюль-Кыз, 5) Али Кулия Сари оглы, 6) Ага Гасана Кадыр оглы, 7) Ата-Кишия Гамид оглы, 8) Хирду Ханадан кызы, 9) Моллу Ага-Баба и 10) Мешади Алескера. Мы страшно кричали. Сын мой Али-Мовсум Мансур оглы, скрывавшийся во дворе, бросился ко мне на помощь. Упомянутый молоканин увидев его, прицелился в него и убил» (33)

Таким образом, расстреляв в самом селении 143 человек – мужчин, женщин и детей, молокане оставшихся в живых жителей, не считая спрятавшихся в разных местах, раненых и притворившихся мертвыми, вывели из селения. Перед этим они подожгли все селение, состоявшее из 186 домов, включая и приходскую мечеть, оставив нетронутыми лишь несколько землянок.

На дороге молокане отделили мужчин от женщин и детей. Все женщины и дети были отправлены в находящееся в трех верстах от Ангехарана мусульманское сел. Мельгам. А 102 мужчины, среди которых были шестеро из других деревень, оказавшихся в этот день в Ангехаране, под конвоем повели в молоканское селение Чухур-Юрт. Из доставленных в сел. Чухур-Юрт мужчин выделили нескольких видных представителей Ангехарана, которые также были расстреляны. При этом люди были убиты следующим образом: молокане ставили их один за другим в затылок и стреляли в них, желая знать, через сколько человек пройдет одна пуля. Таким способом они испытывали силу своего оружия. От одного такого выстрела падали пять-шесть человек. После такой стрельбы из 102 мужчин остались в живых 75, которых молокане отправили в армянское селение Матрасы. По дороге возле селения Мейсары без всякого повода убили ангехаранского старшину Нифтали Агамоглан оглы, отрубив ему голову, при этом обчистив его карманы. Оставшихся 74 мужчин связали по рукам и под конвоем привели в Матрасы, где со связанными руками держали в темном, холодном подвале два дня. На третий день

из числа пленных выбрали двоих - Джаббара Али Мамед оглы и Агаджана Мехти оглы, которым, кроме связанных рук, завязали глаза, вручили пакет и под конвоем армянских солдат отправили в город Шемаху с поручением передать пакет мусульманам. Эти двое оказались единственно спасенными из всей группы пленных ангехаранцев – мужчин, которые и рассказали позже обо всем случившемся: «В Шемахе нас доставили в почтово-телеграфную контору, где происходило заседание о заключении мира. Оттуда нас отправили к Муфтию, но его не нашли. Пакет мы передали Ахунду». «В пакете было требование, чтобы мусульмане выдали армянам все оружие. Пакет мы доставили Джафар-Кулию Ахунду, а он передал его Теймур-Аге. Здесь, вследствие нашей просьбы нам развязали глаза, конвой нас оставил, но армяне приказали нам вернуться в Матрасы. Мы в Матрасы не вернулись и скрывались до прихода мусульманских войск» (34)

Лишь после прибытия Гянджинских войск, когда армяне, оставив свое селение Матрасы, скрылись в молоканских селениях, ангехаранцам удалось узнать о судьбе оставшихся в плену своих односельчан, родных и близких: «Мы нашли еще почти свежие их трупы за селом. На всех трупах были следы истязания: у многих были отрезаны уши, носы, были отрублены кисти рук, конечности, были у многих выколоты глаза, у многих были отрублены головы, многие были изрублены на куски. Мы все трупы передали земле там же, на месте убийства их. Между трупами я нашел трупы своего отца Али Мамеда Халил оглы, брата Бабаджана и сыновей Енгибара, Заида и Вагуба. На их трупах тоже были следы мучений. Четвертый мой сын Мёвлам был убит молоканами в сел. Ангехаран». (35)

Таким образом, всего в селении Ангехаран было убито 235 человек, из них 176 мужчин, 28 женщин, 31 ребенок. А убыток, причиненный ангехаранцам, составлял 5.833.630 рублей. (36)

Некоторые из оставшихся в живых ангехаранцев опознали среди нападавших жителей молоканских селений и назвали их имена, что имело колоссальное значение для следствия, чью работу крайне затрудняло отсутствие или малочисленность живых свидетелей названных преступлений, и не только в Ангехаране, но и в большинстве селений Шемахинского уезда. О работе следственных органов подробно будет сказано в следующих главах. Здесь же следует отметить, что участь ангехаранцев, подвергшихся нападению со стороны своих соседей-молокан испытали также жители селений Джобаны – мусульманские, Бекля и Гамялы.

В особом – осадном положении оказались жители Джобаны-мусульманское, фактически плененные соседями-молоканами сел. Джобаны-русские. Окружив мусульманское село пушками и пулеметами, они не выпускали никого из селения даже после разоружения их «до последнего кинжала». Пытавшихся бежать троих сельчан молокане поймали и убили. Лишь после прихода Гянджинских войск молокане в спешке покинули не только мусульманские Джобаны, но и русские, захватив с собой пушки и пулеметы.

Однако, освобождение мусульманского населения длилось недолго, и после того как войска Исмаил Хана были вынуждены оставить Шемаху, предупредив всех мусульман о грозящейся опасности, джобанинцы-мусульмане также покинули свое селение и поднялись в горы. "В селении осталось все наше добро, ничего не успели взять с собой. Остались в селение только несколько человек, стариков, женщин и детей, именно Бакир Гаджи Аслан оглы, Шараф Гаджи Аслан кызы, Масме Зульфугар кызы, Гельгат Муса кызы, Келба Магомед Гани оглы и двое его детей, мальчик и девочка. После занятия молоканами нашего селения, они все были убиты». (37)

В таком же положении оказались жители сел. Бекля. Когда Гянджинские войска стали отступать из селения Козлы-чай, «где шел бой с сильными армянскими войсками, прибывшими туда из города Баку», беклинцы в полной панике начали покидать свое селение, и, как оказалось, не зря. Маразинские молокане преследовали бежавших беклинцев, не успевших взять с собой хоть какое-то имущество и увести с собой хотя бы скот. «Молокане подожгли селение и скот наш и движимое имущество похитили. Когда преследовали нас, то убили из наших односельчан 16 человек, мужчин и женщин» (38).

Жителям селения Гамялы пришлось спастись от молокан дважды, напали, по словам сельчан, одни и те же джобанинские молокане: «Первый раз они напали на нас вскоре после праздника «Новруз-Байрамы». Мы бежали, оставив все свое движимое имущество. Тогда они убили Аби-Муслима и его жену Зиньят при следующих обстоятельствах: Аби Муслим хотел посадить свою жену на верблюд, молокане убили ее из ружья. Он бежал. На другой день он отправился за трупом жены, и молокане тоже застрелили его». (39) Погромщики подожгли несколько домов и похитили оставленное сельчанами имущество. Гамялинцы вернулись в свое селение, когда в Шемаху вступили Гянджинские войска. Однако уже через несколько дней вновь пришлось оставить его, «потому что, те же молокане окружили селение и начали обстреливать его. Они, как и в первый раз, стреляли в убежавших и убили Маила Махмуд оглы, Ширина Мамед Али оглы, Эльдара Музаффар оглы, Алатдина Гаджи Ага оглы и Азая Джебраил оглы». В первый раз жители Гамялы бежали в близкие мусульманские селения - Джабирли, Текля и Екахана. Однако, после того как названные селения также подверглись нападению со стороны армян и молокан, второй раз все бежали уже в селения соседнего Геокчайского уезда, где оставались до прибытия турок. «Когда мы окончательно вернулись в селение, то нашли 33 дома сожженными, а остальные разгромленными: все деревянные части, как двери, окна, потолки были увезены. Все имущество движимое расхищено. Мы знаем только, что напали на нас Джобанинские молокане, но назвать никого из них не можем, потому что видели их на далеком расстоянии». Была сожжена также сельская мечеть.(40)

Впрочем, относительно нападавших мнения свидетелей - гамялинцев расходились. Некоторые из них утверждали, что на них напали не только молокане, но и армяне, хотя часть своего ограбленного имущества они находили именно у

молокан. (41) Вместе с тем, такого рода расхождение встречались крайне редко, поскольку, в большинстве случаев нападавшими оказывались в основном армянские или же объединенные молочно-армянские вооруженные банды.

Жертвами последних, то есть молочно-армянских сил оказались 27 селений Шемахинского уезда - Алпаут-мус., Араб-Джабирли, Араб-Кадым, Биджов, Гагяли, Геогляр, Гярус-Чапарлы, Джамджамлы, Джагирли, Заргова, Калейбугурт, Кашад, Кельва, Конах-кенд, Курбанчи, Куши, Кюрдамич, Мараза (Маразали), Марзандиге, Сунди, Талыш-Нури, Тасы, Текля-Гаджи-Мамед-Гусейн, Текля-Мирза-Баба, Ханкенди, Хатман, Хинислы и Чарган.

Как и в случае с сел. Джобаны-мусульманские, на которое напали молочане из Джобаны-русские, жители селения Мараза-мусульманское (Маразали) стали жертвами молочан сел. Мараза-русское, которые действовали на этот раз совместно с армянами. Оба селения с одним и тем же названием, с обозначением лишь этнической принадлежности его населения, были расположены на расстоянии друг от друга всего одной версты, т.е. 1,05 км. После первого погрома города Шемахи, маразинцы-мусульмане, замечающие все большее скопление в соседнем молочанском Маразе, в основном армян, жили в полном страхе. Поэтому, когда в их селение пришли два знакомых молочанина с неизвестными людьми и предложили им сдать все имеющееся у мусульман оружия и подчиниться новой власти, именуемой «большевицкой», все селение «взяв срок», собралось на сход для обсуждения своего положения. «Некоторые из нас решили не верить никаким предложениям каких-то темных лиц, и, боясь погрома со стороны молочан с бывшими с ними армянами, ушли в зимовники наши, в местность под названием «Кабристан», но большинство жителей остались и стало ждать, что будет дальше. Дня через 2 вновь были вызваны наши почетные в селение молочан. Были мы в ожидании результатов и ждали своих почетных, когда молочане с бывшими в селе их армянами, напали на наше селение и предали его огню и мечу».

В результате в сел. Мараза-мусульманское было убито более 300 человек, мужчин, женщин и детей, подожжены и разрушены 400 домов, жителям был причинен убыток в 1.116.852 рублей. (42)

Все оставшиеся в живых маразинцы-мусульмане, охваченные паникой, стали бежать кто куда, в основном в соседние мусульманские селения - – Араб-Кадим и Джамджамлы. Жители Араб-Кадим, услышавшие частные ружейные и пушечные выстрелы со стороны сел. Мараза-мусульманское, которое находилось от них в пяти верстах, послали несколько человек-всадников узнать, что у них случилось. Вскоре всадники вернулись и сообщили, что молочане и армяне громят Маразы и, что жители этого селения бегут в направлении их селения. Через некоторое время показались первые беженцы-маразинцы, которые рассказали, что «маразинские, козлунские молочане вместе с армянами различных селений Шемахинского уезда окружили их селение и громят его». Когда стало очевидно, что молочно-армянские отряды преследуют убежавших маразинцев, то араб-кадимцы также присоединились

к ним. «Нам ничего не оставалось делать, как бежать вместе с маразинцами. Было это так для нас неожиданно, да и к тому грабители армяне и молокане были так близко, что мы, не думая об имуществе своем, стали бежать. Такая спешность наша можно сказать, спасла половину жителей нашего села, т.к. громилы не замедлили появиться около нашего села и со всех сторон окружать его. Мы под обстрелами бежали»; «Нам, конечно, ничего не оставалось делать, как бежать вместе с маразинцами, но это было так неожиданно для нас, что мы едва могли спасти жизнь свою, не думая об имуществе своем, которое стало достоянием молокан и армян. Молокане и армяне сначала обстреливали наше селение из ружей, пулеметов и пушек, но потом, когда мы стали бежать, преследовали нас. К счастью нашему скоро наступил вечер (нападение на селение наше было совершено под вечер, часов в 4-5) и молокане и армяне перестали преследовать нас». (43)

Эти свидетельства жителей сел. Араб-Кадим почти дословно повторяли жители мусульманского селения Джамджамлы, куда прибежала другая часть маразинцев. «Когда молокане соседнего с нами селения Маразы вместе с молоканами и армянами других селений Шемахинского уезда в марте месяце прошлого года напали на мусульманское селение Маразы, то часть мусульман этого селения бежала к нам, после чего преследовавшие их армяне и молокане стали обстреливать и наше селение. Все это случилось так внезапно, что мы спасали бегством лишь свою жизнь, а брошенные нами в селение дома и все наше имущество стали достоянием молокан и армян. Дома наши были ими сожжены, скотина угнана, а все домашние вещи расхищены». (44) В результате этих нападений в сел. Араб-Кадым было убито 378 человек, в том числе 100 женщин и 78 детей, а в Джамджамлы – 26. Жителям обоих селений был причинен убыток соответственно в 6.474.000 и 5.860.000 рублей.

Впрочем, бывали случаи, когда на одно и то же селение нападали вначале армяне, затем молокане или же наоборот. Так, молла селения Араб-Джабирли Молла Алмаз Молла Фархат оглы показывал, что на их селения напали армяне, затем молокане из сел. Козлы-Чай и Джобаны-русские: «Нам передавали, что тогда при нападении наше селение не было подожжено, а подожгли его после ухода армян через несколько дней молокане». (45) В результате этих нападений в сел. Араб-Джабирли (Араб-Шалбаш) было убито 232 человек – 124 мужчин и 108 женщин, которые не смогли вовремя выбраться из селения и бежать в горы, как их спасшиеся односельчане. Жителям селения был причинен убыток в 1.081.800 руб.

Жители сел. Джагирли столкнулись с «враждебными действиями» молокан, затем молокано-армянских сил несколько раз. Так, будучи разоруженными молоканами – жителями сел. Козлы-Чай и Маразы, «мотивирующими» тем, что они большевики «вплоть до револьверов и кинжалов», джагирлинцы, тем не менее, не стали жить и после этого спокойно: «С этого времени молокане стали систематически совершать у нас угоны крупного скота, баранов и лошадей, а равно потравлять наши поля, собирать в свою пользу наш урожай

и вообще всячески обижать нас». Положение их несколько улучшилось с приходом Гянджинских войск, однако, как оказалось, недолго. Боясь нападения армян и молокан джагирлинцы, наученные своим горьким опытом, и «по примеру других селений собрались было бежать, и бежали», однако не успели захватить ничего из имущества, поскольку были внезапно окружены армяно-молоканскими отрядами со всех сторон. Под обстрелом жители бежали по ущельям, затем поднялись в горы. «В горах этих жили мы месяца два, после чего пришли к нам названные выше молокане с приглашением вернуться в свое селение, обещая, что больше с нами ничего такого от них не случится. Мы поверили молоканам и вернулись в селение. Спустя дней 10-15, точно не помню, молокане и армяне опять окружили наше селение и стали обстреливать его. В этот раз бежали мы по направлению к ущелью Аджы-Дара, по которой, как дошла до нас весть, двигались турецкие отряды. Встретили нас турки, вернули и водворили в селение нашем». (46) Джагирлинцы, потерявшие во время всех этих бегств и нападений 75 человек, в том числе 20 женщин и 15 детей, понесли убытки в 9.720.000 руб.

Довольно крупное и богатое сел. Кущи, расположенное на низменности, в 20 верстах от Шемахи и состоящее из 600 домов, также подверглось нападению дважды: в первый раз напали армяне, которые перебили несколько десятков убежавших из деревни жителей, сожгли несколько лучших домов, расхитили оставленное в селении имущество и угнали скот. «Спустя дней 15 мы вернулись в наше селение и стали понемногу заниматься своим хозяйством, как вдруг, через несколько дней, на селение наше напали уже исключительно молокане; они так же, как и в первый раз армяне, окружили селение и стали обстреливать его издали; мы снова бежали в тот же Абдулянский участок, а молокане тем временем, проникнув в селение, расхитили окончательно наше оставшееся имущество, которое не успели увезти во время первого нападения армяне. Во время нашего бегства из селения молокане также обстреливали нас, причем тогда было убито много народу». Через 5 дней после этого нападения, жители Кущи узнав, что селение оставлено молоканами, вернулись обратно. Вскоре к ним явились двое знакомых молокан из сел. Маразы и поставили условие, что если кущинцы хотят жить спокойно, то должны «подчиниться им, молоканам, как большевикам». (47) Кущинцам ничего не оставалось, как подчиниться требованиям молокан: «Мы подчинились их требованиям, сдали им оружие, после чего молокане стали у нас полными хозяевами; они требовали выдать им баранов, ячменя, стали собирать наш урожай в свою пользу и т.д. Такое положение продолжалось до прихода в Шемахинский уезд турецких войск, которые освободили нас от власти молокан» (48)

О молоканах, как представителях «большевистской власти» будет говориться ниже. В результате обоих наступлений в селение Кущи армянами и молоканами было убито 323 человека, из них 115 женщин и 16 детей, селение было сожжено и разгромлено, а некогда состоятельные жители Кущи, оставшиеся без жилья и всякого имущества, потерпели убытки в 11.475.000 рублей,

В случае с селением Муганлы, оказавшим сопротивление армянам и успешно защищавшимся, молокане также проявили себя как «верные союзники»: «На пятый день, 18 марта, пополудни на помощь армянам пришли молокане соседнего села Новой-Дмитриевки и ударили нам в тыл. Тогда мы не могли уже дольше держаться и отступили в сел. Кельва». (49)

Вместе с тем, как следует из документов, в большинстве случаев нападения на мусульманские селения совершались совместными армяно-молоканскими отрядами уже после ухода Гянджинских войск внезапно и нередко рано утром. Так случилось с селениями Курбанчи, Чарган, Кельва, Хатман, Талыш-Нури, Араб-Джабирли, Гярус-Чапарлы, Заргова и др. Во всех этих селениях застигнутое врасплох население в панике бросалось в бегство, однако не всем это удавалось: «Напали они внезапно, так что многие из жителей не могли спастись и были вырезаны в самом селении. Немало народу было перебито в посевах, где они скрывались и по дорогам, по коим бежали. Зверствам и насилиям армян и молокан над жителями, оставшихся в селении, не было границ. Рассказывали некоторые односельчане наши, которым удалось бежать от армян, что они изнасиловали женщин, убивали их, всовывая в стыдливые части штыки и палки»; «...рано утром, когда многие еще спали, я услышал пониже нашего селения стрельбу. Поняв, что это нападение на наше селение, я поднял тревогу и стал собирать народ к бегству. Не успела половина народа выйти из селения, как армяне и молокане стали со стрельбой окружать его со всех сторон. Кто успел бежать, спасся, а застигнутые нападавшими в селении и по дороге, преимущественно старики, женщины и дети, были перебиты»; «На рассвете, точнее времени определить не могу, армяне и молокане окружили наше селение и начали обстреливать его. Все жители бежали. Мои дети не успели увезти арбы с вещами и тоже бежали, оставив меня с арбой. Пришли армяне и молокане и начали надо мной издеваться: толкали меня, бросали на землю и, в конце концов начали стрелять в меня. Должно быть, случайно не убили меня, ранив меня только в левую голень. Я была закрыта чадрой и упала на землю как мертвая. Армяне и молокане оставили меня. Через некоторое время, когда я поднялась, то не увидела нашей арбы с вещами». (50)

Следует отметить, большинство пострадавших, дававших показания следствию, утверждали, что на них напали молокане или же армяне тех или иных селений, однако нападавших они, как правило, не узнавали. Так, старшина сел. Тасы Мамед-Али Али оглы был уверен, что во главе нападавших на их селение стояли «Маразинские молокане», при этом отмечал, что ни он, ни его односельчане «не видели армян и молокан на таком расстоянии, чтобы могли опознать их». (51) «Я лично никого из нападавших не знаю. Знаю, что были в числе нападавших молокане сел. Козлы-Чай, Кыз-Майдан, Маразы и другие», - заявлял Молла Садых Тарверди оглы из сел. Текля-Гаджи Мамед-Гусейн. (52) «Мы не можем назвать по фамилиям никого из молокан, знаем только,

что это были джобанинцы, почти все взрослое население», – утверждал аксакал сел. Гамялы Ших-Верди Алаверди оглы. (53)

«Оставшиеся в живых домохозяева» - жители селения Сунди, собравшись 25 октября 1918 г. на Совет с целью составить акт о человеческих потерях и материальных убытках, всем обществом заявляли, что пострадали и понесли убытки «от зверских поступков молокан, в особенности Козлинского общества». (54)

На чем же основывалось в таком случае утверждения мусульманских крестьян, перечисляющих название почти всех армянских и большинство молоканских селений, в жителях которых они видели своих мучителей? Ответ Умбае Халил оглы, помощника старшины сел. Ханкенди: «Что нападение было совершено на селение наше именно армянами и молоканами знаю я по примеру других, почти всех мусульманских селений Шемахинского уезда», - лишь отчасти отражал действительность, поскольку содержал одну из причин того, почему многие пострадавшие мусульмане не могли называть конкретных имен: «Напали на наше селение молокане и армяне, но каких именно селений я не знаю, т.к. бежал и никого из нападавших не видел». (55) «Никого из нападавших армян, молокан я не узнал, т.к. вблизи их не видел, бежал, спасая себя и семью свою»,- объяснял Джалал Ибрагим оглы, помощник старшины по селению Заргова. (56) Махмуд Гейдар оглы, помощник старшины селения Хатман заявлял от имени своих сельчан, что в нападении на их селение «принимали участие армяне селения Сагиян, Матрасе, Гюрджеван и др. и молокане селений Чухур-Юрт, Кыз-Мейдан и др.», также подчеркивая, что из нападавших они никого не узнали, так как «при первых же выстрелах, раздавшихся еще издали, мы бежали и нападавших вблизи не видели». Между тем, он называл другую причину отсутствия опознанных погромщиков: «... застрявшие в селении жители, которые могли бы вероятно указать отдельных нападавших лиц, были все перебиты». (57)

Однако были и другие причины, дававшие основание сельчанам-мусульманам для обвинения армян и молокан в массовых погромах и преступлениях против азербайджанского населения.

Во-первых, как жителям гор. Шемахи, так и нескольких селений уезда, в том числе, Ангехаран, Араб-Кадым, Геогляр, Гярус Чапарлы, Джагирли, Кущи, Калей-Бугурт, Мараза - мусульманское, и др. все же удалось опознать некоторых из нападавших молокан, не говоря уже об армянах, против которых они позже дали показания. Именно на основании этих показаний началось следствие, и по Шемахинскому уезду были привлечены к уголовной ответственности более 100 человек, в том числе несколько десятков молокан (русских), о которых будет сказано отдельно.

Во-вторых, крестьяне-мусульмане, которые каким-то образом спаслись во время вооруженного нашествия армян и молокан на их селения, позже предпринимали какие-то попытки – тайком или открыто - вернуться в свое село, и здесь они имели возможность воочию убедиться, кто являлся виновником их

несчастья. Так, по свидетельству старшины сел. Текля Мирза-Баба Зар-Кули Гаджи Солтан оглы, после занятия их селения молоканами и армянами и убийства всех жителей, не успевших спастись, некоторые теклинцы ночью хотели войти в селение, чтобы забрать хоть часть своего имущества. «В селении хозяйничали молокане, преимущественно жит. с. Козлы-Чай: они погрузили наше имущество на арбы и фургоны и увозили, и в то время поджигали дома». (58) То же самое случилось и с жителями сел. Марзандиге: «На другой день несколько человек отправились узнать, в каком положении находится селение. Они наткнулись на молокан, которые трех из них убили, а остальные бежали. Были убиты: Абдул-Гусейн, Ягуб и Джаннат». (59)

Обманутыми оказались и жители сел. Чарган, поверившие, что «большевики», под которыми они подразумевали молокан, разрешили всем мусульманам вернуться в свои селения. «Мы поверили и вернулись. В селении мы нашли армян и молокан и опять должны были бежать. Они нас преследовали до сел. Геогляр и убили Шакира Молла Мамед оглы, Джабара Гюли оглы, Кафара Джабар оглы и одну женщину, ранили также женщину Нана-Хануму Байрам кызы». (60)

Следует отметить, что еще в самом начале Шемахинских событий несколько чарганцев, отправившиеся в Шемаху узнать причину охватившего город пожара, стали по дороге свидетелями угона армянами и молоканами из сел. Боят крупного скота. Вернувшись в свое селение, они предупредили своих односельчан об угрожающей им опасности. «Все моментально собрались и как кто стоял, так бежали, не успев захватить ничего из движимого имущества и скота. По дороге армяне и молокане убили трех наших односельцев. Мы бежали в сел. Ленгебиз, а потом в Кюрдамирский участок. Вскоре распространился слух, что пришли мусульманские войска из Ганджи и прогнали армян. Мы вернулись домой. Но застали в селении армян и молокан, и опять пришлось бежать». (61)

В третьих, конкретные сведения о преступлениях армян и молокан сообщали мусульмане, побывавшие в плену. «Из нападавших армян и молокан я не узнал никого, но бывший в плену у армян односелец наш Мешади Ага-бала Абдул Керим оглы, который каким-то образом бежал от армян, рассказывал, что главарем армян был некто Агриев, а из молокан узнал он Теркина и Михаила». (62)

Из показаний самого Мешади Ага-балы Абдул Керим оглы из сел. Гярус-Чапартлы становилось ясным, для каких целей армяне и молокане часть мусульманского населения, не успевшего спастись, брали в плен, гоня в свои селения: «...я с некоторыми односельчанами и их женами и детьми не успели бежать, и попал я плен к армянам и молоканам. Армяне и молокане подожгли все наши дома и, разделив между собой оставленный нами весь скот, баранов, лошадей и разные домашние вещи, забрали нас пленных в селение Матрасы. По дороге в Матрасы армянами, молокане не принимали участие, были убиты все дети и из женщин пожилые, а молодых женщин и мужчин остави-

ли и привели в селение. В трех, четырех местах по дороге армяне останавливались и целыми толпами куда-то уводили женщин и опять возвращались вместе с ними. Рассказывали женщины, что каждый раз их армяне насиловали и т.к. их было много, а женщин мало, то, конечно, женщину несколько человек по очереди насиловали. Дней десять был я в плену у армян. Женщин по прибытии в Матрасы армяне куда-то увели от нас и по настоящее время не знаю, что с ними стало; нас же, мужчин, держали вместе и заставляли жать, молотить хлеб днем, а ночью запирали в доме и караулили. Каким-то чудом удалось бежать мне от армян – бежал я днем, в то время как армяне, окружив нас, заставляли жать хлеб. Зная наперед, что армяне рано или поздно меня убьют, а быть может даже мучительной смертью, решил бежать, хотя стоило это мне жизни. По мне стреляли армяне и выпустили не менее ста-полсотраста выстрелов, но счастье мое, ни одна из пуль не задела меня». (63)

Житель сел. Конахкенд Мешади Тапдых Магомед оглы, во время нападения молокан селений Джобани и Астраханки на их селение вместе со своими односельчанами «бросив свой дом со всем имуществом и спасая лишь свою жизнь», бежал в Абдулянский участок. Спустя неделю после этого он прибыл в гор. Шемаху, чтобы оттуда пробраться как-нибудь к своему селению и узнать, «что, в конце концов, с ним случилось». Однако в Шемахе его задержали армянские солдаты и отвели в какой-то караван-сарай, где кроме него оказалось много арестованных мусульман - главным образом женщин и детей. К вечеру в караван-сарай явились «какие-то молокане и армянские солдаты (кто они были такие - не знаю), которые вывели всех нас из караван-сарая, говоря, что они хотят проводить нас в наши селения; но как только мы были выведены из караван-сарая солдаты те – армяне и молокане открыли вдруг там же, во дворе караван-сарая, по нас стрельбу залпами из винтовок. Немногие только, которые были легко ранены, спаслись бегством; все остальные были перебиты. Меня они ранили в правое плечо навывлет, но мне всё же удалось бежать от них» (64)

Была еще одна веская причина, позволившая мусульманам обвинять молокан в разгроме их домов и ограблении имущества: они находили у конкретных лиц-молокан свои вещи.

Так, жители сел. Бозаванд Кербалай Гюль-Али Гюль-Али оглы и гор. Шемахи Гаджи Билал Мешади Абдулла оглы, заблаговременно забрав свое наиболее ценное имущество и переселившиеся со своими семьями в целях безопасности в доме Мешади Самандар бека Гасан бек оглы в сел. Рагимли Абдулянского участка стали свидетелями разгрома этого селения со стороны 12-13 человек молокан- жителей сел. Чухур-Юрт, троих из которых они узнали и назвали следствию. Молокане, убив несколько мужчин в сел. Рагимли, ограбили жителей и угнали «133 овец, 75 голов рогатого крупного скота, 13 лошадей. 1 августа во время мобилизации лошадей, одного из указанных лошадей опознали у жителя сел. Марьевки Матрасинского участка Шемахинского уезда Якова Стрикалова, принадлежащего Седаю Мешади Ханиш ог-

лы». (65) Житель сел. Ангехаран Авас Магомед оглы, также опознал некоторых из нападавших на их селение молокан: «Я заметил, что в нападении участвовали молокане четырех ближайших селений - Чухур-Юрта, Джобанов, Кыз-Мейдана и Нагарахана. Узнал только чухур-юртцев: Семена Юрина, Бориса и Якова Половинкиных. Юрин вернул мне недавно двух моих быков». (66) Другому жителю Ангехарана Джаббару Али Мамед оглы «Чухур-Юртский старшина обещал вернуть все похищенные вещи». (67) Шихверди Аллахверди оглы, заявляющий, что на их сел. Гамялы напали именно Джобанинские молокане вместе с армянами, «узнал у одного молоканина, джобанинца, имени и фамилии которого не знал, свои доски». (68) Молла Алмаз Молла Фархат оглы из селения Араб-Джабирлы подтверждал, что «в настоящее время молокане начинают возвращать награбленные вещи». (69) Мамед бек Меликбеков, поверенный Теклинских беков, из сел. Текля-Гаджи Мамед Гусейн, покинувший еще до нападения свое селение, которое было сожжено до основания, и где была убита единственная оставшееся там старуха, не мог называть имена погромщиков, однако показывал следующее: «Кто поджигал и грабил, не знаю, но недавно один молоканин из сел. Хильмили Максим Банников возвратил мне три стула и кровать. Он называл мне участников нападения на наше селение...». (70) «Молокане добровольно вернули полиции некоторые награбленные вещи» (71). «В августе месяце мой брат Рустам бек Мамедов с приставом Ширалибековым нашли в сел. Кыз-Майдан у Семена Прокопьева Котова мой серебряный нож с моими инициалами: «Д.М.». (72) Сам Рустам бек Мамедов кроме личного ножа своего брата, нашел у молокан селения Астраханки часть своего домашнего имущества: «У меня есть имение в Шемахинском уезде. Астраханские молокане подожгли это имение, сожгли дом, амбар, конюшню, ульи, и мяли весь покос, причинив мне убытка 50 тыс. (пятьдесят тысяч) рублей. Имение называется «Гыч (гыш) кошки». Из похищенных вещей я нашел одну модную посуду «сарпич» в амбаре Захария Тюленева, видел такие же посуды у Николая Васильевича Сергеева и у Степана Прокопьевича Котова серебряный ножик с буквами «Д.М.». Все они из сел. Астраханки». (73)

Следует отметить, что все факты, показывающие, что молокане стали возвращать мусульманам их вещи, скот и деньги взамен причиненного ущерба, рассматривались следственными органами со всей строгостью и лишь после доказательства принимались соответствующие меры, о чем будет сказано в следующих главах.

Таким образом, участие Шемахинских молокан в азербайджанских погромах, несмотря на отрицание его самими молоканами, особенное обвиненными в преступлениях против мирных жителей, подтверждалось многочисленными показаниями и фактами и не ставилось под сомнение ни населением Шемахинского уезда – мусульман и немусульманами-, ни следственными органами. Однако, причины побудившие молокан к выступлению против му-

сультманского населения уезда совместно с армянами, вызывали много вопросов, не всегда находящихся ответа.

Как следует из следственного материала, этот вопрос особо интересовал самих следователей, которые задавали его почти всем опрашиваемым. Большинство жителей-мусульман, подвергшихся нападению молокан или объединенных отрядов армян и молокан, как правило, простые сельчане, не могли объяснять причины столь враждебного отношения к ним именно молокан, с кем они десятилетиями жили рядом и не имели каких-либо конфликтов. «Я не могу объяснить, почему молокане напали на нас, сожгли наше селение, ограбили нас и убили столько ангехаранцев. Они действовали вместе с армянами. В нападении на наше селение армяне участия не принимали, были одни молокане. Чухур-Юртские молокане – наши ближайшие соседи, живут в трех-четыре верстах от нас. Мы с ними, как и со всеми вообще молоканами, жили всегда хорошо, мирно». (74) «Не могу объяснить, почему молокане так жестоко поступили. Все оружие отобрали у нас. Мы не успели даже защищаться». (75) «Не могу объяснить причины, почему молокане поступили с нами так жестоко». (76) «Я не могу объяснить почему молокане пощадили нас, а разгромили ангехаранцев», – показывал Молла Гамза Мамед-Эфенди оглы, жит. селения Мельгам, которое избежало участи сел. Ангехаран и остался не разрушенным. Правда, до этого население было разоружено и ограблено армянами, а «после мартовских событий было несколько случаев убийства наших односельчан Джобанинскими и Кыз-Мейданскими (Астраханка) молоканами». (77)

Однако, у отдельных шемахинцев, в основном грамотных и общественно активных были свои соображения относительно участия молокан в мусульманских погромах. Так, Абас бек Умуд бек оглы Исрафилбеков, жит. сел. Муганлы объяснял выступление молокан тем, что «они были введены армянами в заблуждение, которые выступая под большевистским флагом, уверяли молокан, что они ведут с нами политическую борьбу. Вскоре молокане оставили армян, поняв, по всей вероятности, свою ошибку и обман со стороны армян» (78)

Шахлар бек Шихалибеков, из сел. Османбеклы также считал, что молокане были введены в заблуждение армянами, имеющими свои, преступные националистические цели: «Дело в том, что армяне стремились к захвату власти в Шемахинском уезде и подчинения населения большевикам. Под таким флагом они стали выступать и даже склонили на свою сторону молокан. Но все это были предлоги, а главное – это их ненависть и вражда к мусульманам, которых они стремились уничтожить» (79)

К версии о вовлечении молокан в преступные действия против мусульманского населения Шемахинского уезда армянами были склонны и видные представители русского населения Баку, глубоко озадаченные поведением Шемахинских молокан. Так, Яков Николаевич Смирнов, присяжный поверенный, бывший Общественный Бакинский Градоначальник, допрошенный

Чрезвычайной Следственной Комиссией по мартовским событиям в Баку, в своих свидетельствах затрагивал и этот вопрос: «С событиями в Шемахинском уезде я познакомился со слов приходивших ко мне за советом молокан. В этом уезде имеется селение Маразы, населенное молоканами, а по смежности с ними мусульманское селение Маразалы. В Маразалы явились Татевос Амиров и Степан Лалаев с армянскими отрядами и под угрозой расстрела пулеметом и заставили молокан присоединиться к ним и идти на селение Маразалы. Присланная депутация мусульман маразалинцев была расстреляна, в самом селении мечеть и многие дома были сожжены» (80)

Хотя в этих утверждениях и была какая-то доля истины, однако, многочисленные факты о том, что молокане, нападавшие на Шемаху совместно с армянами, нередко штурмовали Шемахинские деревни и самостоятельно, без армян, проявляя не меньше жестокости чем армяне, сводили на нет представление молокан как «обманутых» или же «напуганных» армянами. В этом отношении более правдоподобным выглядел ответ самих молокан на вопрос жителя гор. Шемахи Абдул Гусейна Алиева: «Потом я спрашивал молокан, почему они выступили против нас, они мне отвечали, что стоят на стороне сильнейшего». (81) Впрочем, это были единичные случаи, когда молокане признавали свое участие в выступлениях против мусульман.

Среди причин, побудивших молокан выступить против мусульман, был, безусловно, и фактор корысти и стремление к обогащению разбойным способом, пользуясь создавшимся положением беспредела и беззакония в политико-общественной жизни уезда в эти переломные времена. Об этом говорят многочисленные, в том числе и перечисленные выше факты о разбое, грабеже и хищении имущества мусульманских жителей во время вооруженных нападений. Ярким примером тому может служить и случаи в сел. Калейбугурт, каким-то образом избегшим участи других мусульманских селений и не подвергшимся «нападению ни со стороны молокан, ни со стороны армян». Правда, в «расположенный за молоканским селением Чухур-Юрт» Калейбугурт «несколько раз приходили молокане-солдаты из Чухур-Юрта и Марьевки (Нагарахана) и угнали бараны, лошадей, крупный скот», и 30 человек - калейбугуртцев были убиты не в самом селении, а «разновременно в разных селениях: в Ангехаране молоканами, в Мирикенде армянами и др.». Но само селение «не подверглось разгрому и пожару», что отмечалось жителями этого селения с великим облегчением: «Нас щадили». Возможно, поэтому, выходка жителя сел. Чухур-Юрт «Семена кара Иван оглы» не встретила со стороны калей-бугуртцев какого-либо сопротивления: «Только тогда уже, когда турки были в Кюрдамире, к нам явился вооруженный молоканин из сел. Чухур-Юрт Семен кара Иван оглы и угнал у нас 45 голов рогатого скота. Он хвастал, что армяне нападают массой, а он один» (82)

Насколько напуганным или боявшимся за последствия, должно было быть мусульманское население целой деревни, чтобы позволить одному бандиту, пусть даже вооруженному, угнать стадо рогатого скота у всех на глазах.

Впрочем, молокане - чухур-юртцы действовали и другими способами для овладения имуществом своих соседей и знакомых мусульман из сел. Калейбургурт: «Около четырех месяцев тому назад, когда здесь властвовали большевики, к нам в селение явились молокане из сел. Чухур-Юрт Семен Попов с сыновьями Василием и Иваном в гости к своему кунаку нашему односельцу Гаджи Джомару Гаджи Орудж Али оглы и предложили ему ехать с ними в их селение, где они его защитят от большевиков и советовали ему взять с собой три головы рогатого скота. Он пошел с ними, взяв двух быков и корову. До сих пор нет о нем никаких известий, жив ли он или убит». (83)

Как уже отмечалось выше, несколько десятков молокан, допрошенных следственными органами Азербайджанской Республики, как в качестве обвиняемых, так и свидетелей не признавали сам факт участия молоканского населения в азербайджанских погромах, даже перед неоспоримыми доказательствами. Обвиняемые отрицали свою вину, свидетели, как правило, поддерживали своих односельчан, создавали им алиби, часто противоречивые и идущие вразрез с показаниями других свидетелей. Нежелание молокан помогать следствию выражалось в разных проявлениях, в том числе в отказе отвечать на общие вопросы, напр. относительно начала и хода Шемахинских событий 1918 г. в целом.

В этом отношении письмо-прошение группы молокан из селения Чухур-Юрт, арестованных по делу «О разгроме селения Ангехаран» является, пожалуй, единственным документом, в котором обвиняемые в своей интерпретации излагают как предшествующие мартовским погромам события, так и начала и ход самих мартовских событий. Так, в адресованном в Парламент Азербайджанской Республики Прощении, подписанном 9-ю молоканами, из них 7 человек из одного семейства Половинкиных, а также Ефим Черкасов, Василий Щетинкин, во всем случившемся обвиняли только мусульман. Касаясь анархии, «повсеместно воцарившейся с падением в 1917 году Временного Правительства в России», и «всюду царствовавшего террора», молокане представляли себя в качестве жертв, на которых нападали мусульманские банды. В качестве примера приводился только один конкретный случай, с упоминанием двух имен - Гаджи Кадыра и Гаджи Султана из «соседней с Чухур-Юртом деревни Горыс (?)», под руководством которых «около 1000 человек» напали на хутор чухур-юртца Филиппа Власова. Весьма примечательно, что при нападении столь многочисленной «вооруженной силы» на маленький хутор - единоличное хозяйство никто не был убит, сам Филипп Власов был ранен, а другие бывшие в хуторе лица ограблены. Разное имущество, скот и инвентарь были похищены нападающими, а само хозяйство - хутор подожжено.

Как следует из предыдущей главы, о существовании отдельных разбойничьих банд в уезде из мусульман, от нападений которых страдали не только армяне и молокане, но и сами мусульмане, подробно говорили сами представители мусульман гор. Шемахи, подчеркивая, что это обстоятельство ни в

кчем случае не могло служить основанием столь жестокого наказания всего азербайджанского населения уезда. Все дальнейшие события – начиная с прибытия в Шемаху вооруженных отрядов во главе с Артамоновым и Айрапетовым «для усиления якобы бывшего в Шемахе Интернационального гарнизона» и кончая первым наступлением на гор. Шемаху и сел. Ангехаран – преподносилось в Прошении, как спровоцированные со стороны самих «братьев-мусульман», которым «показалось», что эти отряды «будут действовать против них». При этом авторы Прошения – лично опознанные сразу десятками ангехаранцами как лица, внезапно и вероломно нападавшие на их селение и творившие зверства – опять же обвиняли самих ангехаранцев «в оказании сопротивления» прибывшему отряду «Советской армии», причем «за одну версту от Ангехарана, где завязался бой». В дальнейшем развитии событий виновными, по мнению авторов письма, были опять же мусульмане, «придавшие сей событию национальный характер». Не говоря ни слова о тысячах погибших мусульман во время первого нападения на гор. Шемаху и сел. Ангехаран, молокане в самых общих чертах описывали наступления «мусульман» (без упоминания Гянджинских войск) на армянские (Сагиян) и молоканские (Хильмили) селения, утверждая, что при этом были сожжены русская часть города и «русские села Н. Дмитриевка и Джобани, в русских селах убито до 100 человек». (84)

Отметим, что эти сведения, особенно факт убийства в русских селах мирного русского населения, не соответствовали действительности и не нашли свое подтверждение в документах Чрезвычайной Следственной Комиссии. При этом второе наступление на Шемаху, которое состоялось только через неделю после того как Гянджинские войска уже покинули Шемаху, а также последующие за этим многомесячные «походы» армяно-молоканских вооруженных отрядов на более 100 мусульманских селений авторы характеризовали как «контрнаступление», отражающее «наступающих мусульман». Но самое главное утверждение, на что авторы Прошения хотели обратить внимание Азербайджанского Парламента, заключалось в том, что во всех этих событиях «сектантское население не принимало ни какое участие», а наоборот «всеми силами защищало соседние мусульманские селения от нападения армян, что могут подтвердить соседи наши мельгамцы». (85)

Эти последние утверждения арестованных молокан, как следует из приведенных выше многочисленных документов, а также из рассматриваемых ниже следственных материалов, не выдерживали никакой критики. Названные же молоканами свидетели-мусульмане, – жители селения Мельгам, которые должны были подтвердить, что молокане-сектанты «всеми силами защищали соседние мусульманские селения от нападения армян», давали совершенно другие показания. В частности, приходский молла сел. Мельгам 60-летний Молла Гамза Мамед-Эфенди оглы, подтверждал, что в день разгрома сел. Ангехаран молокане их «не тронули», но и показывал следующее: «В начале второй половины марта с.г. в воскресенье утром молокане соседних селений

Чухур-Юрт, Джобаны-русские, Кыз-Мейдан и Нагарахана пригнали к нам всех почти Ангехаранских женщин и детей, которые оставались у нас около трех месяцев. Многих из молокан знаю в лицо, по фамилии и имени их не знаю. Привели также раненного в грудь Ангехаранского приходского муллу, который у нас умер... Я не могу объяснить, почему молокане пощадили нас, а разгромили ангехаранцев. После мартовских событий было несколько случаев убийства наших односельчан Джобанинскими и Кыз-Мейданскими (Ас-траханка) молоканами». (86)

Впрочем, имя одного из арестантов, подписавших Прощение – Ефима Черкасова довольно часто упоминалось в свидетельских показаниях пострадавших азербайджанцев. Один из них – Фарзали Герай оглы, у которого во время разгрома Ангехарана сын был убит, жена, заступившаяся за сына, ранена, дом сожжен, а имущество похищено, через месяц после этих событий сам явился к молоканам: «...стали говорить, что молокане объявили, что кто подчиниться власти большевиков и станет большевиком, того не будут трогать. Ввиду этого я отправился в сел. Чухур-Юрт, явился к тогдашнему старшине Ефиму Черкасову, объявил ему покорность. Ефим Черкасов приказал меня связать и посадить в подвал, куда в числе других молокан вел меня сын Василия Борисовича Половинкина. В подвале стали меня мучить пятеро молокан, из которых знаю Бедала Юрина и Ивана Юрина. Они били меня палками, а потом положили правую ногу в железный станок и стали сжимать. Таким образом, повредили мою правую голень так, что не могу ходить». (87)

В дальнейших утверждениях авторов Прощения выражалось недовольство деятельностью Чрезвычайной Следственной Комиссии, что будет подробно рассмотрено в следующих главах.

Здесь же отметим, что во многом именно непризнание молоканами своего участия в азербайджанских погромах усложняло выяснение мотивов, побудивших их выступить против мусульманского населения всего уезда, не позволяло однозначно ответить на один из главных вопросов, волновавших как самих мусульман, так и следствие в целом. Как уже отмечалось выше, сам факт, что в Шемахинских событиях 1918 г. армяне в лице молокан имели не менее воинственных и одержимых союзников, не вызывал сомнений у следственных органов Азербайджанской Республики, в том числе у Чрезвычайной Следственной Комиссии. ЧСК, в свою очередь, всесторонне расследуя все случаи азербайджанских погромов в разных уездах республики, наряду с установлением и по возможности привлечением к ответственности виновных в этих погромах, старалась выявить и причины столь враждебных действий со стороны армян и молокан по отношению к коренному населению уезда. Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии Алекбер бек Хасмамедов, в своем докладе Министру Юстиции Азербайджанской Республики по делу разгрома гор. Шемахи и его селений, ссылаясь на показания шемахинцев, также пытался разобраться в причинах, толкнувших молокан на союз с армянами, но не находил единого ответа: «Из показаний всех допрошенных

потерпевших мусульман очевидно, что армяне разгромили Шемаху и селения Шемахинского уезда, убив тысячи мусульман мужчин, женщин и детей, истязав при этом многих из них, разгромив все мечети и святые места, действовали из мести и вражды к мусульманам и преследовали свои национальные идеи, но в виду разноречивых показаний не представилось возможным выяснить, под влиянием каких побуждений выступили против мусульман молокане. Одни потерпевшие показали, что молокане преследовали идеи большевизма, другие, что считали это для себя выгодным, третьи, что они действовали под влиянием армян, которые обманывали их, сами же молокане, как показал один из потерпевших, цинично объяснили ему, что они стояли на стороне сильнейшего». (88)

«Молокане преследовали идеи большевизма...» ... Пожалуй, эта наиболее серьезная мотивация из всех указанных выше причин, объясняющих поведение, если и не всех, то все же определенной части молокан в Шемахинских событиях. Хотя эта версия не исключала все другие мотивации, выдвигаемые самими шемахинцами и кратко сформулированные председателем ЧСК А.Б.Хасмамедовым, однако она заслуживала более внимательного отношения по ряду причин. В приведенных выше показаниях шемахинцев не раз упоминались слова «молокане - как большевики», «молокане от имени большевиков», «молокане под видом большевиков» и т.д. Насколько молокане были одержимы или всерьез увлечены идеями большевизма будет рассмотрено в следующем параграфе. Однако, как следует из свидетельств шемахинцев, сами пострадавшие-мусульмане не верили молоканам как носителям какой-либо идеи или же представителям новой власти, от которой они ничего кроме насилия, грабежа и убийств не видели. Шемахинские мусульмане воспринимали молокан скорее как носителей враждебной и опасной силы, против которой сами они не были в состоянии устоять. Не случайно, что в большинстве своём они предпочитали оставлять свои селения и убегать, чтобы не быть убитыми этими молоканами-большевиками или жить у них в рабах. Однако возможно именно такое восприятие мусульманами молокан дает ключ к пониманию причин выбора молоканами стороны армян, олицетворяющих в то время собой в глазах молоканского населения силу и власть.

Долгие десятилетия, будучи в немилости у российских властей, насильно переселенные из родных мест на чужие земли, вынужденные жить среди хоть и «не враждебного, но чужого народа», молокане все же жили при «своей» - русской власти. Эта власть, жестко преследуя их за «отступничество» от «истинной» веры, тем не менее, создавала им более привилегированные условия для жизни на чужих землях, чем большинству местного коренного населения. И вот эта власть в одночасье рухнула. Небольшое число чиновников из русской администрации в Шемахе, также как военный гарнизон, состоящий из русских солдат и офицеров, покинули город и уезд. Остались лишь жители-русские, представители разных гражданских профессий, малочисленное православное крестьянство и самое многочисленное русское население – сектан-

ты. И по иронии судьбы, именно сектантское население, не пользующееся когда-то доверием у русских властей, стало той социально-политической базой в Шемахе, впрочем, как и в других уездах Азербайджана, для сохранения и продвижения «русского - российского фактора» во властных структурах бывших окраин Российской империи.

С другой стороны сработал инстинкт самосохранения самобытной общины, брошенной на произвол судьбы историческими процессами времени, в корне поменявшими жизнь и быт не только русского населения, но и всех других народов, населяющих Азербайджан, в том числе коренного азербайджанского.

Кстати, этот момент своевременно был учтен русскими деятелями в Баку, которые очень быстро среагировали на начавшиеся в конце 1917 г. в Ленкоранском уезде противостояния между азербайджанскими крестьянами и колонистами, которых местные жители обвиняли в захвате их земель, и считали виновниками в ущемлении их прав со стороны царских властей в течении нескольких десятилетий. Однако, начавшиеся нападения на молоканские селения со стороны азербайджанских крестьян были не только пресечены молоканами, а завершились истреблением всех тех азербайджанских селений, которые «находились или в ближайшем их соседстве, или вклинивались в полосу русского поселения. Мугань стала вооруженным станом, в особенности после возвращения с фронта солдат, уроженцев Мугани» (89). Не вникая в суть происходящих в 1917 г. и в последующие годы событий на Мугани, охватывающей территории Ленкоранского и Джавадского уездов, обратимся к свидетельству Б.Байкова, одного из представителей Русского Национального Совета в Баку в 1918-1919: «Народившееся в Баку беспартийное (в него входили персонально правые эсеры, кадеты и правые политическая группы) Русское национально-демократическое общество ... энергично взялось за дело помощи бедствующему русскому населению. Правильно считая, что в переживаемой эпохе все вопросы и политического, и физического существования решаются реальной силой, Русское национально-демократическое общество вступило в ближайшее соглашение с командованием русского “национального” корпуса в Тифлисе и провело на Мугани формирование нескольких русских пехотных полков и артиллерии, и деятельно снабжало русское население оружием и патронами, собирая на это необходимые денежные средства». (90)

Однако русское население, в том числе колонисты, не оставались вне внимания и других политических сил, притом не «персональных членов отдельных партий», а самих партий, в том числе и большевиков, претендующих на власть. Как русское – молоканское население было задействовано в политике большевиков будет рассмотрено в следующей части. И представитель Русского Национального Общества Байков Б.Л. в Баку был не совсем прав, утверждая, что «та же приблизительно картина наблюдалась и в частях Геокчайского и, в особенности, Шемахинского уездов, где также имелось много

русских поселений. Этому русскому сельскому населению не на кого было опереться с падением русской национальной власти». (91)

Во-первых, русскому населению Геокчайского, и, в особенности, Шемахинского уездов реально ни со стороны мусульманского, ни армянского населения, ничего не угрожало, о чем уже говорилось выше. А последствие «безвластия» чувствовали на себе практически все народы, заселяющие уезд, правда, в разной степени - в зависимости от желания и стремления отдельных национальных групп, воспользоваться созданным положением, и захватить власть в свои руки. Как показали дальнейшие события, русское - молоканское население Шемахинского уезда оказалось не в самом худшем положении, не говоря уже об обратном, если учитывать набирающее силу противостояние между армянским и азербайджанским населением.

Будучи до этого достаточно пассивными членами общества в широком смысле этого слова, однако втянутые в процессы, происходящие вокруг них, молокане, безусловно, должны были делать свой выбор: занимать сторону тех или иных сил, или же как минимум сохранить нейтралитет. И русское сектантское общество, столетиями державшееся вне политики, сделало выбор в пользу христианства (армяно-григорианство) и политики.

Но насколько верным был этот выбор – в пользу армян и большевиков?

Насколько «опасным» считали они для себя азербайджанское - мусульманское общество, не имеющее в то время даже своих национальных властных структур, однако, явно стремящееся утвердить свои права на своих исконных землях? Могло ли оправдать это ничем не обоснованное «опасение» за свое будущее те зверства, жестокость и алчность, с которыми молокане, как «союзники» армян и как «большевики» - обрушились на мирных жителей-мусульман гор. Шемахи и селений Шемахинского уезда?

Как показали дальнейшие события, недолго молоканские селения – в частности Чухур-Юрт и Хильмили – служили «оплотом армяно-большевистской власти» в Шемахинском уезде. С уходом в конце июля того же 1918 г. с исторической сцены Бакинской Коммуны, молокане очень быстро отреклись и от своих армянских союзников, и от большевиков, на стороне которых они воевали против турецко-азербайджанской армии. Когда турецкие войска подошли к Шемахе, все молокане, находившиеся в войсках Красной Армии, оставили поле сражения и вернулись в свои дома. Сразу же после освобождения Шемахинского уезда турецкое командование, а затем и азербайджанское правительство гарантировали все права молокан как граждан Азербайджанской Демократической Республики. Сектантское общество опять «ушло в себя», одновременно пытаясь восстановить отношения со своими мусульманскими соседями. Как молокане повели себя в период АДР, особенно когда в Шемахинском уезде начала работать Чрезвычайная Следственная Комиссия АДР, расследующая мартовские события в Шемахе и причины азербайджанских погромов, более подробно будет рассматриваться в следующих частях.

Однако, как бы не отрицали свою вину молокане, участвовавшие в азербайджанских погромах, и как бы не защищало этих своих единоверцев все молоканское общество, участие совместно с армянами Шемахинских молокан в массовых избиениях, убийствах, погромах и грабежах тысяч человек мирного азербайджанского населения гор. Шемахи и селений Шемахинского уезда в марте-июне 1918 года легло позорным пятном на историю этой русской сектантской общины, нашедшей свою вторую родину на азербайджанской земле.

5. Большевики в Шемахинских событиях 1918 года

«Совет Народных Комиссаров декретом своим от 16 декабря 1917 года назначил меня Временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа, впредь до создания на Кавказе Советской власти», - так известил о своем новом назначении Степан Шаумян, лидер бакинских большевиков, обращаясь «ко всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам Кавказа» в феврале 1918 г. (1) Это было, пожалуй, самым высоким, т.н. партийно-должностным назначением для Степана Шаумяна со времен начала его карьеры как политика, которая, несмотря на все его стремления, пока никак не закрепляла его имени в числе первых и общепризнанных лидеров на кавказской политической арене. Во всех более-менее значимых выборах - как в различные партийные органы, так и в Бакинский Совет, проходивших в течение всего 1917 г., и не только в масштабах Кавказа, но даже в Баку, у Шаумяна возникали те или другие проблемы, имеющие под собой веские причины. В этом отношении, как верно считает азербайджанский историк Эльдар Исмаилов, назначение именно Шаумяна Чрезвычайным Комиссаром на Кавказ было большой ошибкой, связанной не столько с переоценкой личностных качеств Шаумяна, сколько с его незнанием характера межнациональных отношений на Кавказе. Ведущую роль в социал-демократическом движении в Тифлисе в это время продолжали играть грузины, большая часть которых являлись меньшевиками. «Ленин не мог понять того, что грузинским политическим деятелям очень сложно будет переварить назначение в Тифлис - город, который они считали своим, на должность первого лица, да еще всего Кавказа, армянина». (2)

Однако, должность Временного Чрезвычайного Комиссара не ограничивала полномочия Шаумяна пределами Кавказа. Прошло чуть больше десяти дней после указанного декрета - как 29 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров за подписями Ленина и народного комиссара по делам национальностей Сталина издал еще один - специальный Декрет о поддержке правительством России права армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение, вплоть до полной независимости и поручил Степану Шаумяну как Временному Чрезвычайному Комиссару по де-

лам Кавказа оказать населению «Турецкой Армении» всяческое содействие в деле выполнения этого декрета. Не останавливаясь подробно над содержанием этого документа и его правомерности с дипломатической точки зрения, согласимся, что «совершенно несуразным было поручение урегулирования вопроса о турецких армянах, вопроса весьма болезненного и сложного во взаимоотношениях с Османской империей, армянину Шаумяну... И не случайно, что Анастас Микоян уже в 1919 году назвал этот декрет «крупной ошибкой», которая не имела «никаких положительных результатов». (3)

Однако, как же удалось Шаумяну убедить руководство большевиков в Петрограде, что он, именно тот человек, которому по плечу столь важные исторические задачи? Насколько же высоко московские большевики оценивали степень интернационализма в большевике-армянине, возложив на него миссию возглавить «революционное дело» в таком многонациональном и многоконфессиональном регионе, как Кавказ! Впрочем, еще в 1915 г., в разгар первой мировой войны, Шаумян достаточно четко выразил свое отношение к вопросу турецких армян. Подвергнув жесткой критике крайне агрессивную националистическую политику армянской буржуазии, он писал: «Подхватив популярный в армянских народных массах лозунг освобождения турецких армян и воспользовавшись политической близорукостью партии «Дашнакцутюн», имеющей большое влияние на крестьянские и мещанские массы, армянская буржуазия совместно с названной партией сделала все от нее зависящее, чтобы изобразить турецких армян преданными русскому правительству и изменниками по отношению к тому государству, в котором они жили. Для этого она создала на свои деньги добровольческие дружины, в которое вовлекались и турецкие армяне (дезертиры из турецкой армии и даже депутат турецкого парламента». (4)

Но заканчивался уже 1917 г., и хотя война еще продолжалась, за стремительно менявшимися как на фронте, так и на политической арене событиями менялась и позиция Шаумяна, как в вопросе «турецких армян», так и в отношении армянской буржуазии и партии «Дашнакцутюн» в целом. «Остро, порой оскорбительно критикуя лидеров меньшевиков и эсеров, эти партии в целом, он старается не задевать армянских представителей этих партий. В публикациях, например, нельзя встретить выпадов в адрес лидера бакинских эсеров Саакяна. Совсем Шаумян «забыл» о существовании дашнаков. Случайно ли это? Наверяд ли. За кулисами политической кухни в Баку идет возня. Большевик Шаумян ищет себе союзников в будущей борьбе за власть в городе, а возможно на всем Кавказе. В среде армянских политических кадров найти себе союзников возможно». (5)

Вместе с тем найти себе союзников даже среди армянских политических кадров, не говоря о грузинах, в Тифлисе Шаумяну не удалось. Как показали дальнейшие события, армянин Шаумян действительно не имел особых шансов возглавить Кавказскую власть с резиденцией в Тифлисе, что и послужило причиной его скорейшего возвращения в Баку. По прибытию в Баку в начале

марта 1918 г. Шаумян выступил перед своими соратниками и рабочими на собрании в Народном доме рабочих Шибаяева Белгородского Заводского района с докладом «О революции и контрреволюции в Закавказье», в ходе которого вдоволь нажаловался на грузинских деятелей, не позволивших ему выполнить миссию, возложенную на него Петроградским Советом Народных Комиссаров : «...со дня моего приезда в Тифлис руководители меньшевистского грузинского правительства Н.Жордания, Гегечкори, Чхеидзе и другие заняли против моего приезда враждебную позицию, они всюду меня преследовали». (6)

Впрочем власть Временного Чрезвычайного Комиссара по делам Кавказа вне границ Грузии также была не очень прочной, и «если в Баку он сумел не без помощи тех же своих политических оппонентов – эсеров, меньшевиков и дашнаков оставаться у власти, то за пределами Баку, во всей Бакинской губернии и в соседней Елизаветпольской губернии, говорить о контроле большевиков и авторитете Шаумяна в качестве руководителя власти не приходилось». (7)

В азербайджанских уездах Бакинской и Елизаветпольской губерний местные органы управления подчинялись власти Закавказского комиссариата, в центре же Елизаветпольской губернии Гяндже власть фактически находилась в руках представителей Мусульманского Национального Комитета, не признающего власть как самого Совета Народных Комиссаров РСФСР, так и ленинского мандата о назначении Шаумяна Чрезвычайным Комиссаром. Непризнание большевиками победы партии «Мусават» – главной политической организации азербайджанских национальных сил на выборах в Бакинский Совет в октябре 1917 г., а также фальсификация ими же выборов в декабре того же года были приняты азербайджанскими деятелями как вызов, и почти всеми мусульманскими организациями, за исключением социал-демократической «Гуммет», большевики уже воспринимались как сугубо антинациональная сила. Азербайджанские организации во главе с «Мусават» властью в регионе признавали Закавказский комиссариат, став составной частью этой структуры, также признавшей партию «Мусават» и другие азербайджанские организации как представителей мусульманского населения всего Южного Кавказа. Такое положение вызывало особый гнев у несостоявшегося Чрезвычайного Комиссара по Кавказу: «Ни для кого уже не тайна, что в Закавказье существует грузино-мусульманский контрреволюционный дворянский блок», - писал Шаумян, заранее «предвидя», что «жертвой этой контрреволюции... наряду с восставшим мусульманским крестьянством, должно быть, несомненно, прежде всего, армянское крестьянство». (8)

Впрочем, у Шаумяна во время его поездки в Тифлис в январе 1917 г. была небольшая возможность ознакомиться с положением в уездах, он ехал с остановками, и дорога проходила через азербайджанские и армянские села, охваченные мятежами против местных помещиков, нередко заканчивающимися расправами над помещиками и членами их семей. Особый размах эти высту-

пления получили в Казахском и Тавузском районах Елизаветпольской губернии. Решив использовать это обстоятельство, Шаумян выступил с отдельным обращением «К крестьянскому населению мусульманских провинций Закавказья», в котором «приветствовал» их «пробуждение» и «борьбу»: «Земля должна принадлежать народу, и того, что вы возьмете теперь, никто не в силах будет отнять у вас». (9)

И хотя, Шаумян отмечал, что «не нужно убивать ваших ханов и беков, их жен и детей, не нужно уничтожать их имущества!», очевидцы этих событий, в том числе представители русского населения, считали выступления крестьян в немалой степени результатом пропаганды большевиков, которая «в некоторых районах Елизаветпольской губернии привела к кровавым расправам татарских крестьян над своими помещиками». (10)

В этом документе Шаумян выступает как защитник, в первую очередь, армянского крестьянства, и как будто вновь «опережая» события, «предупреждает» о якобы ожидающей его опасности: «Ваши беки и ханы, - обращается он к мусульманским крестьянам, - до сих пор не раз натравливали вас против армянских крестьян и устраивали между вами резню. Довольно этой братоубийственной войны! Армяне-крестьяне такие же труженики, как и вы. Они тоже поднимаются против своих беков и богачей». Шаумян призывает мусульманских крестьян превратить свои отдельные выступления во всеобщее восстание, организовано захватить земли беков. создавать комитеты, которые и должны брать эти земли. Он «предостерегает» крестьян-мусульман от доверия к своим бекам и ханам, которые «через свои комитеты создают мусульманские войска и хотят объявить новое мусульманское государство в Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губерниях... Даже сейчас то войско, которое они хотят создать, они направят против вас, чтобы отобрать вновь свои земли. Не позволяйте им сидеть в комитетах и говорить от вашего имени, от имени всей мусульманской нации». (11)

Если не учитывать время, когда было опубликовано это Обращение, то его содержание спокойно можно было бы объяснить классовым подходом автора к происходящим вокруг событиям и отношениям между отдельными слоями в мусульманском обществе. Однако документ этот был опубликован всего за полтора месяца (13 февраля 1918 г). до мартовских событий в Баку и Шемахе, когда жертвами не только красноармейцев, состоявших на 70% из армян, но и четырехтысячных армянских национальных частей стали не столько мусульманские «ханы и беки», а те самые простые мирные граждане, как правило, из бедных слоев населения городов Баку и Шемахи, а также десятки тысяч крестьян-мусульман Бакинского и Шемахинского уездов, к которым Шаумян неоднократно обращался, называя их «братья!» Следует подчеркнуть, что за все это время ни одного случая «натравливания крестьян-мусульман на армянских крестьян» со стороны азербайджанской элиты ни в Бакинской, ни в Елизаветпольской губерниях замечено не было. Надо отдать должное пропагандистскому мастерству Шаумяна, умело использующему крестьянские мя-

тежи, т.е. «классовую» борьбу мусульманского крестьянства против беков и ханов в угоду своим не очень -то скрываемым националистическим целям. Оказывается, мусульманское дворянство «собиралось приостановить разразившееся аграрное движение», используя «старое испытанное средство – армяно-татарскую резню», которую они «исподволь, систематически подготавливали», и работа по организации азербайджанских войск? являлась «одно- временно подготовкой армяно-татарской резни». «...Все армянское население Елизаветполя, все армянское крестьянство Елизаветпольского, Шушинского, Казахского и других уездов переживало кошмарные дни ожидания резни. Все стояли под ружьем, вокруг селений были вырыты окопы, вся жизнь замерла, и трудовое население с минуты на минуту ожидало, что мастера армяно-татарской резни, беки и ханы, вновь поведут одураченных ими мусульманских крестьян на братоубийственную войну с армянскими крестьянами.» Но, ... «по сведениям из Елизаветполя, опасность первая миновала». (12)

Что стоит за столь красочно-душераздирающим описанием «тревожного состояния и ожидания» армянским населением «резни», которую, как следует из выступлений и публикаций Шаумяна в этот период, почти «не избежать»? Ведь «миновала» лишь «первая опасность»... Не сама ли армянская политическая элита – национальная, большевистская, дашнакская, не имеет значения какая – ожидала этой «резни», чтобы начать полномасштабную войну против всего мусульманского населения Закавказья? Ведь очень скоро, после мартовских событий в Баку, Шаумян сам признается, что нужен был повод, «если б они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана»... (13)

Однако, несмотря на «успешное сталкивание азербайджанских крестьян с беками», лишь в «некоторых случаях азербайджанские крестьяне «чутко» улавливали желания Шаумяна». (14) Во всех других своих призывах, особенно о создании крестьянских советов, Чрезвычайный Комиссар остался не услышанным мусульманскими крестьянами, в том числе и Шемахинского уезда. Так, до начала мартовских событий в Шемахе в уезде был создан единственный комитет, да и тот не крестьянский, а «районный комитет РСДРП(б)», к тому же не мусульманами, а молоканский. В начале марта 1918 г. несколько жителей молоканского сел. Чухур-Юрт Шемахинского уезда, считавшие себя членами партии большевиков, заслушав доклад чухур-юртца Василия Кожевникова, делегированного своими односельчанами в Баку для ознакомления с партийной организацией решили выбрать районный комитет РСДРП (б). «Выбранными» оказались: Василий Кожевников- председатель, Яков Юрин- товарищ председателя, Осип Русиков- казначей, Иван Кириллов- секретарь, « а кандидаты к ним – В.Дирин и Н.Черкасов». (15) Через месяц все эти партийцы-большевики возглавят молоканские отряды, разгромившие соседнее мусульманское сел. Ангехаран.

В эти же дни состоялось общее собрание граждан села Чухур-Юрт, на котором был обсужден вопрос о текущем моменте. Собрание «вынесло полное недоверие Закавказскому комиссариату и приветствие Совету Народных Комиссаров». Жители молоканского селения – сектанты, люди до сих пор сознательно держащиеся в стороне от политики, «во всеуслышание» заявили, что «трудовое русское крестьянство Шемахинского уезда стоит на страже революции» и приветствует партию большевиков «как стойких защитников рабочего класса и всего трудового народа». Лозунги, озвученные на общем собрании молокан, если оно действительно состоялось, а не было проведено теми же несколькими сельскими жителями-большевиками, показали, в чью сторону был сделан выбор русским населением Шемахинского уезда, хотя они и выражали, судя по газетной публикации, желание только одного села - Чухур-Юрта: «Да здравствует Российская Советская Республика! Да здравствует Совет Народных Комиссаров!» (16)

Эти две небольшие газетные заметки, опубликованные в большевистской газете «Бакинский рабочий» 12 марта 1918 г., пожалуй, единичные документы, свидетельствующие о политической жизни в селениях Шемахинского уезда в целом. То, что большевистские власти Баку считали именно русское, пусть даже сектантское население своим основным идейным оплотом в уездах, не вызывает сомнений. При всей своей активности и воинственности армянское население уезда скорее всего не играло в большевистские игры, хотя иногда и прикрывалась этим названием, будучи полностью втянутым в националистическую политику своими лидерами. Отсюда и полное отсутствие каких-либо документов о деятельности большевиков-армян в армянских селениях уезда.

О том, что происходило в последующие мартовские дни 1918 г. в городе Шемахе и селениях Шемахинского уезда подробно говорилось в предыдущих частях. А с кем ассоциировались большевики из числа погромщиков становилось ясно из свидетельств самих шемахинских мусульман, как горожан, так и сельских жителей.

Как следует из документов, в ходе коротких переговоров между азербайджанскими представителями и руководителями армянского отряда, присланного из Баку и местными армянскими лидерами, как накануне, так и в дни первого штурма города Шемахи, никаких разговоров о власти не велись, речь шла только о безопасности населения и предотвращении вооруженного противостояния между армянами и азербайджанцами. Хотя многие шемахинцы упоминали о большевиках, отмечая, что армяне получали все военное снаряжение, «всякого рода оружие и снаряды, вплоть до пулеметов и пушек от бакинских большевиков. ... армяне стремились к захвату власти в Шемахинском уезде и подчинения населения большевикам». (17) Вместе с тем никто не воспринимал армян как действительных приверженцев идей большевизма или как самих большевиков: «Мы, мусульмане, отнеслись к армянам сначала безразлично, но потом, когда они под большевистским флагом стремились к

подчинению нас своей власти, мусульмане тоже стали относиться к ним враждебно... Под флагом большевиков они вели свою национальную политику под руководством партии «Дашнакцутюн». (18) «Под таким флагом они стали выступать и даже склонили на свою сторону молокан. Но все это были предлоги, а главное – это их ненависть и вражда к мусульманам, которых они стремились уничтожить». (19)

«Я так думаю, что армяне бакинские соединились с александропольскими армянами, хотели всех нас, мусульман, уничтожить, потому что они убивали даже убежавших, спасавшихся из селения, я не знаю, почему теперь армян называют большевиками. Что такое большевики, я не понимаю, но хорошо знаю, что на наше селение напали исключительно армянские солдаты(20).

Правда некоторые из мусульман делали разграничение между армянами и большевиками: «Представители армянской партии «Дашнакцутюн» под предлогом того, что мусульмане сторонники старого режима, убедив в г. Баку большевиков, что они в лице мусульманского населения Закавказья имеют бесспорных врагов, не только в проведении идеи большевизма в Закавказье, но вообще революции, создали погром над мусульманами». Однако «большевик № 1 всего Кавказа» отождествлялся ими исключительно как армянин: «У армян был широкий план погрома всего мусульманского населения Закавказья, но работа на этой почве главного представителя их Шаумяна не увенчалась успехом в Тифлисе, и он успел до прихода турок разгромить мусульман лишь Бакинской губернии». (21)

Не случайно, что все известные армянские руководители и исполнители азербайджанских погромов в Шемахе воспринимались ими как «сподвижники» лидера большевиков: «Шаумян сподвижников и помощников в преступной деятельности своей имел много, но самыми ревностными из них были прапорщик Степка Лалаев, бывший комиссар гор. Шемахи Атабеков, содержатель аптекарского магазина в г. Шемахе Михаил Арзуманов, начальник Шемахинской почтово-телеграфной конторы Гюльбандов и парикмахер Ованес...». (22)

Таким образом, армяне во главе с руководителем Бакинского Совета, большевиком-армянином Шаумяном совершенно не воспринимались мусульманским населением Шемахинского уезда как большевики: «Выступление армян против мусульман... носило чисто национальный характер. Они под предлогом захвата власти во имя торжества идей большевизма решили уничтожить мусульманское население». (23)

Несколько иначе обстояли дела с молоканами-большевиками, о которых говорили в основном сельские жители Шемахинского уезда. Молокане, как представители «новой власти» стали появляться в мусульманских селениях как до, так и после шемахинских погромов. Первыми их требованиями стали сдача всего оружия, имеющегося в селении и признание власти большевиков. «Жители молоканских селений Козлы и Мараза еще в феврале 1918 года, окружив селение наше Джагирли и усадьбу мою, обезоружили нас, мотивируя

это тем, что они большевики и что мы должны подчиниться их власти», - показывал житель этого селения Мешади Абдулла бек Гаджибеков, из свидетельства которого следовало, что кроме сел. Чухур-Юрт, местные комитеты партии большевиков имелись также в других молоканских селениях. «В то время у молокан, как в селении Мараза, так и в Козлы (Хильмили), имелся Комитет во главе которого стоял Фаддей Игнатъевич, по фамилии мне неизвестный и ныне умерший, и в сел. Мараза Иван Максимич из сел. Мараза ныне проживающий в сел. Гыз-Мейдан, и Василий Суворов из Козлу, а также Иван Тараев из с. Маразы, ныне проживающий в гор. Баку. Указанные лица были главными руководителями молокан при требовании от нас выдачи оружия». (24)

Эти же сведения подтверждал другой житель сел. Джагирли Ирза Эйваз оглы: «Еще в феврале месяце прошлого года молокане селений Козлу и Мараза, окружив наше селение, заставили нас выдать им все имеющееся у нас оружие, говоря, что они большевики и что мы должны подчиниться их власти. В деле этого обезоружения нас главную роль играли молоканские комитетчики, жители сел. Маразы Фаддей и Иван Максимич, (фамилии их не знаю) и некий Суворов из сел. Козлу». (25)

После шемахинских погромов, полностью уничтоживших и опустошивших город и несколько близлежащих мусульманских селений вроде Ангехарана молокане как союзники армян, сыгравшие немалую роль в «победе» над мусульманским населением, видимо, решили довести «дело» до конца. Штабы новоявленных большевиков располагались сразу в нескольких молоканских селениях, в том числе в Хильмили (Козлу-Чай), откуда за подписью хильмилиевского комиссара М.Савельева были отправлены в некоторые мусульманские селения, в том числе и в Сунди письма следующего содержания: «Сундинскому Сельскому Комиссару. Прошу Вас объявить владельцам винтовок и вообще всего огнестрельного и холодного оружия, что согласно постановления в гор. Шемахе должно сдать. Кто неповинуется, прошу сообщить мне имена таковых и к ним будет послан отряд солдат для отбирания оружия вооруженной силой боевым порядком. Тогда произойдет кровопролитие, и виновные пострадают лично и будет уничтожено все имущество. Также объявить населению, что приходящие жители должны иметь от Вас виды». Письмо было заверено печатью «Комиссара Хильмилинского сельского общества Шемахинского уезда Бакинской губ.», которая, если не считать слово «комиссар», заменившее прежнее «старшина», ничего не говорило о смене и законности новой власти, а скорее указывало на простую узурпацию местной власти молоканами. (26) Но, напуганному мусульманскому населению было не до таких «мелочей». Буквально через день-два – 20 марта 1918 г. (по старому стилю) Хильмилинский комиссар принял от также ставшего «комиссаром» старшины Сундинского Сельского общества Музаффара Гаджи Абдулла оглы следующее оружие: «1) Английская винтовка, 2) карабин «Бердана», 3) карабин «Бердана», 4) карабин «Бердана», 5) карабин

«Бердана», 6) карабин «Бердана», 7) карабин «Бердана», 8) русская «Бердана», 9) карабин «Бердана», 10) карабин «Бердана», 11) карабин «Бердана», 12) «Бердана», 13) турецкая винтовка, 14) шомпольная двустволка, 15) Австрийская 5-ти зарядная винтовка, 16) Австрийская 5-ти зарядная винтовка, - все без патронов». (27)

Этот случай оказался единичным. То ли не во все селения были отправлены такие предупредительные письма, то ли мусульмане-крестьяне не поняли угрожающий смысл письма, но добровольной сдачи оружия крестьянами-мусульманами не последовало. Молокане решили привести свои угрозы в исполнение.

Из показаний жителя сел. Конах-кенд: «Как-то в марте месяце прошлого года (1918) молокане соседних селений Чухур-Юрт, Астраханка и Хильмили, окружив наше селение, объявили нам, что мы должны подчиниться им как большевикам и выдать им имеющееся у нас в селении оружие. Мы подчинились их требованиям, выдали им оружие, после чего они удалились; но...». (28)

Из показаний жителя сел. Кюрдамич: «Как-то в марте месяце прошлого года, однажды рано утром вооруженные молокане в числе до 300 человек из селения Чухур-Юрт, Астраханка и Хильмили окружили наше селение и держали нас в таком осадном положении почти целый день. Наконец, под вечер, явились к нам в селение три молокана из сел. Астраханки Василий Казаков, Василий Абрамович и Иван – сын Кашки – Василия («кашка» - прозвище), фамилий последних не знаю, - и потребовали от нас именем большевиков выдачи им всего имевшееся у нас в селении оружия. Мы подчинились их требованию, выдали им все наше оружие, после чего молокане оставили наше селение и ушли, никого из нас не тронув». (29)

Из показаний жителя сел. Чаган-Верхний: «Как то в апреле месяце прошлого года явились к нам несколько человек молокан из Чухур-Юрта, кто они были такие по фамилии не знаю, и предложили нам подчиниться им, молоканам как большевикам и сдать им все имеющееся у нас оружие. Мы подчинились их требованию, выдали им наше оружие. После этого...» (30).

Из показаний жителя сел. Маразали: «В это же время поехавшие в Баку два молоканина Иван Корнев и Фатей Попов приехали с какими-то лицами, которые, потребовав к себе почетных нашего села, предложили сдать им все имеющееся в селе нашем оружия и подчиниться власти большевиков. Они же говорили, что вскоре приедет из Баку главный их начальник». (31)

Маразинцы, также как и жители десятков других азербайджанских селений, еще покинувших родные очаги, выполнили требований молокан, т.е. признали «новую власть» и выдали все имеющееся у них оружие, «вплоть до кинжалов». Однако «новые власти» этим не удовлетворились.

Из показаний жителей сел. Конах-кенд: «Спустя приблизительно неделю после этого в селение к нам явилось 12 человек-солдат-молокан (имени и фамилии их не знаю), кажется из села Джобани, и объявили нам, что штаб их,

большевиков, находящийся в селении Хильмили требует от нас к себе 15 человек- представителей, для дачи каких-то показаний. Они взяли 15 человек наших почетных и отправились с ними якобы в селение Хильмили, в штаб; между тем не отойдя даже 1/2 версты от нашего селения, солдаты те, даже на дороге, одним ружейным залпом перебили всех упомянутых выше наших почетных. Крайне встревоженные этим событием и получив сведение, что с другой стороны наступают на наше селение армяне, мы поняли всю опасность нашего положения, стали целыми партиями покидать селение и бежать...»; «во время бегства нашего армяне и молокане обстреливали нас и убили до 20 человек наших мужчин, женщин и детей» .(32)

Из показаний жителя сел. Кюрдамич: «...но спустя несколько дней после этого молокане без всякого повода убили несколько человек наших рабочих, собиравших около селения для топлива дров, и вслед за этим мы получили сведение, что молокане с армянами собираются напасть на наше селение; в окрестностях нашего селения действительно стали появляться банды вооруженных армян, которые стали потравлять наши посеы и даже угонять наш скот. Когда же однажды банды эти открыли стрельбу по нашему селению, мы, бросив свои дома и всё наше имущество на произвол судьбы, бежали из селения...». (33)

Из показаний жителя сел. Чаган-Верхний: «После того как молокане под видом большевиков заставили нас сдать им все имевшиеся у нас оружие, армяне из селений Матрасы, Мейсары и др. стали систематически нападать на наше селение, угонять скот и грабить наше имущество. Всякий раз, как армяне приближались к нашему селению, мы, будучи безоружными и лишенными поэтому возможности защищаться, бросали селение и убегали в лес, а они распоряжались в нем как хотели». (34)

Из показаний жителей сел. Джагирли: «Подчиняясь их требованию, в виду превосходства их силы, мы выдали им все имевшееся у нас оружия вплоть до револьверов и кинжалов. С этого времени молокане стали систематически совершать у нас угоны крупного скота, баранов и лошадей, а равно потравлять наши поля, собирать в свою пользу наш урожай и вообще всячески обижать нас»; «Молокане после того, как обезоружили нас стали всячески беспокоить наше селение угонами скота, потравами посевов и т.д. Наконец, в марте месяце они совместно с армянами селений Шемахинского уезда совершенно внезапно окружили наше селение и стали его обстреливать со всех сторон. Мы вынуждены были бежать и бросить все свое имущество на произвол судьбы». (35) Однако «отношение» джагирлинцев с «большевистской властью» на этом не закончилось: « В горах... мы пробыли около 2-х месяцев, после чего явились к нам представители тех же молокан из селения Маразы и Козлу с приглашением вернуться в свое селение, обещая нам полную безопасность. Мы поверили молоканам и вернулись в селение, но спустя дней 10-15 после этого молокане с армянами снова окружили наше селение и стали его обстреливать. Мы опять бежали...». (36)

Были обмануты в своих ожиданиях и жители селения Чарган: «Через некоторое время пошел слух, что большевики разрешили всем мусульманам вернуться в свои селения. Мы поверили и вернулись. В селении мы нашли армян и молукан, и опять должны были бежать». (37)

Почти такая же история повторилась с крестьянами сел. Кущи, подвергшемуся погромам дважды – вначале со стороны армян, затем молукан. Жители, вынужденные дважды бежать под обстрелами, спасая свою жизнь, спустя некоторое время вновь возвращались в свое селение, получив известия, что погромщики, разграбив все имущество крестьян, оставили его. «Когда, спустя несколько дней, мы вернулись в селение, к нам явились маразинские молукане Фаддей Игнатьевич Попов и Иван Максимович Горнев и предложили сдать им, молуканам как большевикам и сдать им свое оружие. Мы подчинились их требованиям, сдали им оружие, после чего молукане стали у нас полными хозяевами; они требовали выдать им баранов, ячменя, стали собирать наш урожай в свою пользу и т.д.». (38)

Жители некоторых селений, таких как Шихляр и Чалов, подвергшихся погромам, также называли нападавших «большевиками», при этом не могли опознать кто они были: «армяне, молукане или русские», поскольку видели их «только на очень большом расстоянии», но «слышали, что армяне и молукане». (39)

Следует отметить, что ни одно из азербайджанских селений, выразившее подчинение молуканам или армянам и добровольно сдавшее все имеющиеся у крестьян оружие, в том числе и Сунди, не избежало погромов, которым подвергалось как со стороны армян, так и молукан в течение нескольких месяцев, что очень характеризует политику «новых властей» по отношению к мусульманскому населению уезда. Неслучайно, что молуканина Фадея Игнатьевича Попова, жителя сел. Маразы, чье имя очень часто упоминалось в показаниях мусульманских крестьян как самого известного местного большевика, «многие из потерпевших видели и опознали в числе нападавших разбойников, который руководил шайкой и сам грабил». (40)

Не лучше обстояли дела в азербайджанских селениях, расположенных на низменных территориях Шемахинского уезда, входящих в Абдулянский полицейский участок, в котором не было ни армянских, ни молуканских селений. В находящихся вблизи от железнодорожных станций Наваги, Пирсаат и Аджикабул селениях этого участка бесчинствовали в основном солдаты Красной Армии, прибывшие на поездах при поддержке молукан-большевиков и крестьян-армян из селений других участков, а также близких селений из соседнего Джавадского уезда. Селение Кубали Бала-Оглан стало одним из первых, которое столкнулось с нашествием «новых властей», о чем подробно говорил старшина Шах Паланг Бабир оглы: «Весною прошлого года со станции Пир-Саат к нам в селение приехали 12 человек солдат, большею частью армяне, но среди них были и солдаты похожие на русских. Эти делегаты приехали к нам из Баку и предложили нам сдать и подчиниться их власти –

большевиков. Мы согласились подчиниться, тогда они потребовали, чтобы мы отдали все оружие, которое было у нас в селении, и на это мы согласились и отдали все оружие. Эти делегаты остались в деревне, но затем мы заметили, что все селение наше окружено со всех сторон войсками. Эти войска состоявшие большею частью из армян, но были и русские солдаты, вошли в селение и внезапно открыли стрельбу по жителям и начали грабить дома, но русские солдаты и не стреляли, и не грабили, напротив того, в той стороне, где были русские солдаты, население наше свободно убежало, там же, где были армянские солдаты, они убивали убежавших. Они сейчас же начали поджигать и ломать наши дома. Наши жители, старики и женщины бросались на колени и умоляли армянских солдат, хотя бы пощадить нашу жизнь, но они не обращали внимания, армяне ругали нас и нашу веру матерными словами. У нас тогда было убито 250 мужчин, 150 женщин, детей 135, раненых мужчин- 32, женщин 16 и 21 ребенок». (41)

Жители селения Мейниман, которые подверглись погромам армянских войск-большевиков, дважды нападавших со стороны станции Аджикабул, узнали среди нападавших армян ремесленников, проживающих в соседнем русском селении Илларионовка Джевадского уезда. (42)

Жители же кочевья Келаны-Горный, среди нападавших армян, которые также подожгли все кибитки, убивая убежавших людей, в том числе женщин и детей, и угнали весь скот, лошадей, верблюдов, узнали жителя сел. Мараза, молоканина-большевика Фадея Игнатова, который «также грабил имущества и даже был предводителем нападавших». (43)

Селение Наваги, являлось одним из самых больших и богатых среди селений не только Абдулянского участка, но и всего Шемахинского уезда.

В начале апреля 1918 г. на железнодорожную станцию Наваги, отстоящую от этого селения в 2-х с лишним километрах, прибыл блиндированный поезд с отрядом большевиков. В тот же день 15 человек из этого отряда в числе которых были и русские солдаты, во главе с офицером армянином, пришли в селение Наваги. Население, уже знающее о трагических событиях в Шемахе, во избежание насилия решило не сопротивляться войскам и сразу подчиниться их требованиям. Что происходило дальше, следует из обстоятельного рассказа старшины этого селения Азиза Багир оглы: «Пришедшие объявили нам, что они большевики и предложили нам также быть большевиками, говоря, что теперь все будут жить мирно и что они дадут нам всякой провизии. Мы согласились быть большевиками, дали хлеба им и они ушли. На другой день пришли опять, уже без офицера и в этот раз взяли у нас много баранов, говоря, что нужно для солдат. На третий день опять пришли и опять взяли баранов и пастухов, это уже были армянские солдаты, они убили пастухов и бросили их трупы в колодец. Когда хозяева баранов пришли на станцию Наваги прося возвратить взятых баранов, то их также убили на станции. Заметив, что большевики армяне начали убивать наших жителей, приходивших на станцию, мы прекратили с ними всякие сношения. Тогда большевики через 2, 3

дня после этого большими отрядами направились на наше селение, это уже были исключительно армянские солдаты, они обыскали в полях, и не находя в таковых нашего скота и баранов, так как мы весь скот свой собрали вглубь селения, тогда они - большевики прямо вошли в наше селение и пока не стреляли. Мы почувствовали, что они идут на нас с плохим настроением, тогда мы начали удалять из селения женщин, детей и сами начали бежать. Видя это, армянские солдаты открыли по нас сильную стрельбу. Мы в свою очередь, чтобы приостановить нападение и тем временем дать возможность спастись нашим семьям, открыли с армянами перестрелку. Но так как армян было большой отряд, видя, что мы не в состоянии сопротивляться, также бежали. Армянские солдаты ворвались в улицы и начали поджигать и разгромить наши дома, кто попадался из жителей, они убивали. Кто попадался им в руки, то закалывали штыками и резали кинжалами, другим вдогонку пускали выстрелы. Так у нас было убито 555 мужчин, из них многим отрезали головы, было убито 260 женщин, 140 детей, ранено 60 человек мужчин». (44)

Знало ли «начальство большевиков» в центре – в Баку о том, как устанавливают «Советскую власть» посланные ими войска и местные «приверженцы» в уездах, в том числе и Шемахинском ?

Весьма показательно, что «события в Шемахе» были упомянуты в «Воззвании» только что созданного Комитета Революционной обороны г. Баку и его районов, который был призван руководить «отныне всеми действиями вооруженных сил». В напечатанном типографским способом и распространенном в первые же дни мартовских событий в Баку «Воззвании» Исполнительный Комитет Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и Военно-революционный Комитет Кавказской армии объявляли «всем товарищам и гражданам, что Советская власть в Баку в опасности» и призывали «всех с оружием в руках защищать ее от врагов народа». Указывалось, что «националисты из партии «Мусават» и идущие за ними контрреволюционные элементы открыли уже военные действия против Совета». «События в Шемахе» упоминались в числе других «событий», как например, появление штаба «Дикой дивизии» во главе с Талышхановым в Баку, событиями в Ленкорани, на Мугани, занятием Петровска Дагестанским полком и задержанием хлебных грузов, идущих в Баку, угрозами Елизаветполя и Тифлиса идти на Баку против Советской власти и т.п., вплоть до «наглого поведения отряда «Дикой дивизии» на пароходе «Эвелина», якобы расстрелявшего «наших товарищей». Все эти события, в упомянутом «Воззвании» оценивались как «преступные планы контрреволюционеров, группирующихся, главным образом, около бекской партии «Мусават» и имеющих целью свергнуть ненавистную для буржуазии и помещиков Советскую власть». (45)

Не углубляясь в истинную суть остальных событий, указанных в «Воззвании», которые полностью искажались в этом документе, отметим, что в дни, когда было распространено это «Воззвание», то есть в конце марта - начале апреля 1918 г., в Шемахе полным ходом шли первые азербайджанские по-

громы, мусульманские части города горели, улицы уже были полны убитыми жителями-мусульманами, а горожане, которым удалось покинуть город, спасались бегством в другие уезды, в том числе в Баку. Как следует из рассмотренных выше документов, ни о каких-либо событиях «контрреволюционного» характера или «военных действиях» против Бакинского Совета, происходящих, якобы, в Шемахе или в селениях уезда как накануне, так и раньше и речи не могло быть. Напротив, все шло к провоцированию азербайджанского населения к противостоянию с армянским населением, что в конечном счете не удалось, и тогда вооруженное выступление против шемахинцев-мусульман началось без всякого повода, почти одновременно с мартовскими событиями в Баку, что достаточно обстоятельно освещено в предыдущих частях. «Воззвание», призывающее «всех товарищей и всех граждан, верных революции, сплотиться вокруг комитета и быть готовыми до последней капли крови биться под знаменем Совета», подписанное Временным Чрезвычайным Комиссаром по делам Кавказа С.Шаумяном, Председателем Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов П.Джапаридзе, Председателем Военно-революционного комитета Кавказской Красной Армии Г.Коргановым и Председателем Военно-революционного комитета г. Баку И.Сухарцевым, являлось ни чем иным, как оповещением о начале крупномасштабных военно-агрессивных действий против мусульманского населения Азербайджана под лозунгом утверждения «Советской власти», в ходе которых было задействовано и немусульманское население уездов, в частности армянское и русское, в том числе и сектантское. Все последующие документы, подписанные большевистскими деятелями и самим Шаумяном, следует уже оценить как подтверждение и оправдание этих действий.

Так, в оперативной сводке штаба революционной обороны гор. Баку и его районов от 10-17 апреля 1918 г. за подписью начальника штаба революционной обороны Корганова указывалось, что «сильный отряд всех родов отправлен в Шемаху», без указания против кого и для каких целей. (46) Однако в письме С.Г.Шаумяна в Совет Народных Комиссаров РСФСР от 13 апреля отмечалось, что «в течение последней недели» у большевиков были бои в Шемахе и, по всей вероятности, имелись ввиду уже боевые действия с гянджинскими отрядами Исмаил-Хана Зиатханова: «Против трехтысячного отряда, присланного Елизаветпольским мусульманским национальным комитетом, мы послали свои отряды, которые по полученным вчера сведениям были разбиты и отступают, и с ними вместе отступает 25-тысячное армянское и молоканское население уезда. Вчера был отправлен новый отряд с артиллерией и пулеметами». (47) Здесь Шаумян явно преувеличивал численность отрядов Исмаил-Хана, пытаясь придать значимость боям, ведущимся, якобы, с грозными контрреволюционерами- «мусаватистами», угрожающими власти Бакинского Совета и сопротивляющимися установлению Советской власти в уездах. Следует особо подчеркнуть, что во всех большевистских документах, касающихся шемахинских событий, хронология и действительный ход собы-

тий, завершившихся двумя азербайджанскими погромами с перерывом в десять-двенадцать дней, были или искажены, или не упоминались вовсе, а отчет начинался именно с вооруженных столкновений гянджинских отрядов с армяно-советскими силами. При этом первые погромы в Шемахе, длившиеся около 5-6 суток, когда объектом нападения стал сам спящий город с мирным населением, также, как и причины появления гянджинских войск в Шемахе совершенно умалчивались. Впоследствии такое описание шемахинских событий переключалось в мемуарную и советскую научную литературу о том периоде, в том числе в воспоминания так называемых «очевидцев» или «участников», написавших об этих событиях по информации, полученной из большевистской печати того времени. К таким публикациям следует, в первую очередь, отнести воспоминания упомянутого выше Б. Л. Байкова, присяжного поверенного, деятеля Русского Национального Совета в Баку в 1918-1919 гг., эмигрировавшего в 1920 г. из России. Будучи очевидцем мартовских трагедий в Баку и дальнейших мероприятий большевистских властей, Байков, не испытывающий особых симпатий к азербайджанскому (в тексте «татарскому») народу, впрочем как и к большевикам, тем не менее дает наиболее объективные сведения о происходящих в то время событиях, особенно в Баку. Однако, все приведенные им сведения о действиях большевиков в уездах без сомнения почерпаны из периодики тех лет, в основном большевистской, поскольку большинство других газет, объективно освещающих мартовские события, например, «Баку», «Каспий», «Бакинец», «Вести Баку», в том числе газета бакинских меньшевиков «Наш голос», а также все другие «несоциалистические» издания, были закрыты большевистскими властями «ввиду тревожного времени и в целях ограждения населения от обычной провокационной агитации» или же из-за «не отвечающих действительной оценке событий и явно тенденциозных статей». (48)

Отмечая, что вскоре после мартовских событий большевики начали поход вдоль линии Закавказских железных дорог на Тифлис, а часть отрядов была направлена в Шемахинский и Геокчайский уезды, Б.Л.Байков пишет: «В пределах Шемахинского и Геокчайского уездов, где большинство населения составляли татары, большевики встретили отчаянное сопротивление, организованное командированным из Елизаветполя, где в то время уже собралось Учредительное собрание будущей Азербайджанской республики, членом первой Государственной думы Исмаил-Ханом Зиатхановым». Далее, автор по своему трактует причины участия христианского населения уезда в мусульманских погромах: «Русское население этих уездов (главным образом молочкане), уже потерпевшее перед тем от бесчинств татар в связи с Шамхорскими событиями, и, в особенности, население армянское, издавна враждовавшее (еще с 1905-1906 годов) с татарами, присоединились к большевикам. В результате двухмесячной борьбы, ведшейся с переменным успехом, почти все татарские селения, большинство армянских и цветущий город Шемаха, с 30-

тысячным населением, оказались уничтоженными дотла. От всей Шемахи осталась одна русская церковь, да и то полуразрушенная.

Большевики, имея в своем распоряжении артиллерию и неимоверное количество снарядов, вынудили Зиятханова к отступлению». (49)

Учитывая важность этой мемуарной литературы, к которой часто обращаются исследователи как наиболее объективному источнику по истории этого периода, стоит подчеркнуть, что приведенный отрывок, при первом, казавшемся достоверном сообщении о происходящих событиях, тем не менее содержит немало неточной, местами неправдивой информации. Во-первых, будучи несведущим или по каким-либо другим причинам автор совершенно не затрагивает, как уже отмечалось выше, начало шемахинских трагедий, заставившего отряд Исмаил Хана Зиятханова прибыть в помощь мусульманскому населению Шемахи. Далее, как следует из сотен документов – свидетельств самих шемахинцев-очевидцев, ни о каком «отчаянном сопротивлении» гянджинских войск большевикам не могло идти и речи. Напротив, услышав о подходе мусульманских войск к Шемахе, армяно-молоканские большевистские силы, более 4-5 дней бесчинствующие в городе и близлежащих селениях, сами в спешке покинули Шемаху. Исмаил Хан преследовал их до армянского селения Матрасы, где между ними завязался бой, и «большевики» были оттеснены к молоканскому селению Хильмили. Матрасы было частично разгромлено войсками Исмаил Хана, но не подожжено, нетронутой осталась и армянская церковь в этом самом большом армянском селении уезда. Как следует из этих же свидетельств очевидцев, молокане-большевики не приняли условия Исмаил Хана о прекращении насилия в отношении мусульманского населения. Получив известие о прибывшем «новом отряде» большевиков «всех родов» и «с артиллерией и пулеметами», о которых упоминали Корганов и Шаумян, Исмаил Хан вернулся в Шемаху, предупредил горожан о надвигающейся опасности, посоветовав временно покинуть город и в ту же ночь покинул Шемаху. С ним ушло большинство мусульманского населения города. Все эти события произошли в течение менее чем одной недели. И многие шемахинцы уход Зиятханова объясняли малочисленностью его отряда перед превосходящими их в несколько раз армяно-большевистскими войсками. (50) Таким образом, утверждение Байкова о «двухмесячной борьбе, ведшейся с переменным успехом» и «вынудившей Зиятханова к отступлению» совершенно не соответствовали к действительности.

Так же были далеки от истины умозаключения автора о том, что, якобы, русское население, главным образом, молокане Шемахинского и Геокчайского уездов потерпели от бесчинств «татар» в связи с Шамхорскими событиями, что и послужило причиной их перехода на сторону большевиков. Во-первых, Шамхорские события произошли на территории Елизаветпольской губернии, на железнодорожной станции Шамхор, находящейся на достаточно далеком расстоянии от Шемахинского и Геокчайского уездов, входящих в Бакинский уезд. Под Шамхорскими событиями подразумевалось разоруже-

ние возвращавшихся с Кавказского фронта русских военных частей, которое вылилось в кровавое столкновение, продолжавшееся в течение 8-10 января 1918 г. Согласно требованию Закавказского Комиссариата, все русские военные части, демобилизованные из армии и следующие через территорию Грузии и Азербайджана в Россию, должны были сдать свое оружие местным национальным силам. Однако, часть этих эшелонов отказывалась выполнять эти требования, пытаясь увести вооружения, вплоть до тяжелых, с собой в Россию. Другие части, среди которых было немало армянских солдат, поддаваясь пропаганде большевиков, передавали разного рода вооружение большевистско-армянским отрядам или же просто продавали его национальным силам дашнаков за деньги. Кроме этого, по всему пути следования военных эшелонов русские и армянские солдаты нападали на близлежащие мусульманские селения, занимаясь грабежом и нередко убийством местного населения. В начале января 1918 г. Закавказский Комитет (ЗК) решил покончить с этим и принять действенные меры для разоружения солдатских эшелонов близ Шамхора. Для этих целей Межнациональным комитетом ЗК был послан в Елизаветполь (Гянджа) отряд из 100 человек, с учетом участия в этих операциях также азербайджанских национальных сил. Предполагалось вести переговоры с представителями солдат и при их согласии мирным путем сдать вооружение, обеспечить беспрепятственное прохождение эшелонов через территорию Азербайджана, снабжая их продовольствием и предметами первой необходимости. Однако, лишь первые эшелоны согласились на предложенные условия. Между не принявшими эти условия военными частями русских и армянских солдат и азербайджанскими национальными силами завязались настоящие бои, в ходе которых удалось полностью разоружить эшелоны, у которых было отобрано 20 пушек, 70 пулеметов и более 15000 ружей. Но в результате боев, охвативших также ближайшие территории с мирным мусульманским населением, обе стороны понесли тяжелые человеческие потери. (51) Азербайджанская сторона не отрицала потери среди эшелонов. Гибель же «сотен невинных мусульман» во время Шамхорских событий, также как и во время разгрома станции Евлах русскими и армянскими солдатами, ехавшими в поезде вместе с Шаумяном, подтверждал даже сам лидер Бакинских большевиков. (52)

Как следует из изложенного, Шамхорские события не имели никакого отношения к русскому (молоканскому) населению Шемахинского или Геокчайского уездов, и упоминанием этих событий член Бакинского комитета партии «Народной Свободы»- кадетов Б.Байков просто пытался оправдать участие русского (молоканского) населения уезда в Шемахинских событиях, трагические масштабы которых привели в ужас даже представителей самих большевиков.

В этом отношении весьма примечательны воспоминания Бочарова, входящего в группу большевиков, отправленной сразу же после второго разгрома г. Шемахи на место событий. Как следует из этого документа, еще до на-

чала шемахинских погромов, некто Семен Жгенти был назначен большевиками Чрезвычайным Комиссаром в Шемаху, а заместителем его был человек по фамилии Фролов. (53) Сведения о конкретной политической деятельности этих лиц также, как и шемахинца Али Гейдара Караева (ставшего впоследствии видным партийным и государственным деятелем Советского Азербайджана), как председателя Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов в Шемахе (что отмечается во всех его биографиях) практически отсутствуют. Имя последнего упоминается Аббасом Саххатом, напечатавшим несколько статей «О положении в Шемахе» в газете «Ачыг соз», подробно рассмотренных выше, в числе всего лишь организаторов «Бюро Ширванских студентов», созданного после февральской революции 1917 г. Учитывая, что уже с лета 1917 г. А.Г.Караев вел «революционную работу» в Тифлисе, являясь секретарем Тифлисского комитета партии «Гуммет» и только в декабре 1918 г. приехал в Баку, то скорее всего никакой деятельностью на поприще председателя ИК Совета рабочих и солдатских депутатов в Шемахе он не занимался, если вообще «был избран» на этот пост.(54) Впрочем, по утверждению Бочарова, С.Жгентия с Фроловым также не удалось «проводить национальную политику» в Шемахе, в силу чего из-за «засилья, с одной стороны, дашнаков с мусаватами произошел резкий конфликт». По версии Бочарова, события начались из-за того, что «одна группа дашнаков кощунственно надругалась над мечетью азербайджанцев». Нижняя- азербайджанская часть города восстала против верхней - армянской части. Началась резня между армянами и азербайджанцами и поголовное уничтожение друг друга. Не принимая всерьез эту версию по известным причинам, остановимся на дальнейшем описании событий Бочаровым, что представляет, бесспорно, большой интерес: «За одну ночь города как не было. Население было уничтожено. Когда были получены известия о чудовищно зверском истреблении города и населения были приняты меры. Освободили Жгентия, Фролова и выехала срочно комиссия на место в Шемаху под представительством т. Джапаридзе, Кадырли, Бочер (т.е. самого Бочарова) и Квитченко. По прибытию на место, увидели сплошной пожар, горели подвальные помещения, трупы обгорелые валялись всюду по всему городу, от трупов разлагающихся стоял невероятный трупный запах. К этому дополнял дым от догоравших зданий и трупов. По городу валялись простреленные и изуродованные швейные машины, самовары, кровати, посуда, казаны, кастрюли. Мы пришли в неопишуемый ужас, у нас содрогалось сердце, хотя мы все много видели военных ужасов. Но такого не видели и не помнили». (55)

Пожалуй, это свидетельство, сделанное большевиком Бочаровым, по своему значению не уступает свидетельствам самих шемахинцев, описывающих последствия шемахинских событий, а в чем-то даже превосходит их в силу того, что оно сделано сразу, по горячим следам, и представителем той власти, которая несла прямую ответственность за случившееся, несмотря на «дежурную» оговорку автора насчет «дашнаков» и «мусаватов».

В этом отношении обретает особую ценность следующее сообщение: «Был также выслан дашнак Лалаев Степан, который имел обширный мандат, полученный от Азревкома». (56)

Из воспоминаний Бочарова можно узнать и о тех, кто обитал в это время в полностью разгромленном и сожженном городе: «По городу бродили шайки грабителей, которые, пользуясь несчастьем граждан, тащили все что возможно – ковры, кровати, швейные машины, посуду и уцелевшую мебель». Бочаров не указывает, кто были эти мародеры, у которых по распоряжению Джапаридзе немедленно следовало отобрать все вещи. Но понятно, что азербайджанцев среди них быть не могло по известным причинам. Хотя одного азербайджанца комиссия большевиков все же встретила: «...когда начали проводить работу по очистке города и прилегающие сады, то обнаружили мальчика, зовут Искендер, который от ужаса потерял дар слова: он мимикой показывал нам, что его мать и отец были зарезаны. При этом ужасе он лишился языка. В течение пребывания нашего в Шемахе мы его воспитывали, что стало с ним неизвестно». (57)

Что же предпринял Председатель Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов П. Джапаридзе, столкнувшись со столь чудовищными последствиями «защиты Советской власти с оружием в руках от врагов народа» в Шемахе, к чему они призывали всех своих соратников и граждан?

По свидетельству Бочарова, первым делом Джапаридзе предложил отозвать Революционный Комитет, эвакуировавшийся в сел. Хильмили, для переезда в город Шемаху и приступить к восстановлению города. Вторым решением было «созвать в городе Шемахе крестьянский съезд», чтобы «показать крестьянам, что Советская власть существует здесь в Шемахе и что будут приняты меры по защите обиженных»?! О съезде шемахинских крестьян, который предполагалось организовать в разрушенной разгромленной Шемахе, будет сказано отдельно.

Были решены и кадровые вопросы. Вместе отозванных Жгенти и Фролова был назначен Бочаров, автор этих воспоминаний. По другим источникам, летом 1918 г. комиссаром Шемахинского района был другой член этой делегации Квитченко С.Ф. (58) Было решено также формировать из местных жителей воинский отряд и милицию, освободить от должности коменданта Шемахи «дашнака Пахлауяна» и расформировать его отряд «бездействующий (!) по время погрома». (59)

Было обещано «подкрепление материалами и живой силой», и, действительно, вскоре были высланы 50.000 рублей, врач, инженер, строительный материал. Все присланное, а также серпы для уборки уже созревающего урожая было собрано в Армянской церкви, в одном из единичных зданий в городе, оставшимся целым. (60)

Резолюция, принятая 22 апреля 1918 г. на заседании Исполнительного Комитета Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, после обсуждения положения в Шемахинском уезде, будет рассмотрена ниже.

Возвращаясь к воспоминаниям Бочарова, отметим, что в них неоднократно упоминалось имя Степана Лалаева, бесчинствующего во время погромов в городе, а затем в селениях и на дорогах Шемахинского уезда, как «местный кочи» (бандит), назначенный большевиками в Шемахе для «подкрепления молодой Советской власти». Бочаров объяснял это «назначение» событиями, «назревающими быстрыми темпами» и неопытностью новых властей: «...мы не имели опыта ни в чем. Воспользовавшись нашей неопытностью, Лалаев организовал вокруг себя шайку бандитов, которые терроризировали местное население, нападали на населенные пункты, отбирал скот, насиловал женщин». К слову, спасение советским отрядом троих женщин-мусульманок - матери и двух ее дочерей из сел. Муганлы от нападения лалаевской банды, «пытавшихся изнасиловать их», впоследствии помогло самому Бочарову спастись – скрыться от турецких войск и уехать в Баку, в чем ему содействовал благодарный муж и отец спасенных женщин. (61)

Однако, даже после полного разоблачения преступных действий Степана Лалаева в отношении мирного мусульманского населения, наказания этого «дашнака и кочи» со стороны большевиков не последовало, хотя попытки к были предприняты.

Вести о шемахинской трагедии быстро долетели до Баку и других уездов Азербайджана. От невероятной жестокости и извращенной фантазии С.Лалаева, проявленной при разгроме Шемахи, особенно во время сожжения шемахинской мечети, заполненной женщинами и детьми, дрогнули даже пережившие мартовскую трагедию бакинцы, которых уже трудно было поразить злодеяниями небезызвестного всему Баку оголтелого «армянского патриота». Зверства, учиненные С.Лалаевым и его единоверцами в Шемахе, были столь чудовищны, что даже большевистский Бакинский Совет, как уже указывалось выше, был вынужден признать, что «в ходе установления Советской власти» в Шемахе «были допущены некоторые несправедливости по отношению к мирному населению». (62) Многотысячные шемахинские беженцы – жертвы этой «несправедливости», хлынувшие в Баку, а также само население города, которому большевики должны были доказать, что они и есть законная власть, требовало принятия каких-то мер. Для успокоения мусульманского общества и воцарения порядка Бакинский Совет был вынужден назначить Чрезвычайную военно-следственную комиссию, во главе с «товарищем» Кожемякой (малограмотным слесарем)». (63) Правда, Комиссия эта в основном «занялась исследованием “мусаватского” бунта: так квалифицировались с точки зрения большевиков “мартовские дни”. В этой комиссии почти ничего не писали, а больше действовали: хватали людей, сажали в тюрьмы и расстреливали». (64)

Однако, в Комиссию стали поступать заявления от шемахинцев, в которых описывались страшные картины содеянного Лалаевым и его отрядом над мирным мусульманским населением города и его селений. В ряду таких обращений особую важность представляют небольшие показания русского

священника в Шемахе, члена уездного Исполнительного Комитета Иоанна Федоровича Богомолова, который пошел на оглашение исповеди: «По рассказам правдивых и честных людей С.Лалаев в мечети убивал женщин и детей и жег их. Да простит Господь за такую откровенную исповедь». И.Ф. Богомолов также обратился лично к Джапаридзе с просьбой «задержать корнета Лалаева, который убивал женщин и грабил имущество и его даже хотел арестовать Амиров, но он удрал и все говорят, что он жег мечеть в которой погибло много женщин, дальнейшее сообщу обо всем, когда соберу сведения». (65)

Чрезвычайная военно-следственная комиссия, произведя расследование шемахинских событий, составила обвинительный акт против С.Лалаева как организатора истребления мусульманского населения и уничтожения города, и, по всей видимости, действительно собиралась наказать С.Лалаева, поскольку ей удалось найти «удравшего корнета». Но тут случилось то, что может служить еще одним доказательством того, кто лично стоял за шемахинскими событиями: «Когда Кожемяко пригласил Лалаева в комиссию и объявил ему, что он арестовывается, тот, послав его ко всем чертям, позвонил Шаумяну, который, позвав Кожемяко к аппарату, заявил следующее: «Арестовывать Лалаева неудобно, что за шалости?» Такими словами «идейный вождь демократии» вступился за уголовного преступника, и Лалаев как ни в чем ни бывало пошел гулять по Великокняжескому проспекту в сопровождении своих телохранителей из бюро дашнакцаканов». (66) Вскоре после этого Чрезвычайная военно-следственная комиссия большевиков была упразднена.

С.Лалаев же, переехав в Шемаху, все последующие месяцы до прихода турок продолжал свои насильственные действия в отношении мусульманского населения шемахинских деревень, занимаясь также грабежом и убийствами на дорогах, нападая на мусульман, проезжающих через Шемахинский тракт в другие уезды Азербайджана.

Какую же оценку получили шемахинские события со стороны азербайджанских политических деятелей? Позиция национальных сил во главе с партией «Мусават» была однозначной: «После того, как известный глава разбойничьей шайки, занимавшейся похищением людей, Т.Амиров, став во главе «социалистической армии», вырезал до шести тысяч беззащитной мусульманской бедноты в Баку, а мартыновский (Мартынов-бакинский градоначальник) собутыльник, ублюдок Степа Лалаев во главе дашнакцаканских (тоже «социалистических») банд очистил ряд кварталов от представителей мусульманской интеллигенции, которых он вытаскивал из домов и расстреливал на улице, Шаумян и ему подобные «водители демократии» должно быть нашли стаж этот весьма блестящим для своих командиров, и Амиров с Лалаевым были назначены в Шемаху с отборным дашнакцаканским отрядом для борьбы с «контрреволюционерами», - писала газета «Азербайджан» в октябре 1918 г. Разоблачая маски и лозунги, под которыми велись в Шемахе военные операции карательного характера против мирного мусульманского

населения, газета продолжала: «Не знаем, что стало с шемахинскими «контр-революционерами», но знаем то, что «красно-социалистический» отряд с «социалистами» Амировым и Лалаевым во главе вырезал мусульманское население всей Шемахи и разгромил до сорока селений. Перед зверствами, учиненными Лалаевым над шемахинскими мусульманами, бледнеют все ужасы, виденные нами за время этой войны». (67)

Следует подчеркнуть, что большинство армянских офицеров, служившихся командирами в войсках Бакинского Совета, вроде Татевоса Амирова и Степана Лалаева, о котором говорилось выше, действительно имели довольно порочную репутацию среди представителей бакинского общества, и не только азербайджанского. Так, один из таких активных «военачальников», занимавшийся формированием Красной Армии Бакинского Совета, Б.Авакян характеризовался присяжным поверенным Б.Л.Байковым, как «недоучившийся студент, офицер военного времени, все время скрывавшийся в тылу; кокаинист и неврастеник». (68)

Впрочем, не мерее резко отзывался о шемахинских событиях и большевик Нариман Нариманов, правда, намного позже, в докладе, сделанном 19 февраля 1919 г. Хотя известно, что еще в трагические мартовские дни 1918 г. в Баку он выражал свое несогласие с действиями своих соратников, говорил и писал об этом в письмах Шаумяну и Джапаридзе, однако остался не услышанным. (69) Безусловно, мотивы критики Н.Нариманова в этих вопросах в корне отличались от позиции «Мусават», в частности Мамеда Эмина Расулзаде. Лидер азербайджанских национальных сил опровергал большевистскую оценку событий как «гражданской войны», характеризовав мартовские события в Баку и Шемахе как национальную резню и целенаправленную политику, имеющую своей целью искоренение всего мусульманского населения Закавказья: «...от кадетов до большевиков и от дашнаков до социалистов... классовые вопросы даже отодвинуты на задний план и сейчас борьба идет уже с азербайджанскими турками, а не с отдельными классами, и не на социальной, а национальной, даже религиозной почве». (70) Следует отметить, что примерно такой же точки зрения придерживались и меньшевики, в чем признавался сам С.Шаумян, подвергавший критике лидеров бакинских меньшевиков Айоллу, Садовского и др.: «Голодным и усталым рабочим они говорят: большевики обещали вам хлеба и не дают; большевики устроили гражданскую войну, они проливают кровь рабочих; большевики под видом гражданской войны устроили национальную резню, они стоят за армян и истребляют мусульманскую бедноту и пр. и пр.». (71)

Н.Нариманов же считал, что в события в марте 1918 г. в Баку начались как гражданская война, и хотя начала ее «мусульманская буржуазия», но на следующий день к 12 часам дня, т.е. после принятия мусульманской стороной ультиматума большевиков, «гражданская война прекратилась, завершившись победой Советской власти». Однако дело этой победой не кончилось, и гражданская война превратилась в межнациональную бойню. «Кто может назвать

гражданской войной зверское уничтожение мусульманского населения вооруженными бандами армян? Кто может сказать, что армянские вооруженные отряды вели в Баку гражданскую войну?» - вопрошал Н.Нариманов, обращаясь уже к событиям в Шемахе: «Допустим, что мартовские события в Баку представляли гражданскую войну. Как же тогда назвать зверские деяния дашнаков Амирова и Степы Лалаева, совершенные ими после этого в Шемахе? Можно ли назвать гражданской войной поступок бессовестного, проклятого Лалаева в Шемахе, когда он собрал мусульманских женщин и детей в мечети, отдав предварительно на обеспечение своему отряду, а потом сжег мечеть со всеми находившимися в ней людьми?». (72)

Как следует из этого доклада, Н.Нариманов был достаточно информирован о событиях, происходивших в Шемахе и истинном положением вещей, которые узнал, помимо других источников, и непосредственно от Мешади Азизбекова, который вернувшись из Шемахи «со слезами на глазах рассказал о трагедии, очевидцем коей он был». Конечно, М.Азизбеков не был очевидцем самих событий, а увидел последствия азербайджанских погромов, подвергшихся его, также как и большевика Бочарова, в ужас. Безусловно, он узнавал подробности и от шемахинцев-беженцев, с которыми контактировал. Какой же вывод сделали из всего увиденного и услышанного азербайджанские большевики? Для Н.Нариманова стало ясно, что «Советская власть в Баку находится в руках дашнаков, как бы в плену», и он с полным пониманием отнесся к выбору, который должен был делать и сделал для себя азербайджанский народ: «Вполне естественно, что после тех жестокостей, которые были причинены мусульманскому населению под видом наших карательных отрядов армянскими разбойничьими шайками, – мусульманский пролетариат был вправе отвернуться от Советской власти, стать под защиту своей буржуазии и от них, и через них от Турции, ждать помощи». (73)

Вместе с тем, ни понимание сути свершившихся событий, ни их масштабы не помешали азербайджанцам-большевикам, в первую очередь, Н.Нариманову и М.Азизбекову, активно включиться в дело «исправления ошибок» и «привлечения» трудового мусульманского пролетариата и крестьянства под красные знамена Бакинского Совета Народных Комиссаров.

Бакинский Совнарком - местное правительство большевиков был образован 25 апреля 1918 г. на коалиционной основе включением в его состав лишь левых эсеров, поддержавших большевиков во время «гражданской войны». Все усилия дашнаков добиться вхождения их представителей в состав правительства, аргументировавших свое право на власть своим активным участием в мартовских событиях, не увенчались успехом. И дело здесь было не только в том, что Шаумян, «знавший подлинную подоплеку событий, вовсе не считал себя обязанным отметить их «заслуги» допущением в исполнительную власть». (74) Известно, что Шаумян, утверждающий, что «наша политика – гражданская война, и кто против этой политики, те слуги наших врагов», сразу же после мартовских событий пытался свалить всю ответственность за

массовые убийства азербайджанцев на армянскую сторону: «Правда, мы вынуждены были использовать их, поскольку они оказались нашими союзниками, но они внесли в борьбу национальный элемент, и вот во имя торжества интернационализма надо не давать укрепиться национальным советам и полкам. Армянский Национальный Совет самостоятельно арестовывает, обыскивает, реквизирует и т.д., против этого надо принять меры». (75)

Правда, это вовсе не означало, что пути большевиков и дашнаков полностью разошлись и «армянский фактор» перестал существовать в руководстве Бакинского Совета. Во-первых, все армянские военные полки успешно были переформированы в «советские войска» со своими же армянскими командирами. Но главное состав самого Бакинского Совнаркома уже говорил о себе: председателем правительства и комиссаром по внешним делам был утвержден сам Шаумян, а из 12 министерских постов половину занимали армяне, причем именно они контролировали все важнейшие ключевые посты (председатель, внешние дела, армия и флот, военно-революционный комитет, железнодорожный и морской транспорт, Чрезвычайный Комитет, Госконтроль). Представителям коренного населения – азербайджанцам в ранге комиссара было предоставлено всего два поста, причем ничего особо не значащих – городского хозяйства (Н.Нариманов) и земледелия (Мир Гасан Везиров). Впоследствии М.Азизбеков был назначен Бакинским губернским комиссаром.

Вместе с тем, Шаумян и возглавляемое им правительство, как верно отмечает Эльдар Исмаилов, не могли не понять, что хотя «политическое руководство Бакинской губернии с начала революции 1917 г. перешло в армянские руки, даже если они и принадлежали носителям партийных удостоверений неармянских партий», население губернии все же оставалось преимущественно азербайджанским. И власть в Бакинской губернии, олицетворявшаяся фигурой армянина Шаумяна и его команды, в составе которой велика была доля армян, во многом была неприемлема для значительной части азербайджанцев. «Неприемлема она была и до, и сразу после прихода к власти Шаумяна. Но совершенный при нем разгром городского и сельского мусульманского населения Бакинской губернии вызвал особую ненависть в массах азербайджанского населения к власти, в которой ведущая роль принадлежала представителям армянского этноса». (76)

В такой ситуации задача завоевания властью авторитета у коренного азербайджанского населения представлялась крайне тяжелой, чего не могли не осознавать люди, представляющие эту власть – как армяне, так и азербайджанцы. Неслучайно еще задолго до образования Совнаркома, в первых числах апреля, Комитет Революционный Обороны г. Баку и его районов назначил М.Азизбекова комиссаром по охране мусульманской части города. Оповещая об этом жителей города, М.Азизбеков в своем обращении просил население своего района, без различия национальностей, не выезжать из города и даже не переселяться из одной части в другую, предупреждая, что «неподчиняющиеся будут немедленно водворены назад в прежние квартиры». Что

стояло за столь крайним решением, запрещающим передвижение мусульман даже внутри города? Приостановить поток мусульманского населения, в панике покидающего Баку и выезжающего кто куда – за пределы страны или же в окрестные селения? Об этом в обращении не говорилось, хотя Азизбеков вроде давал понять, что отныне он является гарантом безопасности жителей города, вновь подчеркивая, что «без различия национальностей»: «Мною будут расставлены везде красногвардейцы, и будет обеспечено полное спокойствие и гарантия в сохранении жизни, имущества и чести населения без различия национальностей». (77)

Опять же, чтобы показать участие большевиков-азербайджанцев в деле защиты прав мусульманской части населения, газета «Гуммет» публиковала предложения «Бюро мусульманских социалистов» Комитету революционной обороны, так и оставшихся предложениями: распустить Армянский Национальный Комитет; национальная армия, подчиненная этому комитету, должна покинуть нашу территорию или подчиниться целиком Советской власти; охрану мусульманской части города должны вести красногвардейцы- мусульмане (?); уделить большое внимание мусульманской части города в продовольственном вопросе и т.д. (78)

Вслед за этим, большевики-азербайджанцы, о главе с М.Азизбековым приступили к стабилизации ситуации в сельских районах губернии, что должно было выражаться в создании местных органов власти – Советов крестьянских депутатов. Назначенный губернским комиссаром Мешади Азизбеков с такой «свойственной ему страстностью приступил к созданию организаций в ...селлах», что очень скоро «серьезность и горячность, с которыми действовал товарищ Азизбеков, дали прекрасные результаты». (79)

«Результаты» действительно были ошеломляющими: только что пережившие ужасы мартовских трагедий бакинские деревни в течение недели одна за другой начали признавать Советскую власть. Через короткое время Советы крестьянских депутатов были созданы в 77 разгромленных (не считая русских) селениях Кубинского уезда. (80)

Правда, во всех резолюциях, принятых общими собраниями «бедноты» этих селений после заверений о своей преданности новой власти, обязательны следовали конкретные просьбы. Напр., жители селения Фатмаи, близ Баку, просили: «Ввиду того, что связь между нашим селом и городом прервана, просим исполнительный комитет помочь нам отправить в город беженцев, желающих похоронить своих родных, которые были убиты в дни беспорядков. Ибо ездить из села в город теперь очень опасно (Следуют 40 русских и мусульманских подписей)». (81) А в резолюции общего собрания жителей Калашихлинского сельского общества Кубинского уезда, принятой в начале июня 1918 г., говорилось: «Избранный на сельском сходе исполнительный комитет Калашихлинского общества, насчитывающего около 3000 жителей, находится в крайне безвыходном положении; сельчане оставили поля, жилища и убежали в горы. Подойти к железной дороге не могут. Вдоль дороги

расположены поля, пастбища, скоро наступит уборка хлеба. Мы, уполномоченные - крестьяне Калашихлинского общества обращаемся к Совету рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов с просьбой прийти на помощь, принять экстренные меры к ограждению интересов и личной безопасности мирного населения и дать возможность спуститься с гор и вернуться в свои убежища». (82)

Конечно, в какой-то мере можно согласиться с Эльдаром Исмаиловым, утверждающим, что деятельность М.Азизбекова имела особое значение в деле обеспечения безопасности мусульманского гражданского населения уездов. «Оставаясь большевиком, Азизбеков тем не менее осознавал, что необходимо оградить мусульманское население от агрессии армянских банд. Сделать это можно было, лишь выбив из рук Шаумяна аргумент о непризнании мусульманами Советской власти. Азизбеков не мог не понимать, что вопрос о признании или непризнании носит преимущественно, декларативный характер. Но он может быть использован для карательных акций под флагом Советской власти». (83)

Правда, Советы крестьянских депутатов в большинстве своем создавались в селениях, уже испытавших «карательные акции Советской власти», тем не менее история создания на местах крестьянских Советов, «показывающая, какая колоссальная организационная работа выполнена Бакинским Советом после гражданской войны при невероятно тяжелых условиях» (84), сама по себе отчетливо демонстрировала стремление большевистско-армянского Бакинского Совета как можно скорее наладить связь с окраинами и завоевать доверие крестьянского, и, в первую очередь, мусульманского населения уездов и, одновременно раскрывала суть истинного положения на местах.

Однако, в Шемахинском уезде, «страстность, серьезность и горячность, с которыми действовал товарищ Азизбеков», при всех его стремлениях, не дали ожидаемых результатов. В воспоминаниях Бочарова, которые рассматривалось выше, имя М.Азизбекова в составе делегации, возглавляемой Г.Джапаридзе и посетившей Шемаху в середине апреля, не упоминается. Возможно, он все же входил в эту делегацию. Но, в любом случае, примерно в это же время, в середине апреля 1918 г., Азизбеков посетил Шемаху и был настолько потрясен увиденным, что не мог говорить об этом без слез, о чем свидетельствовал Н.Нариманов. Как бы то ни было, именно после поездки этой делегации в Шемаху Исполнительный Комитет Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских делегатов 22 апреля 1918 г. обсудил на своем заседании положение в Шемахинском уезде и принял соответствующую резолюцию. В ней выдвигались несколько предложений для восстановления жизнедеятельности в этом уезде. В частности, предлагалось: Военно-Морскому комиссару организовать здесь свое отделение; снабдить уезд по мере возможности продовольствием, если таковое окажется в Баку и организовать там на месте закупку продовольствия; Бакинской продовольственный орган, который по мере надобности субсидировать; распространить хождение

бакинских бон в уезде с изданием особого декрета; оказать медицинскую помощь, послав туда нужный штат медицинского персонала и необходимые медикаменты; решительно не допускать выезд из уезда в Баку; выбрать комиссию, которая бы исследовала разрушение города и наметила бы план его восстановления, избрать комиссию для выяснения степени нужд беженцев и нужных мер к улучшению их положения. Последняя комиссия будет работать при Губернском комиссаре Азизбекове; предложить обследовать происшедшие события и выяснить виновных». (85)

Безусловно, ни все эти предложения были реализованы, да и вряд ли они могли осуществиться. Наиболее конкретным и легко решаемым можно было бы считать последнее предложение. Однако, чем закончилась история «обследования» шемахинских событий и «выяснение виновных» Чрезвычайной Следственной комиссией, отпустившей арестованного ею же Степана Лалаева по прямому указу Степана Шаумяна, уже известно. Помощь медикаментами и врачебным персоналом, как следует из свидетельства Бочарова, скорее всего была оказана, однако, кому и где не уточнялось. Недопущение выезда из уезда в Баку, т.е. приостановление потока беженцев, практически было задачей невыполнимой, при том что в Шемахе, полностью разрушенной и подожженной, уже не было жителей, да и условий для проживания. Спасшееся городское население уже искало убежище в других уездах или же в самом Баку. А покинувшие свои селения крестьяне все еще скитались в горах, лесах и практически были лишены возможности вернуться в свои пусть даже разгромленные родные очаги из-за свирепствующих армянских и молоканских банд, о чем подробно говорилось выше. Кстати, этот момент был фиксирован в протоколе заседания штаба Красной Армии Шемахинского уезда, проводимого «совместно с делегатами от селений» 27 апреля 1918 г. «Ввиду крайне тревожного переживаемого времени», участники заседания просили, чтобы при штабе Красной Армии был отряд, «на который он мог бы опираться для проведения программы Советской власти, а также мог бы служить реальной силой против набега контрреволюционных банд, которые ежеминутно делают налеты на данную местность...». Кто подразумевался под «контрреволюционными бандами» в документе не уточнялось, но факт произвола и анархии, царившей в уезде, признавалось всеми, причем, как основное препятствие в решении одной из главнейших задач, стоявших перед властью Советов – обеспечения населения продовольствием, и, в первую очередь, хлебом. Погромная политика Бакинского Совета против мирного мусульманского населения и начавшиеся сразу же «политические и социальные эксперименты, составляющие систему большевистского государственного управления», вскоре полностью парализовали хозяйственную жизнь как городов, так и уездов Бакинской губернии. «Под лозунгом конфискации буржуазных капиталов были закрыты и ограблены банки вместе с их сейфами; произведена реквизиция товаров в магазинах и на складах. Меры эти тотчас же привели к фактическому уничтожению всякой торговли, закрытию базаров и к исчезновению

с рынка товаров и съестных продуктов. Все бралось на учет и подлежало распределению... Все окрестные селения (татарские) совершенно прекратили подвоз, и город остался без овощей, молока, яиц, живности и т. д... Не приходилось, далее, большевикам рассчитывать и на богатую всегда хлебом Мугань... русские поселенцы не дали бы хлеба иначе как за деньги или за товары, и о реквизициях нечего было и думать». (86)

Не менее плачевнее положение существовало в уездах. Надвигался голод, и вопрос с продовольствием становился все острее, угрожая катастрофой, чего не могло не учитывать большевистское руководство. Поэтому, в обоих рассмотренных выше документах речь шла, в первую очередь, о снабжении Шемахинского уезда по мере возможности продовольствием, но опять же с оговоркой, «если таковое окажется в Баку». И не случайно, штаб Красной Армии, обосновавшийся в самом уезде, занимался вовсе не входящим в обязанности регулярных войск делом - подготовкой запасов хлеба: «Для того, чтобы Шемахинский уезд, а в частности г. Баку, не остались без хлеба в текущем и в будущем году, необходимо увеличить засеваемую площадь. Для этого населению нужны сельскохозяйственные машины в достаточном количестве, которые просим направить в штаб Красной Армии Шемахинского уезда для распределения их по селам». (87)

Однако, если такие машины и доставлялись в уезд, то распространялись они точно не по мусульманским селам, которые ближе к лету подверглись уже «хлебным» погромам, что следует из большинства свидетельств мусульманских крестьян. «Урожай наших хлебов также был снят и увезен армянами и молочанами». (88) Это свидетельство Гаджи Джафара Кули оглы, помощника старшины сел. Конахкенд Шемахинского уезда, повторялось в показаниях крестьян практически всех азербайджанских селений, подвергшихся погромам. Не потому ли молочане через некоторое время просили мусульман вернуться в свои селения, заняться хозяйством, затем вновь напали на них, забирали весь урожай, при этом вновь убивая и громя их дома. После этого полные созревшего хлеба поля, принадлежащее азербайджанским крестьянам, оставались практически необработанными, а сами они в это время скитались в горах и лесах, умирая от голода и болезней.

Впрочем, под «хлебные» погромы была подведена довольно четкая политика Бакинского Совнаркома, выразившаяся в «Постановлении» Народного Комиссариата по продовольствию гор. Баку и губернии от 25 мая 1918 г., который доводил до сведения сельского населения Бакинской губернии, «что весь урожай хлебов, трав и других сельскохозяйственных продуктов на землях, оставленных их хозяевами, поступает в ведение Комиссариата по продовольствию и убирается средствами Комиссариата». Последующее же извещение в этом «Постановлении» о том, что «деньги, вырученные от продажи хлеба и других продуктов, за вычетом расходов, связанных с уборкой, будут уплачены владельцам посевов», носил чисто декларативный характер с це-

люю придать фактической реквизиции урожая, принадлежащего в основном мусульманскому крестьянству, законный характер. (89)

О сложившейся ситуации в июне 1918 г. в Шемахинском уезде более чем красноречиво свидетельствовал Анастас Микоян, будущий известный советский партийный и государственный деятель, в ту пору комиссар 3-й бригады Красной Армии и соратник Шаумяна. «Мусаватисты, например, всячески старались, отступая, уводить с собой местное азербайджанское население. А между тем подошла пора убирать созревшие хлеба. Мы проводили мобилизацию местного населения на уборку хлеба, но рабочих рук все-таки не хватало». (90)

Оставим на совести армянского комиссара упоминание о несуществующих в это время в уезде «мусаватистов», тем более «отступающих» и «уводивших» с собой местное азербайджанское население. Представляет особый интерес посланная им из Кюрдамира телеграмма Джапаридзе и Шаумяну, в которой раскрывается, по чьему приказу действовали «армяне и молокане», нападающие на азербайджанские селения, берущие в плен крестьян, заставляя их работать под угрозой смерти: «...В долине рек Шемахинского, Геокчайского уездов, занятых нами, хлеб уже созрел и некому убирать его. С целью спасти небывало богатый урожай мною сделано предписание Геокчайскому и Шемахинскому уездным комиссарам о немедленной организации в указанных местностях уборки хлеба. С этой целью предложил объявить обязательную трудовую повинность и приготовить к этой работе рабочие руки... У привлеченных рабочих работа должна производиться коммунально под руководством местной Советской власти и назначенных мною особых лиц. Через неделю у нас будет новый хлеб для армии». (91)

Следует отметить, под рабочими имелись ввиду посылаемые властями в уезды «отряды сельскохозяйственных рабочих» для «социализации урожая». Такие отряды направлялись и в Шемахинский уезд, где, несмотря на «превосходный урожай» уборку его «производить оказывалось невозможным вследствие военных действий». (92)

Под местной же властью подразумевались Советы крестьянских депутатов, организацией которых должен был заниматься, в первую очередь, Бакинский Губернский комиссар Мешади Азизбеков и уполномоченные им лица. Одним из таких лиц, был напр., некто Ага Рза Касумов, согласно мандату, полученному от Азизбекова, которому все общественные, частные и воинские учреждения и части должны были оказывать содействие в этом деле. (93) Кроме них, эту же задачу на местах выполняли т. н. делегаты Иногородного отдела при Исполкоме Бакинского Совета. Образованная еще в 1917 г. для ведения работы среди азербайджанского крестьянства, Иногородняя комиссия в январе 1918 г. была преобразована в Иногородний отдел. Возглавлял эту комиссию, затем Иногородний отдел один из руководителей партии «Гуммет» М.Н. Исрафилбеков (Кадырли), который в марте 1918 г. был назначен также Чрезвычайным комиссаром Ленкоранского, Сальянского и Ше-

махинского уездов, а в мае 1918 г. комиссаром по реализации урожая в Бакинской губернии и Дагестанской области. Делегированные им в уезд товарищи - Мамедъяров, Садыхов, Султанов, Буньтов, Кулиев и др. вели агитационную и пропагандистскую работу по созданию крестьянских советов на местах. Организация «Гуммет» также командировала своих представителей в окрестные села для организации в деревнях крестьянских Советов и своих отделений. (94) О том, как удачно справлялись с этой обязанностью азербайджанские представители власти и их уполномоченные в Шемахинском уезде, говорили сводки того же Иногородного отдела. Так, как следует из «Списка сел, деревень, городов и местечек, признающих полностью Советскую власть и организовавших Советы крестьянских депутатов», составленного по данным, полученным с мест и подписанным председателем Иногородней комиссии В.Каспаровым, к 24 мая 1918 г. в Шемахинском уезде власть большевиков была признана в следующих селениях: «Чухур-юрт, Хильмили, Астраханка, Мараза, Марьевка», т.е. только в молоканских селениях. (95) В сообщении той же комиссии, составленной чуть раньше, также указывалось, что «в целом ряде селений: Хильмили, Мараза, Астраханке и других уже организованы крестьянские Советы...». (96) Из сообщения следовало, что организацией власти в деревнях занимались не только организаторы и пропагандисты Исполнительного комитета, командированные Иногородней комиссией, но и «товарищи из отряда, как солдаты, так и командный состав». При этом подчеркивалось, что «отряд ведет себя прекрасно, как им, так и командным составом население очень довольно». (97)

Под обобщенные в этом документе «другие» селения могли подпадать разве что еще одно молоканское селение Алты-Агач и единственное среди них мусульманское селение Мельгам, признавшие Советскую власть в ходе поездки М.Азизбекова по Шемахинскому уезду в конце апреля 1918 г. Так, в «Постановлении» общего собрания Алты-Агачского сельского общества об этом говорилось: «Выслушав доклад Бакинского губернского комиссара Азизбекова о событиях в городе Баку и губернии, призыв его к Советской власти и единению с соседями-мусульманами для проведения мирной обстановки жизни, общее собрание постановило: приветствовать Азизбекова как первого у нас губернского комиссара Советской власти и выразить в лице его преданность Советской власти». (98)

Селения Мельгам, находящееся между молоканским Чухур-Юртом и мусульманским Ангехараном, по каким-то неизвестным нам соображениям своих молоканских соседей не подвергся разгрому и избежал трагической судьбы своих ангехаранских соседей, хотя население его также понесло человеческие и имущественные потери, и приютило у себя почти всех ангехаранских женщин и детей, пригнанных в их селение молоканскими бандами. Ни «соседство» ли с этим «большевистским» селением Шемахинского уезда или «пламенные призывы» Азизбекова вынудили крестьянский сход Мальгама «принять» самое политизированное «Постановление», насквозь пронизанное

классовым содержанием. Так, мельгамцы «постановили: 1) признать Советскую власть; 2) всех своих беков изгнать из своей среды как виновников всех кровавых событий; 3) мы протестуем против происков Турции, которая через местных беков губит крестьян и их трудовую жизнь; 4) мы протягиваем братскую руку крестьянам, русским и армянам, и просим их прекратить братоубийственную крестьянскую резню; 5) начать немедленно запахивать бекские земли и изгнать их от себя как главных виновников, захватив их имущество в крестьянскую пользу». (99)

Если даже М.Азизбеков своими призывами к признанию Советской власти пытался «оберегать» мусульманское население губернии от агрессии властей, которую он сам же представлял, то составлением столь далекого от реального положения вещей и психологического состояния мельгамских крестьян текста, он явно перестарался. Впрочем, Мельгам, находившийся под постоянным наблюдением местной власти, которая восседала в сел. Чухур-Юрт, так и остался единственным мусульманским селением, хоть и формально, но официально признавшим Советскую власть в Шемахинском уезде. Кстати, среди селений уезда, признавших Советскую власть, не было ни одного армянского, объяснение чего из-за отсутствия документов или каких-либо сведений не представляется возможным. Большинство армянского населения в это время все еще проживало в своих селениях и стало покидать их лишь в связи с подходом турецких войск, следовательно, отсутствие населения не могло быть причиной отсутствия названий армянских селений Шемахинского уезда в списках и прочих документах Иногородней комиссии. А по какой причине эти селения остались вне поле зрения Иногородней комиссии, «не ограничивающейся организацией власти в Бакинском уезде и отправляющей со своими организаторами вооруженные отряды в Дагестанскую область, Кубанский и Шемахинский уезды», в которых они «наводили порядок», охраняли мирных жителей и в то же время деятельно занимались агитацией и мирной организацией власти», также остается под вопросом. (100) Возможно, армянское руководство Бакинского Совнаркома без всяких формальных признаний считало армянское население уезда своим союзником, а для Азизбекова посещение армянских селений было совершенно небезопасным, о чем будет сказано ниже.

Отсутствие названия самого гор. Шемахи в списках Иногородней комиссии не вызывало вопросов, как из-за отсутствия населения, так и по причине полного разрушения города, что, как следует из выше рассмотренных документов, признавали большевистские власти. Хотя, «в интересах дела и скорейшей организации власти в уезде» Председатель Бакинского Исполнительного Комитета П.Джапаридзе предлагал уездному исполнительному комитету вместе с казначеем переехать из Чухур-Юрта в гор. Шемаху не позднее 18 мая, подчеркивая, что «помещение уже имеется» и «на первоначальные расходы средства уже ассигнованы». Предполагалось перевести и все другие органы власти. (101) Как показывают дальнейшие действия губернских вла-

стей, немногочисленность селений, создавших Советы крестьянских депутатов, похоже, их не очень-то смущала, о чем говорило решение о проведении в середине мая 1918 г. в Шемахинском уезде, ни мало ни много, съезда крестьян. Из сообщения Иногородней комиссии становилось известно, что съезд уже «назначен» на 16 мая, и должен состояться в Хильмилях. (102) Более подробные сведения об организации и проведении этого съезда отсутствуют, однако из отчета делегации Исполнительного Комитета Бакинского Совета о работе в уездах губернии следует, что проходил он в сел. Чухур-Юрт, «где присутствовали представители трех национальностей: мусульмане, армяне и молокане». На съезде была принята резолюция доверия Советской власти и межнациональной солидарности. Съездом был избран Исполнительный Комитет из 19 лиц, который немедленно приступил к работе». (103)

В этом документе не указывается, мусульмане каких селений были представлены на этом съезде. Однако, как следует из воспоминаний большевика Бочарова, бандами Степана Лалаева, бесчинствующими в эти месяцы в селениях и дорогах Шемахинского уезда, были расстреляны «депутаты съезда» из мусульманских селений Маразали и Пирсаат, «шедшие с белым флагом в Шемаху». (104) О числе делегатов, участвующих на съезде, будет сказано чуть ниже.

Какую роль мог сыграть этот съезд и избранный им Исполнительный Комитет в жизни Шемахинского уезда в столь коротком временном отрезке, отпущенном большевистским властям в 1918 г., вопрос, скорее всего, риторический. Тем не менее, это событие, т.е. проведение съезда крестьянских депутатов в отдельно взятом уезде, было широко использовано в большевистской пропаганде, притом не только на местном уровне. Так, сообщения о нем появились на страницах всех бакинских большевистских газет, и даже центральной большевистской газете «Правда» в Москве, в статье под названием «Мусульманское крестьянство пробуждается». «Знаменательное явление. Мусульманская деревня пробудилась от сна – говорилось в «Правде». – Мусульманское крестьянство становится на самостоятельный путь борьбы против своих эксплуататоров. Рушится под ударами жизни традиционная идеология «священного единства нации». Просачивается сквозь толщу темной, веками угнетаемой мусульманской крестьянской массы идея интернациональной классово-борьбы». И в доказательство сказанного приводились «почти ежедневно сообщаемые» Иногородней комиссией постановления, приговоры и извещения об организации «в мусульманских деревнях крестьянских Советов, о признании и организации ими Советской власти и т.п.». Съезд крестьянских депутатов Шемахинского уезда также, как и проведенный чуть позже съезд депутатов Бакинского уезда, рассматривались газетой «Правда» как свидетельство вышеизложенного. (105)

Но наивысшую «оценку» Шемахинский съезд крестьянских депутатов получил на Первом съезде Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда, проходившем 26-29 мая 1918 г. в Баку. Эту оценку можно считать ярким

примером показной, необдуманно преувеличенной и совершенно не соответствующей истине пропаганды, озвученной в речи Председателя Бакинского Совета Народных Комиссаров С.Шаумяна на этом съезде. Проходивший в достаточно торжественной обстановке I съезд Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда, как следует из речи его председателя Н.Нариманова, был призван «укрепить местную власть – единственную в Закавказье власть, которая прокладывает путь к той светлой поре, когда не будет мусульманина, армянина, русского, когда встретившись, все без различия национальности и религии будут товарищами и братьями». (106)

Выступивший вслед за Наримановым С.Г.Шаумян в своей приветственной и довольно пространной речи затронул вопрос образования народного правительства на выборных началах и подчеркнул значение этого съезда именно как собрания выборных крестьян, которые смогут «высказать свою волю и приобщиться к власти». И здесь Шаумян в качестве примера тому, что «подобные съезды идут по всей губернии», упомянул Шемахинский съезд, приводя «конкретные» данные о количестве его участников: «В Шемахинском уезде был съезд, на котором присутствовало 299 делегатов, представлявших собой волю 285 000 крестьян! Эта весть в высшей степени радостна, так как она показывает, что по всей губернии идет энергичная работа по организации крестьян, что всюду пробуждаются широкие массы к активной деятельности». (107) Нет необходимости выяснять, откуда были взяты эти цифры, поскольку число 299 (делегатов), в конце концов, можно было объяснить желанием большевиков, особенно Шаумяна, привыкшего бравировать вымышленными фактами и сильно преувеличенными цифрами, оправдать название «съезд», данное обычному крестьянскому сходу, пусть несколько в расширенном составе, и возвысить значение этого события уездного масштаба. Но численность не только «пробуждавшейся широкой массы», не говоря уже о крестьянах, а даже всего населения Шемахинского уезда, причем еще до погромов, не достигала 285. 000 человек, что очень легко можно проверить. Так, по ежегодным данным властей царской России к началу 1916 г. (последний предреволюционный год) общее население Шемахинского уезда составляло всего 161.552 человека, из них 27.752 чел. - население гор. Шемахи, и только 133.800 человек – население уезда, причем обоего пола. (108)

Приведенный пример яркое свидетельство того, в какой пропагандистско-показательной атмосфере проходил I съезд Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда, не собирающийся серьезно обсуждать реальное положение, сложившееся в уездах, и существующие проблемы. Хотя в выступлениях некоторых ораторов иногда раскрывалась действительность даже против их желания. Ярким примером тому может служить речь М.Азизбекова, губернского комиссара, наглядно демонстрирующая, в каких условиях создавались и как воспринимались окружающими крестьянские советы депутатов: «Говорят, что Азизбеков ездит по селам с вооруженной силой, которая пугает сельчан, и они выносят резолюцию о признании Советской власти. Нет, това-

рищи, я никогда не разъезжал с вооруженной силой. Я ездил один или вдвоем, и то брал армянина, ибо я боялся скорее своих солдат, чем мусульман. Поэтому я брал с собой не мусульманина». (109)

Можно представить ситуацию, царящую в Баку и в уездах Азербайджана, когда не только мусульманские крестьяне боялись вернуться в свои селения, но и комиссар Бакинского Совета, будучи азербайджанцем-мусульманином, из боязни «своих солдат» т.е. армян-красноармейцев, не осмеливался выезжать на окраины без сопровождающего армянина.

Об отсутствии безопасности в мусульманских селах более открыто говорил комиссар Бакинского уезда Б.Эфендиев, подчеркивая, что «все напуганы отсутствием органов власти, бездеятельностью властей... Используя запуганность населения, некоторые дикари в солдатской шинели творят все, что им вздумается». Не осмеливаясь уточнять, кто же эти «дикари в солдатской шинели», азербайджанский комиссар отмечал, обращаясь к самим крестьянам-депутатам: «Если в селах будет твердая власть и 15-20 милиционеров, никто не осмелится нападать на вас, заниматься грабежами и угоном скота, а также вызывать у вас чувство ненависти к Советской власти». (110)

Пожалуй, выступление Б.Эфендиева можно считать единственным, в котором открыто признавались не только отсутствие безопасности для мусульманского населения уездов, «сильный голод в селах», но и, как следует из вышеуказанного, «чувство ненависти к Советским властям». В выступлениях же других комиссаров-азербайджанцев, в том числе комиссара земледелия М.Г.Везирова и М.Азизбекова, полных революционного пафоса и запутанной фразеологии, извращалась суть даже приведенных ими ярких примеров, говорящих об обратном. Напр., М.Азизбеков, касаясь положения в Шемахинском уезде отмечал: «Там крестьяне говорили мне, что они не принимали участия в бойне, что это дело рук главарей, кочи, имена которых они мне называли...». Азизбековым не уточнялось, крестьян какой национальности он имел в виду, и поскольку говорил он обычно о мусульманах, то получалось, что именно мусульмане-крестьяне «оправдывались» за участие «в бойне», неизвестно кем и против кого устроенной. И это говорил человек, со слезами на глазах рассказывавший Н.Нариманову о том, что он увидел в Шемахе после азербайджанских погромов. Или же: «Как-то раз меньшевики заявили: «Если мусульманское крестьянство не идет за мусаватистами, то почему же они получили пятьсот тысяч голосов?». Рассказав об этом шемахинским крестьянам, Азизбеков спрашивал их: «Как же вы превратились вдруг из мусаватистов в гумметистов. Ведь я же вас не заставляю признать Советскую власть. Ведь вы искренне и сознательно, а не для того, чтобы избавиться от меня, признаете ее». Очевидно, что' должны были отвечать мусульмане-крестьяне после этих слов уездному комиссару, которого сопровождали красноармейцы Иногородней комиссии. Да и не могли отвечать иначе, кроме как, что «они за мусаватистов не голосовали», и «если вы хотите увериться в

том, что мы искренне признаем вашу власть, мы отдадим свою жизнь и пойдем за своей властью». (111)

Однако об истинном состоянии запуганного до смерти большевистским террором азербайджанского крестьянства свидетельствовали слова одного из делегатов съезда, заявившего, что азербайджанские крестьяне «готовы идти за Советской властью, но пусть их не убивают». (112)

В эти дни – 26-29 мая 1918 г., – когда большевики-азербайджанцы заверяли своих друзей «интернационалистов» в том, что «мусульманское крестьянство прощает все и говорит, что оно готово идти за Советской властью и ждет ее» (113), а делегаты I съезда Советов крестьянских депутатов Бакинского уезда принимали одну за другой резолюции, в Тифлисе происходили намного более знаменательные исторические события и принимались совершенно другие документы.

26 мая 1918 г. в Тифлисе состоялось заключительное заседание Закавказского Сейма, на котором Сейм объявил о самороспуске. В тот же день свою независимость провозгласила Грузия (Грузинская Демократическая Республика). 27 мая все азербайджанские депутаты уже бывшего Сейма собрались на чрезвычайное заседание и, обсудив создавшуюся ситуацию, решили «взять на себя бремя правления Азербайджаном, провозгласив себя Временным Национальным Советом Азербайджана». (114) Председателем Национального Совета в ходе тайного голосования был избран Мамед Эмин Расулзаде. В тот же день был сформирован исполнительный орган Национального Совета в составе 9 человек. Председателем единодушно был избран Фатали Хан Хойский. 28 мая 1918 г. на первом заседании Национального Совета было принято решение о незамедлительном провозглашении независимости Азербайджана. На этом же заседании был оглашен «Акт о независимости Азербайджана», согласно которому Азербайджанская Демократическая Республика, кроме прочего, гарантировала также в своих пределах гражданские и политические права всем гражданам без различия национальности, вероисповедания, социального положения и пола, а всем народностям, населяющим ее территорию, представляла широкий простор для свободного развития. (115)

Вскоре Национальный Совет и Азербайджанское правительство переехало из Тифлиса в Гянджу и в крайне сложных и напряженных политических условиях, добываясь поддержки турецких войск, начали готовиться к освобождению Баку.

Бакинские большевистские власти, крайне встревоженные развитием событий и без того готовившиеся к уничтожению на корню «контрреволюции ханов и беков», в свою очередь 10 июня 1918 г. начали наступления на Гянджу. О том, что Бакинский Совнарком еще до распада Закавказского Сейма и образования Азербайджанской республики, вынашивал планы захвата главного бастиона азербайджанских национальных сил, заключив сделку с гянджинскими и карабахскими армянами, свидетельствуют множество документов: «Елизаветпольские беки уже требовали от Сейма пропустить турецкие

войска в Баку будто бы для ограждения от насилий и гибели мусульман... Если бы мы предупредили движение турок и разбили бы елизаветпольское гнездо, вызвали бы восстание в Армении и Грузии...» говорилось в докладе Народного Комиссара по военно-морским делам Г.Корганова, датированного 22 мая 1918 г. (116) Выступления и доклады С.Шаумяна, а также его переписка с Лениным и Сталиным в этот период изобиловали сообщениями о подготовке бакинских властей к «взятию» Гянджи и просьбами о всесторонней помощи. «Нужно торопиться в Елизаветполь, чтобы там, а затем и дальше, вызвать восстание армян... Если этого восстания не произойдет и турки успеют закрепить за собой Грузию и Тифлис, тогда мы будем совершенно изолированы и нам придется оборонять только Апшеронский полуостров. Движение в Елизаветполь мы до сих пор не можем начать, потому что не готовы. .. силы наши разбросаны по Бакинской губернии и Дагестанской области. Нет командного состава, не можем найти даже командующего войсками, которые должны быть двинуты к Елизаветполю... ». (117)

Очень скоро такой командующий в лице бывшего царского генерала Л.Бичерахова, а также нескольких армянских военачальников были найдены. 7 июня 1918 г. С.Шаумян уже информировал В.И.Ленина и И.В.Сталина, что «последнюю неделю они были заняты лихорадочной подготовкой похода на Гянджу». (118) А 10 июня, по сообщению Шаумяна, Красные войска «в количестве 10 тысяч выступили из Аджикабула» - селения и одноименной железнодорожной станции, входящих в Абдулянский участок Шемахинского уезда. (119)

Станция Аджикабул, как и другие станции – Наваги, Пирсаат и Сагир, входящие в Абдулянский участок, находились в центре военных действий, начиная с марта 1918 г. Заняв станцию Аджикабул, в начале апреля мусульманские отряды во главе с генералом Магаловым, спешившим на помощь бакинским мусульманам после упорных боев с большевистско-армянскими войсками вскоре должны были отступить перед многократно превосходящими их численно войсками Красной Армии. Все последующие месяцы на этих станциях то и дело останавливались военные эшелоны красноармейцев, состоявших в большинстве своем из армянских солдат, которые направлялись отсюда в разные уезды, в том числе в Шемаху и ее селения, творя бесчинства и проявляя жестокость в отношении местного мусульманского населения, о чем подробно говорилось выше. Начавшей свое наступления с Аджикабула в направлении Гянджи Красной армии предстояло упорные и кровопролитные бои с турецко-азербайджанскими войсками. Отныне названия населенных пунктов Шемахинского уезда часто упоминались в сводках о боевых действиях, развивающихся с переменным успехом. В начале военного похода на Елизаветполь С.Шаумян был более чем уверен в скорой победе Красной армии, с присущим ему преувеличением оценивая боеспособность своих войск. В письме В.И.Ленину от 23 июня он отмечал: «Общее впечатление от армии людей, сведущих в военном деле, что это не обычная «советская» армия – в лучшем случае партизан-

ские отряды, а настоящее регулярное войско. Все товарищи, приезжающие из России, выражают восторги, знакомясь с ним». (120)

Совершенно противоположного мнения был Шаумян о турецких войсках, «ожидаемых» в Закавказье: «...у турок нет крупных сил, которые были бы страшны. По сведениям партии «Дашнакцутюн», на всем фронте от Черного моря до Персии у турок имеется 18-20 тысяч уставших, дезорганизованных войск. С этими войсками они не могут удержать за собой Закавказье, и только ничтожные силы двинуть против нас. Поэтому ждать каких бы то ни было ужасов, не приходится». (121)

Действительно, до прихода турецких войск натиск «отправленной в сторону Гянджи» Красной армии с численностью уже в «12-13 тысяч человек» (122) приходилось сдерживать воинским частям Азербайджанской Республики. И, «несмотря на более чем трехкратное численное превосходство дашнакско-большевистских сил, азербайджанские добровольцы храбро сражались и сорвали попытку неприятеля молниеносным ударом захватить Гянджу. За две недели упорных боев силам Бакинского Совета так и не удалось войти в пределы Гянджинской губернии. Они смогли лишь занять Кюрдамир и вплотную подойти к Геокчаю». (123)

С вступлением турецких войск в сражение, положение стало резко меняться, и не только на фронте. Антибольшевистские настроения нарастали как в уездах Бакинской губернии, так и в самом Баку, с каждым днем усугубляя напряжение и хаос в обществе. Беззаконие и беспредел, бесчисленные реквизиции и откровенные грабежи, царившие в городе, сопровождалась все более углубляющимся кризисом продовольствия. Хлеб выдавался только армии, население голодало, и положение приобретало все более угрожающий характер.

Мусульманское население в буквальном смысле было заложником бесчинствующих армянских бандформирований. Войска Бакинского Совета, состоявшие, по описанию русского генерала Лядова, «почти исключительно из совершенно небоеспособных армянских фронтовиков, руководимых дашнакскими офицерами, мародерствовали в окрестных деревнях, еще больше озлобляли мусульманское крестьянство». (124)

Издание в середине июня 1918 г. «Декрета о социализации земли в Закавказье и Дагестанской области», предусматривающего немедленное изъятия без выкупа «земель из владений беков, ханов-помещиков, меликов, князей, их доверенных и нетрудовых арендаторов в пользование трудового земледельческого населения» (125), также не оправдало расчеты Шаумяна, стремившего с помощью этого документа хоть как-то нейтрализовать антибольшевистские настроения азербайджанских крестьян и привлечь их какую-то часть на свою сторону. «Начав военный поход, мы получили возможность по мере продвижения проводить конфискацию помещичьих земель и передачу их крестьянству. Последнее видело бы, что в лице Советской власти идет их армия, несмотря на то, что в составе ее почти не было ни красноармейцев, ни

командного состава – тюрок» – писал Сурен Шаумян, сын Степана Шаумяна, в чьих работах, изданных в 1920-е годы еще можно было увидеть более-менее объективное изложение событий тех лет. (126)

И, несмотря на утверждения Степана Шаумяна, что Красная армия ведет себя просто «великолепно», а, по мнению Корганова, местное население, т.е. азербайджанцы «ждут Красную армию, как освободителя», Сурен Шаумян описывал совершенно иную, удручающую даже самых ярких большевиков, реальную действительность: «По мере продвижения нашей армии в западном направлении мы сталкивались с очень неприятным явлением, которое было совершенно неизбежно и не могло не сказаться самым отрицательным образом. Комсостав, состоявший в большинстве из дашнаков и дашнакствующих, вел себя вызывающие и провокационно в отношении местного тюркского населения. Развивались мародерство, грабежи, что усугублялось плохим снабжением. Ряд военачальников привозил большое количество ковров, стада баранов, спекулируя этим».

Хотя все сказанное здесь совершенно правдиво отображало действительность, но уж больно оно напоминало ситуацию после мартовских событий, когда большевики начали отмежевываться от своих союзников – Армянского Национального Совета, «пользующегося большим влиянием, чем большевистское командование», и дашнаков, в результате действий которых крестьянство вместо того, чтобы видеть в лице нашей армии освободителя от бекско-ханского насилия, видеть союзника, идущего на помощь, начинало видеть врагов...». (127)

Главенствующая роль армянского элемента в Бакинской Красной Армии и его политические настроения признавалась и в документах, посланных в Москву, в частности в письме Народного Комиссара по военно-морским делам Бакинского Совнаркома Б.П.Шеболдаева народному комиссару по военно-морским делам РСФСР, в котором он сообщал, что закончено формирование бригад и штаба корпуса, в который вошли «командир корпуса (бывший полковник) Казаров, начальник штаба (бывший полковник генерального штаба) Аветисов и другие, по политическим взглядам в большинстве дашнаки». (128)

Однако состояние этой армии во время ведения боев с турецко-азербайджанскими войсками, происходивших на территории Геокчайского и Шемахинского уездов, наиболее подробно и детально, пусть и в совершенно иных целях (для оправдания поражения большевиков) было описано Суреном Шаумяном. «Громадный процент» всего мужского армянского населения «Шемахинского уезда, Елизаветпольской губернии, Нагорного Карабаха и т.д. состоял из бывших фронтовиков», которые входили в большевистскую армию. И «разложить местную Красную армию, большая часть которой состояла из армян, было нетрудно», - считал Сурен Шаумян: «Под влиянием агитации предательских партий развивалось дезертирство, принявшее угрожающие размеры. Командный состав, согласно директивам дашнаков, совершенно расшатал дисциплину. Среди войск началось пьянство. Пример

подавали сами командиры; попойки сопровождалась грабежами. Особенно сильно было распространено пьянство в частях, оперировавших в районе ст. Кюрдамир и в Шемахинском уезде., т.е. в местностях, где сильно развито виноделие. Штаб ничего не мог поделать с армией, когда целые войсковые единицы бывали в состоянии опьянения. Противник же без труда теснил наши части к Баку». (129)

Правда, в числе пьянствующих войск Красной Армии «дружины из нескольких сот молокан – русских крестьян Шемахинского уезда», которые считались хорошей «подмогой», не упоминались. (130)

Решающая битва между Красной Армией и турецко-азербайджанскими силами произошла под Геокчаем и продолжалась четыре дня – с 27 июня по 1 июля 1918 г. После ожесточенных боев национальные силы разгромили войска Бакинского Совета, приостановили их передвижение к Гяндже и взяли стратегическую инициативу в свои руки. 10 июля ими был освобожден Кюрдамир, и бои перешли на территорию Шемахинского уезда. С 10 по 22 июля территории селений Гюрдживан, Ковлюч, Ахсу, Мейсары, Матрасы, Муганлы, Шародил, Заргова, Хиля, Аджикабул, Геогляр, Чуханлы, Мелик-Чобаны, Маразы, Сыгырлы, Падар представляли собой поле упорных и ожесточенных боев. Шаумян сам несколько раз приезжал на фронт, знакомясь с положением на месте, и проводил совещание на станции Аджикабул, где размещался штаб. Но, несмотря на все принятые меры, положение войск Красной армии на отдельных участках фронта все больше ухудшалось и под натиском турецко-азербайджанских частей красноармейские отряды стали отходить. И тут случилось то, чего боялись, но не хотели признать большевистские власти. Началось действительное разложение в рядах Красной армии. Начало этому положил командир 3-й бригады печально известный Амазасп, «герой» Кубинских погромов, покинувший боевые позиции накануне ожидаемого сражения под предлогом, что «у него якобы сильно заболел живот», и уехавший вместе с телохранителями в Шемаху. На следующий день его примеру последовал командующий отрядом Казаров, еще утром предлагавший комиссару отряда Микояну отступить организованно до Шемахи, а затем и до Маразы, а после обеда, пожаловавшись на плохое самочувствие, также уехавший в Шемаху. Через день бригада под началом своего командира Амазаспа вовсе оставила фронтовые позиции, а затем без приказа отступила в сторону Баку. «Ошеломленный всем происшедшим» А.Микоян обвинил Амазаспа в предательстве и направил Шаумяну телеграмму, требуя предать его суду. (131) Кстати, в телеграмме Ленину именно этим поступком Амазаспа Шаумян пытался объяснить причины поражения большевистских войск на Шемахинском фронте: «В силу предательских обстоятельств, не вызывавшегося необходимостью приказа об отступлении командира бригады Амазаспа, наша армия отступила сначала до Шемахи, а затем дальше; Маразы также очищены нашими... Виновники предаются суду». (132)

Был ли действительно предан суду Амазасп, неизвестно. Скорее всего, нет, поскольку его бригада принимала затем участие в боях за «оборону» Баку. А в сентябре 1918 г., под натиском наступающей Исламской Кавказской армии и азербайджанских войск этот «герой армянского народа», как он себя называл, вновь оставил фронт и, бросив своих солдат на произвол судьбы, убежал из Баку в Персию.

Однако с уходом бригады Амазаспа с шемахинских позиций «образование прорыва фронта» не закончилось. Пришло сообщение, что молоканская дружина хочет разойтись по домам. «До этого дня молокане вели себя твердо, никаких колебаний у них не было». Свое желание оставить фронт они объяснили следующим образом: «Мы отступали до этого места, где сейчас стоим и где находятся наши родные села. Но если придется отступать еще дальше, наши села попадут в руки турок». Как верно отмечал комиссар Микоян, «они не верили в то, что нам удастся удержать занятые позиции, и потому собрались разойтись по домам». Несмотря на увещевания комиссара, молокане настаивали на своем: «Мы, крестьяне, добровольно пришли вам на помощь, но сейчас мы не можем бросить свои семьи на произвол судьбы». (133)

Впрочем, у шемахинских молокан был выбор. Как следует из воспоминаний Бочарова, уполномоченного большевиков по Шемахинскому уезду, услышав, что в селении Хильмили собрался «старобрядческий Совет», он прибыл туда и стал свидетелем обсуждения молоканами вопроса о дальнейших действиях в связи с «вторжением турок в пределы Шемахинского уезда». Стало известно, что в Хильмили прибыли представители - старики молоканского села Ивановка Геокчайского уезда, которые привезли с собой письмо турецкого командования с обращением к гражданам уезда. Письмо призывало граждан «не сопротивляться турецкой армии, снабдить их войска хлебом и фуражом, сдать имеющееся оружие всем населением». При выполнении этих условий турецкое командование обещало «охранять мирных граждан» и не препятствовать их свободному передвижению на всей территории. (134)

Старики-молокане оставили без внимания призывы большевиков, присутствующих на Совете, не соглашались с этими условиями, организовать отпор туркам, скрывать продовольствие и фураж, «способное население стать под ружье, влиться в отряды сопротивления, организованным путем отступить в Баку и вступить в действующую Армию сопротивления... Горе тем, кто польститься на турецкий обман... Советская Россия не простит измену своему народу». (135)

Несмотря на возражение определенной части молоканской молодежи, молоканское население Хильмили решило принять предложение турок. Такое же решение приняли не только хильмилинское, но и все молоканское население Шемахинского уезда, о чем свидетельствовали представители азербайджанского населения: «Армяне все бежали, а молокане подчинились туркам». (136)

«20 июля вечером, - вспоминал Бочаров, – когда сидели и мирно вели беседу, послышался гул шедшей машины. Вышли навстречу машине на расчет,

что приехал из Баку тов. Джапаридзе, но каково было удивление - из машины вышел турецкий генерал...». (137)

20 июля 1918 г. город Шемаха был освобожден от большевистско-дашнакских сил. Отступающие разрозненные большевистско-армянские отряды с особой ожесточенностью нападали на мусульманские селения, находящиеся на их пути. А в эти «жаркие» июльские дни, точнее 21 июля 1918 г. газета «Известия Бакинского Совета» печатала списки сел, организовавших крестьянские советы, и в числе таких – мусульманские селения Шемахинского уезда – Баскал, Ранжбар, Лагич, Ахан, Химран, и даже гор. Шемаха, при этом, не представляя никаких документов – резолюций, решений и т.д., подтверждавших эти события. В то же время различные большевистские органы власти, все еще пребывавшие в плену своих иллюзий, обращались с призывами к населению, в том числе мусульманскому крестьянству: «С оружием в руках изгнать из нашей страны турецкие и немецкие банды. Враги-беки хотят обмануть мусульман-крестьян, будто они создают Азербайджанскую республику». (138)

Мусульмане-крестьяне Шемахинского уезда, изгнанные из своих селений большевистскими войсками, будь они армяне или молукане, в это время шли навстречу своим спасителям: «...бежали мы по направлению к ущелью Аджы-Дара, по которой, как дошла до нас весть, двигались турецкие отряды. Встретили нас турки, вернули и водворили в селение наше». (139)

22-23 июля 1918 г. территория Шемахинского уезда была полностью очищена от войск большевистско-армянской Красной армии. Скитавшееся по горам, лесам, ущельям, полям азербайджанское население стало возвращаться в свои разгромленные и сожженные селения. «Вернулись в село свое лишь после прихода в Шемахинский уезд турок», - так говорили в своих свидетельствах жители большинства шемахинских селений, подвергшихся погромам, в частности: Араб-Кадым, Джамджамлы, Чуханлы, Маразали, Адналы, Ахсу, Мелик-Чобаны, Дада-Гюнаш, Чайлы-Бахиш-бекли, Кущи, Гярус-Чапарлы, Шародил, Ахтачи, Ших-Мазид, Джаваншир, Кюрдамич, Конахкенд, Овджулу, Гаджиман, Кельва, Талыш-Нури, Заргова, Ханкенди, Кельфарадж, Мюджи, Нуран, Нугды, Туран-Коланы. (140)

А жителей селений Хосы-дара, Борбор-Наваги, Джагирли, Тирджан, Талыш-Нури, Шабиян, Таглабиян, Кубалы-Бала оглан, Сулут, «которых армянские отряды не пускали в селения, «окончательно водворили в селения турки, по прибытии своем в Шемахинский уезд». (141)

Начали возвращаться в свой город и жители Шемахи, которые по мере возможности приступили к ее восстановлению.

В середине лета положение Бакинского Совета в самом Баку сильно пошатнулось. Заговоры других политических сил (правых эсеров, меньшевиков и др.), хоть и удалось предотвратить, однако ни кратковременный союз с царским полковником Л.Бичераховым, ни надежды на широкомасштабную помощь Советской России не оправдались. В конце июля, когда стало ясно, что

Красная Армия не сможет удержаться перед турецко-азербайджанскими войсками, большевистская власть, показавшая свою полную несостоятельность перед требованием русских и армян – небольшевиков – пригласить англичан, добровольно сложила свои полномочия.

6. Деятельность Чрезвычайной Следственной Комиссии в гор. Шемахе и Шемахинском уезде

«Граждане мусульмане, спасите погибающий Ширван!»

Такими словами заканчивалось «Воззвание» Чрезвычайной Следственной Комиссии, опубликованное в газете «Азербайджан» 30 марта 1919 г., т.е. ровно через год после событий, послуживших причиной его появления. Созданная азербайджанским правительством 15 июля 1918 г. для расследования фактов насилия, погромов и мародерства, произведенных в отношении мусульманского населения и их имущества в пределах всего Закавказья с начала первой мировой войны, Чрезвычайная Следственная Комиссия, «имела возможность воочию убедиться в последствиях того страшного бедствия, которое постигло мусульманское население вообще, а в особенности население Шемахи и Шемахинского уезда», - говорилось в «Воззвании», описывающем картину, которая открылась перед членами этой комиссии, прибывшими в Шемаху вскоре ее освобождения: «От самой Шемахи остались буквально одни развалины, над которыми в мусульманской части города возвышаются только обгоревшие минареты древнейшей из мечетей, насчитывавшей более восьмисот лет своего существования – «Джума мечети», а остатки пятнадцатитысячного мусульманского города разбрелись по всему Закавказью, и с костылем в руках и с сумой на спине, ищут спасения от голодной смерти. Такая же участь постигла около 80 мусульманских сел. Шемахинского уезда. Оставшаяся часть населения от разбойничьих банд, именовавших себя «большевиками», и возвратившаяся в свои селения с приходом турецких войск в Закавказье, нашла свои насиженные веками очаги сожженными до основания, все свое движимое добро частью расхищенным, весь крупный рабочий скот угнанным и посева убранными».

Как следует из дальнейшего текста, профессиональные юристы, как правило, привыкшие сохранять хладнокровие и эмоции, были потрясены увиденным не меньше, чем большевики, посетившие город вскоре после «покорения его» их же войсками и союзниками. Однако в отличие от большевиков члены комиссии, состоящие в большинстве своем также не из мусульман - поляки, русские, немцы прониклись горем и болью азербайджанского населения уезда: «Эти несчастные находятся в невероятной нужде. Они до того подавлены постигшим их несчастьем, что даже не в силах звать о помощи. А между тем без посторонней помощи им угрожает неминуемая гибель. Население, занимающееся преимущественно хлебопашеством, лишено рабочего

скота, земледельческих орудий и зерна для посева. Есть селения, где нет ни одной коровы, ни одной курицы. Люди живут под навесами, ходят в лохмотьях. Болезни, вызванные голодом и холодом, ежедневно уносят десятки их в могилу».

В «Воззвании» подчеркивалось, что азербайджанское правительство окажет помощь наиболее пострадавшему населению Шемахинского уезда, однако подчеркивалось, что «эта помощь не освобождает каждого гражданина, а в особенности каждого мусульманина от гражданской обязанности и нравственного долга также протянуть руку помощи погибающему историческому Ширвану». (1)

Помощь азербайджанского правительства пострадавшему населению Шемахинского уезда была организована сразу же через Министерство призрения, которое занималось облегчением положения беженцев, а также через другие министерства и государственные организации, приступившие к восстановлению города. Но приходилось начинать с нуля. Как следовало из письма Министерства внутренних дел правительству, отсутствие в городе каких-либо уцелевших зданий крайне затрудняло налаживание работы, в первую очередь, местных органов власти: «Шемахинское уездное полицейские управление, уездное и воинское присутствие размещены в здании городского Высшего начального училища, где также помещаются Мировой отдел и камеры следователей Басхальского, Шемахинского городского и Маразинского участков. Собственно под уездное управление заняты две маленькие комнаты: одну из них занимает уездный начальник со своими двумя помощниками, а другую – весь штат управления. Под Воинское присутствие заняты две большие залы, не имеющие ни окон, ни дверей. Занятие в этих неотделенных помещениях в летнее время производились при весьма стесненных неудобствах, но с наступлением холодов продолжать таковые в этих помещениях, где поддувает ветром со всех сторон, решительно не представляется возможным». (2) Речь здесь шла об одной из пяти построек, в некоторой степени уцелевших от пожара и окончательного разгрома города Шемахи, которая «после мартовских событий превращена в груды развалин» - здании Шемахинского реального училища. «В неотделенных комнатах нижнего этажа» этого здания вынуждены были ютиться служащие уездной администрации, «вследствие квартирного кризиса оставившие свои семейства в селениях, поставленные в крайне тяжелое материальное положение, живущие на два дома, подвергшиеся частым заболеваниям из-за ненормальных условий жизни и службы». Для выхода из столь тяжелого положения Бакинскому губернатору предлагалось отремонтировать несколько относительно сохранившиеся дома, в частности домов Садых бека Агаларова, Мустафабекова, Шихалибекова и Ага Салима Зейналова с «целью приспособить их под квартиры служащих правительственных учреждений, в которых они имеют настоятельную нужду, вследствие полного отсутствия в Шемахе после разгрома домов, годных для жилья». (3)

И все это говорилось о процветающем всего несколько месяцев назад городе с жилыми кварталами, ровными улицами, с двух-трехэтажными каменными домами, с квартальными мечетями, с каменными торговыми рядами... Бакинский губернатор, считающий «обеспечение помещениями административных учреждений в гор. Шемахе делом государственной важности», также как и Министерство призрения, внесшее «в Совет Министров доклад о восстановлении города Шемахи», учитывая особо тяжелое положение, сложившееся в Шемахе из-за полного отсутствия у всего населения города «крыши над головой» в буквальном смысле этого слова, предпринимали срочные и конкретные действия в этом направлении. (4) «В виду приближения зимы и настоятельно нетерпящей отлагательства потребности в обеспечении помещениями указанных учреждений и чинов администрации Бакинский губернатор в экстренном порядке предложил губернскому инженеру Плошко выехать в гор. Шемаху для осмотра этих домов и выяснения в них всех необходимых работ по ремонту и приспособлению их под жилые помещения...». (5) Из переписки между разными правительственными учреждениями становится ясно, в каких трудных условиях из-за отсутствия необходимых средств, квалифицированных рабочих, строительных материалов в самой Шемахе, трудностей транспортировки их из Баку и т.п. продвигались работы по восстановлению города.

Гораздо тяжелее обстояли дела с решением вопроса с беженцами, и не только шемахинскими. Города и села Азербайджана были заполнены беженцами из Эривани, Зангезура, Карабаха, где все еще бесчинствовали армянские банды во главе с ген. Андраником. Изгнанные со своих исконных земель, успевшие спасти лишь свою жизнь несколько десятков тысяч голодных, оборванных, больных людей, в большинстве своем женщины и дети, вынужденно оставившие свои разгромленные и сожженные дома, селения и города, нуждались в убежище и ждали помощи от азербайджанского правительства. А положение этого правительства, как и вся ситуация в Азербайджане, все более усугублялось, и не только из-за внутренних проблем, а в значительной степени в связи с изменением международного положения.

Потерпев поражение на фронтах первой мировой войны 30 октября 1918 г. Турция заключила с Антантой перемирие в Мудроссе. Согласно 2-й статье Мудросского договора Турция должна была вывести свои войска с Южного Кавказа, а 14-я статья предусматривала занятие военными силами Антанты Баку и Батума. В ноябре 1918 г. турецкие войска покинули Азербайджан, а 17 ноября в Баку уже прибыли английские войска во главе с генералом Томсоном, объявившим себя военным губернатором. Хотя англичане обещали не вмешиваться во внутренние дела азербайджанского правительства, приказом ген. Томсона в Баку было введено военное положение, и английское командование фактически всю административную власть в гор. Баку и в Бакинской губернии взяло в свои руки. Вся судебная и исполнительная власть также перешла в ведение ген. Томсона. Местное правительство оказалось в довольно

сложном положении, к чему приложила руку и внутренняя оппозиция в лице Русского и Армянского Национальных Советов, старающихся представить себя английскому генералу как истинных хозяев в городе и ратовавших за «единую и неделимую Россию». Однако ген. Томпсону оказалось достаточным месяца для ознакомления с политической ситуацией в Баку и азербайджанскими политическими деятелями, чтобы опровергнуть измышления русско-армянских «хозяев» города о том, что Азербайджанская Республика – это плод воображения нескольких сотен политических авантюристов. К концу декабря 1918 г. ген. Томсон признал правительство Ф.Х.Хойского «единственно действовавшей гражданской властью в стране». (6)

В период всех этих политических перипетий азербайджанское правительство не переставало заниматься облегчением участи беженцев, в том числе и в Шемахинском уезде. Упрочив свое положение при продолжавшем еще править в Бакинской губернии английском командовании, в январе 1919 г. Беженский отдел Министерства призрения приступило к планомерному изучению положения на местах, для оказания затем адресной помощи этой группе населения. Во все пострадавшие населенные пункты республики были направлены письма следующего содержания: «Во время событий в Азербайджане масса сел, местечек и городов подверглись разграблению и частично сожжению, а некоторые местности так пострадали, что восстановление их силами местных жителей, без помощи правительства, не представляется возможным. Министерство призрения, желая оказать посильную помощь населению разоренных местностей для восстановления нормальной жизни, с целью детального выяснения положения вышеназванных местностей предпринимает анкету и просит Вашего содействия в этом направлении». (7)

К письму, направленному Шемахинскому уездному начальнику, прилагались анкеты, которые должны были быть заполнены и представлены в Беженский отдел, что вскоре было сделано. Начальниками всех четырех участков Шемахинского уезда были представлены списки сел, пострадавших во время погромов, с указанием наименований, степени и размеров убытков. Из ответов в анкете следовало, что население около 80-ти селений уезда вернулось в свои селения только в конце июля 1918 г., т.е. после освобождения уезда турецко-азербайджанской армией. (8)

Примечательно, что Министерство призрения изучало положение не только азербайджанских селений, пострадавших во время указанных событий, но и армянских. «Для организации планомерной помощи беженцам Шемахинского округа и водворения их на места, прошу Ваше высокопревосходительство срочно сообщить мне список разоренных и пострадавших во время анархии селений Шемахинского уезда отдельно армянских и мусульманских, а также указать, какие армянские селения заняты мусульманами», - говорилось в письме, подписанном министром призрения Р.Хойским и направленном в МВД. (9) Из полученного ответа выяснилось, что население 13 «разоренных и пострадавших» армянских селений (Баглиян, Билистан, Кейванди,

Гюрдживан, Кевлючь, Гирда, Ингар, Заргеран, Сагиян, Матраса, Зархи, Керкенч и Мейсары), забрав скот и домашние вещи, покинуло свои селения, после ухода которых селения были «сожжены армянскими войсками». О населении остальных 6 армянских селений (Келаханы, Алпаут-армянский, Дара-Керкенч, Хан-кенди, Коджар и Дувар-кенд), попавших в список «разоренных и пострадавших», также говорилось, что они «скот и движимое имущество взяли и ушли», а селения «не изгорели». (10) Более конкретные данные об убытках, понесенных жителями этих селений, не приводились.

Отсутствуют какие-либо сведения о нападении гянджинских войск на армянские селения, кроме сел. Матрасы, после первого погрома гор. Шемахи. Как ранее отмечалось, во время двух-трехдневного противостояния с отрядом Исмаил Хана Зиатханова в начале апреля 1918 г., армянское население Матрасы, где находился штаб большевистско-армянских войск, вместе с армянскими частями нашло убежище в молоканском селении Хильмили. Ни о каком уходе «25-тысячного» армянского, и тем более молоканского населения, «отступающими вместе большевистскими отрядами» перед «трехтысячным отрядом», присланном из Елизаветполя, о чем докладывал С.Шаумян в Совет Народных Комиссаров 13 апреля 1918 г., не могло быть и речи. (11) Все эти вопросы были подробно рассмотрены в предыдущих частях. О том, что армянское население продолжало оставаться у себя в селениях в последующие месяцы, свидетельствовали многочисленные азербайджанские крестьяне, которые подвергались нападению своих армянских, а также молоканских соседей вплоть до прихода турок. Массовый исход армян из своих селений начался перед наступлением турецко-азербайджанских войск, что также подтверждается множеством свидетельств: «Армяне все бежали, а молокане подчинились туркам». (12)

Все эти вопросы были подробно рассмотрены в предыдущих частях. О том, что армянское население продолжало оставаться у себя в селениях в последующие месяцы, свидетельствовали многочисленные азербайджанские крестьяне, которые подвергались нападению своих армянских, а также молоканских соседей вплоть до прихода турок. Массовый исход армян из своих селений начался перед наступлением турецко-азербайджанских войск, что также подтверждается множеством свидетельств: «Армяне все бежали, а молокане подчинились туркам». (13)

Сведения о нападении или разгроме армянских селений и избиении армянского населения турецкими войсками отсутствуют даже в армянских источниках. В таком случае, сожжение некоторых армянских селений отступающими армянскими войсками, что они практиковали уже в городе Шемахе, сжигая армянские дома, чтобы «не достались туркам», не вызывает сомнений, что подтверждалось самими армянами, в том числе хозяином одного из этих домов – печально известным Степаном Лалаевым: "Когда сожгли мой дом, не знаю. Его взорвали сами армяне по приказанию своих народных комиссаров, именно: Казарова, Амазаспа, Татевоса Амирова и Корганова». (14)

Впрочем азербайджанское правительство в это время занимал не этот вопрос, а проблема возвращения беженцев, в том числе и армянских, в свои селения, и решение некоторых вопросов, возникающих в этой связи. Дело в том, что столкнувшись с многотысячным потоком беженцев из Эриванской губернии, Зангезура и Карабаха, Беженский комитет Министерства призрения часть эриванских беженцев разместил в селении Матрасы как наиболее благоустроенном и менее пострадавшем. Как следует из письма в азербайджанский парламент самих этих беженцев, сведения о плачевном состоянии которых просачивались между строк, вначале они, 60 семейств, искали убежище в Гяндже, заполненной в это время десятками тысяч карабахских беженцев. Проникнувшись горем этих людей, командующий турецкими войсками Нуру паша предложил им переселиться в Ванскую губернию, обещав землю, зерно и скот. «Но мы, будучи азербайджанцами, не хотели покинуть пределы отечества нашего», - говорилось далее в письме, и выяснялось, что переселиться в селение Матрасы Шемахинского уезда предложил им тогдашний министр здравоохранения и призрения Х.б.Рафибеков, обещав дать землю, зерно и прочее, а уполномоченный по беженскому отделу Ш.б.Рустамбеков лично сопровождал их в это селение. Со временем к ним присоединились другие беженцы, общее число которых достигло примерно 300 семейств. Но положение этих людей, заселенных в армянское селение, однако оставшихся без земли, без зерна и голодающих, ухудшалось с каждым днем. (15) Между беженцами-азербайджанцами и армянами-матрасинцами то и дело возникали стычки из-за бытовых проблем. Известие об одном таком «недоразумении», возникшем в очереди за водой у ручья, поскольку водопровод в селении был выведен из строя, стало известно через Межведомственную комиссию уездному начальству, которое срочно отправило в селение мастеров для починки водопровода, чтобы пресечь возможное обострение отношений между азербайджанским и армянским населением. (16) Но проблемы с беженцами существовали, о чем к тому же настоятельно напоминал Бакинский Армянский Национальный Совет. В одном из таких обращений к министру внутренних дел говорилось: «Положение беженцев-армян с каждым днем становится невыносимее. Мерами частной благотворительности или даже государственного призрения невозможно помочь нуждающемуся населению более или менее долгое время. Радикальным разрешением этого больного вопроса является, несомненно, возвращение оторванных от труда людей к хозяйственной жизни, возрождение которой диктуется государственными интересами». Прося «срочно принять меры к водворению крестьян-армян Шемахинского уезда и к созданию условий для восстановления их разрозненного хозяйства», Армянский Национальный Совет выступал с некоторыми «ходатайствами», среди которых особенно выделялось следующее: «освободить все армянские селения от засевших татар и лезгин и предоставить эти селения армянам в исключительное, как это было в мирное время, владение». (17) Непонятно, какие «лезгины» имелись ввиду в этом документе, поскольку о заселении лезгинского населения в армянские селения Шемахинского уезда нигде не говорилось. Положение же азербайджанских беженцев - населе-

ния, изгнанного армянами со своих исконных земель и вынужденных искать убежище в контролируемых азербайджанским правительством азербайджанских территориях, где продолжали жить армяне, ставшие беженцами внутри страны, Армянским Национальным Советом полностью игнорировалось.

Следует отметить, что большинство армянских жителей уезда, в том числе Матрасы к этому времени, т.е. к началу 1919 г. уже вернулись в свои селения, налаживали свою жизнь и даже вступали в стычки с беженцами-азербайджанцами, нисколько не остерегаясь азербайджанских властей, что говорило о том, что чувствовали они себя при этой власти вполне безопасно. О том, как защищала права своих армянских граждан эта власть свидетельствовал такой факт. В середине марта 1919 г. Министерством призрения была направлена в Шемахинский уезд новая партия беженцев, вновь прибывших из Эриванской губернии, которых инспектор этого министерства предлагал разместить в сел. Матрасы, в основном, в дома армян. Шемахинский уездный начальник обратился к Бакинскому губернатору для уточнения законности этого шага. И даже когда более 200 человек-беженцев, уже прибывшие в назначенное для их постоянного проживания место, остались под открытым небом, уездный начальник считал, что подобное действие, т.е. «водворение беженцев в дома фактических владельцев их армян - тех же подданных Азербайджана» противоречит установленному в Азербайджанской Республике правопорядку, и такое «может быть сделано лишь по особому акту высшего законодательного учреждения, такого, как парламент». При этом управляющий уездом Г.Абдуллаев «в лице Шемахинской администрации изъявлял полную готовность» разместить вновь прибывших эриванских беженцев, «но отнюдь не водворять их в дома армян, выдворив последних». (18) Впрочем, как следовало из ответов на запросы Министерства призрения, в Шемахинском уезде азербайджанцами были заняты всего два армянских селения – Матрасы и Мейсари, при этом, как следует из вышеизложенного, в смешанном порядке. (19) А на аналогичные запросы специально созданной Межведомственной комиссии по трудоустройству беженцев в Шемахинском уезде, сведений о проживании азербайджанского населения в армянских селениях Зарху, Гюрджикенд и Сагиян не поступало. (20)

Учитывая вышеизложенное, на фоне крайне тяжелого положения десятков тысяч азербайджанцев, вынужденных восстанавливать свои селения из пепла, не говоря о беженцах, вовсе не имеющих своего жилья и земель, удовлетворение ходатайств Армянского Национального Совета, предъявленных азербайджанским властям для улучшения положения армян-беженцев, представлялось практически невозможным: «В кратчайший срок перевезти в свои селения остающееся здесь крестьянство, дабы оно могло своевременно начать полевые и садовые работы; о выдаче, как находящимся там, так и возвращаемым крестьянам на продовольствие по 1,1\2 пуда пшеницы на человека в месяц; назначить во все селения выборных старшин, а не по назначению участ-

кового пристава, как практикуется теперь; оказать содействие в приобретении скота и посевного материала». (21)

Выдвижение столь безапелляционных требований для благоустройства своих соплеменников, ставших беженцами в немалой степени из-за известной деятельности самого Армянского Национального Совета, наглядно демонстрировало, что армянские лидеры не переставали ставить себя в особые условия, представляя армян наиболее пострадавшей стороной, что проявлялось и в других ситуациях, о которых будет сказано ниже. Из этих ходатайств Бакинского Армянского Национального Совета министр внутренних дел Х.б.Хасмамедов удовлетворил лишь одно – «относительно допущение в селениях, населенных армянами, выборных сельских старшин взамен ныне существующих, назначенных администрацией». Все остальное, как выходящее за пределы ведомства МВД и «затрагивающее вопросы общей государственной политики», он предлагал адресовать правительству. (22)

Однако, правительственные структуры, и, в первую очередь, Министерство призрения, занимающееся вопросами беженцев, не видели никаких оснований для выделения беженцев-армян из числа многократно превосходящих их численностью беженцев-азербайджанцев.

О беженцах-русских же говорилось лишь в одном документе Межведомственной комиссии по устройству беженцев в Шемахинском уезде, в котором местным властям предлагалось удовлетворить ходатайство жителей сел. Ново-Дмитриевка, проживающих в разных селениях, о водворении их обратно в свое селение и «принять меры к тому, чтобы жители окрестных селений не препятствовали им пользоваться своими участками и другими угодьями, а равно обеспечили им свободное жительство там». (23)

Вместе с тем, министерства внутренних дел и призрения были буквально завалены прошениями азербайджанцев, что говорило о несоразмерности соотношения беженцев среди азербайджанского населения с армянскими или русскими. Так, например, о крайне бедственном положении шемахинских беженцев свидетельствовало коллективное прошение жителей города Шемахи, которые оказались после мартовских событий в селении Петропавловка в соседнем Джавадском уезде. «Никто из них не имеет жилищ, и с наступлением зимы они со своими семьями вынуждены будут находиться под открытым небом». Положение этих людей было столь бедственным, что они не имели средств даже для возвращения обратно в свой город. Не ограничиваясь распоряжением о выдачи этим людям ссуды из казны «на проезд из Петропавловки в гор. Шемаху», Министерство призрения предлагало своему уполномоченному «предоставить им также помещение в Шемахе». (24)

Самое справедливое и эффективное решение проблем беженцев Эриванского и Зангезурского уездов правительственные организации видели в «водворении этой группы населения на места их прежнего проживания», для чего проводилось огромная и тяжелая работа, сопряженная перепиской с армянской стороной. (25) Вместе с тем, прилагая огромные усилия, правитель-

ство старалось решить повседневные проблемы этой группы населения, а также уже водворенных в свои жилища шемахинцев, несмотря на весьма ограниченные и скудные возможности.

В целом по Шемахинскому округу в Министерстве призрения было зафиксировано 26.877 чел. беженцев, которым было выдано зерновых продуктов для пропитания и обсеменения (пшеница, ячмень, просо, чалтык и булгурт) 18.244 пудов, а для полевых работ (Эриванским беженцам) было приобретено 58 голов быков. (26) Помимо распространения среди населения зерна, сахара, и др. необходимых продуктов, местные власти поднимали вопрос перед правительством о предоставлении податных льгот селениям, подвергшимся погромам, и считали необходимым «выработать общие меры по облегчению платежной повинности для всех местностей Шемахинского уезда, пострадавших от происшедших событий за последнее время». Здесь следует отметить, что в связи «с хорошим урожаем» в 1919 году «жизненные обстоятельства крестьян поправились», и «все они были уже платежеспособными». Несмотря на чрезвычайно сложное продовольственное положение в стране, азербайджанские власти с пониманием относились к таким просьбам и в большинство случаев их удовлетворяли. (27)

Власти старались поддержать беженцев, также подыскивая для них работу, изучали и держали под контролем цены на строительные материалы, дрова, керосин, рабочие руки, транспортные средства, а также на предметы первой необходимости и т.д. (28)

Во время осмотра более или менее уцелевших зданий и развалин, а также очистительных работ в Шемахе, обнаруживались весьма неожиданные «находки». Так, например, в русской церкви была обнаружена часть похищенных у населения вещей: ковры, постель, медная посуда и т.д. Весь этот «инвентарь», по распоряжению Управления Бакинского губернатора был передан через окружного инспектора Государственного призрения беженцам и беднейшему населению. (29)

Так же «в пользу беженцев» была использована «масса земледельческих орудий», обнаруженная в складах и сараях в Кюрдамире (30). Одновременно местные власти пресекали попытки самовольной «порубки фруктовых садов, расхищения в еще сохранившихся постройках оставшегося строительного материала, раскопки и розыск в зданиях чужого имущества», предпринимаемые беженцами и возвращающимися в Шемаху горожанами. В письме чиновника по особым поручениям при Бакинском губернаторе к Шемахинскому уездному начальнику говорилось о необходимости принятия «соответствующих мер, дабы гарантировать возвращающимся сохранение оставленного ими имущества» и контроля над имуществом, «обнаруженном одновременно в разрушенных зданиях». (31)

Вся эта работа по восстановлению города Шемахи и пострадавших селений с одновременным решением неимоверно громадного числа проблем десятков тысяч жителей уезда, нуждающихся в помощи и поддержке, проводи-

лась в крайне тяжелых и сложных условиях, при отсутствии не только достаточных материальных и транспортных средств, но и человеческих, в том числе кадровых ресурсов. «На эту должность никто не идет, ввиду исключительно трудных условий жизни Шемахи», - эти слова, сказанные относительно должности секретаря уездного начальника, были характерны практически для всех структур власти уезда. (32)

Но самым опасным и получившим размеры всеобщего бедствия последствием погромов в марте-июле 1918 г. стали охватившие весь Шемахинский уезд эпидемии сразу нескольких болезней. «В виду повального заболевания среди мусульманского и христианского населения: сыпным, брюшным тифом, дифтеритом на почве острого недоедания, дальнейшее развитие повального заболевания несет полное вымирание населения», - предупреждал Шемахинского уездного начальника начальник эпидемического отряда Бакинского уезда Министерства народного здоровья республики. Считая такое явление народным бедствием, требующим безотлагательной помощи, автор письма просил уездного начальника путем добровольного пожертвования собрать крохи и открыть врачебно-питательные пункты, заверяя, что этим можно будет предотвратить «повальное вымирание». (33)

Хотя исполнение, на первый взгляд, простого предложения врача, т.е. хоть как-то накормить население, при описанных выше условиях, представлялось почти невозможным, тем не менее, Министерством призрения были открыты 13 питательных пунктов, больница в гор. Шемахе на 30 коек и детский приют на 80 человек. (34) Однако эпидемией были охвачены не только гор. Шемаха, но и практически все селения Шемахинского уезда. Так, в одном из самых больших и наиболее сильно пострадавших селений Абдулянского участка – Наваги болела сыпным тифом одна треть населения, и каждый день здесь умирали по 10-15 человек. (35)

Положение осложнялось тем, что эпидемии свирепствовали во всех уездах республики, подвергшихся погромам и насилию большевистско-армянских сил, что мешало медицинским учреждениям направить все ударные силы в один очаг бедствия. Тем не менее, отделом сельской медицины Министерства народного здоровья были сформированы 15 летучих врачебно-эпидемических отрядов во главе с врачами, направленные, в первую очередь, в Шушинский и Джеванширский уезды Гянджинской губернии, а также в Шемахинский и Геокайский уезды Бакинской губернии. Местным властям предписывалось отводить врачебно-эпидемическим отрядам помещения в местах их пребывания и оказывать им всяческую помощь в виде транспорта – «обывательских подвод» при разъездах по уезду, а также «в проведении необходимых мер против распространения заразы». (36)

В Шемахинскую сельскую больницу был назначен специалист - врач Аслан бек Ахундов, который первым делом выехал в селение Наваги, где заболеваемость приобретала катастрофические размеры. В Шемаху был также направлен ветеринарный врач Осташевский, поскольку в Шемахинском и

Кубинском уездах усиливалось чумная эпизоотия среди крупного рогатого скота. (37)

В таких вот условиях приступила к работе в Шемахинском уезде группа следователей Чрезвычайной Следственной Комиссии (ЧСК) азербайджанского правительства для расследования событий, происходящих в гор. Шемахе и селениях уезда в марте-июле 1918 г.

Как уже отмечалось выше, Чрезвычайная Следственная Комиссия была создана азербайджанским правительством в середине июля 1918 г., через полтора месяца с начала его деятельности и переезда из Тифлиса в Гянджу. Правительство АДР сочло необходимым выразить свое отношение к происходящим событиям в республике, в частности к фактам насилия против мирного азербайджанского населения, выслушав доклад министра иностранных дел М.Гаджинского. «Вот уже четыре месяца, как разные части территории Азербайджана раздираются бандами, которые под именем большевиков, безответственных армянских частей и прочих творят неслыханные зверства над жизнью и имуществом мирного мусульманского населения. В то же время общественное мнение Европы настраивается совершенно противоположно, благодаря неправильной информации, посылаемой организаторами этих банд» - говорилось в докладе, в котором подчеркивалось, что, как в общегосударственных интересах, так и в интересах потерпевших групп населения необходимо создать организацию, которая занялась бы «точной регистрацией всех случаев насилия; обстоятельств, при которых совершались эти насилия; установлением виновников и размеров причиненных ими убытков». Организацию предполагалось создать в виде Чрезвычайной Следственной Комиссии, результаты ее работы опубликовать на разных европейских и турецком языках и широко распространить. В докладе особо подчеркивалось, что к организации этой Комиссии надо приступить немедленно, «ибо многое, что легко можно установить теперь, по горячим следам, в смысле опроса лиц, фотографирования и удержаний других вещественных доказательств, позднее сделается затруднительным, а может быть, совершенно невозможным». (38) На том же заседании от 15 июля 1918 г. азербайджанское правительство приняло постановление о создании Чрезвычайной Следственной Комиссии «для расследования насилий, произведенных над мусульманами и их имуществом в пределах всего Закавказья со времени начала Европейской войны». Решением от 31 августа 1918 г. за подписью председателя правительства АДР, одновременно министра иностранных дел Ф.Х.Хойского была образована Чрезвычайная Следственная Комиссия. Председателем ЧСК был назначен присяжный поверенный Алекпер бек Хасмамедов. Определившись вначале в составе из 7-ми человек, в основном юристов, в дальнейшем, к работе комиссии привлекались и другие представители следственно-прокурорских и судебных органов гг. Баку и Гянджи. Наиболее активное участие в работе комиссии принимали А.Ф. Новацкий, Н.М.Михайлов, А.Е.Клуге, М.Текинский,

И.б.Шахмалиев, А.Александрович (Литовский) и др. профессиональные юристы и общественно-политические деятели. (39)

Созданная при Министерстве иностранных дел ЧСК уже с сентября 1918 г. стала действовать при Министерстве юстиции АДР. Члены комиссии, разделившись на группы, приступили к расследованию трагических событий в разных уездах и городах республики, которые уже контролировались азербайджанским правительством или же по мере освобождения их от большевистско-армянских войск.

Так, после освобождения Баку и переезда азербайджанского правительства в столицу республики в сентябре 1918 г. Чрезвычайная Следственная Комиссия также перенесла свою деятельность из Гянджи в Баку, приступив немедленно к расследованию мартовских событий в г. Баку и его окрестностях.

В Шемахинскую следственную группу ЧСК входили опытные следователи Андрей Фомич Новацкий и Николай Михайлович Михайлов, позже к ним присоединился также Исмаил бек Шахмалиев. Со следователями работали несколько переводчиков, поскольку документы составлялись на русском языке. Работа Шемахинской группы, особенно в начале ее деятельности несколько отличалась от Бакинской, не говоря уже о работе в других уездах. В Баку члены ЧСК находили пострадавших и свидетелей мартовских событий, в первую очередь, через прессу, оповещая жителей о начале следствия, а также через местных властей и известных лиц города, которые активно ей помогали. В подвергшиеся погромам окрестные селения Баку они выезжали сами, где практически все население выступало в качестве потерпевших. Также организовывалась работа в других уездах, в частности в Кубинском или Джевадском, где работали небольшие группы во главе с теми же следователями А.Ф.Новацким (Кубинский уезд) и М.Н.Михайлов (Джевадский уезд), с помощью местных властей находили и допрашивали свидетелей и пострадавших. Однако, в середине сентября, когда следственная группа прибыла в Шемаху, то жители только начинали возвращаться в разрушенный город. Неслучайно, что в первые два-три месяца следователям ЧСК приходилось допрашивать шемахинцев-горожан в основном в местах их временного пребывания – в Баку, Кюрдамире, Сальянах, Агдаше, Гяндже, Геокчае и т.д., а также во многих селениях самого Шемахинского уезда. В поиске и допросах переживших мартовские события шемахинцев-беженцев, находящихся в Баку, принимали активное участия члены Бакинской группы – М.Х. Текинский, А.Клуге, А.Александрович, А.б.Гаджи-Ирзаев и нередко сам председатель ЧСК А.б.Хасмамедов.

Забегая вперед отметим, что в итоге работа Шемахинской следственной группы оказалось как самой тяжелой и сложной из-за ряда причин, о чем будет сказано отдельно, но и одновременно наиболее объемной и основательной по своим результатам.

Так, как следовало из справки, подписанной председателем ЧСК А.б.Хасмамедовым на 27 августа 1919 г. были собраны материалы «о разгро-

ме г. Шемахи и селениях Шемахинского уезда в 7 томах на 925 листах», а также «по Шемахе и Шемахинскому уезду имелось 22 отдельных следственных производств», и небольшой том на 5 листах «О погроме станции Аджи-Кабул», который находился на территории Абдулянского полицейского участка Шемахинского уезда. (40)

Несмотря на многочисленные трудности, следователям ЧСК удалось допросить более 300 жителей города Шемахи в качестве свидетелей и потерпевших. Среди них было немало известных деятелей азербайджанского общества уезда, представителей известных родов шемахинской знати, занимающих также определенные посты и должности в структурах власти уезда, таких как Азад бек Коджаманбеков, Асаф бек Шихалибеков, Мамед Али бек Вейсов, Тарлан бек Алярбеков, Джебраил бек Джебраилбеков, Садык бек Агаларов, Абдул Гусейн бек Агаларов, Алихан бек Эюббеков, Шахлар бек Шихалибеков, Гаджи Гамид Паша-бек Ших-Эюббеков, Мовсум бек Садыкбеков и др.

Значительную часть допрошенных следствием в качестве потерпевших составляли представители средних слоев населения города, владельцы небольших промышленных объектов и мануфактур, торговцы, представители духовенства, служащие и т.д., в большинстве своем люди грамотные, разбирающиеся в случившемся и дававшие обстоятельные показания. Среди них - Сираджедин Эфендиев, Ага-Салим Гаджи Алиев, Кербалай Юсуф Мамедов, Али-Гейдар Тагиев, молла мечети «Гаджи Касум» Гаджи Ших-Габиб Ахунд и др.

В показаниях именно этих двух групп свидетелей и потерпевших, некоторые из которых к тому же были непосредственными участниками событий, предшествовавших первому разгрому города, излагался весь ход событий, и раскрывалась наиболее полная картина происходящего как накануне, так и в дни погромов.

Особую ценность для следствия составляли также показания шемахинцев – немусульман, которые позволяли смотреть на случившееся глазами нейтральных жителей города – русских, грузин и т.д. Среди них - Владимир Павлович Сазонов, Пантелеймон Иванович Пугачев, князь Левон Георгиевич Вачнадзе, Екатерина Борисовна Змойро, отец Иоганн Богомоллов, священник Шемахинской «местной команды», Виссарион Давидович Сулава и др.

Важную часть работы ЧСК как в гор. Шемахе, так и в селениях составляли осмотры пострадавших населенных пунктов – городских кварталов, отдельных домов и мечетей, а также селений. На основе этих осмотров составлялись протоколы, которые позволяли уточнить размеры и масштабы причиненного ущерба как городу и селению в целом, так и отдельным гражданам. Так, напр., Комиссией были составлены протоколы осмотра самого гор. Шемахи, жилых кварталов Пиран-Ширван, Юхари-Кала, Шихминас, Имамлы, Ардебилли и др., соборной мечети Джума и 8 квартальных мечетей, а также армяно-

григорианской и православной церковью на предмет подтверждения того, что во время мартовских событий в Шемахе церкви повреждены не были. (41)

Следует подчеркнуть, что членами Комиссии проводилось также фотографирование осмотренных мест и объектов. В целом было создано 63 фотодокумента: 46 - в городе Шемахе и 17 - в селениях Шемахинского уезда, в частности в сел. Ангехаран, Ахсу, Боят, Марзандиге, Текля-бекская, Чархан, Чуханлу. (42)

Огромную работу члены ЧСК провели в селениях Шемахинского уезда, подвергшихся погромам, в ходе которой выяснялось, что в целом пострадавшими оказались 110 селений, из них 105 непосредственно подверглись поджогам и разгрому. Помимо допроса свидетелей, ЧСК предложила каждому сельскому обществу представить Комиссии обобщенный документ – акт или приговор с указанием всех данных о жертвах и убытках. Для облегчения работы сельских обществ Комиссией были изготовлены образцы этих документов, согласно которым составлялись приговоры на сходе всех жителей пострадавшего селения, содержащие данные по всем требуемым пунктам: указывалось число убитых, раненых и умерших во время скитаний в горах и лесах от болезней, голода и страха мужчин, женщин и детей, количество сожженных и разрушенных домов с отдельным указанием сожженных или разрушенных мечетей, украденного скота, похищенных домашних вещей, имен всех пострадавших, данные об их убытках и т.д.

Однако, проделав столь большую работу, члены Комиссии столкнулись с одним юридическим препятствием, не позволяющим им по ходу расследования возбуждать следственные дела по привлечению к следствию лиц, которые упоминались пострадавшими и свидетелями в качестве участников погромов. Учитывая этот момент, правительство Азербайджанской Республики постановлением от 21 марта 1919 г. расширило полномочия ЧСК и представило ей все те права, которые по уставу уголовного судопроизводства были представлены судебно-следственной власти. (43)

Судебно-следственные дела составляют не менее важную и объемную часть документов ЧСК. Здесь следует отметить, что работа Шемахинской группы несколько отличалась от Бакинской. Основные усилия следователей, работавших в Баку, были направлены на поиск лиц, обвиняемых в мартовских событиях в Баку, большинство из которых так и не удалось обнаружить и привлечь к ответственности. Что же касается событий в Шемахе, то большинство обвиняемых в здешних погромах, в основном местные жители – крестьяне и ремесленники, вернувшись в г. Шемаху, продолжали спокойно жить в своих селениях. Нетрудно отыскать оказалось и более именитых шемахинцев-армян, принимавших активное участие в организации погромов, хотя и переехавших в Баку. К тому же пострадавшее мусульманское население Шемахи и его уездов, в целом хорошо знавшее в лицо своих обидчиков, активно помогало Комиссии, сообщая имена преступников, напавших на их дома, убивших их близких и присвоивших их имущество. Нередко шемахинцы опознавали участников по-

громов случайно, встретив их на базаре или на улице, в конторах и т.д. Некоторые жители Шемахи сами начинали поиск убийц своих близких и участников разграбления своих домов, заявляя об обнаруженных ими фактах в местные следственные органы. Таким образом, еще до расширения полномочий следователей ЧСК следственные дела «О разгроме гор. Шемахи» возникли в производстве Шемахинского следственного участка. Так, напр. дела «Об убийстве жителей гор. Шемахи Теймур-бека Худавердиева и Абдул-Салама Азимбекова», «О разбойном нападении на Халаф бека Меликбекова и об убийстве последнего», «Об убийстве жит. гор. Шемахи Мешади Али Кулия, Мешади Забуты и Расула Мешади Али Кули оглы с целью ограбления» были возбуждены на основании обращения близких и родственников этих лиц. Дела «Об ограблении квартиры и имущества Насрулла бека Алиева» или «О краже у жителя гор. Шемахи Мамед бека Алиева разных драгоценных и др. вещей во время мартовских событий в гор. Шемахе в 1918 года» и др. - на основании жалоб самих Насрулла бека и Мамед бека, которые называли виновных в совершении указанных преступлений.

Все эти и другие дела, возникшие в производстве Шемахинского следственного участка вместе с арестованными уже по делу обвиняемыми, были затем переданы члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому. Работу, проведенную следователем А.Новацким по Шемахинским событиям, как по своему объему, так и по характеру можно считать самой трудной и сложной среди расследований ЧСК в разных уездах Азербайджана. Кроме опроса сотен потерпевших и свидетелей, членам ЧСК, в том числе А.Ф.Новацкому приходилось незамедлительно реагировать на все жалобы и сведения, поступающие в Комиссию, расследовать любые показания, даже не очень достоверные, и, выяснив истину, привлекать виновных к ответственности или же, убедившись в их невиновности, освобождать. Нередко обвиняемые, ссылаясь на то, что они были знакомы со свидетелями-мусульманами, дававшими против них показания, объясняли действия последних давней враждой, оговором и т.д. Члены Комиссии тщательно проверяли все факты на предмет оговора, которые в большинстве случаев не подтверждались.

Но наиболее трудоемкой и тяжелой представлялось расследование дел по факту убийств жителей-мусульман г. Шемахи их же согражданами-армянами. В этом отношении труднее и сложнее всего оказалось привлечь к следствию самую одиозную фигуру среди всех преступников, чьи зверские деяния против мирных жителей Баку, Шемахи и Петровска не вызвали сомнений - Степана Лалаева. Его имя упоминалось в показаниях сотен свидетелей и потерпевших, в которых вырисовывался образ кровожадного изверга, с невероятной жестокостью убивавшего невооруженных мирных мусульман-стариков, женщин и детей, больных. Злодеяния лалаевского отряда были столь многочисленны, что Комиссией на него было заведено отдельное дело, начатое 19 марта 1919 и оконченное 23 ноября 1920 года, не считая множества документов с упоминанием его имени, а также материалов допросов его и

других обвиняемых, имеющих в других следственных делах. В итоге преступления С.Лалаева составили 5 отдельных судебно-следственных томов.

Однако, с прибытием в Баку 17 ноября 1918 года английские войска во главе с командующим британскими оккупационными войсками генералом В.М.Томсоном, как уже говорилось выше, политическая ситуация в городе несколько осложнилось, что не могло не сказаться и на работе ЧСК, собиравшейся привлечь к ответственности армянских преступников, открыто и нагло разгуливавших по улицам Баку. Дело в том, что вместе с англичанами в Баку прибыл и вооруженный отряд новоиспеченного «главнокомандующего русскими морскими и сухопутными силами на Кавказе» Л. Бичерахова, а с ним все армяне. В том числе С.Лалаев со своим отрядом, правда, безоружные, так как генерал Томсон заверил, что «вооруженные армяне не будут впущены в город». (44)

Хотя генерал Томсон указывал, что англичане не намерены вмешиваться во внутренние дела Азербайджана, тем не менее, функции правоохранительных и судебных органов англичане взяли также на себя. Была образована новая структура – Полиция союзных держав, начальником-комиссаром которой стал полковник Коккерель. Учитывая сложившуюся обстановку, председатель ЧСК А.Хасмамедов обратился с обстоятельным докладом к командующему союзными войсками в гор. Баку, поскольку именно с ним должна была в дальнейшем согласовывать свои действия ЧСК. Представившему неопровержимые доказательства вины Степана Лалаева в мартовских событиях в Баку и Шемахе, а также его преступных деяний против мусульман-персидско-подданных в Петровске в начале ноября 1918 г. А.Хасмамедову удалось добиться разрешения полковника Коккереля на его задержание. С.Лалаев был арестован в конце ноября 1918 г. Полицией союзных держав. Однако сам арестант, как и его следственное дело перешли в распоряжение англичан. Находившееся под контролем главнокомандующего союзными войсками в Баку ген. Томсона следственное дело С.Лалаева было передано для «разбора» Союзному военному суду. На англичан посыпались письма, обращения от различных армянских комитетов, обществ, армянского епископа и отдельных лиц, обвиняющих азербайджанскую сторону в предвзятом отношении к «невинным армянам». И тут надо особо отметить работу ЧСК и Министерства юстиции, четко и грамотно построивших и обосновавших позицию обвинения. (45)

Так, наряду с составлением множества юридических документов, азербайджанские следователи организовывали многочисленные письменные прошения, заявления азербайджанцев, пострадавших во время мартовских событий в Баку и Шемахе к английскому командованию. Они привозили из разных уездов Азербайджана целыми партиями свидетелей и пострадавших от насилиев армян, направляя их в правоохранительные и судебные органы Союзных держав. Так, под одним из таких прошений стояло более 300 подписей шемахинцев. (46)

Однако наиболее весомым доказательством обвинения служили проведенные «очные ставки» пострадавших непосредственно со Степаном Лалаевым. Так, в деле Лалаева имеются 18 протоколов очных ставок свидетелей обвинения с самим обвиняемым, составленных на английском языке и затем переведенных на русский. Трое из свидетелей - мужчины, остальные женщины и «девицы», самой младшей из которых 13 лет. Все они опознавали С.Лалаева, которого видели в тех или иных ситуациях во время погромов в Баку и Шемахе, описывали его одежду, лошадь, на которой он ездил верхом в Шемахе, передавали отдельные его высказывания и приказы. Так, одна из свидетельниц запомнила слова Лалаева, отдавшего приказ «бить и убивать всех мусульман, но щадить красивых девушек», другая рассказывала, как Лалаев – «обвиняемый, находящийся здесь», вместе с 20 вооруженными армянами напали на ее дом, убили шесть мужчин, и, отняв у нее ребенка, перерезали ему горло. «Все это происходило в присутствии С.Лалаева». Женщина по имени Наргиз свидетельствовала, как она бросилась в ноги Лалаева с просьбой убить ее и пощадить ее брата и двух его сыновей. «Он ответил, что убьет их, и ударил меня кулаком в грудь. Обвиняемый затем убил моего брата из ружья, также и его сыновей. Последние были убиты выстрелом в сердце. Я при этом присутствовала». Другая женщина по имени Кубра также узнала «обвиняемого, находящегося здесь перед Вами» и признала «его тем человеком, который ехал верхом на лошади в сопровождении около 100 вооруженных армян. Был он в солдатской форме. Обвиняемый приказал убить моего мужа, и он тут же был застрелен насмерть одним солдатом». «Я своими глазами видела, как Лалаев, которого я опознаю, заколол одного из моих братьев штыком», - свидетельствовала женщина по имени Ковхар. Как следует из протоколов, С.Лалаев молча слушал эти показания и лишь в двух случаях задал вопросы: «Как я был одет?», «Какая была на мне шляпа?» и «На какой лошади я ехал?», на которые последовали ответы свидетелей: «В солдатской форме», «Вы были одеты также, как другие», «На серой». (47)

Бакинский губернатор, Министерство юстиции почти ежедневно представляли комиссару Полиции союзных держав полковнику Коккерелю списки свидетелей по делу Степана Лалаева, которые желали давать показания. (48) Англичане, взявшиеся лично разобраться в деле Степана Лалаева, видимо, совсем утонули в бумагах, и через два месяца, в середине февраля 1919 года, известили министра юстиции Азербайджана и прокурора окружного суда о том, что «вследствие технических трудностей, связанных с разбором дела Степана Лалаева, Союзным военным судом, в число коих входит приглашение свидетелей посредством местных властей, расспрос их на языках, с которыми судьи не знакомы, длительностью процедуры суда при подобном повторном изложении показаний свидетелей и прочее, главнокомандующий союзными войсками в Баку решил передать названного офицера на суд местных властей». (49)

Вскоре документы, собранные Союзным военным судом по делу С.Лалаева, так и сам подсудимый были переданы судебным органам Азербайджана, которые, не прекращая своего расследования, уже в январе 1919 г. приступили к производству предварительного следствия. Содержащийся в Бакинской тюрьме Степан Лалаев после жалобы, якобы, о готовящемся покушении на его жизнь (в связи с чем было проведено отдельное расследование) был отправлен в Гянджу и посажен в Гянджинскую тюрьму, а его дело было поручено судебным следователям по наиболее важным делам - сначала Тумбиллю, затем Комаровскому и Рожанскому. Вновь были допрошены свидетели - как бакинцы, так и шемахинцы для подтверждения своих прежних показаний против С.Лалаева. Член ЧСК Новацкий несколько раз допрашивал самого С.Лалаева в Гяндже, который, конечно же, не признавал себя виновным в предъявленных ему обвинениях, в том числе и в преступлениях, содеянных в Шемахе. Он утверждал, что прибыл туда позже, когда город был в огне, что никакого отношения к отряду Амирова он не имел, напротив, якобы, по приказанию «большевистских комиссаров» Казарова, Амазаспа, Татевоса Амирова и Корганова армяне взорвали его собственный дом! А он в это время, также как в Баку, спасал шемахинцев-мусульман, а затем уже лежал больным. (50)

Неоднократные допросы С.Лалаева в Гянджинской тюрьме, начиная с сентября 1919 г., вероятно, были связаны с тем, что он настаивал на своей невинности, требовал допроса его свидетелей и, конечно же, освобождения. После каждого допроса обвиняемого член ЧСК Новацкий выносил постановление об избрании «мерой пресечения способов уклоняться от следствия и суда против названного обвиняемого Степана Лалаева избрать безусловное содержание под стражей в Гянджинской тюрьме». (51)

Здесь следует подчеркнуть, что не только С.Лалаев, но и другие обвиняемые по Бакинским и Шемахинским событиям, как и их родственники, заваливали не только следователей, но и азербайджанское правительство и английское командование прошениями, заявлениями, жалобами. Не добившись «снисхождения» таким путем, они просили освободить их под залог или под надзор полиции. Рассмотрев эти прошения, ЧСК иногда считала возможным удовлетворить некоторые из них, определив разные суммы залога. Вместе с тем большинство арестованных, чьи преступления подтверждались неопровержимыми доказательствами, в том числе С.Лалаев, содержались под стражей в Гянджинской тюрьме, ожидая окончания следствия и вынесения приговора.

К чести членов ЧСК и следователей по особо важным делам, которые, невзирая на многочисленные трудности и препятствия, к середине ноября 1919 года, почти завершили следственное дело «О разгроме города Баку», в котором Степан Лалаев значился в числе обвиняемых. А за четыре месяца до этого - 12 июля 1919 г. Шемахинская группа членов ЧСК под председательством А.б.Хасмамедова, «рассмотрев дело о разгроме города Шемаха и насилиях, совершенных над мусульманским населением этого города», в связи с докла-

дом по этому делу члена Комиссии Новацкого, вынесла постановление, согласно которому 47 человек «достаточно изобличались в том, что вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной и племенной к мусульманскому населению, действуя по предварительному соглашению между собой и совокупными силами, составили шайку из нескольких тысяч человек, вооруженных пушками, пулеметами, ружьями, револьверами и кинжалами, которая, поставив своей целью истребление мусульманского населения, похищение и уничтожение его имущества, 18 марта 1918 года на рассвете, напав на мусульманскую часть города Шемаха и громя ее в течение нескольких дней, 1. Убила несколько тысяч жителей мусульман - мужчин, женщин и детей, причем убийства эти сопровождалась особенными жестокостями, как-то, отрубанием конечностей, ушей, носов, выкалыванием глаз, вспарыванием животов и т.п.;

2. Похитила разного движимого имущества более чем на один миллиард рублей; и

3. Уничтожила посредством поджога всю мусульманскую часть города, между прочим тринадцать мечетей, а потому, на основании 396 ст. Уст. Угол. Суд., постановлением правительства Азербайджанской Республики от 21 марта 1919 года и предписанием Министра юстиции от 25 июня с.г. Постановила: привлечь названных выше лиц по настоящему делу в качестве обвиняемых...». (52)

Одному из этих обвиняемых, однако, не суждено было дожидаться окончательного приговора своей участи. 22 ноября 1919 г. начальник Елисаветпольской (Гянджинской) губернской тюрьмы сообщил члену ЧСК Новацкому, что «21 ноября содержащийся в тюрьме арестант Степан Лалаев умер, как выяснил полицейско-медицинский осмотр трупа, от паралича сердца». (53)

Кроме Степана Лалаева, среди обвиняемых не только в участии, но и в организации и управлении мусульманскими погромами в Шемахе из коренных его жителей были «почтенные граждане» этого города: Гаврил Караогланов – бывший помощник Шемахинского уездного начальника, Мартирос Лазаревич Гюльбандов – бывший начальник почтово-телеграфной конторы в г. Шемахе, Михаил Петрович Арзуманов (Арзуманянц) – владелец аптекарского магазина, попечитель и ктитор армянской церкви в Шемахе и Енок Агаджанович Иванов-владелец галантерейного магазина в г.Шемахе. Все они состояли гласными Шемахинской городской думы, принимали самое активное участие в жизни города и, как выяснилось позже, в осуществлении далеко идущих планов - «очищения его от всего мусульманского населения». Все они изобличались в перечисленных выше преступлениях показаниями десятков свидетелей, притом не только мусульман, но и русских жителей г. Шемахи, которые приводились в предыдущих частях. Однако никого из них в период работы Комиссии в Шемахе не оказалось, и Новацкому пришлось объявить их в розыск. Очень скоро выяснилось, что перед наступлением турок в Шемаху Гаврил Караогланов выехал в гор. Астрахань, а все остальные «по-

четные граждане» Шемахи преспокойно проживают в г.Баку. Все они были разысканы в Баку и вначале привлеклись к следствию как свидетели по делу зверски убитого известного представителя мусульманского общества Шемахи Халаф бека Меликбекова. Ни М.Гюльбандов, ни М.Арзуманов, якобы, ничего по этому делу не знали, «так как в день первого наступления большевиков в Шемаху» сразу же выехали из города» (что опровергалось следствием) и, следовательно, никаких сведений против обвиняемых в этом убийстве Магакелова и Шабанова сообщить не могли. (54)

20 августа 1919 г. начальник Бакинской сыскной полиции по требованию члена ЧСК Новацкого в магазине Е.Иванова (Иванянца) на Телефонной улице (в доме Лютеранской церкви) задержал как самого хозяина, так и находившихся там Мартироса Гюльбандова и Михаила Арзуманова, заключил их под стражу в Бакинскую центральную тюрьму № 1 для отправки с первым же подходящим этапом в Гянджинскую тюрьму.

Через 3 дня Бакинский Армянский Национальный Совет, проявив присущую им как всегда оперативность, обратился к министру юстиции, сочтя арест указанных лиц недоразумением, «принимая во внимание возраст и положение арестованных». Подчеркивая занимаемые ими ранее должности и положение в Шемахе, Армянский Национальный Совет возмущался, что «эти почтенные люди зрелых лет» содержатся «в Бакинской тюрьме в самых невыносимых условиях» и что по поступающим им сведениям, «арестанты-каторжники под страхом убийства шантажируют их». Совет просил министра юстиции «сделать зависящее распоряжение об освобождении их, если не за подпиской о невыезде, то, по крайней мере, на поруки». (55)

По-видимому, это было не последнее обращение Армянского Совета к следственным и правительственным органам Азербайджана, так как вскоре председатель ЧСК А.Хасмамедов телеграфом вызвал Новацкого из Гянджи в Баку, объяснив это необходимостью допросить обвиняемых Гюльбандова и других. Ни М.Л.Гюльбандов, 56 лет, армянин, по званию «надворный советник», ни М.П.Арзуманов, 65 лет, армянин, мещанин по званию, ни Е.О.Иванов (Иванянц), 50 лет, армянин, мещанин, естественно, себя виновными в предъявленных им обвинениях не признали. Они категорически отрицали свое участие в вооруженных нападениях на мусульман, аргументируя это тем, что у одного из них «плохое зрение», а другой «просто не умеет стрелять», обвиняли мусульманское население в начале межнациональных столкновений в Шемахе. Всю вину за разгром города и истребление мусульманских жителей возлагали на «большевиков», описывали известные события по своему разумению и, выдавая себя за защитников мусульманского населения, приводили примеры, как они «спасали» своих знакомых мусульман, и за это чуть не были «убиты» или же «наказаны» некоторыми своими соплеменниками. (56)

Вместе с тем, как бы они не старались выгородить себя и придать Шемахинским событиям совершенно другую окраску, из описанных ими отдель-

ных эпизодов вырисовывалась истинная картина происходивших в Шемахе кровавых событий. Так, М.Гюльбандов показывал: «В доме Лалаева армянские солдаты, а также русские и молokane оскорбляли бывшего члена Государственной Думы Мамед Таги Алиева. Я заступился за него. Тогда солдат матрасинец Рафаэл Громов, будучи пьян, нанес мне удар прикладом ружья, выругал меня и вытолкнул оттуда». (57) Хотя для подтверждения этого обстоятельства, т. е. своего заступничества, кого-либо из очевидцев он назвать не мог, но упоминанием факта оскорбления Мамед Таги Алиева в доме Лалаева вносил ясность в обстоятельства зверского убийства армянами этого известного мусульманского деятеля.

Как уже отмечалось, ЧСК в отдельных случаях считала возможным «отдать обвиняемых под залог с денежной ответственностью». Так, учитывая положение как самих обвиняемых, так и их просителей-залогодателей, в середине октября 1919 г. М.Арзуманов и Е.Иванянц были отпущены под залог, который был определен в размере 15000 рублей. (58)

Однако не во всех случаях ЧСК удовлетворяла прошения обвиняемых или их родственников. Примером может служить следственное дело о разбойном нападении и убийстве одного из самых состоятельных и авторитетных жителей Шемахи, представителя старого знатного бекского рода Меликбековых - Халаф бека, по которому были привлечены к ответственности Сатрак Шабанов и Агабек Магакелов. Убийство Халаф бека Меликбекова, его брата Мамед Гусейн бека Меликбекова и нескольких других известных мусульман, разграбление всего его имущества и поджог его дома считалось одним из самых зверских и кровавых событий в числе других преступлений в Шемахе, совершенных во время первого наступления армян.

Принимая активное участие в заключении перемирия между армянами и азербайджанцами после начавшихся с 14 марта 1918 г. вооруженных столкновений, Халаф бек Меликбеков успокоился и отказался переехать в свое имение в селение Текле, где в это время жил его старший сын, специально приехавший вывезти родителей из города. Когда армяне, нарушив перемирие, напали на Шемаху, Халаф бек, живущий в своем богатом доме, расположенном в армянской части города, в целях безопасности переехал вместе с женой в дом своих хороших знакомых - братьев Насруллы бека и Алескер бека Алиевых, чтобы «вместе пережить тревожное время». На следующий день его жена Сааб ханум «в сопровождении своего знакомого армянина Самвела Долиева» (также обвиненного в Шемахинских погромах) перенесла из своего дома сундук со всеми семейными реликвиями, фамильными драгоценностями (среди них золотой мужской пояс с надписью «Искендер бек Халаф бек оглы»), золотом, деньгами (золотыми николаевскими и турецкими лирами) и т.д., всего на сумму 300.000 рублей, в дом братьев Алиевых, где собрались и другие знатные люди Шемахи с женами. Через несколько часов в дом Алиевых ворвались около 20 вооруженных армян, которыми руководили братья Агабек и Бабаджан Магакеловы, Сатрак Шабанов, Алексей Минаса-

зов, и несколько армян-шемахинцев, известных хозяину дома и его гостям. Халаф бек и Мамед Гусейн бек Меликбековы были насильно выведены этими армянами на улицу, с них сняли одежду, и «дали по ним залп. Затем разъяренная толпа бросилась добивать несчастных кинжалами». Все это видели из окон дома жена Халаф бека и один из братьев Алиевых - Алескер бек, который услышав «предсмертные крики братьев Меликбековых, раздавшихся после произведенных по ним выстрелов», успел вывести всех женщин через черный ход из дома на улицу, а затем спрятать в доме армянского епископа Баграта. Оставшиеся в доме Алиевых все другие мужчины были убиты армянами на следующий день. Армянские бандиты разграбили дом как братьев Алиевых, забрав сундук с драгоценностями и деньгами Халаф бека Меликбекова, а также его собственный дом, который затем сожгли дотла. (59)

Следствие по этому делу было возбуждено по обращению второго сына Халаф бека, Искендер бека Меликбекова, штаб-ротмистра 1-го Татарского конного полка, который поименно называл преступников, убивших его отца и укравших все его имущество, и велось Бакинской сыскной полицией. Как выяснилось в результате первичного расследования, один из нападавших на Х.Меликбекова, Бабаджан Магакелов был убит во время сентябрьских событий, остальные, в частности Сатрак Шабанов и Агабек Магакелов спокойно проживали со своими семьями в Баку. Проведя обыск в квартире последних и обнаружив несколько вещей, похищенных из дома Х.Меликбекова, начальник Бакинской сыскной полиции Фаталибеков в тот же день взял С.Шабанова и А.Магакелова под стражу, допросил несколько свидетелей по этому делу, которые подтвердили их участие в убийстве Х.Меликбекова. Сами задержанные не отрицали своего присутствия на месте преступления, которое, якобы ограничивалось «лишь наблюдением». Вместе с тем, А.Магакелов, со слов своей знакомой жительницы Шемахи-армянки, ныне проживающей в Москве, указывал на Сатрака Шабанова, как одного из лиц, громивших дом Меликбекова после его убийства. (60)

Когда ЧСК приступила к расследованию Шемахинских событий, следственное дело по убийству Х.б.Меликбекова вместе с вещественными доказательствами и самими арестованными было передано для дальнейшего производства Новацкому. Переправив арестованных в Геокчайскую тюрьму, допросив несколько раз как самих обвиняемых, так и свидетелей, а также устроив очные ставки, в том числе с участием потерпевшей – жены Х.б.Меликбекова, которая в числе 20-ти арестантов опознала С.Шабанова и А.Магакелова, Новацкий 10 сентября 1919 года вынес постановление об оставлении под стражей обвиняемых, полностью изобличенных в нескольких преступлениях, в том числе в убийстве Халаф бека Меликбекова и похищении его имущества. Ни Сатрак Амбарсумович Шабанов – 27 лет, армянин, крестьянин по званию и лавочник по занятию, бывший солдат Российской армии, воевавший на западном фронте, ни Агабек Артамонович Магакелов, 49 лет, армянин, крестьянин и лавочник, не признавали себя виновными в предъявленных им обвинениях. Они настаивали: первый на

том, что он, будучи в городе, не принимал никакого участия в мусульманских погромах, учиненных «со стороны армян и большевиков», и покинул Шемаху перед наступлением «карапахов», т. е. гянджинского отряда Исмаил хана Зиадханова, прибывшего на помощь Шемахинским мусульманам. А второй – в том, что, «не получив вооружения, не принимал участия на стороне армян и большевиков». Оба они, описывая разные случаи, старались выдать себя за заступников мусульман, однако все эти факты при проверке не подтверждались.(61)

По ходу всего расследования как сами обвиняемые, так и их родственники засыпали следственные органы, Новацкого, Министерство юстиции, азербайджанское правительство письмами и прошениями, в которых настаивали на своей невинности, жаловались на условия содержания в тюрьме, отсутствие денег, просили допросить все новых и новых свидетелей, розыск которых, особенно в Баку, без точного знания имени или фамилии, доставлял следователям массу трудностей, к тому же многие из допрошенных вовсе не подтверждали доводы обвиняемых. Их родственники, особенно мать С.Шабанова и жена А.Магакелова почти еженедельно обращались в самые разные инстанции, утверждая, что их близких оговорили враги, что они больные люди, на попечении которых находятся семьи, оставшиеся ныне без кормильца, что они содержатся в Геокчайской тюрьме, где у них нет родных, и просили либо освободить их из-под стражи, или же отпустить под залог впредь до слушания дела в суде. Видимо, с такими же прошениями они неоднократно обращались в разные армянские комитеты и организации, поскольку за этих оголтелых бандитов, вина которых доказывалось не только по делу Х.б.Меликбекова, но и по многим другим кровавым преступлениям, совершенных в дни мартовских событий в Шемахе, вступилась даже Армянская народная фракция азербайджанского парламента. (62) Однако ЧСК была тверда в своем намерении наказать виновных, особенно уличенных в особо тяжких преступлениях, по всей строгости закона и категорически отказала во всех просьбах и ходатайствах «об отпуске под залог» С.Шабанова и А.Магакелова. (63)

Следует подчеркнуть, одним из доводов, часто используемых как армянами, так и молоканами в свое оправдание, служило обвинение пострадавших мусульман в лжесвидетельстве, которые по тем или иным причинам, якобы оговаривали их. Обвинения эти, как правило, не находили своего подтверждения, не считая отдельных сомневающихся или обознавшихся свидетелей, показания которых не принимались в счет Комиссией. Однако, в одном случае эпизод с показаниями пострадавших-мусульман неожиданно принял иной оборот и привел к раскрытию новых обстоятельств дела. Так, 28 июля 1919 г. к приставу гор. Шемахи Ахундову явился житель этого города Вагид Мешади Хасай оглы, который заявил, что сегодня на базаре в одном из торговцев-армян опознал убийцу своего отца и других его попутчиков по дороге, когда все они бежали в Кюрдамир во время шемахинских событий. Неизвестным

армянином оказался Агабек Христофорович Лалаев, 67 летний житель г. Шемахи, вдовец, отец четверых детей и один из родственников небезызвестного Степана Лалаева. Во время дознания А.Лалаев объяснил, что во время мартовских событий он находился в сел. Кызмайдан (Астраханки), отца заявителя не убивал, и почему последний его обвиняет, не знает. (64)

А.Лалаев был задержан и передан А.Новацкому, который подробно допросив Вагида Мешади Хасай оглы, опознавшего также среди вещей А.Лалаева свой хурджун, выдвинул против него обвинение. Во время допроса уже в качестве обвиняемого Агабек Лалаев вновь не признал себя виновным, показал, что 18 марта 1918 г., когда начался обстрел г.Шемахи он со своими дочерьми пешком отправился в сел. Астраханки, поселился в доме молоканина Волкова, на третий день заболел тифом, лечился у местного фельдшера-армянина по кличке «Трус», которые могут подтвердить его показания. Что касается обвинения, то А.Лалаев считал, что заявитель оговорил его по наущению своего знакомого Ага Мамеда Гаджи Габиб оглы, который мстил ему из-за дочери А.Лалаева, на которую Ага Мамед имел виды, а отец препятствовал этому. (65)

Новацкий, не ограничиваясь показаниями одного заявителя, допросил еще нескольких шемахинцев-мусульман, ставших очевидцами опознания Вагидом в А.Лалаеве убийцы своего отца, хотя до этого им не было известно, что его отца убили. Был допрошен также Ага Мамед Гаджи Габиб оглы, 36 лет, который отрицал факт увоза им дочери А.Лалаева. Однако, один из свидетелей - Ирза Кули Али Мурад оглы, также не знавший где, кем и когда был убит отец заявителя, сообщил следствию новые факты, подтверждающие участие Агабека Лалаева в погромах во время первого нападения армян на Шемаху. Свидетель утверждал, что знал ранее Агабека Лалаева и лично видел, как он, вооруженный ружьем, вместе со Степаном Лалаевым и М.Гюльбандовым поджигали дома в мусульманской части Шемахи «Пиран-Ширван», а спустя три дня вся эта кампания зашла в дом богатого мусульманина Мешади Магомед Ханали оглы и убила его самого и двух его сыновей. На вопрос, почему он не заявлял об этом, свидетель ответил, что «не встречал названных лиц в Шемахе, не знал, где они находятся, и никто у него не спрашивал. «Вот вы спросили, и я рассказал». (66)

Следствием были допрошены также названные А.Лалаевым свидетели, старшина Кыз-Майданского (Астраханского) общества В.А.Третьяков, жители этого селения Н.И. Волков, В.И.Наумов, а также фельдшер Теодор Петросянович Тер-Хачатуров по кличке «Трус», которые не могли назвать точные даты прибытия в селение Агабека Лалаева и его болезни, Третьякову же ничего не было известно об увозе его дочери, и толькопомощник пристава Кабристанского участка Мамед Гасан Абдуллаев при допросе внес новые подробности в эту историю, которые вполне могли бы направить его в другое русло. (67) Однако, к чести А.Новацкого, опытного юриста, который не увидел связи между пусть даже правдивой в чем-то историей и конкретными

фактами и разоблачениями. При тщательном расследовании всех показаний, особенно вновь открывшихся обстоятельств в деле Агабека Лалаева, Новацкий принял решение оставить в силе меру пресечения по отношению к обвиняемому и вскоре отправил его в Гянджинскую тюрьму. По всей видимости, сам Агабек Лалаев также смирился со своей участью, и в письме, направленном 5 сентября 1919 г. из гянджинской тюрьмы на имя Новацкого, «докладал Его Превосходительству» о том, что с его арестом «4 малолетних детей лишились единственного кормильца и защитника», «покорнейше просил найти возможным избрать в отношении его мерою пресечения уклонения от следствия и суда поруки или же денежный залог, тем более, что он оседлый житель, домо- и усадьба-хозяин и собственник земли». (68) В просьбе Агабеку Лалаеву было отказано, и 26 ноября 1919 года арестанты Гянджинской тюрьмы А.Х.Лалаев, Д. А.Авшаров, С. А. Шабанянц и А.А. Мегакелов согласно решения председателя ЧСК были переданы прокурору азербайджанской Судебной палаты для дальнейшего содержания под стражей.

В производстве А.Новацкого было несколько отдельных следственных дел с известными и уже арестованными виновниками как по событиям в городе Шемахе, так и в селениях уезда. Наиболее же крупным среди них как по объему работ, так и по числу обвиняемых являлось дело о разгроме селения Ангехаран, судьба жителей которого оказалась особенно трагической. Дело это выделялось еще и тем обстоятельством, что, находящееся всего в 3-4 верстах от Шемахи селение Ангехаран подверглось нападению не со стороны армян и большевиков, а молокан из селений Чухур-Юрт, Джебани-русские, Марьевки и Астраханки Шемахинского уезда.

Помимо допрошенных Новацким потерпевших жителей сел. Ангехаран, и подготовленных сельским обществом списков об убитых, раненых и приговоренных о нанесенных селению убытках, были начаты несколько следственных дел на основании прошений отдельных ангехаранцев, назвавших имена непосредственных виновных в убийстве их близких, нападении на их дома и в грабеже их имущества. В итоге материалы, собранные членом ЧСК Новацким и следователем Шемахинского следственного отдела по разгрому сел. Ангехаран составили три тома.

Завершив расследование, 13 июля 1919 г. ЧСК под председательством А.б.Хасмамедова на основе доклада члена Комиссии Новацкого, а также приняв во внимание показания потерпевших и протокол осмотра сел. Ангехаран, вынесла постановление, согласно которому 27 человек, молокане – жители молоканской деревни Чухур-Юрт, 5 чел. жит. сел. Джебаны-русские, и 4 чел. жит. сел. Марьевки, «достаточно изобличались в том, что вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной и племенной к мусульманскому населению, действуя по предварительному между собой соглашению и с другими, следствием пока не обнаруженными лицами и совокупными силами, они составили шайку из нескольких сот человек, вооруженных огнестрельным и холодным оружием, которая, поставив своей целью истреб-

ление мусульманского населения, похищение и уничтожение его имущества, 18 марта 1918 года на рассвете, напав на мусульманское селение Ангехаран Шемахинского уезда и громя его в течении целого дня:

1. Убила до 200 человек мусульман - мужчин, женщин и детей, причем убийства эти сопровождались особенными жестокостями, как- то, расстрелами в ряд по несколько человек, отрубанием конечностей, ушей, носов, выкалыванием глаз и т.п.;

2. Похитила у населения все движимое имущество, состоявшее из домашней обстановки, ковров, постели, посуды и проч., а также похитила весь крупный и мелкий скот;

3. Путем поджога уничтожила все селение с приходской мечетью, - привлекались к ответственности...». (69)

В числе обвиняемых и задержанных молокан селения Чухур-Юрт было все семейство Половинкиных, состоящих между собой в родстве: отец и сын, братья, дядя и племянники. Самому младшему из них было 32 г., самому старшему -64 г. Что двигало этими, уже достаточно взрослыми людьми, совершившими столь чудовищные преступления против своих мусульманских соседей, которые никогда с ними не конфликтовали, напротив, поддерживали самые теплые, близкие отношения, торговали, помогали друг другу, работали вместе? Этот вопрос уже рассматривался в предыдущих главах. Но, именно эти близкие отношения сыграли с молоканами «злую шутку», поскольку оставшиеся в живых жители Ангехарана называли по именам всех нападавших и подробно описывали их злодеяния. Арестованные молокане, естественно, также как и армяне, не признавали себя виновными в предъявленных им обвинениях. Однако, не обладая изворотливым умом и умением искусно сочинять небылицы, как армяне, не находили ничего лучшего в свое оправдание кроме как дежурных отговорок, вроде «болел лихорадкой» или «не отлучался из деревни». (70)

Лишь один из Половинкиных, Яков Иванович, отличился «оригинальностью»: он знал, что будет разгром селения Ангехаран, был против, но один ничего не мог сделать, и чтобы не быть очевидцем этого насилия, бежал в местность «Улдуз» (где его никто не видел), пробыл там до вечера и только вечером вернулся в Чухур-Юрт, где узнал о случившемся. Кто громял мусульманское селение он, конечно же, не знал. (71)

Некоторые жители Чухур-Юрта, утверждали, что возили в этот день саман или пшеницу в армянское селение Матрасы, и называли имена армян, которые могли бы это подтвердить, что само по себе уже не вызывало доверия, поскольку всем было известно, что это армянское селение служило штабом всех армянских вооруженных сил. Остальные молокане искали свидетелей среди своих и, поддержанные односельчанами, поставляли толпами свидетелей, которые «действительно видели» обвиняемых в день разгрома Ангехарана или у себя дома, или же в разных местах своего селения, к тому же в одно и то же время. Следствию было очевидно, что большинство свидетелей

дают лживые показания, и эти сомнения скоро подтвердились следующим обстоятельством: 31 июля 1919 г. пристав Матрасинского участка Шемахинского уезда передал Новацкому записку, которую стражник тюрьмы, в которой содержались арестованные молокане, отобрал у Алексея Алексеевича Половинкина при передаче ее «секретным образом какому-то молоканину». В записке, приобщенной к делу как вещественное доказательство, говорилось: «Дуня и Анюта, я, Алексей, поставил двух свидетелей, Давида Ивановича Свихнушкина, который должен показать, что он меня позвал к себе в дом, у него была больная девочка, и он меня позвал как опытного человека в этот самый день, когда громили Ангехаран, и я пробыл у него часа 3, а Петр Романович, тоже пусть покажет, что я все время был дома. Иван поставил Филиппа Сафоновича, он покажет, что был у Ивана, и он был нездоров лихорадкой. Петро М. Юрин пусть покажет, что он видел меня дома. Готовьте денег по две тысячи рублей, сохраняйте по возможности в секрете. А.А.Половинкин». (72)

Здесь следует подчеркнуть, что некоторые молокане пытались, правда, весьма робко, свалить вину за разгром Ангехарана на армян, однако эта версия быстро была опровергнута пострадавшими мусульманами. Лишь в одном случае обвиняемый Н.Б.Половинкин показал, что организатором разгрома сел. Ангехаран был бывший учитель селения Джебани-русские Артамонов, который разыскивался ЧСК. (73)

Следственные дела по «разгрому селения Ангехаран» свидетельствуют, какую огромную работу провел А.Ф.Новацкий по розыску и установлению личности виновных в ангехаранских погромах. В особенности для доказательства их вины, тем более в условиях, когда все молоканское население стеной стояло друг за друга, уклонялось от допросов, к тому же рассматривая следствие, проводимое ЧСК в целом, как «нарушение» прав русского молоканского населения. Как следует из переписки А.Новацкого, Шемахинского уездного начальника и пристава Матрасинского участка, большинство обвиняемых молокан, которые не были сразу арестованы, уклонялись от добровольной явки к следователю и с оружием в руках скрывались в лесах. Об этом как крайне серьезном факте было доложено даже министру юстиции, о чем свидетельствует письмо председателя ЧСК А.б.Хасмамедова: «Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий из Шемахи рапортом от 11 августа 1919 г. № 48 сообщает, что «обвиняемые молокане больше к допросу не приводятся, и что, по сообщению Шемахинского уездного Начальника, они вооружились и ушли в леса. А Общество отказывалось выдать их и что в сел. Чухур-Юрт выехал 11-го Августа помощник Губернатора Халфали бек Кафаров». (74)

Когда же Матрасинский пристав обратился с требованием к почетным лицам Чухур-Юртского общества выдать или дать «сведения о месте скрывательства требуемых молокан», то получил ответ: «раз Правительство из-за 8

человек намерено громить наше общество, то пусть громит, все равно один раз нам умирать». (75)

Ответ этот, как и множество других документов, показывает, какие препятствия приходилось преодолевать не только следователям ЧСК на местах, но и руководству Комиссии и Министерству юстиции в целом в Баку, для привлечения к ответственности виновных за мартовские погромы в Баку и Шемахе. Так, азербайджанское правительство, азербайджанский парламент, разные русские организации и газеты были завалены прошениями и жалобами молокан на действия ЧСК, «безвинно» арестовывающих целыми «партиями русских людей». Направляя все эти жалобы и ходатайства А.Ф.Новацкому, председатель ЧСК А.б.Хасмамедов полагал, что «от обвиняемых, против коих не добыто новых данных, может быть затребован залог в виде меры пресечения в размере 5 тысяч руб. за каждого», при этом напоминая, «что член Комиссии должен поступать по закону и совести, сообразно с обстоятельствами и данными дела». (76)

Однако, через неделю в Шемаху на имя Новацкого поступила уже телеграмма: «Половинкины просят освобождения. Обсудите, в случае возможности удовлетворите залогом, объявите родственникам». (77) Ответом послужило постановление, принятое членом ЧСК Новацким, который, «имея в виду телеграмму Председателя Комиссии Алекпер бека Хасмамедова от 19 августа с.г. и принимая во внимание, что хотя все допрошенные обвиняемые и содержащиеся под стражей в достаточной степени уличаются в предъявленном им обвинении, но что некоторые из них, именно: Борис Иванович Половинкин, Алексей Алексеевич Половинкин, Алексей Осипович Половинкин, Иван Алексеевич Половинкин и Семен Иванович Половинкин во время разгрома сел. Ангехаран проявляли менее жестокости и зверства, чем обвиняемые Василий Борисович Половинкин, Яков Половинкин, Ефим Черкасов и Василий Юрин, что названные Борис, Алексей, Иван и Семен Половинкины имеют оседлость, хозяйство и недвижимость, что они занимаются хлебопашеством, которое постоянно требует рабочих рук, что нет основания, чтобы они скрылись и уклонялись от суда и следствия, и что в обеспечение их явки вполне достаточным является денежный залог», постановил «потребовать от них денежный залог в размере десяти тысяч рублей за каждого, отменив принятую против них меру – содержание под стражей». (78)

В следственном деле «О разгроме сел. Ангехаран» имеются десятки квитанций об уплате залогов близкими за арестованных молокан, которые были отпущены под залог. Хотя А.Ф.Новацкий был достаточно скрупулезен в отношении каждого из обвиняемых, тем не менее, время от времени отпускались под залог на различные суммы даже такие одиозные фигуры, как Ефим Николаевич Черкасов, Яков Иванович Половинкин и др., - представители местной большевистской власти при Бакинском Совете, лично руководившие ангехаранскими погромами. Вместе с тем, жалобы не прекращались. Протесты направлялись уже лично против А.Ф.Новацкого. Так, на имя члена азер-

байджанского парламента Захарьина была подана жалоба от некоторых жителей молоканского селения Хильмили, в которой выражалась просьба защитить их от «вымогательства и насилия, чинимых администрацией уезда и злоупотреблений должностных лиц...». Под этими обвинениями подразумевались вызов отдельных жителей Хильмили к следователю Новацкому, допрос и очная ставка с потерпевшими-мусульманами, которые, как правило, узнавали в них погромщиков. Ознанным лицам, привлеченным к следствию в качестве обвиняемых, после определенной процедуры дознания (в числе нескольких человек), предлагалось внести залог в качестве меры уклонения от следствия и суда, вместо ареста, что и вызывало «возмущение» заявителей. Как уже отмечалось выше, ни один из привлеченных ЧСК к следствию молокан не признавал себя виновным, о чем говорилось и в заявлении хильмилиейцев, которые, не отрицая факты разгрома мусульманских селений, винили в них большевиков, ибо сами они «по религиозным побуждениям совершать грабежи и убийства» не могли, доказательством чего приводилось то обстоятельство, что «во время занятия Шемахинского уезда турецкими войсками, когда армянское население бежало и бросило свое имущество в нашем селении, таковое нами было собрано и доставлено в распоряжение Шемахинского уездного начальника, и ни у кого из нас чужого имущества не было и не имеется». (79)

Об участии молокан Шемахинского уезда, в частности жителей сел. Хильмили в разгромах мусульманских селений говорилось в предыдущих главах, и это обстоятельство подтверждалось неоспоримыми фактами в ходе следствия, проводимого ЧСК. Таким образом, в этой части жалоба молоканских жителей не вызывала вопросов не только у азербайджанских властей, но даже у представителей русских организаций. А доводы о сохранности имущества армянского населения молоканами и передачи его Шемахинским властям, хотя и не находили своего подтверждения ни в каких других документах, все равно не выдерживали никакой критики перед многочисленными фактами нахождения ограбленного имущества и скота мусульман у молоканских жителей. Тем не менее, жалобы на «вымогательство и злоупотребление», вследствие чего «русское население в буквальном смысле слова превращалось в нищих», отправлялись во все возможные адреса, начиная от прокурора Бакинского окружного суда, Русского Национального Совета и до газеты «Голос России», опубликовавшей одну из них в номере от 8 ноября 1919 г. Следует отметить, что еще до появления этой газетной публикации, Бакинским окружным судом было начато расследование для выяснения, «о каких властях идет речь, кто посылает стражников за крестьянами с именными списками последних, кто и по какому делу отбирает деньги для удовлетворения потерпевших». (80)

Не останавливаясь подробно на расследовании этих жалоб, произведенном товарищем прокурора Дробышевским, ограничимся лишь результатом его, поскольку выяснилось, что все лица, подписавшие эти заявления от имени

жителей сел. Хильмили, от него отказались, заявив, что они были введены в заблуждение, поскольку давшие им подписать эту жалобу, говорили, что собирают подписи под коллективным прошением о возврате их односельцами залогов, внесенных ими за привлеченных в качестве обвиняемых по делу разгрома селений Шемахинского уезда, что «жалобу на следственную власть за вымогательство с них денег они никогда никому не приносили и не собираются приносить, так как такое вымогательство места никогда не имело». (81)

Расследованием было выяснено, что дело о разгроме селений Шемахинского уезда в марте 1918 г. велось членом Следственной Комиссии А.Ф.Новацким, им по этому делу было привлечено около 37 человек из селения Хильмили, против всех хильмилийцев мерой пресечения был избран залог, который вносился самими хильмилийцами в Казначейство. В документе, подписанном прокурором Бакинского окружного суда, также указывалось, что «будучи кляузным народом по природе, хильмилинцы создали настоящую жалобу, думая добиться изменения меры пресечения, принятой против них, и получить обратно представленный ими залог. Ни о каких неправильных действиях, тем более злоупотреблениях члена Ревизионной Следственной Комиссии А.Ф.Новацкого никто из хильмилийцев заявить не мог». (82)

Впрочем, в деле по расследованию жалобы хильмилийских молокан имеется ряд интересных документов, допросы и подписки каждого из подписантов жалобы с разъяснением сути дела, в том числе и обстоятельный доклад старшего помощника Шемахинского уездного начальника Имран бека Рустамбекова, в котором он подчеркивает, что со стороны хильмилийцев не было ни одной жалобы на Новацкого, «наоборот, они называли Новацкого «отцом родным» и при отъезде поднесли ему калач как знак особого уважения и расположения их». (83)

Следует отметить, что у шемахинских молокан было полное основание уважать А.Ф.Новацкого, так как среди документов ЧСК есть множество доказательств тому, насколько внимательно и скрупулезно он относился к заявлениям не только потерпевших, но и всех тех, на кого они показывали. Нередки были случаи, когда следователь не удовлетворял жалобы мусульман, находя их недостаточно правдивыми или точными, как, например, в случае с Гавриилом Токаревым, Григорием Ованесовым и т.д. (84)

В этом отношении заключение, данное в окладе по Шемахинским событиям А.Ф.Новацким, поляком по национальности, одним из самых опытных юристов среди членов ЧСК, честность и справедливость которого ни у кого не вызывали сомнений, можно считать результатом, в первую очередь, глубоко и всесторонне расследованных фактов и обстоятельств: «банды, громившие Шемаху, были воодушевлены одной идеей: убивать и грабить, грабить и убивать». (85)

Не такого рода ли заключения, полученные ЧСК в ходе своих расследований, став достоянием всего азербайджанского общества, вызывали тревогу и негодование у представителей армянской и русской общественности и прес-

сы, пользующихся каждой возможностью, как в случае с жалобой хильмилийцев, выражать протесты против деятельности ЧСК, и в целом против азербайджанского правосудия. Так, в августе 1919 г. парламентская фракция «Дашнакцутюн» в азербайджанском парламенте выступила с осуждением деятельности Чрезвычайной Следственной Комиссии, обвиняя ее и Министерство юстиции республики в незаконных действиях. Пытаясь оценить также работу этой комиссии якобы с моральной точки зрения, она с присущей армянам циничностью заявляла: «Должен ли быть положен когда-либо конец всему тому, что имело место в прошлом и дало кровавый обмен массовыми жертвами в марте и сентябре? Нежелание кончить с прошлым и предать забвению его кровавые страницы является показателем того, что правительственные круги и представляемые ими общественные течения не хотят идти по пути установления действительного правопорядка и нормальной жизни, вызывая с каждым днем все новые и новые призраки прошлого, возбуждая с обеих сторон чувства мести и вражды...». (86)

Им вторили и некоторые представители местных организаций российских политических партий, стремящиеся, если и не исказить, как армяне, то как-то замаять все выступления и действия азербайджанцев вокруг этих событий. Так, газета Бакинского Комитета партии эсеров «Знамя труда», вопрошая «кому в конце концов нужно беречь сейчас еще не изжитые раны?», пыталась осудить деятельность Чрезвычайной Следственной Комиссии, правда, уже под другим предлогом: «С юридической стороны рассматривая вопрос о расследовании событий, можно указать, что лишь та государственная власть может производить расследования о событиях, на территории которой эти события произошли. В данном случае за период событий на территории Шемахинского и Геокчайского уездов не Азербайджанская Республика являлась государственной властью, а российская власть была тогда, следовательно, ей и принадлежит право производства расследования событий». (87)

К чести «правительственных кругов и представляемых ими общественных течений», шумиха, поднятая вокруг деятельности Чрезвычайной Следственной Комиссии, нисколько не повлияла на ее работу. Напротив, в Министерство юстиции и председателю ЧСК поступали от членов Комиссии отчеты и рапорты, обобщающие расследованные ими факты и свидетельства. В них говорилось о десятках тысяч загубленных и израненных судеб, миллиардных убытках, сотнях тысяч разграбленных и разрушенных домов, сожженных деревнях, уничтоженных памятниках культуры, национальных архитектурных сокровищ, школ, больниц, мечетей и т.д. Следственные дела по Шемахинскому уезду занимали чуть ли не половину всех материалов ЧСК. К тому же, несмотря за призывы «кончить с прошлым», армянские национальные силы вели огромную пропагандистско-агитационную работу как по сентябрьским событиям 1918 г. в Баку, так и по положению армянских беженцев из уездов Азербайджана, при этом ни словом не упоминая о своей роли в этих событиях.

Не менее хлопот доставляло и русское, в том числе Шемахинское молочанское население, о чем свидетельствовало письмо Бакинского губернатора министру внутренних дел республики от 15 апреля 1919 г.: «Из поступающих ко мне многочисленных жалоб и переписок видно, что молочане Шемахинского уезда усвоили чрезвычайно дерзкое и беспокойное поведение, как по отношению к местному мусульманскому населению, так и по отношению к администрации уезда. Будучи сами многочисленны и имея прекрасное вооружение, они беспокоят незащищенное мусульманское население и очевидно под руководством извне заражены реакционным, монархическим духом. Эти обстоятельства неоднократно удостоверял мне словесно уездный начальник, а ныне рапортом от 10-го апреля с.г. письменно подтверждает их, доносит о растущей тревоге среди мусульманских сел и, опасаясь крупных осложнений, находит дальнейшее исполнение им службы в Шемахинском уезде невыносимым, если не будут приняты необходимые меры». (88) Это письмо более чем ясно свидетельствовало о том, насколько утратило свою «молочную невинность» и «религиозную убежденность - не вмешиваться в политику» молочанское население, которое было заражено отнюдь не только «монархическим» духом. Как следовало из другого документа, в селение Алты-Агадж Шемахинского уезда, население, которого «почти большевики» и «при наступлении большевистских сил в Шемахе принимало самое ярое участие вместе с жителями сел. Хильмили», вновь зачастили агитаторы-большевики из Петровска, уверявшие, что «в недалеком будущем придут большевики, призывая быть готовыми». В документе также сообщалось, что в этом молочанском селении «почти в каждом доме имеется не менее 2-х ружей, и почти ежедневно ведутся перестрелки». (89)

Неслучайно необходимой мерой для недопущения осложнений положения в уезде Шемахинский уездный начальник считал разоружение молочан, для чего «силы гражданских властей были недостаточны». Докладывая о сложившейся ситуации в уезде и прилагая к своему докладу мирские приговоры четырех мусульманских селений – Бекля, Сунди, Набур и Мараза, Бакинский губернатор просил министра внутренних дел согласовать вопрос о командировании временно в Шемахе воинской части с целью разоружения молочан Шемахинского уезда с министерством обороны республики. Следует отметить, что министром ВД Н. б. Усуббековым был дан ход решению этого вопроса. (90)

Перечисленные в письме Бакинского губернатора мусульманские селения, выражавшие тревогу в связи с растущей агрессивностью молочан соседних селений, имели все основания для опасения. Все они, в количестве 110 селений Шемахинского уезда в апреле-июле 1918 г. уже были подвергнуты погромам со стороны армян и молочан. Как уже отмечалось, членами ЧСК была проведена огромная работа по расследованию фактов вооруженного нападения на мусульманские селения и насилия против их населения. Помимо допросов жителей этих селений и сбора документов с данными о понесенных

сельскими обществами человеческих и материальных убытков, членами ЧСК были открыты около двух десятков отдельных следственных дел по разным селениям Шемахинского уезда, подвергшихся погромам. Самым большим по объему среди них было следственное «дело по разгрому сел. Ангехаран», о котором уже говорилось выше. Кроме Ангехарана, в производстве Комиссии были дела по разгрому селений Багирли, Бизлан, Гягялы, Дильман, Джагирли, Каракашлы, Каравелли-Вагид-бек, Келаны Горный, Кичатан, Кубалы-Бала-Оглан, Мейниман, Мельджек, Наваги, Ньюди, Хинислы-Большие, Сунди, Падар, Пир Абюль Касум, а также два дела: «Об убийстве пяти мусульман в селении Маразы Русские Шемахинского уезда» и «Об убийстве трех мусульман Шемахинского уезда».

К сожалению, следственные дела ЧСК по разгрому селений Бизлан, Гягялы, Дильман, Каракашлы, Каравелли-Вагит-бек, Кубалы Бала-Оглан, Мельджек, Хинислы-Большие, Пир-Абдуль-Касим, Сунди и дело «Об убийстве пяти мусульман в селении Маразы Русские Шемахинского уезда» не сохранились в архивах республики. Как следует из следственных дел по селениям Багирли, Джагирли, Наваги, Ньюди, Падар, Сунди (частично) и «Об убийстве трех мусульман Шемахинского уезда», то производство предварительного следствия почти по всем этим селениям, кроме Сунди, было поручено члену ЧСК Н.М.Михайлову. Предварительным следствием по сел. Сунди занимался А.Ф. Новацкий.

Следует отметить, что все следственные дела были начаты на основании доклада члена ЧСК А.Ф.Новацкого, которым было произведено первичное расследование, т.е. допрошены потерпевшие и свидетели, на основании показаний которых выдвигались обвинения против лиц, принявших участие в погромах, названных жителями этих селений. Однако, большинство показаний в части установления виновных - конкретных личностей носили общий характер, потерпевшие, как правило, не могли называть точных фамилий нападавших, знали их в основном в лицо, редко по имени или по прозвищу. Многие свидетели признавали, что не видели нападавших вблизи или же слышали о них от других. Все это, безусловно, крайне затрудняло работу следователей, а иногда делало невозможным установления личности или поиск виновных лиц, обвиненных в преступлениях, указанных в постановлениях, составленных следователем.

Неслучайно, что следственное дело по разгрому селения Багирли, в котором было убито 80 мужчин, 150 женщин и 140 детей, а сельскому обществу причинено убытков в 12.460.000 рублей, было прекращено дальнейшим производством за необнаружением и неустановлением виновных в разгроме этих селений. (91)

Также следственное дело по разгрому селения Джагирли, дважды подвергшемся нападению со стороны молокан, потерявшем 75 своих жителей и понесшем убытков на 9.720.000 рублей, было прекращено «как в виду недостаточности улик против оговариваемых лиц, с одной стороны, так и за не об-

наружением и не установлением виновных в разгроме селения», хотя по делу проходило в качестве обвиняемых 6 жителей молоканских селений Маразы и Астраханка. (92)

Один из этих обвиняемых – Фадей Игнатович Попов, житель сел. Маразы, проходил по нескольким делам, в частности по делу разгрома сел. Коланы-Горный и по делу «убийства 3-х мусульман», не говоря уже о том, что его имя упоминалось жителями разных мусульманских селений, дававших показания. Многие крестьяне-мусульмане опознавали в Ф.И.Попове не только «разбойника, руководившего шайкой и грабившего лично», но и «известного комитетчика», т.е. представителя местной большевистской власти. Однако, по ходу следствия стало известно, что Фадей Игнатович Попов «умер в 1918 году в городе Баку, после взятия Баку турецкими войсками, труп был доставлен в сел. Маразы, где был предан земле». На основании этого факта, удостоверенного полицией, следственные дела по разгрому сел. Келаны-Горный и «по убийству трех мусульман» «для дальнейшего следствия представлялись бесцельными» и были приостановлены. (93) Не были выявлены и обвиняемые по делам разгрома селений Мейниман (убиты 22 мужчин, 16 женщин, 12 детей, ранены 6 мужчин, убытков на - 3.124.250 р.), Наваги (убиты 555 мужчин, 260 женщин, 140 детей, ранены 60 мужчин, убытков на 59.650.000 р.) и Падар (убиты 80 мужчин, 25 женщин, 15 детей, убытков на 12 миллионов р.) и следствие по настоящим делам дальнейшего производством были прекращены. (94)

Более успешно обстояло дело с расследованием по селению Кичатан, где было убито 131 житель (50 мужчин, 60 женщин и 21 ребенок, селение полностью сожжено). По этому делу были привлечены 15 человек – армяне из селений Заргаран, Кевлючь, Ингар и др. Шемахинского уезда, трое из них были арестованы ЧСК, а в отношении остальных производился розыск. Двое из арестованных - Джагангир Рустамов-Петросянц и Мкртич Будагов были привлечены к следствию также в качестве обвиняемых в тех же преступлениях по разгрому селений Пир-Абуль-Касим и Бизнан. Один из арестантов - Оган Арутюнович Татевосянц впоследствии 29 декабря 1919 г. скончался в тюрьме от дизентерии. (95)

Также из-за смерти обвиняемого, единственно установленного из числа нападавших на селение Нюгди - жителя армянского селения Керкенч Дурмуша Бахиш оглы Месропова было прекращено дело по разгрому селения Нюгди, потерявшего 80 жителей и почти полностью сожженного (из 80 домов осталось только 8). (96)

Как следует из письма прокурора бакинской Судебной палаты по делу о разгроме сел. Хинислы Большое Шемахинского уезда, следственное дело которого не сохранилось, были арестованы двое жителей- армян - Сурхай бек Хачан бек оглы Власов и Мисак Оганов. (97)

Таким образом, согласно постановлениям ЧСК около 100 человек – жителей г. Шемахи и селений Шемахинского уезда - армяне и русские (сектанты) - обвинялись по делу разгрома г. Шемаха и селений Шемахинскому уезда в

марте-июле 1918 г. (98) Часть из них Комиссии и следственным органам не удалось обнаружить в пределах республики, и розыски скрывающихся от правосудия, а также поиски лиц, чья личность пока не была установлена, продолжались. Большинство обвиняемых, привлеченных к ответственности, были отпущены под залог, чуть более десяти человек находились под арестом, и все они ждали рассмотрения своих дел в судебном порядке.

Хотя это число не охватывало и сотую часть преступников, виновных в кровопролитиях и погромах, учиненных в г. Шемахе и селениях Шемахинского уезда в течение нескольких месяцев 1918 г., тем не менее, предстоящие судебные процессы должны были означать торжество справедливости и правосудия, а также служить предостережением для повторения подобных преступлений.

Однако политическое событие, происшедшее в начале 1920 г. и ставшее особо знаменательным для Азербайджанской Республики, внесло свои коррективы в дело, начатое ЧСК. 11 января Верховный Совет союзных держав единогласно принял решение о признании де-факто независимости Азербайджана. В связи с этим поистине историческим событием Азербайджанский парламент 9 февраля 1920 г. принял закон об амнистии. Согласно 2-му пункту этого закона все лица, совершившие к моменту издания этого закона «преступные деяния по побуждениям, проистекшим из национальной вражды», освобождались от преследования и наказания, а по 10-му пункту все уголовные дела, «возникшие в производстве Чрезвычайной Следственной Комиссии» прекращались навсегда. (99) К этому моменту ЧСК, выполнив возложенные на нее задачи, 1 ноября 1919 г. была уже упразднена (100), а следственные дела по отдельным фактам и событиям, возбужденные Комиссией, а также уголовные дела уже арестованных по мартовским событиям в Баку и Шемахе, рассматривались в прокурорских и судебных органах Баку.

Вместе с тем, принятием Закона об амнистии то небольшое число преступников, привлеченных к ответственности благодаря невероятным усилиям и скрупулезной работе членов ЧСК, были отпущены на свободу, а большинству «отданным под залог с денежной ответственностью» обвиняемым должны были быть возвращены деньги. Судебные органы республики приступили к работе по прекращению следственных дел, возникших в производстве ЧСК, арестованные по Шемахинским погромам 8 человек были включены в списки лиц, освобожденных из мест заключения Гянджинской губернии на основании закона от 9 февраля 1920 года об амнистии. (101)

Однако и эту работу судебным органам Азербайджанской Республики не суждено было довести до конца. Ранним утром 27 апреля 1920 г. отряды коммунистов начали вооруженный переворот в Баку, в полдень боевые дружины уже фактически полностью контролировали положение в городе и его окрестностях, а передовые части XI Красной Армии уже перешли границу Азербайджанской Республики. В 11 часов вечера Азербайджанский парла-

мент с целью недопущения кровопролития и жертв среди мирного населения принял ультиматум о сдаче власти азербайджанским коммунистам.

В результате этих политических событий многие дела, созданные в производстве Чрезвычайной Следственной Комиссии Азербайджанской Демократической Республики ликвидировались уже судебными органами Азербайджанской ССР согласно закону об амнистии от 9 февраля 1920 г., принятому парламентом АДР. Примечательно, что Шемахинский народный суд по важнейшим делам размещался в молоканском сел. Чухур-Юрт, а все народные заседатели на этом судебном процессе являлись жителями этого же селения, т.е., как следует из их фамилий, близкими и родственниками обвиняемых, которым и было объявлено о применении к ним амнистии 9 февраля 1920 г. и прекращении уголовных дел навсегда. Что касается возвращения залогов, то выяснилось, что «согласно декрета Азревкома от 26 октября с.г. денежные суммы, внесенные в депозит суда до 28 апреля 1920 г., как мера обеспечения явки обвиняемых к следствию и суду по уже законченным делам, поступают в доход казны, если они свыше 5000 руб., а залогов до 5000 руб. могут быть возвращены по следствию Постановлением Коллегии Наркомюста». (102)

Несмотря на такой оборот событий, было бы абсолютно неверным считать, что принятием закона об амнистии, а затем и со сменой власти вся деятельность Чрезвычайной Следственной Комиссии, проведеншей за полтора года своего существования колоссальную работу по расследованию преступлений, совершенных против мусульманского населения Азербайджана, установлению преступников и привлечению их к наказанию, свелась на нет. Значение деятельности ЧСК по созданию и оформлению огромного количества материалов о целенаправленной политике уничтожения мусульманского населения, в основном, азербайджанцев в пределах Закавказья различными армянскими организациями, выступающими под флагом отдельных политических и национальных партий, безусловно, не ограничивалось лишь юридически-правовыми рамками. Работа ЧСК имела огромное общественное и нравственно-психологическое значение также среди населения республики, испытывавшего на себе зверства армяно-большевистских сил. Само существование Чрезвычайной Следственной Комиссии и более чем тесное сотрудничество ее членов с отдельными слоями общества возвращало народу веру в справедливость, внушало и укрепляло доверие к правительству Азербайджана как единственно законной власти.

Азербайджанская делегация, отправляющаяся на Версальскую мирную конференцию, была снабжена материалами ЧСК, в которых расследовались факты насилия армян над мусульманским населением в гг. Баку, Шемахе и Кубе, а также в Шемахинском, Кубинском, Геокчайском, Джевадском уездах. Эти материалы составляли 6 томов и 95 фотографий, которые в копиях вручались как главам великих держав, так и в разные международные инстанции и служили вескими доказательствами против клеветнических нападок армян и донесению правды до мировой общественности.

А через 70 с лишним лет, когда начался новый этап армянской агрессии против азербайджанского народа, который с распадом СССР вылился в Армяно-Азербайджанский, Нагорно-Карабахских конфликт, документы ЧСК приобрели особую ценность как документальное подтверждение планомерной и целенаправленной деятельности армянских политиков и их организаций, готовых любыми преступными средствами воплотить в жизнь свой замысел – создание никогда не существовавшей «великой Армении» на территории целого ряда государств, и, прежде всего, Азербайджана.

* * *

Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, как и документы, касающиеся истории Азербайджанской Демократической Республики в целом, стали достоянием специалистов и ученых Азербайджана в конце 80-х годов XX века, когда с началом перестройки в бывшем СССР появилась возможность пользоваться ранее закрытыми архивными фондами. За прошедшие 20 с лишним лет были изданы несколько сборников документов, куда вошла небольшая часть документов ЧСК. Мартовские события 1918 года были объектом исследования отдельных азербайджанских авторов и специалистов, изучающих разные вопросы, касающиеся истории АДР, национального движения в 1917-1920 гг., армяно-азербайджанских отношений и т.д., которых в той или иной степени касались материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии. (103) Однако, сами документы, представляющие огромное научно-источниковедческое, а также историко-политическое и дипломатическое значение, в полном объеме не были изданы.

В 2009 г. вниманию читателей была предоставлена первая книга из серии «Документы Чрезвычайной Следственной Комиссии», подготовленная автором, в которую вошли все материалы Комиссии по мартовским событиям 1918 г. в Баку. (104)

В 2010 г. был издан второй сборник документов из этой серии, куда вошли все документы следственного дела «О разгроме гор. Кубы и селений Кубинского уезда». (105)

В 2011 г. автором были обнаружены в зарубежных архивах 102 фотографии, сделанные ЧСК и отправленные в 1919 г. во Францию азербайджанской делегации на Парижской Мирной Конференции во главе с Али Мардан беком Топчибашевым. Все эти фотографии вместе с соответствующими документами ЧСК, подтверждающими факт их фотографирования Комиссией, были изданы в 2012 г. на трех языках – русском, английском, турецком. В книгу-альбом были включены также доклады членов ЧСК, в которых описывались трагические события в уездах Азербайджана. (106)

Представленные вниманию читателей данные издания – «Шемаха. Март-Июль 1918г. Азербайджанские погромы в документах» в двух томах, являются, по сути, четвертым изданием из серии документов ЧСК, в которые вошли

материалы по следственным делам о разгроме города Шемахи и селений Шемахинского уезда в марте-июле 1918 г.

Как уже отмечалось выше, документы по Шемахинскому уезду составляют почти половину всего материала ЧСК. Так, в целом материалы по расследованию Шемахинских событий, собранные и подготовленные ЧСК, вместе с судебно-следственными документами Шемахинского следственного участка, составляют всего 36 томов: из них 6 томов - по городу Шемахе, 24 тома - по селениям Шемахинского уезда. Последние представляют 23 отдельных следственных производства, включая следственное дело по разгрому селения Ангехаран, состоящее в свою очередь из 3-х томов, а также следственное дело по разгрому станции Аджи-Кабул, которая входила в Абдулянский участок Шемахинского уезда. Остальные 5 томов составляют следственные материалы по обвинению Степана Лалаева в мартовских событиях в Баку и Шемахе, произведенные разными следственными органами и следователями по особо важным делам Бакинской Судебной палаты и следователем ЧСК А.Ф.Новацким. 7 томов Шемахинского материала ЧСК состоят из протоколов допросов и заявлений жителей как города Шемахи, так и селений уезда, а также актов сельских обществ. В остальных томах собраны судебно-следственные документы. Помимо этих документов, вопросам по расследованию Шемахинских событий была посвящена немалая часть переписки между министром юстиции, председателем и членами ЧСК.

Следует отметить, что 11 из указанных 36 томов – следственные дела ЧСК по разгрому селений Бизлан, Гягяли, Дильман, Каракашлы, Каравелли-Вагитбек, Кубалы Бала-Оглан, Мельджек, Хинислы-Большие, Пир-Абдуль-Касим, Сунди и станции Аджи-Кабул, а также дело «Об убийстве пяти мусульман в селении Маразы Русские Шемахинского уезда» не сохранились в архивах республики.

Все имеющие 25 томов материалов ЧСК, а также отдельные следственные дела по разгрому гор. Шемахи, возникшие изначально в производстве Шемахинского Следственного участка и 2-го уголовного отделения прокурора Бакинского Окружного Суда, также 5 следственных дел по обвинению Степана Лалаева, расследованные следователями по особо важным делам и находящиеся в производстве прокурора Бакинского Окружного суда, вошли в данные сборники.

Содержание и характер документов, включенных в сборники, определили их систематизацию в двух томах, разделенных на разделы, главы и параграфы.

I том сборника охватывает 818 документов по разгрому города Шемахи, и состоит из двух разделов. В первый раздел вошли свидетельства жителей города Шемахи (глава 1), собранные членами ЧСК в разных городах и уездах Азербайджана, где временно проживали шемахинцы-беженцы, и документы ЧСК, фиксирующие разрушение города Шемахи, в основном протоколы осмотров города, отдельных жилых кварталов, зданий, домов, мечетей и церквей (глава 2). Все эти документы, позволяющие рассмотреть трагические события в Ше-

махе с разных позиций и установить степень разрушения города, были подробно рассмотрены и исследованы в историческом очерке автора, включенном в первый том книги, что делает излишним подробное их описание.

Второй раздел I тома охватывает судебно-следственные материалы по делу «О разгроме гор. Шемахи». Документы этого раздела классифицированы в 5-ти главах по содержанию. Так, 1-я глава состоит из переписки собственно самой Комиссии, куда вошли такие важные и обобщающие документы, как доклады председателя ЧСК А.Хасмамедова министру юстиции от 22 ноября 1918 года и члена Комиссии Новацкого от 12 июля 1919 г. по делу о разгроме гор. Шемахи и мусульманских селений в Шемахинском уезде и насилиях совершенных над мусульманским населением названных города и уезда, постановления ЧСК, принятые по этим докладам, документы о расширении полномочий членов ЧСК, Воззвание Чрезвычайной Следственной Комиссии о помощи населению Шемахинского уезда и т.д.

Во второй главе раздела представлены документы следственных дел, находившихся в производстве Шемахинского следственного участка по жалобе отдельных жителей города Шемахи, которые после расширения полномочий членов ЧСК были переданы А.Ф.Новацкому.

В третьей главе документы систематизированы на основе обвинений, предъявленных к привлеченным к следствию лицам по предыдущим и другим следственным делам и находящимся в производстве члена ЧСК А.Ф.Новацкого.

Четвертая глава полностью охватывает следственные дела по обвинению Степана Лалаева, расследованные как следователями по наиболее важным делам Бакинского окружного суда, так и членом ЧСК А.Ф.Новацким.

Документы всех 4-х глав второго раздела представляют собой прошения и жалобы отдельных граждан, представленные в следственные органы по отдельным фактам убийств и ограблений во время Шемахинских событий, переписку следственных органов по поиску лиц, подозреваемых в тех или иных преступлениях, повестки с вызовом на допрос подозреваемых и свидетелей, материалы допросов обвиняемых, постановления следственных органов и т.д.

В пятую главу раздела вошли документы судебно-следственных органов уже Азербайджанской Советской Социалистической Республики, которым пришлось завершить начатое судебными властями Азербайджанской Демократической Республики дело на основании Закона об амнистии, принятом азербайджанским парламентом от 9 февраля 1920 г., т.е. прекратить навсегда уголовные дела, возникшие в производстве ЧСК.

В сборнике отдельно представлены официальные документы правительства Азербайджанской Демократической Республики о создании Чрезвычайной Следственной Комиссии от 15 июля 1918 г.

В I том сборников документов также включен научный очерк, посвященный истории Ширвана в целом и непосредственно событиям 1918 года в гор.

Шемахе и Шемахинском уезде с широким использованием документов, вошедших в обе тома.

Сборник оснащен подробным информационно-вспомогательный аппаратом.

Примечания по тексту в документах обозначены цифрами и вынесены в конец сборника.

Приложение о национально-религиозном составе населения г. Шемахи и Шемахинского уезда к 1-му января 1916 г. дает точное представление о численном соотношении отдельных групп населения города Шемахи и Шемахинского уезда.

В сборник включены фотографии известных азербайджанских деятелей и жителей Шемахи, принимавших непосредственно участие в шемахинских событиях, а также фотодокументы, отображающие последствия мартовских трагических событий в гор. Шемахе, сделанные самими членами ЧСК, о чем был составлен протокол от 5 ноября 1918 г. (Документ № 328).

К I тому приложена карта гор. Шемахи 1918 г. со специальным содержанием.

Во II том сборника, состоящего также из двух разделов, вошли 887 документов, свидетельствующие о разгроме мусульманских селений Шемахинского уезда в течение марта-июля 1918 г. Первый раздел книги охватывает протоколы допросов потерпевших и свидетелей, прошения и заявления жителей 110 селений Шемахинского уезда, подвергшихся погромам, а также списки убитых и раненых жителей, акты-приговоры сельских обществ, содержащие полную информацию о понесенных убытках по разным показателям. Документы раздела систематизированы в 4-х главах, по полицейским участкам, в которые входили данные селения. В отдельной - первой главе этого раздела приведена переписка членов ЧСК с местными органами власти, характеризующая организационную работу Комиссии по сбору и подготовке документов.

Второй раздел сборника состоит из 13 глав, в которых собраны судебно-следственные документы по делу «О разгроме мусульманских селений Шемахинского уезда Бакинской губернии и насилиях, учиненных над населением». В 11 главах раздела приводятся документы по отдельным следственным делам, в которых расследуются разгромы селений Ангехаран, Багирли, Джагирли, Келаны-горный, Кичатан, Мейниман, Наваги, Ньюнди, Падар, Сунди (частично), а также дело «Об убийстве трех мусульман». Каждое из следственных дел начинается с доклада члена Комиссии, в котором излагается суть событий, послуживших к началу следствия и состоит из протоколов допросов пострадавших, свидетелей и обвиняемых, переписки следователя ЧСК с разными властными структурами, постановлений и др. судебно-следственных материалов. Дело «по разгрому селения Ангехаран» является наиболее обстоятельно расследованным, и как по объему, так и по числу привлеченных к наказанию обвиняемых отличается среди всех отдельных судебных произ-

водств по селениям Шемахинского уезда. Следствие по Ангехаранским событиям проводилось трижды, что и обусловило разделение документов этой главы на три параграфа.

Дело «Об убийстве трех мусульман», представляет собой расследование, проведенное членом ЧСК М.Н.Михайловым по факту убийства представителей трех селений Текля-Мирза-Баба, Араб-Джабирли и Марзандиге, в качестве делегатов вызванных в молоканское селение Маразы.

В 12-ю главу этого раздела вошла переписка ЧСК с центральными органами власти, основную часть которой составляют документы, свидетельствующие о завершении отдельных следственных производств и передача следственных дел в прокурорско-судебные органы. В этой же главе приводятся статьи из Закона, принятого Азербайджанским Парламентом от 9 февраля 1920 г. об амнистии, согласно которой все дела, возникшие в производстве ЧСК, прекращались навсегда.

В 13-й главе приводятся документы судебно-следственных органов Азербайджанской Советской Социалистической Республики, которые и завершили этот процесс.

Язык и стилистика документов сохранены в обоих томах.

Во II том сборника также включен обширный информационно-справочный аппарат.

Указатель административно-географических названий, включенный в книгу, содержит информацию обо всех упомянутых в документах населенных пунктах Шемахинского уезда, в том числе не подвергшихся нападению армян, с учетом современного административно-территориального деления тех территорий, которые в 1918 г. входили в состав этого уезда. Приводятся сведения также обо всех других административно-географических наименованиях, упомянутых в документах.

В книгу включены также 3 приложения: № 1. О национально-религиозном составе населения г. Шемахи и Шемахинского уезда к 1-му января 1916 г.; № 2. Список азербайджанских селений Шемахинского уезда, подвергшихся погромам в марте-июле 1918 г.; № 3. Данные о человеческих жертвах и материальных убытках, причиненных населению селений Шемахинского уезда во время азербайджанских погромов в марте-июле 1918 г.

На 17 фотографиях, вошедших в сборник, изображены последствия разгрома селений Ангехаран, Ахсу, Боят, Марзандиге, Османбеклы, Теклябекская, Чарган, Чуханлу.

Ко II тому приложена карта Шемахинского уезда 1918 г. со специальным содержанием.

* * *

В заключении автор приносит глубокую благодарность всем, кто своим участием, помощью и советами содействовал подготовке и изданию этого сборника. Автор благодарит начальника Главного Управления Национально-

го Архива Азербайджанской Республики, д.и.н. Атахана Пашаева за предоставленную возможность работать в архивах республики.

Особую признательность автор выражает директору Государственного Архива Азербайджанской Республики Эмину Сардарову, без всесторонней помощи и поддержки которого подготовка столь обширного материала к изданию в короткие сроки была бы невозможной.

Автор отдает дань памяти родоначальнику азербайджанской историографии нового времени Абас Кули ага Бакиханову и выдающимся азербайджанским ученым – историкам Саре ханум Ашурбейли, Али-Сохбату Сумбатзаде, Зие Буниатову, Гаси Абдуллаеву, Абуль Гасану Рахмани, Гусейну Джидди, ценнейшие научные труды и произведения которых позволили воссоздать краткую политическую историю Ширвана и его населения, начиная со средневековья и до известных событий 1918 г. Глубокая признательность выражается также историкам и ученым Азербайджана – Фикрету Багирову, Эльдару Исмаилову, В.Н.Левиатову, Г.Гейбуллаеву, Сейфаддину Ганиеву, Земфире Мамедзаде, Элеаноре Абаскулиевой, труды и поддержка которых оказали неоценимую помощь в работе над данными изданиями.

Автор искренне благодарит заведующего сектором аппарата Милли Меджлиса Идрака Гараева за помощь в составлении справочного аппарата и карты города Шемахи, а также сотрудниц Государственного комитета по земле и картографии Аиду Худавердиеву и Ирину Коновалову.

Автор также благодарит Фархада Вагабова за ценные советы в подготовке сборника и содействие в его издании.

Глубокую благодарность автор выражает министру национальной безопасности Азербайджанской Республики Эльдару Махмудову за издание данного сборника документов, четвертого по счету из серии «Документы Чрезвычайной Следственной Комиссии АДР», которые также послужат информированию широкой общественности как Азербайджана, так и за рубежом о подлинных реалиях и истинных масштабах кровавой, ничем не оправданной агрессии, неоднократно осуществленной армянским национализмом против азербайджанского народа.

Солмаз Рустамова-Тогиди,
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института Востоковедения им. акад. З.М.Буниатова
Национальной Академии Наук Азербайджана

Источники:

1. Исторический Ширван.

1. См.: Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов (VI – XVI вв.). Баку. 1983. с. 13.
2. См.: подробно: Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха. IX-XVII века, Баку, 1981, с. 17-19.
3. Ашурбейли С. Государство Ширваншахов..., с. 300.
4. Бакиханов Аббас-Кули-Ага, Гюлистан-и Ирам., Баку, 1991. с.47.
5. См.: Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы-этногенез и формирование народа. Баку, 1991, с. 76-91.
6. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам... с.87.
7. Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв. Баку, 1965, стр. 106.
8. Там же, стр. 176.
9. См.: Зейдлис Н.К. Эпиграфический очерк Бакинской губернии. Кавказский календарь за 1871 г.
10. Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов..., с. 301.
11. Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв. ..., с. 138.
12. См.: Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов..., с. 259-260.
13. Там же, стр. 274.
14. Эфендиев О.А. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в., Баку, 1981, с. 85.
15. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов..., с. 301-303.
16. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 19.
17. Там же.
18. См.: Ашурбейли С.. Государство Ширваншахов..., с. 101-102.
19. Минорский В.М. История Ширвана и Дербента X-XI вв. М., 1963, с. 48.
20. Мурадов В.Г. Градостроительство Азербайджана XIII - XVI вв. Баку, 1984, с.40.
21. См.: Джидди Г. Средневековый город Шемаха. IX-XVII века. Баку, 1981, с. 21-22, 25-26.
22. Там же, с. 32.
23. Там же, ст. 33.
24. Там же, стр. 34.
25. Там же, с. 37.
26. См.: Джидди Г. Крепость Гюлистан. Баку, 1967, с.25 (на азерб. яз.).
27. Ашурбейли С. Государство Ширваншахов..., с. 182.
28. Ашурбейли С. Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964, с. 114.
29. См.: Там же, с. 148; с. 76.
30. Джидди Г. Средневековый город Шемаха..., с. 93.
31. Гусейнов А. Азербайджанско-русские отношения XV- XVII вв. Баку, 1963, с. 68.
32. Джидди Г. Средневековый город Шемаха..., с. 98.
33. Ашурбейли С. Государство Ширваншахов..., с. 280.
34. Там же, с. 281.
35. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку, 1981, с. 48.
36. Там же, с. 50.

37. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI –начале XVII вв. Л. 1949, с. 326.
38. См.: Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке..., с. 53.
39. См.: Там же, с. 68-69.
40. Там же, с. 75.
41. См.: Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы-этногенез и формирование народа. с. 230-231.
42. Там же, с. 240.
43. См.: Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке..., с. 86-89.
44. Петрушевский И.П. Очерки по истории..., с. 126.
45. Далили Х.А. Южные ханства Азербайджана во второй половине XVIII в. Баку, 1980, с. 11 (на азерб. яз.).
46. Алиев Ф.М. Миссия посланника Русского государства А.П.Волынского в Азербайджане». Баку, 1979, с. 57.
47. Там же, с. 58.
48. Там же.
49. См.: Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, с. 78-79.
50. История Ирана с древнейших времен до конца 18 века. Л. 1958 г., с. 312.
51. Далили Г.А. Южные ханства Азербайджана..., с. 16.
52. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 137.
53. Там же, с.138.
54. Там же, с. 141.
55. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана..., с. 79.
56. См.: Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975, с. 110-111.
57. См.: Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана..., с. 82.
58. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 145.
59. Алиев Ф.М. Антииранские выступления..., с. 148.
60. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 148, 155.
61. Там же.
62. Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана..., с.89.
63. Там же, с. 176.
64. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 149.
65. Алиев Ф.М. Антииранские выступления..., с. 216.
66. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 149.
67. Речь идет о турецком султানে Махмуде I (правил в 1730-1754 гг.). Там же, с. 255.
68. Там же, с. 150.
69. Там же, с. 151.
70. Алиев Ф.М. Антииранские выступления..., с. 216.
71. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 155.
72. См.: Алиев Ф.М. Антииранские выступления..., с.216-220.
73. Там же, с. 222-223.
74. Там же.
75. Там же, с.24-25.
76. Там же, с. 226-227.
77. Там же, с. 227.

78. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 156.
79. Там же, с. 157.
80. Там же, с.159.
81. Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана..., с. 102.
82. Абдуллаев Г. Азербайджан в ХУШ в. и взаимоотношение с Россией, Баку, 1965, с. 222.
83. Там же, с.259.
84. Там же, с.262.
85. См.: Сумбатзаде А.С. Этногенез Азербайджанского народа..., с. 252.; Абдуллаев Г. Азербайджан в ХУШ в. ..., с. 218-225.
86. См.: Абдуллаев Г. Азербайджан в ХУШ в., с.511-513.
87. Сумбатзаде А.С. Этногенез Азербайджанского народа..., с. 255.
88. Подробно См.: Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 166-167.
89. Абдуллаев Г. Азербайджан в ХУШ в., с. 214.
90. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 169.
91. См.: Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с.169-170; Мустафаев Дж. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII—начало XIX в.) Баку, 1989 с. 17-18, (элек. вариант); Байрамова Н. Шемахинское ханство. Баку, 2009, с. 78-79. (на азерб. яз.).
92. См.: Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана..., с. 172-173; Фитунни А.П. История последней столицы Ширвана (историко-этнографический и археологический очерк). Известия Азербайджанского Комитета охраны памятников старины, искусства и природы. Вып. Третий, Баку, 1927, с. 124-125.
93. См.: Мустафаев Дж. Северные ханства Азербайджана..., с. 23-24.
94. Там же, с. 48-49.
95. Фитунни. История последней столицы Ширвана..., с. 125-126.
96. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 176.
97. Там же, с. 180.
98. См.: Мустафаев Дж. Северные ханства Азербайджана..., с. 19-20.
99. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана..., с. 193.
100. Мустафаев Дж. Северные ханства Азербайджана..., с. 52-53.
101. Бакиханов А.К. Гюлистан-и Ирам..., с. 183.
102. Фитунни. История последней столицы Ширвана..., с. 128-129, Н.Байрамова, Шемахинское ханство, с. 114-120.
103. См.: Фитунни. История последней столицы Ширвана..., с. 131-137.
104. См.: Там же с. 139; Байрамова Н. Шемахинское ханство..., с.125.
105. Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные экономические и культурные последствия. Баку, 1956 г. с.66. (на азерб. яз.).
106. См.: Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана в XIX в. –начале XX веков. Баку, 1966, с. 67-70.
107. Гасанов И.М.Частновладельческие крестьяне в Азербайджане в первой половине XIX в., Баку, 1957, с. 33.
108. Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики. Ф. 91, оп. 1, д. 3.
109. См.: Мильман А.Ш. Политический строй Азербайджана..., с. 113-119.
110. Там же, с. 126-127.

2. Население Ширвана.

1. См. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов..., с.18-23.
2. Гейбуллаев Г. Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование), Баку, 1986, с. 29; Ашурбейли С. Государство Ширваншахов..., с.19.
3. Джидди Г. Крепость Бугурт. Баку, 1973, с.28.
4. См.: Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974, с. 287.
5. См. Гейбуллаев Г. Топонимия Азербайджана..., с. 71.
6. Там же, с. 68-76.
7. Там же, с. 39, 42, 74,
8. Там же, с. 104 – 107.
9. См. Миллер Б. Таты, их расселение и говоры. Баку, 1929; Гейбуллаев Г. Топонимия Азербайджана..., с.104-105.
10. Гейбуллаев Г. Топонимия Азербайджана..., с. 74, 110-111.
12. Кавказский Календарь на 1917 г. Пространство и население Кавказского края к 1-му января 1916 года. (по данным уездной администрации), с. 19-22.
13. История армянского народа. Ереван, 1951, с. 80; Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XII веков. Москва, 1988, с. 4, 234.
14. Бунятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв..., с. 211.
15. Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Составил Легкобытов. Часть III. С.-Петербург, 1836, с.73; Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской Империи в Северном Азербайджане, Баку, 1999, с.96.
16. Мустафазаде Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII века. Баку, 1993, с. 141.
17. Там же, с. 142.
18. См. подробно: Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика..., с. 98-99.
19. Гейбуллаев Г. Топонимия Азербайджана..., с. 120.
20. См. Энциклопедический словарь Азербайджанский топонимов, в 2-х томах. Баку, 2007, т. I. с. 38, 90, 98, 170; т. II. с. 170, 271, 273, 296.
21. См.: ru.wikipedia.org/wiki/Таты.
22. Фитуни А.П. История последней столицы Ширвана. Известия Азербайджанского Комитета охраны памятников старины, искусства и природы. Баку, 1927 г. с. 82-83
23. См. Миллер Б. Таты, их расселение и говоры. Баку, 1929.
24. Там же, с.20.
25. Абелов Н. Л. Экономический быт государственных крестьян Елизаветпольского уезда Елизаветпольской губернии, МИЭ ,ГКЗК т. VII Тифлис, 1887, с. 12.
26. Сысоев В.М.Поездка в Шемахинский уезд с археологической целью. 1-12 мая 1925 г. Баку, 1927, с. 5.

27. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента, X-XI веков, М. 1963., с. 34.
28. Гейбуллаев Г. Топонимия Азербайджана..., с.78.
29. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика..., с. 178.
30. См.: Багиров Ф.Э. Переселенческая политика царизма в Азербайджане (1830-1914 гг.), М., 2009, с.14.
31. См. подробно: Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика..., с.171-173.
32. Юницкий А. История православных церквей и приходов Бакинской губернии. Бакинские губернские ведомости. Баку, 1905, №№ 43, 45, 46; См.: Багиров Ф. Переселенческая политика царизма..., с. 14, 619, 620.
33. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. (далее АКАК), т.Х. с. 283; Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика..., с. 178-179.
34. Багиров Ф. Переселенческая политика царизма..., с. 18.
35. Новое обозрение, 15 мая 1901, № 5702.
36. Новое обозрение, 2 июля 1905 г, № 137; См. подробно: Гусейнов Дж. Из истории национально-освободительного движения в Азербайджане в начале XX в. (1900-1907 гг). Баку, 2001, с. 42-43.
37. См.: Багиров Ф. Переселенческая политика царизма..., с. 506.
38. Юницкий А. История православных церквей...См.: Багиров Ф. Переселенческая политика царизма..., с. 622.
39. Гусейнов Дж. Из истории национально-освободительного движения ..., с. 43.
40. Багиров Ф. Переселенческая политика царизма..., с. 396.
41. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов..., с. 285.
42. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке..., с. 162.
43. Джидди Г.А. Средневековый город Шемаха..., с.102-103.
44. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906., Книга IV, глава 20, с. 395.
45. Там же.
46. Стрейс Ян. Три путешествия. Глава XVIII. М. ОГИЗ-Соцэкгиз. 1935, с. 254.
47. Биография Исраэла Ори — peoples.ru
48. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов..., с. 142.
49. Стрейс Ян. Три путешествия. Глава XVIII.... с. 245-247.
50. И. Мушкетов и Л. Орлов. Каталог землетрясений Российской империи. СПб 1893г., с. 154.
51. 50. Басихин Петр. О землетрясениях (По поводу Шемахинского землетрясения). Сайт: Петр Басихин и его творчество. *Даты указаны по юлианскому календарю. 51. Там же.
52. См. Шемахинское землетрясение 1902 г. Википедия.
53. Там же.
54. <http://www.family-stories.net/html/earthquake1902.html>
55. Журнал «Нива», 23 апреля 1902 г., № 8, с. 160 а.
56. Газета «Тазе хаят», 8 мая 1908 г., № 103.
57. Газета «Хаят», 14 июня 1906 г.
58. Исмаилзаде Д.И. Население городов Закавказского края в XIX –начале XX в. М., 1991, с. 58-59.

59. Там же, с. 67.
60. Там же, с.78-79.
61. Кавказский календарь на 1852 г. Отд. Ш., с. 424.
62. Фадеев А.М. Воспоминания. Ч.2, Одесса, 1897, с. 24-25.
63. См.: Кавказский календарь. 1845-1917. Тифлис.; Исмаилзаде Д.И. Население городов..., с. 110-149.
64. См.: Кавказский календарь. 1872 г.; 1897 г.; 1904 г.
65. См. подробно: Мамедов А.Б. Просвещение и просветительство в Шемахе. Литературная среда с середины XIX в. по март 1918 г., Баку, 1997 (на азерб.яз.).
66. Исмаилзаде Д.И. Население городов..., с. 117.
67. См. Кулиева В. Роль и позиция мусульманского духовенства в социально-политической и культурной жизни Азербайджана в конце XIX- начале XX вв. в ракурсе армяне- азербайджанских политических отношений, Баку, 2003, с. 284- 286.
68. См. подробно: Там же, с. 67-70.
69. Там же, с. 43.
70. Неманзаде О.Ф. Воспоминание. Избранные произведения. 1992, с. 431-433.
71. См. Багиров Ф. Переселенческая политика царизма..., с. 617.
72. Неманзаде О.Ф. Я надеюсь, Избранные произведения..., с. 97.
73. См. Ганиев С. Шемахинский геноцид 1918 г. Баку, 2003, с. 12.(на азерб.яз.)
74. См. подробно: Орудубади М.С. Кровавые годы. Баку, 2010, с. 113-122.
75. Газета «Хаят», Баку, 3 августа 1906 г., № 170.
76. Газета «Иршад», 18 февраля 1906 г., № 49.
77. Газета «Хаят», 18 июля 1906 г., № 157.
78. Мирза Алекпер Сабир. Избранные произведения, Москва, 1983, с. 6.
79. Ордубади М.С.Кровавые годы... с. 10-13.
80. Там же, с. 13-15.
81. Swietochowski Tadeusz. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. Columbia University Press, 1995, p. 40.
82. Каземзаде Ф.Борьба за Закавказье (1917-1921), Баку, с.29.

Часть 3. Армяне в Шемахинских событиях 1918 года

1. Газета «Ачыг соз», 26 марта 1917 г., № 433.
2. Там же.
3. Газета «Ачыг соз», 20, 23 июня 1917 г., № № 502, 505
4. Газета «Ачыг соз», 2 апреля 1917 г., № 439
5. Газета «Ачыг соз», 18 августа 1917 г., № 544
6. Государственный Архив Азербайджанской Республики, фонд 1061, опись 1, дело 106, лист 44; лист 33. (Далее: ГА АР, ф., опь., д.,л.)
7. Газета «Ачыг соз», 20 ноября 1917 г., № 610
8. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 62, 97, 44
9. Газета «Ачыг соз», 18 августа 1917 г., , № 544
10. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 90

11. Там же, д.105, л.44-45
12. Там же, д.106, лл. 65, 105, л. 100.
13. Там же, д.106, л. 46.
14. Там же, д.106, л. 47
15. Там же, д.106, лл. 35, 46.
16. Там же, л.46.
17. Там же, д.105, лл. 3, 46 об., 106
18. Там же, д.105, л. 7.
19. Там же, д.105, л. 6-7.
20. Там же, д.105, лл. 8, 75, д. 107, л.63 .
21. См.подробно: Рустамова-Тогида С.А. Мартовские события 1918 г. в Баку: предпосылки, характер, последствия. В кн.: Рустамова–Тогида С.А. Март 1918 г.Баку. Азербайджанские погромы в документах, Баку, 209, с.9-74;
22. ГА АР, ф.1061, оп. 1, д.105, л.10
23. Там же, д.106, лл. 72, 106, л.68
24. Там же.
25. Там же, д.105, лл. 11, 103.
26. Там же.
27. Там же, д. 105, л. 12, д. 106, лл. 46, 65-66.
28. Там же, л.101 об.
29. Там же, л. 8.
30. Там же, д. 106, л. 49.
31. Там же, д. 105, л. 11.
32. Там же, д. 107, л. 6; д.106, л. 66;
33. Там же, д. 105, л.72.
34. Там же.
35. Ганиев С. Указ. соч., с. 30-31.
36. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д.105, л.14.
37. Там же, д. 106, л.49.
38. Там же, д. 105, л.16.
39. Там же, л.13.
40. Там же, л.7-8
41. Там же, д. 105, лл. 3-16; лл. 30-32; д. 108, лл. 8-10.
42. Там же, д. 106, л.11; 105, л. 54.
43. Там же, д. 99, лл. 112-113.
44. Там же, д. 106, л. 11.
45. Там же, д. 99, лл.112-113; 107, л. 57, 58; 107, л. 109; 110 об.; 99, л. 66, 85.
46. Там же, д. 107, л. 15.
47. Газета «Азербайджан», 8 октября 1918 г., № 14.
48. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д.107, лл. 3; 57; 63; д. 109, л. 75; д. 301, л. 3; д. 107, л. 12.
49. Там же, д. 105, л. 88.
50. Там же, л. 87; 106, л. 78, д. 107, л. 52.
51. Там же, л. 81.
52. Там же, д. 106, л. 25.
53. Там же, д. 105, л.46.
54. Там же, д. 107, л.3.

55. Там же, л. 45 об.
56. Там же, л. 52.
57. Архив Политических Документов при Управлении Делами Президента Азербайджанской Республики (АПД УДП АР), ф. 277, оп.2, д.13, л.7
58. См. С.Рустамова-Тогиди. Март 1918 г. Баку. Азербайджанские погромы в документах ..., стр. 301, 408--416, 584, 589, 658-663.
59. Б. Ишханян, Великие ужасы в гор. Баку, Тифлис, 1920г., с. 4.
60. См. в кн.: "Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918- 1920 гг. Сборник документов и материалов. Ереван, 2003, с. 82, док. № 67. (Далее: Погромы армян...)
61. Там же, с. 84, док. № 69.
62. Бюллетень Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного Исполнительного Комитета. 30 и 31 августа 1918 г. кн. с. 85
63. Дадаян Хачатур. Армяне и Баку (1850-ые гг.-1920 г.). Ереван, 2007, стр. 109. (Далее: Дадаян Х. Армяне и Баку...)
64. Погромы армян..., с. 83, док. № 67
65. Там же, с. 293, док. № 259
66. См. Погромы армян..., док. №№ 151, 156, 259 и т.д.
67. Там же, с. 128-129, док. № 119
68. Газета «Азербайджан», 9 декабря 1918 г.
69. Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т.2, Москва, 1972, с.249.
70. Погромы армян..., с. 95, док. № 83
71. См.: подробно: С.Рустамова-Тогиди. Март 1918 г. Баку. Азербайджанские погромы..., стр 40-41.
72. Погромы армян...,с. 139, 141, 142, Док. №№ 128, 130, 131.
73. Там же, с.145-151, док. № 136
74. Там же.
75. См. подробно: Солмаз Рустамова-Тогиди. Март 1918 г. ...с....
76. АПД УДП АР, ф. 276, оп.9, д. 42, л.21;Погромы армян..., с.145-151, док. № 136
77. См. С.Рустамова-Тогиди, Март 1918 г. Баку. Азербайджанские погромы..., с. 60-61.
78. Шаган Натали. Турки и мы. Элек. версия. www.nzhdeh.narod.ru/Shahan_natali.
79. АПД УДП АР, ф. 277, оп.2, д. 14, л.51; Байков Б. Л. Воспоминания о революции в Закавказье- Архив русской революции. М.,1991, т. 9-10, с. 114.
80. Газета «Знамя труда». 29 марта 1918 г., г. Тифлис.
81. Марагеи М.Сеид. Политические воспоминания. Тегеран, 1994, с. 49 (на персидском языке).
82. См. С.Рустамова-Тогиди, Март 1918 г. Баку. Азербайджанские погромы..., с. 482.
83. АПД УДП АР, ф. 276, оп.9, д. 42, л.24; Погромы армян..., с.145-151, док. № 136
84. Погромы армян..., с.158-161, док. № 145
85. Там же.
86. Там же, с. 159.
87. Там же.

88. Там же, с.161
89. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района, 1918, № 64.
90. Армянский вестник (Ереван), 1999, № 1-2.; АПД УДП АР, ф. 276, оп. 8, д.155, л.8.
91. Дадаян Х. Армяне и Баку..., с.96.
92. Там же, стр. 93.
93. Письмо Саака (Тер-Габриэляна) к тов. Шаумяну. 28.04.1918 г. Российский Государственный Архив социально-политической истории, ф. 71, оп. 33, д. 1716, л. 62
94. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д.107, л. 54; д.105, л. 20; д.105, л. 47-48; д.106, л.72-76; д.105, л.76; д.105, л.28-29; д.105, л.11; д.105, л.62; д.105, л.68; д.106, л.82; д.106, л.68; д.105, л. 69;
95. Там же, д. 108, л. 220.
96. Там же, д. 107, л. 6.
97. Там же, л.8.
98. Там же, Там же, л. 7.
99. Там же, л. 4.
100. Там же, д. 107, л. 16.
101. Там же, д. 108, л. 8; журн. «Новый Восток», 1922, № 3, с.184.
102. Там же, д.108, л.223; д. 106, л. 32.
103. Там же, л. 9.
104. Кавказский календарь на 1917 год (LXXII) Тифлис, 1916 , стр. 19-22.
105. ГА АР, ф. 1061, оп. 12, д. 101, л. 12; д. 85, л. 124; д. 6, л.158.
106. Там же, д. 6, л. 100; ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 158; ф. 1061, оп. 1, д. 85, л. 118; д. 6, л. 71; д. 6, л.137; ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 78; ф. 1061, оп. 1, д. 6, л. 42.
107. ГА АР, ф. 1061, оп. 12, д. 101, л. 16.
108. Там же, д. 85, л. 6.
109. Там же, д. 87, л. 22.
110. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. л.1-3.
111. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 6, л. 28.
112. Там же, л. 1, 19.
113. Там же, д. 87, л. 4.
114. Там же, д. 85, л.47.
115. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л.126.
116. Там же, л. 72.
117. Там же, д. 6, л. 159.
118. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, л.54.
119. Там же, д. 102, лл. 53-54.
120. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 124.
121. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, лл.32-35.
122. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 45; л. 1.
123. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 6, л. 63.
124. Там же, д. 99, лл.110- 111.
125. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л.129.

4. Молокане в Шемахинских событиях 1918 года

1. По следам молоканства. molokans.ru/?p=589
2. Там же.
3. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, лл. 6-7.
4. Там же, д. 105, л.72.
5. Там же, л. 80.
6. Там же, л. 87.
7. Там же, д. 106, л. 77
8. Там же, д. 107, л. 52-54.
9. Там же, д. 105, л. 18.
10. Там же, д. 106, л. 25.
11. Там же, д. 105, л.90-92.
12. Там же, д. 107, л. 108.
13. Там же, л.15
14. Там же, д. 106, л.43.
15. Там же, д. 105, л. 54
16. Там же, д. 106, л.25.
17. Там же, д. 105, л.98.
18. Там же, л. 22.
19. Там же, д. 106, лл. 27-29.
20. Там же, д. 105, л.98
21. Там же, д. 106, л. 51.
22. Там же, л. 55.
23. Там же, д. 105, л. 57
24. Там же, д. 106, л. 54.
25. Там же, д. 108, л.231.
26. Там же, д. 99, лл.112-113.
27. Там же, д. 110, л. 7, л. 20.
28. Там же, д. 110, лл. 109, 50.
29. Там же, д. 110, л. 100-101.
30. Там же.
31. Там же, л. 103.
32. Там же, л. 102-103.
33. Там же, д. 110, л. 67.
34. Там же, д. 110, л. 11; 14.
35. Там же, д. 110, л.12).
36. Там же, д. 100, лл. 121-122, 124; ф. 700, оп. 2, д. 12, лл. 12-16
37. Там же, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 18.
38. Там же, ф. 1061, оп. 1, д. 6, лл. 109; 71.
39. Там же, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 120.
40. Там же, л. 119
41. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 120
42. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 6, л. 129.
43. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, лл. 5-11 .
44. Там же, л.17.
45. Там же, д. 104, л. 12.

46. Там же, д. 1, л. 7.
47. Там же, д. 85, л.19.
48. Там же, л.21).
49. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 20.
50. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, лл. 92, 95; ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 45.
51. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 72.
52. Там же, л.134 .
53. Там же, л. 120.
54. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 6, л. 38.
55. Там же, д. 85, л.109.
56. Там же, д. 85, л. 94.
57. Там же, л. 95
58. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 22.
59. Там же, л.135 .
60. Там же, л. 35.
61. Там же, л. 34.
62. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, л.46.
63. Там же, лл. 61-62.
64. Там же, л. 72
65. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 181-182.
66. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 110, л.19.
67. Там же, л. 11 .
68. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 120.
69. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 104, л. 12.
70. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л.138.
71. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 110, л.15.
72. Там же, д. 105, л.70
73. Там же, д. 110, лл. 10-12.
74. Там же, д. 106, л. 31.
75. Там же., д. 110, л.9.
76. Там же, л. 20.
77. Там же, л.18.
78. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 3.
79. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л.76.
80. ГА АР, ф.277, оп.2, д.13, л. 153.
81. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 24.
82. Там же, д. 6, л. 54.
83. Там же, л. 62.
84. Там же, д. 110, лл. 208-209.
85. Там же.
86. Там же, д. 110, л. 16.
87. Там же, л. 24.
88. АПД УДП АР, ф. 277, оп. 2, д. 16, л.14.
89. Байков Б.Л. Воспоминания о революции.... с. 116
90. Там же, с. 17
91. Там же.

5. Большевики в Шемахинских событиях 1918 г.

1. Газета «Бакинский рабочий 19 февраля 1918 г. № 28.
2. Исмаилов Эльдар. Степан Шаумян – обреченный на забвение. Портрет «легендарного коммунара» без ретуши. Баку, 2012, с.221.
3. Там же, с. 222-223
4. Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т.2, Москва, 1978, с. 14.
5. Исмаилов Эльдар. Степан Шаумян – обреченный на забвение..., с.195.
6. АПД УДП АР, ф. 268, оп. 23, д. 210, л.5).
7. Исмаилов Эльдар. Степан Шаумян – обреченный на забвение..., с. 225.
8. Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т.2, ... с. 202.
9. Там же, с. 190
10. Байков Б.Л. Воспоминания о революции в Закавказье. Архив русской революции. Т. 9. Берлин, 1923. www.dk 1868.ru. с.18.
11. Шаумян С.Г. Избранные произведения. Т.2, ... с. 191
12. Там же, с.201-202
13. Там же, с.246
14. Исмаилов Эльдар. Степан Шаумян – обреченный на забвение..., с. 230.
15. Газета «Бакинский рабочий» 12 марта 1918 г. № 46.; Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане, Баку, 1957, с.313
16. Там же.
17. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л.74.
18. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 28-29.
19. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л.74.
20. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 87, л.л. 20-22.
21. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л.л. 72-76.
22. Там же.
23. Там же, д.105, л. 17-20.
24. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 1, л. 7.
25. Там же, л. 10
26. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 6, л. 37.
27. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 6, л. 40.
28. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, л. 68
29. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, л. 68.
30. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, л.46.
31. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 6, л. 129.
32. Там же, д. 85 с. 72-74.
33. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, л. 68.
34. Там же, л.48
35. Там же, д. 1., л. 3.
36. Там же, л.10-11
37. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 35. с. 227
38. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, лл.19-21
39. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 6, л. 65, 97.
40. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 2, л. 6.
41. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 87, лл. 3-18

42. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 87, л.11.
43. Там же, л. 13)
44. Там же, л.16-17.
45. АПД УДП АР, ф.276, оп.1, д.94-ж; Большевики в борьбе ...с.329-330
46. Газета «Бакинский рабочий», 19 апреля 1918 г., № 69; Большевики в борьбе..., с.342
47. Шаумян С.Г. Избранные произведения..., с.246.
48. Газета «Известия Бакинского Совета», 9 апреля 1918 г., № 62; «Большевики в борьбе...», с. 340-341.
49. Байков Б.Л. Воспоминания о революции..., Глава УШ.
50. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л.98; д. 106, л. 75; д. 105, л.91; д. 105, л. 17-20; д. 106, л. 28 и т.д.
51. См. Азербайджанская Демократическая Республика, 1998; Сулейманов М. Азербайджанская армия. (1918-1920)., Баку, 1998.
52. Там же; Шаумян С.Г. Избранные произведения..., с.240
53. АПД УДП АР, ф.276, оп. 2, д. 20, л. 84
54. Большевики в борьбе,..с.648-649; Беленький С. и Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). Баку, 1927, с.59.
55. АПД УДП АР, ф.276, оп. 2, д. 20, л. 85
56. Там же
57. Там же, с. 85-86
58. Там же, л. 85; Большевики в борьбе,..с.656
59. АПД УДП АР, ф.276, оп. 2, д. 20, л. 85
60. Там же.
61. Там же, л. 87
62. Газета «Азербайджан», 21\18 октября 1918 г., № 14.
63. Байков Б.Л. Воспоминания.., Глава ХШ.
64. Там же.
65. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 11,12
66. Газета «Азербайджан», 21\18 октября 1918 г., № 14.
67. Там же.
68. Байков Б.Л. Воспоминание.., Примечание, 8.
69. См. Нариманов Н. Избранные произведения. Т. 2. Баку, 1989, с. 118-124.
70. Газета «Азербайджан», Баку, 1918, 8 декабря.
71. Шаумян С. Избранные произведения..., с. 256
72. См. Нариманов Н. Избранные произведения. Т. 2.,... с. 188
73. Там же, с. 89
74. Исмаилов Эльдар. Степан Шаумян – обреченный на забвение..., с.295
75. Шаумян С.Г. Избранные произведения..., с.265, 250.
76. Исмаилов Эльдар. Степан Шаумян – обреченный на забвение..., с.283, 298.
77. Газета «Бюллетень Комитета революционной обороны г. Баку и его районов», № 4, 25 марта (7 апреля) 1918 г.; Большевики в борьбе..., с.334.
78. Газ. «Гуммет», 3 апреля 1918, № 37; Большевики в борьбе..., с.335.
79. Газ. «Гуммет», 8 апреля 1918, № 39.
80. Газета «Знамя труда», № 95, 18 июля 1918 г.; Газета «Известия Бакинского Совета», № 143, 21 июля, 1918 г.

81. Газ. «Гуммет», 8 апреля 1918, № 39
82. Газета «Известия Бакинского Совета», № 107, 6 июня 1918 г.
83. Исмаилов Эльдар. Степан Шаумян – обреченный на забвение..., с.286
84. Газета «Известия Бакинского Совета», № 143, 21 июля, 1918 г.
85. Газ. «Бакинский рабочий», 25 апреля 1918 г., № 74.
86. Байков Б.П. Воспоминания..., Глава XI.
87. Газ. «Известия Бакинского Совета» 30 апреля 1918 г., № 80; Большевики в борьбе..., с.382.
88. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 85, л.74.
89. Газ. «Известия Бакинского Совета», 25 мая 1918 г., № 97; Большевики в борьбе..., с.432
90. Микоян А.И. Дорогой борьбы. Москва, 1971, с. 150.
91. Там же.
92. Большевики в борьбе..., с.552.
93. Большевики в борьбе..., с.398.
94. Там же, с. 397, 403-404, 667.
95. Газ. «Бакинский рабочий», 24 мая 1918 г., № 94, Большевики в борьбе... с. 430.
96. Газ. «Известия Бакинского Совета» 17 мая 1918 г., № 91, Большевики в борьбе..., с.407.
97. Там же.
98. Большевики в борьбе..., с.369.
99. Газ.«Известия Бакинского Совета», 1 мая 1918 г., № 81; Большевики в борьбе..., с.368.
100. Газ.«Бакинский рабочий», 24 мая 1918 г., № 94; Большевики в борьбе..., с.430
101. АПД УДП АР, ф. 303, оп.1, д.3, л. 13; Большевики в борьбе..., с.408.
102. Газ. «Известия Бакинского Совета» 17 мая 1918 г., № 91; Большевики в борьбе..., с.407.
103. Газ. «Бакинский рабочий», 8 июня 1918 г., № 107, Большевики в борьбе..., 479.
104. АПД УДП АР, ф. 276, оп.2, д.20, л. 85;
105. Газ. «Правда», 12 июня 1918 г., № 117.
106. Газ. «Известия Бакинского Совета», 28 мая 1918 г., № 99; Большевики в борьбе..., с.432.
107. Там же, ... с.433.
108. Кавказский Календарь на 1917 г., Тифлис, 1916, стр. 178-181.
109. Газ. «Известия Бакинского Совета, № 105, 4 июня 1918 г.; Большевики в борьбе..., с.445.
110. Газ. «Баки Шурасы эхбари», 31 мая 1918 г., № 39; Большевики в борьбе..., с. 440.
111. Газ. «Известия Бакинского Совета, № 105, 4 июня 1918 г.; Большевики в борьбе..., с.445.
112. Газ. «Бакинский рабочий», 29 мая 1918 г.
113. Газ. «Известия Бакинского Совета, № 105, 4 июня 1918 г.; Большевики в борьбе..., с.445.
114. ГА АР, ф.970, оп.1, д.1, л.47.

115. ГА АР, ф.894, оп.10, д.50, л.1-3.
116. Большевики в борьбе..., с. 417-419.
117. Там же, с. 425
118. Документы по истории гражданской войны в СССР. М., 1941, т.1, с.287.
119. Большевики в борьбе..., с.508.
120. Документы по истории гражданской войны в СССР,.. т.1, с.518-519.
121. Шаумян С.Г. Избранные произведения..., 328.
122. Документы по истории гражданской войны в СССР...,т.1, с.518
123. Балаев Айдын. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг., Баку, 1998, с. 223.
124. Ратгаузер Я., Революция и гражданская война в Баку. 1917-191. Баку, 1927, с. 194.
125. Газ. «Известия Бакинского Совета, 18 июня 1918 г., № 116.
126. Шаумян Сурен. Бакинская Коммуна. Баку, 1927, с. 29.
127. Там же.
128. Большевики в борьбе..., с.523.
129. Шаумян Сурен. Бакинская Коммуна... с. 43-44.
130. Микоян Аностас. Дорогой борьбы..., с.151.
131. Там же, с. 158-159.
132. Большевики в борьбе..., с.582
133. Микоян Аностас. Дорогой борьбы..., с.153,
134. АПД УДП АР, ф.276, оп.2, д.20, л.86.
135. Там же.
136. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 1, л.9.
137. Там же.
138. Газ. «Известия Бакинского Совета», 7 июля 1918 г., № 132; Большевики в борьбе..., с.547.
139. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 1, л. 9; д. 106, л. 72-76.
140. Там же, д. 85, лл. 10,17, 19, 23, 38, 42, 61, 66, 68, 72, 83, 91, 105-111, 130; д. 6, лл. 75, 100, 110, 114,128, 129,155, 158;
141. Там же, д. 85, лл. 57, 99, 103, 113, 115, 120, 127; д.106, л. 76; д. 87, л.16

6. Деятельность Чрезвычайной Следственной Комиссии в гор. Шемахе и Шемахинском уезде

1. Газета «Азербайджан», 30 марта 1919 г., № 67.
2. ГА АР, ф. 894, оп.3, д.78, л.9
3. Там же, л. 6
4. Там же, лл.4,12
5. Там же, л.10.
6. Адрес-календарь Азербайджанской республики на 1920 г. см.: История Азербайджана по документам и публикациям, Баку, 1990, с. 175.
7. См.: Азербайджанская Демократическая Республика. Баку. 1998, с. 101-105
8. ГА АР, ф. 2621 с, оп.1, д.26, л. 55.
9. Там же, л.29-32; ф. 894, оп.4, д. 64, л. 65-68.

10. Там же, ф. 894, оп.4, д. 64, л.25
11. Там же, л.17
12. Большевики в борьбе..., с. 348.
13. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 1, л.9.
14. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.223.
15. ГА АР, ф.894, оп.4, д.64, л.17.
16. Там же, ф.2621,оп. 1, д.18, л.1-2
17. Там же, ф.894, оп.4, д.92, л.2
18. Там же, ф.264, оп.1, д. 18, лл. 4, 7-9
19. Там же, ф. 894, оп. 4, д.64, л. 62
20. Там же, ф.264, оп.1, д. 18, л. 6
21. Там же, ф. 894, оп.4, д.92, л.2.
22. Там же, л. 3
23. Там же, ф.2621 с.,оп.1, д.18, л.8.
24. Там же, ф.894, оп.4, д. 64, л. 54-56.
25. Там же, л. 56.
26. Адрес-календарь Азербайджанской республики на 1920 г. см.: История Азербайджана по документам и публикациям, Баку, 1990, с. 175.
27. ГА АР, ф.2621 с, оп.1, д.26, л.10, 41, 53.
28. Там же, д.12, лл.13,14.
29. Там же, лл. 20, 24.
30. Там же, л. 16
31. Там же, л.4.
32. Там же, л.12.
33. Там же, д.10, л.2.
34. Адрес-календарь Азербайджанской республики на 1920 г. см.: История Азербайджана по..., с. 174-175.
35. ГА АР, ф.2621 с., оп.1, д.10, л.5,9.
36. Там же, с. 3.
37. Там же, л. 2, 11.
38. ГА АР, ф.1061, оп.1, д.105, л.1.
39. Более подробно о деятельности Чрезвычайной Следственной Комиссии см.:Рустамова-Тогида С.Р. Мартовские события 1918 г. в Баку: предпосылки, характер, последствия. В книге: Рустамова-Тогида С. Март 1918 г.Баку. Азербайджанские погромы в документах. Баку, 2009.
40. ГА АР, ф.100, оп.2, д.791, лл.132-133
41. ГА АР, ф.1061, оп.1, д. 106, лл. 2-22;71.
42. Там же, л.69-70
43. ГА АР, ф.1061, оп.1, д.1, л.4
44. См. Безугольный А.Ю. генерал Бичерахов и его Кавказская армия, Москва, 2011, с. 219-221; Раевский А. Английская интервенция и мусаватистское правительство, Баку, 1927, с. 33.
45. ГА АР, ф.1061, оп. 1, д. 99, л. 6-8.
46. Там же, лл. 13-15.
47. Там же, лл. 73-88.
48. Там же, л. 10.
49. Там же, л. 9.

50. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 220-223.
51. Там же, лл. 225-226.
52. Там же, лл. 8-10.
53. ГА АР, ф. 700, оп. 3, д. 2, л. 30.)
54. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 85, 86, 87.
55. Там же, л. 218.
56. Там же, лл. 229-231; 232-233; 234-235.
57. Там же, л.231.
58. Там же, лл. 231, 233.
59. Там же, лл. 39-41.
60. Там же. лл.43-63
61. Там же, лл. 223-224.
62. Там же, л. 249, 269-272; д. 109, л. 97.
63. Там же, д. 108, лл. 225-226.
64. Там же, л. 13-17.
65. Там же, лл. 18-19.
66. Там же, лл. 34-35.
67. Там же, 179-182.
68. Там же, л. 239.
69. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 110, лл. 5-6.
70. Там же, л. 551-60.
71. Там же, л. 54.)
72. Там же, лл. 78, 80; д. 111, л. 38.
73. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 110, л.56.
74. ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 123.
75. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 110, лл. 200-202.
76. Там же, л. 210.
77. Там же, л. 215.
78. Там же, л.216.
79. Там же, ф.700, оп.1, д.192, л.7-8.
80. Там же, л.15.
81. Там же, л. 1-2.
82. Там же.
83. Там же, л.11.
84. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 110, л. 73 -74; д. 108, л. 171 об.
85. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 9.
86. ГА АР, ф.100, оп.2, д. 791, л.135.
87. Газета «Знамя труда», Баку, 1919 г., 27 августа.
88. ГА АР, ф. 894, оп.7, д.5, л.1-2.
89. Там же, л. 33-34.
90. Там же, л. 1-2.
91. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 3, л.19-21.
92. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 1, лл. 27-29.
93. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 104, л. 32; д. 2, лл. 22-23.
94. Там же, д. 5, л. 16-19; д. 101, л. 23; д. 4, л.14-15.
95. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 102, л. 61-62.
96. ГА АР, ф. 2787. оп.1, д. 576, л. 13.

97. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 148, л. 25.
98. ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 133.
99. ГА АР, ф. 895, оп. 3, д. 301, л. 16-17.
100. ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 151.
101. ГА АР, ф. 700, оп. 2, д. 12, л. 195; ф. 100, оп. 2, д. 195, л. 12.
102. ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 110, л. 234; оп. 1, д. 100, лл. 201-202.
103. См.: Армянский вопрос в азербайджанских документах. (1918-1920). Анкара, 2001 (факсимиле); Геноцид азербайджанцев в 1918-1920 гг. Документы и материалы. Баку, 2001; Азербайджанская Демократическая Республика, Баку, 1998; А. Балаев. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку, 1998; Б. Наджафов. Лицо врага. Ч. I, Баку, 1993; Часть II, Баку, 1994; А. Халилов. Геноцид против мусульманского населения Закавказья в исторических источниках. Баку, 2000; А. Пашаев. По следам нераскрытых страниц. Баку, 2001 (на азерб. яз.), М. Мелик-Амедов. Кровавое ущелье. Кубинская трагедия 1918 г. Баку, 2009 (на азерб. яз.), и т.д.
104. Рустамова-Тогиди С. Март 1918 г. Баку. Азербайджанские погромы в документах. Баку, 2009, 864 стр.
105. Рустамова-Тогиди С. Куба. Апрель-Май 1918 г. Мусульманские погромы в документах. Баку, 2010, 552 стр. с фотографиями.
106. Рустамова-Тогиди С. Азербайджанские погромы в фотографиях и документах. Баку, 2012, 208 стр. С фотографиями.

**Постановления
Азербайджанского Правительства об организации
Чрезвычайной Следственной Комиссии**

ДОКЛАД ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Вот уже четыре месяца, как разные части территории Азербайджана раздираются бандами, которые под именем большевиков, безответственных армянских воинских частей и прочее, творят неслыханные зверства над жизнью и имуществом мирного мусульманского населения. В то же время общественное мнение Европы настраивается совершенно противоположно благодаря неправильной информации, посылаемой организаторами этих банд. В интересах общегосударственных, в интересах потерпевших групп населения представляется безусловно необходимым создать организацию, которая занялась бы: 1. точной регистрацией всех случаев насилия, 2. обстоятельств, при которых совершались эти насилия, 3. установление виновников и размеров причинённых ими убытков.

Организация эта должна носить характер чрезвычайной следственной комиссии¹, причем труды этой комиссии должны быть оглашены на главных европейских языках (русском, французском и немецком, и, разумеется, турецком языках) и широко распространены.

К организации этой комиссии надо приступить теперь же ибо многое что легко можно установить теперь по горячим следам, в смысле опроса лиц, фотографирования и удержания других вещественных доказательств, позднее сделается затруднительным, а может быть совершенно невозможным.

Если Правительство соглашается с этой целью, то я просил бы поручить кому-нибудь из Министров организацию этой Комиссии и ассигновать временно на расходы этой комиссии 50.000 рублей.

Министр Иностранных Дел М.Гаджинский²

Елизаветполь 15 июля 1918 года

Государственный Архив Азербайджанской Республики, фонд 1061, опись 1, дело 95, лист 1 (далее: ГА АР, ф. оп. д., л.)

ВЫПИСКА

из журнала постановлений Правительства Азербайджанской Республики

от 15 июля 1918 года

Слушали: Доклад министра Иностранных Дел об организации Чрезвычайной Следственной Комиссии для расследования насилий, произведенных над мусульманами и их имуществом.

Постановили: Доклад министра Иностранных Дел одобрить и поручить ему организовать Чрезвычайную Следственную Комиссию для расследования насилий, произведенных над мусульманами и их имуществом в пределах всего Закавказья со времени начала Европейской войны.

С подлинным верно:

Помощник Секретаря (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп.1, д. 95, л.2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

31-го Августа 1918 года, гор Баку.

Во исполнение Постановления Правительства от 15-го июля 1918 года образовать Чрезвычайную Следственную Комиссию в составе председателя - присяжного поверенного Алекпер бека Хасмамедова³ и членов: Гянджинского Окружного Суда Исмаил бека Шахмалиева⁴ и Андрея Фомича Новацкова⁵, Товарища прокурора того же окружного суда Насреддин бека Сафикюрдского⁶, члена Гянджинского посялянского присутствия Николая Михайловича Михайлова⁷ и быв. Председателя Съезда Мировых судей действ. Статс. Советника В.Гудвилло⁸ и учителя Мирза Джавада Ахундзаде. Определить суточное вознаграждение: Председателю Комиссии – в размере 60 р. В сутки, членам комиссии, состоящим на государственной службе, в размере 40 руб., а остальным в размере 50 руб. Расходы по разъездам возместить по действительной стоимости. Предоставить комиссии приглашать секретаря, экспертов и др. лиц в коих встретится надобность.

За Министра Иностранных Дел Ф.Хойский⁹.

Председатель Комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 95, л. 3

РАЗДЕЛ I

Документы Чрезвычайной Следственной Комиссии о разгроме гор. Шемахи

Глава 1

Свидетельства жителей города Шемахи

Документ № 1.

Протокол допроса

1918 года, октября 23 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Азад--бек Коджаманбеков¹⁰, 42 л., жит. гор. Шемахи, проживаю временно в усадьбе «Коджаманкенд».**

После переворота я всем населением Шемахинского уезда был приглашен занять должность Шемахинского Уездного Комиссара. Не смотря на то, что полученная мною на войне рана в левое бедро вызвала у меня сильную хромоту, я уступил воле народа, согласился занять эту должность. Был образован в Шемахе Исполнительный Комитет, в который входили представители всех народностей и учреждений и национальных советов. В Исполнительный Комитет вошло много неинтеллигентного элемента, как например, агроном Паршак, чиновник, наблюдавший за виноградарством в армянских селениях и имевший поэтому очень близкое отношение к армянам. Этот Паршак вскоре после моего избрания стал интриговать против меня. Он свободно явился в местную команду и возбуждал против меня солдат, которым доказывал, что я, как служивший при царском режиме, не должен занимать должность комиссара и вдобавок к этому указывал на мою хромоту. Под его влиянием команда образовала Совет солдатских и рабочих депутатов, как противодействие Исполнительному Комитету. От Совета Сол. и Раб. Депутатов появился на сцене солдат Колданов. Я оставался Комиссаром и не сложил с себя этой должности потому, только, что уступал воле народа, в особенности мусульманскому населению, которое питало ко мне безграничное доверие, как при старом режиме, так и после переворота. Интриги и выступления этих господ с меня перешли на вес мусульманский народ. Паршак в Исполнительном Комитете, а Колданов на митингах выступали с зажигательными речами против мусульман. Они обвиняли мусульман в реакционности и в национальном шовинизме, и угрожали мусульманам четырьмя миллионами штыков, которые находились на турецком фронте. Многие русские и молокане¹¹ относились к этим выступлениям неодобрительно, так были случаи, что один молоканин побил Колданова после произнесения им провокационной речи на одном из митингов. Выступления этих господ волновали мусульманское население, не потому, чтобы они сами по себе могли иметь неприятные последствия для мусульман, потому, что армяне одобряли такие выступления и шли рука в руку с этими господами. Результаты начали сказываться. Я в качестве комиссара обратился в команду с требованием выдать ружья, принадлежавшие полицейской страже и хранившиеся в команде, для вооружения стражей и увеличения ее состава, так как в уезде начали появляться разбойничьи шайки. В

выдаче мне было отказано. Команда после нескольких неудачных выступлений вожаков, разошлась по домам. При уходе склад оружия и патронов был передан армянам, которые не считали даже нужным уведомить меня, Уездного Комиссара, и Исполнительный Комитет. Появился также на политическом горизонте прапорщик Артамонов, бывший учитель в сел. Джабаны-русские. Армяне и молокане с участием названных лиц решили сформировать вместе ушедшей команды гарнизон из армян и молокан с условием, что в гарнизоне могут служить только запасные. Так как мусульмане не служили в войсках, то запасных у них не было, и такое условие лишало мусульман права участвовать в гарнизоне. Они получили разрешение от властей и сформировали гарнизон из армян и молокан. Начальником гарнизона был армянин, а позже Артамонов. Этот факт сильно волновал мусульман, так как везде замечалось устранение мусульман от общественных организаций и проявление в виду этого враждебного отношения к мусульманам. Последние стали добиваться участия в составе гарнизона. Армяне противодействовали. Но несмотря на это, разрешение было получено и в состав гарнизона вошли 125 армян и молокан, как и 125 мусульман. Армяне и молокане содержались на счет казны, а мусульмане на счет общества. Требовалось, чтобы мусульмане жили в казармах и подчинялись дисциплине наравне с армянами и молоканами. В казармах армяне сторонились от мусульман и даже обижали их. При этом замечалось хищение армянами ружей и патронов из цейхгауза, напр., из двухсот тысяч патронов осталось только сто тридцать тысяч. По инициативе мусульман был организован Объединенный Комитет из мусульман, армян и русских с целью выяснить настоящее положение вещей. Мусульмане указали армянам на все их начинания, носившие враждебный характер по отношению к мусульманам, и призывали армян к мирному и братскому сожительству, заявив, что они не желают братоубийственной войны, как не желали ее и в 1905 году, когда почти везде мусульмане выступили против армян, где было смешанное население, а Шемахинские мусульмане не выступили против них, хотя были тогда хорошо вооружены и превосходили армян численностью так, что могли всех вырезать без потерь с их стороны. Армяне отмалчивались или говорили о братских чувствах к мусульманам. Но в их ответах чувствовалась неискренность. Наши общественные деятели: я, Муфтий, Асаф Шихали-беков, Теймур-бек Худавердов, Казий, Ахунд Джафар-Кули и другие призывали мусульманское население к спокойствию и мирной жизни с армянами и убеждали их, что со стороны армян мусульманскому населению никакая опасность не угрожает. Армяне пользовались этим.

События развивались и одно серьезнее другого. Я получил телеграмму от наших представителей, что из Баку по Маразинской дороге армяне везут несколько фургонов оружия. В это же время были получены сведения, что мусульмане Маразинского района готовятся нападать на фургоны и отнять оружие. Это было 20 января¹² с.г. С целью не допустить до кровопролития, по

инициативе мусульманских представителей была избрана делегация из мусульман и армян, которая поехала в Маразы. В виду распутий делегация вынуждена была вернуться, но я и Муфтий послали письменное увещевание окрестному населению, чтобы оно пропустило фургоны с оружием без эксцессов, объяснив населению, что оружие не будет использовано против мусульман. Население повиновалось и армяне доставили оружие в молоканские и армянские села. Было выяснено, что запасные армяне возвращались домой с фронта с двумя, а то и тремя винтовками.

В феврале месяце была получена телеграмма из Баку, что в армянские села Шемахинского уезда возвращается отряд запасных армян с оружием, при этом была просьба, чтобы принять меры к охране отряда от выступления против него мусульманского населения, но не была указана дорога, по которой должен был идти отряд. Я решил, что отряд может прибыть или со стороны Кюрдамира по шоссе на дороге, или со стороны Маразов по грунтовой дороге. Оказалось, что отряд высадился на полустанции Падар и тайно направился по степи к горам. Как потом выяснилось, отряд избрал этот путь, так как нес с собой кроме ружей, пулеметы и снаряды. По дороге отряд убил несколько человек мусульман. Когда отряд подходил к селению Биджов, биджовцы открыли по ним стрельбу. Сознательно, или же приняв отряд за разбойников, не выяснено. Произошла перестрелка. Отряд прорвался. С обеих сторон были жертвы. Это событие имело очень важное последствие. В первой половине марта мы получили сведение, что отряд армянских войск в две-три тысячи человек с большим транспортом всякого оружия, как-то: пушек, пулеметов, под начальством Артамонова, в полном боевом порядке едет на Шемаху. Известие это взволновало все мусульманское население. Была избрана делегация, в которую со стороны мусульман вошли я, казий и Асаф бек Шихалибеков, а со стороны армян: епископ Баграт и армяно-лютеранский пастор Караханянц. Мы должны были выяснить, какие цели преследует отряд, просить его не заходить в Шемаху и предложить ему сдать все оружие в Шемахинский гарнизон. В Козлы-Чае мы встретились с отрядом. Переговоры мы вели с Артамоновым и другими представителями отряда армянами. Нам ответили, что отряд не преследует никаких воинственных целей, что он намерен водворить в уезде порядок и уничтожить разбойничьи шайки. Сдать оружие в Шемахинский гарнизон они категорически отказались. Но, после долгих настояний согласились пройти в Матрасы мимо Шемахи.

По всей обстановке можно было судить, что у отряда есть другие задачи. Нас хотели даже взять заложниками, но, в конце концов, отпустили нас. По возвращении в Шемаху делегация сделала доклад представителям населения о результатах переговоров. Настроение было повышенное. Все ожидали каких-то событий. 14 марта, когда мы, общественные деятели мусульманского населения, совещались и призвали к спокойствию собравшийся народ, разнеслись слухи, что армяне расхищают оружие из гарнизона. Собралось довольно значительное число мусульман вооруженных, и бросились к гарнизо-

ну. Мы не в силах были удержать их. Произошла перестрелка, и мусульмане напали на гарнизон. Значительная часть ружей и патронов оказалось расхищенной. Мне удалось вскоре восстановить порядок и прекратить стрельбу. В то же время были получены сведения, что армянский отряд выступил из Козлы-Чая и движется на направлении к Шемахе. Решено было занять подступы к городу народной милицией и добровольцами крестьянами, чтобы не пропустить отряд в город. Во главе милиции стоял Тарлан бек Алярбеков¹³. Милиции строго было поручено не открывать стрельбы по отряду, если он пройдет мимо города. Однако между отрядом и милицией произошла перестрелка, которая продолжалась несколько часов. С обеих сторон были жертвы. Кто виноват в этом столкновении, может объяснить Алярбеков. В это время, когда за городом происходила перестрелка, неорганизованные мусульмане крестьяне напали на окраине города на дома армян и стали их обстреливать, причем подожгли несколько домов. Был также подожжен дом врача Сазонова. Этот факт можно объяснить только недоразумением. Столкновение армянского отряда с мусульманами окончилось победой первых. Армяне прошли в Матрасы со всем оружием. Вскоре и в городе прекратилась перестрелка. Мы разъезжали по городу, и призывали народ успокоиться и не волноваться. Собрались представители всех национальностей. Был заключен мир. Все обязались на бумаге жить мирно и не нарушать порядка. Бумага была подписана и представителем армян епископом Багротом. Были устроены торжества. Мусульмане успокоились. Вооруженные крестьяне мусульмане разошлись по домам.

Вдруг 18 марта, на рассвете, послышались пушечные выстрелы. Оказалось, что Шемаха была окружена армянами и молочанами, которые бомбардировали ее. Мусульмане взялись за оружие и начали отстреливаться. Но защищались не долго и отступили. Произошла паника в городе. Армяне и молочане ворвались в город, в отделение «Пира-Ширван», начали поджигать дома и из-за углов и дома Лалаева расстреливать людей, мужчин, женщин и детей. Вечером мусульмане решили сдаться. К армянам были отправлены парламентарии Ахунд Джафар-Кули и врач Сазонов, который находился тогда с семьей у Саламовых, приютивших его после поджога его дома. Армяне прекратили стрельбу. Мусульмане согласились на все условия армян. На другой день было им выдано все оружие. После выдачи оружия армяне продолжали убивать жителей, мужчин, женщин, детей, стариков, при этом они многих мучили, как например, беременным женщинам распаривали животы, обрезали груди, вымогали деньги под угрозой убийства или поджога дома, грабили, награбленное имущество на арбах и фургонах увозили в армянские селения. Я лично видел горы трупов на улицах и видел как увозили награбленное. Такие же насилия совершали и молочане, но на третий день они опомнились, и не только сами перестали чинить бесчинства и зверства, но и армянам запретили. Через несколько дней прибыл Исмаил Хан¹⁴ с мусуль-

манскими войсками. Армяне и молукане бежали. Население начало возвращаться. Но, к сожалению, Исмаил Хан чрез три дня ушел из Шемахи, с ним бежало очень много шемахинцев, уехал и я, не успев взять с собой ничего из движимого имущества. Когда вернулся в Шемаху, после изгнания из нее армян турками, нашел ее в развалинах, все уничтожено пожаром. Мой дом со всеми службами и постройками сожжен, пропала вся обстановка, ковры, постель, носильное платье, дамское и мужское, посуда, золотые и серебрянные вещи, вообще все, что у меня было. Мои убытки в Шемахе оцениваю в триста тысяч руб. Кроме того оказалась сожженной дотла моя усадьба, поселок «Коджаманкенд», находящаяся в 7 верстах от Шемахи. Усадьба состояла из жилого дома со службами, амбаров, сараев, мельницы и других построек. Вся обстановка оказалась расхищенной, пропали земледельческие орудия, часть скота, девятьсот тагаров пшеницы и 60 тагаров ячменя и много других вещей. От разорения моей усадьбы получил убытка более чем на один миллион рублей. Я не могу назвать по именам и фамилиям виновников, причинивших мне эти убытки, но вообще обвиняю молукан и армян Шемахинского уезда. Более показать не имею.

Подпись: Капитан Азад бек Коджаманбеков.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 44-50.

Документ № 2.

Протокол допроса

1918 года, октября 15 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Асаф бек Шихалибеков, 32 л., проживаю в сел. Османбеки.

После переворота я был председателем Шемахинского Мусульманского Национального совета. Одно время в Шемахе существовал Совет солдатских и рабочих депутатов, во главе которого стоял некто Колданов. Этот Колданов вел себя по отношению к мусульманскому населению вызывающе и провоцировал его на митинги, устраиваемых им, выступал речами против мусульман, которых обвинял в том, что они скрывали муку, мануфактуру и другие предметы первой необходимости. Угрожал мусульманам обысками, объявив, что будут обысканы их все сундуки и женские отделения. Не чувствуя себя довольно сильным, он хлопотал об усилении Шемахинской команды сотней казаков. Армяне, зная об отношении Совета солдатских и рабочих депутатов к мусульманам, тем не менее, вошли с ним в контакт и шли с ним рука об руку, указав этим, что они одобряют поведение Совета по отношению к мусульманскому населению. Не получив ожидаемого подкрепления в лице сотни казаков и не

чувствуя себя прочно в Шемахе, Совет решил уйти из Шемахи со всей командой. При уходе он сдал все оружие, находящееся в складе, армянам в лице армянских офицеров, случайно оказавшихся в Шемахе Гюльбандову и Иванову, причем понятым при сдаче был приглашен лавочник Иванов. Армяне обошли мусульман и даже не считали нужным известить об этом факте Уездного Комиссара Азад бека Коджаманбекова, ни Национальный Мусульманский Совет. Вместо ушедшей команды был образован местный гарнизон из армян и молокан. Во главе гарнизона армяне поставили армянского офицера Гюльбандова. Мусульмане требовали, чтобы в гарнизон были допущены и мусульмане и чтобы во главе гарнизона стоял мусульманин. Армяне противодействовали этому всеми мерами. В конце концов в гарнизон были допущены мусульмане в числе 125 человек и такое же число армян и молокан. В виду такого отношения к мусульманам между ними начались трения, тем более что замечалось усиленное стремление армян к вооружению. С фронта армяне возвращались в полном вооружении и неоднократно случалось, что один солдат нес три ружья. Мусульмане волновались. В декабре 22 числа 1917 года Шемахинский Уездный Комиссар получил телеграмму из Кюрдамира о похищении из Кюрдамирского цейхгауза оружия. Было выяснено, что оружие из упомянутого цейхгауза было похищено армянами и под конвоем армянского отряда, командиром которого был прапорщик армянин Иванов, на нескольких фургонах было отправлено в Шемаху. Отряд был достигнут в с. Ахсу. Армяне отказались вернуть оружие. Возбужденные окрестные крестьяне разгромили фургоны и растаскали оружие. Представляю копию телеграмму об этом случае на имя Шемахинского Уездного Комиссара. (Копия телеграммы от 22 декабря за № 83 представлена и приобщена к делу). После этого случая городской голова Теймур Ага Худавердов созвал в помещении городской управы представителей армян и мусульман с целью выяснить отношение армян к мусульманам. Мы, мусульмане, упрекали армян в неискренности и лицемерии по отношению к нам, указали им на все их выступления, как дружба с Колбановым, захват склада с оружием без ведома Уездного Комиссара и Мусульманских организаций, стремление к вооружению и, наконец, похищение оружия из Кюрдамирского цейхгауза, и просили их быть с нами искренними и откровенными, если они на самом деле желают жить с нами в мире, как подобает соседям. Армяне то отмазывались, то неудачно оправдывались. Мы им со своей стороны заявили, что не желаем с ними разрыва и желаем жить мирно. Мы разошлись, надеясь, что поведение армян изменится. Но ошиблись. Через несколько дней мы получили из Баку сведение, что из Баку армяне везут транспорт оружия в двенадцати фургонах по Маразинской дороге в армянские и молоканские селения. Мусульманам не удалось воспрепятствовать этому, и оружие было доставлено по назначению. В феврале месяце армянский отряд тайно высадился на полустанции Падар и по степи следовал в армянские селения, расположенные в горах с большим транспортом всякого оружия. Отряд этот имел столкновение

возле сел. Биджов с биджовцами. Пострадали обе стороны и отряду удалось прорваться. Мусульманское население все больше и больше волновалось и требовало от своих представителей решительных действий. Мы успокаивали население и сдерживали его от всяких выступлений. Это удавалось нам. Но к несчастью, армяне действовали все агрессивнее и агрессивнее, ибо уже в первой половине марта мы получили сведения, что из Баку идет в Шемаху отряд в три тысячи человек, состоявших из армян и молокан, и что отряд этот везет с собой большой транспорт оружия, вплоть до пушек и пулеметов. На встречу отряду в сел. Козлы-Чай была отправлена делегация, в которую вошли со стороны мусульман я, Казий и Азад бек Коджаманбеков и со стороны армян епископ Баграт и армяно-матрасинский пастор Караханянц. Задача делегации заключалась в том, чтобы выяснить цель прибытия отряда и добиться, чтобы отряд не шел в Шемаху. После усиленных настояний дано было делегации обещание, что отряд пройдет мимо Шемахи, что же касается цели его похода, то нам ответили, что отряд идет навести в уезде порядок, восстановить сообщение и наказать биджовцев за выступление против их братьев. Мы им отвечали, что порядок восстановим сами, а если у нас не хватит сил, то обратимся к ним, и предложили им сдать оружие в Шемахинский гарнизон. Они отказались. Делегация вернулась в Шемаху: население ждало результаты переговоров с нетерпением. Мы доложили населению результаты поездки и просили не волноваться, и что все будет благополучно. Словом, не желали допустить до кровавых выступлений. На другой день мы собрались и решили послать в Тифлис в Закавказский Комиссариат¹⁵ ходатайство о присылке нам помощи для защиты против армян и большевиков. В это самое время распространился слух, что армяне в виду назначения Тарлан бека Альярбекова начальником гарнизона, стали расхищать из склада оружие. Масса вооруженных мусульман бросилась наверх к гарнизону. Я слышал и несколько выстрелов. В этом же день выехал в сел. Османбеклы. На другой день отправил семью в сел. Тора, а сам остался охранять имущество. Через два дня выехал совсем из сел. Османбеклы в сел. Тора. О Шемахинских событиях мне ничего лично не известно. Вернулся в селение после прихода мусульманских войск. Часть имения была сожжена, именно: один дом, движимое имущество частью было расхищено. После ухода мусульманских войск я уехал в Геок-чайский уезд. По возвращении в селение по занятии Шемахи турками нашел все три дома сожженными и движимое имущество мое отчасти было сожжено и отчасти расхищено. От разгрома и пожара понес убытка двести тысяч рублей. В Шемахе в доме моего родственника Мамед Али бека Вейсова хранились мои два сундука с золотом и серебром и несколько «бохча» с дамскими платьем, персидскими шальями, тирма шальями и шелковой материей, стоимостью по двести пятьдесят тысяч руб. Эти вещи были оставлены в доме Вейсова, когда он бежал. Их не оказалось. Надо полагать, что они похищены, или же сгорели.

Сознательными подстрекателями к выступлению армян против мусульман считаю Гюльбандовых, отца и сына, Иванова, сына, офицера, по имени мне неизвестного, и вообще армян офицеров. Более показать не имею. Читано.

После прочтения протокола заявляю, что Колданов вообще возбуждал своей деятельностью национальную вражду между христианами и мусульманами, за что публично на Красной улице был побит молоканином. Что касается доставки армянами оружия на фургонах чрез с. Маразы, то окрестное население желало напасть на фургон и отнять оружие. Это было предотвращено, благодаря тому, что Муфтий обратился к населению письменно с успокоительным воззванием. Что касается моего выезда из Шемахи 14 марта, то он был вызван не только желанием спасти семью, но и тем, что, несмотря на мою и Муфтию предложение не выступать активно до возвращения предполагаемой к отправлению делегации в Тифлис, население выступило.

Подпись: А.Шихалибеков.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 33-37.

Документ № 3.

Протокол допроса

1918 года сентября 17-21 дня, г. Гянджа

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного, который показал:

Зовут меня **Мамед Али бек Вейсов, 38 лет, жит. гор. Шемахи, временно проживаю в г.Гяндже, мусульманин, грамотен.**

Я уроженец Шемахи. Почти безвыездно проживал в Шемахе, где занимался торговлей. Во время переворота¹⁶ находился в г. Баку, где состоял членом съезда¹⁷ со стороны шемахинцев. 27 апреля 1917 года я был командирован в г. Шемаху для агитации и организации среди крестьян Шемахинского уезда. В Шемахе я был членом Исполнительного комитета, а также членом Городской Думы. О разгроме гор. Шемахи и насилиях над мусульманским населением могу показать следующее. Разгром гор. Шемахи был подготовлен заранее армянами. Еще 1 января 1918 года Исабек Ашурбеков¹⁸ сообщил мне в Баку, что из Баку отправлено двенадцать фургонов разных снарядов в Шемаху для раздачи между крестьянами армянами Шемахинского уезда. В международном совете было постановлено, что два фургона этих снарядов будут даны мусульманскому населению в лице мусульманского комитета. Но армяне под разными предлогами отказывали в выдаче национальному комитету снарядов и оружия, и все снаряды и оружие оставили себе. По причине перевозки этих снарядов и оружия в г. Шемахе мусульманское население начало тревожиться и волноваться. В скором времени после этого, ибо уже в январе месяце Шемахинские армяне стали усиленно продавать свое движимое и недвижимое имущество, и сами уезжали в

разные города и укрепленные армянские селения, какие Матрасы, Сагиан и др., именно: Аршак Арменович Тараев продал недвижимое имение шемахинцу Гаджи Джафару Исмаилову, Джангир Тараев продал бывшее имение Волкова Алихан беку Эюббекову, движимое же имущества продали все Шемахинские армяне и в частности богатую и роскошную обстановку продал Артем Авакянц. В первой половине февраля Шемахинский мусульманский комитет от Бакинского Национального Мусульманского Совета и Шемахинский Армянский Комитет от своего совета получили телеграмму о том, что из г. Баку следует в г. Шемаху отряд бывших солдат-армян с просьбой принять меры к недопущению эксцессов, но не было указано, по какой дороге отправляется этот отряд и в каком количестве, причем в телеграммах Армянскому Комитету было сказано, что отряд следует с оружием. Вследствие этой телеграммы Шемахинский Национальный Совет отправил письмо Кюрдамирскому Национальному Комитету просьбу о недопущении в отношении отряда каких-либо выступлений и послал письмо маразинцу Шахсувару с такой же просьбой. Армянский Комитет на свою телеграмму реагировал так же. Армянский архиепископ Баграт составил телеграмму от межнационального совета на имя Кюрдамирского комиссара и Мусульманского Комитета в Кюрдамире с извещением о следовании отряда и с просьбой недопущении эксцессов. Так как телеграмма была составлена и послана архиепископом Багратом без созыва межнационального совета и так как в телеграмме из Баку не было указано по какой дороге отправляется отряд, то мусульманский национальный комиссар делегировал меня к архиепископу Баграту для выяснения почему он отправил телеграмму именно в Кюрдамир, и с просьбой, чтобы он созвал межнациональный совет для обсуждения этого вопроса. Архиепископ Баграт ответил мне, что уже поздно, а потом сказал: «Хорошо», но совета не созвал. В конце концов оказалось, что отряд не пошел ни по Шемахинской дороге через Маразы в Шемаху, ни через Кюрдамир, а не доезжая до станции Кюрдамир, высадился на ст. Падар и по степи направился в сел. Ленгебиз, а оттуда по дороге «Давабойны» в сел. Биджов, затем намерен был из Биджова отправиться в армянские селения, расположенные в горах. По дороге в Биджов отряд этот убил двух кошадцев. Весть об убийстве кошадцев дошло до Биджова. Так как незадолго пред тем ходили слухи, что шахсеваны¹⁹ собираются напасть на селения, расположенные в горах, то биджовцы, предположив, что идут шахсеваны, устроили засаду, послав предварительно на встречу отряду несколько стариков для переговоров. Старики не вернулись, а отряд двигался вперед и подошел к окопам около Биджова. Тогда биджовцы, сидевшие в окопах, произвели несколько выстрелов в воздух. На эти выстрелы отряд дал залп, которым были убиты десять человек биджовцев. После этого произошла перестрелка, и все селение приняло участие в бою. Во время этого боя было убито несколько человек биджовцев, а армян, как подтвердил Армянский Комитет, было убито и ранено сорок человек. Потом выяснялось, что посланные на встречу отряду биджовские старики были убиты армянами. Шемахинский Мусульманский Национальный Комитет произвел сек-

ретное дознание и выяснил, что отряд этот нес массу всякого оружия и снарядов, поэтому шел тайными путями и убивал мусульман, чтобы скрыть это, а телеграмму послали из Баку в Шемаху без указания дороги по которой преследуют, чтобы отвлечь внимание жителей окружающих селений. Должен заметить, что о Биджовских событиях я показываю со слов других очевидцев, а именно Изатуллы Гаджи Баба оглы, Джафара Кулия Рагим оглы и Касума Наги оглы, последние двое во время боя находились в селении Биджов, куда поехали для закупки пшеницы. Дальше, после разгрома укрепленного селения Матрасы, там было найдено четыреста пятьдесят мешков муки, двадцать пять бочков соленой рыбы и очень много копченого мяса. Это доказывает, что армяне делали запасы. Кроме того, укажу на такое обстоятельство: 16 марта с.г. т.е. за два дня до разгрома Шемахи, я спросил родственника помещиков Шихалибековых Балабека Ахмедбекова, где находятся наши родственники Шихалибековы. Он мне тогда ответил, что армяне, старые их друзья, предупредили их выехать из имения Османбеклы куда-нибудь в безопасное место и что Шихалибековы ввиду этого переехали в сел. Нюгды. Помню еще такой случай. В первых числах марта был я у шемахинца парикмахера Ованеса, фамилию его не знаю, во время разговора с ним он мне сказал, что ложась спать он молится Богу, чтобы Он скорее послал землетрясение для Шемахи. Я стал упрекать его за это. Тогда он объяснил мне, что Шемаху ожидает другое, более страшное, чем бывшее землетрясение. В парикмахерской этого же Ованеса был еще такой случай. Ованес поссорился с Комиссаром из за податей. Когда я их помирил и когда Комиссар ушел, я спросил Ованеса, почему он устраивал скандал в такое время, когда из одной искры может произойти большой пожар. Тогда присутствовавший там портной Бабаджан, фамилии его не знаю, сказал: «что это вы, мусульмане, постоянно призываете к тишине и спокойствию, чтобы не произошел пожар. Рано или поздно, чем скорее, тем лучше». 12 марта с.г. председатель Интерпартийного Комитета²⁰ Эфендиев²¹ сообщил из Баку в Шемаху председателю Мусульманского Комитета Теймур-бека Худавердову и его товарищу Гаджи Сафтару Гасанову по прямому проводу, что 11 марта выступил из Баку в Шемаху отряд в тысячу двести человек в полном вооружении. Этот же факт подтвердил и наш агент в Баку Аbüль Касум Эмин-Заде. Когда запросили в Баку члена Армянского Национального Совета доктора Атабекова, верно ли, что такой отряд отправлен и почему он вооружен, когда, после Биджовских событий, было постановлено, чтобы отправлялись без оружия, которое должно выдаваться Шемахинским Мусульманским Национальным Советом, то он ответил, что отряд отправлен Советом Солдатских и рабочих депутатов и поэтому сумеет дойти до места назначения. 13 марта утром приехали из Баку в Шемаху представитель партии «Мусават»²² и представитель Интерпартийного Комитета, явились к председателю Мусульманского Национального Совета Теймур беку Худавердову, ему только предъявили свои документы и сообщили, что означенный отряд идет в Шемаху чтобы ее завоевать и подчинить своей власти, что после завоевания Шемахи он отправиться в г. Геокчай, где со-

единиться с тамошними армянами, оттуда уже через Арешский уезд в г. Нуху, и там укрепиться, и будет в ожидании прибытия из Баку другого отряда с броневиком в Евлах; к этим двум отрядам должен будет присоединиться третий из Шуши, и все три отряда двинутся на Елисаветпол, главный очаг всех мусульманских интриг, причем отряды по пути следования должны разрушать мусульманские села, чтобы обезопасить себе тыл. Получив эти сведения, Мусульманский Комитет обратился к армянскому комитету с предложением составить делегацию и отправить ее к отряду с тем, чтобы уговорить его миновать Шемаху и избегать всяких эксцессов. Армяне согласились, была составлена делегация из трех армян и трех мусульман. От армян вошли в делегацию архиепископ Баграт, пастор Караханянц и Михаил Арзуманов, а от мусульман: казий Абдул-Халых-Эфенди, Председатель Исполн. Комитета Шихалибеков и Шемахинский комиссар Коджаманбеков. Делегация поехала в сел. русские Маразы. Там узнали, что отряд отправился уже в Козлы-чай (Хильмили). На другой день в 5 час. утра прибыл в Шемаху стражник, посланный Коджаманбековым, и сообщил нам, что в отряде находятся 600 лошадей, восемь орудий и двенадцать пулеметов, и что по пути из Арвата в Дженги отряд встретил восемь человек мужчин мусульман, одну женщину и двое детей, всех их убил; причем Коджаманбеков сообщал через стражника, что он опасается за судьбу Шемахи, так как отряд едет в полном боевом порядке, и что, ввиду этого делегация направляется вслед за отрядом в Козлы-чай, чтобы выяснить в чем дело и если со стороны отряда угрожает опасность, принять меры к предотвращению ее. 13 марта в 3 часа дня делегация вернулась в Шемаху и остановилась в доме Муфтия, где собрались члены Мусульманского комитета и передовые люди для получения сведений и выслушания отчета о действиях делегации. Я находился там в числе других. От имени делегации говорил архиепископ Баграт. Он сообщил, что отряд шел в Шемаху, где должен был оставить часть солдат, а остальные должны были отправиться в сел. Матрасы. Но вследствие настоящей делегации отряд изменил свое намерение и миновав Шемаху, пройдет прямо в с. Матрасы. На мои расспросы архиепископ Баграт сообщил, что отряд состоит из трехсот молокан Шемахинского уезда, а остальные девятьсот человек армяне разных уездов, как-то: Геокчайского, Шекинского (Нухинского) и даже Эриванского, а остальные Шемахинского уезда, причем армян трех первых уездов было около трехсот пятидесяти человек. На вопрос, зачем эти отряды идут в Шемаху, архиепископ ответил, что они направляются домой чрез Шемаху, потому что другие дороги закрыты и небезопасны. Дальше архиепископ сообщил, что оставшиеся в Матрасах армяне восстановят порядок в Шемахинских казармах, восстановят казарменную жизнь, обезоружат крестьян окрестных селений, будут оказывать помощь Шемахинскому комиссару и откроют и обезопасят пути сообщения. Когда я у себя дома спросил члена делегации Шихалибекова, почему он расстроен и беспокоен, он мне сказал, что прапорщик отряда, шемахинец Долюянц - Петросянц и некий Артамонов подошли к нему в Козлы-чае и Долюянц-Петросянц сказал ему: «что вы думаете,

что вы являетесь хозяином этой земли? Нет, хозяином являемся мы, и мы вам покажем, как надо подчиняться власти!» А Артамонов сказал ему, что чрез дней десять выйдет из Баку отряд с двумя броневиками, разрушит надежное мусульманское селение Кюрдамир, и мусульмане будут со всех сторон окружены и побеждены. На мой вопрос, почему он не сообщил этого на совещании у муфтия, Шихалибеков ответил, что он не хотел разжигать страсти. Того же, 13 числа в 9 час. вечера прибыл в Шемаху с двумя товарищами шемахинец, наемный солдат Мурсал Мамедов и сообщил, что следовав из Баку с означенным отрядом, был свидетелем, как отряд по дороге от Арвата в Дженги убил восемь человек мусульман, одну женщину и двое детей, и что, зная армянский язык, подслушал, как в отряде говорят, что отряд из Козлы-чая чрез Чухур-Юрт направится в Шемаху. В то же время из ближайших селений с Ангехарана прискакал верховой и сообщил, что чухур-юртские молокане, старики, предупредили их, чтобы они ушли куда-либо в безопасное место, так как отряд при следовании чрез Ангехаран может напасть на них. Тогда решено было принять меры защиты. Был сформирован отряд из мусульман-добровольцев шемахинцев и сельчан, которому приказано было окопаться по дороге между Ангехараном и Шемахой, и в случае, если армянский отряд направится в Шемаху, не допустить его, если же он пойдет мимо Шемахи, то не допускать никаких столкновений. Шемахинское духовенство с представителями Муфтием Мустафа-Эфенди, Гаджи Ших-Габибом и Джафар Кули Ахундом просили крестьян не поддаваться провокации и заклинали их на свои чалмы, чтобы они первые не произвели ни одного выстрела. На другой день, 5 час. утра мы получи сведения, что отряд преследовал благополучно через Ангехаран, и через Мейсары направился в сел. Матрасы. Вдруг 6 часов утра, когда отряд вышел из Мейсаров и перешел шоссе, в тылу отряда появились какие-то верховые и произвели беспорядочную стрельбу. Отряд ответил огнем, и в то же время из с. Матрасы начали стрелять из пушки. Тогда мусульмане, сидевшие в окопах, тоже открыли огонь. Перестрелка продолжалась до 11 часов утра. После прекращения этой перестрелки, армяне отступили к Матрасам, а мусульмане в Шемаху. При отступлении мусульман армяне, проживавшие в верхней части города, из домов и со дворов открыли по ним стрельбу, полагая по всей вероятности, что мусульмане будут стрелять в них. На эти выстрелы мусульмане тоже открыли огонь. Когда об этом стало известно в нижней мусульманской части, то мусульмане избрали почетных людей, которые по двум дорогам отправились наверх, чтобы выяснить недоразумение и прекратить стрельбу. Когда делегация проходила мимо дома врача Сазонова и почтальона, тогда в нее со дворов этих домов была открыта стрельба армянами. Крестьяне-мусульмане из мести подожгли эти два дома, которые и сгорели со всем имуществом. Вскоре по всему городу перестрелка прекратилась. В тот же день городской голова Теймур бек Худавердов получил письмо от архиепископа Баграта с выражением сожаления по поводу печального недоразумения и с предложением собраться межнациональному комитету для выяснения положения и примире-

ния. Межнациональный комитет собрался в доме Лалаева, на совещании решено было послать в Матрасы парламентаров для переговоров с представителями отряда. Парламентарями были избраны и отправлены Гаджи Ага-Баба Таиров и Гусейн Мемишев и с ними один армянин. На пол дороге их встретили вооруженные люди, завязали им глаза и привели в Матрасы, где разместили их в отдельных комнатах. На другой день утром, т.е. 15 марта парламентары принесли письмо на имя межнационального комитета. В письме армяне писали, что они желают переговорить с мусульманами, местом переговоров назначали речку Зогалавачай, при этом требовали, что в состав делегации вошел непременно Муфтий. Мусульмане согласились на эти требования и просили только отсрочить свидание. До 1 часу дня 15 марта на это письмо последовал ответ, в котором армяне назначали местом встречи делегации не речку Зогалавачай, а местность «Аллах-Акпер» за Ханским кладбищем 16 марта в 11 часов дня и чтобы с делегацией прибыли два турецких пленнх офицера. Мусульмане приняли и эти требования, и послали уведомить, что согласны. На эти уведомления армяне ответили, что если мусульмане желают вести с ними переговоры, то пусть делегация их прибудет в сел. Матрасы. Тогда мусульмане обратились к архиепископу Баграту с просьбой разъяснить эту игру. Архиепископ высказал свое удивление и неудовольствие, сказал, что отправится в Матрасы и убедит армян тамошних и представителей отряда принять этот мир, который был заключен между Шемахинскими мусульманами и армянами. 17 марта, около 5 час. вечера архиепископ поехал в Матрасы. До 5 час. утра 18 марта Межнациональный Комитет никаких сведений от архиепископа Баграта не получил, а в 5 час. утра того же дня из Матрасов открыли пушечную стрельбу по г. Шемахе, а в самой Шемахе армяне начали стрелять с верхней части по нижней мусульманской части. В это же время начались наступления армян со стороны Матрасов. Шемахинские мусульмане с оставшимися в городе крестьянами решили защищаться. Мусульмане держались до 12 часов дня, пока молokane со стороны сел. Джобаны не ударили им в тыл, открыв при этом стрельбу из пушек. После этого выступления мусульмане растерялись. Когда армяне-горожане заметили растерянность мусульман, они спустились с верхней части со стороны лютеранской церкви и со стороны «Пирран-Ширвана» в нижнюю часть и приступили к поджогам домов. Первый был подожжен дом Беюк бека Гусейнбекова, второй дом Гаджи Вагуба Алекперова, дом Теймура, дом Абуталыб бека Фаттахбекова и на пятом углу дом Гаджи Фатталибекова, Фаттахбекова, и врывались в дома бедных мусульман и убивали всех бес пощады, стариков, детей и женщин. Поджогами, как говорили мне очевидцы, ныне покойные Гаджи Али Аббас Аббасов, Ага-Салим Ибадов и Ага-Салим Сеидов, руководил парикмахер Ованес. Пальба из пушек, как со стороны Матрасов, так и со стороны Джобанов продолжалась до самого вечера 18 марта. Пожаром были уничтожен Верхний, самый богатый квартал Нижней части города. Армяне из-за углов убивали всех, кто пытался спасти что-либо из своего имущества. К вечеру стрельба из пушек прекратилась, но армяне Шемахинцы

продолжали обстреливать нижнюю часть. Ночью мусульмане собрались в доме городской головы Худавердова и решили без всяких условий подчиниться армянам и просили врача Сазонова и Джафара-Кули Ахунда как-нибудь пробраться в верхнюю часть к армянам и передать им решение мусульман. Армяне приняли Сазонова и Ахунда Джафар-Кулия. Ночью вернулся Сазонов и сообщил мусульманам, чтобы они были спокойны, так как по всей вероятности мир состоится. Впрочем, хорошо не помню, вернулся ли Сазонов ночью или на другой день. Несмотря на это пушечная стрельба возобновилась на другой день и продолжалось до 11 час. дня, а ружейная стрельба прекратилась в 2 час. дня. Это было указанием, что мир состоялся. Мусульмане вышли на улицу, появились также в нижней части вооруженные армянские солдаты, которые под разными предлогами стали обыскивать мусульман и отнимать у них деньги и ценные вещи. 20-го марта армяне приступили к полному разоружению мусульман, а в то же время тайно поджигали мусульманские дома и производили убийства. Это безответственное издевательство над мусульманами и хозяйничанье армян прекратились только 21 марта утром, когда в город вошли вооруженные молокане, которые приказали армянам прекратить убийства, поджоги, грабежи. Заступничество молокан за мусульман объясняется тем, что они введены были армянами в заблуждение, так как армяне первоначально убеждали их, что ведут с мусульманами политическую борьбу. Благодаря этому выступлению молокан был водворен временно мир и восстановлен кое-какой порядок. Во время этого разгрома было много убитых, в том числе Гаджи Баба Аббасов, Гаджи Абдул-Халык Ахмедов, Ашраф Гаджиев, Гаджи Абдул-Гусейн Зейналов с тремя своими братьями, Гаджи Исрафил Максудов, Мир-Ибрагим Сеидов и др. Назвать никого из армян, совершивших преступление не могу, потому, что бесчинствовали преимущественно солдаты-армяне. 24 марта я выехал из Шемахи в сел. Полатлы, которое находится в 27 верстах от Шемахи. По дороге я встретил шемахинца Алиханбека Эюббекова, который сообщил мне, что на выручку Шемахи идет мусульманский отряд. Через несколько дней я слышал, что сел. Матрасы было взято и разгромлено, но не сожжено и не разрушено. О втором разгроме Шемахи мне лично ничего не известно, ибо очевидцем не был. Исчерпывающие сведения об этом разгроме могут дать шемахинцы: Эмин Шихиев (г.Гянджа), Магомед Ибрагим Мешади Алекпер оглы (г.Геокчай), Гидаят Кадир оглы (сел. Кюрдамир), Мир Фазиль Мирбадырханов (г.Шемаха), которые мне лично рассказывали о втором разгроме. Во время второго разгрома были убиты моя семидесятилетняя бабушка Зейнаб-Ханум Вейсова и дядя Эюб ага Вейсов, а также мои родственники: Али Абас бек Ибрагимбеков, Алекпер бек Кадирбеков, Абдурегим Ага Агаларов, старик Магияддин Эфенди-Заде, Закария эфенди. Во время первого погрома я пострадал материально, именно: сгорел дом из 15-ти комнат, принадлежащий мне и дяде Исмаил беку Вейсову, с полной обстановкой, стоивший 200 (двести) тысяч рублей, в доме сгорели: пятьсот штук ковров на двести пятьдесят тысяч, три сундука золотых вещей, принадлежащих дяде Исмаил беку, три се-

ребряных настольных сервиза на тридцать тысяч рублей, двести пятьдесят штук модной посуды на 25 тысяч рублей и другие вещи, всего на сумму до одного миллиона рублей. При втором разгроме я потерял вместе с дядей двадцать пять лавок и дедовский дом, состоящий из девяти комнат, в нашем магазине сгорели мануфактуры разного сорта на двести тысяч рублей. Лавки и дом оцениваю в триста тысяч рублей. В нашем доме при первом погроме сгорело также движимое имущество Шахлар бека, Хасай бека и Асаф бека Шихалибековых и Исмаил бека Гусейнбекова, именно: одиннадцать сундучков разных золотых вещей с украшениями и девятнадцать узелков серебряных вещей, и еще вся домашняя обстановка Исмаил бека Гусейнбекова. Кроме того, в нашем доме сгорели разные вещи наших соседей, которые сдали их нам на хранение. К показанному считаю нужным добавить случай, указывающий на усиленное стремление армян к вооружению. В первых числах января с.г. Шемахинский Национальный Мусульманский Комитет получил сведения, что из Шемахи отправлен в Кюрдамир двадцать фургонов для доставки в Шемаху прибывших из Баку оружия и патронов для доставки в сел. Матрасы. Для расследования этого обстоятельства комитет командировал в Кюрдамир Гаджи Сафтара Гасанова. Последний встретил в сел. Ахсу отряд армянских солдат в 30 человек под командой прапорщика Иванова, которые направлялись в Кюрдамир. В Кюрдамире Гасанов установил наблюдение и выяснил, что из Баку никакого оружия не доставлено, но что в Кюрдамир прибыли семь молоканских фургонов за оружием. Однажды ночью Гасанов услышал быстрое движение фургонов, проехавших мимо гостиницы, где он жил. Сейчас же вышел узнать, что это за фургоны. Последние успели уже уехать. Тогда он направился на станцию. Там узнал, что выехали со двора Кюрдамирского цейхгауза. Гасанов моментально отправился к начальнику цейхгауза и прямо заявил ему, что их цейхгауза совершена кража оружия. Оба с начальником отправились в цейхгауз. Замок и печать оказались в исправности. Когда открыли цейхгауз, то там нашли одного солдата из упомянутого отряда Иванова, который пытался уйти через отверстие в крыше. Солдат этот сознался и рассказал, что солдаты-армяне сделали отверстие в крыше и через него достали ружья и патроны. По проверке оружия оказалось недостача 72 ружей и 12 ящиков патронов. Было сообщено об этом в Шемаху. Оттуда на встречу фургонам был командирован участковый комиссар Мехти бек Наджафбеков со стражниками для захвата фургонов и вместе с тем Гасанов поехал вслед за фургонами и нашел их в с. Ахсу, куда к этому времени прибыл Наджафбеков со стражниками. Армянам предложено было выдать оружие. Они отказались, пока шли с ними переговоры на фургоны напали окружные крестьяне-мусульмане и расхитили ружья. Кроме того, был еще такой случай. 18 марта между 9 и 10 часами ночи, во время перестрелки со двора дома Лалаева Самвел Долиев, портной Пападжан и матрасинец Самвел Егоров кричали: «Мы этого дня ждали двадцать лет. Это не 1905 год²³, когда оказывал вам помощь Николай²⁴. Теперь некому вам помогать. Позовите на помощь вашего святого Газрат-Аббаса!»²⁵.

Более к показанному добавить не имею. Показание мною читано и записано правильно.

Подпись: Мамед Али бек Вейсов.

Председатель Комиссии: Алек. Хасмамедов (подпись).

Члены комиссии: А.Новацкий, И.Шахмалиев, В.Гудвил, Михайлов (подписи).

ГА АР, фонд 1061, опись 1, дело 105, лл. 3-16.

Документ № 4.

Протокол допроса

1918 года, октября 31 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Зовут меня Капитан Гарлан бек Алярбеков, помощник Шемахинского Уездного Начальника, 27 л.

Я занимал в Шемахе должность особо уполномоченного Комиссара и исп. об. Начальника Милиции. В первых числах марта с.г. получил приказ Губернатора об очищении дороги Кюрдамир-Шемаха от разбойников, и с этой целью выехал из Шемахи в сел. Ахсу. Вдруг получил из Шемахи от Национального Комитета извещение, что отряд армянских войск в несколько тысяч с пушками двигаются на Шемаху, при этом Комиссар приглашал меня для принятия участия в обсуждении создавшегося положения. В Шемаху я вернулся 14 марта, когда делегация, ездившая в сел. Козлы-Чай для переговоров с упомянутым отрядом, делала доклад в Национальном Комитете. Делегация вынесла впечатление, что, хотя отряд обещал пройти мимо Шемахи, но может не сдержать слово и, что отряд отказался сдать оружие в местный гарнизон, как этого требовала делегация. Население сильно волновалось. В это самое время я получил сообщение, что расхищают оружие из местного гарнизона. Моментально пошел туда. Возле гарнизона происходила перестрелка между мусульманами и солдатами. Мне удалось прекратить перестрелку и восстановить порядок. Вследствие этой перестрелки произошла и частичная перестрелка в верхней части города. Но и эта перестрелка было тоже прекращена. И наступило относительное успокоение. Были между тем получены сведения, что упомянутый отряд армянских войск выступила из с. Козлы-Чай. По поручению Национального Комитета я с стражниками и милицией занял подступы к городу со стороны с. Чухур-Юрт, чтобы не пропустить отряд в город. До утра все было благополучно. Мои солдаты даже не видели прохождение отряда. Я поехал в город с докладом, а солдатам отдал приказ ни в коем случае первым не открывать стрельбы. Когда я был в городе, послышалась стрельба со стороны «Новой» части города и сел. Мейсары. Я моментально поскакал туда. Оказалось, что шемахинцы в «Новой» части

города охраняют свои дома на окраинах когда увидели двигавшийся со стороны сел. Мейсары отряд, подумали, что отряд идет на Шемаху, и за свой риск и страх открыли по ним стрельбу. Армяне в свою очередь начали стрелять в шемахинцев даже из пушки и наступать на город. Я поехал по всему фронту и призывал мусульман прекратить стрельбу и при этом прибегал даже к обману, убеждав мусульман, что армяне сдадут оружие в гарнизон. Стрельба прекратилась. Армяне прошли с пушками в сел. Матрасы. В этот же день был заключен мир, в заключении которого принимали участие все народности. Все клялись жить мирно и не нарушать мира. Подписали акт о мире и армянские делегаты в лице своего епископа Баграта. На другой день были устроены торжества. Было объявлено, что нарушители мира будут караться смертной казню. Мусульмане успокоились и радовались. Все вооруженные мусульмане не шемахинцы были отпущены по домам. 17 марта армянский епископ Баграт выехал из Шемахи в сел. Матрасы и больше не вернулся.

Вдруг 18 марта, на рассвете Шемаха оказалась окруженной с юга армянами и с востока молочанами. Началась бомбардировка из пушек, а затем обстрел из ружей. В мусульманской части произошло смятение. Армяне и молочане ворвались в город с юга и с севера и начали поджигать дома, убежавших из горевших домов мужчин, женщин и детей расстреливали. На другой день отобрали у мусульман все оружие, но продолжали делать обыски, при этом грабили и убивали.

Ко мне в дом явилось 30 армянских солдат арестовать меня. Ими командовал какой-то карабахский армянин. В отряде этом был шемахинский армянин, мой товарищ по училищу Шабанов, и еще два неизвестных мне шемахинца. Они перерыли всю квартиру. отобрали у меня два ружья, одно, которое я привез с фронта как трофей, револьвер и шашку. Когда я просил их оставить мне шашку, как офицеру, то карабахский армянин ответил мне: «теперь мы здесь, а не вы!» и взял у меня шашку. Во время обыска моя мать с испуга передала им шкатулку с золотом и ценными бумагами. Они взяли шкатулку и спрятали. Мне объявили, что я арестован и что их начальник Артамонов требует меня к себе наверх. Я был уверен, что по дороге они меня убьют, об этом предупредил меня и Шабанов, который советовал дать какой-нибудь выкуп. Брат мой Беюк бек дал в присутствии Шабанова карабахскому армянину двенадцать (12) тысяч руб., а я дал подписку, что утром на другой день явлюсь к Артамонову. Они ушли, оставив на улице возле дома четырех часовых. Ночью я бежал из дома через крышу, за мной бежала вся наша семья. Утром армяне пришли за мной, но понятно, не нашли меня. Все в квартире переломали, когда искали меня. Я скрывался до ухода армян и молочан из Шемахи. Пришел Исмаил Хан, но оставался не долго. Он объявил населению, чтобы спасались, так как армяне и молочане наступают. Сам ушел. С ними ушли очень многие шемахинцы ушел и я. Кого из армян считаю виновником всех несчастий, постигших Шемаху и мусульман, не знаю. В нижней

части города распоряжался прапорщик Гюльбандов. От Джобанинских молочан явился делегатом быв. Присяжный Шемахинского Казначейства Карабанов. В отделении «Сарыторпаг» у меня сгорел дом. Движимое имущество, как-то: обстановка, постель, носильное платье, белье, посуда, вообще все, что у меня было, частью было расхищено, частью было сожжено. Понес я всего убыток, считая и 12 тысяч рублей, которые я дал, как выкуп, на сорок тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Т.Алярбеков.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 65-68.

Документ № 5.

Протокол допроса

1918 года ноября 10 –го дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением _ Уст. Уз. Суд., который показал:

Зовут меня **Тарлан-беком Алиарбековым, состою я старшим помощником Шемахинского Уездного Начальника, 27 л., мусульманин.**

В Шемахе я занимал должность: особо уполномоченного комиссара и начальника гарнизона. По поручению Губернского Комиссара я должен был набрать 200 милиционеров и с ними восстановить порядок в уезде: открыть все дороги, уничтожить разбойников и воров. Набрав около ста милиционеров, выехал из Шемахи в Ахсу с целью открыть дорогу от разбойников между Кюрдамиров и Шемахой. Работа наша шла довольно успешно, ибо в городе прекратились грабежи и разбои. Дорога между Кюрдамиром и Шемахой стала свободной для всех. Я со своими милиционерами оставался в Ахсу, где принимал жалобщиков. Не помню 12-го или 13-го марта получил сообщение из Шемахинского Национального Комитета о том, что наступают на Шемаху отряд армян и большевиков. Я сейчас же выехал со своими милиционерами в Шемаху. Здесь в комитете я узнал, что посланные из Шемахи делегаты на встречу большевиков и армян просили их сдать в гарнизон все оружие и пушки, как это полагается вообще; но получив отказ, они просили их не наступать на Шемаху, а разойтись по деревням. В это время в комитет явились несколько шемахинцев и заявили, что солдаты-армяне Шемахинского гарнизона грабят склад оружия. Я вместе с уездным комиссаром капитаном Коджаманбековым поехали в казарму. Действительно мы видели, что склады оружия и патронов разграблены солдатами, но мы успели только приостановить разгром последних патронных ящиков. В это время была маленькая перестрелка между армянскими солдатами и несколькими местными мусульманами, которые не позволяли солдатам грабить склады. Я успокоил мусульман, пообещав отнять у армян все ограб-

ленное оружие и патроны. Они послушались меня и разошлись по домам. После этого прекратили стрельбу и армяне. В этот же день вечером я был вызван в национальный комитет, где объяснили мне, что по полученным сведениям армяне-большевики будут наступать на Шемаху вечером со стороны Чухур-Юрта, и мне комитетом было поручено охранять город от наступающих войск. Вечером часов около 8-9 я взял своих милиционеров и около сто человек шемахинцев, занял все подступы, ведущие со стороны Чухур-Юрта в Шемаху, где мы остались до утра следующего дня. Так как до утра никаких происшествий не было, то я оставил на постах и в резерве своих людей, сам явился в национальный комитет с докладом. Спустя час после этого в городе поднялась тревога, что со стороны Мейсары и Матрасы армяне наступают на Шемаху. Я сейчас поехал к своим милиционерам, которые, занимая назначенную мною позицию, ожидали меня. Я им приказал не стрелять и не оставлять свои позиции, пока не будет от меня распоряжения. Оставив их там, я поехал в лево узнать, в чем дело. Я видел, что со стороны сел. Мейсары наступают какие-то цепи людей, а жители окрестных домов гор. Шемахи, расположенных к Востоку, с оружием в руках стоят. Я им приказал занять позицию по возможности дальше от домов, ибо я знал, что если снаряды попадут в дома, то поднимется пожары. Они послушались меня и заняли сады и подступы к Шемахе. В это время армяне стали стрелять с пушки со стороны Матрасы, а цепи под артиллерийским огнем наступала все время на Шемаху. Благодаря того, что мусульмане не оставляли своей позиции, армяне в этот день не могли занять город. Бой продолжался до 4 часов вечера, видя, что ничего не могут делать, армяне стали отступать на Матрасу. Я не пустил дальше стрелять мусульман, успокоил их, что армяне сдадут все привезенное им оружие в местный гарнизон и этим сегодняшней конфликт кончился. Через час после этого состоялась перемирие между нами и армянами. Делегатами от армян были: армянский епископ Баграт, начальник Шемах. почтово-телеграфной конторы Гюльбандов и другие; а со стороны молокан я узнал одного только Карабанова, жит. сел. Джобани. На перемирии все стороны клялись жить мирно, добрососедски, все горе и радости делить пополам, и т.д.

На следующий день рано утром город (Шемаха) был окружен со всех сторон армянами и молоканами. Целые сутки бомбардировали его, а к вечеру стали поджигать окрестные дома. Утром следующего дня жители города сдались неприятелю, который стал собирать оружие, обыскивать дома, и арестовывать кого хочет. Я был арестован одним карабахским армянином, у которого в подчинении было более 20 человек. Мой дом был обыскан ими, которые конфисковали более ценные вещи. Меня армяне обезоружили, отняв последнюю шашку. На мой вопрос, что шашка мне положена законом, как офицеру, карабахский армянин, надев ее, ответил, что теперь шашка полагается только им. Я был отпущен за выкуп: двенадцать тысячи налич-

ными деньгами и за все домашнее золото, принадлежащее матери, сестрам и др. родственникам. После обыска и ареста, я сейчас же скрылся, а вечером выехал из Шемахи. Наступали на Шемаху, после взятия армянами, добровольцы во главе Зиятхановым. Шемаха была взята потом отрядом Зиятханова; была оставлена Зиятхановым. После последнего в Шемаху приехали, как говорили, двое. Называли их, один Сеид и Ахунд с 20 всадниками. Сколько дней они прожили в Шемахе, не знаю, только накануне вторичного взятия Шемахи армянами и большевиками, я приехал туда и явился к Сеиду и Ахунду. Первый из них предложил мне остаться с ними в Шемахе. Когда я узнал, что у них своих всадников только 23 человек, а между прочем, целый день далеко за Шемахой слышны были пушечные выстрелы, то отказался остаться в Шемахе и советовал этому Сеиду поступать по примеру Зиятханова, т.е. выселить всех жителей не вооруженных из Шемахи (только не пускать за город из мусульман с оружием никого), а нам вооруженным мусульманам остаться. Если сила противника будет больше, тогда и мы оставим город. На эти мои предложения Сеид ответил, что я никого не отпускаю из Шемахи, а буду ее защищать. Тогда я ему ответил, что ночью же выезжаю отсюда, ибо такой ответственности с таким малым количеством людей я не беру на себя. Отойдя из комнаты, где остановились Сеид и Ахунд, я свое решение объявил собравшимся там шемахинцам, и в ту же ночь выехал из Шемахи. Со мною вышли и несколько соседей с семейством, но и они боялись этого Сеида, так как по городу были отданы ими же приказ, чтобы никто не выезжал из Шемахи. На следующий день, как я услышал от беженцев из Шемахи, в два часа дня Шемаха была взята армянами и большевиками, в руки которых попались несколько тысяч человек. Все беженцы обвиняли этого Сеида, который по слухам приехал в Шемаху из Геокчая. Они говорили, что если он не запретил бы, то все женщины и дети благополучно выехали и оставили бы город тогда, когда там слышны были пушечные выстрелы и т.д. В Шемахе подожгли, как обыкновенно принято у армян и большевиков, и мой дом, а в уезде в пяти верстах от Ахсу (Аг-су) имение и мельницу.

Подпись: Командир Алярбеков.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Михайлов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 100-101.

Документ № 6.

Протокол допроса

1918 года ноября 11-12 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением _ Уст. Уз. Суд., который показал:

Зовут меня Джебраил бек Джебраилбеков, состою ныне Приставом города Шемахи, 42 л., мусульманин, грамотный.

В начале марта сего 1918 года Городским головой Теймур беком Худавердиевым и Мусульманским Национальным Комитетом получена была депеша, что из гор. Баку через Кюрдамир выехала партия около 400 человек армяне шемахинцы возвращающие домой из армии. Бакинский Мусульманский Комитет просил оказать им содействие. Ввиду этого местный мусульманский комитет отправил делегатов на встречу в Ахсу. На другой день узнали в Шемахе, что упомянутая выше партия, разделившись на несколько частей, напали на самые беззащитные селения, а именно Биджов и Ленгебиз. Об этом узнав, околенные селения приезжали на помощь потерпевшим, где между этой партией и сельчанами завязалась большая перестрелка, во время чего было убито несколько армян и несколько мусульман. Озлобленные этим армяне дали знать Бакинскому армянскому Национальному Комитету, откуда спустя некоторое время был отправлен армянам на помощь около 3000 человек армян вооруженных разными орудиями и ружьями. Узнав об этом местный Мусульманский Исполнительный Комитет послал им навстречу армянского епископа, Шемахинского уездного начальника Коджаманбекова и уездного казья Абдулла Халык Эфенди Эфендиева с просьбой вернуться обратно, на что начальник означенной партии ответил, что мы пришли не для того, чтобы вернуться обратно, а окончательно разорить Шемаху и перебить все мусульманское население. Получив такой грозный ответ, делегаты вернулись обратно в Шемаху. На другой день армянский епископ явился к местному мусульманскому духовенству и заявил, что он упросил этой партии и со стороны их ничего плохого произойти не может и уверив этим как духовенство, так и население, епископ поехал в сел. Матрасы. На другой день утром рано, т.е. 18 марта часов 6 утра город был кругом осажен армянами и молочанами, которые начали обстреливать город с 3-х орудий, пулеметов, пушек и ружей и сожгли несколько кварталов. В то же вечер мусульмане сдались. После сдачи все мусульманское население было обезоружено и после этого начались грабежи и убийства со стороны армян. Мусульмане, не вытерпев этого, начали бежать из города, в том числе бежал и я, оставив в Шемахе каменный дом, стоивший 4000 р. и недвижимое имущество, состоящее из домашних вещей на 10.000 рублей. Более показать не имею.

Ноября 15 дня 1918 г.

Пристав Гор. Шемахи Дж. Джебраилбеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 102-103.

Документ № 7.

Протокол допроса

1918 года октября 9 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением _ Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Алихан бек Эюббеков, 36 л., жит. сел. Араб-Кадым Шемахинского уезда, мусульманин, грамотен.

После переворота я был членом Мусульманского Шемахинского Исполнительного Комитета. С самого начала я заметил, что отношение армян к мусульман изменилось к худшему: они стали по отношению к нам высокомерны, сторонились нас, не приглашали нас на свои собрания и старались не допускать нас в общественные организации, так например, они хотели совсем не допустить мусульман в местный гарнизон, потом допустили нас в половинном составе, между тем как мы требовали, чтобы мы были допущены пропорционально численности населения. Мы их спрашивали, почему он так поступают с нами, они отвечали, что живут с нами так, как жили раньше. Но это были слова. Ясно было, что в них разгорелась национальная вражда к нам. Они усиленно стали запасаться оружием с начала 1918 года. Они доставили в армянские селения разными путями несколько транспортов оружия. Со всех сторон в их селения стали прибывать солдаты-армяне с фронта. Последний транспорт ружей, пушек, пулеметов, снарядов под прикрытием большого отряда они доставили в с. Матрасы в половине марта сего года, не смотря на протесты мусульман, которые требовали, чтобы они сдали оружие в Шемахинский гарнизон. Через три дня по прибытии этого отряда с транспортом оружия армяне и молокане окружили Шемахи и подвергли ее обстрелу из пушек и ружей. Через несколько часов они ворвались в мусульманскую часть города. Начались поджоги, убийства, грабежи. Причем убивали не только мужчин, но женщин и детей. Верхняя часть мусульманского города (нижней части) находилась в пламени. Мусульмане решили сдаться. Ночью велись переговоры. На другой день мусульмане подняли белый флаг и сдались армянам без всяких условий. Армяне начали обезоружить мусульман, правильное отбирать оружие, которое мусульмане уже сложили. Уже после сдачи армяне убивали и вырезали мусульман сотнями. Были случаи, что врываются в дома и вырезывали целые семейства, причем подвергали их терзаниям и мучениям. Эти зверства прекратили молокане своим вмешательством. Правда, молокане бомбардировали город и ворвались в него вместе с армянами; но я не видел и не слышал, чтобы они поджигали дома и убивали мусульман. Когда в городе настало видимое спокойствие мусульмане-беглецы стали возвращаться. Вскоре прибыли мусульманские войска. Армяне ушли из Шемахи. Через три дня мусульманские войска, вследствие их малочисленности, оставили Шемаху, с ними бежали, кто имел возможность. Армяне опять заняли город и сожгли и разрушили его до основания. Мусульман же, как мужчин, так и женщин, детей и стариков, которые остались в городе беспощадно вырезали. Я лично видел много армян, поджигавших дома и убивавших мусульман, из них опознал в лицо Степана Лалаева,

Самвела Долиева, офицера Иванова, парикмахера Ованес. Руководили же поджогами, убийствами главари Шемахинских армян: Гавриил Караогланов, Гюльбандов, инструктор шушинец Агамолов, Михаил Арзуманов, Иванов (отец офицера) и другие, фамилии которых не знаю. У меня в Шемахе сгорел дом со всей обстановкой на сумму около четырехсот тысяч рублей и в имении «Гаджи-Дара» армяне сожгли мой дом с обстановкой и мельницу с полным оборудованием, стоившие шестьсот тысяч рублей. Всего я понес убытка на один миллион. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Алихан бек Эююббеков (арабскими буквами).

Переводил: Алибек Исрафилов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 97-98.

Документ № 8.

Протокол допроса

1918 года сентября 29 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Садык бек Агаларов, 49 л., ж. г. Шемахи, мусульманин.**

Я постоянный житель гор. Шемахи. Еще до переворота был главным Городской Думы, а после переворота был членом Межнационального Комитета, из которого вышел только под конец. Я принимал участие в общественной жизни и имел возможность следить за движением армян. Еще задолго до переворота армяне стали вести себя агрессивно по отношению мусульман и проявить свою вражду к ним. После переворота же выступили открыто. Усиленно стали запасаться оружием, а мусульман отстранять и водворять из общественных учреждений. Так, в Исполнительном Комитете их было большинство. Интересная история с созданием смешанного отряда милиции, который должен был наблюдать за Шемахой и уездом. Создание отряда возложено было на меня, податного инспектора Соколова, Рачия Сатурянца и прапорщика Кокицари. Мы в два дня составили смету и представили в Исполнительный Комитет. Армяне начали оттягивать создание отряда под всякими предлогами, наконец, заявили, что надо создать армянский батальон. Мы протестовали. Они согласились допустить в батальон молокан, но не мусульман. Мусульмане через Бедала Елчиева выхлопотали в Тифлисе в Комиссариате право на участие мусульман в этом батальоне. Армянам это не понравилось. Их солдаты стали покидать казармы, и батальон так и не был создан. События шли вперед. В половине марта отряд армянских войск, следовавший из Баку в Матрасы, начал обстрелять мусульман, находившихся за Шемахой и наблюдавших за движением отряда. Произошла перестрелка. В результате был заключен мир. Мусульмане успокоились, хотя с матрасскими армянами продолжали переговоры. Вдруг однажды, рано утром армяне

окружили Шемаху и начали отстреляться из пушек и ружей. Позже выступили против нас и молокане. Под вечер армяне начали врывать в мусульманскую часть города и поджигать дома мусульман. Начались убийства, грабежи, вымогательства. Убиты очень много людей, в их числе женщин, детей и стариков. На улицах и в домах грабили и вымогали деньги. Я жил тогда у Саламовых. К ним несколько раз являлись вымогатели армяне и требовали деньги, угрожая погромом. Среди этой банды я лично видел и узнал шемахинца Томаса, бывшего парикмахера Сапима Зейналова, жит. с. Сальяны, Мурадянца, сына Джангирбека, Никитова и жестянщика из Шемахи, по имени и фамилии мне неизвестного. Братья Саламовы дали этим вымогателям больше, чем 30 тысяч рублей. По моему мнению, главным руководителем выступления армян против мусульман шемахинцев и всех несчастий, постигших последних были архиепископ Баграт, который обманывал нас и вел двуличную политику, начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, Михаил Арзуманов, Гавриил Караогланов, Артем Тер-Матсосянц, Садрак Власов, Рачия, парикмахер Ованес. О Гюльбандове могу показать следующее. Чиновник казначейства Пугачев (он сейчас в Шемахе) рассказывал мне, что он и другие русские совершенно тайно спрятали в верхней части города в доме Сетрак бека Еганова помощника почтово-телеграфной конторы Агакишибекова, его мать, племянника и еще восемь других мусульман, куда тайно приносили пищу. Об этом известно было только Гюльбандову. Однажды последний в присутствии Пугачева о чем-то разговаривал с армянскими солдатами и рукою указал им на дом Еганова. Когда солдаты ушли, Пугачев спросил Гюльбандова, зачем он указал солдатам дом Еганова. Он ему ответил, что предупредил солдат, что в этом доме находятся его близкие знакомые мусульмане и просил не трогать их. Пугачев видел, как солдаты направились к этому дому, вывели оттуда всех одиннадцать человек, повели на православное кладбище, где закололи их штыками. О парикмахере Ованесе могу показать такой случай. Когда я в кампании знакомых, после заключения мира между армянами и мусульманами, проходил по Красной улице, мы увидели Ованеса пред его парикмахерской с ружьем в руке. Один из моих товарищей спросил Ованеса, зачем у него ружье, вот состоялся мир, на это он ответил: «раз я взял в руки это ружье, то не положу его, пока дело не будет доведено до конца!». Во время разгрома Шемахи я потерял всю домашнюю обстановку и 450 штук ковров большого, среднего и малого размеров, на сумму триста тысяч рублей. Более показать не имею. Показание мне читано.

Подпись: Садък бек Агаларов.

Члены Комиссии: А.Новацкий, Н.Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 44-46.

Документ № 9.

Протокол допроса

1918 года ноября 9-10-го дня, г. Шемаха

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Сираджедином по фамилии Эфендиев, жить. гор. Шемахи, 48 л., мусульманин.

Сам я житель города Шемахи, но лет 20 как живу в гор. Баку и занимаюсь там торговлей. Во время первого и второго разгрома Шемахи армянами я был в этом городе и знаю хорошо первопричину и все подробности этого погрома.

Известно всем, что антагонизм между армянами и мусульманами существовал давно: взаимная между ними ненависть, вылились в 1905-1906 годах в резню, с тех пор искала повода к новому столкновению. Конечно, лучшего момента к тому, как создавшаяся после переворота Российского повсеместно, на почве большевистского движения, анархия, не могла быть, и вот, воспользовавшись этим. Представители армянской партии «Дашнакцутюн»,²⁶ под предлогом того, что мусульмане сторонники старого режима, убедив в г. Баку большевиков, что они в лице мусульманского населения Закавказья имеют бесспорных врагов, не только в проведении идеи большевизма в Закавказье, но вообще революции, создали погром над мусульманами, но к величайшему счастью мусульман погром этот охватил часть мусульман Бакинской губернии, не успев, благодаря прибытию спасителей наших, турок, распространиться на Елизаветпольскую, ныне Гянджинскую, губернию, Закатальский округ и другие населенные мусульманами места.

Повторяю, у армян был широкий план погрома всего мусульманского населения Закавказья, но работа на этой почве главного представителя их Шаумяна²⁷ не увенчалась успехом в Тифлисе, и он успел до прихода турок разгромить мусульман лишь Бакинской губернии.

Шаумян сподвижников и помощников в преступной деятельности своей имел много, но самыми ревностными из них были прапорщик Степка Лалаев, бывший комиссар гор. Шемахи Атабеков, содержатель аптекарского магазина в г. Шемахе Михаил Арзуманов, начальник Шемахинской почтово-телеграфной конторы Гюльбандов и парикмахер Ованес, фамилии мне не известной. Из поименованных лиц первые два, помимо национальной вражды, питали к мусульманам еще личную ненависть – у Лалаева мусульмане убили отца и дядю – первого во время армяно-татарской резни в 1905 году, а второго за педерастию лет 7-8 тому назад, а Атабеков по жалобе Шемахинских мусульман был смещен с должности городского комиссара.

Названный Атабеков, попавший впоследствии каким-то образом в г. Баку в Председатели Исполнительного комитета, был главным помощником Шаумяна в подготовке почвы к погрому: Атабеков, имея в свою очередь в Шемахе сотрудников в лице помощника Шемахинского уезда Серебрякова и Гюльбандова, в сравнительно короткое время вооружил почти все армянские селения; не про-

ходило недели, чтобы из Баку не получали несколько фургонов с оружием, патронами, бомбами и пулеметами, которые названными Гюльбандовым и Серебряковым распространялись между армянскими селениями. Помню я, как в сел. Гозлы прибыл как-то четыре фургона в сопровождении армянских солдат; нас, мусульман, бывших тогда в этом селении, не подпускали близко к этим фургонам, и мы потом узнали через молокан, что фургоны все уехали в большое армянское селение Мадраса.

Как указывал выше, жил я в Баку, узнав приблизительно в начале февраля, что в армянское селение Мадраса прибыл большой армянский отряд с недобрыми мыслями относительно мусульман, я в числе нескольких (мусульман) шемахинцев приехал из Баку в Шемаху, дабы предупредить Шемахинских мусульман и путем переговоров с армянами устранить надвигающуюся беду. В Шемахе мы действительно организовали делегацию, которая поехала в названное селение Мадраса для переговоров; результатом этих переговоров было то, что армяне, дав слово не трогать города и успокоив нас, тем временем, в продолжении 4-х дней подготовились к нападению (вырыли окопы, пораставили кругом города пушки) и на 4-й день после переговоров стали бомбардировать город. Конечно, не долго продолжалась бомбардировка (у Шемахинских мусульман не было никакой силы противостоять), началась она утром, и к вечеру армяне уже были в городе, и в продолжение двух дней грабили дома мусульманские и убивали их самих, хотя на 3-й день и прекратился погром, но частичные убийства все же продолжались.

Настали невозможные дни для мусульман. Никто не мог выходить из дома, не рискуя жизнью, да и у дома сидящих под угрозой смерти отнимали деньги; бывали и такие случаи, что вызывали десятками лиц в управление образовавшейся в городе армянской власти и лица эти из управления пропадали неизвестно куда.

Так продолжалась наша жизнь до прибытия из Гянджи отряда мусульман, которые освободили гор. Шемаху от погромщиков. Не долго продолжалось пребывание отряда гянджинских мусульман, не могли они противостоять против вновь прибывших из Баку армянских сил, и отступили, оставив нас во власти погромщиков.

Предводитель мусульманского отряда Исмаил Хан Зиатханов, отступая из Шемахи, предупреждая население, что армяне не пощадят их, чтобы они спасались кто куда может, и быть может многие бы и спасались, если бы послушали, но, т.к. после этого лишь на 6-й день армяне напали на Шемаху, но приехавший из Геокчая Ахунд (глава духовенства, вернее главное духовное лицо) уговорил население остаться, убедив их, что он наладит с армянами отношения. Все старания мои и моих товарищей не слушаться Ахунда были тщетны, и ровно на 6-й день после ухода Исмаил Хана и его отряда Шемахинские мусульмане действительно стали жертвой насилий и зверства армян.

Долго описывать отдельные случаи этих насилий и зверств армян, но можно сказать, что армяне, руководимые названными выше Лалаевым, Ата-

бековым, Гюльбандовым, Арзумановым, Серебряковым и парикмахером Ованесом, проявили в Шемахинском погроме неслыханные и невиданные доселе в истории погромов жестокости; потеряв всякий стыд и совесть и вообще все те качества, коими человек отличается от хищного зверя, армяне не ограничивались простым убийством мусульман, они издевались над трупами их- вырезали кольцом стыдливые части убитых женщин и одевали на члены убитых мужчин, и наоборот – всовывали отрезанные члены в стыдливые части женщин, пробивали они кольями детей к земле и т.д.

Я с товарищами своими едва спаслись, оставив в городе фазтон с вещами. В городе не раз приходилось нам видеть трупы убитых армянами мусульман: помню ужасную картину в одном месте – на грудях двух, рядом лежавших трупов мужчины и женщины положен был пополам разделенный ребенок лет 3-4 (во всю жизнь не забуду я картины той и теперь временами во сне я вижу ее).

После долгих скитаний по горам удалось нам, наконец попасть в селение Карасахкаллы, а затем в Кюрдамир, но, пробыв немного, пошли в сел. Сорсор. Селение Сорсор расположено на большой высоте и оттуда видны находящиеся на довольно далеком расстоянии сселения, между прочим, и Кюрдамир. Дней 20-30 спустя после описанных событий, видели мы, как армяне осаждали Кюрдамир, как они ворвались туда и стали поджигать мусульманские дома.

Спасаящиеся от армянского нашествия мусульмане все направлялись в Геокчайский уезд, но большим несчастьем для них было по дороге болото «Карасу», где они застряли и не могли дальше идти. У Карасу целыми неделями приходилось беженцам жить, и тут, терпя всевозможные лишения и пользуясь болотной водой, заболевали и массами гибли.

Вот все, что я знаю, им добавить больше ничего не имею, разве только то, что не восстановит более города Шемахи и сто лет спустя и то, что постигшая г. Шемаха и уезда ее участь ждала и другие населенные мусульманами места Закавказья, да приход турок спас их.

Подпись: Сираджеддин Эфендиев.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: И.Шахмалиев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 72-76.

Документ № 10.

Протокол допроса

1918 года сентября 29 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст.Уз.Суд., который показал:

Зовут меня Абдул Гусейн бек Агаларов, 44 л., мусульманин, грамотен.

Я служил и жил в г. Шемахе. В начале войны был мобилизован и выехал из Шемахи, где осталась только моя семья. О разгроме Шемахи я узнал 21 марта на ст. Кюрдамир. Я не в курсе дела, так как в течение четырех лет не имел возможности наблюдать за движением армян и их стремлениями. Но выступление их против мусульман, в частности против шемахинцев объясняю, во-первых, враждой к мусульманам и, во вторых, стремлением создать свое царство на мусульманских землях, избиение же мусульман, женщин и детей объясняю желанием армян уменьшить число жителей. Должен заметить, что в 1905 году шемахинцы не выступили против армян, хотя тогда были хорошо вооружены и превосходили их численностью, могли их легко победить и вырезать всех армян Шемахинского уезда. Моя семья жила в армянской части города. От жены я часто получал письма с просьбой приезжать домой, так как она боялась оставаться в армянской части. В конце концов, около 10 марта с.г. она перешла в мусульманскую часть, в дом Рустам-бека Джебраилбекова, куда перевезла ковры, постель, носильное платье, белье, домашнюю утварь, ценные вещи, золото, серебро, а обстановка осталась на старой квартире. Жена рассказывала мне, что когда армяне ворвались в мусульманскую часть, то одним из первых подожгли дом Джебраилбекова. Дом его, как мне говорила жена, поджог шемахинский парикмахер Ованес. Этого Ованеса все считают главным поджигателем мусульманских домов. В доме Джебраилбекова погибли все мои вещи, которые я перечислил. Понес я убытка до семидесяти тысяч рублей. Мебель же, оставшуюся в верхней части города, армяне расхитили. Такую обстановку в настоящее время я могу приобрести за сумму не меньше двадцати тысяч рублей. Более показать не имею. Показание мне читано.

Подпись: А.Агаларов.

Член комиссии: В.Гудвил (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 47-48.

Документ № 11.

Протокол допроса

1918 года октября 6 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Шахлар бек Шихалибеков, 27 л., прож. в сел. Османбеклы Шемахинского у., мусульманин, грамотен.**

Я помещик сел. Османбеклы, которое находится в нескольких верстах от гор. Шемахи. Об обстоятельствах, предшествовавшего разгрому Шемахи и селений Шемахинского уезда, и вообще всем насилиям, совершаемым армянами над мусульманским населением, знаю следующее.

Главной причиной несчастий, постигших мусульман, является вражда армян к мусульманам, которая берет свое начало с 1905 года. Мусульмане же никакой вражды к армянам не питали. Я говорю о мусульманах гор. Шемахи и Шемахинского уезда. В 1905 году, когда почти повсюду мусульмане выступили против армян, Шемахинские мусульмане, несмотря на то, что были сильнее армян, не выступили против них и жили с ними в дружбе. Тем не менее, армяне всех селений Шемахинского уезда в настоящее время, а вообще с 1905 года, стали усиленно вооружаться. Мусульмане, видя это, стали опасаться за свою судьбу и желали мирным путем разрешить армяно-мусульманский вопрос. Но это не удавалось. Армяне заявляли, что они вооружаются, чтобы водворить в стране порядок, ибо господствовала полная анархия, и они подвергались нападениям со стороны разбойничьих мусульманских шаек. И продолжали получать всякого рода оружие и снаряды, вплоть до пулеметов и пушек от Бакинских большевиков. Дело в том, что армяне стремились к захвату власти в Шемахинском уезде и подчинения населения большевикам. Под таким флагом они стали выступать и даже склонили на свою сторону молокан. Но все это были предлоги, а главное – это их ненависть и вражда к мусульманам, которых они стремились уничтожить. В марте месяце с.г. число указать не могу, были получены в Шемахе сведения, что армяне, под прикрытием многочисленного отряда везут в сел. Матрасы большое количество военного снаряжения. Мусульмане избрали делегацию из Асаф бека Шихалибекова, Азад бека Коджаманбекова, помощника муфтия и отправили ее в сел. Козлы-чай (Хилмили), выяснить, с какой целью армяне доставляют в сел. Матрасы так много военного снаряжения. Армяне дали обыкновенный ответ, что запасаются оружием, чтобы водворить в стране порядок и, что они исполняют приказаний большевиков. Делегация вернулась. Население поняло, что ему угрожает опасность, если снаряжение попадет в Матрасы. Решено было просит содействия Закавказского Комиссариата, а пока, что действовать собственными средствами. Собралось несколько человек, чтобы не допустить этого оружия в Матрасы. Заступили армянскому отряду дорогу, но принуждены были отступить. Во время этого столкновения много было убитых и раненых. Армяне доставили оружие в Матрасы. После этого столкновения был заключен мир между армянами и мусульманами. Меня и других беков сел. Османбеклы старики армяне из сел. Келаханы предупредили, чтобы мы выехали подальше из своего селения. Я отправил свою семью в сел. Ленгебизь, а сам находился то в селении, то в Шемахе. 17 марта вечером я выехал из г. Шемахи в свое имение. На другой день утром армяне и молокане окружили Шемаху и начали ее обстреливать из пушек. Ворвались в этот же день в мусульманскую часть, где совершали всякого рода насилия: поджигали дома, убивали мужчин, женщин и детей, грабили. Я лично видел беглецов из Шемахи. Они массами умирали по дороге от страха, истощений, голода и холода. Видел раненного Кештимазского старшину Молла Путаю

Гамид оглы, который мне говорил, что по дороге напали на него и двух его товарищей пять вооруженных армян и ранили его. Он потом умер от ран в г. Гяндже. Я видел, как около двадцати человек армян поджигали и грабили мусульманского селение Алпаут Шемахинского уезда. Из них 10 человек были вооружены, а остальные были с мешками. Я с двоюродным братом Джамиль беком стреляли в них, чтобы их прогнать, но они успели еще поджечь селение, которое сгорела дотла: не осталось ни одной постройки.

Мое имение Османбекли было подожжено два раза. В первый раз после первого разгрома г. Шемахи, второй раз после ухода мусульманских войск. В селении подожжены все бекские дома, которые сгорели со всей обстановкой, крестьянские же дома не были подожжены. Я выехал из сел. Османбекли 18 марта и что творилось потом в г. Шемахе и Шемахинском уезде не видел. У меня в имении сгорел дом со всей обстановкой, впрочем она не сгорела, а была похищена вперед с земледельческими орудиями. От разгрома имения я понес сто пятьдесят тысяч убытка. Кроме того, у меня пропала в Шемахе в доме Мамед Али бека Вейсова золото, золотые дамские украшения, женские платья, разные драгоценности, которые я сдал ему на хранение, всего на сумму сто пятьдесят тысяч рублей. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Шахлар бек Шихалибеков.

Член Комиссии: А.Новацкий.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л.74-76.

Документ № 12.

Протокол допроса

1918 года октября 6 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Зовут меня Гаджи Гамид Паша-бек Ших-Эюббеков, 58 л., прож. в имении Гаджи-Дара Шемахинского уезда.

Я жил постоянно в своем имении «Гаджи-Дара», находящейся в нескольких верстах от гор. Шемахи. В мусульманском мире я пользуюсь большим почетом и уважением и имею большое влияние на мусульман. В последнее время, когда стало замечаться враждебное отношение армян к мусульманам, я призывал народ к спокойствию и к мирному сожительству с армянами. Неоднократно обращался также к армянам с увещеваниями жить с мусульманами мирно. Со стороны мусульман проявлений вражды не замечалось. Даже в 1905 году Шемахинские мусульмане не выступили против армян. Я ни в каких организациях не находился и о ходе событий мне мало известно. Но хорошо знаю, что армяне усиленно запасались оружием, а мусульмане волновались и беспокоились. На свои собрания мусульман армяне не приглашали. Однажды зимою, в Шемаху приезжал Степан Лалаев²⁸. Он устроил у себя прием. При-

гласил меня, муфтия и несколько человек почетных мусульман. Были также армяне и в числе их архиепископ Баграт. Во время беседы мы, мусульмане. Затронули вопрос об отношениях армян к мусульманам. Армяне уклонились от разговора на эту тему. Мы им сказали, что если они желают жить с нами в мире, то пусть нас приглашают на свои собрания и пусть допустят мусульман в гарнизон, который охраняет склад оружия и снарядов в Шемахинских казармах. Армяне ответили нам, что с этим придется подождать. Спустя некоторое время, в марте месяце, когда я находился в сел. Сунди, туда пришел слух, что несколько тысяч, около 16 тысяч армян и молокан идут на Шемаху. Потом дошли туда сведения, что под Шемахой и в Шемахе произошли столкновения между армянами и мусульманами. Я выехал в Шемаху, но не доехал, потому, что она была окружена с трех сторон армянами и молоканами, которые бомбардировали ее из пушек. Тогда я видел, как молокане поджигали сел. Ангехаран, а армяне подожгли сел. Чарган. На другой день было подожжено много других мусульманских селений, в том числе и мое имение «Гаджи Дара». В имении у меня сгорел жилой дом, амбар, в котором было до ста тагаров пшеницы. Конюшня, в доме осталась вся обстановка: 30 ковров, постель, посуда и много другой мелочи. Все это частью сгорело, частью расхищено, понес от разгрома имения на восемьсот тысяч руб. убытка. Сожжен также мой дом на эйлаге, стоивший 10 тысяч рублей и в Шемахе сожжены два дома, одна гостиница «Франция» с 14 лавками. Всего понес в Шемахе убытка на 300 тысяч руб., а в общем: на один миллион сто десять тысяч рублей. В поджогах обвиняю армян и молокан. По фамилиям назвать их не могу. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Гаджи Гамид Паша бек Ших-Эюббеков (арабскими буквами).

Переводил: Ганифа Пашабеков Эюб бек оглы, Д.Джабраилбеков.

Член Комиссии: А.Новацкий.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл.77-78.

Документ № 13.

Протокол допроса

1918 года октября 8 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Зовут меня Ага-Салим Гаджи Алиев, 42 лет, жит. гор. Шемахи, мусульманин, грамотный.

Я постоянно жил в Шемахе и отчасти наблюдал за отношением армян к мусульманам. До начала 1918 года я не замечал никаких выступлений армян против мусульман. Жизнь по прежнему шла мирно. Вначале 1918 года в Шемахинском уезде появились разбойничьи шайки из мусульман. Шайки грабили всех: мусульман, русских, молокан и армян. Армяне и молокане начали выра-

жать неудовольствие к мусульманам по поводу этих шаек, не желая считаться с тем, что шайки не различали армянина от мусульманина. Однажды, кажется в феврале с.г. Давид Гаспаров во время разговора со мною сказал мне, что мусульмане плохо поступают с армянами, потому, что нападают на них, грабят и убивают, и это не хорошо со стороны мусульман. Я объяснил ему, что мусульманское население не может быть ответственно за выступление разбойничьих шаек. В то же время замечалось, что армяне всячески запасались оружием, вплоть до пушек и пулеметов. В первой половине марта в Шемахе были получены сведения, что большой отряд армянских войск везет в сел. Матрасы транспорт ружей, пулеметы, пушки и снарядов. Навстречу отряду была послана делегация из почетных мусульман и армян с тем, чтобы уговорить армян выдать оружие мусульманам, или же не перевозить его в Матрасы. Соглашение не состоялось, так армяне отказались исполнить требование мусульман. Решено было силою не пропустить транспорт в Матрасы. Несколько сот вооруженных мусульман заняли не далеко от Шемахи возле сел. Мейсары, дорогу. Произошла перестрелка между отрядом, сопровождавшим транспорт, и мусульманами. Мусульмане оказались малочисленнее армян и вынуждены были отступить. Транспорт был доставлен в Матрасы. В это время, когда шел бой из-за транспорта оружия, неорганизованные, вооруженные банды мусульман, воспользовавшись общим замешательством, начали обстреливать с краю верхнюю часть города, где жили русские, армяне и молокане, и грабить всех без различия. Между прочим, был разгромлен и сожжен дом врача Сазонова. Последний после разгрома нашел приют со всей семьей в нижней части у мусульман Саламовых. Мусульмане настолько уважали Сазонова и доверяли ему, что избрали его посредником в переговорах с армянами. Того же, 15 марта, был заключен мир между армянами и мусульманами. На другой день состоялись по этому случаю торжества. Мусульмане были убеждены, что несчастье прошло, и много вооруженных крестьян, находившихся в Шемахе, отпустили домой. Вдруг 18 марта, рано утром, шемахинцы были разбужены громом орудий и пулеметов. Оказалось, что ночью армяне со стороны сел. Матрасы, и молокане со стороны сел. Джобаны-русские окружили Шемаху и повели наступление. Шемахинские мусульмане взялись было за оружие и начали отстреливаться, но не могли устоять против пушек и отступили. Произошло смятение. В 6 час. вечера решено было сдаться. Армяне и молокане ворвались в мусульманскую часть города, начали поджигать дома, убивали жителей, мужчин, женщин и детей, расстреливали на улицах и в квартирах, грабили. Я лично видел труп мальчика на улице. Когда стемнело, я с семьей и другими шемахинцами бежал из Шемахи, чтобы спасти жизнь. Все недвижимое и движимое имущество оставил на произвол судьбы. Через несколько дней, когда пришли в Шемаху мусульманские войска, я вернулся домой из сел. Геогляр. Все движимое имущество было расхищено, именно: обстановка, постель, белье, носильное платье, посуда, две буйволицы, одна лошадь, а другая была убита. Дом был

цель. Бежал вторично после ухода из Шемахи мусульманских войск и вернулся только после взятия Шемахи турками. Нашел весь город в развалинах. Сгорел также мой дом и четыре лавки. Всего понес убытка в Шемахе до восьми десяти тысяч рублей. Я лично видел, как армяне Гавриил Караогланов, начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, Михаил Арзуманов, шушинец Агамалов, парикмахер Ованес тайно собирались на совещание в армянском училище. Народная молва называет их главными виновниками того несчастья, которое постигло Шемаху и шемахинцев со стороны армян. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Ага Салим Гаджи-Алиев.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл.90-92.

Документ № 14.

Протокол допроса

1918 года октября 7 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением _ Уст.Уг.Суд., который показал:

Зовут меня Кербалай Юсуф Мамедов, 60 л., мусульманин, грамотен.

Я жил в Шемахе. Состоял членом Мусульманского Исполнительного Комитета. Однако, не могу объяснить причины, вызвавшие насилие над мусульманским населением Шемахи и Шемахинского уезда, а также разгрома Шемахи и селений. С армянами мы жили всегда в дружбе, мирно, не обижали их. Даже в 1905 году не выступили против них. С их стороны я тоже не замечал враждебного отношения. О событиях, имевших место в Шемахе и в Шемахинском уезде, могу сказать следующее. С начала 1918 года многочисленные отряды армянских солдат стали прибывать в Шемаху и армянские селения Шемахинского уезда. В полном вооружении. Армяне фургонами привозили всякого рода оружия вплоть до пушек и пулеметов. Мусульмане волновались. В марте месяце получены были сведения, что большой отряд армянских войск везет в Матрасы большой транспорт оружия. Навстречу отряду в сел. Козлы-чай была отправлена делегация для ведения переговоров о выдаче оружия мусульманам. Армяне отказались выдать оружие. Мусульмане решили силою оружия не пропустить этот отряд в Матрасы. Недалеко от Шемахи произошло столкновение между армянским отрядом и мусульманами. Последние вследствие малочисленности оказались побежденными, и транспорт с оружием и пушками был доставлен в Матрасы. Мусульмане выкинули белый флаг. Был заключен мир. Собралось духовенство всех народностей в Шемахе. Составлены были договоры. Целовались и клялись жить в мире. Вдруг на следующий день шемахинцы проснулись от пушечных выстрелов: город оказался окруженным армянами и молоканами, которые бомбардиро-

вали его из пушек. Началось смятение. Самый богатый квартал, в котором жили мусульмане, оказался в огне. Со всех сторон раздавались выстрелы. Говорили, что армяне убивали кроме мужчин, женщин и детей, поджигали дома и грабили жителей. Я лично это не видел. Этот же день, вечером, бежал из Шемахи и вернулся только после занятия ее турками. Город нашел в развалинах. В Шемахе я потерял следующее недвижимое и движимое имущество: три дома по три квартиры в каждом, 30 лавок, всю обстановку – ковры, постель, белье, носильное платье, посуду, всего более чем на миллион рублей. Кроме того, армяне сожгли у меня три мельницы с квартирами, амбарами, похитили 100 тагаров пшеницы, 1000 пуд. ячменя, 10 тысяч пудов самана, часть скота, 30 лошадей, 24 головы быков и буйволов, 60 тагаров пшеницы и ячменя для посева, 4 фургона, косилку, 25 пуд. шпагата, всю земледельческие орудия, всего тоже больше чем на один миллион рублей, а в общем, более чем на два миллиона понес я убытка. В поджоге моих домов, лавок, мельниц и расхищении движимого имущества обвиняю вообще молукан и армян, преимущественно жит. селений Келаханы Шемахинского уезда. Но по фамилиям никого из них назвать не могу. Я никого из армян, совершавших насилие над мусульманским населением назвать не могу. Слышал, что много насилий совершал Степан Лалаев. Не могу также указать руководителей нападения на Шемаху и совершенных насилий. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Кербалай Юсуф Мамедов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 83-85.

Документ № 15.

Протокол допроса

1918 года октября 9 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением _ Уст. Уз. Суд., который показал:

Зовут меня Али-Гейдар Тагиев, 26 л., ж.г. Шемахи, мусульманин, грамотен.

Я живу в Шемахе с 1916 года, где служил старшим бухгалтером Шемахинского казначейства. Я не принадлежал ни к каким организациям, но наблюдал за общественной жизнью. После переворота власть в Шемахе перешла к солдатам местной команды. После ухода солдат был сформирован гарнизон из армян и мусульман. Возник вопрос, кого поставить во главе гарнизона. Армяне требовали, что начальником гарнизона был армянин, а мусульмане, чтобы был мусульманин. Из-за этого начались первые недоразумения между армянами и мусульманами, и армяне, в конце концов, поставили во главе гарнизона армянина прапорщика Гюльбандова, который до последнего времени был начальником гарнизона. Мусульмане были недовольны, что во

главе гарнизона стоял армянин, и, во вторых тем, что не принято также было их требование, чтобы в гарнизоне находились мусульмане пропорционально числу населения.

В начале 1918 года в виду отсутствия власти, появилось много разбойничьих шайк из мусульман. Шайки грабили и убивали всех, мусульман, армян, молукан. Армяне и молукане стали считать виновниками этих нападений мусульманское население и стали по этому поводу выражать свое неудовольствие. Вскоре начали получать в Шемахе сведения, что армяне запасаются всякого рода оружием и вызывают в армянские селения с фронта солдат-армян. В тоже время появились на дорогах вооруженные банды армян, которые стали нападать на проезжих мусульман и убивать их. Так в феврале месяце армяне вырезали на дороге в трех верстах от Шемахи трех аробщиков мусульман. Был случай, что отряд армянских войск высадился на ст. Падар с оружием и тайно направился по степи в армянские селения. По дороге армяне убили кошадских пастухов мусульман. В сел. Биджов отряд начал перестрелку с биджовцами, но, все таки прорвался с оружием. Все это волновало мусульман. Ко всему этому в начале марта получены были сведения, что армяне в количестве до трех тысяч человек, под флагом большевизма, везут большой транспорт оружия вплоть до пушек и пулеметов в сел. Матрасы. Мусульмане избрали делегацию и отправили ее в сел. Козлы-чай (Хильмили), где отряд остановился, с требованием, чтобы оружие было сдано в местный Шемахинский гарнизон, и чтобы отряд прошел мимо города. Армяне отказались сдать оружие гарнизону и, как говорят, хотели даже убить одного из мусульманских делегатов Азад-бека Коджаманбекова, которого спас находившийся в делегации армянский архиепископ Баграг. Делегация вернулась в Шемаху. Были приняты меры самозащиты. Были вызваны из ближайших селений вооруженные крестьяне. Которые явились до 500 человек. 14 марта мусульмане заняли местный гарнизон. 15 марта утром, произошло столкновение мусульман с упомянутым отрядом, который проходил мимо города. Мусульмане в виду их малочисленности вынуждены были отступить, и армяне доставили транспорт в сел. Матрасы. В этот же день в армянской части города происходила перестрелка между мусульманами и армянами. Было также подожжено несколько армянских домов. На другой день был заключен мир. Вооруженные крестьяне отправились по домам в свои селения. Вдруг 18 марта утром армяне с одной стороны, а молукане с другой, начали бомбардировать город из пушек и обстреливать из ружей. Через несколько часов армяне и молукане ворвались в мусульманскую часть города, стали поджигать дома, убивать жителей, мужчин, женщин и детей. Я жил в мусульманской части города, в отделении «Пиран-Ширван», почти на границе с армянской частью. Эта часть первая подверглась поджогу. Я с матерью, сестрой, инспектором училища Мусаевым и одной старой мусульманкой оставили наш дом и направились ниже, где не было такой опасности. Я не успел захватить ничего из движимого имущества. Все осталось в доме. Когда мы убежали, по нам открыли стрельбу, и старуха была убита наповал. В тот же день я отправился в сел. Чираглы. 20 марта, после заключения

мира, я, Мусаев и мать его возвращались в город. По дороге нас остановили молокане, которые направили на меня и Мусаева ружья, желая убить нас. Мать Мусаева бросилась пред ними на колени и просила убить ее, а нас не трогать. Молокане сожалелись и не убили нас и пропустили в город. В городе я пошел посмотреть свой дом. Он сгорел. Хотел войти внутрь, чтобы узнать, что случилось с движимым имуществом. Оно оказалось расхищенным. Меня предупредили, чтобы я один не входил во двор, так как армяне убьют меня. Дело в том, что они пропускали мусульман в их квартиры, но не выпускали, а убивали. Таким образом, они убили Ашрафа Гаджи Мамед оглы и Гаджи Абдул-Гусейна. Я пошел осматривать дом в сопровождении молокан, которые были снисходительнее армян. На улицах я видел много трупов, между которыми находились трупы женщин и детей. Видел также обогревший труп Ахмедбекова и труп Гаджи Абдул Халыка в одном белье с кинжальной раной на затылке. Знаю, что армянами был убит Теймур бек Юзбашибеков, который отправился в качестве парламентаря к армянам вслед за парламентарями Сазоновым и Ахундом. Я слышал, что уже после заключения мира армяне вырезали две мусульманские семьи, жившие по соседству с нами. В армянской части города все мусульмане были вырезаны. В сел. Чухур-Юрт находится армянин Баба Егорыч Тер-Ованесов. Он мне рассказывал, что видел такой случай. На улице стоял мальчик и ел хлеб. Из сада Мамедова выбежала мусульманка и бросилась к мальчику, чтобы отобрать у него хлеб, по видимому вынужденная к тому голодом; откуда-то раздался выстрел, и мусульманка была убита наповал. Мне достоверно известно, что во главе армянского движения стояли и руководили им армяне: начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, Гавриил Караогланов, Михаил Арзуманов, Михаил Тер-Григорьев, Аршак Тарасов, Рачи Цатурьянц, сыновья Гюльбандова, шушинец Агамалов и др. От поджога дома и расхищения движимого имущества я понес убытка до двухсот тысяч рублей. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Али Гейдар Тагиев.

Член Комиссии: А. Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 93-96.

Документ № 16.

Протокол допроса

1918 года сентября 24-го дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мовсум бек Садыхбеков, жит. гор. Шемахи, 40 лет, проживаю в пос. Кюрдамир. Мусульманин, грамотен.

Я уроженец гор. Шемахи. Несколько последних лет проживаю в Кюрдамире. За три недели до Шемахинских событий окончательно переехал в Шемаху, куда еще в 1916 году перевез сою семью и часть бакалейного и мануфак-

турного товара. Находясь еще в Кюрдамире, слышал, что армяне перевозят много оружия в Матрасы и что в начале января привезли из Баку двенадцать или шестнадцать фургонов оружия. На протесты мусульман армяне отвечали, что они запасаются оружием для самозащиты, а не для выступления против мусульман. Последние поверили, так как к армянам сами не питали никакой вражды, доказательством чего служит 1905 год, когда во всех городах со смешанным населением происходила «армяно-татарская резня», а в Шемахе и Шемахинском уезде никаких враждебных выступлений против армян не было, хотя тогда мусульмане гор. Шемахи почти беспрепятственно могли вырезать всех армян. Около половины марта 1918 года в Шемахе были получены сведения, что в Шемахе следует отряд армянских солдат до двух тысяч человек, который везет с собой около шестидесяти фургонов оружия, снарядов. Так как переговоры о выдаче этого транспорта ни к чему не привели, то мусульмане решили силой отобрать транспорт и не пропускать его в сел. Матрасы. 15 марта рано утром, когда отряд проходил через сел. Мейсары, направляясь в Матрасы, мусульмане, сидевшие в окопах, открыли по нему стрельбу. Отряд отвечал, и в то же началась пушечная стрельба из сел. Матрасы. Тогда мусульмане, убедившись, что армяне превосходят их опять имели перестрелку с Шемахинскими армянами. К счастью, событие это не имело серьезных последствий, и в результате на другой день был заключен торжественный мир между Шемахинскими мусульманами и армянами. На третий день шли какие-то переговоры с Матрасскими армянами. Население Шемахи было уверено, что опасность миновала. Однако, 18 марта на рассвете, из сел. Матрасы открыли по Шемахе пушечный огонь. Вскоре выступили против мусульман и молокане. Мусульмане оказались побежденными. Армяне ворвались в нижнюю часть города и в самом богатом квартале «Пиран-Ширван», начали поджигать дома и убивать жителей. Я видел волочившиеся по улицам трупы женщин и детей.

В этот же день, вечером я выехал из Шемахи в сел. Геогляр. Вернулся опять только 28 марта, когда Шемахе занял «ханский отряд». Во главе отряда стоял Исмаил хан. Армяне отступили к сел. Козличай и там стали собирать силы. Из Козли-Чая была вызвана делегация от представителей молокан. Исмаил хан предложил им выдать армян или же удалить их из селений. Молокане просили два дня срока, обещав выдать армян или удалить их. Через два дня молокане заявили, что они не выдадут армян и потребовали, чтобы их пропустили вместе с армянами. Исмаил хан не согласился и двинулся на Козлы-Чай. Вступил с армянами в перестрелку, но, убедившись, что они превосходят его отряд численностью в несколько раз, отступил в Шемахе, а вечером со всеми войсками оставил Шемахе. Через несколько часов после ухода мусульманских войск, я выехал из Шемахи, и о последующих событиях мне лично ничего не известно. Выступление молокан против мусульман объяснилось тем, что молокане находили для себя больше выгод войти в связь с армянами, что с мусульманами, хотя сами в лице представителей Козлычайских молокан уверяли мусульман, что они со-

блюдают нейтралитет. Выступление же армян против мусульман, по моему мнению, носило чисто национальный характер. Они, под предлогом захвата власти во имя торжества идей большевизма, решили уничтожить мусульманское население. Доказательством этому служат тысячи трупов мусульманских женщин, детей и стариков, и полный разгром города и селений. Я не могу указать физических убийц и поджигателей, потому, что не видел их собственными глазами, дело в том, что кто столкнулся лицом к лицу с этими преступниками, тот и погиб. Но главным подстрекателями и главными виновниками этих ужасных преступлений народная молва называет Степана Лалаева как инициатора и организатора убийств и поджогов, и помимо Михаила Арзуманова, бывшего помощника уездного начальника Караогланова, начальника почтово-телеграфной конторы Гюльбандова и и других, фамилий которых не знаю. Во время первого нападения на Шемаху я имущественно не пострадал, во время же второго разгрома у меня сгорели два дома со всей обстановкой и вещами и магазин с бакалейным и мануфактурным товаром на сумму не менее четырехсот тысяч рублей. Больше показаний не имею. Показание записано с моих слов верно и правильно. Читано, 24 сентября, Ст. Кюрдамир.

Подпись: М.Садыкбеков.

Члены Следственной Комиссии: А.Новацкий, В.Гудвил (подписи).
Председатель комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 17-20.

Документ № 17.

Протокол допроса

1918 года октября 14 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Гаджи Ших-Габиб Ахунд, 50 л., ж. гор. Шемахи.

Я состою моллой мечети «Гаджи Касум». До ухода из Шемахи мусульманских войск все мечети и святые места в Шемахе были целы и не подвергались ни разгрому, ни поджиганию. По возвращении в Шемаху после взятия ее турками, я все мечети нашел сожженными, от них остались одни развалины и пепелище, сожжены были также святые места и Кораны во всех мечетях. Сожжена и разрушена большая мусульманская святыня «Джума-Мечеть»²⁹. «Джума-мечеть» была дорога мусульманам не только как святыня, как место молитвы, но также как памятник древности: она была построена более чем восемьсот лет тому назад. Она была гордостью шемахинцев. Она выдержала несколько землетрясений. Кроме «Джума-мечеть» были сожжены следующие приходские мечети: моя мечеть «Гаджи-Касум», три мечети в отделении «Калабазар», две в отделении «Шихминас», одна в отделении «Юхарикала», одна в отделении «Имамлы», одна в отделении «Шапурлы», одна в

отделении «Талыш», одна в отделении «Мейданлы», одна в отделении «Ардабилли» и одна в отделении «Ахчи».

Кроме того, были сожжены и разгромлены святые места: «Имамзада» с гробницей местного Ахунда Мир-Мехти-Аги и святые места при трех мечетях в отделении «Юхарыкала» с гробницей Ахунда Ага-Сеид-Алия. В одной из мечетей, находящейся в отделении «Юхарыкала» был убит армянами всеми уважаемый и любимый Ахунд Джафар-Кули. Последний, после ухода мусульманских войск и второго занятия Шемахи армянами не пожелал покинуть город и оставить без защиты несколько сот женщин и детей, собравшихся у его дома. Говорят, что армяне перебили всех женщин и детей в его доме и возле дома, а его самого взяли в мечеть и там убили. Джафар-Кули никогда не мог ожидать, чтобы армяне убили его или даже оскорбили. Дело в том, что он являлся убежденным сторонником армян и примирителем их с мусульманами. Он держался в стороне от политической жизни, но когда отношения между мусульманами и армянами становились натянутыми, он выступал тогда и призывал к мирной и братской жизни армян с мусульманами и наоборот. Речи его всегда производили большое впечатление. Помню его речь на похоронах урядника Керима Зялимянца до мартовских событий. Мусульмане-разбойники с целью грабежа убили армянина с сыном. Урядник Керим был послан с отрядом стражников для поимки убийц. Во время перестрелки с разбойниками урядник Керим был убит. Похороны его состоялись в Шемахе и были устроены так, что в них приняли участие все народности и их духовенство, находившиеся в Шемахе. Джафар-Кули в своей речи горячо призывал армян и мусульман жить в мире и в братстве, как жили их отцы и еды. Тогда уже Шемахинские армяне стали покидать город и уезжать в Матрасы и другие армянские селения. Джафар-Кули призывал армян оставаться в городе. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Гаджи Ших-Габиб Ахунд Абасзаде (арабскими буквами).

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А. Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 11-13.

Документ № 18.

Протокол допроса

1918 года, октября 14 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Гаджи Ших Габиб Ахунд, ж. гор. Шемахи.

Прежде чем говорить о мартовских событиях, нахожу нужным сказать несколько слов об обстоятельствах, предшествовавших этим событиям. После переворота все народности г. Шемахи соединились, сплотились и жили, как

одна семья. Но вскоре, когда на сцену выступил армянский епископ Баграт, стало замечаться стремление армян к отделению и желание вести самостоятельную политику. Мусульмане всеми мерами пытались удержать армян и не допустить, чтобы они выделялись. Это отчасти удалось, и жизнь снова пошла ровно и спокойно. Вдруг были получены сведения, что возле сел. Биджов произошел бой между биджовцами и армянским отрядом, следовавшим из Баку в армянские селения. Делегация выяснила, что это было недоразумение, так как биджовцы, приняли отряд за разбойников. Инцидент был исчерпан. Но с того времени отношение армян к мусульманам изменилось к худшему. Когда был возбужден вопрос об организации местного гарнизона, то армяне не согласились, чтобы в гарнизоне армяне и мусульмане были представлены пропорционально количеству населения, и гарнизон состоял из 125 армян и 125 мусульман. Кроме того, начальником гарнизона был с начала назначен русский Артамонов, а потом армянин Гюльбандов. При этом армянские солдаты содержались на счет казны, а мусульманские на общественный счет. Был возбужден вопрос об увеличении стражи, так как в уезде началась анархия и разбои. Было разрешено увеличить стражу на двести человек, но опять на общественный счет. В этом была интрига армян. В начале марта были получены из Баку сведения, что на Шемаху двигается армянский отряд в тысячу двести человек в полном вооружении с шестью пушками и шестьюстами лошадей. Навстречу отряду в сел. Козлы-чай (Хильмили) была отправлена делегация, которая должна была выяснить цель прибытия отряда и добиться, чтобы отряд выдал оружие или не двигался дальше. Во главе отряда стоял Артамонов. Армяне ответили делегации, что оружие они получили при демобилизации из армии, что не выдадут его и, что идут к себе домой. Делегация вернулась. После ее возвращения на нижнем базаре распространился слух, что армяне желают захватить в свои руки местный гарнизон. Наскоро собралось несколько сот вооруженных мусульман, и отправились в верхнюю часть к гарнизону. Произошла перестрелка. Мусульмане заняли гарнизон. В этот день был убит армяно-матрасинский пастор Левон Каграманянц. В то же время шемахинцы узнали, что армянский отряд из Хильмили (Козлы-чай) уже выступил и находится недалеко от Шемахи, в сел. Чухур-Юрт. Шемахинцы собрали несколько хорошо вооруженных людей, разместили их за городом, с тем, чтобы не допустить отряд в город. 15 марта утром между отрядом и мусульманами произошла перестрелка. Мусульмане вынуждены были отступить, а отряд проследовал в сел. Матрасы. В то время, когда за городом шел бой между армянским отрядом и мусульманами, неорганизованные банды мусульманских крестьян напали на окраинные дома в верхней части и начали их грабить и поджигать. Было разгромлено и подожжено ими несколько еврейских домов на окраине. Вечером все успокоилось, и был заключен мир. Вооруженные крестьяне-мусульмане были отпущены по домам. Неожиданно 18 марта утром Шемаха оказалась окруженной армянами и молочанами, которые бомбардировали ее из пушек и

обстреливали из ружей. Мусульмане взялись за оружие, засели в доме Лалаева, оставленного армянами, и стали защищаться. Но не могли устоять против пушек, в особенности молоканских, и начали отступать. Армяне и молокане по нескольким улицам ворвались в отделение «Пиран-Ширван», начали поджигать дома, убивать жителей, мужчин, женщин и детей, грабить. К вечеру мусульмане послали к Муфтию делегацию с просьбой сдаться армянам. Муфтий не согласился, и покинул город. После его ухода решено было сдаться. К армянам были отправлены парламентареры – врач Сазонов и Джафар-Кули Ахунд с предложением, что мусульмане сдаются. Армяне приняли парламентареров и согласились на сдачу, но стрельбу, поджогов и убийств не прекратили. Отделение «Пиран-Ширван» было в огне. Оттуда все бежали вниз. На другой день армяне потребовали выдачи оружия к 9 час. утра, но ввиду невозможности успеть собрать его к этому сроку, дали срок до 2 час. дня. Я лично собрал 360 (триста шестьдесят) ружей и сдал их армянам. Кроме того, они сами обезоруживали людей. Несмотря на то, что мусульмане сдались, что оружие было выдано и мир был заключен, армяне и молокане продолжали убивать жителей и грабить их. В таком ужасном положении мусульмане находились до прихода мусульманских войск из Гянджи. Но вскоре мусульманские войска вынуждены были оставить Шемаху, и с ними ушло большинство, почти все мусульманское население, ушел и я. Я не могу назвать лиц-мусульман, которые остались в Шемахе после ухода мусульманских войск и были очевидцами второго разгрома Шемахи. Если кто и остался, то был убит. Я вернулся в Шемаху уже после взятия ее турками. Весь город, а в особенности мусульманскую часть я нашел в развалинах, не осталось ни одного дома, все уничтожено пожаром. Не пощадили армяне такой святыни, как «Джума-Мечеть» и других мечетей. Сгорел в Шемахе и мой дом, а все движимое имущество было расхищено. Понес я убытка на сто тысяч рублей. Я не могу назвать никого из тех армян и молокан, которые поджигали дома, убивали жителей, грабили и вымогали денег, но нравственным виновниками и подстрекателями считаю шемахинских армян-руководителей, именно: епископа Баграта, Михаила Арзуманова, Гюльбандова с сыном, Караогланова, шушинца Агамалова. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Гаджи Ших-Габиб Ахунд Абасзаде (арабскими буквами).

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 23-26.

Документ № 19.

Протокол допроса

1918 года, октября 14 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Касум бек Гусейнбеков, 28 л., ж. г. Шемахи.**

Я постоянно жил в Шемахе. После переворота армяне усиленно стали запасаться оружием и всевозможными способами доставляли его в сел. Матрасы и другие армянские селения. Мусульмане были очень обеспокоены и волновались. Армяне постоянно утверждали, что запасаются оружием для самозащиты. Но из поведения армян и их отношения к мусульманам видно было, что они готовятся к какому-то выступлению, а выступление мог быть только против мусульман. 14 марта утром в мусульманской части города распространился слух, что армяне желают захватить местный гарнизон, охранявший склад оружия и снарядов. Мусульмане предупредили армян и сами заняли гарнизон. По городу в этот день шла редкая перестрелка. На другой день утром, 15 марта, произошло столкновение мусульман с армянским отрядом, который вез из Баку в с. Матрасы большой транспорт оружия и пушки. Столкновение произошло за городом. В это самое время неорганизованные банды крестьян мусульман, воспользовавшись случаем, напали на окраинах верхней части города на некоторые дома, стали их грабить и поджигать. Перестрелка продолжалась до вечера. Вечером был восстановлен порядок и был заключен мир. На другой день состоялись манифестации по случаю заключения мира. Мы, мусульмане, были уверены, что беда миновала, и что никакая опасность нам больше не угрожает. Вооруженные крестьяне разошлись по домам. Вдруг 18 марта утром мы проснулись от грохота пушек. Оказалось, что ночью армяне и молокане окружили город и начали его бомбардировать и обстреливать из ружей. Шемахинские мусульмане сначала начали защищаться, но не могли долго устоять против пушек и начали отступать. Армяне и молокане по нескольким улицам начали врваться в мусульманскую часть города, именно в отделение «Пиран-Ширван». Начались поджоги домов, убийства жителей, покидавших горевшие дома и вообще показавшихся на улицах, убивали всех, мужчин, женщин и детей, начались грабежи. Под вечер мусульмане решили сдаться и отправили к армянам парламентаров. Армяне потребовали выдачи оружия к 2 час. утра, потом продлили до 2 час. дня. Все оружие было выдано армянам и молоканам. Несмотря на это, армяне и молокане продолжали поджигать мусульманские дома, убивать жителей мусульман, как в нижней, так и в верхней части города, грабили и занимались вымогательствами. Только на третий день поступило видимо спокойствие, когда молокане опомнились, и не только сами перестали бесчинствовать, но не допускали бесчинствовать и армян. Я слышал, что они будто бы даже расстреляли двух армян за бесчинства. Так продолжалось до прихода мусульманских войск, которые прибыли в Шемаху в конце марта. Но они оставались здесь всего около недели, так как вынуждены были отступить в виду их малочисленности в сравнении с армянскими силами, собравшимися в сел. Козлы-чай (Хильмили). С мусульманским отрядом ушло почти все мусульманское население Шемахи, ушел и я. Остались только бедняки и преимущественно женщины, дети, старики и больные. С ними остался также Джафар-Кули Ахунд, который не пожелал оставить несчастных. При вторичном занятии Ше-

махи армянами все эти несчастные вместе с Ахундом были убиты. Мало спаслось тех, кто остался, и я таких назвать не могу. Я вернулся в Шемаху только после занятия ее турками. Нашел весь город в развалинах. В мусульманской части не уцелел ни один дом, ни одна постройка, все уничтожено пожаром. Я не могу назвать никого из армян и молочан, поджигавших дома, убивавших мусульман и грабивших их. Главными виновниками и подстрекателями всего происшедшего считаю русского Артамонова, бывшего на службе у армян, и шущинца инструктора по виноделию, Агамалова. У меня в Шемахе сгорел дом и расхищено, ими же сожжено движимое имущество на общую сумму сто тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Более показать не имею. Читано.

Подпись: К.Гусейнбеков.

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 27-29.

Документ № 20.

Протокол допроса

1918 года, октября 15 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Джавад бек Мамедов, жит. гор. Шемахи, 56 л.

Армяне с 1905 года готовились к выступлению против мусульман и с того времени стали запасаться оружием. После же переворота они особенно стали доставлять в армянские селения пушки и всякого рода оружие. Армяне открыто говорили, что или они должны уничтожить мусульман, или сами погибнуть. В начале марта сего года в Шемахе стали говорить, что армяне готовы к выступлению. Одновременно с этим в Шемаху приходили известия, что армяне по дорогам убивают мусульман, так, были случаи убийства мусульман возле селений армянский Мирикенд, Керкенч, Келаканы. Однажды утром, кажется 18 марта, мы, шемахинцы, услышали пушечные выстрелы. Оказалось, что армяне и молочане почти окружили Шемаху и начали обстрел ее из пушек, пулеметов и ружей; стреляли также из пулеметов, ружей и горных пушек из дома Лалаева. Мусульмане вскоре выкинули белый флаг и сдались. Армяне и молочане ворвались в мусульманскую часть по нескольким улицам, стали поджигать дома в отделении «Пиран-Ширван», убивать спасавшихся из горевших домов и находившихся на улицах, грабить. На другой день отобрали все оружие у мусульман, но насилия не прекращались. Армяне и молочане врывались в дома и вымогали деньги, а ценные вещи похищали. Ко мне приходили банды армян и молочан в течении четырех дней несколько раз и вымогали деньги, угрожая то убийством, то поджогом дома. Таким образом, они похитили у меня около двадцати тысяч рублей денег и похитили много се-

ребра и ценных вещей. Знаю, что между армянами были матрасинцы, калакалинцы, но никого из них по фамилии не знаю, в лицо же могу опознать многих. Между армянами был один с револьвером в руке, который порывался убить меня, но другие армяне удерживали его. Помню, что армяне называли его Агриевым, должно быть матрасинец Агриев. Между молоканами я узнал одного кыз-майданца (астраханца) хромого молоканина, по имени и фамилии мне неизвестного. Так продолжалось до прихода мусульманских войск. После их прихода возобновился порядок. Мы ожидали, что армяне больше не придут в Шемаху, но случилось иначе. Армяне собрали большие силы в сел. Козлы-чай, и мусульманские войска должны были отступить и покинуть Шемаху. С ними ушло почти все состоятельное мусульманское население, остались только бедные, больные и старики. С войсками ушел и я, оставив дом, всю обстановку и два сундука с драгоценными вещами: золотом, серебром, камнями и дамскими украшениями и деньгами. Вернулся в город уже по взятии его турками. Весь город нашел в развалинах. Сгорел также мой дом. Движимое имущество отчасти сгорело, отчасти было расхищено. Один сундук был вскрыт, другого совсем не оказалось. Понес я убытка всего на сумму семьсот тысяч рублей по прежнему курсу рубля. В августе месяце мой брат Рустам бек Мамедов с приставом Ширалибековым нашли в сел. Кыз-Майдан у Семена Прокопьева Котова мой серебряный нож с моими инициалами: «Д.М.». Такой же нож, как мне говорил один мусульманин, находится у Алексея Захаровича Толянова в том же селении. Я не могу назвать по именам тех армян и молокан, которые подожгли дома, потому что не знаю их. Все это были люди молодые, хотя лично видел, как они поджигали дома вместе с молоканами. Видел также, что армянам и молоканам помогали евреи. Но руководителями всего этого движения были: Степан Лалаев, Гавриил Караогланов, Михаил Арзуманов, начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, «длинный Михаил» или «узун Мирза», его сын и братья. Мне достоверно известно, что в Шемахе в Верхней части города несколько армянских домов были сожжены самими же армянами, например Степан Лалаев сам сжег свой дом со всем движимом имуществом, когда уходил из Шемахи. Более показать не имею.

Подпись: Джавад бек Мамедов.

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 30-32.

Документ № 21.

Копия с телеграммы

от 22-го декабря с.г. за № 83

на имя Шемахинского Уездного Комиссара

Военная, цейхгауз дружины.

Сегодня произошло хищение оружия, население встревожено, подозревают участие похищения команду Шемахинской роты бывшей вчера Кюрдамир, прошу принять меры обыску фургона и выяснения происшедшего. Командующий 535 дружины. Прапорщик Фирсов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 38.

Документ № 22.

Протокол допроса

1918 года сентября 24 дня, сел. Кюрдамир

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Абдул Гусейн Алиев, жит. г. Шемахи, временно прож. в сел. Баскал Шемахинского уезда, 42 лет, мусульманин, под судом не был, грамотен.

Я уроженец г. Шемахи, где проживал безвыездно почти до конца марта 1918 года. О событиях, предшествовавших разгрому Шемахи, мне лично ничего не известно, так как я не принадлежал ни к каким комитетам, ни к организациям. Но вообще могу сказать, что армяне усиленно запасались оружием и готовились к нападению на Шемаху и вообще на мусульман. Дело в том, что еще в январе они привезли в с. Матрасы двенадцать или шестнадцать фургонов всякого оружия. Когда мусульманское население г. Шемахи и уезда стало тревожиться за свою судьбу, и комитет потребовал от армян объяснений относительно этого оружия, то они успокоили мусульман заверениями, что они запасаются оружием не против мусульман, а главным образом против разбойников, которые грабили как мусульманское, так и армянское население. Так как в то время действительно было несколько случаев разбойных нападений, то мусульмане поверили. В марте месяце, точно не могу указать какое число, когда из Козлычая (Хилмили) направился армянский отряд в Матрасы, который вез с собой как говорят, до шестидесяти фургонов всякого оружия, тогда между отрядом и мусульманами около Шемахи, а затем и в самой Шемахе произошла перестрелка из-за того, что мусульмане не желали пропустить фургоны с оружием в сел. Матрасы, которое являлось укрепленным центром армян. Перестрелка продолжалась недолго и серьезных последствий не имела. В этот же день был заключен мир между мусульманами и армянами. На другой день были устроены по этому случаю шествия по городу с музыкой, и мы, мусульмане, были уверены, что больше несчастье уже не случится. Вдруг на следующий день, в 5 час. утра, к нашему большому удивлению, армяне из сел. Матрасы открыли по городу пушечную стрельбу, а Шемахинские армяне начали стрелять с верхней части города по нижней мусульманской. В этот же армяне ворвались в мусульманскую часть города и начали поджигать дома в самом богатом квартале «Пиран Ширван» и убивать именитых и принимавших участие в мусульманских организациях мусуль-

ман. Я лично не был очевидцем ни поджогов, ни убийств и никого из поджигателей и убийц назвать не могу. Но знаю от моего родственника Али-Султана Алиева, что убийцы и поджигатели действовали по указанию шемахинских армян: Михаила Арзуманова, Гавриила Караогланова, бывшего помощника уездного начальника, начальника почтово-телеграфной конторы «узун» Михаила, фамилии двух последних мне неизвестны. Али-Султан Алиев говорил мне, что эти лица заблаговременно составили список мусульман, которые впоследствии были убиты и дома которых подожжены. На другой день армяне отобрали у мусульман все оружие. Грабили ли они мусульман и вымогали ли деньги, лично я не видел, потому что не выходил из дома. Кто был тогда убит из мусульман, не знаю, но слышал, что было убито очень много человек. Весь квартал «Пиран-Ширван» выгорел. Убивали ли тогда армяне мусульманских женщин, детей и стариков, не видел, не знаю. Как я слышал, до разгрома Шемахи и Шемахинского уезда между армянами и мусульманами шел спор из-за власти, с одной стороны в лице архиепископа Баграта, а с другой в лице Муфтия. Но, по моему мнению главной причиной нападения армян на мусульман это- национальный вопрос. На вопросы отвечаю. Молокане окрестных селений выступили против шемахинцев вместе с армянами с первого же дня и действовали с ними до конца. Но они не творили те же бесчинства, которые творили армяне, т.е. не принимали участие в поджогах и убийствах. Потом я спрашивал молокан, почему они выступили против нас, они мне отвечали, что стоят на стороне сильнейшего. Удостоверяю, что в 1905 году со стороны шемахинцев против армян никаких враждебных выступлений не было. 27 или 28 марта в Шемаху прибыла из гор. Гянджи помощь во главе с Исмаил Ханом. Армяне оставили Шемаху. Исмаил Хан преследовал их, но убедившись, что у армян в сел. Козлы-чай собралась большая сила, отступил, вернулся в Шемаху и ночью с отрядом ушел из Шемахи. Я выехал вместе с этим отрядом и во время второго занятия армянами Шемахи не там. Остался в Шемахе мой отец, шестидесятипятилетний старик Мамед Таги Алиев³⁰. Он был убит армянами. В числе других домов был сожжен и наш дом, в котором сгорела вся обстановка. Потери в доме и обстановке оцениваю в восемьдесят тысяч рублей: Моя тетка Гохар-Бегим Али-Наги кызы, рассказывала мне, что отец был убит в ее присутствии, какие-то люди стали ломаться в дверь. Когда отец открыл дверь и замолвил с ними несколько слов, они выстрелили в него и убили. Полагаю, что армяне убили отца за то, что считали его для себя опасным, как интеллигентного человека с высшим образованием и бывшего члена первой Думы. Показание мне читано и записано с моих слов правильно и верно. Более добавить не имею.

Читано, 24 сентября, Ст. Кюрдамир.

Подпись: Абдул-Гусейн Алиев.

Члены Следственной Комиссии: А.Новацкий, В.Гудвил, Николай Михайлов (подписи).

Председатель комиссии: А.Хасмамедов (подпись).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 21-24.

Документ № 23.

Протокол допроса

1918 года октября 8 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Владимир Павлович Сазонов, 53 л., доктор медицины, русский, прож. временно в сел. Козлы-чай (Хилмили)

Я живу в г. Шемахе 17 лет. Служил Шемахинским уездным врачом. Я не принадлежал ни к каким местным организациям, и на митингах не бывал. Объяснить, чем были вызваны мартовские события в Шемахе, не могу. Передать несколько фактов, очевидцем которых был сам и которые тесно связаны с моей личностью. 14 марта сего года в 10 часов утра, когда я шел к больному Искендеру в нижнюю часть города, увидел до семисот вооруженных мусульман, преимущественно шемахинцев, которые в весьма возбужденном состоянии с ружьями наготове быстро шли на верх. Вскоре послышалась стрельба. Осмотрев больного, вернулся домой. Мне пришлось возвращаться окольной дорогой, так как кругом летали пули. Оказалось, что мусульмане напали и заняли почетный гарнизон и склад с оружием и снарядами. Я не выходил из дома. Узнал, что один солдат из гарнизона был убит, а другой, Михайлов был ранен. Михайлову я сам делал перевязку. На другой день 15 марта утром я услышал сильную стрельбу за городом со стороны сел. Мейсары. Ясно было, что там шел бой. Были слышны даже пушечные выстрелы. Одновременно с этим мусульмане начали обстреливать армянские дома в той части города, где я жил. Это происходило по соседству с моей квартирой так, что я весь обстрел наблюдал лично. Армяне начали покидать свои дома и уходить глубже в город. Я видел, как мусульмане врываются в армянские дома и выходили оттуда с награбленным добром. Мой дом сначала не подвергался обстрелу, и я был уверен, что мне и моей семье опасность не угрожает. Но вскоре по крыше моего дома посыпался град пуль, начали бить окна и ломаться в дверь. Я открыл дверь и увидел толпу вооруженных мусульман. Один направил на меня ружье, а другой держал над моей головой обнаженный кинжал. Я по мусульмански объяснил им, что могут забрать из моего дома все мое имущество, пусть только не лишают жизни меня и никого из моей семьи. Они стали ругать меня и, оттолкнув меня, принялись за грабеж. Забрали все, что им показалось ценным, остальные вещи ломали, уничтожали. Потребовали денег. Я им отдал кошелек с несколькими рублями. У меня в разных местах хранились 6000 руб. Деньги эти тоже были похищены. Под конец грабежа один из мусульман крикнул, что надо убить меня. Другой заступился и предложил увезти меня в мусульманскую часть города, где я должен был смотреть за ранеными.

В конце концов, окружили меня и семью, и повели нас вниз. Дом мой подожгли так, что он сгорел дотла. Я лишился положительно всего, что у меня было. По дороге издевались надо мной, постоянно прицеливались в меня из ружья. Я уверен, что мусульмане, напавшие на мой дом, знали меня, и я знаю многих в лицо и во всякое время могу опознать их. Среди них я заметил хромого из сел. Мельгам, имени и фамилии его не знаю. Не могу объяснить такого отношение ко мне. Полагаю, что это сделали с целью наживы. Когда меня вели мимо дома Саламовых, меня увидел молодой Саламов, Гаджи Абдурагим, и взял меня к себе в дом, где меня с семьей приютили как гостя и хорошего знакомого. Того же числа вечером был заключен мир между армянами и мусульманами. Мусульмане отпустили много вооруженных сельчан по домам. На время водворилось спокойствие. Вдруг 18 марта, утром, армяне и молokane окружили город и начали обстрел мусульманской части из орудий и ружей. Мусульмане защищались. Но вскоре между ними произошло смятение. Под вечер армяне стали сжигать мусульманские дома, убивать жителей. Слышал, что армяне убивали женщин и детей. Вечером Гейдар Саламов, его сын и Гасанов обратились ко мне за советом, что им делать. Я дал им совет сдать и выдать оружие. Они согласились послать к армянам парламентаров. Парламентарями были избраны я и Джафар-Кули Ахунд. Мне был вручен текст для передачи в армянский штаб. Вечером, когда уже начало темнеть, мы отправились. Добрались до помещения, где находились армянские офицеры: сын начальника почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, бывший пристав Хачанов и др. Мы передали пакет, который был отправлен в штаб в сел. Матрасы. Содержание пакета не знаю. Мы ждали ответа. Я стал упрекать армян в том, что они совершают такие насилия, что следует все это прекратить, ибо карта может отвернуться, и они, армяне, окажутся в таком положении, в каком находятся мусульмане. Названные Гюльбандов и Хачанов начали кричать, что нет пощады мусульманам, что всех их следует уничтожить. Я замолчал. Заметил также враждебное отношение ко мне со стороны армян: солдат Шабанов, между прочим, пичкал меня пальцем в грудь и кричал, что первая пуля мне. Ответ в пакете был доставлен из Матрасов в 4 час. ночи. Я и Ахунд доставили его к Саламовым. Содержание ответа я не читал, но мне Саламов говорил, что армяне требуют выдачи всего оружия к 9 час. утра, а русские к 2 час. дня. Мусульмане опять составили ответ, который я и Ахунд опять доставили армянам в верхней части города. Больше я уже не возвращался к Саламовым и остался в верхней части с семьей, которая вернулась в этот раз со мной. С нами вернулся также скрывавшийся в мусульманской части зубной врач Фишман. Армяне убили его. Выяснилось, что армяне решили убить меня, Фишмана, другого зубного врача Пезнера и провизора Сулава за то, что мы бежали к мусульманам. Но, когда убедились, что я был уведен мусульманами насильно, отменили свой приговор. Пезнер и Сулава спаслись бегством. Был заключен мир. Говорили, что мусульмане выдали оружие. Уже после заключения мира я лично видел свежие трупы мусульман в верхней части города. Через несколько дней, когда

наступали мусульманские войска, я покинул Шемаху и последовавших затем событиях мне лично ничего не известно. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Врач Сазонов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 86-89.

Документ № 24.

Протокол допроса

1918 года октября 7 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением _ Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Пантелеймон Иванович Пугачев, 45 л., православный, русский.

Я служу помощником бухгалтера Шемахинского Казначейства. В марте месяце с.г., во время событий, находился в Шемахе. О событиях, предшествовавших разгрому Шемахи, запомнил следующее. После 10 марта в городе замечалось тревожное состояние. В нижней части города мусульмане волновались. Мы в Казначействе, хотя и собирались, но кладовой не открывали и не производили операций. Все чего-то ожидали. 14 марта в 11 часов утра я видел, как массы вооруженных мусульман двинулась к казармам, где находился склад оружия и снарядов, охраняемый смешанным гарнизоном из армян, русских и мусульман. Произошла перестрелка. Армяно-молоканский священник Караханянц вышел из дома, чтобы остановить мусульман, но был убит. Оказалось, что мусульмане заняли склад с оружием и снарядами. Я побежал домой и не выходил. Говорили, что армяне везут из Баку в сел. Матрасы большой транспорт оружия и пушек. Мусульмане заняли все дороги, чтобы не пропустить этот транспорт. 15 марта произошла перестрелка между мусульманами и армянским отрядом, сопровождавшим транспорт. Мусульмане вынуждены были отступить и транспорт проследовал в Матрасы. Я видел из своего дома, как того же числа отряд вооруженных мусульман в количестве до 150 человек двинулся со стороны горы Мотры по направлению верхней части города, производя беспорядочную стрельбу и бездельную, так как на улицах никого не было. Когда отряд подошел к крайним домам в него из-за сада был произведен залп. Несколько человек из отряда упало, и он отошел обратно. Вскоре мусульмане выкинули в город белый флаг. Состоялся мир. Не слышно было выстрелов, население начало появляться на улицах. Вдруг 18 марта со стороны сел. Матрасы и со стороны сел. Джобаны-русские начался обстрел нижней части города из пушек и ружей. Я не выходил из дома. Мусульмане сдались армянам. Я видел, как армяне обезоружили урядника Худавердия и хотели его убить. Но я и несколько человек русских не допустили и спасли его и его семью. Что касается насилия, учиненного армянами над помощником начальника

почтово-телеграфной конторы Касум бекон Кишибековым и другими мусульманами, то Садык бек Агаларов передал мой рассказ немного в извращенном виде. Дело было так. Мы, русские, при содействии армянина шемахинца Исая Арутюнова спрятали Кишибекова, его мать, брата и племянника, а также Габима Ахмедова, харчевника Мешади Алия, сына его и мать в подвале дома названного Арутюнова. Армяне уже после сдачи мусульман 18 марта объявили, что будут расстреливать тех армян, которые скрывают мусульман. Около 2 час. пополудни я видел, как Арутюнов бледный и испуганный бежал домой. На вопрос что с ним случилось, он ответил, что армяне хотели заколоть его штыками за то, что у него скрываются мусульмане, и просил меня взять к себе Кишибекова и других. Я не мог исполнить этой просьбы, так как квартира моя была переполнена. Решено было перевести их в пустой дом Еганова, куда вечером мы тайно перевели их. Пищу доставили им тайно в ведре под видом, что ходят за водой. На другой день, 19 марта, я видел, как начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов разговаривал с вооруженными армянами сельчанами, стоявшими недалеко от дома Еганова, и, махнув рукой, ушел по направлению к своему дому. Я подошел к армянам и спросил их, что им говорил Гюльбандов. Они мне ответили, что он сказал им, что в доме Еганова спрятались его хорошие знакомые мусульмане и просил не трогать их и перевести к нему на квартиру. Через час-полтора после этого явились к дому Еганова настоящие армянские солдаты, вывели всех скрывавшихся там мусульман, двух женщин повели по направлению к мусульманской части города, а всех мужчин повели мимо православного кладбища по направлению сада Ованесова. Я спросил армян, куда они их ведут. Они ответили, что в плен в сел. Матрасы. Часа чрез три мы узнали, что всех несчастных расстреляли возле сада Тер-Ованесова. Это известье принес мальчик Александр Шмаков, который побегал с армянами и видел, как они расстреляют названных мусульман. Трупы убитых видел мой свояк Леон Нестерович Бабкин (находиться в сел. Чухур-Юрт). В этот же день вечером, я выехал в сел. Чухур-Юрт и вернулся в Шемаху только в августе месяце и нашел ее в развалинах. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Пантелеймон Пугачев.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 80-81.

Документ № 25.

Протокол допроса

1918 года октября 6 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Князь Левон Георгиевич Вачнадзе, 65 лет, грузин.

Я живу в Шемахе с 1891 года, где состою старшим надзирателем за оброчными статьями Министерства Земледелия и Государственных Имуществ. О Шемахинских событиях могу сказать следующее. За все время моего пребывания в Шемахе я никаких трений и национального антагонизма между армянами и молочанами с одной стороны, и с мусульманами с другой не замечал. Мусульмане и армяне жили мирно так, что даже 1905 году в Шемахе не было выступлений мусульман против армян. С ноября месяца 1917 года отношения между армянами и мусульманами начали портиться и обостриться и начались трения. Дело в том, что в виду отсутствия всякой власти, в Шемахинской уезде образовались много разбойничьих шаек из местного мусульманского населения, которые нападали и грабили всех, без исключения: армян, мусульман, русских и молочан, а главным образом отнимали оружие у солдат армян, возвращавшимися с фронта. Армяне считали виновниками появления разбойничьих шаек мусульманское население. Они несколько раз обращались к мусульманским общественным деятелям с требованиями принять меры к прекращению разбоев. Но мусульманские общественные деятели не в силах были восстановить кое-какой порядок. Армяне были недовольны и, потеряв надежду на водворение порядка мусульманами готовились к самозащите против разбойничьих шаек и стали усиленно запасаться оружием. Мусульмане, заметив стремление армян к вооружению, в свою очередь тоже стали запасаться оружием. В Шемахинских казармах имелся склад всякого рода оружия и снарядов, который охранялся гарнизоном, состоявшим из мусульман, армян, молочан и русских. 14 марта 1918 г. Мусульмане напали на склад и захватили его, при этом произошла перестрелка между гарнизоном, в котором остались армяне и молочане. Мусульмане же ограничились обстрелом казармы и открыли также стрельбу по верхней части города, где преимущественно жили армяне, молочане, русские и чиновники. Армяне, молочане и русские отстреливались. Я в тот же день заперся у себя дома, в верхней части города на Михайловской улице, и вовсе не выходил. Сведения о происходившем в городе получал от своих объездчиков Василия Добродного и Ивана Андреевича Грушенкова. Стрельба продолжалась весь день. В этот день был убит армяно-лютеранский пастырь, было подожжено несколько домов армян, дом врача Сазонова и армяно-лютеранский молитвенный дом. На другой день, 15 марта, стрельба возобновилась и прекратилась поздно вечером. Я видел, как по улицам и отчасти мимо моей квартиры проезжал б. комиссар Азад бек Коджаманбеков и объявлял всем, что стрельба прекратилась, так как заключен мир. 16 марта по случаю заключения мира состоялись торжества. 17 марта прошло спокойно. 18 марта, утром, я услышал со стороны сел. Матрасы один глухой холостой пушечный выстрел, такой же выстрел в ответ на первый я услышал со стороны сел. Джобаны-русские, где живут молочане. Мне показалось, что это условные сигналы. Через час-полтора начался обстрел нижней мусульманской части города из пушек и ружей. Мусульмане сосредоточились в нижней части города. Обстрел из пушек со стороны сел. Матрасы и сел Джобаны продолжался почти до 4 час. пополудни. Что происходило в нижней части города, не знаю, потому что не вы-

ходил из дома, но видел, что нижняя часть города, прилегающая к больнице, горела. 19, 20, 21, 22 марта никакой стрельбы в городе не слышал. Но мусульмане в верхней части города не появлялись, а русское население стало покидать город. 23 и 24 марта со стороны с. Шорадиль слышна была пушечная стрельба. Оказалось, что мусульманский корпус шел на выручку Шемахи. 20 марта я покинул город и ушел в сел. Джобаны. Уходя, я не успел ничего взять с собою и все свое движимое имущество на сумму пятьдесят тысяч рублей бросил на произвол судьбы. Вернулся в Шемаху только в июле месяце сего года и нашел ее в развалинах. Сгорел и дом, в котором я жил. Имущество оказалось расхищенным. Кто расхитил мое имущество, не знаю, но полагаю, что мусульмане. Из похищенного ничего не нашел. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Князь Леван Георгиевич Вачнадзе.

Член Комиссии: А. Новацкий.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 71-73.

Документ № 26.

Протокол допроса

1918 года, ноября 7 дня. гор. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве, допрашивала в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., нижепоименованную, которая показала:

Екатерина Борисовна Змойро, 42 года, лютеранка, временно проживаю в Баку, постоянное местожительство буду жить в Москве.

Я в Шемахе проживала около года, находилась на службе у Акционерного Памирского Золотопромышленного Общества и производила изыскания в горах. В начале марта в Шемахе стали говорить о том, что армяне усиленно вооружаются и подвезли в ближайшие к городу селения орудия. 12-го марта горожане отправили в селение Хильмили делегацию, которая должна была выяснить, действительно ли армяне вооружаются, а с 13 числа в городе уже стали раздаваться выстрелы, после чего нельзя было выйти на улицу. Перестрелка велась с одной стороны молоканами и армянами, а с другой мусульманами. Только в двадцатых числах марта, как-то в 6 часов вечера было объявлено перемирие, а на другой день, в 5 часов утра снова началась перестрелка. Армяне с этого момента окружили город со всех сторон и началась правильная осада Шемахи. Тогда мусульмане из своей – Нижней части города послали делегатов в Верхнюю, армянскую часть города с изъяснением о том, что мусульмане сдаются и выдают все оружие; но не смотря на это продолжали расстреливать мусульманскую часть города под тем предлогом, что им сдали не все оружие. Армяне расстреляли многих христиан за то, что они спускались в мусульманскую часть города за провизией. Армяне расстреливали всех женщин и детей, выходивших к речке за водой, так что возле реки земля была усеяна трупами, как будто покрыто ковром. На улицах я видела трупы знакомых мусульман. В одном месте лежали два тру-

па женщина и одна девушка лет 14; у них были вбиты во влагалища кол. Рядом с ними лежал труп какого-то старика. 10 дней мы провели, не раздеваясь, так как пылал буквально весь город. Армяне заманили к себе керосинщика, убили его, а его керосином обливали дома и поджигали их. Тех, кто выносил свои вещи, армяне убивали. Затем армянские солдаты врываются в дома, вымогали денег под предлогом розыска оружия, производили обыски и грабили все. Как солдаты, так и офицеры, были все время совершенно пьяны.

У меня забрали много драгоценных вещей; одних бриллиантов у меня пропал на 500.000 руб.; опись бриллиантам и другим вещам я при сем представляю. Стоимость всех вещей превышает 1.500.000 р. по старой оценке. Мои бриллианты и другие вещи видели Агасаф бек Шихалибеков, Алескер бек Алиев, Джавад бек Агаев, и Альма Августовна Гарт.

Недавно я побывала в Шемахе и спускалась в Нижнюю, татарскую часть города: там остались одни только развалины, буквально нет ни одного дома, на котором осталась бы крыша. Армянские и православные церкви остались невредимыми, а мечети все разрушены. Как мечети, так и дома в нижней части города все подожжены. Моя сестра в одном из армянских домов слышала, как армяне говорили, что вырежут всех мусульман и не оставят в их домах камня. Мне известно, что студенты Мамед Эмин Эфендиев и Ахмедов, имени его не помню, принимали меры к спасению всех церквей в городе, что им и удалось вполне.

После прочтения исправляю неточности: я не состою на службе в Памирском акционерном золотопромышленном обществе, а напротив, производила изыскания в Шемахе на собственный риск и собственные средства, как акционер этого общества. Перечитанные в представленном мною списке вещи, принадлежат мне и моей сестре Татьяне Борисовне Леватес и ее детям.

Подпись: Екатерина Борисовна Змойро (подпись).

Председатель Комиссии: А.б. Хасамедов (подпись).

Член Комиссии: А.Клуге³¹ (подпись).

Примечание: К протоколу допроса прилагается Опись вещам, оставленным в городе Шемахе г-жой Змойро Екатириной Борисовной 30 марта 1918 г. В Описи перечисляются вещи: драгоценности, ковры, домашняя утварь, одежда, постель, продукты, всего в 82 наименований, а также предметы мебели, посуда, кухонная принадлежность и др., общая стоимость которых указывается более 1.500.000 рублей.

Подпись: Екатерина Борисовна Змойро.

Адрес в Москве: Мясницкая, Чудовской пер., № 1, кварт. 26.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 77- 82.

Документ № 27.

Протокол допроса

1918 года декабря 24 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Отец Иоганн Богомолов, священник Шемахинской местной команды, ныне – партизанского отряда Бичерахова³².

14 марта мусульмане, проживавшие в Шемахе и в ближайших селениях, неожиданно напали на Шемахинский местный гарнизон, а затем и на мою квартиру, и забрали с собою всю мою обстановку, все платье и наличными деньгами около 3000 руб. Главнейшие из похищенных вещей перечислены в представляемом в Чрезвычайную Комиссию прошении. Всего мне причинен убыток около 30.000 руб. по старой оценке и около 90.000 руб. по новой. Прочитано.

Подпись: Священник Иоганн Богомолов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

Копия с копии: Удостоверение, выданное на имя священника Шемахинской местной команды отец Иона Богомолова от 5 декабря 1918 года за № 1457.

Получил обратно 28 декабря 1918 года.

Подпись: Священник Иоганн Богомолов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 51-51 об.

Документ № 28.

Протокол допроса

1918 года ноября 7 дня - декабря 24 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Виссарион Давидович Сулава, 45 лет, грузин, провизор, мое постоянное местожительство в Кутаиси, в Баку проживаю временно.

Я проживал постоянно в Шемахе, где имел свою собственную аптеку. Еще месяц за полтора до нападения армян на Шемаху мы все обратили внимание на то, что через город проходят один за другим эшелоны армянских солдат в полном вооружении. Нам объясняли, что проходят солдаты, возвращающиеся с фронта, в то же время мы замечали, что в селениях Шемахинского уезда, в Матрасах, Сагияне и др. появились армяне из других уездов, например, из Карабаха. Один армянин, владелец мельницы, некто Арменак Геогджаев, читал в моем присутствии письмо, которое ему прислал из Александрополя его брат, который спрашивал, справятся ли армяне в Шемахе с мусульманами и, в случае надобности, предлагал выступить из Александрополя со своим отрядом. Затем от того же брата была получена телеграмма о том, чтобы ему телеграфировали, нужна ли его вооруженная помощь. С этой телеграммой Геогджаев ходил к Шемахинскому армянскому епископу Баграту, который ему сказал, что пока еще нет необходимости в присылке из Александрополя войск.

В средних числах марта мусульмане, желая в противовес вооруженным армянам, в свою очередь вооружиться, направились в казармы за оружием. В это время произошла с армянами перестрелка, во время которой был убит лютеранский пастор Кахраманянц. В субботу, 17 марта, его торжественно похоронили, причем похоронная процессия шла с белыми флагами. Армяне уверяли всех, что никакого вооруженного выступления больше не будет, что между армянами и мусульманами заключен мир. В этот же вечер из города уехал епископ Баграг, который отправился в селение Матрасы, откуда уже более не возвращался. Оказывается, в эту ночь армяне, соединившись с молочанами, успели получить из всех ближайших селений вооруженную помощь. Шемаха окружена армянскими селениями Матрасы, Гюрджеванд, Керкенч, Дара-Керкенч, Сагиян, Мирикенд и др. С наступлением утра армянские войска начали обстреливать Шемаху из орудий с двух сторон. Со стороны селения Матрасы, и Чабаны. Мусульмане, которых выступления армян застал врасплох, побросали свое оружие и стали спешно покидать Шемаху. Должен заметить, что за несколько времени до этого мусульмане предложили христианам, опасавшимся почему-то за свою участь, перебраться к ним в мусульманскую часть. Я со своей семьей и много другие действительно перебрались к ним, где нас встретили очень гостеприимно, кормили нас, охраняли, оставив только в последнюю минуту, когда началась бомбардировка Шемахи. Армяне страшно вооружились против тех, искал помощи в мусульманской части города, и одного из таких, зубного врача Фишмана, который вышел им навстречу в качестве делегата с письмом к епископу Баграгу, расстреляли.

Приблизившись к городу, армяне и молочане начали жечь все мусульманские дома, квартал за кварталом. Кто из жителей не успел заблаговременно покинуть город, и, спасаясь от огня, выбежать из своего горящего дома на улицу, тоже беспощадно расстреливали: не щадили ни женщин, ни стариков, ни детей. Я сам видел, как армяне вошли во двор некоего Эфендиева. Им на встречу вышел молодой Эфендиев и старый мусульманин, его дядя. Армяне сначала выстрелили в молодого человека и убили его наповал, а затем произвели два выстрела в старика, которому все таки удалось убежать.

В Шемахинском погроме участвовали дашнакчаканы, получившие, несомненно, указание из Баку, из своего главного штаба. Принимали участие и вся местная армянская интеллигенция; ходили по городу и убивали мусульман даже очень старые армяне. Из армянских главарей я могу назвать бывшего Чобанинского учителя Артамонова, прапорщика Амирова, прапорщика Артемя Долиянца, его брата Самвела Долиянца и некоторого Казарова.

Месяц за три до наступления армян и молочан на Шемаху, мусульманами были выписаны два турецких офицера, обучавшие мусульманскую молодежь военному искусству. Кроме того, я замечал, что мусульманское население понемногу вооружается. Незадолго до разграбления армянами Шемахи мусульмане устроили на дороге между Кюрдамиром и Шемахой заставы; такие же заставы ими были устроены и на Шемахинской дороге в Баку. На этих за-

ставах останавливали молокан и армян, обыскивали, отнимали оружие и часто грабили. Бывали случаи, когда обыскиваемых убивали.

Живя в Шемахе я не принимал участия в каких бы то ни было национальных собраниях, относился совершенно одинаково как к мусульманам, так и к армянам. Поэтому страшно несправедливо то, что я, обремененный большой семьей, в настоящее время остался без крова и всяких средств. В Шемахе у меня была собственная аптека и завод минеральных вод и квартира о пяти комнатах, хорошо обставленная. Все это было разграблено и сожжено. Из аптеки армяне и молокане забрали весь перевязочный материал и некоторые лекарства, которые доставили частью в тюрьму, частью же в селение Джобани, где помещался их штаб. Это известно уездному врачу Сазонову, под наблюдением которого забирались описанные материалы.

Опись похищенного и сожженного в аптеке, на заводе минеральных вод и в квартире, при сем представляю. Все разграбленное и сожженное мое имущество стоило, как это видно из прилагаемой описи, 546.860 руб.

В Шемахе имела аптеку и моя жена Надежда Жустиновна; эта аптека также была сожжена дотла, причем погибло имущество, перечисленное в представляемом от ее имени прошении. Сведения о принадлежности жене аптеки имеются в Бакинском Губернском Правлении, в врачебном отделении. Жене причинен убыток в 332.300 рублей. Прочитано.

Подпись: В Сулава.

Члены Комиссии: А.Клуге, М.Х.Текинский³³ (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 52-54.

Документ № 29.

Протокол допроса

1918 года декабря 14 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Иван Петрович Афанасьевский, 54 лет, жит. в Баку, Торговая ул., д. № 17

В Шемахе во время мартовских событий с.г. моя семья жила в мусульманском доме, а я служил в Петропавловке. После взятия Баку турками я встретил в Баку свою семью, от которых узнал, что в Шемахе все мое имущество погибло и разграблено. Дом, в котором было мое имущество и жила моя семья – мусульманский - Гаджи Ага Бабы Рустамова и сожжен армянами. Поэтому и мое имущество погибло вместе с домом.

Всего я потерпел на общую сумму 38.387 рублей, каковую сумму я прошу мне возместить. Представляю опись и прошу приобщить к делу.

Подпись: Иван Петрович Афанасьев.

Члены Комиссии: Александрович³⁴, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 35 об.

Документ № 30.

Протокол допроса

1919 года, февраля 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Петр Ефимович Поляков, 40 лет, живу в Баку, на 3 Параллельной ул., в д. № 51.

В марте прошлого года ко мне, когда я жил в Шемахе, явился сын начальника почтовой конторы прапорщик Гюльбандов и посоветовал немедленно уйти из Шемахи, так как город окружен (кем, я не знаю). Это было сказано мимоходом, так что я не успел расспросить, почему надо бежать из Шемахи. Я с семьей поспешно оделся и из Шемахи перебрался сначала в селение Джобани, потом в Хильмили, а затем уже в Баку. В моей отсутствии в Шемахе разграбили и сожгли мой дом, причем погребло имущество, перечисленное в представляемом при сем прошении. Всего мне причинен убыток в 54.163 руб. 48 коп. Прочитано.

Подпись: П.Е.Поляков.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 131.

Документ № 31.

Протокол допроса

1918 года декабря 24 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Гавриил Кузьмич Федоров, 57 лет, жит. в Баку, 2 Завокзальная улица, д. 14

Заявление мое, поданное в Тифлисе, дипломатическому представителю Азербайджанской Республики Джафарову³⁵ 15 ноября 1918 года за № 18, я подтверждаю и прошу о возмещении убытков в общей сумме 80.056 руб. по средней цене. Прочитано. Прошу приобщить к прежнему сие прошение со всеми приложениями на 22 листах. Прочитано.

Подпись: Гавриил Кузьмич Федоров.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 55.

Документ № 32.

Протокол допроса

1919 года, января 18 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Константин Гаврилович Потапов, Полковник, 54 года, живу в Баку, на Балаханской ул. в д. № 38

Во время мартовских событий в Шемахе, где я служил мировым посредником, погибло все мое имущество, перечисленное в прилагаемом заявлении и стоившие 17.370 руб. по старым ценам. По новой оценке пропавшие вещи стоят не менее 70.000 руб.

В то же время были сожжены мельница и два дома Константина Викторовича Кравчиניкова, имущество коего я после его смерти оценил; Мельница и дом стоили 27.000 руб. по старой оценке, а по новым ценам-70.000 руб. Прочитано.

Подпись: Полковник Потапов.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 85 об.

Документ № 33.

Протокол допроса

1919 года, февраля 19 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Иван Андреевич Грушенков, 38 лет, живу в сел. Чухур-Юрт Шемахинского уезда.

Во время прошлогодних мартовских погромов у меня в Шемахе был разграблен и сожжен каменный дом, при этом погибло имущество, перечисленное в прилагаемом прошении. Кроме того в 8 верстах от Шемахи была уничтожена моя пасека. Всего мне причинен убыток в 129.630 руб. Прочитано.

Подпись: Иван Грушенков.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 128.

Документ № 34.

Протокол допроса

1919 года, февраля 19 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Михаил Иванович Воронин, 18 лет, живу в Баку на Дивичинской ул., в д. № 63.

В марте прошлого года в Шемахе был разграблен и сожжен дом моей матери Анны Архиповны Ворониной, причем погибло имущество, перечисленное в прошении, которое я представляю от имени матери. Всего матери причинен убыток в 61.750 руб. Прочитано.

Подпись: М.Воронин.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 128 об.

Документ № 35.

Протокол допроса

1919 года, февраля 24 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уз.Суд., который показал:

Павел Петрович Прикащиков, 52 года, живущий в Баку, на 4 Параллельной ул. в д. № 6

Во время разгрома Шемахи в марте прошлого года, в мое отсутствие было разграблено мое имущество, перечисленное в прилагаемом прошении, стоимостью в 53.685 руб. Кто именно разграбил мои вещи, я сказать не могу.

В это же время были сожжены два дома моего отца, причем погибли вещи, перечисленные в прошении, которое я представляю от имени отца Петра Гавриловича Прикащикова. Кроме того отрядом Лалаева и Амирова³⁶ была сожжена принадлежавшая отцу мельница, расположенная в 2 1\2 верстах от Шемахи. Отцу причинен убыток в 431.000 руб. Прочитано.

Подпись: П.Прикащиков.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 133 об-134.

Документ № 36.

Протокол допроса

1919 года, февраля 25 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уз.Суд., который показал:

Павел Петрович Ермаков, 56 лет, живущий в Баку, на Саратинской ул., в д. № 7

В марте 1918 года, во время столкновений армян с татарами, я с семьей бежал из Шемахи с начала в сел. Джобаны, а потом в сел. Хильмили. В наше отсутствие был разграблен и сожжен мой дом, причем погибло имущество, перечисленное в прилагаемом прошении. Всего мне причинен убыток в 106.869 руб. Прочитано.

Подпись: Ермаков.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 135.

Документ № 37.

Протокол допроса

1919 года, февраля 24 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Анастасия Андревна Партнова, 25 лет, живу в Баку, на Дивичинской ул., в д. № 36.

В марте 1918 года, во время погромов, учиненного армянами в Шемахе также был разграблен и сожжен дом моего отца – Андрея Андреевича Васильева, причем погибло имущество, перечисленное в предьявляемом прошении. Всего отцу причинен убыток в 44.690 руб. Прочитано.

Подпись: Портнова.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 133.

Документ № 38.

Протокол допроса

1919 года, февраля 24 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Евдокия Ивановна Гедзюн, 38 лет, живу в Баку, на 3 Параллельной ул., в д. № 54.

Во время прошлогодних мартовских событий мне пришлось бежать из Шемахи. Когда я вернулась обратно, то застала свои два дома с пристройками сожженными, а имущество разграбленным. Список погибшего имущества, стоимостью в 33.100 руб., при сем представляю. Вещи я оцениваю по старым ценам. Прочитано.

Подпись: Е.Гедзюн.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 133-133

Документ № 39.

Протокол допроса

1919 года, февраля 24 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Прасковья Терентьевна Дружина, 70 лет, живу в Баку, на Чадровой ул., в д. № 193.

В марте прошлого года, когда шла перестрелка между армянами и мусульманами, я убежала из Шемахи. В мое отсутствие был разграблен и сожжен мой дом, причем погибло имущество, перечисленное в прилагаемом прошении. Всего у меня погибло вещей на сумму в 30.665 руб. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев³⁷, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 134.

Документ № 40.

Протокол допроса

1919 года марта 3 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Мария Евтиевна Сергеева, 52 года, живу в Баку на Сарайнской ул. в д. № 7

В марте прошлого года армяне напали на мой дом в Шемахе и разграбили и сожгли все мое имущество, перечисленное в списке, который я при сем представляю. Дом и погибшее имущество стоили 31.000 руб. Прочитано.

Подпись: Мария Сергеева.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 140.

Документ № 41.

Протокол допроса

1919 года марта 3 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Пелагея Архиповна Грушенкова, 47 лет, живу в Баку, на Сарайнской ул. в д. № 7.

Во время прошлогодних мартовских событий в Шемахе армяне разграбили и сожгли мой дом и все мое имущество. Перечень погибшего имущества при сем представляю. Я в это время убежала в селение Джобани. Прочитано.

Подпись: Пелагея Грушенкова.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 140-140 об.

Документ № 42.

Протокол допроса

1919 года марта 3 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Анастасия Ивановна Ермакова, 50 лет, живу в Баку, на Сарайнской ул., в д. № 7

В марте прошлого года армянские солдаты напали на дом моей дочери Марии Павловны Каширской, находившийся в Шемахе на Молоканской улице, и разграбили и сожгли ее имущество, перечисленное в прилагаемом списке, поданном от ее имени. Всего ей причинен убыток в 107.140 руб. Прочитано. Неграмотна.

Член Комиссии: А. Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 140 об.

Документ № 43.

Протокол допроса

1919 года, марта 9 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Максим Осипович Щербинин, 65 лет, грамотный, житель гор. Шемахи, прожив. и гор. Баку, Станиславская ул., д. № 26, Скобелева.

В марте месяце 1918 года во время событий в городе Шемахе, я находился в Баку вместе со своей семьей и в мое отсутствие погибло все мое движимое и недвижимое имущество в гор. Шемахе, 2 части, по Георгиевской улице, состоявшее из дома и домашнего имущества, опись коего я представляю и прошу приобщить к делу. Кем уничтожено мое имущество, мне не известно. Предъявляю удостоверение о том, что я и семья – Шемахинские беженцы, выданное мне Комитетом русского общества гор. Шемахи 14 апреля 1918 г. за № 44. Убытки мои я оцениваю в сумме 41.800 руб. Прочитано.

Подпись: Максим Щербинин.

Член Комиссии: Александрович (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 147.

Документ № 44.

Протокол допроса

1919 года, марта 9 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Евдокия Ивановна Кузнецова, 53 лет, неграмотная, жительница города Шемахи, прожив. ныне в гор. Баку, по Воронцовской улице, в д. № 19.

Во время мартовских событий в городе Шемахи в 1918 году было граблено и уничтожено мародерами все мое движимое и недвижимое имущество на общую сумму 85.700 руб. Опись моего имущества и оценку его я предоставляю и прошу приобщить ее к делу. Прочитано. Евдокия Кузнецова. Неграмотная.

Член Комиссии: Александрович (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 147 об.

Документ № 45.

Протокол допроса

1919 года, марта 9 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Павел Степанович Грушенков, 41 года, грамотный, житель гор. Шемахи, прожив. В Баку, по Станиславской ул., в д. № 26.

Во время мартовских событий 1918 года в гор. Шемахе весь город был подожжен мародерами и во время пожара погибло все мое имущество, движимое и недвижимое, опись коего я представляю и прошу приобщить к делу. Общая сумма моих убытков 83.200 руб. Прочитано.

Подпись: Павел Грушенков.

Член Комиссии: Александрович (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 148.

Документ № 46.

Протокол допроса

1919 года, марта 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Федор Кузьмич Хворостов, 16 лет, грамотен, жив. в Баку, Сарайская ул., д. № 7

В следствии болезни отца моего Кузьмы Хворостова, 50 лет, я имею честь представить Следственной Комиссии его заявление об убытках, происшедших от событий в марте месяце 1918 года в Шемахе, когда у нас погибло все имущество, опись и оценку коих я представляю и прошу приобщить к делу. Общая сумма наших убытков 26.830 руб. Прочитано.

Подпись: Ф.Хворостов.

Член Комиссии: Александрович (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 148 об.

Документ № 47.

Протокол допроса

1919 года, марта 17 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Мария Павловна Ермакова, урожденная Богачева, 36 лет, жит. сел. Хильмили Шемахинского уезда, проживаю в сел. Николаевка.

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемахи мародерами сожжен наш дом и разграблено все имущество, которое я оцениваю в сумме 33.500 руб. Я подаю заявление вместе с описью разграбленному и сожженному имуществу от имени мужа моего Сергея Ивановича Ермакова, и таковые прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотная.

Член Комиссии: Александрович (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 150.

Документ № 48.

Протокол допроса

1918 года октября 1 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мелик Неймат оглы Меликов, жит. сел. Кюрдамир, мусульманин, 62 л.

Неприятнь армян, даже скажу больше, ненависть их к нам, мусульманам проявлялись давно; еще в начале войны России с Турцией, когда мобилизованные армянские части из Шемахинского и Геокчайского уездов проходили через наши селения и станции Кюрдамир всюду производили бесчинства, наглость их не имела границ – вырывались в лавки, дома, отвечали, что так нужно, ругались нецензурными словами, и даже не щадили религию нашу. Все это мы переносили много, боясь крупных эксцессов, в коих бесспорно правительство тогдашнее обвиняло бы, опять таки, нас, а не защитников отечества, как тогда называли армян, идущих на войну. Все это продолжалось почти 4-4 1/2 года, пока в середине марта с.г. не услышали мы, кюрдамирцы, что приехавший из Баку отряд армянских солдат вместе с местными армянами, а главным образом, матрасинцами должны напасть на город Шемаху. Встревоженные вестью этой, я с несколькими почетными односельцами своими поехали в Шемаху, дабы посоветовавшись с почетными Шемахи предотвратить беду. Прибыв в Шемаху и собрав там почетных мусульман, решили обратиться к армянскому национальному совету, который мог бы, конечно, воздействовать на своих. Представители армян во главе со священником их (имени этого священника я не помню - он известный в Шемахе глава тамошнего армянского духовенства) действительно успокоили нас и даже по

этому поводу было торжественное шествие по городу представителей армян и мусульман. Мы мусульмане были обнадежены армянами, что никаких недоразумений, эксцессов между армянами и мусульманами быть не может.

После этого примирения, к удивлению нашему, на другой день в 7 ч. утра началась форменная бомбардировка города. Нам ничего, конечно, не оставалось, как думать о спасении. Оставив свой экипаж и лошадей, на которых приехали из Кюрдамира, я с товарищами своими и с несколькими десятками шемахинцев, спасающих свои семьи, отстреливаясь от армян, выбрались из города по дороге, ведущей по направлению в Баку. Таким образом, покидая для спасения шемахинцев оставили их в пожарище. Разгром Шемахи продолжался дней 5-6 приблизительно до приезда туда мусульманских войск, которые выгнали оттуда армян. Хотя мусульманские войска и выгнало армян из Шемахи, но не надолго – через денька 3-4 оно ушло и г. Шемаха опять стала ареной армянского погрома. При втором нашествии армян на город, там мало было населения, т.к. мусульмане ушли с войсками, но их дома и вещи, коих не успели взять с собой, стали достоянием армян.

Точно сказать не могу, но, кажется, приблизительно через месяц армяне напали на наше селение и станцию Кюрдамир. Семьи моей не было тогда в Кюрдамире, но я лично со многими односельчанами моими некоторое время сопротивлялись к армянам, но видя безуспешность этого, ушли, оставив свои дома и вещи на прощанье армянам. Из нападавших, как на г. Шемаху, так на селение наше Кюрдамир армян хорошо узнал я Степана Лалаева, руководившего нападением и погромами, бывшего помощника Шемахинского уездного начальника Караогланова, медрасинца племянника Агриева Герасима, Арзуманова по прозвищу Бедросов, имевшего аптекарский магазин в Шемахе, и многих других, которых хорошо знаю по лицам, но имен их теперь не помню.

К сказанному добавлю, что в тот день, когда мы, представители мусульман, с армянами ходили в Шемаху и успокаивали население, что все улажено, были там и Лалаев Степан с Арзумановым. На мои слова, что они, как люди интеллигентные не должны допускать насилие над мусульманами, которые изъявили им полную покорность, ответили, что это дело армянского совета, которому они подчиняются. Ограбленных вещей своих перечислять нахожу излишним, но в общем пострадал я на 20 тысяч. Более показать ничего не имею.

Подпись: Мелик Неймат оглы Меликов.

Члены комиссии: Н.Михайлов, А.Новацкий (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл.67-69.

Документ № 49.

Протокол допроса

1918 года сентября 25 дня, сел. Кюрдамир

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мешади Гейдар Султанов, жит. гор. Шемахи, врем. прож. в сел. Кюрдамир, 47 л., мусульманин, грамотен.

Все зло от армян. По городу пошли слухи, что на Шемаху идет армянское войско. В то же время доставили в Шемаху раненных, обливавшихся кровью лагичцев, которых поместили в лазарете, устроенном городским головой Теймур Агой Худавердовым. Вскоре начался обстрел города из пушек и ружей. Мусульмане недолго защищались. В город ворвались армяне. Начались подлоги, убийства, вымогательства, грабежи, Подожгли несколько домов. Пожар стал быстро распространяться и из отделения «Пиран-Ширван» шел к кварталу «Имамлы», где я проживал. Армяне начали убивать известных мусульман. В доме известного и всеми уважаемого ученого Гаджи Мола Джафар-Кулия собралось много женщин и детей, которые искали у него спасения, будучи уверены, что их в его доме не тронут. Армяне явились туда, перебили всех женщин и детей, а молодых и красивых взяли и увели с собой. Самого же Гаджи Молла Джафар-Кулия зарезали в мечети «Юкари кала», выколол ему предварительно глаза. Убили городского голову и общественного деятеля Теймурбека Худавердова, гостившего у него его свояка, некоторых из детей, а остальных и жену его увезли. Вообще, убили очень многих, которых трудно назвать. Ко мне на квартиру явилась банда армян во главе с оружейным мастером «Колей», компаньона Салима Гаджи-Зейнал оглы по мануфактурной торговле, Арутюна Хачатурова, каменщика, фамилию которого знает шемахинец Мешади Магомед –Мехти Аббас оглы. Они под угрозой убийства сына моего Али-Султана, над которым держали обнаженный кинжал, требовали от меня денег. Они явились ко мне шесть раз, и каждый раз я им давал по 500 рублей. Несмотря на это они похитили из моего дома много золотых и драгоценных вещей, как-то: золотой пояс, золотые женские уборы, женские шелковые платья, жемчуга, драгоценные камни, кораллы и т.д., а также 30 шелковых ковров, всего на пол миллиона руб. Спустя некоторое время, когда мусульманские войска во главе с Исмаил Ханом оставили Шемаху, я в числе других шемахинцев в эту же ночь выехал из Шемахи в г. Гянджу. Когда после изгнания армян из Шемахи и Шемахинского уезда вернулся в Шемаху, то весь город нашел в развалинах. У меня погибли два дома, два флигеля и девять лавок, а также дом, от чего получил убыток до двухсот пятидесяти тысяч рублей. Более показать не имею. Показание читано.

Подпись: Мешади Гейдар Султанов Али Султан оглы (арабскими буквами).

Председатель Комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

Член Комиссии: А Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 25-26.

Документ № 50.

Протокол допроса

1918 года сентября 25 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Али Султан Султанов, 13 лет, жит. г. Шемахи, времен. прож. с отцом в с. Кюрдамир, грамотен.

В то время когда в городе происходила стрельба и суматоха, к нам во двор вошли несколько человек армян, схватили меня, стали угрожать обнаженным кинжалом и требовали денег. Отец послал меня к соседу Саламову за деньгами. Жена Саламова сказала, что его нет дома. Тогда отец послал меня к маме. Мама дала пятьсот рублей и отец отдал эти деньги армянам. Они ушли. Потом они еще приходили, взяли драгоценные вещи, ковры и платья, а кроме того, отец давал им деньги. Более не знаю. Показание мне читано.

Подпись: Али Султан Султанов.

Председатель Комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

Член Комиссии: А Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 27

Документ № 51.

Протокол

1918 года сентября 25 дня. Г. Кюрдамир. Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий составил настоящий протокол о следующем:

Допрошенный потерпевший Мешади Гейдар Султанов просил занести в протокол следующее обстоятельство, и в присутствии г. Председателя Комиссии Алекпер бека Хасмамедова показал: когда армяне вымогали у меня деньги, они ругали меня по вере, а когда случайно нашли в шкафу Коран, бросили его на пол так, что он разорвался, и опять ругали Коран и мусульманскую веру. У меня в спальне был железный сундук, в котором находились драгоценные вещи. По возвращении в Шемаху я нашел его сломанным, а вещи были похищены. Читано.

Подпись: Мешади Гейдар Султанов Али Султан оглы (арабскими буквами).

Председатель Комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

Член Комиссии: А Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 27 об.

Документ № 52.

Протокол допроса

1918 года сентября 25 дня, сел. Кюрдамир

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Ахмед Мешади Абдулла оглы Алиев, жит. г. Шемахи, 56 лет, мусульманин, грамотен.

Я постоянно проживаю в г. Баку. В сел. Кюрдамир у меня была мельница, в Шемахе дом. Во время большевистского движения я с семьей бежал в Кюрдамир. Отсюда ввиду угрожавшей Кюрдамиру опасности уехал на Куру в сел. Карамахмудлы. Когда опасность миновала, вернулся в Кюрдамир. Но в конце мая ввиду поступления большевиков переехал в гор. Гянджу (Елисаветполь), где оставался до конца июня. После отступления большевиков приехал в Кюрдамир. Здесь я застал только одно пепелище от моей мельницы. Вместе с мельницей сгорело и все мое движимое имущество.

В том же дворе сгорел мой жилой дом и часть обстановки. Потери в Кюрдамире оцениваю в сорок две тысячи рублей. Затем с турецкими войсками вступил в Шемаху, которую нашел в развалинах. Мой дом не сгорел, но все деревянные и железные части были расхищены так, что остались только голые стены. От этого я понес восемь тысяч рублей убытка по старой стоимости рублей. Имею добавить, что в Кюрдамире на мельнице было расхищено тысяча пятьсот пудов нефти и двести пудов машинного масла. Всего на сумму около пяти тысяч рублей. В поджоге и грабеже обвиняю армян, но никого назвать не могу. Читано.

После прочтения протокола заявлено, что армяне, которые сожгли сел. Кюрдамир и расхитили движимое имущество пришли со стороны Шемахи, так что это были армяне Шемахинского уезда. Все насилия совершены армянами из вражды к мусульманам. Вражда армян к мусульманам имеет начало с 1905 года, Мы, мусульмане отнеслись к армянам сначала безразлично, но потом, когда они под большевистским флагом стремились к подчинению нас своей власти, мусульмане тоже стали относиться к ним враждебно, выступлений со стороны мусульман против армян не было, несмотря на то, что армяне по отношению к мусульманам вели себя агрессивно и усиленно вооружались. Под флагом большевиков они вели свою национальную политику под руководством партии «Дашнакцутюн». Русские относились к мусульманам хорошо и мусульмане к русским тоже относились хорошо. Говорят, что привел армян в Кюрдамир Степан Лалаев, известный инициатор и организатор поджогов, убийств и грабежей. Других армянских главарей может назвать бывший писмоводитель Пристава Кюрдамирского полицейского участка Мирза Азиз Азизов, прож. в с. Арабсарван. Более показать не имею. Прочитано.

Подпись: Ахмед Алиев.

Председатель Комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

Член Комиссии: А Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 28-29.

Документ № 53.

Протокол допроса

1918 года сентября 25 дня, сел. Кюрдамир

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Гаджи Керим Азиз оглы, 53 лет, ж.г. Шемахи, врем. прож. в с. Кюрдамир, мусульманин, грамотен.**

Я жил в Шемахе. В половине марта 1918 года армяне и молукане напали на город, открыв стрельбу из пушек и ружей. В 4 часа пополудни они ворвались в мусульманскую часть города и начали поджигать дома. Пожар распространился по всему городу. Кто поджигал дома, не знаю, но делали это армяне под руководством известных армян: парикмахера Самвела, парикмахера Ованеса и Гавриила Караогланова, Карапета Карамалова, Михаила Арзуманова, начальника почтово-телеграфной конторы Аршака Гюльбандова, Петросянца, имевшего магазин на Красной улице, карабахского армянина Агамалова, известного врага мусульман Степана Лалаева, кюрдамирца Сандрика Асриева. Лиц этих я видел «собственными глазами», как они прятались за стенами, руководили поджогами и убийствами, сами стреляли в показавшихся на улице мусульман, которых дерзко вызывали на улицу. На моих глазах они залпом убили известного человека Гаджи Исафила Саламова. По разговорам же с разными шемахинцами знаю, что они и их банды убили много выдающихся и почетных лиц, как-то: Абдул-Халыка Ахмедова, Мехти Халил оглы, Гаджи Абдул Касум-бека Касумова, Зияеддина Абдуллаева, известного Гаджи Молла Джафар-Кулия Ахундова, его жену и мать, Гаджи Молла Гасана Зейналова, его жену, Мамед Тагия Алиева, Теймур бека Худавердова и много других. Я видел на улицах сотни трупов мужчин, женщин и детей. Об убийстве Молла Джафар Кули рассказывают, что армяне убили его в мечети, где он спрятался, при этом мучили его: выкололи ему глаза, отрезали язык и скальпировали. На третий день после занятия Шемахи армянами, я с семьей бежал в с. Кюрдамир. Мы не успели ничего захватить с собою и убежали только так, как были одеты. После ухода из Шемахи армян я послал туда сына Теймура. Он мне сообщил, что дом мой сгорел дотла, а все движимое имущество расхищено; именно: сто тридцать пудов махорки на 21 тысяч рублей, два пуда табаку на 800 руб., шпагату на тысячу рублей, сто три ковра на 31 тысяч рублей, три пуда сахару на 1200 рублей, ситец на 8000 рублей, папирос на 1000 рублей и другой товар, всего на сумму 290 тысяч рублей. Дом стоил 8000 рублей. Кроме того, армяне сожгли в Кюрдамире мою лавку с товаром. Убытка в Кюрдамире я понес на сто десять тысяч рублей движимого имущества, дом же остался. Более показать не имею. Показание написано правильно.

Подпись: Гаджи Керим Азиз оглы (арабскими буквами).

Переводил: секретарь Э.Ханбудагов³⁸ (подпись).

Председатель Комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий, В.Гудвил (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 30-32

Документ № 54.

Протокол допроса

1918 года сентября 25 дня, сел. Кюрдамир

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Азиз бек Абдулла бек оглы, жит. гор. Шемахи, прож. врем. в с. Кюрдамир, 70 лет, мусульманин, неграмотен.

Я шемахинец. В марте месяце 1918 года, точно числа не помню, армяне и молокане окружили наш город и открыли по нас стрельбу из пушек и ружей. Стрельба продолжалась несколько часов. Армяне и молокане ворвались в город, подожгли несколько домов. Пожар стал быстро распространяться по нижней части города. Армяне и молокане набросились на дома и магазины и грабили нас. Награбленное имущество увозили на фургонах. Армяне убили много мужчин, женщин, детей и стариков. Трупы убитых валялись по улицам. Я узнал, что они убили известных людей: известного, всеми уважаемого ученого Гаджи Молла Джафар-Кулия, его жену, Махмуда Гаджи-Ага оглы, его сына и жену, двух сыновей известного Моллы Гаджи Ахат Ахунда, городского голову и общественного деятеля Теймур бека Худавердова, Гейдара Абдул-Азиз оглы, Гаджи Ахата Гаджи Меджит оглы и много других. Я лично не видел, кто поджигал дома, грабил имущество и убивал людей, но не подлежит сомнению, что армяне, как шемахинские, так и других уездов: они собрались со всех сторон. Я слышал, что грабили имущество и молокане. Я с семьей успел бежать из Шемахи. Пострадал я только материально: армяне сожгли мой дом со всей обстановкой и со всеми вещами. Убытки определены в сорок тысяч рублей. Более показать не имею. Показание мое написано правильно. Неграмотен.

Переводил: Э.Ханбудагов (подпись).

Председатель Комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 33-34

Документ № 55.

Протокол допроса

1918 года сентября 26 дня, сел. Кюрдамир

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Исмаилом Гюли оглы, жит. г. Шемахи, мусульманин, 55 лет.**

Имея я в сел. Кюрдамир торговлю и жил тут лет 17. В мае месяце, узнав, что через Кюрдамир пройдет эшелон войск, который по дороге производит бесчинства и насилие над мусульманами, закрыв свою лавку и захватив кое-что из домашних вещей своим семейством переехал в гор. Шемаху. Немного спустя после моего переезда в Шемаху распространился там слух, что на город идет отряд армянских войск. Боясь разгрома города, мусульмане послали навстречу отряда своих представителей в лице нескольких духовных лиц и комиссара Азад бека Годжаман бек оглы, которые должны были выразить готовность мусульман подчиниться всем требованиям армян, лишь бы они не вошли в город и не разгромили его. На просьбу представителей последовал со стороны ответ, что они знают сами как им быть и никаких условий не принимают. Армяне эти не сразу вошли в город – пройдя в армянское селение Мадраса и провели там дня два, лишь на 3-й день вошли в Шемаху. В эти два дня, пока отряд находился в Мадрасе, не раз мы, мусульмане послали туда делегатов своих даже вместе с армянским священником, но все наши старания были тщетны. На 3-й день, повторяю, начался разгром города и продолжался он дня 3-4, пока вести о приближении мусульманских войск не заставили армян оставить город. За это время масса мусульман была перебита и много домов подожжено и ограблено. На меня лично несколько раз было сделано покушение, и даже армяне солдаты из селений Шемахинского у., которых не раз я встречал в г. Шемахе раньше в обычное мирное время, хотели убить меня, но бывшие с ними молокане спасли меня. Мусульманский отряд недолго пробыл в Шемахе – через три дня он ушел, предупредив мусульман тоже уйти из города, кто куда может. Я лично со своим семейством тотчас же выехал сюда – Кюрдамир, но оставшиеся там мусульмане почти все стали жертвами зверств армян. Все более или менее видные дома мусульман подожжены и ограблены. В Кюрдамире также не долго пришлось мне прожить, весть о приближении нового армянского отряда заставила меня и отсюда выехать с семьей в Кара-Махмуд. За время пребывания мною в селении Кара-Махмуд был разгромлен Кюрдамир. Почти месяц Кюрдамир находился в руках армян, которые одни лишь развалины оставили под натиском наступающих турецких войск. Лично я понес за все время погрома убытков 60 тысяч – ограблены у меня две лавки и домашние вещи. Более показать ничего не имею. Прочитано.

Подпись: Исмаил Кули оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Михайлов, А. Новацкий (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 35-37.

Документ № 56.

Протокол допроса

1918 года сентября 26 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Джелал Молла Гаджи оглы, 43 лет, жит. гор. Шемахи, прож. в сел. Кюрдамир, магометанин, грамотен.**

Я имел бакалейную лавку на ст. Кюрдамир, где и проживал. Зимой сего года, ввиду угрожающей опасности ст. Кюрдамир со стороны эшелонов, возвращавшихся с фронта, я вывез свое семейство в гор. Шемаху, который находил более безопасным. В марте месяце отправился навещать семейство. Я заметил тогда, что армяне очень враждебно и вызывающе были настроены против мусульман: при встречах ругали их, оскорбляли и даже избивали. Мусульмане волновались и беспокоились, но вели себя по отношению к армянам сдержанно. Мусульманские общественные деятели просили армян не чинить над мусульманами насилий, а население уговаривали не волноваться и не беспокоиться. Через несколько дней, в половине марта в Шемахе было получено известие, что из Баку идет на Шемаху большое армянское войско с пушками и большим запасом снарядов. Мусульмане опять заволновались. Представители мусульман принимали все меры, чтобы не допустить столкновение мусульман с этим отрядом. Но по неизвестной причине столкновение произошло, хотя не имело серьезных последствий. В результате был заключен мир. Состоялись торжественные шествия. Мусульмане успокоились и уже не ожидали выступления со стороны армян.

На другой день армяне стали покидать Шемаху и уезжали в сел. Матрасы. Мусульмане взяли к себе несколько семейств русских, проживавших в армянской части города, так как опасались за их судьбу. Через два дня после заключения мира и уверения армян в доброжелательстве к мусульманам, на рассвете армяне и молокане окружили Шемаху. Начался обстрел города из пушек. О защите нельзя было и думать. У подъезда моего дома пушечным снарядом был убит один мусульманин. Под вечер армяне ворвались в город. Начались поджоги и разгромы. Половина города была в огне. На улицах валялись сотни трупов мужчин, женщин, детей и стариков. Кто показался на улице, был убит. Армяне врываются в дома, грабят всех, расстреливали безоружных и беззащитных. Назвать убитых не представляет возможности. Я лично видел как многие армяне руководили поджогами и расстрелами и как сами убивали мусульман. Среди этих подстрекателей хорошо опознал Гавриила Караогланова, начальника почтово-телеграфной конторы Гюлбандова, парикмахера Ованеса, других не опознал. У подъезда дома Караогланова я видел четыре трупа убитых мусульман. У Караогланова в руках видел револьвер. Ночью я выехал из Шемахи в сел. Геогляр, а оттуда в Кюрдамир. У

меня в Шемахе на улице Шамкирли был дом, который сгорел. От пожара дома я получил пятнадцать тысяч руб. убытка. В виду этого я перевез из лавки, находившейся на станции в сел. Кюрдамир дальше от станции весь свой бакалейный товар в дом Теймура Балаоглан оглы. Через несколько дней пришли в Кюрдамир армяне и сожгли дом Теймура. Вместе с домом сгорел весь мой товар на две тысячи руб., домашняя обстановка, утварь, носильное платье, белье и др. на шестьдесят тысяч руб. и на ст. Кюрдамир несколько бочек уксуса, который не успел вывести, на почти тысяча рублей, и всего на восемьдесят тысяч рублей. Знаю, что дом Теймура подожгли армяне, но назвать их по фамилиям не могу, потому, что не знаю их. Более показать не имею. Показание мне читано и записано с моих слов правильно.

Подпись: Джелал Молла Гаджи оглы (арабскими буквами).

Переводил: Ага-Джабраил Мусаев.

Члены Комиссии: А.Новацкий, Н.Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 38-40

Документ № 57.

Протокол допроса

1918 года сентября 26 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Ашраф Асад оглы Кулиев, жит. г. Шемахи, мусульманин, 45 л.

Имею я торговлю тут в сел. Кюрдамир. В период прохождения через станцию Кюрдамир эшелонов, боясь эксцессов, тем более шел слух, что проходящие солдаты учиняют насилия над мусульманами, переселился я в г. Шемаху. От преследующих за все время революции нас мусульман несчастий не мог, конечно, сберечься и в г. Шемахе. Убегая в разные селения и местности, то от наступающих молочан, то от армян и терпя всюду нужду и лишения, я хотя и остался жив, но сильно жалею о том, что не убили меня армяне – на глазах моих умерли от голода мать 70 л. и дочь 6 л., лишился я близких родственников своих – семья, состоящая из 9 душ двоюродных братьев моих, вся перебита армянами, дом их разгромлен и подожжен в Шемахе, подожжен и дом мой тут в Кюрдамире, лавка, в ней находился 2 -1½ пуда чаю, мыла 10 пудов, табак 90 ф., махорки 3 п., шерсти 1500 пудов, коконов 65 пудов, ячменя 450 пудов, махорки 800 п., шерст. 126 шт. малых и больших ковров, всего на сумму 500 тысяч. Добавлю еще, что я был состоятельным человеком, а теперь стал нищим. Это все что мог сказать.

Подпись: Ашраф Асад оглы Кулиев (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Новацкий, Н.Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 41-41 об.

Документ № 58.

Протокол допроса

1918 года сентября 29 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Махияддин Эфенди оглы, 50 лет, жит. г. Шемахи, временно проживаю в сел. Кюрдамир, мусульманин, грамотен.**

В половине марта сего года из Баку пришел большой отряд вооруженных армян, который миновав Шемаху после перестрелки с мусульманами, отправился в село Матрасы. Через три дня мы, шемахинцы проснулись на рассвете от пушечных выстрелов. Выбежав на улицу, увидел, что армяне окружили Шемаху и обстреливали ее, молокане окружили город с другой стороны. Спустя несколько часов, армяне ворвались в мусульманскую часть города и начали поджигать дома, выбегавших из горящих домов расстреливали.

Таким образом, убили массу мужчин, женщин и детей, трупы которых валялись на улицах. Кроме этого, они врываются в дома, обыскивали жильцов, забирали деньги и ценные вещи, а потом убивали ограбленных; расстрелял я сам видел. Расстрелами и поджогами руководили известные люди, которых я заметил среди армянских солдат.

Это были: Михаил Арзуманов, Гавриил Караогланов, начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, Караманов, парикмахер Самвел, парикмахер Ованес, Степан Лалаев, матрасинец Сетрак Асриев и многие другие, которых по именам и фамилиям не знаю. Тогда были убиты выдающиеся мусульмане Гаджи-Баба Гаджи Али Аббас оглы, Абдул Халык Ахмед оглы, брат его Ага Ахмет, Гаджи Абдул Касим Касимов, Гаджи Гани Зейналов, Гаджи Исрафил, Молла Гаджи Махияддин Эфенди, Молла Джафар Кули Ахунд и многие другие. Молла Джафар Кули Ахунд был убит в мечети, куда спрятались и с ним много женщин и детей, которые были уверены, что армяне не поднимут руки на всеми чтимого Ахунда. Армяне ворвались в мечеть, нашли Ахунда, выкололи ему глаза, отрезали уши, нос и язык и сдирали кожи с лица и головы, и в конце концов расстреляли. Были также перебиты все женщины, находившиеся в мечети и в доме Ахунда.

В 8 час. вечера, когда уже хорошо стемнело, я с семьей покинул город и бежал в сел. Геогляр. Покинул и все свое добро: 381 штуку ковров, махорку, всю домашнюю обстановку, постель, женские золотые уборы, домашнюю утварь, носильное платье, всего на сумму 380.000 рублей. Все это расхищено было армянами. В Кюрдамире у меня есть дом и магазин.

Во время нападения армянских банд на Кюрдамир я понес убытки товаром и обстановкой на 51.000 рублей. Дом мой не был подожжен, но был разгромлен. Более показаний не имею. Показание мне читано.

Подпись: Мах. Эфенды.

Члены комиссия: А.Новацкий, Михайлов.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 49-51

Документ № 59.

Протокол допроса

1918 года сентября 29 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Мешади Расул Гусейн-Али оглы, 50 л., жит. гор. Шемахи, прож. в сел. Кюрдамир, мусульманин, неграмотен.**

Я жил в г. Шемахе. Однажды утром армяне и молокане окружили город и начали обстрел из пушек и ружей. Через несколько часов она ворвались в мусульманскую часть города, начали поджигать дома и убивать убежавших из горевших домов. Кроме того, они врывались в дома, грабили жильцов и потом убивали их. Они убили также много уважаемых людей, как-то: Молла Джафар-Кулия Ахунда, Молла Махияддина Эфенди и многих других, которых назвать не могу. Оба моллы были убиты в мечети. Ахунда очень мучили: у него вырвали бороду, отрезали язык, уши, вынули глаза, а потом убили. Я лично опознал трех армян, которые руководили армянскими бандами и сами убивали людей, мужчин, женщин и детей. Армяне эти были: начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, Гавриил Караогланов, Михаил Арзуманов и другие, которых назвать не могу, потому что фамилии их не знаю. Армяне мучили страшно женщин, которым отрезали груди и бросали на землю. От разгрома Шемахи я потерпел убыток: именно у меня похитили 80 ковров, сундучок с золотыми вещами и обстановку квартиры, всего на сто тысяч рублей. В Кюрдамире у меня есть дом и бала бакалейная лавка. Во время нападения на Кюрдамир армянских банд, они подожгли мою лавку, которая сгорела вместе с товаром, от чего я потерял тридцать пять тысяч рублей. На вопрос отвечаю, что молокане обстреливали город, но в городе не убивали мусульман, не поджигали домов, не грабили. Более показать не имею. Показание читано. Неграмотен. За неграмотного по его просьбе расписался.

Подпись: (арабскими буквами).

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 52-52 об.

Документ № 60.

Протокол допроса

1918 года сентября 29 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Гаджи Абдул-Халык Гаджи Курбан оглы, 42 года, жит. гор. Шемахи, мусульманин, грамотен.**

Я постоянно жил в сел. Кюрдамир. Зимой ввиду опасности, угрожавшей Кюрдамиру от проходивших эшелонов, я переехал в г. Шемаху. В марте месяце армяне и молokane окружили Шемаху, обстреливали его из пушек и винтовок и в результате ворвались в город. Начались поджоги, убийства, грабежи. Я видел ворвавшихся в город армян, но никого из них не узнал, не опознал также никого из молokane. Они владели Шемахой до прихода мусульманского корпуса. После ухода корпуса они опять заняли Шемаху и сожгли и разрушили ее совсем. Я потерял в Шемахе дом, товар и домашнюю обстановку на сумму примерно сорок тысяч руб. В Кюрдамире у меня есть дом и лавка. Во время нападения армянских банд на Кюрдамир у меня тоже расхищен товар и домашняя обстановка на общую сумму с шемахинской потерей, как я уже сказал, 340 тысяч рублей. Более показать не имею. Показание мне читано.

Подпись: Гаджи Абдул-Халык Курбан оглы (арабскими буквами).

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 53-53 об.

Документ № 61.

Протокол допроса

1918 года сентября 29 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Насрулла Гаджи-Султан оглы, 33 лет, ж.г. Шемахи, мусульманин, грамотен.**

Когда в марте месяце армяне и молokane напали на Шемаху, я тогда находился в Шемахе. Армяне и молokane окружили Шемаху и обстреливали ее из пушек и винтовок. В нападении принимали участие армяне всех селений Шемахинского уезда, как-то матрасинцы, сагиянцы, мирикендцы, келахалинцы, керкенчцы, мейсаринцы, а также шемахинцы. Среди нападавших были даже мальчики и старики. Через несколько часов армяне и молokane ворвались в город. Они, армяне и молokane, убивали на улицах мусульман. Но молokane прекратили убийства, когда мусульмане сдались, армяне же продолжали убивать мусульман и после их сдачи. Армяне поджигали дома и расстреливали убежавших из горевших домов. Кроме того, врывались в дома, мечети и убивали спрятавшихся, как мужчин, так и женин, детей и стариков. У женщин отрезывали груди и вообще мучили перед убийством. Я видел сотни трупов на улицах. Я был очевидцем убийства известного, всеми уважаемого Молла Джафар-Кулия Ахунда и до четырех сот женщин и детей. Я спрятался в одном доме выше мечети «Юхари кала», так что мне видно было хорошо что происходило в мечети чрез боль-

шие окна. В мечети спрятался Ахунд и около 400 женщин с детьми. Армяне ворвались в мечеть и всех перебили. Ахунда перед убийством мучили: выбили ему зубы, выдернули бороду, отрезали язык, уши и нос. Со мною было много шемахинцев, но сейчас не помню кто именно. Тогда мы увидели это зверское убийство мы бежали в другое место. Кроме Ахунда армяне убили еще много почетных людей. Армяне при этом грабили всех, главным образом отбирали деньги и ценные вещи. Я лично видел во главе армянских банд Степана Лалаева, Михаила Арзуманова, Гавриила Караогланова, начальника Почт.-Телег. Конторы Гюльбандова, Самвела Долиева, парикмахера Ованеса. Они указывали армянам кого следовало убить. При этом некоторые из них были вооружены ружьем и стреляли в мусульман. У меня в Шемахе сторел дом со всей обстановкой, 116 коврами, постелью, носильным платьем, всего на сумму двести пятьдесят тысяч рублей. В Кюрдамире у меня тоже есть дом и была бакалейная лавка. Во время нападения армян на Кюрдамир они сожгли мою лавку с товаром, а обстановку квартиры расхитили, от чего я понес убытка на двадцать тысяч рублей. Более показать не имею. На вопрос отвечаю, что в Кюрдамире никого из нападавших армян не узнал. Показание мне читано.

Подпись: Насрулла Гаджи-Султан оглы (арабскими буквами).

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 54-55.

Документ № 62.

Протокол допроса

1918 года сентября 30 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Сулейман Мешади Рагим оглы, 18 лет, ж. гор. Шемахи, врем. прож. в Кюрдамире, мусульманин, грамотен.

В марте месяце сего года на рассвете, когда я вышел из дома за водой, увидел кругом Шемахи банды армян, вооруженных всякого рода оружием, которые в это самое время начали стрелять из орудий и ружей. Поднялась страшная паника, потому что нападение было неожиданное. Через несколько часов армяне ворвались в город, начали поджигать дома, убежавших из горящих домов, и вообще, находившихся на улицах людей мужчин, женщин, детей убивали. Я лично видел, как на нашей улице «Сарыторпаг» были убиты Гаджи Агат Муршидов, его слуга Мустафа-шах, Кербалай Гасан Гусейн оглы, Али Ашраф бек Муса бек оглы, наш приходский молла Молла Гашим Эфенди оглы, Джеб-раил из сел. Каракоюнлы. Видел также на улице трупы женщин с отрезанными грудями. В нападении участвовали армяне всех армянских селений в Шемахинском уезде. В числе армян, убивавших мусульман на улицах города я видел и хорошо запомнил парикмахера Ягуба Мартиросянца, его сына Арменака,

Александра и Михаила Хачатуровых, первый шапочник, а другой сапожник и сапожника Ованеса, по фамилии мне неизвестного. У нас в Шемахе был дом и шапочная мастерская. Дом со всей обстановкой, 64 ковра и шапочная мастерская со всем товаром (одного каракуля четыре мешка) сгорели. Убытки мы понесли на шестьдесят тысяч рублей по старому курсу рубля. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Сулейман Мешади Рагим оглы.

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 56-56 об.

Документ № 63.

Протокол допроса

1918 года сентября 30 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Бала-бек Мамедбеков, 29 лет, жит. гор. Шемахи, мусульманин, грамотен.**

Я служил письмоводителем у пристава Кабристанского участка. После столкновений армян с мусульманами в половине марта приехал в Шемаху. На другой день армянское духовенство во главе архиепископом пришло в мусульманскую часть города по случаю заключения мира между мусульманами и армянами. На другой же день армяне и молокане окружили Шемаху со всех сторон и начали отстреливать ее из орудий и ружей. Через несколько часов они ворвались в город, начали поджигать дома и убивать жителей. Масса трупов мужчин, женщин и детей валялись на улицах города. Между трупами я лично видел труп нашей няни, имени ее не знаю, с отрезанными грудями, видел труп одной молодой девушки с отрезанными руками и грудями. Конюх Султанова, по имени мне неизвестный, был порезан на куски. Я нашел его голову, обе руки, одну ногу, других частей же не мог найти. Слышал, что армяне бросили живым в колодец с водой лавочника Теймур-бека. Я не видел, чтобы молокане убивали в городе мусульман. Среди убивавших и истязавших армян я опознал очень многих шемахинских армян, которых хорошо знаю в лицо, а некоторых знаю по именам, именно: парикмахера Ованеса, Андрея Арзуманова, Самвела Догиева, Джанибека и Давида. У меня в Шемахе во время разгрома сгорел дом со всей обстановкой, одних ковров сгорело 120 штук, всего на сумму не менее пятнадцать тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Более показать не имею. Показание читано.

Подпись: Бала-бек Мамедбеков.

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 57-57 об.

Документ № 64.

Протокол допроса

1918 года октября 1 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Магомет Абдул-Рагим оглы Абдулла-Заде, 42 л., мусульманин, грамотен.**

Я шемахинец, постоянно проживал в Кюрдамире, где имел торговлю. В октября месяце 1917 года в виду угрожавшей Кюрдамиру опасности со стороны возвращавшихся с фронта эшелонов переехал с семьей в Шемаху. В Шемахе все говорили, что армяне усиленно вооружаются. В половине марта 1918 г. армянский отряд, везший оружие из Баку в Матрасы, открыл стрельбу по мусульманам, наблюдавшим за движением отряда. Был заключен после этого мир. Но армяне действовали двулично, неискренно, ибо через два дня вместе с молоканами окружили город и начали его обстреливать из пушек и ружей. Через несколько часов ворвались в город, в мусульманскую часть, поджигали мусульманские дома, расстреливали убежавших из горевших домов и находившихся на улицах, а также врвались в дома и убивали мужчин, женщин и детей. Я лично видел на улицах много трупов. Из армян, расстреливавших мусульман, я хорошо опознал Михаила Арзуманова, Гавриила Караогланова, Гюльбандова. Они в числе пятнадцати других армян засели в одном доме и оттуда расстреливали мусульман, причем они выбрасывали на улицу ковер, подушку, и т.п., и когда кто-либо подходил, чтобы поднять эти вещи, они его убивали. Видел я как поджогами и убийствами в городе руководил Степан Лалаев. Ночью, того же числа я бежал из Шемахи. В Шемахе армяне сожгли мой дом, стоивший шесть тысяч рублей, сгорела также моя домашняя обстановка и женские золотые украшения на 17 тысяч рублей. Я тогда переехал в Кюрдамир. В конце мая по стар. стил. Армянские банды напали на Кюрдамир. Здесь сгорел от поджога тоже мой дом, стоивший 40 тысяч рублей, бакалейный товар и серебрянные медали на 80 тыс. руб., и обстановка на 40 тыс. руб., а всего на сто восемьдесят три тысячи руб. Читано.

Подпись: Магомет Абдул-Рагим оглы Абдулла-Заде (арабскими буквами).

Переводил: М.Меликов (подпись).

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 58-58 об.

Документ № 65.

Протокол допроса

1918 года сентября 30 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Ага Сахаб Алекпер оглы, жит. г. Шемахи, мусульманин, 18 л.

Точно не могу сказать, но было это в марте с.г., когда довольно сильный отряд армянских солдат обойдя город Шемаху водворился в большом армянском селении Матрасы; боясь нападения этого отряда на город, при чем шел слух, что армяне хотят вырезать всех мусульман, мусульмане города Шемахи послали делегацию, чтобы армяне не нападали на город. Делегация ничего не добившись вернулась обратно. Через два дня после этого началась бомбардировка города - в результате армяне ворвались в город, и начался погром – поджоги, убийства, грабежи. Хотя мусульмане и сдались окончательно армянам – сдали им оружия и изъявили полную покорность, но тем не менее убийства, грабежи и вымогательства продолжались до наступления мусульманских войск. Армяне тогда оставили город, но не надолго. Через 4 дня и мусульманские войска ушли и вместе с ними и все население города, не успев ничего захватить с собой из вещей своих. Из погромщиков армян я узнал Аллах Верди Минаева, жителя г. Шемахи, который лично у меня под угрозой смерти взял папаху, ружье и 50 руб. деньгами, Аванеса – парикмахера, руководившего погромом. Самвела Долиева, Джанибека, и многих других, по внешности мне хорошо известных, но имени их я не знаю.

Уход мусульманских войск был так внезапен, что никто ничего не мог из вещей своих захватить. Лично у меня пропали домашних вещей и обстановки на 70 тысяч рублей; сгорели два одноэтажных дома – один о восьми комнатах, а другой о двух комнатах. Более показать не имею. Начитано.

Подпись: Ага Сахаб Али Акпер оглы

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 58 а.-59.

Документ № 66.

Протокол допроса

1918 года октября 1 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Гаджи Гейдар Гаджи Юсуф оглы, 57 л., мусульманин, неграмотен.

С самого начала войны армяне начали проявить к нам, мусульманам ненависть и вражду. При встрече с армянами мусульмане подвергались всякого рода оскорблениям, не щадили армяне и мусульманской веры, понося ее скверными словами. В виду этого иногда происходили недоразумения столкновения между армянами и мусульманами, которые могли вызвать кровопролитие. Мы,

мусульмане, принимали все меры, чтобы не допустить до кровопролития. Поэтому, когда кюрдамирцы в марте месяце с.г. узнали, что армяне шемахинцы и матрасинцы провоцировали мусульман, чтобы вызвать столкновение, они избрали делегацию из двух почетных лиц, именно меня и Мешади Малика Маликова и отправили нас в Шемаху, чтобы мы воздействовали на армян просьбами жить в мире с мусульманами. В день нашего приезда в Шемаху между армянами и мусульманами был заключен мир, состоялись торжественные шествия по городу во главе с духовенством. Шемахинцы успокоились. На другой день приехали в Шемаху из Матрасы армянские представители, из коих я знал Степана Лалаева и племянника известного богача Агриева. На наши просьбы щадить мусульман и жить в мире, они ответили, что может мириться мусульманское и армянское духовенство, но народ армянский желает войны с мусульманами, и в этом деле его поддержит Англия. На другой день армяне вместе с молоканами окружили Шемаху, открыли бомбардировку и через несколько часов ворвались в мусульманскую часть, где стали поджигать дома, убивать людей и грабить. Я видел горы трупов мужчин, женщин и детей. Из армян никого не опознал. Ночью я и Меликов спаслись. Когда мы уезжали из Шемахи, она была в огне. Читано. Неграмотен.

Переводил: Меликов.

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 62-62 об.

Документ № 67.

Протокол допроса

1918 года октября 1 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Абдулла Абдуллаев, 48 л., ж. г. Шемахи, мусульманин, грамотен.

Мы, шемахинцы узнали в половине марта с.г., что из Баку идет на Шемаху большой отряд армянских войск в полном вооружении. Когда отряд приближался к Шемахе, мусульмане вышли наблюдать за движением его. Армяне открыли стрельбу и убили около ста человек мусульман. В тот же день армянские представители извинились пред мусульманскими представителями, заявив, что это было недоразумение. Был заключен мир. Состоялись торжественные шествия по городу. В сел. Матрасы были посланы парламентареры Гусейн Мемишев и Гаджи Баба Абдурахад оглы с извещением о мире. Когда они вернулись, то сообщили нам, что армянские представители сказали им, что они не принимают этого мира, заключенного духовенством, что духовенство может мириться, но армянский народ желает войны с мусульманами. На другой день со всех сторон началась бомбардировка города из пушек и наступление армян и молокан. Через несколько часов ар-

мяне ворвались в мусульманскую часть, начали поджигать дома и расстреливать жителей. На улицах валялись трупы мужчин, женщин и детей; армяне врываются также в дома, грабили и убивали. Ночью мусульмане послали к армянам врача Сазонова и Джафар-Кулия Ахунда с просьбой прекратить стрельбу, поджоги и убийства, так как они сдаются армянам. Сазонов вернулся в ту же ночь и сообщил нам, что армяне дали слово прекратить поджоги и убийства. Тем не менее, на другой день стрельба продолжалась, и в этот день было еще больше убитых, чем накануне. Армяне начали обезоруживать мусульман. Всех обыскивали и производили обыски на квартирах. У меня во время обыска похитили из сундука 6250 руб. Обыск производили у меня 10 человек. Из них я узнал одного жит. сел. Сальян Гаспара, по фамилии не известного. Я видел, как шемахинский жестянщик Крикор, по фамилии неизвестный, на моих глазах убил шемахинца Гаджи Абдуль Халыка Гаджи Ахмед оглы. Безобразия и насилия, творимые армянами над мусульманами, прекратились только по требованию молокан. Я слышал, что молокане разоружили двух армян, которые уже после запрещения убивать, продолжали чинить насилия. Когда я, по водворению молоканами кое-какого порядка, шел по улице, меня остановили несколько армян и похитили у меня 120 руб. и золотые часы. Я лично видел, как распоряжался в Шемахе и руководил погромами Степан Лалаев, главный погромщик и убийца; кроме него руководили действиями армян Шемахинские армяне Гюльбандов, Караогланов, Михаил Арзуманов и другие, которых фамилии не знаю, в лицо опознать могу. Через несколько дней я бежал из Шемахи, оставив на произвол судьбы все мое недвижимое и движимое имущество: дом с полной обстановкой и постелью, 252 ковра, магазин с мануфактурным товаром, а также зарытыми в доме и во дворе 100 тысяч. руб. Дом и магазин сгорели, а вещи и товар отчасти сгорели, отчасти расхищены. Понес всего убытка на полмиллиона рублей. Читано.

Подпись: Абдулла Абдуллаев (арабскими буквами).

Переводил: Меликов.

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 63-63.

Документ № 68.

Протокол допроса

1918 года октября 1 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Мешади Алескер Керам оглы, 40 л., ж. г. Шемахи, врем. прож. в сел. Кюрдамир, мусульманин, неграмотен.**

Хотя я шемахинец, но постоянно жил и живу в Кюрдамире, где имею дом и лавку. Осенью 1917 года, когда Кюрдамиру угрожала опасность со стороны эшелонов, возвращавшихся с фронта, я в числе многих других кюрдамирцев

переехал в Шемаху, куда перевел весь свой товар. В Шемахе я заметил движение армян и опасность со стороны их для мусульман; армяне оскорбляли мусульман на каждом шагу и запасались оружием. Когда в марте месяце армянский отряд вез мимо Шемахи оружие в сел. Матрасы, мусульмане вышли наблюдать за этим отрядом. Армяне открыли стрельбу и убили и ранили много человек. В тот же день армяне помирились с мусульманами. Последние успокоились. Вдруг, после торжественных шествий по случаю этого перемирия, через два дня армяне и молокане о окружили Шемаху со всех сторон, открыли стрельбу из пушек и ружей и чрез несколько часов ворвались в мусульманскую часть города, где начали совершать всякого рода насилия: поджигали дома, расстреливали убежавших из горевших домов, убивали показавшихся на улицах, а также врываются в дома и убивали всех, без различия мужчин, женщин, детей, при этом занимались грабежами. Я видел, как Гюльбандов, Караогланов, Михаил Арзуманов и еще несколько человек, которых знаю только в лицо, засели в одном доме и оттуда чрез окно расстреливали мусульман, которых заманивали подбрасыванием разных вещей. Через несколько дней я бежал из Шемахи, оставив там свой утварь и домашнюю обстановку. Все добро частью сгорело, частью расхищено армянами. В Шемахе я понес убытка всего на семьдесят пять тысяч рублей. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: Дунья-Мали Мехти оглы

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 65-65 об.

Документ № 69.

Протокол допроса

1918 года 6-го ноября дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением _ ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Ага-Эфенди Эфендиев, жит. гор. Шемахи, мусульманин, 27 л., грамотный.

Был я в г. Шемахи накануне второго его разгрома. Не помню теперь точно, но в числах 26-27 марта бывший в Шемахе Исмаил Хан Зиатханов с отрядом мусульман оповестил все население города, что надо немедленно выселиться из города, кто куда желает, т.к. на город наступают армяне. Это навело на население такую панику, что все, забыв о вещах и о домах своих стали убежать из города.

Я лично никого не имел из родственников тогда в городе, вся моя родня и жена с детьми были в сел. Ахсу, так что одному не тяжело было выбраться из города. Прибыв в Ахсу, я забрал всех своих и поехал в Геокчай.

Свидетелем разгрома г. Шемахи я не был, но имущественно именно пострадал – подожгли у меня дом одноэтажный, каменный, вещей домашних ог-

раблено у меня на сумму 30.000 р. Дом мною был выстроен сравнительно недавно, года 2 тому назад, за 20.000 р. приблизительно. Более показать ничего не имею.

Подпись: Ага-Эфенди Эфендиев (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 86-89.

Документ № 70.

Протокол допроса

1918 года, октября 28 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Мамед-Шах Аллахвердизаде оглы, 22 л., жит. г. Шемахи, грамотен.

Я живу в отделении «Сарыторпаг». 18 марта армяне и молукане после несколько часов обстрела города пушками, ворвались в отделение «Пиран-Ширван» и стали поджигать дома. Говорят, что они расстреливали убежавших от пожара мужчин, женщин и детей. Я из дома не выходил. На другой день отобрали оружие, но продолжали мучить людей: убивали, сжигали, грабили. Так продолжалось до прихода Исмаил Хана с войском. Армяне и молукане бежали. Через два дня Исмаил Хан ушел, и мы ушли с ним. Когда вернулся, нашел город уничтоженным пожаром. Сгорел также мой дом и фабрика шелка. Имущество было расхищено. Я остался только в том, что имеется сейчас на мне. Понес всего убытка на сумму сто шестьдесят четыре тысячи рублей, по прежнему курсу рубля. Никого из нападавших и чинивших насилие, назвать не могу. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Мамед-Шах Аллахвердизаде (арабскими буквами).

Переводил: А.Мовсумов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 61.

Документ № 71.

Протокол допроса

1918 года, октября 31 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Самед бек Гаджибеков, 50 л., жит. г. Шемахи.

В марте месяце в Шемахе были получены сведения, что из Баку идет большой отряд войска с пушками в Шемаху. Навстречу отряду в сел. Козлы-Чай была послана делегация для выяснения положения. Делегация вернулась и

доложила, что отряд пройдет мимо Шемахи, но отказался сдать оружие в местный гарнизон. Молодые мусульмане заняли подступы к городу Шемахе, чтобы не пропустить отряд в город и потребовать, чтобы они сдали оружие в местный гарнизон. 15 марта, утром, когда отряд проходил мимо Шемахи, возле селения Мейсары произошла перестрелка между ними и мусульманами. Кто вызвал перестрелку, не знаю. В этот же день был заключен мир. На другой день по случаю мира были торжества. Вдруг 18 марта, на рассвете, армяне с юга, а молукане с востока окружили Шемаху и начали обстреливать ее из пушек и ружей. К вечеру они ворвались в отделение в отделение «Пиран-Ширван», стали поджигать дома. Говорят, что расстреливали также людей, но я лично не видел, потому что не выходил из дома. Ночью мусульмане объявили армянам чрез парламентаров Джафар-Кулия Ахунда и Сазонова, что сдаются. Стрельба как будто на время прекратилась. На другой день армяне и молукане отобрали у мусульман все оружие. Но и тогда продолжали грабить и убивать, а также поджигать дома. Я лично видел, как 19 марта армяне выносили вещи из дома Гаджи Исмаила, а потом подожгли его дом. Таких случаев было много. Я не видел, чтобы молукане грабили и убивали в Шемахе. Со мною был такой случай. Когда я шел в уездное управление по вызову Комиссара, меня остановил армянин и хотел убить, молуканин, увидевший это, не допустил убить меня. Бесчинства армян продолжались до 21 марта. Тогда уже были получены сведения, что Исмаил Хан идет на выручку Шемахи. Вскоре пришел Исмаил Хан. Армяне и молукане ушли. Но Исмаил Хан оставался здесь всего два дня. Он вдруг собрался и ушел. Его уговаривали остаться хотя бы один день, одну ночь, чтобы шемахинцы могли собрать кое-что из своего имущества, но он ответил отказом, объявив, что армяне и молукане наступают. Многие ушли с ним, ушел и я, побросав все свое имущество. Спасали только жизнь, бежали, как кто стоял. Я оставил все свое движимое имущество: обстановку, постель, платье, белье, посуду, золото, и даже деньги. Когда вернулся в Шемаху, то нашел дом сожженным со всеми пристройками, а имущество расхищенным. Понес я всего убытка на сумму сто тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Кроме того в моем имени при сел. Джагирли сожжен мой дом с пристройками. Там я понес убытка на три тысячи рублей. Из армян и молукан, напавших на Шемаху, совершавших насилие над мусульманами никого назвать не могу. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Самед бек Гаджибеков.

Переводил: А.Мовсумов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 62-64.

Документ № 72.

Протокол допроса

1918 года октября 1 дня, сел. Кюрдамир.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Абдул Гусейн Кани оглы, 37 лет, ж. г. Шемахи, врем. прож. в Кюрдамире, мусульманин, грамотен.**

Я был в Шемахе, когда на нее напали армяне. Когда начался обстрел города из пушек и ружей, я сейчас же бежал, что происходило в Шемахе, не видел. Я оставил в Шемахе 70 ковров по 30 тысяч рублей и мануфактурного товара на 10 тысяч руб., всего на сорок тысяч рублей. Армяне похитили ковры и товары. Похитителей не знаю по имени и фамилиям. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Абдул Гусейн Кани оглы (арабскими буквами).

Переводил: Дунья-Мали Мехти оглы (подпись).

Члены комиссии: А. Новацкий, Михайлов (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 66.

Документ № 73.

Протокол допроса

1918 года октября 4 дня, гор. Шемаха

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Рустам-бек Мамедов, 55 л., ж. гор. Шемахи, мусульманин, грамотен.

Я все время находился в гор. Шемахе и выехал из города только вместе с мусульманскими войсками. Хотя важные и серьезные события разыгрались в Шемахе в марте месяце сего года, но в виду всего пережитого мною я нахожусь в таком состоянии, что не в состоянии передать, что именно и когда происходило. Когда я покинул Шемаху, то оставил здесь свой дом со всеми постройками и всей обстановкой, именно: заграничную мебель, 4 зеркало, люстры, 4 египетские вазы, 4 шелковых занавески, постель, белье, носильное платье, библиотеку из старинных книг, походную палатку со всеми принадлежностями. Когда я вернулся в Шемаху, то дом со всеми постройками нашел сгоревшим. Вещи тоже частью сгорели, частью были расхищены. Убытка понес я всего 650 тысяч (шестьсот пятьдесят тысяч) рублей. Мой дом был подожжен армянами и молоканами. Из расхищенных вещей я опознал среди разных вещей, доставленных в Шемаху из разных сел. Мальгам, один стул, который находится сейчас в Шемахе у Васиф бека. У меня есть имение в Шемахинском уезде. Астраханские молокане подожгли это имение, сожгли дом, амбар, конюшню, ульи, и мяли весь покос, причинив мне убытка 50 тыс. (пятьдесят тысяч) рублей. Имение называется «Гыч (гыш) кошки». Из похищенных вещей я нашел одну модную посуду «сарпич» в амбаре Захария Тюленева, видел такие же посуды у Николая Васильевича Сергеева и у Степана Прокопьевича Котова серебряный ножик с буквами «Д.М.». Все они из сел. Астраханки. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Рустам-бек Мамедов.

Член Комиссии: Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л.70-70 об.

Документ № 74.

Протокол допроса

1918 года, октября 24 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Зовут меня Мамед бек Меликбеков, 25 л., жит. с. Текля Гаджи-Мамед-Гусейн Шемахинского уезда, грамотен.

Заявляю, что в гор. Шемахе в собственном доме жил мой отец Халаф -бек с матерью Сааб Ханум и мачехой Хейрансой, а дядя Мамед Гусейн бек находился у них в гостях. Они жили в армянской части города. Когда армяне и молokane заняли Шемаху, армянин Ага-бек Хачанов взял их к себе. Потом повел к соседу Алескер беку Алиеву. В этот же пришли туда маразинские молokane, фамилии этих молokane у меня записаны, и я их представляю. Они вызвали на улицу отца под предлогом, что его требует офицер. На улице они набросились на него и стали его мучить. Они отрубили ему левую руку, правую ногу, вырвали усы. От этих ран он на месте умер. Когда дядя увидел, как мучили отца, он выстрелил в окно, но молokane пристрелили его. Мать и мачеху отвела на нижний базар одна армянка. Все это я знаю со слов матери. Затем молokane похитили железную кассу с золотом, серебром и драгоценностями, расхитили также все движимое имущество: ковры, постель, платье, посуду. Дом сожгли. Убытка я понес здесь на триста тысяч рублей. Список фамилий убийц моего отца дал мне хилмилинец Павел Суворов. Между убийцами был один, который подозревал в убийстве жителя сел. Маразы моего брата Исраил бека. Все они маразинцы. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Мамед бек Меликбеков.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 53.

Документ № 75.

Протокол допроса

1918 года октября 7 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением _ Уст.Уг.Суд., который показал:

Зовут меня Джалил бек Джебраилбеков, 57 л., мусульманин, грамотен.

18 марта сего года, утром, армяне и молокане начали бомбардировать г.Шемаху из пушек и обстреливать из ружей. Пополудни они уже ворвались в город и стали поджигать дома, убивать жителей, мужчин, женщин и детей, и занимались грабежами и вымогательствами. Я находился у брата своего Рустам-бека Джебраилбекова, который имел дом в квартале «Пиран-Ширван» и видел, как пять человек армян поднялись на крышу соседнего дома Шихиева и подожгли его. Затем они подожгли дом брата. Брат и его семейство успели спастись. Дом их со всей обстановкой сгорел в несколько часов. Полагаю, что брат понес убытка от поджога его дома не меньше 60 тысяч руб. по прежнему курсу рубля. Из тех армян, поджегших дом Шихиева, брата, а затем и другие дома, я хорошо узнал армян шемахинцев парикмахера Ованеса и Самвела Долиева и молоканина Карабанова, бывшего присяжного Казначейства. На другой день ко мне явились несколько человек армян и молокан и хотели поджечь мой дом. Но получив сто рублей, ушли. На третий день явились другие и опять получили сто рублей за угрозу поджечь дом. Приходили еще раз, но у меня денег уже не было. В конце концов, чрез четыре дня подожгли мой дом, который сгорел со всей обстановкой. Потерпел я убытка около ста тысяч рублей, вместе с племянниками Джамо беком и Керим беком Джебраилбековыми и Ашраф-беком. Вымогателей не узнал и поджигателей моего дома не знаю. Более показать не имею. Читано. Чрез несколько дней уехал из Шемахи.

Подпись: Джалил бек Джебраилбеков.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л.82-82 об.

Документ № 76.

Протокол допроса

1918 года, октября 21 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Зовут меня **Мешади Ага-Рагим Кербалай Гани оглы, 50 л., ж. гор. Шемахи, неграмотен.**

Я находился в г. Шемахе во время обоих нападений на нас армян и молокан. Что происходило в городе при первом занятии его армянами и молоканами не знаю, лично ничего не видел, потому что был так болен, что не мог подняться. Говорили, что после занятия города молокане и армяне поджигали дома и убивали жителей. Вскоре пришли мусульманские войска, и армяне ушли. Мусульманские войска пошли вслед за армянами в сел. Козлы-чай, но в тот же день вернулись, и Исмаил Хан объявил, чтобы все уходили из Шемахи, так как он с войсками оставит город. Многие ушли с ним. Я отправил свою жену с семьей в Петропавловку, а сам остался в Шемахе. После ухода Исмаил Хана армяне не появлялись в течение шести дней. На шестой день стали доходить до Шемахи слухи, что армяне сожгли

усадыбы Азад бека Коджаманбекова и Кербалай Юсуфа Мамедова. В то же время мы увидели массы наступавших с востока войска армян и молукан. Они поставили пушки на горе Сарылых-Даг и начали обстреливать город. Ночью вошли в город и заняли дом Лалаева, где поставили пушки и пулеметы. На другой день, чуть свет, много армян ворвались в мусульманскую часть города, начали поджигать дома, убивать жителей, мужчин, женщин и детей, в особенности старых и больных, потому, что только такие остались в городе. Надо заметить, что никто никого сопротивления не оказывал. Преимущественно это были армяне не Шемахинские. Тогда же был убит Ахунд Джафар-Кули. Полагаю, что убийцы не знали его, ибо я не могу допустить, чтобы армяне знавшие его, могли его убить. Он был сторонником мирной жизни с армянами и в своих проповедях призывал к братской жизни с армянами. Во дворе дома Джафар-Кулия я видел много черепов и костей. Жену и сестру Джафар-Кулия армяне увезли в г. Баку. Я оставался дома, и когда находился во дворе ко мне пришла старуха и сообщила, что армяне убили моих двоюродных братьев, Мешади Асада Мешади Ирза оглы, Мешади Мухтара Мешади Манаф оглы и Гаджи Ахмеда Гаджи Гасан оглы. Я испугался и спрятался в тендире (азиатская печка для выпечки хлеба). Вскоре увидел, что в мой дом пришли с моей тещей Мешади Секна Гаджи Ирза кызы и забрали чумал, в котором были упакованы золотые вещи: браслеты, головные уборы из червона, цепь, серебряные вещи: ложки, ножи и вилки, а также дамские костюмы и шелковые материи и другие вещи. Армяне тещи не трогали, она только на днях умерла от болезни. Когда стемнело, я вышел и бежал в Петропавловку. Я видел, что Шемаха горела. Армяне убили очень много шемахинцев. Когда я окончательно вернулся в Шемаху, то нашел город в развалинах, все уничтожено пожаром, сгорел также мой дом и две лавки с товаром. Я не могу назвать никого из одногорожан, которые были очевидцами второго занятия Шемахи армянами. Кто не успел бежать, был убит. Я понес убытков всего на сумму пятьдесят тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 39-40.

Документ № 77.

Протокол допроса

1918 года, октября 22 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Мешади Мехти Гаджи Мовсум оглы, 45 л., ж.г. Шемахи, грамотен.**

Я живу на краю города, в Новой части, где у меня был дом двухэтажный. Спустя недолго после праздника «Новруз-Байрам»³⁹ (18 марта) армяне и мо-

локане окружили Шемаху и начали бомбардировать ее из пушек и обстреливать из ружей. Под вечер в нашу часть стали врываться мейсаринские армяне и поджигать крайние дома. Я, мои родственники и несколько сельчан стали стрелять в них и сдерживали их наступление до позднего вечера. В то же время армяне и молокане ворвались в Нижнюю, мусульманскую часть города и подожгли там много домов, убили массу людей, мужчин, женщин и детей. Они засели в Лалаевском доме и оттуда расстреливали всех, кто показался на улице, врывались также в дома и убивали жильцов, похитив их ценные вещи. Ночью мусульмане просили мира и сдались. На другой день армяне и молокане отобрали у всех мусульман оружие. После обезоружения мусульман они продолжали убивать их и грабить. Так продолжалось несколько дней. Были получены сведения, что на выручку Шемахи идет Исмаил Хан с войском. Армяне и молокане бежали из Шемахи в Козлы-Чай (Хильмили). Бесчинства прекратились. Шемахинцы стали со всех сторон возвращаться в город. Исмаил Хан пришел и пошел преследовать армян в Козлы-Чае. Но сейчас же вернулся и объявил нам, чтобы мы бежали, так как наступают армяне. Масса населения бежала, бежал и я. Но пока армяне не показывались в Шемахе. Я вернулся домой через четыре дня, но как раз армяне и молокане окружили Шемаху с востока и начали обстреливать ее из пушек и наступать. Я бросил все свое имущество на произвол судьбы, не успел захватить даже ценных вещей, и бежал с семьей. Когда окончательно вернулся в Шемаху, то на месте города нашел развалины, весь город был сожжен. Сгорел также мой дом, пропали две коровы, все ценные вещи, вся домашняя обстановка, постель, посуда так, что я остался нищим. Знаю, что Шемаху разрушили и убивали мусульман армяне Шемахинского уезда и чужие, но никого из них назвать не могу. Всего убытка я понес на сумму более двадцати три тысяч рублей. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Мешади Мехди Гаджи Мовсум оглы (арабскими буквами)

Член Комиссии: А. Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 41-42.

Документ № 78.

Протокол допроса

1918 года, октября 22 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Мешади Солтан Бадалов, 45 л., жит. гор. Шемахи, грамотен.

Я живу в Шемахе, в отделении «Сарыторпаг», где имею двухэтажный дом. О событиях, предшествовавших 18 марта 1918 г. мне почти ничего неизвестно. Одно только знаю, что задолго до 18 марта армяне запасались всякого рода оружием. 18 марта в воскресенье на рассвете армяне с юга и с запада, а моло-

кане с востока окружили Шемаху и обстреливали ее из пушек и ружей. Шемахинские мусульмане начали сначала защищаться, отстреливаться из ружей, но не могли устоять против пушек и превосходивших их численностью армян и молокан и пополудни отступили. Перестрелки же продолжались до вечера. Армяне и молокане ворвались в отделение «Пиран-Ширван» и начали поджигать дома. Другие же засели в доме Лалаева и оттуда расстреливали всех, кто показался на улице, убили много мужчин, женщин и детей. Вечером мусульмане решили сдаться. Армяне согласились прекратить насилие после выдачи им мусульманами всего оружия. На другой день оружие было выдано. Однако армяне и молокане продолжали убивать жителей и грабить их. Они на фугонах вывозили награбленное имущество в армянское селение Матрасы, Керкенч, Сагиян и другие, они даже открыли новую ближайшую дорогу из Шемахи по косогору. Так продолжалось четыре дня. Пришел в Шемаху Исмаил Хан с войском. Армяне ночью бежали в Козлы-Чай. Через два дня Исмаил Хан пошел за ними. Но в этот же день вернулся и объявил шемахинцам, чтобы они сейчас же спасались, так как армяне наступают. Он не давал и двух часов времени. Многие, в их числе и я покинули Шемаху вместе с ними. Я уехал в сел. Кельва. Армяне долго не наступали. Только 2 апреля показались отряды войск с востока и начался обстрел города. В течение этих четырех дней я приезжал в Шемаху и 2 апреля был, но оставался только до 4 час. пополудни, а наступление происходило ночью. Я оставил все движимое имущество в Шемахе, не исключая и драгоценностей, потому, во первых, что некуда было вывести, а во вторых, надеялись, что вернемся скоро. Армяне второй раз сожгли Шемаху и сожгли и разрушили ее до основания. Мой дом сгорел совсем, и все движимое имущество пропало, сгорело ли оно или же похищено, не знаю. Понес я убытка всего на сто тысяч рублей. Из виновников всех насилий по слухам могу назвать только чухур-юртца Бориса Половинкина с сыновьями и братьями Яковым, Семеном и др. Он действовал здесь активно и руководил всеми молоканами. Я имел сведения, что две мои коровы находятся в Козлы-Чае, хотя не проверил этого. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Солтан Бадалов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 42 об.-43.

Документ № 79.

Протокол допроса

1918 года, октября 24 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Ага Али Гейдар оглы, 45 л., жит. гор. Шемахи, грамотен.

Кто виноват, я не знаю. В марта месяца в верхней части города произошла перестрелка, из за чего, не знаю. Заключили мир, Все успокоились. Вдруг на другой день армяне и молokane стали бомбардировать город из пушек. Ворвались в отделение «Пиран-Ширван», поджигали дома, убежавших из горевших домов женщин и детей расстреливали. На другой день мусульмане выдали армянам все оружие. Армяне продолжали убивать мусульман и грабить их. Я не видел, чтобы молokane убивали и громили. Со мною был такой случай. Армяне взяли у меня часы с цепочкой, молokane, видевший это, отобрал у него часы и вернул их мне. Другой раз армянин открыто похитил у меня из кармана 45 руб. Когда пришел Исмаил Хан из Гянджи с войском, армяне и молokane ушли из города. Исмаил Хан чрез два дня объявил всем, что надо бежать, и сам оставил Шемаху. Я ушел вместе с ними. Когда вернулся в Шемаху, после изгнания из нее армян турками, то нашел ее в развалинах. Мой дом сгорел дотла, вся обстановка, постель, белье, носильное платье, посуда, золотые вещи, 18 ковров (4 больших и 14 маленьких) и прочее, пропали, были ли эти вещи похищены, или сожжены, не знаю. Убытка понес я на сумму не меньше тридцати тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Из виновников указанных мною насилий никого назвать не могу. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Ага Али Гейдар оглы.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 51.

Документ № 80.

Протокол допроса

1918 года, октября 24 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Али-Гейдар Гаджи Ага оглы, 38 л., жит. г. Шемахи, грамотен.

Армяне запасались оружием. Шемахинские армяне Михаил Арзуманов, Аршак Тараев, Джангир Тараев, Гавриил Караогланов, Гюльбандов, Агриев и другие устраивали тайные совещания в армянской школе. 18 марта, на рассвете, армяне и молokane окружили Шемаху и бомбардировали ее из пушек. По полудни ворвались в отделение «Пиран-Ширван», сжигали дома, убивали мужчин, женщин и детей, убили очень много людей. Вечером я бежал в с. Геогляр, а оттуда в с. Кюрдамир. Когда в Шемаху пришли мусульманские войска, я тоже вернулся. Но чрез два дня должен был опять бежать, так быстро, что не успел захватить с собой даже денег. Когда вернулся в Шемаху после взятия турками, то нашел весь город в развалинах. У меня есть дом на Пиран-Ширванской улице. Он не сгорел, но совершенно разгромлен, все поломано, побито. Пропала также моя обстановка, платье, белье, шелковая по-

стель, ковры, посуда, восемьсот сорок восемь серебряных рублей и три тысячи пять сот рублей кредитными билетами. Понес я всего убытка на пятнадцать тысяч рублей. Я видел как дома поджигали Шемахинцы Владимир Долиев, Мамикон Долиев, Бабаджан Магакелов и еще четыре человека, которых не знаю. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Али Гейдар Гаджи Ага оглы.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 52.

Документ № 81.

Протокол допроса

1918 года, октября 26 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Мешади Юсуф Кербалай Мамед-Заид оглы, 55 л., жит. г. Шемахи, неграмотен.**

Спустя неделю после праздника «Новруз-Байрама» (в марте 18 числа), армяне и молокане окружили со всех сторон Шемаху и обстреливали. Сначала мусульмане защищались, но под вечер выкинули белый флаг. Армяне и молокане ворвались в мусульманскую часть города, начали поджигать дома и убивать всех, кто показался на улице. Они убили очень много людей, мужчин, женщин и детей. Рассматривали из-за углов и из дома Лалаева. Молокане убивали наравне с армянами. Я лично видел массы трупов на улицах. На другой день армяне и молокане отобрали у мусульман все оружие, но убийства не прекратились. Я лично видел, как четыре армянина из сел. Матрасы, по именам и фамилиям коих не знаю, вывели в сад за город фазтонщика Кербалай Мамед Гусейна, его сына Али Гасана и его племянника Новруза и расстреляли их. Я уже не видел, но слышал, что армяне забирали многих мусульман в дом Лалаева и там всех расстреляли. Я никого из армян и молокан по имени и фамилии назвать не могу. Армяне и молокане были из Шемахинского уезда, были также армяне других уездов. При втором разгроме Шемахи я не был, потому что бежал вместе с мусульманскими войсками. При втором разгроме Шемахи был сожжен мой дом в отделении «Сарыторпаг». Пропала вся обстановка, постель, платье, ковры, посуда и прочее. Похитили это имущество, или уничтожено пожаром, не знаю. Понес я убытка более чем на тридцать тысяч рублей. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: А.Мовсумов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 54.

Документ № 82.

Протокол допроса

1918 года, октября 26 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Гаджи Ага Баба Самед оглы, 60 л., жит. г. Шемахи, неграмотен.**

Я живу в новой части города. Первый раз армяне напали на нашу часть кагора, когда шли в количестве 2 тысячи человек в сел. Матрасы. Они тогда уже подожгли на нашей окраине несколько мусульманских домов. Хотели поджечь и мой дом. Мои сыновья открыли по ним перестрелку, в которой был ранен мой сын Абдул Агат в указательный палец правой руки. В этот же перестрелка прекратилась. Через два или три дня армяне с юга и с запада, а молукане с востока окружили Шемаху и бомбардировали ее из пушек. Мусульмане отстреливались, но недолго. Армяне и молукане ворвались в мусульманскую часть города и начали поджигать дома. Из-за углов они убивали убежавших из горевших домов и вообще всех, кто оказался на улице. Они убили очень много мужчин, женщин и детей. Врывались также в дома и убивали жильцов и грабили их. Молукане действовали заодно с армянами. У меня в этот же день похитили 51 барана, 4 коровы, 3 осла, 4 лошади, 2 быка. До этого нападения уже они сожгли мой дом и расхитили всю обстановку, ковры, постель, посуду. Мусульмане сдались и выдали все оружие. Уже после сдачи оружия они продолжали совершать всякие насилия над мусульманами: убивали, грабили, вымогали деньги. На другой день после нападения на Шемаху я встретил матрасинского резника Карапета с ружьем в Шемахе. Так как он постоянно покупал у меня баранов, то я обратился к нему с просьбой оказать содействие к возвращении мне похищенного скота. Он крикнул на меня и направил на меня ружье. Фамилии Карапета не знаю. Других армян и молукан не знаю. Понес я всего убытка на сто тысяч рублей по прежнему курсу рубля. О втором разгроме Шемахи ничего сказать не могу, потому, что ушел из Шемахи вместе с войсками Исмаил Хана. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: А.Мовсумов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 55.

Документ № 83.

Протокол допроса

1918 года, октября 27 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Гусейн-Баба Мешади Абдул-Али оглы, 40 л., жит. г. Шемахи, грамотен.

В марте месяце я находился в г. Шемахе. 18 марта, около 5 час. утра, раздалась пушечные выстрелы. Оказалось, что армяне с запада и юга, а молукане с востока и с севера окружили город и обстреливали его. К полудню население окраин бежало в мусульманскую часть Около 2 час. пополудни армяне и молукане ворвались в «Пиран-Ширван», начали поджигать дома, убежавших из горевших домов мужчин, женщин и детей расстреливали из-за углов и с Лалаевского двора. Врывались также в дома и вырезывали целые семьи. Я лично видел массу трупов на улицах города. В пять часов я бежал из города с семьей. По дороге, как мы бежали, был убит мой племянник Зейвар Джафар-Кули оглы. Я успел захватить только 4 булки хлеба и чай, сахар. Бежал я в Петропавловку. Когда услышал, что в Шемаху пришли мусульманские войска, я поехал туда, но когда приехал, то мусульманских войск уже не было, они ушли обратно. Я хотел продать кое-какие вещи и часть взять с собой. Оставался я в Шемахе одну ночь. На другой день наступали на Шемаху с востока и с северо-востока большие силы и войска, и начали обстрел города. Я опять бежал. По дороге бросил даже пальто и калоши. Все мое имущество осталось в Шемахе. Когда окончательно вернулся в Шемаху, то на месте прежнего города нашел развалины. Мой двухэтажный дом сгорел. Пропала вся обстановка, 200 ковров, постель, платье, белье, посуда, одним словом, все. Был я богатым человеком, а в настоящее время я нищий. Потерпел я убытка на сумму более восьмидесяти тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Я никого из армян и молукан не опознал, знаю только, что руководил нападением и организовал поджоги и убийства Степан Лалаев. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Гусейн Баба Мешади Абдул оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 56.

Документ № 84.

Протокол допроса

1918 года, октября 27 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Зовут меня Мешади Али Гаджи Гусейн оглы, 50 л., жит. г. Шемахи, грамотен.

О насилиях, совершенных в Шемахе над мусульманским населением ничего показать не могу, потому что отсутствовал. У меня в Шемахе с отделении «Ахчи» есть дом, который был разрушен во время землетрясения. Нижний этаж привел в порядок и жил в нем, верхний же этаж был разрушен. Во время разгрома Шемахи мой дом не сгорел, но был разгромлен: окна, двери, балконы

поломаны и похищены: все мое движимое имущество, как-то: обстановка, белье, платье, посуда, ковры расхищены. Понес я всего убытка на пятнадцать тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Читано.

Подпись: Мешади Али Гаджи Гусейн оглы (арабскими буквами).

Переводил: А.Мовсумов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 57.

Документ № 85.

Протокол допроса

1918 года, октября 27 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Зовут меня Гаджи Али Гасан Гусейн оглы, 65 л., жит. г. Шемахи, неграмотен.

Когда 18 марта армяне и молокане начали бомбардировать Шемаху, я спрятался и не выходил до ночи. Когда ночью вышел, то видел, что «Пиран-Ширван» горел. Я опять спрятался и вышел из убежища только тогда, когда пришли мусульманские войска. Что происходило в городе, не знаю. Слышал, что убили Гаджи Абдула и его сына. Ушел из Шемахи с мусульманскими войсками. Когда вернулся потом, то нашел мой дом с пристройками в развалинах. Он был уничтожен пожаром. Сгорели также мои три лавки. Движимое имущество и товар пропали, как-то: вся обстановка, посуда, белье, платье, постель, около 50-60 ковров, чай, сахар, табака, шелковый товар и прочее. Понес я убытка на пятьдесят тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Более показать не имею. Читано. Неграмотный.

Переводил: А.Мовсумов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 58.

Документ № 86.

Протокол допроса

1918 года, октября 28 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст.Уг.Суд., который показал:

Зовут меня Ахмед Аслан оглы, 20 л., жит. г. Шемахи, неграмотен.

Я живу в новой части гор. Шемахи. 18 марта армяне и молокане начали обстрел города из пушек, ворвались в новую часть города и в отделение «Пиран-Ширван», начали поджигать дома, убежавших из горевших домов женщин и детей расстреливали из-за угла, врывались в дома и убивали жильцов. На другой

день отобрали у шемахинцев все оружие, но и тогда продолжали убивать жителей и грабить, награбленное увозили на арбах и фургонах. Вымогали деньги под угрозой убийства и поджога дома. Такие бесчинства и зверства армян и молочан продолжались до прихода Исмаил Хана. Но Исмаил хан остался в Шемахе с войском не долго, и ушел с войском и нам объявил, чтобы мы бежали, так как армяне и молочане наступали на Шемаху. Масса шемахинцев ушла с ним, ушел и я в Агдаш. Там узнал, что армяне и молочане не пришли в Шемаху и на пятый день вернулся. Пробыл здесь два дня, на третий день армяне и молочане стали наступать на Шемаху. Тогда многие бежали, и я бежал. Все мое имущество осталось здесь. Один мой дом сожгли, другой землянку разгромили. Движимое имущество: обстановка, постель, платье, посуда и 50 пуд. пшеницы были похищены. Понес я убытка всего на двадцать (20) тысяч рублей. Никого из армян и молочан не опознал и никого из нападавших назвать не могу. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: А.Мовсумов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 59.

Документ № 87.

Протокол допроса

1918 года, октября 28 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня **Мешади Мухтар Молла Рагим оглы, 55 л., жит. гор. Шемахи, неграмотен.**

Я живу в Шемахе в отделении «Имамлы». После прибытия из Баку большого количества армянских войск, армяне и молочане окружили Шемаху и начали обстреливать ее. Потом ворвались в отделение «Пиран-Ширван», начали поджигать дома и расстреливать из-за углов убежавших из горевших домов женщин, детей и мужчин. На другой день мы сдали им все оружие. Они начали производить обыски, при этом убивали, грабили и вымогали денег. Награбленное увозили. Убили очень много народа. Так продолжалось до прихода Исмаил Хана с войском. Но чрез два дня Исмаил Хан нам объявил, что сам уходит с войском и нам советует уйти, потому что на Шемаху, по его словам, наступали армяне и молочане. Масса народа ушла, ушел и я. Когда вернулся обратно после изгнания армян турками, то нашел свой дом сожженным, сожжены были также мои две лавки, все движимое имущество и всей бакалейный товар были расхищены. Пропали также две коровы, тридцать козлов, 22 улей пчел. Потерпел я всего убытка на двадцать тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Из армян и молочан, нападавших на Шемаху, учи-

нивших поджоги и убийства, никого назвать не могу. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: А.Мовсумов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 60.

Документ № 88.

Протокол допроса

1919 года, Июля 2 дня. гор.Баку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг.Суд., и он показал:

Мамед Гусейн бек Шафиев, жит. г. Шемахи, 50 лет, живу по Белогородскому шоссе, д. Даниелянца

Во время мартовских событий и разгрома гор. Шемахи армянскими и др. бандами я находился в городе Баку. В Шемахе подожжен дом мой, находящийся в 1 части города, в отделении Друда-..ля, состоявший из двух флигелей, чем причинен убыток по старой оценке тысяч 50 руб. Теперь не восстановить его на полмиллиона рублей. Кроме этого, разграблены вещи имущество сестры моей и мои на сумму свыше двухсот тысяч рубль. Таким образом, причинен мне убытков до 700 тысяч руб. по новой оценке. Преступление совершено, по отзыву очевидцев и моих родственников, армянами, но кем именно, сказать не сумею. Прошу мое заявление иметь в виду и дать удовлетворение, если будут из какого либо источника удовлетворять потребовнию. Добавить не имею.

Подпись: Мамед Гусейн Шафиев.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии: Алек.б. Хасмамедов (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 83.

Документ № 89.

Протокол

1918 года сентября 27 дня, 28 дня. Кюрдамир.

Азербайджанская Чрезвычайная Следственная Комиссия допрашивала нижепоименованных, которые показали:

1. **Я, Гаджи Гусейн Саламов, 48 лет, житель Шемахи, грамотен,** явился в Комиссию проездом через Кюрдамир в Баку, чтобы заявить Комиссии о размере понесенных убытков вследствие разгрома армянами города Шемахи, где у меня была своя недвижимость и свое торговое оптовое мануфактурное дело.

Я лично потерял от того, что сгорел мой собственный дом с полной богатой обстановкой, и часть общего с пятью братьями караван-сарая, состоящая из 50 лавок с товарами, всего на полутора миллиона рублей.

Мой старший брат Гаджи Джабар Саламов потерял от гибели его дома с обстановкой и лавок с товарами до 55 лавок – тоже повторяю, больше миллиона рублей.

Когда мы бежали, в Шемахе остался наш брат Бекир Саламов; он был калека, но и его армяне не пожалели – мы нашли его убитым; его имущество, дом с богатой обстановкой сожжено армянами и стоило не менее двухсот тысяч рублей.

Это все дело армян. Когда состоялся первоначальный мир с армянами при участии епископа Баграта, то после это всем к нам приходили армяне и требовали от нас 30 тысяч рублей, угрожая в противном случае уничтожить наше имущество под корен. Мы все братья одновременно уплатив эту сумму и обещав еще 50 тысяч рубля, если имущество останется цело. Между этими армянами были: Шемахинец Тумас, фамилии не знаю, Морадянц, имени не знаю, из Сальян, мадрасинец жестяных дел мастер – имени и фамилию не знаю, Никитов – имени не знаю, сын Джангира и парикмахер Ованес. – Собственно это было не сейчас после мира, а после того, как мы сдались, начали нас, мусульман, обыскивать, часть из наших убивать, а мы все остались целыми потому, что уплатили денег, пообещав уплатить еще. Показание читано.

Подпись: Г.Гусейн Саламов.

2. Я, Абдул Рагим Саламов, 30 лет, житель Шемахи, грамотен.

У меня с отцом Гаджи Гейдаром, с братьями Керим Саламовым, Мамед-али Саламовым и Абуль-Азим Саламовым от разгрома Шемахи убытки – от гибели товара мануфактурного (шелковиц. и бумажного), шелко-коврового, махорочно-табака, чая, сахара, а ровно дома, магазина, часть лавок караван-сарая, сдачи в аренду табачной фабрики, домашней обстановки полностью, наличных денег и документов на отправленный товар и на товар, который мы должны были поставлять на предъявителя, а также от гибели наших торговых книг и других денег, хранившихся у нас – всего на сумму до четырех сотов миллионов рублей по прежней стоимости.

Подпись: Абдул Рагим Саламов.

Член Комиссии: В.Гудвил (подпись).

3. Я, Гаджи Гусейн Саламов, прошу записать в протокол мое заявление об убытках, которые понес мой племянник, отсутствовавший Гамид Саламов и К, именно потерял от: дом с полной обстановкой, товар мануфактурный, махорочно-табачный, спички зажигательные, чай, до 20 лавок на суму до полутора миллиона рублей по старым оценкам. Все это погубило от рук армян, нападавших на Шемаху. Показание прочитано.

Подпись: Г.Гусейн Саламов.

Член Комиссии: В.Гудвил (подпись).

4. Я, **Гаджи Мамед Ага Мирзоев**, член торговли под фирмой «Гаджи Дадаш Али Мирзоев», житель Шемахи - потерял от рук армян магазин с товарами, три дома с обстановкой новой, пять лавок с чаем и проч. товаром, с фруктовой кислотой (лавашами) на сумму до полутора миллионов рублей по старой цене. Показание прочитано.

Подпись: Гаджи Мамед Ага Мирзоев (арабскими буквами).

Член Комиссии: В.Гудвил (подпись).

5. Я, **Садых бек Агаларов**, 49 лет, житель Шемахи, магометанин, грамотен.

У меня погребено - расхищено нападавшими армянами обстановка дома и ковры для продажи всего на сумму до трехсот тысяч рублей. Показание прочитано.

Подпись: С.Агаларов.

Член комиссии: В.Гудвил (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 42-43.

Документ № 90.

Протокол

1918 года октября 1-го дня.

Мы, члены Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Н.М.Михайлов и А.Ф.Новацкий составили настоящий протокол о том, что явившиеся в Комиссию нижепоименованные жители г. Шемахи заявили, что они потерпели от погрома армянами гор. Шемахи, причем никого из погромщиков не видели, т.к. заблаговременно ушли из города, а убытки каждого из них заключаются в следующем:

1). **Амир Исмаил оглы** – сгорел дом, одноэтажный, каменный, о 3-х комнатах; ограблены из 2-х лавок товару - на 1000 р.; домашних вещей с коврами, паласами и др. - на 15.000 р.; баранов - на 2000 р.; 1 корова, 1 лошадь и 3 осла - на 1500 р., всего кроме сгоревшего дома на 19.500 р. Неграмотен.

2). **Машади Газанфар Кербалай Гейдар оглы** – сгорел дом одноэтажный, с каменный подвалом, о 2-х комнатах; домашних вещей и утвари - на 10.000 р.- Неграмотен.

3). **Сулейман Юсиф оглы** – сгорел дом одноэтажный, каменный, о 4-х комнатах, вещей домашних – обстановки, утвари, и проч. - на 18.000 р.

Неграмотен.

Член Комиссии: Михайлов (подпись).

4). **Ага-Гасан Гаджи Гасан оглы** – товаров на 10.000 р., домашних вещей- обстановки, утвари и проч. – 30.000 р., сгорел дом в сел. Ахад, одноэтажный кирпичный, о 3-х комнатах; всего кроме дома на 40.000 р.

Подпись: Ага Гасан.

5). **Ага Али Мешади Солтан оглы Ахмедов** – сгорели 2 дома – двухэтажных, каменных, один о 3-х комнатах, другой о 2-х комнатах, 2 лавки, ка-

менных – товаров – ковров, мануфактура, чаю, проч. – на 20.000 р., домашних вещей – на 10.000 р., голов 10 крупного скота – 5000 р., баранов 100 шт. – 8000 р., всего на 46.000 р.

Подпись: Ага Али Ахмедов.

6). **Азрат-Кули Алиш оглы** – сгорел дом – двухэтажный, каменный, о 5 комнатах; домашних вещей на 10.000 р.; чаю 150 фунтов – 6750 р.; ячменя 25 пудов – 1000 р., шерсти – на 8000 р.; баранов – 2500 р., всего на 28.250 р. Неграмотен.

7). **Мунсуф Керим оглы** – домашних вещей на 20.000 р.; товары из лавки на 20.000 р., всего – 40.000 р. – Неграмотен.

8). **Рагим Керим оглы** – ковров -65 шт. -30.000 р., домашних вещей на 30.000 р.; лавки с товарами на 6000 р., махорки на 10.000 р.- чаю на 40.000 р. (100 ф.), всего на 80.000 р. – Неграмотен.

Подпись: И.Шах.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл.60-61.

Документ № 91.

Заявление

Чрезвычайной Следственной Комиссии

Подано в Агдаше 22 декабря 1918 года **Шемахинским беженцем Султан Гамидом Меджидзаде** (об убытках в Шемахе).

Заявление написано на азербайджанском языке, арабскими буквами.

В документе приводится опись дома, вещам (драгоценности, ковры, домашняя обстановка, постель, платье, посуда и др.) и домашнего скота, сожженных, разграбленных и похищенных во время разгрома г. Шемахи в марте 1918 г. армянскими бандами.

Общая сумма убытков: 300.000 рублей.

15 декабря 1918 г.

Подпись: Султан Гамид Меджидзаде (арабскими буквами).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 84.

Документ № 92.

Заявление

Чрезвычайной Следственной Комиссии

Подано в Агдаше 22 декабря 1918 года **Шемахинским беженцем Ага Салимом Гаджи Абдул Халык оглы** (об убытках его в Шемахе).

Заявление написано на азербайджанском языке, арабскими буквами.

В документе приводится опись дома, вещам (драгоценности, ковры, домашняя обстановка, постель, платье, посуда и др.) и домашнего скота, сожженных, разграбленных и похищенных во время разгрома г. Шемахи в марте 1918 г. армянскими бандами.

Общая сумма убытков: 250.000 рублей.

15 декабря 1918 г.

Подпись: Ага Салим Гаджи Абдул Халык оглы (арабскими буквами).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 85.

Документ № 93.

Протокол допроса

1918 года 2 ноября. Город Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ахмед Мешади Солтан оглы Халилов, 36 лет. Шемахинец.

В первых числах марта с.г. мусульмане г. Шемахи обратились к армянам с просьбой прекратить совершенно вражду и проходящих и проезжих в Шемахинском уезде не убивать и не грабить. Армяне согласились установить дружеские отношения с мусульманами. На следующий же день в пять часов утра, неожиданно для мусульман, армяне окружили город Шемаху, поставили пушки с двух сторон и стали обстреливать. Накануне мусульмане спокойно легли и не заметили, как армяне ночью из Шемахи верхней армянской части перебрались в сел. Мадресе. Мусульмане не успели оказать сопротивление, и армяне вошли в город, подожгли более двухсот мусульманских домов, убили более тысячи мусульман, а остальных ограбили. Молокане просили армян не убивать мусульман, и только благодаря молочанам, часть мусульман не была убита. Из большинства домов армяне вынесли вещи, сколько могли, и отобрали ружья. Через два дня мы узнали, что гянджинцы в сел. Медресе ведут бой с армянами. Армяне в Медресе принуждены были бежать в молочанское сел. Козлы-чай. В Козлы-Чай гянджинцы направились и предложили армянам помириться, но армяне не согласились и гянджинцы вернулись в Шемаху. Из Шемахи ушли гянджинцы, и мы, боясь армян, последовали за ними в Кюрдамир, где были 4 дня, и за сим вернулись обратно в Шемаху около трех тысяч мусульман, узнав, что армяне в Шемаху не приходят. После их прихода в Шемаху через два-три дня армяне окружили в 3 часа дня Шемаху и истребили всех до одного мусульман. Шемаху окружили армяне вместе с молочанами, которые тоже выступили против мусульман. Все мусульманские селения и деревни армяне вместе с молочанами разгромили, и большинство жителей перебили с насилиями и жестокостями. Не многим удалось в Шемахинском уезде мусульманам спастись. Всего, кажется, в Шемахинском уезде разгромили и подожгли армяне и молочане около 350 селений мусульманских. В Шемахе я пострадал на 1.200.099 руб. Прочитано.

Подпись: Ахмед Халилов (арабскими буквами).

Члены комиссии: М.Х.Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 1-1 об.

Документ № 94.

Протокол допроса

1918 года ноября 12 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Зейнал Абдин Атакишиев, 60 лет, живу в гор. Шемахе.

Раньше мусульмане и армяне жили в Шемахинском уезде дружно; Затем мусульмане стали замечать, что армяне начали вооружаться и подвозить через Кюрдамир оружия. Тогда мусульмане стали обыскивать армян, идущих из Кюрдамира, причем часто отбирали у них оружия. В 6 верстах от Шемахи расположено армянское селение Матрасы, в которой живут самые беспокойные армяне: всякие смуты обыкновенно исходят из Матрасов. Матрасинцы настолько ненавидят мусульман, что когда армянский епископ Баграт пытался помирить армян с мусульманами, они, жители сел. Матрасы потеряли всякое доверие к нему. Когда он приехал в Матрасы, то его впустили в селение лишь после того, как он позволил завязать ему глаза, чтобы по дороге не видеть вырытых матрасинцами укреплений. Больше всех в Шемахе свирепствовал Степан Лалаев со своим отрядом в 1500 человек. Во время обстрела Шемахи все мусульманские женщины, старики и дети искали убежище в мечетях, в которых накопилось много народа. Солдаты Лалаева расстреливали находившихся в мечетях залпами и поджигали мечети, не позволяя никому выходить из них. Лалаев говорил, что надо вырезать всех мусульман, оставив для памяти только несколько человек на выставку. Шемахинскими пожарами руководил кроме Лалаева еще и Сандрик (Александр) Агриев.

У меня сгорел громадный дом, в котором помещалось 17 лавок, моя квартира состояла из 14 комнат. У меня были собраны редкие ковры и шелковые шали и материи. Теперь таких вещей уже нигде и нет. Причиненный мне убыток я объявляю в 40.000 руб. по старой оценке, по новой же оценке мой убыток превышает 1.000.000 рублей. У меня пропала редкая коллекция разных старинных монет, которую я собирал всю жизнь; кроме этого разграблена коллекция старинных вещей, посуды, тканей, была старинная катанская посуда, которая также пропала. У меня было много бриллиантовых колец, которых я очень любил так, что на руках носил всегда бриллиантов на несколько тысяч: 1000-1500 руб.; эти бриллианты тоже сожгли. Даже такие враги, как Лалаев и Агриев должны подтвердить, что у меня было много бриллиантов.

Подпись: З.А.Атакишиев.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, лл. 2-3.

Документ № 95.

Протокол допроса

1918 года ноября 16 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Султан Мустафабеков, 48 лет, живу в Баку на Меркурьевской ул., в д. № 4

Я жил в Шемахе, где имел собственный дом. Еще в ноябре-декабре 1917 года армяне Шемахинского уезда начали получать большие подкрепления солдатами, бомбами, пулеметами и даже орудиями. Нам армяне говорили, что в их селениях остановились воинские части, возвращающиеся из фронта к себе домой. Между тем эти части не проходили дальше, а все оставались в Шемахинском уезде. Приблизительно числа 13 марта 1918 года в Шемахе началась перестрелка между армянами и мусульманами. 15 марта состоялось перемирие, после которого армяне стали нас уверять, что больше не будут воевать с нами. Между тем в воскресенье 18 марта, рано утром армянские войска совершенно неожиданно начали бомбардировать город. Часов к 4 дня солдаты (армяне) ворвались в город и начали жечь мусульманские дома и расстреливать мусульман. Это продолжалось дня 3-4. Затем разнесся слух о том, что на Шемаху идут войска из Гянджи. Тогда армянские солдаты разбежались. За это время было убито до 1000 человек мусульман. Дней через восемь из Баку прибыл в Шемаху большой отряд армян во главе со Степаном Лалаевым и Амировым, которые совершенно уничтожили весь город и перебили приблизительно до 8000 мусульман; были убиты главным образом женщины, дети и старики, потому, что более сильные мусульмане все убежали из города.

Армяне сожгли у меня 8 домов, разграбили мои магазины, забрав много мануфактурного товара, ковров, табака, махорку, всю домашнюю обстановку и другие вещи. Всего мне причинено убытка миллиона на два рубля. Прошу вознаградить меня, так как в настоящее время у меня нет ни денег, ни вещей, ни квартиры. Прочитано.

Подпись: Султан Мухтаров.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 4-4 об.

Документ № 96.

Протокол допроса

1918 года декабря 5 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Абдуль-Ахад Касимов, 34 лет, жив. В Баку, Бондарная улица, д. № 21

В городе Шемахе Бак. Губернии армянскими солдатами в марте месяце 1918 года убиты мой отец Гаджи Абдуль Касимов, 68 лет, мать Гамар Ханум Касимова, 60 лет, брат Теймур-бек Касимов, 36 лет, и разграблено все имущество, а дом и магазин сожжены после грабежа. Убыток причинен в сумме 1.700.000 руб., определенный местной комиссией.

Подпись: А.Касимов.

Члены комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 5.

Документ № 97.

Протокол допроса

1918 года декабря 6 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдуль Ахад Искендеров, 38 лет, жив. в Баку, Николаевская улица, гост. Тавриз (временно), а постоянно в селении Петропавловске Джеватского уезда.

В марте месяце 1918 года я жил в Шемахе. Числа 15 марта между мусульманами и армянами и могоканоми состоялся примирение с участием духовенства. По городу прошла процессия с музыкой по мусульманской и армянской части. Шемахинский армянский епископ Баграт сказал, что «я отдаю свою голову на отрез, если с армянской стороны будет какое-либо выступление против мусульман». Примирение было скреплено на бумаге представителями трех наций. До 18 марта было спокойно, а 18 марта утром в 5 часов началась стрельба с трех сторон по мусульманской части города из пушек, пулеметов и ружей.

Мусульмане были захвачены врасплох. В верхней части города армяне врвались в мусульманскую часть и подожгли дома, убивали мусульман, расстреливали, и за этот день погибло в Шемахе около 300-400 мусульман. К вечеру доктор Сазонов отвез письмо мусульманского духовенства в армянскую часть о том, мусульмане сдаются. По их требованию на следующий день было сдано оружие. После сдачи оружия армяне начали постепенно с верхней части города разгромить мусульманские дома, убивать жителей и сжигать постройки.

В течение пяти дней это продолжалось, и погибло около 2 тысячи мусульман, и было сожжено около 150 домов мусульман. Мертвых и раненных я видел лично в лазаретах мусульман, устроенной в нижней части города в здании школы. Затем армяне очистили мусульманскую часть города и ушли в армянскую часть, когда узнали, что к Шемахе приближается Исмаил Хан. Семья моя 18 марта вечером ушла пешком в селение Геогляр, а я был все дни в городе, и затем до прибытия Исмаил Хана ушел из города к своей семье в то же селение,

оставив в доме караульщика, моего соседа. На 2-й день по прибытии в Шемаху Исмаил Хана я с семьей вернулся в Шемаху и прибыли там 2-3 дня. А затем мы снова бежали из города ввиду ухода оттуда Исмаил Хана. Числа 7 апреля армяне вновь ворвались в Шемаху и вырезали население 8 тысяч мусульман и уничтожили все имущество, разграбив предварительно движимое имущество.

У меня в Шемахе погибли товары, находившиеся в амбаре в собственном доме, уничтожен один двухэтажный дом и 1 магазин и 1 лавка и домашняя обстановка, всего на сумму 1.243.000 рублей по теперешней стоимости. Я представляю при сем опись и прошу приобщить ее к делу. Прошу о возмещении убытков в сумму 1.243.000 руб. Читано.

Подпись: Абд.А.Искендеров.

Члены комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, лл. 6-7.

Документ № 98.

Протокол допроса

1918 года декабря 6 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Селим Зейналов, 39 лет, жив. в Баку, по Персидской ул., д. № 45

18 марта 1918 года наш город Шемаха был окружен армянами и молоконами и по городу они открыли ружейную и артиллерийскую стрельбу. Мы не могли защищаться и сдались к вечеру этого же дня и на следующий день выдали армянам свое немногочисленное оружие. После этого в город вошли, в мусульманскую часть молokane и армяне. Армянские солдаты входили в дома в поисках будто бы оружия и грабили мусульман. При этом они часто убивали мусульман и сжигали дома. Армянами командовал учитель Артамонов, а начальником матрасинского отряда был армянин, фамилии которого я не знаю.

18 марта армяне убили 300-400 мусульман, а с 19 марта в течение пяти дней армяне убивали мусульман ежедневно и подожгли среднюю часть города. За эти пять дней они убили около двух тысяч мусульман, и если бы они не узнали, что в Шемаху идет Исмаил Хан из Елизаветпола, то они тогда же перебили бы всех мусульман в Шемахе и уничтожили бы весь город. Я все время был в Шемахе. Я заплатил 5 тысяч рублей, чтобы меня не трогали. Деньги эти я дал Тумасу Надирову, армянину, моему бывшему приказчику, который меня осведомлял о том, что происходит в городе и в окрестностях. И от него я узнал, что к Шемахе идет Исмаил Хан. Тогда же я перешел из верхней части города, армянской, в нижнюю часть города, мусульманскую, и затем ночью уехал из города с семьей в селение Геог-ляр. Исмаил Хан занимал Шемаху до 1 апреля, а затем ушел оттуда и через пять дней в Шемаху вновь во-

шли армяне, предварительно уничтожив по дороге все селения: Чираглы, Баят, Мараза и все другие;

Прежде вступления в Шемаху армяне прислали в город двух шпионов, переодетых лезгинами, с подложным письмом якобы от имени кубинского отряда мусульман о том, что он уничтожил армянских разбойников и идет в Шемаху. Поэтому Шемахинские мусульмане не обеспокоились от доносившейся стрельбы и, поверив подложному письму, остались в городе. Через три часа после прибытия шпионов армяне уже окружили город Шемаху и начали стрелять по городу и по бегущим мусульманам по дорогам в сторону Кюрдамира. Ворвавшись в город, армяне уничтожили все мусульманское население, разгромили все имущество и затем сожгли весь город. Было вырезано не меньше 8 тысяч мусульман, всех, женщин, детей и мужчин.

У меня в Шемахе разграблены товары, бывшие в доме и амбарах, стоившие теперь 517.000 рублей, сожжены два дома, стоящие теперь 125.000 рублей, разграблена домашняя обстановка, стоящая 50.000 руб., а всего я разграблен на 817.000 руб. Представляю при сем опись погибшего имущества и прошу приобщить ее к делу. Прошу о возмещении мне убытков в сумме 817.000 рублей.

Подпись: Мешади Салим Зейналов.

Члены комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, лл.8-9.

Документ № 99.

Протокол допроса

1918 года декабря 7 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Джафар Кули Алиев, 33 лет, жит. в с. Петропавловка Бак. Губернии.

В городе Шемахе во время мартовских погромов мусульман со стороны армян я оставил все свое имущество и спасался бегством. Как известно, вся Шемаха уничтожена, и вместе с тем погибло все мое имущество, общая стоимость которого 61.624 р. 80 к. по старой оценке. Я представляю при сем опись своего имущества и прошу приобщить ее к делу. Теперешняя стоимость моих вещей 308.124 рублей о возмещении какой-либо суммы я и прошу.

Подпись: Дж.К. Алиев

Члены комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л.10.

Документ № 100.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Секна ханум Алиева, дочь Искендера Алиева, 19 лет, Шемахинская жительница, проживаю теперь в Баку, по Верхнее Тазапирской ул. в д. № 17.

В воскресенье 21 марта с.г. армяне и молокане начали с 8 часов утра бомбардировать город Шемахи. От снарядов начали загораться дома. Мусульмане, видя повсеместные пожары домов, 9 часов вечера подняли белые флаги и армяне и молокане 22 дня вошли в город. Армяне насильно выгаскивали из домов мусульман и мусульманок. Мужчин убивали на улицах, а молодых женщин уводили в дом Лалаева, там заставляли их пить вино, подпавали женщин, раздевали их, с раздетыми женщинами танцевали, насиловали их и после этого бросали с балкона на улицу, где жертвы насильно убивались от падения. Где только было возможно, молокане оттаивали мусульман и благодаря молоканам мусульмане не все были убиты. 26 марта с раннего утра армяне и молокане очистили город Шемаху ввиду прихода Гянджинских мусульман. Гянджинцы вошли в город 26 марта в 2 часа дня. 30 марта Гянджинские мусульмане дали сражение армянам и молоканам около селения Козлы и в тот же день мусульмане отступили. При отступлении мусульман из города Шемахи мусульманское население принуждено было оставить город и последовать вместе с мусульманским отрядом. Я также с отцом, матерью, сестрами маленькими и маленьким братом, оставили город и последовали за мусульманским отрядом. Отца дом, квартиру и магазин армяне совершенно разграбили и здания магазина подожгли. Также подожгли дом. Моя мать представит список разграбленным вещам моего отца, который умер. В городе Шемахе душой всех насильно над женщинами был Степан Лалаев. Женщин армяне приводили в дом Степана Лалаева по его приказанию и под музыку насиловали женщин. После того как Лалаев со своим отрядом убивал мусульман, то начинал производить подсчет. Степан Лалаев подсчитал 3000 трупов мусульман и сказал, что эти три тысячи мусульман за убитого отца, а когда подсчитал другие три тысячи, то заявил, что эти трупы за смерть матери его.

Убыток должен быть более 1.000.000 рублей. Также пострадало все мусульманское население Шемахи. Зверства было очень много. Солдаты-армяне под руководством Степана Лалаева убивали мусульман мучительной смертью. Так, по приказанию Степана Лалаева армянские солдаты связывали друг к другу мусульман, загоняли их в одно помещение, обсыпали соломой и обливали керосином, за сим поджигали. У женщин вырезывали груди и их разрывали на части; детей подымали на штыки, втыкали на заостренные палки и обливали керосином, поджигали их, устраивая, таким образом, факелы. Насиловали даже малолетних девиц и армянские солдаты, и армяне почти всех профессий, не исключая интеллигенции, которая главным образом были руководителями. Главными руководителями зверств были Степан Лалаев, Мирза Михаил

Арзуманов, Гюльбандов- начальник почты, Татевос Амиров и др., коих я теперь забыла. Прочитано.

Подпись: С.Алиева

Члены комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, лл. 11-12.

Документ № 101.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Салим бек Атамалибеков, 27 лет, живу в городе Баку на Каменной ул., д. № 213

В марте сего года армянами Шемахи был сожжен мой дом, в который сгорели все мои вещи, описанные в прилагаемом прошении, стоимостью в 76.100 руб. по старой цене. По новым ценам сгоревшие вещи стоят не менее 235.000 руб. Читано.

Подпись: Атамалибеков.

Член комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 13

Документ № 102.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Ахмед Мирзоев, 18 лет, живу в Баку на Верхней Воронцовской ул., в д. № 61

В марте сего года армянскими солдатами были сожжены в Шемахе принадлежащие моему отцу Гаджи Дадашу Ага Мирзоеву три дома и четыре магазина, в которых сгорели перечисленные в прилагаемом прошении домашние вещи и мануфактурные и бакалейные товары, стоившие 2.620.000 рублей по новой оценке. Прочитано.

Подпись: Ахмед Мирза Алимизроев.

Член комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 13 -13 об.

Документ № 103.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Гамид Саламов, 19 лет, живу в гор. Баку, на Водовозной ул., в д. № 15

В марте сего года в Шемахе армянами были сожжены принадлежавшие мне дом и 25 лавок, причем сгорели перечисленные в прилагаемом прошении мануфактурные и бакалейные товары, домашние вещи, чеки и наличные деньги. Всего мне причинен убыток в 5.410.000 рублей. Прочитано.

Подпись: Абдул Гамид Саламов.

Член комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л.13 об.

Документ № 104.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ахмед бек Юзбашибек оглы, 37 лет, живу в Баку, на Каменистой ул., в д. № 203

Во время мартовских событий армянские солдаты в Шемахе сожгли мой собственный дом, причем были частью разграблены и частью сожжены перечисленные в прилагаемом прошении домашние вещи. Всего мне причинен убыток в 90.000 руб. по старым ценам, не менее 360.000 руб. по новой оценке. Прочитано.

Подпись: Ахмед бек Юзбашибеков.

Член комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 14

Документ № 105.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Азиз Гаджи Мамед оглы, 17 лет, живу в Баку на Меркурьевской улице в д. № 14

В марте сего года армянские солдаты сожгли мой дом, причем пропало все мое имущество, стоившее всего 70460 рублей по новым ценам. (Сюда включена и стоимость дома). Список пропавших вещей при сем представляю. Прочитано.

Подпись: Абдул Азиз Алиев.

Член комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 14

Документ № 106.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Мовсум Бабаев, 35 лет, живу в Баку на Николаевской ул., в д. № ...

В конце марта, во время нападения на Шемаху армян и молочан, в наш дом явились армянские солдаты, среди которых заметил 2-3 молочан, и стали грабить наше имущество. Мы все, за исключением моей матери, старухи 84 л. успели спрятаться по соседству, откуда слышали произведенные в нашем дворе выстрелы. Часов в 10 вечера мы отважились вернуться к себе в дом и застали там мать, убитую, а имущество - разграбленным. У матери была одна пулевая рана на лбу и несколько штыковых ран на спине. По словам соседней, мать была убита за то, что не указала где находятся ее сыновья, в том числе и я. В ту же ночь мы пешком ушли из Шемахи. На улицах, повсюду были разбросаны ковры, разные материи и другие вещи. По дороге я прошел мимо одного детского трупа, двух мужских и трех женских трупов, лежавших в разных местах. Все мое похищенное и сожженное имущество перечислено в прилагаемом прошении, оно стоит 5.185.000 руб. по новой оценке. Прочитано.

Подпись: Ага Мовсум Бабаев.

Член комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л.15.

Документ № 107.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кафур Абдурахман оглы, 48 лет, житель города Шемахи, временно проживаю в Геокчае.

Во второй половине марта с.г. армяне и молочане взяли город Шемаху. Армянские солдаты убивали все мусульман, мужчин, женщин и детей. Молодых женщин армяне уводили в дом Степана Лалаева, и в доме Лалаева вместе со Степаном Лалаевым подпайвали насильно мусульманок, раздевали их, и насиловали под музыку. Всеми этими оргиями руководил сам Степа Лалаев, который лично также насиловал и убивал. Из всех женщин спасли свою

жизнь только семь мусульманок, которых Степа Лалаев и его люди не успели убить, благодаря приходу турок. Моего брата Мамеда, 66 лет, армяне убили в доме, а дом сожгли армянские солдаты.

Мой дом армяне совершенно разграбили и сожгли. Список разграбленным вещам при семь представляю и прошу приобщить к делу. Убыток армяне мне нанесли 55.350 рублей. Я сам успел бежать из Шемахи, о всех зверствах Степы Лалаева и армянских солдат мне трудно рассказывать.

Прочитано.

Подпись: Кафур Абдурахман оглы (арабскими буквами).

Члены комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 15-15 об.

Документ № 108.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Баба Гаджи Молла Кани оглы Зейналов, 27 лет, жив. в Баку, Милютинская улица, д. № 4

Вся семья моего отца – Гаджи Молла Кани Зейналова, 80 летнего старика, состоявшая из родителей, троих сыновей, меня Исмаила, 37 лет, умершего уже, и Али Кули, 25 лет, находилась в Шемахе во время мартовских событий. 8 апреля я убежал из Шемахи по дороге в Кюрдамир, спасаясь от армянских разбойников, которые вновь подошли к Шемахе и начали резню мусульман, грабить, поджигать и бомбардировать город и дорогу, ведущую из Шемахи в Кюрдамир, которая была усеяна трупами женщин, детей и стариков, которые не успевали убежать из города от снарядов, которыми армяне и молокане расстреливали беженцев. Я возвратился в Шемаху в тот же день, когда турки взяли Шемаху, и картина разрушения, которую я увидел, была потрясающая. Все мои родные были убиты армянами. Наш дом, лавки мои и амбары разграблены армянами и сожжены дотла.

Отец мой, Гаджи Молла Гани был убит. Я видел в Шемахе разные землетрясения, которые разрушали наш город. Но разрушение, произведенное в городе армянами, превзошли все виденные мною землетрясения в Шемахе. От 15 тысяч мусульман едва ли осталось 5 тысяч, а все остальные погибли. Было вырезано и замучено почти все мусульманское население, а имущество их совершенно разграблено. У нас погибло все имущество, движимое и дома, опись которого я представляю и прошу приобщить ее к делу. Общая стоимость погибшего имущества по старой цене 5.346.000 руб., а теперь наше имущество стоит 12.370.000 руб., о возмещении какой суммы я и ходатайствую.

Подпись: Баба Гаджи Молла Кани оглы Зейналов.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 16-16 об.

Документ № 109.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, гор. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Баба Гаджи Молла Кани оглы Зейналов, 27 лет, жив. в Баку, Милютинская улица, д. № 4

Муж сестры моей – Уруфат Ханум Бабаевой – Ага Гусейн Гаджи Али Акпер оглы Бабаев во время мартовских событий в городе Баку в 1918 году был расстрелян армянами на Парапете, после того как армяне ворвались к нему в дом его собственный по Николаевской улице и разграбили квартиру, а его вели якобы в плен вместе с другими мусульманами, в числе 8 человек, которые все также были расстреляны на Парапете.

В Шемахе, и в Баку у покойного мужа сестры моей было разграблено имущество, общая стоимость которого по прежним ценам 686.000 руб., а теперь оно стоит 5.500.000 руб. Я представляю опись погибшего имущества и прошу ее приобщить к делу. Я прошу о возмещении убытков сестры моей – Уруфат Бабаевой в сумме 5.500.000 руб. Сестра моя больна и не может явиться лично.

Подпись: Баба Гаджи Молла Кани оглы Зейналов

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 16-16 об.

Документ № 110.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Усейн сын Мамед Таги Алиева, 42 лет, жив. врем. в Баку, Верхнее-Тазапирская ул. д. № 17

Во время мартовского погрома 1918 г. в гор. Шемахе был убит армянами отец мой - Мамед Таги Алиев, 65 лет, член 1-ой Государственной Думы, а имущество разграблено и сожжено армянами. Я представляю опись и оценку нашего имущества и прошу приобщить ее к делу. Нынешняя стоимость разграбленного имущества 732.600 руб.. каковую сумму я прошу возместить мне. Прочитано.

Подпись: Абдуль Гусейн Мамед Таги оглы Алиев.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 18.

Документ № 111.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ханлар Гаджи Мухтар оглы Гасанов, 36 лет, вр. живу в г. Баку, Водовозная ул. д. № 15. постоянно в Шемахе.

Во время мартовского погрома мусульман в Шемахе в 1918 г. Я и мои родные были в Шемахе, где мы всегда жили и имели свое имущество. Мы два раза вынуждены были спасаться бегством от армянских банд из Шемахи и в последний раз мы ушли в то время, когда в Шемахе был Исмаил Хан. Я возвратился в Шемаху лишь в июле месяце, после занятия города турками. Весь город разрушен и разграблен и сожжен, и мы потеряли все наше состояние, опись и оценку которого я представляю и прошу приобщить к делу. Наше имущество стоит теперь 8.740.000 руб., каковую сумму я прошу возместить. Прочитано.

Подпись: Ханлар Гасанов.

Член комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 19

Документ № 112.

Протокол допроса

1918 года декабря 8 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ахмед Гаджи Абдул Касум оглы Касумов (Касымов), 45 лет, Шемахинский житель, ныне проживаю в Баку, по Персидской ул. № 71

А марте месяце после Новруз Байрама, числа не помню, в городе Шемаха армяне убили моего отца, Гаджи Абул Касума, мать Гамар Гаджи Абдулла кызы и двух моих детей Рашида и Беюк Ханум. Кроме того армяне ограбили мой дом и мой магазин на сумму 1.200.000 рублей. Список вещам при сем представляю и прошу приобщить к делу. После ограбления армяне подожгли дом и магазин со складом. Я успел бежать. Весь город Шемаху армяне совершенно разграбили и сожгли. Прочитано.

Подпись: Ахмед Касумов.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 20

Документ № 113.

Протокол допроса

1918 года декабря 9 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Джафар Гаджи Мамед оглы Зейналов, 16 лет, жив. в Баку, Меркурьевская ул., д. № 6, кв.1

Во время мартовского погрома в Шемахе армяне разграбили мое имущество. Представляю опись и оценку имущества в сумме 4.915.000 руб.; прошу приобщить к делу. Прошу о возмещении моих убытков в сумме 4.915.000 руб. Прочитано.

Подпись: Джафар Зейналов.

Члены комиссии: Александрович, А. Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 21.

Документ № 114.

Протокол допроса

1918 года декабря 9 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мамед Ибрагим Алиев, 52 лет, жит. В Баку, Братский переулок, д. № 6, кв. 2

Во время мартовских событий в Шемахе армяне убили моих – отца Меш. Алекпер Алиева и мать – Меш. Гульниса Хануму, сожгли мой дом и ограбили все имущество, опись и оценку коего в сумме 159.000 рублей я прошу приобщить к делу. Когда я вернулся в Шемаху после взятия города турками. Я никогда из покойных родителей не нашел вовсе, даже останков их. Весь город уничтожен. Я прошу возместить мне убытки в сумме 159.000 рублей. Прочитано.

Подпись: Мамед Ибрагим Алиев (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 22.

Документ № 115.

Протокол допроса

1918 года декабря 9 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абиль Касум Абдурахман оглы, 58 лет, живу в Геокчае.

Во время мартовских событий армяне сожгли в Шемахе мой двухэтажный каменный дом и разграбили все мои вещи, перечисленные в прилагае-

мом списке. В общем мне причинен убыток в 144.800 руб. по старой оценке и в 600.000 руб. по новым ценам.

Когда мы бежали из дома, мой старший брат Мамед, 68 лет, не пошел с нами. По возвращении домой мы его так и не нашли; он исчез бесследно. Во время бегства мы с женою должны были оставить на дороге двух живых детей – 2 ил 3 лет, так как не в силах были нести их. Что с ними стало мы не знаем. Прочитано.

Подпись: А.Касим Абдурахман оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 23.

Документ № 116.

Протокол допроса

1918 года декабря 9 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдулла Гаджи оглы Абдуллаев, 53 года, Шемахинец, проживаю в Баку, по Персидской ул дом № 171

21 марта с.г. армяне и молукане стали город Шемаху обстреливать из пушек. В тот же день я с семьей бежал из города, захватив с собой только деньги и драгоценности. Армянские солдаты убили моего брата Зиатдина, ограбили мой дом и мой магазин на пятьсот тысяч рублей. При семь представляю список разграбленным вещам из магазина, который прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Абдулла Абдуллаев (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 24.

Документ № 117.

Протокол допроса

1918 года декабря 10 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Джавад Магеррамов, 25 лет, живу в Баку на Церковной улице в д. № 39

Во время мартовских событий армянами были разграблены два дома и магазина моего отца Ага Салима Кербалай Гейдар оглы, причем погибло много вещей и товаров. Общий убыток равен 625.000 руб., а по теперешним ценам 2.000.000 руб. В тоже время был разграблен и сожжен дом и магазин моего двоюродного брата Мешади Ага Алия Мешади Джафар оглы, которому причинен убыток в 17.100 руб., а по новым ценам в 800.000 руб.; список

разграбленным вещам отца и двоюродного брата при сем представляю. Тогда же были сожжены и разграблены дом и магазин моего дальнего родственника Гаджи Баба Гаджи Алекпер оглы, которому причинен убыток в 19.100 руб., а по новым ценам в 900.000 руб. Список пропавших у него вещей представляю.

В марте армянами были убиты мой дядя Мешади Сафтар Магеррамов оглы, его сыновья Абюль, Сафтар и Сархан, моя тетка Фатьма, жена Мешади Сафтар-а, брат Ага Салим-Иса и маленькая сестра и брат Гаджи Бабы – Гаджи Иса. Прочитано.

Подпись: Джавад Магеррамов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 25-25 об.

Документ № 118.

Протокол допроса

1918 года декабря 10 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Гаджи Мурад Абдуль Кадыр оглы Оруджалиев, 25 лет, жив. в г. Баку, Нижнее-Чемберекентская ул. д. № 25

Во время мартовского погрома 1918 года в гор. Шемахе мат моя – Фатьма Ханума Ахмедбекова, 50 лет, находилась в Шемахе и должна была спастись бегством от армян сначала в сел. Арабсарван, а оттуда в Геокчай, а затем в Баку. В Шемахе армяне разграбили ее имущество и сожгли дом. Я представляю опись и оценку ее имущества и прошу приобщить к делу. Общая стоимость ее имущества по старым ценам 31.160 руб., а ныне ее имущество стоит 178.860 рублей. Каковую сумму я прошу возместить. Мать моя больна и не может явиться для допроса. Прочитано.

Подпись: Г. Мурад Оруджалиев.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 26.

Документ № 119.

Протокол допроса

1918 года декабря 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Алескер Кербалай Ага оглы, 45 лет, Шемахинец, временно проживаю в Баку, по Тазапирской ул. № 11, неграмотен.

В последних числах марта с.г., числа не помню, армяне и молукане вошли в город Шемаху. Армяне стали громить город, поджигать дома, убивать

мужчин, женщин и детей. Армяне вырезывали груди женщин, детей подымали на штыки. Молодых женщин уводили в дом Степана Лалаева и там армяне их насиловали и затем убивали. Мой дом армяне и молokane разграбили, а самый дом подожгли. Я успел бежать со своей семьей, оставив все свое имущество в Шемахе. В доме у меня были следующие вещи, коих армяне и молokane разграбили. Ковры и паласы на 6000 рублей, домашняя обстановка, посуды и домашняя принадлежность на 5000 рублей, пшеница, мука, масло, кишмиш на 4000 рублей, драгоценности на 10.000 рублей. Дом мой оцениваю в 20.000 рублей. Других вещей я не указываю и буду доволен, если мне вернуть указанные суммы. Список разграбленным вещам при сем представляю и прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 27.

Документ № 120.

Протокол допроса

1918 года декабря 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Микаил Чирах оглы, 25 лет, Шемахинец, временно проживаю по Сальянской ул., дом № 26

В конце марта месяца армяне и молokane ворвались в город Шемаху и стали армяне убивать мужчин, женщин и детей. Убивали все мусульман, кого только встречали. Я со своей семьей успел бежать, оставив в городе все свое имущество. Армяне и молokane подожгли мой дом, стоящий 30.000 рублей и разграбили вещи, список коим при сем представляю и прошу приобщить к делу. Всего мне нанесли убыток 52.000 рублей. Прочитано.

Подпись: Мешади Микаил Чирах оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 27 об.

Документ № 121.

Протокол допроса

1918 года декабря 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Гасан Кербалай Ага оглы, 39 лет, Шемахинец, временно проживаю по В.Тазапирской ул., дом № 3, в Баку.

В конце марта с.г. армяне и молokane взяли город Шемахи и подожгли мой дом, стоящий 40.000 рублей, предварительно разграбив дом. Всего мне нанесли

армяне и молокане убыток на 91.000 рублей. Список разграбленным вещам при сем представляю и прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Али Гасан Кербалай Ага оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 28.

Документ № 122.

Протокол допроса

1918 года декабря 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Ахмед Солтан Эфендиев Кадырбеков, 26 лет, живу в Баку, на Сураханской ул., в туп.17, в доме № 1

В марте сего года армянами был убит в Шемахе мой отец Алекпер бек Кадырбеков. В это же время был разграблен и сожжен дом отца. При этом погибли все наши вещи, перечисленные в прилагаемом списке и стоившие по старой цене 68.900 руб., а по новым ценам 130.000 руб. У убитого отца взяли наличными деньгами 13.570 руб. Прочитано.

Подпись: А.С.Эфендиев-Кадырбеков.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 29.

Документ № 123.

Протокол допроса

1918 года декабря 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зюльгадар Джаванширов, 14 лет, живу на Балаханской улице, в доме № 14

Во время мартовских событий в нашем доме в селении Маразы Шемахинского уезда явились во главе своих солдат Степан Лалаев и Амиров и разграбили все наши деньги, перечисленные в прилагаемом списке, составленного от имени моей матери Салтанат Ханум Джеваншировой. Денег похищено на 186.400 руб. Уходя из дома Лалаев и Амиров увели с собой моего отца Ханлар Ага Джеваншира и моих братьев Сулейман Хана, Мустафа Хана и Абульбарат Хана, которые до сего времени не возвращались домой. Прочитано.

Подпись: З.Джеванширов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 29 об.

Документ № 124.

Протокол допроса

1918 года декабря 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Бала Ага Али оглы, 18 лет, живу в Баку на Персидской ул. в д. № 142

Во время учиненных в Шемахе в марте сего года погромов, армянами были убиты мой отец Ага Али Алескер оглы, братья Исраил и Ага Юсуф и сестра Исаханум, и разграблены и сожжены наш дом и бакалейная лавка. Список пропавших вещей при сем представляю. В общем, нам причинен убыток в 200.000 руб. Прочитано.

Подпись: Ага Бала Ага Али оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 29 об.-30

Документ № 125.

Протокол допроса

1918 года декабря 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Махмуд Мешади Кадыр оглы, 50 лет, живу в Баку на Сураханской ул., 1 тупик, в д. № 86

Во время мартовских событий армяне разграбили и сожгли в Шемахе моих два дома и 5 лавок, причем у меня пропали вещи, перечисленные в прилагаемом списке и стоившие 43.230 руб. Теперь эти вещи стоят 60.000 руб. Прочитано.

Подпись: Мешади Махмуд Кадыр оглы

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 30.

Документ № 126.

Протокол допроса

1918 года декабря 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кербалай Мамед Солтан оглы, 55 лет, живу в Баку на Тазапирской ул. в д. № 11

В марте армяне разграбили мой дом и забрали вещи, перечисленные в прилагаемом прошении и стоившие 75.340 рублей. По новым ценам пропавшие вещи стоили около 100.000 руб. Прочитано.

Неграмотен.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 30.

Документ № 127.

Протокол допроса

1918 года декабря 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Алекпер Эфендиев, 46 лет, живу в Баку на Сураханской ул., в тупике 17, в д. № 1

Во время мартовских событий армянами были разграблены и потом сожжены в Шемахе мой дом и 6 лавок; при этом мне причинен убыток в 197.800 руб. Прочитано.

Подпись: А.Эфендиев

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 31.

Документ № 128.

Протокол допроса

1918 года декабря 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Султан Мурад Алиев, 23 года, живу в Баку на Воронцовской ул., в д. № 21, в кв. Вейсовой.

В Шемахе в марте сего года армяне и молokane разграбили и сожгли мой дом и мою лавку, причем погибли товары и вещи, перечисленные в прилагаемом прошении. Мне причинен убыток в один миллион семьсот четыре тысяч рублей (1.704.000 руб.). В это же время были убиты мой двоюродный брат Мамед Таги Алиев и две тетки Фарух и Сулья, 90 и 80 лет от роду. Среди грабителей я увидел жит. из Матрасы Алаверди Хачанова, Мурадянца и Тумаса Надириянца. Прочитано.

Подпись: Султан Мурад Алиев

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 31 об.

Документ № 129.

Протокол допроса

1918 года декабря 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Али Овсат Манаф оглы, 23 года, жит. в Баку, по Нижнее-Тазапирской ул., в д. № 3 в туп. 11-ый, временно, а постоянно в Шемахе.

Во время мартовского погрома в Шемахе в 1918 году армяне разграбили мой дом, магазин, а затем постройки сожгли. Я и семья моя спаслись бегством. Мы до сих пор не можем жить в Шемахе, так как там ничего не возможно пока восстановить. Я представляю подробную опись и оценку уничтоженного армянами имущества моего в Шемахе на общую сумму 528.775 руб. и прошу ее приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Али Овсат Манаф оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 32.

Документ № 130.

Протокол допроса

1918 года декабря 14 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Ага Баба Молла Али Рза оглы, 32 лет, жит. в Баку, Нижнее-Тазапирская ул. д. № 97

Летом с.г. армянские войска прибыли на ст. Кюрдамир и убили там моего брата – Сабира, 23 лет, и разграбили лавку на общую сумму 8580 рублей по старой цене, а в настоящее время мои товары стоят 35.000 руб., и я прошу возместить мне убытки в этой сумме. Прочитано.

Подпись: Ага Баба Молла Али Рза. (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 33.

Документ № 131.

Протокол допроса

1918 года декабря 14 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Ага Багир Джафар оглы Мирзоев, 38 лет, Шемахинец, временно проживаю в Баку, по Заведенской ул., дом № 12

В средних числах марта с.г., числа я не помню, я узнал, что армяне и моллокане наступают на Шемаху. В 12 часов ночи я со своей семьей бежал из дома, оставив в Шемахе все свое имущество. Армяне и моллокане разграбили

мой дом, подожгли дом двухэтажный и лавку. Дом мой стоил 75.000 рублей, а лавка 25.000 рублей. Список разграбленным вещам при сем представляю и прошу приобщить к делу. Я с семьей вышли так поспешно, что не успел захватить денег и драгоценностей из дома. Вещи, означенные в списке я оценил по старой оценке. Всего убыток мой составляет 284.450 руб. Прочитано.

Подпись: Ага Багир Джафар оглы Мирзоев.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 34.

Документ № 132.

Протокол допроса

1918 года декабря 14 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Габиб Худабахиш оглы, 48 лет, жит. в сел. Лагич Шемахинского уезда Бак. губ.

Во время нашествия армян на Шемаху в марте с.г. я бежал из Шемахи и бросил там свой медный товар, 508 пудов, в доме Саламова. Армяне разграбили мой товар, стоивший тогда мне 50.910 руб. и за перевозку из Баку 3902 р., а всего 54.212 руб. Теперь мой товар стоит 80.000 руб. Я прошу возместить убытки мои в сумме 80.000 руб. Прочитано.

Подпись: Габиб Худабахиш оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 35.

Документ № 133.

Протокол допроса

1918 года декабря 16 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мамед бек Атамалибеков, 29 лет, живу в Баку, служу в Казенной палате.

Во время мартовских событий в Шемахе был убит мой зять Али Абас бек Ибрагимбеков, после которого остались трое малолетних детей. В это же время армянами разграблен и сожжен дом покойного, причем погибли вещи, причисленные в прилагаемом прошении, стоившие по старым ценам 172.000 руб., а по новым ценам 550.000 руб. Прочитано.

Подпись: М. Атамалибеков.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 36.

Документ № 134.

Протокол допроса

1918 года декабря 17 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Теймур Мешади Рза оглы Исмаилов, 35 лет, Шемахинец, проживаю временно в Баку, по Базарной ул., дом № 12

В последних числах марта месяца с.г., числа я не помню, армяне и молокане взяли город Шемаху и я со своей семьей бежал спешно из города, оставив все свое имущество. Армяне и молокане разграбили мой дом и мой магазин на сумму 329.111 руб. Список разграбленным вещам при сем представляю. Прочитано.

Подпись: Т.Исмаилов.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 37.

Документ № 135.

Протокол допроса

1918 года декабря 19 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Ибад Али Усейн оглы, 43 лет, жит. сел. Лаиджан, проживаю в Баку, по Персидской ул., тупик 6, дом № 1.

В марте месяце с.г. после заключения мира с большевиками и армянами, это было, кажется 24 марта, я сложил перечисленные в прилагаемом описи вещи на повадки и повел с семьей в селение Коби. Из Коби я перевез в селение Чайлы, а из Чайлы вещи навьючил на 9 верблюдов и направил в Лаиджан. По дороге около селения Набур нас стали обстреливать армяне и молокане. Я набросал вещи с верблюдами и вместе с семьей и жителями селения Набур бежал. Армяне и молокане захватили все мои вещи.

По Воронцовской площади я имел магазин мебельный. В марте месяце после моего отъезда из Баку армяне и большевики унесли вещи, означенные также в прилагаемом описи. Всего мой убыток равняется означенный в описи. Прочитано.

Подпись: Ибад Али Усейн оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: М.Х.Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 38.

Документ № 136.

Протокол допроса

1918 года декабря 19 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Гаджи Абдурах Гаджи Абас оглы, 53 лет, жив. в Баку, Базарная ул., д. № 27 (постоянно в сел. Лагич Шемах. уезда)

Во время поступления армян по Шемахинскому уезду я вез товары со станции Кюрдамир в сел. Лагич и по дороге в сел. Падар должен был бросить все и спастись бегством. Кроме того армяне убили моих племянников и ограбили их. Всего армяне ограбили у меня на общую сумму 13.725 руб., а у племянников обоих 10.000 рублей, всего на 23.725 р. Представляю описи ограбленного имущества и прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Гаджи Абдурах Гаджи Абас оглы. Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 39.

Документ № 137.

Протокол допроса

1918 года декабря 19 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мамед Эмин Молла Мустафа оглы Эфендиев, 21 года, жив. в Баку, ул. Гимназическая, 61.

Во время мартовского погрома в г. Шемахе армяне убили дядю моего, 80 лет – Молла Закария и уничтожили все строения и дом в два этажа, причинив мне убытка на 800.000 рублей. Представляю опись моего имущества, разрушенного армянами, и прошу приобщить его к делу. Прочитано.

Подпись: М.Э.Эфендиев.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 39 об.

Документ № 138.

Протокол допроса

1918 года декабря 14 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Теймур Бек Гаджи Али Абас Бек оглы Мамедов, 48 лет, жив. в Баку, Меркурьевская ул., д. № 14

В Шемахе в марте с.г. армяне разграбили и сожгли мой дом, постоянный двор, баню и 3 лавки, обстановку дома, 50 штук ковров, всего на сумму 190.000

руб. Я представляю опись моего имущества и прошу приобщить к делу. Прошу о возмещении моих убытков в сумме 190.000 рублей. Прочитано.

Подпись: Т. Мамедов.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 39 об.-40.

Документ № 139.

Протокол допроса

1918 года декабря 19 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Джафар Гаджи Неймат оглы, 30 лет, жив. в г. Геокчае, в доме Ахмеда Г. Мирза Мамед оглы.

Во время мартовского погрома в г. Шемахе армяне ограбили меня и моих компаньонов на общую сумму 4.000.000 рублей. Список имущества я представляю и прошу приобщить его к делу. Прошу о возмещении убытков в 1/3 доле общих наших убытков в 4.000.000 рублей.

Подпись: Ага Джафар Гаджи Неймат оглы.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 41.

Документ № 140.

Протокол допроса

1918 года декабря 19 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Халык Керим оглы, 46 лет, жив. в Геокчай, Бак. губ.

Во время мартовского погрома в Шемахе армяне разграбили все мое имущество на общую сумму 4.000.000, совместно с Ага Джафаром Гаджи Неймат оглы и братом моим Гаджи Бабой. Я ссылаюсь на список имущества, представленного Ага Джафаром, и прошу о возмещении меня и брата моего за убытки в размере 4.000.000 руб. за 2/3 доли суммы. Прочитано.

Подпись: Абдуль Халык Керим оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 41 об.

Документ № 141.

Протокол допроса

1918 года декабря 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Кафар Гаджи Керим оглы Керимов, 49 лет, жив. в Баку, Верхнее-Тазапирская ул. д. № 39, по Орловской ул.

В марте месяце с.г. в Шемахе армяне перебили одиннадцать человек моих родственников в нашем доме, в том числе 4 женщины, мать моя – Кёсар, 80 лет, невестка – Назлы, 50 лет, сестра невестки- Фаррух, 30 лет, и племянница моя – Шейда, 9 лет., и 7 мужчин – брат Джаббар, 60 лет, сын его –Мардан, 25 лет, второй сын его – Самед, 15 лет, второго брата сын –Ага Керим, 20 лет, Рагим, 17 лет, сторож наш – Джавад, 12 лет, и наконец, мой сын – Гаджи Ага, 8 лет, и сын мой одного года – Садах.

Имущество мое армяне разграбили и сожгли, причинив нам убыток в общей сумме по старой цене 1.700.000 руб., а по теперешней цене – 2.970.000 рублей; Список имущества я прилагаю и прошу приобщить к делу. В эти дни в Шемахе руководил зверствами армян Степка Лалаев и Михаил Арзуманов. Прочитано.

Подпись: Мешади Кафар Керим оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 42-42 об.

Документ № 142.

Протокол допроса

1918 года декабря 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Гусейн Ирза оглы, 40 лет, жив. в Баку, Нижнее Нагорная ул., д. № 116.

В марте месяце с.г. в Шемахе армяне под командой Степы Лалаева убили моего брата- Гейбата, 30 лет, его жену- Бегум, 20 лет, и сестру жены брата – Бикя ханум, 3 лет от роду. Дом же наш и имущество сожжены и разграблены армянами на общую сумму по существующей цене 135.000 руб. Список имущества я представляю и прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Мешади Гусейн Ирза оглы. Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 42 об.

Документ № 143.

Протокол допроса

1918 года декабря 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Гаджи Баба Гаджи Гейдар оглы, 35 лет, жит. в Баку, Нижнее Нагорная ул., д. 116.

В марте месяце с.г. в гор. Шемахе армяне под командой Степы Лалаева убили моего отца – Гаджи Гейдара, 60 лет, мою мать – Тейфа, 60 лет, брата – Абдуль Гусейна – 20 лет, двух сестер – Мешади Ханум, 18 лет, Гюльсум, 15 лет, трех тёток моих – Секна Ханум, 45 лет, Ситара Ханум, 35 лет, Рухсара Ханум, 25 лет. Был убит ими и сын мой – Гаджи Ага, 4 лет и две дочери - Кафья, 6 лет, Месума, 8 лет.

Армяне разграбили все наше имущество и сожгли все на общую сумму по нынешней цене 1.471.000 руб. Список моего имущества я прилагаю и прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Г.Баба Г.Гейдар оглы.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 43.

Документ № 144.

Протокол допроса

1918 года декабря 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Ага Самед Гаджи Зейнал оглы Шефиев, 37 лет, жит. в Баку, Губернская ул. д. 56.

В марте с.г. в Шемахе армяне убили дядю – Мешади Гаджи, 70 лет, мать мою – Гюлли Бегум, 60 лет, сына моего – Беюк Ага, 8 лет, и тетку мою – Умми Гаджи Керимову, 65 лет.

Армяне разграбили наше имущество и сожгли его, причинив убытков на общую сумму 137.000 руб., по старой цене, а теперь наше имущество стоит 850.000 руб. Прошу приобщить к делу список имущества. Прочитано.

Подпись: Самед Шафиев (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 43-43 об.

Документ № 145.

Протокол допроса

1918 года декабря 14 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Али Иса Гаджи Мехти Кули оглы, 46 лет, жит. в Баку, Базарная ул. каравансарай Гаджи Бахиша.

В марте с.г. в Шемахе армяне убили мою мать - Мешади Гёхер, 65 лет, двух сестер – Зивер, 25 лет, Беюкханум, 22 лет, племянника – Абаскули, 17 лет, и других родственников, всего 40 человек.

Армяне разграбили мое имущество на 208.000 руб., список коих прошу приобщить к делу. Прочитано.

Али Иса Гаджи Мехти Кули оглы. Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 43 об.

Документ № 146.

Протокол допроса

1918 года декабря 21 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Ага Халил бек Солтан Мамед бек оглы Халилбеков, 20 лет, живу в Баку, на Кладбищенской ул., в туп. 1, в д. 3

В марте армяне разграбили в Шемахе мой дом и забрали вещи, перечисленные в прилагаемом прошении. Вещи стоят 47.090 руб. Прочитано.

Подпись: А.Х.б.Халилбеков.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 44.

Документ № 147.

Протокол допроса

1918 года декабря 21 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Гаджи Мурад Гадиров, 27 лет, живу в Шемахе.

В марте армяне разграбили дом моего отца Идаята и забрали вещи, перечисленные в прилагаемом прошении, стоившие 952.600 руб.

При этом они убили моего брата Кязима и ранили выстрелом из ружья моего отца. Прочитано.

Подпись: Гаджи Мурад Гадиров (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 44-44 об.

Документ № 148.

Протокол допроса

1918 года декабря 21 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Насрулла бек Гаджи Алекпер бек оглы Алиев, 50 лет, живу в гор. Баку, на Кладбищенской ул. в д. № 39

В Шемахе в марте месяце армяне разграбили мою квартиру и забрали вещи, принадлежавшие мне и моему брату Алескер беку. Похищенные вещи перечислены в прилагаемом списке; они стоили 179.105 рублей.

Меня и моего брата спас армянский епископ Баграт. После заключения мира я на улицах видел много обезображенных трупов; видел женщин с отрезанными грудями, без нос. Видел много трупов стариков, детей, даже грудных младенцев. В Шемахе свирепствовал Степан Лалаев со своими солдатами. Мне многие говорили, что по приказанию Лалаева красивых женщин уводили к нему на квартиру, где они их насиловали. Прочитано.

Подпись: Насрулла Алиев.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 45 об.

Документ № 149.

Протокол допроса

1918 года декабря 21 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мовсум Мамедов, 18 лет, живу в Шемахе.

В марте сего года армянами была разграблена квартира моей матери Сураат Мамедовой, причем были похищены вещи, перечисленные в прилагаемом прошении, стоившие 95.000 руб. Прочитано.

Подпись: М.Мамедов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 45.

Документ № 150.

Протокол допроса

1918 года декабря 21 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мешади Кадыр Гаджи Мамед оглы, 45 лет, живу в Баку, по Крайне Кривой ул., д. 60

Во время мартовских дней в гор. Шемахи армяне уничтожили и ограбили мое имущество на общую сумму 211.000 руб. по старой цене. В настоящее время мое имущество стоит 1.055.000 руб. Прошу приобщить к делу список имущества моего, разграбленного армянами. Прошу о возмещении моих убытков в сумме 1.055.000 руб. Прочитано.

Подпись: Мешади Гадир Гаджи Мамед оглы Раджабов.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 46.

Документ № 151.

Протокол допроса

1918 года декабря 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Гаджи Мир Исмаил Мир Керим оглы Мир Гашимов, 48 лет, жит. в Баку, Каменистая ул., д. 95\93

В марте месяце с.г. в Шемахе армянами уничтожено наше имущество на общую сумму 334.450 рублей. Список моего имущества я прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Мир Исмаил Мир Гашимов (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 47.

Документ № 152.

Протокол допроса

1918 года декабря 23 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Мамед Мустафаев, 32 года, живу в Баку, в 1 русско-татарской школе.

В марте, во время нападения армян на Шемаху, была убита моя тетка Беким – 80 лет, причем армяне разграбили мою квартиру. При этом погибли вещи, перечисленные в прилагаемом списке, стоимостью по новым ценам 129.300 руб. Прочитано.

Подпись: Мустафаев.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 48.

Документ № 153.

Протокол допроса

1918 года декабря 23 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Агалар Мешади Абас Кули оглы, 22 года, живу в Баку, на Верхне-Тазапирской ул., в д. № 79

В марте сего года армянами был разгромлен и сожжен в Шемахе наш дом с 5-ю лавками, причем погибло имущество и товары на 2.550.000 рублей. Список погибших вещей представляю. Прочитано.

Подпись: Агалар Абас оглы.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 48 об.

Документ № 154.

Протокол допроса

1918 года декабря 23 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Искендер Искендеров, 35 лет, живу в Баку, в Кривом переулке, в д. № 3

В марте сего года в Шемахе были сожжены армянами мой каменный дом и 2 каменных торговых помещений, причем сгорело разное имущество; всего мне причинен убыток в 495.250 руб. Моя семья бежала во время наступления армян на Шемаху; при этом от пережитых в пути лишений умерли моя сестра Гаджи Бика Алиева, ее сын Мовсум, мальчик лет 10, и мой зять Ахмед Ага Алиев. Прочитано.

Подпись: Искендер Искендеров.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 48 об.

Документ № 155.

Протокол допроса

1918 года декабря 23 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мамед Али Садых Заде, 33 года, живу в Баку на Орловской ул. в д. № 56

Во время мартовских событий армяне сожгли в Шемахе мой дом и мою лавку и при этом разграбили вещи, перечисленные в прилагаемом прошении. Всего мне причинен убыток в 97.800 руб. В это же время были убиты моя жена Сария, мой брат Мамед Гусейн, мой шурин Али Иса и брат последнего Амрулла. Прочитано.

Подпись: М.А.Садыхзаде.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 49.

Документ № 156.

Протокол допроса

1918 года декабря 23 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Гаджи Мурсал Мешади Мехти оглы, 56 лет, живу в Баку на Орловской ул. в д. № 56

В марте сего года в Шемахе армяне разграбили и сожгли мой дом и имущество, перечисленное в прилагаемом прошении. Мой убыток равен 205.000 руб.

В это же время были убиты моя жена Мешади Гёхар и мой внук Ага Абдул, мальчик 13 лет. Прочитано.

Подпись: Гаджи Мурсал Мешади Мехти оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 49.

Документ № 157.

Протокол допроса

1918 года декабря 23 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Али Гаджи Абдулла оглы, 17 лет, жит. в Баку, Персидская ул., д. 171.

Во время мартовских событий с.г. в Шемахе армяне перебили всех почти моих родных, 6 человек, и разграбили и сожгли мое имущество на общую сумму 500.000 рублей. Список имущества приобщен к делу. Прочитано.

Подпись: Абдул Али Гаджи Абдул оглы.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 50.

Документ № 158.

Протокол допроса

1918 года декабря 24 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Азиз Муртуза оглы Азизов, студент, 19 лет, жив. в Баку, Заведенская ул., д. 13, кв. 11.

Во время мартовских событий в Шемахе в с.г. армяне разграбили и сожгли мое имущество на общую сумму 300.000 руб. Список имущества прошу приобщить к делу. Армянами убит дядя мой Гаджи Мир Аббас Гаджи Мир Мехти оглы, 45 лет. Прочитано.

Подпись: А.Азизов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 50 об.

Документ № 159.

Протокол допроса

1918 года декабря 25 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Фатъма Ханума Гаджи Самед гызы, 35 лет, Шемахинская жительница. Неграмотная.

Во время мартовских событий в городе Шемаха армянами и молоканами был убит муж мой Самед Мустафа оглы, 60 лет, и разграблен мой дом, находящийся в Юхары Калинской части, а также была разграблена лудильная лавка. Все мое имущество, разграбленное армянами и молоканами, стоит 16.550 руб. Список разграбленным вещам при сем представляю и прошу приобщить к делу.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 56.

Документ № 160.

Протокол допроса

1918 года декабря 26 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Шемахинский житель Али Баба Керб. Абас Кули оглы, 35 лет, жив. постоянно в Шемахе, по Куртларкой ул., а в Баку временно Почтовая ул. № 35.

Во время мартовского погрома в г. Шемаха я находился там же в Шемахе. Армяне убили мою мать, убийцу я назвать по имени не могу, их было много. Еще убиты две жены моего дяди и он сам, Керб. Мамед Таги. Армянами руководил Степан Лалаев. Молокане и армяне предложили мусульманам сдаться. Мусульмане подняли белый флаг. Армяне и молокане отобрали оружие у мусульман. Я сам видел, как Степан Лалаев в нижней части города Шемахи руководил отрядом армянских солдат, собрал в мечети «Имам-Заде», «Джума-Мечеть», «Гаджи Мамед Рза-мечеть», «Юхары-Кала мечеть», «Каля-Базар», «Сары-Торпаг» и многие другие мечети мусульманских женщин, детей и мужчин и вместе с армянскими солдатами и местными армянам города и деревень стали убивать женщин и детей внутри мечетей, а мужчин во дворах мечетей. Лично своими глазами видел трупы в мечетях «Джума-мечеть», «Имам-Заде», «Гаджи Мамед-Рза», среди трупов я опознал Гаджи Абуш Аллахверен оглы, 60 лет, Мехти Гашим оглы, 40 лет, Али Кули Халил оглы, Гасан Муса оглы, 35 лет, Аспат Аллах Кули кызы, 40 лет, детей Гаджи Абуша, двух сыновей, 8 детей Али Кули, 3 детей Мехти, дети были в возрасте от 2 до 15 лет. Трупы я видел и опознал спустя три дня после убийств. В мусульманской части Шемахи армяне перебили всех мусульман, не успевших бежать за город. Я сам слышал, как Степан Лалаев во время убийств кричал: «Я мщу за отца и мать, убитых мусульманами в Баку в предыдущей резне». Армяне сожгли весь город. Мечети тоже сожжены. Уцелели лишь несколько армянских домов. Мое имущество погибло от грабежа и пожара на общую сумму 125.500 рублей. Список прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Али Баба Керб. Абас Кули оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 57-57 об.

Документ № 161.

Протокол допроса

1918 года декабря 27 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Житель города Шемахи Ага Гусейн Гаджи Алескер оглы Назаров, 29 лет, грамотен, жит. в Баку, уг. Базарной и Азиатской, д. № 55, кв. Мунвеса.

Во время нападения армян на Шемаху 18 марта 1918 года я в это время находился в Баку и бежал из Баку от резни 20 марта в Шемаху чрез Кюрдамир, куда прибыл 23 марта. Через несколько дней в Шемахе, после ухода елизаветпольских войск, снова появились армяне и бомбардировали город. Я бежал в 3 часа дня из Шемахи, числа не помню, и возвратился туда после взятия Шемахи турками. Армяне убили дядю моего, 75 лет, и кухарку 35 лет. По фамилии убийц я не знаю. По слухам армянами в Шемахе руководил Степан Лалаев. Армяне уничтожили наше имущество на общую сумму 655.000

руб. по старым ценам. В настоящее время наше имущество стоит 3.275.000 руб. Список имущества прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Ага Гусейн Назаров.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 58-58 об.

Документ № 162.

Протокол допроса

1918 года декабря 27 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Житель города Шемахи Ага Самед К. Мирза оглы, 32 лет, жит. в Баку, Базарная ул., д. 12.

Во время мартовского погрома с.г. в Шемахе был убит снарядом дядя Али Овсат, а все наши бежали из города, но все заболели и перемерли, всего 6 душ, осталась только я один. В Шемахе армяне уничтожили все мое имущество на сумму 155.000 руб. по старой цене. Теперь мое имущество стоит 465.000 руб. Список вещей и имущества прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Ага Самед К.Мирза оглы, Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 58 об.

Документ № 163.

Протокол допроса

1918 года декабря 28 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Житель гор. Шемахи Али Юсиф Керб. Таги оглы, 28 лет, грамотен, жит. в Баку, Чадровая ул., д. 63.

В марте с.г. в Шемахе армяне убили двух братьев моих – двоюродных, Али Расул и Али Мовсум. Дядя мой умер во время бегства. Армяне разрушили и сожгли дом мой и разграбили все имущество на общую сумму 163.500 руб. Список коего прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Али Юсиф Кербалай Таги оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 59.

Документ № 164.

Протокол допроса

1918 года декабря 28 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кербалай Мухтар Гаджи Баба оглы, 48 лет, неграмотен, жив. в г. Баку, Базарная ул. Каравансарай «Захар».

Во время мартовского погрома с.г. в Шемахе армяне уничтожили мое имущество на общую сумму 54.000 руб. список коего прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Керб. Мухтар Гаджи Баба оглы. Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 59 об.

Документ № 165.

Протокол допроса

1918 года декабря 28 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Рагим Гаджи Али Гейдар оглы Саламов, 29 лет, грамотен, жит. в г. Баку, на углу Орловской и Водовозной улиц, дом. № 121

В марте с.г. в Шемахе армяне разграбили имущество наше на общую сумму 3.496.000 руб. по старой цене. В настоящее время наше имущество стоит 10.610.000 рублей. Список разграбленного имущества прошу приобщить к делу. Торговые книги и документы – дубликаты накладных на очищенный хлопок – все это сгорело или ограблено армянами. Прочитано.

Подпись: Абдул Рагим Саламов.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 59 об.

Документ № 166.

Протокол допроса

1918 года декабря 28 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Таги Керб. Мелик оглы, 70 лет, грамотен, жит. Баку, Чадровая ул., № 65.

В марте с.г. в Шемахе армяне и молокане разграбили мое имущество на общую сумму 120.000 р., список коего прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Кербалай Таги Мелик оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 60.

Документ № 167.

Протокол допроса

1918 года декабря 29 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Житель города Шемахи Али Кули Мамед оглы, 26 лет, жив. временно в Баку по Нижнее-Тазапирской ул., д. № 78.

Во время мартовского погрома с.г. в г. Шемахе армяне убили мою бабушку Мешади Уми Лейли, 60 лет, и разграбили все мое имущество, а дом сожгли и причинили мне всего убытку на общую сумму 43.100 руб. Список разграбленного прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Али Кули Мамед оглы. Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 61.

Документ № 168.

Протокол допроса

1919 года, января 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Казанфар Мешади Сафтар оглы, 23 лет, постоянный житель города Шемахи, временно жив. в Баку, Верхнее Приютская ул. д. 2, туп. 10, грамотен.

В Шемахе в марте сего года неизвестными мне по именам армянами во время разгрома города Шемахи, были убиты моя мать, Ургия, 39 лет, сестра – Салти, 13 лет, брат – Зейнал Абдин -25 лет, и племянник – Абилфаз, 2-летний ребенок. Я сам тоже был в Шемахе. Я был очевидцем убийств моих родных. Я сидел в подвале и слышал крики родных, убиваемых армянами. Я пробыл сутки в подвале и ночью вышел оттуда и бежал в Ах-Су и Кюрдамир, а затем в Гянджу. Все имущество наше погибло на общую сумму 75.000 руб. по теперешней стоимости. Прошу приобщить к делу мое заявление. Прочитано.

Подпись: Казанфар Мешади Сафдар оглы.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 62.

Документ № 169.

Протокол допроса

1919 года, января 4 дня, г. Баку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском правительстве допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Машади Баги Молла Аббас Али оглы, житель г. Шемахи, 55 лет, неграмотен.

Я находился в гор. Баку. Дело было в марте 1918 года. Я ехал в Шемаху; одновременно из Баку выехали 70 солдат-армян, командир их был русский. Ехали они на 10 фургонах, нагруженных всякого рода военными снарядами. Жена одного мадрасинца – армянка, ехавшая тоже на тех фургонах, в м. Джанги сообщила мне, что отряд этот направляется в Шемаху не с доброй целью, что за ним следует из Баку еще больший отряд, и советовала мне с бывшими при мне мусульманами убежать. Однако, мы доехали до Шемахи. Спустя 20 дней после того прибыли еще силы, и тогда вдруг они совместно с молоканами соседних селений сделали нападение на Шемаху, стали убивать население и его грабить. Шемаха несколько раз разрушена от землетрясения, но никогда она так не пострадала, как в этот раз от армян и молокан. Из армян я узнал многих, но по именам сумею назвать Степана Лалаева и Караогланова; первый из них сопровождал скандальный эшелон в 70 человек, а во время нападения на город стрелял от крыши своего дома. Он многих убил. Несколько из этих убийств я сам видел; слышал также своими ушами крик его о том, что он должен еще убивать, ибо за кровь отца своего он еще не отомстил. Караогланов прибежал к такой хитрости; выносил посуду за ворота и подкарауливал и кто подходит, чтобы взять эту посуду, того убивал.

Армяне подожгли мой дом и лавку и разграбили все вещи, на сумму 12.000 руб. Сгоревшие дома и лавка стоили около 50.000 руб., а всего убытка причинено мне до 62.000 руб. Показание прочитано. Добавить не имею. По неграмотности и личной просьбе Мешади Баги Молла Аббас Али оглы расписался:

Подпись: за Мешади Баги Молла Аббас оглы Казанфар Сафдар оглу.

Председатель Комиссии: Алекпер б. Хасмамедов (подпись).

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, лл. 63-64.

Документ № 170.

Протокол допроса

1919 года, января 8 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Кулам Акимов, 28 лет, живу в Баку на Меркурьевской ул., в д. № 14

В марте 1918 года армяне, при разгроме Шемахи разграбили и сожгли мои два дома, хутор с большим садом и разное имущество, перечисленные в прилагаемом прошении. Всего мне причинен убытков в 520.000 р. В это же время были убиты мой старший брат Ага Гусейн, сестра, ее муж, четыре дочери и сын сестры.

Подпись: Акимов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 65.

Документ № 171.

Протокол допроса

1919 года, января 8 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Расул Велиханов, 39 лет, живу в Баку по Персидской ул., в д. № 48

Во время событий, имевших место в марте 1918 года, армянами в Шемахе был разграблен и сожжен мой дом, причем мне был причинен убыток в 120.000 руб. В это же время в Баку были разграблены также армянами мои товары, перечисленные в прилагаемом прошении и хранившиеся в магазинах: 1) Гаджи Мир Исмаил Мир Гашимова и 2) Ага Муссы Гаджи Мехти оглы. При этом мне причинен убыток в 67.000 руб. по ценам прошлого года. В Шемахе кроме того был убит мой отец, старик лет 80. Прочитано.

Подпись: Расул Велиханов.

Члены Комиссии: А.Клуге, М.Х.Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 65 об.

Документ № 172.

Протокол допроса

1919 года, января 10 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Юсуф Гаджи Баги оглы, 32 лет, жит. Баку, Гимназическая ул., д. 119.

Во время мартовского погрома 1918 г. в г. Шемахе армяне разграбили мое имущество на общую сумму 112.000 руб., список коих прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Юсуф Баги оглы.

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 66.

Документ № 173.

Протокол допроса

1919 года, января 10 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Керим Абдул Рагим оглы Рагимов, 32 лет, жит. в г. Агдаш Гянджинской губ., а временно в Баку.

Во время мартовского погрома 1918 года в Шемахе армяне причинили имущественный вред и убытки отцу моему – Абдул Рагиму, который теперь болен и не может явиться, в общей сумме 56.000 руб. Список вещей прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Абдул Керим Абдул Рагим оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 67.

Документ № 174.

Протокол допроса

1919 года, января 10 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Баба Гаджи Алекпер оглы, 36 лет, жит. в г. Агдаш Гянджинской губ., а временно в Баку.

Во время мартовского погрома 1918 г. в Шемахе армяне расхитили мое имущество на общую сумму 373.000 руб., список коего прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Али Баба Гаджи Алекпер оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 67 об.

Документ № 175.

Протокол допроса

1919 года, января 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Совбат Зейнал оглы, 44 года, жит. временно в Баку, а постоянно в Шемахе, отд. Имам-Кули.

Во время мартовских погромов в г. Шемахе армяне причинили мне убытка на общую сумму 16.500 руб. Список вещей и имущества прошу приобщить к делу. Прочитано. Али Совбат Зейнал оглы. Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 68.

Документ № 176.

Протокол допроса

1919 года, января 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Ибрагим Халил Керб. Алекпер оглы, 57 лет, жит. временно в Баку, Старо-Почтовая ул., туп. 7, д. 2, а постоянно в Шемахе, отд. Кала-Базар.

Во время мартовских погромов 1918 года в г. Шемахе армяне разграбили мое имущество на общую сумму 452.000 рублей. Список вещей прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Ибрагим Халил Кербалай Алекпер оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 68 об.

Документ № 177.

Протокол допроса

1919 года, января 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Агалар бек Ага Керим бек оглы Гусейнбеков, 30 лет, жит. в Баку, Сураханская ул., д. 113.

Во время мартовских погромов 1918 г. в Шемахе армяне разграбили мое имущество на общую сумму по нынешней стоимости 806.000 руб. Список моего имущества прошу приобщить к делу. Кроме того я представляю список имущества сестры моей Суби Ханум, на общую сумму 605.000 руб., разграбленного армянами. Она в отъезде и не может сама явиться. Прочитано.

Подпись: Агалар бек Гусейнбеков.

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 69.

Документ № 178.

Протокол допроса

1919 года, января 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Али Таптух Мешади Мехти Кули оглы, 36 лет, временно живущий в г. Баку, Н.Нагорная ул., д. Али Паши.

Во время мартовского погрома 1918 года в Шемахе армяне разграбили мое имущество на общую сумму 115.500 рублей. Прочитано.

Подпись: Мешади Али Тапдыг Мешади Мехти Кули оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 69 об.

Документ № 179.

Протокол допроса

1919 года, января 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абас Кули Велиханов, 28 лет, живу в Баку на Персидской ул., в д. № 48.

Во время мартовских событий армяне сожгли в Шемахе наш дом и разграбили наше имущество, перечисленные в прилагаемом списке. При этом был убит мой 70-летний отец Гаджи Мамед Ибрагим.

Всего мне причинен убыток в 200.000 руб. Прочитано.

Подпись: А. Велиханов.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 70.

Документ № 180.

Протокол допроса

1919 года, января 10 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Магомед Баги Заде оглы, 24 года, живу в Агдаше.

Во время погромов, учиненных армянами в Шемахе в марте 1918 года у меня пропал шелк на 90.000 руб. Об этом я подаю прошение, которое прошу приобщить к делу.

В это же время убили моего отца, старика лет 60, и 2 сестер, 2 и 5 лет. Прочитано. Кроме шелка у меня пропали и другие вещи, так что общий мой убыток равен 157.000 руб. Прочитано.

Подпись: Магомед Баги заде (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 70 об.

Документ № 181.

Протокол допроса

1919 года, января 11 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Асадулла Мирза Абдул Гани оглы, 45 лет, живу в Баку, на фабрике Тагиева⁴⁰.

В марте 1918 года армяне разграбили мою квартиру и забрали вещи, перечисленные в представляемом прошении. Всего мне причинен убыток около 150.000 руб. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 70 об.

Документ № 182.

Протокол допроса

1919 года, января 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Нурулла Молла Абдулла оглы Ахундов, 29 лет, жив. в гор. Баку, Старо-Почтовая улица, туп. 9, д. 3.

Во время мартовских событий 1918 года в Шемахе и в Баку армяне причинили мне убытки на общую сумму 1.338.000 руб. Список имущества прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Нурулла Ахундов (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 71.

Документ № 183.

Протокол допроса

1919 года, января 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Идаят Насрулла Бек оглы, 20 лет, жит. в г. Баку, по Старо-Почтовой ул., т. 9, д. 3.

Во время мартовских событий в гор. Шемахе и в гор. Баку армяне причинили мне убытки в обоих городах, разграбили имущество на общую сумму 460.000 рублей. Список моего имущества прошу приобщить к делу.

Подпись: Идаят Насрулла бек оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 71 об.

Документ № 184.

Протокол допроса

1919 года, января 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кербалай Абдул Гусейн Гаджи Али оглы, 58 лет, жит. Баку, В.Тазапирская ул., д. 149.

Во время мартовских событий 1918 года в гор. Шемахе армяне разграбили мое имущество на общую сумму около 100.000 руб. Список имущества представляю и прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Абдул Гусейн.

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 71 об.

Документ № 185.

Протокол допроса

1919 года, января 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Али Али Гейдар оглы, 45 лет, житель Шемахи, жив. в Баку, Базарная ул., Каравансарай «Захар», № 21.

Во время мартовских событий 1918 г. в Шемахе армяне разграбили мое имущество на общую сумму 190.000 руб. Список имущества прошу приобщить к делу. Кроме того я представляю три заявления: 1) жены моей-Масьмы Ханум Гаджи Баги кызы о разгроме в Шемахе армянами ее имущества на сумму 260.000 руб.; 2) то же сестры моей - Мешеди Нисы на 115.000 руб.; 3)

то же сестры моей- Секине Ханум на 130.000 руб., которые не могут лично явиться и доверили мне представление их заявлений. Всего же мы все потерпели убытка на 695.000 руб. Я прошу все заявления приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Ага Али Гейдар Али оглы.

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 72.

Документ № 186.

Протокол допроса

1919 года, января 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Баба Абдул Баги оглы Искендеров, 32 лет, Шемахинец, живущий в Баку, Базарная ул., д. 21, Каравансарай «Захар».

Во время мартовских погромов в г. Шемахе в 1918 году армяне уничтожили и разграбили мое имущество на общую сумму 715.000 руб., список коего прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Алибаба Искендеров.

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 72 об.

Документ № 187.

Протокол допроса

1919 года, января 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мамед Али Мехти бек оглы, 50 лет, Шемахинец, жив. в Баку, по Н.Нагорной ул., д. № 66.

Во время мартовских погромов в гор. Шемахе армяне разграбили и уничтожили мое имущество на общую сумму 77.000 руб., список коего прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 72 об.

Документ № 188.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кербалай Сагаб Кули Гаджи Садых оглы, 32 года, живу в Баку, временно.

Во время мартовских событий армяне сожгли принадлежавший нам в Шемахе двухэтажный дом, причем пропали вещи, золото и мануфактурный товар, перечисленные в прилагаемом прошении. Всего мне причинен убыток в 173.000 руб.

Подпись: Молла Сагаб Кули Гаджи Садых оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 73.

Документ № 189.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Габиб Мешади Абдулла оглы, 55 лет, живу в Баку.

В марте 1918 года армяне сожгли в Шемахе мой дом, разграбив предварительно наиболее ценные вещи, перечисленные в прилагаемом прошении. Мне причинен убыток в 62.000 руб. В это же время были убиты мои два сына, 10 и 13 лет, и моя жена. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 73 об.

Документ № 190.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мамед Али Бедалов, 23 года, живу в Баку, по Заведенской ул., в д. № 2

Во время мартовских событий армяне в Шемахе убили моего отца Абаса Бедал оглы, мать Бикя Саби кызы, трех братьев и двух сестер и разграбили все наше имущество, перечисленное в поданном прошении. В это время они сожгли наши два дня. Всего мне причинен убыток в 25.000 руб. Прочитано.

Подпись: Мамед Али.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 73 об.

Документ № 191.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Гюль Гусейн Абас оглы, 35 лет, живу в Баку, на Заведенской ул., в д. № 2

Во время мартовских событий армяне в Шемахе разграбили и сожгли мой дом. При этом они убили мою жену, двух сыновей, дочь, сестру, жену брата и забрали вещи, перечисленные в поданном прошении и стоившие 36.000 руб.

Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 74.

Документ № 192.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мовсум Кербалай Джафар Кули оглы Алиев, 45 лет, живу в Баку, на Персидской ул., в туп. № 1, в доме № 4.

В марте 1918 года в Шемахе армяне разграбили и сожгли мой дом, причем убили мою жену, сына и сестру. Мне причинен убыток в 134.000 руб. Список пропавших вещей представляю и прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Мовсум Кербалай Джафар Кули оглы Алиев (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 74.

Документ № 193.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Билал Кербалай Мамед оглы, 18 лет, живу в Баку, на Гимназической ул., в д. № 4

Во время мартовских событий армянские солдаты убили в Шемахе мою мать Бягим Мешади Ирза кызы и разграбили все наше имущество, перечисленные в прилагаемом прошении, стоившие 16.000 руб. Прочитано.

Подпись: Биалал Кербалай Мамед оглы. (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 74 об.

Документ № 194.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Хейрулла Ахундов, 25 лет, живу в Баку, на Ст. Почтовой ул., в доме № 3, в 9 тупике.

Во время мартовских событий армяне ограбили в Шемахе мою квартиру и лавку, а в Баку – мануфактурный магазин, помещавшийся на Базарной ул. в доме № 11. При этом пропали товары и вещи, перечисленные в прилагаемом прошении, стоившие 1.090.000 руб. Прочитано.

Подпись: Хейрулла Ахундадзе (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 74 об.

Документ № 195.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Газанфар Султанов, 27 лет, живу в Баку, на Кубинской ул., в доме № 25.

В марте 1918 года армяне разграбили и сожгли в Шемахе мой дом, причем погибли вещи, перечисленные в прилагаемом прошении. Мне причинен убыток в 110.000 руб. Прочитано.

Подпись: Г.Султанов.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 75.

Документ № 196.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Сирадж Мехтиев, 36 лет, живу в Баку, на Ст. Почтовой ул., в д. № 80.

Во время мартовских событий армяне в Шемахе разграбили мой дом, который потом сожгли. При этом погибли разные вещи и товары, перечисленные в прилагаемом прошении. В это же время в Баку был сожжен мой мануфактурный магазин, помещавшийся на Губернской ул., под гостиницей «Исламие». Всего мне причинен убыток в 3.210.000 руб. Почитано.

Подпись: Сирадж Мехтиев.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 75.

Документ № 197.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Али Овсад Мамедов, 31 года, живу в сел. Гаджиман Шемахинского уезда.

Во время мартовских событий армянские солдаты разграбили мой дом и растаскали вещи, перечисленные в прилагаемом прошении. Всего мне причинен убыток в 200.000 рублей по новым ценам. Дом находился в сел. Гаджиман, а имущество разграблено частью в этом же селении, частью в Шемахе. Прочитано.

Подпись: Али Овсад Мамедов.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 75 об.

Документ № 198.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Гаджи Молла Насыр Ахунд Молла Ахмед оглы, 65 лет, жит. Баку, В.Газапирская ул., д. № 149.

Во время мартовских погромов 1918 года в г. Шемахе армяне разграбили и уничтожили мое имущество на общую сумму 200.000 руб., список коего прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Гаджи Молла Насыр Ахунд Молла Ахмед оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 76.

Документ № 199.

Протокол допроса

1919 года, января 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Секна Ханум Гаджи Молла Ахунд кызы, 30 лет, жив. в Баку, В.Тазапирской ул., д. 149

Во время мартовского погрома 1918 г. в Шемахе армяне убили моего мужа Мамед Таги и разграбили мое имущество на общую сумму 71.778 руб., список коего я прошу приобщить к делу.

Кроме того, армяне убили разведенного со мной мужа – Казанфара, после которого остался ребенок – девочка- Джейран, 10 лет, и разграбили имущество ее отца на общую сумму 75.000 руб., список коего я представляю за малолетнюю дочь свою Джейран и прошу приобщить ее к делу. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: Александрович, Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 76 об.

Документ № 200.

Протокол допроса

1919 года, января 14 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Сакина Мешади Асадулла кызы, шемахинская жительница, 50 лет, живущая в Баку, Спасская ул., угол Гимназической, д. № 115

В г. Шемахе во время мартовских событий 1918 года армяне уничтожили и разграбили мое имущество на общую сумму 110.000 рублей, список моих убытков я прошу приобщить к делу. Прочитано.

Сакина Мешади Асадулла кызы. Неграмотная.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 77.

Документ № 201.

Протокол допроса

1919 года, января 15 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Али Мовсум бек Мизандаров, 31 лет, живу в Геокчае.

Во время мартовских событий армяне в Шемахе разграбили мою лавку с коврами и мою квартиру, причем причинили мне убыток 374.000 руб. Список разграбленного при сем представляю. Прочитано.

Подпись: Али Мовсум бек Мизандаров.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 78.

Документ № 202.

Протокол допроса

1919 года, января 15 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мамед Таги Измаилов, 27 лет, живу в гор. Нухе.

В марте 1918 года армяне в Шемахе разграбили мои бакалейную и мануфактурную лавки и мою квартиру, причинив мне убыток в 358.000 руб. Список разграбленных вещей при сем представляю. Прочитано.

Подпись: Мамед Таги Измаилов.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

Мамед Таги Измаилов показал дополнительно:

Моему отцу Гаджи Джафару Измаилову тоже в Шемахе армянами причинен убыток в 191.500 руб. Список разграбленного представляю. Прочитано.

Подпись: Мамед Таги Измаилов. Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 78-78 об.

Документ № 203.

Протокол допроса

1919 года, января 15 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Садрадин Гаджи Ибад бек оглы, 35 лет, живу в сел. Агдаш.

Во время мартовских событий армяне разграбили и сожгли в Шемахе мой дом и красильную фабрику. Причинен мне убыток в 349.000 руб. Список разграбленного представляю. По приказанию Степана Лалаева был зарезан мой отец Гаджи Ибад бек. Прочитано.

Подпись: Садраддин Гаджи Ибад бек оглы (арабскими буквами).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 78 об.-79

Документ № 204.

Протокол допроса

1919 года, января 15 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кербалай Кафур Мешади Азиз оглы, 28 лет, живу в Баку по Ниж.-Приютской ул., д. № 44.

В Шемахе армяне разграбили в марте 1918 года мой дом, причинив мне убытка в 270.700 руб. Список разграбленного представляю. Прочитано. Неграмотный.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 79.

Документ № 205.

Протокол допроса

1919 года, января 15 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Зейнал Мешади Мамед оглы, 40 лет, живу в Баку на Сураханской ул., в д. № 56.

Во время мартовских событий армяне разграбили в Шемахе мой дом причинили мне убыток в 240.600 руб. При сем представляю список разграбленного. Прочитано.

Подпись: Мешади Зейнал Мешади Мамед оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 79-79 об.

Документ № 206.

Протокол допроса

1919 года, января 15 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мамед Алекпер оглы Алиев, 46 лет, жив. в Баку, Мариинская ул., № 95.

Во время мартовских событий 1918 года в гор. Шемахе армяне сожгли и разграбили мое имущество на общую сумму 1.235.000 руб. Список моего имущества я представляю при сем, прошу приобщить к делу. Кроме того я представляю заявление тещи моей, которая больна и не может явиться лично – Меш. Салтанет Меш. Ага кызы, временно жив. в Баку, об убытках в марте мес. в г. Шемахе на общую сумму 100.500 р., и прошу ее заявление приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: М.А.Алиев.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л.80

Документ № 207.

Протокол допроса

1919 года, января 15 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Султан Мешади Алекпер оглы, 60 лет, Шемахинец, временно живущий в г. Баку, Чадровая ул., № 199.

Во время мартовских событий 1918 года в г. Шемахе армяне разграбили и уничтожили мое имущество а общую сумму 21.940 рублей. Список имущества прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Султан Мешади Алекпер оглы. (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 80 об.

Документ № 208.

Протокол допроса

1919 года, января 16 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мамед Али Мешади Ахмед Паша оглы, 28 лет, Шемахинец, временно жив. в Баку, Н.Нагорная ул. д. № 76

Во время мартовских событий 1918 года в Шемахе армян уничтожили и разгромили мое имущество на общую сумму 220.000 рублей, список которого прошу приобщить к делу. Кроме того я представляю заявление отца моего – Меш. Ахмед паша Абдуллаева, 60 лет, который болен и не может явиться лично, об убытках, причиненных ему тогда же в Ахсу, Шемахинского уезда,

армянами на общую сумму 703.500 руб. Заявление отца прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Мамед Али Мешади Ахмед Паша оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 81.

Документ № 209.

Протокол допроса

1919 года, января 16 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Али Гейдар Мустафа оглы Тагиев, 26 лет, Шемахинец, жив. постоянно в Шемахе, Верхняя часть города, квар. 4-й.

Во время мартовских событий в 1918 году в Шемахе армяне разграбили мое имущество на общую сумму, по старой цене 20.000 рублей, а по нынешней оценке на сумму 585.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Али Гейдар Тагиев.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 81 об.

Документ № 210.

Протокол допроса

1919 года, января 16 дня, Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Али Ашраф Мешади Усейн оглы, 27 лет, живу в Баку на Каменистой ул., д. № 72.

Во время мартовских событий армяне разграбили и сожгли в Шемахе два моих дома и две лавка. При этом погибли вещи и продукты, обозначенные в прилагаемом прошении. В общем, мне причинен убыток в 129.700 руб. Прочитано.

Подпись: Али Ашраф Мешади Гусейн оглы.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 82.

Документ № 211.

Протокол допроса

1919 года, января 16 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Баба Гаджи Ибад бек оглы, 27 лет, живу в мест. Агдаш.

В марте 1918 года отряд Степана Лалаева, состоявший из армян и молочан, явился в селение Ахсу Шемахинского уезда, и разграбил мануфактурный и бакалейный магазин и две амбара с пшеницей, ячменем и др. продуктами, принадлежавшие мне и моему брату Таджеддину. Всего нам причинен убыток в 313800 руб. Список разграбленного при сем представляю. Прочитано.

Подпись: Ага Баба Гаджи Ибад бек оглы.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 82 об.

Документ № 212.

Протокол допроса

1919 года, января 17 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Рза Керб. Усейн Кули оглы, 28 лет, Шемахинец, жив. в сел. Петропавловка Джавадского уезда, временно в Баку, Ст. Почтовая ул. д. № 35.

Во время мартовских погромов 1918 года в Шемахе армяне сожгли и разграбили мое имущество на общую сумму 176.000 руб. Опись имущества прошу приобщить к делу. Кроме того я представляю за свою больную сестру-Мунаввар Керб. Усейн Кули кызы, 45 лет, заявление ее об убытках, причиненных тогда же армянами на общую сумму 107.500 руб. и прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Али Рза Кербалай Гусейн оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 83.

Документ № 213.

Протокол допроса

1919 года, января 18 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Ага Керим Мешади Абиш оглы, 35 лет, Шемахинец, живущий в г. Баку по Сураханской улице, в д. № 156

Во время мартовских событий в 1918 году в Шемахе армяне уничтожили и разграбили мое имущество на общую сумму 141.000 рублей, список коего прошу приобщить к делу. Прочитано.

Мешади Ага Керим Мешади Абиш оглы. Неграмотен.

Члены Комиссии: Александрович, А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 84.

Документ № 214.

Протокол допроса

1919 года, января 18 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ирза Гаджи Алекпер оглы, 60 лет, живу в Баку на Ст.-Почтовой ул., в д. № 5, в туп. № 7.

Во время мартовских событий в Шемахе армянами был разграблен и сожжен дом, принадлежавший мне и моему брату Али. При этом пропали вещи, перечисленные в прилагаемом прошении, стоившие всего 93.615 руб. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 85.

Документ № 215.

Протокол допроса

1919 года, января 18 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Садых бек Агалар бек оглы, 49 лет, живу в сел. Кюрдамир.

В марте 1918 г. армяне в Шемахе разграбили мое имущество, стоившее 660.700 руб. Список разграбленных вещей при сем представляю. Прочитано.

Подпись: Садых бек Агалар бек оглы.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 85-85 об.

Документ № 216.

Протокол допроса

1919 года, января 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мамед Али бек Наджафбеков, 60 лет, живу в Баку, на Николаевской ул. в д. № 23.

В марте 1918 года армяне напали на Шемаху и стали жечь мусульманскую часть города. При этом они сожгли мой дом, разграбив предварительно все мои вещи, перечисленные в подаваемом заявлении. Всего мне причинен убыток в 200.000 руб. У меня в семье убитых нет. Прочитано.

Подпись: М. Наджафов.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 86.

Документ № 217.

Протокол допроса

1919 года, января 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ирза Кули Гаджи Ага оглы Азимов 29 лет, живу в мест. Агдаш Елисаветпольской губернии.

Во время мартовских событий армянами были сожжены и разграблены в Шемахе красильня, фабрика изготовления шелковых матерей и мыловаренный завод, принадлежащий мне и моему брату Мешади Меджиду. Всего нам причинен убыток в 1.084.000 руб. Список погибшего имущества при сем представляю. Прочитан.

Подпись: Ирза Кули Азимов.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 86 об.

Документ № 218.

Протокол допроса

1919 года, января 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Мамед Али Мешади Наджаф Кули оглы, 30 лет, живу в гор. Нухе.

В марте прошлого года армяне сожгли в Шемахе мой дом, разграбив предварительно все мое имущество, перечисленное в представляемом списке; стоимость погибшего имущества- 23.100 руб. Прочитано. Неграмотный.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 86 об.

Документ № 219.

Протокол допроса

1919 года, января 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Мелек Ниса Мешади Гамид кызы, 50 лет, живу в Баку.

Во время мартовских событий армяне сожгли в Шемахе мой дом, разграбив имущество, перечисленное в представляемом прошении. Всего мне причинен убыток в 73.600 руб. Меня армяне взяли в плен и привезли в Баку, где меня освободили во время взятия Баку. Прочитано. Неграмотная. У моей сестры тоже сожгли имущество на 10.000 руб. Прочитано. Неграмотна.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 87.

Документ № 220.

Протокол допроса

1919 года, января 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Хавер Теймур кызы, 18 лет, живу в Баку на Верхнее-Тазапирской ул. в д. № 15

В марте прошлого года армяне разграбили и сожгли мой дом, причем погибло имущество, перечисленное в прилагаемом списке и стоившие 46.900 руб. Прочитано. Неграмотна.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 87.

Документ № 221.

Протокол допроса

1919 года, января 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Сакина Кули кызы, 35 лет, живу в Баку на Верх.-Тазапирской ул. в доме № 15.

Во время мартовских событий армяне сожгли в Шемахе мой дом, причем часть ценного имущества разграбили. Список пропавшего имущества при сем представляю. Всего мне причинен убыток в 43.700 руб. Меня армяне взяли в плен и привезли в Баку. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 87 об.

Документ № 222.

Протокол допроса

1919 года, января 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ирза Кули Мешади Асад оглы Джафаров, 28 лет, живу в Баку, на Каменистой ул. в д. № 95\93.

В марте прошлого 1918 года армяне разграбили и сожгли в Шемахе мой дом и имущество, перечисленные в представляемом прошении. Всего мне причинен убыток в 118.890 руб. В это же время на улице перед домом расстреляли моего отца Мешади Асада Кербалай Риза оглы. Прочитано.

Подпись: Р.Г. Джафаров.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 87 об.

Документ № 223.

Протокол допроса

1919 года, января 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Халил Мешади Солтан оглы Халилов, 23 лет, житель гор. Шемахи, проживаю временно в Баку, по Церковной ул., дом № 35.

Во время мартовских событий армяне и молукане разграбили магазин мануфактурный, принадлежащий мне и мой дом, а засим дом и магазин подожгли. Всего убытку нанесли армяне и молукане мне на два миллиона сто тридцать тысяч рублей. Список разграбленным вещам при сем представляю и прошу приобщить к делу.

Подпись: Ага Халил Халилов.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 88.

Документ № 224.

Протокол допроса

1919 года, января 21 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Али Баба Мешади Абас Кули оглы, 31 год, живу в Баку, на Церковной ул., в д. № 15.

Во время мартовских событий армяне в Шемахе разграбили и сожгли мой дом, причем погибло имущество, перечисленное в представляемом прошении. Всего мне причинен убыток в 130.650 руб. Прочитано. Неграмотный.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 89.

Документ № 225.

Протокол допроса

1919 года, января 21 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Али Мешади Абас Кули оглы, 35 лет, живу в Баку на Церковной ул. в д. № 15.

В марте прошлого 1918 года армянские солдаты разграбили мою лавку, помещавшуюся на Гимназической улице в доме № 15. При этом был похищен товар, перечисленный в прилагаемом прошении, на сумму в 35.260 руб. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 89 об.

Документ № 226.

Протокол допроса

1919 года, января 21 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кербалай Гусейн Садых оглы, 50 лет, живу в Баку на Верх.Тазапирской ул., в д. № 25.

Во время мартовских событий армяне в Шемахе разграбили и сожгли мой дом. При этом погибли вещи, перечисленные в представляемом прошении, стоившие 73.600 руб. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 89 об.

Документ № 227.

Протокол допроса

1919 года, января 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Аббас Аннаги оглы, 63 года, живу в Баку, на Церковной ул., в д. № 15

Во время прошлогодних мартовских событий армяне разграбили и сожгли мой дом. При этом пропали вещи, перечисленные в прилагаемом прошении стоимостью в 91.600 руб. Прочитано.

Подпись: Али Аббас Аннаги оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 90.

Документ № 228.

Протокол допроса

1919 года, января 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Газанфар Мамед оглы, 36 лет, живу в Баку на Церковной ул. в д. № 15

В марте прошлого 1918 года армяне сожгли мой дом, захватив с собою мои домашние вещи, перечисленные в представляемом списке. Всего мне причинен убыток в 57.000 руб. Прочитано.

Подпись: Газанфар Мамед оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 90.

Документ № 229.

Протокол допроса

1919 года, января 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Кербалай Ибрагим Кербалай Халил оглы, 35 лет, живу в Баку на Церковной ул. в д. № 15

Во время мартовских событий армянские солдаты в Шемахе разграбили и сожгли мой дом, причинив мне убыток в 54.800 руб. Список пропавших вещей при сем представляю и прошу приобщить его к делу.

Во время разгрома моего дома армяне убили мою жену и других родственников, так что от моей семьи, состоявшей из 12 человек, в настоящее время в живых остался один лишь я. Прочитано. Неграмотный.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 90 об.

Документ № 230.

Протокол допроса

1919 года, января 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Музаффар Мешади Исмаил оглы, живу в Баку, на Церковной улице в д. № 15.

В марте прошлого года в Шемахе армяне разграбили и уничтожили огнем все мое имущество, перечисленное в представляемом при сем прошении. Всего мне причинен убыток в 65.300 руб. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 91.

Документ № 231.

Протокол допроса

1919 года, января 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мамед Алескер оглы, 60 лет, живу в Баку на Церковной ул. в д. № 15.

Во время мартовских событий армянскими солдатами был разграблен и сожжен мой дом, причем погибло имущество, перечисленное в представляемом прошении, стоимостью в 68.300 руб. Прочитано. Неграмотный.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 91.

Документ № 232.

Протокол допроса

1919 года, января 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Лятиф Мехтиев, 43 года, живу в Баку на Ст. Почтовой ул. в д. № 80.

Во время мартовских событий армяне сожгли мой мануфактурный магазин, помещавшийся над гостиницей «Исламие». При этом сгорело мануфактуры на 2.550.000 руб.

В Шемахе в это же время армяне сожгли мой дом, разграбив предварительно все имущество, перечисленное в прилагаемом прошении. В Шемахе мне причинен убыток в 2.603.440 руб. Прочитано.

Подпись: Лятиф Мехтиев.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 91-91 об.

Документ № 233.

Протокол допроса

1919 года, января 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Гашум Гаджи Алекпер оглы Ахмедов, 29 лет, живу в Баку на Верховой ул., в д. № 95.

Во время мартовских событий в Шемахе армянами был сожжен и разграблен мой дом. При этом погибли вещи, перечисленные в представляемом прошении. Мне причинен убыток в 619.000 руб.

В это же время был убит мой брат Кязым, 19 лет. Прочитано.

Подпись: Гашум Гаджи Алекпер оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 92.

Документ № 234.

Протокол допроса

1919 года, января 24 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Али Иса Мешади Кулам оглы, 18 лет, житель гор. Шемахи, временно проживаю в Баку, по Орловской ул. дом № 30.

20 или 21 марта 1918 г., я, отец, мать, четыре мои братья и три сестры бежали из города Шемахи после взятия Шемахи армянами и молочанами, и прибыли в Кюрдамир, где армяне и большевики убили отца моего Мешади Кулама Меш. Абдул Усейн оглы, 38 лет, а мы все успели бежать в Геокчай. После нашего бегства из Шемахи армяне и молочане сожгли наш дом, стоящий тридцать тысяч рублей и разграбили дом и магазин; список разграбленным вещам при сем представляю. Прочитано.

Подпись: Али Иса Мешади Гулам оглы.

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 93.

Документ № 235.

Протокол допроса

1919 года, января 25 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Али Аббас Мешади Таги оглы, 35 лет, житель гор. Шемахи, временно проживаю по Персидской ул., тупик 1, дом № 5.

В марте месяце, кажется 20-21 числа 1918 года, числа точно не помню, армянские солдаты разграбили и сожгли мой дом о 4 комнатах, стоящий 25.000 р. Вещей разграбили армянские солдаты на сумму 75.000 р. Всего мне армяне причинили убыток на 100.000 рублей. Список разграбленным вещам при сем представляю и прошу приобщить к делу. Указанное мною событие происходило в гор. Шемаха, где армяне и молокане разграбили и сожгли мое имущество. Прочитано.

Подпись: Мешади Али Аббас Мешади Таги оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А.Клуге, Мамед Хан Текинский (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 94.

Документ № 236.

Протокол допроса

1919 года, января 25 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Сария Мешади Таги кызы, проживаю в Баку, по Персидской ул., тупик 1, дом № 5, 24 лет, неграмотная, жительница Шемахи.

Кажется 20 или 21 марта 1918 г., числа точно не помню, армянские солдаты разграбили и сожгли принадлежащий мне каменный дом в надворными постройками, стоящий 20.000 рублей и находящийся в гор. Шемахе, в отделении «Мейданлы». Вещей армянские солдаты разграбили на 80.000 рублей; список каковым вещам при сем представляю. Во время указанного события я успела из гор. Шемахи бежать. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 94 об.

Документ № 237.

Протокол допроса

1919 года, января 25 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Мина Мешади Ирза кызы, проживаю в Баку, по Персидской ул., тупик № 1, дом. № 5, 45 лет, Шемахинская жительница, неграмотная.

Кажется 20 или 21 марта 1918 г., числа точно не помню, армяне и молокане заняли гор Шемаху и стали убивать мирных мусульман и уничтожать их имущество, а все ценное грабить. Армяне убили мужа моего Гаджи Агали Кербалай Алекпер оглы. Армяне и молокане разграбили и сожгли принадле-

жащие мне 8 лавок со всем находящимся в них имуществом. Армяне и молокане сожгли и разграбили также мой каменный дом. Убыток мне армяне и молокане причинили на 500.000 рублей. Я успела бежать из Шемахи. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 94 об.

Документ № 238.

Протокол допроса

1919 года, января 25 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Мешади Бадам Гаджи Джафар кызы, 35 лет, жительница гор. Шемахи, временно проживаю в Баку, Тазапирская ул., тупик 13, дом № 91. Неграмотна.

Армяне и молокане во время мартовских событий, кажется 20 или 21 марта, точно я не помню, ворвались в мой дом, убили моего мужа Гаджи Мир Керим Мир Абу Тальб оглы и брата мужа Мир Али, а я с сыном успела бежать из города Шемахи. Армяне и молокане разграбили мой дом и мой магазин и за сим подожгли. Список разграбленным вещам домашним на 180.640 рублей при сем представляю. Всего убыток причинили армяне и молокане на 220.640 рублей. В магазине товару было на 40.000 руб. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 95.

Документ № 239.

Протокол допроса

1919 года, января 25 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Меляк Ниса Кербалай Гамид кызы, 50 лет, жительница Шемахи, временно проживаю в Баку.

Кажется 20 или 21 марта 1918 г. армяне и молокане вошли в город Шемаху и разграбили мой дом, убили моего мужа Теймура Ширали оглы, 55 лет, двух моих сыновей Али Аббаса, 15 лет, Гусейна, 10 лет, и дочь мою Мьялек, 8 лет. Дом армяне подожгли. Список разграбленным вещам при сем представляю. Всего убыток мне армяне причинили 16.000 руб., на каковую сумму разграбили вещи. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 95 об.

Документ № 240.

Протокол допроса

1919 года, января 25 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Солтан Гаджи Али Гасан оглы, 23 лет, Шемахинский житель, временно проживаю в Баку, по Азиатской ул., № 55.

Кажется 20 марта 1918 г., числа точно не помню, армяне и молокане заняли гор. Шемаху и стали убивать мусульман и грабить и жечь мусульманское имущество. Армяне и молокане убили моего отца Гаджи Али Гасана, 46 лет, тетку мою Секна Меш. Султан кызы, 75 лет, брата моего Мамеда 3 лет, мою жену Ханум Гейдар кызы, 18 лет. После вступления турок в гор. Шемаху я вернулся в Шемаху и там нашел трупы в своем доме. Три моих дома армяне и молокане сожгли, а четвертый дом разрушили. Все мое движимое имущество разграбили и причинили армяне и молокане мне убыток на сумму 129.100 руб. Список вещам при сем представляю и прошу приобщить к делу.

Я успел бежать из Шемахи в Геокчай. Теперь временно проживаю в Баку. Прочитано.

Подпись: Али Солтан Гаджи Али Гасан оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А. Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 95 об.-96

Документ № 241.

Протокол допроса

1919 года, января 26 дня, г. Баку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Гусейн Гаджи Абдул Али оглы, ж.г. Шемахи, проживаю ныне в г. Баку, по Ново-Нагорной ул., дм. № 174, 31 лет, грамотен.

Во время Шемахинских событий я отсутствовал из города, но в присутствии моей родни армяне подожгли дом и лавки мои, предварительно разграбив вещи мои на сумму до 500.000 руб., вещи, упоминаемые в подаваемом при сем моем прошении. Из моей семьи убитых не было. Прочитано.

Председатель Комиссии: Алек.б. Хасмамедов (подпись).

Члены Комиссии: М.Х.Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 97

Документ № 242.

Протокол допроса

1919 года, января 26 дня, г. Баку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мустафа Машади Мехти оглы, ж.г. Шемахи, проживаю ныне в Баку, 15 лет, неграмотен.

Во время событий в Шемахе в марте 1918 года я находился здесь, в Баку, а в Шемахе находилась моя сестра – Бике. Армяне расхитили тогда мои домашние вещи, а потом подожгли дом. Убытков причинен мне на 17 тысяч руб. Прошу принять мое письменное заявление. Неграмотен.

Председатель Комиссии: Алек.б. Хасмамедов (подпись).

Члены Комиссии: М.Х.Текинский, А.Клуге.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 97 об.

Документ № 243.

Протокол допроса

1919 года, января 26 дня, г. Баку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Гусейн Машади Али Аббас оглы, ж.г. Шемахи, ныне проживаю в Баку, 28 лет, неграмотен.

Моя мачеха находилась во время мартовских событий в Шемахе, а я был здесь. Тогда армяне подожгли мой дом, предварительно захватив вещи. Мачеха бежала и никого из армян не узнала. Предлагаю письменное заявление, с указанием убытков моих на 16.500 руб. Прочитано.

Председатель Комиссии: Алек.б. Хасмамедов (подпись).

Члены Комиссии: М.Х.Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 97 об.

Документ № 244.

Протокол допроса

1919 года, января 26 дня, г. Баку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Сеид Гасан Сеидов, ж.г. Шемахи, проживаю ныне в Баку, 30 лет, грамотен.

Во время мартовских событий в Шемахе я находился в городе. Армяне напали на город, обстреливали его и потом делали отдельные нападения на дома жителей. В перестрелке убито 3 моих родственника. Я сам бежал. Армяне расхитили вещи, перечисленные в подаваемом заявлении, на 465.000 руб. Никого из грабителей не узнал. Прочитано.

Подпись: Сеид Гасан Сеидов (арабскими буквами).

Председатель Комиссии: Алек.б. Хасмамедов (подпись).

Члены Комиссии: М.Х.Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 98

Документ № 245.

Протокол допроса

1919 года, января 26 дня, г. Баку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Гумбат Нур-Али оглы, житель с. Лаич, проживаю в Балаханах, в доме Бенляр Алия Кербалай Мурад-Али оглы, 37 лет, неграмотен.

Я пострадал летом пред приходом в Баку турецко-азербайджанских войск. Армяне, державшие вместе с большевиками город Баку в своих руках, пред своим отступлением подвергли мусульманское население убийству и разграблению. В числе других пострадал и я. Расхищено у меня вещей на сумму 82.600 руб. Прошу принять от меня письменное заявление и опись похищенным вещам. Никого из армян я не узнал, ибо пред их появлением бежал. Прочитано. Неграмотен.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии: Алек.б. Хасмамедов (подпись).

Члены Комиссии: М.Х.Текинский, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 98-98 об.

Документ № 246.

Протокол допроса

1919 года, января 29 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Мехти Ага Рагим оглы, 45 лет, житель Шемахи, временно проживаю в Баку, по Базарной ул., в Караван-Сарае «Захар», Неграмотен.

В средних числах марта 1918 г., числа не помню, армяне и молукане заняли Шемаху, убили моего сына Мамед Али, 10 лет, сына моего Гулама, 8 лет, и дочь мою Сура. 6 лет, а также разграбили и подожгли мой дом, стоящий 100.000 руб. Из дома армяне и молукане похитили движимое имущество, указанное в представляемом прошении.

Во время этих событий я был в городе Баку, где в одно то же время армянские солдаты разграбили мою лавку на 40.000 рублей, находящуюся в караван-сарае «Захар». При сем представляю прошение и прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 99.

Документ № 247.

Протокол допроса

1919 года, января 29 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Мухтар Мешади Керим оглы, 46 лет, житель Шемахи, временно проживаю в Баку, по Базарной ул., в караван-сараяе «Захар», неграмотен.

Во время мартовских событий 1918 г., число я не помню, армяне и молочане заняли город Шемаху, сожгли мой дом, а все движимое имущество, находящееся в нем разграбили.

Армяне и молочане убили моего брата Мешади Авяз, 60 лет и его сына Гасана, 20 лет. Дом оцениваю в 150.000 рублей, а все разграбленное имущество движимое оцениваю в 178.000 рублей. Всего мне нанесли убыток 228.000 рублей. При сем подаю прошение и прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 99 об.

Документ № 248.

Протокол допроса

1919 года, января 29 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Забита Али Абас кызы, 23 года, живу в Баку, на Азиатской ул., в д. № 55.

В марте прошлого 1918 года армянские солдаты разграбили Шемаху. В это время они зажгли и мой дом, разграбив предварительно все мои домашние вещи и драгоценности. Список разграбленного при сем представляю. Мне причинен убыток в 335.050 рублей. Прочитано. Неграмотна.

Члены Комиссии: Мамед Хан Текинский, А.Клуге (подписи).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 100.

Документ № 249.

Протокол допроса

1919 года, января 30 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Амираслан Гаджи Алекпер оглы, 20 лет, живу в Баку на Верхне-Нагорной ул., в тупике № 9, в д. № 7.

Во время мартовских событий в прошлом году армяне в Шемахе разгромили дом, принадлежащий мне и моим братьям Ирза Кулию, Абас Кулию и Ага Набию. При этом пропали вещи, перечисленные в прилагаемом прошении. Всего мне причинен убыток в 112.540 рублей. Прочитано.

Подпись: Меш. Амираслан Гаджи Алекпер оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 101.

Документ № 250.

Протокол допроса

1919 года, января 30 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Казанфар Кадыров, 30 лет, живу в городе Шемахе.

Во время мартовских событий в прошлом году армяне в Шемахе разграбили и сожгли три дома, принадлежавшие мне и моим братьям Ага Кадыру и Солтан Ибрагиму. При этом пропали вещи, перечисленные в прошении, которое я сейчас представляю. Всего нам причинен убыток в 147.500 руб. Прочитано.

Подпись: Гаджи Казанфар Кадыров (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 101 об.

Документ № 251.

Протокол допроса

1919 года, января 30 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Шахлар Исмаилов, 15 лет, живу в Баку, на Старо-Почтовой ул., в д. № 80.

Во время мартовских событий армяне в Шемахе сожгли два дома моей матери Амина Ханум Исмаиловой и причинили ей убыток в 50.000 руб. Она просит возместить ей убыток. При сем представляю прошение, написанное от имени матери. Прочитано.

Подпись: Шахлар Измаилов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 102.

Документ № 252.

Протокол допроса

1919 года, февраля 1 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Кербалай Мамед Али Гасан оглы, 45 лет, временно живу в Баку, в каравансараях Захара.

Во время мартовских событий армяне разграбили у меня в Шемахе дом, причем забрали все мое имущество, перечисленное в представляемом прошении. Всего мне причинен убыток в 300.052 руб. Прочитано.

Подпись: Гаджи Магомед Али Гасан оглы (подпись).

Кербалай Мамед Али Гасан оглы он показал дополнительно:

В марте армяне убили у меня двух братьев Гаджи Ахмеда и Гусейн Кулия и жену первого из них Ниса Бягим Халил кызы и ее сына Наджафа Гаджи Ахмед оглы. При Гаджи Ахмеде было 12.000 руб., которые армяне отобрали у него. Во время бегства из Шемахи умерла моя мать Кербалай Бадам Юсиф кызы, 70 лет, моя племянница Сона Гаджи Ахмед кызы и двое моих малолетних детей. Прочитано.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 10-103 об.

Документ № 253.

Протокол допроса

1919 года, февраля 1 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Джабир Мешади Мамед Гасан оглы, 35 лет, живу в Петропавловке Джавадского уезда.

В марте прошлого года армяне разграбили мою лавку в Шемахе, причем пропала имущество, перечисленное в представляемом прошении. Всего мне причинен убыток в 80.000 руб. Убитых у меня в семье нет. Прочитано.

Подпись: Джабир Мешади Гасан оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 103 об.

Документ № 254.

Протокол допроса

1919 года, февраля 1 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Абдул Али Мешади Абас Кули оглы, 35 лет, живу в Баку на Церковной улице в д. № 15.

В Шемахе в марте прошлого года армяне разграбили мою квартиру и забрали вещи, которые перечислены в прилагаемом прошении. Мне причинен убыток в 151.40 руб. по новым ценам. Прочитано. Неграмотен.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись). **ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 104.**

Документ № 255.

Протокол допроса

1919 года, февраля 1 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Мина Кербалай Халил кызы, 30 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, Сураханская ул. д. № 50.

Я подаю заявление от имени больной двоюродной моей сестры Джохер Абдул кызы, 30 лет, проживающей в гор. Баку, по Сураханской ул., д. № 50. Во время мартовского погрома 1918 г. в гор. Шемаха армяне у двоюродной сестры Джохер подожгли дом стоимостью 7000 р. и разграбили имущество на сумму 9500 руб., а всего причинено убытку на 16.500 руб. Заявление прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 105.

Документ № 256.

Протокол допроса

1919 года, февраля 1 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мешади Багир Мешади Наджаф оглы Гасанов, 33 лет, жит. гор. Шемаха, проживаю в Баку, Нижнее-Нагорная ул., д. № 18.

Во время мартовского погрома 1918 г. в Шемахе армяне убили моего тестя Гаджи Каффара, свояка Кербалай Исмаила, жену, 4-х детей Гаджи Каффара и сына Кербалай Исмаила, подожгли в разных частях гор. Шемахи принадлежащие мне два дома и шесть лавок, стоимостью в общем 150.000 руб. (по старой оценке, а по новой 400.000 руб.); расхищено и разграблено армянами наличных денег: николаевскими деньгами 30.000 руб., золотых и бриллиантовых вещей на 79.000 руб. и других домашних вещей и разного имуще-

ства на 896.700 руб., а всего на общую сумму 1.155.700 руб. Список движимого и недвижимого имущества прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мешади Багир Гасанов (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 105 об.

Документ № 257.

Протокол допроса

1919 года, февраля 2 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ашраф Гаджи Ахад оглы Муталибов, 46 лет, житель гор. Шемахи, проживаю в Петропавловке Джавадского уезда.

В марте месяце 1918 г. отряды Лалаева Степана и Амирова вошли в город Шемаха и стали по приказаниям их убивать невинных жителей, сжигать дома, осквернять и сжигать мечети, издеваться над женщинами, убивать детей и стариков. В числе пострадавших в то время находятся и мои родственники, жители Шемахи, Ага Гусейн Хакимов, Мамед Таги Алиев (юрист), Вагаб бек Рагимбеков и т.п. Я сам пострадал только материально: сгорели и разрушены у меня 4 дома, 14 лавок и 3 бани; ограбили движимое имущество, и всего причинено мне убытку по старой расценке на общую сумму 184.950 руб., а по новой расценке на 6.810.000 руб. Список ограбленным и уничтоженным моим имуществом прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотный.

Подпись: Ашраф Гаджи Ахад оглы Муталимов.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 106.

Документ № 258.

Протокол допроса

1919 года, февраля 2 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Гейдар Султанов, 46 лет, жит. гор. Шемахи, ныне проживаю в гор. Нуха, Таза Караван-сарай.

В марте 1918 г. при приближении армянской банды, руководимой Степаном Лалаевым к городу Шемахе, зная беспощадное отношение последнего к мусульманам, я принужден был покинуть насиженное гнездо, бросить на произвол судьбы свое движимое и недвижимое имущество, чтобы искать спасение вместе с семьей на чужбине. Как передали мне последние партии

беженцев из Шемахи, армяне ворвались в город и предали огню и мечу все, не щадя ни женщин, ни детей и стариков. Несчастье не миновало и меня: подожгли армяне 3 дома мои, находящиеся в разных частях города, ограбили, а также 11 лавок подожгли. Ограбили все драгоценности, деньги и массу домашних вещей. Подожженные и разрушенные дома и лавки оцениваю по новой расценке не менее 600.000 руб. Драгоценностей, наличных денег и разного движимого имущества ограблено всего на сумму 500.000 руб., а весь убыток, причиненный мне армянами, оцениваю в общей сумме 1.000.000 руб. Список награбленного имущества при заявлении моем прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мешади Гейдар Султанов (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 106 об.-107

Документ № 259.

Протокол допроса

1919 года, февраля 3 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кязым Молла Самад оглы, 30 лет, жит. Шемахи, проживаю в Агдаше.

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемаха армяне и молokane (русские) подожгли мой дом и ограбили имущество мое по старой оценке всего на сумму 85.000 руб., а по новой расценке дом и имущество оцениваю в 850.000 руб. Заявление мое вместе со списком прошу приобщить к делу. Во время бегства в марте из Шемахи, по дороге от испуга от разрыва сердца умерли два сына: Халид, 4 лет, и Надир, 5 лет. В Шемахе при входе в свой дом был пристрелен родной брат мой Баба Керим Молла Самад оглы. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Кязым Молла Самад оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 108.

Документ № 260.

Протокол допроса

1919 года, февраля 3 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Молла Джавад Заде Гаджи Баба Молла Джаббар оглы, 22 лет, жит. Шемахи, проживаю в Баку, на фабрике Тагиева.

Я подаю заявление от имени отца моего Моллы Джаббар Молла Джавад Заде, который во время событий мартовских 1918 г. в Шемахе пострадал от армянских солдат, кои подожгли отцовский дом и разграбили имущество все в общей оценке на сумму 225.000 руб.

Как видно из прилагаемого при сем заявления армянами была убита сестра Молла Джаббара Кюльназ, беременная вместе с малолетней дочерью последней на руках ее.

Заявление с оценкой причиненным убыткам прошу приобщить к делу. Грамотен.

Подпись: Гаджи Баба Джавадов.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 108 об.

Документ № 261.

Протокол допроса

1919 года, февраля 3 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Агад Самад оглы, 45 л., жит. Шемахи, проживаю тем же.

В марте 1918 г. при нашествии армян на город Шемаху последними поожжены и разрушены мой дом стоимостью по старой расценке 9000 руб. и разграблено разного имущества на 35.000 руб. по старой расценке, а всего причинено убытку на сумму 44.000 руб.

Во время этих событий армянами убиты: отец мой Самад Ага Мирза оглы мать моя Мина Гаджи Салман кызы и два брата Ахмед и Али Самад оглы. Сестры мои были взяты в плен и привезены в Баку, которых я нашел потом спустя 1 1/2 месяца. Сестер моих зовут Наринч и Сурейя Самад кызы. Прошение вместе со списком прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотный.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 109.

Документ № 262.

Протокол допроса

1919 года, февраля 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Ханум Алманаф кызы, 36 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку по 4 Тазапирскому переулку, в д. № 24.

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемаха армянами ограблено у меня разного имущества всего на сумму 9.530 руб. Прошение мое с описью вещей прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотна.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 110.

Документ № 263.

Протокол допроса

1919 года, февраля 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Захра Гули кызы, 30 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, по 4 Тазапирскому пер., в д. № 24

Во время мартовских событий 1918 года в гор. Шемахе армянами подожжен и разрушен у меня дом, стоимостью ...руб., и ограблено разного имущества на сумму 16.660 руб., а всего причинено убытку на сумму руб. Прошение мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 110 об.

Документ № 264.

Протокол допроса

1919 года, февраля 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., которая показала:

Черкез Баги кызы, 32 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Верхнее-Нагорной ул., в доме № 5

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемаха армянами подожжен мой дом стоимостью по старой оценке приблизительно в сумме 2500 руб. и ограблено разного имущества на сумму 16.920 руб., а всего причинено мне убытку 19.420 руб.

Кроме того, армянами убиты мой муж и старший сын, а я сама с тремя малолетними детьми были пленена и приведены в Баку, где отыскала своего родственника и приютилась у него.

Прошение прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 110 об.

Документ № 265.

Протокол допроса

1919 года, февраля 5 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Сафтар Гани оглы, 36 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в Петропавловке Джавадского уезда Бакинской губ.

Я долгое время торговал в сел. Петропавловка и нажив порядочное состояние в 1917 г. поехал в родной город Шемаху, где открыл себе лавку. Видно, не суждено было мне пользоваться благами, добытыми путем долгой и упорной работы, хлопот и забот. В марте 1918 г. разыгрались события, жертвой которых стал и я. При приближении в марте армянских солдат к городу Шемаха, я принужден был покинуть родной город вместе с женой и ребенком и оставить все свое имущество на произвол судьбы. Не миновал погрома имущество и я. Армяне разграбили и лавку, и домашние вещи, а всего причинено мне убытка на сумму 25.000 рублей. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мешади Сафтар Гани оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 111

Документ № 266.

Протокол допроса

1919 года, февраля 5 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Меджид Абас оглы, 35 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Сураханской ул., в доме № 50

В марте 1918 г. при приближении армян к Шемахе, все жители мусульмане, в том числе и я, зная зверское отношение к нам армян, в панике бежали из города. Жена моя успела спастись также, но мать моя с малолетним ребенком попала в руки армян, которые и пристрелили их.

Оставшееся имущество мое – движимое и недвижимое, всего на сумму 132.800 руб., было разграблено и подожжено, как видно из прилагаемого при сем списка. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мешади Меджид Абас оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 111 об.

Документ № 267.

Протокол допроса

1919 года, февраля 5 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Амир Аслан Гаджи Микаил оглы, 39 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Кюрдамире, на Базарной ул. в доме Гадирова.

Во время погрома гор. Шемахи в марте 1918 г., когда армянами беспощадно предавались мечу и огню все, что им не попадалось на пути, я, щадя жизнь, взял свою семью и убежал в панике из города. Оставленные на произвол судьбы два дома (один из них принадлежит моему брату Мамед Садыху, убитому в Кюрдамире армянскими солдатами) и все имущество погибли от погрома и поджога. Два подожженные дома и ограбленное имущество мое и брата покойного оцениваю в сумме 180.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Амир Аслан Гаджи Микаил оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 112.

Документ № 268.

Протокол допроса

1919 года, февраля 5 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Султан Мурад Али оглы Исмаилов, жит. гор. Шемахи. Проживаю в Агдаше временно, а постоянно бываю в Ляках в качестве учителя деревенской школы.

В марте 1918 г. при разгроме гор. Шемахи армянами подожжен дом мой и имущество, оцененные, по старой оценке, в сумме 55.000 руб.

Я подаю также два заявления от имени моего дяди Баба Джалила Исмаил оглы Джалилова и племянника моего Абдул Баги Гаджи Молла Гамид оглы, жители гор. Шемахи, проживающих: первый в Уджарах, а второй в Агдаше. Они не могут явиться для личного допроса, но при надобности могут приехать и давать лично показания. Мой дядя Баба Джалил во время мартовских событий в Шемахе понес убытки (сгорел дом и ограблено имущество) всего на сумму 113.000 руб., а племянник мой Абдул Баги понес убытки (сгорел дом и ограблено имущество) всего на сумму 100.000 руб.

Все три заявления прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: С.М. Исмаилов.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 112 об.

Документ № 269.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Мамед Али Гаджи Шафи оглы Шафиев, 62 года, живу в Баку на Базарной ул. в д. № 17.

В марте 1918 года, во время погромов, учиненных армянами в Шемахе, был разграблен и сожжен и мой дом, причем были расхищены разные драгоценные и домашние вещи, перечисленные в представляемом прошении. Мне в общем, причинен убыток в 438.000 руб. по существующей цене. Прочитано. Неграмотен.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 113.

Документ № 270.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Садар Гаджи Иман кызы, 30 лет, живу в Баку, на Сураханской ул. в д. № 50.

Во время прошлогодних мартовских событий армянские солдаты в Шемахе разграбили у меня вещи, перечисленные в прошении, которое я при сем представляю. Похищенные вещи стоили 8500 руб. Прочитано. Неграмотная.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 113 об.

Документ № 271.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Бадам Кербалай Абдул Гусейн кызы, 25 лет, живу в Баку на Сураханской ул., в д. № 50.

В прошлом году, в марте, армяне разграбили мои вещи, перечисленные в прилагаемом прошении, стоимостью в 63.900 руб. Прошу вознаградить меня за понесенные убытки. Прочитано. Неграмотная.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 113 об.

Документ № 272.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Теймур Кербалай Юсуф оглы, 37 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, по Сураханской ул. д. № 47

В марте 1918 г. при вступлении армян в город Шемаху, когда беспощадно передавались мечу и огню жизнь и имущество мусульман, пострадал от армян и я: армянами подожжен, разрушен мой дом и расхищено имущество, оцененное в общем на сумму 48.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 114.

Документ № 273.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Керим Абдул Али заде, 35 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, на фабрике Г.З.Тагиева.

Во время мартовских событий 1918 г. армянами в гор. Шемаха подожжен мой дом стоимостью по старой оценке 18.000 руб. (а по новой оценке не менее 100.000 руб.) и ограблено имущество на сумму 12.000 руб. (а по новой оценке не менее 40.000 руб.), а всего причинено мне убытку 30.000 руб. (а по новой на 140.000 руб.). заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Керим Абдул Ализаде.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 114 об.

Документ № 274.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Умми Ханум Мешади Казим кызы, 35 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, по Гимназической ул., д. № 55.

В марте 1918 г., когда армянские солдаты ворвались в гор. Шемаха, то я с двумя детьми принуждены были спастись бегством, зная заранее зверское

отношение армян к мусульманам. Я имела хорошее состояние: 10 лавок, одну баню и хороший каменный дом богатое имущество, а теперь стала совсем обездоленной, потеряв все. Армяне беспощадно подожгли все мое недвижимое имущество, а движимое начисто ограбили. Всего причинено мне убытка на сумму 627.500 руб. по новой расценке. Список ограбленным и подожженным имуществам прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 114 об.

Документ № 275.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Джавад Мешади Казим оглы, 24 лет, жит. Шемахи, проживаю в Баку, по Гимназической ул., д. № 55

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемаха армянами подожжены у меня два дома и одна лавка, и ограблено имущество, всего причинено мне убытка по новой оценке на сумму 192.300 руб. Список ограбленному и подожженному имуществу прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 115.

Документ № 276.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Газанфар Адигёзал оглы, 27 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Верхнее-Газапирской ул., в доме № 25\2

В марте 1918 г., когда армяне ворвались в гор. Шемаха, я вырвался с трудом из города и спас, таким образом, свою жизнь, а не успевшие спастись бегством жена моя, брат мой Баба, сын Гейбат, жена брата с двумя малолетними детьми и две тетки, все они были зверски убиты армянами.

Армянами подожжен дом мой и ограблено имущество, всего причинено мне убытка на сумму 16.500 руб. по старой оценке. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 115 об.

Документ № 277.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Кулам Мешади Ибрагим оглы, 23 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку.

При нашествии армян на Шемаху, зная их зверское отношение к мусульманам, в марте 1918 г. я с матерью, двумя сестрами еле спаслись бегством, а оставшиеся и не успевшие вырваться из города отец мой, малолетний брат и сестра погибли от меча армян. Армянами подожжен дом мой и ограблено имущество: всего причинено мне убытку на сумму 11.600 руб. по старой оценке, а по новой не менее чем на 100.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мешади Кулам Мешади Ибрагим оглы.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 115 об-116.

Документ № 278.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кербалай Мамед Кербалай Таги оглы, 19 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Орловской ул. д. № 30

В марте 1918 г., когда армяне ворвались в гор. Шемаха, начали зверски убивать мусульман и в числе погибших от армян оказались тетка моя Гюлли с дочерью своей Гехар. Я успел вырваться из города, и пострадало только мое имущество, которое было ограблено армянами, в также подожжен одноэтаж. дом. Всего причинено мне убытка на сумму 35.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 116.

Документ № 279.

Протокол допроса

1919 года, февраля 9 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Тапдых Фарзали оглы, 20 лет, жит. гор Шемахи, проживаю в гор. Баку, на фабрике Тагиева.

Я подаю заявление от имени матери моей Гюлли Бегим Молла Джавад кызы, пострадавшей в марте 1918 г. в Шемахе от нашествия армянских банд, ограбивших имущество матери и уведших ее в плен. Как рассказывала мне мать, «армяне беспощадно убивали мужчин, в особенности здоровых, а женщин и детей уводили частью в плен, а частью расстреливали. Но по счастью я осталась жива и после долгих мытарств добралась до Баку, где нашла у родного сына пристанище для себя». Как видно из заявления, причинено матери моей убытка всего на сумму 100.120 руб., по новой оценке. Заявление матери маей прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 117.

Документ № 280.

Протокол допроса

1919 года, февраля 9 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Гаджи Керим Джалил оглы, 51 л., жит. гор. Кубы, проживаю в Баку по Кубинской ул. д. № 13.

Почти 30 лет проживал в Шемахе, обосновался как следует: купил себе дом, арендовал гостиницу и собрал для себя много домашнего скарба. Но видно не суждено было на склоне лет пользоваться добытыми долгими трудами благами. В злополучные мартовские дни 1918 г. нагрянули армяне на Шемаху, подожгли дом, стоимостью по новой оценке в 25.000 руб. и ограбили домашнее имущество на сумму 35.000 руб., а всего причинено мне убытка на сумму 60.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: К.Джалил оглы.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 118.

Документ № 281.

Протокол допроса

1919 года, февраля 10 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Мешади Саяре Али Аскер кызы, 40 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, по Персидской ул., 1-й тупик, д. № 6

При наступлении армянских банд на гор. Шемаху в марте 1918 г., я успела вместе с двумя малолетними детьми спастись бегством, а муж мой с малолетней дочерью не успели спастись и погибли от рук армян. Мужа моего зовут Мешади Ага Керим Кербалай Ашим оглы.

Армянами подожжен мой дом и ограблено все имущество, а всего причинено убытка на 85.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотная.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 119.

Документ № 282.

Протокол допроса

1919 года, февраля 6 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мамед Пулат оглы, 35 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в Агдаше.

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемахе армянскими бандами подожжен дом и ограблено имущество мое, а всего причинено убытка на сумму 189.000 руб.

Я подаю заявление также от имени племянника моего, жит. гор. Шемахи, Боюк Аги Ахад оглы, у которого армянами убит отец Ахад Ибрагим Халил оглы и ограблено имущество и подожжен дом. А всего причинено убытка на сумму 110.000 руб. В данное время все семейство убитого Ахада, состоящего из 3-х душ (вдова с двумя детьми) находится на моем иждивении в Агдаше.

Заявление мое и заявление моего племянника Боюка прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мамед Полад оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 120.

Документ № 283.

Протокол допроса

1919 года, февраля 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ашраф Кербалай Зейнал оглы, 50 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Каменистой ул., дом Али Аббаса.

Во время мартовских событий 1918 г., когда в Шемахе произошли кровавые боины благодаря зверству армян, от которых пострадал и я: при бегстве из Шемахи я был ранен армянами, убиты племянник и племянница, а сам ограблен

начисто и подожжен мое дом – всего же причинено мне убытка на сумму 279.000 руб. (в том числе и имущество лавки). Кроме того у меня оставалось на хранении имущество малолетнего племянника-сироты Али Гасана и вдовы сестры Удхана Кербалай Зейнал кызы (у первого на сумму 50.000 руб., а у второй на сумму 100.000 руб.), которое было также ограблено армянами. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 121.

Документ № 284.

Протокол допроса

1919 года, февраля 12 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Тута Ханум Кербалай Абдул кызы, жительница гор. Шемахи.

Во время прошлогодних мартовских событий армяне разграбили в Шемахе мою квартиру и при этом забрали вещи, которые причислены в прилагаемом прошении. Всего мне причинен убыток в 5000 руб. Прочитано. Неграмотная.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 122.

Документ № 285.

Протокол допроса

1919 года, февраля 14 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Асадулла Гаджи Али Аббас оглы Магеррамов, 42 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Нижне-Тазапирской ул., д. № 75.

Во время мартовских событий 1918 года армянами в гор. Шемахе ограблено мое имущество, в том числе и драгоценности на сумму 75.000 руб., подожжены 2-х этажный каменный дом и четыре раствора-лавки, стоимостью 80.000 руб., а всего причинено мне убытка на сумму 155.000 руб. по старой оценке, а по новой оценке на сумму 500.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Асадулла Магеррамов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 123.

Документ № 286.

Протокол допроса

1919 года, февраля 15 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Султан Ахмед бек Ага Абдулла бек оглы, 18 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Ст.-Почтовой ул., тупик 7, дом № 4.

В марте 1918 г., когда армянские банды ворвались в гор. Шемаху и стали расстреливать мусульман, грабить и поджигать дома, я с сестрой вырвался из объятия смерти и пришел пешком в Баку, терпя по пути муки и страдания. Во время этих событий погибли от рук армян бабушка, мать и малолетняя сестра, и подожжен дом и ограблено все наше имущество, а всего причинено нашему семейству убытка на сумму 85.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Султан Ахмед бек Ага Абдулла бек оглы.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 124.

Документ № 287.

Протокол допроса

1919 года, февраля 15 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Самед Кербалай Али Аскер оглы, 15 лет, жит. гор. Шемаха, проживаю в гор. Баку по Ст. Почтовой ул., д. № 35.

Во время мартовских событий 1918 г., когда армяне в гор. Шемахе беспощадно убивали мусульман, грабили и поджигали дома, то не уцелело и наше семейство: убиты у меня отец, брат, дедушка, мать и дядя. Один я, несчастный, вырвался из ада смерти и после долгих мытарств, пробрался в Баку, где влачу полуголодное существование. Жили хорошо в Шемахе, имели дом и имущество, а теперь все погибло в огне и ограблено армянами: всего причинено убыток на сумму 87.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 125.

Документ № 288.

Протокол допроса

1919 года, февраля 16 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Баба бек Исрафилбеков, 34 года, живу в Баку, в Глухом переулке, в д. № 23\25

Во время прошлогодних мартовских событий армянам, которые находились под начальством Амирова и Лалаева, в Шемахе был сожжен мой дом с дворовыми пристройками, стоивший около 30.000 руб. по старым ценам; по новым ценам мой убыток равен 120.000 руб.

Там же был сожжен в это время дом моего дяди Гаджи Магьядин бека Исрафилбекова, стоивший по теперешним ценам 108.000 руб.; а моего дядю и его племянницу Захра Ханум Султан Мурад бек кызы, девочку лет 15 или 16, убили.

В то же время в Шемахе был сожжен дом другого дяди Мешади Рагима Гаджи Султан оглы, у которого убили сыновей Али Абаса и Ага Керима. Жену дяди Мюшки Мамедову и жену Али Абаса с ребенком увели в плен, откуда они не возвратились и пропали бесследно. Мешади Рагиму причинен убыток в 160.000 руб. по новой оценке.

В Шемахе пострадал также моя двоюродная сестра Бегум Ниса Ага Юсиф кызы Гусейнбекова, у которой армяне сожгли дом, стоивший вместе с домашними вещами 15.000 руб.; по новой оценке Бегум Нисе причинен убыток тысяч в 60.000 руб.

В марте в Баку армянские солдаты убили на моих глазах моего брата Мамед бека Исрафилбекова, оставив его жену и сына без всяких средств. Прочитано.

Подпись: Аб. Исрафилбеков.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 126.

Документ № 289.

Протокол допроса

1919 года, февраля 18 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мурсал Мамедович Ибрагимов, 19 лет, живу в м. Казах.

В марте прошлого года армяне в Шемахе разграбили и сожгли мой дом. При этом пропали вещи, перечисленные в прилагаемом прошении, стоимостью в 227.200 руб. Прошу вознаградить меня в означенной сумме. Во время мартовских событий армяне ранили моего брата Али Овсада, который и скончался от полученной раны. Прочитано.

Подпись: Прапорщик М.Ибрагимов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 127.

Документ № 290.

Протокол допроса

1919 года, февраля 19 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мамед Садых бек Рагибеков, 42 года, живу в Баку на 5 Канитапинской ул. в помещении городского санитарного обоза.

Во время прошлогодних мартовских событий армяне в Шемахе разграбили и сожгли мой дом, причем погибло имущество, перечисленное в представляемом прошении. Всего мне причинен убыток в 64.540 руб. Прочитано.

Подпись: Мамед Садых бек Рагимбеков.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 128 об.

Документ № 291.

Протокол допроса

1919 года, февраля 20 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Гаджи Халил Абдул Разак оглы, жит. гор. Шемаха, проживаю в Баку.

Во время мартовских событий 1918 г. в г. Шемаха армянами подожжен дом, ограблены кожаные товары и разные домашние вещи, а всего причинено убытка на сумму 207.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 129.

Документ № 292.

Протокол допроса

1919 года, февраля 22 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Юсуф бек Мовсум бек оглы Алиев, 31 г., жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, Караван-сарай Захарьина.

Во время мартовских событий 1918 г., когда армянами беспощадно предавалось огню и мечу жизнь и имущество мусульман, я со всем семейством вырвался из гор. Шемаха и отправился пешком со всеми в местечко Геокчай. Потрясенные этими ужасными событиями и утомленные по дороге голодные

и холодные, родная мать моя Гурейш Ханум Кербалай Багир кызы, 53 л., жена Гаджи Бика Гаджи Керим кызы, 18 лет, и сын мой Мовсум бек Юсуф бек оглы, 7 лет, заболели и все умерли страдальческой смертью. По дороге мы все подверглись ограблению со стороны армян: раздели всех почти до гола и отобрали ценные костюмы и меховые шубы, бриллиантовые кольца, золотые часы, всего на сумму 20.000 руб.

Кроме того, армянами подожжены дом 10 лавок, ограблены домашние вещи, в том числе ценные ковры и золотые вещи, всего же причинено мне убытка на сумму 237.000 руб., а вместе с ограбленным по дороге имуществом всего на сумму 257.000 руб. заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Юсиф бек Мовсум бек оглы Алиев.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 130-130 об.

Документ № 293.

Протокол допроса

1919 года, февраля 23 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Мамед Багир Абдул Гусейн оглы, 38 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Церковной ул., дом № 80.

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемахе я находился в Баку, а семейство мое, состоящее из матери Захры Кербалай Мир Ага кызы, 59 лет, сестры Гамара Абдул Гусейн кызы, жены Рухсаре Алекпер кызы, 25 лет, и малолет. сына Али, проживало в то время в Шемахе, которое и погибло от злодейских рук армян.

Армянами в Шемахе причинено мне убытка всего на сумму 178.200 руб. (подожжены дом, лавка, ограблены домаш. вещи, налич. деньги и драгоценности). Заявление прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 132.

Документ № 294.

Протокол допроса

1919 года, февраля 23 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али бек 43 л. и Агаси бек Гусейнбековы, 55 л., жит. гор. Шемахи, проживаем в Баку, по Губернской ул., д. Ханларова, д. № 39.

При наступлении армян на Шемаху в марте 1918 г. ранен армянами в правую ногу Али бек Гусейнбеков, но успел спастись бегством. Все имущество и дом, нераздельно принадлежавшие братьям Али беку и Агаси беку Гусейнбековым, ограблены и подожжены, разграблена также и лавка, всего причинено убытка на сумму 296.300 руб. Заявление моего брата Агаси бека Гусейнбекова прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Али бек Гусейнбеков.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 132 об.

Документ № 295.

Протокол допроса

1919 года, февраля 27 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Али Юсиф Гусейнов, 37 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в местечке Петропавловка, в доме Мешади Муталима.

Во время мартовских событий 1918 г., когда армянские банды ворвались в Шемаху и истребляли беспощадно имущество мирных мусульман, истязали и убивали их, я со всем своим семейством спасся бегством в Петропавловку, где я теперь влачу жалкое существование, так как с трудом, потом и кровью нажитое мною движимое и недвижимое имущество было начисто подожжено и ограблено армянами. Свои убытки я оцениваю в 188.000 руб.: подожжен каменный дом со всеми пристройками, ограблены наличные деньги, золотые дамские украшения, дамские и мужские костюмы и другие домаш. вещи. Заявление мое прошу приобщить к делу.

Прошу принять к сведению и приобщить к делу заявление нижепоименованных лиц, которые по некоторым обстоятельствам не могли приехать из Петропавловки, где они проживают, и лично подать свои заявления: 1) родного брата моего Мешади Меджида Гусейнова, 39 л., у которого подожжен дом и ограблено имущество, все в оценке 114.000 руб.; 2) Мешади Селима Гусейнова, родного дяди моего, которому армянами причинено убыток на сумму 78.000 руб. (подожжен дом и ограблено имущество); 3) Фатьмы Ханумы Гаджи Абдул Гусейн кызы, племянницы моей, которой причинено армянами убытка на сумму 878.000 руб. (подожжен дом, ограблены налич. деньги (120.000 руб.), подожжены три лавки, ограблено имущество, в том числе и, большой запас пшеницы, ячменя и товары).

Как видно из этого заявления вооруженными армянами зверски убиты: 75 летний отец заявительницы, 18 летний ее родной брат Ага Самед, двоюродный брат Газанфар Зейнал оглы, 13 лет, и 60-ти летней дядя мой Зейнал Мешади Гусейн оглы; 4) Ага Джафара Гаджинского, которому армянами причинено убытка

на сумму 94.000 руб. (подожжен дом и ограблено имущество). Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мешади Али Юсуф Гусейнов.

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 136-136 об.

Документ № 296.

Протокол допроса

1919 года, февраля 27 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мешади Али-Иса Мамед оглы, 32 лет, жит. гор. Шемахи. Проживаю в местечке Геокчай Бакинской губ., в доме Сааба Касумова, известного мельника.

В марте 1918 г. при наступлении армян в Шемаху, где армянские вооруженные банды беспощадно жгли дома, грабили имущество и убивали мирное мусульманское население, я находился в то время на улице Юхары-Кала, где обсуждался вопрос о сдаче города. Получив от соседей известий, что армяне окружили мой дом и подожгли его, я стремглав побежал к себе и увидел окровавленный труп моей матери Фарруха, 55 л. Армяне, увидя меня издали, стали стрелять в меня, но я, не успев захватить с собой труп моей матери, сам скрылся и спасся таким образом, от верной смерти.

Армянами причинено мне убытка на сумму 22.500 руб. (подожжен дом и ограблено имущество), что и указано в моем заявлении, которое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мешади Али Иса Мамед оглы.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 137.

Документ № 297.

Протокол допроса

1919 года, февраля 28 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Теймур Гаджи-Мехти оглы, 27 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в сел. Петропавловка Шемахинского уезда Бакинской губ.

В марте 1918 г., когда вооруженные отряды армян ворвались в гор. Шемаху и стали поджигать дома, грабить и убивать мирных мусульман, я со всеми родными своими в числе 25 человек спаслись бегством и после долгих мытарств добрались до сел. Петропавловка. Во время этого передвижения, какие мучения и страдания

терпели старики, дети и женщины: многие из них переболели и умерли. Так что из этой партии беженцев в 25 человек осталось в живых только 11 человек: умерли по дороге некоторые от разрыва сердца, а некоторые от эпидемических болезней. Погибли: отец мой Гаджи Мехти, 70 лет, мать Мешади Багим Гаджи Зербали кызы, брат родной Мешади Асадулла, жена его Мешади Бильгейс Гаджи Манаф кызы, жена другого брата Гамар Ханум Мешади Али кызы и девять душ малолетних детей упомянутых лиц.

При этом я заявляю, что во время мартовских событий 1918 г. в Шемахе армянами причинено мне убытка на сумму 855.600 руб. по старым ценам: подожжены 2-х этаж. Каменный дом, (6) шесть лавок и водяная мельница с пристройками, ограблены домашние вещи, товары шорной лавки, мануфактура магазина и бакалейные лавки. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Теймур Гаджи-Мехти оглы (арабскими буквами).

Члены Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев, А.Клуге (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 138-138 об.

Документ № 298.

Протокол допроса

1919 года, марта 1 дня, г. Баку

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Али Сааб Кербалай Ага Кули оглы Халилов, 24 года, живу в сел. Петропавловка.

Во время прошлогодних мартовских событий армяне расхитили мое имущество, перечисленное в прилагаемом прошении, стоимостью в 540.000 руб. Прочитано.

Подпись: Али Сааб Кербалай Ага Кули оглы Халилов.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 139.

Документ № 299.

Протокол допроса

1919 года марта 1 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Рза Кули Кербалай Абдул Али оглы, 45 лет, живу в сел. Петропавловка.

В марте прошлого года армяне разграбили в Шемахе мою лавку, причем взяли мои ковры и другие вещи, перечисленные в представленном прошении. Мне причинен убыток в 158.500 руб. Прочитано.

Подпись: Мешади Рза Кули Кербалай Абдул Али оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 139-139 об.

Документ № 300.

Протокол допроса

1919 года, марта 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Али Баба Кербалай Гусейн Кули оглы, 28 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, по Сураханской ул., в доме № 53.

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемахе армянами причинено мне убытка на сумму 78.000 руб. по старым ценам, а по новым - на 192.000 руб. (подожжен дом, ограблено имущество). В то время я жил здесь в Баку со всем семейством, а двоюродный брат мой Сафтар Кули оглы с женой и дочерью жили в Шемахе в доме наследственном: армяне напали на них, **убили** их, ограбили все наше имущество и подожгли дом. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Али Баба Кербалай Гусейн Кули оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 141.

Документ № 301.

Протокол допроса

1919 года, марта 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Абдул Касим Мамед Заид оглы, 32 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, по Азиатской ул., д. № 40.

В марте 1918 г. когда разыгрались кровавые события в Шемахе и армяне беспощадно убивали мирное мусульманское население и поджигали дома, грабили имущество, я жил в Баку, а все семейство мое жило в Шемахе: мать Гюллар Осман Эфенди кызы, сестра Мушки Мамед Заид кызы с четырьмя детьми малолетними и жена моя Тура Таджеддин Эфенди кызы. Все упомянутые лица частью убиты армянами, частью погибли по дороге после бегства их из Шемахи от эпидемических болезней.

Армяне подожгли одноэтажный дом мой и ограбили все мое имущество и весь убыток свой оцениваю в 38.000 руб. по старым ценам, а по новым в 114.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Абдул Касим Мамед Заид оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 141 об.

Документ № 302.

Протокол допроса

1919 года, марта 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Мустафа Молла Мосум оглы, 28 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Сураханской ул., д. № 42.

В марте 1918 г., когда армяне вооруженные ворвались в Шемаху и стали убивать и грабить мирных мусульман, я с дядей Ага Джафар Мешади Кязим оглы, матерью Дости Ханум Гусейн Кули кызы, братьями Махмуд Мосум оглы и Сааб Кули Мосум оглы спаслись бегством, но по дороге во время тяжелых и мучительных передвижений кроме меня все заболели и умерли от тифа.

Армянами причинено мне убытка на сумму 26.000 руб. по старым ценам, а по новым на 91.000 руб. (подожжен дом и ограблено имущество). Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 142.

Документ № 303.

Протокол допроса

1919 года, марта 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Ага Гасан Гафар оглы, 30 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Нижне-Приютской ул., д. № 6, туп. № 2.

Во время мартовских событий 1918 года в Шемахе армянами убиты: тесть мой Мешади Шериф Кардаш оглы, брат мой Али Мардан, 25 лет, мать Салтанат Селим кызы и малолетний сын мой Ага Кязим.

Оставшееся на произвол судьбы имущество мое было ограблено и подожжен 2-х этажный каменный дом. Весь убыток свой оцениваю в 23.622 руб. по старым ценам, а по новым в 83.650 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Ага Гасан Гафар оглы (арабскими буквами).

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 142.

Документ № 304.

Протокол допроса

1919 года, марта 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Гамид Али Аскер оглы, 16 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, по Верхне-Нагорной ул., д. 3 26.

В марте 1918 г., когда армяне вооруженные ворвались в гор. Шемаху, я со всеми родными покинули последний. По дороге благодаря тяжелым условиям голодные и холодные, заболели отец мой Али аскер Абдурахман оглы, 60 лет, и сестра моя Сафура, 12 лет и умерли от тифа. Я после долгих мытарств добрался с трудом вместе с матерью до Баку, и здесь теперь влачим жалкое существование. В Шемахе мы потеряли все свое имущество, которое было ограблено армянами, кроме того последними подожжен наш 2-х этажный каменный дом. Весь убыток наш, причиненный армянами, я оцениваю в 54.000 руб. по старым ценам, а по новым - в 174.000 руб. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Абдул Гамид Али Аскер оглы.

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 142 об.

Документ № 305.

Протокол допроса

1919 года, марта 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованную в качестве потерпевшей с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., которая показала:

Хаджар Ханум Кербалай Абдул Гусейн кызы, 50 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Нижне-Нагорной ул., туп. 5, д. № 1.

В марте 1918 г. при вступлении вооруженных армянских банд в гор. Шемаху армянами причинено мне убытка на 168.800 руб. (подожжен 2-х этажный каменный дом с двумя конюшнями, ограблены домашние вещи и масса золотых и серебряных вещей). Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотная.

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 143.

Документ № 306.

Протокол допроса

1919 года, марта 4 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Али Овсат Мешади Джалил оглы, 40 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Церковной ул., д. № 19.

Во время мартовских событий 1918 г. в Шемахе вооруженные армяне ворвались в наш дом, убили двух братьев – Мешади Сафтара, 25 лет, и Сафар Али, 12 лет, и сестру мою Ширин Беим 8 лет, и престарелую мать Кюлсум Мешади Магеррам кызы, 55 лет, ограбили все наше имущество, а затем подожгли одноэтажный каменный дом и еще другой дом 2-х этажный, смежный с первым домом. Я весь убыток оцениваю 9.950 руб., а по новым - 90.000 руб. Заявление свое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мешади Али Овсат Мешади Джалил оглы.

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 143 об.

Документ № 307.

Протокол допроса

1919 года, марта 7 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Мешади Исмаил Мешади Мамед оглы Зейнал-Заде, 28 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в сел. Астраханка Ленкоранского уезда.

Во время мартовских событий 1918 года в гор. Шемаха армянами и моллоканами (русскими) причинено мне убытка на 1.060.000 руб. по современной оценке (подожжен 2-х этажный каменный дом в 28 комнат, ограблены 80 ковров, полная обстановка, платья, домашние вещи и золотые и бриллиантовые вещи). Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Мешади Исмаил Мешади Мамед оглы Зейнал-Заде.

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 144.

Документ № 308.

Протокол допроса

1919 года, марта 7 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Ибрагим Халил Заде, 31 л., жит. гор. Шемахи, проживаю в сел. Петропавловка Джеватского уезда.

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемахе армянами причинено убытка на сумму 370.000 руб. по новым ценам (подожжен каменный дом в 5 комнат и шелковая фабрика, ограблены 50 ковров, домашние вещи и полная обстановка и драгоценные вещи). Заявление мое прошу приобщить к делу.

Кроме того подаю заявление от имени малолетней сироты, двоюродного брата моего Боюк-Ага бека Юзбашева, который находится в данное время у меня в сел. Петропавловка на моем иждивении. Он до событий жил в своем наследственном доме у своего дяди Теймур бека Юзбашебекова, убитого во время мартовских событий армянами. У Боюк Ага бека подожжен каменный дом в 3 комнаты, ограблены 9 ковров, полная обстановка, платья, домаш. вещи и драгоценности, всего армянами и молочанами (русскими) причинено убытка по современной оценке на сумму 305.000 руб. Заявление Боюк Ага бека прошу также приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Ага Ибрагим Халил Заде (арабскими буквами).

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 144 об.

Документ № 309.

Протокол допроса

1919 года, марта 7 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Кюль-Ахмед Кюль-Ахмедзаде, 40 лет, жит. гор. Шемаха, проживаю в Баку, по Колодезной ул., д. № 19.

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемаха армянами и молочанами (русскими) причинено мне убытка на 643.645 руб. по современным ценам (подожжен 2-х этажный каменный дом в 16 комнат, 4 лавки и одна мельница, ограблены 23 ковра, домаш. вещи, драгоценности и большая партия табаку). Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Кюль-Ахмед-Заде (арабскими буквами).

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 145.

Документ № 310.

Протокол допроса

1919 года, марта 7 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Гани Мешади Джалил оглы, 34 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, по Церковной улице, д. № 19.

Я подаю заявление от имени малолетнего Багира Кербалай Мухтар оглы, который живет у меня по вышеуказанному адресу на моем иждивении. Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемахе армянами убиты отец Багира- Кербалай Мухтар Кербалай Багир оглы, 42 л., мать Тохва-Ниса, 28 лет, и брат Али Гусейн, 16 лет, подожжен дом и ограблено имущество. Все убытки оцениваются в сумме 8.034 руб. по старым ценам, а по новым в 89.000 руб. Заявление Багира Кербалай Мухтар оглы прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 146.

Документ № 311.

Протокол допроса

1919 года, марта 7 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Ибрагим Мешади Мамед оглы, 35 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Церковной ул., туп. 5, д. № 5.

Во время мартовских событий 1918 г. в гор. Шемаха армянами причинено мне убытка на 9.075 руб. по старым ценам, а по новым – на 119.000 руб. (подожжен дом и ограблено имущество). Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано. Грамотен.

Подпись: Ага Ибрагим Мешади Магомед оглы.

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 146 об.

Документ № 312.

Протокол допроса

1919 года, марта 13 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Гаджи Сафтар Гаджи Наджаф Кули оглы Магеррамов, 54 лет, жив. в Гяндже, в доме доктора Каракозова, у железного моста.

Во время мартовских событий 1918 года в городе Шемахе мой дом на Грузинском базаре был разграблен и сожжен до основания. Движимое имущество разграблено. Представляю опись и оценку имущества моего, и прошу приобщить ее к делу. Общая сумма моих убытков 596.500 рублей. Прочитано.

Подпись: Гаджи Сафтар Магеррамов.

Член Комиссии: Александрович (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 149.

Документ № 313.

Протокол допроса

1919 года, марта 17 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Исмаил-бек Али-бек оглы Алиев, постоянный житель гор. Шемахи, проживающий в гор. Баку по Шемахинской улице дом № 18, помощник мирового судьи. 46 лет.

У меня лично в гор. Шемахе было недвижимое и движимое имущество, состоявшее из двенадцати каменных лавок на Большой Базарной улице и движимое имущество – ковры, домашняя обстановка и драгоценности. Во время нападения армян и молочан в марте месяце 1918 года на Шемаху последними были в числе других сожжены мои лавки, а движимое имущество было расхищено. Я понес вследствие этого, убытка на сто тридцать шесть тысяч (136) рублей по прежнему курсу рубля. Что по настоящей оценке составить один миллион триста шестьдесят тысяч (1.360.000) рублей, об убытках представляю особое заявление.

Тогда же при тех же обстоятельствах были подожжены и сожжены 14 торговых лавок, один дом, разгромлена каменная баня и похищены разные драгоценные вещи, мебель, зеркала, и прочее движимое имущество, принадлежащие моему отцу Али беку Гаджи Ага бек оглы Алиеву, на сумму двести восемьдесят тысяч рублей по прежней оценке, что по современной оценке составит два миллиона восемьсот тысяч рублей (2.800.000). Представляю заявление отца об убытках, потому что он по старости и болезни не может явиться лично.

Я и отец во время описанных событий находились в гор. Баку и сведений об обстоятельствах разгрома Шемахи не можем дать сведения. Читано.

Подпись: Исмаил-бек Али-бек оглы Алиев.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 151-151 об.

Документ № 314.

Протокол допроса

1919 года, марта 26 дня, г.Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Абдул Халык Гаджи Али Аббас оглы, 18 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю в Баку, по Нижнее-Тазапирской улице, в доме № 1. Мусульманин. Грамотен.

Во время мартовских событий 1918 г. армянами в Шемахе подожжены отцовский дом 2-х этажный в 7 комнат и 1 лавка, оцениваемые по теперешним ценам в 50 тысяч руб., ограблены вещи на 100 тысяч и большой запас продовольствия на 20 тысяч. Всего же причинено убытка на сумму 170 тыс. руб.

Кроме того я заявляю, что в марте 1918 г., когда вооруженные армяне ворвались в Шемаху, я с отцом, матерью, братом и сестрой спаслись бегством и после долгих мытарств очутились в Гяндже, где спустя месяц все, кроме меня заболели сыпным тифом и умерли. Я остался единственным наследником и, потеряв все, влачу жалкое существование и нуждаюсь в помощи. Заявление мое прошу приобщить к делу. Прочитано.

Подпись: Абдул Халык Гаджи Али Аббас оглы.

Член Комиссии: А.Гаджи-Ирзаев. (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 152.

Документ № 315.

Протокол допроса

1919 года, марта 27 дня, г.Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Джавад-бек Алескер-бек оглы Тагибеков, жит. гор. Шемахи, прож. в Закаспийской области, в местечке «Тахта-Базар», 30 лет.

Я постоянный житель гор. Шемахи. У меня в Шемахе был двухэтажный каменный дом с разными пристройками и много движимого имущества, а также домашняя обстановка. Во время мартовских событий дом и пристройки были сожжены, а движимое имущество расхищено. Я понес убытка от потери дома и движимого имущества сорок три тысячи пятьсот рублей (43.500 руб.). Опись имуществу представляю. При каких обстоятельствах и кем был сожжен мой дом и похищено имущество, не видел, потому что отсутствовал тогда из гор. Шемахи. Слышал, что сожгли Шемаху и расхитили имущество шемахинцев армяне и молokane Шемахинского уезда. Оценку погибшего имущества я произвел по прежней стоимости рубля. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Джавад-бек Тагибеков.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 153.

Документ № 316.

Протокол допроса

1919 года, марта 28 дня, г.Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Ага Алескер Гаджи Али Гасан оглы, 28 лет, жит. гор. Шемахи, проживаю там же, на улице Имами в доме Сафтара.

Во время мартовских событий 1918 г. , когда армянские банды ворвались в Шемаху и стали беспощадно расстреливать мусульман и поджигать дома, грабить имущество, я, мать и отец спаслись бегством и после долгих мытарств добрались до Елисаветполя. По дороге от Шемахи до Елисаветполя я был свидетелем смерти от болезни и разрыва сердца стариков, старух и детей. При этом я подаю заявление от имени отца моего Гаджи Али Гасана Гусейн оглы, который в данное время от слабости и болезни не может лично явиться из гор. Шемахи в Баку. Армянами причинено ему убытка всего на сумму 314.750 руб. по современной оценке: подожжено 6 домов, 3 лавки, ограблены товар из лавки, домашние вещи, большой запас муки, пшеницы. Ячменя, носильные платья. Заявление отца моего со списком ограбленным вещам прошу приобщить к делу. Прочитано. Неграмотен.

Член Комиссии: А. Гаджи-Ирзаев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 154.

Документ № 317.

Протокол допроса

1919 года, апреля 1 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Наджаф Кули Мамед Садык оглы, жит. гор. Шемахи, прож. в гор. Баку по Старо-Почтовой улице, 7-ой тупик, дом № 4, 18 лет, мусульманин, грамотен.

По поручению брата Ага Расула Мамед Садык оглы подаю заявление-список убытков, причиненных нам в гор. Шемахе во время мартовских событий. Список составлен на мусульманском языке. Относительно самих событий ничего показать не имею, потому, что мы бежали как только начался обстрел Шемахи. Убытки оценены в сто шестьдесят восемь тысяч восемьсот рублей. Читано.

Подпись: Наджаф Кули Мамед Садык оглы.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 147.

Документ № 318.

Протокол допроса

1919 года, апреля 1 дня, г. Баку.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уз. Суд., который показал:

Солтан Мир Ахад оглы, жит. гор. Шемахи, беженец, прож. в Баку, по Старо-Почтовой ул., 7-ой тупик, дом № 4, 19 лет, мусульманин, грамотен.,

По доверенности брата моего, жит. гор. Шемахи, Сеид Мамеда Мир Ахад оглы, представляю список вещам, пропавшим у него в гор. Шемахе во время мартовских событий. Относительно самих событий я ничего показать не могу, потому, что бежал в самом начале нападения армян и молукан на гор. Шемаху и не был очевидцем происшедших там событий. Убытки оценены в сто пятьдесят тысяч рублей по прежнему курсу рубля. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Солтан Ахмед Мир Ахад оглы.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л. 156.

Глава 2

Документы о разрушении города Шемахи

Документ № 319.

А.Р.

М.В.Д.

Шемахинский уездный

Начальник

№ 109

10 октября 1918

Чрезвычайной Следственной Комиссии

Сообщаю Комиссии, вследствие запроса ее от 4 сего октября за № 6, что в г. Шемахе насчитывалось 4 тысячи домов и 18 тысяч населения обоих полов. Нижняя часть города состояла из 250 кварталов. Плана города у меня не имеется.

Вр. и. д. Уездного начальника капитан Алярбеков: (подпись)

Секретарь: подпись.

10.X.1918 г., Вх. № 2

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 1.

Документ № 320.

Протокол осмотра города Шемахи

1918 года, октября 10 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, при понятых кн. Н. Л.Г.Вачнадзе и Магомед Гаджи Алиева, осматривал город Шемаху на предмет установления размера причиненных ей разрушений и повреждений во время разгрома ее в марте месяце 1918 года, причем оказалось:

Гор. Шемаха расположен в горах, на большом палаццо (плато), у подошвы горы Мотры. Палаццо это в нижнем направлении значительно наклонилось и понижается к речке Заголовочай и по обоим сторонам речки переходит в ровную площадь. Таким образом, город состоит как бы из двух частей: верхней и нижней. По заявлению понятых верхняя часть города была заселена преимущественно армянами и русскими и называется армянской или русско-армянской частью города; весь же южный склон палаццо и равнина по обоим берегам речки Заголова-чай заселена была исключительно мусульманами и называется нижней или мусульманской частью города. Линией, отделяющей армянскую часть города от мусульманской, можно считать Лалаевскую улицу, которая идет с запада на восток, так что по правой стороне это улицы, считая направление с запада, жили мусульмане, а по левой армяне и другие народности. В армянской части жило также много мусульман и много мусульманских домов находились в ней. Кроме того, после землетрясения в 1902 году по обоим сторонам шоссеиной дороги, ведущей в город, на южном склоне палаццо, был построен как бы поселок, называемый «новой частью» города. Поселок был заселен исключительно мусульманами. Выше этого поселка или «новой

части» находится «военный поселок», состоящий из военной церкви, казарм, лазарета с квартирой для врача, дома, в котором жил начальник местной команды, и других построек.

Как видно из сообщения Шемахинского Уездного Начальника от 10 октября с.г. за № 109 (см. л.д. том II-й) в гор. Шемахе насчитывалось четыре тысячи домов и восемнадцать тысяч населения обоего пола. По заявлению понятых коренное население города, мусульмане и армяне, занимались преимущественно торговлей и отчасти ремеслами.

В настоящее время общий вид города Шемахи таков: с земляного вала окружающего дом б. начальника команды, если стать лицом к востоку, очень хорошо видна вся верхняя часть города. При первом взгляде бросается в глаза большая площадь, покрытая растительностью, которая образует как бы громадный сад. Между деревьями этого большого сада видны обгоревшие стены домов и разных построек, так что все кругом представляет одни развалины. Над этими развалинами и обгоревшими стенами возвышается большое каменное белое здание с железной, покрытой зеленой краской, крышей, над которой подымается башня, увенчанная крестом. Это есть армянская церковь. С наружной стороны на церкви следов пожара и разгрома не имеется. Еще дальше на возвышенности веден дом, без следов пожара. По заявлению понятых, это дом провизора Сулавы. Кроме этих двух зданий в верхней части города на Лалаевской улице уцелели от пожара следующие дома: дом Шахбаз бека Шихалибекова, здание городского училища, дома Шахвердова, Тер-Григорьева и Алиева. В «восьмом поселке» уцелели от пожара все постройки, но подверглись разгрому, как и дома на Лалаевской улице, именно: окна и двери поломались и во многих местах отсутствуют. Военная церковь с наружной стороны не имеет никаких следов разгрома. В «новой части» города уцелело от пожара и разгрома только несколько не жилых построек, которые можно назвать землянками.

С самого высокого места в квартале «Сарыторпаг» открывается вид на нижнюю – мусульманскую часть города. При первом взгляде на эту часть города бросается в глаза несколько рядов черных обгоревших стен. Потом начинают замечаться развалины отдельных, более солидных построек. На всем пространстве не видно ни одной уцелевшей постройки: кругом развалины. Почти в центре развалин возвышаются обгоревшие каменные стены грандиозного здания. Эти обгоревшие стены с разрушенными пожаром минаретами, это «Джума мечеть». Словом, вся нижняя – мусульманская часть города представляет груды развалин, носящих следы пожара, или одно большое сплошное пепелище.

На сем протокол общего осмотра г. Шемахи окончен и понятым прочитан.

Понятые: подписи.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 2-4.

Документ № 321.

Протокол осмотра отделения «Пиран-Ширван»

1918 года, октября 13 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, при понятых жителей гор. Шемахи Али Гейдар Тагиеве и Мелик Мешади Азиз оглы, осматривал в мусульманской части г. Шемахи отделение «Пиран-Ширван» на предмет установления учиненных в нем 18 марта 1918 года поджогов домов и размера разрушений, причиненных пожаром, причем оказалось следующее:

Отделение «Пиран-Ширван» занимает верхний склон мусульманской или нижней части гор. Шемахи с наклоном с севера к югу. Границы отделения «Пиран-Ширван» составляют: с севера армянская часть города, с востока Ортабазарная (Среднебазарная) улица, которая отделяет его от отделения «Пир-Кюлеш», с юга Кошабулагская улица, отделяющая его от отделения «Имамлы» и с запада Сельская больница и старая Армянская церковь. С севера на юг чрез отделение «Пиран-Ширван» идет главная улица, называемая «Гюрджибазарной» улицей, которая разделяет его на две части: восточную и западную. Перпендикулярно к Гюрджибазарной улице в отделении «Пиран-Ширван» проходят три улицы: Купеческая, Садовая и Пиранширванская. По заявлению понятых в отделении «Пиран-Ширван» жили в собственных домах самые богатые мусульмане, так например, по Купеческой улице дома принадлежали: Гусейнбекову, Алимирзоеву, Эфендиеву и др.; по Гюрджибазарной улице: Бабаевым, Шихиевым, Гасановым, Муфтию и др.; по Садовой улице: Гаджи Сеид Джафару, Гаджи Кулию, Магеррамовым, Тагиевым и др.; по Пиранширванской улице: Осману, Гусейновым, Эфендиевым, Джебраилбековым, Шихиевым и др.; на Карабулагской улице: Вейсову и др.

Во всем отделении «Пиран-Ширван», которое занимает большую площадь – пространство, нет ни одного целого дома. Все дома представляют развалины с остатками стен. Как видно, все дома были построены из белого камня и очень прочно. Стены строились с применением мурлатов, т.е. деревянных планок, которые клались между камнями продольно на незначительном расстоянии одна от другой. Такой способ постройки применяется на случай землетрясения, для безопасности, так как не позволял стене обвалиться и обрушиться сразу, а небольшими частями в виде прямоугольников или квадратов заключенных между мурлатами. Все деревянные части в домах, как-то: окна, двери, потолки сгорели дотла; сгорели также мурлаты. Это последнее обстоятельство указывает на то, что мурлаты специально поджигались с помощью какого-то горючего вещества. Белый камень, из которого построены стены, покраснел и при дотрагивании обсыпается, несмотря на то, что во многих местах, где это замечается, не было в стенах горючего материала, как например, дерева. Это обстоятельство тоже указывает на то, что стены обливались какой-то горючей жидкостью и поджигались. Оставшиеся в некото-

рых домах стены настолько разрушены и непрочны, что обваливаются, и при малейшем толчке могут упасть.

В настоящее время отделение «Пиран-Ширван» представляет картину полного разрушения, причиненного пожаром.

На сем протокол осмотра окончен и понятым прочитан.

Понятые: Мелик Мешади Азиз оглы, неграмотен; А. Тагиев (подпись)

Член Комиссии: А. Новацкий (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 5-6.

Документ № 322.

Протокол осмотра

1918 года, октября 25 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, при понятых, постоянных жителей гор. Шемахи Али Ага Мовсумове и Ахмед-Шах Мешади Мехти оглы, производил дальнейший осмотр гор. Шемахи на предмет установления размера разрушений, причиненных пожаром и разгромом, причем оказалось:

I. На востоке от отделения «Пиран-Ширван» (см. Прот. от 13 октября) расположено отделение «Пир-Кюлеш», которое составляет часть восточной окраины города. Все дома и постройки здесь сожжены так же, как в отделении «Пиран-Ширван» и представляет одни развалины. Уцелело несколько земляных построек, но они разгромлены. Судя по остаткам стен, здесь было много солидных домов, построенных из белого камня.

II. На юге от отделения «Пиран-Ширван», по левой стороне Гюрджибазарной улицы, считая направление с севера на юг, расположено отделение «Имамлы», границы которого составляют: на востоке окраина города, на юге Шихминасская улица, на западе Гюрджибазар, и на севере Кошабулагская улица. Все отделение сожжено. Дома и другие постройки превращены в развалины. Уцелело несколько земляных построек, непригодных для жилья. Судя по развалинам, здесь имелось очень много больших, красивых, солидных домов из белого камня. По заявлению понятых, в этом отделении находились дома богатых и известных шемахинцев, как-то: бр. Салимовых, члена первой Государственной Думы Мамед Тагия Алиева, Мешади Гейдара Солтанова, Зейнал-Абдина Атакишиева, Мирза Мехтия Алиева, Гюль –Бабы Ахмедова, Мирза Мамеда Акимова и других. В этом отделении сожжены также мечеть построенная в память пророка Имама (составлен отдельный протокол осмотра).

III. На юге от отделения «Пиран-Ширван» и на западе от Гюрджибазарной улицы расположено отделение «Юхарикала». Точно определить границы этого отделения нельзя, потому что много улиц не имеют названий, а называются все по отделению. В этом отделении на углу Гюрджибазарной и Кошабулагской улиц имеется разрушенный, недействующий фонтан. По заявлению понятых, все водопроводы в городе порчены. Это отделение постигла

такая же участь, как и предыдущие. Оно уничтожено пожаром, кое-где только остались негодные для жилья обломки. В этом отделении во дворе садика дома Садыха лежат кости истлевшего трупа, возле костей имеются остатки истлевшего мужского платья. Во дворе зловоние. Видно, что здесь преданы земле трупы, но сколько их, нельзя определить. В этом отделении сожжена также мечеть, в которой был убит Ахунд Джафар-Кули и при которой состоял ахундом (протокол осмотра составлен особый).

IV. На юге от отделения «Юхарыкала» идет до конца города отделение «Шихминас». В этом отделении как и в осмотренных, все дома превращены в развалины: все уничтожено пожаром. Здесь было также много красивых и богатых домов, например дом Азад-бека Коджаманбекова находится на Шихминасской улице. Дом со всеми пристройками и флигелями сгорел до основания. В отделении «Шихминас» жил также известный Ахунд Джафар-Кули в собственном доме. Дом его построен во дворе, вход во двор с улицы по узкому коридору, образуемому двумя стенами. При входе во двор-цветник слышен сильный трупный запах. Дом превращен пожаром в груды развалин, даже стены рухнули. Во дворе имеется очень много мелких человеческих костей, как-то: челюсти, ребра, позвончики, голени, имеются остатки истлевшего женского платья, в котором находится масса костей. По заявлению понятых, здесь было убито очень много женщин и детей, которые искали спасения и защиты в доме Джафар-Кулия. Кости убитых собрала двоюродная сестра Джафар-Кулия Писта и предала их земле. Писта в настоящее время живет в Баку. Во дворе сгоревшего дома Султанова в том же отделении валяются человеческие кости: череп, голени, позвонки, куски истлевшего платья. На Шихминасской улице валяются череп и разные мелкие человеческие кости. Везде зловоние от гниения трупов.

V. Нижнюю часть города пересекает с востока на запад улица «Большой базар». Она проходит из отделения Калабазар, Сарыторпаг, Шихминас, Мейданлы, Шихсаирлы, Ардабилли. На этой улице были выстроены преимущественно магазины и лавки. Магазины были построены по обоим сторонам улицы. Все постройки из белого камня и очень прочны. В настоящее время «Большой Базар» представляет два длинных ряда развалин. Все постройки уничтожены пожаром. Камен в стенах покраснел, пожелтел, прогорел, во многих местах при дотрагивании рукой рассыпаются. Все деревянные части выгорели. Крыши сгорели и упали, железные листы их упали на землю, часть повисли на стенах.

На сим протокол осмотра окончен и понятым прочитан.

Понятые: подписи.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 7-9.

Документ № 323.

Протокол дальнейшего осмотра мусульманской части г. Шемахи.

1918 года, октября 26 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, при понятых, постоянных жителей гор. Шемахи Али Ага Мовсумове и Казанфара Мехти-Кули оглы, осматривал остальную часть мусульманской части города на предмет установления размера разрушений, причиненных пожаром и разгромом, причем оказалось следующее:

В отделениях Ардабиллы, Талыш, Ахчи, Шапурлы, Калабазар, Сарыторпаг, Майданлы, Кёвсарлы, Бозаванд, Шихсаирлы, Уджарлы, Кутлар и других все дома и постройки постигла такая же участь, какая постигла дома в отделениях, уже осмотренных: все дома превращены пожаром в груды развалин, сожжено все, даже камен прогорел так, что рассыпается. Везде одна картина: полное разрушение. В отделениях Кёвсарлы и Уджарлы несколько землянок не подверглись сожжению, но за то разгромлены: двери, окна, деревянные части отсутствуют или поломаны и побиты. В отделениях Ардебил, Талыш, Ахчи, Майданлы, Шапурлы, Шихминас, Калабазар и Сарыторпаг сожжены также приходские мечети (составлен о поджоге мечетей особый протокол, который находится в деле о разгроме мечетей).

На сим протокол окончен и понятым прочитан.

Понятые: А. Мовсумов (подпись), Казанфар Мехти-Кули оглы, неграмотен.

Член Комиссии: А. Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 10.

Документ № 324.

Протокол осмотра «Джума-Мечети».

1918 года, октября 14 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, при понятых, жителей гор. Шемахи Гаджи Ших-Габиб Ахунде, Али-Гейдар Тагиеве и Ага-Салима Мамед оглы, осматривал Шемахинскую «Джума-Мечеть» на предмет установления поджога ее и повреждений, причиненных ей пожаром причем оказалось следующее:

«Джума-мечеть» находится в нижней или мусульманской части города, как раз против конца Гюрджибазарной улицы, идущей с севера сверху вниз и выходящей на Большой Базар, на южной стороне этого базара, в отделении «Ших-Минас». С Большого Базара ведет каменная лестница в большой, пространный, ровный двор, огороженный каменной стеной в виде квадрата. В глубине двора видны стены и развалины грандиозного здания, построенного в виде прямоугольника фасадом к северу. На значительном расстоянии кругом поблизости других построек не имеется. Как видно, здание построено было исключительно из белого камня и железа. Эти обгоревшие стены и развалины- это остатки сожженной

«Джума-мечети», которая в настоящее время представляется в таком виде. Фасад мечети состоит из десяти каменных колонн с девятью проходами между ними. Средний проход шире и больше других. Над колоннами имеется каменный зубцеобразный карниз. Глубже, за колоннами, имеется каменная стена. В этой стене имеются три входа и шесть окон, по одному с каждой стороны входа. Средний вход больше двух других. Пространство между колоннами и стеной называется балконом. С балкона упомянутые три входа ведут во внутреннее помещение, состоящее из трех отделений. Боковые отделения отделены от среднего двумя колоннами, между которыми имеются по три прохода. Среднее отделение называется главным отделением «под большим сводом». Два других отделения называются «под малыми сводами». Каждое отделение, как упомянуто выше, сообщалось с балконом одним входом, освещалось со стороны балкона двумя окнами. В верхней части восточной боковой стены имеются два небольшие окна. Над каждым отделением возвышался купол. Средний купол был больше других. По сторонам среднего купола построен каменный барьер в виде квадрата, в каждом углу которого имеется по одному минарету. Двор, балкон и внутреннее помещение мечети завалены обломками камней, прогоревшего железа, угля, и мусора. Все три свода сгорели дотла. Железные части всех трех куполов изогнуты, разворочены, поломаны, повисли в воздухе. Двери и окна сгорели дотла. Железные решетки этих окон валяются на полу. От минаретов остались только железные части. Белый камень в стенах во многих местах покраснел и пожелтел. В этих местах при дотрагивании рукой он ломается и рассыпается. В этих местах, где камень покраснел и пожелтел, замечаются следы горения какой-то горючей жидкости, которой, без сомнения, стены поливались и которая зажигалась.

По заявлению понятых и нескольких жителей, явившихся и присутствовавших при осмотре, «Джума-Мечеть» считается у мусульман великой святыней, и Шемахинцы гордились этой святыней, как памятником древности, так как она построена около 800 (восемьсот) лет назад и выдержала несколько землетрясений, происходивших в Шемахе. После последнего землетрясения в 1902 году она была заново отремонтирована.

На сем протокол окончен и понятым прочитан.

Понятые: подписи.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 14-15.

Документ № 325.

Протокол осмотра «Имамлинской» мечети.

1918 года, октября 25 дня. гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, при понятых, постоянных жителей гор. Шемахи, Али-Аги Мовсумове и Ахмед Шах Мешади Мехти оглы, осматривал сожженную в отде-

лении «Имамлы» мечети на предмет установления поджога и размера, причиненных пожаром повреждений, причем оказалось:

«Имамлинская» мечеть находится в отделении Имамлы. Мечеть построена по середине большого двора, огороженного каменной стеной. Мечеть была построена из белого камня под железной крышей. В настоящее время от мечети остались одни голые обгорелые стены. Крыша, окна и двери сгорели. На стенах висят железные листы крыши. Внутри мечети валяются обломки железной крыши, камня и мусора. По заявлению понятых, мечеть эта построена в память пророка Имама, гробница которого имеется в мечети. Судя по оставшимся стенам, положение мечети таково: фасад мечети обращен к северу. В фасадной стене имелись два входа в мечеть и по одному окну с каждой стороны входа. Входы вели в мужское отделение мечети. В восточной стене тоже имеются два входа, один по каменным ступенькам ведет в женское отделение мечети, и другой, нижний, малый ведет в гробницу пророка Имама. Гробница помещается в мечети, в том месте, где сходятся фасадная и восточная стены. Гробница сожжена: двери и окна уничтожены пожаром, внутри валяются обломки железа, камней и всякого мусора.

Во дворе мечети имеется могила известного Ахунда Ага-Мир-Мехти. На могильном камне валяются остатки железной крыши, которая, судя по листам, была построена в виде купола. Крыша, куски обгорелых бревен, рассыпавшегося камня несут следы пожара.

Вокруг мечети на большом сравнительно расстоянии нет построек. Ближайшей постройкой имеется, находящаяся во дворе мечети, помещение для сторожа. Постройка эта осталась цела, т.е. не имеет следов пожара. В некоторых местах в стенах мечети белый камень покраснел, пожелтел и при дотрагивании рукой рассыпается и обваливается, как с наружной, так и с внутренней стороны. Все это указывает на умышленный поджог мечети.

Во дворе мечети имеется зловоние от сгнивших трупов, хотя трупов и человеческих костей нет.

На сем протокол осмотра окончен и понятым прочитан.

Понятые: подписи.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 16-17.

Документ № 326.

Протокол осмотра «Юхарыкалинской» мечети.

1918 года, октября 25 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, при понятых, постоянных жителей гор. Шемахи, Али-Аге Мовсумове и Ахмед Шах Мешади Мехти оглы, осматривал «Юхарыкалинскую» мечеть на предмет установления поджога ее и размера повреждений, причиненных ей пожаром, причем оказалось:

В отделении «Юхарыкала», по улице такого же названия имеется мечеть, кругом мечети имеется двор, огороженный каменной стеной. Мечеть носит название «Юхарыкалинской» мечети. В настоящее время вместо мечети, имеются обгоревшие стены. Крыша, окна, двери сгорели. Все здание носит следы пожара. Судя по оставшимся стенам, видно, что мечеть была построена очень прочно и основательно из белого камня под железной крышей. Фасад мечети обращен к северу. В фасадной стене имеются два входа, ведущие в мужское отделение мечети. По обоим сторонам каждого входа имеется по одному окну и по самой середине фасадной стены имеется одно большое окно, так что это окно разделяет фасад на две одинаковые половины, имеющие каждая по одному входу с двумя окнами. С южной стороны по каменным ступенькам имеется вход в женское отделение. В остальных трех стенах на высоком расстоянии от земли имеются небольшие круглые отверстия. Внутри мечети валяются железные листы крыши, обломки камня, обгорелого дерева и мусор. Трупов и человеческих костей не найдено.

Во дворе мечети находится могила известного в Шемахе Ахунда Молла Гаджи Сеид Али Аги. Над могилой был построен железный купол. В настоящее время могила завалена листьями железного купола, кусками камня, обломками сгоревшего камня, мусором. Все это имеет следы пожара.

Во дворе имеется несколько рядов сравнительно свежих могил, судя по состоянию. Почвы, усыпанных одновременно. Тут же во дворе валяются человеческие кости: череп, куски разбитого черепа, позвоночные столбы, отдельные позвончики, ребра, бедренные кости и много других мелких костей.

Кругом мечети на значительном расстоянии нет домов и построек, от пожара которых могла загореться мечеть. Во многих местах на стенах мечети белый камень покраснел и пожелтел, при дотрагивании рукой распадается и обваливается. Все это показывает на умышленный поджог мечети с помощью горючей жидкости, какой мог быть бензин.

По заявлению понятых, Ахундом при этой мечети состоял известный и всеми уважаемый Джафар-Кули, который здесь же, в этой мечети, был убит (см. протокол показания Гаджи Ших Габиба Ахунда).

На сим протокол осмотра окончен и понятым прочитан.

Понятые: подписи.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 18-19.

Документ № 327.

Протокол осмотра мечетей.

1918 года, октября 26 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий, при понятых, постоянных жителей гор. Шемахи, Али- Аги Мовсумове и Казанфаре Мехти-Кули оглы, осматривал все приход-

ские мечети в г. Шемахе на предмет установления поджога их и поврежденных, причиненных пожаром, причем оказалось следующее:

I. В отделении «Ардабилли» находилась приходская мечеть. В настоящее время от мечети остались только обгоревшие стены с прогоревшим камнем во многих местах: камень почернел, покраснел, при дотрагивании рукой рассыпается и падает. При мечети имелось помещение для школы, и это помещение сгорело. Мечеть построена в довольно большом дворе. Фасадом обращена к северу. В мечеть вел один большой вход. По обоим сторонам входа имеются по три окна. Внутри стен мечети валяются железные листы крыши, обломки камня и масса всякого мусора.

II. В отделении «Талыш» имелась маленькая мечеть, построенная из белого камня. Мечеть находится сейчас при улице рядом с жилыми домами. Фасадом обращена к востоку. Имела один вход и с левой стороны входа два окна. В настоящее время мечеть превращена пожаром в груды развалин. Осталась только часть фасадной стены.

III. В отделении «Ахчи» имеются голые обгоревшие стены мечети. Мечеть довольно большая, построена была в глубине двора-садика. Фасадом мечеть обращена к северу. Фасадная стена построена из белого камня и кирпича. В фасадной стене имеется один вход с двумя окнами с каждой стороны. Во дворе мечети имеется шесть довольно свежих могил. По заявлению понятых, во дворе мечети было убито много людей, трупы не были убраны, истлели, остались одни кости, которые похоронены в этих могилах. Причем понятой Казанфар заявил, что он сам лично принимал участие в собирании костей и предании их земле. Во дворе мечети слышно зловоние от разложения трупов.

IV. В отделении «Майданлы» находилась мечеть «Гаджи Касум». В настоящее время от мечети остались одни стены, носящие следы пожара. Двери и окна, крыша и все деревянные части сгорели. Мечеть была построена из белого камня и красного кирпича. Мечеть построена в глубине ограды-сада. Фасад мечети обращен к востоку. В фасадной стене имеется один большой вход в мечеть, это вход в мужское отделение, и на налево от входа пять окон, направо от этого входа имеется другой небольшой вход в женское отделение. В саду мечети имеется восемь свежих могил. По заявлению понятых, в этих могилах похоронены кости убитых в саду и в мечети, тела которых истлели. Понятой Казанфар Мехти-Кули оглы лично собирал и схоронил кости. Убитых было очень много. Сад мечети и внутренние помещения мечети завалены обломками камня, кирпича, прогоревшего дерева, мусором и железными листами крыши.

V. В отделении «Шапурлы» находилась «Шапурлинская мечеть». В настоящее время от мечети остались одни стены. Мечеть сожжена. Крыша, двери, окна сгорели. Стены пострадали от пожара сравнительно мало. В окнах остались железные решетки. Фасадная стена обращена к северу. К ней имеется один большой вход и по обоим сторонам его по два окна. Внутри мечети валяется всякий мусор, камни, железные листы крыши.

УІ. В отделении «Шихминас» находилась Шихминасская мечеть». В настоящее время мечеть представляет развалины со следами пожара. Судя по остаткам стен, они были построены из белого камня на мурлатах, положенных продольно по стене рядами. Мурлаты сгорели. Мечеть построена в глубине сада, по величине и прочности постройки она уступала «Джума-мечети». Фасадом мечеть была обращена к северу. В фасадной стене имелись три входа, один по середине очень большой и по одному меньшему в концах фасада, и шесть окон по одному с каждой стороны двери. Впереди фасада имеется балкон. В конце балкона с западной стороны было женское отделение с отдельными входами. Двери, окна, крыша сгорели. Внутри мечети валяются железные листы крыши, камень, мусор.

УІІ. В отделении «Калабазар» была приходская мечеть и при ней школа. В настоящее время в ограде сада, где была мечеть и школа, имеются одни обгорелые стены. Мечеть и школа уничтожены пожаром: сгорели крыши, двери, окна, все деревянные части и частью стены. Внутри стен мечети валяются обломки железа, камня, железные листы крыши, мусор. Как видно из фасадной стены, мечеть была построена прочно из белого камня. Фасадом была обращена к северу. В фасадной стене имелись по сторонам два больших входа в мечеть и пять окон, три внутри между входами, и по одному по сторонам.

УІІІ. В отделении «Сарыторпаг» приходскую мечеть постигла такая же участь, как и все предыдущие мечети: она уничтожена пожаром, остались одни голые обгорелые стены, сгорели не только крыша, двери, окна, но и мурлаты в стенах. Белый камень, из которого была построена мечеть, покраснел и пожелтел. Он до того прогорел, что рассыпается и обваливается. Мечеть была построена в глубине большого двора. Перед мечетью был балкон. Фасадом мечеть была обращена к востоку. В фасадной стене имеется один большой вход в мечеть и пять окон, четыре с левой стороны от входа и одно с правой стороны. Двор огорожен высоким каменным забором. Вблизи пять домов и постройка, от которых огонь мог бы перекинуться на мечеть.

На сем протокол окончен и понятым прочитан.

Понятые: А Мовсумов, Казанфар Мехти-Кули оглы, неграмотен.

Член комиссии: А. Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 20-22.

Документ № 328.

Протокол

1918 года, ноября 5 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий составил настоящий протокол о нижеследующем:

1 числа ноября с.г. в 7 часов вечера явился ко мне, члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому в гор. Шемахе, эксперт фотограф при названной Комиссии Л.У. Дашкевич и сообщил, что он ехал в г. Шемаху вместе с

членом Комиссии Михайловым, что последний в дороге заболел и остался в сел. Илтичи Геокчайского уезда Кюрдамирского уч. и, что он один прибыл в Шемаху для производства съемок с разрушенного города.

На другой день было приступлено к фотографированию.

2 числа ноября при ясной погоде было снято:

- 1) Общий вид отделения «Пиран-Ширван» с запада на восток;
- 2) Юхарикалинская мечеть с могилой Гаджи Сеид-Али-Аги Ахунда с южной стороны;
- 3) То же с западной стороны;
- 4) Дом Джафар-Кулия Ахундова в отделении «Шихминас»;
- 5) Кости во дворе дома Султанова на Шихминасской улице;
- 6) Внутренний вид «Джума - Мечети»;
- 7) Общий вид «Джума - Мечети» с запада;
- 8) То же - фасад с Гаджи-Ших-Габибом Ахундов;
- 9) Внутренний вид «Джума - Мечети»;
- 10) Вид «Джума-Мечети» с востока;
- 11) Развалины пред «Джума - Мечетью»;

3 – го ноября:

- 12) Общий вид мусульманской части города (панорама);
- 13) Общий вид мусульманской части города (панорама);
- 14) «Имамлинская» мечеть с гробницей пророка Имама и могилой Ага Мир- Мехти Ахунда;
- 15) Развалина дома Саламовых на Имамлинской улице;
- 16) Внутренний вид мечети «Гаджи Касум» с Ахундом Гаджи Ших Габибом;
- 17) Вид развалин дома Искендеровых в отделении «Имамлы»;
- 18) Развалины дома Ибрагима Эфендия в отделении «Кёвсарлы»;
- 19) Развалины лавок на Верхней площади в отделении «Шихминас»;
- 20) Вид с Большого Базара на Гюрджибазарную улицу;
- 21) Развалины лавок на Большой Базарной улице;
- 22) Развалины лавок на Большой Базарной улице;
- 23) Развалины лавок на Большой Базарной улице;
- 24) Дом Гаджи Дадаша Али-Мирзоева на Купеческой улице;
- 25) Дом Абдулла Дамир оглы на этой же улице;
- 26) Дом Гаджи Гасана на этой же улице;
- 27) Вид Гюрджибазарной улицы с севера на юг, с домом Гидаятя и Муфтия;

4-го ноября:

- 28) Вид Садовой улицы с домом Гаджи Сафтара Гаджи Рагим оглы;
- 29) Вид Пиран-Ширванской улицы с домами Гасановых и Шихиева;
- 30) Вид Пиран-Ширванской улицы;

- 31) Вид Кошабулагской улицы с домами Муфтия и Вейсова;
- 32) Вид развалин дома на углу Кошабулагской и Гюрджибазарной улиц с прилегающими развалинами;
- 33) Вид развалин лавок на углу Имамлинской и Гюрджибазарной улиц;
- 34) Вид развалин дома Джамо бека на Имамлинской улице;
- 35) Развалины дома бр. Джавад бека и Рустам бека Мамедовых;
- 36) Развалины дома бр. Джавад бека и Рустам бека Мамедовых;
- 37) Дом Казанфара Гаджи Зейналова в отделении «Имамлы»;
- 38) Развалины дома Мамед-Тагия Алиева в отделении «Имамлы»;
- 39) Вид развалин на Имамлинской улице с домом Кербалай Мамед-Алия Алиева;

и 5-го ноября:

- 40) Дом Азад бека Коджаманбекова на Шихминасской улице;
- 41) Мечеть в отделении «Ардабил» - вид из ворот;
- 42) Шихминасская улица с домами Исмаиловых и Зейналовых;
- 43) Угол Шихминасской и Большой Базарной улиц;
- 44) Разрушенный дом Шиитского Казия Ахунд Молла Абас-Кулия Абдул-Гусейнзаде;
- 45) Развалины дома Ашрафа Гаджи Салим оглы на Юхарикалинской улице;

Примечание: 3 и 4 числа ноября съемки производились при пасмурной погоде, в тумане, а 5-го числа 4 снимка сделаны были под дождем.

Проявлять снимки в г. Шемахе оказалось невозможным вследствие отсутствия хорошей воды, сырости и холода в помещении, а также за отсутствием самых элементарных условий.

Член Комиссии: А. Новацкий (подпись)

Эксперт-фотограф: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, лл. 69-70.

Документ № 329.

Протокол осмотра

1918 года, 6-го ноября.

Я - Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Измаил-бек Шахмалиев, производил в г Шемахе в присутствии понятых уполномоченного Министра Продовольствия по Шемахинскому уезду Мустафа-бека Махмудова и кассира Шемахинского Казначейства Пантелеймона Ивановича Пугачева осмотр православной военной церкви, причем оказалось:

Церковь ни чем не повреждена, все, как каменные, так и деревянные части целы, окна, двери не тронуты и находятся на своих местах, разбиты лишь

несколько стекол в окнах; колокола все висят на колокольне, кроме одного колокола, который находится внутри церкви.

На сим закончен протокол и подписан.

Церковь снята под № 46.

Поняты: М.Махмудов, П.И.Пугачев (подписи).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: И.Шахмалиев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л.71 об .

Документ № 330.

Протокол осмотра

1918 года, 6 ноября.

Я - Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Измаил-бек Шахмалиев, производил в г Шемахе (через) в присутствии понятых кассира Шемахинского Казначейства Пантелеймона Ивановича Пугачева и жит. сел. Чухур-Юрт Шемахинского уезда Лариона Захаровича Кирилова осмотр армяно-григориянской церкви, причем оказалось следующее:

Указанная церковь ничем не повреждена, никаких следов пожара или иных разрушений нет, все деревянные части целы, окна (рамки от окон), двери не тронуты, в некоторых окнах разбиты стекла и вместо них заложены жестяные листы; забор каменный, окружающий двор церкви также не поврежден и ворота 2 железных и одни деревянные целы.

На сим закончен протокол и подписан.

Церковь снята под № 47.

Поняты: П.И.Пугачев, Л.З.Кирилов (подписи).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: И.Шахмалиев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 71.

РАЗДЕЛ II

Судебно-Следственные документы по делу «О разгроме гор. Шемахи»

Глава 1

Переписка Чрезвычайной Следственной Комиссии о разгроме гор. Шемахи

Документ № 331.

**Доклад Председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии
А.Хасмамедова Министру Юстиции**

Копия

22 ноября 1918 года

**По делу о разгроме гор. Шемахи и мусульманских селений
в Шемахинском уезде и насилиях совершенных
над мусульманским населением названных города и уезда.**

Расследованием, произведенным Чрезвычайной Следственной Комиссией, установлено следующее.

Гор. Шемаха состоял из двух частей: Верхней или Армянской и Нижней или Мусульманской. В первой жили преимущественно армяне, а также русские и молукане и нередко мусульмане, во второй же исключительно мусульмане. В Шемахинском уезде подавляющее большинство населения составляют мусульмане, армяне же и молукане всего в уезде по шесть селений. Как мусульмане горожане, так и мусульмане сельчане с давних времен жили с армянами и молуканами весьма мирно и дружно, не причиняли им никакого вреда, не обижали их и старались сохранить наилучшие соседские отношения. Даже в 1905 году, когда во многих городах и селениях в Закавказье мусульмане выступили против армян, в городе Шемахе и Шемахинском уезде мусульмане не совершили над армянами никаких насилий и даже не было бескровных враждебных выступлений против них. Несмотря на это, армяне гор. Шемахи и Шемахинского уезда безусловно из солидарности с своими братьями армянами, пострадавшими в указанное время, стали питать вражду к мусульманам вообще и в частности к мусульманам своим соседям и ждали удобного момента чтобы отомстить мусульманам, как таковым, за обиды, причиненные их братьям армянам в 1905 году. «Мы этого дня ждали двенадцать лет. Это не 1905 год, когда вам оказывал помощь Николай. Теперь некому помогать вам. Позовите на помощь вашего Святого Газрат – Аббаса». Так кричали армяне мусульманам 18-го марта 1918 года, когда ворвались в мусульманскую часть города, как победители. Нет пощады мусульманам, всех их следует уничтожить. Такой ответ получил врач Сазонов от армян в ночь на 19-е марта 1918 года, когда стал упрекать их в том, что они совершали такие жестокие насилия над мусульманами.

Чувство вражды и ненависти к мусульманам армяне в отдельных случаях стали проявлять с начала войны: держали себя по отношению к ним заносчиво и вызывающе, оскорбляли их национальные и религиозные чувства. Но открыто пока не выступали. После февральского переворота армяне стали действовать более решительно. Они вошли в контакт с местным советом сол-

датских и рабочих депутатов, который занял очень враждебную позицию против мусульман, которых обвинял в национальном шовинизме. Армяне одобряли все провокационные выступления представителей совета, которые возбуждали против мусульман через третьих лиц. При уходе местной команды они тайно приняли от них склад с оружием, не уведомив об этом ни уездного комиссара, мусульманина, ни Национальный местный мусульманский совет. После ухода команды они сформировали гарнизон из армян и молокан, не допустив в него мусульман. Когда последние, в конце концов, добились того что, в гарнизон вошли и мусульмане, армянские солдаты стали относиться к ним враждебно и даже оскорбляли и обижали их. В это же время армяне усиленно запасались оружием, которое доставляли в свои селения всевозможными способами. Доставлялось оружие возвращавшимися с фронта солдатами армянами, которые приносили и по три ружья, на фургонах, и целыми отрядами армянских солдат. Все эти действия армян сильно волновало мусульманское население, как горожан, так и сельчан, которые ясно видели, что армяне готовились к вооруженному выступлению против них. Мусульманские общественные деятели и мусульманское духовенство принимали все меры к недопущению мусульманского населения к каким-либо враждебным выступлениям против армян. В виду такого положения по инициативе мусульманских общественных деятелей, был образован Объединенный Комитет из мусульман, русских и армян, который должен был выяснить настоящее положение. В комитете мусульмане указывали армянам на все их начинания, носившие враждебный характер по отношению к мусульманам, упрекали их в неискренности и лицемерии и призывали их к мирному и братскому сожительству, заявив, что они не желают братоубийственной войны, как не желали ее в 1905 году. Такие же были и обращения и мусульманского духовенства к армянам. Армяне уверяли мусульман в своих братских к ним чувствах и в том, что они против них никаких враждебных выступлений не готовят, а между тем не переставали запасаться оружием и сосредоточивать в своем селении Матрасы, находящимся в шести верстах от гор. Шемахи массы солдат армян не только жителей Шемахинского уезда, но и других жителей Закавказья. В первой половине марта в Шемахе были получены сведения, что из Баку идет в Шемаху отряд армянских войск от двух до трех тысяч с пушками, пулеметами и большим запасом снарядов. Из Шемахи навстречу отряду была послана делегация, в состав в которой входили мусульманские и армянские общественные деятели, которая должна была предложить отряду сдать все оружие, пушки и пулеметы в Шемахинский гарнизон и вообще выяснить, какие цели преследовал отряд. Встреча делегации с отрядом произошла в молоканском селении Козлы-Чай (Хильмили). Сдать оружие, пушки и пулеметы в Шемахинский гарнизон отряд отказался, объяснив, что его цель и задача очистить Шемахинский уезд от разбойничьих шаек, восстановить в уезде нормальную жизнь и прекратить анархию. При этом отряд дал

обещание пройти в сел. Матрасы мимо Шемахи. На рассвете, 15-го марта, когда упомянутый отряд проходил мимо Шемахи, мусульмане на окраине города, охранявшие свои дома, полагая, что отряд наступает на город, произвели несколько выстрелов. Отряд открыл по ним стрельбу. Завязалась перестрелка, которая распространилась по всему городу. Но, благодаря начальнику мусульманского добровольческого отряда, недоразумение было выяснено и стрельба прекращена. В результате этой перестрелки было несколько жертв, как со стороны мусульман, так и армян. К вечеру был восстановлен в городе полный порядок и спокойствие. В этот же день по инициативе армянского епископа, собрались представители и духовенство всех народностей Шемахи и дали клятву, что будут жить в мире и не будут нарушать порядка.

По этому случаю на следующий день по городу были устроены торжественные шествия. Когда известия о Шемахинских событиях дошло до сел. Кюрдамир, жители этого селения избрали двух почетных лиц и отправили их в Шемаху узнать о настоящем положении дел и просить армян не обижать мусульман. Когда упомянутые делегаты обратились к армянским руководителям, прибывшим в Шемаху из сел. Матрасы, с просьбой жить в мире с мусульманами, указав на только что данную армянским епископом клятву, они получили ответ: «Может мириться мусульманское и армянское духовенство, но народ армянский желает войны с мусульманами, и в этом деле его поддержит Англия». Мусульмане, получив клятвенное заверение армянского епископа, что армяне не выступят против них, успокоились и поверили, что несчастье их миновало. Мусульманские добровольцы из сельчан, находившиеся до этого времени в Шемахе, разошлись по домам. Армянский епископ 17-го марта выехал в село Матрасы объявить армянским руководителям о заключении мира между мусульманами и армянами гор. Шемахи. Вдруг 18-го марта на рассвете, вокруг Шемахи стали раздаваться пушечные выстрелы. Оказалось что, ночью город был окружен с юга армянами и с северо-востока – молоканами, которые бомбардировали мусульманскую часть города. Мусульмане думали сначала оказать сопротивление и взялись за оружие, но, не будучи в состоянии устоять против пушек – отступили. Произошла страшная паника. Армяне и молокане продолжали обстрел города и наступали. Под вечер они ворвались в самое богатое отделение мусульманской части «Пиран-Ширван». Стали поджигать дома и расстреливать спасавшихся из горевших домов мужчин, женщин и детей и вообще всех, кто появлялся на улицах. Кроме того, врвались в дома, убивали жильцов и грабили. На улицах города лежали груды трупов. Ночью мусульмане послали к победителям – армянам парламентаров с заявлением, что сдаются им. Обстрел не прекращался. Все отделения «Пиран-Ширван», где жили самые богатые мусульмане, горело. На следующий день армяне и молокане отобрали у мусульман все оружие. Но, несмотря на это, не переставали грабить и убивать мусульман, убивали мужчин, женщин и детей, а также вымогали деньги под угрозой убийства или поджога дома. На улицах валялись трупы замученных женщин с отрезанными грудями и

вскрытыми животами. Награбленное имущество на арбах и фургонах отправлялось в армянские и молоканские селения. Эти бесчинства и зверства продолжались несколько дней, до прибытия в Шемаху из Гянджи мусульманских войск, которые были отправлены на выручку мусульманского населения гор. Шемахи и Шемахинского уезда. С приходом этих войск, армяне и молокане ушли из Шемахи в молоканские селения Козлы–Чай. Мусульманские войска преследовали их. Выяснилось, что армяне и молокане значительно превосходили их численностью, и им пришлось отступить и оставить Шемаху и Шемахинский уезд. С этими войсками ушли почти все мусульмане горожане, осталось только самое бедное население: больные, старики, женщины и дети. Спасаясь с мусульманскими войсками, мусульмане не успели и не были в состоянии взять с собою даже самые ценные вещи из своего имущества, которое оставили на произвол судьбы.

Через несколько дней, после ухода мусульманских войск, армяне и молокане вторично заняли Шемаху. Установлено, что они перебили почти всех мужчин, женщин и детей, которые остались в городе и не ушли с мусульманскими войсками. Зверски был так же замучен известный всеми уважаемый Ахунд Джафар Кули. Армяне замучили его в мечети, при которой он состоял ахундом. Они вырвали ему бороду, выбили зубы, выкололи глаза, отрубили уши и нос. Убили также армяне в его доме и во дворе его дома массу женщин и детей, которые искали у него защиты. Во дворе дотла сожженного его дома обнаружено много человеческих мелких костей. Крупные же кости истлевших трупов были собраны и преданы земле после изгнания армян из Шемахи турками. Во дворе и в настоящее время имеется удушливое зловоние от гниения трупов. Кроме этого во дворах сожженных домов и мечетей при осмотре обнаружены были кости истлевших трупов. Во дворах мечети имеются в большом количестве свежие могилы, в которых преданы земле кости, собранные в разных частях города. Вся мусульманская часть города была предана огню. Пожар уничтожил решительно весь город. В мусульманской части не осталось ни одного дома, осталось только несколько землянок в беднейших отделениях города, непригодных для жилья. Вся мусульманская часть города в настоящее время представляет одни лишь развалины, одно большое пепелище. Не пощадили также мечети и при них святые места: сожжены тринадцать приходских мечетей и большая святыня «Джума–Мечеть», которая была дорога для мусульман не только как святыня, как место для молитвы, а так же как памятник древности, так как она была построена более, чем восемьсот лет тому назад. Осмотром установлено, что, как мечети так и дома, магазины и другие постройки поджигались с помощью какой-то горючей жидкости, которой обливались каменные стены и затем поджигались. Развалины нескольких мечетей, домов и магазинов, а также человеческие кости сфотографированы в сорока пяти снимках. Движимое имущество, оставленное бежавшими Шемахинцами, частью было расхищено, частью сожжено. Мусульманское население гор. Шемахи окончательно разорено. Размер материальных убытков не поддается подсчету.

Такая же участь постигла семьдесят два мусульманских селения Шемахинского уезда и население этих селений. В нападении на Шемаху армяне и молокане действовали вместе. Что же касается нападений на селения, то на них нападали или одни только молокане или одни армяне, или же вместе те и другие, причем в некоторых случаях в нападениях принимали участие и евреи. Кроме того, по тому же неожиданному и предательскому нападению, как Шемаха, подвергались только несколько селений, население нескольких селений спасалось бегством при приближении врагов и отступало под обстрелом на далеком расстоянии, а население остальных селений ушло заблаговременно до прихода армян или молокан, или тех и других вместе.

18-го марта на рассвете, подверглось нападению сел. Ангехаран, находящееся на расстоянии 3-4 верст от Шемахи. Жители Ангехарана на рассвете услышали пушечный выстрел и, когда вышли из домов узнать, где стреляют, то увидели, что селение их окружено исключительно молоканами Шемахинского уезда, засевавшими в окопах, которые при появлении мусульман открыли по ним стрельбу. Произошло смятение. Молокане ворвались в селение и начали убивать мужчин, женщин и детей. Убив около ста человек, остальных окружили и вывели за селение, а другие начали расхищать движимое имущество и скот ангехаранцев и поджигать наилучшие дома в селении. Награбленное имущество и скот отправляли в свои селения. Сожжено было почти все селение, за исключением землянок. Сожжена также была и мечеть. Пленных женщин и детей они отвели в мусульманское селение Мельгам и там их оставили, а мужчин, в количестве около 88 человек, повели в молоканское селение Чухур-Юрт. Не доходя до селения, молокане оставили пленных в садах, где убили несколько человек, причем они ставили несчастных один за другим в затылок и стреляли в них и, таким образом, пробовали силу боя своих ружей. Остальных в количестве 76 человек отправили в качестве пленных в армянское селение Матрасы. По дороге было убито двое так, что в Матрасы доставлено 74 человека. Двое из них спасались бегством, когда были отправлены армянами в гор. Шемаху с каким-то поручением к мусульманам. Остальные оставались в плену. Когда после прибытия в Шемаху мусульманских войск и ухода армян из селения Матрасы, родственники и односельчане пленных ангехаранцев отправились в селение Матрасы узнать о судьбе их, то за селением нашли трупы их всех, причем трупы были страшно изуродованы: уши и носы отрублены, отрублены были так же руки и ноги, а на грудях некоторых трупов были следы обугления, что служило доказательством, что при жизни на их грудях разводили огонь. Кроме того, очень много ангехаранцев умерло от голода, холода и болезней. В настоящее время население Ангехарана уменьшилось более чем наполовину. Оставшееся население почти поголовно болеет и каждый день умирает по несколько человек. Размер убытков, понесенных ангехаранцами, огромный. Они совсем разорены.

Из исследования состояния 27 селений видно, что ни одно не подверглось такому страшному разгрому как сел. Ангехаран, хотя многие из них раз-

громлены в той же степени, как например, сел. Сунди, Чарган, Текля, Джобаны-мусульманские и др. В селениях Кештимаз, Биджов и Кошад многие жители были взяты в плен и в их числе женщины, которых армяне в плену изнасиловали. Многие из этих женщин не пережили мучений и нравственных страданий и умерли. Все мусульманское население уезда разорено, влачит жалкую жизнь, почти все болеют, в больших селениях умирает каждый день от 10 до 15 человек, а в меньших от 4 до 6 человек. Это последствия разгрома мусульманских селений и расхищения имущества, а также скитания по горам в течение нескольких месяцев.

Из показаний всех допрошенных потерпевших мусульман очевидно, что армяне разгромили Шемаху и селения Шемахинского уезда, убив тысячи мусульман мужчин, женщин и детей, истязав при этом многих из них, разгромив все мечети и святые места, действовали из мести и вражды к мусульманам и преследовали свои национальные идеи, но в виду разноречивых показаний не представилось возможным выяснить, под влиянием каких побуждений выступили против мусульман молокане. Одни потерпевшие показали, что молокане преследовали идеи большевизма, другие, что считали это для себя выгодным, третьи, что они действовали под влиянием армян, которые обманывали их, сами же молокане, как показал один из потерпевших, цинично объяснил ему, что они стояли на стороне сильнейшего.

Расследование о разгроме остальных селений Шемахинского уезда продолжается и результат такового будет представлен дополнительно.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии: А. Хасмамедов (подпись)

Государственный Архив Политических Документов при Управлении Делами Президента Азербайджанской Республики (далее: ГАПД УДП АР), ф. 277, оп. 2, д. 16, лл. 9-14;

Документ № 332.

В Совет Министров Азербайджанской Республики

Доклад

о расширении полномочий Чрезвычайной Следственной Комиссии

Управляющего Министерством Юстиции

5 января 1919 года

Постановлением Правительства при Министерстве Иностранных дел была учреждена, впоследствии перешедшая в ведение Министерства Юстиции Чрезвычайная Следственная Комиссия по раскрытию преступлений и насилий, учиненных над мусульманами Закавказья в период времени с 1914 по 1918 год включительно, а равно и по установлению причиненных последним потерь и убытков.

При производстве расследований названной комиссией были получены многочисленные указания на отдельные случаи тяжких преступлений: убийств, поджогов, разбоев, изнасилований женщин и т.д., учиненных над мирным мусульманским населением.

Не обладая полномочиями Судебно-Следственного органа, Комиссия о всех таких случаях сообщает Министру Юстиции, которым затем и делается распоряжения о возбуждении против виновных уголовного преследования с производством предварительных следствий чрез подлежащих судебных следований. Едва ли однако такой порядок расследований может быть признан целесообразным.

Для всесторонней и надлежащей оценки деятельности организовавшихся преступных сообществ и отдельных лиц, причастных помянутым преступным деяниям, необходимо выяснение общей картины учиненных над населением насилий на всем пространстве их действий и в течение определенных периодов времени. Такая картина может быть восстановлена лишь при сосредоточении всего расследования в руках одного следственного органа, располагающего надлежащими полномочиями и достаточными техническими силами.

Возложение такой задачи на одного Судебного Следователя, не говоря уже о ряде затруднений формального и технического характера, было бы возложением на него непосильного для одного работника труда и неизбежно отразилось бы на быстроте обследования, разделение же всего материала на отдельные следствия и между несколькими следователями, при каковых обстоятельствах невозможно будет одновременно рассмотрение всех этих дел Судом, не даст надлежащего освещения преступной деятельности лиц обвиняемых.

В виду приведенных соображений я полагаю бы необходимым облечь Чрезвычайную Следственную Комиссию всеми правами, представленными Судебным Следователям при производстве ими предварительных следствий, а также возлагаемыми на последних законом обязанностями, признать произведенные Комиссией действия по расследованию, имеющими силу и значение следственных актов. И в этих видах принято следующее постановление.

1. Чрезвычайная Следственная Комиссия по раскрытию преступлений и насилий, учиненными над мусульманами Закавказья, обнаружив при производстве возложенного на нее расследования указания на отдельные случаи учинения уголовно наказуемых деяний, производить по таким случаям полное предварительное следствие по правилам, установленным для производства таких следствий в уставе уголовного судопроизводства.

2. Чрезвычайной Следственной Комиссии в таких случаях предоставляются все права, коими облачены Судебные следователи, и произведенные ею действия приобретают силу и значение Следственных актов.

3. Чрезвычайной Следственной Комиссии кроме того предоставляются:

а) право самостоятельного осмотра и выемки почтовой и телеграфной корреспонденции и б) право в обеспечение могущего пасть на обвиняемых денеж-

ного взыскания за вред или убытки причиненные их действиями собственною властью налагать запрещение на недвижимое имущество обвиняемых.

4. Чрезвычайная Следственная Комиссия по предложению Министра Юстиции принимает к дальнейшему производству от подлежащих следователей возникшие у последних предварительные следствия о событиях, имеющих связь с возложенными на Комиссию задачами.

5. Законченные Комиссией следствия получают дальнейшее направление в порядке, установленном для предварительных следствия.

Управляющий Министерством Юстиции

5 января 1919 г., гор. Баку

ГА АР ф. 100, оп. 2, д. 791, лл. 38-39.

Документ № 333.

Выписка из Журнала Постановлений Правительства Азербайджанской Республики

от 21 марта 1919 года

Слушали: Доклад Министра Юстиции о расширении полномочий Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Постановили: Согласно первоначальному предложению о полномочиях Чрезвычайной Следственной Комиссии разъяснить, что последняя имеет все те права, которые по уставу уголовного судопроизводства представлены судебно-следственной власти.

С подлинным верно: Помощник секретаря: (подпись)

Настоящая выписка препровождается Господину Министру Юстиции для сведения.

26 марта 1919 года № 2437.

Секретарь правительства: (подпись)

Помощник секретаря: (подпись)

Верно: Секретарь Министра Юстиции Кланк.

Копия настоящей выписки препровождается для сведения

Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

29 марта 1919 года, № 1453, гор. Баку.

Директор Канцелярии: (подпись)

ГА АР ф. 1061, оп. 1, д. 1, л. 4.

Документ № 334.

ВОЗЗВАНИЕ Чрезвычайной Следственной Комиссии

30 марта 1919 года

Чрезвычайная Следственная Комиссия по расследованию насилий, совершенных в течении последних лет над мусульманским населением Закавказья, имела возможность воочию убедиться в последствиях того страшного бедствия, которое постигло мусульманское население вообще, а в особенности население Шемахи и Шемахинского уезда. От самой Шемахи остались буквально одни развалины, над которыми в мусульманской части города возвышаются только обгоревшие минареты древнейшей из мечетей, насчитывавшей более восьмисот лет своего существования – «Джума мечети», а остатки пятнадцатитысячного мусульманского города разбрелись по всему Закавказью, и с костылем в руках и с сумой на спине, ищут спасения от голодной смерти. Такая же участь постигла около 80 мусульманских сел. Шемахинского уезда. Оставшаяся часть населения от разбойничьих банд, именовавших себя «большевиками», и возвратившаяся в свои селения с приходом турецких войск в Закавказье, нашла свои насиженные веками очаги сожженными до основания, все свое движимое добро частью расхищенным, весь крупный рабочий скот угнанным и посева убранными. Эти несчастные находятся в невероятной нужде. Они до того подавлены постигшим их несчастьем, что даже не в силах взывать о помощи. А между тем без посторонней помощи им угрожает неминуемая гибель. Население, занимающееся преимущественно хлебопашеством лишено рабочего скота, земледельческих орудий и зерна для посева. Есть селения, где нет ни одной коровы, ни одной курицы. Люди живут под навесами, ходят в лохмотьях. Болезни, вызванные голодом и холодом, ежедневно уносят десятки их в могилу. Не подлежит никакому сомнению, что правительство наше, поставившее в основу своей программы благополучие нашего народа, окажет помощь самому несчастному наиболее пострадавшему населению Шемахинского уезда. Но эта помощь не освобождает каждого гражданина, а в особенности каждого мусульманина, от гражданской обязанности и нравственного долга также протянуть руку помощи погибающему историческому Ширвану.

Граждане мусульмане, спасите погибающий Ширван!

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии Алекпер бек Хасмамедов.

Газета «Азербайджан», 1919, 30 марта, № 67.

Документ № 335.

**Правительство
Азербайджанской Республики
Министерство Юстиции
25 июня 1919 года.**

№ 3166

Г. Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии

Копия

С возвращением докладов, препровождённых при отношении от 4 сего июня за № 223, прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение о составлении постановлений по этим докладам и о направлении с этими постановлениями, относящихся к ним следственных актов, исключая дел о Бакинских и Шемахинских событиях, - Прокурору Азербайджанской Судебной Палаты, для дальнейшего их направления; что же касается материалов, собранных по городу Баку и Шемахинск. уезду, то прошу привести по оным следствие в кратчайший срок к окончанию, дав за сим таковому указанное выше направление.

Министр Юстиции А.Сафикюрдский⁴¹.

Директор Канцелярии Кисилевский.

Делопроизводитель Орлов.

С подлинным верно:

Секретарь Комиссии: (подпись).

ГА АР ф. 1061, оп.1, д. 102, л.8.

Документ № 336.

Постановление

1919 года, Июля 12 дня.

Чрезвычайная Следственная Комиссии, рассмотрев настоящее дело о разгроме города Шемахи и насилиях, совершенных над мусульманским населением этого города, и принимая во внимание, что данными произведенного расследования, изложенного в докладе по сему делу Члена Комиссии Новацкого, житель гор. Баку Степан Лалаев, жит. г. Шемахи Гавриил Караогланов, Аршак Гюльбандов, Михаил Арзуманов, Карапет Караманов, Самвел Долиев, Петросянц (по имени-неизвестно), Иванов-сын (офицер, по имени – неизвестно; *надпись карандашом: Аршак Енокович*), Ованец (парикмахер, по фамилии неизвестно), Арменак Ягубович Мартиросянц, Ягуб Мартиросянц, Александр Хачатуров, Михаил Хачатуров, Аллахверды Минасов, Крикор (жестянщик, по фамилии-неизвестно), Карабанов (по имени - неизвестно, - б.присяжный Шемахинского Казначейства), Гюльбандов (сын Аршака Гюльбандова, по имени неизвестно). Хачанов (по имени- неизвестно, б. Пристав), Шабанов (по имени- неизвестно – б. офицер), Николай (оружейный мастер, по фамилии- неизвестно), Арутюн Хачатуров (каменщик), Артамонов (б. учитель сел. Джобани-русские), жители сел. Матрасы Герасим Агриев и Сандрик Агриев, жит. сел. Сагиян Гаспар (по фамилии- неизвестно) и Карабахский житель Агамалов (по имени- неизвестно, инструктор по виноградарству), достаточно изобличаются в том, что вследствие побуждений, проистекших из вражда религиозной и племенной к мусульманскому населению, действуя по предварительному соглашению между собою и совокупными силами, составили шайку из нескольких тысяч человек, вооруженных пушками, пулеметами, ружьями, револьверами и кинжалами, которая, поставив своей

целью истребление мусульманского населения, похищение и уничтожение его имущества, 18 марта 1918 года, на рассвете, напав на мусульманскую часть города Шемахи и громя ее в течение нескольких дней, 1) убила несколько тысяч жителей мусульман – мужчин, женщин и детей, причем убийства эти сопровождалась особенными жестокостями, как то, отрубанием конечностей, ушей, носов, выкалыванием глаз, распариванием животов, и т.д., 2) похитила разного движимого имущества более, чем на один миллиард рублей, и 3) уничтожила посредством поджога всю мусульманскую часть города, между прочим тринадцать мечетей, а потому, на основании 396 ст. Уст.Угол.Суд., постановление Правительства Азербайджанской Республики от 21 марта 1919 года и предписания Министерства Юстиции от 25 июня с.г. за № 3166 **Постановила:** привлечь названных выше лиц к настоящему делу в качестве обвиняемых, предъявив им обвинение по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1636, 1453, и 1607 ст. Улож. О нак.

Председатель Комиссии: Алек. Б. Хасмамедов (подпись).

Члены Комиссии: А.Новацкий, А.Александрович, Ч.Клоссовский⁴², И.Шахмалиев (подписи).

Резолюция: Производство предварительного следствия сему делу возлагаю на члена Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Ф.Новацкого.

Июля 24 дня, 1919 года. Баку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии: Алек.б. Хасмамедов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 5.

Документ № 337.

Доклад

Члена Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкого Господину Председателю той же комиссии по делу «о разгроме г. Шемаха и насилиях, совершенных над мусульманским населением этого города»

18 марта 1918 года, на рассвете, жители гор. Шемаха проснулись от пушечных выстрелов. Выйдя из домов, они увидели, что город был окружен с юга армянами и с северо-востока молоканами, бомбардировавшими из пушек и пулеметов нижнюю часть города, где жили исключительно мусульмане, а армяне, проживающие в верхней части города, обстреливали мусульманскую часть города из ружей. Это нападение явилось для мусульман неожиданным, так как накануне армянский епископ Баграт и представитель молокан Карабанов поклялись перед Крестом и Евангелием жить с мусульманами в мире и братстве, и никогда не выступать против них. Не будучи подготовлены к защите, мусульмане не могли оказать серьезного сопротивления, и армяне, и молокане через несколько часов после их выступления ворвались в мусульманскую часть города, в отделение «Пиран-Ширван», лежащее на границе с армянской частью города. Каждый шаг их про-

движения вперед сопровождался поджогами домов, убийствами мирного населения и грабежами. Были подожжены наилучшие дома, принадлежащие богатым и известным мусульманам, так то: Шихиевым, Гасановым, Джебраилбековым, Муфтию, Гусейнбекову, Алимиззовеву, Эфендиеву, Бабаевым, Магеррамовым, Вейсовым, Бююк Бек Гусейнову, Гаджи Вагабу Алекперову, Теймуру Абуталыб беку Фаттахбекову, Гаджи Фатали беку Фаттахбекову и др. Пожар распространился по всему отделению, от которого к утру следующего дня остались одни развалины. Спасавшиеся от пожара из горевших домов жильцы, без различия, мужчины, женщины, дети расстреливались из-за углов и открыто. Убивали людей в домах и на улицах, причем убийства сопровождалось невероятными мучениями и истязаниями. Ценное имущество расхищалось. Спрятанные деньги и драгоценности вымогались под угрозой убийства и поджога домов. Но часто и выдача денег и драгоценностей не спасали людей от смерти. На улицах валялись трупы замученных женщин с отрезанными грудями, вскрытыми животами и подвергавшиеся гнусному надругательству, встречались также трупы детей, прибитых к земле кольями.

В таком ужасном положении находилось мусульманское население Шемахи в течение нескольких дней, и только прибытие отряда мусульманских войск положило конец этим зверствам и безмерным насилиям. Армянские и молочанские банды оставили Шемаху и бежали в молочанское селение Козлы-чай (Хильмили).

Но недолго Шемахинцы находились под защитой мусульманского отряда, который по стратегическим соображением через четыре дня вынужден был покинуть город. С отрядом ушли значительная часть населения, не успев, однако, взять с собой даже самого необходимого из своего имущества, которое было брошено на произвол судьбы. Но многие жители не могли или не пожелали уйти и остались в городе. Через несколько дней после ухода мусульманского отряда армянские и молочанские банды вернулись и вторично заняли Шемаху. Теперь погром города и избиение населения производилось с еще большей озлобленностью, жестокостью и кровожадностью, чем во время первого нападения. Было перебито почти все оставшееся в городе население. Улицы, дворы, дома, мечети были переполнены трупами. Все движимое имущество было расхищено и вывезено в армянские и молочанские селения. Вся мусульманская часть города была предана огню. Сожжены также все мечети, тринадцать приходских и «Джума-Мечеть» и при них святые места. Вся мусульманская часть города превращена в груды развалин.

Во время первого и второго нападения в Шемаху убито несколько тысяч человек. В числе убитых находится известные лица и общественные деятели, как то: Гаджи Джафар Кули Ахунд, который был зверски замучен в своей мечети, городской голова Теймур Худавердов, бывший член Первой Государственной Думы Мамед Таги Алиев, Гаджи Баба Аббасов, Ашраф Гаджиев, Гаджи Абдул Халык Ахмедов, Гаджи Абдул Гусейн Зейналов с тремя своими братьями, Гад-

жи Исрафил Мамедов, Мир Ибрагим Сеидов, Гаджи Исрафил Саламов, Ага Ахмед Ахмедов, Гаджи Абдул Касум Касумов, Эюб Ага Вейсов, Зейнаб Ханум Вейсова, Али Аббас бек Ибрагимбеков, Алекпер Кадырбеков, Абдуррагим Ага Агаларов, Махиаддин Эфенди-заде, Закария Эфенди Мехти Халил оглы, Зиаддин Абдуллаев, Гаджи Молла Гасан Зейналов и его жена, Махмуд Гаджи Ага оглы, его жена и сын, и многие другие.

Размер материальных убытков, причиненных мусульманскому населению г. Шемахи, по среднему подсчету, составили более одного миллиарда рублей.

Нападение на город Шемаху, разгром ее, жестокая расправа с мусульманским населением и расхищение его имущества совершены были из чувства мести и национальной вражды и обогащения за их счет. Банды, громившие Шемаху, были воодушевлены одной идеей: убивать и грабить, грабить и убивать.

Во время нападения на Шемаху поджоги, убийства, грабежи совершались под руководством местных армян, которые действовали по заранее выработанному плану, именно: Степана Лалаева, Гаврила Караогланова, Аршака Гюльбандова, Михаила Арзуманова, Карапета Караманова, шушинца Агамалова, Седрака Власова, Самвела Долиева, Петроянца, Ивановых отца и сына, парикмахера Ованеса и других. Помимо этого руководители и организаторы наравне и вместе с бандами совершали поджоги и убийства.

Вообще в вышеизложенных преступлениях в достаточной степени изобличаются показаниями допрошенных потерпевших и свидетелей следующие лица:

1. Степан Лалаев изобличается показаниями следующих свидетелей потерпевших: 1) Мовсум бека Садыхбекова (1-17); 2) Абдул Гусейна Алиева (1-21); 3) Гаджи Керима Азиз оглы (1-30); 4) Махиддина Эфенди оглы (1-49); 5) Насруллы Гаджи Сулейман оглы (1-54); 6) Магомед Абдул Рагим оглы Абдулла Заде (1-62); 7) Гаджи Гейдара Гаджи Юсуф оглы (1-63); 8) Абдуллы Абдуллаева (1-64); 9) Мелика Неймат оглы Меликова (1-68); 10) Кербалай Юсуфа Мамедова (1-84); 11) Алихан бека Эюббекова (1-98); 12) Джевад бека Мамедова (2-30); 13) Гусейн-Бабы Мешади Абдул Али оглы (2-56); 14) Сираджаддина Эфендиева (2-72).

2. Гавриил Караогланов, бывший помощник Шемахинского Уездного Начальника, изобличается показаниями: 1) Мовсум бека Садыхбекова (1-17); 2) Абдул-Гусейна Алиева (1-21); 3) Гаджи Керима Азиз оглы (1-30); 4) Джелала Молла Гати оглы (1-38); 5) Садых бека Агаларова (1-44); 6) Махьяддина Эфенди оглы (1-49); 7) Мешади Расула Гусейн Али оглы (1-52); 8) Насруллы Гаджи Султан оглы (1-54); 9) Магомед Абдул-Рагим оглы Абдулла Заде (1-62); 10) Абдуллы Абдуллаева (1-64); 11) Мешади Алекпера Керам оглы (1-66); 12) Мелика Неймат оглы Меликова (1-68); 13) Ага Салима Гаджи-Алиева (1-91); 14) Али Гейдара Тагиева (1-94); 15) Алихан бека Эюббекова (1-98); 16) Джавад бека Мамедова (2-30).

3. Аршак Гюльбандов, бывший Начальник Шемахинской почтово-телеграфной конторы, изобличается показаниями тех же свидетелей, что и Караогланов, и, кроме того, показаниями: 17) Пантелеймона Ивановича Пугачева (1-80); 18) Асаф бека Шихалибекова (2-33); и 19) Сираджеддина Эфендиева (2-72).

4. Михаил Арзуманов, владелец аптекарского магазина в Шемахе, изобличается показаниями свидетелей, изобличающих Караогланова и указанных под №№ 3,5,6,7,8,9,11,12,13, 14,15,16 и. кроме того показаниями Сираджеддина Эфендиева (2-72).

5. Карапет Караманов изобличается показаниями: 1) Гаджи Керима Азиз оглы (1-30); и Махяддина Эфенди оглы (1-49).

6. Агамалов, «карабахский армянин», инструктор в Шемахе, изобличается показаниями: 1) Гаджи Керима Азиз оглы (1-30); 2) Ага-Салима Гаджи Алиева (1-91); 3) Али Гейдара Тагиева (1-94); 4) Алихан бека Эюббекова (1-98); 5) Касум бека Гусейнбекова (2-27).

7. Садрак Власов изобличается показаниями Садых бека Агаларова (1-44).

8. Самвел Долиев, парикмахер, изобличается показаниями: 1) Гаджи Керима Азиз оглы (1-30); 2) Махяддина Эфенди-оглы (1-49); 3) Насруллы Гаджи Султан оглы (1-54); 4) Бала бека Мамедбекова (1-51); 5) Ага Саиба Алекпер оглы (1-58); 6) Джамал бека Джабраилбекова (1-83); 7) Алихан бека Эюббекова (1-98).

9. Петросянц, владелец бакалейного магазина на Красной улице в Шемахе, изобличается показанием Гаджи Керима Азиз оглы (1-30).

10. Иванов Енок, отец, владелец галантерейного магазина в Шемахе, изобличается показаниями: 1) Алихан бека Эюббекова (1-98) и Асаф-бека Шихалибекова (2-33).

11. Иванов Аршак, сын, изобличается показаниями тех же свидетелей, что и его отец.

12. Ованец, парикмахер в Шемахе, изобличается показаниями: 1) Гаджи Керима Азиз оглы (1-30); 2) Джалала Молла Гаджи оглы (1-38); 3) Садых бека Агаларова (1-44); 4) Абдул Гусейн бека Агаларова (1-47); 5) Махяддина Эфенди оглы (1-49); 6) Насруллы Гаджи Султан оглы (1-54); 7) Бала бека Мамедбекова (1-61); 8) Агасайба Алекпер оглы (1-58); 9) Джамил бека Джабраилбекова (1-83); 10) Ага-Салима Гаджи Алиева (1-91); 12) Сираджеддина Эфендиева (2-72); 13) Мамед-Али бека Вейсова (1-3) и 14) Гаджи-Гусейна Саламова (1-42).

13. Сандрик Агриев, ж.с. Кюрдамир, изобличается показаниями: 1) Гаджи Керима Азиз оглы (1-30); 2) Махяддина Эфенди оглы (1-49); и 3) Гаджи Гейдара Гаджи Юсуф оглы (1-63).

14. Артем Тер-Матевосянц изобличается показаниями Садых бека Агаларова (1-44).

15. Ягуб Мартиросянц, парикмахер, изобличается показаниями Сулеймана Мешади Рагим оглы (1-56).

16. Арменак Ягубович Мартиросянц изобличается показаниями того же Сулеймана (1-56).

17. Александр Хачатуров, шапочник, изобличается показаниями того же Сулеймана (1-56).

18. Михаил Хачатуров, сапожник, тоже (1-56).

19. Андрей Арзуманов. *(пометка карандашом: Баку, брат Михаила).*

20. Джюнибек (фамилия неизвестна) и

21. Давид (фамилия неизвестна) изобличаются показаниями Бала бека Мамедбекова.

22. Минасов Аллахверди изобличается показанием Ага-Саиба Алекпер оглы (1-58).

23. Крикор (фамилия неизвестна), жестянщик в Шемахе, изобличается показанием Абдуллы Абдуллаева (1-64), между прочим, в убийстве Гаджи Абдул Халыха Гаджи Ахмед оглы.

24. Гаспар, армянин, житель селения Сагян Шемахинского уезда, изобличается показанием того же Абдулла Абдуллаева (1-64).

25. Герасим Агриев, ж.с. Матрасы, изобличается показанием Мелика Неймат оглы Меликова (1-68).

26. Михаил Карабанов, молоканин, б.присяжный Шемахинского Казначейства, изобличается показаниями: 1) Джалил бека Джебраилбекова (1-83) и 2) Тарлан бека Алиярбекова (2-65).

27. Гюльбандов (офицер) сын Аршака Гюльбандова, б. нач. почтово-телеграфной конторы, изобличается показаниями: 1) врача Владимира Павловича Сазонова (1-87); 2) Али-Гейдара Тагиева (1-94); 3) Асаф бека Шихалибекова (2-33); и 4) Тарлан бека Алиярбекова (2-65).

28. Хачанов, быв. Пристав в Шемахе, изобличается показанием врача Владимира Павловича Сазонова.

29. Шабанов, жит.г. Шемахи, изобличается показаниями: 1) врача Сазонова (1-87) и Тарлан бека Алиярбекова (2-65).

30. Михаил Тер-Григорьев, житель города Шемахи, изобличается показанием Али Гейдара Тагиева (1-94).

31. Аршак Тараев, тоже (1-94).

32. Рачи Цатурянц, тоже (1-94).

33. Артамонов, быв. Учитель сел. Джобани-русские, Шемахинского уезда, изобличается показаниями: 1) Касум бека Гусейнбекова (2-27); 2) Азад бека Коджаманбекова (2-43) и Тарлан бека Алиярбекова (2-65).

34. Борис Половинкин,

35. Яков Половинкин и

36. Семен Половинкин, жители сел. Чухур-Юрт Шемахинского уезда, изобличаются показанием: Мешади Солтана Бадалова (2-42 об.).

37. Владимир Долиев,

38. Мамикон Долиев и

39. Бабаджан Магакелов, жит. г. Шемахи, изобличаются показанием Али-Гейдара Гаджи Ага оглы(2-52).

40. Атабеков, быв. Комиссар г. Шемахи, изобличается показанием Сираджедина Эфендиева (2-72).

41. Серебряков, жит. г. Шемахи, тоже (2-72).

42. Арутюн Хачатуров, каменщик,

43. «Коля» (Николай), армянин, оружейный мастер в Шемахе, изобличается Мешади Гейдаром Султановым (1-25), между прочим, в вымогательстве у него денег под угрозой убийства сына.

44. Тумас, жит. г. Шемахи,

45. Марозянц, жит. с. Сагиян Шемахинского уезда,

46. Матрос, жестянщик,

47. Никита, сын Джамира, все четверо изобличаются показанием Гаджи Гусейна Саламова (1-42).

На основании изложенного, я полагал бы возбудить против названных лиц уголовное преследование по обвинению их в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 13, 129, 927, 1633, 1607 и 1453. Уложения о Наказаниях и ст. Уголовного Уложения.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Примечание. Личности преступников, у которых не выяснены или имена или фамилии, проживающих в Шемахе, которые во время расследования отсутствовали.

Член комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 8-10.

Документ № 338.

Постановление

1919 года, июля 28 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий рассмотрев дело о разгроме гор. Шемахи, свой Доклад «о разгроме г. Шемахи и насилиях, совершенных над мусульманским населением этого города» и Постановление от 12 июля с.г. о привлечении в качестве обвиняемых, нашел, что в Постановлении не означится привлеченным в качестве обвиняемого Иванов-отец, владелец галантерейного магазина в Шемахе, между тем, он в достаточной степени изобличается в организации нападения на гор. Шемаху, как это видно из показаний потерпевшего Алихан бека Эюббекова и Асаф бека Шихалибекова, что к делу привлечен в качестве обвиняемого изобличающийся показаниями тех же свидетелей сын Иванова, и что отец Иванов не значиться в Постановлении в виду пропуска его фамилии во время печатания Постановления, а потому, руководствуясь 395 ст. У.У.С., **Постановил:** привлечь к на-

стоящему делу в качестве обвиняемого Иванова – отца, предъявив ему обвинение, изложенное в Постановлении Комиссии от 12 сего июля.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 6-7.

Документ № 339.

Азербайджанское Правительство

М.Ю.

Чрезвычайная Следственная

Комиссия

23 Августа 1919 г.

г. Баку

№ 336

Господину Министру Юстиции

Имею честь сообщить, что Чрезвычайная Следственная Комиссии, по окончанию работ ее, предусмотренных в первоначальном докладе Правительству Министра Иностранных дел Мамед Гасана Гаджинского от 15 Июля 1918 года, и заключающихся в приведении в известность всех насилий и обстоятельств, при которых совершались эти насилии и установлении размеров причиненных убытков мусульманскому населению, в настоящее время, на основании постановления Правительства от 21 марта с.г. и распоряжения Г.Министра Юстиции от 25 Июня с.г. за № 3166 в течение последнего месяца привлекла к ответственности целый ряд лиц, виновных в насильственных действиях над мусульманским населением по городу Баку, Шемахи и Шемахинскому уезду и занята сейчас допросом обвиняемых и проверкой обстоятельств по ссылке обвиняемых. По городу Баку пока привлечены 24 обвиняемых, а по Шемахе и уезду – до ста обвиняемых.

Работа Комиссии происходит одновременно в г. Шемахе и Шемахинском уезде, и в Баку, двумя партиями Членов Комиссии, при чем по городу Баку производится одно общее дело, а по Шемахе и уезду имеется 22 отдельных производства.

Кроме того, партия Членов Комиссии, работающая в гор. Баку, согласно того же предписания Министра Юстиции от 25 Июня с.г. за № 3166, занята составлением постановлений о привлечении виновных по всем остальным обследованным Комиссией районам Азербайджанской Республики для передачи их засим, вместе со всеми следственными актами, на распоряжение Прокурора Судебной Палаты.

В Бакинской партии работают Члены Комиссии: Ч.Б.Клоссовский, А.А.Александрович, при Секретаре (он же переводчик) Э.б. Ханбудагове, а в Шемахинской партии – А.Ф.Новацкий и Н.М.Михайлов, при переводчике Касумове.

Работы Комиссии могут быть закончены приблизительно к 1-ому Ноября с.г. при условии, конечно, если все требования Комиссии будут исполняться Полицией аккуратно и своевременно.

Есть задержанные в Бакинской, Гянджинской и др. тюрьмах.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии: Алек. Хасмамедов (подпись).

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, лл. 126-127.

Документ № 340.

**Азербайджанское Правительство
М.Ю.**

Арестантское

**Чрезвычайная Следственная
Комиссия**

20 Ноября 1919 г.

гор. Баку

Г. Прокурору Азербайджанской Судебной Палаты

Препровождаю при сем дело «О разгроме гор. Шемахи и насилиях, совершенных над мусульманским населением этого города» в четырех томах.

Обвиняемые, содержащиеся под стражей, перечислены за Вами.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии: Алек. Хасмамедов (подпись).

За Секретаря: С.Касимов (подпись).

Резолюция: Нач. Гандж. Тюрьмы. За № 159 о перечислении арестантов за Прок. Бак. Окр. Суда.

Штамп: Прокурор Азербайджанской Судебной Палаты.

24 ноября 1919 г., М. № 1563.

ГА АР, ф. 700, оп. 1, д. 125, л. 27.

Документ № 341.

Арестантское

Г. Прокурору Бакинского Окружного суда

29 января 1920 г., № 158.

Препровождаю при сем Вам, г. Прокурор, для дальнейшего направления дело Чрезвычайной Следственной Комиссии о разгроме гор. Шемахи и насилиях, совершенных над мусульманским населением этого города в четырех томах.

Арестанты перечислены за Вами.

За Прокурора Палаты: Ткачев (подпись).

И.д. Секретаря: Муравьев (подпись).

ГА АР, ф. 700, оп. 1, д. 125, л. 28.

Документ № 342.

Азербайджанское Правительство

М.Ю.

Чрезвычайная Следственная

Комиссия

23 Ноября 1919 г.

гор. Баку

Г. Прокурору Азербайджанской Судебной Палаты

В дополнение к отношению от 20-но ноября с.г. за № 420, препровождаю при сем 5 дел по Шемахинскому уезду Бакинской губернии: т. 1, 2, 3 и 4-е, и протоколы допроса (т.6-й), произведенные в г. Баку, о разгроме гор. Шемахи.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии: Алек. Хасмамедов (подпись).

Секретар: подпись.

ГА АР, ф. 700, оп. 1, д. 125, л. 29.

Документ № 343.

Г. Прокурору Бакинского Окружного суда

29 января 1920 г., № 160.

Препровождаю при сем Вам, г. Прокурор, для дальнейшего направления дело Чрезвычайной Следственной Комиссии о разгроме гор. Шемахи. Арестанты перечислены за Вами.

За Прокурора Палаты: Ткачев (подпись).

И.д. Секретаря: Муравьев (подпись).

ГА АР, ф. 700, оп. 1, д. 125, л. 31.

Документ № 344.

Статьи ЗАКОНА

о льготах, даруемых населению по случаю международного признания независимости Азербайджана.

Принят Азербайджанским Парламентом 9 февраля 1920 года

В ознаменование, по случаю международного признания Азербайджанской Республики, окончательного торжества нового, основанного на началах права и свободы, государственного порядка, порвавшего с периодом угнетения и порабощения в жизни азербайджанского народа, парламент постановил облегчить на нижеследующих основаниях участь лиц, впавших в преступление, и положение плательщиков различных налогов и сборов:

2. Освободить от преследования и наказания всех, совершивших по день издания настоящего закона преступные деяния по побуждениям, проистекшим из национальной вражды.

10. Все уголовные дела, возникшие в производстве Чрезвычайной Следственной Комиссии, учрежденной 15 июля 1918 г. для расследования насилий, производимых над мусульманами и их имуществом в пределах всего Закавказья со времени Европейской войны, прекратить навсегда.

За Председателя Парламента Старший товарищ: М.Ю.Джафаров

Секретарь: Б.Ризаев

Начальник канцелярии: М.Векилов

ГА АР, ф. 895, оп. 3, д.301, л. 16-17.

Документ № 345.

**Правительство
Азербайджанской Республики
Министерство Юстиции
11\12 Февраля 1919 года.
№ 524**

Копия

Г.Прокурору Азербайджанской Судебной Палаты

Препровождаю при сем выписку из принятого Парламентом 9 сего февраля закона «О льготах даруемых населению по случаю международного признания независимости Азербайджана», поручаю Вам, Г.Прокурор, иметь наблюдение за правильным применением Прокурорами Судов амнистии и о результатах применения последней мне донести.

К сему присовокупляю, что 10 сего февраля мною дано непосредственно Прокурорам Судов поручение о немедленном приведении закона об амнистии в исполнение.

Министр Юстиции

Директор

Делопроизводитель

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 195, л. 4.

Документ № 346.

**М.Ю.
Прокурор
Ганджинского
Окружного Суда
6 марта 1920 г.
№ 1944
гор. Ганджа**

Господину Министру Юстиции

В исполнение ордера от 10 минувшего февраля за № 304, представляя при сем список лиц, освобожденных из мест заключений Ганджинской губернии на основании закона от 9 февраля с.г. об амнистии, доношу Вам, г.

Министр, что список арестантов, коим срок наказания сокращен на основании означенного закона мною будет представлен дополнительно по получении от начальников тюрем.

Прокурор Суда: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 195, л. 11.

Документ № 347.

**Из Списка
лиц, освобожденных из мест заключений Ганджинской губернии
на основании закона от 9 февраля 1920 года об амнистии**

№	Имена, отчества и фамилии освобожденных	По каким ст. закона обвинялись
	Из Ганджинской тюрьмы:	
1.	Сетрак Амбарцумович Шабанянц	В разгроме мусульманской части г. Шемахи
2.	Агабек Артемов Макакелов	В разгроме мусульманской части г. Шемахи
3.	Шахмурад Агасиев Таптухянц	В разгроме мусульманской части г. Шемахи
4.	Нерсес Артемов, он же Арутюнов, Татевосов	В разгроме мусульманской части г. Шемахи
5.	Агабек Христофорович Лалаев	В разгроме мусульманской части г. Шемахи
6.	Джумибек Алексеев Авшаров	В разгроме мусульманской части г. Шемахи
7.	Сурхайбек Хачан бек оглы Власов	В разгроме мусульманской части г. Шемахи
8.	Майсари Мисак Гукасов Оганов	В разгроме мусульманской части г. Шемахи

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 195, л. 12.

Глава 2

Следственные дела «О разгроме гор. Шемахи», возникшие в производстве Шемахинского Следственного участка.

**&1. Дело «Об убийстве жителей гор. Шемахи
Теймур-бека Худавердиева и Абдул-Салама Азимбекова»**

Д. № 46- 1919

Возникло Мая 13 дня 1919 г.

Окончено Июня 12 дня 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 137.

Документ № 348.

Протокол заявления

1919 г., 11 мая.

Ко мне, Приставу гор. Шемахи, явился жит. гор. Шемахи Мешади Гусейн Курбанов и заявил, что по дошедшей до него слухам родственники его Теймур бек Худавердиев и Абдул Салам бек Азимбеков были убиты во время мартовских событий находившимися тогда в Шемахе в войсках армян прапорщиками Долиевым и Гульбандовым. Вышеназванных его родственников, т.е. Худавердиева и Азимбекова доставили в крепость, раздели до нага и расстреляли в числе восемнадцати человек шемахинцев теми же прапорщиками, и трупы этих 18 человек через 4-5 дней были зарыты недалеко от военного собора жителями сел. Мальхам по принуждению армян.

Все вышеназванное было рассказано Давидом Шуша оглы в присутствии городского головы Агалар бека Гусейнбекова, начальника почтово-телеграфной конторы Абдулла бека Абдуллабекова, помощ. Пристава гор. Шемахи Али Овсада Фарзалиева и пристава гор. Шемахи Джебраил бека Джебраилбекова.

Подписи: Мамед Гусейн Курбанов, Пристав гор. Шемахи Дж Джебраилбеков.

Резолюция: Настоящий протокол препровождаю Следователю гор. Шемахи.
13 мая 1919 г.

Пристав гор. Шемахи: Дж. Джебраилбеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 138.

Документ № 349.

Постановление

1919 год, Мая 13 дня. Гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка, в камере своей, рассмотрев жалобу, протокол об убийстве Худавердиева и Азимбекова и имея в виду: 1) что в происшествии, составляющем предмет его, протокола, заключается признаки преступления, предусмотренного 1454 ст. Улож. о Наказ. и подсудного Бакинскому окружному суду; 2) что таковое преступление совершено в районе Шемахинского Следственного участка; 3) что протокол служит законным поводом к начатию следствия и в данном случае руководствуясь 200, 208, 262, 288, 1 п. 289 и 297 ст. ст. Уст. Уг. Суд.

Постановил: по настоящему делу приступить к производству предварительного следствия.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 139.

Документ № 350.

Протокол

1919 год, Мая 14 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг.Суд. нижепоименованного в качестве потерпевшего, причем он показал:

Мамед-Гусейн Гаджи Самед оглы Курбанов, житель гор. Шемахи, проживающий в гор. Баку, по Персидской ул., Шахский пер., д. № 16, 44 л., мусульманин, мещанин, грамотный, не судился.

Во время мартовских событий прошлого года в гор. Шемахе были убиты Теймур бек Худавердиев и Абдул Салам бек Азимбеков. Убиты они были армянами. В день убийства Теймур бек и Абдул Салам бек находились в доме своего тестя Гаджи Мамед Гасана Мирзоева (ныне покойный). Около полудня (в день убийства) ворвались вооруженные военные армяне в сопровождении офицера (имени и фамилии этого офицера не знаю) в дом Мирзоева и увели насильно Теймур бека и Абдул Салам бека. В это время находилась в доме, между прочим, жена Теймур бека Секина ханум Худавердиева (проживает в настоящее время у меня с тремя малолетними сыновьями Баграмом, Фархатом и Энвером) и я даю показание с ее слов: лично я не присутствовал в это время в Шемахе, так как за два дня до происшествия выехал в Баку. Сама Секина ханум с детьми была спасена каким-то солдатом-молоканином (имени этого солдата Секана ханум мне называла). Убийство моих родственников Теймур бека и Абдул Салам бека (я, Теймур бек и Абдул Салам бек приходимся друг другу зятьями: мы женаты на трех родных сестрах) оставалось не раскрытым до сегодняшнего времени. Только 6 мая я, приехал в Шемаху, узнал от моего родственника Абдулла бека Абдуллабекова, Нач. почтово-телеграфной конторы в Шемахе про обстоятельства, сопровождавшие убийство зятьев. Абдуллабеков мне рассказал, что за несколько дней до моего приезда он находился в гостях (не говорил у кого именно), в обществе некоего Давида Шуша оглы- армянина, жителя гор. Шемахи. разговор зашел о событиях прошлого года и Давид Шуша оглы рассказал тогда, что он был очевидцем убийства Худавердиева и Азимбекова. Давид рассказал, что он присутствовал в крепости (так у нас в Шемахе называлась казарма, где квартировал пехотный Шемахинский полк) в то время, как Худавердиева и Азимбекова, раздев догола, поставили у стенки казармы (я не знаю у какой именно стены: главного здания казармы или же флигеля) и выстрелами из огнестрельного оружия (не знаю из винтовки ли или из револьвера) убили. Давид же рассказал еще, что стрелявших по Худа-

вердиеву и Азимбекову и убивших их было двое: армянские прапорщики Мамикон Долиев и Мамикон Гульбандов. Давид рассказал еще, что трупы Худавердиева и Азимбекова валялись еще 4-5 дней после убийства в ограде казармы, пока вместе с другими 18-ю мусульманами, убитыми в крепости, не были похоронены в одной общей могиле жителями сел. Мальхам (кем именно не знаю) около военной церкви. Давид рассказывал еще, что и до настоящего времени видны следы застывшей крови Худавердиева и Азимбекова на стенке казармы. Более показать не имею.

Мешади Гусейн Курбанов: подпись.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 140.

Документ № 351.

М.Ю.

Срочно

Шемахинский

Следственный Участок

14 мая 1919 г.

№ 408

г. Шемаха

Господину Приставу гор. Шемахи

Препровождая при сем 4 повестки, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

На обороте: Следователю Шемахинского Участка.

С 4-мя врученными повестками.

Мая 15 дня 1919 г. № 478.

Пристав гор. Шемахи: Джебраилбеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 141.

Документ № 352.

Повестка

Городскому голове Агалар беку Гусейнбекову.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра мая 16 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Т.б. Худавердиева и других.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 428).

Пометка: Получил. 15 мая 1919 г.

Гусейнбеков:подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.142.

Документ № 353.

Повестка

Приставу Джебраил беку Джебраилбекову.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра мая 16 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Т.б. Худавердиева и других.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 428).

На обороте: 15 мая 1919 г. Повестку получил.

Джебраилбеков: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.143.

Документ № 354.

Повестка

Пом. Пристава Али Овсаду Фарзалиеву.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра мая 16 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Т.б. Худавердиева и других.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 15 мая 1919 г. Получил.

Фарзалиев:подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.144.

Документ № 355.

Повестка

Начальнику П.-Т. К. Абдулла беку Абдуллабекову

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра мая 16 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Т.б. Худавердиева и других.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389).

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

Пометка: Получил. 15 мая 1919 г.

Абдуллабеков: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.145.

Документ № 356.

**Шемахинский
Следственный Участок**

16 мая 1919 г.

№ 417

г. Шемаха

Срочно

Господину Приставу гор. Шемахи

Препровождая при сем 1 повестку, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

На обороте: Следователю Шемахинского Участка.

По исполнении.

Мая 17 дня 1919 г. № 484.

Пристав гор. Шемахи: Джебраилбеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 149.

Документ № 357.

Повестка

Жительствующему в г. Шемахе Давиду Шуша оглы.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра мая 16 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Т.б. Худавердиева и других.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.150.

Документ № 358.

Протокол

1919 год, Мая 16 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг.Суд. нижепоименованных в качестве свидетелей, причем они показали:

Абдулла бек Исмаил бек оглы Абдуллабеков, житель гор. Шемахи, 26 лет, мусульманин, бекского сословия, грамотный, не судился, посторонний.

Второго-третьего мая сего года пополудни, я вместе с городским приставом Джебраилбековым, пом. его Фарзалиевым, городским головой Гусейнбековым, пом. окружного инспектора призрения Абдурахмановым, учителем Наджаф-Кули Рзаевым вышли гулять по развалинам города. Между прочим пришли мы и к дому Курбанова (не помню название улицы), где встретили мы Давида Шуша оглы, живущего неподалеку от этого дома той же улицы. Начали мы разговаривать. Давид выразил сожаление о том, что Шемаха совершенно разрушена и когда мы стали упрекать армян в их бесчинствах в прошлом году, Давид покраснел и сказал, что лично он не причастен ни к одному убийству мусульманина. Дальше он говорил, что лично он умолял не убивать Теймур бека Худавердиева (бывшего городского голову) и Абдул Салам бека Азимбекова, (бакинского фабриканта), причем объяснил, что ему, армянину Теймур бек одолжил 600 руб. на покупку необходимой утвари для буфета, который он, благодаря Теймур-бека имел возможность содержать в Шемахинском клубе. Затем, перекрестя, сказал, что Теймур бека и Абдул Салам бека убили во время мартовских событий прошлого года в ограде казармы, где квартировался Шемахинский полк, армянские прапорщики Мамикон Долиев и Мамикон Гульбандов. Затем он добавил еще, что видел впоследствии спустя три дня после убийства трупы Теймур бека и Абдул Салам бека, валявшихся в ограде казармы. Больше показать не имею.

А.Абдуллабеков: (подпись).

Следователь: подпись.

Джебраил бек Гани бек оглы Джебраилбеков, житель гор. Шемахи, 43 года, мусульманин, бекского сословия, грамотный, не судился, посторонний.

Недели две тому назад, я, гуляя по городу, со своим помощником Фарзалиевым и другими, встретили Давида Шуша оглы на улице возле его – Давида дома. В разговоре он, Давид Шуша оглы, сказал, что бывшего городского голову Теймур бека Худавердиева и бакинского фабриканта Абдул Салам бека Азимбекова, зятя Худавердиева. Убили армянские прапорщики Мамикон Долиев и Мамикон Гульбандов, что он, Давид Шуша оглы, был очевидцем этого убийства и впоследствии видел в ограде казармы Шемахинского полка, трупы Худавердиева и Азимбекова, совершенно голыми. Больше показать не имею.

Дж. Джебраилов: (подпись).

Следователь: подпись.

Али-Овсад Агад оглы, пом. пристава гор. Шемахи, 29 лет, мусульманин, мещанин, грамотный, не судился.

Второго-третьего мая сего года, я вместе с приставом гор. Шемахи Джебраилбековым и другими, гуляя по городу (тогда было послеобеденное время) очутились возле дома Давида Шуша оглы. Мы с ним вступили в разговор (мы все его знали раньше: он был буфетчиком в Шемахинском клубе) и он, Давид-Шуша оглы, сказал, что Теймур бека Худавердиева и Абдула Салам бека Азимбекова убили армянские прапорщики Мамикон Долиев и Мамикон Гульбандов во время мартовских событий прошлого года и что он спустя три дня после убийства видел в ограде казармы Шемахинского полка голые трупы Худавердиева и Азимбекова. Я не помню говорил ли Давид Шуша оглы, что он лично присутствовал при убийстве Худавердиева и Азимбекова. Больше показать не имею.

Ал. Фарзалиев: (подпись).

Следователь: подпись.

Давид Александрович Игнатов, жит. гор. Шемахи, 45 лет, армянин, мещанин, армяно-григорианского, грамотный, не судился.

Недели две тому назад ко мне пришли городской пристав Джебраилбеков, его помощник Фарзалиев, начальник почтово-телеграфной конторы Абдуллабеков, пом. окружного инспектора Абдурахманов, городской голова Гусейнбеков, и еще один, которого не знаю, чтобы выпить бутылку вина (у меня имеется вино ля продажи). Я дал им вина и они, усевшись на траве против моего дома, выпили это вино. Во время, когда они пили вино, я с ними разговаривал. Зашел разговор о событиях прошлого года. Я сказал, что Худавердиева убил прапорщик Мамикон Долиев и что об этом мне рассказывали в Хилмилях, где я жил в то время. Я никому из них не говорил, что я присутствовал при смерти и убийстве Худавердиева и Азимбекова. Также не говорил,

что я видел трупы убитых Худавердиева и Азимбекова. Я никогда не получал от Худавердиева 600 руб. на устройство буфета в Шемахинском клубе и никому про это не говорил В Хилмилах мне действительно говорили, что Худавердиева (и только его, про Азимбекова мне никто ничего не говорил) убил Долиев, кто именно мне про это говорил, сейчас не помню, да тогда про убийство Долиевым Худавердиева говорили все, кто жил в это время в Хилмилах. Я не присутствовал при убийстве Худавердиева и Азимбекова и никогда не видел их трупов. Больше показать не имею.

Давид Игнатов: (подпись).

Следователь: подпись.

Дополнительно показываю: 600 руб. я получил действительно от Худавердиева, как старшина клуба, в конце 1917 года на приобретение посуды для буфета в клубе. Эти 600 руб. мне были даны клубом, а не Худавердиевым из своих собственных средств, взаймы с тем, чтобы я эти деньги уплачивал клубу ежемесячно. Больше показать не имею.

Давид Игнатов (подпись)

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 146-148.

Документ № 359.

Постановление

1919 год, Мая 16 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, усматривая кардинальное противоречие в показаниях, данных свидетелями Абдуллабековым и Джебраилбековым с одной стороны и свидетелем Игнатовым с другой стороны, **Постановил:** дать очную ставку свидетелям Абдуллабекову и Игнатову. И свидетелям Джебраилбекову и Игнатову.

Следователь: подпись.

Очная ставка:

Свид. Абдулла бек Абдуллабеков:

1. Это именно Давид Игнатов, с которым я разговаривал две недели тому назад, он тогда сказал: «Я даже просил прапорщиков Гульбандова и Долиева не убивать Теймур бека Худавердиева и Абдул Салам бека Азимбекова».

Свид. Давид Игнатов:

1. Я в разговоре выразился: «если я в день убийства Теймур бека был в Шемахе, то никогда не допустил бы совершения этого преступления или же положил бы свою голову».

Свид. Абдулла бек Абдуллабеков:

2. Давид Игнатов сказал: «спустя два-три дня после убийства, я видел голые трупы Худавердиева и Азимбекова в ограде казармы Шемахинского полка».

Свид. Давид Игнатов:

3. Я никогда никому не говорил, что видел голые трупы Худавердиева и Азимбекова где бы то ни было.

Свид. Абдулла бек Абдуллабеков:

3. Давид Игнатов сказал: «вечером пришел в клуб Худавердиев и, вынув 600 руб. сторублевыми кредитными билетами, сказал: на, Давид, торгуй». Игнатов сказал еще: «дай ему Бог (Теймур беку) царство небесное за то, что он был так отзывчив».

Свид. Давид Игнатов:

3. Я действительно сказал, что получил от Худавердиева как старшина клуба 600 руб. сторублевыми кредитными бумажками, но затем добавил, что деньги эти были мне вручены клубом взаймы, по ходатайству Худавердиева.

Свидетель Джебраилбеков:

1. Давид Игнатов – это именно тот Давид Шуша оглы, с которым мы разговаривали. Давид Игнатов сказал: «Я издала присутствовал при убийстве Худавердиева и Азимбекова и их убили Долиев и Гульбандов».

Свид. Давид Игнатов:

1. Я сказал: будучи в Хильмилях я слышал от многих армян и молокан, что Худавердиева убил Долиев.

Свидетель Джебраилбеков:

2. Давид Игнатов сказал: «я видел трупы Худавердиева и Азимбекова в ограде казармы Шемахинского полка спустя два-три дня после убийства: они были голые, и на шее Худавердиева был галстук».

Свид. Давид Игнатов:

2. Я никому никогда не говорил, что видел, где бы то ни было, трупы Худавердиева и Азимбекова и что на шее Худавердиева я увидел галстук ».

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.148.

Документ № 360.

Протокол

1919 год, Мая 26 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уз.Суд. нижепоименованного в качестве свидетеля, причем он показал:

Агалар бек Ага-Керим бек оглы Гусейнбеков, городской голова гор. Шемахи, 32 лет, мусульманин, бекского сословия, грамотный, не судился, посторонний.

В начале этого месяца я со своими знакомыми встретил Давида Игнатова недалеко от его дома. Разговор зашел о мартовских событиях прошлого года, причем я высказался, что в то время погибло много невинных людей, как например, Теймур бек Худавердиев. Кто то из нашей компании высказался, что

Худавердиев убит Степаном Лалаевым. Давид Игнатов на это заявление перекрестился и сказал, что Худавердиева убили прапорщики Долиев и Гульбандов. Сейчас я не помню, говорил ли Давид Игнатов, что он сам был очевидцем этого убийства или же только, что он знает об этом по слухам. Затем Давид Игнатов сказал, что он видел дня три после убийства трупы Худавердиева и Азимбекова, валявшиеся в ограде казармы Шемахинского полка, причем добавил, что на шее Худавердиева был галстук. Больше показать не имею.

Агалар бек Гусейнбеков: (подпись).

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.151.

Документ № 361.

**М.Ю.
Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
16 мая 1919 г.
№ 418
г. Шемаха**

В. Срочно

Господину Бакинскому Полицеймейстеру

Прошу поручить подведомственным Вам чинам полиции дознать адреса проживающих в г. Баку бывших армянских прапорщиков Мамикона Долиева и Мамикона Гульбандова – жителей гор. Шемахи, по дознании адресов задержать их и препроводить ко мне по этапу.

Следователь: подпись.

На обороте: Господину Следователю Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка.

Настоящее отношение возвращается вместе со справкой адресного стола.

Мая 22 дня, 1919 г. № 2730.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Резолюция: Бакинскому Полиц. и Начальнику Сыскной Полиции:

О дознании адреса и задержании.

29 мая 1919 г. Подпись.

Исполн. Исход. №№ 497, 498. Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.152.

Документ № 362.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции.**

Срочно

Справка
В Центральный адресный стол

Фамилия, имя, отчество и звание:

1. Мамикон Долиев

2. Мамикон (карандашом: Мартиросович) Гульбандов

Жители г. Шемахи.

22 мая 1919 г. № 2430

Заведующий 2-м столом: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.153.

Документ № 363.

Постановление

1919 год, Мая 16 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, рассмотрев настоящее дело, нашел: в прошлом году во время мартовских событий, когда отсутствовал правопорядок и не было твердой власти, сдерживающей злые инстинкты человека, жители города Шемахи Мамикон Гульбандов и Мамикон Долиев – армяне убили Теймур бека Худавердиева, бывшего городского голову гор. Шемахи и его знакомого Азимбекова из-за национальной розни и вражды между армянами и мусульманами, вылившейся тогда в очень острую форму. Убийство это раскрыл недавно жит. гор. Шемахи Давид Игнатов, бывшей очевидцем расстрела Худавердиева и Азимбекова. Про это происшествие Давид Игнатов рассказал свидетелям Абдуллабекову, Джебраилбекову и др., подтвердившим на следствии слова Игнатова, причем он категорически заявил, что Худавердиева и Азимбекова убили Мамикон Гульбандов и Мамикон Долиев. На основании изложенного и руководствуясь 396 ст. Уст. Угол. Суд. **Постановил:** жит. гор. Шемахи Мамикона Долиева и Мамикона Гульбандова привлечь в качестве обвиняемых по сему делу, предъявив обвинение в том, что они по взаимному между собой соглашению в марте месяце прошлого года по заранее обдуманному намерению убили из огнестрельного оружия в ограде казармы Шемахинского полка из-за национальной вражды жит. гор. Шемахи Теймур бека Худавердиева и Салам бека Азимбекова, т.е. в преступлении, предусмотренном 13 и 1454 ст. Улож. о Наказ.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.154-155.

Документ № 364.

М.Ю.

Срочно

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
31 мая 1919 г.**

№ 497

г. Шемаха

Господину Бакинскому Полицеймейстеру

Прошу поручить подведомственным Вам чинам полиции дознать адреса бывших армянских прапорщиков, жителей гор. Шемахи, Мамикона Долиева и Мамикона Гульбандова, проживающих в г. Баку по неизвестному адресу, и по дознании адресов задержать их, и препроводить в камеру мою в Шемахе по этапу.

Следователь: подпись.

На обороте: В Шемахинский Уездно-Городской Следственный участок.

Со справками адресного стола.

Июня 12 дня, 1919 г. № 6615.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Резолюция: Бакинскому Полиц. и Начальнику Сыскной Полиции:

О дознании адреса и задержании.

29 мая 1919 г. Подпись.

Исполн. Исход. №№ 497, 498. Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.157.

Документ № 365.

М.Ю.

Шемахинский

Уездно-Городской

Следственный Участок

31 мая 1919 г.

№ 498

г. Шемаха

Г. Начальнику Сыскной Полиции гор. Баку

Прошу поручить подведомственным Вам чинам сыскной полиции дознать адреса бывших армянских прапорщиков жит. гор. Шемахи Мамикона Долиева и Мамикона Гульбандова, проживающих в Баку по неизвестному адресу, и по дознании адресов задержать их и препроводить в камеру мою в Шемахе по этапу.

Следователь: подпись.

На обороте: Доношу г. Начальнику Бакинской Сыскной Полиции, что по ...розыску Мамикона Долиева и Мамикона Гульбандова не было возможности разыскать, розыски продолжаются, и по наведенным справкам Центрального Адресного Стола не значатся.

Полиц. Надзиратель: подпись.

Надпись: В Шемахинский Следственный уч.

Начальник Сыскной полиции: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 247.

Документ № 366.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции.**

Срочно

Справка

В Центральный адресный стол

Фамилия, имя, отчество и звание:

1.Мамикон Долиев

2.Мамикон Гульбандов

Жители г. Шемахи.

11 июня 1919 г. № 4615

Заведующий 1-м столом: подпись.

На обороте:

1. Не значится.

2. Выбыл 15 сентября 1918 г. с Бондарной ул. № 101 не известно куда.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.156.

Документ № 367.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный участок
31 Июля 1919 г.**

№ 930

г. Шемаха

№ 46\1919 г.

Г. Тов.Прокурора по Шемахинскому уч.

На обороте сего сообщаю, Вашему Высокоблагородию копию постановления моего, от 31 сего июля, о передаче дела об убийстве жителей гор. Шемахи Теймур бека Худавердова и Абдул-Салама Азимбекова для сведения.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 503, л. 3

Документ № 368.

Постановление

1919 г., Июля 31 дня. г. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Уч., принимая во внимание, что расследование дел, возникших в связи с разгромом г. Шемахи во время мартовских событий прошлого года Правительством возложено на Чрезвычайную Следственную Комиссию и ведение следствия по такого рода делам поручено Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, как оно видно из отношения его от 29 июля с.г. за № 4, что

происшествие, составляющее предмет настоящего исследования, имело место во время разгрома гор. Шемахи, **Постановил:** настоящее дело препроводить Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, сообщая копию с сего Постановления Тов. Прокурора по Шемахинскому участку.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 158; ф.2775, оп. 1, д. 503, л. 3 об.

Документ № 369.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
30 августа 1919 г.**

№ 1188

г. Шемаха

**Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии
А.Ф.Новацкому**

В дополнение к отношению моему от 2 сего августа за № 909 при сем препровождается Вашему высочородию переписка по делу об убийстве жителей гор. Шемахи Теймур-бека Худавердиева и Абдул Салама Азимбекова.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 246.

***& 2. Дело «О разбойном нападении на Халаф бека Меликбекова
и об убийстве последнего»***

Д. № 21-1919.

Возникло: марта 27 дня 1919 г.

Окончено: июля 31 дня 1919 г.

Надпись: 1) Агабек Артемович Магакелов

2) Сетрак Амбарсумович Шабанянц

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 39.

Документ № 370.

Протокол

1919 года марта 19 дня, гор. Баку.

Полицейский надзиратель Бакинской сыскной полиции Татаренко в следствии приказания г. Начальника той же полиции записал в настоящий протокол следующее:

1.Гражданин сел. Текля Шемахинского уезда Бакинской губернии, где проживает Искяндар бек Меликбеков, магометанин, 24 года, холост, под судом не был, состоит на службе в 1-м Татарском конном полку штабс-

ротмистр, показал, что приблизительно числа 15-16 марта во время Шемахинских событий, когда он был в городе Ленкоране, был убит отец его Халаф бек Меликбеков и разграблена квартира и был сожжен дом, всего похищенными из квартиры были нижеследующие вещи: наличными деньгами (бумажными) кредитными билетами 40.000 руб., золотыми монетами 5 и 10 рублевого достоинства 5.000 руб.; золотой мужской пояс с надписью по мусульмански «Халав бек Гаджи Искяндар бек оглы», стоимостью 15.000 руб.; золотые газыри стоящее 8.000 руб.; женское ожерелье золотое стоящее 10.000 руб.; золотые часы с цепью и медальоном – стоящий 9050 руб.; и остальные домашние вещи на сумму 200.000 рублей, а всего на сумму 287.050 рублей, по словам матери его находящейся в селение Текля Шемахинского уезда, отца его убили и все перечисленные в протоколе вещи и деньги забрали Агабек Магакелов, брат его Бабаджан, который убит во время сентябрьских событий; обстоятельства эти могут подтвердить проживающие в городе Шемахе Давыд, по фамилии не знает, Насрулла бек Алиев, проживающий временно в городе Баку по Н.Нагорной улице в доме № 80; остальное дознание имеется у городского пристава города Шемахи, имен и фамилий свидетелей не знает, но есть еще один шемахинец, проживающий в настоящее время в городе Баку, по имени Микас, фамилии которого не знает. Просит принять меры к розыску вещей, денег, обнаружению виновников убийства. Добавил, что при отце находился план земли векселя, и другие документы, просит потребовать таковые от убийц.

Заявителю 940 ст. ул. о наказ. объявлено.

2. Опрошенный **гражданин Шемахи, проживающий по Н. Нагорной улице в доме № 80 Насрулла бек Алиев** показал, что во время Шемахинских событий в марте 1918 года Халав бек Меликбеков на время событий приютился у него в квартире, утром приблизительно часов в 10 дня числа 14-15 марта к нему в квартиру вошли приблизительно человек 20-30 вооруженных винтовками армян, из числа которых он опознал Агабека Магакелова, Бабаджана Магакелова, Самсона – духанщика, фамилии которого и место жительства не знает, которые войдя в его квартиру, забрали и под конвоем препроводили в другую квартиру, где продержали трое суток, а Меликбекова одновременно вывели на улицу и убили около его квартиры, раздели до гола, потом убили, но кто из этих людей стрелял в Меликбекова он не видел. После убийства Меликбекова и взятия его под стражу вооруженная толпа вошла в квартиру, откуда забрали сундук на арбу, где находились деньги и ценные вещи Меликбекова, а также и его вещи, как-то ковры, золотые серебряные вещи и обстановку и увезли на подводе всего на сумму 200.000 рублей; дознание о похищенных у него вещах производится в гор. Шемахе отдельно.

Подпись: Насрулла бек Алиев.

3. Опрошенные **граждане города Шемахи, проживающие по 3 Канитяпинской улице в доме № 101 Агабек Артемович Магакелов, 50 лет, армяно-григорьянин, женат, под судом не был**, показал, что во время Шемахин-

ских событий он находился вместе с Насрулла бек ом Алиевым и семейством последнего в гор. Шемахе в доме Мисропа Казарова, который выехал в Россию, и там же был начальник Шемахинской почтовой конторы Кулбандов, никуда из дома не выходил, а об убийстве Халав бека узнал лишь на другой день, слышал, что Халав бека убили: из убийц он знает из сел. Калоханы Соломона, фамилии которого не знает и еще был один из сел. Матрасы, имени и фамилии последнего не знает. Золото и серебряные деньги забрали Сетрак Шабанов, проживающий в гор. Баку, но по какой улице, не знает, но отец последнего Амбарцум служит 19 лазарете. Сетрак Асаданов бывший агент компании «Зингер», который выехал из Баку. Он ничего во время событий не делал, а сам боялся выходить на улицу города, т.к. армяне хотели его убить за то, что он скрывал от них мусульман. Опознанные у него хурджуны принадлежат ему, т.к. 15 лет тому назад маленький подарил ему жит. сел. Ахгдара Бакинской губернии и уезда Ахмед Сафар Али оглы, большой купил на базаре в городе Шемахе лет 7-8 тому назад, а ложку столовую купил лет 12 тому назад там же в гор. Шемахе. Более показать ничего не имеет.

Подпись: (на армянском алфавите).

4. Опрошенный житель города Шемахи Бакинской губернии, проживающий по Будаговской улице в доме № 57 Сетрак Амбарцумович Шабанянц, армяно-григорьянского, 28 лет, холост, не судился, показал, что во время Шемахинских событий в братоубийственной войне не участвовал, а также золото и серебра, а равно и денег, принадлежащие Халав беку он не брал, а наоборот, старался защищать Халав бека, который много помогал крестьянскому населению, но разъярённая толпа во время его отсутствия убила Халав бека и на другой день после убийства Халав бека толпа сельчан в числе 100 человек прибыли к квартире Халав бека с целью грабежа, но он вместе с другими не допустили этого, а на третий день после событий от услышал от Агаджана Аванесова, что ограблена квартира Насрулла бека, откуда были расхищены вещи Халав бека, но кем они были разграблены, ему не известно.

Подпись: Шабанов

5. Опрошенный из гор. Шемахи, проживающий на 4-й Канитапинской улице в доме № 19 Минас Аванесов, армяно-григорьянского, 55 лет, женат, под судом не был, показал, что он действительно состоял в соседстве с Насрулла беком и Халав беком и во время событий первый день был вместе с ними, но на второй день, боясь смерти, со всем своим семейством выехал в селение Матрасы, в то время Халав бек был еще жив, но оставив семейство в Матрасе и на второй день, приехав обратно в гор. Шемаху узнал, что Халав бека убили, но кем он был убит ему не известно, а также кто разграбил квартиру ему не известно. Более показать ничего не имею. Неграмотен.

Постановил: изложенное записать в настоящий протокол, каковой на распоряжение представить вместе с обвиняемыми г. Начальнику Бакинской сыскной полиции.

Полицейский надзиратель: Ф Татаренко (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 39-41.

Документ № 371.

Протокол

1919 года марта 19 дня, гор. Баку.

Полицейский надзиратель Бакинской сыскной полиции Татаренко в следствии приказа г. Начальника той же полиции основною на заявлении гражданина сел. Текля Шемахинского уезда Искяндар бека Меликбекова прибыл сего числа в квартиру Агабека Магакелова, находящегося по 3 Канитапинской улице в доме № 101, где в присутствии нижеподписавшихся понятых, квартировладельца и потерпевшего в порядке 258 ст. Уст. Уг. Суд, произвел обыск в квартире Магакелова, состоящей из 2 комнат, кухни и галереи, при чем при обыске опознаны потерпевшим нижеследующие вещи: одна столовая ложка фразе, две хурджины, из коих одни новые большие, и вторая малого размера старые, **Постановил:** означенные вещи отобрать, каковые вместе с подозреваемым Магакеловым при протоколе представить г. Начальнику сыскной полиции на распоряжение.

Кроме упомянутых вещей в сем протоколе взято ничего не было.

Подпись: О. Татаренко.

Поняты: подписи.

Присутствовал городской 8-го участка: подпись.

Потерпевший: Штаб.рот. Меликбеков (подпись).

Заметка: Настоящий протокол с Сатраком Шабановым, Агабек ом Магакеловым, одной столовой ложкой, двумя хурджунами представляю г. Начальнику Бакинской сыскной полиции на распоряжение.

Марта 21 дня 1919 года, город Баку.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.42, 44

Документ № 372.

Протокол

1919 года марта 22 дня.

Я, Начальник Бакинской Сыскной полиции Фаталибеков, сего числа передпросил задержанного жителя гор. Шемахи Агабека Артемовича Магакелова, по обвинению его в убийстве одногорожанина Халаф бека Меликбекова, который в дополнение к своему показанию, данному у Надзирателя Татаренко, заявил: «Я никаких убийств не совершал, в том числе и убийство названного Меликбекова, кто убил его поименно не знаю, но слышал от Ханумы Казаровой (в г. Шемахе), что в числе других лиц, громящих дом Мелик-

бекова, после убийства последнего, был и указанный в его показании одногрожанин Сетрак Амбарцумович Шабанов. Названная Ханума Казарова, урожденная Агриева, в настоящее время живет в гор. Москве. В остальном я подтверждаю свое первоначальное показание.

Подпись: (на армянском алфавите)

Допросил: Начальник Сыскной полиции: Фаталибеков (подпись).

На обороте:

Алиев Насрулла бек, 50 лет, ж. гор. Шемахи, живу в гор. Баку, по Нижнее-Нагорной улице, д. № 80.

В дополнение к своему показанию, добавляю, что я лично видел в числе других вооруженных армян, ворвавшихся в дом Халаф бека Меликбекова и убивших его, вооруженного Сетрака Шабанянца, ныне арестованного, который принимал активное участие в убийстве покойного Меликбекова. Те же армяне разгромили имущество последнего.

Подпись: Насрулла бека лиев.

Начальник Сыскной полиции: Фаталибеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 43.

Документ № 373.

Г.-ну Бакинскому Полицеймейстеру

С Сетраком Шабановым и Агабек ом Магакеловым на распоряжение.

Приложение: одна столовая ложка и 2 хурджуна.

22 марта 1919 г.

Начальник Сыскной полиции: Фаталибеков.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 44 об.

Документ № 374.

Шемахинскому Уездному Начальнику

Настоящий Протокол допроса вместе с задержанными Сетраком Шабановым, Агабеком Магакеловым и одной столовой ложкой и двумя хурджунами препровожден на распоряжение Ваше.

23 марта 1919 г., № 1226.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

На обороте: Препровождая настоящую переписку вместе с опечатанным тюком Господину Следователю города Шемахи, сообщаю, что упомянутые здесь задержанные Сетрак Шабанов и Агабек Магакелов находятся на посту под стражей.

27 марта 1919 г. № 887.

За Шемахинского Уездного Начальника: подпись.

Делопроизводитель: Баженов (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 45.

Документ № 375.

Постановление

1919 года. Марта 27 дня, город Шемаха.

Следователь Шемахинского городского участка в камере своей рассмотрев дознание полиции о разбойном нападении на дом Халав бека Меликбекова, и имея в виду, что 1. в происшествии составляющим предмет его дознания заключается признаки преступления предусмотренного 1629 и 2 ч. 1459 ст. Улож. о Наказ. и подсудного Бакинскому Окружному суду. 2., что таковое преступления совершено в рапорте Шемахинского следственного участка, 3. Дознание служат законным поводом к начатю следствия и в данном случае имеются достаточное к тому основания, руководствуясь 200, 208, 262, 288 п., 289 и 297 Уст. Уг. Суд., **Постановил:** по настоящему делу приступить к производству предварительного следствия.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 46.

Документ № 376.

Протокол осмотра

1919 года, Марта 21 дня, гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в присутствии нижепоименованных понятых, производил осмотр вещей (вещественного доказательства), препровожденных Уездным Шемахинским Полицейским Управлением при отношении от 27 марта с. за № 887, причем нашел:

Вещественные доказательства препровождены в тюке за печатью. Печать цела. После сорвания печати в тюке оказались: одна ложка «фарже», один большой – хурджин, одна маленькая - хурджин. Ложка обыкновенная столовая. На ручки ложки находится гравюра. На оборотной стороне внизу имеется надпись «Galio», «№», “Fraget”, и герб. Гальвапировка в нескольких местах стерта.

Большой хурджун - длиною около 2 аршина, шириною около 1½ аршина. Хурджун мало подержан, цвета материй из которых соткан хурджун: белый, немного зеленый, красный, черный, желтый и коричневый.

Малый хурджун – длиною немного аршина, шириною ¼ аршина. Хурджун-подержан. По краям хурджун обшит кожей. Кожа в двух местах порвана.

Следователь: подпись.

Понятые: подписи.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 47.

Документ № 377.

Постановление

1919 года марта 31 дня. гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, принимая во внимание, что описанные в протоколе от сего числа вещи, могут служить к выяснению как обстоятельства дела, так и виновных, на основании 372 ст. Уст.Уг.Суд., **Постановил:** указанные вещи приобщить к производимому следствию в качестве вещественных доказательств.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 47 об.-48.

Документ № 378.

М.Ю.

Срочно

**Шемахинский Уездно-Городской
Следственный Участок**

30 марта 1919 года

№ 1218

г. Шемаха.

В Шемахинское Полицейское Управление

Препровождая при сем повестку в двух экземплярах, прошу вручить таковые по принадлежности, а второй экземпляр возвратить мне с распискою получения до срока вызова.

Следователь: подпись.

На обороте: Срочно.

Г. Следователю гор. Шемаха.

Второй экземпляр с распиской Меликбековой при сем препровождаю.

31 марта 1919 г. № 914.

За Шемахинского Уездного Начальника: подпись.

Делопроизводитель: Баженов (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 58.

Документ № 379.

Повестка

Жительнице сел. Текля Сааб ханум Меликбекова.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра марта 31 дня 1919 года, в качестве потерпевшей по делу об ограблении и убийству вашего мужа.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

Приняла: подпись (арабскими буквами).

30 марта 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 59.

Документ № 380.

Протокол

1919 года, марта 31 дня, город Шемаха

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. суд. нижепоименованную в качестве потерпевшей, причем она показала:

Сааб Ханум Нахмет бек кызы, жительница сел. Текля, 48 лет, мусульманка, бекского сословия, неграмотная, не судилась.

Шемахинские события застали меня и мужа моего Халав бека Меликбекова в городе. Как только начались беспорядки (во время первого наступления большевиков и армян на Шемаху) к нам на квартиру пришел знакомый моего мужа Агабек Хачанов, бывший в то время Кабристанским приставом и советовал перейти в более безопасное место, указав нам, как на наиболее безопасное место – на дом Алекпера и Насруллы Алиевых. В виду того, что наш дом был в армянской части города и оставаться в нем было в самом деле небезопасно, то мы с мужем моим в сопровождении Хачанова перешли в дом Алиевых. Никаких вещей мы в этот день не переносили к Алиевым. На следующий день утром я в сопровождении знакомого своего Самвела Долиева, армянина, сражавшегося против мусульман, пошла в подвал своего дома, чтобы оттуда взять сундук с деньгами и драгоценными вещами и перенести его в дом Алиевых, где находилась я и мой муж. Сыновья мои Мамед бек и Искендер бек были, первый в нашем поместье Текля, второй, как ротмистр русской службы, где-то со своим эскадроном около Ленкорани. Когда я в сопровождении указанного Долиева пришла в подвал дома, чтобы взять сундук, то квартира наша была уже разграблена и вещи расхищены. Сундук в подвале я нашла, и мне удалось его перенести к Алиевым. В сундуке находились: 5000 руб. золотом (пятирублевки и десятирублевки), 40.000 руб. николаевскими деньгами (были пяти сот рублевки, сторурублевки, двадцати пятирублевки, десятирублевки, пятирублевки) в одной пачке и сложены они были в чемодане, который в свою очередь помещался в сундуке, золотой женский пояс, женское ожерелье, состоящее из десяти турецких золотых лир, 16 золотых пуговиц, 2 браслета золотые, 4 бриллиантовых золотых кольца, мужской золотой пояс Халав бека с надписью «Искендер бек Халав бек оглы», причем надпись эта была выгравирована ошибочно, а именно должно было быть «Халав бек Искендер бек оглы», спицы золотые для черкески в количестве 16 штук, золотые часы мужские с цепью зол., и разные другие вещи и векселя, всего на сумму около 300.000 руб.

В тот же день, когда я благополучно перенесла сундучок с ценностями и деньгами на квартиру Алиевых, спустя 2-3 часа после этого толпа вооруженных армян-солдат потребовала. Чтобы Халав бек вышел на улицу, что будто бы его спрашивает какой-то армянский офицер. Я находилась в то время в комнате дома Алиевых вместе с женами братьев Алиевых. Насрулла бек Алиев в то время отсутствовал: он куда-то скрылся. Алескер бек Алиев находился у себя дома вместе с нами – женщинами. Вдруг мы услышали полный ужаса крик Халав бека. Это кинжалами убивали Халав бека. Я не знаю, стреляли ли армяне по Халав беку. Услышав крик своего мужа, я заткнула уши и скорее по черному ходу вместе с Алекпер беком и женщинами убежала. Потом, когда сын мой, Мамед бек хоронил труп моего мужа, он, насколько помню, говорил, что раны были только нанесены холодным оружием. В то время, как Халав бек по требованию солдат выходил на улицу, я смотрела через окно и видела как толпа окружила моего мужа. Я увидела толпу вооруженных армян в солдатских шинелях, количества больше 20 человек. Среди этой толпы я узнала Сетрака Шабанова, Агабека Магакелова, Бабаджана Магакелова, Джахангира (армянин, имени отца и фамилии не знаю), жителя гор. Шемахи, Исая – жителя гор Шемахи (по отчеству и фамилии не известного), Кула – Шемахинец (фамилии не знаю). Хорошо не помню, но кажется мне, что Агабек Магакелов был тогда в штатском и без оружия. Все же остальные, в том числе Сетрак Шабанов, были вооружены кинжалами, винтовками и берданками и все были в солдатской форме. Когда я вместе с Алескер беком Алиевым и женами братьев Алиевых вышла из дома их, то мы встретили знакомых Алескер бека армян и те повели всех нас в какой-то армянский дом, неподалеку от почтово-телеграфной конторы, где и скрыли нас. Ночью пришли два армянина и увели Алескер бека и жен в мусульманскую часть города, чтобы скрыть их от разъяренной толпы армян. Меня же увели тоже в мусульманскую часть города на следующий день. Впоследствии я узнала, что та же толпа, которая убила моего мужа, затем ограбила квартиру Алиевых, взяв также и наш сундук с драгоценностями, которая я из квартиры Алиевых не вынесла.

Добавляю: Самвел Долиев в толпе, убившей мужа, не присутствовал. Больше ничего добавлять не имею. Неграмотная. Переведено.

Переводил: подпись.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл.49-50.

Документ № 381.

***Протокол
предъявления вещественных доказательств
1919 года, марта 31 дня, гор. Шемаха.***

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, в происшествии нижепоименованной которой, предъявлял Сааб Ханум Меликбековой вещественные по делу доказательства: большой и маленький хурджуны и столовую ложку «фраже», причем она показала: предъявленные мне вещи (оба хурджуна и ложка) составляют собственность нашей семьи, причем большой хурджун был подарен сыну моему Искендер беку) его тетей – Гюльджаннат Ханумой (ныне покойной) еще до переворота (точно не помню когда именно), маленький хурджун муж мой Халав бек купил себе на базаре два года тому назад для седла; ложка моя или же Алескер бека Алиева, так как такие же ложки имелись и у него: ложку я опознала по рисунку, который имеется на ручке ее. Переведено.

Следователь: подпись.

Понятые: подписи.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 50 об.

Документ № 382.

Протокол

1919 года, марта 31 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка предъявил потерпевшей по сему делу Сааб-Ханум Неймет бек кызы подозреваемых в убийстве Халав бека Меликбекова и ограблении го вещей и денеш АгабекаМагакелова и Сетрака Шабанянца в числе других двадцати арестантов, содержащихся на Шемахинском полицейском посту, причем оба они – Магакелов и Шабанянец были опознаны потерпевшей, как принимавшие участия в марте 1918 года в убийстве ее мужа Халаф бека Меликбекова и ограбившие принадлежащие ей и мужу ее вещи.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.51.

Документ № 383.

Постановление

1919 года, марта 31 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка в камере своей, рассмотрев настоящее дело, нашел:

Во время первого наступления на Шемаху армян и большевиков во второй половине марта месяца 1918 года, Халав бек Меликбеков с женой Сааб Ханум перешли из своей квартиры, находившейся в армянской части города к знакомым своим Алекпер беку и Насрулла беку Алиевым, оставив свою квартиру на произвол судьбы. На следующий день Сааб Ханум пошла на свою старую квартиру чтобы из подвала своего дома перенести в дом Алиевых сундук с деньгами и драгоценностями. Найдя сундук, она перенесла его к Алиевым. Спустя два-три часа после этого, как Сааб Ханум с сундуком вернулась к своему мужу, толпа

вооруженных армян, преимущественно военных, о чем свидетельствовала их обмундирование, вызвала Халав бека Меликбекова из квартиры на улицу. Когда Халав бек на вызов толпы вышел из квартиры, жена его Сааб Ханум наблюдала за происходящим с лестницы дома, куда она незаметно вышла, чтобы лучше видеть, что происходило на улице. Она увидела, как толпа армян, числом около 20 человек, вооруженных кинжалами и огнестрельным оружием быстро окружила ее мужа и отвела его на некоторое расстояние от дома. Затем она услышала предсмертный крик мужа. Покончив с Халав беком, толпа бросилась расхищать квартиру Алиевых. В это время Сааб Ханум вместе с женами братьев Алиевых и Алескер беком Алиевым спаслись бегством, оставив деньги и драгоценности на произвол судьбы. Среди толпы армян, убившей ее мужа и открытой силой впоследствии расхитившей сундук с драгоценностями, Сааб-ханум опознала Сетрака Шабанова и Агабека Магакелова (причем этот последний не был вооружен и находился в штатском костюме), ныне задержанных полицией, а также Бабаджана Магакелова, ныне покойного, и несколько других армян, фамилии которых не знает. На основании изложенного, а также принимая во внимание, что сего числа предъявленные в числе 20 арестантов, содержащиеся на Шемахинском посту Агабек Магакелов и Сетрак Шабанов были опознаны потерпевшей Саат-Ханумой, **Постановил:** жителей гор. Шемахи Агабека Магакелова и Сетрака Шабанова привлечь к следствию по сему делу: предъявив им обвинение в том, что они во второй половине марта месяца 1918 года, приблизительно между 15 и 18 числа этого месяца, в городе Шемахе, открыто, вместе с другими вооруженными, следствием необнаруженными злоумышленниками, напали на дом Алескера и Насруллы Алиевых, где временно нашли приют Халав бек Меликбеков с женой и открытой силою похитили сундук, принадлежащий семье Меликбековых с 40.000 руб. кредитками, николаевскими билетами, 5000 руб. золотом, мужскими и женскими золотыми поясами, кольцами, ожерельями и др. вещами, всего на сумму около 300.000 руб., а из них Сетраку Шабанову еще и с тем, что он для достижения своей преступной цели нанес кинжалом рану Халав беку Меликбекову, от которой он скончался, то есть в преступлении, предусмотренным относительно Агабека Магакелова 1692 ст. Улож. о Нак., а в отношении Сетрака Шабанова 1629 и 2 ч. 1459 ст. Улож. о Наказ.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 52-52 об.

Документ № 384.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года, марта 31 дня, гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка допрашивал в порядке 403-407 ст. Уст. Уг. Суд. нижепоименованного в качестве обвиняемого и он показал:

ВОПРОСЫ :

ОТВЕТЫ :

Имя, отчество и фамилия	Сетрак Амбарсумович Шабанянц
Возраст	27 лет
Место рождения	гор. Шемаха
Место приписки	в сел. Сагян Шемах. уезда
Постоянное место жительства	гор. Баку
Рождение (законное и не законное)	законное
Звание	крестьянское
Народность и племя	армянин
Религия	армяно-григорианское
Как получил образование (грамот.)	грамотный (окончил 4-х класс.)
Семейное отношение (женат, детей)	женат, детей нет
Занятие или ремесло	лавочник
Подследственность или судимость с указанием, где производиться или производилось дело, и чем оно окончилось	не судился
Отношение к потерпевшему	посторонний
Степень имущественного обеспечения	имеет: 20 квадр. сот земли и дом в Шемахе
Особые приметы	нет
Отношение к воинской повинности	отбывал

Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении (было предъявлено обвинение согласно постановлению моему от 31 марта сие года). В свое оправдание показываю: Во время первого нападения армян и большевиков на гор. Шемаху я был в Шемахе. Когда распространились слухи, что на выручку Шемахинским мусульманам подспевают Елисаветпольские карапахи, я вместе со своим семейством (отцом, матерью, сестрами) уехал через Хильмили в Баку. В Шемаху я прибыл из Алушты, где я лечился в военном лазарете, за месяц до событий. После приезда в Шемаху я две недели еще пролежал у себя на дому, пока совершенно не оправился от полученных мною на юго-западном фронте ран. Оправившись, я принимал участие в общественной жизни своего города. Спустя некоторое время я был избран председателем дивизионного комитета нашей части, квартировавшей в Шемахе. Шемахинские события застали меня на этой именно должности. С Халав беком Меликбековым я лично знаком не был, хотя и знал его как состоятельного человека. Я знал, по слухам, что у него - Халав бека был дом в Шемахе, но жил ли он у себя в Шемахе или же в своем поместье, я не знал. Во время Шемахинских событий я не видел Халав бека в городе. Впоследствии, когда узнал, что Халав бек убит на улице против дома Алиевых, я пошел туда и издали, остановившись, увидел его труп, лежавший против окна дома Алиевых. Это было после наступления первого на Шемаху спустя три дня. Все это время я провел в окопах и в

цепи во дворе дома Лалаева. Алескер бека и брата его (имени не знаю) знаю. Знаю также, что дом братьев Алиевых был разграблен и вещи расхищены. О том, что у братьев Алиевых проживал Халав бек Меликбеков, я узнал только тогда, когда увидел его труп. Были ли перенесены в дом Алиевых вещи Халав бека, я не знаю. Мне пришлось быть свидетелем следующего: спустя три дня после того, как я у дома Алиевых видел труп Халав бека, я встретился с неким Соломоном (по отчеству не известен мне), жителем селения Колаханы, который подойдя ко мне, сказал: «Вот я второй Халав бек». На нем тогда были: пальто темно-серого цвета и казачья шашка, причем заявил, что он получил эти вещи Халав бека за то, что вытащил этого последнего из-под стола, и вывел на улицу, чтобы убить его (Халаф бека). Кроме того, я слышал еще от Бабаджана Магакелова, что у него – Бабаджана, имеется цепочка с драгоценными камнями. Затем, в последнее уже время тот же Соломон говорил мне при встрече в Баку, что цепочку Бабаджан продал в Петровске. Я не знаю, была ли эта цепочка Халав бека или же она принадлежала кому-либо из братьев Алиевых. По слухам я знаю еще, что некто Исах (по фамилии мне неизвестный), племянник Бабаджана Магакелова, вытащил из кармана одежды трупа Халав бека портмоне с деньгами и с этим портмоне он - Исах убежал во двор дома Агаджана Аванесова. Я не знаю, сколько денег было в кошельке. Больше показать ничего не имею. Читано.

Подпись: С.Шабанов.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 53-54.

Документ № 385.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года, марта 31 дня, гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка допрашивал в порядке 403-407 ст. Уст. Уг. Суд. нижепоименованного в качестве обвиняемого и он показал:

ВОПРОСЫ :

Имя, отчество и фамилия
Возраст
Место рождения
Место приписки
Постоянное место жительства
Рождение (законное и не законное)
Звание
Народность и племя
Религия армяно-
Как образование (грамот.)
Семейное отношение (женат, детей)

ОТВЕТЫ :

Агабек Артемович Магакелов
49 лет
в гор. Шемахе
там же
гор. Баку
законное
крестьянское
армянин
григорианское
неграмотен
женат, шестеро детей

Занятие или ремесло	лавочник
Подследственность или судимость с указанием, где производиться или производилось дело, и чем оно окончилось	не судился
Отношение к потерпевшему	посторонний
Степень имущественного обеспечения	имеет: 100 квадрат. сотен земли и дома в Шемахе
Особые приметы	нет
Отношение к воинской повинности	не отбывал

Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении (было предъявлено обвинение согласно постановлению моему от 31 марта сие года). В свое оправдание показываю: Во время мартовских событий в Шемахе в 1918 году я был в городе. Активное участие на стороне армян и большевиков я не принимал и вооружения не получил. Равным образом я стоял в стороне от политической и общественной жизни того времени. За три-четыре дня до прибытия на выручку Шемахинским мусульманам Елисаветпольских карапахов я вместе со своей семьей (жена Джевагия, сыновьями Гарагеном, Сертеком, Еноком, Амбарсумом, дочерью Астрик) ушел из своего дома, который был подожжен и вместе с другими беспризорными армянами и женщинами-мусульманками поместились во дворе и в доме Месропа Казарова. Когда к городу приближались карапахи, все мы – армяне отправились в сел. Матрасы. Не помню, за какое время до прибытия карапахов я узнал об убийстве Халав бека Меликбекова моего знакомого.

Труп Халав бека я не видел, на место убийства не пошел, потому, что боялся солдат-армян, которые грозили мне убийством за то, что укрывал некоторых мусульман – своих знакомых и женщин-мусульманок. На второй день после того, как я с семьей пробился в дом Казарова, туда пришли Алескер и Насрулла Алиевы с женами и детьми; вместе с ними пришла и жена Халав бека. Тогда же говорили (сейчас не помню, кто именно), что Халав бека убили житель сел. Колаханы Соломон (по фамилии не известный) и некий Матрасинец, имени и фамилии которого не знаю. Соломон был вооружен и его я видел. На стороне от армян принимал в братоубийственной войне и Сетрак Шабанов. В подтверждение того обстоятельства, что я во все время Шемахинских событий - впредь до ухода моего в сел. Матрасы, находился в доме Казарова, никуда не отлучался, прошу допросить Мартироса Казаровича Кульбандова (проживает по Станиславской ул. в Баку), Михаила Петросовича Арзуманова (Баку), Николая Оганесова (Баку, 4-ая Канитапинская угол Станиславской), Акопа Тер-Матевосова (Баку), Аветиса Гарамова (сел. Матрасы). Больше ничего показать не имею. Переведено. Неграмотен.

Переводил: подпись.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 55-56.

Документ № 386.

**Протокол
предъявления вещественных доказательств
(два хурджуна и серебряная ложка)**

1919 года, марта 31 дня, гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, в присутствии понятых, предъявил обвиняемому Агабеку Магакелову, найденные у него во время обыска на его квартире в гор. Баку два хурджуна и ложку, причем он – Магакелов показал: предъявленные мне вещественные доказательства: большой хурджун, маленький хурджун и ложку «фроже» у меня взяли в Баку 19 марта сего года, во время произведенного на моей квартире обыска. Все эти вещи составляют мою частную собственность; причем большой хурджун мною куплен 7 лет тому назад у жит. сел. Кабирли Генджум-Али (имени отца не знаю) за 12 руб., маленький хурджун 14 лет тому назад мне подарил житель сел. Аг-Даре Бакинской губернии Ахмед Сафарали оглы, ложку купил на базаре 12 лет тому назад у какого-то мусульманина (имени и фамилии не знаю).

Предъявленную мне ложку я часто вместе с другими такими же ложками одалживал еще задолго до мартовских событий соседке своей Соне Караоглановой. Переведено.

Следователь: подпись.

Понятые: подписи.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 56 об.

Документ № 387.

Постановление

1919 года, марта 31 дня, гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, допросив сего числа Сатрака Шабанова и Агабека Магакелова, обвиняемых в разбойных нападениях, и принимая во внимание, что хотя обвиняемые не признали свою виновность в предъявленном им обвинении, но они достаточно уличены показаниями самой потерпевшей-очевидицей совершаемого ими преступления и кроме того опознавшей обоих обвиняемых сего числа при представлении их ей в числе других двадцати арестантов и, что наказание за преступление, в котором обвиняются Шабанов и Магакелов сопряжено для обоих с лишением всех прав состояния, руководствуясь в 416, 419 и 421 ст. ст. Уст. Уг. Суд **Постановил:** мерою для пресечения обвиняемым Сетраку Шабанову и Агабеку Магакелову способов уклоняться от следствия и суда по сему делу избрать содержание их под стражей в Геокчайской тюрьме.

Следователь: подпись.

Постановление и порядок обжалования обвиняемым объявлены 31 марта 1919 г. Копия послана участк. Тов. Прокурора. Таковые же Начальнику Геокчайской тюрьмы.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 56 об.-57.

Документ № 388.

М.Ю.

**Шемахинский Уездно-Городской
Следственный Участок Арестантское**

31 марта 1919 года

№ 261 г. Шемаха.

Д. № 21-1919

Г.Тов. Прокурора по Шемахинскому участку

При сем препровождается Вашему Высокоблагородию копия с постановления от 31 сего марта.

Следователь: подпись.

(Копия постановления приложена).

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 496, л.2.

Документ № 389.

Протокол

1919 года, апреля 7 дня, город Шемаха

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего, с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг.суд., причем он показал:

Мамед бек Халав бек оглы Меликбеков, житель сел. Текля Гаджи Мамед-Усейн Шемахинского уезда, 28 лет, мусульманин, бекского сословия, грамотный, не судился.

Числа 16 или 17 марта прошлого года во время первого наступления армян и большевиков на Шемаху, я приехал из своего селения Теклу, чтобы увезти своих родителей – Халав бека Меликбекова и Сааб ханум Меликбекову, из их городской квартиры в селение. В день моего приезда в Шемаху состоялось перемирие между армянами и мусульманами, и стрельбы в городе больше не было слышно. Отец мой - Халав бек отказался ехать со мной в селение, говоря, что в виду состоявшегося перемирия не существует больше никакой опасности. Мать осталась с отцом. Оставив родителей в Шемахе, я того же дня вечером уехал в наше селение. На следующий день утром опять оружейная стрельба в городе, которая была слышна в нашем селении. Я хотел было приехать опять в город, чтобы уговорить отца и мать уехать в селение, но дорога была закрыта армянскими и большевистскими войсками. В виду того, что оставаться в селение было небезопасно, я вместе с другими мусульманами уехал в направлении к Геокчаю. Вернулся я в Шемаху, спустя

дней 7-8 после того, когда на выручку Шемахинским мусульманам пришли Елисаветпольцы. Прибыв в Шемаху, я от своих знакомых узнал о смерти отца своего, которого убили армяне. Я пошел разыскивать труп отца и нашел его в одном из колодцев, которое находится в верхней части города, около дороги, ведущей в сел. Хинели. Труп отца я похоронил на мусульманском кладбище в Шемахе. На трупе отца были раны, нанесенные холодным оружием преимущественно. На лбу трупа была огнестрельная рана, прямая пуля прошла на вылет через череп, так как сзади виделось большое восходное отверстие. У трупа была отрезана одна нога и одна рука, но я не помню левая или правая, так как не мог смотреть, столь обезображенный был труп отца моего. Живот был распорот, и внутренности находились наружи. Впоследствии при встречи со своим рабочим Шукюром Исафил оглы (сел. Мюсюсли) я узнал, что отец и мать перешли к Алиевым в дом, и там и был убит армянами мой отец. То же я слышал и от Алескер бека Алиева, который рассказывал мне, что в толпе, убившей отца моего он опознал Сетрака Шабанова, Агабека и Бабаджана братьев Магакеловых, Исаха (по фамилии не известного), Джахангира (по фамилии неизвестного) и Александра Манасова (сейчас в Баку). Все эти лица, по словам Алескер бека, были вооружены кинжалами и огнестрельным оружием. Более показать ничего не имею. Прочитано.

Подпись: Мамед бек Меликбеков (подпись).

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 60-61.

Документ № 390.

Повестка

Д. № 21-1919 .

Жителю гор. Шемахи Алескер беку Алиеву.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра Апреля 9 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разбойном нападении, соединенным с убийством Халав бека Меликбекова.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 1919, Апреля 7 дня. Повестку для передачи адресату получил.

Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 62.

Документ № 391.

Протокол

1919 года, апреля 7 дня, город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. суд., причем он показал:

Алескер бек Гаджи Алекпер бек оглы Алиев, жит. гор. Шемахи, 45 лет, мусульманин, бекского сословия, грамотный, не судился.

Во время первого наступления армян и большевиков на гор. Шемаху, приблизительно 13-14 марта прошлого года знакомый мой и брата моего Насрулла бека Алиева Халав бек Меликбеков с женой пришли к нам в дом, чтобы вместе пережить тревожное время. На следующий день был перенесен в наш дом сундук с драгоценностями, составлявшими собственность семьи Меликбековых. В тот же день, когда были перенесены драгоценности Меликбековых, вооруженная толпа армян - в военной и штатской форме потребовала выдачи Халав бека Меликбекова. Это происходило при следующих обстоятельствах: утром 16 или 17 марта 1918 года я вместе с женой своей, женой брата моего, своим братом Насрулла беком и гостями – Халав беком с женой, Мамед Гусейн беком Меликбековым, (братом Халав бека, убитым вместе с Халав беком), Гаджи Мир Аббасом Гаджи Мир-Азиз оглы (убит одновременно), Гаджи Алескером (по фамилии мне неизвестным, убит тоже вместе с другими), Фейрузом беком Самед бек оглы (ныне в Ленгербите) находились все в одной комнате в нашем доме. Около 11 час. послышался стук в двери, сначала тихий, потом все становившийся громче и настойчивее. Одновременно слышны были ожесточенные голоса, требовавшие открытия двери. Надо было открывать. Я лично открыл двери, и тогда вошла толпа вооруженных армян, около 15 человек. Среди них главную, по видимому, роль играл Сатрак Шабанов, Агабек Магакелов, Александр Минасов (сейчас в Баку), Бабаджан Магакелов, Исая (жит. сел. Керкенч, по отчеству неизвестный), Джахангир Арутюнов и др., коих фамилий не знаю. Из них Александр Минасов крикнул Халав беку: «Выходи, довольно». Это послужило сигналом: вошедшие армяне окружили Халав бека и брата его Мамед Гусейн бека и вывели на улицу. Деятельное участие при этом принимал Сетрак Шабанов, силою заставивший братьев Меликбековых выйти из дома. Когда Меликбековы были выведены перед дом на улицу, их открыто – силой отобрали с одежды и затем дали по ним залп. Я находился у окна своего дома и хорошо видел эту картину. Затем разъяренная толпа бросилась добивать несчастных кинжалами. Среди армян, направивших винтовки на Халав бека и Мамед Гусейн бека Меликбековых я опознал: Сетрака Шабанова, Исаю (жит. сел. Керкенч), Александра Минасова, Бабаджана Магакелова, Джахангира Арутюнова, Агабека Магакелова и братьев Александра, Николая и Артема Геогджаевых. Когда послышались предсмертные крики братьев Меликбековых, раздавшиеся после произведенных по ним выстрелов, я вместе с женой, женой Халав бека и

другими женщинами по черному ходу убежали из дома. Нас, однако заметили армяне и один из них направил свое ружье на меня. Тогда другой армянин тоже вооруженный – по имени Агабек, подмастерье портного, обратившись к армянину, намеревавшемуся убить меня, сказал: «Алескер бека не убивай, он хороший человек». Между ними вышла по этому поводу ссора, которой я с женщинами воспользовался и убежал. Впоследствии нас приютил епископ армянский, у которого я, брат мой Насрулла бек и жена моя скрывались до момента прихода Елисаветпольцев на выручку Шемахинским мусульманам. Жена Халав бека скрывалась в другом месте. С нею вместе были и другие мусульманки. Другие мои гости – Гаджи Мир Аббас, Гаджи Алескер и слуга Фейруз бека, остались в моем доме и были убиты на следующий день. После убийства братьев Меликбековых вооруженная толпа открытой силой расхитила имущество из дома Халав бека Меликбекова, а затем и из моего дома. Из вещей Меликбекова был похищен сундук с деньгами и драгоценностями, который Сааб Ханум перенесла в мой дом, после того как она с мужем своим поселились у меня.

Я вношу Вам, Следователь, поправку: в моем доме приютился не Фейруз бек Самед бек оглы, а слуга его – старик (имени и фамилии не знаю), которого армяне на следующий день после моего ухода, убили. Более ничего показать не имею. Прочитано.

Подпись: Алескер бек Алиев (подпись).

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 63-64.

Документ № 392.

Расписка

Я, Агабек Магакелов, даю эту расписку Следователю Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка в том, что переведенные на его – следователя имя сто пятьдесят рублей по телеграфу для выдачи мне - Магакелову, сего числа получил.

Подпись: (на армянском алфавите).

Шемаха, 11 апреля 1919 года.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 65.

Документ № 393.

Его Высокоблагородию Господину Следователю Шемахинского участка

Жителя гор. Шемахи проживающего постоянно
в гор. Баку по Будаговской улице № 57
Сетрака Шабанянца

Прошение

Чсть имею покорнейше просить Ваше Высокоблагородию, что более 18 суток нахожусь арестованным по приказанию Вашего Высокоблагородию и не имею ни 1 копейки на прокормление и не имею ни родных, ни знакомых, ни товарищей, чтобы хоть кусок хлеба принесли мне. Докладываю Вашему Высокоблагородию о том, что ей Богу 10 суток ничего не кушал почти и об этом сообщил прошениями Вашему Высокоблагородию несколько раз, и никаких распоряжений не получил от Вашего Высокоблагородия, и считая себя не виноватым, могу представить более 20 семейства – они могут принести присягу о том, что в этом деле я вовсе не виноват; а потому прошу Вашего Высокоблагородию делайте распоряжение о отправки меня в Бакинские тюрьмы до Суда или в крайности в Геокчайскую тюрьму.

Надеюсь, что просьбу мою не оставите без Вашего внимания.

Сетрак Шабанов (подпись).

9. IV- 1919.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 66.

Документ № 394.

**Его Высокоблагородию Господину Следователю
Шемахинского Уездно-Городского участка**

Жителя гор. Шемахи Бакинской губернии,
проживающего постоянно в гор. Баку
по Будаговской улице № 57

Сетрака Шабанянца, ныне содер. под стражей

Прошение

По производящимся у Вас делу по обвинению меня и Агабека Магакелова в разбойном нападении соединенном с убийством Халав бека Меликбекова, покорнейше прошу Вашего Высокоблагородия допросить в качестве свидетелей: жители города Шемахи: Карапет Ованесов, Екатерина Арагацуня, Мисак Саркисов, Минас Аванесов, Дурсун Мирзабеков, Григории Агамолов, Ашхен Галустова, Вартуш Кагерманов, Артем Матевосов, Джангир Арутюнов, проживающих в гор. Баку, по не известному мне адресу, которые могут подтвердить мою невинность.

11\ IV- 1919, гор. Шемаха.

Сетрак Шабанов (подпись).

Резолюция: 28 апреля 1919 г. Текинско. Полиц.-ству.

О дознании адресов за № 230.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 67.

Документ № 395.

М.Ю.

**Шемахинский Уездно-Городской
Следственный Участок**

**Срочно.
Арестантское**

14 апреля 1919 года

№ 264

г. Шемаха.

Д. № 21-1919

Г. Кюрдамирскому Приставу

Препровождая при сем пакет за № 260 на имя Геокчайской тюрьмы с арестантами Сетраком Шабановым и Агабеком Магакеловым, прошу о препровождении таковых в Геокчайскую тюрьму и о последующим уведомить меня.

Следователь: подпись.

На обороте: Следователю Шемахинского участка.

Означенные арестанты вместе с пакетом № 260 переданы Уджарскому Приставу для отправления по назначению.

18 апреля 1919 г.

Кюрдамирский Пристав: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 68.

Документ № 396.

Повестка

Жителю сел. Матрасы Аветису Гарамову.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра мая 11 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разбойном нападении и убийстве Халав бека Меликбекова.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: Повестку сие адресованную на имя Матрасинца, поименованного здесь, получил для вручения по адресу 10 мая 1919 года.

Матрасинский старшина: подпись.

Надпись: Вход. № 265, 10 мая 1919 г.

Следователю Шемахинского следственного участка.

10 мая 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 69.

Документ № 397.

Протокол

1919 года, мая 11 дня, город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка, в камере своей, допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. суд. нижепоименованного в качестве свидетеля, причем он показал:

Аветись Абрамович Гарамов, жит. сел. Матрасы, 46 лет, армянин, крестьянин, неграмотный, не судился, посторонний.

Я не знаю совершенно Агабека Магакелова и не знаю об убийстве Халав бека Меликбекова, которого также никогда не знал, показать ничего не могу; во время, когда армяне и большевики взяли Шемаху, подожгли затем город, я находился все время в сел. Матрасах, никуда не отлучался. Более показать не имею. Неграмотен. Переведено.

Переводил: подпись.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 70.

Документ № 398.

М.Ю.

Шемахинский Уездно-Городской

Следственный Участок

28 апреля 1919 года

№ 226

г. Шемаха.

**Срочно.
Арестантское**

Г. Бакинскому Полицейстеру

Прошу распоряжения о дознании адресов жит. города Шемахи Карапета Ованесова, Екатерины Арагацуни, Мисака Саркисова, Минаса Аванесова, Дурсуна Мирзабекова, Григория Агамолова, Ашхена Галустова, Вартуша Кагерманова, Артема Матевосова, Джангира Арутюнова, проживающих в гор. Баку, по не известному мне адресу.

Следователь: подпись.

На обороте: Получил. 19 мая 1919 года.

В Шемахинский Уездно-Городской Следственный Участок.

Со справками адресного стола.

Мая 12 дня 1919 года. № 5375.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 71.

Документ № 399.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции.**

Справка

В Центральный адресный стол

Фамилия, имя, отчество и звание:

1. Агамолов Григорий
2. Галустов Михаил
3. Кагерманов Вартан
4. Матевосян Артеш
5. Арутюнов Джахангир и жители гор. Шемахи.

7 мая 1919 г. № 5375

Заведующий 1-м столом: подпись.

На обороте:

1. Выбыл 8 ноября 1918 г. с Большой Морской ул. № 30\234, неизвестно куда.
2. Необходимо отчество, а) выбыл 25 апреля \17 г. с Большой Морской ул. 29, в Тифлис.
3. Выбыл 26 июля/16 с Азатской ул. 153 на родину.
4. Необходимо отчество.
5. Биржевая и Рождественская 41\17.

Дежурный: Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 72.

Документ № 400.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции.**

**Справка
В Центральный адресный стол**

Фамилия, имя, отчество и звание:

3. Ованесов Карапет
4. Арагацунни Екатерина
5. Саркисов Мисак
6. Аванесов Минас
7. Мирза беков Дурсун – жители города Шемахи.

7 мая 1919 г. № 5375

Заведующий 1-м столом: подпись.

На обороте:

1. Необходимо указать отчество
2. Выбыла 26 сентября 1918 г. с Каменистой ул. № 190, в неизвестно куда.
3. Отчество необходимо
4. Необходимо указать отчество
5. Не значиться.

Дежурный: Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 73.

Документ № 401.

Господину Министру Юстиции

Джаваиры Магакеловой и Маргариты Шабанянц,
проживающих: первая по Станиславской улице,
в доме № 98/97, а вторая: по Будаговской ул.,
в доме № 5, гор. Баку

Прошение

Приблизительно месяца три тому назад, неизвестно по чьему распоряжению, были подвергнуты в Баку личному задержанию и сосланы в гор. Шемаху, а оттуда в м. Геокчай, муж из нас первой Агабек Магакелов, и сын второй – Седрак Шабанянц, по обвинению их в участии в армяно-мусульманских беспорядках в гор. Шемахе.

Между тем, в действительности, они никакого участия в происшедших в гор. Шемахе беспорядках не принимали и вообще ни в чем предосудительном замечены не были, что могут удостоверить многие свидетели.

Из получаемых от Магакелова и Шабанянц писем и других источников нам известно, что к ним применяются суровые наказания, вплоть до телесного, и вообще, положение в Геокчае, где у них нет ни родных, ни адвоката, к которому они могли бы обратиться за советом и содействием, ужасное.

На основании вышеизложенного, имеем честь покорнейше просить Вас, Господин Министр, сделать зависящее распоряжение об освобождении названных Магакелова и Шабанянца на поруки, с денежной ответственностью благонадежных поручителей.

До отдачи же их на поруки, предписать теперь же перевести их из Геокчайской тюрьмы в Бакинскую, а если окажется законные препятствия к такому переводу, то принять меры к ограждению их от телесного наказания и других незаконных притеснений.

Подавая настоящее прошение в Армянскую Фракцию Азербайджанского Парламента, почтительно просим снести с Г. Министром Юстиции об удовлетворении приведенных выше ходатайств наших.

Джаваира Магакелова и Маргарита Шабанянц, а за них, неграмотных, вследствие их просьбы, расписался: Н.Д.Люлька.

« » мая 1919 г., гор. Баку.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 270-271.

Документ № 402.

**М.Ю.
Товарищ Прокурора
Бакинского Окружного Суда**

**Экстренно
Арестантское**

Шемахинский уч.

14 мая 1919 г.

№ 94

**Г.Следователю Шемахинского
Уездно-Городского участка**

Вследствие запроса Прокурора Суда, прошу Вас не отказать в сообщении подробных сведений о существовании, собранных уликах против обвиняемых Шабаняна и Магакелова и положении находящегося у Вас в производстве следствия № 21.

Товарищ Прокурора: подпись.

29 мая 1919 г. № 459. Тов. Прокурора с копией Постановления о привлечении и сообщения о походе дела.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 74.

Документ № 403.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный уч.**

22 мая 1919 г.

№ 459

г. Шемаха

Д. № 21-1919

**Срочно
Арестантское**

Г. Тов. Прокурора по Шемахинскому уч.

Во исполнение отношения от 14 сего мая за № 94, препровождая при сем копию с постановления о привлечении жит. гор. Шемахи Агабека Магакелова и Сетрака Шабанова, обвиняемых в разбойном нападении на бека Шемахинского уезда Халаф бека Меликбекова и об убийстве его, сообщаю, что по означенному делу мною допрошены обвиняемые: Магакелов и Шабанов, потерпевшие: Сааб Ханума Наджаф бек кызы и Мамед бек Меликбеков и свидетели: Аскер бек Алиев и Аветис Гарамогланов.

Относительно остальных свидетелей, в виду проживания их в г. Баку по неизвестному адресу, послано отношение Бакинскому Полицеймейстеру о дознании их адресов.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 496, л. 4.

Документ № 404.

**Господину судебному Следователю
Шемахинского Городского Участка**

Проживающих в городе Баку, жительниц г. Шемахи
Маргариты Шабановой и Джеваир Магакеловой,
Будаговская ул. № 57

Прошение

Приблизительно месяца два тому назад в городе Баку задержаны сын первой из нас, Сетрак Шабанов и муж второй Агабек Магакелов по обвинению их в убийстве в городе Шемахе во время последних событий Халаф бека. Оба арестованные были препровождены в город Шемаху, заключены в тюрьму, а оттуда в г. Геокчай, где находятся поныне.

Принимая во внимание, что со дня ареста их семьи наши остались без средств и поддержки, что преступление, в коем они обвиняются, еще не доказано, что они люди больные, мы просим, впредь до рассмотрения дела в судебном заседании, освободить их из под ареста под залог или на поруки.

О Вашем решении благоволите сообщить нам через 8-ой полицейский участок.

Маргарита Шабанова и Джеваир Магакелова, а за нее неграмотности и по их просьбе расписался: подпись.

22 мая 1919 г., г. Баку.

Резолюция: Приставу гор. Баку в районе, которого Будаговская улица.

Исполнено. Мая 31 дня, № 503.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 75.

Документ № 405.

М.Ю.

**Шемахинский Уездно-Городской
Следственный Участок**

14 мая 1919 года

№ 374

г. Шемаха.

В.Срочно

Г. Бакинскому Полицмейстеру

Прошу поручить подведомственным Вам чинам полиции дознать адреса Михаила Петросовича Арзуманова и Акопа Тер-Матевосова в г. Баку по неизвестному адресу, и Мартирова Казаровича Кульбандова, проживающего в гор. Баку по Станиславской улице.

Следователь: подпись.

На обороте: Приставу 7 участка гор. Баку.

Для непосредственного исполнения.

14 мая 1919 г. № 5101.

Пристав Бакинс. Полиц.: подпись.

Ответ: Доношу г. Приставу 7 уч. Г. Баку, что Арзуманов Михаил Петрович проживает по Станиславской ул., д. 45 Елизарова.

Ок.надзир.: подпись.

Надпись: В Шемахинский Уездно-Городской Следственный Участок с донесением.

24 мая 1919 г., № 3666.

Пристав Ром. Уч. Бакинск. Полиц.: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. л.76-77.

Документ № 406.

Управление Начальника

Бакинской Городской Полиции

Справка

В Центральный адресный стол

Фамилия, имя, отчество и звание:

1. Арзуманов Михаил Петрович

2. Тер-Матевосов Акоп

3. Кульбандов Мартирос Казарович

11 мая 1919 г. № 5501

Заведующий 45-м столом: подпись.

На обороте:

1. Станиславская 45

2. Будаговская 64- 209

3. -

Дежурный: Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 78.

Документ № 407.

М.Ю.

Шемахинский Уездно-Городской

Следственный Участок

4 июня 1919 года

№ 561

г. Шемаха.

Срочно

Г. Приставу гор. Шемахи

Прошу дознать и сообщить мне адрес Джангира Арутюнова.

Следователь: подпись.

Надпись : Сообщаю Г. Следователю Шемахинского участка, что по сведениям Джангир Арутюнов проживал в г. Баку на Телефонной улице, где и умер.

Июля 6 дня 1919 г.

Пристав гор. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 79.

Документ № 408.

М.Ю.

**Шемахинский Уездно-Городской
Следственный Участок**

4 июня 1919 года

№ 561

г. Шемаха.

Срочно.

Г. Матрасинскому Приставу

Прошу дознать и сообщить мне отчество и фамилию жителя селения Исяя.

Надпись: В.Срочное. Исполнить и донести мне.

Керкенчскому старшине. 8 Июня 1919 г.

За Матрас. Пристава: подпись.

На обороте: Доношу Г. Матрасинскому Приставу, что в обществе Керкенч два человека по имени Исая, из коих один Исая Амирджанович Арзуманов, который умер в городе Баку уже в марте прошлого 1918 г., а второй Исая Хачиевич Саркисов, который в настоящее время живет в Баку.

13 июня 1919 г.

Керкенчский старшина: Аванесов (подпись).

Надпись: С предыдущим донесением Керкенчской старшины препроводить Г. Следователю Шемахинского Уезд.-Городского участка.

7 июня 1919 г.

За Матрасинского пристава: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 80.

Документ № 409.

М.Ю.

**Шемахинский Уездно-Городской
Следственный Участок**

4 июня 1919 года

№ 562

г. Шемаха.

Срочно.

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

Прошу делать распоряжение о дознании и сообщить мне адреса ниже-
следующих лиц, проживающих в Баку:

1. Алексана Минасова
2. Джангира Арутюнова
3. Ахшаны Голустовой
4. Вартуша Кагерманова

Следователь: подпись.

На обороте: В Шемахинский Уездно-Городской Следственный Участок.

Со справками Адресного стола возвращается обратно.

12 июня 1919 г.

За Бак. Полиц.: подпись.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 81.

Документ № 410.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции.**

Справка

В Центральный адресный стол

Фамилия, имя, отчество и звание:

1. Манисов Алексан
 2. Арутюнов Джангир
 3. Галустова Ахшана
 4. Кагерманов Вартан
- 11 июня 1919 г. № 6727

Заведующий 1-м столом: подпись.

На обороте:

1. Необходимо отчество
2. Необходимо отчество
3. Имеются Ашхены, необходимо отчество
4. а). выбыл 28 апреля\ 17 с Большой Морской ул. 29, в Тифлис. б). вы-
был 26 июля\ 16 с Азиатской ул. 153 на родину.

Дежурный: Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 82.

Документ № 411.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

4 июня 1919 г.

№ 563

г. Шемаха

Господину Следователю 3-го уч. гор. Баку

На основании 292 ст. Уст. Уг. Суд., прошу Ваше Высокоблагородие допросить в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст. Уг. Суд. Оганесова, проживающего по 4-ой Канитапинской уг. Станиславской ул., задав ему кроме обычных, следующие вопросы:

1. Что ему известно и из каких источников об убийстве Халав-бека Меликбекова во время мартовских событий прошлого года в гор. Шемахе.
2. Кто принимал участие в этом убийстве.
3. За что был убит Халав-бек и когда – во время первого наступления или же второго наступления армян и большевиков на Шемаху.

4. Какое участие в Шемахинских событиях прошлого года принимал Агабек Магакелов: было ли у него оружие и принимал ли он активное участие на стороне армян против мусульман.

5. Где находился Агабек Магакелов во время первого наступления армян и большевиков на Шемаху.

Следователь: подпись.

Надпись: Передается следователю 4-го участка г. Баку по подсудности.

9 июня 1919 г., № 1172.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 252.

Документ № 412.

М.Ю.

Шемахинский Уездно-Городской

Следственный Участок

5 июня 1919 года

№ 570

г. Шемаха.

Г. Начальнику Геокчайской тюрьмы

Прошу объявить содержащемуся под стражей Сетраку Шабанову, чтобы указал отчества выставленных свидетелей: 1) Артема Матевосянца, 2) Карапета Аванесова, 3) Мисака Саркисова, 4) Микаса Аванесова, без чего ходатайство его о допросе этих свидетелей будет отклонено.

Следователь: подпись.

На обороте: Настоящую переписку препровождаю Г. Следователю Шемахинского Уезд.-Городского участка, сообщаю, что арестант Сетрак Шабанов сообщил следующее: 1) Карапет Джумшидович Аванесов, 2) Артем Аванесович Матевосянц, отчество двух остальных свидетелей Шабанов не знает.

11 июня 1919 г.

Начальник Геокчайской тюрьмы: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 84.

Документ № 413.

Протокол допроса

1919 года 5 июня дня г. Баку.

Следователь 4 уч. Гор. Баку допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 433 ст. Уст. Уг. Суд. и он показал:

Я, Мартирос Казарович Гульбандов, 54 л., армянин, жит. гор. Шемахи Бакинской губернии, прожив. в Баку по Третьей Канитапинской ул. дом № 25., семейный, семья из 3 душ.

Я на заданные мне вопросы могу ответить следующее: Я о смерти Халаф бека слышал в Николаевке, так как я выехал из Шемахи после первого события, а про Магакелова могу сказать, что во время первого события

был в Шемахе, а что касается, он был ли с другими или нет, могу сказать, что все были вооружены, может быть, он был среди них вооруженным. Но Халаф бек был убит во время первого события, как передали мне. Про второе событие ничего не могу сказать, так как я находился в Хильмиллах. Более показать ничего не могу. Прочитано.

Подпись: М.К. Гульбандов.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 85.

Документ № 414.

М.Ю.

Четвертый Следственный Участок

Г. Баку

Июня 6 дня 1919 г. № 628

**Господину Следователю Шемахинского
Уездно-Городского Участка**

При сем препровождаю Протокол допроса Михаила Петросовича Арзуманова по делу об убийстве Халав бека Меликбекова.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 86.

Документ № 415.

Протокол допроса

1919 года июня 25 дня г. Баку.

Следователь 4 уч. Г.Баку допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 433 ст. Уст. Уг. Суд. и он показал:

Я, Михаил Петросович Арзуманов, прож. по Станиславской ул., дом № 45, житель гор. Шемахи, армянин, 50 л., семейный, имею жену и семь душ детей.

Я в день наступления большевиков на Шемаху я со своим семейством поехал в Матрасы, а из Матрасов спустя три дня я поехал в Джобаны, а оттуда в Хильмили, где только я услышал об убийстве, а кто убил, кто передал мне, я ничего не помню. Про Магакелова могу сказать: когда я выехал из Шемахи, я оставил его там, но когда я видел его, при нем не было оружия, какое участие он принимал в событиях ничего не могу сказать, я был занят только тем, что возился с семейством. Более ничего показать не могу. Прочитано.

Подпись: М.Арзуманов.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 87.

Документ № 416.

М.Ю.

Четвертый Следственный Участок

Г. Баку

Июня 25 дня 1919 г.

№ 628

**Господину Следователю Шемахинского
Уездно-Городского Участка**

При сем препровождаю Протокол допроса Акопа Тер-Матевосова по делу об убийстве Халав бека Меликбекова.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 88.

Документ № 417.

Протокол допроса

1919 года июня 25 дня г. Баку.

Следователь 4 уч. г. Баку допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 433 ст. Уст. Уз. Суд. и он показал:

Я, Акоп Тер-Матевосов, 38 лет, армянин, житель гор. Шемахи Бакинской губернии, проживаю в настоящее время в Баку, по Будаговской улице № 64, женат, имею четверо детей, не судим, в настоящее время имею ремесло (мастер – золото-сереб. дел).

Я по поводу убийства Халаф бека Меликова ничего не знаю, так как я после первой бомбардировки города Шемахи наступающими армянскими силами уехал со своим семейством в сел. Чухур-Юрт, а оттуда спустя 3 – 4 дня поехал в Козлы сел., а из Козлы через месяц приехал в г. Баку, где живу до настоящего времени.

Я про Агабека Магакелова могу сказать, что после моего отъезда из Шемахи куда он уехал, а я видел его в Шемахе без оружия во время первой бомбардировки. Более показать не имею. Прочитано.

Подпись: (на армянском алфавите).

Следователь: подпись.

За следователя: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 89-90.

Документ № 418.

М.Ю.

**Шемахинский Уездно-Городской
Следственный Участок**

18 июня 1919 года № 679

г. Шемаха.

**Срочное
Арестантское**

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

Прошу распоряжения о дознании адресов жителей гор. Шемахи, проживающих в гор.Баку по неизвестному адресу:

- 1) Карапета Джумшидовича Аванесова
- 2) Артема Аванесовича Матевосянца

Следователь: подпись.

На обороте: В Шемахинский Уездно-Городской Следственный Участок.

Со справками Адресного стола.

Июля 8 дня 1919 г.

За Бак. Полиц.: подпись.

Справка: Вещественные доказательства переданы на хранение в Шемахинское Уездное Управление при отношении 15 июня 1919 г. за. № 657.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 92.

Документ № 419.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции.**

Справка

В Центральный адресный стол

Фамилия, имя, отчество и звание:

- 1) Аванесов Карапет Джумшидович
- 2) Матевосянц Артем Аванесович

29 июня 1919 г. № 7257

Заведующий 1-м столом: подпись.

На обороте:

- 1) Н. Нагорная ул. 4.
- 2) Не значится.

2 июля 1919 г.

Дежурный: Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 91.

Документ № 420.

**Его Высокоблагородию Господину Шемахинскому
Уездному Следователю**

Жителей гор. Шемахи

Сетрака Шабанянца и Агабека Магакелова

Прошение

Честь имею покорнейше просить Ваше Высокоблагородию, что уже 3 месяца мы арестованы по приказанию Вашего высокоблагородию и находимся в Геокчайской тюрьме под стражей. Наше дело до сих пор не отправлена в Суд; Сообщаю Вашему Высокоблагородию что мы здесь находимся в критическом положении и не имея ни 1 копейки для расходы, так как не имеем

здесь ни родных, ни братьев и ни знакомых; а потому покорнейше прошу Вашего Высокоблагородию сделайте распоряжение о отправлении наше дело при скорости в Суд. Надеюсь, что просьба наша не оставите без Вашего Внимания.

Сетрак Шабанов, Агабек Магакелов,
1919 года. гор. Геокчай.

На обороте: Настоящее прошение арестантов представляю г. Товарищу Прокурора Геокчайского участка, на рассмотрение.

4 июня 1919 г.

Начальник Геокчайской тюрьмы: И.Мамедов (подпись).

Резолюция: Арест. Настоящее прошение препроводить Г. Следователю Шемахинского уч. На распоряжение.

Тов. Прокурора: подпись.

13 июня 1919 г. № 532.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 84.

Документ № 421.

Армянская Народная Фракция

Азербайджанского Парламента

27 июня 1919 г.

№ 74

гор. Баку

Господину Министру Юстиции

Азербайджанской Республики

Вследствие отзыва Вашего от 12 сего июня за № 2801, Армянская Народная фракция Азербайджанского Парламента уведомляет Вас, Г.Министр, что упомянутые в препровожденном Вам прошении Агабека Магакелова и Седрака Шабанянц задержаны не в административном порядке, как указано в означенном выше отзыве Вашем, а по постановлению следователя Шемахинского Уездно-Городского участка от 31 марта за № 260 по обвинению в разбойном нападении, как это усматривается из сообщения Бакинского Губернатора от 23 сего июня за № 9545.

Поэтому Народная Фракция Парламента просит Вас упомянутому препровожденному Вам прошению дать дальнейшее движение и о последующем не отказать уведомить фракцию.

За председателя: подпись.

За секретаря: подпись.

На обороте: Г. Прокурору Азербайджанской Судебной Палаты.

С препровождением настоящей переписки с прошением Магакелова и Шабанянца, канцелярия Министерства Юстиции просит Ваше Превосходительство представить надлежащие сведения по содержанию таковой.

9 июля 1919 года, № 3308.

Директор канцелярии Министра Юстиции: подпись.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 269.

Документ № 422.

Его Высокоблагородию Господину Шемахинскому
Уездному Следователю

Жители гор. Шемахи Сетрака Шабанова и Агабека Магакелова

Прошение

Чсть имею покорнейше просить Вашего Высокоблагородию, что мы арестованы уже более 4 месяцев по приказанию Вашего Высокоблагородия и все настоящее время находимся в Геокчайской тюрьме под стражей.

Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что мы на Ваше имя подали 3 прошения и никаких результатов нет, не знаем почему нет;

Докладываю Вашему Высокоблагородию, что мы в настоящее время находимся без копейки и не имеем здесь ни родных, ни знакомых, кто нам помогли; Мы прошение подали Товарищу Прокурору, но ответа получили, что Ваше дело еще не получили, а потому покорнейше прошу Ваше Высокоблагородию, что пожалейте нас. Наше дело отправляйте по скорости в Суд, потому что мы здесь болеем. Надеемся, что наше прошение не оставите без Вашего внимания.

Сетрак Шабанов и Агабек Магакелов.

1919 г. 9 июля, гор. Геокчай.

На обороте: Настоящее прошение представляется Г. Товарищу Прокурора Геокчайского участка на распоряжение. 15 июля 1919 года.

За начальника Геокчайской тюрьмы: подпись.

Надпись: По принадлежности г. Следователю Шемахинского участка.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 249.

Документ № 423.

Его высокоблагородию Господину Прокурору
Бакинского Окружного Суда

Маргарита Степановна Шабанянц,
проживающей на Будаговской ул. № 57

Прошение

Сын мой Сетрак Шабанянц содержится уже в течение четырех месяцев в Геокчайской тюрьме. Определенного обвинения до сих пор ему не предъявлено. Сын мой тяжело заболел от невыносимо тяжелых условий тюрьмы и едва спасся от смерти. Дважды получены мною об этом телеграммы присеем прилагаются.

В виду изложенного, я, несчастная и бедная мать заключенного, будучи не в состоянии брать его на поруки, настоящим покорнейше прошу Ваше Вы-

сокоблагородие лишь об одном: перевести сына моего из г. Геокчай в Баку где проживаю я, его мать, если теперь же невозможно освободить его из тюрьмы.

Маргарита Шабанянц, за нее, неграмотную и по ее личной просьбе подписался: подпись.

1919 г. 14 УП, г. Баку.

На обороте: Настоящее прошение препровождается на распоряжение Следователя Шемахинского участка.

21 июля 1919 г., г. Баку.

За Прокурора Суда: подпись.

Секретарь: подпись.

Надпись: 7 августа 1919 г.

В дополнение к отношению от 5 августа сего года за № 974 настоящее прошение препровождается Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Г. Шемаха, 7 августа, Д. № 21.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 166.

Документ № 424.

Председателю Комитета Оборона Азербайджанской Республики

Проживающих в городе Баку беженцев из г. Шемахи
Амбарцума и Маргариты Шабановых и
Джаваира Магакелян (Будаговской ул. № 55)

Прошение

Ваше Высокопревосходительство, еще в апреле сего года в городе Баку задержаны по подозрению в убийстве одного Шемахинского бека по имени Халаф бек, сын первых, Сетрак Амбарцумов Шабанов и муж последней – Агабек Магакелов. Оба задержанные были отправлены в г. Шемаху, а оттуда в г. Геокчай, где находятся и поныне. Следствие ведет Шемахинский следователь. Пусть беспристрастное следствие выяснит действительных виновников – убийц, пусть затем Суд их осудит, но мы глубоко уверены, что оба заключенные, как ни в чем невинные, будут освобождены, ибо они оба были задержаны лишь по указанию наших врагов. Халаф-бек был убит в Шемахе во время последних кровавых событий.

С заключением их под стражу наши семьи голодают, ибо они были единственной опорой многочисленной семьи. Я сам глухонемой старик, жена старушка искалеченная; жена Магакелова с малолетними детьми совершенно беззащитны. Все наши хождения по учреждениям с просьбой освободить заключенных под залог или под поручительство остались без результата.

Горе наше ныне больше усилилось: в тюрьме свирепствует болезнь, серьезно больным лежит и заключенный Сетрак Шабанов.

В целях спасения жизни больного, а также обеспечения питания многочисленной семьи и принимая во внимание, что дело слушанием еще затянется, а при существующих тюремных условиях трудно рассчитывать на выздоровление Сетрака Шабанова, мы имеем честь покорно просить об освобождении заключенных – Сетрака Шабанова и Агабека Магакелова из под стражи под залог или под поручительство, впредь до заслушания дела в Окружном Суде.

Амбарцум и Маргарита Шабановы, Джеваира Магакелова, а за них неграмотных и по личной их просьбе расписался: Матвеев (подпись).

16.УШ. г Баку.

На обороте: Настоящее прошение препровождается Господину Министру Юстиции на распоряжение.

6 августа 1919 года, гор. Баку, № 180.

Управляющий Делами Комитета Государственной Оборона: подпись.

Секретарь: подпись.

Надпись: Прошение Амбарцума и Маргариты Шабановых и Джеваира Магакеляна Министерство Юстиции препровождает на распоряжение Г. Прокурора Азербайджанской Судебной Палаты.

11 августа 1919 г., № 3843, гор. Баку.

Директор Канцелярии Министерства Юстиции: Карпов (подпись).

Делопроизводитель: подпись.

Штамп: Прокурор Азербайджанской Судебной Палаты.

12.УШ.1919 г., ВХ № 875.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 272.

Документ № 425.

М.Ю.

Прокурор

Срочно

Бак. Окр. Суда

27 июля 1919 г.

№ 4933

г. Баку

Г. Следователю Шемахинского участка

Предлагаю Вам сообщить мне, закончено ли следствия по делу по обвинению Сетрака Шабанянца и Агабек Магакелова в разбойном нападении, и если не закончено, то чем задерживается.

За прокурора суда: подпись.

Надпись: Сообщить, что следствие не закончено и что дело препровождено Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому с перечислением за ним арестантов.

21 августа 1919 г.

На обороте: Срочно. Г. Следователю Шемахинского уч.

Прошу, с возвращением переписки, сообщить мне, на каком основании и по чьей требованию (указать на копии постановления и требования) передано настоящее дело.

23 августа 1919 г. № 176

Тов. Прокурора: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 245.

Документ № 426.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

3 августа 1919 г.

№ 955

г. Шемаха

Господину Прокурору Бакинского Округного Суда

На предложение Вашего Высокородия от 27 июля с.г. за № 4933 сообщая, что следствие по обвинению Сетрака Шабанянца и Агабека Магакелова в разбойном нападении не закончено и таковое дело препровождено Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Г.-ну Новацкому с перечислением за ним арестантов, в виду того, что дела о разгроме гор. Шемахи, когда было совершено исследуемое преступление, возложены на гр. След. Ком.

Следователь: подпись.

Резолюция: Г. Тов. Прокурору Шемах. уч.

Проверить основательно передан. дела и принять меры к законной передаче таковых.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 244.

Документ № 427.

Постановление

1919 г., Июля 31 дня, Г. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Уч., принимая во внимание, что расследование дел, возникших в связи с разгромом г. Шемахи во время мартовских событий прошлого года Правительством возложено на Чрезвычайную Следственную Комиссию и ведение следствия по

такого рода делам поручено Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, как оно видно из отношения его от 29 июля с.г. за № 4, что происшествие, составляющее предмет настоящего исследования имело место во время разгрома гор. Шемахи, **Постановил:** настоящее дело препроводить Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, зачислив за ним содержание под стражей арестантов Магакелова и Шабанова и сообщить копию с сего Постановления Тов. Прокурора по Шемахинскому участку.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 93.

***& 3. Дело об ограблении квартиры и имущества
Насрулла бека Алиева***

По 1642 ст. Улож о наказ.

Дело № 6 - 1919

Возникло: февраля 8 дня 1919 г.

Окончено: августа 31 дня 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 1.

Документ № 428.

Протокол № 61

1918 г. Ноября 2 дня.

Ко мне, Дежурному Околоточному Надзирателю 7 участка Бакинского Полицеймейстерства Бадову, в управление участка гр. гор. Шемахи Бакинской губернии Насрулла беком Алиевым был доставлен неизвестный человек Арм. националь., при чем заявил: что в марте месяце во время столкновения мусульман с армянами доставленный мною сюда Геогджаев Александр - с Артемом и Николаем арестовали меня в Шемахе и держали меня взаперти в подвале Николая, брата его, трое суток, в это время из моей квартиры утащили вещи всякие на сумму двести тысяч (200.000 р.), вещи: 1) бриллианты и золотые женские вещи, золотой пояс три штук, золотой гumbорок, что носят на голове мусульманские женщины, три штуки бриллиантовые броши женские, ковры – двадцать штук большие и маленькие разные мебель, зеркала, кресла, диваны, люстры, также всякие домашние вещи.

940 ст. Полож. о наказ. мне объявлена, а потому прошу привлечь виновного к законной ответственности.

Подпись: Насрулла бек Алиев.

Опрошен. по сему делу в качестве обвиняемого представленный Александр оказался гражданином Бакинской губернии гор. Шемахи, проживающий по Торговой ул., в доме № 56 Александром Саркисовым Геогджаянцом, который заявил, что действительно во время мартовских столкновений я проживал в гор. Шемахи, не далеко от Алиева. В это время ко мне в квартиру пришел мой брат Артем и сказал, что желая спасти семейство от смерти спрятал их в своей квар-

тире. Я этому был доволен и даже два раза носил кушать на квартире брата. Потом при помощи меня и моих братьев и соседей перевели более безопасное место, армянскому архиепископу. Впоследствии оказалась разграблена квартира Алиевых. Грабила масса. Я же никакого участия в грабеже квартиры Алиева не принимал. Что может подтвердить Гульбандов, место жительства, не знаю. Более добавить к сему не имею.

Подпись: Геогджаянц.

Постановил: изложенное занести в настоящий протокол, который вместе задержан. Геогджаянц Александром представить господину местному приставу.

Окол. Надз.: Бадов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. л.12-13.

Документ № 429.

Протокол

1918 года, ноября 2 дня, г. Баку.

Я, околоточный надзиратель участка Бакинского Полицеймейстера Певзнер по поручению г. местного пристава по существу настоящего заявления дополнительно опрашивал гр. г. Шемахи Насрулла бека Алиева, который заявил: что во время мартовских событий в г. Шемахе в числе всего мусульманского населения я также подвергся разгрому и разграблению имущества, принадлежащее мне, состоящее: ковры, обстановка, золотые и серебряные вещи и вся домашняя утварь на сумму около 200.000 рублей. Инициаторами ограбления всего у меня имеющаяся состояния были мои одно-горожане соседи Геогджаевы - братья, одного из коих я сегодня задержал, проходя по Телефонной ул. и указываю как на главного виновника моего ограбления, при чем добавляю: что во время этих событий я был арестован и посажен в подвал к одному из этих братьев Геогджаевых по имени Николай, которые держали меня взаперти в этом подвале 3-е суток, когда я со своим семейством в плену в подвале я сам глазами видел через имеющееся там отверстия (щели), как моими соседями бр. Геогджаевами расхищалось мое имущество из моего дома.

Почему прошу произвести обыск на квартире доставленного мною одного из бр. Геогджаевых с целью обнаружения моего имущества и привлечения виновного к законной ответственности. 940 ст. Ул. о Наказ. мне объявлена.

Подпись: Насрулла бек Алиев.

Опрошенный по сему делу доставленный Алиевым обвиняемый в ограблении его имущества оказался гр. г. Шемахи Бакинской губернии, в настоящее время проживающий по Торговой ул. в здании Керосинового склада «Тиран» Александром Саркисовичем Геогджаевым, заявил: Во время мартовских событий ко мне пришел брат мой Николай Геогджаев и сказал, что семью нашего соседа Алиева я спас, забрав их к себе домой и тем спас от неминуемой смерти, я этому очень обрадовался и даже сам приготовил для них обед и накормил их. Но

волнения в то время постепенно начало принимать все более угрожающий характер, так как армянская чернь, даже участвовали и молокане, начали кроме того что громить, но и убивать мусульман, я начал беспокоиться за благополучия и целость как Алиева, так и его семьи, как хорошего знакомого и считая его проживание в доме моего брата Артема не вполне безопасным, начал просить своих братьев Николая и Артема и других соседей, что бы их перевести на квартиру к нашему тамошнему архиепископу Баграту, что мне удалось выполнить благополучно. Алиева с семьей перевели туда, где он остался до конца волнения, куда я не раз заходил справляться о его здоровье и благополучии его семьи. В конце концов, квартира Алиева была разграблена, как и все остальные мусульманские дома, и мне ее отстоять не удалось, хотя я много старался отстоять ее, что может подтвердить наш Шемахинский начальник почтового отделения Кульбандов, место настоящего жительства мне неизвестно.

Больше добавить по этому делу ничего не имею. Виновным в предъявленном мне обвинении Алиевым себя не признаю, причем добавляю, что Алиев в подвале брата не сидел, а помещался в одной из комнат его дома.

Подпись: Геогджаянц.

Постановил: настоящее занести в протокол, который вместе с Геогджаевым представить на усмотрение г. Пристава.

Окол. Надзиратель: подпись.

Резолюция: В. Экстерно. Провести обыск в квартире Геогджаева с целью отыскания вещей Алиева и результатах обыска составить протокол.

2. ноября 1918 г.

Пристав: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. л.14-15.

Документ № 430.

Протокол

1918 г. Ноября 2 дня, г. Баку

Я, околоточный надзиратель 7 уч. Зведенюк, согласно надписи г. местного пристава, на протокольном заявлении гр. Насрулла бека Алиева, вместе с ним, Алиевым, и обвиняемым им Александром Саркисовым Геогджаевым пришел на квартиру последнего на улице Торговой и Миллионной ул. в д. № 66, с целью обнаружения вещей, принадлежащих г. Алиеву, где по произведенному в присутствии их обоих, а также нижеподписавшихся понятых, обыску вещей, принадлежащих г. Алиеву не оказалось.

Подпись: Насрулла бек Алиев.

Подпись: Геогджаянц.

Понятые: Агалар Гасанов, Алескер бек Алиев (подписи).

Околоточный надзиратель: Подпись

На обороте: Арестантское.

Настоящее дознание с задержанным Александром Саркисовичем Геогджаевым препровожаю Господину Бакинскому Полицеймейстеру на предмет отправления его согласно 208 ст. Уст. Уголов. Судопро. по подсудности г. Следователю гор. Шемахи.

2-го ноября 1918 г.

Пристав 7-го участка Бакинское Полицеймейстерства: подпись.

Резолюция: Переписку препроводить по принадлежности, а Геогджаева этапным порядком через Бакинскую тюрьму.

17 ноября 1918 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 16.

Документ № 431.

Постановление

1918 г. Ноября 2 дня.

Пристав 7 участка г. Баку Шпак задержанного сего числа ж. гор. Шемахи Александра Саркисовича Геогджаева по обвинению в ограблении в марте месяце в гор. Шемахе Насрулла бека Алиева на основании 257, 416 ст. п. - Устава Угол. Судопр. для пресечения способа уклонения от суда и следствия

Постановил: содержать в камере участка впредь до окончания дознания по сему делу и отправлять Геогджаева согласно 208 ст. Уст. Уг. Суд по подсудности.

Пристав 7 участка г. Шпак (подпись).

Настоящее постановление мне объявлено.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 17.

Документ № 432.

Копия

Постановление

1918 года, ноября 4 дня, гор. Баку.

Я, и.д. Бакинское Полицеймейстера Мурадов, рассмотрев представленный мне приставом 7-го участка за № 124 дознание вместе с жит. гор. Шемахи Александром Саркисовичем Геогджаевым, задержанным по заявлению Насруллы бея Алиева и принимая во внимание, что Геогджаев обвиняется в соучастии с другими лицами в ограблении в марте месяце сего года в гор. Шемахе у Алиева – разного имущества и драгоценных вещей на сумму около 200.000 руб., **Постановил:** Геогджаева на основании 208 ст. Уст. Уг. Суд. произ. выслать этапным порядком в Шемахинское Уездное Полицейское Управление для передачи в распоряжение Судебного Следователя по гор. Шемахе, до отхода же этапа заключить его в Бакинскую № 2 тюрьму. Куда направить копию настоящего постановления для отправки задержанного по назначению.

О распоряжении этом уведомить вышеназванное Полицейское Управление, Судебного Следователя по гор. Шемахе с отсылкой переписки и Прокурора Бакинского Округного Суда.

Подлинное подписал: И.д. Бакинского Полицеймейстера Мурадов.

С подлинным верно: И. об. Секретаря: подпись.

Настоящую копию с постановления препровождаю в Уездное Шемахинское Полицейское Управление для сведения.

4 ноября 1918 года, гор. Баку, № 421.

И.д. помощника Полицеймейстера: подпись.

Надпись: Получил 5.И. 1919 г. Подпись.

На обороте: Переписку это в дополнение к надписи моей от 5 декабря 1918 года за № 213 препровождаю г. Следователю Уездно-Городского участка Шемахинского уезда февраля 3 дня 1919 года.

За Шемахинского Уездного Начальника: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 10.

Документ № 433.

**Начальник
Бакинской Центральной
№ 1 тюрьмы
ноября 1918 г.
№ 519**

В Шемахинское Уездное Полицейское Управление

При этом препровождаю арестанта Александра Саркисовича Геогджаева вместе с открытым листом на него за № 421.

Начальник Бакинской Центральной № 1 тюрьмы.

На обороте: Препровождаю настоящую переписку Господину Следователю гор. Шемахи прошу сообщить мне, что, не имеется ли против означенного здесь Александра Саркисовича Геогджаева дело, изложенное в сие переписке.

Декабря 5 дня 1918 г.

За уездного начальника: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 3.

Документ № 434.

Открытый лист № 421

Составлен в Управлении Бакинского Полицеймейстера
1918 года, ноября 4 дня

- 1) *Имя, отчество, фамилия или прозвище* Александр Саркисович Геогджаев
- 2) *Из какого сословия происходит*
- 3) *Какой губернии и уезда житель* гор. Шемахи
- 4) *Привилегированный или нет* не привилег.

число лиц, пересылающихся

при настоящем открытом листе мужчин – 1

женщин, детей – нет

Всего – 1

По чьему распоряжению, куда и по какой причине пересылается –

Сего Управления, в Шемахинское Уездное Полицейское Управление для
передачи в распоряжение судебного следователя по гор. Шемаху как обви-
няемый в ограблении вещей на сумму около 200.000 руб.

Следует ли в оковах и каких именно или же без оков – Без оков

Требует ли бдительного надзора и в утвердительн.
случае почему именно –

требует

Если арестант снабжен казенной одеждой,
то приложит записку об одежде и указать № ее

Приметы

Лета

– 50

Рост

– средний

Лицо

– чистое

Глаза

– серые

Волосы

– седые

Брови

– т.р.

Усы

– седые

Нос

– об.

Особые приметы – нет

Если имеет собственные деньги и ценные вещи, то указать количество
их, куда отправлены и за каким № выдана арестанту квитанция

Вр. и. д. Свид.пом. Полицеймейстера: подпись

Вр. и.д. секретаря : подпись

Полиц. Делопроизводитель: подпись.

Печать.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 4-5.

Документ № 435.

Выписка

Из настольного реестра Управления Бакинского

Полицеймейстерства по 2-му столу на 1918 год

Часть 2-ая

Год, месяц и число

3 ноября

№ настол. по пор.

421

№ входящ. бумаги

124

Содержание бумаги

Пристава 7-го участка от 3-го ноября с задержанным Александром Саркисовичем Геогджаевым по обвинению в ограблении во время мартовских событий в гор. Шемахе Насрулла бека Алиева

Производство по бумаге

4-го ноября Начальнику Бакинской № 2 тюрьмы с Геогджаевым для исполнения, о чем сообщено для сведения Прокурору Бакинского Окружного Суда, в Шемахинское Уездное Полицейское Управление и Следователю гор. Шемахи с перепиской.

10 декабря от Пом. Мирового Судьи Шемахинского Мирового Отдела Заведывающего Уездно-Городским Следственным участком за № 2 с просьбой о присылке переписки по делу Геогджаева.

13 декабря Следователю Шемахинского Уездно-Городского След. Участка с уведомлением, что переписка послана 4 ноября за № 421 Следователю гор. Шемахи.

С подлинным верно: Помощник делопроизводителя: подпись.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. л. 6-7.

Документ № 436.

М.В.Д.

Бакинский Полицеймейстер

13 декабря 1918 г.

№ 421

Г. Баку

Г. Следователю Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка

С возвращением сего уведомляю Вас, что протокол по делу обвинения Геогджаева в ограблении вещей во время мартовских событий в гор. Шемахе у Насрулла бека Алиева, был послан 4-го Ноября с.г. за № 421, на имя Судебного Следователя гор. Шемахи.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л.11.

Документ № 437.

Судебному Следователю Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка

Настоящую переписку вместе с задержанным Александром Геогджаевым и выпиской из настольного реестра за 1918 года передаем обратно Вам.

18 декабря 1918 года, гор. Баку, № 805.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л.6.

Документ № 438.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
22 декабря 1918 г.**

№ 25

г. Шемаха

**Его Высокоблагородию Господину Товарищу Прокурора
Бакинского окружного Суда по Шемахинскому участку**

5 декабря сего года при открытом листе Бакинского Полицеймейстерства за № 421 от 4 ноября сего года ко мне был препровожден Александр Саркисович Геогджаев, обвиняемый в ограблении разных вещей во время мартовских событий в гор. Шемахе у Насруллы бека Алиева около 200.000 рублей. Обвиняемый был препровожден без дознания. 5 декабря 1918 г. упомянутый Геогджаев был заключен под стражу и препровожден для содержания временно при Шемахинском Полицейском Посту. Того же 5 декабря за № 2 мною послано отношение на имя Бакинского полицеймейстерства о скорейшем доставлении мне дознания по делу Геогджаева. 15 декабря с.г. в виду не получения мною от Бакинского Полицеймейстерства ни дознания по делу, ни ответа на отношение мое от 5 декабря с.г. за № 2 и вследствие не возможности более продолжительного содержания арестанта на полицейском посту (о чем я донес Вашему Высокоблагородию рапортом своим за № 6 от 16 сего декабря) за отсутствием как надлежащего помещения, так и средств у местных административных властей на довольствие арестантов, Геогджаев при копии постановления моего от 15 декабря 1918 года за № 5 был препровожден Бакинскому Полицеймейстеру для доставления его мне вместе с дознанием по его делу. 22 декабря 1918 года обвиняемый Геогджаев вновь препровожден мне при «Выписке из настольного реестра Управления Бакинского Полицеймейстерства по 2-му столу на 1918 год, часть II-ая, при чем, как видно из упомянутой переписки Бакинским Полицеймейстерством 13 декабря с.г. послано уведомление следователем гор. Шемахи о том, что переписка по делу Геогджаева послана на имя Следователя гор. Шемахи еще 4 ноября 1918 г. за № 421, однако никакой переписки, ни дознания по делу Геогджаева мною до сегодняшнего числа не получено, держать обвиняемого негде и не

на что, да и при том не возможно же написать постановление о содержании его под стражей не имея дознания.

На основании изложенного прошу указать мне о дальнейшем направлении дела.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 8-9.

Документ № 439.

М.Ю.

**Шемахинский
Следств. Участ.
№ 25**

22 декабря 1918 г.

Гор. Шемаха.

д. № 1

**Его Высокоблагородию Г. Товарищу Прокурора
Бакинского Окружного Суда
по Шемахинскому Следственному Участку**

5 декабря 1918 года при открытом листе Бакинского Полицеймейстера за № 421 от 4 ноября 1918 г. ко мне был препровожден Александр Саркисович Геогджанов, обвиненный в ограблении во время мартовских событий в гор. Шемахе разных вещей на сумму 200.000 рублей. У кого ограблены вещи в открытом листе не сказано. Обвиняемый был препровожден без дознания. 5 декабря 1918 года упомянутый Геогджаев был мною заключен под стражу на Шемахинском Полицейском посту.

Меру эту я принял временно и того же 5 декабря 1918 года за № 2 мною было послано Бакинскому Полицеймейстеру отношение о скорейшем доставлении дознания по делу Геогджаева.

15 декабря 1918 года в виду неполучения мною от Бакинского Полицеймейстера ни дознания по делу, ни ответа на отношение мое от 5 декабря с.г. за № 2 и вследствие невозможности более продолжительного содержания арестантов на местном полицейском посту (о чем я донес Прокурору Бакинского Суда рапортом своим от 16 сего декабря за № 16) за отсутствием как надлежащего помещения, так и средств на довольствие арестантов, Геогджаев при копии моего Постановления от 15 декабря 1918 года за № 5 был препровожден Бакинскому Полицеймейстеру для доставления его мне вместе с дознанием по делу.

22 декабря 1918 года обвиняемый Геогджаев вновь препровожден ко мне без дознания при «Выписке из настольного реестра Бакинского Полицеймейстерства по 2-му столу на 1918 год, часть П» причем, как видно из упомянутой выписки, Бакинским Полицеймейстером 13 декабря с.г. было сообщено

следователю гор. Шемахи о том, что «переписка по делу Геогджаева послана 4 ноября за № 421 Следователю гор. Шемахи».

Однако, ни переписки, ни дознания по делу Геогджаева мною до сегодняшнего дня не получено, почему ни приступить к следствию, ни принимать меру пресечения в отношении обвиняемого не представляется возможным.

На основании изложенного, прошу Ваше Высокоблагородие дать мне указание относительно дальнейшего направления дела.

Геогджаев находится под стражей при Шемахинском Полицейском посту. Следователь: Гутковский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 39.

Документ № 440.

М.Ю.

**Товарищ Прокурора
Бакинского Округного Суда
По Шемахинскому участку
6 января 1919 года**

№ 1

**Г-ну Прокурору Бакинского Округного Суда
Представление**

Представляя прилагаемое при сем сношение Следователя Шемахинского участка от 22 декабря 1918 г. за № 25 на распоряжение, доношу, что упомянутый в этом сношении Александр Геогджаев, согласно личного заявления следователя Гутковского, им из-под стражи освобожден и отдан под надзор Шемахинской уездной полиции.

Товарищ Прокурора: подпись.

Резолюция: С препровождением переписки просить Бак. Полиц. сообщить, когда и по чьему заявлению производилось дознание о Геогджаеве.

13.1. 19 г.

На обороте: В виду предыдущего донесения пристава препровождаю в Бакинскую городскую полицию.

Февраля 18 дня, 1919 года.

За Шемахинского Уездного Начальника: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 38.

Документ № 441.

М.Ю.

**Прокурор
Бакинского
Округного Суда
№ 188**

14 января 1919 года

Гор. Баку

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

Препровождая при сем переписку на двух листах по обвинению Александра Геогджаева, прошу сообщить мне, кем и по чьему заявлению производилось дознание с названным Геогджаевым.

Прокурор Суда: подпись.

За Секретаря: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л.40.

Документ № 442.

Прокурору Бакинского Окружного Суда

Доношу Вашему Высокоородию, что Александр Геогджаев был задержан Приставом 7-го участка гор. Баку по заявлению Насрулла бека Алиева, как обвиняемый в соучастии с другими лицами в ограблении в марте месяце в 1918 году в гор. Шемахе у него Алиева разного имущества и драгоценных вещей на сумму около 200.000 рублей.

31 января 1919 года, гор. Баку, № 230.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Пом. секретаря: подпись.

Пом. делопроизводителя: Попов (подпись).

Резолюция: Препроводить Шемахинскому Уездному Началь.

Для распоряжения.

Производить дознание и передать такового по подсудность.

4 февраля 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л.41.

Документ № 443.

Г. Шемахинскому Уездному Начальнику

Препровождая настоящую переписку, прошу Ваше высокоблагородие сделать распоряжение о производстве дознания по содержанию переписки и передаче такового по подсудности.

5 февраля 1919 года, № 461.

Прокурор Суда: подпись.

И.об. Секретаря: подпись.

Резолюция: Городскому Приставу.

Исполнить и донести. № 213, 11.П. 19 г.

На обороте: Приставу города Шемахи.

Исполнить и донести.

Февраля 12 дня 1919 года. № 213.

За Шемахинского Уездного Начальника

Старший полиц.: Гаджи Абдул (подпись).

Надпись:

Доношу Г. Шемахинскому Уездному Начальнику, что потерпевший Насрулла бек Алиев проживает в городе Баку на Нижнее-Нагорной улице в доме № 80.

Февраля 16 дня 1919 г. № 180.

За Пристава г. Шемахи: Фаталиев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 42.

Документ № 444.

**М.Ю.
Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
6 февраля 1919 г.
№ 33
г. Шемаха**

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

В ответ на Ваше уведомление от 13 декабря 1918 г. № 421 о том, что протокол дознания по делу обвинения Геогджаева в ограблении вещей послан Вами 4 ноября 1918 г. за № 421, имею сообщить, что означенный протокол дознания мною до сего времени не получено, почему прошу Вас о высылке мне копии с протокола дознания.

Без подписи.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 11 об.

Документ № 445.

**М.Ю.
Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
6 февраля 1919 г.
№ 33
г. Шемаха**

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

В ответ на Ваше уведомление от 13 декабря 1918 г. № 421 о том, что протокол дознания по делу обвинения Геогджаева в ограблении вещей послан Вами 4 ноября 1918 г. за № 421, имею сообщить, что означенный протокол дознания мною до сего времени не получен, почему прошу Вас о высылке мне копии с протокола дознания.

Следователь: подпись.

На обороте: Экстренно.

Приставу 7 участка г. Баку

Предлагаю прислать копию с протокола по делу Геогджаева.

7 февраля 1919 г. № 421.

Справка: надпись Ваша от 3 ноября 1918 г., № 24.

Помощник полицмейстера: подпись.

Справка: подлинный протокол по делу Геогджаева был представлен г. Бакинскому Полицеймейстеру 2-го ноября 1918 года, за № 124 и копия в делах не имеется.

Письмовод: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 26.

Документ № 446.

Приставу 4 участка гор. Баку

Предлагаю в виду имеющийся здесь надписи за № 461, немедленно произвести дознание и таковое представить в управление, при чем даю знать, что потерпевший Алиев проживает по Нижне-Нагорной улице в доме № 80.

8 февраля 1919 г., № 230.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Помощник Делопроизводителя: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 43.

Документ № 447.

Копия

Постановление

1918 года, ноября 4 дня, гор. Баку.

Я, и.д. Бакинского Полицеймейстера Мурадов, рассмотрев представленный мне приставом 7-го участка за № 124 дознание вместе с жит. гор. Шемахи Александром Саркисовичем Геогджаевым, задержанного по заявлению Насруллы бея Алиева и принимая во внимание, что Геогджаев обвиняется в соучастии с другими лицами в ограблении в марте месяце сего года в гор. Шемахе у Алиева – разного имущества и драгоценных вещей на сумму около 200.000 руб., **Постановил:** Геогджаева на основании 208 ст. Уст. Уг. Суд. произ. выслать этапным порядком в Шемахинское Уездное Полицейское Управление для передачи в распоряжение Судебного Следователя по гор. Шемахе, до отхода же этапа заключить его в Бакинскую № 2 тюрьму, куда направить копию настоящего постановления для отправки задержанного по назначению.

О распоряжении этом уведомить вышеназванное Полицейское Управление Судебного Следователя по гор. Шемахе с отсылкой переписки и Прокурора Бакинского Округного Суда.

Подлинное подписал: И.д. Бакинского Полицеймейстера Мурадов.

С подлинным верно: И. об. Секретаря: подпись.

Надпись: Настоящую копию с постановления препровождаю в Уездное Шемахинское Полицейское Управление для сведения.

4 ноября 1918 года, гор. Баку, № 421.

И.д. помощника Полицеймейстера: подпись.

И.д. секретаря: подпись.

Надпись: Получено Шемах. Уезд.-Гор. Следствен. Уч. 8.П.1919 г.

Резолюция: Приобщить к переписке о Геогджаева. Завести дело по 1642 ст. Ул. о Наказ.

8.П. 1919 г. След.: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 18.

Документ № 448.

Постановление

1919 года, Февраля 8 дня. Гор. Шемаха.

Я, Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка в камере своей рассмотрев сообщение Бакинского Полицеймейстерства по делу о грабеже разных вещей из дома Алиева братьями Геогджаевыми и принимая во внимание, что в дознании, произведенным по этому делу есть указание на признаки преступления, предусмотренного 1642 ст. Ул. о Наказ. подсудного Бакинскому Окружному Суду, что преступление совершено в районе Шемахинского Следственного участка, что сообщение это служит законным поводом для начатия следствия и что в данном случае имеются достаточное для этого основания, **Постановил:** приступить по настоящему делу к производству предварительного следствия.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 19.

Документ № 449.

М.Ю.

Срочно

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

9 февраля 1919 г.

№ 42

г. Шемаха

В Шемахинское Уездное Полицейское Управление

Прошу Уездное Полицейское Управление сделать распоряжение о дознании местожительства в настоящее время гражданина гор. Шемахи Насрулла бека Алиева и бывшего Начальника Шемахинской Почтово-Телеграфной Конторы Гульбандова.

Следователь: подпись.

Резолюция: Приставу гор. Шемахи.

Исполнить непосредственно.

Февраля дня 1919 года.

За Шемахинского Уездного Начальника.

Резолюция: Срочно предлагать Городскому Приставу исполнить требование Следователя.

Подпись. 10. II. 1919 г.

На обороте: Срочно.

Приставу г. Шемахи.

Исполнить по резолюции.

Февраля 11 дня 1919 г. № 155\ 1919 г.

За Уезд. Начальника: подпись.

Надпись: Сообщаю Г. Следователю Шемахинсакого Уездно-Городского Следственного Участка, что Насрулла бек Алиев в настоящее время проживает в гор. Баку на Нижнее-Нагорной улице в доме № 80.

Февраля 16 дня 1919 г.

За Пристава города Шемахи: Фаталиев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 22.

Документ № 450.

М.Ю.

Срочно

Шемахинский

Уездно-Городской

Следственный Участок

9 февраля 1919 г.

№ 41

г. Шемаха

дело № 6

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

На основании Вашего Постановления от 4 ноября 1918 года за № 421 прошу зависящего распоряжения о дознании местожительства в настоящее время гражданина города Шемахи Насрулла бека Алиева и бывшего Начальника Шемахинской Почтово-Телеграфной Конторы Гульбандова, о чем мною также сообщено в Шемахинское Уездное Полицейское Управление.

Надпись : Отношение мое за № 33 от 6 сего февраля прошу оставить без исполнения, в виде того, что дознание по делу Геогджаева получена 9 февраля с.г.

Следователь: подпись.

На обороте: Следователю Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка.

Настоящее отношение со справками Адресного стола возвращаю Вам.

24 февраля 1919 года, гор. Баку.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Пом. делопроизводителя: подпись.

Резолюция: К делу Геогджаева.

8 марта 1919 года.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 23.

Документ № 451.

Постановление

1919 года, Февраля 10 дня. Гор. Шемаха.

Я, Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка, рассмотрев дознание Бакинской полиции по делу ограбления жителя гор. Шемахи, Насрулла бека Алиева однокорожанинами его братьями Геогджаевами, нашел, что во время мартовских событий в 1918 году в городе Шемахе жители города Шемахи братья Геогджаевы, пользуясь общим беспорядком в городе и отсутствием твердой власти, насильно, однако без опасности жизни, увели из квартиры и посадили в подвал дома, где жил Николай Геогджаев, продержав его так 3 суток, однокорожанина своего и соседа Насрулла бека Алиева с целью беспрепятственного разграбления его квартиры, причем ими и была разграблена квартира и имущество потерпевшего, а потому и на основании 396 ст. Уст. Уг. Суд., **Постановил:** жителей города Шемахи Александра, Артема и Николая Саркисовичей Геогджаевых привлечь к следствию в качестве обвиняемых предъявив им обвинение в том, что они в марте 1918 года в городе Шемахе, пользуясь общим беспорядком и отсутствием твердой власти, насильно, однако же без опасности для жизни, увели из квартиры и посадили в подвале дома, где жил Николай Геогджаев, продержав таким образом 3 суток, однокорожанина своего и соседа Насрулла бека Алиева с целью беспрепятственного разграбления его квартиры и имущества, причем они ограбили упомянутого Алиева ковры, обстановку, золотые и серебряные вещи и домашнюю утварь, всего на сумму около 200.000 руб., т.е. в преступлении, предусмотренного 1642 ст. Улож. о Наказ.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 20.

Документ № 452.

Справка

Задержанный полицией по обвинению в ограблении Насрулла бека Алиева, один из братьев Геогджаевых – Александр Саркисович Геогджаев – препровожденный следователем Шемахинского участка 5 декабря 1918 года без дознания, 30 декабря сего года он же был освобожден из-под стражи в виду неполучения, несмотря на неоднократные запросы, Бакинского Полицеймейстера, дознания по делу.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 21.

Документ № 453.

Постановление

1919 года, Февраля 12 дня. Гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка, в камере своей, приняв во внимание 1. что, освобожденный из-под стражи Александр Сарикисович Геогджаев (справка моя от 12 февраля) привлечен к следствию в качестве обвиняемого проживает в настоящее время в гор. Баку и, 2. что о допросе его в качестве обвиняемого посылается отдельное требование следователю гор. Баку в участке которого проживает обвиняемый, **Постановил:** просить Следователя гор. Баку, в участке которого проживает обвиняемый Александр Геогджаев, принять после допроса его, меру пресечения способов уклоняться от Суда.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 21.

Документ № 454.

Бакинскому Полицмейстеру

Представляю со справкой.

21 февраля 1919 г., № 124.

Пристав Романинского уч. Бакинского Полицмейстера: Шпак (подпись).

Письмовод.: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 27

Документ № 455.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции.**

Срочно

Справка

В Центральный адресный стол

Фамилия, имя, отчество и звание:

Насрулла бек Гаджи Алекпер бек оглы Алиев гражданин г. Шемахи
19 февраля 1919 г. № 805

Заведующий 2-м столом: подпись.

На обороте: Справка

Где живет или куда выбыл

Выбыл 14 сентября \16 с Колюбакинской, 16 в Шемаху.

21.П. 19 г.

Дежурный: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 24

Документ № 456.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции.**

Срочно

**Справка
В Центральный адресный стол**

Фамилия, имя, отчество и звание:

Гульбандов

Других сведений нет.

19 февраля 1919 г. № 805

Заведующий 2-м столом: подпись.

На обороте: *Справка*

Где живет или куда выбыл

Укажите точные фамилию, имя, отчество и национальность.

21.П. 19 г.

Дежурный: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 25

Документ № 457.

М.Ю.

Шемахинский

Уездно-Городской

Следственный Участок

5 марта 1919 г.

№ 132

г. Шемаха

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

Прошу сделать зависящее распоряжение о дознании местожительства в настоящее время бывшего Армянского Архиепископа гор. Шемахи **Баграта** и бывшего начальника Шемахинской Почтово-Телеграфной Конторы **Гульбандова**.

Следователь: подпись.

На обороте: В Шемахинский Уездно-Городской Следственный участок.

Со справкою адресного стола.

24 марта дня 1919 г., № 2901.

Помощник полицмейстера: подпись.

Делопроизводитель: подпись.

Резолюция: К делу. 27 марта.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 28

Документ № 458.

Управление Начальника

Бакинской Городской Полиции.

Срочно

**Справка
В Центральный адресный стол**

Фамилия, имя, отчество и звание:

Баграт, бывший армянский Архиепископ г. Шемахи

Гюльбандов, быв. Начальник Почтово-Телеграфной конторы гор. Шемахи

16 марта 1919 г. № 2901

Заведующий 2-м столом: подпись.

На обороте: *Справка*

Где живет или куда выбыл

1. Не значится

2. Уточните имя и отчество.

Дежурный: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 29

Документ № 459.

М.Ю.

Шемахинский

Уездно-Городской

Следственный Участок

4 марта 1919 г.

№ 127

г. Шемаха

дело № 6- 1919 г.

Господину Следователю гор. Баку,

в районе которого Нижнее-Нагорная улица

На основании 292 ст. Уст. Угол. Суд., прошу Ваше Высочорodie допросить в качестве потерпевшего с соблюдением 307 ст. Уст. Угол. Суд. Насрулла бека Алиева, прожив. по Нижнее-Нагорной ул. дом № 8, задав ему кроме обычных вопросов следующие вопросы:

- 1) Когда и при каких обстоятельствах был ограблен его дом и имущество.
- 2) Кто посадил его и его семейство в подвале дома Николая Геогджаева, какими обстоятельствами (были ли угрозы, насилие, побои) это сопровождалось, и как долго он там просидел. Кто из его семейства был вместе с ним посажен в подвал.
- 3) Каким образом он, сидя в подвале, видел как расхищали его имущество и кто расхищал: кто из его семьи видел, как расхищалось его имущество.
- 4) На каком расстоянии его дом от дома Николая Геогджаева.
- 5) Был ли в подвале, в который был посажен потерпевший окошко и куда он выходил.
- 6) На какой улице в городе Шемахе был его дом, и какой номер этого дома.
- 7) На какой улице в гор. Шемахе был дом Николая Геогджаева и какой номер этого дома.
- 8) Были ли в числе грабителей, кроме Геогджаевых еще и другие, кто именно из бр. Геогджаевых принимал участие в грабеже.

9) Когда и кто перевел его с семьей из дома Николая Геогжаева на квартиру Архиепископа армянского Баграта. Почему его тогда перевели, как долго он и его семья гостили у архиепископа, как к ним там относились.

10) Какое имущество у него ограбили (прошу предложить подробно указать какие предметы и на какую сумму, были у него ограблено).

Кроме того прошу допросить в качестве потерпевших с соблюдением 307 ст. Уст. Уг. Суд. и всех лиц семьи Насрулла бека Алиева, которых он укажет, как сидевших вместе с ним в подвале по сделанной на них ссылке. Ровно прошу допросить с соблюдением 443 ст. Уст. Уг. Суд. и всех свидетелей, проживающих в гор. Баку, по сделанной на них потерпевшими ссылке.

Следователь: подпись.

На обороте: Г. Следователю Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка.

Возвращаю требование № 127 без показания согласно справки, приложенной при сем повестки.

Следователь: подпись.

К делу. 27 марта 1919 г.

Вх. № 144. 29 марта 1919 года.

Надпись: Г. Следователю 2 участка г. Баку.

Прошу о допросе поименованного здесь Насрула бека Алиева, проживающего в г. Баку по Нижнее-Нагорной улице в доме № 80.

Апреля 28 дня, 1919 г. , гор. Шемахи. № 323.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 32-33.

Документ № 460.

Протокол

1919 года, Апреля 18- го дня.

Я, околоточный надзиратель 4 уч. гор. Баку Шафибеков, по существу настоящего переписки спрашивал жит. гор. Шемахи Бакинской губернии и уезда Насрулла бека Алиева, проживающего в гор. Баку, по Н. Нагорной ул., д. № 80, Показал, что Александр, Артем и Николай Геогджаевы во время мартовских событий меня с семьей взяли из нашей квартиры к себе и заперли нас в подвале под замком, 4 сутки держали в этом подвале, угрожая нам убийством, не позволили нам выйти, после чего начали ограбить и утащить наше имущество, в то время я увидел из подвала наше имущество как укладывали из нашей квартиры на арбу, так как подвал, где нас заперли, как раз было в противоположно с моей квартиры.

Подтверждаю свое предыдущее показание, которое показал в 7 – участке, на сумму около 200.000 рублей разного рода домашние и другие вещи. Более ничего показать не имею.

Подпись: Насрулла бек Алиев.

Околоточный Надзиратель: Шафибеков (подпись).

На обороте: 1919 г. 26 апреля.

Г. Шемахинскому уездному Начальнику

На основании ст. 218 Уст. Уг. Суд.

23 апреля 1919 г. № 1285.

Пристав 4 уч. г. Баку: Мамедов (подпись).

Письмоводитель: подпись.

Надпись: Приставу гор. Шемахи.

Дополнить дознание и направить по подсудности.

Апреля 26 дня 1919 года.

За уездного Начальника Старший Полиц.: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 43 об.-44.

Документ № 461.

Протокол

1919 года, апреля 9 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка, в камере своей допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд. нижепоименованного в качестве потерпевшего, причем он показал:

Алескер бек Гаджи Алекпер бек оглы Алиев, житель гор Шемахи, 45 лет, мусульманин, бекского сословия, грамотный, не судился.

17 марта 1918 года, во время первого наступления армян и большевиков на Шемаху, я, моя жена Гюлара и брат Насрулла бек ушли из своего дома, и перешли в армянский штаб, помещавшийся в почтовой конторе. Туда нас, втроем, повели армяне, после того, как они убили проживающего в моем доме Халав бека Меликбекова. В помещении армянского штаба мы пробыли всего сутки. Затем явились братья Александр, Артем и Николай Геогджаевы, вооруженные винтовками и предложили нам перейти в дом Николая и Артема Геогджаевых, так как у них будет безопаснее. Александр Геогджаев при этом, показывая ключи от моей квартиры, сказал, чтобы мы не беспокоились и что вещи наши находятся в целости и сохранности. Геогджаевы повели нас в лавку дома Геогджаевых, где и заперли нас на замок. Николай и Артем Геогджаевы носили нам воду и хлеб и на этой только пище они продержали нас взаперти трое суток. Лавка, в которую мы были заперты, и дом Геогджаевых, в котором нас скрывали, находилась на той же улице, на которой и наш дом, только по другую сторону улицы. Мой дом был как раз напротив того дома, где мы сидели запертыми в лавке и который (дом) принадлежал Геогджаевым. Через щели в двери лавки я вместе с женой и братом Насрулла беком хорошо видели, как из нашей квартиры растаскивалось имущество. Александр Геогджаев между тем каждый день явился к нам и, показывая ключ, уверил, что имущество наше цело. Когда же я выразил желание лично убедиться в правде его слов и пойти домой посмотреть, целы ли вещи, он, Алек-

сандр Геогджаев, сказал, что теперь не время и, что меня могут убить. Сидя в лавке, я ясно слышал между прочим, как ломали сундук, где находились драгоценности. У нас квартира была обставлено богато, вещей было много, почему вещи выносились в течение двух дней. Среди похищавших наши вещи я опознал Александра, Артема и Николая Геогджаевых, Сетрака Шабанова, Агабека и Бабаджана Магакеловых, Исаю (жит. сел. Керкенч, по фамилии мне неизвестный) и многих других, фамилии которых, не знаю. Я видел, как указанные армяне выносили из нашей квартиры ковры, мебель, постель, посуду, стол, шкафы и другие вещи, составившие обстановку квартиры. Из дома были похищены драгоценности: 3-4 бриллиантовые кольца, бриллиантовая двух каратная цепь, часы мужские золотые с цепью, серьги бриллиантовые и яхонтовые, ожерелье жемчужное и много других золотых и бриллиантовых вещей, как пояса женские золотые и др. женские украшения. Всего вещей было похищено на сумму около 200.000 руб. Спустя три дня после того как мы были переведены в дом Геогджаевых, получилась записка от епископа армянского Баграта с просьбой перевести меня, жену и брата моего к нему на квартиру. Нас перевели к епископу и мы у него переждали все остальное время до момента прихода Елисаветпольцев на выручку Шемахинским мусульманам.

Более показать не имею. Прочитано.

Подпись: Алескер бек Алиев.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 30-31.

Документ № 462.

М.Ю.

Срочно

**Шемахинский
Следственный Участок
22 мая 1919 г.
№ 465
гор. Шемаха**

Г. Бакинскому Полицейстеру

Прошу поручить под ответственным Вам чинам полиции дознать адреса проживающих в гор. Баку по неизвестному адресу жит. гор. Шемахи братьев Артема, Александра и Николая Саркисовичей Геогджаевых, арестовать их и препроводить этапным порядком в камеру мою в г. Шемаху.

Следователь: подпись.

На обороте: В Шемахинский Уездно-Городской Следственный участок.

Со справкою адресного стола.

Июня 3 дня 1919 г. № 622

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л.48

Документ № 463.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции**

Справка

В Центральный адресный стол

Фамилия, имя, отчество и звание:

1. Артем Саркисович Геогджаев
2. Александр Саркисович Геогджаев
3. Николай Саркисович Геогджаев

Жители г. Шемахи.

3 июня 1919 г. № 6325

Заведующий 1-м столом: подпись.

На обороте: Справка

Где живет или куда выбыл

1, 2, 3 – не значатся.

3 июня 1919 г.

Дежурный: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 49

Документ № 464.

Повестка

Н. Нагорная № 80. Насрулла бек Алиев.

Следователь 2 Участка гор. Баку приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 112 часам утра мая 20 дня 1919 года, в качестве потерпевшего ПР. по делу № 19.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг. Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: Г. Следователю Шемахинского Уезд.-Город. Уч. без показания передавать за № 323 в виду справки на повестке.

29 мая 1919 г. № 546.

Следователь: подпись.

Справка: Адресат сей повестки Насрулла бек Алиев находится в Шемахе.

18 мая 1919 г, 4 участ. г. Баку.

Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 34.

Документ № 465.

М.Ю.

Шемахинский

Следственный Участок

27 мая 1919 г.

№ 491

гор. Шемаха

Господину Приставу гор. Шемахи

Препровождая при сем 1 повестку, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

На обороте: Следователю Шемахинского Участка.

По исполнении.

Мая 27 дня 1919 г. № 478.

Вр. Пристава гор. Шемахи: (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 35.

Документ № 466.

Протокол

1919 года, мая 26 дня.

Опрошенный по существу настоящего дела потерпевший, житель гор. Шемахи Насрулла бек Алиев подтвердил свое показание, более добавить ничего не имеет.

Подпись: Насрулла бек Алиев.

Вр. и. д. Пристава гор. Шемахи: Фаталиев (подпись).

Надпись: Следователю Шемахинского участка по подсудности.

Мая 28 дня 1919 года.

Вр. и. д. Пристава гор. Шемахи: Фаталиев (подпись).

Резолюция: К делу. 29 мая 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 37.

Документ № 467.

Повестка

Насрулла беку Алиеву, прож. в гор. Шемахе.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 1 дня 1919 года, в качестве потерпевшего по делу ограбления Вас по 1642 ст. Указ. О наказ.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведущие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг. Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 36.

Документ № 468.

Протокол

1919 года, июня 1 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка, в камере своей, допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд. нижепоименованного в качестве потерпевшего, причем он показал:

Насрулла бек Гаджи Алекпер оглы Алиев, жит. гор. Шемахи, 45 лет, мусульманин, бекского сословия, грамотен, не судился.

В средних числах марта месяца прошлого года, когда армяне и большевики делали первый раз наступление на город Шемаху и в городе отсутствовала власть и начинались убийства мусульман, знакомые мои – братья Александр, Николай и Артем Геогджаевы пришли ко мне на квартиру и предложили мне, брату моему Алескер беку и его жене Гюляре Гаджи Ахад кызы перейти из квартиры в более безопасное место, причем они предложили нам спрятаться в духане, находившейся в подвале их – Геогджаевых дома. Мы согласились и перешли. Геогджаевыми никакого насилия над нами учинено не было. Вместе с Геогджаевыми в тот день ко мне на квартиру пришли еще другие штатские и военные армяне, причем все они были вооружены огнестрельным оружием. Среди них я опознал еще и Бабаджана Магакелова (ныне покойного). Геогджаевы посадили нас в духан, заперев дверь на ключ и затворив ставни окна. Ставни были снаружи, и свет доходил в духан только через щели, которые были в двери в окне. Дом, куда мы были переведены, находился на противоположной стороне той же улицы, где был и мой дом и находился почти напротив, но все же под некоторым малым углом. Дверь духана, где мы сидели, выходила на улицу. Геогджаевы ежедневно приносили нам хлеб и воду один раз в сутки и другой пищи не давали. Они также не выпускали нас во двор под тем предлогом, что нам угрожает опасность. Геогджаевы перевели нас ночью в духан. На следующий день я через щель, имевшуюся в двери наблюдал, что происходит около моего дома. Я увидел, что приехали четыре арбы и вслед за тем все братья Геогджаевы стали выносить из квартиры нашей разные вещи и утварь домашнюю. В этой работе им помогали и другие армяне, но их я не опознал. Все же всем распоряжались Геогджаевы. Нагрузив арбы, братья Геогджаевы приказали их вести. Куда именно было увезено

наше имущество, я не знаю и не видел. Затем Геогджаевы в тот же дом и в следующие дни заходили еще к нам в дом и выносили все то, чего не могли нагрузить на арбу. В духане мы просидели трое суток пока епископ армянский Баграт (находиться в Баку, здание армянской церкви) не взял нас к себе. Прибыв к епископу мы рассказали об ограблении нашей квартиры, при чем епископ вызвал Геогджаевых и упрекал их в их поступке относительно нас. Они ему что-то возражали, но я не понял что именно, потому что разговаривали по-армянски. Я только слышал, как епископ несколько раз, обращаясь к Геогджаевым, возмущенно произнес: «стыдно Вам». У меня и брата ограбили все имущество на сумму более 200.000 рублей. Более показать не имею.

Подпись: Насрулла бек Алиев.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 45.

Документ № 469.

М.Ю.

Шемахинский

Следственный Участок

3 июня 1919 г.

№ 321

гор. Шемаха

дело № 6

**Срочно
7 июня**

Г. Приставу гор. Шемаху

Препровождая при сем 1 повестку, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

На обороте: Следователю Шемахинского Участка.

По исполнении. Июня 5 дня 1919 г.

Пристав гор. Шемахи: Дж. Джебраилбеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 46.

Документ № 470.

Повестка

Дело № 6-1919

Жит. гор. Шемахи, жене Гаджи Алескер бека Гаджи Алекпер оглы Алиева - Гюлара Гаджи Ахад кызы Алиевой.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 7 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об ограблении Насрулла бека Алиева

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг. Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 4 июня 19 г. Получила Гюлара Гаджи Ахад кызы, а за нее неграмотную расписался: Гюлара Гаджи Ахад кызы.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 47.

Документ № 471.

М.Ю.

Шемахинский

Следственный Участок

24 июня 1919 г.

№ 753

гор. Шемаха

Дело № 6

Срочно

Г. Приставу гор. Шемаху

Препровождая при сем 1 повестку, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

Надпись: Гюлара Гаджи Ахад кызы, у Али Гейдара.

На обороте: Настоящее отношение с одной врученной повесткой препровождаю господину Следователю Шемахинского участка.

Июня 28 дня 1919 года. № 732.

Пристав города Дж. Джебраилбеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 50.

Документ № 472.

Повестка

Дело № 6-1919

Жит. города Шемахи Гюлара Гаджи Ахад кызы Алиева.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июля 11 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об ограблении Насрулла бека Алиева

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389).

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л.51.

Документ № 473.

М.Ю.

Срочно

**Шемахинский
Следственный Участок**

19 июля 1919 г.

№ 874

гор. Шемаха

Д. № 6

Г. Приставу гор. Шемаху

Препровождая при сем 1 повестку, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

На обороте: Господину Следователю Шемахинского Участка.

По исполнении.

Июля 21 дня 1919 г. № 875

За Пристава гор. Шемахи: Фаталиев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 52

Документ № 474.

Повестка

Дело № 6 – 1919 г.

Жит. города Шемахи Гюлара Гаджи Ахад кызы Алиева

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июля 28 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об ограблении Насрулла бека Алиева

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг. Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: Гюлара Алиева.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л.53.

Документ № 475.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

31 июля 1919 г.

№ 928

г. Шемаха

Д. 6/1919 г.

Г. Тов. Прокурору по Шемахинскому уч.

На обороте сего сообщая, Вашему Высокоблагородию копию постановления моего от 31 сего июля о передаче дела об ограблении квартиры и имущества Насрулла бека Алиева для сведения.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф.2775, оп. 1, д. 503, л. 12.

Документ № 476.

Постановление

1919 г., Июля 31 дня. г. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Уч., принимая во внимание, что расследование дел, возникших в связи с разгромом г. Шемахи во время мартовских событий прошлого года возложено Правительством на Чрезвычайную Следственную Комиссию и ведение следствия по такого рода делам поручено Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, как оно видно из отношения его от 29 июля с.г. за № 4, что происшествие, составляющее предмет настоящего исследования, имело место во время разгрома гор. Шемахи, **Постановил:** настоящее дело препроводить Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, сообщив копию с сего Постановления Тов. Прокурора по Шемахинскому участку.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 56; ф.2775, оп. 1, д. 503, л. 12 об.

& 4. Дело «Об убийстве жит. гор. Шемахи Мешади Али Кулия, Мешади Забуты и Расула Мешади Али Кули оглы с целью ограбления».

13, 1361 и 1634 ст. Улож. о Наказ.

Д. № 52-1919.

Возникло: Мая 19 дня 1919 г.

Окончено: Июня 31 дня 1919 г.

Надпись: Афанасий Яковлевич Безроднов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.94.

Документ № 477.

Протокол

1919 года, мая 6 дня.

Я, околоточный надзиратель 4 участка гор. Баку Субханвердиханов записал в сей протокол следующее: сего числа явился в Управление участка житель гор. Шемахи Бакинской губернии Мешади Ибрагим Мешади Аликули оглы, проживающий по В.Нагорной ул., в доме № 2, туп. 5 и заявил, что во время разгрома Шемахи человек 15 молокан зашли ко мне на дом и ограбили мою квартиру и забрали на 300 тысяч вещей и убили отца Мешади Али Кулия, мать Мешади Забите и брата Расула. Сегодня на Шемахинке опознал одного из этих молокан, у которого опознал из числа десяти лошадей, пропавших в то время. Прошу арестовать этого молокана и привлечь его к законной ответственности. Содержание 940 ст. Ул. О Наказ. заявителю было объявлено и разъяснено.

Неграмотный, за него расписался: Ахад Гусейнов.

Околот. Надзиратель: подпись.

Опрошенный по сему протоколу молоканин, у которого опознан лошадь, Афанасий Яковлевич Безроднов, проживающий в сел. Чухур-Юрт Бакинской губер. Шемахинского уезда, который показал, что я никаких его родителей не убивал и по этому поводу ничего не знаю, лошадь эта своя доморощенная, подозревает потому, что мы с ним сейчас поссорились на постоялом дворе. Больше ничего по сему показать ничего не имею. Афанасии Безроднов: подпись.

Околот. Надзир.: подпись.

Постановил: Изложенное записать в сей протокол с лошадью и Афанасием безродным представить на распоряжение Г.-на Пристава.

Окол. Надзир.: подпись.

Резолюция: Дежурному Надзирателю.

Произвести дознание.

8 мая 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 95.

Документ № 478.

Протокол предъявления

1919 года, мая 7-го дня

Я, околоточный над. 4 уч. Шафибеков согласно резолюции Г.-на Пристава местного участка предъявил задержанного молоканина Афанасия Безродного ниженаписанным свидетелям, которые они указали, что мы не можем в отдельности указать обвиняемого и опознать его, так что, кого они ограбили он только может в точности опознать, потому, что они были много, кто им попал, молоканин всех ограбили.

Околоточный надз.: Шафибеков (подпись).

Опрошенные по сему делу в качестве свидетелей: 1) Заман Гусейн Кули оглы, проживающий В.Тазапирской ул. д. № 149; 2) Сархан Кербалай Абдулкерим оглы Мамедов, проживающий В. Тазапирской ул. д. № 151, которые показали, что мы хорошо знаем, что заявителя Меш. Ибрагима ограбили и увезли молоканин его лошадей десяти штук и в том числе была и это лошадь, которая сейчас задержана;

Содержание 940 ст. свидетелям было объявлено и разъяснено.

Свидетели: За Замана Гусейн Кули оглы и за себя расписался: Сархан Кербалай Абдул Керим оглы (арабскими буквами).

Околоточный над.: Шафибеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 95 об.-96

Документ № 479.

Подписка

1919 года, мая 8-го дня.

Я, нижеподписавшийся житель гор. Шемахи Бакинской губернии и уезда, Мешади Ибрагим Расулов, проживающий по Н.Нагорной ул. в д. № 2, туп. 5, даю сей подписку Г.-ну Приставу 4 уч. Гор. Баку о том, что беру свою опознанную лошадь на поруки до особого распоряжения и обязуюсь по первому требованию доставить.

За неграмотности Меш. Ибрагима и по его просьбе расписался: Подпись (арабскими буквами).

Околоточный надзиратель: Шефибеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 96

Документ № 480.

Подписка

1919 года, мая 8-го дня.

Я, нижеподписавшийся житель сел. Маразы Шемахинского уезда, Михаил Васильевич Хитяев, постоянно проживающий в гор. Баку, по Кубинской ул., в доме № 33, даю сие подписку Приставу 4 участка в том, что беру на поруки жит. сел. Маразы Афанасия Яковлевича Безродного, проживающего

ныне в сел. Чухур-Юрт Шемахинского уезда и обязуюсь доставить его по первому требованию судебной и административной властей, в противном случае отвечаю перед законом, как лично, так и имущественно в чем и собственноручно подписуюсь.

М.Хитяев: (подпись).

Пристав: подпись.

Надпись : Г. Шемахинскому Уездному Начальнику.

На основании 208 ст. Уст. Угол. Судопр.

10 мая 1919 г. № 267.

Пристав 4 уч. Гор. Баку: подпись.

Письмоводитель: подпись.

Резолюция: Приставу гор. Шемахи для расследования.

Мая 18 дня, 1919 г.

За Шемахинского уездного Начальника: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 96 об.

Документ № 481.

Протокол

1919 года, мая 19 дня.

Я, помощник Пристава города Шемахи Фарзалиев, составил настоящий протокол о нижеследующем:

Опрошенный потерпевший житель города Шемахи Мешади Ибрагим Мешади Али Кули оглы подтверждая свое заявление, добавил, что во время мартовских событий в числе 15-ти молокан, которые убивали его родителей, находился и Афанасий Яковлевич Безроднов и в этот же день увели его лошадей. Более показать ничего не имеет. Неграмотный.

Мешади Ибрагим Мешади Али Кули оглы, и за него неграмотного по его личной просьбе расписался Салман Пашаев: подпись.

Помощник Пристава гор. Шемахи: подпись.

Надпись: Настоящую переписку переправляю г. Следователю Шемахинского участка.

Мая 18 дня 1919 г.

Помощник Пристава гор. Шемахи: подпись.

Получил: 19 мая 1919 года.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 97

Документ № 482.

Постановление

1919 года, Мая 19 дня, гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского участка в камере своей рассмотрев это дознание и имея в виду:

1) что, в происшествии, составляющем предмет дознания, заключается пр. пр. пр. Улож. о Наказ. и подсудного Бакинскому Окружному Суду,

2) что, таковое преступление совершено в районе Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка,

3) что, дознание это служит законным поводом к начатию следствия и в данном случае имеется достаточное к тому основания, руководствуясь 200, 208, 262, 288, 1 п. 289 и 297 ст. ст. У.У.С.,

Постановил: По настоящему делу приступить к производству предварительного следствия.

Следователь: подпись.

Надпись: Первоначально предупредить Тов. Прокурора. 19 мая 1919 г.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 97 об.

Документ № 483.

Протокол

1919 года, Мая 19-го дня.

Ко мне, Помощнику пристава города Шемахи Фарзалиеву явился житель города Шемахи Мешади Ибрагим Мешади Али-Кули оглы и заявил, что сего числа он в городе Шемахе опознал своего хомута и вожжи у молоканина, проживающего в сел. Чухур-Юрт Афанасия Яковлевича Безродного, у которого 6-го сего мая в городе Баку опознал одну лошадь, и что этот хомут и вожжи были похищены во время мартовских событий вместе с лошадьми. Заявитель Мешади Ибрагим добавил, что во время мартовских событий зашли к ним в дом 15 человек молокан и убивали его мать Мешади Забиту, отца Мешади Али-Кулия, и брата Расула, в числе коих был и поименованный выше Афанасий Яковлевич Безроднов. Заявитель просит арестовать этого молоканина и привлечь его к законной ответственности. Содержание 940 ст. Ул. о Наказ. заявителю объявлено. Неграмотный.

За него по его личной просьбе расписался: Солтан Пашаев (подпись).

Помощник Пристава: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 98.

Документ № 484.

Протокол

1919 года, Мая 19-го дня.

Опрошенный по сему делу проживающий в сел. Чухур-Юрт Афанасий Яковлевич Безроднов показал, что он родителей названного Мешади Ибрагима не убивал и по этому делу ничего не знает, и что познанные у него хомут и вожжи принадлежат ему, хомут этот сделал ему его брат плотник Иван Яковлевич Безродной, что может подтвердить жители сел. Маразали Тимофей Антонович Попов и Михаил Филиппович Трещелёв. Более показать ничего не имеет.

А.Я. Безроднов: подпись.

Помощник Пристава гор. Шемахи: подпись.

Надпись: Настоящий протокол с Афанасием Яковлевичем Безродновым и под подпискою жителя города Шемахи Абиля Гюль Мамед оглы – препровожаю Г. Следователю Шемахинского участка

Мая 19 дня 1919 г.

Помощник Пристава гор. Шемахи: подпись.

Резолюция: Присовокупить производственному следствию.
20 мая 1919.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 98 об.

Документ № 485.

Подписка

1919 года, мая 19 дня.

Я, нижеподписавшийся житель города Шемахи Абиль Гюль Мамед оглы, даю сие подписку Помощнику Пристава города Шемаха Фарзалиеву в том, что сего числа принял на хранение один хомут и вожжи, опознанные жителем города Шемахи Мешади Ибрагимом Мешади Али-Кули оглы у молоканина, проживающего в сел. Чухур-Юрт, Афанасия Яковлевича Безроднова, обязуясь доставить по первому требованию, в чем подписуюсь. Абиль Гюль Мамед оглы, и за него, неграмотного, по его личной просьбе расписался: Салман Пашаев (подпись).

Пристав города Шемахи: Фарзалиев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 99.

Документ № 486.

Пристав

Города Шемахи

19 мая 1919 г.

№ 495

Гор. Шемаха

Г. Следователю Шемахинского Участка

В дополнение к надписи моей от сего числа за № 495 сообщаю, что по просьбе проживающего в сел. Чухур-Юрт, Афанасия Яковлевича Безроднова хомут отобран от жителя гор. Шемахи Абиля Гюль Мамед оглы и предан старшине Чухур-Юртского общества Петру Николаевичу Дирину под расписку, которую при сем препровожаю в взамен расписки, отобранной у вышеупомянутого Абиля Гюль Мамед оглы.

Помощник Пристава города Шемахи: Фарзалиев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 100.

Документ № 487.

Подписка

19 Мая 1919 года.

Я, нижеподписавшийся старшина сел. Чухур-Юрт Петр Дирин, даю сие расписку Господину Шемахинскому Городскому Приставу в том, что опознанные сего числа жителем города Шемахи Мешади Ибрагимом Мешади Али-Кули оглы у жителя сел. Маразы-русское Афанасия Яковлевича Безроднова хомут и вожжи принял на хранение и обязываюсь в целости представить по первому требованию властей, в чем svoеручно расписуюсь.

Старшина Дирин: (подпись).

Подписку отобрал Помощник Пристав города Шемахи: Фарзалиев (подпись).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 101.

Документ № 488.

Протокол

1919 год, Мая 21 дня.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Уч. в камере своей в г. Шемахе допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с собл. 307 и 443 ст. У.У.С. и он показал:

Я – Мешади Ибрагим Мешади Али-Кули оглы, 36 л., магометанин, неграмотный, не суд. жит. гор. Шемахи.

В прошлом году я держал почту и фургон в гор. Шемахе. В то время, когда Шемахой завладели молукане, я однажды под вечером в сумерки находился у себя в «Караван-сарая» (заезжем доме) в г. Шемахе. В то время я увидел, что во двор вошел один вооруженный винтовкой молуканин. Я спрятался и из-за стен видел, что вслед за ним вошло тоже во двор еще несколько вооруженных винтовками и берданками молукан, числом приблизительно, 15-ти. Во дворе в то время стояло моих 12-ти лошадей, из которых 10-ти были запряжены в два фургона, а две, большие стояли без упряжки. Я видел, как вошедшие молукане подошли к моим фургонам и стали распрягать лошадей. Я побежал к себе домой; дом мой отстоял от «караван-сарая» приблизительно саженьях в 70-80-ти. Дома я застал своего отца Мешади Али-Кули Расулова, свою мать Мешади Забиту Ага Наби кызы и своего брата Расула. Я сказал им, что в «караван-сарай» пришли молукане и похитили наших лошадей, а потому посоветовал своим домашним бежать. Отец и мать стали собирать деньги и зашивать их в одежду; не прошло минут 15-ти после моего прихода в дом, как в ворота раздался стук, я выглянул из двери и увидел, что к нам идет тот же молуканин, который первым вошел в «караван-сарай»; я через другую дверь выбежал из дома на балкон и прикинувши к окну, выходящему из комнаты на балкон, видел как этот молуканин выстрелом из своей винтовки убил моего отца, после чего к нему подошли еще как-то трое вооруженных молуканина, но не из тех, которые были в заезжем дворе (Караван-сарая). Мать моя бросилась им в ноги, прося их не убивать ее, но который-то из пришедших молукан убил из вин-

товки и ее. Между прочим после убийства отца один молоканин сказал убившему, что не нужно было сразу убивать, а нужно было сначала узнать от убитого, где находится золото, т.к. они, т.е. мой отец был богатый человек. После того, как убили мать, я бросился бежать к своему дяде Келба-Кериму Расул оглу, которому и рассказал о случившемся. Дядя пошел тогда же по направлению к нашему дому, я спрятался в «тандире» (татарской печи), где просидел до глубокой ночи, а потом ночью бежал в Ахсу, а оттуда в Геокчай. Когда турки заняли Шемахинский уезд, я со своим дядей Келба Керимом, с которым я встретился по дороге, пришли в Шемаху; дома я застал у себя лишь кости убитых отца и матери, которые мы с дядей и похоронили. Дядя мне при этом рассказал, что получив сведения от меня о нападении на наш дом четырех молокан и об убийстве моих родителей, он пошел в наш дом, где посметрел убитых, но в то же время был ранен в плечо каким-то молоканином. Подробностей об этом поранении дядя мне не говорил. Был ли убит во время этого нападения на наш дом и мой брат Расул, а равно где и при каких обстоятельствах он был убит, я не знаю; только с того времени до сих пор брат не возвратился в Шемаху, почему я и думаю, что он тоже убит. По костям, которые я нашел в доме по возвращении из бегства, я не мог узнать, были ли тут кости от брата или только от отца и матери, т.к. я тогда совсем потерял голову и ничем не мог соображать. Кроме того, я не мог узнать это еще и потому, что во время моего нахождения в бегах дом наш сгорел и кости убитых родных я нашел под развалинами дома, по этой причине я не могу сказать были ли похищены у нас убийцами деньги и вещи. Молокан, убивших моих родителей, я раньше не видел, но во время убийства я все же рассмотрел их настолько, что в случае предъявления могу их опознать. Один из этих молокан, тот именно, который первым вошел в «караван-сарай», а затем первым же и в наш дом и убил моего отца, приблизительно среднего роста, с усами и маленькой бородкой желтоватого цвета, худой; другой из убийц был такого же роста, как и первый, черноволосый, с черноватыми усами и такой же окладистой бородой, толстый, здоровый; третий был старичок с белыми усами и такой же бородой, высокий, тоненький, этот именно старичок и говорил во время убийства, что не нужно было сразу убивать моего отца, а сначала выяснить, где храниться золото; четвертый убийца был моложе всех остальных своих товарищей, с черноватыми небольшими усами и чуть заметной бородой. Других примет убийц я не помню. Из тех молокан, которые пришли в «караван-сарай», я никого, кроме первого, не рассмотрел и при предъявлении не опознал. Живя в последнее время в Баку, я обыкновенно выходил смотреть проходящие фургоны и вот дней 15-ть тому назад в «караван-сараяе» в Баку, где останавливаются Шемахинские фургоны, я увидел у одного из фургонов четыре извозных лошади, в одной из которых я опознал свою, похищенную у меня в «караван-сараяе» в Шемахе в описанное выше время. Когда я увидел тогда же хозяина этих лошадей, то в нем самом я опознал того молоканина, который во время нападения на наш дом убил моего отца и который пред этим первым пришел в наш Шемахинский «караван-сарай». Опознав этого молоканина, я сказал городовому, который и отвел его в

участок, где его арестовали и отправили в Шемаху. Когда я сейчас ехал из Баку сюда, то в Кюрдамире, отправившись в «караван-сарай», нанимал фургон для поездки в Шемаху, я опознал там другую из похищенных у меня при нападении, лошадей; я тотчас же заявил об этом Кюрдамирскому Приставу, который отобрал опознанную мною лошадь у владельца его, какого-то молоканина, составил протокол и направил сюда. Более добавить не имею. Неграмотен.

Переводил: подпись.

Следователь: подпись.

Добавляю, что кроме той лошади, которую я опознал на заезжем дворе в Баку, я опознал у того же молоканина свой хомут и вожжи, но не в Баку, а уже в Шемахе, когда этот молоканин прибыл со своими фургонами в Шемаху. В Баку я не видел своего хомута и вожжей у этого молоканина. Этот молоканин был арестован не в Баку, как Вы записали выше, а уже здесь по прибытию в Шемаху. Ровно здесь в Шемахе я опознал два своих хомута у того же молоканина, у которого я опознал свою лошадь в Кюрдамире. Прочитано.

Переводил: подпись.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 102-103.

Документ № 489.

Протокол

1919 год, Мая 21 дня.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Уч. в камере своей в г. Шемахе допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с собл. 307 и 443 ст. У.У.С. и он показал:

Кербалай Керим Расул оглы, жит. гор. Шемахи, 35 лет, мусульманин, мещанин, неграмотный, не судился, дядя Мешади Ибрагима Мешади Али-Кули оглы.

В прошлом году, когда после взятия Шемахи армянами и большевиками, в город ворвались молокане и, пользуясь отсутствием какой-либо власти, стали беспощадно убивать мусульман и расхищать их имущество, как то раз перед вечером (не помню какое тогда было число марта месяца) ко мне прибежал племянник мой – Мешади Ибрагим Мешади Али-Кули оглы (я жил в Верхней части города, дом же, в котором жили племянник мой с родителями был в Нижней части) и закричал: «дядя, дядя, моих родителей только что убили молокане, надо бежать». В этот же момент, увидев через окно, что за ним гонятся трое вооруженных молокан, он убежал из дома и скрылся, как потом я узнал, в печке. Я тотчас же последовал за своим племянником. Еле успел я выйти из дверей (я вышел из дверей, ведущих во двор, молокане же подошли с улицы, преследуя Мешади Ибрагима, как неподалеку сзади я увидел трех молокан с винтовками, направленными на меня. Один из них крикнул: «не беги!»). Я все же, увидев молокан, пустился бежать. За мной раздалось несколько выстрелов, одним из которых я был легко ранен в правое плечо

(у свидетеля было осмотрено мной плечо: рана поверхностная, совершенно зажившая, повреждений костей нет, рукой владеет свободно). Все же я бежал дальше и, перепрыгнув через забор, отделявший мой двор от соседнего двора, я скрылся от преследований молокан. Дождавшись ночной темноты, я отправился к дому моего брата и увидел трупы брата моего Али-Кули Расул оглы и его жены Забиты, лежавшие на балконе дома, труп же моего другого племянника – Расула Али-Кули оглы лежал во дворе дома, шагах в 5-6 от балкона. В этот же вечер, потрясенный картиной убийства брата моего и его семьи, я убежал в Геокчай (моя семья до этого уехала туда), где встретился с Мешади Ибрагимом. Имени молокан, стрелявших по мне, не знаю, но опознать мог бы, хотя с трудом, потому, что тогда были сумерки и я их разглядел плохо. Более показать не имею. Неграмотный.

Перевел: подпись.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 103 об.-104.

Документ № 490.

Постановление

1919 год, Мая 22 дня. Гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка, рассмотрев настоящее дело, нашел: до разрушения гор. Шемахи армянскими и большевистскими войсками, житель гор. Шемахи, Мешади Ибрагим Мешади Али-Кули оглы занимался извозным промыслом и держал лошадей и фургоны в своем «Караван-сарае». Когда в прошлом году Шемаха была взята молоканами и армянами, и в городе за отсутствием твердой власти порядка начались разбои и убийства, что в один день перед вечером в «Караван-сарай» Мешади Ибрагима ворвались приблизительно человек 15 вооруженных огнестрельным оружием молокан, из которых один – блондин с короткой бородой шел впереди, с целью похищения открытой силой лошадей и фургонов. В это время Мешади Ибрагим находился в Караван-сарае и он, заметив злые намерения вошедших, успел скрыться в своем Караван-сарае незаметно для вошедшего молокан и видел, как молокане подошли к фургонам и стали выпрягать лошадей. Улучив момент, Мешади Ибрагим выбрался из своего убежища и поспешил к себе домой, отстоящего от Караван-Сарая в 70-80 саженьях, чтобы предупредить своих родителей и брата о грозящей им всем опасности и приготовиться к бегству. Когда отец Мешади Ибрагима зашивал деньги в платье, готовясь покинуть город и искать более спокойного места, спустя 15 минут после прихода в дом родителей Мешади Ибрагима, в калитку дома слышался стук. Мешади Ибрагим выглянув в окошко, увидел, что стучит тот самый молоканин, который первым вошел в Караван-Сарай. Не ожидая ничего доброго, Мешади Ибрагим вышел в другую комнату и через окошко, выходившее на балкон, видел, что когда на стук, произведенный молоканином вышел отец его Мешади Али –Кули Расулов, то этот молоканин выстрелом из винтовки убил его наповал. После убийства старика Расулова, к этому молоканину подошли еще трое

вооруженных молокан, причем один из них сказал, что напрасно поторопились убивать старика, что сперва надо было выведать у него, где он хранит деньги и драгоценности. Такая же участь постигла и мать Мешади Ибрагима Мешади Забиту Ага Наби кызы, которая выйдя после убийства своего мужа к молоканам, была убита кем-то из них выстрелом из винтовки. В это время Мешади Ибрагиму удалось незаметно от молокан выйти из своего дома и добраться до дома своего дяди Кебла Керим Расул оглы, которому он и рассказал о происшествии. Кебла Керим пошел к дому Мешади Ибрагима, сам же Мешади Ибрагим просидел до ночи в доме своего дяди, а затем, опасаясь за свою жизнь, бежал ночью в Геокчай. Вернулся он из Геокчая после прихода турок, пришел к себе домой, но нашел дом сгоревшим и под грудями камней, кости своих родителей. Переселившись после этого в Баку, Мешади Ибрагим ходил часто на базар и присматривался к лошадям и фургонам в надежде опознать свои. Это ему удалось числа 6 мая, когда он опознал в Баку на базаре одну из своих похищенных у него лошадей и молоканина, убившего его отца и вошедшего первым в Караван-сарай. Молоканин этот оказался жителем сел. Марази Афанасием Яковлевичем Безродновым, поэтому руководствуясь 396 ст. Уст. Уг. Суд. Постановил: жителя сел. Марази Афанасия Яковлевича Безродного привлечь в качестве обвиняемого по сему делу, предъявив ему обвинение в том, что он в один день марта месяца прошлого года, перед вечером, будучи вооруженным огнестрельным оружием вместе с другими, следствием не обнаруженными вооруженными молоканами, числом около 15 человек, ворвался в Караван-Сарай жителя гор. Шемахи Мешади Ибрагима Мешади Али-Кули оглы и там открытой силой похитил 10 лошадей с упряжкой и фургона, и совершив это преступление, направился вместе с другими тремя, следствием не обнаруженными вооруженными молоканами в дом Мешади Ибрагима Мешади Али-Кули оглы, где выстрелом из винтовки убил отца последнего – Мешади Али-Кули Расул оглы, т.е. в преступлении, предусмотренным 13, 1631 и 1634 и 2 ч. 1459 ст. ст. Улож. о Наказ.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 105-106.

Документ № 491.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года, мая 22 дня, гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Участка допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого в разбойном нападении и он показал:

ВОПРОСЫ :

ОТВЕТЫ :

1. Фамилия
Имя
Отчество

Безроднов
Афанасий
Яковлевич

2. Звание	крестьянское
3. Место прописки: губерния уезд деревня или село	Бакинская Шемахинский Маразы
4. Возраст во время совершения проступка	28 лет
5. Место рождения: губерния уезд Шемахинский деревня или село	Бакинская Маразы
6. Постоянное место жительства	сел. Маразы
7. Рождение (законное и не законное)	законное
8. Народность и племя	русский
9. Религия	духовный-христианин
10. Образование	молограмотный
11. Семейное положение	женат, трое детей-сын и две дочери
12. Занятие	хлебопашец
13. Имеет ли недвижимое имущество дом там же	имеет недвиж. в сел. Маразах и
14. Отношение к воинской повин.	отбыл в 1914 году
15. Приметы	блондин, носит усы и бороду русого цвета, глаза синие
16. В каких отношениях подсудимой состоял к пострадавшему	посторонний
17. Случай прежней судимости	не судился

Афанасий Безроднов: Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении (было предъявлено обвинение согласно постановлению моему от сего числа). В свое оправдания показываю: Я повез в Баку муку для продажи. Приехал в Баку 5 сего мая. Мука находилась у меня на фургоне, с которым и остановился на Кубинской площади. На следующий день после обеда к фургону моему подошли два мусульманина – один из них Мешади Ибрагим (по отчеству мне неизвестный)- Шемахинец с другим каким-то, которого я видел первый раз. Подойдя к фургону, Мешади Ибрагим спросил, за что я бью лошадей (лошади у меня грызлись между собой и я ударил их кнутом). Я ответил ему: «уходи прочь, не твое дело», Мешади Ибрагим, отойдя после этих слов в сторону, закричал: «Не я буду, если этих лошадей у тебя не отберу». Мешади Ибрагим раньше, когда Шемаха была цела, занимался извозным промыслом, я тоже был фургонщиком и возил разные продукты в Баку. Мы были знакомы. Мешади Ибрагим со своими родителями (отцом Али-Кули,

матерью Забутой) и своим братом убежал до разгрома Шамахи в Геокчай, и заявление Мешади Ибрагима о том, что отец его, мать и брат убиты в Шемахе во время беспорядков сплошная лож. Они же, убегая из Шемахи, взяли с собой все свое имущество и лошадей. Более показать не имею.

Подпись: Афанасий Безроднов.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 107-108.

Документ № 492.

Постановление

1919 год, Мая 22 дня. Гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка допросил сего числа крестьянин сел. Марази Шемахинского уезда Бакинской губернии Афанасия Яковлевича Безродного, 28 лет, обвиняемого в разбойном нападении и принимая во внимание, что хотя обвиняемый в сем преступлении не признался, но у него опознан потерпевшим Мешади Ибрагимом Али-Кули оглы лошадь и хомуты, которые во время разбойного нападения были похищены у него, что наказание за это преступление связано для обвиняемого с лишением всех прав, руководствуясь в 416, 419 и 421 ст. ст. Уст.Уг.Суд **Постановил:** мерою для пресечения обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда по сему делу Афанасию Яковлевичу Безродному избрать содержание его под стражей в Геокчайской тюрьме.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 109.

Документ № 493.

Протокол предъявления

1919 года, мая 28 дня, город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка в присутствии нижеподписавшихся понятых предъявил обвиняемого по сему делу Афанасия Безродного в числе других двенадцати человек молокан пострадавшему Кербалай Кериму Расул оглы, который, подойдя к Безродному, сказал: «вот молоканин, гнавшийся за мной еще с двумя какими-то».

Следователь: подпись.

Понятые: подписи.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.100.

Документ № 494.

**Его Высокоблагородию
Господину Следователю Шемахинского участка**

Содержащегося под стражей жителя сел. Маразы-русское

Афанасия Яковлевича Безроднова

Прошение

По поводу сегодняшнего предъявления меня родному дяди жалобщика Мешади Ибрагима Али Кули оглы честь имею заявить Вашему Высокоблагородию, что со дня задержания меня, Мешади Ибрагим неоднократно приводил этого человека к зданию, где мы содержимся под стражей и до того ознакомил его с моей личностью, что он чуть ли не с сомкнутыми глазами узнает меня, да и без того он меня раньше знал.

Жалобщик Мешади Ибрагим возбудил свою жалобу по вражде, создавшейся у него при следующих обстоятельствах: он появился в гор. Баку на постоянный двор, где опознавал то у того, то у другого лица лошадей за своих; видя бессовестные поступки Мешади Ибрагима, я стал упрекать его, на что получил от него ругательство; далее на этой почве завязалась между нами ссора, при чем Мешади Ибрагим пришел в такое раздражение, что готов был сделать всякое зло и там же угрожал мне отнятием всех моих лошадей и созданием ложных обвинений, что там же и исполнил.

Все это обстоятельство происходило в присутствии жит. сел. Чухур-Юрт Матвея Ивановича Саламатина и проживающего в сел. Чухур-Юрт Василия Антоновича Никульщина, которые ныне находятся здесь в Шемахе и покорнейше прошу опросить теперь же их, и указанных мною в прошении от 24 мая свидетелей Пашу Мешади Мухтар оглы и Иззят Молла Магерам кызы и по подтверждении ими справедливости моего заявления освободить меня из под ареста. Если же не найдете справедливым освобождения меня, то прошу отдать меня на поруки под имущественное обеспечение или под залог.

Мешади Ибрагим хорошо знает меня издавна и как он заявляет, что я убил отца и др. и совершил прочие преступления, то почему же он не заявил об этом более чем в продолжение целого года и это свидетельствует, что он создал жалобу по вражде.

Опознанная Мешади Ибрагимом лошадь, есть моя доморощенная и находилась все время у меня без передачи кому-либо, в грабежах и др. преступлениях я никогда не принимал участия и безупречное мое поведение хорошо известно проживающим в сел. Чухур-Юрт односельцам моим Леону Маркевичу Сусоеву, Михаилу Степановичу Попову, Михаилу Филипповичу Трущелеву, Тимофею Антоновичу Попову, Григорию Артемовичу Хныкину, Порфену Сидоровичу Тушеву, Ивану Емельяновичу Сильвестову, Михаилу Ивановичу Безродному и даже всему обществу. Все эти свидетели также ныне находятся в г. Шемахе и я покорнейше прошу опросить их в целях правосудия, избавить меня невинного от томления под стражей.

Афанасий Яковлевич Безроднов. 28 мая 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.111.

Документ № 495.

**Шемахинский
Следственный Участок
3 июня 1919 г.
№ 537
г. Шемаха**

Срочно

Господину Приставу гор. Шемахи

Препровождая при сем 2 повестки, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

На обороте: Следователю Шемахинского Участка.

На исполнение.

Июня 5 дня 1919 г.

Пристав гор. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 112.

Документ № 496.

Повестка

Жит. гор. Шемаха Паша Мешади Мухтар оглы.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 6 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог. и др.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: Повестка получена 4 июня 1919 г.

И за него неграмотного расписался: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.113.

Документ № 497.

Повестка

Жит. гор. Шемаха Иззят Молла Магеррам кызы.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 6 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог. и др.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.114.

Документ № 498.

**Шемахинский
Следственный Участок**

3 июня 1919 г.

№ 538

г. Шемаха

Срочно

Господину Приставу Матрасинского участка

Препровождая при 10 повесток прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

Резолюция: Чухур-Юртскому старосте.

Исполнить непосредственно.

Июня 5 дня 1919 г.

Матрасинский Пристав: подпись.

На обороте: В. срочно. По исполнении представляю Его Высогоблагородию Г. Следователю Шемахинского Следственного участка.

10 июня 1919 г.

Чухурт-Юртский старшина: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 115.

Документ № 499.

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт Василию Антоновичу Никульщину.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 8 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 7 июня 1919 г. Повестку получил.

Василий Никулин (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 116.

Документ № 500.

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт Матвею Ивановичу Саламатину.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 8 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 5 июня 1919 г. Повестку получил.

Матвей Саламатин (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 117.

Документ № 501.

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт Григорию Архиповичу Хныкину.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 13 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 9 июня 1919 г. Повестку получил.

Григорий Хныкин (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 118.

Документ № 502.

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт Парфену Сидоровичу Тушеву.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 13 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 9 июня 1919 г. Повестку получил.

П. Тушев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 119.

Документ № 503.

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт Тимофею Антоновичу Попову.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 13 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 9 июня 1919 г. Повестку получил.

Т. Попов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 120.

Документ № 504.

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт Михаилу Степановичу Попову.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 13 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 9 июня 1919 г. Повестку получил.

Михаил Попов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 121.

Документ № 505.

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт Леону Марковичу Сысоеву.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 13 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 9 июня 1919 г. Повестку получил.

Леон Сысоев(подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 122.

Документ № 506.

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт Михаилу Ивановичу Безроднову.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 13 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 9 июня 1919 г. Повестку получил.

Михаил Иванович Безроднов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 123.

Документ № 507.

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт Михаилу Филипповичу Трущелеву.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 13 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве Мешади Али-Кули ог.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 9 июня 1919 г. Повестку получил.

Михаил Трущелев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 124.

Документ № 508.

Повестка

Жит. гор. Шемахи Расулу Солтан Али оглы.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июня 11 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу об убийстве жит. гор. Шемахи Мешади Али-Кули оглы и др.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: 4 июня 1919 г. Повестку получил.

Подпись: (арабскими буквами)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 126.

Документ № 509.

Протокол

1919 год, Июня 6 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Уч. в камере своей допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей с собл. 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., причем они показали:

Паша Мешади Мухтар оглы, жит. гор. Шемахи, 30 лет, мусульманин, мещанин, неграмотен, судился за убийство 9 лет тому назад и был приговорен Бак. Окр. Суд. на 1, 1/2 г. тюрьмы. Наказание отбыл в Шемахинской тюрьме, посторонний.

В прошлом году, когда армяне и большевики напали на Шемаху (это было после того, как они вторично взяли город и прогнали Елисаветпольцев, пришедших на выручку Шемахинским мусульманам), я убежал в Геокчай. Семью свою я вывел еще до того. Я уезжал из города почти последним. На две недели раньше меня вызвал Мешади Ибрагим Мешади Али Кули оглы. Он вывез на одном фургоне свое имущество, на другом же фургоне он выехал сам. Я сам не видел, как выезжал Мешади Ибрагим, но мне рассказывал об этом Расул Солтан Али оглы (теперь в Шемахе). Приехав в Геокчай, я там уже застал Мешади Ибрагима и впоследствии часто с ним встречался на улицах и чайчи. Вместе с ним я видел также и брата его (имени его не знаю) в возрасте 16-17 лет. Родителей Мешади Ибрагима в Геокчае я не встречал. Я заходил также в Геокчае и в дом, в котором жил Мешади Ибрагим и видел там его брата, о котором я выше, Вам, Следователь, говорил и много женщин – мусульманок, уже старых, но была ли между ними мать Мешади Ибрагима, не знаю, так как с ней никогда не был знаком и не видел. Отца Мешади Ибрагима я хорошо знал, но в Геокчае нигде его не встречал. Настроение у Мешади Ибрагима в Геокчае было превосходное, и он никогда мне не рассказывал об убийстве родителей. Мешади Ибрагим раньше занимался в Шемахе извозным промыслом. У него были лошади (сколько лошадей у него было, не знаю) и фургоны. Своего караван-сарая у него не было, и он лошадей своих держал в каком-то караван-сараяе на нижнем базаре в Шемахе. Я не слышал никогда, чтобы у Мешади Ибрагима расхитили имущество и лошадей с фургоном, да и не могли этого сделать, потому что он все благополучно вывез в Геокчай. У Мешади Ибрагима был дом в Шемахе на спуске на нижний базар, он сгорел тогда, когда сгорела и вся Шемаха, подожженная армянами. Более показать не имею. Неграмотный.

Перевел: подпись.

Следователь: подпись.

Иззет Молла Магеррам кызы, жит. гор. Шемахи, 60 лет, мусульманка, мещанка, неграмотная, не судилась.

Я не видела как Мешади Ибрагим Мешади Али-Кули оглы уезжал из Шемахи и не знаю когда он уехал отсюда. Я не знаю, вывез ли он из Шемахи свое имущество и выезжал ли он вместе со своими родителями. Родителей Мешади Ибрагима я не знаю, и были ли они в Геокчае, тоже не знаю. С са-

мим Мешади Ибрагимом я познакомилась в Геокчае, куда вся наша семья убежала во время мартовских событий прошлого года, когда армяне стали резать мусульман. Я не знаю, были ли убиты родители Мешади Ибрагима в Шемахе во время мартовских событий прошлого года, и не слышала, чтобы у Мешади Ибрагима было расхищено имущество. Более показать не имею. Неграмотна.

Перевел: Керимов (подпись)

Следователь: подпись.

Матвей Иванович Саламатин, жит. сел. Чухур-Юрт, 49 лет, молоканин, грамотен, не судился, посторонний.

Около месяца тому назад я вместе с Афанасием Безродновым был в Баку. Фургоны наши стояли на постоялом дворе на Кубинке. У Безроднова был фургон, на котором он повез муку для продажи, запряженный четверкой лошадей. Однажды, это было в начале мая месяца, на постоялый двор, где были наши фургоны, явился Мешади Ибрагим. Тогда было часов 10-11 утра. У Безроднова нагрызли лошади и он бил их кнутом, желая разнять. Это увидел Мешади Ибрагим и обратился к Безродному, сказал: «не бей лошадей, между ними есть одна моя». Безродный, рассердившись, сказал: «какие это твои лошади, уходи прочь». Мешади Ибрагим ответил ему: «не хочешь мне отдать одну мою лошадь - я у тебя возьму весь четверых». После этих слов Мешади Ибрагим ушел и вернулся через некоторое время с полицией. Безродного повели в участок, но я туда не пошел. Мешади Ибрагим других угроз по адресу Безродного не произносил. Более показать не имею.

Подпись: Матвей Саламатин.

Следователь: подпись.

Василий Антонович Никульшин, жит. сел. Маразы, 48 лет, молоканин, малограмотный, не суд., посторонний.

Около месяца тому назад я вместе с Безродным стоял с фургонами в одном заезде дома на Шемахинке в Баку. Как то утром у Безроднова в конюшне нагрызли лошади: у него были жеребцы и тогда была весна. Безроднов вывел лошадей на двор и стал бить их, желая разнять. В это время к лошадям подошел знакомый мне Мешади Ибрагим, и между ним и Безродным вышла ссора. Потом Безродный говорил мне, что Мешади Ибрагим не позволил ему бить лошадей, говоря, что между ними есть его - Мешади Ибрагима лошадь. Безродный ответил, что лошади его и что бьет их потому, что ему так вздумалось. Мешади Ибрагим скоро ушел, но спустя некоторое время вернулся со стражником и Безроднова повели в участок. В участок пошел и я. В участке Мешади Ибрагим стал возводить на Безродного обвинение в убийстве его родителей. Я возмутился и сказал, зачем он это делает. Мешади Ибрагим настоял на своем и протокол составили. При этом околodочным надзирателем, составлявшим протокол, было предложено помириться. Мешади

Ибрагим сказал, что если опознанная им лошадь останется у него, то он готов мириться. Безроднов не согласился мириться. Более показать не имею.

Подпись: Василий А. Никульщин.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 127-128.

Документ № 510.

Протокол

1919 год, Июня 13 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Уч. в камере своей допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., нижепоименованных в качестве свидетелей, причем они показали:

Леон Маркович Сусоев, жит. сел. Маразы, 68 лет, молуканин, крестьянин, грамотен, не судился, посторонний.

Я знаю, что у Безродного до мартовских событий прошлого года были лошади, на которых он работал, занимался извозным промыслом. Сколько тогда у него было лошадей, не знаю. Я видел, между прочим, у него тогда 1) одного жеребца-чалой масти (светло-бурый), хромой на переднего ногу; 2) рыжей масти жеребца; 3) гнидой масти жеребца; 4) вороного жеребца. Примет этих лошадей не знаю, и опознать их не мог бы. Лошади, опознанной в Баку у Безродного Мешади Ибрагимом, я не видел в Баку во время опознания ее. И после опознания ее я также не видел, но по рассказам Безроднова знаю, что лошадь его, это жеребец гнидой масти, очень слабый на передние ноги и потому непригодный под седло. Я знаю Безродного с малолетства, он всегда отличался мягким и хорошим характером и я смею утверждать, что он не способен совершить какое-либо насилие над человеком, не то, чтобы убить. Более показать не имею.

Подпись: Лион Сусоев.

Следователь: подпись.

Михаил Степанович Попов, жит. сел. Маразы, 50 лет, молуканин, крестьянин, грамотный, не судился, посторонний.

До мартовских событий у Безродного были лошади, на которых он работал, занимаясь извозным промыслом. Сколько и какие были у него лошади, я сейчас не помню. Лошадь, опознанная в Баку у Безродного Мешади Ибрагимом, составляет бесспорную собственность Безродного: она у него доморощенная. Это жеребец гнидой масти с плохими передними ногами. После опознания я этого жеребца не видел, и знаю об этом от Безродного. Во время мартовских событий Безроднов бывал часто в Шемахе. Он тогда работал на своих лошадях у большевиков в транспорте. Больше показать не имею.

Подпись: Михаил Попов.

Следователь: подпись.

Михаил Филиппович Трущелев, жит. сел. Маразы, 60 лет, молочанин, крестьянин, грамот., не суд., посторонний.

До мартовских событий у Безродного было пять лошадей – жеребцов (1-й галоп масти, хромой, 2) вороной, 3) гнидой, 4) которую опознали в Баку, он слаб на передние ноги, мастей и примет двух остальных лошадей не помню), на которых он работал, занимаясь извозным промыслом. Мне кажется, что я мог бы опознать жеребца, отобранную у Безродного в Баку. Я не знаю, где был Безроднов во время мартовских событий в прошлом году: я тогда был болен. Безроднов был всегда хорошего поведения, и я утверждаю, что он не мог совершить убийства. Более показать не имею.

Подпись: Михаил Трущелев.

Следователь: подпись.

Тимофей Антонович Попов, жит. сел. Маразы, 55 лет, молочанин, крестьянин, грамотный, не судился, посторонний.

До мартовских событий у Безродного были лошади – пять жеребцов, на которых он работал, занимаясь извозным промыслом. Он возил грузы и товары из Баку в Шемаху и обратно. Когда пришли большевики, то все наше селение находилось у себя; выехать нельзя было, закон большевика не пускал. Я не могу сказать был ли Безроднов в это время у себя дома в Маразы или же уезжал на промысел, и не знаю, работал ли он для большевиков. Опознанного жеребца у Безродного в Баку (я об этом знаю от Безродного) я видел у него еще до мартовских событий и знаю, что эта лошадь – его доморощенная. Лошадь, отобранную у Безродного, я могу опознать. Безроднов отличался всегда мягким ровным характером и не способен на совершение какого-либо преступления, а тем более убийства. Более показать не имею.

Подпись: Т. Попов.

Следователь: подпись.

Григорий Архипович Хныкин, жит. сел. Маразы, 50 лет, молочанин, крестьянин, грамотный, не судился, посторонний.

До мартовских событий у Безродного и его брата было два четверка лошадей, на которых они занимались извозным промыслом. Безродный возил груз и пассажиров от Баку до Шемахи. Лошадь, отобранную у Безродного в Баку (я об этом знаю от Безродного и сам при опознании лошади Мешади Ибрагимом не присутствовал) жеребца гнидой масти с плохими передними ногами, я видел у него еще задолго до мартовских событий. Это его доморощенная лошадь. В случае надобности я могу эту лошадь опознать. Где был Безроднов во время мартовских событий прошлого года, и чем он занимался тогда, не знаю. В частности не знаю, работал ли он для большевиков. Безроднов отличался всегда хорошим и ровным характером и на убийство он не способен. Более показать не имею.

Подпись: Григорий Хныкин.

Следователь: подпись.

Парфен Сидорович Тушев, жит. сел. Маразы, 47 лет, молоканин, крестьянин, грамотный, не судился, посторонний.

До мартовских событий у Безродного было пять жеребцов (галоп, хромой, вороной, рыжий и два гнедою), на которых он занимался извозным промыслом. Одного гнедого жеребца с нехорошими передними ногами у него недавно отобрали в Баку. Сам я при этом не присутствовал, но знаю об этом от Безродного. Отобранный жеребец составляет бесспорную собственность Безродного: ее я видел у него еще задолго до мартовских событий прошлого года и во всякое время могу ее опознать. Когда большевики и армяне вели войну в прошлом году с мусульманами в Шемахе, Безроднов жил тогда все время в Маразах и редко оттуда отлучался. Отлучался он не надолго, Безроднов у большевиках, насколько помню, не служил в транспорте. Безроднов был всегда мягкого, хорошего характера и на убийства он не способен. Более показать не имею.

Подпись: П.Тушев.

Следователь: подпись.

Иван Емельянович Селиверстов, жит. сел. Маразы, 68 лет, молоканин, крестьянин, грамотный, не судился, посторонний.

У Безродного до мартовских событий были лошади (сколько их было и какие, не знаю). На них он занимался извозным промыслом. Когда в Шемахе шла война большевиков с мусульманами, Безроднов жил все это время в Маразах и в транспорте у большевиков не работал и никуда не выезжал из селения. Это очень смирный и хороший человек и убийства он не мог совершить. Отобранный в Баку жеребец у Безродного составляет его собственность. Эта его доморощенная лошадь и я ее видел у него еще задолго до мартовских событий прошлого года, и всякое время могу опознать. В Баку при опознании этого жеребца Мешади Ибрагимом я не присутствовал. Более показать не имею.

Подпись: Иван Селиверстов.

Следователь: подпись.

Михаил Иванович Безроднов, жит. сел. Маразы, 50 лет, молоканин, крестьянин, грамотный, не судился, дядя обвиняемого.

Афанасий Безроднов до мартовских событий прошлого года занимался извозным промыслом и у него было пять жеребцов. Во время войны он работал также в транспорте на турецком фронте. Когда власть перешла к большевикам, он вернулся домой и жил в Маразах, занимаясь полевыми работами. Из Маразов он не уезжал и у большевиков не работал. Лошадь, опознанная у Афанасия в Баку, составляет его бесспорную собственность: эта это его доморощенный жеребец, который был у него еще задолго до мартовских событий. Этого жеребца я всегда опознаю. Афанасий по своему характеру на убийство не способен и это может подтвердить все селение. Более показать не имею.

Подпись: Михаил Безроднов.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 129-130.

Документ № 511.

Протокол

1919 год, Июля 14 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Уч. в камере своей допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. Уст. Уг. Суд., нижепоименованного в качестве свидетеля причем он показал:

Расул Солтан Али оглы, житель гор. Шемахи, 25 л., мусульманин, мещан., грамот., не суд., посторонний.

Я слышал, но сам не видел, что Мешади Ибрагим Мешади Али Кули оглы, после вытеснения большевиками из Шемахи Елисаветпольцев, уехал почти одновременно с их уходом и успел увезти свое имущество в Геокчай. Кто мне это передавал, не помню. Сам я после бегства проживал в Тифлисе и не знаю, уехали ли в Геокчай вместе с Мешади Ибрагимом и его родители. Я не знаю где, когда и при каких обстоятельствах были убиты родители Мешади Ибрагима и ничего про это не слышал. Более показать не имею. Переведено.

Подпись: Расул Солтан Али оглы (арабскими буквами).

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.131.

Документ № 512.

Его Высокоблагородию

Господину Следователю Шемахинского участка

Подсудимого ж. с. Маразы-русское

Афанасия Яковлевича Безродного,

содержащегося под стражей в г. Шемахе

Прошение

Имею честь покорнейше просить Ваше высокоблагородие о выдаче мне копии со всего следственного производства по делу по обвинению меня в убийстве ж. г. Шемахи Мешади Али-Кулия и др. с целью ограбления.

16 июля 1919 г.

Афанасий Я. Безроднов.

Надпись: Копию с сего следствия получил.

17 июля 1919 г.

Афанасий Я. Безроднов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.132.

Документ № 513.

Г. Шемахинскому Следователю

Жит. сел. Маразы Якова Безроднова

Прошение

Согласно Постановления вашего от 22 мая сего года был заключен под стражу сын мой Афанасий Безроднов по обвинению его в преступлении, предусмотренным 13, 1631, 1634 ст. Улож. о Наказ. Свидетельскими показаниями лиц, указанных мною, совершенно отпадает не только обвинение меня в таком тяжелом преступлении, но даже не имеется никаких намеков подозревать сына моего в преступлении. На суде выяснится все и выплывет вся правда, но данный момент вынуждает меня, как старика 75 лет, совершенно не способен физическому труду, обратиться с покорнейшей просьбой как лично от себя, так и от жены сына моего с 3 малолетними детьми, переживающих со мною полнейший голод, освободить названного сына моего Афанасия Безродного из под стражи на поруки по Вашему усмотрению и тем дать возможность хоть немного подработать на полевых работах и прокормить голодающих семью его и меня, большого старика.

Я.Безроднов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 133-134.

Документ № 514.

М.Ю.

Срочно

Шемахинский

Уездно-Городской

Следственный Участок

16 июля 1919 г.

№ 858

г. Шемаха

Г. Кабристанскому Приставу

Прошу прилагаемый присеем вопросный лист на обвиняемого жит. сел. Маразы Афанасия Яковлевича Безродного заполнить соответственными ответами за подписью на таковом лица, заполнившего ответами возвратить мне обратно вместе с выпиской из книги о рождении Безродного.

Следователь: подпись.

На обороте: Астраханскому Старшине.

Исполнить и доложить мне подписью на сим же.

Июля 1919 дня 1919 г.

Кабристанский пристав: Аскербеков (подпись)

Штамп: Получено 21 июля 1919 г.

Надпись: а проживанием адресата в сел. Чухур-Юрт Кошунского участка настоящую переписку представляю Г. Приставу Кабристанского участка.

Июля 22 дня 1919 г.

Старшина: И.Тарусов.

Штамп: Получено 30 июля 1919 г.

Надпись: Г. Астраханскому Старшине

Безродный содержится под стражею, и он мне не требуется, предписываю без отговорок заполнить вопросный лист посредством Маразинской старшины Ножина или стариков - маразинцев, проживающих в Астраханки и хорошо знающих Безроднова.

Июля 29 дня 1919 года.

Кабристанский пристав: И.Аскербеков (подпись).

Надпись: Настоящую переписку представляя г. Приставу Кабристанского участка докладываю, что сведения о рождении Безродного можно добыть из посел. списка, хранящегося в сел. Маразы, при епископе Цовмении.

Июля 31 дня 1919 г.

Астраханский сельский старшина: Третьяков (подпись). Печать.

Надпись: Маразинскому Следователю.

Препровождая заполненный сведениями вопросный лист, сообщаю, что все дела и копии Маразинского сельского общества во время нашествия турок уничтожены, и управление в настоящее время не существует.

Август 12 дня 1919 г.

Кабристанский пристав: И.Аскербеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 185-186.

Документ № 515.

Вопросный лист

Имени, звания и прежней судимости

Ст. сел. Маразы Афанасия Яковлевича Безроднова

ВОПРОСЫ :

1. Фамилия
Имя
Отчество
2. Звание
3. Место прописки:
губерния
уезд
деревня или село
4. Возраст во время совершения проступка
5. Место рождения:
губерния
уезд
деревня или село
6. Постоянное место жительства
7. Рождение (законное и не законное)

ОТВЕТЫ :

Безроднов
Афанасий
Яковлевич
крестьянское

Бакинская
Шемахинский
Маразы

28 лет

Бакинская
Шемахинский
Маразы
сел. Маразы
1891 году

8. Народность и племя	русский
9. Религия	молоканский сектант
10. Образование	не имеет
11. Семейное положение	женат, имеет троих детей, малолетних, живут при мате- ри
12. Занятие	хлебопашец
13. Имеет ли недвижимое имущество	имеет в Маразах дом, кото- рый занят мусульманами
14. Отношение к воинской повин.	бывший солдат
15. Приметы	русый
16. В каких отношениях подсудимой состоял к пострадавшему	неизвестно
17. Случай прежней судимости	не судился
Сведения давали Мережинцы: А.Ножин, М.Г.Отставлов. Следователь: подпись.	

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 184.

Документ № 516.

Постановление

1919 г., Июля 31 дня. г. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Уч., принимая во внимание, что расследование дел, возникших в связи с разгромом г. Шемахи во время мартовских событий прошлого года Правительством возложено на Чрезвычайную Следственную Комиссию и ведение следствия по такого рода делам поручено Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, как оно видно из отношения его от 29 июля с.г. за № 4, что происшествие, составляющее предмет настоящего исследования, имело место во время разгрома гор. Шемахи, **Постановил:** настоящее дело препроводить Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, зачислив за ним содержание под стражей арестанта Афанасия Безродного и сообщить копию с сего Постановления Тов. Прокурора по Шемахинскому участку.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 135.

**& 5. Дело «О краже у жителя гор. Шемахи Мамед бека Алиева
разных драгоценных и др. вещей во время мартовских событий
в гор. Шемахе в 1918 года.»**

Дело № 13-1919 г.

Начато: 6 марта 1919 г.

Окочено: 31 мая 1919 г.

ГААР, ф. 2787, оп.1. д. 796.

Документ № 517.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
9 февраля 1919 г.**

№ 40

Г. Шемаха

**Его Высокоблагородию Господину Товарищу Прокурора
Бакинского Окружного Суда**

На основании 309 ст. Уст. Угол. Суд. препровождается Вам настоящая переписка при постановлении от 9 сего февраля с.г.

Следователь: подпись.

Резолюция: Вернуть ля производства следователю.

ГААР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 1.

Документ № 518.

Протокол № 18

1918 года, октября 4 дня, гор. Баку.

Я, околоточный Надзиратель 3 уч. Бакинского Полицеймейстерства Мустафаев составил настоящий протокол о нижеследующем:

Сего числа в 8 часов утра в Управление уч. явился жит. гор. Шемахи Мамед бек Алиев и заявил, что во время мартовских событий в г. Шемахи были разграблены и квартира, и склад отрядом Степы Лалаева и были похищены разные драгоценные вещи, ковры – 460 шт., золото, серебро и дорогие камни, всего на сумму около 2-х мил. рублей. Теперь по дошедших ему слухам, все вышесказанные вещи, опись которых в настоящее время находятся в Министерстве Внутренних дел и Генерал Губернатора, были привезены в Баку и сданы на хранение большевиками Ашраф беку Гаджи Рза оглы, проживающему по Верх. Тазапирской ул. д. № 17. Желая вернуть все похищенные у него вещи, заявитель просит произвести обыск в означенном доме на квартире Ашраф бека на Верхне- Тазапирской ул. № 17. 940 ст. Ул. о Наказ. объявлена.

Подпись: М.Алиев.

Околоточный Надзиратель: Мустафаев (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 2.

Документ № 519.

Протокол

1918 года, октября 4 дня, в 3 часа дня.

Я, околоточный Надзиратель 3 уч. гор. Баку, согласно поручения г. Пристава того же участка, основанного на протоколе заявителя, жит. гор. Шемахи Мамед бека Алиева, прибыл вместе с нижеподписавшимися понятими и потерпевшим Алиевым в квартиру гражданина города Баку Ашраф бека Гаджи Рза бек оглы Ахмедова (Верхне-Тазапирская ул., д. № 17), объявил хозяину Ахмедову о цели своего прихода, на что названный выше хозяин заявил, что вещи, принятые им, по поручению бывшего Министра Призрения Нариманова⁴³, от члена бывшей Военно-Следственной Комиссии⁴⁴ Кожемяко⁴⁵, у него действительно имеются; вещи эти находятся в отдельной комнате, которая опечатана и ключ от ней был передан Г-ну Нариманову, который по имеющимся у него, Ахмедова, сведениям передал впоследствии этот ключ Азизбекову.⁴⁶ Где находится последний ему неизвестно, но кажется, что он, как организатор партии «Гуммет»⁴⁷, выехал в Петровск, где проживает и по настоящее время.

О хранении вещей им, Ахмедовым, было заявлено на третий день после взятия Оттоманскими войсками гор. Баку Г. Министру Внутренних дел Джеванширу⁴⁸ и Губернатору, которые обещались относительно этих вещей сделать надлежащее распоряжение.

После такого, сделанного гражданином Ахмедовым, заявления, потерпевший Мамед бек Алиев производить обыск в квартире Ахмедова не пожелал и дело производством на этом закончено.

Поняты: Мустафаев, Мамед Али Алиев (подписи).

Потерпевший-Заявитель: М. б.Алиев (подпись).

Околоточный Надзиратель: Н. Пашков (подпись).

Постановил: Об изложенном записать в настоящий протокол, который представить Г. Приставу 3 уч. гор. Баку на распоряжение.

Околоточ. Надзиратель: . Пашков (подпись).

Надпись: Г. Следователю 2-го участка гор. Баку на распоряжение.

17 октября 1918 г., № 18.

26X -1918. Вх.№ 28.

За пристава 3 уч. гор. Баку: Мамедов

Письмоводитель: подпись.

На обороте: Настоящую переписку препровожаю следователю Шемахинского уч. по месту происшествия.

26 X.-1918 г. № 12.

Следователь 2 уч. г. Бакуб подпись.

Надпись: Получ. В Шемах. Уезд.-Город. След. 9. II. 1919.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, лл. 3-4.

Документ № 520.

Постановление

1919 года, февраля 9 дня. Гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка в камере своей, рассмотрев сообщение Следователя 2-го участка гор. Баку о разграблении у жит. гор. Шемахи Мамед бека Алиева, квартиры и склада и не находя в нем достаточных оснований к производству следствия, руководствуясь 309 ст. Уст. Уг. Суд., Постановил: к предварительному следствию не приступать, сообщив об этом с препровождением всей переписки Товарищу Прокурору по Шемахинскому участку.

Следователь: подпись.

На обороте: С возвращением настоящей переписки, предлагая Г. Следователю Шемахинского уезд.-город. участка приступить к производству следствия по признакам п., п. 1646 ст. Улож. о Наказ.

Товарищ прокурора по Шемахинскому уч. Кавирский (подпись).

23 февраля 1919 г. № 26, г. Баку.

Резолюция: Завести дело о краже у жит. гор. Шемахи разн. Драгоценностей и др. вещей во время мартовских событий в гор. Шемахе в 1918 г.

Следователь: подпись.

6.III. 1919.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 5.

Документ № 521.

Постановление

1919 года, марта 8 дня. Гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка в камере своей, рассмотрев согласно предложения тов. Прокурора дело о краже,

Имея в виду: 1) что в происшествие, составляющее предмет его предложения заключается признаки преступления предусмотренного 1646 ст. Улож. о Наказ и подсудимого Бак. Окруж. Суд., 2) что таковое преступление совершено в районе Шемахинского Следственного участка, 3) что предложение это служит законным поводом к начатию следствия и в данном случае имеются достаточные к тому основания, руководствуясь 200, 208, 262, 288, 289 и 297 ст. Уст. Уг. Суд., Постановил: По настоящему делу приступить к производству предварительного следствия.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 6.

Документ № 522.

М.Ю.

Срочно

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
17 марта 1919 г.
№ 178
Г. Шемаха
Дело № 13-1919 г.**

Приставу г. Шемахи

Препровождая при сем 1 повестку прошу распоряжения о вручении такой по принадлежности с соблюдением установленных правил, а второй экземпляр вернуть мне до срока вызова с роспискою получателя.

Следователь: подпись.

Надпись: Г. Следователю Шемахинского уч.

Сообщаю, что по собранным мною сведениям адресат проживает в гор. Баку по неизвестному адресу.

19 марта 1919 г. № 297.

Зав. Управ. Гор. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 7.

Документ № 523.

Повестка

Жит. гор. Шемахи Мамед беку Алиеву.

Дело № 13-1919 г.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра марта 19 1919 года, для допроса в качестве потерпевшего по делу о краже у Вас драгоценных и др. вещей.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

Приняла: подпись (арабскими буквами).

30 марта 1919 г.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, лл. 8-9.

Документ № 524.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
24 марта 1919 г.
№ 200
Г. Шемаха
Дело № 13-1919 г.**

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

Прошу поручить подведомственным Вам чинам полиции дознать адрес проживающего в г. Баку жителя г. Шемахи Мамед бека Алиева.

Следователь: подпись.

На обороте: Приставу 5 уч. гор. Баку.

Для проверки справки куда именно выбыл Алиев и непосредственно от себя исполнения по принадлежности.

8 апреля 1919 г. ; 1401.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Помощ. Делопроизводителя: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 10.

Документ № 525.

**Управление Начальника
Бакинской Городской Полиции.**

Экстренно

Справка

В Центральный адресный стол

Фамилия, имя, отчество и звание:

Мамед бек Алиев, житель гор. Шемахи.

Надпись карандашом: не указано.

1919 г. № 1401

Заведующий 2-м столом: подпись.

На обороте: Справка.

Где живет или куда выбыл

Выбыл 23 марта 1917 г. с Лалаевской, 2. в Шемаху.

23 марта 1919 г.

Заведующий 2-м столом: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 11.

Документ № 526.

Протокол

1919 года, апреля 13 дня.

Я, околоточный Надзиратель 5 уч. Бакинского Полиц.-ва Агаларов, с целью проверки справки и выяснения место нахождения Мамед бека Алиева, опросил председателя Домового комитета дом № 2 по Лалаевскому проезду гр. Елисаветпольского г. Камалова и гр. Гор. Баку Павла Балабековича Лалаева, проживающих по Лалаевскому проезду в дом № 2, которые указать жил ли Алиев или нет не могли, т.к. в названном доме за истекшее время перемывалась масса жильцов, а проверить по домовой книге не представилось возможным ввиду того, что во время вступления турок домовые книги были уничтожены.

Окол. Над.: Агаларов (подпись).

Председатель Домового Комитета: Н.Камалов (подпись).

П.Лалаев (подпись).

Постановил: изложенное записать в настоящий протокол и представить Г-ну Приставу 5-го участка г. Баку на распоряжение.

Ок. Над.: Агаларов (подпись).

Надпись: В Шемахинский Уездно-Городской Следственный участок.

С протоколом о нерозыске.

17 апреля 1919 г. № 2564.

Пристав 5-го уч. Бакинской Полиции: подпись.

Письмоводитель: подпись.

Надпись: Вх. 217. 27. IY. 1919 г.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, лл. 12-13.

Документ № 527.

М.Ю.

Шемахинский Срок 1 мая.

Следователь

28 апреля 1919 г.

№ 316

г. Шемаха

Д. № 13.

Господину Приставу гор. Шемахи

Препровождая при сем 1 повестку, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

Надпись: У Мурсала.

На обороте: Сообщаю Г. Следователю Шемахинского Участка, что в настоящее время в городе Шемахе человека под именем Мамед бек Алиев нет.

Мая 1 дня 1919 г. № 43.

Пристав гор. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 14.

Документ № 528.

Повестка

Жит. гор. Шемахи Мамед беку Алиеву.

Дело № 13-1919 г.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха в 9 час. утра июня 1, 1919 года, для допроса в качестве потерпевшего по делу о краже у Вас драгоценных и др. вещей.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

Приняла: подпись (арабскими буквами).

30 марта 1919 г.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, лл. 15-16.

Документ № 529.

М.Ю.

Шемахинский

Уездно-Городской

Следственный Участок

24 марта 1919 г.

№ 201

Г. Шемаха

Дело № 13-1919 г.

Г. Следователю 3-го уч. г. Баку

На основании 292 ст. У.У.С. по делу о краже у жителя г. Шемахи Мамед бека Алиева прошу Вас, Милостивый Государь допросить в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. К.У.С. проживающего в г. Баку по Верхне

-Тазапирской ул. в д. № 17 Ашраф бека Гаджи Рза бек оглы Ахмедова, предложив ему, кроме обычных, следующие вопросы:

1) Кто, когда и при каких обстоятельствах сдал ему на хранение вещи жит. г. Шемахи Мамед бека Алиева.

2) Кто просуществовал при сдаче ему этих вещей на хранения, в частности был ли при Степан Лалаев.

3) Почему именно ему было предложено б. министром Призрения Наримановым принять на хранение вещи Мамеда Алиева.

4) Какие вещи были им приняты на хранение и принимал ли он их по описи.

5) Находятся ли эти вещи и сейчас у него на хранении.

6) Если находятся, то где именно и у кого находится ключ от комнаты, или вообще помещения, куда сложены вещи.

7) Заявил ли он кому либо о том, что ему дали на хранение вещи Алиева.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 17.

Документ № 530.

Протокол допроса

1919 года Мая 7 дня.

Следователь Бакинского Окружного Суда 3-го участка допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. У.У.С. и он показал следующее:

Ашраф Гаджи Рза оглы Ахмедов, 45 лет, жит. гор. Шемахи, живу В.Тазапирской ул. № 17, не судился, грамотен, мусульманин, посторонний.

Никогда и никаких вещей Мамеда Алиева из Шемахи я не принимал на хранение и по этому делу ничего не знаю. Читано.

Подпись: Ашраф Ахмедов.

Следователь: подпись.

Надпись: Г-ну Следователю Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка. Гор. Шемаха.

Возвращается переписка за № 201, от 24.III.1919 г. по исполнению.

6.Y.1919. № 950.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 18.

Документ № 531.

Постановление

1919 года, мая 31 дня. Гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка, рассмотрев дело о краже разного имущества у жит. гор. Шемахи Мамед бека Алиева и принимая во внимание, что кража эта, как видно из заявления потерпевшего, сделанного им на дознании, совершена отрядом Степана Лалаева во время войны армян с мусульманами в гор. Шемахе, что отряд Лалаева надо считать боевой единицей, входящей в состав регулярных войск, что иму-

щество Алиева было, таким образом, захвачено на правах военной добычи, о чем между прочим свидетельствует и то, что оно не было разделено между отдельными воинскими чинами, входящими в отряд Лалаева, а сдано комиссару Нариманову, в последствии Ашрафу Ахмедову, что преступление, совершенное отрядом Лалаева и самим Лалаевым, как начальником этого отряда, не может быть рассматриваемо с точки зрения Улож. о Наказ., что потерпевший остался не допрошенным за невозможностью установить его настоящее местожительство, руководствуясь 277 ст. Уст. Уг. Суд. Постановил: приостановясь производством, войти через Г. Участкового Тов. Прокурора о прекращении настоящего дела в Бакинском окружном Суде.

Следователь: подпись.

Справка: Суд. издержек по делу не было.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 796, л. 19.

& 6. Дело «О похищении у жителя гор. Шемахи Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы во время мартовских событий фургона»

Дело № 63-1919 г.

Начато: 5 июня 1919 г.

Окочено: 10 сентября 1919 г.

ГААР, ф. 2787, оп.1. д. 830, лл.1-2.

Документ № 532.

Протокол заявление

1919 года мая 21 дня.

Ко мне, Вр. ис. д. Пристава города Шемахи Фарзалиеву явился житель города Шемахи Мешади Ибрагим Мешади Али Кули оглы, и заявил, что во время мартовских событий у него пропал один фургон с 10-ю лошадьми. Сего числа он ход своего фургона без кибитки и решетки опознал в городе Шемахе у жителя сел. Джобани-русское Василия Ивлева.

Заявитель Мешади Ибрагим Мешади Али Кули оглы ссылаясь на свидетелей жителя сел. Мельгам Шемахинского уезда Алия Шейда оглы и жителя сел. Джобани-татарское Ага Ибрагима Кербалай Кара оглы просит отобрать у названного Василия Ивлева опознанный им ход и требует у него кибитку и решетку своего фургона. Содержание 940 ст. Улож. о Наказ. заявителю объявлено. Неграмотнен.

Мешади Ибрагим Мешади Али Кули оглы, а за него неграмотного по его личной просьбе расписался: С.Пашаев.

И.д. Пристава: Фарзалиев (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 13.

Документ № 533.

Протокол

1919 года мая 22 дня.

Опрошенный по сему делу житель сел. Джобани-русское Василий Ивлев показал, что ход фургона, опознанный Мешади Ибрагимом принадлежит ему самому, что этот ход сделали ему односельцы его Тимофей Богданов и Иван Подмарев, что могут подтвердить жители сел. Джобани Алексей Щетинкин и старшина, Григорий Потапов. Более показать ничего не имею.

Подпись: Василий Ивлев.

И.д. Пристава города Шемахи: Фарзалиев (подпись).

Надпись: Настоящий протокол препровождаю Г. Приставу Матрасинского участка для опроса свидетелей и направления по подсудимости.

Мая 22 дня 1919 г.

И.д. Пристава гор. Шемахи: Фарзалиев.

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 13 об.

Документ № 534.

Подписка

1919 года мая 22 дня.

Я, нижеподписавшийся жит. города Шемахи Кербалай Камал Шир Мамед оглы даю сей подписку Вр. и.д. Пристава города Шемахи в том, что сего числа принял на хранение фургон опознанный жителем гор. Шемахи Мешади Ибрагимом Мешади Али Кули оглы у жителя сел. Джобани-русское Василия Ивлиева, обязуюсь доставить по первому требованию властей, в чем и подписуюсь.

Кербалай Камал Шир Мамед оглы, а за него неграмотного по его просьбе расписался: С.Пашаев.

Подписку отобрал вр. и.д. Пристава гор. Шемахи: Фарзалиев (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 14.

Документ № 535.

Протокол

1919 года мая 27 дня.

Я, Помощник Пристава Матрасинского Участка Касимбеков, сего числа опросил нижепоименованных жителей, выставленных Меш. Ибрагимом Меш. Али Кули оглы, и они показали следующее:

Житель сел. Джобани-татарское Али Ибрагим Кербалай Кара оглы - что хотя действительно Мешади Ибрагим предъявил ему опознанный у молоканина Ивлева фургон, он, свидетель таковую опознать не мог и принадлежит ли не может.

Подпись: Али Ибрагим Кербалай Кара оглы (арабскими буквами).

Житель сел. Мельгам Али Шейда оглы показал, что ему решительно по делу ничего неизвестно и фургон Меш. Ибрагима он опознать не может. Неграмотен.

Помощник Пристава гор. Шемахи: Фарзалиев (подпись).
ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 15.

Документ № 536.

Протокол

1919 года мая 27 дня.

Я, Помощник Пристава Кошунского Участка Касимбеков, сего числа опро-
сил нижепоименованных свидетелей по делу и они показали следующее:

Житель сел. Джобани-русское Тимофей Богданов показал, что дейст-
вительно опознанный у Ивлева фургон принадлежит самому последнему и
таковой сделан им, Богдановым по деревянной части.

Подпись: Богданов.

Житель с. Джобани-русское Иван Подмарев показал, что опознанный
фургон по железной части сделан им Подморевым и таковой принадлежит
Василию Ивлеву.

Подпись: Иван Подмарев.

Житель сел. Джобани Алексей Щетинкин показал, что ему хорошо из-
вестно что опознанный у Ивлиева фургон принадлежит самому последнему и
Меш. Ибрагим заявляет к нему претензии не правильно.

Подпись: А.Щетинкин.

Старшина Джобанинского общества Григорий Потапов показал тоже, что
предыдущие.

Подпись: Г.Потапов

Испол. д. Пристава: подпись.

Надпись: Настоящую переписку с подпискою препровождаю господину
Мировому Судье Шемахинского Мирowego Отдела .

Мая 27 дня 1919 г. № 721.

Матрасинский Пристав: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 16.

Документ № 537.

М.Ю.

**Шемахинский
Мировой Отдел
4 июня 1919 г. № 414
г. Шемаха**

**Г. Следователю Шемахинского Уездно-Городского
Следственного участка**

На основании 208 ст. Уст. Уг. Суд. при сем препровождается Вам пере-
писки, в виду указания в оной на пр. пр. 3 Гл. Улож. о Наказ., по подследст-
венности.

Мировой судья: подпись.

Пом. секретаря: Суворов (подпись).

Резолюция: Завести дело по подследственности преступления 3 гл. Улож. о Наказ.

5. Июня 1919 г.

Следователь 6 подпись

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 12.

Документ № 538.

Постановление

1919 года июня 6 дня. Гор. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Участка в камере своей, рассмотрев дознание о похищении у жит. гор. Шемахи Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона, и имея в виду: 1) что в происшествие, составляющий предмет его дознания заключается признание преступления, предусмотренного 3 глав. Ст. Улож. о Наказ, и подсудного Бакинскому Окружному Суду, 2) что таковое преступление совершено в районе Шемахинского Следственного участка, 3) что жалоба эта служит законным поводом к начатию следствия в данном случае имеются достаточные тому, основания, руководствуясь 200, 208, 262, 288 п. 289 и 297 ст.ст. уст. Угол. Суд. **Постановил:** по настоящему делу приступить производству предварительного следствия.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 17.

Документ № 539.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

8 июня 1919 г.

№ 598

г. Шемаха

Д. № 63-1919 г.

Г. Тов.Прокурора по Шемахинскому уч.

Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что в производстве моем сего 5 июня возникло дело о похищении у жит. гор. Шемахи Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы во время мартовских событий фургона и, что того же числа приступлено мною к производству предварительного следствия.

Следователь: Ч. Гутковский (подпись).

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 498, л. 4.

Документ № 540.

**М.Ю.
Шемахинский
Следователь
11 июня 1919 г.
№ 609
г. Шемаха
Дело № 69**

Г. Матрасинскому Приставу

Препровождая при сем 1 повестку, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Надпись: Г. Шемахинскому мировому Судье.

По исполнению.

Июня 15 дня 1919 г. № 637.

За Пристава города Шемахи: Фарзалиев (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 18.

Документ № 541.

Повестка

Дело № 69-1919

Жит. гор. Шемаха Мешади Ибрагиму Мешади Али Кули оглы.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха в 9 час. утра июня 26, 1919 года, для допроса в качестве потерпевшего по делу о похищении у Вас фургона.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

Принял: подпись (арабскими буквами).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 19.

Документ № 542.

**М.Ю.
Шемахинский
Следователь
11 июня 1919 г.
№ 610
г. Шемаха
Дело № 69**

Г. Матрасинскому Приставу

Препровождая при сем 6 повесток, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Надпись: Две повестки у урядника.

Надпись: Надпись: Джобанинскому Старшине.

С 4 повестками для вручения.

14 июня 1919 г. № 916.

Пристава: (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 20.

Документ № 543.

Повестка

Дело № 69-1919

Жит. сел. Джобани-татарское Ибрагиму Кербалай Кара оглы.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха в 9 час. утра июня 26, 1919 года, для допроса в качестве свидетеля по делу о похищении у Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

Принял: подпись (арабскими буквами).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 21.

Документ № 544.

Повестка

Жит. сел. Мельгам Али Шейда оглы.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха в 9 час. утра июня 26, 1919 года, для допроса в качестве свидетеля по делу о похищении у Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 22.

Документ № 545.

Повестка

Жит. сел. Джобани-русские Григорию Потапову.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха в 9 час. утра июня 26, 1919 года, для допроса в качестве свидетеля по делу о похищении у Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: Повестку получил.

22 июня 1919 года. Григорий Потапов (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 23.

Документ № 546.

Повестка

Жит. сел. Джобани-русские Алексею Щетинкину.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха в 9 час. утра июня 26, 1919 года, для допроса в качестве свидетеля по делу о похищении у Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: Повестку получил.

22 июня 1919 года.

Алексей Щетинкин ((подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 24.

Документ № 547.

Повестка

Жит. сел. Джобани-русские Тимофею Богданову.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха в 9 час. утра июня 26, 1919 года, для допроса в качестве свидетеля по делу о похищении у Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: Повестку получил.

22 июня 1919 года.

Тимофей Богданов (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 25.

Документ № 548.

Повестка

Жит. сел. Джобани-русские Ивану Подмареву.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха в 9 час. утра июня 26, 1919 года, для допроса в качестве свидетеля по делу о похищении у Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствие (ст. 389) г.

На обороте: Повестку получил.
22 июня 1919 года.

Иван Помарев (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 26.

Документ № 549.

Следователю Шемахиенского участка

Со вторыми экземплярами врученных повесток препровождается.

Июня 24 дня 1919 г. № 916

Матрасинский Пристав: (подпись).

На обороте: Вторые экземпляры врученных повесток представляю Г-ну
Приставу Матрасинского участка
22 июня 1919 г.

Николаевский старшина: подпись. Печать.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 27.

Документ № 550.

М.Ю.

Шемахинский В.Срочно

Следователь

26 июня 1919 г.

№ 745

г. Шемаха

Г. Приставу города Шемахи

Препровождая при сем 1 повестку, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

На обороте: Сообщаю г. Следователю Шемахинского участка, что в настоящее время в г. Шемахе человека под именем Ших Мамед Шихиев нет, а есть Хан Мамед Ших Мамед оглы, который ныне находится в сел. Басхал.

Июня 26 дня 1919 г. № 726.

Пристав города Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 28.

Документ № 551.

Повестка

Жит. гор. Шемахи Ших Мамед Шихиеву.

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха в 9 час. утра июня 26, 1919 года, для допроса в качестве свидетеля по делу о допросе Вас.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

За неявку: 1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 326 и 328 Уг. Суд.).

2. Обвиняемые – к приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

Принял: подпись (арабскими буквами).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, лл. 29-30.

Документ № 552.

Протокол

1919 года, июня 26 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка в камере своей, допрашивал с соблюдением 307 и 443 ст. ст. У.У.С. нижеименованных в качестве потерпевшего и свидетелей, причем они показали:

Мешади Ибрагим Мешади Али Кули оглы, жит. гор. Шемахи, 38 лет, мусульманин, мещанин, неграмотен, не суд.

В прошлом году во время мартовских событий у меня в числе других вещей и лошадей был похищен один фургон. Фургон был похищен весь. Отличительным признаком у этого фургона были колеса, которые я приобрел в молоканской слободке в Баку. Колеса эти были массивные и в Шемахе таких не делают. Колеса были сделаны из грабового дерева, из такого же дерева было сделано и дышло. Немного больше месяца тому назад я опознал этот фургон у одного молоканина по имени Василий (фамилия его, кажется, Ивлиев). Верх фургона был не мой. Я признал за свои только колеса, дышло и цепь. Мое имущество в прошлом году было расхищено молоканами. Я не видел кто грабил у меня имущество: я убежал в Геокчай в это время. Я знаю со слов Ших-Мамеда Шихиева, очевидца похищения моего фургона, что фургон этот у меня похитил в прошлом году какой-то молоканин.

Молоканин, у которого я опознал фургон, сказал мне, что фургон этот он купил у жителя селения Маразы по имени Михаил. Больше показать не имею. Неграмотен.

Переводил: подпись.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

С соблюдением 443 ст. Уст. Уг. Суд.

Василий Емельянович Ивлиев, жит. сел. Джобани, 32 л., молоканин, крестьянин, грамотен, не суд.

Опознанный у меня месяц тому назад в Шемахе фургон составляет мою собственность. Фургон этот мне сделали в сел. Джобани Тимофей Богданов и

Иван Подмарев (первый- деревянную, второй- железные части). Фургон этот мне сделали в 1917 году за тысячу рублей для работ в транспорте на фронте. В транспорт однако мне не пришлось ехать по случаю переворота и таким образом фургон у меня сохранился. Мешади Ибрагим опознал за свои только колеса, оси, дышло и цепь. Больше показать не имею.

Подпись: Василий Ивлиев.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Тимофей Михайлович Богданов, жит. сел. Джобани, 28 лет, молоканин, крестьянин, грамотен, не судился, посторонний.

Я колесник и в августе 1917 года сделал Василию Ивлиеву фургон для работы на фронте за 1000 руб. Железные части были сделаны Подмаревым. Ивлиев на фронт не поехал по случаю большевистского переворота и затем и его болезни. Это тот самый фургон, который недавно у него в Шемахе опознали и отобрали. Больше показать не имею.

Подпись: Тимофей Богданов.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Иван Аганович Подмарев, жит. сел. Джебан, 30 л., молоканин, крестьянин, малограмотный, не судился, посторонний.

Я кузнец и в августе 1917 г. Ивлиеву ковал железные части для фургона, который ему понадобился потом, что он собирался ехать в транспорт на фургоне. Ивлиев заплатил мне и Богданову 1000 руб. за весь фургон. Вследствие болезни и наступившего большевистского переворота, Ивлиев на фронт не поехал. Этот фургон у него недавно отобрали в Шемахе. Больше показать не имею.

Подпись: Иван Подмарев.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Алексей Николаевич Щетинкин, жит. сел. Джобани, 34 лет, молоканин, крестьянин, грамотен, не суд., посторонний.

Опознанный у Василия Ивлиева около месяца тому назад в Шемахе фургон составляет его, Ивлиева, собственность. Этот фургон я видел у Василия Ивлиева еще в 1917 году. Фургон был сделан нашими сельскими мастерами Богдановым и Подмаревым в то время (это было в конце лета, когда Ивлиев собрался на фронт). Больше показать не имею.

Подпись: Алексей Щетинкин.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Григорий Ефимович Потапов, старшина сел. Джобани, 42 л., молоканин, крестьянин, грамотный, не суд., посторонний.

Опознанный около месяца тому назад в Шемахе у Василия Ивлиева фургон составляет его собственность. Он ему сделали Джобанинские мастерами Богдановым и Подмаревым в 1917 году, когда Ивлиев собирался работать в транспорте на фронте. Больше показать не имею.

Подпись: Г.Потапов.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Ага Ибрагим Кербалай Кара оглы, жит. сел. Джобани-татарское, 35 лет, мусульманин, крестьянин, грамотен, не суд., посторонний.

Летом 1917 года я действительно купил для Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы один фургон в молоканской слободке, кажется, за 600 руб. Я знаю, что Мешади Ибрагим недавно опознал один фургон у какого-то молоканина. Этот опознанный Мешади Ибрагимом фургон я видел некоторое время после его опознания, когда пристав позвал меня, чтобы я засвидетельствовал действительно ли фургон принадлежит Мешади Ибрагиму. Сейчас я не могу сказать составляет ли опознанный Мешади Ибрагимом фургон – его Мешади Ибрагима собственность. У купленного мною в 1917 году фургона никаких примет особых не было и теперь его опознать с полной уверенностью я не мог бы. Больше показать не имею.

Подпись: Ага Ибрагим Кербалай Кара оглы (арабскими буквами).

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Дополнительно показываю: Я слышал от самого Мешади Ибрагима (от других я не слышал), что в прошлом году во время мартовских событий у него похитили фургон, но он не говорил, что молоканене или же свои мусульмане. Имен похитителей он не называл. Больше показать не имею.

Подпись: Ага Ибрагим Кербалай Кара оглы (арабскими буквами).

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Али Шейда оглы, жит. сел. Мельгам, мусульманин, крестьянин, не суд., посторонний.

Я ничего не знаю по делу опознания фургона Мешади Ибрагимом Мешади Али Кули оглы. Фургон мне был представлен, но я опознать.... Я не знаю, был ли фургон похищен у Мешади Ибрагима в прошлом году. Больше показать не имею. Неграмотен.

Перевел:

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Мешади Ибрагим Мешади Али Кули оглы.

Дополнительно показываю: я не знаю точно, имени мусульманина, сказавшего мне на днях в Шемахе, что он видел как какой-то молоканин в прошлом году во время мартовских событий и после разгрома Шемахи ездил в городе на моем фургоне. Я не знаю, говорил ли он мне, что он был очевидцем, как у меня похитили этот фургон, но этого не думаю, потому что человек этот мне незнакомый. Я даже не знаю действительно ли его имя Ших-Мамед Шихиев. Когда он мне сказал про фургон, я записал его имя и адрес, но записку эту потерял. Я вношу поправку: Мне не Василий Ивлиев сказал, что фургон им был куплен у какого-то молоканина по имени Михаил в сел. Маразах, а об этом мне говорили молокане, присутствовавшие при опознании. Имен и фамилий этих молокан не знаю, но это не были те, который Вы, следователь, мне представляли (были представлены свидетели Потапов, Ще-

тинкин, Подмарев и Богданов). Больше показать не имею. Неграмотен.

Перевел: подпись.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, лл. 31-32, 33.

Документ № 553.

Постановление

1919 года, июня 26 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка принимая во внимание, что заявление Василия Ивлиева заслуживает доверия, **Постановил:** опознанный у жит. сел. Джобани Василия Ивлиева фургон и сданный приставом гор. Шемахи на хранение жит. гор. Шемахи Кербалай Камалу Ших-Мамед оглы, отнять у этого последнего и сдать на хранение старшине сел. Джобани под расписку впредь до разбора дела судом.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 32.

Документ № 554.

Подписка

1919 года Июня 26 дня.

Я нижеподписавшийся старшина сел. Джобани-русского сельского общества Григорий Ефимович Потапов даю сей подписку г. Приставу города Шемахи в том, что сего числа принял на хранение фургон опознанный у односельца моего Василия Ивлиева жителем гор. Шемахи Мешади Ибрагимом Мешади Али Кули оглы, обязуюсь означенный фургон доставить по первому требованию властей, в чем и подписуюсь.

Подпись: Потапов.

Подписку отобрал: Пристав гор. Шемахи.

Надпись: Настоящая отношение с подпиской старшины Джобанинского общества препровождается Господину Шемахинскому Следователю.

Июня 28 дня 1919 г. № 734.

Пристав гор. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, лл. 7-8.

Документ № 555.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

26 июня 1919 г.

№ 759

Г. Шемаха

Д. № 63-1919

Г.Приставу гор. Шемахи

Прошу опознанный у жит. сел. Джебаны-русское Василия Ивлиева фургон, отданный на хранение жит. гор. Шемахи Кербалаю Камал Шир Мамед оглы, отобрать от него и передать таковой Старшине сел. Джобани-русское под расписку на хранение, которую доставить мне.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 6.

Документ № 556.

Постановление

1919 года, июня 26 дня. Город Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного участка принимая во внимание, что дознанием и следствием не добыто данных, дальнейшего расследование которых давало бы возможность попасть на след виновных, что потерпевшим ни на кого подозрения не высказано, руководствуясь 277 ст. Уст. Уг. Суд. **Постановил:** за необнаружением виновных, представляет производством следствие войти через г. участкового Тов. Прокурора в Бакинский Окружной Суд с представлением о прекращении настоящего дела.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Справка: Суд. издержек по делу не было.

Потерпевшему о постановлении дела объявлено.

26 июня с.г. за № 763.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, лл. 33 об.-34.

Документ № 557.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

26 июня 1919 г.

№ 763

Г. Шемаха

Д. № 63-1919

Г.Приставу гор. Шемахи

Прошу объявить жит. гор. Шемахи Мешади Ибрагиму Мешади Али Кули оглы, что дело о похищении у него фургона мною вместе с сим передано Г.Тов. Прокурора по Шемахинскому участку в порядке 277 ст. Уст.Уг.Суд.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Надпись: Помощнику моему Фарзалиеву.

Исполнить. 29 июня 1929 г. № 735.

Пристав гор. Шемахи: подпись.

На обороте:

1919 года июля 1 дня. Содержание его мне, Мешади Ибрагиму Мешади Али Кули оглы объявлено, в чем и расписуюсь.

Меш. Ибрагим Мешади Али Кули оглы, а за него неграмотного по его просьбе расписался: подпись.

Объявил: Помощник Пристава гор. Шемаха: подпись.

Надпись: По исполнении представляю.

Гор. Шемахи. Июля 1 дня 1919 г. № 1.

Помощ. Пристава гор. Шемахи.

Надпись: Г. Следователю Шемахинского у.

По исполнении.

Июля 2 дня. 1919 г. № 100.

Пристав гор. Шемахи.: подпись

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л.4.

Документ № 558.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
26 июня 1919 г.
№ 764 г. Шемаха
Д. № 63-1919 г.**

Г. Тов.Прокурора по Шемахинскому уч.

На основании 277 ст. Уст. Угол. Суд., при сем препровожаю Вашему Высокоблагородию дело о похищении у жит. гор. Шемахи Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона.

Следователь: Ч. Гутковский (подпись).

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 498, л. 5.

Документ № 559.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
27 июня 1919 г.
№ 789 г. Шемаха
Д. № 63-1919**

Г. Тов. Прокурора по Шемахинскому участку

В дополнение к отношению моему от 26 прошлого июня за № 764, при сем

препровождается Вашему Высокоблагородию переписка по делу о похищении у жит. гор. Шемахи Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

На обороте: Настоящая переписка представлена тов. Прокурору Бакинского Окружного Суда в дополнение к делу, представленному 30 июня 1919 г. за № 47 по ст. 277 У.У.С.

Тов. Прокурора : подпись.

Надпись: Настоящая переписка препровождается в Бакинский Окружной Суд в дополнение к делу предложенному 6 июля сего года за № 971.

3 Августа 1919 года, гор. Баку.

За Прокурора суда: Дм. Захаров (подпись).

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л.5.

Документ № 560.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
28 июня 1919 г.**

№ 767

Г. Шемаха

Д. № 63-1919

Г. Тов. Прокурора по Шемахинскому участку

В дополнение к отношению моему от 26 сего июня за № 264, при сем препровождаю Вашему Высокоблагородию переписку по делу о краже у жит. гор. Шемахи Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы фургона.

Следователь: Ч.Гутковский (подпись).

Настоящая переписка представлена тов. Прокурору Бакинского Окружного Суда в дополнение к делу, представленному 30 июня 1919 г. за № 47 по ст. 277 У.У.С.

16 августа 1919 г. № 974.

Тов. Прокурора : подпись.

Надпись: Шемахинский участок.

Надпись: Настоящая переписка препровождается в Бакинский Окружной Суд в дополнение к делу предложенному 6 июля сего года за № 971.

3 Августа 1919 года, гор. Баку.

За Прокурора суда: Дм. Захаров (подпись).

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп. 1. д. 830, л. 9.

Документ № 561.

Определение

Копия

1919 г. Июля 17 дня, гор. Баку.

По указу Азербайджанского Правительства, Бакинский Окружной Суд, по Уголовному Отделению, в распорядительном заседании в составе:

Председатель – В.И.Валединский

Члены Суда – Д.И. Успенский, В.А.Назаров

Товарищ Прокурора – В.Н. Барановский

Пом. Секретаря – К.И. Макаров

Слушал доклад об обстоятельствах дела о похищении у жит. гор. Шемахи Мешади Ибрагима Мешади Али Кули оглы во время мартовских событий фургона, поступившего в суд при предложении прокурора Суда от 6 июля 1919 г. за № 971 в порядке 277 ст. Уст. Угол. Суд.

Дело № 893, ст. 1919 г.

Выслушав доклад и со своей стороны не находя оснований к продолжению по сему делу предварительного следствия в виду не обнаружения виновных,

Окружной суд, по выслушании заключения Товарища Прокурора и руководствуясь 277 ст. Уст. Угол. Суд, **Определяет:** следствие по настоящему делу дальнейшим производством прекратить выставив о сем надлежащее объявление, судебные издержки, если таковые окажутся, принять на счет казны, веществен. доказательства.

Подписи.

1 июля 1919 г., за № 6906 выставлено объявление у дверей Суда.

Пом. Секретаря: подпись.

Настоящая копия определения Окружного Суда вместе с подлинным делом препровождается Г. Прокурору Бакинского Окружного Суда на распоряжение 10 февраля 1920 г. за № 759.

Товарищ Председателя: подпись.

Пом. Секретаря: подпись.

ГА АР, ф. 2787, оп.1. д. 830, л. 3, 10.

**& 7. Документы об ограблении Замана Гусейн Кули оглы
и др. жителей гор. Шемахи во время мартовских событий**

Документ № 562.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

11 июня 1919 г.

№ 625

г. Шемаха

Г. Следователю 4 уч. г. Баку

На основании 292 ст. Уст. Уг. Суд., прошу Ваше Высокоблагородие допросить в качестве потерпевшего с соблюдением 443 ст. Уст. Уг. Суд жит. гор. Шемахи Замана Гусейн Кули оглы, проживающего в Баку по Верхне-Тазапирской ул. д. № 149, задав ему, кроме обычных, следующие вопросы:

1. Когда и при каких обстоятельствах у него было разграблена квартира в Шемахе в прошлом году.

2. Кто принимал участие в грабеже (армяне, молукане или мусульмане).

3. Когда и при каких обстоятельствах он и у кого опознал свое пальто в г. Баку.

4. Подозревает ли он женщину, у которой опознал пальто в ограблении его квартиры и если подозревает, то почему.

5. Какое имущество и насколько у него было ограблено.

Следователь: подпись.

Надпись: Заман Гусейн Кули оглы выехал в Шемаху.

Мой родственник.

Подпись: Мамедов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 253-254.

Документ № 563.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

11 июня 1919 г.

№ 626

г. Шемаха

Г. Следователю 4 уч. г. Баку

На основании 292 ст. Уст. Уг. Суд., прошу Ваше Высокоблагородие допросить в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст. Уг. Суд жит. гор. Баку

Ага Мамеда Гулиева, проживающего в Баку по Верхнее-Тазапирской ул. д. № 149, задав ему, кроме обычных, следующие вопросы:

1. Что ему известно об ограблении квартиры жит. гор. Шемахи Замана Гусейн Кули оглы в прошлом году.

2. Кто ограбил квартиру Замана (молокане, армяне или мусульмане) и была ли среди грабителей женщина.

3. Видел ли он опознанное Заманом пальто теперь и до ограбления его вещей во время мартовских событий прошлого года.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 257.

Документ № 564.

Повестка

Заман Гусейн Кули оглы. Верхняя Тазапирская 149.

Следователь 4 Участка г. Баку приглашает Вас в камеру свою, находящуюся у Багировского сквера к 9 часам утра 22 сентября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу № 60-1909

И. об. Следователя: Агаларов (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.255.

Документ № 565.

Повестка

Николаю Оганесову. 4-я Канитапинская ул., угол Станиславской.

Следователь 4 Участка г. Баку приглашает Вас в камеру свою, находящуюся у Багировского сквера к 12 часам утра 23 сентября 1919 года, в качестве свидетеля по делу № 21-1919

И. об. Следователя: Агаларов (подпись).

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Надпись: Срочно. Г. Приставу 8-го участка. Для вручения по принадлежности. 18.IX.19 г.

За следователя 4 уч. гор. Баку: подпись.

Надпись: Необходимо отчетство.

Справку наводила: подпись.

20. IX.19 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 258-259.

Документ № 566.

Протокол допроса

1919 года сентября 22 дня г. Баку.

Следователь 4 уч. г. Баку допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Уст. Уг. Суд. и он показал:

Я, Ага Мамед Мешади Али Аббас оглы Гулиев, 20 л., магометанин, имею мануфактурный магазин.

Я про опознанное пальто могу сказать, то, что оно было куплено до мартовских событий в моем присутствии, не могу сказать какого числа и месяца, но помню, что три-четыре месяца до мартовских событий. Но кем была ограблена квартира, я не знаю, ибо тогда я находился в Баку. Более ничего не могу показать.

Подпись: Мамедов.

И.об. Следователя: Агаларов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.260.

Документ № 567.

М.Ю.

Четвертый

Следственный участок

г. Баку

22 сентября 1919 г.

№ 830

Г. Следователю Шемахинского

Уездно-Городского участка.

При сем возвращаю отношение ваше от 4 июня 1919 года за № 563 со справкой на прилагаемой повестке.

И.об. следователя: Агаларов (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 251.

Документ № 568.

М.Ю.

Четвертый

Следственный участок

г. Баку

22 сентября 1919 г.

№ 831

Г. Следователю Шемахинского

Уездно-Городского участка.

Препровождаю при сем отношение ваше от 11 июля 1919 года за № 625 и 626 с приложением протокола допроса и повестки со справкой о месте жительства Замана Гусейн Кули оглы.

И.об. следователя: Агаларов (подпись)
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 256.

Документ № 569.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

1 августа 1919 г.

№ 975

г. Шемаха

Д. 60-1919 г.

Г. Тов. Прокурору по Шемахинскому уч.

На обороте сего сообщаю, Вашему Высокоблагородию копию постановления моего от 31 сего июля о передаче дела об ограблении жит. гор. Шемахи Замана Гусейн Кули оглы для сведения.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф.2775, оп. 1, д. 503, л. 16.

Документ № 570.

Постановление

1919 г., Июля 31 дня. г. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Уч., принимая во внимание, что расследование дел, возникших в связи с разгромом г. Шемахи во время мартовских событий прошлого года возложено Правительством на Чрезвычайную Следственную Комиссию и ведение следствия по такого рода делам поручено Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, как оно видно из отношения его от 29 июля с.г. за № 4, что происшествие, составляющее предмет настоящего исследования, имело место во время разгрома гор. Шемахи, **Постановил:** настоящее дело препроводить Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, сообщив копию с сего Постановления Тов. Прокурора по Шемахинскому участку.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф.2775, оп. 1, д. 503, л. 16 об.

Документ № 571.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
10 октября 1919 г.
№ 1485
г. Шемаха**

Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии

А.Ф.Новацкому

В дополнение к отношению моему от 5 августа сего года за № 974 при сем препровождается Вашему Высокоородию переписка за № 830, 625 и 831.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 250.

Документ № 572.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
31 июля 1919 г.
№ 929
г. Шемаха
Д. 7-1919 г.**

Г. Тов. Прокурору по Шемахинскому уч.

На обороте сего сообщая, Вашему Высокоблагородию копию постановления моего от 31 сего июля о передаче дела о краже мануфактуры из фабрики Ага Самеда Самедова для сведения.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф.2775, оп. 1, д. 503, л. 15.

Документ № 573.

Копия

Постановление

1919 г., Июля 31 дня. г. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Уч., принимая во внимание, что расследование дел, возникших в связи с разгромом г. Шемахи во время мартовских событий прошлого года возложено Правительством на Чрезвычайную Следственную Комиссию и ведение следствия по такого рода делам поручено Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, как оно видно из отношения его от 29 июля с.г. за № 4, что происшествие, составляющее предмет настоящего исследования, имело место

во время разгрома гор. Шемахи, **Постановил:** настоящее дело препроводить Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, сообщив копию с сего Постановления Тов. Прокурора по Шемахинскому участку.

Следователь: подпись.

С подлинным верно:

Следователь: подпись.

ГА АР, ф.2775, оп. 1, д. 503, л. 15 об.

Документ № 574.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок**

31 июля 1919 г.

№ 977

г. Шемаха

Д. 130-1919 г.

Г. Тов. Прокурору по Шемахинскому уч.

На обороте сего сообщая, Вашему Высокоблагородию копию постановления моего от 31 сего июля о передаче дела о пропаже лошади у жит. гор. Шемахи Мешади Азиза для сведения.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф.2775, оп. 1, д. 503, л. 1.

Документ № 575.

Постановление

Копия

1919 г., Июля 31 дня. г. Шемаха.

Следователь Шемахинского Уездно-Городского Следственного Уч., принимая во внимание, что расследование дел, возникших в связи с разгромом г. Шемахи во время мартовских событий прошлого года возложено Правительством на Чрезвычайную Следственную Комиссию и ведение следствия по такого рода делам поручено Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, как оно видно из отношения его от 29 июля с.г. за № 4, что происшествие, составляющее предмет настоящего исследования, имело место во время разгрома гор. Шемахи, **Постановил:** настоящее дело препроводить Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, сообщив копию с сего Постановления Тов. Прокурора по Шемахинскому участку.

Следователь: подпись.

С подлинным верно:

Следователь: подпись.

ГА АР, ф.2775, оп. 1, д. 503, л. 1 об.

Документ № 576.

М.Ю.

В.Экстренно

Шемахинский

Следственный Участок

19 июля 1919 г.

№ 876

гор. Шемаха дело № 32

Г. Приставу гор. Шемаху

Препровождая при сем 1 повестку, прошу немедленно вручить таковые по адресу установленным порядком, вторые же экземпляры их с распискою на них вызываемых лиц прошу возвратить мне не позднее срока вызова. В случае проживания вызываемого лица в другом месте прошу препроводить повестку от себя по адресу.

Порядок вручения повесток указан в 56, 57, 58, 59, ст. Уст. Угол. Суд и 62-66 Уст. Гр. Суд.

Следователь: подпись.

На обороте: Г. Следователю Шемахинского участка.

По исполнении.

Июля 21 дня, 1919 г. № 876.

За Пристава гор. Шемахи: Фаталиев (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 54.

Документ № 577.

Повестка

Дело № 32 - 1919 г.

Жит. города Шемахи Агалару Бедалову

Следователь Шемахинского Следственного Участка приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра июля 27 дня 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разбойном нападении на Мамеда Али Рза Мешади Исмаил оглы.

Следователь: подпись.

За неявку:

1. Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг. Суд.)

2. Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 389)

3. Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 438).

На обороте: Подпись: Агалар бек (арабскими буквами)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 55.

Документ № 578.

**Г. Следователю Уездно-Городского
Следственного Участка**

Жит. гор. Шемахи Гули и Наджаф Гули,
сыновья Кербалай Зейнала

Прошение

В виду того, что прошлом году во время мартовских событий, когда большевики заняли город, солдаты окружили наш дом, мы немедленно покинули дом, оставив все имущество, и старуха мать и мальчики остались дома. В это время пришли наши соседи Хачан Гарабеков и Артур Лазеров Марказов нас спасать, они зашли, увидели, что жит. сел. Чухур Юрт Симон Черкезов разбрал кое-что ценное имущества, зажег дом, а мать и мальчики подняли крик, но, ни от кого не было помощи и сгорели в огне. Действительно нас известили, что жит. сел. Чухур-Юрт Симон Черкезов загорел дом, в котором находились мать и мальчики и имущество. Просим Ваше Высокородие, сделать соответствующее распоряжение о возмещении нашего убытка на сумму пятнадцать тысяч рублей, а свидетеля нашего просим допрашивать под присягой.

17 июня 1919 г. гор. Шемаха.

Подписи: (арабскими буквами).

Надпись: 6 августа 1919 г.

Настоящее прошение препровождаю в Чрезвычайную Следственную Комиссию по подследственности. Г. Шемаха.

3 августа 1919 г.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 28.

Глава 3

Следственное дело «О разгроме гор. Шемахи», возникшее в производстве члена Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Ф. Новацкого

Документ № 579.

Протокол допроса

1919 года, Июля 28 дня, г. Шемаха.

Ко мне, члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому, явился нижепоименованный и с предупреждением и соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг. Суд. заявил следующее:

Я, Мамед Али Аббас оглы, 23 л., пост. жит. гор. Шемахи, проживаю в гор. Баку, где состою городовым 5 ул., грамотен.

Во время разгрома гор. Шемахи я находился в г. Баку и лично не видел, кем она была громлена и при каких обстоятельствах. Но слышал от знакомых и брата Али Гейдара, что в числе погромщиков находились многие армяне. Многие из этих армян-громил проживают в настоящее время в гор. Баку, где я их часто встречаю и в случае надобности могу их указать. В Баку из названных лиц при допросе обвиняемых проживают 1) Аршак Гюльбандов, 2) его сын, 3) Михаил Арзуманов, 4) его брат Андрей Арзуманов, 5) Самвел Долиев, 6) Иванов Енок, владелец магазина в Шемахе, 7) его сын Аршак, 8) парикмахер Ованец, 9) «Коля» (Николай), армянин оружейный мастер. Кто из названных обвиняемых совершил отдельные случаи насилия над мусульманами в Шемахе, не знаю. Однако в Баку шесть человек молокан из Шемахинского уезда, селения и фамилии их не знаю, рассказывали мне, что Степан Лалаев собственноручно убил в Шемахе много детей до шестилетнего возраста, а старших приказывал уводить в плен. Во время этих событий, между прочим, были убиты мой отец Аббас Бедал оглы, мать Бика Джебидзе кызы, брат Байрам, 8 л., дядя, Кербалай Гусейн Бедал оглы, его сын Али Гасан, тетка Салми Кербалай Махмуд кызы. Подробности их убийства знает оставшийся в живых мой брат Али Гейдар. Об убытках я заявил Комиссии в гор. Баку. Более показать не имею. Заявление мне читано.

Подпись: Мамед Али Аббас оглы (арабскими буквами).

Заявитель Мамед Али Аббас оглы объяснился на русском языке.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Справка: 28 июля 1919 г. № 2.

Шемахинскому Уездному Начальнику о выяснении имени, отчества фамилии и местонахождения обвиняемого парикмахера Ованеса и др.

Справка: 28 июля 1919 г. № 3

Ему же о сообщении местонахождениях всех обвиняемых.

Справка: 29 июля 1919 г. № 4

Суд. Следователю Шемахинского уезда о препровождении имеющихся у него в производстве дел о преступлениях, совершенных во время разгрома г. Шемахи.

Справка: 29 июля 1919 г. № 5

Шемах. Уездному Начальнику требование: направлять заявления и переписку о преступлениях, совершенных во время разгрома г. Шемахи члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 11-12.

Документ № 580.

Азербайджанское Правительство
М.Ю.

Спешно.

Чрезвычайная Следственная Комиссия

28 июля 1919 года

г. Шемаха.

№ 2

Г. Шемахинскому Уездному Начальнику

На основании 270 ст. Уст. Уг. Суд. прошу распоряжений Вашего высокоблагородия о выяснении имен, отчества, фамилий и место нахождения следующих лиц: жит. гор. Шемахи: Ованеса, парикмахер. 2) Крикора, жестянщик, 3) Гюльбандова, сын Аршака, 4) Карабанова, б. присяжный Шемахинского казначейства, 5) Хачанова, суд. присяжный, 6) Шабанова, быв. офицер или солдат, 7) «Коля» (Николай) быв. Оружейный мастер, 8) жит. сел. Сагиян Гаспара и 9) карабахского армянина Агамолова, бывшего в Шемахе инструктором по виноградарству.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

На обороте: 29 июля 1919 г. В. Срочное.

Приставу гор. Шемахи.

Исполнить и донести немедленно.

Июня 29 дня 1919 г. Шемахинский Уездный Начальник: подпись.

Секретарь: подпись.

Надпись: В.Срочное.

Доношу г. Шемахинскому уездному начальнику, что по собранным мною сведениям бывший присяжный Шемахинского казначейства Карабанов в данное время проживает в сел. Чобаны-русское в районе Матрасинского участка и «Коля» (Николай) оружейный мастер проживает в гор. Баку и имеет мясную лавку на Красноводской ул. Адреса остальных лиц установить не удалось. Что же касается имен, отчеств и фамилий указанных лиц установить не удалось.

4 августа 1919 г. № 989.

Пристав гор. Шемахи: Ахундов (подпись).

На обороте: Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому. 5.8.1919.

Препровождаю с донесением пристава гор. Шемахи августа 5 дня 1919 г.

За Шемахинского Уездного Начальника: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 23-24.

Документ № 581.

Азербайджанское Правительство

Спешно.

М.Ю.

Чрезвычайная Следственная Комиссия

28 июля 1919 года

г. Шемаха.

№ 3

Г. Шемахинскому Уездному Начальнику

На основании 270 ст. Уст. Уг. Суд. прошу Ваше высокоблагородия сообщить мне место нахождения следующих лиц: жит. гор. Шемахи: Гавриила Караогланова (б. пом. уезд. нач.) 2) Аршака Гюльбандова (быв. нач. почтово-телег. конторы, 3) его сына, офицера, 4) Ованеса, парикмахера, 5) Михаила Арзуманова, 6) Карапета Караманова, 7) Самвела Долиева, 8) Петросянца, владельца бакалейного магазина, 9) Аршака Еноковича Иванова, 10) его отца Енока, 11) его сына Арменака, 12) Александра Хачатурова, 13) Михаила Хачатурова, 14) Аллахвердия Минасова, 15) Ягуба Мартиросова, 16) Крикора (жестянщик), 17) Карабанова (быв. присяжного Шемахинского казначейства), 18) Хачанова, (суд. присяжного), 19) Владимира Долиева, 20) Мамикона Долиева, 21) Шабанова, 22) Бабаджана Магакелова, 23) Николая («Коля»), оружейный мастер, 24) Арутюна Хачатурова (каменщик), 25) Артамонова (б. учитель сел. Джобаны-русские), 26) и 27) жит. сел. Матрасы Герасима и Сандрика Агриевых, 28) жит. сел. Сагиян Гаспара и 29) инструктора Агамолова.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Надпись: В.Срочное.

Приставу гор. Шемахи.

Исполнить и доложить немедленно.

Июля 29 дня, 1919 г.

Шемахинский Уездный Начальник: подпись.

Надпись: В.Срочное.

Доношу г. Шемахинскому уездному начальнику, что по собранным мною сведениям Гавриил Караогланов, бывший помощник Шемахинского Уездного Начальника проживает в гор. Астрахани, Михаил Арзуманов, Самвел Долиев и Петросянец проживают в гор. Баку (точные адреса установить не удалось), Карабанов в сел. Чобаны и Николай («Коля») имеет мясную лавку на Красноводской ул. гор. Баку. Установить адреса остальных лиц не представляется возможным.

4 августа 1919 г. № 950.

Пристав гор. Шемахи: К. Ахундов (подпись).

На обороте: Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому. 5.8.1919.

Препровождаю с донесением пристава гор. Шемахи августа 5 дня 1919 г.

За Шемахинского уездного Начальника: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 25-27.

**& 1. По обвинению М.Л.Гюльбандова, М.П.Арзуманянца,
Е.А.Иванянца.**

Документ № 582.

Повестка

Второй экземпляр

Жителю гор. Шемахи Али Гейдару Аббас оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий вызывает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра 6 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Не явившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 323 и 382).

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: подписи (арабскими буквами).

Вручил: 5 августа 1919 г.

Пристав К.Ахундов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 33.

Документ № 583.

Протокол допроса

1919 года, августа 6 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованного с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг. Суд., который показал следующее:

Я, Али-Гейдар Аббас оглы, 32 л., жит. гор. Шемахи, мусульманин, не судился, неграмотен.

В марте месяце 1918 года, числа не помню, во время первого нападения на г. Шемаху, я находился в Шемахе. Наш дом находится в конце сада «Махмуд-Али». На другой день, после занятия армянами и молочанами Шемахи, когда я вез на осле воду домой, то увидел пять человек армян, вооруженных ружьями, шашками, револьверами и кинжалами, которые шли мне навстречу по направлению нашего дома. Я спрятался в переулке и наблюдал за этими армянами и в числе их опознал Шемахинцев Христофора, сына священника, курносый и «Мирза» Михаила, имевшего аптекарский магазин в Шемахе (Михаил Арзу-

манов). Они все вошли в наш дом. В доме поднялся страшный крик. Я убежал к дяде Кербалай Гусейну Бедал оглы, который жил через несколько домов от нас, и там спрятался. Через некоторое время я опять увидел этих армян на улице, направлявшихся к дому дяди. Я испугался и убежал в сел. Ленгебиль. На третий день занятия Шемахи был заключен мир, и я вернулся в Шемаху. Дома я нашел трупы отца Абаса Бедал оглы, матери Бика Джаби кызы и брата Байрама, 8 лет. На трупе отца имелись пулевые раны, мать была зарублена шашкой, а брата искололи штыком. Трупы их я передал земле на кладбище. Были также убиты в своем доме дядя, тетка Салми Кербалай Махмуд кызы и их сын Али Гасан. По всей вероятности, их убили те же армяне. Христофор служит в настоящее время в Баку на вокзале швейцаром, где я лично его видел. Об убийстве отца, матери и брата я до сих пор никому не заявлял. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: С.Касимов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 37-38.

Документ № 584.

Экстренно

Азербайджанское Правительство

М.Ю.

Чрезвычайная Следственная

Комиссия

18 августа 1919 г.

г. Шемаха

№ 59

Г.Начальнику Бакинского Сыскного Отделения

На основании 270 ст. У.У.С. прошу вас сообщить мне, чем задерживается исполнение Вами поручение моего от 4 августа с.г. за № 27.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

На обороте: Доношу Г-ну Начальнику Бакинской Сыскной Полиции, что вследствие поручения Чрезвычайной Следственной Комиссии от 4 августа с.г. за № 27 задержаны: 1) Енок Агаджанович Иванов, 2) Мартирос Лазаревич Гюльбандов, 3) Михаил Петрович Арзуманов, которые заключены под стражу в Бакинскую Центральную № 1 тюрьму, для отправления с первым отходящим этапом в Гянджинскую тюрьму, с зачислением и содержанием за членом названной Комиссии Новацким.

Полицейский надзиратель Бакинской Сыскной полиции: подпись.

24 августа 1919 г.

Надпись: Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии в гор. Шемахе Новацкому.

В дополнение к надписи от 20 сего августа за № 3527, при этом сообщаю, что розыск остальных продолжается.

25 августа 1919 г.

Начальник сыскной полиции: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.213.

Документ № 585.

Постановление

1919 года августа 20 дня, гор. Баку.

Начальник Бакинской Сыскной Полиции Фаталибеков, имея в виду требование члена Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкого от 4 сего августа за № 27, **Постановил:** задержанных сего числа Енока Агаджановича Иванова, Мартироса Лазаревича Гюльбандова и Михаила Петровича Арзуманова, обвиняемых по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453, 1607 ст. Ул. о Наказ., заключить под стражу в Бакинскую Центральную № 1 тюрьму, для отправления с первым отходящим этапом в Гянджинскую тюрьму, с зачислением содержанием за названным членом Комиссии Новацким, которого и уведомить посылкой настоящего постановления, а копии препроводить: Прокурору Бакинского Окружного Суда для сведения, Начальнику Центральной тюрьмы для исполнения и Бакинскому Полицеймейстеру на распоряжение.

Начальник Бакинской сыскной Полиции: подпись.

На обороте: гор. Шемаха. Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новакому.

Вследствие отношения от 4 августа 1919 г. за № 27 дальнейшие розыски требуемых лиц продолжаются.

Августа 20 дня 1919 г., гор. Баку. № 3527.

Начальник Бакинской сыскной Полиции: подпись.

Делопроизводитель: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.212.

Документ № 586.

М.В.Д.

Начальник Бакинской

Сыскной Полиции

27 августа 1919 г.

№ 3527

г. Баку

**Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии
в Шемахе Новацкому**

В дополнение к сообщению моему от 20 сего августа за № 3527 уведомляю, что остальные лица в Баку не разысканы, но розыски продолжаются. На случай задержания кого-либо будет сообщено дополнительно.

Начальник Сыскной Полиции: Фаталибеков (подпись).

Делопроизводитель: Маркелов. (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 227.

Документ № 587.

Азербайджанское Правительство

М.Ю.

Чрезвычайная Следственная Комиссия

28 августа 1919 г.

г. Шемаха

№ 85

Старшине Джобанинского Сельского Общества

Прилагаемые при сем две повестки в двух экземплярах, прошу первые экземпляры вручить адресатам, а вторые под расписку возвратить мне до срока вызова.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

На обороте: В Чрезвычайную Следственную Комиссию.

При сем возвращая повестки в двух экземплярах доношу, что Петр Артамонов во время мартовских событий в прошлом 1918 году куда-то убыл и до сего времени в сел. Николаевку не являлся. Михаил Карабанов в настоящее время находится в отлучке в гор. Баку.

30 августа 1919 г. № 85.

Старшина села Николаевки: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 214.

Документ № 588.

Повестка

Второй экземпляр

Жителю сел. Джабаны-русские Карабанову, бывшему присяжному Шемахинского Казначейства

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 30 августа 1919 года, в качестве обвиняемого по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял:

Вручил:

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.215.

Документ № 589.

Повестка

Второй экземпляр

Жителю сел. Джабаны-русские Артамонову, бывшему учителю.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 30 августа 1919 года, в качестве обвиняемого по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятия и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.216.

Документ № 590.

Бакинский Армянский

Национальный Совет⁴⁹

№ 1352

23 августа 1919 года

г. Баку

**Его Высокопревосходительству Господину
Министру Юстиции**

18-го августа в 11 часов утра на Телефонной улице в магазине Иванянца, что в доме Лютеранской церкви, арестованы жители гор. Шемахи Мартирос Гюльбандянец, Михаил Арзуманов и Енок Иванянц.

Как впоследствии выяснилось, арест состоялся по предписанию Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Принимая во внимание возраст и положение арестованных, Совет имеет основание полагать, что в данном деле имеется недоразумение.

Из задержанных лиц, по заявлению их родных, Гюльбандянец состоял Начальником Почтово-Телеграфной Конторы в г. Шемахе, Михаил Арзуманов был попечителем и ктитором армянской церкви в г. Шемахе, а Енок Иванянц занимался торговлей.

Все они люди почтенные, зрелых лет и состояли гласными Шемахинской Городской думы.

Ныне они содержатся в Бакинской Центральной тюрьме в самых невыносимых условиях. По поступающим к нам сведениям, арестанты-каторжники, под страхом убийства, шантажируют их.

Бакинский Армянский Национальный Совет просит Ваше Высокопревосходительство сделать зависящее распоряжение об освобождении их, если не за подпиской о выезде, то по крайней мере на поруки.

Если же по каким-нибудь законным причинам освобождение их не может иметь место, то Совет просит об облегчении их режима и обеспечении их неприкосновенности в тюрьме.

И. об. Председателя: (подпись).

Член-Секретарь Совета: (подпись).

Резолюция: Снять копию.

Надпись: Исполнено. 25.УШ. 19 г. за № 4091.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 128.

(ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 218 (копия с копии)).

Документ № 591.

Канцелярия

Копия

25 августа 1919 г.

№ 4091

Г. Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии

С препровождением копии сообщения Бакинского Армянского Национального Совета Канцелярии Министерства, по приказанию Г. Министра, просит сообщить сведения по содержанию такового.

Директор Канцелярии

Делопроизводитель

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 129.

Документ № 592.

Азербайджанское Правительство

Арестантское

М.Ю.

Чрезвычайная Следственная Комиссия

26 августа 1919 г.

г. Баку

№ 338

Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии

А.Ф.Новацкому

Вследствие отношения Канцелярии Министерства Юстиции от 25 сего Августа за № 4091, с препровождением копии с копии отзыва Бакинского Армянского Национального Совета от 23 Августа с.г. за № 1352 прошу Вас, милостивый Государь, сообщить мне по содержанию этого отзыва в возможной скорости самые точные сведения для представления их в Министерство.

За Председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии: Ч.Клоссовский (подпись)

За Секретаря: подпись.

На обороте: Справка. 1 сентября 1919 г. № 99.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии требует сведения.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 217.

Документ № 593.

Его Превосходительству Господину Министру Юстиции

Беженки гор. Шемахи Анны Артемьевны Ивановой,
проживающей в гор. Баку, по Телефонной ул. № 15.

Прошение

Муж мой, Енок Огаджанович Иванов, 18 августа у себя в лавке был арестован милиционерами и препровожден в сыскную полицию, откуда через три дня был отправлен в Центральную Бакинскую тюрьму, где и находится до сего дня.

Не имея за собой никакой вины, муж мой, будучи в пожилом возрасте (50 лет), глава большой семьи, лишенный какой-либо помощи извне, томиться в тюрьме за чьи-то грехи.

Он в Шемахе пользовался общим уважением и не имел никакого отношения к политике и не участвовал в каких-либо организациях, кроме того он месяцем раньше до мартовских событий выехал вместе с семьей из Шемахи, забрав с собой как домашние вещи, так и часть товара, находящийся в магазине, а потому те преступления, которые приписываются ему, якобы совершенные ими в марте, ложны и лишены всякого основания. У меня есть свидетели, которые докажут об отсутствии моего мужа в Шемахе во время мартовских событий.

На основании вышеизложенного покорнейше прошу, Ваше Превосходительство, войти в положение беспомощной семьи и во имя права и справедливости освободить нашего единственного кормильца, так как после его ареста я с детьми (4 человек) очутилась в крайне критическо-тяжелом положении.

1919 года, Сентября 1-го дня.

Анна Иванова.

Резолюция: Оставить без рассмот., как не участвующее в деле лицо.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 136.

Документ № 594.

Его Превосходительству Господину Министру Юстиции

Беженки гор. Шемахи Марии Исааковны Арзумановой,
проживающей в гор. Баку, по 3-Канитапинской ул. № 1

Прошение

Муж мой, Михаил Петрович Арзуманов, 18 сего августа был на улице задержан и препровожден в сыскную полицию, откуда через 3 дня был переведен в Центральную Бакинскую тюрьму, где и содержится до сих пор.

Не имея за собой никакой вины, муж мой, будучи в пожилом возрасте, 56 лет, глава большой семьи, лишенный какой-либо помощи извне, томится в тюрьме за чьи-то грехи. Порукой его безупречности может послужить его долготелная работа в качестве азиатского хирурга и костоправа среди мусульман Шемахинского уезда и общее уважение, которым он пользовался и пользуется среди своих земляков. При этом добавляю, что муж мой, как скромный труженик не имел никакого отношения к политике и не участвовал ни в какой организации.

На основании вышеизложенного прошу Вашего Превосходительство войти в положение беспомощной семьи и во имя права и справедливости освободить нашего единственного кормильца.

30-го августа 1919 года, г. Баку.

Марии Арзуманова.

Резолюция: Оставить без рассмот., как не участвующее в деле лицо.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 137.

Документ № 595.

**Его Превосходительству Господину Министру Юстиции
Азербайджанской Республики**

От Маргариты Гульбандовой, проживающей
в гор. Баку, по 3-Канитапинской ул. № 25

Прошение

По постановлению Чрезвычайной Следственной Комиссии, сыскной полицией 19 августа с.г. арестован и отправлен в Бакинскую Центральную тюрьму муж мой Мартирос Лазаревич Гульбандов, признав его якобы виновником мартовских событий 1918 года в Шемахинском уезде Бакинской губ.

Муж мой в старости лет, ему 57 л. от роду, заключен в тюрьму оставив семью на произвол судьбы, семья состоит: из меня, сестры его слепой 67 лет, и трех малолетних сирот.

Муж мой прослужил всю свою жизнь на государственной службе, начальником Шемахинской почтово-телеграфной конторы, потерял свое зрение, о чем может удостоверить врачебная комиссия.

Заявляя о вышеизложенном, прошу распоряжения Вашего Превосходительства, пожалеть меня как старую женщину, слепую его сестру и сирот малолетних, кои все остались без всяких средств к дальнейшему существованию. Не имея кормильца семьи, умоляем Вас освободить его ни в чем не виновного, из под ареста или же отпустить под поручительство впред до разбора дела в суде.

М. Гульбандова.

2 сентября 1919 г., г. Баку.

Резолюция: Оставить без рассмот., как не участвующее в деле лицо.

Надпись: Сообщено 4. IX. 19 г. за № 4338.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 138.

Документ № 596.

**Правительство
Азербайджанской Республики
Министерство Юстиции**

**Канцелярия
4 сентября 1919 г.
№ 4338 г. Баку**

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

Канцелярия Министерства просит Вашего распоряжения об объявлении проживающим в гор. Баку Маргарите Гульбандовой (3-я Канитапинская ул., д. № 25), Анне Ивановой (Телефонная ул. д. № 15) и Марии Арзумановой (3-я Канитапинская ул. д. № 1), что поданные ими на имя Г. Министерства Юстиции прошения относительно освобождения из под стражи их мужей, оставлены без рассмотрения, как поданные не участвующими в деле лицами.

Вице -Директор Канцелярии: подпись.

Делопроизводитель: подпись.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 139.

Документ № 597.

М.В.Д.

**Бакинский Полицеймейстер
9 Сентября 1919 г.**

**№ 11509
Г. Баку**

Приставу 8 участка г. Баку

Согласно распоряжения Канцелярии Министерства Юстиции от 4-го сего сентября за № 4338, предлагаю Вам объявить под отдельные расписки Маргарите Гульбандовой, живущей по 3-я Канитапинской ул., в д. № 25 и Марии Арзумановой живущей по 3-я Канитапинской ул. в д. № 1, что поданные ими на имя Г. Министерства Юстиции прошения относительно освобождения из под стражи их мужей, оставлено без рассмотрения, как поданные не участвующими в деле лицами. Расписки предлагаю представить при надписи на сем же.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Делопроизводитель: подпись.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 141.

Документ № 598.

**М.В.Д.
Бакинский Полицеймейстер
22 Сентября 1919 г.
№ 11509
г. Баку**

Повторение 1

Приставу 8 участка г. Баку

Предлагаю поспешить исполнением по содержанию предписания от 9 Сентября с.г. за № 11509 относительно объявления Маргарите Гульбандовой содержание упомянутого предписания.

Помощник Полицеймейстера: подпись.

Надпись: В Канцелярию Министра Юстиции.

Настоящую переписку представляя вместе с двумя расписками, доношу, что Мария Арзуманова не разыскана.

9 октября 1919 г. № 11509.

Расписка: Настоящее отношение г. Бакинского Полицеймейстера от 9-го сентября 1919 года за № 11509 мне объявлено 10. IX.1919 г.

Анна Иванова.

Объявил: Окол.Надз.: подпись.

Расписка: Доношу Г. Приставу 8-го уч. гор. Баку.

По 3-ой Канитапинской ул в дом. По № 1-й не значится, а имеется д. под № 1 по 3-й Канит. переулке, в окол. Махмудова.

З.Х.1919 г.

Окол.над.: подпись.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 140, 144.

Документ № 599.

**Канцелярия
9 Сентября 1919 г.
№ 4402**

**Копия
Срочно**

Г. Бакинскому Полицеймейстеру

По приказанию Г. Министра Юстиции, Канцелярия Министерства просит Вашего распоряжения о том, чтобы отправка арестантов Бакинской № I центральной тюрьмы Мартироса Гюльбандова, Енока Иванянца и Михаила Арзуманова в Ганджинскую тюрьму была приостановлена впредь до особого распоряжения Министерства.

Вице - Директор Канцелярии.

Делопроизводитель.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 146.

Документ № 600.

Телеграмма

Гянджа.

Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому.

Необходимо допросить в Баку Гюльбандова и других.

Председатель А.б. Хасмамедов

Принято: 11 сентября 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 228.

Документ № 601.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года сентября 16 -го дня, г. Баку.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением 403-407 ст. Уст. Уг. Суд. и он показал:

ВОПРОСЫ :

Имя, отчество и фамилия

Возраст

Место рождения

Место приписки

Местожительство

Рождение

Звание

Народность

Религия

Грамотность

Семейное положение

Занятие

Степень имущественного
обеспечения

Отношение к потерпевшему

Судимость

Особые приметы

ОТВЕТЫ :

Мартiros Лазаревич Гюльбандов

56 лет

в гор. Шемахе

к жителям сел Сагиян Шемах. уезда.

гор. Баку, Третья Канитапинская № 25

законное

надворный советник

Армянин

Армяно-григорианское

окончил Шемахинское городское

училище

женат, дети взрослые

б. начальник Шемахинской

почтово-телеграфной конторы

нет

чужой

не судился

нет

По существу взведенного на меня обвинения показываю следующее:

Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении, изложенном в прочитанных мне докладе о разгроме города Шемахи и в постановлении Чрезвычайной Следственной Комиссии от 12 июля 1919 года, и предусмотренном 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Наказ.

(Обвиняемому были прочитаны упомянутый доклад и постановление). В оправдание свое показываю:

Столкновения между армянами и мусульманами в Шемахе начались 14 марта, именно: 14 марта мусульмане напали на Шемахинский гарнизон, похитили оттуда оружие и напали на армянскую часть города, убив несколько человек, в том числе Матрасинского пастора Караханянца и совершив поджог нескольких домов в армянской части города. На другой день, 15 марта утром произошло столкновение между мусульманами и отрядом советских войск, следовавших из Баку чрез селение Хильмили, Чухур-Юрт, Мейсары в сел. Матрасы. Я лично не только не сочувствовал этим столкновениям и не поддерживал армян в выступлениях против мусульман, напротив принимал все, что было возможно сделать, чтобы не допустить до столкновения и примирения армян с мусульманами. 17 марта я, Баргамов Арутюн и два мусульманина Гусейн Мемишев и другой, фамилию которого забыл, в качестве делегатов были отправлены в сел. Матрасы для переговоров с представителями упомянутого большевистского отряда, имевшей целью убедить их не нападать на мусульман и жить с ними в мире. Помощник начальника отряда Айрапетов отказался вести с нами какие бы то не было переговоры и мы вернулись в Шемаху того же числа поздно вечером. На другой день с утра началась бомбардировка Шемахи. В этом нападении я не принимал активного участия и не мог принимать таковое уже по той простой причине, что я совершенно потерял зрение еще в 1914 году. В доказательство того, что я не подготовил нападение на Шемаху, и не ожидал его, могут служить мои разговоры по прямому проводу в период с января месяца 1918 года с помощником начальника почтово-телеграфной конторы Николаем Варгановым, которому я, когда он справлялся о своей семье, сообщал, что семье его никакая опасность не угрожает и, что никаких серьезных столкновений между мусульманами и армянами не ожидается. Что же касается убийства моего помощника Агакишибекова, то могу сказать, что более близкого человека как он, у меня не было, я сам хлопотал о назначении его моим помощником. Место убежища его во время беспорядков было известно многим армянам, не только мне одному, пока он скрывался в своем доме. Я не знал даже, что он в последнее время скрывался в подвале дома Еганова. Я не мог обращаться с просьбой к вооруженным армянам, громившим Шемаху, так как они сами ругали меня и других армян за то, что мы защищали и заступались за мусульман. О враждебном отношении армянских солдат ко мне и другим за спасение мусульман может удостоверить Насрулла-бек Алиев и его брат Алескер-бек с женой, которых мы приютили в доме епископа Баграта. Я в числе других армян и русских, живших в Шемахе, именно податного инспектора Николая Николаевича Соколова (Баку, Цицианская 10), и других, которых сейчас нет в Баку, так как уехали в Россию, в доме Муфтия просили мусульманских представителей, чтобы они приняли от нас учреждения, какими мы заведовали и позволили нам выехать из Шемахи. Просьба наша не была исполнена, и они заявили нам, что мы все братья и должны жить в мире и дружбе. Это было, кажется, 14 марта пополудни. Был еще такой случай:

В доме Лалаева армянские солдаты, а также русские и молокане оскорбили б. члена Государственной Думы Мешади Тагия Алиева. Я заступился за него. Тогда солдат матрасинец Рафаел Громов, будучи пьян, нанес мне удар прикладом ружья, выругал меня и вытолкнул оттуда. В подтверждение этого обстоятельства никого назвать не могу, потому, что никого из очевидцев здесь нет.

Подпись: Гульбандов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Мера пресечения – залог в размере 15 тысяч (пятнадцать тысяч) рублей мне объявлена.

Подпись: Гульбандов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 229-231.

Документ № 602.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года сентября 17 -го дня, г. Баку.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением 403-407 ст. Уст. Уг. Суд. и он показал:

ВОПРОСЫ :

Имя, отчество и фамилия

Возраст

Место рождения

Место приписки

Местожительство

Рождение

Звание

Народность

Религия

Грамотность

Семейное положение

Занятие

Степень имущественного обеспечения

Отношение к потерпевшему

Судимость

Особые приметы

ОТВЕТЫ :

Михаил Петрович Арзуманов

65 лет

в г. Шемахе

там же

там же, в настоящее время в Баку,
3-я Канитапинская № 27

законное

мещанин

Армянин

Армяно-григорианское

городское училище

женат, пятеро малолетних детей

владелец аптекарского магазина

имею недвижимость, участок земли
в Шемахе на сумму до 50 тысяч
рублей

чужой

не судился

нет

По существу взведенного на меня обвинения показываю следующее:

Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинениях, изложенных в прочитанных мне докладе о разгроме города Шемахи и в постановлении Чрезвычайной Следственной Комиссии от 12 июля 1919 года, т.е. в преступлениях предусмотренных 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Наказ. (Обвиняемому были прочитаны доклад члена Комиссии Новацкого о разгроме г. Шемахи и упомянутое постановление о привлечении к делу в качестве обвиняемых). В оправдание свое показываю:

Я не имел никакого влияния на Шемахинских армян и вследствие преклонного возраста не пользовался никакой популярностью, поэтому не мог заниматься организацией нападения на гор. Шемахи. Кроме того, будучи обременен многочисленной семьей, заботился только о ней, и не интересовался общественными делами. Активного участия в нападении на Шемаху, в убийствах жителей и поджогов я тоже не принимал по своей старости. Я даже не умею стрелять. 19 марта 1918 года, утром, когда армяне и молукане заняли мусульманскую часть города, я с семьей выехал в сел. Матрасы, а оттуда через несколько дней, когда наступала «дикая дивизия» пошел пешком в сел. Хильмили, а оттуда через 15 дней выехал в гор. Баку, где с того времени безвыездно проживаю. То обстоятельство, что я не занимался общественными делами и политикой, и что 19 марта выехал в сел. Матрасы, могут удостоверить Н. Вачнадзе, податной инспектор Соколов, Гаджи Джафар Кули Ирзаев (адреса не знаю) и многие другие, которых сейчас не помню, и могу назвать позже. Более ничего показать не имею. Читано.

Подпись: Арзуманов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Мера пресечения – залог в размере пятнадцать тысяч рублей мне объявлена.

Подпись: Арзуманов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 232-233.

Документ № 603.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года сентября 17 -го дня, г. Баку.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением 403-407 ст. Уст. Уг. Суд. и он показал:

ВОПРОСЫ :

Имя, отчество и фамилия

Возраст

Место рождения

ОТВЕТЫ :

Еновк Огоджанович Иванов
(Иванянц)

50 л.

в гор. Шемахе

Место приписки	там же
Местожителство	гор. Баку, Телефонная
Церковный	д. № 15
Рождение	законное
Звание	мещанин
Народность	Армянин
Религия	Армяно-лютеранского вероисп.
Грамотность	Шемахинское городское училище
Семейное положение	женат, четверо малолетних детей
Занятие	торговец
Степень имущественного обеспечения	ничего не имею
Отношение к потерпевшему	чужой
Судимость	не судился
Особые приметы	нет

По существу взведенного на меня обвинения показываю следующее:

Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении, изложенном в докладе о разгроме города Шемахи и в постановлении Чрезвычайной Следственной Комиссии от 12 июля 1919 года, т.е. в преступлениях, предусмотренных 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Наказ. (Обвиняемому были прочитаны доклад Члена Комиссии Новацкого о разгроме г. Шемахи и упомянутое постановление о привлечении к делу в качестве обвиняемых). В оправдание свое показываю:

В Шемахе с конца 1917 года положение было тревожное. Мои заботы были направлены исключительно к тому, чтобы оградить себя и семью от всяких неприятностей. Я страдаю падучей болезнью. Ни общественными, ни политическими делами не занимался. С утра до ночи торговал в своем магазине, а после смерти брата смотрел и за его магазином. У меня положительно не было времени, чтобы заниматься политикой, а тем более политикой, ведущей к нападению одной части населения на другую. Я лютеранин, а мы, лютеране, стремились только к тому, что бы сохранить спокойствие и мир. Я лично, если представился случай, призывал к миру и братской жизни. Я предчувствовал, что в Шемахе могут произойти беспорядки, поэтому еще 27 декабря 1917 года отправил в Баку троих детей. В начале декабря 1917 года вернулся домой с позиций в чине прапорщика мой сын Николай. 3 января 1918 года он тоже выехал в Баку, где постоянно оставался, а впоследствии вступил в отряд Бичерахова и в сражении под Кизляром в октябре 1918 года против большевиков был убит. Я около 20 февраля 1918 года передал свою квартиру жене Абдул Гусейн-бека Агаларова и 3 марта чрез Чухур-Юрт выехал в Баку, но вследствие бездорожья остался в названном селении и ушел оттуда в сел. Хильмили вместе со всеми Чухур-Юртцами. Когда это было, определить не могу. Из Хильмилей поехал в Баку, где безвыездно проживаю

до настоящего времени. Мои показания могут подтвердить: 1) Исидор Викентьевич Заикский (Казенная Бакинская Полата), жить. сел. Чухур-Юрт., 2) Андрей Кострюлин, 3) Иван Михайлович Шевердяев, 4) Даниил Калинин, у которого я жил, 5) Роман Иванович Журуев и его сыновья 6) Семен и 7) Михаил, 8) Семен Попов, 9) Арам Джанумов (Торговая ул.), 10) Мирзаджан Газаров (угол Булатовской и Телефонной), 11) Агабек Гасратов (угол Сураханской и Вокзальной, д. Серебрякова), 12) Александр Ефремович Вартанянц (Бакинская почтово-телеграфная контора) Более показать не имею. Читано.

Подпись: Еновка Иванов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Мера пресечения – залог в размере пятнадцать тысяч рублей мне объявлена.

Подпись: Еновка Иванов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 234-235.

Документ № 604.

Постановление

1919 года, сентября 17 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий допросил жит. гор. Шемахи Мартироса Лазаревича Гюльбандова, 56 л., Михаила Петровича Арзуманова, 60 л., и Еновка Оганджановича Иванова (он же Иванянц) 50 л., обвиняемых в том, что вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной и племенной к мусульманскому населению, действуя по предварительному между собой соглашению и совокупными силами, составили шайку из нескольких тысяч человек, вооруженных пушками, пулеметами, ружьями, револьверами и кинжалами, и состояли членами таковой, которая, поставив своей целью истребление мусульманского населения, похищение и уничтожение его имущества, 18 марта 1918 года, на рассвете, напав на мусульманскую часть гор. Шемахи и громя его в течение нескольких дней, 1) убила несколько тысяч жителей-мусульман, мужчин, женщин и детей, причем убийства эти сопровождалась особенностями жестокостями, как то отрубанием конечностей, ушей, носов, выкалыванием глаз, распариванием животов и т.п., 2) похитила разного движимого имущества более чем на один миллион рублей; 3) уничтожила посредством поджога всю мусульманскую часть города, между прочим, тринадцать мечетей и, принимая во внимание, что хотя обвиняемые не признали себя виновными в означенных преступлениях, однако вполне изобличаются в совершении таковой показаниями свидетелей, первый- Гюльбандов: 1) Мовсум-бека Садахбекова, 2) Абдул Гусейна Алиева, 3) Гаджи Керима Азиз оглы, 4) Джелала Молла Гати оглы, 5) Садыха Агаларова, 6) Махияддина Эфенди оглы, 7) Мешади Расула Гусейн-Али оглы, 8) Насруллы Гаджи Султан оглы, 9) Магомета Абдул Рагим оглы, 10) Абдуллы Абдуллаева, 11) Мешади Алекпера Керам оглы, 12) Мелика Меликова, 13) Ага Салима Гаджи Алиева, 14) Али-Гейдара Тагиева, 15) Алихан-

бека Эюббекова, 16) Джевад-бека Мамедова, 17) Пантелеймона Пугачева, 18) Асаф-бека Шихалибекова и 19) Сираджедина Эфендиева;

Второй, Арзуманов показаниями предыдущих свидетелей, указанных под № № 3, 5,6,7,8,9,10, 11, 13, 14, 15, 16 и 19; и третий – Иванов, показаниями Агахан-бека Эюббекова и Асаф-бека Шихалибекова, которые удостоверили, что обвиняемые занимались организацией нападения на г. Шемаху, руоводили толпой, совершавшей убийства, грабежи и поджоги, и что, Гюльбандов и Арзуманов сами принимали участие в расстрелах жителей г. Шемахи; что, несмотря на то, что обвиняемым за совершенные ими преступления угрожает наказание по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453, 1607 ст. Ул. о Наказ., влекущие за собою лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы, однако, имея в виду объяснение обвиняемых, данные на предварительном следствии, их преклонный возраст, состояние здоровья и семейное положение, нет опасения, чтобы они скрылись и уклонились от следствия и суда, и что в виду этого в обеспечение их личности для следствия и суда возможно вместо меры пресечения лишашоющей их свободы, избрать денежный залог, приняв при этом во внимание их имущественное состояние, а потому, **Постановил:** на основании 416, 419 и 421 ст. Уст.Уг.Суд., мерою пресечения способов уклонения от следствия и суда против названных обвиняемых Гюльбандова, Арзуманова и Иванова (он же Иванянц) избрать денежный залог в размере пятнадцати тысяч рублей за каждого, а до представления такового содержать их под стражей.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Надпись: Читал. 17 –го сентября 1919 г. г. Баку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии: Алек.б. Хасмамедов (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 236-237.

Документ № 605.

**Квитанция
На 15.000 рублей.**

Серия А л

№ 562179. Печать.

Выдана Бакинского Казначейством 18 сентября 1919 года.

По основному приходному журналу № 37524.

Принято от Товарищества «Князь Джоржадзе и Агриевы» в уплату обеспечения личности М.Л.Гюльбандова в депозит Мин Бак. Округного Суда.

Всего: пятнадцать тысяч рублей.

Кассир: подпись.

Бухгалтер: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 238.

Документ № 606.

**Канцелярия
20 Сентября 1919 г.
№ 4597**

**Копия
Арестантское
Срочно**

Г. Начальнику Бакинской Центральной № I тюрьмы

Канцелярия Министерства Юстиции предлагает Вам немедленно освободить содержащего во вверенной Вам тюрьме Мартироса Гюльбандова, числящегося за Чрезвычайной Следственной Комиссией, если только он не должен содержаться под стражей по каким-либо другим делам.

Вице - Директор Канцелярии.

Делопроизводитель.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 147.

Документ № 607.

**Канцелярия
20 Сентября 1919 г.
№ 4617**

**Копия
Арестантское
Срочно**

Г. Начальнику Бакинской Центральной № I тюрьмы

Канцелярия Министерства Юстиции предлагает Вам немедленно освободить содержащихся во вверенной Вам тюрьме Михаила Арзуманянца и Енока Иванянца, числящихся за Чрезвычайной Следственной Комиссией, если только они не должны содержаться под стражей по каким-либо другим делам.

Вице - Директор Канцелярии.

Делопроизводитель.

ГА АР, ф. 100, оп. 2, д. 791, л. 148.

Документ № 608.

**Азербайджанское Правительство
М.Ю.**

**Чрезвычайная Следственная
Комиссия
4 октября 1919 г.**

г. Баку

№ 366

**Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии
А.Ф.Новацкому**

Препровождаю при сем два протокола заявлений и подписок о залоге Г.Б.Тер-Микаэляна и Тиграна Будагяна от 22 сентября с.г. с приложением двух квитанций по 15.000 руб. каждая за №№ 37887, 37998 от 20 и 22 сентября с.г. Бакинского Казначейства за взнос залогов в обеспечение личности обв. М.Арзуманянца и обв. Е.Иванянца для приобщения к делу о разгроме гор. Шемахи.

За Председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии: Александрович.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.261.

Документ № 609.

Протокол

1919 года сентября 22 дня, гор. Баку.

Ко мне, Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии, явился житель гор. Баку Гайк Тер-Микаэльянц и просил отдать ему под залог обвиняемого по сему делу Михаила Арзуманянца, при этом представил квитанцию, выданную Бакинским Казначейством в обеспечение личности названного обвиняемого пятнадцать тысяч рублей.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 262.

Документ № 610.

Постановление

1919 года сентября 22 дня, гор. Баку.

Я, Председатель Азербайджанской Чрезвычайной Следственной Комиссии, приняв во внимание вышеизложенное заявление жит. гор. Баку Г.Б.Тер-Микаэльянца и постановление члена Комиссии Новацкого от_ (*17 сентября 1919 г.*), и руководствуясь 416 и 426 ст.ст. Уст. Уг. Суд., **Постановил:** обвиняемого по сему делу Михаила Арзуманянца отдать под залог заявителю Г.Б.Тер-Микаэльянцу с денежной ответственностью его, согласно 427 ст. того же Устава, в размере 15.000 рублей, в чем отобразить от него, залогодателя, надлежащую подпись.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 262 об.

Документ № 611.

Подписка

1919 года сентября 22 дня, гор. Баку.

Я, нижеподписавшийся житель гор. Баку Гайк Богданович Тер-Микаэльянц, даю Председателю Азербайджанской Чрезвычайной Следственной Комиссии настоящую подпись в том, что беру под залог обвиняемого по сему делу Михаила Арзуманянца с денежною ответственностью за него в размере 15.000 рублей. Ст.427 Уст. Уг. Суд. мне объявлена и смысл ее мне разъяснен.

Подпись: Гайк Тер-Микаэляц (подпись).
Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.264.

Документ № 612.

**Квитанция
На 15.000 рублей.**

Серия А л

№ 562522. Печать.

Выдана Бакинского Казначейством 20 сентября 1919 года.

По основному приходному журналу № 37887

Принято от Гайка Б.Тер-Микаельянца в уплату обеспечения личности
Михаила П. Арзуманянца в депозит Бак. Окружного Суда.

Всего: пятнадцать тысяч рублей.

Кассир: подпись.

Бухгалтер: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 263.

Документ № 613.

Протокол

1919 года сентября 22 дня, гор. Баку.

Ко мне, Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии, явился
житель гор. Баку Тигран А. Будагян и просил отдать ему под залог обвиняе-
мого по сему делу Е.А.Иванянца, при этом представил квитанцию, выданную
Бакинским Казначейством в обеспечение личности названного обвиняемого
пятнадцать тысяч рублей.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.265.

Документ № 614.

Постановление

1919 года сентября 22 дня, гор. Баку.

Я, Председатель Азербайджанской Чрезвычайной Следственной Комис-
сии, приняв во внимание вышеизложенное заявление жит. гор. Баку Тиграна
А. Будагыана и постановление члена Комиссии Новацкого от _ (*17 сентября
1919 г.*), и руководствуясь 416 и 426 ст.ст. Уст. Уг. Суд.,

Постановил: обвиняемого по сему делу Е.А.Иванянца отдать под залог зая-
вителю Тиграну А.Будагыану с денежной ответственностью его, согласно 427
ст. того же Устава, в размере 15.000 рублей, в чем отобразить от него, залогода-
теля, надлежащую подписку.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.265 об.

Документ № 615.

Подписка

1919 года сентября 22 дня, гор. Баку.

Я, нижеподписавшийся житель гор. Баку Тигран А.Будагян, даю Председателю Азербайджанской Чрезвычайной Следственной Комиссии настоящую подписку в том, что беру под залог обвиняемого по сему делу Е.А.Иванянца с денежною ответственностью за него в размере 15.000 рублей. Ст.427 Уст. Уг. Суд. мне объявлена и смысл ее мне разъяснен.

Подпись: Тигран А.Будагян (подпись).

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.267.

Документ № 616.

**Квитанция
На 15.000 рублей.**

Серия А л

№ 562602. Печать.

Выдана Бакинского Казначейством 22 сентября 1919 года.

По основному приходному журналу № 37993.

Принято от Тиграна А. Будагыана в уплату обеспечения личности Еноки А.Иванянца в депозит Бак. Окружного Суда.

Всего: пятнадцать тысяч рублей.

Кассир: подпись.

Бухгалтер: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 266.

Документ № 617.

Второй экземпляр

Повестка

Жит. сел. Чухур-Юрт: 1) Андрею Кострюлину, 2) Ивану Мих. Шeverдьяеву, 3) Даниилу Калинину, 4) Роману Тируеву, 5) Семену Попову.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 20 октября 1919 года, в качестве свидетелей по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: 1919 Октября 19 дня повестку получили: Семен Попов, Роман Тируев, а за неграмотного по доверии, а равно и за себя расписались: Иван Шeverдьяев, Даниил Калинин, Андрей Кострюлин.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 82.

Документ № 618.

Протокол допроса

1919 года октября 20 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей с соблюдением 307 и 443 ст. У.У.С. которые показали:

Я, Андрей Васильевич Кострюлин, жит. сел. Чухур-Юрт, 45 л., молоканин, не судился, грамотен.

До разгрома гор. Шемахи я видел армянина Еновка Иванова в гор. Шемахе. Потом я сильно заболел и его больше не видел. Я слышал, что еще до разгрома Шемахи он приехал к нам в селение. Какого это было числа, не помню. Читано.

Подпись: Кастрюлин.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Иван Михайлович Швердяев, жит. сел. Чухур-Юрт, 64 л., молоканин, грамотен.

Я знаком с Еновком Ивановым. Мне хорошо известно, что задолго до разгрома Шемахи в марте прошлого года он с компаньоном своим Бахишем Тарасовым намеревались выехать в Баку с семейством, но так как дорога была небезопасна, то они жили у нас в Чухур-Юрте в доме Калинина до прихода Гянджинских войск, а когда пришли Гянджинцы они вместе с нами ушли в сел. Астраханку, а оттуда в Баку. Читано.

Подпись: Иван Швердяев.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Даниил Григорьевич Калинин, жит. сел. Чухур-Юрт, 43 л., молоканин, не судился, грамотен.

Я знаю Еновка Иванова. За две недели до разгрома гор. Шемахи он приходил к нам в селение с семейством и жил у меня в доме до прихода Гянджинских войск, а после их прихода ушел с нами в сел. Астраханку. Из селения нашего он больше в Шемаху не возвращался. Почему он бежал из гор. Шемахи к нам в Чухур-Юрт, не могу объяснить. Читано.

Подпись: Даниил Калинин.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Роман Федорович Тируев, жит. сел. Чухур-Юрт, 60 л., молоканин, не судился, неграмотный.

Я знаю Еновка Иванова. Удостоверяю, что еще до разгрома гор. Шемахи он приехал к нам в селение и жил у нас до прихода Гянджинских войск в Шемаху, а потом ушел с нами в сел. Астраханку. Почему он ушел из Шемахи и жил у нас, объяснить не могу. Читано. Неграмотен.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Семен Осипович Попов, жит. сел. Чухур-Юрт, 70 л., молоканин, не судился, неграмотен.

Я знаю Еновка Иванова. До разгрома гор. Шемахи в марте месяце прошлого года я видел его всего один раз у нас в селении, потом я его уже не видел. Читано. Неграмотен.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 83-84.

Документ № 619.

Протокол допроса

1919 года октября 20 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованного с соблюдением 307 и 443 ст. У.У.С. который показал:

Я, Ахмед Бала оглы Балаев, жит. гор. Шемахи, 37 лет, мусульманин, помощник пристава Матрасинского участка.

Когда армяне и молокане напали на Шемаху 18 марта 1918 года, я тогда находился в Шемахе. Нападение на Шемаху было заранее подготовлено армянами и молоканами. Некоторые мусульмане, как например, мой брат Гусейн Сафаралиев, предсказывали это нападение. Армяне и молокане окружили город и бомбардировали его из пушек и обстреливали из ружей. Мусульмане, проживавшие в Верхней части города, спасались в Нижнюю часть, потому, что кто остался в Верхней части, был убит Шемахинскими армянами. Так, в первый день обстрела было убито в Верхней части много мусульман, из коих я могу назвать Гаджи Мир Аббаса, Халаф-бека Меликбекова, Гаджи Алескера, его сына, Сархана Асланбекова, помощника начальника почтово-телеграфной конторы, Абил Касумбека, Халит-бека, его брата и других, которых не помню. Трупы семи человек были брошены в колодец. Я жил в отделении «Сарьторпаг». Я не успел бежать и оставался у себя дома со всем семейством до 12 или 2 час. дня. Дома моих соседей горели. К моему дому подошли несколько армян, в числе которых я заметил шемахинцев, парикмахера Ованеса и Тумаса, который служил приказчиком у Амбарцума Гюльбандова. Они подожгли мой дом, причем Ованес предварительно смазал парадную дверь и ворота смолой или дегтем. Припоминаю, что в числе их были еще жит. сел. Сагиян Агабек Гюльбандов и жит. сел. Керкенч «Кара-Геви», т.е. «Черный Кеворк». Я оставался в Шемахе до прихода Гянджинцев, которые пришли, кажется, 21 марта, во вторник. Гянджинцы оставались здесь всего три дня и ушли. С ними ушло большинство Шемахинцев. Ушел и я, и не был очевидцем второго разгрома Шемахи, так что относительно участников второго нападения никаких сведений дать не могу. Первое нападение на Шемаху было организовано в г. Баку и оттуда в Шемаху был направлен отряд под командой Артамонова, бывшего учителя в сел. Джобаны. Кто организовал нападение, не знаю, но всем известно, что пушки, снаряды и прочее доставлял армянам в Матрасы и в Шемаху Степан Лалаев. Во главе Шемахинских армян, которые были против мусульман и старались захватить власть, стояли начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, молодой Иванов, сын Енока Иванова,

Самвел Долиев, Георгий Караогланов, Христофор Саркисов и другие, которых не помню. Про Михаила Арзуманова я ничего плохого сказать не могу. Он мне неоднократно говорил, что войны не желает, потому, что ему живется хорошо. Ему на самом деле хорошо жилось в Шемахе. Он до последнего дня оставался в Шемахе. Еновка Иванов до нападения на Шемаху бежал в сел. Чухур-Юрт. Он обязательно знал, что готовилось нападение. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Ах. Бабаев.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 85-86.

Документ № 620.

М.Ю.

Азербайджанское Правительство

Чрезвычайная Следственная

Комиссия

20 октября 1919 г.

г. Шемаха

№ 141

**Г. Председателю Чрезвычайной
Следственной Комиссии**

Потерпевший Шемахинец Кербалай Юсуф Мамедов при допросе по делу о разгроме гор. Шемахи показал, что его одногорожанин Кербалай Гейбат Мешади Баба оглы рассказывал ему, что после второго нападения армян на гор. Шемаху он, Кербалай Гейбат, в числе других 65 человек был задержан армянами, которые поставили их всех 65 человек под стеной, отводили в сторону по пять человек и расстреливали их на глазах остальных; таким образом были расстреляны 64 человека мусульманина, а ему, Кербалай Гейбату, удалось бежать во время временного замешательства, когда очередь дошла до последней пятерки, в котором он находился; этими расстрелами руководил Степан Лалаев, сын Балабека.

Так как показание названного Кербалай Гейбата Мешади Баба оглы имеют существенное значение для дела, и так как он в настоящее время проживает в гор. Баку на Шемахинке (адрес неизвестен, но легко разыскать в чайчи на Шемахинке чрез Шемахинцев), то прошу распоряжение Вашего Превосходительства о допросе в возможной скорости этого свидетеля.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 91

Документ № 621.

Азербайджанское Правительство

М.Ю.

Чрезвычайная Следственная

В.Экстренно

Арестантское

Комиссия
25 октября 1919 г.

г. Баку
№ 383

Г. Полицейскому Приставу 4 уч. гор. Баку.

Прошу вас, М.Г., поручить кому следует, выяснить местожительство в г. Баку на Шемахинке, в одном из чайчи, чрез находящихся в этом районе Шемахинцев, Шемахинского беженца Кербалай Гейбата Мешади Баба оглы, спасшагося от расстрела в Шемахе в 1918 году из числа 65 лиц, расстрелянных армянами в одно время и сообщите Комиссии.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Алей Александрович (подпись).

На обороте: В. Экстренно.

В Чрезвычайную Следственную Комиссию.

Кербалай Гейбат Мешади Баба оглы проживает по Шахской ул. уг. Базарной, дом. № 27, Караван-сарай «Захар».

27 октября 1919 г., № 7160

Пристав 4-го участка Бакинского Полиц.-ства: подпись.

Письмоводитель: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л.90.

Документ № 622.

Азербайджанское Правительство
М.Ю.

Чрезвычайная Следственная
Комиссия

31 октября 1919 г.

г. Баку
№ 389

Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии
А.Ф. Новацкому

Препровождая при сем требование Ваше с допросом свидетеля Кербалай Гейбата Мешади Баба оглы, и Протокол допроса названного свидетеля от 31 октября с.г. по делу о разгроме гор. Шемахи.

Член Комиссии: Александрович (подпись).

Конверт: г. Шемаху. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Ф.Новацкому. № 389.

Записка: Сакна Ханум Худавердиева.

Баку, Персидская ул., Шахский пер., д. № 16. квар. Курбанова.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 87-89.

Документ № 623.

Протокол допроса

1919 года октября 31 дня.

Чрезвычайная Следственной Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве свидетелей с соблюдением 307 и 443 ст. У.У.С, который показал:

Я, Кербалай Гейбат Мешади Баба оглы, мусульманин, 46 лет от роду, житель города Шемахи, временно проживаю в Баку, как беженец, в доме № 27 уг. Базарной и Шахской улиц, каравансарай «Захар», неграмотен.

Во время второго нападения на Шемаху армян в 1918 году я бежал в направлении Кюрдамира из Шемахи. Вместе со мной было более 60 лиц – бежавших из Шемахи мусульман. В числе этих более чем 60 лиц находились 14 человек моих родственников, а 11 человек соседей, прочие же были мне неизвестны. В местности около «железного моста» нас настигли армяне и под конвоем возвратили в Шемаху. По дороге армяне-солдаты убили двух женщин – мусульманок за то, что они кричали. По возвращении в город армяне отделили мужчин в числе пяти, считая меня, и привели к стене Юхары-Калинской мечети. Кроме нас, мужчин, были две женщины: моя мать - Набат Аскер кызы и моя жена – Захра Теймур кызы. Нас всех поставили в ряд, моя мать лежала в обмороке, а жена с ребенком 4 месяцев присела от слабости и ужаса. Я стоял с края ряда и когда начался расстрел, то сперва упали два человека с другого конца ряда и барахтались на земле. В это время я бросился бежать, завернул за угол мечети, наткнулся на двух армян – солдат, загородивших мне дорогу. Я перелез через невысокий забор, взобрался на крышу дома, и оттуда дальше по крышам соседних домов я скрывался, а затем соскочил во двор дома и увидев приближающихся солдат, я бросился в колодец глубиной аршин 15, и спрятался там. При падении в колодец я выбил себе два передних зуба в верхней челюсти и ушиб правую ногу. В колодце я был 4 дня и помню, что я упал в колодец в субботу, а вышел в среду. Я скрылся из Шемахи пользуясь ночным временем.

Из числа 14 родственников и 11 знакомых, бывших в числе 60 с лишним беженцев, задержанных армянами у железного моста, никого в живых не осталось, кроме моей жены Захры Теймур кызы, с которой я развелся, и которая находится в городе Баку, адрес ее мне не известен. Кербалай Юсуфу Мамедову, моему знакомому шемахинцу, я все изложенное мною рассказывал. Всем убийством моих родных и знакомых, описанных мною, руководил сын Балабека Степка Лалаев, командир этой шайки. Лично его я не видел, но знаю это хорошо. Прочитано.

Подпись: Кербалай Гейбат Мешади Баба оглы. Неграмотен.

Переводил: Переводчик Судеб. Палаты: Г Ахвердов (подпись).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Александрович (подпись).

1919 года Октября 31 дня.

Настоящий протокол препровождается Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкому по его требованию.

Член Комиссии: Александрович (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 92-93.

Документ № 624.

Азербайджанское Правительство

М.Ю.

Чрезвычайная Следственная

Комиссия

26 октября 1919 г.

г. Баку

№ 384

Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии

А.Ф.Новацкому

Препровождая при сем на Ваше рассмотрение прошение М.Л.Гюльбандова, вступившее в канцелярию Комиссии 23. X. 1919 г. за № 2182.

За Председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии

Член комиссии: Александрович (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 98

Документ № 625.

Господину Председателю

Чрезвычайной Следственной Комиссии

Мартироса Лазаревича Гульбандова,

3 Канитапинская № 25, д. Гамидова

В дополнение к показанию моему от 16 истекшего сентября по обвинению меня по ст.ст. 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 представляя, на обороте сего список новых свидетелей, покорнейше прошу распоряжение Вашего Превосходительства о допросе всех их, могущих действительно подтвердить, что я все время тревожных событий в Шемахе 1918 году всеми силами старался поддерживать добрососедские отношения с мусульманами, не производить никаких беспорядков, не оказать никому никакого давления или сопротивления не совершая при этом каких либо поступков и преступлений, а потому я считаю себя совершенно не виновным и не правильно привлеченным к делу в качестве обвиняемого, тем более, что между свидетелями нет такие лица, которые питали ко мне не удовольствие из за того, что многим из них я оказывал в не законных их требованиях обращенных ко мне как начальнику местной почтово-телеграфной конторы. При этом присовокупляю, что уезжая из Шемахи со всем моим семейством и бросая всякое нажитое мною добро 23 на 24 марта в сел. Николаевку (Джобани) и оттуда в сел. Хильмили, я и лены моего семейства больше в Шемаху не вернулись до 8

апреля, тогда только я вернулся в Шемаху вследствие постановления, находящихся в сел. Хильмили чинов государственных учреждений от 8 апреля, какое будет представлено в день разбора этого дела.

Октября 12 дня 1919 года, Баку.

Подпись: Мартирос Лазаревич Гульбандов.

Имя и фамилия свидетелей:

Адрес и место нахождения свидетелей:

1. Семен Иванович Крупников	уг. Молоканск. и Большой Морской
кожевная торгов. Грушенкова
2. Иван Степанович Грушенков	там же
3. Василий Петрович Грушенков	там же
4. Семен Васильевич Абрамов	с. Хильмили Шемахинский уезд.
5. Максим Осипович Щербинин	двор. Мельницы Скобелова.
6. Тимофей Савельевич Апаршев	с. Чухур-Юрт Шемах. уезд.
7. Григорий Николаевич Мидянов	Казначейство присяжных
8. Павел Петрович Ермаков	уг. Молоканский и Большой Морской
Комиссион. торгов. Грушенков
9. Дмитрий Андреевич Лизин	сел. Чухур-Юрт
10. Иосиф Федорович Богомолов	священник сел. Алты-Агач
11. Агабил Яврумов	Молоканская 25, д. Адамова
12. Сероп Саркисов	лавка уг. Будаговской и Балаханской
13. Александр Исхакович Тароев	Каменистая, дом Барсегова
14. Андрей Абрамов Шахвердов	там же
15. Андрей Александрович
Арзуманов	уг. Станислав. и Бондарной
16. Патвакан Макарович Нерсесян	учитель, 5 Пушкинская школа, ход
с Торговой улицы
17. Александр Манасович Виалеянц	Армянская Консистерия
18. Арутюн Боргамянц	там же
19. Агаси Джанумов	Торговая, д. Мехтиева 54
20. Арсен Григорьевич Гукасов	1 Канитапинская д. № 156
21. Крикор Егорович Тер-Степанянц	там же
22. Мирдадж Казарянц	Бондарная, дом Аветиса Казарова,
не далеко Армянской церкви или
Азиатская № 136.
23. Левон Бадалов	Кооперативная лавка № 6.
1 Канитапинская
24. Соломон Саруханов	поч.-тел. чиновник Черногородской
п.т. конторы.
25. Агаби Гасратов	Контора Ал.Ис.Серебрякова уг.
Вокзальной и Сураханской
26. Ованес Караханов	4 Канитапинская д. 23. уг. М. Саакова
27. Кеворк Долекиумов,	соб. винный склад

28. Осип бек Хачанов	Каменистая ул. д. Тер-Ованесова
29. Александр Мансуров Захаров	2 Слободская д. № 23
30. Священник Варткет Григорян	Станиславская Магазин «солнце» д. 81
31. Арташес Караогланов	там же
32. священ. Шагиянц	Армянская Консистерия
33. Николай Джалумов	угол Бондарной и Будаговской ул.,
против церкви
34. Мисай Саркисов	дом Лютеранской церкви
35. Агаби Атаев	Армянский поселок 4 Нагорная
36. Меликсет Бирхудоров	Телефонная, собс. винный склад
37. Артем Аракелович Захиров	Н.Приютская дом Гедакова
38. Татевос Осипов	3 Канитапинская 25
39. Мирзаджан Гамидов	сел. Келакханы Шемах. уезда
40. Сероп Надиров	5 Канитапинская ул. № 3
41. Акоп Матевосов	Серебрян. Нижнее-Приютская д. № 209
42. Артем Осипов	3 Канитапинская д. № 25
43. Егор Джангиров Цатуров	Каменистая, дом. Хачатурова
44. Христофор Амбарцумович Цатуров	там же
45. Минас Ованесов	4 Канитапинская д. Керимова № 15
46. Хачи Аваков	тому же адресу Ованесова
47. Араки Бабанов	тоже.
- ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 99-100.**

Документ № 626.

**Господину Председателю
Чрезвычайной Следственной Комиссии**

Еновка Огаджанович Иванова,
Телефонная ул., д. № 15

Заявление

В дополнение к показание моему от 17 сентября месяца с.г. по обвинении меня по ст. ст. 13, 129, 922, 927, 1630, 1634, 1453 и 1607 представляя на сем же ряд новых свидетелей, прошу распоряжения Вашего Превосходительства о допросе всех их, могущих действительно подтвердить нижеприведенные все мои показания, подтверждающие мою невинность и непричастность в последних событиях, совершающихся в гор. Шемахе начиная от 14 марта 1918 года.

Нижепоименованные мои свидетели, как то:

1. Нерсесянц Подвакан - учитель 5-ой Пушкинской школы
2. Газарянц Мирзаджан - Азиатская ул. № 136
3. Джанумов Агаси - Торговая ул. № 54
4. Арзуманов Андрей - уг. Станиславской и Бондарной № 135
5. Залеский Исидор Вик. – Казенная палата

6. Саркисянц Мисак - Телефонная ул. д. № 30
 7. Авакянц Хачатур - 6 Канитапинская № 12
 8. Саркисов Сероп - уг. Будагова и Балаханской
 9. Гасратов Агабек - Контора Ал. Серебрякова, уг. Сураханской и Вокзальной
 10. Варданов Александр – Поч.-телег. контора, живет у сына Николая.
 11. Караханянц Ованес - 4 Канитапинская № 23
 12. Агаларов Садыых-бек - гор. Шемаха
 13. Умай Агаларова - гор. Шемаха
 14. Кострюлин Андрей - сел. Чухур-Юрт Шемах. уезда
 15. Долиев Бениамин - учитель школы № 15 на Телефонной
- могут действительно подтвердить, во-первых, что во второй половине, т. Е. приблизительно к 20-му числу февраля 1918 года, я свой дом с большею частью домашними вещами, всеми домашними обстановками, весь двор с амбарами, складами дров, улей и прочими вещами, все передал через Садых-бека Агаларова сестре его, жене умершего Абдул Гусейн бека Агаларова госпоже Умай Агаларовой, и сам временно переселился в квартире своего брата, находящегося в доме Кеворка Тараева, и во-вторых, что живя некоторое время у брата, я взял 4-го марта 1918 года оставшееся часть своей семьи, все семейство брата моего и с семейством Бахиша Егиязарова выехал в сел. Чухур-Юрт на фургонах Андрея Кострюлина и других с намерением оттуда пробраться через русских сел в гор. Баку.

Нижеследующие мои свидетели, как-то:

1. Кастрюлин Андрей
2. Швердяев Иван М.
3. Журиев Симеон Ив.
4. Попов Симион
5. Журиев Роман
6. Калинин Даниел
7. Журиев Михаил Р.
8. Журиев Феодор Р. – все жители сел. Чухур-Юрт Шем. Уезда,
9. Апаршов Тимофей – сел. Джобани Шемах. уезда
10. Павел Ефтаевич (хромой) - так же

Могут подтвердить, что приезжая в с. Чухур-Юрт, я со своею семьею, семейством брата и Бахиша Елиязарова остались там и не могли продолжать путь дальше к Баку и оттуда выехали, правильно сказать, бежали только тогда, когда сами Чухур-Юртцы боясь наступления турецких банд начали бежать и бежали мы с ними в сел. Кыз-Мейдан. Пробыв там несколько дней мы перебрались в сел. Хильмили. В подтверждение вышесказанного, кроме свидетелей представляю одно удостоверение, выданное мне Комиссаром сел. Астраханки (Кыз-Мейдан), от 20\22 Апреля 1918 года. Все выше приведенные в первой категории 15 свидетелей и во второй 10 и последующие, как то:

1. Тараев Александр Ис. – Каменистая, д. Барсегова
2. Шахвердов Андрей - там же
3. Баграмянц Арутюн - Армянская Консистерия
4. Власов Александр - там же
5. Гукасов Арсен - 1-ая Канниапинская № 156
6. Хачанов Осеп-бек - Каменистая, д. Тер-Ованесова
7. Захаров Александр - 2- Слободинская д. № 23
8. Гулалов Николай - Азиатская № 136
9. Казаров Акоп Н. – Станиславская, д. Елизарова
10. Атаев Агабек – Армянский поселок, 4- я Нагорная
11. Саруханов Согомон - Черногородская Поч.-Тел. контора
12. Бадалов Левон - 1 Канниапинская № 6, копер. лавка.
13. Зараров Артем - Н.Приютская, д. Гедакова
14. Сетрак Матевосов - кондуктор Ж.Д.
15. Грушенков Василий – уг. Молоканской и Б.Морской, кожев. торговля

Грушенкова

16. Грушенков Иван Степанов. – там же
17. Ермаков Павел Петров. – там же
18. Щербинин Максим - мельница Скобелева

Могут подтвердить, что я все время живя в гор. Шемахе бок о бок с мусульманами до последних событий, т.е. до выезда моего из города, все время я жил с ними в дружбе и всячески старался ни под каким видом не допускать, чтобы хоть один из них был обижен от меня и всегда я был во всех случаях уступчивым. Всегда и везде, где мне пришлось, где был случай, все время старался проповедовать, уговорить о соблюдении мира и братства. Но увы, наше старание, наши просьбы ни к чему хорошему не привели и видно было, что дела день ото дня все идут к худшему и над головою Шемахи все больше и больше собираются черные тучи и все это я увидя, убедился в себе, что больше в Шемахе не жить мирному человеку, и я решил непременно спасти себя и свое и брата семейства, а потому взяв с собою немного (как капля воды из моря) домашних вещей и товару немного из магазинов, и выехал из города, лучше сказать, бежал из любимой родины, оставив богатство на произвол судьбы и больше никогда не возвращался в город ни под каким видом и ни по какой причине, а потому я себя не считаю виновным, приведя все изложенное, потому что выехав из города 4 марта 18 года и не возвративший более в город, что подтвердят все мои свидетели до единого, я не мог быть в городе и те противники свидетели не могли меня видеть в городе, и что все ихное показание не правильное.

Еновка Огаджаневич Иванов.

21-го октября 1919 года, гор. Баку.

Надпись: Вх. № 115. 17 ноября 1919 г.

Настоящее прошение препровождено на распоряжение Члена Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Ф.Новацкому в г. Шемаху, Октября 26 дня 1919 г.

За Председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Александрович.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 101-102.

Документ № 627.

Удостоверение

1918 года, Апреля 20 дня.

Дано сие удостоверение жит. гор. Шемахи Еновку Иванову и Бахишу Егиазарову в том, что они во время последних событий бежали с Чухур-Юртцами из сел. Чухур-Юрта в сел. Астраханку, привезя свои домашние вещи, а также и товары своих магазинов. В виду вышеизложенного препятствий к вывозу названных вещей из сел. Астраханки препятствий не встречается. Что подписью и приложением печати удостоверяется. Апреля 22 дня 1918 года, сел. Астраханка.

Комиссар села Астраханки В. Щербаков (подпись).

Печать. Астраханский Сельский Старшина Шемах. уезд.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 103.

Документ № 628.

**Его Превосходительству Господину Председателю
Чрезвычайной Следственной Комиссии**

Михаила Петровича Арзуманова
(Баку. 3-я Канитапинская ул., д. № 27)

Прошение

По делу по обвинению меня в преступлении, предусмотренном по ст. ст. 13, 129, 922, 927, 1630, 1634, 1453 и 1607 Улож. о Наказ., кроме прежде указанных мною свидетелей, покорнейше прошу Ваше Превосходительство, сделать распоряжение о допросе еще свидетелей, нижеперечисленных – они подтвердят данные мною показания по этому делу, а именно: что 19 марта 1918 г. я с семьей своей из Шемахи переехал в сел. Матрасы, откуда потом вместе с прочим населением мы переехали в русское сел. Николаевка (Джобаны), а через несколько дней в сел. Хилмиллы и далее в г. Баку; что после 19 марта 1918 г. я ни разу не был в г. Шемахе, а также – я никогда не носил оружия, военной формы и пагонов и пр.; не руководил нападениями и пр., а на оборот всегда принимал меры к тому, чтобы все население города и уезда были дружны между собою и жили как добрые соседи.

№ Фамилии, имена и отчества
свидетелей

Место жительства свидетелей

1. Крупников Семен Иванович
 2. Грушенков Иван Степанович
 3. Грушенков Василий Петрович
 4. Абрамов Семен Васильевич
 5. Щербинин Максим Осипович
 6. Апаршев Тимофей Савельевич
 7. Мазанов Григорий Николаевич
 8. Ермаков Павел Петрович
 9. Лазин Дмитрий Андреевич
 10. Богомоллов Иоанн Феодорович
 11. Яврумов Агабан Кеворкович
 12. Саркисов Сероп
 13. Тараянц Александр Исаакович
 14. Шахвердов Андрей Абрамович
 15. Нерсесян Патвакан Макарович
 16. Власянц Александр Манасович
 17. Баграмянц Арутюн
 18. Джанумов Агаси
 19. Гукасов Арсен Григорьевич
 20. Тер-Степанов Григорий Егорович
 21. Казарянц Мирзаджан
 22. Бадалов Левон
 23. Саруханов Соломон
 24. Газратов Агабек
 25. Караханов Ованес
 26. Джанумов Кеворк Григорьевич
 27. Хачанов Осипбек Гаврилович
 28. Захаров Александр Мансуров
 29. Григорьянц священ. Варгес
 30. Караогланов Арташес
 31. Шаглиянц священник к ЗАРЭ
 32. Джанумов Николай
- г. Баку, угол Большой Морской и Молоканской, кожевенная торговля Грушенкова
с. Хилмиллы Шемах. уезда Баку, во дворе мель. Скобева С. Чухур-Юрт, Шемах. уезда Присяжный Казначейства, Баку, уг. Молокан. и Больш. Морской, кожев. Торг. Гришенкова сел. Чухур-Юрт, Шемах. уезд. Священник сел. Алты-Агач Баку, Молоканская, № 25, д. Адамова лавка, уг. Будагов. и Балаханской Баку, Каменистая, д. Парсегова там же
Учитель 5-й Пушкинской школы, Торговая ул.
Баку Армянская Консистерия там же
Торговая, № 54, д. Мехтиева 1-я Канитапинская № 156 там же
Азиатская ул. № 136 1-я Канитапинская, кооперативная лавка
Почтово-телег. чиновник Черногородской конторы уг. Сураханской и Вокзальной Контора А.И. Серебрякова 4-я Канитапинская д. № 23, д. Тер-Ованесова Великокняжеская, д. Лалаева Каменистая № 219, д. Тер-Ованесова 2-я Слободская № 23 Станиславская, д. № 81, книжный магазин «Солнце».
там же
Армянская Консистерия Уг. Бондарн. и Будаговской, чувячник

33. Саркисов Мисак	Д. Лютеранской церкви,
Сураханская ул.
34. Атаев Агабек Мартиросович	Армянский пос. 4 Нагорная
35. Бархударянц Меликсет
Петросович	Телефонная № 13, д. Арзуманова
36. Захарянц Артем Аракелович	Нижнее-Приют., д. Геодакова
37. Осипов Татевос	3-я Канитапинская № 25
38. Гамазов Мирзаджан	сел. Келакханы Шемах. уезд
39. Надилов Сероп	5-я Канитапинская № 3
40. Матевосов Акоп	Нижнее-Приют. № 209,
д. Серебрякова
41. Осипов Артем	3-я Канитапинская № 25
42. Цатуров Егор Джангирович	Каменистая, д. Хачатурова
43. Цатуров Христофор
Амбарцумов.	Там же
44. Ованесов Макиш	4-я Канитапинская, 15.д. Керим.
45. Аваков Хачи	там же
46. Бабалов Аракел	там же
47. Кочарянц Акоп Николаевич	Станислав. ул. д. Егизарова
48. Петросянц Артем Сергеевич
Гор. Баку, 16 октября 1919 года
М. Арзуманов (подпись).	3-я Канитапинская № 17.

Надпись: Вх. № 116, 17 ноября 1919 г.

Настоящее прошение препровождено на распоряжение Члена Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Ф. Новацкому в г. Шемаху, Октября 26 дня 1919 г.

За Председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Александрович

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 104-105.

Документ № 629.

Постановление

1919 года ноября 19 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приняв во внимание, что допрос свидетелей, на которых сослались обвиняемые, не изменит положение дела, что обвиняемые могут просить о вызове этих свидетелей в суд, что требование 448 ст. У.У.С. выполнены при предъявлении обвиняемым обвинения, и что в отношении названных обвиняемых все обстоятельства дела включены, **Постановил:** настоящее дело представить г. Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии на распоряжение.

Член Комиссии: Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 106.

& 2. По обвинению Агабека Лалаева

Документ № 630.

Протокол заявления

1919 года, июля 28 дня.

Ко мне, Приставу гор. Шемахи Ахундову, сего числа явился жит. гор. Шемахи Вагид Мешади Хасай оглы и заявил, что во время мартовских событий в гор. Шемахе, он вместе с отцом Мешади Хасаем чтобы спасти свою жизнь от армян бросили на произвол судьбы все движимое и недвижимое имущество и пытались убежать из гор. Шемахи. В одной версте от города их встретили три армянина вооруженные с винтовками, которые набросились на них. Отец его тут же был убит произведенным одним армянином выстрелом, а заявитель успел скрыться. Сегодня он на базаре опознал того армянина, который убил его отца. Неизвестный армянин оказался ж. гор. Шемахи Агабеком Христофоровичем Лалаевым. Очевидцами этого убийства были Шемахинцы которые умерли после мартовских событий.

Содержание 940 ст. Улож. о не. заявителю объявлено.

Подпись: (арабскими буквами).

Пристав: К.Ахундов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 13.

Документ № 631.

Протокол дознания

1919 года, июля 28 дня.

Я, Пристав гор. Шемахи Ахундов, сего числа производил полицейское дознание, коим выяснилось следующее:

1) Опрошенный жит. гор. Шемахи Агабек Христафорович Лалаев объяснил, что во время мартовских событий он находился в сел. Астраханка и отца заявителя не убил. Почему его обвиняет, не знает.

Подпись: (армянскими буквами).

Пристав гор. Шемахи: К.Ахундов (подпись).

Постановил: Изложенное записать в сей протокол, который представить члену Следственной Комиссии г. Новацкому.

Настоящее дознание вместе с оговариваемым Агабеком Лалаевым представляю члены Чрезвычайной Следственной Комиссии г. Новацкому на распоряжение.

28 июля 1919 г.

Пристав гор. Шемахи: К.Ахундов (подпись).

Надпись: Приобщить к делу о разгроме гор. Шемахи. А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 13 об.-14.

Документ № 632.

Протокол допроса

1919 года, июля 29 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованного с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг. Суд., который показал следующее:

Я. Вагид Мешади Хасай оглы, 28 л., жит. гор. Шемахи, магометанин, под судом не был, неграмотен.

Во время мартовских событий я находился в гор. Шемахе. Разгром Шемахи был произведен дважды: первый раз с 18 марта до прихода Гяджинского отряда, и второй раз, спустя 7 или 8 дней после отступления упомянутого отряда. Когда армяне и молokane наступали второй раз на Шемаху, я, мой отец Хасай Кербалай Гусейн оглы и одногорожане: Мешади Махмуд Гаджи Ага оглы, Меш. Джебраил Керб. Рагим оглы и Ага Салим Меш. Махмуд оглы бежали из города по шоссейной дороге, направляясь в Кюрдамир. Когда мы находились приблизительно в пяти верстах от города, возле мельницы, около 5 час. вечера (дня и числа не знаю), мы услышали шаги настигавших нас людей. Я оглянулся и на расстоянии, как от места, где я стою, до чайной будки (расстояние это, по измерении шагами, оказалось равным двадцати пяти шагам), я увидел на дороге трех армян, двое из которых были вооружены ружьями, а один шашкой. Двое из этих армян были мне знакомы в лицо, так как встречал их в Шемахе очень часто, с самого детства, как проживавших в Шемахе, а третий был чужой. Я не знал только, как звали этих армян. Один шемахинец был вооружен, а другой с шашкой. Заметив, что мы их увидели, армяне, вооруженные с ружьем, начали стрелять в нас, а вооруженный шашкой, обнажил ее и бросился к нам. После первого выстрела мой отец упал мертвый, упали также на землю наши спутники. Армянин, вооруженный шашкой, рубил их. Мне удалось бежать и скрыться между деревьями недалеко от дороги. Ночью я отправился в Кюрдамир и к месту происшествия я не возвращался. С тех пор я не видел ни отца, ни названных спутников. Не видел также их трупов. Где трупы преданы земле, не знаю. Об этом случае я рассказал своему родственнику Ирзу Кулию Али Мурад оглы (г. Шемаха). Вчера, около 2 ч. пополудни, когда я сидел возле чайной будки на площади с Шемахинцем Ага Мамедом Гаджи Габиб оглы, Расулом Султан Али оглы и Меджидом Джавад оглы, в нескольких шагах от нас проехал верхом на лошади вот этот армянин (потерпевший указал на присутствовавшего при допросе задержанного армянина Агабека Христофоровича Лалаева) и узнал в нем сразу того из трех армян, убивших моего отца и спутников, который был вооружен шашкой. Я не ошибаюсь и категорически утверждаю, что он один из трех упомянутых преступников. Они похитили брошенный мною хурджун с вещами и драгоценностями в целом на сумму около 70 тысяч рублей. Читано. Неграмотен.

Переводил: подпись

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 15-16.

Документ № 633.

Постановление

1919 года, июля 29 дня.

Я, член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий, рассмотрел настоящее дело о разгроме города Шемахи и насилия, совершенных над мусульманским населением этого города, нашел, что показанием потерпевшего Вагида Мешади Хасай оглы жит. гор. Шемахи Агабек Христофорович Лалаев в достаточной мере изобличается вообще в преступлениях, изложенных в докладе моем о разгроме г. Шемахи и в Постановлении Комиссии от 12 июля с.г., и в частности в убийстве жит. гор. Шемахи Хасая Керб. Гусейн оглы, Мешади Махмуда Гаджи Ага оглы, Мешади Джебраила Кербалаи Рагим оглы и Ага Салима Меш. Махмуд оглы и похищении у потерпевшего Вагида М. Хасай оглы хурджина с вещами и ценными вещами, а потому, на основании 396 ст. У.У.С., Постановления Правительства Азербайджанской Республики от 20 марта с.г. и предложений министра юстиции от 25 июня с.г. за № 3166 *, **Постановил:**

Привлечь к настоящему делу в качестве обвиняемого жит. г. Шемахи Агабека Христофоровича Лалаева, предъявив ему обвинение по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Нак.

Член Чрез. След. Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 17.

Документ № 634.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года, июля 29 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, с соблюдением 403-407 ст. Уст. Уз. Суд. и он показал:

ВОПРОСЫ :

Имя, отчество и фамилия
Возраст
Место рождения в
Место приписки
Место жительства
Рождение
Звание гражданин

ОТВЕТЫ :

Агабек Христофорович Лалаев
67 лет
гор. Шемахе
к мещанам г. Шемахи
гор. Шемаха
Брачное
г. Шемахи

Народность	армянин
Религия	армяно-григорианское
Грамотность	грамотный
Семейное положение	вдов, имею четверо детей, самому младшему 5 лет
Занятие	торговец
Степень имущественного обеспечения	имею дом в г. Шемахе
Отношение к потерпевшему	чужой
Судимость	не судился
Особые приметы	нет

По существу взведенного на меня обвинения по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Нак. не признаю себя виновным и объявляю Вам следующее: 18 марта 1919 года, утром, когда начали обстрелять г. Шемахи, я с дочерьми оставил Шемаху, и пешком через сел. Конахкенд и Кюрдамич, отправился в сел. Кызмайдан (Астраханку), куда прибыл того же числа вечером, где поселился у молоканина Нестора Волкова. На третий день по прибытии туда, я заболел тифом и лежал в постели почти два месяца. Лечил меня проживающий там фельдшер армянин «Турус». Это мое показание, кроме названных лиц, может также удостоверить Кызмайданский молоканин Василий Наумов. Далее показываю, что заявитель оговорил меня подговору своего знакомого Ага Мамеда Гаджи Габиб оглы, который мстить мне по следующему случаю. Около месяца тому назад названный Ага Мамед похитил в сел. Астраханка (Кызмайдан) мою дочь Анну для сожительства и спрятал ее там же, в сел. Астраханка. Я заявил об этом Астраханскому старшине Алексею Тиртакову и помощнику Кабристанского пристава. Они разыскали мою дочь и вернули ее мне. За что Ага Мамед озлоблен на меня и угрожал мне на едино отомстить. Вчера он указал меня заявителю, и последний ложно в угоду Ага Мамеду оговорил меня. Более ничего показать не имею. Читано.

Подпись: (на армянском алфавите).

Объяснение давал на русском языке.

Член Следственной Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Переводил переводчик Мир. Суд.: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 18-19.

Документ № 635.

Постановление

1919 года, июля 29-го дня.

Член Азербайджанской Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий, допросив жит. гор. Шемахи Агабека Христофоровича Лалаева, 67 л., обвиняемого в том, что состоял членом шайки из нескольких тысяч человек,

вооруженных огнестрельным и холодным оружием, которая, поставив своей целью истребление мусульманского населения, а равно похищение и уничтожение его имущества, 18 марта 1918 года, на рассвете, напав на мусульманскую часть гор. Шемахи и громя его в течение нескольких дней, убила несколько тысяч жителей, мужчин, женщин и детей, причем убийства эти сопровождалась особенностями жестокостями, как то отрубанием конечностей, ушей, носов, выкалыванием глаз, распариванием животов и т.п., похитила разного движимого имущества более чем на один миллион рублей и уничтожила посредством поджога всю мусульманскую часть города, между прочим, тринадцать мечетей и, во-вторых, в том, что он в частности убил, вместе с двумя другими следствием не обнаруженными лицами, на дороге близ Шемахи, жителей этого города Хасая Кербалай Гусейн оглы, Мешади Махмуда Гаджи Ага оглы, Мешади Джебраила Керб. Рагим оглы и Ага Салима Мешади Махмуд оглы, что в изложенных преступлениях обвиняемый Агабек Лалаев вполне изобличается показаниями целого ряда свидетелей, как то Али-бека Вейсова, Мовсум-бека Садыхбекова, Абдул Гусейна Алиева, Садых-бека Агаларова, Мешади Расула Гусейн Али оглы и других, а также протоколами осмотра города Шемахи, и в частности показанием потерпевшего Вагида Мешади Хасай оглы, который показал, что обвиняемый вместе с двумя другими, следствием не обнаруженными лицами, на его глазах убил выше названных лиц, и что обвиняемому за совершенные им преступления угрожает наказание по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Нак. влекущие за собой лишение всяких прав состояния и ссылку в каторжные работы, **Постановил:** на основании 416-421 ст. У.У.С., мерою пресечение способов уклониться от суда и следствия против обвиняемого Агабека Христофоровича Лалаева избрать безусловное содержание под стражей в Гянджинской губернской тюрьме.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Мера пресечения мне объявлена, и способ обжалования разъяснен.

Справка: 29 июля 1919 г. № 6. Начальнику Гянджинской тюрьмы с обвиняемым Лалаевым и копией постановления.

Справка: 29 июля 1919 г. № 7. Шемахинскому Уездному Начальнику требование об отправке обвиняемого Лалаева и пакета за № 6 г. Гянджу.

Справка: 4 августа 1919 г. № 24 Бакинского сыскного отделения о задержании обвиняемых и направлении их в Гянджинскую тюрьму.

Справка: 5 августа 1919 г., № 29. Ему же поспешить исполнением требования от 31 июля с.г. за №№ 2 и 3.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 20-22.

Документ № 636.

Повестка

Второй экземпляр

Жителю гор. Шемахи Ирза Кулию Али Мурад оглы

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий вызывает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра 6 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 323 и 382).

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: подписи (арабскими буквами).

Вручил: 5 августа 1919 г.

Пристав К.Ахундов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 29.

Документ № 637.

Повестка

Второй экземпляр

Жителю гор. Шемахи Расулу Султан Али оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий вызывает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра 6 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются: 1

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 323 и 382).

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: Расулов (подпись).

Вручил: 5 августа 1919 г.

Пристав К.Ахундов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 30.

Документ № 638.

Повестка

Второй экземпляр

Жителю гор. Шемахи Ага Мамеду Гаджи Габиб оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий вызывает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра 6 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 323 и 382).

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: Ага Мамед Габиб оглы: (подпись арабскими буквами).

Вручил: 5 августа 1919 г.

Пристав К.Ахундов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 31.

Документ № 639.

Повестка

Второй экземпляр

Жителю гор. Шемахи Меджиду Джавад оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий вызывает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам утра 6 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рубл. (ст. 323 и 382).

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: Меджид Джавад оглы. Подпись (арабскими буквами).

Вручил: 5 августа 1919 г.

Пристав К.Ахундов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 32.

Документ № 640.

Протокол допроса

1919 года, августа 6 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованного с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг. Суд., который показал следующее:

Я, Ирза Кули Али Мурад оглы, 30 л., ж.г. Шемахи, мусульманин, под судом не был, неграмотен.

Я хорошо знаю Вагида Мешади Хасай оглы, знал также его отца, но в родстве мы не состоим. Где, при каких обстоятельствах и кем был убит его отец, мне не известно. Вагид никогда нечего мне не рассказывал об убийстве своего отца. Я бежал из Шемахи раньше их.

Я знаю обвиняемого Агабека Лалаева. Я лично видел его в Шемахе во время первого нападения на Шемаху. Я видел, как он вместе с сыном Аршака Гюльбандова и Степаном Лалаевым поджигали дома в отделении «Пиран-Ширван». Агабек Лалаев был вооружен ружьем, у Гюльбандова и Степана Лалаева тоже были ружья. Я видел, как спустя три дня после первого нападения Агабек Лалаев, Степан Лалаев и Гюльбандов, сын, вошли на Минахорской улице в дом богатого мусульманина Мешади Магомеда, напали они и убили его самого и его двух сыновей, одного старшего звали Расул, другого не знаю. Это было до обеда. Я до сих пор никому об этом не заявлял, потому, что больше не встречал названных лиц и не знаю, где они находятся. Сегодня, Вы меня спросили и я рассказал. Более показать не имею. Читано. Неграмотный.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись)

Я, Ага Мамед Гаджи Габиб оглы, 36 л., жит. гор. Шемахи, мусульманин, под судом не был, грамотен.

Я хорошо знаю обвиняемого Агабека Лалаева уже 20 лет. Мы оба торгуем в сел. Кызмейдан (Астраханка). Несколько дней тому назад, когда я пришел на площадь и сел возле чайной, то узнал, что Вагид Мешади Хасай оглы задержал убийцу своего отца. Я при задержании не присутствовал. Я никогда не увозил дочери Агабека для сожительства. Она сама ушла к мусульманину Гаджи беку, с которым в настоящее время живет в гор. Баку. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Ага Мамед Гаджи Габиб оглы (подпись).

Переводил: С. Касимов (подпись).

Член комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Расул Султан Али оглы, 25 л., жит. г. Шемахи, мусульманин, не судим, грамотен.

Я хорошо знаю обвиняемого Агабека Лалаева. Знал его также Вагид Мешади Хасай оглы, но знал ли его по имени и отчеству или фамилии, не известно. Несколько дней тому назад, когда я находился на крыше лавки, услышал на улице шум и увидел, как вели Агабека Лалаева в участок. Мне сказали, что он задержан по требованию Вагида, который обвиняет его в убийстве своего отца. Более показать не имею. Читано.

Расул Султан Али оглы: подпись (арабскими буквами).

Переводил: С.Касимов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 34-35.

Документ № 641.

Протокол допроса

1919 года, августа 6 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованного с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уз. Суд., который показал следующее:

Я, Меджид Джавад оглы, 35 л., жит. гор. Шемахи, мусульманин, не судился, неграмотный.

Несколько дней тому назад я, Вагид Мешади Хасай оглы и Расул Султан Али оглы сидели на площади на скамейке возле чайной. Мимо нас проехал верхом на лошади знакомый Шемахинский армянин Агабек Лалаев. Когда его увидел Вагид, то сказал нам, что этот армянин убил его отца, но он не знает его фамилии. Мы ему сказали, что это Агабек Лалаев. Вагид побежал к приставу. Вскоре он с помощью городских задержал Агабека Лалаева. Я слышал от людей в Агдаше, что убили отца Вагид, но кто его убил и где, не слышал. Сам Вагид об убийстве своего отца мне не рассказывал. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: С.Касимов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 36.

Документ № 642.

**Азербайджанское Правительство
М.Ю.**

**Арестантское
В. Экстренно**

**Чрезвычайная Следственная
Комиссия
5 августа 1919 г.
г. Шемаха
№ 30**

В Шемахинское Уездное Управление

Прошу вручить прилагаемые при сем пять повесток в двух экземплярах и вторые экземпляры вернуть до срока вызова.

Член Комиссии: А.Новацкий.

Надпись: Представляю Приставу.

Лично вручить повестки по принадлежности и вторые экземпляры затем до срока вызова препровождать члену След. Комиссии Новацкому и принять меры, чтобы указанные лица непременно явились к допросу.

Шемахинский Уездный Начальник: подпись.

На обороте: Настоящую переписку с 5-ю врученными лично мною повестками, представляя г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому, доношу, что повестка фельдшера Труса мною была передана помощнику старшины по сел. Астраханки для передачи адресату, но окончив служебные дела и выезжая из

селения, не далеко от оной я встретился с возвращающимся из Шемахи Трусом и предупредил его о явки на 11 августа к Вашему Высокоблагородию, добавив, что повестку свою от имеет получить от упомянутого выше помощника старшины.

7 августа 1919 г.

Заведующий Кабристанским участком: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 173.

Документ № 643.

Повестка

Жителю сел. Кыз-Мейдан Шемахинского уезда Василию Наумову.

Надпись: Василий Наумович Игнатов, а не Наумов.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 11 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятия и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: Василий Игнатов (подпись).

Вручил: Заведывающий Кабристанским участком: подпись. С. Астраханка.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.174.

Документ № 644.

Повестка

Старшине Киз-Майданского общества Алексею Тиртакову.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 11 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятия и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: Астраханский старшина В. Третьяков (подпись).

Вручил: Заведывающий Кабристанским участком: подпись.

С. Астраханка.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.175.

Документ № 645.

Повестка

Помощнику Пристава Кабристанского участка.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 11 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятия и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: Помощник Пристава Кабристанского участка: подпись.

Вручил: Заведывающий Кабристанским участком: подпись.

С. Астраханка.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.176.

Документ № 646.

Повестка

Жит. сел. Киз-Майдан Шемахинского уезда Нестеру Волкову.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 11 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятия и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: Н.Волков (подпись).

Вручил: Заведывающий Кабристанским участком: подпись.

С. Астраханка.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.177.

Документ № 647.

Повестка

Проживающему в сел. Киз-Майдан фельдшеру Трису.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 11 августа 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведущие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: Помощник старшины Ломоносов для передачи адресату, Ломоносов неграмотный и за него расписался: (подпись).

Вручил: Заведывающий Кабристанским участком: подпись.

С. Астраханка.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.178.

Документ № 648.

Протокол допроса

1919 года, августа 11 дня, г. Шемахи.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованных с соблюдением 307 и 443 ст. У.У.С. которые показали следующее:

Я, Василий Алексеевич Третьяков, старшина Киз-Майданского общества (Астраханки) Шемахинского уезда, 48 л., молоканин, не судился, грамотный.

Обвиняемого Агабека Лалаева знаю, потому, что он торгует в нашем селении. Об увозе его дочери мусульманином г. Мамедом мне ничего не известно, и он мне об этом не заявлял. Читано.

Подпись: В. Третьяков.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Нестор Ульянович Волков, жит. сел. Киз-Майдан (Астраханка) Шемахинского уезда, 75 л., молоканин, не судился, грамотный.

Я знаю Агабека Лалаева, он пришел в наше селение в марте месяце прошлого год, но числа не помню, было ли это до разгрома гор. Шемахи или после разгрома, не припомню. Когда турки пришли, он сильно болел, но когда он заболел, не припомню. Читано.

Подпись: Н.Волков.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Василий Наумов Игнатов, жит. сел. Киз-Майдан (Астраханка) Шемахинского уезда, 60 л., молоканин, под судом не был, грамотен.

Обвиняемого Агабека Лалаева знаю. Я не могу сказать, когда он прибыл в наше селение, именно или после разгрома г. Шемахи. Читано.

Подпись: Василий Игнатов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Теодорос Петросович Тер-Хачатуров, по кличке «Трус», житель сел. Сагиян Шемахинского уезда, уездный Шемах. фельдшер, врем. проживаю в сел. Киз-Майдан, 51 года, армяно-григор., не судился, грамотен, обвиняемому Агабеку Лалаеву чужой.

Я прибыл в сел. Киз-Майдан (Астраханку) 8 мая 1918 года. Там я уже застал Агабека Лалаева. Он тогда, т.е. 8 мая, был болен тифом. Тогда ожидали второго кризиса. Из этого я заключаю, что он заболел за две недели до моего прибытия в сел. Киз-Майдан. Читано.

Подпись: Теодорос Тер-Хачатуров.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл.179-180.

Документ № 649.

Протокол допроса

1919 года августа 11 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованного с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг.Суд. который показал следующее:

Я, Мамед Гасан Азиз бек оглы Абдуллаев, 25 л., жит. гор. Шемахи, мусульманин, грамотный, чужой, Пом. Пристава Кабристанского участка.

Будучи по делам службы месяца два тому назад в сел. Астраханке, торгующий там Агабек Христофорович Лалаев принес мне жалобу, что торгующий в этом же селении жит. гор. Шемахи Ага Мамед Гаджи Габиб оглы не дает ему покоя, угрожает ему убийством и насильно требует его среднюю дочь Анну, но как она, так и он против этого, во-первых, Ага Мамед будучи женатым имеет даже 12 летнего сына, а во вторых он человек уже в годах. Я вызвал Ага Мамеда и приказал ему оставить свои угрозы и не беспокоить человека, на что он мне ответил, что он продаст свою лавку и до последней копейки истратит и добьется своего, что он и сделал, продал лавку и приехал в Шемаху. Будучи в Астраханке Ага Мамед через старух-молоканок приглашал дочь Агабека Анну и даже один раз мне удалось отобрать ее у Ага Мамеда и вручить отцу. На днях Ага Мамед увидев Агабека в Шемахе, который приехал кое-что купить, подучил своих друзей ложно опознать Агабека, что они и сделали. Агабеку от роду приблизительно около 60 лет, он хотя до наступления Елизаветпольцев на Шемаху жил в городе, но при этом наступлении со своим семейством убежал в Астраханку, к своему брату Николаю, который торговал там. По собранным мною точным сведениям чрез спрос стариков астраханцев и соседних с этим селением сельчан-мусульман кюрдамичцев, я установил, что Агабек вовсе из селения не отсутствовал и лежал больным. Кюрдамичцы, будучи подчиненными большевикам, остались в своем селении и почти имели связь с Астраханцами и дорога в Шемаху проходит чрез селе-

ние Кюрдамич. Узнав об аресте своего отца Агабека, Анна 4-го августа сего года, когда я по делам службы был в Астраханке, пришла ко мне и просила во избежание инцидента и опасаясь за свою жизнь в присутствии своего дяди Николая и шемахинцев Солтанова, Мамедова и Алескерова, Алиева умоляла меня взять ее, что я и сделал. Ага Мамед полагая, что после ареста Агабека Анна согласится выйти за него, устроил для него эту ловушку. Я под присягой могу подтвердить, что Агабек сделался жертвой своей дочери, и он вовсе во время разгрома Шемахи не принимал участия. Показание написано собственноручно.

Пом. Пристава Кабристанского участка: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл.181-182.

Документ № 650.

**Его Превосходительству
Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому**

Содержащегося под стражей в Гянджинской Губ. Тюрьме
Агабека Христафоровича Лалаева,
по тюр. билету № 982

Прошение

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать сделать распоряжение о допросе по моему делу свидетелей, жителей сел. Астраханка Нестора Волкова, Василия Наумовича (старика, фамилию которого я не помню) и фельдшера Тер-Хачатурова.

Вместе с тем докладывая Вашему Превосходительству о том, что с моим арестом 4 моих малолетних детей лишились единственного кормильца и защитника, я покорнейше прошу найти возможность избрать в отношении меня мерю пресечение уклонения от следствия и суда поруки или же денежный залог, тем более, что я оседлый житель, домо и усадьба хозяин и собственник земли.

Смею надеяться, что прошение это не останется без ответа и внимания Вашего Превосходительства.

5 сентября 1919 г.

Подпись: (на армянском алфавите)

На обороте: Показания запрошенных по моей ссылке свидетелей мне объявлены.

Подпись: (на армянском алфавите).

Справка: Проситель Агабек Лалаев содержится под стражей в Елисаветпольской Губернской тюрьме с 3 августа 1919 года обвиняется враждебное отношение к мусульманам и истребление их и их имущества, числится со-

держанием за Членом Чрезвычайной Следственной Комиссии по Шемахинскому уезду г. Новацким.

Пом. Начальника: подпись.

Надпись: Настоящее прощение со справкой представляя Господину Прокурору Гянджинского Окружного суда на распоряжение.

Сентября 7 дня 1919 г., № 4850

Начальник тюрьмы :подпись.

Штамп: Прокурор Елисаветпольского Окружного Суда.

8 сентября 1919 г.

Надпись: Арестантское.

Г.Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому.

По адресу.

13 сентября 1919 г. № 6122

Прокурор Суда: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 239.

Документ № 651.

**Его Превосходительству Господину Прокурору
Бакинского окружного Суда**

Жителя гор. Шемахи, ныне проживающего
в сел. Астраханка Шемахинского уезда
Николая Христафоровича Лалаева

Прошение

В начале лета настоящего года, в бытность в Шемахе Чрезвычайной Следственной Комиссии, родной брат мой Агабек Лалаев по жалобе на него Шемахинца Вагыта Хасы оглы в убийстве будто бы отца его Хасыя в мартовские события 1918 г., был арестован сказанной Комиссией и отправлен в Гянджинскую тюрьму, где и по сие время содержится.

Но так как жалоба Вагыта Хасы оглы на названного брата моего Агабека совершенно вымышленная, а именно, потому что: во первых, брат мой Агабек во время мартовских событий ни только не покушался на мусульман, но даже входил в защиту за них пред большевиками, как например, когда большевики взяли в плен мусульманина Ага Гусейна Гаджи Вагуб оглы, он, Агабек пошел к большевикам, и требовал отпуска плененного Ага Гусейна и вообще упрекал большевиков в их недобросовестных поступках над мусульманами, за то, т.е. за такие его ходатайства и упреки большевики на глазах помянутого Ага Гусейна дали брату моему несколько ударов прикладами ружей и заявили к нему подозрение в покровительстве мусульман, за что угрожали ему убийством, как его самого, так и семьи его. Услышав подобные угрозы от большевиков, он, Агабек, в тот же день вечером, забрав своих детей и сложив на имевшегося своего эшачка постельные вещи, бежал из г. Шемахи ко мне в

с. Астраханку и больше в Шемаху ни разу не возвращался. При следовании из Шемахи в с. Астраханку он проходил через с. Кюрдамич, где тамошние жители-мусульмане Исраил Тагмыз оглы, Бег Юсуф оглы и Ханджан Агмед оглы оказали ему с 5-ю детьми свое человеколюбие тем, что приютили его на несколько часов, накормили голодных и проводили ко мне в с. Астраханку. И во-вторых, как мною узнано, что отец жалобщика Вагыта, Хасы ни только что не был убит братом моим Агабеком, но даже не был убит ни кем, а умер естественной смертью, но не от руки злодея, и даже не в Шемахе умер, а в с. Кюрдамир, что могут подтвердить соседи жалобщика: Курбан Мешади Гейдар оглы и Молла Али Молла Мустафа оглы; то, виде всего этого я позволяю себе покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение о допросе чрез подлежащую судебную власть всех выше указанных мною свидетелей, каждого под присягою, в подтверждение невинности брата моего Агабека Лалаева в убийстве Хасыя, отца жалобщика Вагыта Хасы оглы, во время мартовских событий 1918 года, а именно: 1) Ага Гусейна Гаджи Вагуб оглы, 2) Исраиля Тагмыз оглы, 3) Бега Юсуф оглы, 4) Ханджана Агмед оглы, 5) Курбана Мешади Гейдар оглы и 6) Молла Али Молла Мустафа оглы, каждого отдельно в том, что он знает по сделанной на него в сем прошении (выше) ссылки.

По допросе указанных свидетелей, могущих подтвердить невинность брата моего Агабека в заявленном на него подозрении, покорнейше прошу Ваше Превосходительство освободить его из-под ареста; в противном же случае дать его на поруки под залог денежного обеспечения впредь до вынесения окончательного судебного приговора над ним.

Подпись: Николай Лалаев.

20 октября 1919 года, с. Астраханка Шемахинского уезда Бакинской губернии.

Резолюция: Срочно. Допросить Начальника Гянджинской тюрьмы за кем числится Агабек Лалаев. Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 94-95

Документ № 652.

Срочное

Г. Начальнику Гянджинской тюрьмы

Прошу вас сообщить мне, надписью на сим же за кем числится названный здесь арестант Агабек Лалаев.

31 октября 1919 г., № 1013.

И. д. Прокурора: подпись.

Секретарь: подпись.

Надпись: Г-ну Прокурору Бакинского Окружного Суда

Доношу, что Агабек Лалаев числится содержанием под стражей за Чрезвычайной Следственной Комиссией.

Начальник тюрьмы: подпись.

6 ноября 1919 года. № 5776

Надпись: Вх. 3 113.

Настоящая переписка препровождается в Чрезвычайную Следственную Комиссию на распоряжение

12 ноября 1919 года, гор. Баку.

И.д. Прокурора Суда: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 95 об.- 96.

& 3. По обвинению Якова Безроднова.

Документ № 653.

**Господину Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии
А.Ф.Новацкому**

Жит. Сел. Маразы Якова Безроднова

Прошение

В конце мая месяца 1919 г. постановлением Следователя Шемахинского Следственного участка сын мой Афанасий Безроднов был взят под стражу по обвинению его в убийстве с мартовские события (дело Шемахинского Следователя № 52) и с тех пор сидит в арестном помещении, не смотря на то, что ряд моих свидетелей говорят все в мою пользу, но г. Следователь почему то не нашел возможным изменить способ пресечения от уклонения от суда и следствия.

На этом основании покорнейше прошу Ваше Высокородие о скорейшем рассмотрении дела сына моего, и Вы сами убедитесь, что он сидит совершенно напрасно.

Прошение повторно подать имени моей.

За неграмотностью расписался: подпись.

Резолюция: Объявлено лично об оставлении прошения без последствий.
А.Новац., 6.УШ.1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 160

Документ № 654.

Постановление

1919 года, августа 7 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий, принимая во внимание, что привлеченные к следствию в качестве обвиняемых Безроднов, Агабек Артемович Магакелов, Сетрак Амбарцумович Шабанянц, кроме предъявленного им обвинения, достаточно изобличаются еще в преступлениях, изложенных в докладе о разгроме г. Шемахи и постановлении от 12 июля

с.г., **Постановил:** названным Безроднову, Магакелову и Шабанову предъявить дополнительно обвинение в преступлении, предусмотренных 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453, 1607 ст. Ул. о Наказ.

Член Комиссии: А. Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 161

Документ № 655.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года августа 7 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий с соблюдением 403-407 ст. У.У.С. дополнительно допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, который показал:

Афанасий Яковлевич Безроднов, (дополнительно л. 9.)

Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении, положенном в прочитанных мне докладе о разгроме г. Шемахи и в постановлении от 12 июля 1919 года, т.е. в преступлении, предусмотренных 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453, 1607 ст. Ул. о Наказ. В оправдание свое к показанию, данному при допросе 22 мая с.г. ничего добавить не имею. Читано.

Подпись: Афанасий Безроднов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Мера пресечения – содержание под стражей в Гянджинской тюрьме мне объявлена.

Подпись: Афанасий Безроднов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 162

Документ № 656.

Постановление

1919 года августа 7 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий, допросив жит. сел. Маразы Шемахинского уезда Афанасия Яковлевича Безродного, 28 л., обвиняемого в том, что вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной и племенной к мусульманскому населению, действуя по предварительному соглашению и совокупными силами с другими лицами составил шайку из несколько тысяч человек, вооруженных пушками, пулеметами, ружьями, револьверами, шашками и кинжалами, которая, поставив своей целью истребление мусульманского населения, похищения и уничтожения его имущества 18 марта 1918 года, на рассвете, напав на мусульманскую часть города Шемахи и громя его в течение нескольких дней, 1) убила несколько тысяч жителей мусульман - мужчин, женщин и детей, причем убийства сопровождалась жестокостями, как-то: отрубанием конечностей, ушей, носов, выкалыванием глаз, распариванием животов и т.п., 2) расхитила разного движимого имущества больше, чем на один миллиард рублей, и 3) уничто-

жила посредством поджога всю мусульманскую часть города, между прочим, тринадцать мечетей, и в частности в том, что тогда же, там же и при тех же обстоятельствах он лично похитил четырех лошадей, принадлежавших М.Ибрагим М. Али-Кули оглы и убил его отца Мешади Али-Кулия Расулова и мать Мешади Забиту Ага Наби кызы, и принимая во внимание, что, хотя обвиняемый не признал себя виновным в приписываемых ему преступлениях, однако, вполне изобличается в таковых показаниями потерпевших Мамед-Али бека Вейсова, Мовсум-бека Садыхбекова, Абдул-Гусейна Алиева, Гаджи Керима Азиз оглы и многих других, которые на следствии удостоверили факт о нападении на г. Шемаху шайки из нескольких тысяч человек, вооруженных огнестрельным и холодным оружием, которая, убила несколько тысяч человек, похитила все движимое имущество и путем поджога уничтожила всю мусульманскую часть города, что уничтожение города путем поджога констатировано также протоколами осмотра г. Шемахи; что потерпевший Меш. Ибрагим Меш. Али-Кули оглы показал, что видел, как обвиняемый во время описанных событий вошел в дом его отца Меш. Али-Кулия Расулова и убил последнего вместе его женой Мешади Забитой Ага Наби кызы и похитил принадлежавших ему четыре пары лошадей, одну из которых с хомутом опознал у обвиняемого, и что обвиняемому за совершенные им преступления угрожает наказание по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453, 1607 ст. Ул. о Наказ., влекущие за собою лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы, а потому руководствуясь 416, 419 и 421 ст. Уст.Уг.Суд., **Постановил:** мерую пресечения способов уклонения от следствия и суда против обвиняемого жителя сел. Маразы Шемахинского уезда Афанасия Яковлевича Безроднова, 28 л., избрать безусловное содержание под стражей в Гянджинской тюрьме.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Справка: Начальнику Гянджинской тюрьмы с Безродновым и копией постановления.

8 августа 1919 г., № 40.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 164-165.

Документ № 657.

**М.Ю.
Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
16 августа 1919 г.
№ 1057
г. Шемаха**

**Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии
А.Ф.Новацкому**

В дополнение к отношению моему от 5 сего августа за № 974 при сем препровождается Вашему Высочородию переписка для приобщения к делу № 52.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 183.

Документ № 658.

Постановление

1919 года, августа 18 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий, принимая во внимание, что обвиняемый Афанасий Безроднов уличается в предъявленном ему обвинении показаниями одного только Мешади Ибрагима Мешади Али-Кули оглы, который, опознав у Безроднова в Баку свою лошадь, пропавшего у него во время второго нападения армян и молокан на г. Шемаху, только тогда заявил, что в лице Безродного он опознал убийцу своего отца Али Кулия и матери; что из показания потерпевшего видно, что он раньше, до мартовских событий, не знал обвиняемого; что, если он и добросовестно обвиняет Безродного в участии в разгроме г. Шемахи, то возможно, что ошибается, тем более, что свидетели Тушев, Селивестров и Михаил Безроднов удостоверили, что во время разгрома Шемахи Безроднов находился в сел. Маразы; что, кроме этого, показание потерпевшего не внушает доверие, оно добросовестно, так как из показаний свидетелей Матвея Лапатина, Василия Никульшина и Сусоева видно, что потерпевший рассердившись на Безродного за то, что он не хотел отдать ему лошади, угрожал ему, что несколько человек свидетелей Попов, Трушелев, Тимофей Попов, Григорий Хныкин и др., удостоверили, что опознанная потерпевшим у обвиняемого лошадь доморощенная и принадлежит обвиняемому; что последнее обстоятельство находит себе также подтверждение в показаниях свидетелей Мешади Мухтар оглы и Расула Султан-Али оглы, которые удостоверили, что потерпевший до второго нападения на Шемаху выехал в Геокчай со всем своим имуществом, и что в виду изложенного, избранная против обвиняемого мера пресечения - содержание под стражей, не соответствует тяжести улик, а потому **Постановил:** на основе 421, 423, 424 и 427 ст. У.У.С., взамен безусловного содержания под стражей против обвиняемого Афанасия Безродного избрать залог в размере пяти тысяч рублей, а до представления такового содержать его под стражей.

Член Комиссии: А. Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 188.

Документ № 659.

Взамен квитанции на 5000 рублей.

20 августа 1919 г., по приходу ст. № 1008

Принято Шемахинским Казначейством от жит. сел. Маразы- русское Матрены Даниловны Безродновой залог в обеспечение личн. обвиняемого

жить. сел. Маразы – русское Афанасия Яковлевича Безроднова в депозит Бакинского Окружного Суда всего пять тысяч рублей.

Кассир: подпись.

Печать.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 189.

Документ № 660.

Протокол

1919 год, августа 20 дня. г. Шемаха.

Ко мне, члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому, явилась жит. сел. Маразы - русские Шемахинского у., Матрена Даниловна Безроднова, которая представила квитанцию Шемахинского Казначейства от 20 августа с.г. за № 1008 о взносе ее в депозит Бакинского Окружного Суда пяти тысяч рублей в обеспечение личности обвиняемого Афанасия Яковлевича Безродного, просила отдать ей названного обвиняемого под залог внесенной суммы.

Матрена Безроднова, неграмотна.

Член Комиссии: Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 190.

Документ № 661.

Постановление

1919 года, августа 20 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приняв во внимание заявление Матрены Безродновой и имея в виду Постановление от 18 августа с.г., **Постановил:** отдать Матрене Даниловне Безродновой обвиняемого Афанасия Яковлевича Безроднова под залог с денежной ответственностью в пяти тысяч рублей.

Член комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 191.

Документ № 662.

Подписка

1919 года, августа 20 дня.

Я, нижеподписавшаяся, жит. сел. Маразы-русские, Матрена Даниловна Безроднова даю сие подписку члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкому, в том, что беру под залог в пять тысяч рублей Афанасия Яковлевича Безроднова, обв. По 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1457 ст. Ул. о Нак., и обязуясь представлять его к следствию и суду по каждому требованию. Содержание 427 ст. мне объявлено.

Матрена Безроднова, неграмотная.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 191 об.

& 4. По обвинению Сетрака Шабанова и Агабека Магакелова

Документ № 663.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
9 августа 1919 г.
№ 1026
г. Шемаха**

Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии

Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что по препровожденным Вам делам вещественные доказательства: по делу № 7 шаль шелковая и № 21: 1) ложка столовая; 2) хурджун большой и 3) хурджун малый отосланы на хранение в Шемахинское Уездное Управление при отношении от 13 февраля с.г. за № 68 и 15 июня № 657.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 172.

Документ № 664.

М.Ю.

**Начальник Геокчайской
Тюрьмы
20 августа 1919 г. № 453
Г. Геокчай**

Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии

Г. Новацкому

Вследствие предложения Вашего от 9-го сего августа за № 42 сообщаю для сведения, что арестанты вверенной мне тюрьмы Сетрак Шабанов и Агабек Магакелов сего числа отправлены в Гянджинскую тюрьму.

Начальник тюрьмы: И Мамедов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 211.

Документ № 665.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
8 сентября 1919 г.
№ 1217
г. Шемаха**

Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии

А. Новацкому

В дополнение к отношению моему от 5.УШ. за № 979 при сем препровождается Вашему Высокоородию на распоряжение переписка, присланная мне при надписи Г. Тов. Прокурора по Шемахинскому участку по делу № 21.

Вр. и.д. Следователя: подпись.

На следующем листе: Арестантское.

Настоящая переписка препровождается Г. Тов. Прокурора Шемахинского участка для проверки основательности передачи дела и принятия мер к законному направлению такового.

14 августа 1919 г. г. Баку. № 5516.

За Прокурора Суда: подпись.

За Секретаря: подпись.

На обороте: Передать Чл. Чрез. Сл. Новацкому о чем сообщить Прокурору Бак. Окр. Суда.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 242-243.

Документ № 666.

Протокол допроса обвиняемых

1919 года сентября 10-го дня, г. Гянджа.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий дополнительно допрашивал с соблюдением 403-407 ст. Уст. Уз. Суд. нижепоименованных обвиняемых, которые показали следующее:

Сетрак Амбарцумович Шабанянц. (дополнительно л. д.)

Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении, изложенном в прочитанных мне докладе о разгроме города Шемахи и постановлении Чрезвычайной Следственной Комиссии от 12 июля 1919 года, т.е. в преступлениях, предусмотренных 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Наказ. В оправдание свое показываю:

В Шемахе я находился всего два дня: 18 и 19 марта 1918 года, во время нападения на Шемаху, так как после полученной раны в ногу выехал в сел. Хильмили. Я был ранен во время перестрелки, но не знаю, кем был ранен. Я не принимал участия в нападении, поджогах, грабежах, убийствах и других насилий не совершал. Я видел врача Сазонова 19 марта в армянской части, но не угрожал ему, что ему следует первая пуля за то, что он скрывался в мусульманской части. Того же 19 марта я случайно увидел возле дома Тарланбека Алиярбекова толпу армян и молокан. Войдя в дом Тарланбека, увидел, что армяне и молокане окружили его, отбирали от него оружие и хотели взять его с собой наверх. Заметевши меня, он обратился ко мне с просьбой заступиться за него, так как он боялся, что наверху, в армянской части города, его убьют. Я заступился за него и его оставили дома, а вечером он скрылся. Я не видел, чтобы брат Тарланбека дал Карабахскому армянину в виде

выкупа брата двенадцать тысяч рублей. Тарлан-бек мой товарищ по училищу. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Шабанов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Мера пресечения - содержание под стражей в Гянджинской тюрьме мне объявлена.

Подпись: Шабанов.

Агабек Артемович Магакелов (дополнительно л. д.)

Я не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении, изложенном в докладе о разгроме города Шемахи и постановлении Чрезвычайной Следственной Комиссии от 12 июля 1919 года, т.е. в преступлениях, предусмотренных 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Наказ. В оправдание свое к показанию, данному при допросе 31 марта 1919 года ничего добавить не имею. Мой брат Бабаджан Артемович Магакелов умер в прошлом году, до прихода турок, по дороге из Баку в Петровск. Читано.

Подпись: Магакелов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Мера пресечения - содержание под стражей в Гянджинской тюрьме мне объявлена. Подпись: Магакелов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 223-224

Документ № 667.

Постановление

1919 года, сентября 10 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий допросил жит. гор. Шемахи Степана Балабековича Лалаева, 27 л., Сетрака Амбарцумовича Шабанянца, 27 л., и Агабека Артемовича Магакелова, 49 л., обвиняемых в том, что они, вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной и племенной к мусульманскому населению, действуя по предварительному соглашению с другими лицами и совокупными силами, составили шайку и состояли членами таковой из нескольких тысяч человек, вооруженных пушками, пулеметами, ружьями, револьверами и кинжалами, которая, поставив своей целью истребление мусульманского населения, похищение и уничтожение его имущества, 18 марта 1918 года, на рассвете, напав на мусульманскую часть гор. Шемахи и громя его в течение нескольких дней, 1) убила несколько тысяч жителей-мусульман, мужчин, женщин и детей, причем убийства эти сопровождалась особенностями жестокостями, как то отрубанием конечностей, ушей, носов, выкалыванием глаз, распариванием животов и т.п., 2) похитила разного движимого имущества более чем на один миллион рублей; 3) уничтожила посредством поджога всю мусульманскую часть города, между прочим, тринадцать мечетей и, принимая во внимание, что хотя

обвиняемые не признали себя виновными в означенных преступлениях, однако вполне изобличаются в таковых, Лалаев показаниями свидетелей: Мовсум-бека Садыхбекова, Гаджи Керима Азиз оглы, Махияддина Эфенди оглы, Насруллы Гаджи Султан оглы, Магомета Абдул Рагим оглы, Гаджи Гейдара Гаджи Юсуф оглы, Абдуллы Абдуллаева, Мелика Неймат оглы Маликова, Кербалай Юсуфа Мамедова Алихан-бека Эюббекова, Джевад-бека Мамедова, Гусейн-Бабы Мешади Абдул-Али оглы и Сираджеддина Эфендиева, которые удостоверили, что обвиняемый лалаев был одним из главных организаторов шайки, разгромившей гор. Шемаху и совершившей ряд насилий над мусульманским населением, и что, он лично принимал участие в совершенном выше упомянутых преступлений; Шабанов же и Магакелов изобличаются показаниями потерпевших: Сааб-Ханумы Нахмет-бек кызы, Мамед-бека Меликбекова и Алескера-бека Алиева, удостоверивших, что названные обвиняемые, как члены упомянутой шайки, в частности убили Халаф-бека Меликбекова и похитили все его ценное движимое имущество, и кроме того, Шабанянец изобличается в нападении и разгроме Шемахи показаниями свидетелей: врача Сазонова и Тарлан-бека Алиярбекова, видевших его среди разбойников, и что обвиняемым Лалаеву, Шабанянцу и Магакелову за совершенные ими преступления угрожает наказание по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453, 1607 ст. Ул. о Наказ., влекущие за собою лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы, и что, виде этого является опасение, что обвиняемый может скрыться и уклониться от следствия и суда, **Постановил:** на основании 416, 419 и 421 ст. Уст.Уг.Суд., мерою пресечения способов уклонения от следствия и суда против обвиняемых Степана Лалаева, Сетрака Шабанянца и Агабека Магакелова избрать содержание под стражей в Гянджинской тюрьме.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Отношение от 10 сентября 1919 г., за № 107 вместе с копией Постановления от 10 сентября 1919 года о содержании под стражей обвиняемых Степана Лалаева, Сетрака Шабанянца и Агабека Магакелова принял 10 сентября 1919 года.

Старший Помощник Начальника тюрьмы: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 225-226.

Документ № 668.

М.Ю.

**Шемахинский
Уездно-Городской
Следственный Участок
6 Октября 1919 г.
№ 1461
г. Шемаха**

**Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии
А.Ф.Новацкому**

В дополнение к отношению моему от 5 августа сего года за № 974 при сем препровождается Вашему высочородию переписка по делу Сетрака Шабанова и Агабека Магакелова, обвиняемых в разбойном нападении соединенном с убийством.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 248.

Документ № 669.

**Его Превосходительству Председателю
Чрезвычайной Следственной Комиссии**

Содержащихся под стражей
в Ганджинской Губ. Тюрьме
Агабека Магакелова и Сетрака Шабанова
по тюрем. билетом № 1041, 1042

Прошение

Будучи сами уроженцами Бакинской губернии, где живут все наши родные и родственники, которые за дальностью расстояния и не имением средств не могут хотя изредка посещать нас, и мы вот уже 8 месяцев лишены возможностью видеть наших близких, мы покорнейше просим Ваше Превосходительство войти в наше тяжелое положение и найти возможным перевести нас в Бакинскую Тюрьму, дав нам этим возможность увидеть своих детей и жен.

Надеемся, что Ваше Превосходительство не оставит нашей просьбы без внимания, тем более, что и место происшествия в чем нас обвиняют находится в Бакинской губернии.

Подписи: Агабек Магакелов, Сетрак Шабанов.

8 ноября 1919 года.

На обратной стороне: Справка: Агабек Магакелов и Сетрак Шабанов содержатся под стражей в Елисаветпольской Губернской тюрьме с 21 августа 1919 года и обвиняются в разбойном нападении.

И числятся содержанием за Членом Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацким.

Помощник Начальника тюрьмы: подпись.

Надпись: Г.-ну Прокурору Гянджинского Окружного Суда.

Настоящее прошение со справкой препровождаю.

Начальник тюрьмы: подпись.

9 ноября 1919 г. № 5834

Надпись: Арестантское.

Г. Председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

По адресу.

10 ноября 1919 года, № 7948.

Прокурор Суда: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 97.

& 5. По обвинению Джумибека Авшарова.

Документ № 670.

Документ № 671.

**Его Высочородию Господину Члену
Чрезвычайной Следственной Комиссии**

жит. гор. Шемахи Абиля Орудж оглы

Заявление

Во время мартовских событий, т.е. во второй раз в 1918 году в гор. Шемахе, у меня был убит мой родной брат Ашраф Орудж оглы, жена его Фатьма Ханума и другая жена Килья Ханума, два сына и две дочери его же, а также был подожжен его дом, находящийся в гор. Шемахе около больницы и разграблено все его содержимое, как-то: два фазтона, шесть лошадей, пять коров, один буйвол, пятьдесят шесть овец, ковры, девять сундуков с одеждой, постель, посуда и друг. разные вещи. Все вышеизложенное здесь совершили жители города Шемахи – армяне: 1) Хачи Цатур оглы, 2) Джангир Саркис оглы, 3) Николай Ованес оглы, 4) Дижумибек Авшаров и 5) Артем Сейран оглы, которых и прошу, Ваше Высочородие, задержать и привлечь к уголовной ответственности за убийство и грабеж, а также взыскать с них стоимость дома, вещей и животных, которое я оцениваю по существующим ныне ценам до полумиллиона рублей.

При сем докладываю, что я по первому требованию могу указать местожительство обвиняемых.

Абил Орудж оглы, неграмотный, а за него и по его личной просьбе расписался: подпись.

14 августа 1919 г., гор. Шемаха.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 187.

Документ № 672.

Протокол заявление

1919 года, августа 23 дня.

Ко мне, врем. исп. обяз. Пристава гор. Шемахи Фарзалиеву, сего числа явился жит. гор. Шемахи Абил Орудж оглы и заявил, что в марте месяце прошлого 1918 года во время разгрома гор. Шемахи в его дом, находящееся в

гор. Шемахе ворвался жит. гор. Шемахи Джумибек Авшаров с 4-мя неизвестными вооруженными армянами, убил брата заявителя Ашрафа и убив жен последнего Фатиму Ханума и Гиля Ханума, дочь Сакна Ханума, сына Мамед Алия Ругяра Рагиршана и жену последнего Насиба ханума, забрали драгоценные вещи на более 200.000 руб.

Раненный брат заявителя Ашраф спустя 2 месяца скончался на ст. Уджары, он будучи еще жив, рассказа о случившемся жит. гор. Шемахи Меджиду Джевад оглы, Абдул Алию Кербалай Гаджи Али оглы и Кербалаю Али Кулию Халил оглы. Содержание 940 с. Улож. о Наказ. заявителю объявлено и разъяснено. Неграмотный.

Вр. исп. об. Пристава гор. Шемахи: Фарзалиев (подпись).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 192.

Документ № 673.

Протокол дознания

1919 года, августа 24 дня.

Опрошенный жит. гор. Шемахи **Мешади Али Кули Халил оглы** показал, что действительно покойный Ашраф Орудж оглы рассказал ему о том, что упомянутых в протоколе лиц убили жит. гор. Шемахи Джумибек Овшаров и Джангир, по отчеству и фамилии неизвестный.

Подпись: Мешади Али Кули Халил оглы (арабскими буквами).

Опрошенный жит. гор. **Шемахи Меджид Джевад оглы** показал, что покойный Ашраф ему рассказал, что убийцы названных в протоколе лиц были жит. гор. Шемахи Джангир и Хачи, по отцу и фамилии неизвестные, а про названного здесь Джумибека, он ничего не слышал. Неграмотный.

Опрошенный житель гор. Шемахи **Абдул Али Кербалай Гаджи Али оглы** показал, тоже, что и Меджид Джевад оглы. Неграмотный.

Опрошенный обвиняемый жит. гор. Шемахи **Джумибек Овшаров** показал, что во время разгрома города Шемахи он лежал больным в сел. Хильмили, что могут подтвердить Шемахинцы Мелик Кербалай Таги оглы, Кули Зейнал оглы, Касум Наджаф оглы и Ахмед Наджаф оглы.

Подпись: Д.б. Авшаров

Вр. исп. об. Пристава гор. Шемахи: Фарзалиев (подпись).
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 192-193.

Документ № 674.

Протокол дознания

Настоящий протокол вместе с Джумибек Овшаровым представляю г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Август 24 дня 1919 г.

Вр. ис. об. Пристава г. Шемахи: Фарзалиев (подпись).

1919 г. августа 24 дня.

Опрошенный житель города Шемахи **Мелик Кербалай Таги оглы** показал, что был ли в том время названный Джумибек в сел. Хильмили, ему ничего не известно. Но он слышал от самого покойного Ашрафа, что семью его убили жители города Шемахи Джангир и парикмахер Ованес по отцу и фамилии ему неизвестные. Участвовал ли названный Джумибек в убийстве вышеупомянутых лиц, он не знает. Неграмотен.

Опрошенные жители города Шемахи **Ахмед Наджаф оглы, Кули Зейнал оглы и Касум Наджаф оглы** дословно подтвердили показания названного выше Мелика Кербалай Таги оглы.

Подпись: Ахмед Наджаф оглы, Кули Зейнал оглы и Касум Наджаф оглы, и за неграмот. и по их личной просьбе расписался: подпись.

Вр. ис. д. прис. Г. Шемахи: Фарзалиев (подпись).

Надпись: Представляю г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии.
Августа 24 дня 1919 г. № 1139

Вр. ис. д. прис. г. Шемахи: Фарзалиев (подпись)

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 193 об. - 194.

Документ № 675.

Протокол допроса

1919 года августа 24 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованных с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг.Суд. которые показали следующее:

Я, Абил Орудж оглы, 40 л., ж. г. Шемахи, стражник Матрасинского поста, мусульманин, не судился, неграмотен.

Я постоянный житель гор. Шемахи, где я держал фаэтон. У меня в Шемахе был брат Ашраф, тоже фаэтонщик. Я жил в Верхней части города, возле тюрьмы, а брат жил в Нижней части, возле больницы. Когда начались в Шемахе беспорядки вскоре после праздника Новруз-Байрама», я был болен и лежал в постели. Остаться мне в Верхней части города у себя дома было опасно, поэтому я перешел к брату, а моя жена пошла также к своему брату. Я лежал в доме брата в подвальном этаже, а брат с семьей жил в верхнем этаже. Во дворе жил также кучер брата Кагерман Гюль Али оглы с женой Наиба Мамед Гасан кызы и лезгин Али с малолетними детьми. Вскоре после первой стычки мусульман с армянами был заключен мир. Но на другой день после заключения мира армяне и молокане начали обстреливать Шемаху из пушек и пулеметов, и к вечеру заняли город. Они в эту же ночь и на другой день начали совершать убийства, грабежи и поджоги. На другой день утром несколько человек армян и молокан начали стучаться и ломаться в дом брата. Все, кто жили в доме, вышли во двор, только я лежал в подвале. Наконец открыли ворота и во двор вошли восемь человек, пять человек армян-

шемахинцев, именно: духанщик Джюмибек Авшаров, Хачи Цатур оглы, оружейный мастер Николай Ованес оглы, сапожник Артем Сейран оглы и духанщик Джангир Саркис оглы и три неизвестных мне молоканина. Они начали стрелять в находившихся во дворе, и колоть их штыками. Брат мой раненный пулей в левый бок и левую руку и штыком в спину убежал, и как я потом узнал, жил в отделении Сарыторпаг у Али Кулия Халил оглы, две его жены Фатима Ханума и Кила Ханума и двое его детей - мальчик и девочка были убиты, был также убит кучер с женой. Совершив эти убийства, названные армяне и молокане вошли в квартиру брата и расхитили все его имущество: ковры, постель, посуду, платье и т.к., а также два фаэтона и шесть лошадей. Я все это видел собственными глазами из подвала, где лежал. Видели ли меня злоумышленники, не знаю, но они в подвал не заходили. Вчера, по моему требованию был задержан здесь в Шемахе один из убийц, именно Джюмибек Авшаров, которого я хорошо знаю. Зимой я тоже видел его в Шемахе, но никому не жаловался и не заявлял, потому что никто на такие заявления не обращал тогда внимание. Мой брат Ашраф жаловался Исмаил Хану, когда он пришел в Шемаху с Гянджинским отрядом. С уходом Исмаил хана ушел я и брат. Последний спустя месяц умер в Уджарах от штыковой раны в спину, пулевые же раны зажили. Я жил вместе с братом в Уджарах. Мой брат тоже называл мне этих самых убийц, которых назвал я. Умирая, брат просил меня никого из убийц его семьи и его самого не убивать, а лишь заявить властям. Брат многим говорил, кто именно убил его семью и ранил его, как напр.: Меджиду Джавад оглы, Мешади Али-Кулию Халил оглы, Бейбуту Исраил оглы, Самеду Гаджи Вагаб оглы, Баба Азиз оглы и др. Более показать не имею. Читано. Неграмотный.

Добавляю, что армяне и молокане взяли тогда с собой упомянутого лезгина Алия, по отцу мне неизвестного. Этот Али был убит здесь, в Шемахе, по приказанию Исмаил хана, его солдатами вследствие жалобы брата, так как он, Али, открыл армянам дверь и впустил их во двор, иначе они не вошли бы, потому, что двери и стены были очень крепки. Читано. Неграмотен.

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Меджид Джавад оглы, 38 л., жит. гор. Шемахи, мусульманин, неграмотен.

Я фаэтонщик, покойный Ашраф Орудж оглы был тоже фаэтонщиком. Мы были близкие товарищи. На другой день после взятия армянами и молоканами Шемахи я видел Ашрафа в отделении Сарыторпаг. Он был ранен пулей в левую руку, в ладонь и штыком в спину, был также проколот штыком в нескольких местах его пиджак. Он мне тогда говорил, что к нему во двор ворвались несколько человек армян и убили всю его семью, а его ранили, и он спасся бегством. Он называл мне тогда пять или шесть человек армян, которые ранили его и перебили его семью. Помню, что это были Шемахинцы в

настоящее время помню из них сазандарщика Джангира и Хачи Цатур оглы, других не помню. Я не помню, чтобы он называл тогда духанщика Джюмибека Авшарова. Более показать не имею. Читано. Неграмотный.

Член комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Самед Гаджи Вагуб оглы, 23 л., жит. гор. Шемахи, мусульманин, не судился, грамотен.

Во время первого нападения армян и молокан на Шемаху мой знакомый фаэтонщик Ашраф Орудж оглы говорил мне, что Шемахинские армяне напали на его дом, вырезали его семью, а его самого ранили. Он сам был ранен в ладонь левой руки пулей и штыком в левый бок. Но он не говорил, кто именно из Шемахинских армян убил его семью и ранил его, и я его об этом не спрашивал. Ашраф умер от ран в Уджарах. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Самед Гаджи Вагуб оглы.

Член комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Мешади Али-Кули Халил огы, 48 л., жит. гор. Шемахи, мусульманин, не судился, грамотен.

В первый день первого нападения армян и молокан на г. Шемаху, около 3 часа пополудни прибежал ко мне в отделение Сарыторпаг мой дальний родственник Ашраф Орудж оглы и сообщил мне, что к нему во двор ворвались несколько человек Шемахинских армян, перебили всю его семью, а его самого ранили. Он был ранен в ладонь и в бок. Он жил возле больницы, на границе армянской и мусульманской частей города. Ашраф назвал мне тогда четырех или пятерых армян, которые перебили его семью и ранили его, но в настоящее время помню только двух сазандарщиков Джангира и Джюмибека. Последнего я не знал, но имя хорошо запомнил. Ашраф умер, но где, не знаю. Он бежал из Шемахи вместе с уходом Исмаил Хана. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Мешади Али-Кули Халил огы (арабскими буквами).

Переводил: подпись.

Член комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Бейбут Исраил оглы, 28 л., жит. гор. Шемахи, городской, мусульманин, не судился, неграмотен.

Я находился в гор. Шемахе в то время, когда армяне и молокане первый раз напали на Шемаху и заняли ее. Они совершили здесь много преступлений: убили много людей, похитили много имущества и подожгли много домов. Я лично между армянами видел шемахинцев: 1) духанщика Хачана, 2) Михаила Алексан оглы, 3) Михаила Алексан оглы Кагерманова. Видел также как Хачан убил в доме Самеда Гаджи Вагуб оглы шемахинца Нуху, по отчету мне неизвестного. Сам Самед тогда отсутствовал. Из названных армян Хачан и в настоящее время держит духан в Шемахе, а двое других в Баку. Я никому об этом до сих пор не заявлял, потому что убитый Нух чужой мне человек. Меня армяне не убили, потому что я жил с ними и ел у них хлеб.

Что касается убийства семьи фэзтонщика Ашрафа и поранении его самого, то мне ровно ничего не известно. Читано. Неграмотен.

Переводил: подпись.

Член комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 195 - 200.

Документ № 676.

Постановление

1919 года августа 24 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий, рассмотрев дело «О разгроме гор. Шемахи и насилиях, совершенных над мусульманским населением этого города», нашел: Допрошенный 30 сентября 1918 года в качестве потерпевшего жит. гор. Шемахи Бала бек Мамедбеков, называя разбойников из Шемахинских армян, напавших на Шемаху и совершивших всевозможные преступления и насилия над мусульманским населением, между прочим, показал, что среди нападавших он видел армянина Джумибека, по фамилии ему неизвестного. В виду не выяснения личности Джумибек не был привлечен в качестве обвиняемого Постановлением от 12 июля 1918 года.

15-го августа сего года поступило заявление от жителя гор. Шемахи Абиля Орудж оглы об убийстве его брата Ашрафа, двух жен последнего Фатьмы Ханумы и Киля ханумы и двух детей его, а также расхищение его имущества, в котором в числе опознанных им преступников он между прочими опознал Джумибека Авшарова. Допрошенный на предварительном следствии названный Абил Орудж оглы показал, что в день нападения на Шемаху он больной лежал в подвале дома брата своего Ашрафа, и что оттуда видел как во двор ворвались восемь человек – пять армян и три молokane, которые убив названных им в заявлении лиц и ранив брата Ашрафа, который спасся бегством, расхитили все движимое имущество последнего; при этом добавил, что сам Ашраф говорил ему и другим лицам, что между разбойниками, ворвавшимися в его дом был духанщик Джумибек Авшаров. Свидетель Мешади Али-Кули Халил оглы показал, что Ашраф после убийства семьи его и поранения его самого, прибежал к нему и рассказал о происшедшем и между прочими разбойниками назвал армянина Джумибека. Потерпевший Ашраф Орудж оглы, как видно из показания названного Абиля, умер от полученных в бок ран в сел. Уджары.

На основании изложенного, житель гор. Шемахи Джумибек Авшаров достаточно изобличается в преступлениях, изложенных в докладе Члена Комиссии Новацкого о разгроме гор. Шемахи и в Постановлении от 12 Июля 1918 года, и кроме того, в том, что тогда же, там же и при тех же обстоятельствах вместе с другими следствием пока необнаруженными лицами убили Ашрафа Орудж оглы, его двух жен Фатьма Хануму и Киля-Хануму, двое детей, кучера – Кагермана Гюль Али оглы и жену последнего Наиба Мамед Гасан кызы и похитили все его движимое имущество, а потому, руководствуясь 39 ст. Уст. Уг. Суд., Поста-

новлением Правительства Азербайджанской Республики от 21 марта сего года и предложением Министерства Юстиции от 21 июня с.г. за № 3166, Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий, **Постановил:** привлечь к настоящему делу в качестве обвиняемого названного Джумибека Авшарова, предъявив ему обвинение по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Улож. о Наказ.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 201-202.

Документ № 677.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года, августа 24 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, с соблюдением 403-407 ст. Уст. Уг. Суд. и он показал:

ВОПРОСЫ :

Имя, отчество и фамилия?
Возраст
Место рождения
Место приписки
Место жительства
Рождение
Звание
Народность
Религия
Грамотность
Семейное положение
Занятие
Степень имущественного обеспечения
Отношение к потерпевшему
Судимость
Особые приметы

ОТВЕТЫ :

Джумибек Алексеевич Авшаров
41 года
село Ингар Шемахинского уезда
к мещанам г. Шемахи
гор. Шемаха
Законное
духанщик
армянин
армяно-григорианская
грамотен
женат, один мальчик
духанщик
имею в Шемахе участок земли

чужой
не судился
нет

По существу взведенного на меня обвинения показываю следующее: Я не признаю себя виновным в преступлениях, изложенных в прочитанных мне докладе о разгроме города Шемахи и двух постановлениях от 12 июля 1919 года и 24 августа того же года, т.е. в преступлениях, предусмотренных 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Наказ. В оправдание свое показываю: В январе месяце 1918 года я переехал из Шемахи в сел. Матрасы, где жил до марта месяца. 1 или 2 марта переехал в сел. Хильмили, где жил у одного очень старого

молоканина, ни по имени, ни по фамилии мне неизвестного. На второй же день по прибытию в сел. Хильмили я заболел оспой и болел полтора месяца. В конце апреля, когда поправился, переехал в Шемаху, которая тогда была уже вся сожжена и разрушена. Здесь я оставался две недели и затем уехал в Баку. В убийстве семьи фазтонщика Ашрафа я не мог участвовать. Прошу допросить свидетелей – Шемахинских татар, Мелика, Кулия, по отчеству мне неизвестных, и Касума Наджаф оглы, которые удостоверят, что во время разгрома Шемахи я находился в сел. Хильмили, и что покойный Ашраф называл им совсем других лиц, убивших его семью, но меня не называл. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Джумшудбек Алексеевич Авшаров.

Член Комиссии: А.Новацкий.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 203-204.

Документ № 678.

Протокол допроса

1919 года августа 24 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованных с соблюдением 307 и 443 ст. Уст.Уг.Суд. которые показали следующее:

Я, Касум Кербалай Наджаф оглы, 35 л., жит. г. Шемахи, мусульманин, не судился, неграмотен.

Я очень хорошо знаю духанщика Джумибека Авшарова, Я не видел его в Шемахе во время первого нападения армян и молокан на Шемаху. Где он тогда находился, не знаю. Во время нападения я был ранен в ногу возле своего дома, недалеко от городской больницы. После ранения меня, я убежал вниз в дом Теймур-бека Гаджи Али-Аббас-бек оглы. В этот же день, чрез два часа после моего прихода, пришел туда же мой товарищ Ашраф Орудж оглы. Он был ранен пулей в ладонь левой руки, других ран я у него не видел. Он говорил мне, что ранили его и убили его жену армяне, но никого из этих армян не называл. После разгрома Шемахи до настоящего времени Джумибека в Шемахе и вообще нигде не встречал. Почему он выставил свидетелем именно меня, не могу объяснить. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Ахмед Наджаф оглы, 37 л., жит. г. Шемахи, стражник, мусульманин, не судился, грамотен.

Я знаю Джумибека Авшарова, потому, что он имел в Шемахе духан, но никакого знакомства с ним не вел. Где он находился в день первого нападения на Шемаху, не знаю. Я тогда был в Шемахе и, когда начали ее обстреливать, убежал вниз в дом Теймур-бека Гаджи Али-Аббас-бек оглы. Туда вскоре пришел также раненый в ладонь руки и в бок фазтонщик Ашраф. Он говорил, что его ранили армяне. О подробностях ранения я его не спрашивал, по-

тому что был занят своей семьей. Рассказывал ли он или нет о том, кто убил его семью и называл ли убийц, не знаю. Почему Джумибек выставил меня свидетелем, не знаю, объяснить не умею. Более показать не имею. Читано.

Ахмед Наджаф оглы: подпись.

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Кули Кербалай Зейнал оглы, 30 л., жит. г. Шемахи, мусульманин, не судился, неграмотен.

Я хорошо знаю обвиняемого Джумибека, как своего соседа. До разгрома Шемахи, когда мы, мусульмане, были в «силе», он бежал из Шемахи, и мать говорила, что он убежал в Козлы-Чай (Хильмили). Где он был в первый день нападения на Шемаху, не знаю. В этот день я скрывался в Нижней части города, в доме покойного Гаджи Али-Аббас бека. Туда пришел также раненый в руку фэтонщик Ашраф. Его окружили и расспрашивали. Он рассказывал, что убили его семью и ранили его Шемахинские армяне и назвал несколько человек, именно: Джангира, Хачи, парикмахера Ованеса, но я не слышал, чтобы он называл Джумибека. Со времени разгрома Шемахи я сегодня впервые увидел Джумибека. Почему Джумибек сослался на меня, я объяснить не могу. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Мелик Кербалай Таги оглы, городской, 30 л., жит. Г.Шемахи, мусульманин, не судился, неграмотен.

Я очень хорошо знаю обвиняемого Джунибека Авшарова. Где он находился в первый день нападения на Шемаху, не знаю. В этот день я был в окопах. Когда я был в окопах, туда пришел ко мне фэтонщик Ашраф, раненый в ладонь руки и в бок. Рана в ладони была пулевая, а какая рана была в боку, не видел, не знаю. Ашраф был без папахи. Я повел его к себе домой. Он говорил мне, что ранили его и убили его семью Шемахинские армяне, и назвал трех из них, именно: Джангира, Володю, и какого-то сапожника. Хорошо помню, что Джунибека Авшарова не называл. Я не говорил Приставу при допросе, что он называл также парикмахера Ованеса. От меня Ашраф пошел вниз. Откуда известно Джунибеку, что Ашраф называл мне убийц своей семьи и не называл его, объяснить не могу. Месяц тому назад я видел в Шемахе Джумибека. Мы поздоровались, но не разговаривали. От какой болезни умер Ашраф, не знаю. Более показать не имею. Читано Неграмотен.

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 205-207.

Документ № 679.

Постановление

1919 года, августа 24 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий допросил жит. гор. Шемахи Джумибека Алексеевича Авшарова, обвиняемого в том, что он, в следствие побуждений, проистекших из вражды религиозной и племенной к мусульманскому населению, действуя по предварительному соглашению с другими лицами и совокупными силами, составил и вступил в шайку из нескольких тысяч человек, вооруженных огнестрельным и холодным оружием, которая, поставив своей целью истребление мусульманского населения, похищение и уничтожение его имущества, 18 марта 1918 года, на рассвете, напав на мусульманскую часть гор. Шемахи и громя его в течение нескольких дней, 1) убила несколько тысяч жителей-мусульман, мужчин, женщин и детей, причем убийства эти сопровождалась особенностями жестокостями, как то отрубанием конечностей, ушей, носов, выкалыванием глаз, распариванием животов и т.п., 2) похитила разного движимого имущества более чем на один миллион рублей; 3) уничтожила посредством поджога всю мусульманскую часть города, между прочим, тринадцать мечетей и, принимая во внимание, что хотя обвиняемый не признал себя виновным в приписываемых ему преступлениях, однако вполне изобличается в предъявленном ему обвинении показаниями свидетелей Бала-бека Мамедбекова, который показал, что среди армян, напавших на Шемаху, убивших жителей, поджигавших дома и похищавших имущества шемахинцев, он видел обвиняемого; Абиля Орудж оглы, который показал, что он видел как во время нападения армян и молокан на г. Шемаху обвиняемый в числе семи других лиц ворвался во двор его покойного брата Ашрафа, убил там двух жен последнего Фатьму Хануму и Киля Хануму, два их детей, кучера Кагермана Гюль-Али оглы и его жену Наиб Мамед Гасан кызы, и ранил Ашрафа пулей и ружьем, вследствие чего последний умер, и Мешади Али-Кулия Халил оглы, показавшего, что покойный Ашраф говорил ему, что в числе злоумышленников, ворвавшихся в его дом, перебивших его семью, ранивших его самого и похитивших его движимое имущество, он видел и опознал обвиняемого; что объяснение обвиняемого, что он во время нападения на Шемаху лежал больной в сел. Хильмили, не заслуживает доверия, так как противоречит показаниям названных свидетелей, и так как не нашло себе подтверждения допрошенных по ссылке обвиняемого свидетелей Касума Кербалай Наджаф оглы, Кулия Кербалай Зейнал оглы и Мелика Кербалай Таги оглы, которые показали, что им неизвестно, где находился обвиняемый во время разгрома г. Шемахи; что обвиняемому угрожает наказание по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453, 1607 ст. Ул. о Наказ., влекущие за собою лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы, и что, виде этого является опасение, что обвиняемый может скрыться и уклониться от следствия и суда, Постановил: на основании 416, 419 и 421 ст. Уст.Уг.Суд., мерою пресечения способов уклонения от следствия и суда против обвиняемого Джумибека Алексеевича Авшарова, 41 года, избрать содержание под стражей в Гянджинской тюрьме.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

О мере пресечения мне объявлено, и способ обжалования разъяснен.

Подпись: Дж. Авшаров.

Надпись: Читал. 4 сентября 1919 г. Гянджа.

Председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии: Алек. Б. Хасмамедов (подпись),

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 208-210.

Документ № 680.

**Его Высокородию Г. Председателю
Чрезвычайной Следственной Комиссии**

Проживающего в г. Шемахе
Джумибека Алексеевича Авшарова

Прошение

По постановлению Вашему я арестован и отправлен в Гянджинскую тюрьму. Я прибегаю со всепокорнейшей просьбой к Вашему Высокородию отдать меня на поруки жит. с. Каракашлы уряднику Гусейн беку Абдуллабекову под залог, каковой Вами будет потребован и под его личную ответственность. Я человек бедный, имею большое семейство, которое нужно избавить от голода. Веду я оседлый образ жизни. Ни в чем никогда замешан не был.

Подпись: Д.бек Авшаров.

30 августа 1919 г.

Надпись: Мне объявлено лично, что мера пресечения остается прежним.

25 сентября 1919 г.

Подпись: Д.б. Авшаров.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 240.

6. По обвинению Григория Аванесова (Ованесов)

Документ № 681.

Протокол заявления

1919 года августа 7 дня.

Ко мне, Приставу гор. Шемахи Ахундову сего числа явилась жительница гор. Шемахи Дурсун Ибрагим кызы и заявила, что во время мартовских событий она со своим мужем Абузаром Орудж оглы скрылись в одном из садов гор. Шемахи, куда пришли четыре неизвестных армян и там же убили его мужа, предварительно ограбив у него 500 руб.

Сего числа она опознала одного из этих армян, который выстрелом из ружья убил ее мужа. Неизвестный армянин оказался жителем сел. Керкенч

Григорий Аванесовым. Просит о привлечении его к законной ответственности за убийство ее мужа. Содержание 940 ст. Улож. о Наказ. ей объявлено. Неграмотная.

Пристав гор. Шемахи: Ахундов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 168.

Документ № 682.

Протокол дознания

1919 года августа 7 дня.

Я, Пристав гор. Шемахи Ахундов, сего числа производил полицейское дознание, коим выяснилось следующее:

1) Опрошенный жит. сел. Керкенч Григорий Аванесов показал, что он никогда не убил мужа заявительницы, и почему его обвиняет, не знает.

Подпись: Григорий Аванесов.

Пристав гор. Шемахи: Ахундов (подпись).

Постановил: изложенное занести в сей протокол, который вместе с Аванесовым представить Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии г. Новацкому.

Пристав: Ахундов (подпись).

Г. Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии г. Новацкому

С Аванесовым на распоряжение представляю.

7 августа 1919 г., № 1032.

Пристав: Ахундов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 169.

Документ № 683.

Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии г. Новацкому

С протоколом дознания представляя, доношу, что Аванесов находится у меня в канцелярии.

7 августа 1919 г, № 1032

Пристав: Ахундов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 167.

Документ № 684.

Протокол допроса

1919 года августа 7 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованную с соблюдением 307 и 443 ст. У.У.С. которая показала следующее:

Я, Дурсун Ибрагим кызы, 40 л., жит. г. Шемахи, мусульманка, не судилась, неграмотная.

Во время второго занятия гор. Шемахи армянами и молочанами, после ухода Гянджинских войск, я, мой муж Абузар Орудж оглы, и еще 13 других человек, именно: 3 мужчин, 6 женщин и 6 детей спрятались в саду за городом. Туда днем, около 10 часов утра, пришли четверо вооруженных ружьями армян, которые убили моего мужа и еще одиннадцать человек, оставив в живых только меня и другую женщину из сел. Кештимаз, жену Гюлия, имени и отчество которой не знаю, жива ли она, не знаю.

Меня и упомянутую женщину армяне не убили, потому, что случайно объявился туда неизвестный мне армянин просил не убивать нас. Узнав о прибытии в Шемаху членов Чрезвычайной Следственной Комиссии, я сегодня утром пришла в помещение, где находится один из членов этой Комиссии и городской полицейский пристав и совершенно случайно встретила здесь в галерее одного из убийц моего мужа и других, которого, по моей просьбе, пристав задержал. Этого армянина я до убийства мужа и после убийства никогда не встречала и не знала. Я его опознала по лицу. Особых примет у него нет. Он тогда был также одет, как и сегодня. Остальных убийств тоже могу опознать. Убийца похитил у мужа 500 руб. Более показать не имею. Читано. Неграмотная.

Переводил: подпись.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 170.

Документ № 685.

Протокол допроса свидетеля

1919 года августа 7 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованного с соблюдением 722 ст. У.У.С. который показал:

Я, Григорий Яковлевич Ованесов, 52 лет, жит. сел. Керкенч Шемахинского уезда, армянин, под судом не был, грамотен.

Я явился сегодня в канцелярию Матрасинского Пристава доложить, что требуемый Приставом мой односелец Дурмиш Бахиш оглы Месропов умер (я состою старшиной Керкенчского общества), и когда находился в канцелярии Пристава, туда вошла какая-то женщина-мусульманка и заявила Приставу, что я убил ее мужа во время разгрома Шемахи. Женщина эта ошибается, потому что я не принимал никакого участия, как в разгроме Шемахи, так и мусульманских селений. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Аванесов Григорий.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 171.

Документ № 686.

Постановление

1919 года августа 7 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий, рассмотрев показание потерпевшей Дурсун Ибрагим кызы и объяснение Григория Ованесова нашел, что показание потерпевшей не заслуживает доверия, так как является невероятным, чтобы она спустя полтора года опознала человека, которого раньше никогда не знала и не видела, и у которого нет никаких особых примет, и что сомнение в правдивости ее показания возбуждает обстановка, при которой был опознан Ованесов, а потому, находя обвинение Ованесова недоказанным, **Постановил:** названного Ованесова в качестве обвиняемого не привлекать и сделать распоряжение об освобождении его из-под стражи.

Член Комиссии: А. Новацкий (подпись).

Справка: 7 августа 1919 г., № 37.

Приставу г. Шемахи об освобождении Ованесова.

Справка: 9 августа 1919 г. Начальнику Геокчайской тюрьмы о переводе Шабаянца и Магакелова в Гянджинскую тюрьму.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л. 171 об.

Документ № 687.

Постановление

1919 года ноября 19 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приняв во внимание, что место нахождения обвиняемых Гавриила Караогланова, Карапета Караманова, Самвела Долиева, Петросянца, Аршака Еновковича Иванова, парикмахера Ованеса, Ягуба Мартиросянца, Арменака Ягубовича Мартиросянца, Александра Хачатурова, Михаила Хачатурова, Аллахверды Минасова, жестянщика Крикора, Мамикона Гюльбандова, Хачанова, Владимира Долиева, Мамикона Долиева, Бабаджана Магакелова, Николая, Арутюна Хачатурова, Агамалова, Карабанова, Артамонова, Герасима Агриева, Сандрика Агриева и Каспара неизвестно, и личности некоторых из них не установлены, что они разыскиваются Бакинской и Шемахинской полицией, руководствуясь 385 ст. У.У.С. **Постановил:** розыска названных обвиняемых чрез публикации не производить.

Член Комиссии: Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 105 об.

Глава 4

Следственные дела по обвинению Степана Лалаева

**& 1. Следственные дела по обвинению Степана Лалаева
в производстве следователей по наиболее важным делам Тумбия,
Комаровского, Рожанского и Викторова**

Документ № 688.

**Титульные листы следственных дел
по обвинению Степана Лалаева и др.**

1) Дело № 22

Начато: 20 февраля 1919 г.

Судебного Следователя по наиболее важным делам Комаровского

По обвинению Степана Лалаева по 13, 1453 ст., 1525-1606 ст. Улож. о

Наказаниях.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 3.

2) Дело № 70.

Начата 14 марта 1919 г.

Окончено 29 ноября 1920 г.

По настоящему реестру Судебного Следователя № 27 -1919; № 10- 1920.

Прокурора суда № 887 -1920

Предварительное Следствие Судебного Следователя по наиболее важным делам округа Бакинского Окружного Суда М.Ф.Рожанского

По обвинению Степана Лалаева и др. по 1606, 1607 1453 и 1455 ст. Улож. о Наказаниях.

Начата 14 марта 1919 г

Окончено 25 февраля 1920 года

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 2

3) Дело № 29

Начато 27 марта 1919 г.

Окончено 8 декабря 1919 г.

Прокурор Азербайджанской Судебной Палаты.

Производство по наблюдению за делом по обвинению Степана Лалаева и др. по 13 п., 4 п. 1453, 13, 1601, 1641 ст. ст. Улож. о Наказ за разбой и убийство.

ГА АР, ф. 700, оп. 3, д. 2.

4) Дело № 2477

Начато 1 марта 1919 г.

Окончено 30 марта 1919 г.

Производства Прокурора Бакинского Окружного Суда.

По обвинению Лалаева и др. по 1, 2 и 4 п. 1453 ст. Улож о Наказ.

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 513.

5) Дело № 10-1920

Начато: 28 января 1920 г.

Окончено 31 января 1920 г.

Следователь по особо важным делам.

Допрос свидетелей по делу шайки, руководимой Степаном Лалаевым.

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 301.

Документ № 689.

Копия

Комиссар Полиции Союзных Держав⁵⁰

4 февраля 1919 г.

№ 724

Г. Баку

Г. Министру Юстиции

(копия Г. Председателю Окружного Суда)

Вследствие технических трудностей, связанных с разбором дела Степана Лалаева Союзным Военным Судом, в числе коих входит приглашение свидетелей через посредством местных властей, расспрос их на языках, с коими судьи не знакомы, длительность процедуры суда при подобном повторном изложении показаний свидетелей и прочее, Главнокомандующий Союзными Войсками в Баку решил передать названного офицера на суд местных властей.

Не откажите своевременно сообщить мне, когда Вам будет удобно получить от меня названного подсудимого, а также оповестите г. Прокурора Окружного Суда, которому я одновременно препровождаю копию данного отношения.

При сем прилагаю все имеющиеся у меня и относящиеся к этому делу документы.

Полковник: (подпись).

Адъютант Комиссара: Капитан (подпись).

Верно: Секретарь Министра Юстиции: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 9.

Документ № 690.

Правительство

Азербайджанской Республики

Министерство Юстиции

19 февраля 1919 г.

№ 782

Г. и.д. Судебного Следователя по наиболее важным делам
при Бакинском Окружном Суде Е.Б.Комаровскому

При сем препровождается на Ваше распоряжение относящаяся к производящемуся у Вас делу о Степане Лалаеве, обвиняемом в убийствах, грабежах и проч. переписка, присланная Комиссаром полиции союзных держав при отношении от 14.И.- с.г. за № 724.

Управляющий Министерством Юстиции: Теймур Макинский (подпись).

Директор Канцелярии: Кланк (подпись).

Делопроизводитель: Б.Сафаров (подпись).

ГА АР, ф.1061, оп. 1, д. 99, л. 4.

Документ № 691.

**Комиссар Полици Союз-
ных Держав**

18 февраля 1919 г.

№ 724

г. Баку

Опись документов по делу С.Лалаева

1. Рапорт Председателя Следственной Комиссии Комиссару Полиции Союзных Держав.

2. Препроводительная бумага свидетелей от Бакинского Губернатора.

3. Копия донесения Члена Исполнительного Комитета И.Богомолова на имя Джапаридзе, копия показания священника Богомолова (в 2 экз.).

4. Заметка (П.С.) из письма С.Лалаева.

5. Прощение Ген. Томсону об уполномоченных из Шемахи.

6. Показания свидетелей по делу С.Лалаева

1. Исабека Соломонбека

2. г-жа Зулшам

3. г-жа Зиба

4. Гусейн Али Ибрагим оглы

5. Шалерб Абдулла оглы

6. Сакиена Ханум

7. Балаш (13 л.)

8. г-жа Сулибан

9. г-жа Сонна

10. г-жа Сакине

11. г-жа Бада

12. г-жа Корба

13. г-жа Наржис

14. г-жа Гули Бегум

15. г-жа Мина

16. Гаджи Керим Азиз оглы

17. г-жа Тути Ханум

18. г-жа Ковсар

Секретарь Комиссара Полиции Союзных Держав: подпись.
Печать. Комиссар Полиции Союзных Держав .г. Баку.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 5.

Документ № 692.

Азербайджанское Правительство

М.И.Д.

Председатель

Чрезвычайной Следственной

Комиссии

9 декабря 1918 г.

г. Баку

№ 134

**Господину Командующему Союзными Войсками⁵¹
в гор. Баку**

Сообщаю Вашему Превосходительству о деятельности Степана Лалаева, имеющиеся в деле Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Из показаний допрошенных в Баку свидетелей видно, что названный Лалаев в понедельник 19 марта сего года руководил нападением армянских солдат по Николаевской улице, причем солдаты его отряда врываются в дома и убивали невооруженных мирных мусульман.

Показаниями другой группы свидетелей установлено, что тот же Лалаев со своими товарищами Татевосом Амировым, Сержем Меликовым и Арустамом Тарджумановым явился во главе небольшого вооруженного отряда армян в дом Шиха Балаева на Нижне-Приютской улице и приказал своим солдатам разграбить квартиру Балаева, что и было исполнено. При приближении к дому Балаева этим отрядом были ранены выстрелами из ружей родственники Балаева – Талят Усейнов и Ага Дадаш Гаджи Курбан оглы. После ухода из дома Балаева этот же отряд зашел в расположенную по соседству квартиру Ага Дадаша куда к этому времени уже успели перенести раненных, и там пристрелил как самого Ага Дадаша, так и его отца Гаджи Курбана.

По показанию группы свидетелей, приехавших из Петровска, Степан Лалаев, бежавший туда из Баку со своим отрядом после прихода азербайджано-турецких войск, систематически истязал и убивал персидско-подданных мусульман, как местных, так и приехавших в Петровск из Астрахани приблизительно 2 ноября. Эти мусульмане, в количестве около 850 человек, приехали в Петровск на пароходе «Посейдон», причем им, ввиду пожара на пароходе «Корнилов», пришлось простоять на рейде 3 дня. На четвертый день стариков, женщин и детей перевели на пароход «Эвелина» и отправили в Баку, а остальных мусульман, в возрасте приблизительно от 18 до 45 лет, в количестве около 750 человек, высадили в Петровске, где разместили бедных мусульман по мечетям, а более имущих – по гостиницам и частным квартирам. К ним по несколько раз в

день являлись армянские солдаты во главе со Степаном Лалаевым, Рубеном Агамалиянцем и некоторыми другими лицами, фамилии которых свидетели не знают, но которых видели неоднократно по вступлении в Баку войск союзных держав, на Олгиньской улице возле аптеки Эрманса и на Шемахинке. Эти отряды забирали каждый раз группу мусульман человек в 10-15, и уводили их то в тюрьму, то за город в расположенные поблизости сады. Там они подвергали мусульман мучительным пыткам и смерти. Там, они привязывали человек 8-10 друг к другу и спорили, чья винтовка пробьет большее количество людей. Кроме того, они связывали мусульман в цепь (рука с рукой) и затем, начиная с крайнего, убивали человека за человеком, нанося им кинжалом удары в голову, живот и грудь. Некоторых связывали по двое лицом к лицу и старались отрубить им головы одним ударом шашки. Последним способом убито человек до 50, трупы коих были обнаружены в связанном виде по приходе турецких войск в Петровск. Трупы мусульман, убитых компанией Лалаева, были страшно обезображены с раздробленными черепами, без рук и без ног. По показаниям некоторых из оставшихся в живых свидетелей мусульман, до которых не дошла очередь лишь потому, что турецкие войска вступили в Петровск, и Лалаеву с товарищами пришлось уехать, турецкие войска занялись приведением в известность точного количества замученных и убитых мусульман, а также изготовлением фотографических снимков с последних. Много изуродованных трупов, по показанию тех же свидетелей, обнаружены в особом помещении в тюрьме, где Лалаев с товарищами проделывал над мусульманами то же самое, что и в садах, и за тюрьмой.

В Шемахе, куда Степан Лалаев прибыл с Самсоном Амировым и Саатсабековым во главе большого отряда армянских солдат, он вместе с названными лицами и местными жителями – Арзумановым, Гюльбандовым и другими приказал окружить все без исключения мечети, в которых по обычаю мусульман, укрывались женщины, дети и старики, и поджечь эти мечети, убивая всех, кто пытался выбежать на улицу; Таким образом все, укрывающиеся в мечетях, погибли в огне ужасною смертью. Почти таким же образом была уничтожена вся мусульманская часть города Шемахи.

По приказанию Лалаева его солдаты хватили молодых мусульманок, уводили их в его собственный дом в Шемахе, раздевали их, насильно напивали пьяными, заставляли танцевать под звуки зурны, затем насильно насиловали их, после чего одних убивали на месте, а других сбрасывали с высокого балкона на улицу, где они и разбивались. Из всех обесчещенных таким образом жертв Лалаева удалось спастись лишь 7 девушкам, благодаря приходу в Шемаху турецких войск.

В случае Вашего пожелания могут быть представлены выписки из подлинных свидетельских показаний.

Председатель комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

Член комиссии: А.Александрович (подпись).

Член комиссии: А.Клуге (подпись).

ГА АР, ф.1061, оп. 1, д. 99, л. 6-8.

Документ № 693.

М.В.Д

Бакинский губернатор

января 1919 г.

**Г. Начальнику Полиции Союзных Держав
Полковнику Кокерели⁵²**

Настоящим препровождаю пока нижепоименованных свидетелей по делу Степана Лалаева:

- 1) Жителя сель. Кюрдамир Геокчайского уезда Сафтара Ших Юсуф оглы;
- 2) Жителя сел. Араб Сарван Геокчайского уезда Азиза Азизова;
- 3) Жителя сел. Араб Мехти-бек Геокчайского уезда Мовлуд Солтана Касумбекова;
- 4) Пристава 4-го участка гор. Баку Керима-бека Мамедбекова;
- 5) Жителя гор. Шемахи Мамед Гасана Абдуллаева;
- 6) Жителя гор. Шемахи Мамед Али-бека Наджафбекова;
- 7) Жит. гор. Геокчай Талыба Абдуллаева;
- 8) Жителя гор. Шуши Мешади Абиша Джафарова;

При этом сообщая, что сегодня утренним поездом прибыла целая партия свидетелей, кои завтра 25 января при особом моем отношении будут препровождены к Вашему Высокоблагородию.

Бакинский губернатор: подпись.

Правит. Канцелярии: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 10.

Документ № 694.

**Копия донесения Члена Исполнительного Комитета
И.Богомолова на имя Джапаридзе⁵³**

Еще прошу задержат корнета Лалаева, который убивал женщин и грабил имущества и его даже хотел арестовать Амиров, но он удрал и все говорят, что он жег мечеть в которой погибло много женщин, дальнейшее сообщу обо всем когда соберу сведения.

Член Исполнительного Комитета И.Богомолов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 11.

Документ № 695.

**Копия показания священника-русского, в Шемахе,
касающееся С.Лалаева**

По рассказам правдивых и честных людей С.Лалаев в мечети убивал женщин и жег их.

Да простит Господь за такую откровенную исповедь.

Священник Шемахинской местной команды Иоанн Федорович Богомоллов.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 12.

Документ № 696.

Его Превосходительству
Главнокомандующему Союзными Армиями
Господину Томсону⁵⁴

Уполномоченные Шемахинцами, проживающими в г. Баку
Гад. Сол. Заманов, Гаджи Мир Исмаил Мир Гашимов
и Мешади Абдул Гусейн Надиров

Прошение

До нашего сведения дошел достоверный слух, что арестованный сыскной полицией, в настоящее время Степан Лалаев находится в Вашем расположении. Ваше Превосходительство, во Имя Бога, справедливости и человеколюбия, мы обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой этого человека-изверга, потерявшего всякую совесть, предать военному суду за все его злодеяния, причиненные нам, Шемахинцам.

В марте месяце он прибыл в Шемаху со своей шайкой и по пути сравнял с землей все селения и деревни, а жители буквально были вырезаны. Что он натворил в городе – это не поддается описанию. Все мужское население в городе вырезали, не пощадили даже детей мужского пола, женщин изнасиловали на глазах мужей и родителей. Город был дотла разгромлен, а потом подожжен, ни одна мечеть не уцелела, из 5 тысяч домов уцелело только здание Реального училища. Город в настоящее время из себя представляет сплошное кладбище. Во всем нашем несчастье виновен только С.Лалаев, ибо все делалось по его приказанию и мыслимо ли, чтобы такой человек избег бы кары? Для подтверждения всего вышеизложенного, мы просим Вас, Ваше Превосходительство, прикомандировать в Шемаху одного из Ваших подчиненных.

Подписи: Гаджи Солтан Заманов, Гаджи Мир Исмаил Мир Гашимов, Мешади Абдул Гусейн Надиров и более 300 подписей (арабскими буквами).

29 ноября 1918 г., г. Баку.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 13-15.

Документ № 697.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева⁵⁵
(Перевод с английского языка)

2-ой свидетель обвинения: **Мадам Зораханум, будучи предупреждена о присяге показывает:**

Я проживаю на Имамлинской ул. В марте или апреле 1918 года в Шераванд⁵⁶ (?), я не помню точно числа, один из родственников Лалаева пришел в мой дом с шайкой вооруженных армян, разграбил его и потом поджог. В доме в это время находились мой муж, два сына, две дочери и две невестки и все они, за исключением меня и одной дочери, сгорели. Когда мы выбрались из дому, кто-то из шайки хотел убить мою дочь, но ему помешали в этом молокане. Нас повели в один дом, где мы пробыли три дня, а затем уехали в деревню. Несколько

дней спустя мы вернулись в город, где были арестованы армянами и заключены в мечеть. Приблизительно через четыре дня после этого мечеть эта была подожжена, но мне с дочерью удалось выбраться из нее. Около двух сот (200) человек погибли в этом пожаре. Некоторые из тех, которым удалось выбраться из мечети, были тут же застрелены. Мы же были снова арестованы, и в течение некоторого времени содержались пленниками в разных местах, после чего нас заключили в другую мечеть, где мы пробыли два месяца. В течение этого времени я несколько раз видела обвиняемого верхом во главе вооруженных армянских банд, хотя я не наблюдала его личного участие в злодеяниях.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 53 (на англ. яз.), 73.

Документ № 698.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

3-ий свидетель обвинения: **Мадам Зибя, будучи предупреждена о присяге показывает:**

Я проживаю в Баку, адреса не знаю. В марте или апреле я была арестована молоканами в Шерване (?), вместе с другими лицами, числом около ста человек, и мы были отведены в дом отца Алиева. По прибытию туда все дети в возрасте от 10-13 лет отделены и уведены; в том числе их и моя двоюродная сестра. Что с ней случилось дальше – я не знаю, т.к. с тех пор ее не видела.

Остальные были отведены в мечеть и там заключены. На следующий день мечеть была подожжена, и около 50 человек погибло в огне. Кому же удавалось бежать – в тех стреляли и многих убили.

Я была снова арестована и заключена на 3 дня в другом доме, оттуда уведена в Баку и заключена в мечеть, где меня продержали 3 месяца.

Во время пребывания в Шераване (?) я однажды видела обвиняемого верхом на черной лошади во главе вооруженной банды армян. Я не видела, чтобы обвиняемый совершал какие либо злодеяния.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 54 (на англ. яз.), 74.

Документ № 699.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

5-ый свидетель обвинения: **Талыб Абдулла оглы, предупрежденный о присяге показал:**

Я проживаю **Чеорчесте**⁵⁷ (?) и служу в качестве слуги. Приблизительно между 15 марта и 15 апреля 1918 года я видел Лалаева около мечети на Шемахинке, во главе приблизительно 400 или 500 вооруженных людей. Обвиняемый был одет в форме русского солдата с двумя поясами патронами маузера вокруг пояса и револьвером системы «Маузер» в руке и биноклем на шее. Я видел как обвиняемый обращался к своим людям и я ясно слышал, как он отдавал прика-

зания не убивать всех, но приводить большинство живыми, т.к. он сам расправиться с ними. Дальнейшего я не видел, т.к. со страху убежал.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 56 (на англ. яз.), 76.

Документ № 700.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

6-ой свидетель обвинения: **Мадам Сакиенах Ханум, будучи предупреждена о присяге показывает:**

Я проживаю на Бозавадской ул. в Шераване (?). в марте мес. 1918 года. я не помню точно числа. Находилась в доме моего отца, когда обвиняемый, здесь находящийся, которого я опознаю, совместно с другими 10-ю вооруженными людьми, вошли в дом. Они увели моего мужа, моего зятя и затем приказали мне указать место, где отец хранил золото, я отказалась; тогда 4 или 5 человек вошли в спальню и вынесли большой ящик. Они спросили ключ от ящика и у.к. Я отказалась его дать, то они расколотили ящик, но он оказался пустым. Тогда они схватили слугу и грозили его убить, если он не укажет место, где хранится золото. Слуга указал им место, и они унесли все золото. Обвиняемый присутствовал все время и беспрестанно угрожал, что никого не оставит в живых – все будут убиты.

Выйдя из дому, я спросила у помощника коменданта города, который стоял около дома, что случилось с моим мужем. Он ушел и вернулся минут через 15, сказал, что муж мой убит. Моя мать, две дяди, моя тетья и два мои сына были все выведены из дому и по ним открыли стрельбу, причем все, за исключением меня и двух моих сыновей, были убиты. Степан Лалаев отдавал распоряжение о том, чтобы убить всех этих людей, и я при этом присутствовала.

(подпись по мусульмански).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 57 (на англ. яз.), 77.

Документ № 701.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

7-ой свидетель обвинения: **Девица Балазах (Балаш – англ. вариант), 13 лет, предупрежденная о присяге показывает:**

Я проживаю в гор. Баку, по Воронцовской ул. в доме Ахундова. Приблизительно в марте или апреле 1918 года, не знаю точно в каком месте, в проживала в Шераване (?). Около 3 часов по полудню, обвиняемый Лалаев, вместе с вооруженными людьми, числом около 12-ти, вошел в дом Закенах-Ханум, где я была служанкой. Обвиняемый потребовал Теймур-бека, старшего рабочего. Теймур-бека вытащили из места, где он спрятался, и передали

армянам, которые его увели. Двое других, Абдул Селим и Магомет Садых были тоже уведены.

Я побежала вслед за шайкой, которая их уводила, и умоляла их пощадить. Мне стали угрожать ножом и я побежала обратно домой. Я вошла в комнату, которая выходит на улицу и, выглянув из окошка, увидела этих трех людей, избиваемых плетями. Они были оставлены в одном нижнем белье. Люди эти находились приблизительно саженьях в 20-ти от места моего наблюдения. Их выстроили в одну линию и трое армян их расстреляли. Когда же они уже лежали на земле, по ним было сделано около 30 выстрелов.

Несколько время спустя, я спустилась в погреб, где нашли убежище все остальные жильцы дома. Обвиняемый Лалаев, находящийся сейчас перед Вами, которого я опознаю, вместе с двумя другими вооруженными армянами вошел туда и приказал нам выйти. Мы выведены к выходной двери и связаны между собою, и армянами было произведено в нас несколько выстрелов. Из 12 или 13 человек в живых остались только 5. Прежде, чем в нас стали стрелять, я была очевидицей того, как обвиняемый собственноручно застрелил из ружья сестру Теймур-бека.

Лалаев также отдал приказ, чтобы в нас стреляли, при чем, настолько я помню, его собственные слова были: «Теперь Вы можете стрелять». Мы пятеро, оставшиеся в живых, были взяты пленниками и помещены вместе с другими пленными и затем, в тот же день отправлены пешком в Баку, куда прибыли через 5 или 6 дней. Обвиняемый был начальником над пленными. Дорогою наша жизнь подвергалась неоднократно опасности. Во время всего пути нам не давали пищи и мы сильно страдали.

(За неграмотностью свидетельница поставила крест).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 58-59 (на англ.), 78.

Документ № 702.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

8-ой свидетель обвинения: **Девница Султан, предупрежденная о присяге, показывает:**

Я проживаю в гор. Баку, в доме Ахундова. Приблизительно в конце марта или в начале апреля 1918 года я служила в доме Сакине-ханум в Шераванд (?) в качестве служанки и однажды, числа я не помню, обвиняемый Лалаев, находящийся здесь, перед Вами, которого я опознаю, вместе с другими вооруженными армянам числом около 7 вошел в дом, и требовал, чтобы все мужчины были ему выданы, т.к. они должны быть взяты в плен. Обвиняемый также потребовал, чтобы все золото было ему выдано. Он грозил нам, что если мы не укажем ему где спрятано золото, то он нас убьет. После этого я указала ему, где оно находится, и он приказал своим людям копать землю, что они и сделали и нашли ящик, содержащий около 8 фунтов золота, которое они и разделили между собой. Тей-

мур-бек, Абдул и Магомет Садых были уведены вместе с одним старым человеком по имени Абдул-Али. Позже, днем, я видела труп этого Абдулы-Али, лежащего у входа в дом и трупы трех остальных на улице, приблизительно в 20 саж. от дома.

Я же сама, вместе с 20-ю приблизительно лицами, укрылись в погребке и пробыли там около 15 минут. После этого обвиняемый вошел туда и приказал нам выйти, говоря, что мы будем взяты в плен. Когда мы вышли оттуда, то были связаны между собою и в нас стали стрелять, причем все были убиты, за исключением 5. При этом присутствовал Лалаев верхом на лошади и я ясно слышала, как он отдавал приказания, чтобы армяне не боялись и что они должны уничтожить нас. После этого нас увели в место, где были собраны остальные пленники и в тот же день я была отправлена пешком в Баку. По прибытии в Молоканскую (слободу), нам были даны повозки. Лалаев не выехал из Шеравана (?) с пленными в Баку.

(Подпись по мусульмански).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 60 (на англ. яз.), 79.

Документ № 703.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

9-ый свидетель обвинения: **Мадам Сона, предупрежденная о присяге, показывает:**

Я проживаю в Баку по Сураханской ул. № 56. В марте 1918 года, я не помню числа, находилась в моем доме в сел. Шераван (?), когда Лалаев, обвиняемый находящийся здесь, которого я опознаю, вместе с вооруженными армянами, числом около 20, вошел в дом и потребовал, чтобы все мужчины были ему выданы. 6 человек, по имени: Салмах, Ага Джабах, Ага Гусейн, Мозел, Азад Али, Азгар, были выведены армянами, также как и мы, четыре женщины, по имени: Гольба Гом, Гули, Ниса и я с ребенком. Как только мы вышли, ребенок был у меня отнят и ему перерезал горло какой-то армянин, которого я не знаю. Я предлагала им дать все деньги, находящейся в доме, чтобы они пощадили нас, но они не обратили на это никакого внимания. Мужчины были отведены на противоположную сторону улицы, выставлены у стены и все шесть расстреляны. Все женщины были отведены в один дом и в тот же день были отправлены пешком в Баку, куда мы прибыли 5 или 6 дней спустя. В дороге нам не давали пищи. Лалаев не сопровождал пленников.

За неграмотностью поставлен крест (приложила руку).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 61 (на англ. яз.), 80.

Документ № 704.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

10-ый свидетель обвинения: **Мадам Сакинех, будучи предупреждена о присяге, показывает:**

Я проживаю в Баку, на Шардоровской (?) ул.

Приблизительно в конце марта или начале апреля 1918 года, обвиняемый Лалаев, которого я опознаю, пришел в мой дом в Шераване (?) вместе с вооруженными армянами, числом около 20. Мой зять и моя дочь жили также в доме вместе со мной. Как только вошедшие увидели моего зятя, кто-то, я не знаю кто, выстрелил в него и убил. Я же убежала вместе с моей дочерью (которую армяне били) в сел. молоканское, где нас одели и накормили тамошние жители; а затем отправили в Баку. Мой племянник, который остался в люльке, был тоже убит армянами, хотя я и не знаю кем именно. Еще в моем доме я слышала, как Лалаев отдавал приказания, и бить и убивать всех мусульман, но щадить красивых девушек.

Свидетель приложила руку.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 62 (на англ. яз.), 81.

Документ № 705.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

11-ый свидетель обвинения: **Мадам Бада, будучи предупреждена о присяге, показывает:**

Я проживаю в Баку на Шардоровской улице.

Приблизительно в конце марта или начале апреля 1918 года я находилась в Шераване. Однажды, я не помню точно числа, все наши соседи вместе с обитателями моего дома спрятались в погребе, узнав о частых злодеяниях, совершенных в то время. Там собралось около 20 женщин и 4 мужчин. Вдруг раздался выстрел снаружи в окно, так что мы должны были открыть двери и, открывая ее, я увидела обвиняемого, которого я опознаю, вместе с другим солдатам. Они вдвоем спустились в погреб и взяли (увели) 10 из женщин: я дала обвиняемому 50 тысяч рублей, а также около 1 1/2 фунта золота; к этому я прибавила все мои кольца и браслеты, прося пощады моего мужа; но напрасно: он был убит Лалаевым. Двое других мужчин были выведены во двор и застрелены Лалаевым собственноручно; четвертому удалось бежать. Мой шестимесячный ребенок был отнят у меня одним из двух армян, не могу сказать точно кем, и подброшен в воздух. При падении он убился. Я бежала и нашла убежища в мечети. В последствии мне удалось добраться до Баку.

Подпись: крест.

Вопрос: Как я был одет?

Ответ: В солдатской форме.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 63 (на англ. яз.), 82.

Документ № 706.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

12-ый свидетель обвинения: **Мадам Кобра, будучи предупреждена о присяге, показывает:**

Я проживаю в № по Балаханской ул. в Баку.

Приблизительно в конце марта и начале апреля 1918 года, я находилась в Шераване. Однажды, я не помню точно дня, я услышала сильную стрельбу. Открыв дверь, чтобы посмотреть в чем дело, я увидела человека, ездившего по улице верхом на лошади, в сопровождении около 100 вооруженных армян. Я узнаю обвиняемого, находящегося здесь перед Вами, и признаю его тем человеком, который ехал верхом по улице. Он был одет в солдатской форме. Я поспешила обратно в дом, чтобы предупредить всех о происходящем; но вдруг я услышала, что двери открываются. Оглянувшись, я увидела Лалаева, входящего в сопровождении 7 или 8 вооруженных армян. Обвиняемый приказал убить моего мужа и он тут же был застрелен на смерть одним солдатом, которого я не знаю. Один мой сосед, который был болен и лежал у меня в доме, был также убит одним солдатом. Затем обвиняемый приказал своим людям взять мои все деньги, которые я спрятала в одеждах моего ребенка, которого я кормила. Я отдала им деньги – 30 десяти рублевых золотых и была взята вместе с моей матерью и двумя детьми, и выведена на улицу, где нас присоединили к другим нашим соседям. Затем нас отвели в мечеть, там мы пробыли один день, после чего нам удалось бежать и добраться до селения близ Шеравана и затем до сел. Агдаш, где нас накормили местные жители. В последствии мне удалось добраться до Баку.

Мой дом был разграблен, а затем и сожжен.

(Подпись крест).

Вопрос 1. Какая была на мне шляпа?

Ответ 1. Вы были одеты также, как другие.

Вопрос 2. На какой лошади я ехал ?

Ответ 2. На серой.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 64 (на англ. яз.), 83.

Документ № 707.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

13-ый свидетель обвинения: **Мадам Наркиз, предупрежденная о присяге, показывает:**

Я проживаю в № 1 по Пиринской ул. в гор. Баку.

Приблизительно в конце марта 1918 года, я проживала в Шераване (?). Однажды, не помню точно когда, в 12 часов 30 минут по полудни Лалаев, обвиняемый, находящийся теперь перед Вами, которого я опознаю, вошел в

дом в сопровождении около 30 вооруженных армян. В доме также проживали мой брат и его два сына. Обвиняемый схватил моего брата за руку и сказал, что убьет его. Он еще сказал, что отомстит за кровь своего отца. Я бросилась к обвиняемому и просила убить меня и пощадить моего брата и его 2-х сыно-вей. Он ответил, что убьет их и ударил меня кулаком в грудь. Обвиняемый затем убил моего брата из ружья, также и его сыновей. Последние были уби-ты выстрелом в сердце. Я при этом присутствовала. Затем был подожжен мой дом, а я была отведена в мечеть и пробыла там 3 дня, после чего молokane взяли нас в деревню Чезмайдан* (?). Там я прожила 4 дня и затем вместе с 5 другими женщинами отправлена в Баку.

(Поставлен крест).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 65 (на англ. яз.), 84.

Документ № 708.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

14-ый свидетель обвинения: **Мадам Гюли Бегум, предупрежденная о присяге, показывает:**

Я проживаю в гор. Баку по Сураханской ул. № 56.

В марте 1918 года я проживала в Шераване (?) и около 20-х чисел марта 1918 года, вследствие беспорядков, я заперла двери моего дома и спряталась в погребе вместе с моим мужем, братом, зятем и 3 женщинами, включая и мою дочь 13 лет. При мне был грудной ребенок. Несколько вооруженных ар-мян взломали двери и потребовали выдачи всех мужчин. Моя свекровь отве-тила, что тут нет мужчин. Лалаев, обвиняемый, который сейчас перед Вами, стоял в дверях погреба. Солдаты же обыскивали погреб и разыскали троих спрятанных мужчин. Тогда они вывели нас во двор и оттуда на улицу. Лалаев был среди солдат и сказал, что нас не убьют. Но на улице мужчин отделили от нас. Лалаев затем позвал трех армян и приказал им убить всех троих мужчин, что они и сделали выстрелами из ружей. После этого обвиняемый приказал отвести женщин в мечеть, где мы пробыли около 3-х часов, затем нас отвели в казармы, где нам дали немного пищи.

Моя дочь была уведена одним армянским солдатом и изнасилована. В тот же день мы были уведены молokane в деревню Чезмайдан (?), где оставались 3 или 4 дня, после чего нас отправили в Баку. В этой партии было приблизительно 500 женщин и детей, многие из них умерли по дороге с голоду.

(поставлен крест).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 66 (на англ. яз.), 85.

Документ № 709.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

15-ый свидетель обвинения: **Мадам Мина, будучи предупреждена о присяге, показывает:**

Я проживаю в гор. Баку, по Пиринской ул.⁵⁸. (?), № 1

В конце марта месяца я пребывала в Шераване, близ дома Лалаева. Однажды, не помню точно число, Лалаев, обвиняемый, находящийся перед Вами, которого я опознаю, вошел в мой дом в сопровождении вооруженных армян. В этом же доме проживали моя мать, дядя, сестра и два брата. Вооруженные вошли в комнату, в которой я сидела, обыскали ее и нашли моего дядю, который был спрятан В.К. (уборной). Лалаев перерезал его горло, после чего оставил комнату. Затем солдаты собрали всех 5 нас и отвели в мечеть, меня же – в барак (казарму). Моя мать, которая держала на руках моего ребенка, старалась, желая защитить, увести меня; но один из солдат так толкнул ее, что ребенок упал и затем был убит. Я была уведена в казармы, где меня держали 3 или 4 дня, а затем, вместе с другими пленными, числом около 200, отправлена Гесмейдан (или Гесмадан) и оттуда в Баку.

(Поставлен крест).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 67 (на англ. яз.), 86.

Документ № 710.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

16-ый свидетель обвинения: **Хази (Хаджи) Керим Азиз оглы, будучи и проч., показывает:**

Я проживаю в Кюрдамире. Приблизительно в конце марта 1918 года, я находился в Шераване(?). Однажды, не помню числа, я стоял перед дверью своего дома вместе с двоюродным братом, и я увидел Лалаева, обвиняемого, находящего перед Вами, которого я опознаю, идущего по улице верхом на лошади в сопровождении около 25 вооруженных армян. Я бросился назад, так как стоял в дверях и закричал моему двоюродному брату скорее выйти. Но, как только Лалаев поравнялся с домом, я видел, как он выстрелил 2 раза из ружья в моего брата и по приказанию Лалаева, солдаты также сделали несколько выстрелов из ружей. Мой двоюродный брат был убит. Будучи испуган, я убежал и мне удалось спастись.

(Подпись по мусульмански).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 68 (на англ. яз.), 87.

Документ № 711.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

17-ый свидетель обвинения: **Мадам Тютиханум, будучи предупреждена о присяге, показывает:**

Я проживаю в № 152 по Пиринской (?) ул. В марте 1918 года я проживала в Ширване (?) с моею матерью. Однажды, я не помню точно когда, я находилась в доме моего отца; Лалаев, обвиняемый, находящийся здесь перед Вами, которого я опознаю, вошел туда в сопровождении вооруженных армян, числом около 15. В том же доме проживали мои 3 брата, сестра и отец. Когда Лалаев вошел в дом, он отдал приказ убивать всех мусульман. Тогда солдаты убили моего отца выстрелом из ружья; мои 3 брата были заколоты штыками. Меня же с сестрой увели в мечеть и на следующий день, вместе с приблизительно 600 других женщин и детей, были увезены в Чезмайдан, где нас оставили дней на 10 и затем отправили в Баку. Лалаев сам не убил ни одного из моих родственников.

(Поставлен крест).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 69 (на англ. яз.), 88.

Документ № 712.

Показания свидетелей по делу Степана Лалаева

(Перевод с английского языка)

18-ый свидетель обвинения: **Мадам Ковзар, будучи предупреждена о присяге, показывает:**

Я проживаю в № 130 по Пиринской (?) ул. В марте 1918 года я проживала в Шераване (?). Однажды, не помню точно дня, обвиняемый Лалаев, которого я опознаю, пришел в дом моего отца. В том же доме проживали моя сестра, 3 брата и мой отец. Лалаев как только вошел в дом, отдал приказ убивать всех мусульман. Солдаты поэтому убили моего отца выстрелом из ружья. Мои 3 брата были также убиты – их проткнули штыками. Я вместе с сестрой была увезена в мечеть в качестве пленницы и на следующий день вместе с другими женщинами и детьми, числом около 600, нас отправили в сел. Чезмайдан⁵⁹ (?), где мы оставались дней 10; а затем были отправлены в Баку.

Я своими глазами видела, как Лалаев заколот одного из моих братьев штыком.

(Поставлен крест).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 70 (на англ. яз.), 89.

Документ № 713.

Постановление

1919 года. Февраля 20 дня, г. Баку.

Судебный Следователь по наиболее важным делам при Бакинском окружном Суде Комаровский рассмотрев препровожденную Министерством Юстиции от 19 сего февраля за № 782 переписку и имея в виду: 1) что предметом таковой является обвинение Степана Лалаева в убийстве и насилиях над женщинами, поджогах и проч., 2) что преступления эти совершены в районе Бакинской губернии, руководствуясь 288 ст. У.У.С. **Постановил:** приступить к производству

и предварительному следствию по признаком преступлений, предусмотренных 13, 1453, 1525, 1606 ст. Улож. о Наказ.

Судеб. Следователь: Комаровский (подпись).

На обороте: Сообщение прокурору о начале следствия. № 149.
ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 16.

Документ № 714.

М.Ю.

Прокурор Бакинского

Окружного Суда

№ 66

9 января 1919 г.

гор. Баку

**Г. Судебному Приставу по наиболее
важным делам Тумбилию**

Препровождая при сем 3 копии протоколов допроса Гаджи Керима Азиз оглы и др., предлагаю Вам приступить к производству предварительного следствия об убийстве Молла Джафар Кули Ахунда, Гаджи Баба Гаджи Али Абас оглы, Абдул Халыха Гаджи Ахмед оглы и др., по 1453 и 1455 ст. Улож. о Наказ.

Прокурор Суда: подпись.

За Секретаря: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 17.

Документ № 715.

Протокол допроса

т. 1, стр. № 49

Селение Кюрдамир 1918 г. сентября 19 дня.

Зовут меня **Махияддин Эфенди оглы, 50 лет, жит. г. Шемахи, временно проживаю в сел. Кюрдамир, мусульманин, грамотен.**

В половине марта сего года из Баку пришел большой отряд вооруженных армян, который миновав Шемаху после перестрелки с мусульманами, отправился в село Матрасы. Через три дня мы, шемахинцы проснулись на рассвете от пушечных выстрелов. Выбежав на улицу, увидел, что армяне окружили Шемаху и обстреливали ее, молокане окружили город с другой стороны. Спустя несколько часов, армяне ворвались в мусульманскую часть города и начали поджигать дома, выбегавших из горящих домов расстреливали.

Таким образом, убили массу мужчин, женщин и детей, трупы которых валялись на улицах. Кроме того, они врываются в дома, обыскивали жильцов, забирали деньги и ценные вещи, а потом убивали; расстрелы я сам видел. Расстрелами и поджогами руководили известные люди, которых я заметил среди армянских солдат. Это были: Михаил Арзуманов, Гавриил Караогланов, начальник

почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, Караманов, парикмахер Самвел, парикмахер Ованес, Степан Лалаев, матрасинец Седрак Агриев и многие другие, которых по именам и фамилиям не знаю. Тогда были убиты выдающиеся мусульмане Гаджи-Баба Гаджи Али Аббас оглы, Абдул Халык Ахмед оглы, брат его Ага Ахмет, Гаджи Абдул Касимов, Гаджи Гани Зейналов, Гаджи Исрафил, Молла Гаджи Махияддин Эфенди, Молла Джафар-Кули Ахунд и многие другие. Молла Джафар-Кули Ахунд был убит в мечети, куда спрятались с ним много женщин и детей, которые были уверены, что армяне не поднимут руки на всеми чтимого Ахунда. Армяне ворвались в мечеть, нашли Ахунда, выкололи ему глаза, отрезали уши, нос и язык и содрали кожи с лица и головы, и, в конце концов, расстреляли. Были также перебиты все женщины, находившиеся в мечети и в доме Ахунда.

В 8 час. вечера, когда уже хорошо стемнело, я с семьей покинул город и бежал в с. Геогляр. Покинул и все свое добро: 381 штуку ковров, махорку, всю домашнюю обстановку, постель, женские золотые уборы, домашнюю утварь, носильное платье, всего на сумму 380.000 рублей. Все это расхищено было армянами. В Кюрдамире у меня есть дом и магазин.

Во время нападения армянских банд на Кюрдамир я понес убытки товаром и обстановкой на 51.000 рублей. Дом мой не был подожжен, но был разгромлен. Более показаний не имею.

Показание мне читано. Подпись. Мах. Эфендиев

Члены Комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

С подлинным верно. Секретарь Комиссии: Э.Ханбудагов (подпись).

Печать. Азербайджанское Правительство. Чрезвычайная Следственная Комиссия.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 18.

Документ № 716.

Протокол допроса

1918 года октября 9 дня, гор. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением _ Уст. Уз. Суд., который показал:

Зовут меня Алихан бек Эюббеков, 36 л., жит. сел. Араб-Кадым Шемахинского уезда, мусульманин, грамотен.

После переворота я был членом Мусульманского Шемахинского Исполнительного Комитета. С самого начала я заметил, что отношение армян к мусульман изменилось к худшему: они стали не отношения к нам высокомерны, сторонились нас, не приглашали нас на свои собрания и старались не допускать нас в общественные организации, так например, они хотели совсем не допустить мусульман в местный гарнизон, потом допустили нас в половинном составе, между тем как мы требовали, чтобы мы были допущены пропорционально численности населения.

Мы их спрашивали, почему он так поступают с нами, они отвечали, что живут с нами так, как жили раньше. Но это были слова. Ясно было, что в них разгорелась национальная вражда к нам. Они усиленно стали запасаться оружием с начала 1918 года. Они доставили в армянские селения разными путями несколько транспортов оружия. Со всех сторон в их селения стали прибывать солдаты-армяне с фронта. Последний транспорт ружей, пушек, пулеметов, снарядов под прикрытием большого отряда они доставили в с. Матрасы в половине марта сего года, не смотря на протесты мусульман, которые требовали, чтобы они сдали оружие в Шемахинский гарнизон. Через три дня по прибытии этого отряда с транспортом оружия армяне и молokane окружили Шемахи и подвергли ее обстрелу из пушек и ружей. Через несколько часов они ворвались в мусульманскую часть города. Начались поджоги, убийства, грабежи. Причем убивали не только мужчин, но женщин и детей. Верхняя часть мусульманского города находилась в пламени. Мусульмане решили сдаться. Ночью велись переговоры. На другой день мусульмане подняли белый флаг и сдались армянам без всяких условий. Армяне начали обезоруживать мусульман, правильное отбирать оружие, которое мусульмане уже сложили. Уже после сдачи армяне убивали и вырезали мусульман сотнями. Были случаи, что врывались в дома и вырезывали целые семейства, причем подвергали их терзаниям и мучениям. Эти зверства прекратили молokane своим вмешательством. Правда, молokane бомбардировали город и ворвались в него вместе с армянами; но я не видел и не слышал, чтобы они поджигали дома и убивали мусульман. Когда в городе настало видимое спокойствие мусульмане-беглецы стали возвращаться. Вскоре прибыли мусульманские войска. Армяне ушли из Шемахи. Через три дня мусульманские войска, вследствие их малочисленности, оставили Шемаху, с ними бежали, кто имел возможность. Армяне опять заняли город и сожгли и разрушили его до основания. Мусульман же, как мужчин, так и женщин, детей и стариков, которые остались в городе беспощадно вырезали. Я лично видел много армян, поджигавших дома и убивавших мусульман, из них опознал в лицо Степана Лалаева, Самвела Долиева, офицера Иванова, парикмахера Ованес. Руководили же поджогами, убийствами главари Шемахинских армян: Гавриил Караогланов, Гюльбандов, инструктор шушинец Агамолов, Михаил Арзуманов, Иванов (отец офицера) и другие, фамилии которых не знаю.

Более показать не имею. Читано.

Переводил: Али бек Исрафилов (Мусульманская подпись).

Подпись: Алихан бек Эююббеков (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

С подлинным верно: Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Александрович (подпись).

Печать. Приобщить к № 1836-6288.

Надпись: Г. Прокурору Бакинского Окружного Суда.

В дополнение к приложенному моему от 14 сего декабря за № 1619 при сем препровождается Вам выписка из протокола допроса Чрезвычайной Следственной Комиссией Алихан бека Эюббекова.

И.д. Министра Юстиции: подпись.

Директор Канцелярии: подпись.

Делопроизводитель: подпись.

Декабря 1918 года, № 1820, гор. Баку.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 19-20.

(ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл.97-98).

Документ № 717.

Протокол допроса

1918 года сентября 25 дня, сел. Кюрдамир

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Гаджи Керим Азиз оглы, 53 лет, ж.г. Шемахи, врем. прож. в с. Кюрдамир, мусульманин, грамотен.

Я жил в Шемахе. В половине марта 1918 года армяне и молокане напали на город, открыв стрельбу из пушек и ружей. В 4 часа пополудни они ворвались в мусульманскую часть города и начали поджигать дома. Пожар распространился по всему городу. Кто поджигал дома, не знаю, но делали это армяне под руководством известных армян: парикмахера Самвела, парикмахера Ованеса и Гавриила Караогланова, Карапета Карамалова, Михаила Арзуманова, начальника почтово-телеграфной конторы Аршака Гюльбандова, Петросянца, имевшего магазин на Красной улице, карабахского армянина Агамалова, известного врага мусульман Степана Лалаева, кюрдамирца Сандрика Асриева. Лиц этих я видел «собственными глазами», как они прятались за стенами, руководили поджогами и убийствами, сами стреляли в показавшихся на улице мусульман, которых дерзко вызывали на улицу. На моих глазах они залпом убили известного человека Гаджи Исафила Саламова. По разговорам же с разными Шемахинцами знаю, что они и их банды убили много выдающихся и почетных лиц, как-то: Абдул-Халыка Ахмедова, Мехти Халил оглы, Гаджи Абдул Касум-бека Касумова, Зияеддина Абдуллаева, известного Гаджи Молла Джафар-Кулия Ахундова, его жену и мать, Гаджи Молла Гасана Зейналова, его жену, Мамед Тагия Алиева, Теймур-бека Худавердова и много других. Я видел на улицах сотни трупов мужчин, женщин и детей. Об убийстве Молла Джафар Кули рассказывают, что армяне убили его в мечети, где он спрятался, при этом мучили его: выкололи ему глаза, отрезали язык и скальпировали. На третий день после занятия Шемахи армянами, я с семьей бежал в с. Кюрдамир. Мы не успели ничего захватить с собою и убежали только так, как были одеты. После ухода из Шемахи армян я послал туда сына Теймура. Он мне сообщил, что дом

мой сгорел дотла, а все движимое имущество расхищено; именно: сто тридцать пудов махорки на 21 тысяч рублей, два пуда табаку на 800 руб., шпагату на тысячу рублей, сто три ковра на 31 тысяч рублей, три пуда сахару на 1200 рублей, ситец на 8000 рублей, папирос на 1000 рублей и другой товар, всего на сумму 290 тысяч рублей. Дом стоил 8000 рублей. Кроме того, армяне сожгли в Кюрдамире мою лавку с товаром. Убытка в Кюрдамире я понес на сто десять тысяч рублей движимого имущества, дом же остался. Более показать не имею. Показание написано правильно.

Подпись: Гаджи Керим Азиз оглы (арабскими буквами).

Переводил: секретарь Э.Ханбудагов (подпись).

Председатель Комиссии: А.Хасмамедов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий, В.Гудвил (подписи).

С подлинным верно. Секретарь Комиссии: Э.Ханбудагов (подпись).

Печать.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 21-22.

(ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 30-32).

Документ № 718.

Постановление

1919 года января 12 дня.

Я, Судебный Следователь по наиболее важным делам Бакинского Округного Суда Тумбиль, рассмотрев полученного с.г. изложение Г.Прокурора Бакинского Округного Суда от 9 сего января за № 66 о производстве предварительного следствия по делу об убийстве Молла Джафар-Кули Ахунда, Гаджи Бабы Гаджи Али Абас оглы, Абдул Халыка Гаджи Ахмед оглы и др., руководствуясь 288 ст. Уст. Уг. Судопр., **Постановил:** приступить к производству предварительного следствия.

Судебный Следователь: Тумбиль (подпись).

Надпись: Прокурор Округ. Суда уведомлен о начале следствия.

12.I.1919. № 38.

На обороте: 4. II. 1919 г. № 97. В ред. газ. «Азербайджан»⁶⁰, о вызове через публикац. свидетелей. Махияддина и др.

5. II. 1919 г. № 107. В Чрез. След. Ком. С просьбой сообщить адреса свид. Махияддина, Алихан., г. Керима и прислать друг. свид., которые могут дать свидетельства по делу.

№ 100. Началь. Бак. Сыскной Полиции – адреса свид. Махияддина, Алихан., и Г. Керима.

№ 103 - В Бак. Адресный стол – адрес Г. Керима Азиз оглы.

№ 104 - В Бак. Адресный стол – адрес Алихан бека Эюббекова.

№ 105 - В Бак. Адресный стол – адрес Махияддина Эфенди.

В ред газ. «Азербайджан» - см. № 97.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 23.

Документ № 719.

Г. Прокурору Бакинского Окружного Суда

В дополнение к отношению от 14.XII. 1918 за № 1619, при сем препровождаются Вашему Высочородию копии показаний свидетелей Насрулла Гаджи Солтан оглы и Магомеда Абдул Рагим оглы, данные ими Чрезвычайной Следственной Комиссии.

5 января 1919 г., № 30, гор. Баку.

Директор Канцелярии: подпись.

Делопроизводитель: подпись.

Резолюция: Представить Суд. След. Тумбилию.

1) Произвести предварительное следствие по обвинению Степана Лалаева и др., по 1606-1607, 1453-1455 ст. Улож. о Наказ.

2) Поручить наблюдение за следствием

Тов. Прок.: подпись.

18.I.1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 30.

Документ № 720.

М. Ю.

Прокурор Бакинского

Окружного Суда

№ 237

18 января 1919 г.

Гор. Баку

Г. Судебному Следователю

по наиболее важным делам Тумбилию.

Препровождая при сем две копии допроса Магомета Абдул Рагим оглы Абдулла-заде и др., предлагаю произвести предварительное следствие по обвинению Степана Лалаева и др. по 1606-1607, 1453-1455 ст. Улож. о Наказ.

Прокурор Суда: подпись.

И о. Секретаря: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 26.

Документ № 721.

Копия

Протокол допроса

т. I, стр. № 62

Сел. Кюрдамир 1918 г. октября 1 дня.

Зовут меня **Магомет Абдул-Рагим оглы Абдулла-Заде, 42 л., мусульманин, грамотен.**

Я Шемахинец, постоянно проживал в Кюрдамире, где имел торговлю. В октября месяце 1917 года в виду угрожавшей Кюрдамиру опасности со сто-

роны возвращавшихся с фронта эшелонов переехал с семьей в Шемаху. В Шемахе все говорили, что армяне усиленно вооружаются. В половине марта 1918 г. армянский отряд, везший оружие из Баку в Матрасы, открыл стрельбу по мусульманам, наблюдавшим за движением отряда. Был заключен после этого мир. Но армяне действовали двулично, неискренно, ибо через два дня вместе с молочанами окружили город и начали его обстреливать из пушек и ружей. Через несколько часов ворвались в город, в мусульманскую часть, поджигали мусульманские дома, расстреливали убежавших из горевших домов и находившихся на улицах, а также врывались в дома и убивали мужчин, женщин и детей. Я лично видел на улицах много трупов. Из армян, расстреливавших мусульман, я хорошо опознал Михаила Арзуманова, Гавриила Караогланова, Гюльбандова. Они в числе пятнадцати других армян засели в одном доме и оттуда расстреливали мусульман, причем они выбрасывали на улицу ковер, подушку, и т.п., и когда кто-либо подходил, чтобы поднять эти вещи, они его убивали. Видел я как поджогами и убийствами в городе руководил Степан Лалаев. Ночью, того же числа я бежал из Шемахи. В Шемахе армяне сожгли мой дом, стоивший шесть тысяч рублей, сгорела также моя домашняя обстановка и женские золотые украшения на 17 тысяч рублей. Я тогда переехал в Кюрдамир. В конце мая по ст. ст. армянские банды напали на Кюрдамир. Здесь сгорел от поджога тоже мой дом, стоивший 40 тысяч рублей, бакалейный товар и серебряные медали на 80 тыс. руб., и обстановка на 40 тыс. руб., а всего на сто восемьдесят три тысячи руб. Читано.

Подпись: Магомет Абдул-Рагим оглы Абдулла-Заде (арабскими буквами)

Переводил: М.Меликов (подпись).

Член комиссии: А.Новацкий (подпись).

С подлинным верно: Секретарь Комиссии: Э.Ханбудагов (подпись).

Печать.

Резолюция: Препроводить в дополнение.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 27.

(ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 58-58 об.)

Документ № 722.

Копия

Протокол допроса

т. I, стр. № 62

Сел. Кюрдамир 1918 г. сентября 29 дня.

Зовут меня **Насрулла Гаджи-Султан оглы, 33 лет, ж.г. Шемахи, мусульманин, грамотен.**

Когда в марте месяце армяне и молочане напали на Шемаху, я тогда находился в Шемахе. Армяне и молочане окружили Шемаху и обстреливали ее из пушек и винтовок. В нападении принимали участие армяне всех селений Шемахинского уезда, как-то Матрасинцы, Сагиянцы, Мирикендцы, Келаха-

линцы, Керкенчцы, Мейсаринцы, а также Шемахинцы. Среди нападавших были даже мальчики и старики. Через несколько часов армяне и молукане ворвались в город. Они, армяне и молукане, убивали на улицах мусульман. Но молукане прекратили убийства, когда мусульмане сдались, армяне же продолжали убивать мусульман и после их сдачи. Армяне поджигали дома и расстреливали убежавших из горевших домов. Кроме того, врываются в дома, мечети и убивали спрятавшихся, как мужчин, так и жenin, детей и стариков. У женщин отрезывали груди и вообще мучили перед убийством. Я видел сотни трупов на улицах. Я был очевидцем убийства известного, всеми уважаемого Молла Джафар-Кулия Ахунда и до четырех сот женщин и детей. Я спрятался в одном доме выше мечети «Юхары кала», так что мне видно было хорошо что происходило в мечети чрез большие окна. В мечети спрятался Ахунд и около 400 женщин с детьми. Армяне ворвались в мечеть и всех перебили. Ахунда перед убийством мучили: выбили ему зубы, выдернули бороду, отрезали язык, уши и нос. Со мною было много Шемахинцев, но сейчас не помню кто именно. Тогда мы увидели это зверское убийство мы бежали в другое место. Кроме Ахунда армяне убили еще много почетных людей. Армяне при этом грабили всех, главным образом отбирали деньги и ценные вещи. Я лично видел во главе армянских банд Степана Лалаева, Михаила Арзуманова, Гавриила Караогланова, начальника Поч.-Телег. Конторы Гюльбандова, Самвела Долиева, парикмахера Ованеса. Они указывали армянам кого следовало убить. При этом некоторые из них были вооружены ружьем и стреляли в мусульман. У меня в Шемахе сгорел дом со всей обстановкой, 116 коврами, постелью, носильным платьем, всего на сумму двести пятьдесят тысяч рублей. В Кюрдамире у меня тоже есть дом, и была бакалейная лавка. Во время нападения армян на Кюрдамир они сожгли мою лавку с товаром, а обстановку квартиры расхитили, от чего я понес убытка на двадцать тысяч рублей. Более показать не имею. На вопрос отвечаю, что в Кюрдамире никого из нападавших армян не узнал. Показание мне читано.

Подпись: (по мусульмански).

Члены комиссии: А.Новацкий, Михайлов (подписи).

С подлинным верно: Секретарь Комиссии: Э.Ханбудагов (подпись).

Печать.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 28-29.

(ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 54-55)

Документ № 723.

Постановление

1919 года января 20 дня.

Я, Судебный Следователь по наиболее важным делам Бакинского Округного Суда Тумбиль, рассмотрев полученного с.г. предложение Г.Прокурора Бакинского Округного Суда от 18 сего января за № 237 о про-

изводстве предварительного следствия по делу обвинению Степана Лалаева и др. по 1606, 1607, 1453 – 1455 ст. Уст. Уг. Судопр., **Постановил:** приступить к производству предварительного следствия.

Судебный Следователь: Тумбиль (подпись).

Надпись: Прокурора Окр. Суда уведомить о производстве.

21.I. 1919, № 68.

На обороте: 4.II. 1919 г. № 97. В ред. газ. «Азербайджан», о вызове через публикац. Свидетелей Магомеда и Насрулла и др.

№ 101. Началь. Бак. Сыскной Полиции – адреса свид. Магомеда Абд. Рагим оглы и Насруллы Гаджи Солтан оглы.

№ 102 - В Бак. Адресный стол – адрес Насруллы.

№ 106 - В Бак. Адресный стол – адрес Магомеда.

№ 108 - В Чрезв. След. Комис- тоже (адреса) и просить высылать свидетелей, которые могут дать свидетельства по наст. делу.

В ред газ. «Азербайджан» - повторить № 97.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 31.

Документ № 724.

М. Ю.

Судебный Следователь

Спешно

По Наиболее важным делам Округа

Бакинского Округного Суда

Т у м б и л ь

5 февраля 1919 г.

№ 100

гор. Баку

Дело № 12

Г. Начальнику Бакинской Сыскной Полиции

Прошу в спешном порядке выяснить и сообщить мне где проживают в г. Баку нижепоименованные лица:

- 1) ж. г. Шемахи Махиэддин Эфенди оглы
 - 2) ж. с. Араб-Кадым Алихан-бек Эюббеков
 - 3) ж. г. Шемахи Гаджи Керим Азиз оглы
- Суд. Следователь: Тумбиль (подпись).

На обороте: 1) Справка

Г. Следователю по наиболее важным делам Округа Бакинского Округного Суда Тумбиль.

Со справками адресного стола.

8 марта 1919 г. г. Баку.

Начальник Бакинской Сыскной Полиции: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 34.

Документ № 725.

М. Ю.

Судебный Следователь
По Наиболее важным делам Округа
Бакинского Окружного Суда

Спешно

Т у м б и л ь

5 февраля 1919 г.

№ 105

г. Баку

Дело № 12

В Бакинский Адресный Стол

Прошу дать мне справку об адресе в г. Баку жителя г. Шемахи Махиэдина Эфенди оглы.

Судебный Следователь: Тумбиль (подпись).

На обороте: Разыскиваемое лицо в Адресном столе значиться выбывшим 7 февраля 1918 г. с района 3 пол. участка в Шемаху.

1919 г. г. Баку.

Справку наводила: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 35.

Документ № 726.

М. Ю.

Судебный Следователь
По Наиболее важным делам Округа
Бакинского Окружного Суда

Спешно

Т у м б и л ь

5 февраля 1919 г.

№ 103

Гор. Баку

Дело № 12

В Бакинский Адресный Стол

Прошу дать мне справку об адресе в г. Баку жителя г. Шемахи Гаджи Керим Азиз оглы.

Судебный Следователь: Тумбиль (подпись).

На обороте: Судеб. След. По наиболее важным делам Тумбиль.

Разыскиваемое лицо в Адресном столе значиться выбывшим 16 ноября 1916 г. с Губернская ул. , из дома № 57, район пол. участка в Шемаху.

6 февраля 1919 г. г. Баку.

Справку наводила: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 36.

Документ № 727.

М. Ю.

Судебный Следователь

Спешно

По Наиболее важным делам Округа

Бакинского Округного Суда

Т у м б и л ь

5 февраля 1919 г.

№ 104

Гор. Баку

Дело № 12

В Бакинский Адресный Стол

Прошу дать мне справку об адресе в г. Баку жителя с. Араб-Кадым Алихан-бека Эюббека.

Судебный Следователь: Тумбиль (подпись).

На обороте: Разыскиваемое лицо в Адресном столе значиться выбывшим 7 ноября 1918 г. с Колюбакинской ул., из дома № 33, район 3 пол. участка в Шемаху.

6 февраля 1919 г. г. Баку.

Справку наводила: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 37.

Документ № 728.

М. Ю.

Судебный Следователь

Спешно

По Наиболее важным делам

Округа

Бакинского Округного Суда

Т у м б и л ь

5 февраля 1919 г.

№ 106

Гор. Баку

Дело № 15

В Бакинский Адресный Стол

Прошу дать мне справку об адресе в г. Баку жителя г. Шемахи Магомет Абдул Рагим оглы.

Судебный Следователь: Тумбиль (подпись).

На обороте: Разыскиваемое лицо в Адресном столе значиться выбывшим 11 мая 1917 г. с Губернской ул., с номера «Исламие» № 57 в Кюрдамир.

6 февраля 1919 г. г. Баку.

Справку наводила: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 38.

Документ № 729.

М. Ю.

Судебный Следователь
По Наиболее важным делам Округа
Бакинского Окружного Суда

Спешно

Т у м б и л ь

5 февраля 1919 г.

№ 100

Гор. Баку

Дело № 15

Г. Начальнику Бакинской Сыскной Полиции

Прошу в спешном порядке выяснить и сообщить мне где проживают в г. Баку нижепоименованные лица:

1). ж.г. Шемахи Магомет Абдул Рагим оглы

2) ж. г. Шемахи Насрулла Гаджи Султан оглы

Суд. Следователь: Тумбиль (подпись).

На обороте: 1) Выбыл 11.У.1917 г. с Губернской ул. 57 в Кюрдамир.

2) выбыл 5.Х. 1916 г. Колюбакинская ул., д. 16 в Шемаху.

14 февраля со справкой.

Донесение. Г. Начальнику Бакинской Сыскной Полиции доношу, что разыскиваемые по сей переписке Магомет Абдул Рагим оглы и Насрулла Гаджи Султан оглы в г. Баку не проживают и розыском место жительства их не установлено.

25 февраля 1919 года.

Полиц. Надзиратель: Д. Микрюков (подпись).

На обороте: Г-ну Суд. Следователю с донесением надзирателя Микрюкова.

28 февраля 1919 г.

Начальник Сыскной полиции: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 39-40.

Документ № 730.

Азербайджанское Правительство

М.И.Д.

Председатель

Чрезвычайной Следственной

Комиссии

8 февраля 1919 г.

гор. Баку

№ 170

Г-ну Судебному Следователю
Бакинского Окружного Суда Тумбилю

На отношение Ваше от 5.II. 19 г. за №№ 107-108 сообщаю, что указанные лица Чрезвычайной Следственной Комиссией Азербайджанского Правительства не допрошены. Возможно, что они допрошены Чрезвычайной Комиссией Советской Власти, дела коей находятся у Прокурора Бакинского Окружного Суда. Адреса лиц тоже нам неизвестны.

Член Комиссии: А.Клуге (подпись).

Печать.

На обороте: 11 февраля 1919 г. В Чрезв. Следств. Ком.

Подтверждаются №№ 107 и 108 и сообщается, что допросы произведены именно Чрез. След. Комиссией.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 24, 32.

Документ № 731.

Азербайджанское Правительство

М.И.Д.

Председатель

Чрезвычайной Следственной

Комиссии

13 марта 1919 года

Г. Баку

№ 188

Судебному Следователю по Наиболее Важным Дела

Округа Бакинского Окружного Суда Тумбилию

Вследствие отношений Ваших от 5 февраля с.г. за №№ 107 и 108 Чрезвычайная Следственная Комиссия сообщает Вам, что требуемые Вами сведения в Комиссии не имеются, кроме адресов, в протоколах допроса названных в Ваших отношениях лиц.

Член Комиссии: подпись.

Секретарь: подпись.

На обороте: Передается Следователю по наиболее важным делам Бакинского Окружного Суда Г. Рожанскому в дополнение к делу № 22.

24 марта 1919 года.

Судебный Следователь: Комаровский.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 103.

Документ № 732.

Постановление

1919 года февраля 22 дня, г. Баку.

Судебный Следователь по наиболее важным делам при Бакинском окружном Суде Комаровский рассмотрев дело № 15 и имея в виду, что предметом такового является обвинение Степана Лалаева и др. по 1606-1607, 1453-

1455 ст. Улож. о Наказ., и находится в связи с делом № 22, **Постановил:** дело № 12 приобщить к делу № 22.

Судебный Следователь: Комаровский.

№ 157. Прокурору Суда копия постановления.

Февраля 24 дня 1919 г.

На обороте: № 170. 9 января.

Следователю Кюрдамирского участка о допросе Магомета Абдул Рагим оглы, Гаджи Керима Азиз оглы и Махияддина Эфенди оглы.

№ 171. Следователю Шемахинского участка о допросе Насруллы Гаджи Султан оглы и Алихана Эюббекова.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 33.

Документ № 733.

Постановление

1919 года февраля 22 дня, г. Баку.

Судебный Следователь по наиболее важным делам при Бакинском окружном Суде Комаровский рассмотрев дело № 12 и имея в виду, что предметом такового является убийство Молла Джафар-Кули Ахунда и др., чьи убийства были совершены во время Шемахинских событий в марте 1918 года, и что оно находится в связи с делом № 22 по обвинению Степана Лалаева по 13,

1453, 1525 и 1606 ст. Улож. о Наказ., **Постановил:** дело № 12 приобщить к делу № 22.

Судебный Следователь: Комаровский.

№ 156. Прокурору Суда копия постановления.

Февраля 24 дня 1919 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 25.

Документ № 734.

М. Ю.

Судебный Следователь

По Наиболее важным делам Округа

Бакинского Окружного Суда

Комаровский

9 марта 1919 г.

№ 170

Гор. Баку

Дело № 22

Г. Следователю 1-го Кюрдамирского участка

На основании 292 ст. У.У.С. прошу Вас допросить в качестве потерпевших с соблюдением 307 и 443 ст. У.У.С. проживающих в сел. Кюрдамир жителей гор. Шемахи: 1. Магомета Абдул Рагим оглы Абдулла заде; 2. Гаджи

Керима Азиз оглы; и 3. Махамедина Эфенди оглы., предложив им следующие вопросы:

1. Были ли они очевидцами мартовских событий 1918 г. в г. Шемахе?
2. В чем выразились эти события?
3. Какое случаи грабежей, убийств, поджогов и пр. они видел?
4. Кто принимал и какое участие в этих преступлениях?
5. Принимал ли в них участие Степан Лалаев?
6. Какие деяния он совершил, и были ли они, потерпевшие, свидетелями этих деяний?

При сем препровождаются копии показаний данных упомянутыми потерпевшими членам Чрезвычайной Следственной Комиссии.

Судебный Следователь: Комаровский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 90.

Документ № 735.

М.Ю.

Следователь

1-го Кюрдамирского Участка

№ 200

20 марта 1919 г.

Г. Приставу Кюрдамирского участка

Прошу Вас на сем же объявить живущим в Кюрдамире жит. гор. Шемахи, 1) Мамеду Абдул Рагим оглы Абдуллазаде; 2) Гаджи Кериму Азиз оглы; и 3) Махамедину Эфенди оглы о том, что они приглашаются мною на 27-е марта 1919 года в камеру мою, находящуюся на ст. Кюрдамир к 10-ти часам утра для допроса их по требованию следователя по наиболее важным делам Комаровского за № 170.

Следователь: подпись.

На обороте: Сообщаю Следователю 1-го Кюрдамирского участка, что означенные здесь лица в Кюрдамире не проживают.

21 марта 1919 года.

За пристава Кюрдамирского участка: подпись.

Справка: П-ву Кюрдамирского участка. № 200

Г-ну судебному Следователю по наиболее важным делам Комаровскому со справкой. Без исполнения.

27 марта 1919 г.

Следователь: подпись.

Надпись: настоящее препровождаю г. Судебному Следователю по наиболее важным делам Рожанскому в дополнение к делу № 22.

30 марта 1919 г.

Судебный следователь: Комаровский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 91-92.

Документ № 736.

Копия.

Протокол допроса

Сел. Кюрдамир. 1918 года. Октября 1 дня,

Зовут меня **Магомет Абдул-Рагим оглы Абдулла-Заде, 42 л., мусульманин, грамотен.**

Я Шемахинец, постоянно проживал в Кюрдамире, где имею торговлю. В октября месяце 1917 года в виду угрожавшей Кюрдамиру опасности со стороны возвращавшихся с фронта эшелонов переехал с семьей в Шемаху. В Шемахе все говорили, что армяне усиленно вооружаются. В половине марта 1918 г. армянский отряд, везший оружие из Баку в Матрасы, открыл стрельбу по мусульманам, наблюдавшим за движением отряда. Был заключен после этого мир. Но армяне действовали двулично, неискренно, ибо через два дня вместе с молоканами окружили город и начали его обстреливать из пушек и ружей. Чрез несколько часов ворвались в город, в мусульманскую часть, поджигали мусульманские дома, расстреливали убежавших из горевших домов и находившихся на улицах, а также врывались в дома и убивали мужчин, женщин и детей. Я лично видел на улицах много трупов. Из армян, расстреливавших мусульман, я хорошо опознал Михаила Арзуманова, Гавриила Караогланова, Гюльбандова. Они в числе пятнадцати других армян засели в одном доме и оттуда расстреливали мусульман, причем они выбрасывали на улицу ковер, подушку, и т.п., и когда кто-либо подходил, чтобы поднять эти вещи, они его убивали. Видел я как поджогами и убийствами в городе руководил Степан Лалаев. Ночью, того же числа я бежал из Шемахи. В Шемахе армяне сожгли мой дом, стоивший шесть тысяч рублей, сгорела также моя домашняя обстановка и женские золотые украшения на 17 тысяч рублей. Я тогда переехал в Кюрдамир. В конце мая по ст. ст. армянские банды напали на Кюрдамир. Здесь сгорел от поджога тоже мой дом, стоивший 40 тысяч рублей, бакалейный товар и серебряные медали на 80 тыс. руб., и обстановка на 40 тыс. руб., а всего на сто восемьдесят три тысячи руб.

Подпись по мусульмански.

Переводил: М.Меликов.

Член комиссии: А.Новацкий.

С подлинным верно.

Секретарь комиссии: (подпись).

Верно: Судебный Следователь: Комаровский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 93-94.

(ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 58-58 об.)

Документ № 737.

Копия.

Протокол допроса

Сел. Кюрдамир. 1918 г. Сентября 25 дня.

Чрезвычайная Следственная Комиссия при Азербайджанском Правительстве допрашивала нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 301 ст. Уст. Уг. Суд., который показал:

Зовут меня Гаджи Керим Азиз оглы, 53 лет, ж.г. Шемахи, врем. прож. в с. Кюрдамир, мусульманин, грамотен.

Я жил в Шемахе. В половине марта 1918 года армяне и молokane напали на город, открыв стрельбу из пушек и ружей. В 4 часа пополудни они ворвались в мусульманскую часть города и начали поджигать дома. Пожар распространился по всему городу. Кто поджигал дома, не знаю, но делали это армяне под руководством известных армян: парикмахера Самвела, парикмахера Ованеса и Гавриила Караогланова, Карапета Карамалова, Михаила Арзуманова, начальника почтово-телеграфной конторы Аршака Гюльбандова, Петросянца, имевшего магазин на Красной улице, карабахского армянина Агамалова, известного врага мусульман Степана Лалаева, Кюрдамирца Сандрика Асриева. Лиц этих я видел «собственными глазами», как они прятались за стенами, руководили поджогами и убийствами, сами стреляли в показавшихся на улице мусульман, которых дерзко вызывали на улицу. На моих глазах они залпом убили известного человека Гаджи Исафила Саламова. По разговорам же с разными Шемахинцами знаю, что они и их банды убили много выдающихся и почетных лиц, как-то: Абдул-Халыка Ахмедова, Мехти Халил оглы, Гаджи Абдул Касум-бека Касумова, Зияеддина Абдуллаева, известного Гаджи Молла Джафар-Кулия Ахундова, его жену и мать, Гаджи Молла Гасана Зейналова, его жену, Мамед Тагия Алиева, Теймур-бека Худавердова и много других. Я видел на улицах сотни трупов мужчин, женщин и детей. Об убийстве Молла Джафар Кули рассказывают, что армяне убили его в мечети, где он спрятался, при этом мучили его: выкололи ему глаза, отрезали язык и скальпировали. На третий день после занятия Шемахи армянами, я с семьей бежал в с. Кюрдамир. Мы не успели ничего захватить с собою и убежали только так, как были одеты. После ухода из Шемахи армян я послал туда сына Теймура. Он мне сообщил, что дом мой сгорел дотла, а все движимое имущество расхищено; именно: сто тридцать пудов махорки на 21 тысячу рублей, два пуда табаку на 800 руб., шпагату на тысячу рублей, сто три ковра на 31 тысячу рублей, три пуда сахару на 1200 рублей, ситец на 8000 рублей, папирос на 1000 рублей и другой товар, всего на сумму 290 тысячу рублей. Дом стоил 8000 рублей. Кроме того, армяне сожгли в Кюрдамире мою лавку с товаром. Убытка в Кюрдамире я понес на сто десять тысяч

рублей движимого имущества, дом же остался. Более показать не имею. Показание написано правильно.

Подпись: (по мусульмански).

Переводил: Ханбудагов.

Председатель Комиссии: А.Хасмамедов.

Член Комиссии: А.Новацкий, В.Гудвил.

С подлинным верно.

Секретарь комиссии: (подпись).

Верно: Судебный Следователь: Комаровский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 95-96.

(ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 30-32)

Документ № 738.

Копия

Протокол допроса

Селение Кюрдамир. 1918 года. Сентябрь 29 дня.

Зовут меня **Махияддин Эфенди оглы, 50 лет, житель г. Шемахи, временно проживаю в сел. Кюрдамир, мусульманин, грамотен.**

В половине марта сего года из Баку пришел большой отряд вооруженных армян, который миновал Шемаху после перестрелки с мусульманами, отправился в село Матрасы. Через три дня мы, Шемахинцы проснулись на рассвете от пушечных выстрелов. Выбежав на улицу, увидел, что армяне окружили Шемаху и обстреливали ее, молokane окружили город с другой стороны. Спустя несколько часов, армяне ворвались в мусульманскую часть города и начали поджигать дома, выбегавших из горящих домов расстреливали.

Таким образом, убили массу мужчин, женщин и детей, трупы которых валялись на улицах. Кроме этого, они врываются в дома, обыскивали жильцов, забирали деньги и ценные вещи, а потом убивали ограбленных; расстрелял я сам видел. Расстрелами и поджогами руководили известные люди, которых я заметил среди армянских солдат.

Это были: Михаил Арзуманов, Гавриил Караогланов, начальник почтово-телеграфной конторы Гюльбандов, Караманов, парикмахер Самвел, парикмахер Ованес, Степан Лалаев, матрасинец Сетрак Асриев и многие другие, которых по именам и фамилиям не знаю. Тогда были убиты выдающиеся мусульмане Гаджи-Баба Гаджи Али Аббас оглы, Абдул Халык Ахмед оглы, брат его Ага Ахмет, Гаджи Абдул Касим Касимов, Гаджи Гани Зейналов, Гаджи Исрафил, Молла Гаджи Махияддин Эфенди, Молла Джафар Кули Ахунд и многие другие. Молла Джафар Кули Ахунд был убит в мечети, куда спрятались и с ним много женщин и детей, которые были уверены, что армяне не поднимут руки на всеми чтимого Ахунда. Армяне ворвались в мечеть, нашли Ахунда, выкололи ему глаза, отрезали уши, нос и язык и сдирали кожи с лица и головы, и в конце концов расстреляли. Были также перебиты все женщины, находившиеся в мечети и в доме Ахунда.

В 8 час. вечера, когда уже хорошо стемнело, я с семьей покинул город и бежал в сел. Геогляр. Покинул и все свое добро: 381 штуку ковров, махорку, всю домашнюю обстановку, постель, женские золотые уборы, домашнюю утварь, носильное платье, всего на сумму 380.000 рублей. Все это расхищено было армянами. В Кюрдамире у меня есть дом и магазин.

Во время нападения армянских банд на Кюрдамир я понес убытки товаром и обстановкой на 51.000 рублей. Дом мой не был подожжен, но был разгромлен. Более показаний не имею. Показание мне читано.

Подпись: Мах. Эфенды.

Члены комиссия: А.Новацкий, Михайлов.

С подлинным верно.

Секретарь комиссии: (подпись).

Верно: Судебный Следователь: Комаровский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 97-98.

(ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, лл. 49-51)

Документ № 739.

М. Ю.

Прокурор Бакинского

Окружного Суда

№ 1199

13 марта 1919 г.

Гор. Баку

Г. Судебному Следователю

по наиболее важным делам Комаровскому.

Вследствие поручения Министерства Юстиции от 10 марта сего года за № 1135, предлагаю Вам передать Судебному Следователю по наиболее важным делам Рожанскому для дальнейшего производства следствия находящееся в Вашем производстве дело «по обвинению Степана Лалаева и др. по 1606, 1607, 1453 и 1455 ст. Улож. о Нак.

За Прокурора Суда: подпись.

И об. Секретаря: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л.41.

Документ № 740.

М. Ю.

Прокурор Бакинского

Окружного Суда

№ 1200

13 марта 1919 г.

Гор. Баку

Г. Судебному Следователю

по наиболее важным делам Рожанскому.

Вследствие поручения Министерства Юстиции от 10 марта сего года за № 1135, предлагаю Вам принять к своему производству для дальнейшего производства следствия находящееся в производстве Судебного Следователя Комаровского дело «по обвинению Степана Лалаева и др. по 1606, 1607, 1453 и 1455 ст. Улож. о Нак.

За Прокурора Суда: подпись.

И об. Секретаря: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л.44.

Документ № 741.

Постановление

1919 года марта 13 дня. г.Баку.

Судебный Следователь по наиболее важным делам Округа Бакинского Округного Суда Комаровский имея в виду предложение Прокурора того же суда от сего числа за № 1199 **Постановил**: Настоящее дело передать Судебному Следователю по наиболее важным делам Рожанскому.

Судебный Следователь: Комаровский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л.41 об.

Документ № 742.

М. Ю.

Судебный Следователь

По Наиболее важным делам Округа

Бакинского Округного Суда

Комаровский

13 марта 1919 г.

№ 172 Гор. Баку

Дело № 22

Г. Судебному Следователю

по наиболее важным делам Рожанскому

Согласно постановлению моему от 13 с. Месяца при сем препровождаю дело № 22 по обвинению Степана Лалаева и др. по 1606, 1607, 1453 и 1455 ст. Улож. о Нак. и приложение переписки на английском языке на 19 листах.

Судебный Следователь: Комаровский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 43.

Документ № 743.

Постановление

1919 года марта 14 дня. г.Баку.

Судебный Следователь по наиболее важным делам Округа Бакинского Округного Суда Рожанский рассмотрев предложение Прокурора Бакинского

Окружного Суда от 13 марта 1919 за № 1200, руководствуясь 288 ст. Уст. Уг. Суд., **Постановил:** приступить к производству предварительного следствия по пр. пр. 1606, 1607, 1453 и 1455 ст. Улож. о Нак.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

На обороте: На 46 полулистах. 30 сентября 1919 года.

Сдал Суд. След. : подпись.

Принял: Суд. След.: Викторов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 45.

Документ № 744.

Комиссар Полиции

Союзный Держав

19 марта 1919 г.

№ 82

Г. Баку

Господину Министру Юстиции

Настоящую переписку препровождаю на Ваше распоряжение.

Начальник Английской Военной Полиции

Капитан.

Печать. Начальник Английской Военной Полиции. Г. Баку. Подпись.

Резолюция: Срочно.

Препроводить Следователю Рожанскому по делу по обвинении Лалаева.
20.III. 1919 г.

№ 3 Секр. Управ. Мин. Юст.: подпись.

Директор Канцелярии: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 99.

Документ № 745.

Письмо

(на английском языке).

Настоящее прошение Управление Бакинского Губернатора препровожда-ет Г. Начальнику Полиции Союзных Держав на распоряжение.

10 марта 1919 года, № 2474.

Вице-Губернатор: подпись.

Начальник Судебно-Административного отдела: подпись.

Делопроизводитель: И.Савицкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 100.

Документ № 746.

Господину Начальнику Полиции Союзных Держав

Полковнику Коккерелю

Бакинских беженцев в гор. Шемаху, во время мартовских событий, Мелек Ханумы Халык кизы, Фатъма Ханумы Кулиевой, Бика Ханумы Рзаевой, Сальтанат Ханумы Джеваншир, Чешми Гасанали кизы, и жител. гор. Шемахи Бики Ибрагим Халил кизы, Мелек Али кизы, Солтан Ибрагим Халил кизы и Захры Теймур кизы

Прошение

Узнав о том, что по делу Степана Лалаева производится предварительное следствие, по обвинению его в разных преступлениях, совершенных ими во время мартовских событий, как в гор. Баку, так и в гор. Шемахе, а потому, просим Ваше Высокоблагородие, допросить нас, как очевидцев ужасных преступлений, совершенных ими.

Просители неграмотные, а за них расписался: Мамед Гасан Азиз оглы (подпись).

15 февраля 1919 года.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 101.

Документ № 747.

**Его Превосходительству
Господину Бакинскому Губернатору**

Жит. гор. Шемахи
Мелек Ханумы Халык кизы и др.

Прошение

Прилагая при сем прошение на имя Начальника Полиции Союзных держав, просим распоряжение Вашего Превосходительства, сделать распоряжение о скорейшем допросе нас, а также командировать с нами одного полицейского чиновника для сопровождении нас и указания канцелярии полковника Кокерелли.

Просит. неграмотн., а за них расписался: Мамед Гасан Азиз оглы (арабскими буквами).

15 февраля 1919 года.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 102.

Документ № 748.

М. Ю.

**Судебный Следователь
По Наиболее Важным Дела
Округа
Бакинского Окружного Суда
Рожанский
23 марта 1919 г.**

В.Спешно

№ 176
Гор. Баку
Дело № 27

Г. Шемахинскому Уездному Начальнику

По делу, производящемуся мною вследствие личного приказа г-на Министра Юстиции, прошу самым тщательным образом дознать и сообщить мне в возможно непродолжительном времени, проживают ли в Баку и где именно нижеследующие лица: 1) Мелек Ханума Халык кизы,

2) Фатьма Ханума Кулиева, 3) Бика Ханума Рзаева, 4) Сальтанат Ханума Джеваншир, 5) Чешми Гасанали кизы, 6) Бика Ибрагим Халил кизы,

7) Мелек Али кизы, 8) Солтан Ибрагим Халил кизы и 9) Захра Теймур кизы.

Сие женщины могут дать существенные показания по производящимся у меня деле о Степане Лалаеве и др., обвиняемых в разных тяжких преступлениях, совершенных ими как в г. Баку, так и в г. Шемахе во время мартовских событий прошлого года.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

На обороте: В. Спешно. Приставу гор. Шемахи.

Немедленно дознать и доложить.

К переписке и исполнению. 27 марта 1919 г.

Управляющий Уезд. Нач.: подпись.

Надпись: Доношу Г. Шемахинскому Уездному Начальнику, что в настоящее время ни один из наименованных в переписке лиц в городе Шемахе не проживает и настоящее место пребывания их никому из жителей вверенного мне участка неизвестно.

Апреля 15 дня 1919 г.

Пристав гор. Шемахи: подпись.

Письмо: Господину Следователю по наиболее важным делам округа Бакинского Окружного Суда с донесением пристава города Шемахи.

Апреля 24 дня 1919 г.

За Шемахинского уездного Начальника: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 114-115.

Документ № 749.

М. Ю.

Судебный Следователь

В. Спешно

По Наиболее Важным Дела

Округа

Бакинского Окружного Суда

Рожанский

23 марта 1919 г.

№ 177

Гор. Баку

Дело № 27

Г. Начальнику Бакинской Сыскной Полиции

По делу, производящемуся мною вследствие личного приказа г-на Министра Юстиции, прошу самым тщательным образом дознать и сообщить мне в возможно непродолжительном времени, проживают ли в Баку и где именно нижеследующие лица: 1) Мелек Ханума Халык кизы,

2) Фатьма Ханума Кулиева, 3) Бика Ханума Рзаева, 4) Сальтанат Ханума Джеваншир, 5) Чешми Гасанали кизы, 6) Бика Ибрагим Халил кизы,

7) Мелек Али кизы, 8) Солтан Ибрагим Халил кизы и 9) Захра Теймур кизы.

Сие женщины могут дать существенные показания по производящимся у меня деле о Степане Лалаеве и др., обвиняемых в разных тяжких преступлениях, совершенных ими как в г. Баку, так и в г. Шемахе во время мартовских событий прошлого года.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

Надпись: Получ. 30.ИИ. 1919 г., д. № 27.

Г-ну Суд. Следователю Рожанскому.

Со справкой.

30 марта 1919 года.

Начальник Сыскной Полиции: подпись.

Делопроизводитель: подпись.

Справка. К отношению Следователя по Особо важным делам при Бакинском окружном Суде Рожанского от 30.ИИ. 1919 г., д. № 27.

1) Бика Ханум Рзаева, гр. Гор. Баку, проживает по Балаханской ул. дом № 70, кв. № 5.

2) Салтанат Ханум Джеваншир, гр. Гор. Шуши, проживает по Балаханской ул., д. № 14, кв. № 3.

3) Мелек Ханум Халык кизы, жит. сел. Арабшахверди Шемахинского уезда Бакинской губернии, проживает по Балаханской ул. д. № 70, кв. № 8

4) Фатьма Ханум Кулиева, гр. гор. Шемахи Бакинской губернии, проживает по Балаханской ул., дом № 70, кв. № 9.

5) Чешми Гасан Али кизы, жит. сел. Арабшахверди Шемахинского уезда Бакинской губернии, проживает по Балаханской ул. д. № 70, кв. № 5

6) Бика Ибрагим Халил кизы и Солтан Ибрагим Халил кизы, жит. сел. Арабшахверди Шемахинского уезда Бакинской губернии, проживают По Юрьевской ул., № 59.

7) Мелек Али кизы, гр. гор. Шемахи Бакинской губернии, проживает по Балаханской ул., дом № 70, кв. № 5.

8) Захра Теймур кизы, жит. сел. Арабшахверди Шемахинского уезда Бакинской губернии, проживала 6-й Параллельной ул., дом № 51, выбыла на родину.

По поручению г. Начальника Сыскной полиции: Джеваншир.

Справку отобрал полиц. надзиратель: подпись.

Надпись: Судебному Следователю по наиболее важным делам при Бак. Окр. Г. Рожанскому.

По исполнение.

9 апреля 1919 г., № 2354

Пристав 3-го Участка г. Баку: Векилов (подпись),.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 104-106.

Документ № 750.

Повестка

Девушка Балахар, Воронцовская улица, дом Ахундова.

Судебный Следователь по наиболее важным делам при Бакинском Окружном Суде Рожанский приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Баку, в доме Арафелова на против Багировского сквера на втором этаже к 10 часам 12 апреля 1919 года, в качестве свидетеля по делу № 27 о Степане Лалаеве и др.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются: 1) Понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 320 и 328 Уг.Суд.); 2) Обвиняемые – приводу к следствию (ст. 438); 3) Свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

На обороте: Справка. Адресат сей повестки по указанному адресу в районе 3-го участка не проживает.

7.VII. Городовой: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 107.

Документ № 751.

Протокол допроса

1919 года Апреля 10 дня, в камере своей,

Судебный Следователь Бакинского Окружного Суда по наиболее важным делам Рожанский допрашивал нижепоименованных в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. уст. Уг. Суд. и они показали:

Зовут меня Салтанат Муртузабек Ханум Джеваншир, 45 лет, магометанка, жительница сел. Кариагина Шушинского уезда Елисаветпольской губернии, не судима, живу в Баку, в д. № 14 по Балаханской ул., с участвующими в деле лицами ни в каких особых отношениях не состою, неграмотная.

В марте месяце прошлого года, после состоявшегося перемирия между мусульманами и армянами наша семья, а также и некоторые другие мусульманские семьи захотели поехать в свои родные селения и посмотреть что стало с

нашими домами и нашими родными и знакомыми в наших родных селениях после армянского нашествия. Собралось довольно порядка многочисленное общество и мы из Баку двинулись в путь на двенадцати фазтонах, захватив с собой деньги и драгоценности. Под нашу семью понадобилось два фазтона. Наша семья состояла из следующих лиц: мой муж Ханлар Ага Джаваншир, сыновья: Джабар Ага Джаваншир, 35 лет, Сулейман Ага, 31 года, Мустафа Ага, 28 л., Абулфат Ага, 26 л., Зюльгадар Ага, 15 л., и Исрафил Ага, 8 л., а также дочери: Шамси Бегим, 18 л., Дюрдане, 16 л., и Зинет, 10 лет. При себе я имела спрятанными 56 тысяч наличных денег и разных драгоценностей – жемчуга, разных золотых вещей (украшения, часы, пояса и проч.) на 86 слишком тысяч, у мужа были защиты в пиджаке 24 тысяч, у сыновей : Джабара – 40 тысяч, у Сулеймана- 4 тысяч рублей, у Мустафы – 15 тысяч рублей, и у Абулфата 18 тысяч рублей.

По дороге, когда мы поднимались в гору между селениями Арабшахверди и Маразой, в пределах какого именно уезда, я не знаю, нас окружили несколько десятков вооруженных винтовками армянских солдат под командой Степана Лалаева, который был верхом на лошади, нас всех остановили и стали всех обыскивать, отбирали деньги и драгоценности, таким образом у меня и у моих сыновей отобрали все, что было при нас ценное. У мужа же зашитых в пиджаке 24 тысяч рублей не нашли. Меня лично ограбил сам Степан Лалаев; грабили и его солдаты и ограбленное имущество передавали Лалаеву. Перед грабежом нас всех разделили на две группы – женщины и маленькие дети в одну сторону, а мужчину в другую. После грабежа нас всех вместе с нашими фазтонщиками повели в селение Маразу, где мы и пробыли под стражей 18 суток, причем на пятнадцатый день заключения мужчин-пассажиров, за исключением стариков: Касим бек Визирова и Исмаил бека, вместе с фазтонщиками куда-то отправили, сказав, что их отправляют в Шемаху для обмена пленных. Из нашей семьи увели: моего мужа и сыновей: Джабара, Сулеймана, Мустафу и Абулфата, какова затем постигла судьба уведенных, я не знаю, наверно, их убили, и с тех пор я ни мужа, ни сыновей более не видела и о тех фазтонщиков ничего не знаю.

В сел. Маразы нас заключили в какой-то дом – отдельно женщин и малых детей и отдельно взрослых мужчин, и днем позволяли нам подняться. Во время этого заключения над нами всячески издевались, насильовали женщин и сам Степан Лалаев. Меня лично не били и не насильовали, но моя дочь Шамси была изнасилована, а затем от страха и мучений умерла, умерли и еще две Шемахинские девушки, тоже изнасилованные. Кормили нас очень скудно, выдавали всем лишь около 1/2 фунта хлеба в день, но от ужаса и горя некоторые из заключенных и этого не съедали. До вышеописанной встречи на дороге я Степана Лалаева не знала, но как во время самого задержания на дороге другие говорили, что руководитель шайки есть именно Степан Лалаев, говорили это и указывали на него, а именно, что это и есть именно Лалаев, и то-

гда когда он приходил к нам в помещение заключенных в селении Маразы. Я у этого Лалаева заметила на щеке, правой или левой, теперь не припомню, шрам. При предъявлении я несомненно и категорично узнала бы Степана Лалаева.

Придержав нас, кроме отправленных в Шемаху, около 18 суток в сел. Мараза, нас в числе всего около 35 чел., среди коих были и вышеназванные старики Касим бек Визиров и Исмаил бек, на двух арбах под конвоем вооруженных солдат доставили в г. Баку, где мы все и разошлись по своим домам.

Показание мне прочитано. Свидетельница неграмотна.

Перевел: подпись.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

II. Зовут меня Зульгадар Ханлар Ага оглы Джаваншир, 15 лет, житель сел. Пир-Ахмедлы, вероисповедание магометанское, грамотен, не судим, живу в г. Баку, в д. 14 по Балаханской ул.

16 марта утром наша семья вместе с другими выехали на фэзтонах. Мы все хотели поехать в родное селение. Я ехал с отцом, матерью, братьями и сестрами. 20 марта утром, когда мы проезжали по дороге между селениями Арабшахверди и Маразой, нас остановили вооруженные армянские солдаты. Затем они послали в сел. Маразу за Степаном Лалаевым, который вскоре с вооруженными конными и пешими солдатами явился к нам, приказал всем выйти из фэзтонов, отделил взрослых мужчин от женщин и детей и всех нас стали обыскивать, причем, у кого находили деньги и драгоценные вещи, то забирали. Грабил сам Лалаев, на ком была длинная охранныя сумка, куда он и клал награбленное. После ограбления, спустя несколько часов как нас остановили на дороге, как приказал Лалаев снова сели в фэзтоны и нас под конвоем повели в селение Маразу, находившийся на расстоянии около 2-х верст от места нашего задержания на дороге. В Маразе нас всех поместили в один дом, женщин отдельно от мужчин, я попал в группу мужчин. По вечерам по несколько человек наших мужчин отводили в подвал и там били ногайками. Меня тоже водили в этот подвал и также били, бил сам Степан Лалаев, а также и его солдаты по его приказанию.

Спустя дней пятнадцать после нашего задержания, однажды утром все молодых мужчин, за исключением стариков Касим бек Визирова и Исмаил бека, а также некоторых мальчиков, Лалаев под охраной своих солдат куда-то отправил. Для чего именно отправили мужчин и куда именно, я не знаю. Увели тогда вместе с другими моего отца и моих четырех братьев, которых я с тех пор больше не видел. Какая судьба постигла уведенных мужчин, мне неизвестно, думаю, что их убили. Уводили ли и женщин в подвал и подвергали ли и их побоям, я не знаю. Что значит насилловать женщин, я не понимаю. Во время нашего содержания в сел. Мараза никто из наших мужчин не умер, и, насколько мне известно, умерла только моя сестра Шамси и еще двое детей. Отчего умерла моя сестра Шамси, я не знаю, думаю со страху. Дня через три после ухода наших мужчин, нас всех, человек около

35, на фургонах под конвоем около 20 вооруженных армянских солдат отправили в Баку, но не привезли в самый город, а остановились мы около Шемахинского караван-сарая. Потребовали со всех нас уплатить за 4 фургона 6000 руб. и когда из города были принесены деньги, но нас всех отпустили. Я приехал в г. Баку без сапог, так как когда мы были в сел. Мараза, то сам Степан Лалаев снял с меня мои высокие сапоги. Сапоги у меня были совсем новые и куплены были перед самым нашим отъездом из г. Баку.

Раньше я Степана Лалаева вовсе не знал. При предъявлении я его непременно узнаю, так как во время нашего содержания в сел. Мараза видел его ежедневно. Сел. Мараза находится в пределах Шемахинского уезда. Показание мне прочитано.

Подпись: З. Джаваншир.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл.108-110.

Документ № 752.

Протокол допроса

1919 года Апреля 10 дня в камере своей,

Судебный Следователь Бакинского Окружного Суда по наиболее важным делам Рожанский допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей с соблюдением 443 ст. уст. Уг. Суд. и они показали:

I. Зовут меня Гусейн Али Ибрагим оглы, 32 лет, жит. сел. Бузовны Бакинского градоначальства, магометанин, судим не был, живу в Баку в доме № 205 по Сураханской ул.

Я в марте прошлого года в г. Шемахе не был, и что там тогда происходило мне неизвестно, во время мартовских событий я находился в г. Баку. Показание мне прочитано.

Подпись: Гусейн Али Ибрагим оглы (арабскими буквами).

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

II. Зовут меня Бегим Ханум Ханлар Ага кызы Джаванширова, по жительству Кариагин, 16 лет, неграмотна, не судима, живу в г. Баку, в доме № 14 по Балаханской ул.

В прошлом году в марте месяце, в какой именно день и какого числа, не помню, наша семья, вместе с другими мусульманскими семьями рано утром на 12 фаэтонах выехали из г. Баку, направились в свое родное селение. Несколько дней мы поехали совершенно благополучно, но когда утром в пределах Шемахинского уезда проезжали между селениями Арабшахлы и Маразы, то нас остановили вооруженные армянские солдаты, которых было лишь всего несколько человек, они послали о задержании нас сообщить в близ расположенное селение Маразу, оттуда вскоре и прибыл верхом Степан Лалаев, во главе несколько десятков пеших и конных вооруженных винтовками армянских солдат. Тотчас же Лалаев приказал нам всем выйти из фаэтонов, отделил взрослых мужчин от

женщин и детей, и стал нас всех обыскивать, причем наличные деньги и все драгоценные вещи забрал себе, обыскивали нас ему помогали его солдаты. Степан Лалаев был в офицерской форме и вооружен револьвером. У меня лично сам Лалаев забрал все золотые вещи: пояс, головной убор и проч., ограбил также сам Лалаев мою мать и братьев. Окончив с обыском, который продолжался несколько часов, Лалаев приказал всем нам опять сесть в фазтоны и всех нас направил в селение Маразу, где нас поместили в один дом, отделив женщин от мужчин. Нас сторожили вооруженные солдаты. Кормили нас очень скудно, всем выдавали в день 1\2 фунта хлеба, горячей пищи не давали. Пробыли мы, таким образом, в сел. Мараза под арестом 18 дней, причем ежедневно по вечерам как мужчин, так и женщин подвергали побитью нагайками. Били нас солдаты, бил и сам Лалаев. Били нас без всякой с нашей стороны вины, просто лишь так, потому что мы мусульмане. Некоторых женщин уводили из общего помещения и изнасиловали. Приблизительно на четвертый день нашего задержания была уведена моя сестра Шамси, которая затем вернувшись, нам рассказала, что ее изнасиловал сам Лалаев, были изнасилованы и некоторые другие девушки, но как их зовут, не знаю. Сестра Шамси от страха и горя умерла. Отцу позволили похоронить Шамси, но нас, женщин, на похороны сестры не допустили. Приблизительно на 15-й день нашего задержания всех наших мужчин, за исключением двух стариков – Касим бека Визирова и Исмаил бека, а также некоторых мальчиков, Лалаев куда-то увел и сам уехал, причем говорили, что будто наших мужчин отправили в Шемаху для размена пленными. Куда в действительности они были отправлены и какая судьба их постигла, я не знаю. С тех пор я ни отца, ни моих четырех братьев больше не видела. Лалаева я тогда увидела впервые и что это был Лалаев узнала со слов других. При предъявлении мне я непременно опознала бы Лалаева. На одной щеке у него был шрам. Через 18 дней оставшимися с нами солдатами мы были на фугонах отправлены в г. Баку. Показание мне прочитана и переведена. Свидетельница неграмотна.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл.110 об.- 111.

Документ № 753.

Протокол допроса

1919 года Апреля 12 дня, в г. Баку

Судебный Следователь Бакинского Окружного Суда по наиболее важным делам Рожанский допрашивал нижепоименованных в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. уст. Уг. Суд. и они показали:

Зовут меня **Зиньет Ханум Ханлар Ага кизы Джеванширова, 12 лет, неграмотна, не судима, вероисповедания мусульманского, живу в г. Баку в д. № 14 по Балаханской ул.**

Во время нашей поездки из г. Баку я была нездорова, а потому и не могла хорошо уследить всех подробностей, случившегося с нами несчастья на до-

роге между селениями Арабшахверди и Маразой и происшедшими затем событиями в сел. Маразе. На дороге нас задержали караульные армянские солдаты, к нам приехал верхом Степан Лалаев в сопровождении конных и пеших вооруженных армянских солдат. Нас стали обыскивать и отнимать деньги и драгоценности. При мне ни денег, ни драгоценностей не было. Мужчин по вечерам били в подвале, их крик доносился до нас; женщин тоже мучили и били, но уводили ли кого-либо из женщин из нашего женского помещения, я не знаю и сама не видела. Моя сестра Шамси умерла, как я думаю, со страха. Подверглась ли сестра Шамси изнасилованию, я не знаю. Моего отца и братьев увели, говорили, что в г. Шемаху, но правда ли это, не знаю; с тех пор я их больше не видела. Показание мне прочитано и переведено на татарский язык. Свидетельница неграмотна.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

II. Зовут меня Сона Ханум Мехти кизы Абибова, 20 лет, магеметанка, неграмотна, не судима, живу в Баку в д. № 56 на Сураханской ул.

Я жила в г. Шемахе. Возгорелся бой между армянами и мусульманами. Бой длился два дня, мусульмане сдались. Пришли на защиту мусульман Молокане. Около 2-х недель было тихо, и вдруг явился с отрядом вооруженных солдат Степан Лалаев, откуда он явился и привел ли он собой каких-либо пленных или нет, не знаю. Население встретило Степана Лалаева с Кораном и жители просили их пощадить и не обижать, но Лалаев отдал приказ всех убивать. На улицах появились трупы. По квартирам стали грабить и даже поджигать; женщин тоже убивали, но насиловали их – не знаю: не видела. Молокане для спасения увели около 500 женщин в сел. Кызмейдан. Степана Лалаева я знала как Шемахинца. Мой муж в то время был в Петропавловке, а я оставалась дома с 3-х летним сыном; мой дом сожгли, а квартирную обстановку, золото, серебро и проч. разграбили, меня побили солдаты прикладами ружей. Слышала, что на мусульман совместно с Лалаевским отрядом нападали и некоторые шемахинцы но кто именно, не знаю. У Лалаева в гор. Шемахе был собственный дом, он его поджег и сделал это, как сам сказал, для того, чтобы не достался мусульманам. Показание мне прочитано и переведено на татарский язык. Свидетельница неграмотна.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

III. Зовут меня Гюли Ханум Бегим, 21 года, жительница гор. Шемахи, магеметанка, неграмотна, не судима, живу в г. Баку, в . № 56 по Сураханской ул.

Я, мой муж и двое наших детей проживали в гор. Шемахе. Муж имел там чайную. Спустя дня три после праздника Новруз байрама между мусульманами и армянами возгорелся бой, мусульмане сдались. Лалаева тогда еще не было, но спустя дней 12 после сего явился со своим отрядом Степан Лалаев, которого встретили с Кораном и просили пощадить. Степан Лалаев успокаивал жителей, сказав, что никому ничего дурного не будет; но затем отдал приказ

всех убивать и грабить. На другой день, по прибытии Лалаева, молокане увели около 500-600 женщин для спасения в сел. Кызмейдан. Наш дом сожгли, все имущество разграбили, мужа моего убили. Некоторых женщин насильовали, так например, была изнасилована моя 12-летняя падчерица. Принимали ли в нападении на нас и Шемахинцы не знаю, не видела. Показание мне прочитано и переведена на татарский язык. Свидетельница неграмотна.

Судебный следователь: Рожанский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл.112-113.

Документ № 754.

М.Ю.

Прокурор

Бакинского Окружного Суда

24 марта 1919 г.

№1419

Г. Судебному Следователю

по наиболее важным делам Рожанскому

Препровождая при сем переписку, предлагаю Вам приступить к производству предварительного следствия по признакам преступления, предусмотренного 1, 2 и 4 п. 1453 ст. Улож. о Нак.

И.д. Прокурора Суда.

Надпись: Вх. № 1263.

Товарищу прокурора Издебскому о наблюдении.

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 513, л. 3.

Документ № 755.

М.Ю.

Судебный Следователь

По Наиболее Важным Делах Округа

Бакинского Окружного Суда

Рожанский

25 марта 1919 г.

№ 178

Гор. Баку

Дело № 28\1919 г.

Господину Прокурору

Бакинского Окружного Суда

Сообщаю Вашему Высокородию, что 25 марта с.г. начат предварительное следствие по предложению Вашему от 24 марта 1919 г. за № 1419 по делу о Степане Лалаеве и друг., обв. По 1, 2 и 4 п. 1453 ст. Улож. о Нак.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 513, л. 4.

Документ № 756.

**Начальнику
Бакинской Центральной тюрьмы**

До сведения моего дошло, что арестант Степан Лалаев содержится не в камере, а при канцелярии, почти свободен доступ в каковую, где встречается и вообще может общаться с посторонними лицами, каковые обстоятельства вредно отразятся на деле, и потому прошу поместить названного арестанта в тюремную камеру, приняв все меры к воспрепятствованию его побега или общения с посторонними лицами.

25 марта 1919 г., № 1455.

И.Д. Прокурора Бакинского Окружного Суда.

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 513, л. 5.

Документ № 757.

**Начальник
Бакинской Центральной Тюрьмы
29 марта 1919 г.**

№ 1102

Г. Прокурору Бакинского Окружного Суда

Вследствие предложения от 25 сего марта за № 1455, доношу, что арестант Степан Лалаев содержится в отдельной камере при тюрьме, в которой имеются окна, огороженные железными решетками, при чем камера заперта постоянно на замок и у дверей стоит часовой, который охраняет Лалаева от могучей угрожать ему опасности, согласно Вашего Предложения от 13 марта сего года за № 126, а также мною приняты все меры к воспрепятствованию его побега и общения с посторонними лицами.

Об изложенном мною сообщено также Следователю по особо важным делам г. Рожанскому, за коим числится последний содержанием.

Начальник тюрьмы: И. Абдуллаев (подпись).

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 513, л. 5.

Документ № 758.

М. Ю.

Бакинский Окружной Суд

Уголовное отделение

Секр. Стол

апреля 1919 г.

№ 3840

Гор. Баку

**Г. Судебному Следователю
по наиболее важным делам Рожанскому**

Вследствие представления от 1 апреля 1919 года за № 191, Окружной Суд уведомляет Ваше Высокоблагородие, что о выдаче Леониду Евгеньевичу Воецкому, вознаграждение за произведенный им перевод в сумме 750 руб., сообщено Председателю Окружного Суда вместе с сим за № 3839.

Тов. Председателя: подпись

И.д. Секретаря: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 116.

Документ № 759.

М. Ю.

Председатель

Бакинского Окружного

Суда

апреля 1919 г.

№ 2701

Гор. Баку

Г. Судебному Следователю

по наиболее важным делам Рожанскому

Представлением на имя кружного Суда Вы возбудили ходатайство о выдаче Леониду Воецкому 1500 руб. за перевод дознания с английского языка на русский, а суд определил 750 р.

Прошу Ваше Высокоблагородие сообщить сведения на скольких листах было это дознание и почему Вами определена столь высокая плата за перевод этого дознания.

И.д. Председателя Суда: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 117.

Документ № 760.

Протокол допроса

1919 года Мая 7 дня, в г. Баку Судебный Следователь Бакинского Окружного Суда по наиболее важным делам Рожанский допрашивал нижеподписанных в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. уст. Уг. Суд. и они показали:

Зовут меня **Фатьма Ханум Мамед кызы Тагиева, 18 лет, жительница г. Шемахи, магометанка, не судима, временно проживаю в г. Баку в д. № 70 по Балаханской ул.**

Спустя приблизительно дней пять после мартовских событий в Баку несколько мусульманских семей на 12 фаэтонах выехали из г. Баку, направляясь каждый в свое селение. В числе выехавших была и я, моя тетка Бика Ханум Рзаева, жит. в д. № 70 по Балаханской ул., мой двоюродный брат Гусейн Ага Рзаев, ныне умер, моя двоюродная сестра Беюк Ханум Рзаева, жит. в д. № 70 по

Балаханской ул. и мой родной брат Али Гасан Тагиев, жит. ныне в д. 70 по Балаханской ул. Мы направились в гор. Шемаху. До сел. Арабшахверды все мы поехали совершенно спокойно и без всяких приключений. В сел. Арабшахверды мы переночевали и рано утром выехали, причем, по дороге между селениями Арабшахверды и Мараза Шемахинского уезда, когда мы начали подниматься в гору, то человек десять армянских солдат, вооруженных ружьями нас остановили, приказали нам обождать, сказав, что они пошлют за каким-то комиссаром или делегатом. Все мы подчинились этому приказанию. Спустя около часу времени к нам на дорогу явился верхом Степан Лалаев, а за ним масса армянских солдат, как верхом, так и пешие. Мы все стали просить Степана Лалаева нас отпустить, но он заявил, что ни за что никого не отпустить и стал всем распоряжаться. Лалаев приказал всем нам выйти из фэзтонов и разделиться на две группы – женщины с маленькими детьми в одну группу, а мужчины в другую. После сего Лалаев приказал солдатам нас всех обыскать, причем если солдаты у кого-либо находили деньги или золотые и другие драгоценные вещи, то таковые отдавали тут же Степану Лалаеву, который ограбленные таким образом деньги и вещи клал в бывшую у него черную охранную сумку. У меня лично отобрали тогда: золотые серьги, которую у меня вынули из ушей, а также золотой медальон на золотой цепочке, золотой браслет, золотые дамские с золотой цепочкой часы и несколько ниток жемчуга. Все эти вещи были у меня в узелке спрятаны за корсетом. Все отнятые у меня вещи я сама отдала обыскивавшим солдатам, так как еще перед обыском сам Лалаев приказал всем нам отдать деньги и драгоценности, предупредив, что если кто что-либо скроет и не отдаст, а потом будет у него найден, то тут же будет убит. У моей тетки Бики Ханум Рзаевой таким же способом были отобраны около 16 тысяч наличных денег и много драгоценных вещей, от ныне уже покойного Гусейн Ага Рзаева были взяты около 5000 руб. наличными деньгами. Бююк Ханум Рзаева, как малолетняя, про себя ни денег, ни драгоценностей не имела, у моего брата Али Гасана Тагиева были отобраны 25 тысяч рублей. После ограбления Лалаев приказал всем сесть в фэзтоны и нас повезли в расположенное около 2-х верст от места ограбления селение Маразу, где нас всех поместили в одном доме, отделив мужчин и женщин.

Продержали нас таким образом в заключении 18 дней, в продолжении которых нас очень плохо кормили, давали всего лишь около 1½ фунта хлеба на человека и то не каждый день. Купить себе припасов мы не могли, так как все деньги у нас были отобраны. Почти ежедневно наших мужчин отводили в подвал и там подвергали побоям – как сам Степан Лалаев, так и его солдаты. Неоднократно в женское помещение приходил сам Степан Лалаев с солдатами, Лалаев указывал на некоторых из нас – женщин и приказывал идти куда-то с ними; женщина идти не хотела и тогда солдаты по приказанию Лалаева, подвергали этих женщин ударам нагайками. Кажется на 5-й день нашего заключения к нам явился Лалаев в сопровождении своих солдат, выбрал трех девушек: 18 летнюю Тафту, фамилии ее не знаю, она из Карабаха, 15 летнюю

и 17 летнюю девушек из Шемахи, как их фамилии, не знаю, и приказал им идти вместе с ним с солдатами; девицы эти добровольно не хотели и тогда солдаты сильно увели их из нашего женского помещения. Придержали этих трех девушек где-то дня два, а затем они вернулись и рассказали нам, что все они подверглись насилчанию, причем их насильовали сам Лалаев и его солдаты. Все эти три девушки умерли - две первые еще в селении Мараза, а третья, 17 летняя, в г. Баку спустя всего несколько дней после возвращения нашего из сел. Маразы. Сам Степан Лалаев уговорил меня пойти с ним вместе, говоря, что возьмет меня в жены. Я идти с ним отказалась; Лалаев, прося меня пойти с ним, обещал мне прислать европейский костюм (я тогда была в татарском платье). На другой день по распоряжению Комиссара к женскому помещению была поставлена молоканская стража и тогда девушек больше уже не уводили. На пятнадцатый день нашего заключения все наши мужчины, за исключением двух стариков, моего брата Али Гасана Тагиева, двоюродного брата Гусейн Ага Рзаева и еще нескольких человек, увел Лалаев под конвоем в г. Шемаху; с тех пор все увиденные мужчины бесследно пропали. На 18-й день заключения нас оставшихся в сел. Маразы отправили под конвоем в г. Баку.

У меня был брат доктор Мамед Таги Тагиев, который, насколько помню, в субботу 17 марта часу в четвертый дня, но еще до момента начала в этот день мартовских событий, ушел из дому, сказав, что пойдет на собрание социалистов, каковым он считал и себя, в доме Мургуза Мухтарова⁶¹, где расположен в Баку этот дом, мне неизвестно. Тетка моя Бика Рзаева может указать этот дом. На другой день брат позвал к телефону, а в это время мартовские события были уже в полном разгаре, и просил нас не беспокоится о нем, сказав, что он находится у Мургуза Мухтарова, однако брат не приходил и когда после мартовских событий тетя Бика Рзаева и ее брат Хаджи Халил пошли в дом Мургуза Мухтарова справиться о судьбе пропавшего брата, и им тогда какая-та русская женщина и дворяная дама (фамилии этих лиц мне неизвестны) сказали, что моего брата убил Степан Лалаев. Через несколько дней труп брата вместе с трупами других мусульман были найдены в Черном Городе. У брата в действительности оказались на груди одна пулевая рана и три штыковых в разных частях тела.

Показание мне прочитано.

Подпись: Фатъма Ханум Тагиева.

Судебный Следователь: Рожанский.

II. Зовут меня **Бика Ханум Рзаева, 35 лет, жительница гор. Шемахи, магометанка, неграмотна, не судима, живу в Баку, в д. № 70 по Балаханской улице.**

Я вместе со своей племянницей Фатъмой Мамед кизы Тагиевой вместе с другими моими родственниками, а также некоторые другие мусульманские семьи, на 12 фаэтонах, спустя несколько дней после мартовских событий, выехали из г. Баку, направляясь в г. Шемаху.

Несколько дней мы ехали совершенно благополучно и беспрепятственно, но когда рано утром после ночевки в сел. Арабшыхлы мы двинулись в дальнейший путь и поднимались в гору, мы были остановлены вооруженными армянскими солдатами, которые о нашем проезде сообщили в расположенном в расстоянии около 2-х верст от места нашего задержания селение Маразу, откуда прибыл Степан Лалаев верхом в сопровождении конных и пеших солдат. Лалаев приказал всем нам выйти из фаэтонов и приступил к обыску, предварительно разделив нас на две группы – женщин и мужчин, и предупредив, что если кто-либо из нас что-либо скроет и при обыске не отдаст требуемых денег и драгоценностей, то будет убит. После сего солдаты, под непосредственным наблюдением самого Лалаева, тали всех обыскивать и отнимаемые у нас деньги и драгоценности передавали Лалаеву, который ограбленное имущество бросал себе в сумку. На окончании обыска и ограбления, мы были посажены в фаэтоны и под конвоем препровождены в сел. Маразу, где нас отдельно мужчин и отдельно женщин и малых детей поместили в одном доме. Продержали нас в этом доме в заключении 18 дней. Почти ежедневно наших мужчин подвергали в подвале побоям плетью; били без всякой вины, а просто лишь потому, что мусульмане. Бил и сам Лалаев, бил по его приказанию и его солдаты. Это нам- женщинам было известно потому, что мы слышали крики избиваемых мужчин, а кроме сего об этом при случайных встречах сообщали и сами мужчины. Женщины тоже подвергались ударам плетью, как со стороны самого Лалаева, так и по его приказанию со стороны его солдат. Били женщин за то, что они отказывались следовать куда-то, очевидно, в какое-либо отдельное помещение, по требованию Лалаева. Женщины не хотели идти с Лалаевым, они догадывались для какой цели их приглашают. Однако несмотря на сопротивление через несколько дней после нашего заключения от нас из женского помещения были уведены три девушки, которых продержали где-то несколько часов и которые вернулись к нам совершенно измученные и затем рассказали нам, что они подвергались грубому насилию как со стороны самого Лалаев, так и его солдат. Эти все три девушки спустя дня два, умерли в том же селении Маразы. Я забыла сказать, что у меня лично были отняты 10 тысяч рублей наличными деньгами и много драгоценных вещей. На пятнадцатый день заключения наших мужчин, за исключением двух стариков и еще нескольких человек, Лалаев под конвоем куда-то увел, как тогда говорили, в Шемаху. Куда именно были отведены наши мужчины, я не знаю, но только они с тех пор бесследно пропали. Спустя три дня мы, оставшиеся в селении Маразы, под конвоем были отправлены в г. Баку, причем нас довели до Шемахинского караван-сарая и потребовав от всех нас 6000 руб. извозчика, нас отпустили. Показание мне прочитано и переведено на татарский язык. Свидетельница неграмотна.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

III. Зовут меня **Мелек Ханум Абдул Халык кизы, 30 лет, жительница г. Шемахи, мусульманка, неграмотна, не судима, живу в Баку по Верхней Таза- Пирской ул., в д. № 34.**

Я, по примеру некоторых мусульманских семей, через несколько дней после мартовских событий в г. Баку выехала из г. Баку в г. Шемаху с нижеследующими своими родственниками: дочерью брата моего мужа Ниса Ханум Джафар-Кули кизы, 15 лет, сестрою последней Хадиджа Джафар-Кули кизы, 20 л., и двумя другими сестрами: Солтан Ханум Джафар-Кули кизы, 18 лет, и Тоффа Садах кизы, 12 лет, а также Магеррамом Садах оглы, Самедом Гусейн оглы, 20 л., Мамедом Али Кербалай Ширин оглы, 40 лет и Джафаром –Кули Молла Джафар оглы, 50 лет. Когда рано утром мы после ночевки выехали из селения Арабшахверды и поехали по дороге нашей, поднимаясь в гору, то все наши 12 фаэтонов были остановлены караульными вооруженными армянскими солдатами, которые о нашем задержании сообщили в ближайшее селение Маразу, откуда приблизительно час времени, прибыл верхом Степан Лалаев, в сопровождении отряда конных и пеших вооруженных армянских солдат. По приказанию Лалаева мы вышли из фаэтонов, разделились на две группы – мужчин и женщин с малыми детьми, затем обысканы и все дочиста ограблены. Лалаев брал наличные деньги и драгоценные вещи, которые и бросал в имевшуюся при нем сумку. После ограбления, по приказанию Лалаева, мы снова сели в фаэтоны и были привезены в сел. Маразу, где нас, отдельно женщин от мужчин – разместили в один дом. В продлении нашего заключения почти ежедневно по вечерам наших мужчин водили в подвал, где сам Лалаев, и по его приказанию и его солдаты били мужчин плетками. Били лишь за то, что они мусульмане; крики избиваемых доносились до нас, а кроме того и сами мужчины при случайных с ними встречах говорили об избивении их. Кормили нас скудно – горячей пищи не давали, давали лишь около 1/2 фунта черного хлеба на человека. За неимением собственных денег мы не могли покупать себе съестных припасов. В наше женское помещение неоднократно с солдатами явился Степан Лалаев, указывая на некоторых из нас и приказывал следовать за ним; в случае же отказа женщина подвергалась ударам плетью. Меня лично таким образом побил плетью сам Лалаев. Однажды, кажется это было на пятнадцатый день нашего заключения, явился Лалаев с солдатами, выбрал трех девушек. Хадиджу Джафар-Кули кизы, Солтан Ханум Джафар-Кули кизы и Таффа Садах кизы, и приказал им за ним следовать, девушки

отказались, но жесткою силою были уведены, а когда через несколько часов возвратились, то были измучены, в крайне подавленном состоянии и рыдая, нам рассказали, что их изнасиловал Лалаев и его приближенные, девушки жаловались на боль в нижней части живота, панталоны и соответствующие нижним органам части рубашек были запачканы каплями крови. Все эти три девушки – мои родственницы, не перенеся позора и нравственного истерзания спустя дня два после изнасилования умерли и там же в сел. Маразы похоронены; похоронили их наши мужчины под конвоем и наблюдением Лалаевских солдат. На пятнадцатый день заключения все наши мужчины, за

исключением четырех человек – были Лалаевым под конвоем уведены, как тогда говорили, в Шемаху. Действительно ли они были уведены в г. Шемаху и для какой цели, я не знаю, но только с тех пор все эти мужчины бесследно пропали. Из моих родственников были таким образом уведены: Самед Гусейн оглы, Мамед Али Кербалай Ширин оглы, Гусейн Али Кербалай Ширин оглы и Джафар Кули Молла Джафар оглы. На третий день после увода мужчин нас, оставшихся, отправили под конвоем в г. Баку и, взыскав со всех нас 6000 руб. за извозчиков, нас отпустили. Магеррам Садых оглы месяцев шесть тому назад умер в г. Баку. Показание мне прочитано и переведено на татарский язык.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

IV. Зовут меня **Ниса Ханум Джафар Кули кизы Джафарова, 15 лет, жительница гор. Шемахи, неграмотна, не судима, живу в г. Баку, в д. № 34 по Верхней Тазапирской ул.**

Я сестра умерших в сел. Мараза Хадиджы и Солтан Джафар Кули кизы Джафаровых, которые были изнасилованы Лалаевым и его солдатами. Когда они возвратились от мучителей - насильвателей, то жаловались на боль в нижней части живота. При ограблении у меня лично сам Лалаев отобрал золотой головной убор и пояс во время нашего содержания в сел. Маразы. Лалаев и по его указанию его солдаты били плетями мужчин и женщин. Все мужчины, за исключением 4-х человек, из коих были два старика, на пятнадцатый день нашего заключения были под конвоем уведены Лалаевым в Шемаху и с тех пор уведенные тогда мужчины бесследно пропали. На 18-й день мы, оставшиеся, были отправлены в г. Баку и выпущены на свободу. За проезд из сел. Маразы до гор. Баку со всех нас потребовали 6000 руб.

Показание мне прочитано и переведено на татарский язык. Свидетельница неграмотна.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

IV. Зовут меня **Чешми Гасан Али кизы, 50 лет, жительница селения Магомедлы Бакинской губернии, вероисповедания магометанского, неграмотная, не судима, живу в Баку в д. № 70 по Балаханской ул., и служу кухаркой у Бика Ханум Рзаевой.**

Спустя несколько дней мартовских событий 1918 года в Баку я вместе с семьей госпожи ездила в гор. Шемаху, в которую однако мы не попали, так как по дороге между селениями Арабшахверды и Маразы были задержаны караульными армянскими солдатами и препровождены затем после отнятия у нас на дороге всех денег и драгоценностей, в сел. Маразу, где нас задержали 18 дней, а затем под конвоем отправили в г. Баку. Во время задержания в сел. Маразы Лалаев и его солдаты подвергали мужчин и женщин побоям плетями. Лалаев и его солдаты изнасиловали трех девушек: Хадиджу, Солтан и Таффу, которые, вернувшись после несколько часов пребывания у насильвателей, сами рассказывали, что они подверглись изнасилованию, жалуясь на боли в

нижней части живота. Я сама видела, что по возвращении их от мучителей, панталоны у этих девиц были порваны и имели, также и нижние их рубашки свежие пятни крови.

Меня, как старуху, не били, идти к себе не приглашали и только на дороге во время ограбления сам Лалаев отнял у меня золотые украшения.

Увезенные на пятнадцатый день заключения мужчины бесследно пропали и до сих пор о них не имеется никаких известий. Показание мне прочитано и переведено на татарский язык. Свидетельница неграмотна.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 118-124.

Документ № 761.

М. Ю.

Судебный Следователь

**По Наиболее Важным Делах Округа
Бакинского Окружного Суда**

Рожанский

9 мая 1919 г.

№ 272

Гор. Баку

Дело № 27

Г. Шемахинскому Уездному Начальнику

Прошу Ваше высокоблагородие сообщить мне, в какие именно числа (по старому или новому стилю) в прошлом году в г. Шемахе пребывал и бесчинствовал со своим отрядом Степан Лалаев, убивал и грабил мирных жителей-мусульман, насилуя женщин и поджигая дома, а также прошу сообщить, с какого и по какое число (прошу указать стиль) со своим отрядом и сообщниками весною прошлого года пребывал в сел. Мараза Шемахинского уезда, в какой период времени ими были задержаны на дороге между селениями Арабшахверды и Мараза 12 фаэтонов с выехавшими из г. Баку мусульманскими семействами, препровожденными после ограбления на дороге Степаном Лалаевым в сел. Маразу и выдержанными им в заключении в селение Маразе 18 суток.

Кто именно тогда из представителей административной власти находился в сел. Мараза и где таковой находится в настоящее время.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

Резолюция: Городскому и Габристанскому приставам. Срочно и точно сообщить нужный материал г. следователю.

Уездный Нач.: подпись.

Надпись: Г. Кабристанскому Приставу, для непосредственного исполнения. Сообщаю, что некоторое сведение мною сообщено г. Судебному Следователю.

Мая 27 дня 1919 г.

Вр. и.д. Пристава гор. Шемаха: подпись.

Надпись. Препровождая настоящую переписку г. Судебному Следователю по наиболее важным делам г. Рожанскому, доношу, что 1-го апреля 1918 г. по старому стилю упомянутый здесь Степан Лалаев своим отрядом под видом большевиков, прибыл в сел. Маразы, двинув по направлению к гор. Шемахе, по дороге подверг сожжению в 20 мусульманских селениях дома, в которых он, Лалаев с отрядом ограбил, изнасиловал мусульманок и убивал беспощадно задержанных. Заняв город, он поступил таким же порядком как в мусульманских селениях, не щадя никого.

В мае месяце 1918 г. он, Лалаев, все время находился в Маразах и часто выезжал на фронт по направлению к гор. Шемахе.

В апреле месяце по распоряжению Лалаева задержаны были пассажиры в Маразах, которые ехали из Баку, спасаясь от армян. Пассажиры эти были предварительно ограблены и заключены под стражу, а затем мужчины были перебиты и зарыты недалеко от сел. Маразы в овраге, место похоронения мне лично известно, а женщины их неизвестно куда дели и в то время в Маразах ни какой власти не было, и был назначен большевиками сельский комиссар Факей Игнатов, который ныне умер.

Июля 2 дня 1919 г. № 744.

Кабристанский Пристав: Ширалибеков (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 126-128.

Документ № 762.

Пристав

Города Шемахи

мая 1919 года

№ 485

гор. Шемаха

**Г. Судебному Следователю по наиболее важным делам
округа Бакинского Окружного Суда**

Вследствие отношения Вашего от 9 сего мая № 272, полученного мною при надписи Шемахинского Уездного Начальника от 15 мая за № 1758, сообщаяю, что Степан Балабекович Лалаев со своим отрядом пребывал в городе Шемахе в прошлом 1918 году 18 марта (по старому стилю), где бесчинствовал до наступления турецких войск, т.е. до конца июля месяца.

Давая об этом знать, уведомляю, что отношение Ваше за № 272 мною передано Кабристанскому Приставу, для непосредственного исполнению надписью от сего числа за № 485.

Вр. и.д. Пристава: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 125.

Документ № 763.

М.Ю.

**Прокурор
Азербайджанской Судеб-
ной
Палаты
1 июня 1919 г.
№ 395**

**Срочное
Арестантское**

Г. Прокурору Бакинского окружного суда

Вследствие личного поручения Г. Министра Юстиции, поручаю Вам сделать распоряжение о переводе содержащегося в Бакинской Центральной тюрьме арестанта Степана Лалаева в Ганджинскую тюрьму.

Прокурор палаты: Кричинский (подпись).

ГА АР, ф. 700, оп. 3, д. 2, л. 16.

Документ № 764.

М.Ю.

**Прокурор
Бакинского Окружного Суда
4 июня 1919 г.
№ 30**

Арестантское

**Господину Прокурору Азербайджанской
Судебной Палаты**

Вследствие предписания от 1 сего июня за № 395, имею честь донести Вашему Превосходительству, что арестант Степан Лалаев вчера 3 июня со скорым поездом в сопровождении надлежащей охраны препровожден в Ганджинскую тюрьму для дальнейшего его там содержания.

Прокурор суда: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 700, оп. 3, д. 2, л. 22.

Документ № 765.

М.Ю.

**Прокурор
Копия
Бак. Окр. Суда
Секретно
17 июня 1919 г.
№ 29 г. Баку**

Г. Начальнику Гянджинской Губернской тюрьмы

Препровождая при сем арестанта Степана Лалаева, поручаю Вам принять и содержать его под стражей в отдельном вполне изолированном помещении,

не допуская выпуска его на прогулки с другими арестантами и вообще иметь за ним бдительный надзор.

О прибытии Лалаева мне сообщить.

Прокурор суда: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.219.

Документ № 766.

Г. Судебному Следователю Рожанскому.

В виду того, что дело о разбоях, совершенных шайкою Лалаева в Шемахе, находится в производстве Вашем, настоящее прошение препровождаю Вам на распоряжение к делу.

17 июня 1919 года, гор. Баку.

За Прокурора Суда: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л.129.

Документ № 767.

**Господину Прокурору
Бакинского Окружного Суда**

Жителя гор. Шемахи, студента Технического
Училища Султан-Мурада Алиева

Прошение

Во время мартовских 1918 года в Шемахе событий обще-принадлежащий мне и брату моему Али-Султану Алиеву дом во второй части Шемахи в отделении Имамлы, армянами сожжен, все же имущество наше, бывшее в том доме, разграблено, расхищено и сожжено. Как занимающиеся торговлею коврами, в числе имущества нашего было до 1600 штук ковров в разных величин. Лишенные дома и всего, что имели до последней нитке, добрались недавно в Баку. Здесь узнал я, что у Ашрафа Ахмедова, проживающего по Верхнее-Тазапирской улице, в собственном доме № 17, хранятся отобранные большевистским военным следственным комитетом от армян вещи, ограбленные последними в Шемахе. Недавно же, благодаря случайности, удалось мне установить, что среди отобранных от армян вещей находятся и некоторые вещи, принадлежащих нам. По этому поводу мною было подано прошение г-ну Бакинскому Полицеймейстру за № 5223 с просьбой разрешить опознать свои вещи и по удостоверении действительности принадлежности мне опознанных вещь судом вернуть их мне. На мое прошение последовал приказ г-на Полицейместера Приставу 3-го участка: произвести дознание, выдать и довести. Околоточный Надзиратель Елистратов, по распоряжению г-на Пристава, согласно резолюции, произвел дознание, вскрыл в присутствии трех моих нижепоименованных свидетелей и двух понятых дверь комнаты, где хранились вещи и предъявил мне их для опознания.

Мною были опознаны следующие вещи: 55 (пятьдесят пять) штук ковров, 1 (один) палас, 2 (два) одеяла и 1 (одна) подушка. Но г-н Пристав почему то отказался выдать их мне и, даже, отказался передать их кому-нибудь на хранение впредь до выяснения дела судом. Через несколько дней после этого последовал приказ Г-на Министра Признания Ашрафу Ахмедову выдать отобранные от армян вещи Министерству Признания.

Узнав об этом подал я прошение г-ну Министру Признания об оставлении у Ахмедова на хранение опознанных мной вещей впредь до выяснения дела судом, на что и последовало согласие г-на Министра и вещи эти были переданы Ахмедову на хранение. В это же время приставом прошение мое с протоколом дознания и вскрытия было отправлено обратно в Полицеймейстеру. На этот раз рассмотрев мое дело, Полицеймейстер отправил обратно Приставу прошение с новой резолюцией: предъявить опознанные вещи свидетелям и, в случае опознания и последними, передать их более надежному и не заинтересованному лицу на хранение вперед до выяснения дела судебным порядком. Для исполнения приказа Приставом был командирован околоточный надзиратель к Ахмедову. Дверь вторично была вскрыта при трех моих же свидетелях и двух понятых и вещи были предъявлены свидетелям, которые вторично признали эти вещи, принадлежащими мне. Но теперь Ахмедов, ссылаясь на то, что эти вещи уже переданы ему Министерством Признания на хранение, отказался выдать их, о чем был составлен протокол, где и расписался сам Ахмедов. Эти документы опять были отправлены приставом Полицеймейстеру для сведения. Недавно ж я узнал, что мое прошение с полицейскими дознаниями г-ном Полицеймейстером отправлено, вместо следователя, Министру Признания на распоряжение.

Поэтому покорнейше прошу Вас направить это дело к следователю для производства следствия и, в случае удовлетворения действительности принадлежности мне вышеозначенных опознанных мною вещей судом, сделать распоряжение о выдаче мне таковых.

Мои свидетели: 1. Мамед Ибрагим бек Ибрагимбеков, Почтовая ул., ту-пик № 7, дом. № 2;

2. Мешади Меджид Абасов, Сураханская ул., д. № 56;

3. Шахбала Бабаев, Верхнее-Тазапирская ул., д. № 43;

Мой адрес: Верхнее-Тазапирская ул., д. № 17;

Султан-Мураду Алиеву. Подпись С.М. Алиев.

14 июня 1919 года., гор. Баку.

Резолюция: 1. В виду того, что дела о разбоях, совершенных шайкой Лалаева в Шемахе, находятся в производстве

2. г. Суд.- Следователя Рожанского – наст. прошение передать на распоряжение его в д. к делу,

3. о чем ответить просителю.

14 июня 1919 г. № 361.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 130-131.

Документ № 768.

Протокол допроса

1919 года, Июля 4 дня, в г. Баку

Судебный Следователь Бакинского Окружного Суда по наиболее важным делам Рожанский допрашивал нижепоименованного в качестве потерпевшего с соблюдением 443 ст. уст. Уз. Суд. и он показал:

Зовут меня **Султан Мурад Алиев, 23 лет, житель гор. Шемахи, вероисповедания магометанского, грамотен, судим не был, живу в г. Баку, в д. № 17 по Верхнее Тазапирской ул.**

После смерти отца в 1915 году наследниками по духовному завещанию стали я и мой старший брат Али Султан Алиев, который в прошлом 1918 году в апреле месяце умер и ныне являются наследниками оставшегося после смерти нашего отца имущества я и две малолетние сыновья моего умершего старшего брата Али султана Алиева. По наследству от отца нам кроме разного прочего имущества остался дом в гор. Шемахе и ковровый - мануфактурный магазин, в котором в последнее время, т.е. до мартовских событий 1918 года я фактически распоряжался всем, как единственный хозяин. 22 марта 1918 года в виду надвигающихся событий я со всем семейством выбыл из г. Шемахи в г. Геокчай, а затем в г. Баку. Когда в г. Шемаху вступили армянские банды, то наш дом был сожжен, а все имущество разграблено. Уезжая из г. Шемахи, я для охраны дома и магазина оставил нашего слугу Сулейман Гамид оглы – жителя селения Джабани Шемахинского уезда, который бежал при приближении армянских банд.

В доме и в магазине у нас были на продажу около 1600 ковров разной величины и разной стоимости. Все ковры были местного Шемахинского производства. Часть награбленного армянами в Шемахе имущества принадлежащего разным людям, и в том числе и мне, были отобраны у армянских банд большевистской Чрезвычайной Следственной Комиссией и сданы на хранение Ашраф беку Ахмедову, жит. в г. Баку в д. № 17 по Верхнее-Тазапирской ул. Среди этого имущества я опознал за мне принадлежащие 55 ковров, из коих два больших, а остальные маленькие, один палас и две подушки и одно одеяло, всего на сумму около 13.000 руб. Я прошу возвратить мне это имущество. Принадлежность этого имущества именно мне могут удостоверить: Мамед Ибрагим бек Ибрагимбеков, жит. в д. № 2 в тупике № 7, по Почтовой ул.; Шахбала Гафар оглы, жит. по Верхнее-Тазапирской ул., д. № 43; Мешади Меджид Абасов, жит. в д. № 56 по Сураханская ул.;

Я знаю также, что наш дом сожжен и наше имущество разграблено армянскими бандами, но принимал ли какое-либо участие в этих преступлениях Лалаев со своей шайкою или нет, мне неизвестно. Показание мне прочитано.

Подпись: С.М.Алиев.

Судебный Следователь: Рожанский.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 132.

Документ № 769.

Протокол допроса

1919 года, Июля 7 дня, в г. Баку

Судебный Следователь Бакинского Окружного Суда по наиболее важным делам Рожанский допрашивал нижепоименованных в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. уст. Уг. Суд. и они показали:

Зовут меня **Ших-Бала Гафар оглы Бабаев, 28 лет, жит. сел. Чобаны Шемахинского уезда, вероисповедания магометанского, неграмотен, судим не был, живу в Баку в доме № 43 по Верхнее-Тазапирской ул., с участвующими в деле лицами ни в каких особых отношениях не состою.**

Я у Алиевых прослужил около 12 лет в гор. Шемахе по торговле их коврами: я по уполномочии Алиевых закупал и покупал партиями ковры. Мне в гор. Баку в д. № 17 по Верхнее Тазапирской ул. показывали несколько ковров, и я их признал за принадлежащие ныне Султану Алиеву.

Я, как хорошо знавший товар Алиева могу при предъявлении мне ковров безусловно узнать, принадлежат ли эти ковры Алиеву или же нет. Из г. Шемахи я выехал в виду тревожных слухов раньше самого Султана Алиева и еще до наступления в гор. Шемахе армянских банд. Кому принадлежат упоминаемые Султаном Алиевым палас, подушка и одеяла, я не знаю. Показание мне прочитано и переведено на татарский язык. Свидетель неграмотен.

Переводил: подпись.

Судебный следователь: Рожанский (подпись).

II. Зовут меня **Мамед Ибрагим бек Ибрагимбеков, 21 года, житель гор. Шемахи, вероисповедание магометанское, грамотен, не судим, живу в д. № 2 в 7 тупике по Почтовой ул., с участвующими в деле лицами ни в каких особых отношениях не состою.**

В прошлом году в виду распространившихся тревожных слухов я для большей безопасности еще до вступления в гор. Шемахе армянских банд переселился к своему товарищу Султану Алиеву, у которого, как у торговца коврами, я видел много ковров. Когда в г. Баку мне предъявили ковры, опознанные Алиевым за похищенные у него из его дома и магазина в г. Шемахи, то я опознал три маленьких ковра, которые мне запомнились, когда я проживал у Алиева. Кому именно принадлежат другие опознанные Алиевым ковры, мне неизвестно. Показание мне прочитано.

Подпись: Ибрагимбеков Мамед Ибрагим бек.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

III. Зовут меня **Мешади Меджид Абас оглы, 33 лет, жит. гор. Шемахи, вероисповедание магометанское, неграмотен, судим не был, живу в Баку в д. № 6 по Сураханской ул., с участвующими в деле лицами ни в каких особых отношениях не состою.**

Я в семье Алиевых был слугой, а моя мама служила у них кухаркой. К магазину я никакого отношения не имею, а потому не могу сказать, какие ковры были

в магазине. Я мог бы опознать лишь те ковры, которые хранились у Алиевых в их квартире.

Показание мне прочитано и переведено на татарский язык. Свидетель неграмотен.

Переводил: подпись.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 133-134.

Документ № 770.

Протокол

1919 года, Июля 9 дня.

Судебный Следователь Бакинского Окружного Суда по наиболее важным делам Рожанский составил настоящий протокол о нижеследующем:

Сего числа прибыл в г. Баку в квартиру в д. № 17 по Верхне-Тазапирской ул. Ашрафа Ахмедова, где хранятся опознанные Султан Мурадом Алиевым 55 ковров, один палас, два одеяла и одна подушка. Описанное имущество, за отсутствием самого Ашрафа Ахмедова, предъявила супруга последнего Шейда Ханум Ахмедова. Большая часть имущества, а именно 49 разной величины ковров, два одеяла, палас и подушка оказались сложенными в отдельной незапертой комнате, а остальные 6 ковров оказались застланными в двух комнатах квартиры Алиева. По предъявлении всех 55 ковров, паласа, двух одеял и одной подушки султан Мурад Алиев все вышесказанное имущество признал за свое похищенное у него армянскими бандами из его дома и магазина в гор. Шемахе во время нападения весной прошлого 1918 года армянских банд в Шемаху.

Ших Бала Гафар оглы из предъявленного ему вышесказанного имущества признал за принадлежащие Султану Мураду Алиеву 39 ковров, причем опознавая эти 39 ковров, называл то селения Шемахинского уезда, в котором каждый из ковров изготовлен, а также заявил, что он знал только те ковры, которые находились в магазине Алиева и, что прочие ковры, быть может также принадлежат Алиеву, но они не находились в магазине, а потому он и не может их точно опознать, то же самое Бабаев заявил и относительно паласа, двух одеял и подушки.

Мешади Ибрагим бек Ибрагимбеков из ковров узнал только три ковра, которые он, проживая у Алиева, видел и которые запечатлены у него в памяти.

Мешади Меджид Абас оглы опознал все ковры, хранившиеся в квартире Алиева, в количестве 16 ковров, несколько ковров, находившихся в магазине Алиева, а также опознал принадлежавшие Султану Алиеву один палас, два одеяла и подушку.

При вышеизложенном присутствовали супруга Ахмедова Шейда Ханум Ахмедова, понятые: Казанфар Ахмедов и Виктор Сигизмундович Якшевский, а также член Азербайджанского Парламента Риза бек Агабеков⁶².

Протокол прочитан присутствовавшим.

Подписи: Ибрагимбеков.

Бабаев и Меджид Абас оглы неграмотны.

Понятые: подписи.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл.134 об. - 135

Документ № 771.

Постановление 1919 года, Июля 9 дня.

Судебный Следователь Бакинського Окружного Суда по наиболее важным делам Рожанский, рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание, что ковры, палас, два подушки и одеяла опознаны безусловно Султаном Мурадом Алиевым, а также часть опознанного Алиевым имущества опознана Бабаевым, Меджидом Абас оглы и Ибрагимбековым, причем последними приведены раздельные и правдоподобные объяснения, почему ими могли быть опознаны таковые части имущества, что при вышеизложенных условиях не возникает сомнения в действительной принадлежности всего имущества, а именно 55 ковров, одного паласа, одной подушки и двух одеял Султану Мураду Алиеву, что особой надобности в приложении названного имущества к делу в качестве вещественного доказательства не встречается, руководствуясь 345 ст. У.У.С., **Постановил:** опознанное Султаном Мурадом Алиевым имущества, находившееся в д. № 17 по Верхнее-Тазапирской ул., а именно 55 ковров разной величины, одного паласа, два одеяла и одну подушку возвратить по принадлежности под расписку Султану Мураду Алиеву.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 135.

Документ № 772.

Расписка

Я, нижеподписавшийся Султан Мурад Алиев, даю сей расписку Судебному Следователю Бакинського Окружного Суда по наиболее важным делам Рожанскому в том, что опознанные мною и находившиеся в д. № 17 по Верхнее-Тазапирской ул. 55 ковров разной величины, один палас, два одеяла и подушку обратно получил.

9 Июля 1919 года.

Подпись: С.М.Алиев.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 135 об.

Документ № 773.

Надпись:

Настоящее дело 30 сентября 1919 г. сдал.

Судебный Следователь: Рожанский (подпись).

Принял: судебный Следователь: Викторов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 135 об.

Документ № 774.

**Господину Судебному Следователю по наиболее важным делам
при Азербайджанской Судебной Палате**

проживающих в гор. Баку, Персидская, 48,

- 1) Ульфет Ханумы, 2) Абдул –Агада, 3) Ахмеда –
Искендеровых, 4) Сари и 5) Сафури Алиевых,
6) Кулама Акимова и 7) Юсуфа Бахишева

Прошение

В прошлом году в гор. Шемахе Степаном Лалаевым и его отрядом были ограблены все наше движимое имущество, а недвижимое были подожжены. Часть из нашего имущества, т.е. ковры наши хранятся в гор. Баку в Министерстве Признания и торги на продажу их Министерством назначены на 31-ое сего октября.

Мы покорнейше просим Ваше Высокородие сделать надлежащие распоряжение о приостановлении торгов и о возвращении нам наших ковров, которые будут установлены как свидетельскими показаниями, так и указанием нами отличительные признаки наших ковров.

У нас были разграблены:

- 1) У Ульфет Ханумы: а) Халича – 50 штук, б) Гябы – 32 шт., в) Хали- 3 шт;
2) У Абдул Агада и Ахмеда Аги: Халича 110 шт., б) Гяба- 32 шт, Хали – 1 шт.

Кроме этих ковров у Абдул Агада и Ахмеда Аги были унесены громилами Гяба и Халича количеством 400 шт., наличность последних объясняется тем. Что они занимались куплей и продажей ковров.

3) у Сари: а)Халича 60 шт. Гябы- 12 штук. и Хали 6 шт.

4) у Сафуры: Халича 34 шт. Гяба 2 шт.

5) у Кулама Акимова: Халича 80 шт. Гяба 14 шт. и Хали 1 шт.

6) у Юсуфа Бахшиева: Халича 24 шт. Гяба 5 шт. Кянара 4 шт. Палас 5 шт. и Джеджим 2 шт.

Свидетели, равно отличительные признаки наших ковров будут указаны дополнительно.

Подачу сего прошения доверяем Гусейн заде.

30 октября 1919 года, гор. Баку.

За неграмотностью Ульфет Ханум, Сары Ханум и Сафура Ханум расписался: Ашраф Гаджи Гамид Ибрагим оглы (арабскими буквами).

Подписи: Юсуф Бахшиев, Абдул Ахад и Кулам Акимов (арабскими буквами).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 136.

Документ № 775.

Постановление

1919 года, Октября 30 дня.

Судебный Следователь по наиболее важным делам Викторов, рассмотрев настоящее прошение и приняв во внимание, что упомянутые в них ковры разграблены в г. Шемахе отрядом Степана Лалаева, дело о ком имеется в моем производстве, что означенные ковры хранятся в настоящее время в Министерстве Призрения Азербайджанской Республики и предназначены к распродаже на 31 сего октября, как неизвестно кому принадлежащие, а между тем собственниками их являются податели сего прошения, **Постановил:** войти через Прокурора Окружного Суда с представлением в Министерство Призрение для приостановления торгов и выяснения собственников.

Судебный Следователь: Викторов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 137.

Документ № 776.

Азербайджанская Республика

Канцелярия

Министерства Призрения

13 ноября 1919 г.

№ 6818

Г. Баку.

Г. Следователю по наиболее важным делам

Округа Бакинского окружного Суда Викторову

На отношении Ваше от 12 ноября с.г. за № 552 Канцелярия Министра Призрения по поручению г. Министра Призрения сообщает, что торги, назначенные на 31 октября своевременно состоялись и закончены.

Директор Канцелярии: подпись.

Делопроизводитель: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 138.

Документ № 777.

М.Ю.

Копия

Начальник

Елисаветпольской тюрьмы

22 ноября 1919 года

№ 6069

г. Елисаветпол

**Его Превосходительству Прокурору
Бакинского Окружного Суда**

Доношу, что 21 сего ноября содержащийся во вверенной мне тюрьме арестант Степан Лалаев умер, как выяснило полицейско-медицинское вскрытие трупа от паралича сердца.

Начальник Елизаветпольской Губернской Тюрьмы (подпись).

С подлинным верно: Суд. След. Викторов: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, лл. 45 об.-46.

Документ № 778.

М.Ю.

Копия

Начальник

Елизаветпольской тюрьмы

22 ноября 1919 года

№ 6070

г. Елизаветполь

**Его Превосходительству Прокурору
Ганджинского Окружного Суда**

Доношу, что 21 сего ноября содержащийся во вверенной мне тюрьме арестант Степан Лалаев умер, как выяснило полицейско-медицинское вскрытие трупа от паралича сердца.

Начальник тюрьмы: А.Кулиев (подпись).

Верно: Секретарь при Прокуроре Ганджинского Окружного Суда.

ГА АР, ф. 700, оп. 3, д. 2, л. 30.

Документ № 779.

М.Ю.

Прокурор

Елизаветпольского

Окружного Суда

24 ноября 1919 г.

№ 8559

**Господину Прокурору Азербайджанской
Судебной Палаты**

Представляя при сем копию рапорта Начальника Ганджинской губернской тюрьмы от 22 сего ноября за № 6070 о смерти содержавшегося в названной тюрьме и числившегося за Чрезвычайной Следственной Комиссией арестанта Степана Лалаева, доношу Вашему Превосходительству, что произведенным 22 ноября с.г. в присутствии заведывающего местами заключения Товарища моего по службе Стыпинского чрез Ганджинского уездного врача Земана и такового же Нухинского Тер-Осипова медико-полицейским вскрытием установлено, что смерть Лалаева последовала от паралича сердца.

Копия акта медико-Полицейского вскрытия трупа Степана Лалаева мною будет представлена дополнительно.

Прокурор Суда: подпись.

Секретарь: подпись.

Штамп: Прокурор Азербайджанской Судебной Палаты.

30 ноября 1919 года. Вх. № 1625.

Резолюция: Копию с рапортом приобщить к подлежащим делам.

Исп. 7. XII.19.

ГА АР, ф. 700, оп. 3, д. 2, л.29.

Документ № 780.

М.Ю.

Прокурор

Елисаветпольского

Окружного Суда

30 ноября 1919 г.

№ 8773

**Господину Прокурору Азербайджанской
Судебной Палаты**

В дополнение к донесению моему от 24 сего ноября за № 8559, при сем представляю Вашему Превосходительству копию акта медико-полицейского вскрытия трупа арестанта Лалаянца.

Прокурор Суда: подпись.

Секретарь: подпись.

Штамп: Прокурор Азербайджанской Судебной Палаты.

8 декабря 1919 года. Вх. № 1657.

ГА АР, ф. 700, оп. 3, д. 2, л. 31.

Документ № 781.

Копия

Акт

медико-полицейского вскрытия

1919 года Ноября 22 дня, гор. Ганджа.

Вследствие предложения Ганджинского Губернского Врачебного Управления от 21 ноября с.г. за № 4790, мы, нижеподписавшиеся, в присутствии Товарища Прокурора Ганджинского Окружного Суда С.В.Стыпинского, Ганджинского Полицеймейстера А.б.Гаджалибекова и нижепоименованных понятых, сего числа в здании губернской тюрьмы произвели медико-полицейское вскрытие трупа арестанта Степана Лалаянца, скоропостижно умершего в ночь на 21 сего ноября на предмет определения причины его смерти. ...

Мнение: на основании данных наружного и внутреннего исследования необходимо признать, что покойный при жизни страдал расширением сердца с атрофией мускулатуры, обусловившей паралич сердца с летальным исходом; возможно, что атрофия сердечной мускулатуры развилась на почве сифилиса.

Врачи: З.Тер-Осипов, Земан.

Верно:

Секретарь при Прокуроре Ганджинского окружного Суда: подпись.

ГА АР, ф. 700, оп. 3, д. 2, лл. 32-33.

Документ № 782.

Постановление

1919 года, декабря 8 дня.

Судебный Следователь по наиболее важным делам Викторов рассмотрев рапорт Начальника Елисаветпольской тюрьмы от 22 ноября с.г. № 6069 о смерти Степана Лалаева, **Постановил:** настоящее дело на основании ст. 16 Уст.Уг.Суд. в отношении Лалаева прекратить.

Судебный следователь: Викторов (подпись).

На обороте: Треб. След. Геокчайского уч. о допросе свид. 28.І. № 78

Треб. След. Шемахинского уч. о допросе свид. 28.І. № 79.

Шемахинскому Уездному Начальнику.

Допросить Арзуманова, Караогланова, Гюльбандова и др. 29.І. № 81.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 46.

Документ № 783.

Настоящее дело за № 2477⁶³ препровождается г. Товарищу Прокурора Тумбилю для законного направления.

16 декабря 1919 г., г.Баку, № 2477.

И.д. Прокурора суда: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 513, л. 2,7.

Документ № 784.

М.Ю.

**Судебный Следователь
По Наиболее Важным Дела
Округа
Бакинского Окружного Суда
Викторов
27 января 1920 г.
№ 78
Гор. Баку.**

Дело № 10\1920

Г. Следователю Геокчайского участка

На основании 232 ст. У.Н. Прошу Ваше Высокоблагородие, допросить с соблюдением 443 ст. У.Н. в качестве свидетелей 1) жит. сел. Кюрдамир Геокчайского уезда Сафтара Шихюсуф оглы, 2) жит. сл. Араб-Сарван Геокчайского у. Азиза Азизова, 3) ж.с. Араб Мехти-бек Геокчайского у. Махмуд Солтана Касумбекова и 4) ж.г. Геокчай Талыба Абдуллаева, предложив им, кроме обычных, нижеследующие вопросы:

1. Что им известно по поводу бесчинств, насилий, грабежей и убийств, совершенных в Шемахе во время мартовских событий 1918 года, шайкой, руководимой Степаном Лалаевым;

2. Из кого состояла эта шайка и насколько таковая была многочисленной;

3. Кто именно, из лиц, известных свидетелям, кроме Лалаева, был руководителем этой шайки, где таковые лица находятся, и полные их имена, отчество и фамилии.

4. Была ли эта шайка вооружена и чем именно, и представляла ли собой организованный отряд, действующий по своему, либо уполномочию, или дезорганизованную банду грабителей;

5. Что именно было произведено в Шемахе этой шайкой. Пусть свидетели укажут конкретные примеры убийств, насилий, терзаний, грабежей и поджогов с указанием лиц потерпевших - убитых, изнасилованных и т. д.

6. Не укажут ли все эти свидетели лиц, захваченных этой шайкой женщин и мужчин, которым по каким-либо обстоятельствам удалось спастись от смерти, с указанием местожительства и имен;

7. Допросить по обстоятельствам дела тщательно этих лиц, если некоторые из них окажутся проживающими в районе Вашего участка, обратив при допросе особое внимание на выяснение главарей этой шайки, с указанием их имен и обстоятельства, если таковые известны свидетелям;

8. Произвести осмотр сожженных домов, мечетей и т.д., если по указанию свидетелей некоторые из таковых окажутся в пределах Вашего участка.

9. Выяснить у потерпевших, если таковые окажутся в наличности, характер причинения им истязаний, мучений и вообще повреждений;

10. Если представится необходимость в случае сохранения признаков перенесенных потерпевшими страданий, освидетельствовать их через Врача, предложив последнему акт заключения о степени тяжести таковых, и о времени их причинений.

Исполнением не замедлить.

Судебный следователь: подпись.

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 301, лл. 1-2.

Документ № 785.

М.Ю.

**Геокчайский
Следственный участок
января 1920 г.
№ 127**

м. Геокчай, Бакинской губ.

Г. Судебному Следователю г. Викторову

Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что требование ваше от 27\ I. 1920 г. за № 78 мною передано Следователю 1-го Кюрдамирского участка по подследственности 31 января 1920 года.

Следователь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 139.

Документ № 786.

Протокол допроса

1920 года, января 31 дня.

Я, Следователь 1-го Геокчайского участка, допрашивал в качестве свидетеля с соблюдением 443 ст. Ул. Уз. Суд. нижепоименованного, который показал:

Талыб Абдуллаев, 35 л., жит. гор. Геокчай, не судился, грамотен.

В марте месяце 1918 года, числа не помню, я находился в Шемахе, вдруг в одно утро началась перестрелка со стороны армянской части местности Кала-Базар. На третий день перестрелки, я в числе 14 лиц своих товарищей, из них только помню, а именно Касум бек Наджафбекова, проживающего ныне в Баку, видел как Степан Лалаев командовал организованным отрядом около пяти тысяч человек. Отряд этот был вооружен трехлинейными винтовками. Я слышал, как Лалаев приказывал своим солдатам доставлять мусульман к нему живыми, говоря, что он собственноручно будет расстреливать их за кровь отца своего. Около Лалаева были и другие офицеры, но я их не узнал. Отрядом Лалаева Шемаха почти сравнена с землей, было много убитых и много было женщин взято в плен, из коих около 200 женщин были освобождены. Также было и много раненых, имена коих я не помню. Более показать я ничего не имею. Прочитано.

Подпись: Талыб Абдуллаев.

Следователь: подпись.

Надпись: № 127. Судеб. Следователю Викторову.

31 января 1920 г. сообщить о передачи требования его следов. 1-го Кюрдамирского уч. по подследственности.

Надпись: Настоящее требование препровождаю Г.Следователю 1-го Кюрдамирского участка по подследственности.

31 января 1920 г. № 11.

Следователь: подпись.

Надпись: Судебному Следователю по наиболее важным делам, г. Викторову.
25 марта 1920 г. № 259.

Следователь: подпись.

Надпись: Г. Прокурору Бакинского окружного Суда.

В дополнение к делу за № 10 , препровожденному при надписи от 26 февраля 1920 г. т.з. № 171 в порядке 4 и 16 п. 277 т. Уст. Уг. Суд.

Судебный Следователь: подпись.

4 апреля 1920 г. № 293.

Штамп. Судебный Следователь Округа Бакинского окружного суда. 6 апреля 1920 г. Вх. № 101.

Резолюция: Без исполнения за смертью Степана Лалаева.

ГА АР, ф. 2775, оп. 1, д. 301, лл. 3-4.

Документ № 787.

Постановление

1920 года, Февраля 25 дня.

Судебный Следователь по наиболее важным делам Викторов рассмотрев настоящее дело⁶⁴ и находя, что оно возникло по побуждений, проистекающих из национальной вражды, и согласно п. 10 Закона об амнистии, изданному Азербайджанским Правительством 9 февраля с.г. надлежит прекращению,
Постановил: дело сог. 4 и 16 271 ст. У.У.С. и сог. 10 п. Закона об амнистии представить г. Прокурору Окружного Суда об представлении в Ок. Суд с ходатайством о его прекращении.

Судебный Следователь: Викторов (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 140.

**& 2. Дело по обвинению Степана Лалаева
в производстве члена Чрезвычайной Следственной Комиссии
А.Ф.Новацкого**

Документ № 788.

М.Ю.

Начальник Гянджинской

Губернской Тюрьмы

24 августа 1919 года

№ 668

Гор. Гянджа

В Чрезвычайную Следственную Комиссию

Во исполнение отношения от 11-го августа 1919 г. за № 23 сообщаю, что бывший офицер Степан Лалаев содержится во вверенной мне тюрьме с 3 ию-

ня 1919 г. Содержанием числится за прокурором Бакинского Окружного Суда.

Вр. И.д. Начальника тюрьмы: Джафаров (подпись).

Письмовод.: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, л.219 об.

Документ № 789.

Протокол допроса обвиняемого

1919 года сентября 9-го дня, г. Гянджа.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии при Азербайджанском Правительстве Новацкий допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением 403-407 ст. Уст. Уз. Суд. и он показал:

ВОПРОСЫ :

ОТВЕТЫ :

Имя, отчество и фамилия	Степан Балабекович Лалаев
Возраст	27 лет
Место рождения	гор. Шемаха
Место приписки	там же
Место жительства	гор. Баку
Рождение	законное
Звание	дворянин
Народность	Армянин
Религия	Армяно-григорианское
Грамотность	Грамотный
Семейное положение	холост
Занятие	офицер
Степень имущественного обеспечения	имею недвижимость
Отношение к потерпевшему	чужой
Судимость	не судился
Особые приметы	четыре рубца от заживших ран

По существу взведенного на меня обвинения показываю следующее:

Я не признаю себя виновным в обвинении, изложенном в прочитанных мне докладе члена Комиссии Новацкого «о разгроме города Шемахи» и в постановлении Чрезвычайной Следственной Комиссии от 12 июля 1919 года, т.е. в преступлениях, предусмотренных 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453 и 1607 ст. Ул. о Наказ. В оправдание свое показываю:

Организацией нападения на гор. Шемаху и вообще на Шемахинский уезд занимался Шемахинский Комитет Землячества в Баку, который собирал на эту цель средства, главным образом деньги. По требованию этого комитета я внес свою «лепту», как и другие, и этим ограничилось мое участие в организации

отряда. Членов этого Комитета не знаю, и назвать не могу. Не принимал я также и активного участия в нападении на Шемаху и разгроме ее, а также во всех зверских убийствах и поджогах, в которых меня обвиняют, потому что тогда, когда было совершено нападение на Шемаху, т.е. 18 марта и приблизительно до конца марта я находился в гор. Баку. Это обстоятельство могут удостоверить: 1) Александр Константинович Леонтович⁶⁵, 2) Гаджи Зейналабдин Тагиев, у которого я был с дашнакцаканом «Леоником» 19 или 20 марта и поставили охрану около его дома, 3) Амбарцум Сергеевич Меликов⁶⁶, два его брата, из коих одного зовут Тиграном, и два его сына Георгий и Сергей (площадь Свободы, собст. дом), 4) Теймур-бек Ашурбеков с женой, 5) Али-Аббас бек Ашурбков с женой, которых я привез на автомобиле в дом Меликова для безопасности, 6) вдова Мусы Нагиева⁶⁷, которая вручила мне своего мужа, которого я отвез вместе с прапорщиком Николаем Александровичем Хубовым (Парапет, дом Лалаева) и с шофером Мусы Нагиева, по имени и фамилии мне неизвестным), 7) принц Мансур Каджар⁶⁸, полковник, который тоже видел меня в доме Меликова, 8) Шемахинец Гаджи Солтан (маклер), которого по его просьбе в день заключения мира я отвез в наш пассаж, 9) Герасим Меликов (дом Мусы Нагиева), 10) Управляющий гост. «Метрополь» Иван Иванович, по фамилии мне неизвестный, и два его компаньона, из коих одного зовут Степан, 11) доктор Петросян, 12) Михаил Александрович Калабов с женой (Армянская ул, собст. дом), 13) Председатель бюро «Дашнакцутюн», кажется, Татосов, 14) Председатель Армянского Национального Совета Абрам Гюльхамданянц, 15) арендаторша гост. «Европа» Шарполже с дочерьми, и ее прислуга и экономка, 16) арендаторы нашего пассажа в Баку: Нерсес Багдасаров (парикмахер), Ованесов (портной), Вартанова (дамская портниха) и др.

Только в конце марта 1918 года, когда из г. Баку выступил в Шемаху второй отряд под начальством Татевоса Амирова, тогда я на санитарном фургоне с доктором Мамиконовым выехал из Баку в сел. Хильмили (Козлы-Чай), где оставался в течение нескольких дней, а отряд пошел в Шемаху. Когда получили известие, что Шемаха уже занята армянскими войсками, я с доктором Мамиконовым и одним студентом поехали на фэртоне в Шемаху. Когда я прибыл туда, то армянская часть города была уже сожжена, а мусульманская часть горела. В Шемахе я оставался всего три дня и лежал больной в своем доме, который тогда был еще цел. Когда я уезжал, то здание моего дома оставалось целое. Когда сожгли мой дом, не знаю. Его взорвали сами армяне по приказанию своих народных комиссаров, именно: Казарова, Амазаспа⁶⁹, Татевоса Амирова и Корганова⁷⁰.

До мартовских событий я последний раз был в Шемахе до большевистского переворота, когда комиссаром был Азад-бек Коджаманбеков, точнее могу определить время так, когда Самвел Долиев в пьяном виде разбил стекло в аптеке Супавы. Я возил туда родного своего брата Александра и двоюродного брата Владимира Наджарова на комиссию для освидетельствования. Исправ-

лю, что Казаров не был членом Комитета, он был мобилизован, как много других офицеров, военным министром Коргановым. Добавлю, что я никакого отношения к отряду Амирова не имел. Это могут удостоверить тогдашний комиссар сел. Маразы-русские, по фамилии мне неизвестный, что в наступлениях этого отряда никакого участия не принимал, как напр., в первом наступлении на сел. Маразы - мусульманское. Более показать не имею. Читано.

Подпись: С.Лалаев.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Мера пресечения - содержание под стражей в Гянджинской тюрьме мне объявлена.

Подпись: С.Лалаев.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 220-223.

Документ № 790.

Постановление

1919 года, сентября 10 дня.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий допросил жит. гор. Шемахи Степана Балабековича Лалаева, 27 л., Сетрака Амбарцумовича Шабанянца, 27 л., и Агабека Артемовича Магакелова, 49 л., обвиняемых в том, что они, вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной и племенной к мусульманскому населению, действуя по предварительному соглашению с другими лицами и совокупными силами, составили шайку и состояли членами таковой из нескольких тысяч человек, вооруженных пушками, пулеметами, ружьями, револьверами и кинжалами, которая, поставив своей целью истребление мусульманского населения, похищение и уничтожение его имущества, 18 марта 1918 года, на рассвете, напав на мусульманскую часть гор. Шемахи и громя его в течение нескольких дней, 1) убила несколько тысяч жителей-мусульман, мужчин, женщин и детей, причем убийства эти сопровождалась особенностями жестокостями, как то отрубанием конечностей, ушей, носов, выкалыванием глаз, распариванием животов и т.п., 2) похитила разного движимого имущества более чем на один миллион рублей; 3) уничтожила посредством поджога всю мусульманскую часть города, между прочим, тринадцать мечетей и, принимая во внимание, что хотя обвиняемые не признали себя виновными в означенных преступлениях, однако вполне изобличаются в таковых, Лалаев показаниями свидетелей: Мовсум-бека Садыхбекова, Гаджи Керима Азиз оглы, Махияддина Эфенди оглы, Насруллы Гаджи Султан оглы, Магомета Абдул Рагим оглы, Гаджи Гейдара Гаджи Юсуф оглы, Абдуллы Абдуллаева, Мелика Неймат оглы Маликова, Кербалай Юсуфа Мамедова Алихан-бека Эюббекова, Джевад-бека Мамедова, Гусейн-Бабы Мешади Абдул-Али оглы и Сираджеддина Эфендиева, которые удостоверили, что обвиняемый лалаев был одним из главных организаторов шайки, разгромившей гор. Шемаху и совершившей ряд насилий над мусуль-

манским населением, и что, он лично принимал участие в совершенном выше упомянутых преступлений; Шабанов же и Магакелов изобличаются показаниями потерпевших: Сааб-Ханумы Нахмет-бек кызы, Мамед-бека Меликбекова и Алескера-бека Алиева, удостоверивших, что названные обвиняемые, как члены упомянутой шайки, в частности убили Халаф-бека Меликбекова и похитили все его ценное движимое имущество, и кроме того, Шабанянец изобличается в нападении и разгроме Шемахи показаниями свидетелей: врача Сазонова и Тарлан-бека Алиярбекова, видевших его среди разбойников, и что обвиняемым Лалаеву, Шабанянцу и Магакелову за совершенные ими преступления угрожает наказание по 13, 129, 922, 927, 1630, 1633, 1634, 1453, 1607 ст. Ул. о Наказ., влекущие за собою лишение всех прав состояния и ссылку в каторжные работы, и что, виде этого является опасение, что обвиняемый может скрыться и уклониться от следствия и суда,

Постановил: на основании 416, 419 и 421 ст. Уст.Уг.Суд., мерою пресечения способов уклонения от следствия и суда против обвиняемых Степана Лалаева, Сетрака Шабанянца и Агабека Магакелова избрать содержание под стражей в Гянджинской тюрьме.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Отношение от 10 сентября 1919 г., за № 107 вместе с копией Постановления от 10 сентября 1919 года о содержании под стражей обвиняемых Степана Лалаева, Сетрака Шабанянца и Агабека Магакелова принял 10 сентября 1919 года.

Старший Помощник Начальника тюрьмы: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 108, лл. 225-226.

Документ № 791.

Азербайджанское Правительство

М.Ю.

Чрезвычайная Следственная

Комиссия

16 октября 1919 г.

г. Шемаха

№ 130

Г. Приставу гор. Шемахи

Прилагаемые при сем четырнадцать повесток в двух экземплярах, прошу вручить адресатам, а вторые экземпляры под расписками адресатов в получении таковых возвратить мне до срока вызова. Если адресат из коих не окажется, то дознать точный их адрес.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

На обороте: Вторые экземпляры 2-х врученных повесток и 12-ю не врученными повестками со справками представляю Члену Чрезвычайной Следственной Комиссии Г. Новацкому.

Октября 18 дня 1919 г. № 1438.

Вр. и.д. Пристава гор. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л.58.

Документ № 792.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Кербалай Юсуфу Мамедову.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятия и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: 17 октября 1919 г. Кербалай Юсуф Мамедов: подпись (арабскими буквами).

Вручил: Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 59.

Документ № 793.

Второй экземпляр

Повестка

Жит. гор. Шемахи Гули и Наджафгули, сыновьям Кербалай Зейнала.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятия и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: 18 октября 1919 г. Гули Кербалай Зейнал оглы: подпись; Наджафгули Кербалай Зейнал оглы: подпись. (арабскими буквами).

Вручил: Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 60.

Документ № 794.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Таджаддину Эфенди оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: в городе Шемахе человека под именем Таджеддин Эфенди оглы нет.

Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 61.

Документ № 795.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Гусейн Баба Мешади Абдулла Али оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: по собранным сведениям Гусейн Баба Мешади Абдулла Али оглы проживает в сел. Петропавловка.

Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 62.

Документ № 796.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Гаджи Кериму Азиз оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: по сведениям Гаджи Керим Азиз оглы проживает на ст. Кюрдамир.

Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 63.

Документ № 797.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Мовсум-беку Садыхбекову.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: по сведениям Мовсум-бек Садыхбеков проживает на ст. Кюрдамир. Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 64.

Документ № 798.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Мелику Неймат оглы Меликову.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: Мелик Неймат оглы Меликов есть житель сел. Кюрдамир.

Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 65.

Документ № 799.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Насрулла Гаджи Султан оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: по сведениям Насрулла Гаджи Султан оглы проживает на ст. Кюрдамир. Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 66.

Документ № 800.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Магомету Абдул-Рагим оглы Абдулла Заде.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: по сведениям Магомед Абдул Рагим оглы Абдулла Заде проживает на ст. Кюрдамир.

Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 67.

Документ № 801.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Абдул Гусейну Алиеву.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: по сведениям Абдул Гусейн Алиев 5-6 месяцев тому назад умер в городе Баку.

Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 68.

Документ № 802.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Гаджи Гейдару Гаджи Юсуф оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: по сведениям Гаджи Гейдар Гаджи Юсуф оглы 8 месяцев тому назад умер в м. Агдаш.

Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 69.

Документ № 803.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Абдулла Абдуллаеву.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: по сведениям Абдулла Абдуллаев проживает в м. Агдаш.

Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 70.

Документ № 804.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Сираджеддину Эфендиеву.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: Сираджеддин Эфендиев проживает в сел. Авахил Кошунского участка. Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 71.

Документ № 805.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Алихан-беку Эюббекову.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

На обороте: Справка: по сведениям Алихан-бек Эюббеков есть житель сел. Агжи-дара Кабристанского участка.

Вр. и.д. Пристава г. Шемахи: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 72.

Документ № 806.

Второй экземпляр

Повестка

Жителю гор. Шемахи Агалару Абдул Али оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 9 часам 19 октября 1919 года, в качестве потерпевшего по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятые и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: Агалар (арабскими буквами).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 73.

Документ № 807.

Протокол допроса

1919 года октября 19 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованных с соблюдением 307 и 443 ст. У.У.С. которые показали:

Я, Агалар Абдул Али оглы, жит. г. Шемахи, 40 л., мусульманин, судился за кражу, лишен прав, грамотен.

После ухода из Шемахи Гянджинских войск и в виду ожидавшегося занятия вторично Шемахи армянами и молоканами, я вместе с другими бежал из Шемахи в сел. Келва. Так как в сель. Келва был недостаток провизии, и мы голодали,

то я, Ахмед Наджаф оглы, Мешади Али Бала Мешади Солтан оглы Бадалов и Касум Наджаф оглы ночью тайно вернулись в Шемаху в дом Молла Аббас-Кулия, чтобы оттуда взять зарытую там нами муку. Нам удалось пробраться в дом Молла Аббас-Кулия, но там были замечены и задержаны армянами. Армян этих не знаю. Армяне там же хотели нас убить, но за нас заступился находившийся там один слепой армянин, который приказал отвести нас в штаб, помещавшийся в доме Лалаева. Нас привели туда. В штабе о нас доложили одному мне неизвестному толстому армянину. Этот армянин приказал вывести нас во двор и окарауливать до прихода Степана Лалаева, который всем распоряжался в штабе. Когда пришел Степан Лалаев он приказал заколоть нас штыками. Я понимаю по-армянски, хотя не говорю, и понял этот приказ. Это было ночью. Нас вывели во двор и окарауливали. Однако на другой день нас не убили, а оставили для личных услуг. Ахмед, например, готовил армянам пищу, потому что он повар. Мы оставались в доме Лалаева двое суток, на третью ночь нам удалось бежать через стену. Мы бежали в сел. Дадагюнаш чрез местность «Улдуз», нас обстрелял армянский патруль и ранил Касума сзади в левое бедро. В штабе в доме Лалаева я видел Шемахинских армян Самвела Долиева, рестораника Кеворка, а также Тимофея Полосточкова, сына врача Михаила и многих других, которых назвать не умею. Во дворе дома Лалаева я видел трупы мусульман, заколотых штыками, как звали убитых, не знаю. По приходу турок трупы эти были нами преданы земле. Во время первого нападения армян на Шемаху я Степана Лалаева не видел. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Агалар (арабскими буквами).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Касум Кербалай Наджаф оглы, жит. гор. Шемахи, 32 л., мусульманин, не судился, неграмотен.

После ухода из Шемахи Гянджинских войск, так как ожидалось занятие Шемахи армянами, то я в числе других однопороджан убежал в сель. Келва. Так как в сел. Келва мы голодали, и нам угрожала голодная смерть, то мы решили пробраться ночью в Шемаху, чтобы взять оттуда зарытую нами муку. Я, мой брат Ахмед, Агалар Абдул Али оглы и Мешади Али-бала Мешади Солтан оглы ночью пробрались к дому Молла Аббас-Кулия, но здесь были замечены и доставлены в армянский штаб, помещавшийся в доме Степана Лалаева. Здесь нас окарауливали и заставили прислуживать им, так как, напр., Ахмед был за повара, Агалар подавал чай, а я и Мешади Али-Бала носили воду. Там мы находились двое суток. На третьи сутки Агалар, понимающий по-армянски, передал нам, что он слышал, как Степан Лалаев отдал приказ зарезать нас. Мы решили бежать, и нам в ту же ночь удалось бежать через стену. Мы бежали в сел. Дадагюнаш. На местности «Улдуз» ночью нас заметил армянский патруль и открыл по нас стрельбу. Я тогда был ранен пулей сзади в спину. В доме Лалаева, в штабе я тогда видел самого Лалаева, который отдавал приказания, Самвела Долиева, Андрея жестянщика, Михаила

Арзуманова и других, которых по фамилии, даже по имени не знаю. Я во дворе дома Лалаева трупов мусульман не видел. Агалар мог видеть, потому, что он всюду ходил. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: С.Гамидов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Кули Кербалай Зейнал оглы, жит. гор. Шемахи, 30 л., мусульманин, не судился, неграмотен.

Когда в марте месяце прошлого года армяне начали обстреливать Шемаху, я, мой брат и все наше семейство, оставив все свое имущество, бежали из Верхней части города в Нижнюю мусульманскую. Все наше имущество оказалось похищены. Когда, по приходе турок армяне стали возвращаться на свои места, то два армянина, шемахинцы Хачан и Артем сообщили мне, что наше имущество похитил молоканин, жит. сел. Чухур-Юрт Семен Черкасов. Я лично не видел. Более показать не имею. Читано. Неграмотен.

Переводил: С.Гамидов (подпись).

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Кербалай Юсуф Мамедов, (л. д.)

Степан Лалаев, сын Балабека, при первом разгроме Шемахи, кажется, не был в Шемахе, он пришел в Шемаху с отрядом армянских войск после ухода Гянджинцев. Во главе этого отряда кроме Степана Лалаева стояли: Амиров, Артамонов и Айрапетов. Лалаев питает вражду к мусульманам за убийство в 1905 году своего отца и матери. Всем известно, что он везде громко заявлял, что должен убить столько мусульман, сколько было волос на голове его отца. Это говорили сами армяне. Кто именно, я сейчас сказать не могу. Более показать не имею. Читано.

После прочтения протокола заявляю: шемахинец Гейбат, по отчеству мне неизвестный, в настоящее время отсутствующий из Шемахи, лично рассказывал мне, что во время второго занятия армянами Шемахи, армяне задержали его и еще других мусульман, все они в числе шестидесяти пяти человек по приказу Степана Лалаева были поставлены рядом под стеной, затем их брали по пять человек, и армяне под командой названного Лалаева расстреливали их, когда очередь доходила уже до него, Гейбата, он воспользовался замешательством и убежал, и он единственный спасся из числа упомянутых 65 человек мусульман. Читано.

Подпись: Ю.Мамедов.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 74-77.

Документ № 808.

Второй экземпляр

Повестка

Жит. гор. Шемахи сыну Мешади Солтана Абдул Али оглы.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии Новацкий приглашает Вас в камеру свою, находящуюся в гор. Шемаха к 11 часам 19 октября 1919 года, в качестве свидетеля по делу о разгроме гор. Шемахи.

Неявившиеся по вызову без уважительных к тому причин, на основании Уст. Уг. Суд., подвергаются:

1) понятия и сведующие люди – денежному взысканию до двадцати пяти рублей (ст. ст. 323 и 382 Уг.Суд.)

2) свидетели – в первый раз денежному взысканию до пятидесяти рублей, а во второй – приводу к следствию (ст. 389).

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии: Новацкий (подпись).

Принял: подпись.

На обороте: Дано Гюльсум Абдулла кызы.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, л. 78.

Документ № 809.

Протокол допроса

1919 года октября 20 дня, г. Шемаха.

Член Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Новацкий допрашивал нижепоименованных с соблюдением 307 и 443 ст. У.У.С. которые показали:

Я, Хейранса Кербалай Кагерман кызы, 50 л., мусульманка, неграмотна.

Во время второго занятия Шемахи армянами командовал Степан Лалаев, внук Александра. Я лично видела Лалаева. Он молодой, по подробным приметам его не помню. Тогда армяне ворвались в мою квартиру и прикладом ружья убили мою больную дочь Гюльсум Абдулла кызы. Меня тоже ударили. Из других армян, громивших Шемаху, не знаю. Более показать не имею. Читано. Неграмотная.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Даштамир Гаджи оглы, жит. г. Шемахи, 60 л., мусульманин, не судился, неграмотен.

Когда армяне и молокане в марте месяце прошлого года напали на гор. Шемаху, я из опасения быть убитым спрятался и не выходил из своего убежища до прихода Гянджинцев. Когда Гянджинцы ушли из Шемахи я в ту же ночь ушел с ними. Через месяц в виду того, что в сель. Дильман, где я проживал, был сильный голод, я вернулся в Шемаху и явился в армянский штаб с просьбой о помощи. Мне помощи не оказали, а парикмахер Ованес, мой знакомый, советовал мне уйти обратно, и я ушел. Я тогда видел в Шемахе Степана Лалаева. Шемаха была тогда уже разрушена. Кроме Лалаева, я видел много других армян, шемахинцев, по имени и фамилии их не помню. Более показать не имею. Читано. Неграмотень.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

Я, Мешади Али Мешади Солтан оглы, жит. гор. Шемахи, 15 лет, мусульманин, грамотен.

О первом нападении на гор. Шемаху я лично существенного показать не имею. Когда до Шемахи дошло известие, что Гянджинцы идут в Шемаху, то армяне и молokane, занявшие Шемаху, бежали. Гянджинцы вскоре ушли из Шемахи. В ту же ночь я вместе с другими ушел из Шемахи в сел. Келва, а оттуда в сель. Лагич. Там мы слышали, что турки пришли в Шемаху. Мы вернулись в Шемаху, именно: я, мой дядя Агалар, Ахмед и Касум, потому, что голодали. Когда ночью вошли в Шемаху, то увидели, что везде в Шемахе армяне, а турок не было. Мы спрятались в одном доме, но армяне нашли нас. У меня и у дяди Агалара были ружья. Армяне вывели нас на улицу, выстрелили в раз и готовились расстрелять нас. Как раз в это время пришел какой-то слепой армянин и заступился за нас. Он сказал армянам, чтобы они отвели нас в штаб и, что в штабе им дадут вознаграждение за поимку татар. Армяне привели нас в штаб, находившийся в доме Лалаева. В штабе всем распоряжался Степан Лалаев. Он приказал вывести нас во двор и окарауливать нас. Нам приказали работать: Ахмед был за повара, Агалар подавал чай, а я и Касум носили воду. Там же была пекарня. Однажды я попросил хлеб из пекарни, и тогда во дворе видел несколько свежих трупов мусульман с отрезанными головами. В штабе мы оставались трое суток. Нас караулили три солдата, армянина. На третий день дядя Агалар сказал нам, что он слышал, как Степан Лалаев приказал армянам - солдатам зарезать нас на следующий день (дядя Агалар понимает по-армянски). Мы решили бежать, так как предполагали в случае обнаружения нашего побега быть расстрелянными, чем быть зарезанными. Ночью был сильный ветер. Мы заметили, что караульные заснули. Тогда мы бежали со двора через стену. На местности «Улдуз» нас заметил часовой молokane и по нас открыли стрельбу, и ранили Касума пулей в спину. В конце концов нам удалось бежать. В штабе в доме Лалаева было много Шемахинских армян, я их не знаю по именам и фамилии. Тогда Шемаха была уже сожжена. Дом Лалаева был цел. Более показать не имею. Читано.

Подпись: Мешади Али Бедалов.

Свидетель объяснялся по-русски.

Член Комиссии: А.Новацкий (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 109, лл. 79-81.

Глава 5

Документы судебно-следственных органов Азербайджанской Советской Социалистической Республики по делу «О разгроме гор. Шемахи».

Документ № 810.

В Шемахинский Ревком

Препровождаю на распоряжение дело Азербайджанской Чрезвычайной Следственной Комиссии, кроме мусульманского селения Ангехаран Шемахинского уезда, Бакинской губернии в трех томах.

Председатель Комиссии по ликвидации Бакинского Прокурорского Надзора: подпись.

7 июня 1920 г.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 107, л.1.

*Судебно-следственные документы
по обвинению Степана Лалаева*

Документ № 811.

А.С.С.Р.

Наркомюст

Народный судья

По важным уголовным делам

Гор. Баку и его районов

1-го района

12 июля 1920 г.

№ 36

**Инструктору по реорганизации судебных установлений
Шемахинского уезда**

Согласно определению Нар. Суда от 12 с. июня, при сем препровождаю двух томах дело за № 2 по обвинению Степана Лалаева и др. для дальнейшего направления.

Народный Судья: подпись.

Секретарь: Тумбил (подпись).

Резолюция: Провести по входящему журналу. 19. VI.20 г. Вх. № 816.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 142.

Документ № 812.

Н. К. Ю.

Шемахинский

Народный Суд

По важнейшим делам

18 августа 1920 г.

№ 27

с. Чухур-Юрт

В Шемахинскую Первую Следственную Комиссию

При сем препровождается дело Судебного след. Бак. окр. Суд по наиболее важным делам о Степане Лалаеве и др., для направления его в Народный суд в порядке установленном Положением о Нар. суде (ст. 36).

Нар. Судья : подпись.

Секретарь: Тумбил (подпись).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 143.

Документ № 813.

А. С. С. Р.

Н.К.Ю.

Шемахинский Народный суд

По важнейшим делам

18 августа 1920 г.

№ 22

с. Чухур-Юрт.

В Шемахинскую Первую Следственную Комиссию

При сем препровождается дело Чрезвычайной Следственной Комиссии Азербайджанского Правительства «О разгроме гор. Шемахи и насилиях, совершенных над мусульманами» для направления его в народный суд в порядке установленном Положении о Нар. Суде (ст. 36)

Нар. судья: подпись.

Секретарь: подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 106, л. 86.

Документ № 814.

Постановление

1920 г. Ноября 23 дня.

1-я Шемахинская Следственная Комиссия, рассмотрев следственное производство по делу по обвинению Степана Лалаева и др. в убийстве и насилиях, и принимая во внимание, что событие преступления произошло в 1918 году, т.е. в дни гражданской войны, возникшей на почве национальной вражды, что все подобные дела подлежат прекращению согласно закона об амнистии 9 февраля 1920 г., продолжающаяся оставаться в силе по распоряжению Наркомюста, **Постановила:** настоящее дело дальнейшим производством прекратить и направить к Народному Судье по важнейшим делам Шемахинского уезда.

Председатель: Подпись

Члены: Подпись.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 1.

Документ № 815.

Определение

Д. № 56-1920 г.

1920 год, декабрь 8 дня.

Шемахинский Нар. Суд по важнейшим делам, в распорядительном заседании, в составе: председательствующего Над. Суд. Гудвила, очередных народных заседателей, слушав дело Шемахинской след. Комиссии о Степане Лалаеве, обвиняемого в убийствах и проч. и заключительное постановление комиссии от 23 ноября о прекращении сего дела по амнистии 9 февраля 1920 г. на том основании, что преступление совершено было в 1918 году на почве национальной вражды.

По докладу дела Народ. Судей, Суд находит:

Дело состоит из двух предварительных следствий, произведенных следователями по важнейшим делам Комаровским и Рожанским; предмет их – убийства, разбои, разгромы мусульман Шемахи бандой армян, собранной Степаном Лалаевым и действующей под его непосредственным руководством.

К делам в качестве обвиняемых никто привлечен не был; сам Степан Лалаев умер, находясь в тюрьме.

Все преступные деяния этой банды имели своим основанием национальную вражду армян против мусульман, которые и являются потерпевшими.

По сему, соглашаясь заключением комиссии, так как преступленные дела совершены до издания закона 9 февраля 1920 - Суд Определяет:

На основании 2 ст. I отд. Закона 9 февраля 1920 г., производство по сему делу прекратить навсегда.

Председатель Нарсуда: Гудвил (подпись).

Народные заседатели: И. Савченко, М. Кожевников, В.И.Соломатин, Ф. Кастрюлин, М. Ручнев, В. Васильев (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 99, л. 144.

***Судебно-следственные документы по делу 105
(в производстве ЧСК Дело № 646 – «О разгроме гор. Шемахи»)***

Документ № 816.

Постановление

1920 г. Ноября 23 дня.

1-я Следственная комиссия г. Шемахи, рассмотрев следственное производство по делу о разгроме г. Шемахи и его селениях, произведенных над мусульманами в марте 1918 г. и принимая во внимание, что событие преступления произошло в дни гражданской войны, возникшей на почве национальной вражды, что все дела подобного ряда подлежат действию закона об амнистии

9 февраля 1920 г. Прекращению, согласно распоряжению Наркомюста, оставшиеся в силе,

Постановила: дело сие производством прекратить, принятые в отношении обвиняемым меры пресечения отменить, залогов конфисковать в пользу казны, согласно распоряжению Наркомата и направить Народному Суду по важнейшим делам Шемахинского уезда.

Председатель. Подпись.

Члены 1-й След. комиссии: подписи

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 104.

Документ № 817.

Протокол

1920 года декабря 25 дня. Шемахинский Нарсуд по важнейшим делам составил настоящий протокол по следующим:

На сие число, к 10 ч. утра явились вызванные в суд для участия в судебном заседании о разгроме гор. Шемахе народные заседатели: Андрей Гаврилович Васильев, Н.И.Соломатин, Петр Иванович Свихнушин, С.Н.Саламатин, Мих. Захар. Бучнев и М.С.Кожевников в получении повесток каждый из них расписался. Все заседатели в суд явились своевременно, кроме Ан.Гав. Васильева, которого суд ожидал до 12 ч. дня, но тов. Васильев не явился и не известил о невозможности прибыть в заседание, при чем некоторые из явившихся заседателей удостоверили, что в то время, когда они были уже в суде, Ан. Гав. Васильев проходил мимо суда дважды.

Вследствие сего, руковод. 20 ст. Положения о народ. суде, Суд определяет:

Андрея Гавриловича Васильева, не явившегося в качестве народного заседателя в суд, штрафовать, согласно 20 ст. Полож. о нар. суд. на первый раз в сто рублей.

Председ. Нарсуда: В.Гудвил (подпись).

Народные заседатели: Н.И.Соломатин, П. И.Свихнушин, С.Н.Саламатин, М. З. Бучнев, М.С.Кожевников (подписи).

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 105

Документ № 818.

Определение

Д. № 54- 1920

1920 года, декабря 26 дня.

Шемахинский суд по важнейшим уголовным делам, в судебном заседании, в составе: председательствующего нар. Судьи Гудвил, народных заседателей : М.С.Кожевникова, М.З.Бучнева, С.Н.Саламатина, П.И.Свихнушина, З.И.Саламатина

При врем. пом.секретарье - Гудвиле –

Слушал дело Шемахинской Следственной Комиссии: «О разгроме Шемахи и насилиях над мусульманами в марте 1918 года».

По докладу дела народ. судьей, а равно - заключительного постановления от 23 ноября о прекращении дела на том основании, что событие преступление произошло в дни гражданской войны, возникшей на почве национальной вражды, дела подобного ряда подлежат действию амнистии 9 февраля 1920 г. а также – о конфискации домов, внесенных к обвиняемым, как мера обеспечения способов уклониться от суда.

По докладу дела и заключения нар. судьей, Суд находит:

Дело это первоначально возникло в производстве Азербайджанской Чрезвычайной Комиссии, которая была учреждена 15 июля 1918 г.

Из предварительного следствия видно, что вследствие побуждений, происшедшей из вражды религиозной и племенной к мусульманскому населению, действуя по предварительному между собой соглашению и совокупными силами, армяне и молokane составили шайку из нескольких тысяч человек, вооруженных пушками, пулеметами, ружьями, револьверами и кинжалами, поставив себе целью истребление мусульманского населения, похищения и уничтожения его имущества - в марте 1918 года, напав на мусульманскую часть г. Шемахи, в течение нескольких дней убила несколько тысяч мусульман, уничтожила огнем всю мусульманскую часть гор. Шемахи и уничтожив и похитив разного движимого имущества более чем на миллиард рублей.

К следствию в качестве обвиняемых, были привлечены: Агабек Христ. Лалаев, Сетрак Арбарц. Шабанянц, Агабек Артамонов, Магикелов, Афанасий Яков. Безродный, Джумибек Алексеев. Авшаров, Степан Балабек. Лалаев, Мартирос Лазарев. Гюльбандов, Михаил Петров. Арзуманов, Еновк. Агаджанов. Иванов (Иванянц), Александр, Артем и Николай Саркисовичи Геогджаевы, Георгий Караогландов, Карапет Караманов, Самвел Долиев, Петросянц (по имени неизвестный), Аршак Еновков. Иванов, Ованес (парикмахер, по фамилии неизвестный), Ягуб Мартиросов, Армяняк Мартиросянц, Александр и Михаил Хачатуровы, Александр Минасов, Крекор (по фамилии неизвестный), Мамикон Гюльбандов, Хачанов (по фамилии неизвестный), Владимир и Мамикон Долиевы, Бабаджан Магакелов, Николай и Арутюн Хачатуровы, Агамалов (по имени неизвестный), Карабанов (по имени неизвестный), Артамонов (по имени неизвестный), Герасим и Сандрак Агриевы и Каспар (по фамилии неизвестный).

Из обвиняемых Степан Лалаев умер.

Приняв во внимание,

что дело до сих пор заключено не было;

что согласно 10 ст. I от закона 9 февраля 1920 г. об амнистии, все уголовные дела, возникшие в Чрезвычай. Следств. Комиссии 15 июля 1918 г., должны быть прекращены навсегда; –

Суд признает, что настоящее дело подлежит прекращению согласно данного закона относительно всех обвиняемых, кроме Степана Лалаева – дело о нем должно быть прекращено за его смертью;

что, согласно декрета Азревкома от 26 октября с.г. денежные суммы, внесенные в депозиты судов до 28 апреля 1920 г., как мера обеспечения явки обвиняемых к следствию и суду по законченным уже делам, поступают в доход казны – если они свыше 5.000 руб., а залогов в сумме до 5.000 руб. могут быть возвращаемы по особым постановлениям коллегии Наркомюста, но редакция мною декрета относительно истинного смысла его возбуждает некоторое сомнение, как относительно понятия «уже законченные дела», так и в отношении залогов в 5.000 руб. -

Суд определяет:

1.) Настоящее дело прекратить на всегда и всех обвиняемых (за исключением Степана Лалаева) от уголовного преследования и наказания освободить согласно 10 ст. 1 от закона 9 февраля 1920 г., в отношении же Степана Лалаева дело прекратить за смертью.

2.) Зайти – чрез председательствующего народной судьи Гудвила – в Азревком, чрез Народного Комиссара Юстиции за разъяснением встреченного недоразумения по толковании декрета 26 октября 1920⁷¹ года, а до получения разъяснения, вопрос о конфискации или возвращении залогов оставить пока открытым и распоряжений по этим суммам пока не делать.

Председательствующий, нар.суд. Гудвил.

Народные заседатели: Подписи.

ГА АР, ф. 1061, оп. 1, д. 105, л. 106-107.

Примечания

¹ **Чрезвычайная Следственная Комиссия (ЧСК)** – была создана Правительством Азербайджанской Демократической Республики 15 июля 1918 г. для расследования фактов насилия, произведенных над мусульманским населением и в отношении их имущества в пределах всего Закавказья со времени начала первой мировой войны. Председателем ЧСК был Алекпер бек Хасмамедов, членами – представители следственно-прокурорских и судебных органов гг. Баку и Гянджа. За время своего существования - с 15 июля 1918 г. по 1 ноября 1919 г. - ЧСК были собраны материалы, составляющие 36 томов и 3500 страниц, 22 томов из которых отражали насильственные акты, произведенные над мусульманским населением гор. Шемахи и селений Шемахинского уезда, и следственно-судебные материалы по этим фактам. Другие тома следственного материала свидетельствовали о жестоких преступлениях, совершенных армянами в других регионах Азербайджана - Баку, Кубинском, Геокчайском, Нухинском, Арешском, Джавадском уездах, в Карабахе и Зангезуре. По результатам работы ЧСК были подготовлены 128 докладов и проектов решений о возбуждении уголовных дел против 194 лиц, обвиняемых в различных преступлениях. По мере уменьшения работы члены ЧСК освобождались от работы в Комиссии и возвращались к несению своих прямых обязанностей. Сама ЧСК была упразднена 1 ноября 1919 г. В прокурорских и судебных органах Баку рассматривались следственные дела по отдельным фактам и событиям, возбужденные ЧСК, а также уголовные дела уже арестованных по мартовским событиям в Баку и Шемахе. Однако, принятием закона об амнистии Азербайджанским Парламентом 9 февраля 1920 г. в связи с признанием де-факто независимости Азербайджанской Республики Верховным Советом Союзных Держав, все уголовные дела, возбужденные на почве национальной вражды и «возникшие в производстве Чрезвычайной Следственной Комиссии» были прекращены. Некоторые следственные дела, возбужденные ЧСК, ликвидировались согласно закону об амнистии от 9 февраля 1920 г. уже судебными органами Азербайджанской ССР.

² **Гаджинский Мамед Гасан Джафаркули оглы** – (1875- 1931), видный политический и государственный деятель Азербайджанской Демократической Республики. Окончил Бакинское реальное училище, Петербургский Технологический институт. Работал инженером на нефтеперерабатывающем заводе Шамси Асадуллаева в Москве. В 1908 г. возглавил строительный отдел Бакинской городской управы, в 1913 г. Бакинскую городскую управу (короткое время). В 1902-1917 гг. гласный Бакинской городской думы. Один из организаторов социал-демократической мусульманской организации «Гуммет» в 1904 г., мусульманского просветительского общества «Нешр-маариф» в 1906 г. Член правления мусульманского просветительского общества «Ниджат» и центрального комитета мусульманского благотворительного общества. Член партии «Мусават». Входил в состав Исполнительного комитета Бакинского Совета общественных организаций, созданного 5 марта 1917 г., был избран председателем Временного комитета Бакинского совета мусульманских общественных организаций. Участвовал в работе съезда кавказских мусульман (апрель 1917 г., Баку) и съезда российских мусульман (май 1917 г., Москва). На первом съезде партии «Мусават» (октябрь 1917 г., Баку) был избран членом Центрального Комитета. Заместитель комиссара торговли и промышленности в образованном 15 ноября 1917 г.

Закавказском Комиссариате, был избран членом Учредительного собрания России. Член Закавказского Сейма от партии «Мусават». Министр торговли и промышленности в правительстве Закавказской Демократической Федеративной Республики. Был членом Азербайджанского Национального Совета, принявшего 27 мая 1918 г. Акт о независимости Азербайджана. Министр иностранных дел в составе I и 2-го правительственного кабинета АДР, одновременно до 6 октября 1918 г. возглавлял министерство контроля, с 6 октября министерство финансов. Был членом парламента АДР, входил во фракцию «Мусават». Входил в состав азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции. С 24 декабря 1919 г. занимал пост министра внутренних дел, с 18 февраля 1920 г. министра промышленности, торговли и продовольствия. 30 марта 1920 г. парламент поручил М.Г. Гаджинскому формирование нового кабинета. 22 апреля 1920 г. он объявил Парламенту о невозможности формирования нового кабинета, о своем выходе из партии «Мусават» и вступлении в большевистскую партию. После падения АДР и установления Советской власти работал на различных руководящих должностях СНХ Азербайджанской ССР, Закавказском Госплане. В 1930-х годах подвергся политическим репрессиям. 3 декабря 1930 г. был арестован в Тифлисе и обвинён, как участник так называемого Азербайджанского национального центра. Не выдержав пыток и жесткого обращения в ходе следствия, 9 февраля 1931 г. покончил жизнь самоубийством.

³ **Хасмамедов Алекпер бек Гаджибаба оглы** – (1870 - 1925), видный общественный и государственный деятель в период АДР. Закончил Московский Государственный Университет. Юрист-правовед, присяжный поверенный. Старший брат видного политического и государственного деятеля АДР Халил бека Хасмамедова. Член Гянджинского мусульманского благотворительного общества, а также центрального комитета партии «Дифаи». С 15 июля 1918 г. – председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии при правительстве АДР, с 24 февраля 1919 г. – старший председатель Азербайджанской Судебной Палаты. С мая 1920 г. работал в судебных органах Наркомата Юстиции Азерб. ССР. 7 июня 1920 был назначен на должность народной судьи по важнейшим делам У района. В 1925 г. был расстрелян Советской властью.

⁴ **Шахмалиев Исмаил бек Насрулла бек оглы** – (1883-1938), юрист, титулярный советник. В 1902 г. окончил I Тифлисскую мужскую гимназию, в 1908 г. юридический факультет Новороссийского университета, начинал службу 10 февраля 1909 г. младшим кандидатом на судебные должности при Тифлисской Судебной Палате I уголовного департамента, с 1 февраля 1910 г. переведен в Елисаветполь, где в 1910-1911 гг. занимал должности губернского секретаря, старшего кандидата на судебные должности в Елисаветпольском Окружном Суде, заведовал 4-м следственным участком, Лякским следственным участком Елисаветпольского уезда. В сентябре 1911 г. подал в отставку. В июле 1913 г. вновь вернулся на государственную службу, был назначен чиновником особых поручений Эриванской Казенной Палаты, с 16 февраля 1914 г. – Помощник Податного Инспектора Нахичеванского участка Эриванской губернии, с апреля 1914 г. - 1915 г. помощник бухгалтера, зав. выкупным отделом, Секретарь, чиновник особых поручений Палаты. В 1916 г – начальник I отделения Палаты. В декабре 1916 г. назначен старшим помощником Податного Инспектора Нахичеванского участка, в январе 1917 г. – Податный инспектор Закатальского округа. 26 августа 1918 г. назначен Членом Гянджинского Окружного Суда. В июле 1918 г. был включен в состав

Чрезвычайной Следственной Комиссии, работал в следственных группах, расследовавших дела о разгроме Шемахинского и Геокчайского уездов Бакинской губ. и уездов Елисаветпольской губ. 1 мая 1919 г. освобожден от обязанностей члена ЧСК ввиду уменьшения работы. 19 марта 1919 г. был назначен Военным Следователем Азербайджанского Военного Суда. В советский период занимался адвокатурой в Гяндже и Баку, был членом Коллегии Правозаступников (защитников) при Наркоме Юстиции. Работал юристконсультантом в Бакинских учреждениях. 2 апреля 1938 г. был арестован органами Государственной Безопасности Аз. НКВД якобы за принадлежность к контрреволюционной националистической, повстанческой организации. Вину перед собой не признал. 2 июня 1938 г. был осужден Особой Тройкой НКВД Аз.ССР к 10 годам в ИТЛ (Исправительно-трудовых лагерях). 25 ноября 1938 г. умер в Дальлаге (Хабаровский край). В 1955 г. реабилитирован.

⁵ **Новацкий Андрей-Климентий Фомич** – (1866- ?), юрист, надворный советник, поляк, окончил Варшавский университет, в 1899-1902 гг. работал в следственных органах Варшавы, в 1903-1907 гг. – помощником Мирowego Судьи Шемахинского отдела округа Бакинского Окружного Суда, одновременно заведовал Маразинским, затем Баскальским следственными участками. С февраля 1907 по январь 1908 г.г. был заведующим I Бакинским Городским Следственным участком. В 1908-1918 гг. работал помощником мирового судьи 4-го мирового отдела г. Тифлиса. В феврале 1918 г. был назначен членом Елисаветпольского окружного суда. В июле 1918 г. был включен в состав Чрезвычайной Следственной Комиссии. Один из самых деятельных и активных членов ЧСК, возглавлял следственные группы, расследовавшие дела о разгроме Шемахинского и Кубинского уездов, участвовал в работе других следственных групп ЧСК. Им подготовлены большинство постановлений ЧСК, вынесенных по итогам следствий, проведенных в разных регионах Азербайджана, подвергшихся разгрому со стороны армянских националистов. 1 апреля 1919 г. был назначен членом Бакинского Окружного Суда. С мая 1920 г. работал в судебных органах Наркомата Юстиции Азербайджанской ССР, служил секретарем у Народной Судьи (Алекпера Хасмамедова) У района. Дальнейшая судьба не известна.

⁶ **Сафикюрдский Насрадин бек Агалар бек оглы** – (1884- ?), юрист, коллежский секретарь, окончил юридический факультет Петроградского университета, начинал службу 6 февраля 1912 г. младшим кандидатом на судебные должности при Елисаветпольском Окружном Суде, работал в уголовном, гражданском отделениях, с 18 марта 1913 г. Губернский Секретарь, с 17 октября 1913 г. – старший кандидат на судебные должности при Елисаветпольском Окружном Суде, с ноября т.г. помощник следователя г. Елисаветполя. В 1914- 1917 гг. в разное время заведовал: 1, 2, 3, 5 и Городским следственными участками, также Дзегамским мировым участком Елисаветпольского уезда, был временно исполняющим должность Помощника Мировой Судьи Елисаветпольского Городского отдела. 11 декабря 1917 г. был назначен Товарищем Прокурора Елисаветпольского Окружного Суда. В июле 1918 г. был включен в первый состав Чрезвычайной Следственной Комиссии, в сентябре 1918 г. со ссылкой на домашние обстоятельства по собственному ходатайству был освобожден от обязанностей члена Комиссии. С 18 января 1919 г. – Помощник Военного Прокурора Азербайджанского Военного Суда, с 26 февраля 1919 г. – Прокурор Гянджинского Окружного Суда. Дальнейшая судьба не известна.

⁷ **Михайлов Николай Михайлович** – (1867-1920), юрист, статский советник, русский, окончил юридический факультет Харьковского университета, в 1892-1893 гг. начал службу в уголовном отделении Эриванского Окружного Суда. В дальнейшем занимал должности помощника Секретаря и Секретаря окружных судов, Мирового Судьи, Следователя, Земского Начальника и Члена Поселянского Присутствия в судебных органах Тифлисского Округа (1893-1894), в Шемахинском отделе и в самом Бакинском Округе (1894-1896), Екатеринодарском Округе (1896-1898), Кутаисском Округе (1898-1899), Новоузском уезде (1899-1900), в Гори (1900-1902). 12 июня 1902 г. назначен чиновником особых поручений при Управлении Земледелия и Государственных имуществ Елисаветпольской губернии, с 5 декабря 1903 г. – член Елисаветпольского Губернского по поселянским делам Присутствия. С 21 февраля 1908 г. – Почетный Мировой судья округа Елисаветпольского Окружного Суда. В феврале 1913 г. переведен на должность Члена Кутаисского Губернского по крестьянским делам Присутствия. 14 октября 1916 г. назначен Помощником Начальника Округа Кара-Килиса при Генерал-Губернаторе областей Турции, занятых по праву войны. С 22 марта 1917 г. – Помощник Начальника Аппинского округа. С 30 декабря 1917 г. – член Елисаветпольского Губернского по поселянским делам Присутствия. 17 февраля 1919 г. назначен Членом Бакинском Окружного Суда, с 10 июня 1919 г. переведен в Ганджинский Окружной Суд. В июле 1918 г. был включен в состав Чрезвычайной Следственной Комиссии. Один из самых деятельных и активных членов ЧСК, возглавлял следственные группы, расследовавшие дела о разгроме Шемахинского и Геокчайского уездов Бакинской губ. и уездов Елисаветпольской губ. После упразднения ЧСК в ноябре 1919 г., получил особую благодарность от Председателя Комиссии «за самоотверженную и плодотворную деятельность по работе в Комиссии», 25 ноября 1919 г. вернулся к своим прямым обязанностям в Ганджинском Окружном Суде. Трагически погиб от случайной шальной пули в своей квартире во время Гянджинского восстания в конце мая 1920 г.

⁸ **Гудвил В.В.** – (?-?), председатель Съезда Мировых судей, Действительный Статский Советник, состоял членом Чрезвычайной Следственной Комиссии с 1 сентября по 27 октября 1918 г., освобожден от работы в ЧСК в виду с новым назначением – юрисконсультантом в Министерстве Финансов. В первые годы Советской власти работал в судебных органах Азерб.ССР, дальнейшая судьба не известна.

⁹ **Хойский Фатали хан Искендер хан оглу** – (1875 – 1920), выдающийся политический и государственный деятель Азербайджана, один из основателей Азербайджанской Демократической Республики. Сын генерал-лейтенанта Искендер Хана Хойского, родом из города Хой в Южном Азербайджане и одного из потомков Шекинского хана Джафаркули хана. Окончил классическую гимназию в Гяндже (Елисаветполь), юридический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени (1897 г.). Работал в Гянджинском и Кутаисском окружных судах, помощником Зугдидского мирового суда, где ему было присвоено звание титулярного советника. Был заведующим третьим Екатеринодарским городским участком (1903) и заместителем прокурора Екатеринодарского окружного суда, получил звание коллежского асессора (1904). 20 февраля 1907 г. был избран депутатом II Государственной думы от Елисаветпольской губернии. После роспуска II Думы вернулся в Гянджу, был принят в число присяжных заседателей Елисаветпольского окружного суда Тифлисской су-

дебной палаты. В 1913 г. переехал в Баку, работал присяжным заседателем в Бакинском окружном суде. После февральской революции 1917 г. был избран членом Временного исполнительного комитета Национального мусульманского совета, созданного в Баку, принимал активное участие в организации и работе Общекавказского съезда мусульман. В октябре 1917 г. был избран председателем Бакинской городской Думы. В феврале 1918 г. стал депутатом Закавказского сейма, 22 апреля 1918 г. занял пост министра народного образования в правительстве Закавказской федеративной республики. Был членом Азербайджанского Национального Совета, принявшего 27 мая 1918 г. Акт о независимости Азербайджана, был избран председателем первого правительства Азербайджана. В первом кабинете правительства занимал посты премьер-министра и министра внутренних дел, во втором - премьер-министра и министра юстиции. По поручению открывшегося 7 декабря 1918 г. Парламента АДР формировал третье правительство, в котором занял два поста - премьер-министра и министра иностранных дел. После отставки правительства 25 февраля 1919 г., исполнял свои обязанности до формирования четвертого правительства 14 апреля 1919 г. во главе с Н.Б.Усуббейли, участвовал в качестве депутата в решении различных политических и финансово-экономических проблем, принимал активное участие в подготовке и проведении Кавказской конференции, посвященной урегулированию приграничных споров между государствами региона. С 22 декабря 1919 г. по 28 апреля 1920 г. занимал пост министра иностранных дел в пятом правительственном кабинете, сформированном Н.Усуббейли. После падения Азербайджанской Демократической Республики тайно выехал в Тифлис, где 19 июня 1920 г. был убит наемным армянским террористом.

¹⁰ **Годжаманбеков Азад бек Ага-Садык бек оглы** – (1860-1920), известный общественный деятель, военный, родился в Шемахе в семье крупного помещика, окончил реальное училище в Шемахе, военную школу в Петербурге, служил в Москве и Петербурге, участник русско-японской войны в 1904-1905 гг., награжден орденами и медалями за доблесть, проявленную в боях. Был ранен, лечился в Москве, закончив службу в звании полковника, вернулся в Шемаху, работал в судебных органах, комиссаром Шемахинского гарнизона, был комиссаром Шемахинского уезда. Принимал активное участие в предотвращении армяно-мусульманского вооруженного столкновения в Шемахе в 1905-1907 гг., затем в деле защиты мусульманского населения Шемахи и уезда во время погромов в марте 1918 г. Давал показания Чрезвычайной Следственной Комиссии. Скончался в Шемахе в марте 1920 г.

¹¹ **Молокане** - разновидность духовного христианства, а также особая этнографическая группа русских. В Российской империи были отнесены к «особенно вредным ересям» и преследовались вплоть до указа «О свободе вероисповедания молокан и духоборцев» от 22 июля 1805 года. Молокане представляют собой не единую церковь, а скорее религиозное движение с единым корнем, но с большими различиями во взглядах, песнопениях, учении, соблюдаемых праздниках. Среди таких направлений в молоканстве заметно выделяются «мокрые молокане» (практикующие водное крещение), молокане-прыгуны, молокане-субботники (соблюдающие субботу), духи-жизники (полагающие книгу «Дух и жизнь» в престоле, считая её третьей частью Библии) и другие. Впервые термин «молокане» был использован в конце XVIII века в отношении людей, отвергших православие. Есть несколько теорий происхождения

названия «молокане». Согласно одной из них, молокане пили молоко в постные дни, когда приём «скоромной» пищи запрещён православными канонами, за что их и прозвали молоканами. Сами молокане предпочитают ссылаться на упомянутую в Библии метафору «духовного молока». При Екатерине II молокан вместе с духоборами стали массово выселять в южные окраины, в основном в Таврическую и Бессарабскую губернии. При царе Александре I в 1805 году молоканам была предоставлена свобода вероисповедания. В центральных регионах России молоканское движение начало возрождаться и приобретать массовый характер. Власть и Синод забеспокоились. При царе Николае I началось изгнание молокан в дальние окраины, больше в Закавказье. Выселение молокан, как и духоборов, и иных сектантов, в Закавказье преследовало двоякую цель: удаление из центральных губерний инакомыслящих и внедрение русской культуры в присоединённых к России Закавказских провинциях. Выселение молокан в Закавказье, в том числе в Азербайджан, началось в 30-ых годах 19 века. Самое первое поселение русских-молокан — Кызыл кишлак в Карабахе — появилось в 1832 году и состояло из 26 мужчин и 30 женщин. Более массовые молоканские переселенцы в Азербайджане появились в 1834 году. Они основали село Алты-Агач в горной долине реки Ата-чай, поросшей густым непроходимым лесом. В первое время им пришлось жить в наскоро построенных шалашах. С 1834 по 1839 год в Алты-Агаче поселились 1681 человек. Переселенцы прибыли из Саратовской, Тамбовской, Оренбургской, Владимирской, Таврической и Бессарабской губерний. Всего поселилось 310 семей. В дальнейшем в Шемахинском уезде молокане и субботники основали около 10 сел, в 1904 году в Шемахе и уездных селах жило свыше 14 тысяч христианских сектантов, из них 12600 человек составляли молокане. Всего в XIX веке на территории Азербайджана было 27 сел христианских сектантов и одно село раскольников. Кроме того, в таких губернских городах, как Шемаха, Баку, Елизаветполь и уездном городе Ленкорань также селились многие русские сектанты, которые были представлены в основном молоканами, субботниками, раскольниками, скопцами, баптистами, адвентистами, прыгунами и др.

¹² **Хронология событий** дается по старому летоисчислению, действовавшему в Российской империи, которое отставало от европейского григорианского календаря на 13 дней. Советская Россия перешла на григорианское летоисчисление 14 февраля 1918 г. В период АДР на территории страны также было введено григорианское летоисчисление. По этому календарю мартовские события в Шемахе приходятся на конец марта – начало апреля 1918 г.

¹³ **Алиярбеков Тарлан бек Абдулла бек оглы** – (1892-1956), военачальник, генерал-майор. Родился в г. Шемаха, окончил Тифлисское военное училище в 1914 г. Во время Первой Мировой войны (1914-1918) командовал ротой и батальоном в составе Шемахинского полка на Германском фронте. В период АДР принимал активное участие в организации Азербайджанской армии, в 1918-19 гг. был командиром полка, военным начальником г. Баку и его окрестностей. Во время мартовских событий 1918 г. в Шемахе принимал активное участие в защите города, сумел избежать ареста и гибели, дом и имущество были подвержены погрому. Давал ценные показания Чрезвычайной Следственной Комиссии. С 1920 г. в рядах РК КА. В 1927 г. окончил Высшие командные курсы при Академии им. М.В.Фрунзе. В 1941 г. окончил Военную Академию им. М.В.Фрунзе. Во время Отечественной войны (1941-1945) был

командиром 416-й стрелковой дивизии, 402-й стрелковой дивизии, заместителем командира 58-го стрелкового корпуса. Указом ПВС СССР от 3 ноября 1944 г. награжден орденом Боевого Красного Знамени. Также награжден орденами Ленина и Красной Звезды. Скончался в 1956 г. в Баку.

¹⁴ **Зиятханов Исмаил Хан Абульфат Хан оглы** (1867 — 1920) — азербайджанский и российский государственный и политический деятель. Происходил из дворян Елизаветпольской губернии, являлся потомком ханов Гянджи из рода Зияд оглу, которые носили в Российской империи фамилию Зиятхановых. Брат российского и азербайджанского военного деятеля, полковника Шахверди Хана Зиятханова и азербайджанского государственного и политического деятеля Адиль Хана Зиятханова. Общее образование получил в Елизаветпольской гимназии. Выпускник юридического факультета Императорского Московского университета (30.05.1893). Товарищ прокурора Тифлисского окружного суда. Крупный землевладелец. Один из руководителей созданной в 1905 году организации «Дифаи». Депутат I Государственной Думы (27 апреля — 8 июля 1906). Был в числе подписавших «Выборгское воззвание» 10 июля 1906 года в Выборге, против которых было возбуждено уголовное дело. Обвинялся в том, что задумал «возбудить население России к неповиновению, и в противодействии закону посредством особого воззвания, обращенного к народу», и в распространении его «во множестве экземпляров в пределах России». Был осужден по ст.129, ч.1, п.п.51 и 3 Уголовного Уложения. В 1917 году Исполкомом общественных организаций был назначен начальником милиции Гянджи. В марте 1918 года руководил вооруженными отрядами, противостоявшими большевикам и дашнакам в Шемахинском и Геокчайском уездах. После образования Азербайджанской Демократической Республики в составе 2-го кабинета министров с 6 октября 1918 года занимал должность «уполномоченного по военным делам». В марте 1920 года во главе Чрезвычайной дипломатической миссии Азербайджанской Республики был направлен в Иран для переговоров с шахским правительством. После падения АДР и подавления майского восстания 1920 года в Гяндже был расстрелян.

¹⁵ **Закавказский Комиссариат** — коалиционное правительство Закавказья, созданное в Тифлисе 15 (28) ноября 1917 года с участием грузинских меньшевиков, эсеров, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов. Председатель — меньшевик Е. П. Гегечкори. Правительство функционировало до 26 марта 1918. Закавказский комиссариат заменил Особый Закавказский Комитет, созданный Временным правительством России для управления Закавказьем. 12 (25) января 1918 года Закавказский комиссариат принял решение о созыве Закавказского сейма как законодательного органа Закавказья. 26 марта 1918 года упразднен Закавказским сеймом, который 9 (22) апреля провозгласил Закавказскую Демократическую Федеративную Республику.

¹⁶ Имеется в виду **Февральская революция 1917 г.** в России.

¹⁷ Имеется в виду **Первый съезд кавказских мусульман** (Баку, 15—20 апреля 1917 г.).

¹⁸ **Ашурбеков Иса-бек Гаджи Мехти Кули-бек оглы** — (1878-1938), общественно-политический деятель, меценат, журналист, издатель, представитель известного рода Ашурбековых. Был организатором, руководителем и членом ряда благотворительных, просветительских и спортивных обществ, как: Мусульманское просветительское об.-во "Ниджат", Об.-во по распространению грамотности среди мусульман Ба-

кинской губернии "Нешр-Маариф", мусульманское духовное об-во "Саадет", Об.-во помощи бедным учащимся, Комитет по оказанию помощи пленным туркам, нелегальное Об.-во помощи политзаключенным "Красный крест", спортивное об.-во "Дружина к спорту", интернациональное об.-во "Капля молока" и Об.-во "Ромашки", созданные по инициативе известного детского врача доктора Е. Я. Гиндеса и др. В разное время состоял в партиях «Дифай», «Иттихад» и «Гуммет». Финансировал газету «Иршад», издававшуюся под редакцией Ахмед бека Агаева. В сентябре 1918 г. принимал участие в боевых действиях за освобождения г. Баку в составе турецких войск. В период АДР работал чиновником особых поручений при Министерстве Народного Просвещения, занимаясь разными вопросами, заведовал книжным и бумажным, затем издательским отделами. В Советский период, приглашенный новыми властями на работу, был назначен заведующим редакционной коллегией Азербайджанского отдела Центропечати, затем заведующим издательским отделом, который был им организован, вплоть до реорганизации его в Госиздат. Благодаря знанию арабского и персидского языков был приглашен на работу в Азербайджанский филиал АН СССР, где и работал до ареста 31 декабря 1937 г. Был обвинен в пантюркизме и контрреволюционной деятельности, расстрелян 21 октября 1938 г.

¹⁹ **Шахсевены** - этнографическая группа азербайджанцев, живущих на северо-западе Ирана (Восточный Азербайджан и Муганская степь) и частично на юге Азербайджана. Говорят на восточных (муганских) диалектах азербайджанского языка. Имя, означающее «любящие шаха», часть тюркских кочевых племен - кызылбаши получили от своего шейха Исмаила, которого в 1502 г. возвели на Иранский престол, заложив основу Сефевидской династии. Начало же формированию этой этногруппы положил в конце XVI века сефевидский шах Аббас I, который с целью ослабить влияние племенных кызылбашских вождей создал шахскую гвардию, вербовавшуюся из этих племен, пожаловал им крупные земельные владения в районах Ардебилля, Мугана, Саве и Казвина. Традиционным занятием шахсевенов было кочевое скотоводство (разведение овец, крупного рогатого скота как тягловой силы, верблюдов и лошадей). Летом они кочевали в Саваланских горах, зимой — в Муганской степи. Среди шахсевенов особо выделяют две группы — ардебильских и мешкинских. В течение веков славились преданностью Шахским властям и своими набегами на сопредельные области и владения. С конца XIX в. начали переход на оседлость, при этом продолжали свои набеги, в том числе и на территории Северного Азербайджана, вплоть до начала 1930-х годов.

²⁰ Имеется в виду партия «Гуммет», социал-демократическая организация, созданная в 1904 г. в Баку группой азербайджанцев - М. Э. Расул-заде, С. М. Эфендиев, Р.Мовсумов, А. Д. Ахундов и М. Г. Гаджинский. В 1905-м году к организации присоединились Мешади Азизбеков и Нариман Нариманов. Подробно см.: «Гуммет».

²¹ **Эфендиев Султан Меджид** - (1887 - 1938) Азербайджанский и советский государственный и партийный деятель. Родился в Шемахе в семье мелкого торговца. В 1904 был одним из организаторов большевистской социал-демократической организации "Гуммет", участвовал в революции 1905-07. В 1915 г. окончил медицинский факультет Казанского университета, работал врачом. В 1917 г. член Бакинского совета и комитета "Гуммет" и РСДРП(б). С 1919 г. комиссар по делам мусульман Закавказья при Наркомате по делам национальностей РСФСР, зам. председателя Цен-

трального бюро народов Востока при ЦК РКП(б). В 1920-21 гг. член Бакинского совета и чрезвычайный уполномоченный ЦК КП(б) Азербайджана и комиссар Гянджинской губернии. Руководил жестоким подавлением народного восстания в Гяндже. В 1921-24 гг. нарком Рабоче-крестьянской инспекции, земледелия Аз.ССР. Был делегатом XII и XIII съездов РКП(б). С 1924 председатель ЦКК КП(б) Азербайджана и член ЦКК ВКП(б). С 1927 заместитель председателя, с 1931 председатель ЦИК Азербайджанской ССР и один из председателей ЦИК СССР. 24.06.1937 арестован и приговорен к смертной казни. Расстрелян 21.04.1938. Посмертно реабилитирован в 1956 г..

²² **“Мусават” (“Равенство”)** – национально-демократическая партия, образована в 1911 г. Первую ячейку партии учредили бывшие гумметисты А.Кязымзаде, Т.Нагиоглу, М.А.Расулзаде (Расулоглу). Первая программа и устав партии были изданы нелегальной брошюрой в 1912 г. С 1913 г. бессменным лидером партии стал **Мамед Эмин Расулзаде** (1884-1955), выдающийся политический и государственный деятель Азербайджана, один из основателей АДР, Председатель Азербайджанского Национального Совета, председатель фракции «Мусават» и независимых в Парламенте АДР, журналист, публицист. Мамед Эмин Гаджи Молла Алекпер оглы Расулзаде, окончил русско-татарскую школу и Бакинское техническое училище. В 1902 г. создал «Организацию мусульманской молодежи», участвовал в создании мусульманской социал-демократической организации «Гуммет» при РСДРП, в этот период активно печатался на страницах газет «Гуммет», «Текаямуль», «Йолдаш», «Иршад» и «Терегги». В 1908-1911 гг. участвовал в революционных событиях в Иране, был одним из создателей Демократической партии Ирана, членом ЦК партии, редактором первой иранской газеты европейского типа «Ирани-Ноу». В 1911 г. эмигрировал в Турцию, где вступил в организацию «Тюрк оджагы», печатался в журнале «Тюрк юрду». В 1913 г, после объявления амнистии по случаю 300-летия династии Романовых вернулся в Баку и возглавил партию «Мусават». В 1915-1918 гг. издавал газету «Ачыг сез», фактически орган партии «Мусават». После Февральской революции в России участвовал в работе Кавказского мусульманского съезда проходившего в апреле в Баку и первого Всероссийского мусульманского съезда, прошедшего в мае 1917 в Москве, в которых по его докладу было принято постановление о необходимости федеративного устройства России. После объединения партии «Мусават» с Тюркской партией федералистов (созданной в апреле 1917 г. в Елисаветполе) в июне 1917 г. на 1-м съезде «Тюркской демократической партии „Мусават“» (26-31 октября, Баку) был избран председателем ЦК. Участвовал в работе Закавказского Сейма, возглавил Азербайджанский Национальный Совет, объявивший о создании АДР. Участвовал в переговорах и заключении Батумского договора (4 июня 1918 г.) с Османским государством, согласно которому турецкая сторона оказывала военную помощь Азербайджанскому народу, подвергшемуся массовому истреблению со стороны большевистско-дашнакского правительства Бакинского Совета. Был председателем азербайджанской делегации в Международной Стамбульской конференции (июнь 1918 г.), активно участвовал в формировании Азербайджанского Парламента, на открытии которого (7 декабря 1918 г.) выступил с яркой речью. После установления Советской власти в Азербайджане был арестован, освобождён Сталиным и направлен в Москву, где работал в наркомате национальностей. В 1922 году через Финляндию

тайно выехал в Турцию. В годы эмиграции (1922-1955) создал Азербайджанский Национальный Центр, Заграничное Бюро партии «Мусават», направлял работу нелегальных организаций партии в Азербайджане, активно участвовал в создании организации «Прометей» в Париже (1926), накануне и в годы второй мировой войны руководил деятельностью азербайджанской эмиграции в Польше, Франции, Швеции, Румынии, Германии. Вернувшись в Турцию в 1947 г. создал Азербайджанский Культурный Центр (Анкара, 1949), участвовал в работе Обще-Кавказской конференции (Мюнхен, 1952), в 1953 г. совершив поездку в США, по радио «Голос Америки» обратился к Азербайджанскому народу в связи с 35-летием образования АДР. Является ярким представителем азербайджанской политической публицистики. За 1903-1920 гг. только в Азербайджанской периодике опубликовал более 1200 статей. В годы эмиграции издавал журналы «Ени Гафгазия» (1923), «Азери тюрк» (1928), «Одлу юрд» (1929), «Гуртулуш» (1934), «Мусават бюллетени» (1936), «Азербайджан» (1950) и газету «Истиглал» (1932), напечатав сотни статей в этих изданиях. Автор книг «Азербайджанская Республика», «Сиявуш нашего века», «Современная история Азербайджана», «Современная Азербайджанская литература», «Воспоминания о беседах со Сталиным», «Кавказские тюрки» и др., научного труда «Азербайджанский поэт Низами». Скончался 6 марта 1955 г. в Анкаре. Возглавляемая им партия «Мусават» после Октябрьской революции 1917 г. выступала за независимость Азербайджана, стоя на позициях национально-территориальной автономии. Партия допускала автономию в рамках конфедерации государств Южного Кавказа, куда вошли бы Азербайджан, Армения, Грузия. При активном участии «Мусават» создавались Закавказский комиссариат, Сейм, Закавказская Демократическая Федеративная Республика, была образована 28 мая 1918 г. Азербайджанская Демократическая Республика. В сентябре 1918 г. – апреле 1920 г. партия составляла ядро коалиционных правящих кабинетов АДР. После советизации Азербайджана в республике действовали подпольные организации партии, члены которых в 1920-30-годы подверглись арестам и репрессиям со стороны Советских властей, после 1937 г. деятельность партии внутри республики была прекращена. Зарубежное Бюро партии создала свои организации в разных городах Турции, Ирана, Польши и Франции. В 1936 г. в Варшаве была созвана конференция партии на правах съезда, в которой была принята новая программа партии и избран исполнительный орган – Диван. Заграничному Бюро удалось объединить азербайджанскую эмиграцию вокруг единой организации, сотрудничать с зарубежными представителями других народов, ведущих борьбу против большевизма и Советского режима. Накануне мартовских событий 1918 г. в Баку «Мусават», не будучи готовым к открытому вооруженному противостоянию с большевистскими властями, всячески старался избежать столкновений, обращался с призывами к населению проявить сдержанность, не поддаваться провокациям. Множество фактов и сам ход событий опровергают обвинения о том, что именно «Мусават» спровоцировал мартовские погромы. Сама партия определила характер этих событий как целенаправленную политику, имеющую своей целью искоренение всего мусульманского населения Закавказья. В эмиграционной печати партии, а также в трудах М.Э.Расулзаде мартовские события 1918 г. были широко и всесторонне освящены, политическая эмиграция каждый год отмечала 31 марта как общенациональный день траура, проводились поминальные вечера, 31-й номер газеты «Истиглал»

(Мюнхен) за 1 апреля 1933 г. был полностью посвящен 15 летней годовщине мартовских событий 1918 г. в Баку и Шемахе.

²³ **1905 год** – имеются в виду начавшиеся в феврале 1905 года в Баку вооруженные конфликты между армянским и мусульманским населением Закавказья, которые переросли в армяно-азербайджанскую резню и в других регионах. В 1905-1907 годах армянами были разрушены около 200 азербайджанских населенных пунктов в Эриванском и Елизаветпольском губерниях, 75 сел в уездах Шуша, Джабраил, Зангезур, мирное население вырезалось или изгонялось с родных земель. Погибли десятки тысяч мирных жителей, в том числе женщин, стариков, детей в Баку, Шуше, Зангезуре, Эриване, Нахчиване, Ордубаде, Эчмиадзине, Джаваншире, Газахе и т.д. В Шемахе, несмотря на свое преимущественное положение, азербайджанцы не допустили межнациональную резню.

²⁴ **Романов Николай II Александрович** – (1868—1918 г.), последний Император Российской Империи (20 октября (1 ноября) 1894 — 2 (15) марта 1917). Из императорского дома Романовых. Полковник, кроме того, от британских монархов имел чины: адмирала флота и фельдмаршала британской армии. Правление Николая II было ознаменовано экономическим развитием России и одновременно — ростом в ней социально-политических противоречий, революционного движения, вылившегося в революцию 1905—1907 годов и революцию 1917 года; во внешней политике — экспансией на Дальнем Востоке, войной с Японией, а также участием России в военных блоках европейских держав и Первой мировой войне. Николай II отрёкся от престола в ходе Февральской революции 1917 года и находился вместе с семьей под домашним арестом в царскосельском дворце. Летом 1917 года, по решению Временного правительства, был вместе с семьей отправлен в ссылку в Тобольск, а весной 1918 года перемещён большевиками в Екатеринбург, где был расстрелян в июле 1918 года, вместе с семьей и приближенными. Прославлен в лике святых Русской православной церковью как страстотерпец 20 августа 2000 года. Во время армяно-азербайджанских столкновениях 1905-1907 гг. армяне обвиняли русские власти якобы в симпатиях к азербайджанцам.

²⁵ **Газрат Аббас – Аль-Аббас, (Хазрат Абульфазль Аббас, Аламдар-е лашкере-Хосейн)** - сын Али ибн Абу Талиба - двоюродный брата, зятя и сахаба пророка Мухаммада, четвёртого праведного халифа (656—661) и первого имама в учении шиитов - от второго брака. Родился в Медине на 4 Шаабан 26 года хиджры (645 г.) Доблестный воин в войсках своего брата, имама Хосейна. Погиб мученической смертью в Кербале (Ирак) в возрасте 36 лет, пожертвовав своими руками, глазами и жизнью, чтобы донести воду до лагеря соратников имама Хусейна. Похоронен там же. В мусульманском мире (среди шиитов) 9 день мухаррама отмечается мученическая смерть его светлости Хазрата Абульфазла Аббаса – символа доблести, отваги и мужества.

²⁶ **Дашнакцутюн (Союз)** – Армянская буржуазно-националистическая партия, возникла в 1890 г. в Тифлисе. Социальная база – разные слои армянской буржуазии, лидеры – С.Заварян, С. Зорян, Микаэлян и др. Основная цель партии при создании была выражена в идее освобождения турецких армян и создание независимого армянского государства на территории Турции, во имя осуществления которой допускались все виды борьбы, вплоть вооруженной и терроризм. В период первой мировой войны

поддерживала милитаристскую политику царского правительства, организовывала добровольческие отряды и предоставляла их в распоряжение командования Кавказского фронта. В 1914-1918 гг. дашнаки действовали как агенты влияния российского самодержавия в Османской империи. Выдвигая идею освобождения турецких армян и создания «единого, общего отечества» российских и турецких армян, рассчитывали путем вооруженных выступлений и террористических актов и с помощью западных держав создать автономное государство – Великую Армению за счет территорий соседних государств – Азербайджана, Грузии, Турции – от Каспийского до Средиземного моря. После Октябрьской революции 1917 г. участвовали в организации Закавказского Комиссариата, Сейма. Бакинская организация партии имела свой ЦК и печатный орган на русском языке «Вперед». Из 50 членов Армянского Национального Совета, созданного в марте 1917 г. в Баку, 17 были представителями партии «Дашнакцутюн». В период установления власти Бакинской Коммуны вошли в союз с Бакинским Советом во главе с С. Шаумяном, в мартовских событиях 1918 г. объединенными усилиями учинили резню мусульманского населения в Баку и Шемахе, затем в других уездах Азербайджана. После распада Закавказского государства в мае 1918 г. организовали и возглавили правительство Армении. В период АДР партия была представлена отдельной фракцией в Азербайджанском Парламенте, несмотря на ослабление своей позиции и влияния. С мая 1918 г. по ноябрь 1920 г. являлась правящей партией в Армянской Республике. После Советизации Армении перешла на нелегальное положение, основная часть членов эмигрировала.

²⁷ **Шаумян Степан Георгиевич** – (1878-1918), известный большевистский деятель. Член РСДРП с 1900 г. В марте 1917 г. заочно был избран председателем Бакинского Совета рабочих депутатов, являлся одним из руководителей Бакинской большевистской организации. Редактировал в 1917г. большевистские газеты «Бакинский рабочий» и «Социал-демократ». В начале октября 1917 г. руководил первым съездом большевистских организаций Закавказья, разработавшим тактику закавказских большевиков в борьбе за переход власти в руки Советов. В декабре 1917 г. Советом народных комиссаров РСФСР был назначен Чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа., с апреля 1918 г. председатель Бакинского Совета Народных Комиссаров. В дни мартовских событий в 1918 г. непосредственно руководил большевистско-армянскими силами, осуществлявшими массовое истребление азербайджанского населения г. Баку и его окрестностей, а также г. Шемахи и Шемахинского уезда, других уездов Азербайджана. Был инициатором отправления в конце апреля 1918 г. отрядов Амазаспа в Кубинский уезд, где были учинены мусульманские погромы. После падения Советской власти в Баку в июле 1918 г. был арестован «Диктатурой Центрокаспия». 20 сентября 1918 г. в числе 26 Бакинских Комиссаров был расстрелян эсеровским правительством Закаспия и представителями английского командования в песках Закаспия.

²⁸ **Лалаев Степан Балабекович** – (1892-1919), прапорщик в русской армии, принадлежал к богатому армянскому семейству Лалаевых, сын известного дашнакцакана и националиста Балабека Лалаева, активного участника и организатора армяно-азербайджанских столкновений 1905 года в Баку и Шемахе, во время которых был убит. Член «Дашнакцутюн» и Армянского Национального Совета. В дни мартовских погромов в Баку и Шемахе и осенью 1918 г. в Петровске руководил вооруженными армянскими отрядами, лично убивал, резал, истреблял людей, нередко своих знако-

мых, издевался над своими жертвами. За чудовищные преступления в Шемахе был задержан Чрезвычайной Военно-Следственной Комиссией большевиков, но по личному указанию С.Шаумяна тотчас же был освобожден. Вновь арестован Союзными войсками англичан в Баку по представлению ЧСК в конце 1918 г., скончался в конце ноября 1919 г. в Гянджинской тюрьме.

²⁹ **Джума-мечеть** – пятничная соборная мечеть в городе Шемаха. Дата строительства - 743-744 год - основывается на исследованиях прибывшей из Тифлиса геологической комиссии во главе с принцем Шахкули Каджаром и была определена по арабской надписи на фасадной вязи Джума мечети, указывающей 126 год мусульманского летоисчисления как дату основания. Именно в это время началось строительство новых культовых сооружений — мечетей, что было связано с правлением арабов и началом распространения ислама на территории современного Азербайджана. Джума мечеть в Шемахе является самым древним исламским памятником зодчества, самой ранней мечетью на Кавказе после Дербентской соборной пятничной мечети, построенной в 734 году. Арабы придавали Шемахе большое значение, что отчетливо видно из величественного архитектурного образа Джума мечети. Значительные разрушения и повреждения, полученные Джума мечетью во время частых войн и землетрясений, были причиной частых восстановительных реконструкций здания мечети. Первая реконструкция Джума мечети началась в конце XII века в связи со значительным ущербом, полученным зданием Джума мечети от частых набегов и была обусловлена усилением мощи государства Ширваншахов при правителе Манучехре III, при котором в Шемахе возводились новые постройки, укреплялись городские стены. Вторая реконструкция мечети происходит в XVII веке, во времена правления династии Сефевидов. Третья реконструкция была произведена после сильного урона, нанесенного зданию мечети землетрясением 1859 года и была осуществлена в 1860 году губернским архитектором К.Гаджибабабековым. Эта реконструкция была произведена на основе эскизных рисунков русского художника Г. Гагарина. Четвертая реконструкция началась после сильнейшего землетрясения в 1902 году, уничтожившего и повредившего многие сооружения Шемахи. Для капитальной реконструкции мечети были собраны пожертвования меценатов и был создан специальный комитет. Проект реконструкции был первоначально поручен видному азербайджанскому архитектору того времени - Зивербеку Ахмедбекову, уроженцу города Шемаха. Одним из условий архитектора было сохранение внешних очертаний мечети, с чем не был согласен комитет, что и стало поводом для его отстранения от дальнейших работ по восстановлению мечети. Продолжить работы в мечети было предложено архитектору Иосифу Плошко. В 1918 году Джума мечеть снова пострадала при пожаре, учинённого вооружёнными отрядами армянской партии «Дашнакцутюн» под командованием Степана Лалаева, атака которой на Шемаху началась почти одновременно с кровавыми событиями в Баку. В результате пожара армянами были заживо сожжены более тысячи местных жителей – в основном, женщин, детей и стариков, пытавшихся найти в мечети убежище. Были также уничтожены раритетные манускрипты и книги. В Советские годы – 1970-80-х годах в мечете были проведены ремонтные работы. В декабре 2009 года Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым было подписано распоряжение о реставрации Джума мечеть в Шемахе как государственного историко-архитектурного памятника.

³⁰ **Алиев (Ализаде) Мамед-Таги Абдул-Самед оглы** – (1858-1918) – государственный деятель, просветитель-демократ, публицист, депутат 1-й Государственной Думы Российской империи от Бакинской губернии. Родился в Шемахе в купеческой семье, начальное образование получил в Шемахе, затем в школе при Религиозном Управлении Кавказских Мусульман в Тифлисе, Бакинском Реальном училище. Окончил Петровскую сельскохозяйственную академию. Совершенствовал образование в Европе, жил во Франции и Германии, где опубликовал научные труды по экономике исторической области Силезия. В 1883-1888 г. работал в Министерстве Финансов Российской Империи, вместе с другими служащими министерства подал в отставку в знак протеста отклонения проекта реформ министра финансов Рихтена, вернулся в Шемаху. Занимался общественной и благотворительной деятельностью, выступал в периодической печати, писал научные, литературные произведения. В 1906 г. был выбран депутатом 1-й Государственной Думы. Принадлежал к Партии Народной Свободы, входил в мусульманскую фракцию, защищал идею национальной автономии нерусских народов России. Жил в Шемахе, принимая самое активное участие в политической и общественной жизни города и уезда. Был зверски убит армянскими вооруженными бандами в дни мартовских событий 1918 г. в Шемахе.

³¹ **Клуге Александр Евгеньевич** – (1879-1919), юрист, коллежский асессор, немец, окончил юридический факультет Новороссийского университета, в 1903-1906 гг. занимал разные должности в Тифлисской Судебной палате, с 2 июня 1906 по 1907 гг. – помощник Мирowego судьи Александропольского отдела округа Эриванского Округного Суда. С января по ноябрь 1908 г. заведовал 2-м следственным участком, Бамбакским Следственно-мировым участком Александропольского уезда. 17 ноября 1908 г. получил назначение и.д. судебного следователя 1-го участка Полецкого уезда округа Витебского Округного Суда. 8 декабря 1908 г. был назначен Товарищем Прокурора Бакинского окружного суда, которую занимал вплоть до своей кончины. В июле 1918 г. был включен в состав Чрезвычайной Следственной Комиссии. Работал в следственной группе ЧСК, расследующей мартовские события 1918 г. в Баку, в его окрестностях и в Шемахе. Во время отлучки А.б.Хасмамедова исполнял обязанности председателя ЧСК. Был освобожден от несения обязанностей члена ЧСК 8 мая 1919 г. ввиду уменьшения работы и вернулся к своим прямым обязанностям Товарища Прокурора Бакинского Округного Суда. Скончался в Баку 28 октября 1919 г. от брюшного тифа.

³² **Отряд Бичерахова** - Казачий отряд, участвовавший в боевых действиях Российской империи в период Первой мировой войны на территории Персии. После октябрьского переворота был распущен. Английское военное командование в Персии привлекло на свою сторону 1500-ный отряд подполковника (войскового старшину) Л. Бичерахова. Выполняющий тайный приказ английского генерала Денстервиля, отряд Бичерахова получив согласие Бакинского Совнаркома на совместные действия против турецкой армии, 5 июля 1918 г. вышел к побережью Каспийского моря вблизи станции Алят. 30 июля, отряд Бичерахова, не поддержанный войсками Красной Армии, состоящими из армянских частей и оказавшись перед лицом поражения, отступил с вверенного ему участка фронта и направился в сторону Порт-Петровска (Махачкалы) на соединение с антисоветской армией в Дагестане. К такому решению генерала Бичерахова привели также чрезмерно осложнившиеся отношения с Бакин-

ским Советом во главе с Шаумяном. Как свидетельствовал английский генерал Денстервиль « в Баку сочли его действия коварными, а его самого называли предателем; но мы сами только позднее убедились в том, какого рода была эта публика, и принуждены были уйти из Баку, дабы спасти свои войска от бесполезного принесения их в жертву». 17 ноября 1918 г. отряд Бичерахова вместе с английскими войсками вновь вступил в Баку. Вместе с отрядом, на этот раз состоящим в основном из армянских солдат, убежавших после взятия Баку, вернулись также некоторые организаторы мартовской резни в Баку, Шемахе и Петровске. Неконтролируемый отряд отличался своей жестокостью и бесчинствами, учиненными над жителями Баку и окрестностей, о чем имеются множество свидетельств среди документов ЧСК. Имелись также случаи оскорбления государственной символики АДР. Английское командование, не будучи заинтересованным в нахождении в Баку отряда Бичерахова, подчинявшегося Добровольческой армии А. Деникина, поддержало ноту правительства АДР о выводе и разоружении отряда Бичерахова и армянских воинских частей из города. Л. Бичерахов под предлогом награждения был вызван в Лондон, а заменявшему Бичерахова, генералу Эрдели 28 февраля 1919 г., был предъявлен ультиматум о выводе отряда из пределов АДР в течение 24 часов, что и было выполнено.

³³ **Текинский Мамед Хан** – (1880 - 1938), государственный деятель в период АДР, юрист, присяжный поверенный. Туркмен по национальности, был спасен и усыновлен полковником русской армии Ехсан Ханом Нахчыванским в 1881 г. во время русско-туркменских боев в районе Гек-тепе, после штурма Ахал-Текинской крепости. В 1901 г. окончил 1 Тифлисскую мужскую гимназию, в 1901-1908 гг. с перерывами учился сначала в физико-математическом, затем юридическом факультетах Новороссийского университета. Работал в судебных органах городов Южного Кавказа, в том числе в Баку. Входил в элитные круги Азербайджанского общества. В сентябре 1918 г., будучи присяжным поверенным, был включен в состав Чрезвычайной Следственной Комиссии. Работал в следственной группе ЧСК, расследующей мартовские события 1918 г. в Баку, в его окрестностях и в Шемахе. Во время отсутствия А.б.Хасмамедова выполнял обязанности Председателя ЧСК. С 29 января по 10 октябрь 1919 г. – дипломатический представитель АДР в Армении. С 11 октября 1919 по 28 апреля 1920 гг. – заместитель министра иностранных дел АДР. После советизации Азербайджана вначале работал в НКВД Аз.ССР, с 1922 г. член Коллегии Защитников при НК Юстиции, из состава которого был исключен в январе 1926 г. Работал юристконсультком в советских гос.учреждениях. 18 ноября 1937 г. был арестован органами Государственной Безопасности Аз. НКВД якобы за принадлежность к контр-революционной националистической, повстанческо-террористической организации. Виновным себя не признал. 15 марта 1938 г. был осужден Особой Тройкой НКВД Аз.ССР к ВМН (высшей мере наказания) – расстрелу, что было приведено в исполнение в ночь с 21 на 22 марта 1938 г. В 1955 г. реабилитирован.

³⁴ **Александрович (Литовский) Алей Адамович** - (1882- ?), юрист, литовский татарин, был принят в число присяжных поверенных 21 декабря 1913 г. округа Виленской Судебной Палаты. В сентябре 1919 г. зачислен в число присяжных поверенных округа Азербайджанской Судебной Палаты. 5 декабря 1918 г. по рекомендации Мамед Хана Текинского был включен в состав Чрезвычайной Следственной Комиссии. Работал в Бакинской группе ЧСК, вел переписку Комиссии, на государственной

службе не состоял. Оставался в составе Комиссии вплоть до ее упразднения в ноябре 1919 г. В первые годы Советской власти был членом Следственной Комиссии при Верховном Трибунале. Дальнейшая судьба не известна.

³⁵ **Джафаров Мамед Юсиф Гаджибала оглы** – (1885-1938), видный общественно-политический деятель, один из основателей АДР, помощник Председателя Азербайджанского Парламента. Закончил Бакинскую мужскую гимназию и юридический факультет Московского Университета. Депутат IV Государственной Думы, член Особого Закавказского Комитета, созданного после Февральской революции в России Временным Правительством. Участвовал в работе съезда мусульман Кавказа (15-20 апреля 1917 г., Баку). Комиссар торговли и промышленности в Закавказском Комиссариате. Член Закавказского Сейма, входил в мусульманскую фракцию. Входил в Исполнительный Комитет Временного Национального Совета под председательством М.Э.Расулзаде. Один из членов Азербайджанского Национального Совета, принявшего Акт о независимости Азербайджана 27 мая 1918 г. Министр торговли и промышленности в первом Азербайджанском Правительстве, после отставки правительства в июне 1918 г., дипломатический представитель Азербайджана в Грузии (июнь 1918 –март 1919). Министр иностранных дел в четвертом Азербайджанском Правительстве. С февраля по апрель 1920 г. первый помощник (заместитель) председателя Азербайджанского Парламента. После установления Советской власти работал юридическим консультантом в хозяйственных органах. Скончался в 1938 г. в Баку.

³⁶ **Амиров Татевос Минаевич** – (1873-1918) член партии «Дашнакцутюн», анархист, руководитель террористических операций. Под влиянием брата-большевика Арсена Амиряна сотрудничал с большевиками, командир кавалерийского отряда. Один из руководителей армянских вооруженных частей, особо бесчинствующих в Баку и Шемахе в марте 1918 г., лично поджег здание мусульманского благотворительного общества «Исмаилие». Был комендантом парохода «Туркмен», на котором убегали из Баку комиссары Бакинского Совета, в том числе его брат А.Амирян. Капитан не выполнил его приказ отплыть в Астрахань и пароход прибыл в Красноводск, где он был арестован в числе 26 Бакинских комиссаров и расстрелян 20 сентября 1918 г. местными властями.

³⁷ **Гаджи-Ирзаев Аббас-Али бек** – (?-?), юрист, в государственной службе не состоял. С 27 января 1919 г. – введен в состав ЧСК, освобожден от обязанностей члена ЧСК ввиду уменьшения работы Комиссии с 1 мая 1919 г. Дальнейшая судьба не известна.

³⁸ **Ханбудагов Эйюб Ширин оглы** – (1893-1937), родился в бекской семье в Гяндже, где и получил начальное образование. После окончания Бакинского мореходного училища, служил на пассажирском судне. В период АДР работал в Министерстве Юстиции в должности переводчика, входил в состав ЧСК в качестве переводчика и секретаря, входил в состав Бакинской группы, работал также в следственной группе ЧСК, расследующей дело о разгроме гор. Кубы и селений Кубинского уезда. После установления Советской власти в Азербайджане сделал стремительную карьеру. С 19 октября 1920 года по 19 февраля 1921 года занимал должность председателя Азербайджанской Чрезвычайной Комиссии (ЧК). В 1921 году по рекомендации Наримана Нариманова был избран председателем ЦК Коммунистической партии Азербайджана. После окончания Московской Академии был отправлен в ЗСФСР и до

1936 года занимал должность заместителя Народного Комиссара Легкой Промышленности, также Народного Комиссара внутренней торговли. После упразднения ЗСФСР в 1936 году занимал должность заместителя председателя руководства «Азериттифага». 19 декабря 1936 года был арестован Народным Комиссариатом Внутренних Дел по обвинению в национализме. 23 июля 1937 года на чрезвычайном собрании НКВД СССР был лишен свободы сроком на 5 лет, далее был приговорен к смертной казни решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР принятом на выездной сессии 12 октября 1937 года. Согласно решению Верховного Суда СССР от 26 декабря 1957 года был оправдан.

³⁹ **Новруз Байрам** – один из древнейших праздников весны и начала нового года ряда народов Евразии. Название - в переводе с персидского языка означает «новый день». Отмечается в дни, на которые приходится весеннее равноденствие, как государственный праздник: 21 марта в Албании, Азербайджане, Афганистане, Индии, Иране, Македонии, Турции и в Узбекистане, а также в Казахстане — 21—23 марта, в Таджикистане и Киргизии, на местном уровне празднуется в Татарстане, Башкортостане и ряде других автономий Российской Федерации.

⁴⁰ **Тагиев Гаджи Зейналабдин Мамедтаги оглы** – (1838 -1924) Известный азербайджанских предприниматель, меценат, просветитель и общественный деятель. В 1872 г. после отмены откупной системы в нефтяной промышленности, арендовал земельные участки и в том же году открыл 12 первых нефтедобывающих предприятий, среди которых была фирма «Г.З.А. Тагиев». В 1877 г. получил ранг купца 2 гильдии, в 1882 г. купца 1 гильдии. В конце 1870-х годов Г.З.А. являлся владельцем 3 нефтяных заводов, в 1886 г. основал собственный торговый дом «Г.З.А. Тагиев». В 1890-х годах Г.З.А. Тагиев предложил проект строительства железной дороги Шуша-Евлах, купил газету «Каспий» и привлек к ее руководству национальную интеллигенцию, вложил свой капитал в развитие национальной текстильной промышленности, судоходства, строительства, сельского хозяйства, рыболовства. Проведение телефонной связи и шолларского водопровода в Баку, строительство торгового пассажа (ныне здание Бакинского универмага), банка, своего дома (ныне – здание Музея истории Азербайджана), здания Тагиевского театра (ныне – Театр музыкальной комедии), здания женской мусульманской школы (ныне – здание Института рукописей НАН) связаны с его именем. Оплачивал учебу многих представителей азербайджанской интеллигенции, будущих государственных и общественных деятелей, среди которых: Нариман Нариманов, Али Мардан бек Топчибашев, Насиб бек Усуббеков, Мешади Азизбеков, Бехбуд Ага Джеваншир, Карабек Карабеков, Мирза Давуд Гусейнов, Худадат бек Мелик-Асланов, Мир Гасан Везиров, Шовкет Мамедова, Рухулла Ахундов и др. Оказывал материальную поддержку участникам конституционного движения в Иране и Тебризе (1905-1911). В период АДР поддерживал политику независимого национального правительства, участвовал в торжественных государственных мероприятиях. Трагедия, происшедшая в семье Г.З.Тагиева в середине марта 1918 г., гибель и похороны его сына, офицера мусульманской Дикой дивизии, были использованы большевистско-дашнакскими силами для провоцирования мартовских событий 1918 г. в Баку и Шемахе. В это тяжелое для всех азербайджанцев время Г.З.Тагиев оказал существенную помощь пострадавшему населению, обеспечив тысячи обездоленных семей г. Баку и окрестных деревень, а также беженцев из Шемахи продук-

тами питания, привезенными из Ирана в пароходах и товарами первой необходимости. После установления Советской власти в Азербайджане все предприятия Тагиева были национализированы. Ему было разрешено жить на своей даче в Мардакянах, где он и скончался 1 сентября 1924 г.

⁴¹ **Сафикюрдский Аслан бек Агалар бек оглы** - (1881-1937), видный государственный и партийный деятель. Родился в сел. Сафикюрд Елисаветпольской (Гянджинской) губернии. В 1901 г окончил Гянджинскую классическую гимназию, поступил на юридический факультет Харьковского университета, в 1902 г. перевёлся в Петербургский университет. За активное участие в студенческом движении в 1903 г. был отчислен из университета, в 1904 г. снова восстановлен. С 1907 г. - помощник присяжного поверенного в органах юстиции Елисаветпольской (Гянджинской) губернии. Занимался благотворительной деятельностью: один из руководителей гянджинского мусульманского благотворительного общества и председатель общества актёров. В 1911-1917 гг. работал на должности присяжного поверенного в уездных судебных органах Шуши и Гянджи. После февральской 1917 г. революции был избран в состав исполнительного комитета Гянджинского уезда, членом Гянджинского Мусульманского Национального Совета. В 1917 г. принял участие на съезде нерусских народностей Российской империи, проведённом в Киеве. Являлся членом Закавказского Сейма, входил в мусульманскую секцию Сейма, представлял блок мусульманских социалистов. В период АДР – член Парламента, входил во фракцию социалистов. В III правительственном кабинете (с декабря 1918 по март 1919 г.) занимал пост министра почт и телеграфа, а также труда, а в IV правительственном кабинете (март-декабрь 1919 г.) – должность министра юстиции и труда. Во время событий 27 апреля 1920 г. участвовал в переговорах с большевиками. После установления Советской власти в Азербайджане работал заместителем наркома юстиции Азербайджанской ССР. В 1922 г. был арестован по делу «Закавказского Комитета Партии Социал-Революционеров (эсеры)» и осужден на 3 года. После освобождения работал юрисконсультom в объединении «Азнефть». Скончался 15 октября 1937 г. в Баку после тяжёлой болезни.

⁴² **Клоссовский Чеслав Болеславович** – (1874- ?), юрист, поляк, надворный советник, окончил юридический факультет Варшавского университета, в 1900-1903 гг. служил в судебно-следственных органах г. Варшавы и Варшавского округа. Начиная с 1903 г. работал в пределах Азербайджана на разных должностях – помощника Мирowego Судьи, Судебного Следователя, исполняющего обязанности Мирowego Судьи (в системе Мин. Юстиции), а также, Советника Губернского Правления по юридическому отделению, Члена Губернского по Поселянским делам Присутствия (в системе МВД): в Ленкораньском уезде Бакинской губ., (1903-1904), в Елисаветпольском Окружном Суде (1904-1905), Джебраилском, Зангезурском, Сисианском, Карьягинском, Елисаветпольском следственных участках Елисаветпольской и Эриванской губерний (1905-1910), с февраля 1910 г. – Советник Елисаветпольского Губернского Правления, с 17 июля 1911 г по август 1918 г. – член Елисаветпольского (Гянджинского) по поселянским делам Присутствия, с 6 апреля 1913 г. также – почетный мировой судья Елисаветпольского окружного суда. 4 августа 1918 г. за сокращением штатов был уволен от занимаемых должностей, при этом будучи оставлен за штатом. С 8 декабря 1918 г. - в составе Чрезвычайной Следственной Комис-

сии. 24 января 1919 г. был назначен Тов. Прокурора Гянджинского окружного Суда, в июне т.г. переведен на тот же должность в Бакинском окружном суде, как «очень способный и дельный» специалист. Работал в составе ЧСК до 1 октября 1919 г., после чего вернулся к несению своих прямых обязанностей. С февраля 1920 г. как тов. Прокурора Бакинского Окружного Суда заведовал местами заключения гор. Баку. В Советский период работал в органах Наркомата Юстиции, входил в Совет Коллегии Правозаступников. Дальнейшая судьба не известна.

⁴³ **Нариманов Нариман Наджаф оглы** – (1870 - 1925), выдающийся общественный, политический и государственный деятель, писатель, публицист, врач. Учился в Новороссийском и Одесском университетах. Член партии «Гуммет», один из основателей иранской социал-демократической партии «Муджахид». В начале 1909 г. за участие в иранском революционном движении был арестован в Тифлисе. В сентябре 1909 г. сослан в Астрахань, где продолжал активную общественно-политическую деятельность и врачебную практику, был избран председателем правления Астраханского народного университета, в 1913 г. членом Астраханской городской думы. В 1913 г. вернулся в Баку. В марте 1917 г. был избран председателем организационного комитета партии «Гуммет» и членом Бакинского комитета РСДРП(б), входил в состав бюро Бакинских мусульманских общественных организаций. 3 июля редактор газеты «Гуммет», с октября 1917 г. член Бакинской городской думы. Поддерживая большевиков в Баку осенью 1917 г. - весной 1918 г., в дни мартовских событий пытался остановить политику национальной вражды, проводимой большевистско-армянскими силами, переросшую в вооруженную войну, направленную против всего азербайджанского народа. Организованное 30 марта Наримановым совместное заседание Шаумяна, Джапаридзе и мусульманских социалистов для предотвращения дальнейшей эскалации напряженности в городе не возымело результатов. Потрясенный ужасающими масштабами зверств в отношении азербайджанского населения, в письме С.Шаумяну и П.Джапаридзе осудил руководство Бакинского Совета за мартовские события, которые «запятнали и очернили Советскую власть». Тем не менее, в оценке этих событий в целом, разделял позицию большевиков, возложив вину на националистические партии – «Дашнакцутюн» и «Мусават». Являясь членом созданного в конце марта 1918 г. Революционного Комитета обороны Баку и его районов, подписал указ о расформировании армянских военизированных отрядов. 25 апреля 1918 г. был включен в состав Бакинского Совета Народных Комиссаров в качестве комиссара по городскому хозяйству. В период АДР находился в политической оппозиции. В первые дни советизации в апреле 1920 г., предотвратил физическую ликвидацию и репрессии советского руководства против многих политических и государственных деятелей АДР, создал условия для их эмиграции. Был председателем Совнаркома Азербайджанской ССР, затем председателем Союзного Совета ЗСФСР. С декабря 1922 г. находился на посту одного из заместителей председателя ЦИК СССР. Скончался 19 марта 1925 г. в Москве, где и похоронен у Кремлевской стены.

⁴⁴ **Следственная комиссия большевиков** – Имеется в виду **Чрезвычайная военно-следственная комиссия** (ЧВСК) - была создана большевистской властью после разгрома г. Шемаха и его 72 селений. Чудовищные зверства, учиненные армянскими частями во главе с С.Лалаевым над мирным населением, особенно сожжение дотла Шемахинской Джума мечети, полной женщин и детей, всколыхнули все азербай-

джанское общество. Большевистский Бакинский Совет, вынужденный успокоить население и, особенно тысячи Шемахинских беженцев, назначил ЧВСК во главе с председателем ЧК Кожемяко. На основании документов-свидетельств, поступивших в комиссию, в том числе от русского священника в Шемахе, С.Лалаев был задержан Комиссией. С.Лалаев прямо из кабинета позвонил С.Шаумяну, который, позвав Кожемяко к аппарату, упрекнул его за «шалости», поскольку «арестовывать Лалаева неудобно». С.Лалаев был отпущен на свободу. Через несколько дней ЧВСК была упразднена, так и не рассмотрев ни одну из жалоб.

⁴⁵ **Кожемяко Д.И.** – большевик, член РСДФП, слесарь по профессии, окончил одно-классное народное училище. Работал по заданию партии в профсоюзах, следственных органах, следователем в военных трибуналах, трудовом суде. В 1918 г. был назначен председателем Чрезвычайной Военной Следственной Комиссии, созданной большевистской властью Баку, вскоре после мартовских событий в Баку и Шемахе, с целью успокоит азербайджанское общество, особенно тысячи шемахинских беженцев, заполнивших Баку и другие уезды Азербайджана. Комиссия должна была расследовать факты чудовищных зверств, учиненных армянскими частями во главе со Степаном Лалаевым над мирным населением Шемахи, в том числе сожжение дотла Шемахинской Джума мечети, полной женщин и детей. На основании документов-свидетельств, поступивших в комиссию, в том числе от русского священника в Шемахе, Кожемяко провел расследование и арестовал С.Лалаева. Тот прямо из кабинета позвонил С.Шаумяну, который, позвав Кожемяко к аппарату, упрекнул его за «шалости», поскольку «арестовывать Лалаева неудобно». С.Лалаев был отпущен на свободу. Через несколько дней ЧВСК была упразднена. В Советское время Кожемяко вновь был направлен на работу в Органы Народного Комиссариата Юстиции. Преподавал на юридических курсах, служил юрисконсультантом в Союзе Совторгслужащих. В 1926 г. был назначен юрисконсультантом законодательного отдела Наркомюста, от которой в январе 1927 г. отказался, ссылаясь на не владение необходимыми в этой области теоретическими и практическими знаниями: «Принимая во внимание, что в НКЮ я попал не по своей воле, а командирован партией, ...считаю: что я как коммунист, выполнил свои обязательства по отношению к партии, и дальнейшее мое пребывание в НКЮ обременительным для его бюджета. Получать же жалованье, не принося пользы, как честный коммунист не могу...». Однако, Наркомюст не смог удовлетворить просьбу Кожемяко об увольнении без согласия ЦК АКП, самовольное же непосещение им работы было оценено как серьезное нарушение партийной дисциплины. Обсуждался вопрос о переводе его на должность Народной Судьи по городу Баку, где Наркомюст «не имел ни одного партийца». Дальнейшая судьба не известна.

⁴⁶ **Азизбеков Мешади Азим-бек оглы** – (1876-1918), известный революционер, большевик, один из Бакинских комиссаров, родился в Баку в семье рабочего-каменщика. Член РСДРП с 1898 года. В 1908 году он окончил Петербургский технологический институт. Принимал активное участие в революции 1905—1907 годов, был одним из руководителей социал-демократической группы «Гуммет». В 1917 году избран членом Бакинского совета. 5 апреля 1917 года был избран председателем Бюро бакинских мусульманских социалистических партий. 15-20 апреля участник 1-го съезда мусульман Кавказа, с 23 апреля член бюро коллегии пропагандистов и агит-

таторов Бакинского комитета РСДРП(б). В Бакинском СНК был губернским комиссаром и заместителем наркома внутренних дел, а с мая 1918 года — также председателем исполкома Совета крестьянских депутатов Бакинского уезда. После падения советской власти в Баку был арестован. Расстрелян в числе 26 Бакинских комиссаров.

⁴⁷ **Гуммет** - социал-демократическая партия, (азерб. *hümmət* — рус. *энергия*) — первая в мусульманском мире партия социал-демократической направленности. Сформирована в 1904 г. в Баку молодыми азербайджанскими активистами - М. Э. Расулзаде, С. М. Эфендиев, Р.Мовсумов, А. Д. Ахундов и М. Г. Гаджинский. В 1905-м году к группе присоединились Мешади Азизбеков и Нариман Нариманов, члены Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Последние значительно усилили лидерство партии «Гуммет», которая значительно выросла в период Революции 1905—1907 годов в России. Кроме Баку, распространила свое влияние на провинциальные районы Азербайджана и установила филиалы в Дагестане и Транскаспии. С октября 1904 по февраль 1905 года участники организации выпустили шесть номеров нелегальной газеты «Гуммет» на азербайджанском языке. В период революции 1905—1907 годов участвовала в организации стачек, в работе Бакинского совета, Союза нефтепромышленных рабочих, выпускала листовки. Отделения «Гуммет» были открыты в Елизаветполе, Джульфе, Нахичевани, Шемахе, Шуше. Тифлисское отделение, в котором к концу 1905 года участвовало более 100 человек, особенно отличалось своей политической активностью. В 1906—1907 годах издавала газеты «Девет-Коч» («Призыв») — совместно с армянской секцией БК РСДРП, затем «Тюкмялю» («Эволюция») и «Елдаш» («Товарищ»), а также опубликовала программу РСДРП на азербайджанском языке. В середине 1907-го года, когда российское правительство прибегло к жестким репрессиям, некоторые из ее лидеров, были арестованы, другие спаслись бегством в Иран, к концу года «Гуммет» потеряла организованность. После Февральской революции, 3 марта 1917-го года, партия была восстановлена Наримановым и Азизбековым, в районах Баку и в других городах Азербайджана были созданы ее отделения и группы. В июне 1917 был избран новый комитет «Гуммет» под председательством Н. Н. Нариманова. С 3 (16) июля 1917 выходила газета «Гуммет». Партия была представлена вместе с Бакинской партийной организацией на VI съезде РСДРП(б). Однако, в связи с конкуренцией с партией «Мусават», ей не удалось вернуть своих приверженцев. После поражения Бакинской коммуны в Баку и установления власти Азербайджанской Демократической Республики часть членов «Гуммет» уехала в Астрахань, часть перешла в подполье. Члены «Гуммет» - меньшевики вошли в парламент Азербайджанской Демократической Республики, образовав социалистическую фракцию. 11 февраля 1920-го года «Гуммет», Бакинская организация РКП(б) и организация «Адалят» объединились в Азербайджанскую коммунистическую партию. В апреле 1920 члены «Гуммет» приветствовали установление советской власти в Азербайджане.

⁴⁸ **Джеваншир Бейбут Хан** – (1886-1921), видный государственный и общественный деятель АДР. Получил образование в Англии и Германии, инженер, член «Российского технического общества». Занимался научной деятельностью, один из руководителей Мусульманского благотворительного общества. В 1917 г. входил во Временный Исполнительный Комитет Мусульманского Национального Совета. В июне-

декабре 1918 г. – министр внутренних дел в Азербайджанском Правительстве, с октября также министр торговли и промышленности. Член Азербайджанского Парламента, входил во фракцию беспартийных. После установления Советской власти в Азербайджане работал в нефтяной промышленности. В 1921 г. был отправлен в командировку в Стамбул для закупки оборудования, где был убит армянским террористом Торлагяном. Перед смертью заявил: «У меня нет личных врагов, меня могут убить только армяне».

⁴⁹ **Армянский Национальный Совет (АНС) – Армянский Национальный Комитет** – национальные организации, созданные после февральской революции 1917 г. в городах Азербайджана (как и во всей территории Закавказья) по инициативе армянских политических организаций. Имели свои военные и террористические формирования. Вели совместно с «Дашнакцутюн» широкую пропагандистскую, агитаторскую и организаторскую работу для объединения и мобилизации армянского населения в целях осуществления политических задач, главная из которых заключалась в создании армянской государственности на территориях Азербайджана, Грузии и Турции. В АНС, действующий в Баку, входили почти все видные представители армянской знати и интеллигенции, крупные нефтепромышленники и миллионеры, на средства которых правое крыло Совета выпускало крайне националистическую газету «Наше время». С начала 1918 г. АНС тесно сотрудничал с большевистским Бакинским Советом, костяк которого составляли также армяне, готовился к противостоянию с азербайджанскими силами, а также к предстоящей резне мусульманского населения. Именно в АНС готовились списки и адреса известных и состоятельных бакинцев-мусульман, персидско-подданных, по которым армянские солдаты в течение нескольких дней громили квартиры и убивали людей. АНС, объявивший нейтралитет в канун мартовских событий, с началом противостояния возглавил и направлял действия армянских вооруженных отрядов. Многие видные представители АНС, в том числе армянской интеллигенции, самолично участвовали в Азербайджанских погромах. Штаб АНС в дни мартовских событий в Баку размещался в доме известного армянского миллионера и общественного деятеля Амбарцума Меликова, куда приводили плененных азербайджанцев. АНС также распоряжался награбленным в дни мартовских событий имуществом азербайджанцев, размещая его в складах и помещениях, принадлежащих армянам. После событий высшее армянское общество Баку всячески отказывалось признать участие армян в зверствах, творимых в отношении азербайджанцев, однако среди арестованных и объявленных в розыск ЧСК лиц, обвиненных в преступлениях против мирного мусульманского населения Баку, Шемахи и окрестностей, было немало руководителей и видных деятелей АНС.

⁵⁰ **Комиссар полиции Союзных держав в Баку** - имеется в виду английский офицер, полковник Ф.П.Коккерель, назначенный 17 ноября 1918 г. командованием союзных войск комиссаром полиции Союзных держав в Баку.

⁵¹ **Командующий Союзными Войсками** - имеется в виду английский генерал Томсон Уильям М., военный губернатор Баку с 17.11.1918 по 24.05.1919.

⁵² **Ф.П.Коккерель** - полковник, начальник английской Особой колониальной полиции в Персии в 1916-1918 гг., полицейская власть которого в это время простиралась от Персии до Ирака. В ноябре 1918 г. в составе Союзных войск прибыл в Баку, был назначен комиссаром полиции союзных держав в Баку.

⁵³ **Джапаридзе Прокофий (Алеша) Апраксионович** – (1880–1918), известный большевистский деятель. После февральской революции 1917 г. вошел в состав Бакинского Комитета РСДРП и Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1917 г. делегат VI съезда РСДРП от Бакинской организации большевиков. В сентябре 1917 г. руководил всеобщей стачкой Бакинских нефтепромышленных рабочих. С декабря 1917 г. - заместитель председателя Исполнительного Комитета Бакинского Совета, с января 1918 г. - его председатель. В марте 1918 г. являлся членом высшего военно-политического органа большевиков – Комитета революционной обороны. В дни мартовских событий 1918 г. в Баку, поддерживая борьбу большевистско-дашнакского союза против национальных сил Азербайджана, вместе с тем предпринимал определенные действия для предотвращения кровопролития и резни мирного мусульманского населения города. После падения Советской власти в Баку в июле 1918 г. был арестован «Диктатурой Центрокаспия». 20 сентября 1918 г. в числе 26 Бакинских Комиссаров был расстрелян эсеровским правительством Закаспия.

⁵⁴ **Томсон Сер Уильям Монтгомери** – (1877-1963), английский офицер, генерал-лейтенант, в 1917-1918 гг. генеральный командующий британским экспедиционным корпусом в Персии (Иран). Возглавлял союзные войска, введенные в Баку 17 ноября 1918 г. согласно Мудросскому договору о перемирии. По прибытии в Баку объявил себя генерал-губернатором города, ввел военное положение. Вся административная, судебная и исполнительная власть в городе и в Бакинской губернии перешла в ведение генерала Томсона, рассматривающего Кавказ и Азербайджан частью России (не большевистской). Изначальное негативное отношение генерала к Азербайджанской Республики, после ознакомления с политической ситуацией в Баку и руководителями АДР, изменилось в течение довольно короткого времени и 28 декабря 1918 г. Азербайджанское правительство было признано Союзным командованием и Английским правительством единственной законной властью на территории Азербайджана. Покинул Азербайджан в мае 1919 г. по решению Английского Правительства о выводе английских войск из Кавказа, с которым лично не был согласен.

⁵⁵ **1-й и 4-й свидетели** по делу обвинения Лалаева, были жителями г. Баку и давали показания по мартовским событиям в г. Баку. Эти свидетельства вошли в книгу: Солмаз Рустамова-Тогида. Март.1918 г. Баку. Азербайджанские погрому в документах. Баку, 2009, с. 763-764.

⁵⁶ **Шераванд, Шерван, Шераван** – ошибка в переводе, имеется в виду «Ширван», так называли местные жители город Шемаху.

⁵⁷ Ошибка в переводе. **Местность под таким названием не существовала.**

⁵⁸ **Имеется в виду** Тазапирская улица.

⁵⁹ **Чезмайдан** – имеется в виду молоканское селение Кыз-Майдан.

⁶⁰ **Газета «Азербайджан»** - официальный орган Азербайджанского правительства, издавалась в 1918-1920 гг. на двух – азербайджанском и русском языках. До освобождения Баку (15 сентября 1918 года) печаталась в Гяндже (4 номера), после – в Баку как «ежедневная политическая, общественная, литературная, экономическая тюркская газета». Всего вышло 433 номеров. Первые 4 номера были выпущены Редакционной коллегией, начиная с 5-го номера редакторами в разное время были: Джейхун бек Гаджибеков, Узеир бек Гаджибеков, Халил Ибрагим (короткое время),

и Шафи бек Рустамбеков. Прекратила свое издание в связи с Апрельским переворотом в 1920 г.

⁶¹ **Муртуза Мухтаров** — (1865—1920) крупный азербайджанских нефтепромышленник и меценат. С малых лет занимался извозом, затем устроился рабочим-черпальщиком на промысле в окрестностях селений Балаханы — Забрат. Став мастером произвел в полумеханизированном станке «Молот» усовершенствования. В 1890-м году открыл частную бурильную контору, взял подряд и успешно пробурил скважину глубиной в 1100 метров. В 1895 году создал модернизированный станок ударного штангового способа бурения, на который получил государственный патент. Это изобретение он назвал «бакинской бурильной системой». Станок Мухтарова был значительно совершеннее всех, известных ранее. Имел ряд других изобретений. В конце XIX века ввел в строй целый завод бурильного оборудования в Биби-Эйбате - первое в России промышленное предприятие по производству нефтяного оборудования. Невдалеке от завода выстроил трехэтажное здание для рабочих и служащих, что привлекло к нему лучшую рабочую силу и принесло дополнительные прибыли. Станки, оборудование, выпускаемые на заводе Мухтарова, продавались на российском рынке, экспортировались за границу. Был известен как щедрый благотворитель. Являлся попечителем Бакинского реального училища, Темирхан-Шуринской женской гимназии, почетным членом общества распространения грамотности и технических сведений среди горцев Терской области, почётным членом Петербургского мусульманского благотворительного общества, учредителем 40 стипендий для высших и средних специальных учебных заведений. Был почитателем западноевропейской культуры, вел борьбу с суевериями и предрассудками в среде горцев. С этой целью издавал в Баку газету «Таракки». Строил школы и мечети. В 1908 году во Владикавказе на средства М.Мухтарова была построена уникальная по многим параметрам Владикавказская суннитская мечеть - одна из крупнейших мечетей на Северном Кавказе, и самых богатых в плане внутренней росписи на территории России. В 1911—1912 гг. построил в Баку дворец на улице Персидской (ныне – ул. Муртуза Мухтарова), получивший впоследствии название Дом Мухтарова (архитектор-Ю.Плошко). В первые послереволюционные годы здесь помещался Клуб освобожденной тюрчанки, а затем Дворец бракосочетания. После захвата Красной Армией Баку 28 апреля 1920 г. в своей резиденции покончил жизнь самоубийством.

⁶² **Агабеков Рза бек Газрат бек оглы** – (1894-1961), юрист, окончил Московский университет, активный участник Азербайджанского национального освободительного движения, Член Азербайджанского Парламента. Был введен в состав парламента согласно закону «Об образовании Азербайджанского Парламента» который был принят Национальным Советом 19 ноября 1918 г. Представлял фракцию партии «Мусават» и беспартийных. Дальнейшая судьба не известна.

⁶³ **Имеется в виду** Следственное дело «По обвинению Лалаева и др., по 1, 2 и 4 п.1453 ст. Улож. о Наказ., находящегося в производстве Прокурора Бакинского Окружного Суда.

⁶⁴ **Имеется в виду** Следственное дело «По обвинению Степана Лалаева по 13, 1453, 1455, 1525, 1606 и 1607, ст. Улож. о Наказаниях».

⁶⁵ **Леонтович Александр Константинович** – (? – 1920), юрист, присяжный поверенный, общественный деятель, один из организаторов и руководителей Домовых

Комитетов, организации, созданной в Баку в 1917 г., после заметного ослабления деятельности городского самоуправления и его органов. Домовые комитеты и их объединения — участковые, районные и “Центральный” — исполняли целого ряда функций и обязанностей: регистрация населения, наблюдение за чистотой и порядком в домах и на улицах, охрана безопасности в домах и на улицах, в особенности в ночное время, борьба с огнем, а также забота о питании населения, снабжение его предметами первой необходимости, борьба с эпидемиями и т. д. А.К. Леонтович был председателем Центрального домового комитета - “Центродома” с середины 1917 до июля 1919 года. Организация успешно функционировала вплоть до апреля 1920 г. Во время мартовских событий в Баку жена Леонтовича была тяжело ранена, а трехлетний сын убит. Отсутствовавший с июля 1919 года по март 1920 года, А.К. Леонтович в апреле 1920 года в первые же дни занятия города Баку большевиками был арестован и в ту же ночь расстрелян в тюрьме, как контрреволюционер и “деникинec”.

⁶⁶ **Меликов Амбарсум Сергеевич** – (? - ?) нефтепромышленник, владелец Зугульбинского водопровода. Один из руководителей Армянского Национального Совета и Бакинского Комитета «Дашнакцутюн». Будучи одним из организаторов мартовских погромов, вместе с сыновьями – Георгием и Сергеем, лично участвовал в убийстве людей. В его доме на Большой Морской ул. (ул. Бюльбюля) размещался штаб «Дашнакцутюн», туда же приводили плененных азербайджанцев. В сентябре 1918 г. выехал в Астрахань.

⁶⁷ **Нагиев Муса Гаджиали оглы**– (1842 – 1919), известный азербайджанский нефтепромышленник, миллионер, меценат. Начал свою деятельность в конце XIX в. с мануфактурной торговли. Являлся арендатором нефтеносных земельных участков в Балаханах, Сабунчах, Амираджанах и Раманах. В 1887 г. основал нефтедобывающую фирму «М.Нагиев», которая в 1913 г. вошла в число самых доходных фирм Баку. Был владельцем нефтяных промыслов в Сабунчах, Сураханах и Раманах, нефтеперерабатывающих заводов, механических мастерских, завода по производству паровых котлов, нефтеналивных судов, а также крупной недвижимости. Являлся крупным судовладельцем на Каспийском море. В 1914 г. вместе с Г. З. Тагиевым учредил Бакинский Торговый Банк, финансировал постройку более 70 зданий в городе Баку, среди которых «Исмаилие», отель «Новая Европа» здание городской клиники скорой помощи, кирхи и др. Скончался в марте 1919 г. в Баку.

⁶⁸ **Каджар Мансур Мирза Ханбаба Хан оглы, принц.** (1869- 1931) Военачальник. Происходит из азербайджанской династии шахов - Каджаров. Окончил кавалерийскую школу в Елисаветграде (ныне – г. Кировоград, Украина) в чине корнета. Участник русско-японской войны в 1905 г., сражался при Порт-Артуре, был награжден двумя орденами – Св. Анны второй степени и Св. Владимира. Получив ранение, был отправлен на службу в штаб Кавказского военного округа. Участник Первой мировой войны. За проявленное мужество на полях сражений был награжден золотым оружием, служил командиром в 12 тверском гусарском полку. После февральской революции 1917 г. возвратился в Баку. В период АДР служил в вооруженных силах. После установления Советской власти занимал различные гражданские должности в Совнарком Азербайджанской ССР. В дни мартовских событий был задержан армян-

скими солдатами, при содействии друзей избежал смерти, был взят в плен. В качестве свидетеля и пострадавшего давал показания ЧСК.

⁶⁹ **Срванцтян Амазасп** – (1873-1921), бывший офицер русской армии, член партии «Дашнакцутюн», ярый националист. Родился в городе Ван Османской Империи. С ранних лет участвовал в националистическо-террористическом движении, опасаясь преследований турецких властей, уехал в г. Эриван, после - в г. Шушу. Стал известен своими кровавыми расправами над турецким и азербайджанским населением в 1905-1907 гг. В 1908г. вместе с другими дашнакскими деятелями был арестован царским правительством и был выслан в Сибирь на 15 лет. В 1913г. смог бежать и уехал в Европу, в 1914г. - в Константинополь. Во время первой мировой войны командовал 3-й армянской добровольческой дружиной. В 1915г. участвовал в боях в Ване, Битлисе и Хизане, где учинил массовое истребление местного турецкого населения. В феврале 1917г., в России был назначен командующим полицейских отрядов в Алашкертском районе. В начале 1918г. прибыл в Баку, где командовал армянским воинским формированием. Был членом Армянского Национального Совета в Баку. Как командир 3 бригады Красной Армии в марте-сентябре 1918 г. руководил выступлениями армянских вооруженных отрядов против мирного мусульманского населения в Баку, Шемахе и в др. азербайджанских регионах. В конце апреля- мае 1918 г. учинил мусульманские погромы в Кубинском уезде. Прославился особой жестокостью, возглавляемый им вооруженный отряд называл карательным, себя героем армянского народа и защитником его интересов. Перед наступающими войсками Кавказской Исламской Армии и азербайджанских частей оставил Шемахинский фронт и отступил в Баку, затем перед освобождением Баку 15 сентября 1918 г., оставил фронт и бросив своих солдат, убежал в Персию. После завершения первой мировой войны вернулся в Армению, был назначен командиром Армянской армии в регионе Нор Баязет. После установления советской власти в Армении был арестован, в феврале 1921г. был убит армянскими коммунистами в Ереванской тюрьме.

⁷⁰ **Корганов Григорий Никонович** – (1886-1918), известный большевистский деятель. После февральской революции 1917 г. активно участвовал в формировании Кавказских революционных армейских организаций. В дни мартовских событий 1918 г. в Баку руководил военными операциями большевистско-дашнакских бригад Красной Армии, ведущих боевые действия в мусульманских частях города, истребляя мирное азербайджанское население. С апреля 1918 г. народный комиссар по военно-морским делам Бакинского Совнаркома. Вместе с Шаумяном принимал решение об отправлении отрядов Амазаспа в Кубинский уезд, где были учинены мусульманские погромы. Во время наступления турецко-азербайджанских войск на Баку один из организаторов обороны города. Был расстрелян в числе 26 Бакинских Комиссаров.

⁷¹ **Имеется в виду** принятый Азербайджанским Революционным Комитетом 15 октября 1920 г. «**Декрет о поступлении в доход казны залогов**, внесенных за обвиняемых в преступлениях до 28 апреля 1920 г.». Декрет был опубликован в газете «Коммунист» от 26 октября 1920 г.

Приложение

Национально-религиозный состав населения г. Шемахи и Шемахинского уезда к 1-му января 1916 г.

Название города и уезда	Русские				Остальные Европейские народности		Армяне				Горцы кавказские				Разные азиатские народности						Евреи		Итого:				
	православные		сектанты				григорьяне		прочих исповеданий		магометане		прочих исповеданий		разные азиаты христиане		Магометане шииты		Магометане сунниты								
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	об. пола		
г. Шемаха	618	540	364	215	2	2	2147	2010	167	210	28	17	137	32	-	-	6626	5896	4645	3960	77	59	14811	12941	27752		
<i>в том числе:</i>																											
коренное население	504	421	364	215	-	-	2147	2010	167	210	-	-	5	6	-	-	6626	5896	4645	3960	43	40	14501	12758	27259		
временно проживающие	114	119	-	-	2	2	-	-	-	-	28	17	132	26	-	-	-	-	-	-	34	19	310	183	493		
Итого:	1737				4		4534				214				21127						136		27752				
Шемахинский уезд	809	702	8.220	7.925			9259	8283	155	119	17	8	195	83	70	69	15054	12956	37373	31196	694	611	71848	61952	133800		
<i>в том числе:</i>																											
коренное население	692	618	8.153	7.875	2	-	9247	8279	155	119	-	-	-	-	-	-	14757	12699	37302	31162	693	611	70999	61363	132362		
временно проживающие	117	84	67	50	-	-	12	4	-	-	17	8	195	83	70	69	297	257	71	34	1	-	849	589	1438		
Итого:	17.656				2		17816				303				139						96579		1305		133800		
Всего:	19393				6		22350				517				139						117706		1441		Итого: 161552		

Источник: Кавказский Календарь на 1917 г.

Пространство и население Кавказского края к 1-му января 1916 года.

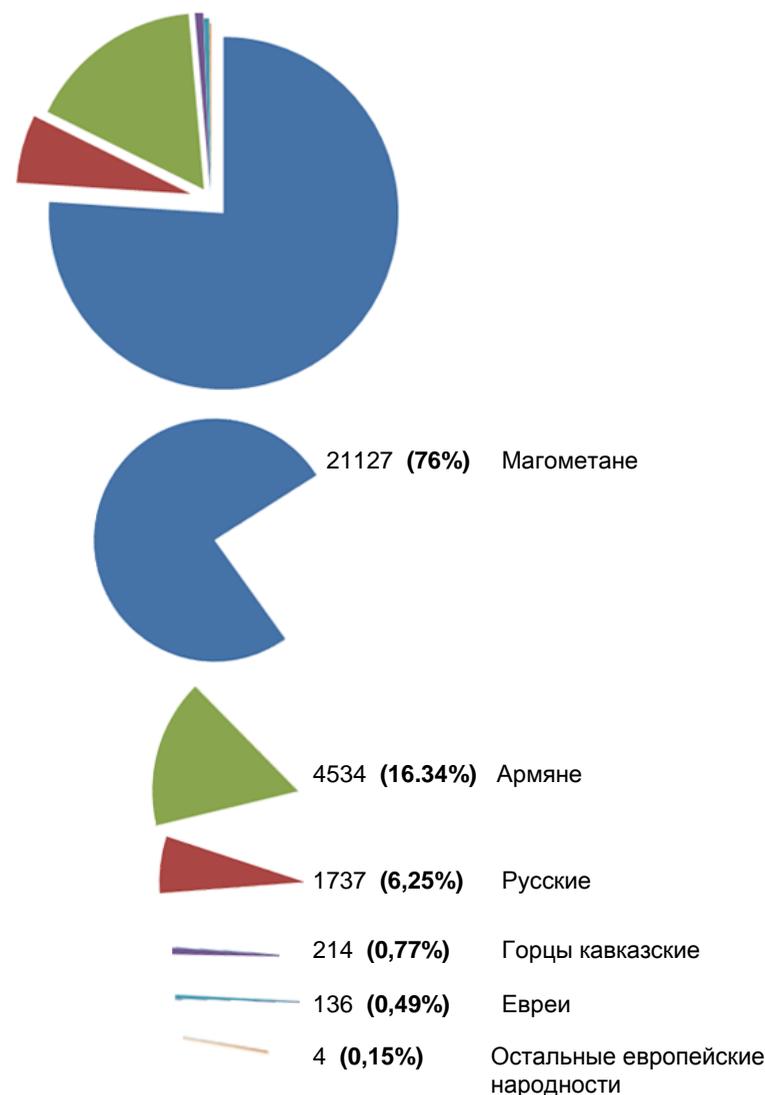
(по данным уездной администрации).

Тифлис, 1916, стр. 178-181

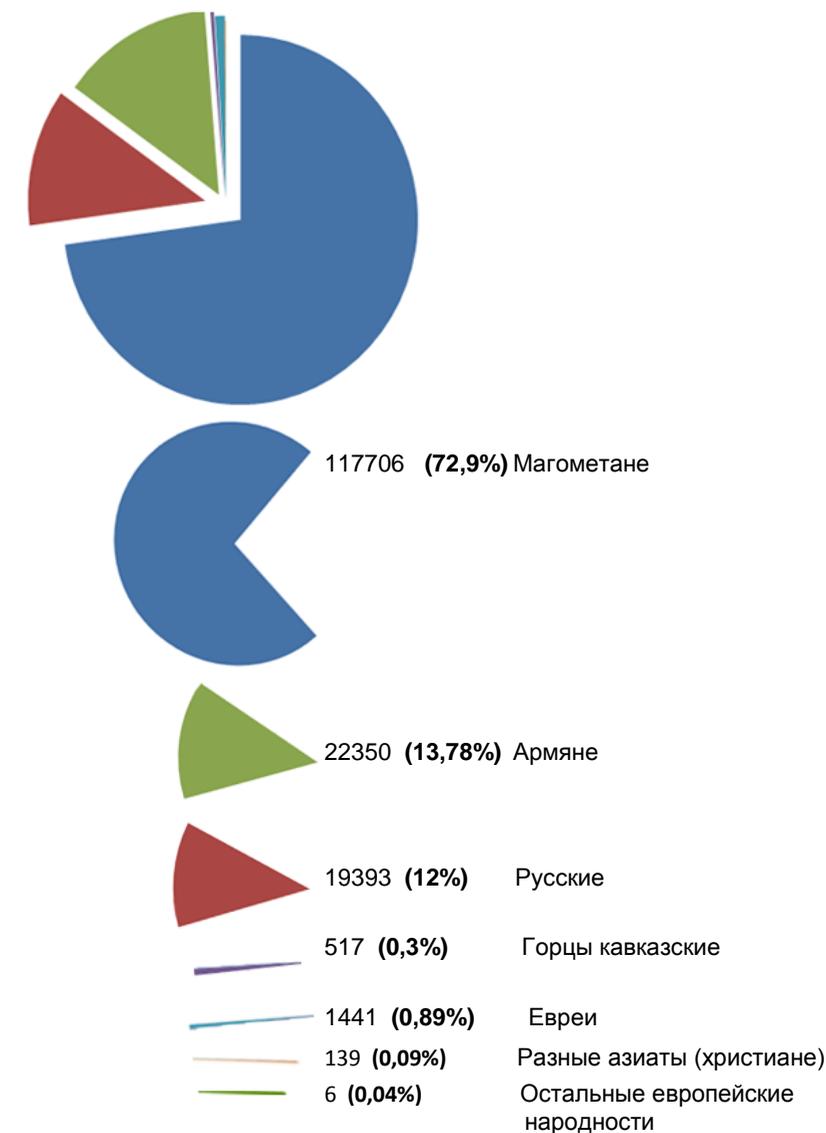
ИТОГО: 161.552 чел.

1. Мусульмане (шииты и сунниты)*	-	117 706	человек
из них: в гор. Шемахе –		21 127	
в сел. Шемахинского уезда –		96 579	
2. Армяне	-	22 350	
из них: в гор. Шемахе –		4 534	
в сел. Шемахинского уезда –		17 816	
3. Русские	-	19 393	
из них: в гор. Шемахе –		1 737	
в сел. Шемахинского уезда –		17 656	
4. Евреи	-	1 441	
из них: в гор. Шемахе –		136	
в сел. Шемахинского уезда –		1 305	
5. Горцы Кавказские**	-	517	
(мусульмане)			
из них: в гор. Шемахе –		214	
в сел. Шемахинского уезда –		303	
6. Разные азиаты (христиане)	-	139	
из них: в гор. Шемахе –		0	
в сел. Шемахинского уезда –		139	
7. Остальные европейские народности	-	6	
из них: в гор. Шемахе –		4	
в сел. Шемахинского уезда –		2	

Национально-религиозный состав города Шемахи с населением 27752 человек

Национально-религиозный состав Шемахинского уезда с населением 161552 человек

Источник: Кавказский Календарь на 1917г.
Тифлис, 1916, стр. 180-181

Азад бек Годжаманбеков, полковник царской армии, известный общественный деятель, комиссар Шемахинского уезда в 1918 г. Принимал активное участие для предотвращения Шемахинских событий. Давал показание ЧСК (док. № 1)

Тарлан бек Алиярбеков, восначальник. Начальник милиции Шемахинского уезда, накануне мартовских событий 1918 г., принимал активное участие в защите города. Давал показание ЧСК (док. №№ 4,5)

Исмаил Хан Зиятханов, Азербайджанский и Российский государственный и политический деятель, депутат I Государственной Думы Российской империи, возглавлял вооруженный отряд, прибывший на защиту мусульманского населения Шемахи в начале апреля 1918 г.

Мамед-Таги Алиев (Ализаде) – государственный деятель, просветитель-демократ, публицист, депутат I Государственной Думы Российской империи. Был зверски убит армянскими вооруженными бандами в дни мартовский событий 1918 г. в Шемахе.

Общий вид мусульманской части города (панорама).

Общий вид отделения “Пиран-Ширван” с запада на восток.

Общий вид мусульманской части города (панорама).

Кости во дворе дома Султанова на Шихминасской улице.

Общий вид “Джума - Мечети” - фасад с Гаджи-Ших-Габибом Ахундом.

Внутренний вид “Джума - Мечети”.

Вид “Джума-Мечети” с востока.

Развалины пред “Джума - Мечетью”.

Общий вид “Джума - Мечети” с запада.

Внутренний вид “Джума - Мечети”.

Мечеть в отделении “Ардабил”
- вид из ворот.

Внутренний вид мечети “Гаджи Касум” с Ахундом Гаджи Ших Габибом.

“Имамлинская” мечеть с гробницей пророка Имама и могилой Ага Мир-Мехти Ахунда.

Юхарикалинская мечеть с могилой Гаджи Сеид-Али-Аги Ахунда южной стороны.

Православная церковь в городе Шемахе.

Армяно-григориянская церковь в городе Шемахе.

Вид с Большого Базара на Гюрджибазарную улицу.

Развалины лавок на Большой Базарной улице.

Развалины лавок на Большой Базарной улице.

Развалины лавок на Верхней площади в отделении "Шихминас".

Вид Пиран-Ширванской улицы.

Вид Пиран-Ширванской улицы с домами Гасановых и Шихиева.

Вид развалин на Имамлинской улице с домом Кербалай Мамед-Алия Алиева.

Развалины на углу Шихминасской и Большой Базарной улиц.

Шихминасская улица с домами Исмаиловых и Зейналовых.

Вид Садовой улицы с домом Гаджи Сафтара Гаджи Рагим оглы.

Вид Гюрдзибазарной улицы с севера на юг, с домом Гидаятя и Муфтия.

Вид развалин лавок на углу Имамлинской и Гюрдзибазарной улиц.

Развалины дома Гаджи Дадаша Али-Мирзоева на Купеческой улице.

Развалины дома Гаджи Гасана на Купеческой улице.

Развалины дома Абдулла Дамир оглы на Купеческой улице.

Вид развалин дома на углу Кошабулагской и Гюрджибазарной улиц с прилегающими развалинами.

Вид Кошабулагской улицы с домами Муфтия и Вейсова.

Разрушенный дом Шиитского Казия Ахунд Молла Абас-Кулия Абдул-Гусейнзаде.

Развалины дома Азад бека Коджаманбекова на Шихминасской улице.

Развалины дома Джафар-Кулия Ахунда в отделении “Шихминас”.

Развалины дома Ашрафа Гаджи Салим оглы на Юхарикалинской улице.

Вид развалин дома Искендеровых в отделении "Имамлы".

Развалины дома Казанфара Гаджи Зейналова в отделении “Имамлы”.

Развалины дома бр. Джавад бека и Рустам бека Мамедовых.

Развалины дома бр. Джавад бека и Рустам бека Мамедовых.

Вид развалин дома Джамо бека на Имамлинской улице.

Развалина дома Саламовых на Имамлинской улице.

Развалины дома Ибрагима Эфендия в отделении “Кёвсарлы”.

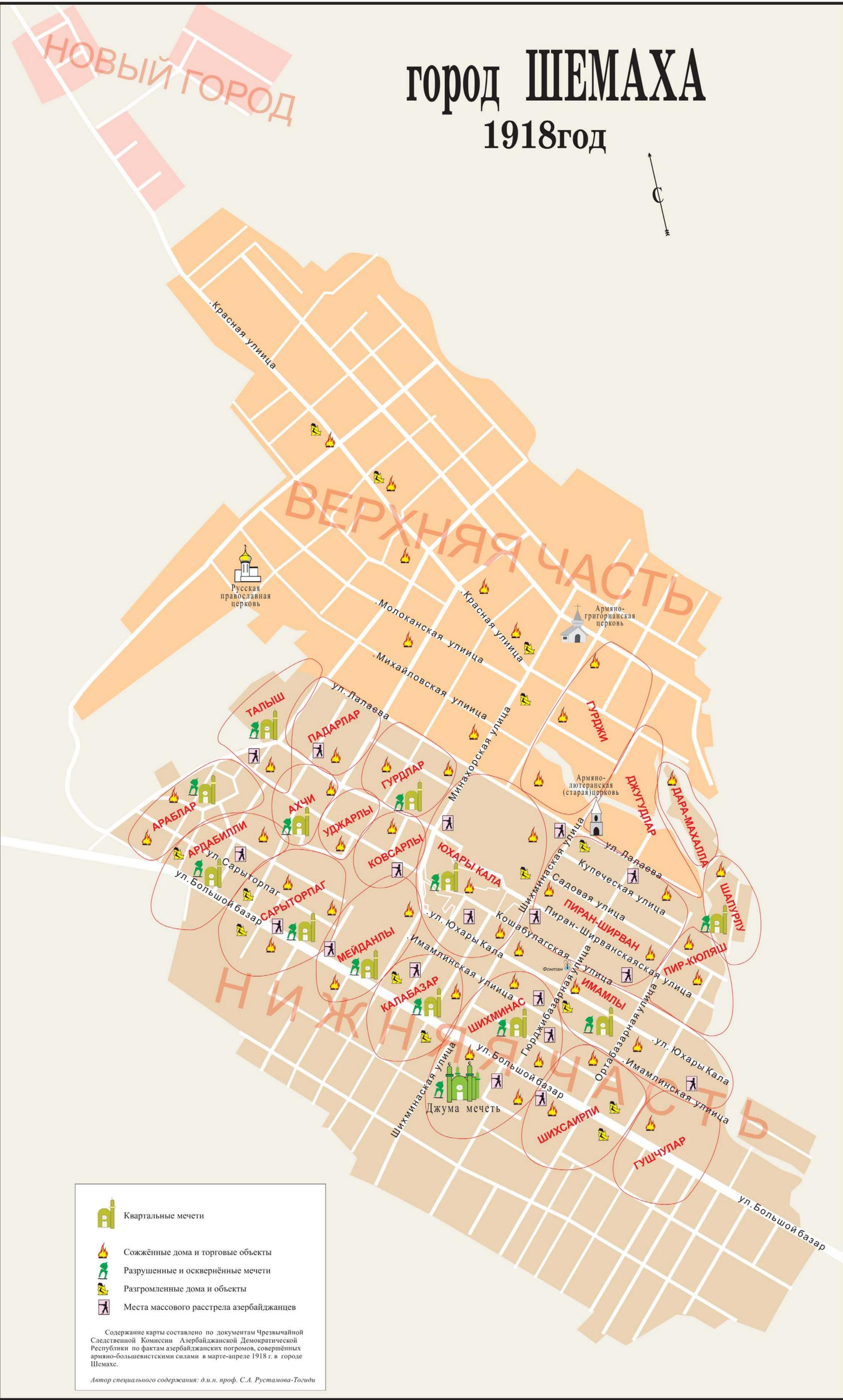
Развалины дома Мамед-Тагия Алиева в отделении “Имамлы”.

Образцы документов Чрезвычайной Следственной Комиссии.

город ШЕМАХА

1918год

- Квартальные мечети
- Сожжённые дома и торговые объекты
- Разрушенные и осквернённые мечети
- Разгромленные дома и объекты
- Места массового расстрела азербайджанцев

Содержание карты составлено по документам Чрезвычайной Следственной Комиссии Азербайджанской Демократической Республики по фактам азербайджанских погромов, совершённых армяно-большевистскими силами в марте-апреле 1918 г. в городе Шемахе.

Автор специального содержания: д.и.н. проф. С.А. Рустамова-Тогиди

Солмаз Рустамова-Тогиди
ШЕМАХА. Март-Июль 1918 г.
Азербайджанские погромы в документах.
Том I. Город Шемаха.
Баку- 2013

Solmaz Rüstəmovə-Tohidi
ŞAMAXI. Mart-İyul 1918-ci il.
Azərbaycan qətliaları sənədlərdə.
I cild. Şamaxı şəhəri.
Bakı-2013

Solmaz Rustamova-Tohidi
SHAMAKHI. March-July, 1918
Azerbaijani massacres in documents.
I volume. Shamakhy city.
Baku-2013

Графика и дизайн:

Мубариз МАМЕДРЗАЕВ

Сдано в набор 20.09.12. Подписано к печати 10.06.13.
Формат 70X100 ¹/₁₆. Физ. печ. лист 55. Усл. печ. лист 55.
Тираж 1000.

Подготовлено к изданию в
Полиграфическо – Издательском Центре
Главного Управления Материально – Техническо Обеспечения
Министерства Национальной Безопасности
Азербайджанской Республики
и отпечатано в типографии «Qismet».